This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

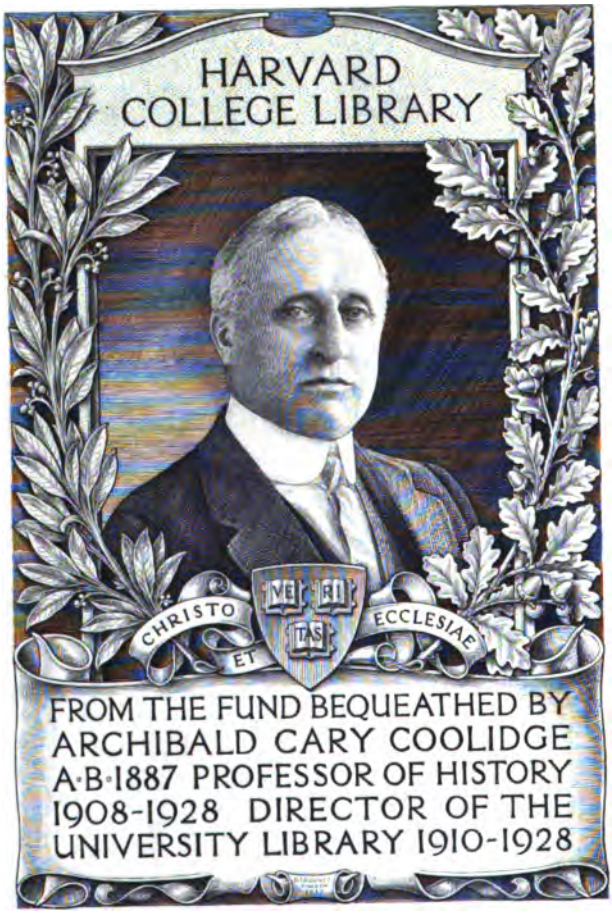
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

P Slav 605.10


HARVARD
COLLEGE LIBRARY
CHRISTO
ET
ECCLESIAE
FROM THE FUND BEQUEATHED BY
ARCHIBALD CARY COOLIDGE
A·B·1887 PROFESSOR OF HISTORY
1908-1928 DIRECTOR OF THE
UNIVERSITY LIBRARY 1910-1928

РУССКАЯ

МЫСЛЬ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

ДЕКАБРЬ.

МОСКВА.
Типо-литогр. Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°, Шимен. ул., собств. домъ.
1900.

(USSR

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стр.
I.	ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ. (Разсказъ).—**И. А. Салова.** *Окончаніе.*	1
II.	ЗЛАЯ НЕМОЧЬ. Разсказъ.—**Н. Анненковой-Бернардъ**	24
III.	ЛЕДЪ РАСТАЯЛЪ. **Франца Фердинанда Гейтмюллера.** (Переводъ съ нѣм.).—**Н. К.**	50
IV.	ДРУГЪ ДЛЯ ДРУГА. Повѣсть.—**И. Н. Потапенка.** *Окончаніе.*	71
V.	ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ, ПЕРВАЯ ЛОЖЬ. **Альфонса Додэ.**—Перев. съ франц. **Макса Ли.** *Окончаніе*	123
VI.	БУДНИЧНЫЙ ДЕНЬ. Новелла **Антонія Потоцкаго** (Грота).—Перев. съ польск. **В. М. Л.**	151
VII.	ВСЕМІРНЫЙ ЯЗЫКЪ И НАРОДНЫЕ ЯЗЫКИ.—**В. В. Лесевича.** *Окончаніе.*	1
VIII.	ГЛАВНѢЙШІЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ ДАРВИНИЗМА ВЪ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПѢ. **Августъ Вейсманнъ—М. А. Мензбира** . . .	39
IX.	КЪ ВОПРОСУ О НАШИХЪ УНИВЕРСИТЕТАХЪ. — **Стараго профессора**	58
X.	ОЧЕРКИ САНИТАРНОЙ СТАТИСТИКИ.—**П. И. Куркина.** *Окончаніе.*	78
XI.	СЕНЪ-СИМОНЪ И НАЧАТКИ ФРАНЦУЗСКАГО ПОЗИТИВИЗМА.—**И. И. Иванова.** *Окончаніе*	107
XII.	О НАШЕМЪ ФАБРИЧНОМЪ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВѢ.—(*В. П. Литвиновъ-Фалінскій:* «Фабричное законодательство и фабричная инспекція въ Россіи». Спб., 1900 г.).—**И. О.** . .	137
XIII.	ФРИДРИХЪ НИЦШЕ. Аристократическій радикализмъ. Статья **Георга Брандеса.** Перев. съ датск.—**В. С—ой.**	143
XIV.	ПИСЬМА О ЗАПАДѢ. (Письмо первое).—**П. С. Когана** . . .	162
XV.	ГЕНРИКЪ СЕНКЕВИЧЪ. (Съ итальянскаго).—**Е. К.**	169
XVI.	ЗЕМСКІЙ ПОДВИЖНОЙ ШКОЛЬНЫЙ МУЗЕЙ. (Опытъ устройства и условія дѣятельности).—**О. К—ской.**	184
XVII.	ВОЗРАЖЕНІЕ. (Г. И. П. «По поводу статей г. Хитрово о русскомъ военно-уголовномъ процессѣ и возможной его реорганизаціи»)—**Н. П. Хитрово**	195
XVIII.	ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ. По поводу книги д-ра П. И. Якобія *Основы административной психіатріи.* — **Д-ра Вл. Яковенка**	207
XIX.	СО СТОРОНЫ. (Письма изъ деревни).—**Веталиса**	225
XX.	ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. По поводу исполненія государственной росписи за 1899 г.—Чѣмъ объясняются избытки дѣйствительныхъ поступленій надъ смѣтными?—Какое значеніе имѣетъ существующій способъ исчисленія доходовъ для удовлетворенія многихъ коренныхъ потребностей нашего населенія (образованія, поднятія земледѣлія)?—Важность народнаго образованія для поднятія производительныхъ силъ населенія.—Характеристика внутренняго рынка по «Обзору внѣшней торговли Россіи за 1898 г.».—Вздорожаніе каменнаго угля и казенныя желѣзныя дороги.—Отчетъ Государ-	

Объявленія.

Открыта подписка на 1901 годъ

(ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ ГОДЪ)

НА ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

„Русская Мысль".

Условія подписки:

	Годъ.	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россіи	12 р.	9 р. — к.	6 р.	3 р. — к.	1 р. — к.
За границу	14 „	10 „ 50 „	7 „	3 „ 50 „	1 „ 25 „

Допускается разсрочка: при подпискѣ, 1 апрѣля, 1 іюля, 1 октября по 3 рубля—при непосредственномъ обращеніи въ контору или ея отдѣленія.

Цѣна отдѣльнаго номера съ пересылкой 1 руб. 30 коп. Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 коп. съ годовой цѣны журнала.

Подписка въ разсрочку отъ книгопродавцевъ не принимается.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Москвѣ: въ конторѣ журнала—Большая Никитская, Шереметевскій пер., д. Шереметева 2/3, кв. № 30.

Въ Петербургѣ: въ отдѣленіи конторы журнала — при книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Литейный, д. 46.

Въ Кіевѣ: въ книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ.

Въ Варшавѣ: въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова.

Въ Вильнѣ: въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова.

Книжный магазинъ журнала „Русская Мысль" принимаетъ подписку на всѣ журналы и газеты.

Редакторъ-Издатель В. М. ЛАВРОВЪ.

Типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и Ко въ Москвѣ.

Русская Мысль.

Открыта подписка на 1901 годъ

НА ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ САМООБРАЗОВАНІЯ

XXI г. изд.

МІРЪ БОЖІЙ.

XXI г. изд.

Выходитъ 1-го числа каждаго мѣсяца въ размѣрѣ не менѣе 28-ми печатн. листовъ.

Въ 1901 году журналъ будетъ издаваться по той же программѣ, причемъ для напечатанія предполагается, между прочимъ, слѣдующее:

Беллетристика. „Сирота", повѣсть М. Альбова; „Инженеры", ром. Н. Гарина; „Современная помѣщица Коробочка и ея хозяйство", дерев. очерки Лид. Нелидовой; „Заморскій чортъ", разск. изъ китайской жизни А. В. Потанинои и Вацлава Сѣрошевскаго; „Изъ гимназической жизни" (очерки недавняго прошлаго) А. Яблоновскаго „Записки студента Павлова", разск. С. Юшкевича; „Незамѣтныя жизни", романъ съ англ. Самуэля Гордона; „Фостэ Форландъ", ром. съ дат. Іонаса Ли.

Научныя статьи и сочиненія. „Атомъ и кристаллъ", В. Агафонова; „Историческій очеркъ геологическихъ знаній", проф. А. Павлова; „Очерки исторической мысли въ XIX в.", проф. Р. Виппера; „Возрожденіе и гуманизмъ", А. Дмитревскаго; „Очерки по исторіи русской культуры" (продолженіе, ч. III), П. Милюкова; „Адольфъ Тьеръ", Ев. Тарле; „Польскіе молодые беллетристы", Ев. Дегена; „На рубежѣ столѣтій", В. Острогорскаго; „Искусство на всемірной выставкѣ въ Парижѣ", Вл. Стасова; „Актеры, публика и театръ у Островскаго", А. Фомина; „Кантъ и его значеніе для современной философіи", проф. Г. Челпанова; „Очерки первобытной философіи", Л. Кржвицкаго; „Портреты изъ общественной жизни Англіи", Л. Давыдовой; „Историческій матеріализмъ", П. Струве; „Очерки изъ исторіи политической экономіи", М. Туганъ-Барановскаго; „Наканунѣ реформы" (по поводу реформы средней школы), Н. П.; „Англія и Индія", Т. Богдановичъ.

Переводныя сочиненія. „Исторія хозяйственнаго быта Европы въ связи съ соціальными ученіями до 1789 г.", Георга Адлера; „Въ страну ламъ" (Китай и Тибетъ), путешествіе Вил. Рокхилла.

Постоянные отдѣлы: Критическія замѣтки. На родинѣ. Изъ русскихъ журналовъ. За границей. Изъ иностранныхъ журналовъ. Научная хроника. Библіографія. Новости иностранной литературы.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи на годъ 8 р. Безъ доставки на годъ 7 р. За границу на годъ 10 р.

Вмѣсто разсрочки допускается подписка:

По полугодіямъ: Съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи на полгода 4 руб. За границу 5 руб. Безъ доставки—по соглашенію съ конторой.

По третямъ года: Съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи: въ январѣ 3 р., въ апрѣлѣ 3 р., въ августѣ 2 р.

Адресъ: С.-Петербургъ, Литовка, 25.

Книжные магазины при годовой подпискѣ пользуются обычной уступкой 5% съ подписной цѣны. Подписка по полугодіямъ и по третямъ года черезъ магазины не принимается. Уступки съ подписной цѣны никому не дѣлаются.

Издательница А. Давыдова. Редакторъ В. П. Острогорскій.

„Энциклопедическій словарь“

Брокгауза и Ефрона

(начатый проф. **И. Е. Андреевскимъ**)

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

К. К. АРСЕНЬЕВА и заслуженнаго проф. Ѳ. Ѳ. ПЕТРУШЕВСКАГО

при участіи редакторовъ отдѣловъ:

С. А. Венгерова	отдѣлъ	исторіи литературы.
Проф. А. И. Воейкова	„	географіи.
Проф. И. И. Карѣева	„	исторіи.
Академика А. О. Ковалевскаго . . } Проф. В. Т. Шевякова . . . . }	„	біологическихъ наукъ.
Проф. Д. И. Менделѣева	„	химико-техническій и фабрично-заводскій.
Проф. А. В. Совѣтова	„	сельско-хозяйственный.
Владиміра Соловьева	„	философіи.
Проф. Н. Ѳ. Соловьева	„	музыки.
А. И. Сомова	„	изящныхъ искусствъ.
Академика М. И. Янжула	„	политической экономіи и финансовъ.

Словарь выходитъ полутомами каждые два мѣсяца.

Вышелъ 60-й полутомъ (Симъ—Слюзка).

Цѣна каждаго полутома 3 р. въ переплетѣ.

Книги высылаются почтою, при чемъ за пересылку взимается 40 к. съ книги.

Всѣ вышедшія уже книги высылаются по ж. дор., съ уплатою за провозъ по желѣзнодорожному тарифу (требуется указаніе станціи).

ДОПУСКАЕТСЯ ПОДПИСКА ВЪ РАЗСРОЧКУ:

1) При подпискѣ вносится задатокъ отъ 10 р. и выдаются имѣющіеся налицо полутомы. Долгъ выплачивается ежемѣсячными взносами отъ 6 р., независимо отъ пріобрѣтенія остальныхъ полутомовъ по 3 р. за книгу.

2) Лица, желающія подписаться въ разсрочку, благоволятъ указать на служебный, общественный или имущественный цензъ, при чемъ контора редакціи оставляетъ за собою право не принять подписку, если найдетъ гарантію уплаты недостаточною.

Принимается подписка на „Малый энциклопедическій словарь“ Брокгауза и Ефрона. Вышли 6 вып. Цѣна каждаго 1 р. 50 к. безъ пересылки.

Подписка принимается въ московскомъ отдѣленіи конторы редакціи «Энциклопедическаго Словаря»: при книжномъ магазинѣ журнала «Русская Мысль» (Москва, Б. Никитская, д. Вельтищевой).

Вышли НОВЫЯ ИЗДАНІЯ

редакціи журнала „Русская Мысль“:

КРЕСТОНОСЦЫ.

Историч. ром. **Генрика Сенкевича.** Перев. В. М. Лаврова.
Цѣна 1 р. 50 к.

И. А. Данилинъ.

ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ.

Шутка.—Въ мастерской.—Передъ праздникомъ.—Зуда.—Мечтатели.—Выборы.—Искра любви.—Изъ записокъ чернорабочаго. **Ц. 1 р.**

Н. Анненкова-Бернардъ (Н. П. Дружинина).

РАЗСКАЗЫ и ОЧЕРКИ.

Петля.—Юбилей актрисы.—Кара.—Незабвенная.—Она.—Сны.—Горемычная.—Крестныя.—Не хотѣлъ. **Ц. 1 р. 50 к.**

НОВАЯ БИБЛІОТЕКА

изданія редакціи журнала „РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Японія и японцы. Страна. Бытъ японцевъ, религія и литература. Исторія Японіи, государственное устройство и экономическое положеніе. *Съ картой. 178 стр.* Ц. 35 к.

Разсказы Людвига Анценгрубера. (Изъ жизни нѣмецкихъ крестьянъ). Лиза-гусятница. Трефовый тузъ. Исторія о дурныхъ пословицахъ. Сонъ мооргофца. Благочестивая Катерина. 112 стр. Ц. 20 к.

Русскіе инородцы. *А. Максимова.* 112 стр. Ц. 20 к.

Бесѣды по школьной гигіенѣ. *Д-ра Ф. Л. Касторскаго.* Съ рис. и таблицей діаграммъ въ краскахъ. Ц. 15 к.

Рабство въ древнемъ Римѣ. 44 стр. Ц. 10 к.

Трудовая помощь въ скандинавскихъ государствахъ. (По книгѣ *П. Ганзена*). 92 стр. Ц. 20 к.

Исполинъ нѣмецкой промышленности. (Заводъ *Крупна*). Съ 4 таблиц. рисунковъ и плановъ. 70 стр. Ц. 15 к.

Бытовые очерки.—Въ мастерской, *И. А. Данилина.*—Преступники, *П. Б. Хотымскаго.* 216 стр. Ц. 40 к.

Петръ Розеггеръ. **Разсказы.** (Изъ жизни штирійскихъ крестьянъ). Буква демонъ. Табачокъ стараго Андрея. Пріятели. Хозяинъ и работникъ. Перышко. Смерть Зильзама. Троицкій поклонникъ. 95 стр. Ц. 15 к.

Китай и китайцы. Бытъ китайцевъ, государственное устройство. экономическое и военное положеніе. Русскія владѣнія въ Китаѣ. *Съ картой.* 135 стр. Ц. 25 к.

Д. Н. Маминъ-Сибирякъ. **Башка.** (Изъ разсказовъ о погибшихъ дѣтяхъ). 56 стр. Ц. 10 к.

А. И. Эртель. **Офицерша.**—Подъ шумъ вьюги. 77 стр. Ц. 15 к

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

КНИГА XII

МОСКВА.
1900.

P Slav 605.10

HARVARD COLLEGE LIBRARY
FROM THE
ARCHIBALD CARY COOLIDGE FUND
MAR 26 1934

МОСКВА.
Типо-литогр. Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°, Пимен. ул., собств. домъ.
1900.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стр.
I.	ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ. Разсказъ.— **И. А. Салова.** *Окончаніе.*	1
II.	ЗЛАЯ НЕМОЧЬ. Разсказъ.—**Н. Анненковой-Бернардъ.** . . .	24
III.	ЛЕДЪ РАСТАЯЛЪ. **Франца Фердинанда Гейтмюллера.** Переводъ съ нѣмецк. **Н. К.**	50
IV.	ДРУГЪ ДЛЯ ДРУГА. Повѣсть. **И. Н. Потапенка.** *Окончаніе.*	71
V.	ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ, ПЕРВАЯ ЛОЖЬ. **Альфонса Додэ.**— Перев. съ франц. **Макса Ли.** *Окончаніе*	123
VI.	БУДНИЧНЫЙ ДЕНЬ. Новелла **Антонія Потоцкаго (Грота).**— Перев. съ польск. **В. М. Л.**	151
VII.	ВСЕМІРНЫЙ ЯЗЫКЪ И НАРОДНЫЕ ЯЗЫКИ.—**В. В. Лесевича.** *Окончаніе*	1
VIII.	ГЛАВНѢЙШІЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ ДАРВИНИЗМА ВЪ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПѢ. **Августъ Вейсманнъ.**—**М. А. Мензбира** . . .	39
IX.	КЪ ВОПРОСУ О НАШИХЪ УНИВЕРСИТЕТАХЪ.—**Стараго профессора**	58
X.	ОЧЕРКИ САНИТАРНОЙ СТАТИСТИКИ.—**П. И. Куркина.** *Окончаніе*	78
XI.	СЕНЪ-СИМОНЪ И НАЧАТКИ ФРАНЦУЗСКАГО ПОЗИТИВИЗМА.—**Ив. И. Иванова.** *Окончаніе*	106
XII.	О НАШЕМЪ ФАБРИЧНОМЪ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВѢ. (*В. П. Литвиновъ-Фалинскій:* «Фабричное законодательство и фабричная инспекція въ Россіи». Спб., 1900 г.).—**И. О.** . .	137
XIII.	ФРИДРИХЪ НИЦШЕ. Аристократическій радикализмъ. Статья **Георга Брандеса.** Перев. съ датск.—**В. С—ой.** *Окончаніе* .	143
XIV.	ПИСЬМА О ЗАПАДѢ. (Письмо первое).—**П. С. Когана.** . .	162
XV.	ГЕНРИКЪ СЕНКЕВИЧЪ. (Съ итальянскаго).—**Е. К.**	169
XVI.	ЗЕМСКІЙ ПОДВИЖНОЙ ШКОЛЬНЫЙ МУЗЕЙ. (Опытъ устройства и условія дѣятельности).—**О. К—ской.**	184
XVII.	ВОЗРАЖЕНІЕ. (Г. И. П. «По поводу статей г. Хитрово о русскомъ военно-уголовномъ процессѣ и возможной его реорганизаціи»).—**П. Н. Хитрово**	195
XVIII.	ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ. По поводу книги д-ра П. И. Якобія *Основы административной психіатріи.* — **Д-ра Вл. Яковенка.**	207
XIX.	СО СТОРОНЫ. (Письма изъ деревни).—**Веталиса.**	225
XX.	ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. По поводу исполненія государственной росписи за 1899 г.—Чѣмъ объясняются избытки дѣйствительныхъ поступленій надъ смѣтными?—Какое значеніе имѣетъ существующій способъ исчисленія доходовъ для	

Стр.

удовлетворенія многихъ коренныхъ потребностей нашего населенія (образованія, поднятія земледѣлія)?—Важность народнаго образованія для поднятія производительныхъ силъ населенія.—Характеристика внутренняго рынка по «Обзору внѣшней торговли Россіи за 1898 г.».—Вздорожаніе каменнаго угля и казенныя желѣзныя дороги.—Отчетъ Государственнаго банка за 1899 г.—Кому помогалъ банкъ во время денежнаго кризиса прошлаго года?—Нѣсколько замѣчаній по поводу смѣты московской городской управы.—Реформа уѣздной полиціи.—О духовно-учебныхъ заведеніяхъ.—Предсѣдательскіе инциденты.—Енисейскіе гонители гласности.—Дѣло священника Постнова.—Столкновеніе вологодскаго купечества съ губернаторомъ.—Нижегородскіе ревнители «благонадежности».—Реальная фантасмагорія.—† А. К. Шеллеръ-Михайловъ.—Юбилеи О. К. Нотовича и Генрика Сенкевича . 231

XXI. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—В. А. Г. 263

XXII. ПИСЬМА О СОВРЕМЕННОМЪ ИСКУССТВѢ. Столѣтіе со дня рожденія П. С. Мочалова.—Юбилейный спектакль въ Маломъ театрѣ (*Горе отъ ума*).—Бенефисъ г. Правдина (*Отжитое время*, др. А. В. Сухово-Кобылина).—Прощальный бенефисъ г-жи Умановой-Райской (*Таланты и поклонники*, А. Н. Островскаго).—Бенефисъ г-жи Лешковской (*Выгодное предпріятіе*, ком. А. Потѣхина).—Художественно-Общедоступный театръ (*Когда мы, мертвые, пробуждаемся*, др. Г. Ибсена).—Я. А. Ф—ина.—Художественныя выставки въ 1900 г. и «новыя» направленія въ живописи.—Памяти пейзажистовъ Айвазовскаго и Левитана.—Изданія по искусству.—Художественные журналы *Міръ искусства* и *Искусство* и *Художественная Промышленность*.—А. И. Яцимирскаго 268

XXIII. ГОРЕ ГЕРОЯМЪ! (Письмо въ редакцію).—Ив. Иванова. . . 294

XXIV. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ. I. Книги. Беллетристика.—Философія, психологія, педагогика.—Критика и публицистика.—Исторія.—Географія, путешествія.—Медицина.—Книги для дѣтей.—Справочныя книги.—II. Періодическія изданія: «Міръ Божій», *ноябрь*.—«Русское Богатство», *октябрь*..—«Вѣстникъ Европы», *ноябрь*.—III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 ноября по 1 декабря 1900 г. IV. Указатель книгъ, разобранныхъ въ «Библіографическомъ отдѣлѣ» журнала «Русская Мысль» за 1900 г. 461

XXV. ОБЪЯВЛЕНІЯ. . . . . .

Въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* напечатано:

Во время перенесенной Государемъ Императоромъ болѣзни безпрерывно поступали какъ непосредственно на Высочайшее Ихъ Императорскихъ Величествъ Имя, такъ и черезъ Министровъ Императорскаго Двора и Внутреннихъ Дѣлъ отъ различныхъ сословій, учрежденій и обществъ Имперіи, а также и отъ отдѣльныхъ лицъ многочисленныя заявленія вѣрноподданнической любви и преданности. Независимо сего, населеніемъ всѣхъ вѣроисповѣданій повсемѣстно были возносимы всенародныя молитвы о скорѣйшемъ выздоровленіи Его Императорскаго Величества.

По доведеніи о семъ до свѣдѣнія Его Императорскаго Величества, Государь Императоръ Всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ объявить всѣмъ сословіямъ, учрежденіямъ и обществамъ Имперіи сердечную благодарность за выраженныя чувства.

Ливадія, 30-го ноября 1900 года.

Министръ Императорскаго Двора,
генералъ-адъютантъ *баронъ Фредериксъ*

ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ *).

(Разсказъ).

VII.

Очутившись въ просторной кухнѣ, Лопатины словно ожили и тотчасъ же почувствовали себя, какъ дома. Сашокъ снялъ съ себя пиджакъ и безъ церемоніи усѣлся за чайный столъ, важно развалился, вытянулъ ноги и даже началъ насвистывать какую-то веселую пѣсенку. Всѣ принялись за чай, за печенье, за масло, не дотронулись только до сыра, попробовавъ который, Куля принялась плевать. Полчаса спустя, самоваръ былъ уже покончень, булочки и печенье съѣдены; всѣ встали изъ-за стола и помолились на иконы. Сашокъ пошелъ посмотрѣть на лошадей, попоить ихъ; Куля начала перемывать чайную посуду, а старуха-мать, увидавъ иконы, покрытыя паутиною и пылью, принялась набожно перетирать ихъ чистымъ чайнымъ полотенцемъ,—словомъ, всѣ такъ же, какъ дома, принялись за дѣло.

Между тѣмъ въ это самое время въ сѣняхъ опять послышался рѣзкій голосъ князя и чьи-то шаги. Куля быстро подбѣжала къ двери, пріотворила ее и принялась зорко смотрѣть въ образовавшуюся щель на происходившее въ сѣняхъ. Вдругъ раздался хохотъ Кули, поспѣшно затворившей дверь и выбѣжавшей на средину кухни.

— Уѣхалъ, мамаша, уѣхалъ князь-атъ,—проговорила она.— Н , и чудакъ же,—добавила она, продолжая хохотать и разводя р ками.—Вотъ такъ расфрантился!

И Куля принялась, какъ умѣла, описывать матери шотландскій к тюмъ князя, а пуще всего его обувь и коротенькіе штанишки, н прикрывавшіе ни колѣнъ, ни икръ.

*) *Русская Мысль*, кн. XI, 1900 г.

— Зато у насъ,—заговорила старуха,—никакихъ князьевъ не бываетъ: ни въ штанахъ, ни безъ штановъ, а къ Алешѣ пріѣхали. Вотъ какъ!... Съ князьями знакомство водитъ!—прибавила она горделиво.

Вошелъ Алексѣй Ивановичъ.

— Надъ чѣмъ это вы смѣетесь, мамаша?—спросилъ онъ, тоже весело улыбаясь.

Куля разсказала ему, въ чемъ дѣло, а Алексѣй Ивановичъ пояснилъ, что князь на-дняхъ только вернулся изъ-за границы и что на немъ шотландскій костюмъ, при чемъ добавилъ, что князь чистокровный Рюриковичъ. Затѣмъ онъ сталъ звать всѣхъ въ чистую половину, но старуха упросила Алешу оставить ихъ въ кухнѣ, объяснивъ, что къ чистымъ комнатамъ она не привыкла и что здѣсь всѣмъ имъ много вольготнѣй. Она попросила даже, если можно, здѣсь пообѣдать и переночевать. Алексѣй Ивановичъ расхохотался даже, подивился ихъ вкусу; но въ душѣ былъ радъ, такъ какъ вечеромъ ожидалъ къ себѣ своихъ товарищей-сослуживцевъ.

Воротился Сашокъ, успѣвшій напоить лошадей. Проходя мимо алмазовской церкви, онъ замѣтилъ, что крыша на церкви такъ давно не крашена, что начала уже ржавѣть, а замѣтивъ это, порѣшилъ, что послѣ обѣда побываетъ у мѣстнаго священника съ цѣлью предложить ему свои услуги выкрасить церковную крышу.

Послѣ обѣда, очень сытнаго и вкуснаго, отъ котораго старуха была въ восторгѣ и за который расцѣловала Алешу, похваливъ его стряпуху, Куля пошла съ братомъ къ мѣстному священнику, а старуха, усадивъ рядомъ съ собой Алешу, закурившаго папиросу, завела съ нимъ разговоръ насчетъ своей поясницы, не дававшей ей покоя. Алексѣй Ивановичъ поспѣшилъ, конечно, успокоить старуху-мать; объявилъ ей, что въ извѣстные годы боль эта весьма обыкновенная, что ничего опаснаго въ ней нѣтъ, посовѣтовалъ ей сходить въ баню, натереть поясницу тертой рѣдькой съ солью, а для вящшаго успокоенія старухи далъ ей какую-то мазь. Старуха была въ восхищеніи и, покончивъ бесѣду о спинѣ и поясницѣ, завела рѣчь о Кулѣ и Семенѣ Даниловичѣ, имѣя въ виду послѣ этого поговорить съ сыномъ и о другихъ семейныхъ нуждахъ.

«Теперь,—соображала старуха, любовно поглаживая по головѣ сына,—онъ у меня человѣкъ ученый, умный, вышелъ въ люди, съ князьями знакомство водитъ, стало быть, и намъ пособитъ».

— Такъ вотъ, Алешенька,—заговорила она, обнявъ сына,—хочу я съ тобой насчетъ Кули потолковать-посовѣтоваться. Сватаетъ ее Семенъ Даниловичъ, одолѣлъ насъ всѣхъ; допрежь съ

эфтимъ дѣломъ ко мнѣ все приставалъ, а теперь Сашку́ не даетъ покоя; все проситъ, значитъ, чтобы Кулю отдать за него.

— Знаю, знаю, мамаша,—перебилъ ее Алексѣй Ивановичъ, разсмѣявшись,—онъ даже пріѣзжалъ ко мнѣ сегодня подъ предлогомъ посовѣтоваться со мной насчетъ своей болѣзни, которой у него не оказалось, а потомъ началъ просить моего содѣйствія въ устроеніи его судьбы. Онъ только и говорилъ объ этомъ бракѣ. Сообщилъ мнѣ, что у него двѣсти десятинъ земли, собственная своя мельница, домъ, садъ, что имѣетъ небольшой капиталецъ, сохраняющійся въ мѣстномъ банкѣ, и что недавно далъ брату денегъ на покупку желѣза.

— Человѣкъ обстоятельный, что и толковать,—перебила его старуха,—трезвый, хозяйственный.—И, пристально посмотрѣвъ на сына, спросила:—Ну, какъ же ты посовѣтуешь, Алеша,—отдавать, что ли, Кулю-то за него, али нѣтъ?

— По-моему лучше всего съ самой Кулей поговорить объ этомъ,—замѣтилъ Алексѣй Ивановичъ.—Ежели она пожелаетъ выйти за него—Господь съ ней, не пожелаетъ—не надо. При чемъ же я-то здѣсь, мамаша? Я даже боюсь вмѣшаться въ это дѣло.

— Господь съ тобой, Алеша! Вѣдь ты, поди, не чужой человѣкъ,—братъ родной. Чего понимаетъ дѣвка? Она вонъ говоритъ, старъ, вишь. Былъ одинъ молодой-то: приданаго запросилъ, сто рублевъ подай ему, да салопъ лисій на атласѣ, два шелковыхъ платья, благословеніе Божіе въ золотой ризѣ. А этотъ безъ приданаго беретъ. Нѣтъ, ты посовѣтуй. Чего дѣвка-то смыслитъ, а ты человѣкъ ученый, больше нашего смыслишь.

— Вотъ именно поэтому-то, мамаша, я и боюсь вмѣшиваться въ сестрино дѣло, пусть сама его рѣшаетъ: не мнѣ жить съ Мещеряковымъ, а ей.

Старуха даже глаза вытаращила отъ удивленія и никакъ не могла сообразить, что родной братъ отказался дать совѣтъ родной сестрѣ

— Такъ-таки ничего и не посовѣтуешь?—спросила она.

— Ничего, мамаша,—отвѣтилъ Алексѣй Ивановичъ, закуривая другую папироску.—Дѣло въ томъ, будетъ ли съ нимъ счастлива за Куля, любитъ ли его.

— Какъ же счастливой-то не быть съ нимъ?! Какого же ей рожна еще? Знамо, будетъ счастлива,—продолжала старуха.—На собственныхъ лошадяхъ будетъ разъѣзжать, въ собственномъ тарантасѣ. У тебя тарантасъ хорошъ, а у Семена Данилыча не въ примѣръ щеголеватѣй. А ужъ лошади—одно слово! Въ храмъ Божій

пріѣдетъ—первой дамой будетъ. Свои коровки—масло продаютъ даже, птицу—то же самое. Досугъ ли тутъ несчастной быть!

— Ея дѣло, матушка, какъ она хочетъ.

Старуха помолчала, искоса посмотрѣла на сына и потомъ какимъ-то робкимъ, упавшимъ голосомъ проговорила:

— Потомъ вотъ еще что, Алеша. Сашокъ-то мой вѣдь совсѣмъ измучился работами. Теперь точно, слава Богу, ты въ люди вышелъ, а прежде, когда ты въ ученьи былъ, вѣдь онъ все тебѣ отсылалъ, послѣднюю копейку. Приходилось даже у людей деньги занимать. И сейчасъ еще долги есть. А тутъ на грѣхъ-ать пришлось домикъ перебирать. Для опасности желѣзо въ долгъ купилъ, плотникамъ заплатить надоть, печнику—за кладку печи. Нельзя же зимой безъ печи. А работы хорошей Сашку не слыхать что-то. У него и своя семья немаленькая—подросточки все. Ты, Алеша, хоть бы долги-то заплатилъ да помогъ бы намъ домикъ-то отстроить.

И, проговоривъ это, она опять посмотрѣла на сына, но на этотъ разъ не пытливыми глазами, а какимъ-то умоляющимъ взглядомъ. Но Алексѣй Ивановичъ этого взгляда не замѣтилъ, ибо въ это время ходилъ изъ угла въ уголъ кухни. Проходилъ онъ такимъ образомъ довольно долго, наконецъ, остановился, бросилъ въ печку окурокъ папиросы, вздохнулъ какъ-то и подсѣлъ къ матери.

— Сейчасъ, ей-Богу, ничего дать не могу, но современемъ, когда поправлюсь, оперюсь мало-мальски, конечно, я постараюсь помочь и брату, и сестрѣ. Только, пожалуйста, дайте мнѣ опериться. Вѣдь и цыплятъ, когда они не оперились еще, кашей кормятъ, такъ-то и я. Вы думаете—дешево обошелся мнѣ мой переѣздъ изъ Питера сюда? Вѣдь у меня ничего не было, пришлось обзаводиться: то купить, другое, третье, одѣться, обуться. Дайте срокъ,—продолжалъ онъ,—дайте опериться. Ей-Богу, послѣднія деньги отдалъ на памятникъ отцу, да на тарантасикъ. Я и самъ знаю, что образованіе мое недешево стоило, но дайте срокъ, можетъ, и я пригожусь. Положимъ,—продолжалъ онъ, пощипывая бородку,—жалованья получаю я тысячу двѣсти рублей, т.-е. сто рублей въ мѣсяцъ. На вашъ взглядъ, конечно, это очень большія деньги, но сами разсудите, маманя, вѣдь у меня и потребности-то большія. Я долженъ всегда быть чисто одѣтъ, имѣть приличную квартиру, поддерживать необходимыя мнѣ знакомства, бывать у другихъ и принимать у себя. Вы сейчасъ были свидѣтельницей пріѣзда ко мнѣ князя Сердобина. Онъ пріѣзжалъ приглашать меня завтра на обѣдъ я долженъ быть прилично одѣтымъ. Я долженъ, наконецъ, слѣдить за литературой медицины, выписывать для этого необходимыя книг.

и журналы, получать газеты, иначе вѣдь я не буду знать, что творится на свѣтѣ. Можетъ быть,—продолжалъ онъ, нѣжно поцѣловавъ руку матери,—все это покажется вамъ излишнимъ, но повѣрьте моему честному слову, что все это такъ же необходимо для меня, какъ для брата, напримѣръ, необходимы молотъ и клещи.

Затѣмъ онъ принялся объяснять матери, что, сдѣлавшись медикомъ, онъ прежде всего обязанъ служить обществу, быть, такъ сказать, общественнымъ дѣятелемъ и служить не личнымъ своимъ интересамъ, а общественнымъ. И, проговоривъ все это съ пыломъ молодого человѣка, снова принялся обнимать и цѣловать старуху-мать.

Старуха, конечно, многаго не поняла, а понятное истолковала по-своему и пришла къ такому заключенію, что Алеша теперь не семьѣ долженъ служить, а «обчеству», т.-е. мужикамъ.

— Да вѣдь не «обчество» за тебя деньги-то платило!—вскрикнула старуха,—а отецъ покойникъ да братъ...

— Знаю, мамаша, знаю.

— А долго «обчеству»-то прослужить надоть?

— Всю жизнь.

— А намъ когда помогать будешь? — спросила старуха, но, вдругъ что-то вспомнивъ, заговорила:—Что ужъ это больно долго «обчеству» служить?... Какъ же староста нашъ три года всего «обчеству» служитъ?

Алексѣй Ивановичъ принялся было разъяснять матери разницу между «обчествомъ» и обществомъ, но, убѣдившись, что всѣ старанія его напрасны, снова обнялъ старуху и принялся осыпать ее поцѣлуями. А старуха тѣмъ временемъ совѣтовала ему поставить «обчеству» ведра два-три водки и давала слово, что «обчество» безпремѣнно пожалѣетъ его. Привела даже въ примѣръ вырыпаевскаго старосту, который при помощи водки прослужилъ «обчеству» не три года, какъ бы слѣдовало, а всего одинъ годъ.

— И статочное ли это дѣло, — говорила старуха, — всю жисть!... Солдаты не «обчеству» служатъ, а самому царю-батюшкѣ и то ослобоняются, а ты на всю жисть... Ништо это возможно!... Ей-Богу, послушай меня, старуху: угости стариковъ... Такъ и такъ, молъ, старички почтенные, пожалѣйте: сестру, молъ, замужъ выдать надоть—на возрастѣ дѣвка... Братъ избенку заново покрываетъ—ему тоже пособить надоть... Пожалѣютъ, ей-Богу, пожалѣютъ...

Алексѣй Ивановичъ расхохотался даже.

— Нѣтъ, мамаша, то общество, о которомъ я говорю вамъ, не пожалѣетъ

— Да вѣдь ты къ нашему обчеству приписанъ, что ли?—спросила старуха.

— Въ томъ-то и горе, что нѣтъ.

Въ это самое время дверь широко распахнулась, и въ комнату чуть не вбѣжалъ Сашокъ.

— Поздравьте, мамаша,—кричалъ онъ,—поздравьте!... Брагецъ, теперь и мое дѣло выгорѣло.

— Что такое, что такое, Сашокъ?—вскрикнула старуха, словно воскресшая при видѣ радостнаго настроенія сына.—Что такое, родимый?

— А то, мамаша, что я сейчасъ былъ у здѣшняго батюшки, съ которымъ и сладился выкрасить крышу церкви, ограду вокругъ церкви и, окромя того, заново отдѣлать ему тарантасъ... Вѣдь намъ пришлось бы въ какой-нибудь телѣженкѣ домой-то возвращаться, а теперь,—прибавилъ онъ, какъ-то ухарски прищелкнувъ пальцемъ,—опять въ тарантасѣ поѣдемъ—не кой-какъ, а по-господски!... А вотъ и задаточекъ получили,—продолжалъ онъ, помахивая по воздуху десятирублевой бумажкой.

Вбѣжала и Куля, тоже веселая и радостная, и, передавъ матери сверточекъ, быстро заговорила:

— Это мнѣ здѣшняя матушка гостинчикъ дала, а я тебѣ принесла... Кушай на здоровье.

И Куля весело расхохоталась.

Старуха развернула сверточекъ и, увидавъ въ немъ какія-то конфетки, проговорила:

— Спасибо, дочка, спасибо... пососу.

А ходившій все это время изъ угла въ уголъ Алексѣй Ивановичъ остановился среди кухни, скрестивъ на груди руки, даже позавидовалъ этой всеобщей радости и долго любовался, глядя на веселыя и счастливыя лица семьи. «Счастливые,—думалъ онъ.—И малымъ умѣютъ довольствоваться».

— Хороши! — шептала старуха, посасывая карамель. — Ничего...

Часовъ въ девять вечера старуха начала поговаривать о спаньѣ, да и Лопатинъ съ Кулей непрочь были поотдохнуть. Сбѣгалъ Лопатинъ къ хозяину дома, съ которымъ успѣлъ уже познакомиться, выпросилъ у него вязанку соломы, которую и разостлалъ по полу кухни. Немного погодя, всѣ лежали уже на соломѣ, подложивъ подъ головы кой-какую одежонку. Когда огонь былъ потушенъ, старуха передала Лопатину весь разговоръ, происходившій у нея съ Алексѣемъ Ивановичемъ; передала она его, разумѣется, по-своему, как

поняла, и закончила тѣмъ, что на Алешу надежда плохая, такъ какъ онъ, бѣдненькій, не царю служитъ, а какому-то обчеству, которому и долженъ прослужить вѣки-вѣчные.

— Богъ милостивъ, можетъ, таперь и безъ него обойдемся,— замѣтилъ Лопатинъ.

Что-то въ этомъ родѣ проговорила и Куля, позѣвывая. Всѣхъ, видимо, клонило ко сну, а между тѣмъ изъ комнаты Алексѣя Ивановича начали долетать шумные разговоры съѣхавшихся къ нему товарищей, земскихъ врачей. Тамъ говорили про мѣстную медицинскую этику, про земскую управу, про земское собраніе, спорили, шумѣли, хохотали. Поминали все какую-то Ксенію Николаевну, просили послать за ней; но ничего этого семья Лопатиныхъ уже не слыхала, такъ какъ спала крѣпчайшимъ сномъ. Только часу въ третьемъ ночи случайно проснувшаяся старуха вдругъ услыхала, что въ комнатѣ Алеши происходило какое-то пѣніе и раздавалась музыка. Старуха осторожно поднялась на ноги, ощупала дверь и, тихонько отворивъ ее, вошла въ сѣни. На этотъ разъ она ясно услыхала чей-то женскій голосъ, распѣвавшій какую-то плясовую пѣсенку, и топотъ чьихъ-то мужскихъ ногъ, выбивавшихъ дробь. «Пляшутъ», соображала она и, выйдя на дворъ, подошла къ освѣщенному окну Алешиныхъ комнатъ. Оконная сторка была опущена, но ей всетаки удалось увидѣдь въ скважину, что на гармоникѣ играла какая-то дѣвушка, а плясалъ Алеша, остальные же гости стояли вдоль стѣны и смѣялись, подпѣвая и хлопая въ ладоши. «Нѣтъ, женить, женить надоть», — подумала старуха и снова ушла въ кухню.

VIII.

Домикъ Лопатина, дѣйствительно, вышелъ хоть куда: покрытый желѣзомъ, выкрашеннымъ зеленой краской, онъ ничуть не уступалъ, ежели только не перещеголялъ домикъ мѣстнаго батюшки. Подъ домикъ былъ подведенъ новый фундаментъ изъ дикаго камня, значительно его приподнявшій, стѣны тщательно вымазаны глиной (послѣднее было совершено Кулей и женой Александра Иванова), а потомъ выкрашенъ охрой; на окнахъ красовались ставни, расписанныя яркими букетами, а надъ желѣзной крышей горделиво возвышалась кирпичная труба съ проволочнымъ колпакомъ, такъ и бросавшаяся въ глаза своей бѣлой окраской. Старуха-мать тоже не сидѣла сложа руки: пока дочь и сноха обмазывали глиной стѣны снаружи, она обмазывала ихъ внутри, не переставая мысленно по-

дыскивать Алешѣ подходящую невѣсту, богатую и красивую,—словомъ, вся семья Лопатиныхъ—и старый, и малый—были заняты отдѣлкой домика, приготовляя его къ приближавшимся зимнимъ холодамъ и вьюгамъ. Пока семья Лопатина, вся перепачканная глиной, хлопотала въ своемъ Вырыпаевѣ, самъ Лопатинъ работалъ въ селѣ Алмазовѣ, окрашивая кровлю церкви и ограду. Такъ какъ работа эта была большая и вдобавокъ спѣшная, то Лопатинъ нанялъ себѣ работника и работалъ вдвоемъ. Обѣдалъ и ужиналъ онъ у батюшки, а ночевать приходилъ къ брату, Алексѣю Ивановичу. Спалъ онъ, разумѣется, въ знакомой намъ кухнѣ, остававшейся не подметенной со дня ихъ отъѣзда, съ тѣми же самыми, валявшимися на полу, окурками Алексѣя Ивановича и даже бумажками отъ карамелекъ, которыми такъ восхищалась старуха-мать. Иногда приходилъ Алексѣй Ивановичъ, сидѣлъ съ нимъ, разспрашивалъ о житьѣ-бытьѣ, о сестрѣ Кулѣ: думаетъ ли она выходить за Мещерякова, и, узнавъ, что дѣло идетъ, кажись, на ладъ, что Мещеряковъ былъ раза два-три съ гостинцами, и что сестра съ каждымъ днемъ будто становится съ нимъ ласковѣе, пожелалъ ей всего хорошаго и даже обѣщалъ подарить ей на платье.

— Получу жалованье, — прибавилъ онъ, — и тотчасъ же къ вамъ пріѣду, а кстати и домикъ посмотрю. Я вѣдь еще не видалъ его.

Однажды онъ показалъ Лопатину свою амбулаторію и аптеку. И то, и другое очень понравилось Лопатину; Алексѣй Ивановичъ познакомилъ брата съ своей фельдшерицей, которая тоже очень понравилась Лопатину какъ по своему веселому характеру, такъ и хорошенькимъ личикомъ, а всего больше понравилась ему потому, что умѣла играть на гармоникѣ и распѣвать веселенькія пѣсни.

Раза два онъ даже пилъ чай у фельдшерицы вмѣстѣ съ братомъ Алексѣемъ Ивановичемъ, послѣ чего фельдшерица очень много играла на гармоникѣ, упросивъ Лопатина проплясать подъ ея музыку. Сперва онъ конфузился было, отговариваясь неумѣніемъ, но когда братецъ Алексѣй Ивановичъ угостилъ его нѣсколькими рюмками коньяку, то Лопатинъ прибодрился и проплясалъ весь вечеръ.

Послѣ этого вечера Лопатину пришлось чинить гармонику, почему-то издававшую какіе-то дикіе звуки. Лопатинъ что-то поковырялъ тамъ перочиннымъ ножичкомъ, что-то подклеилъ, зачѣмъ-то раза три подулъ въ нее, обмелъ пыль гусинымъ перомъ, и гармоника опять заиграла попрежнему; фельдшерица была въ восторгѣ отъ Лопатина, подарила ему рубль и прозвала «артистомъ». Послѣ

починки гармоники Алексѣй Ивановичъ сталъ обращаться съ братомъ болѣе ласково и болѣе по-родственному, да и самъ Лопатинъ, все еще говорившій ему «вы», началъ какъ-то смѣлѣе обращаться съ нимъ. Алексѣй Ивановичъ чуть не каждый день звалъ его къ себѣ въ комнаты, сажалъ рядомъ съ собой на диванъ, угощалъ папиросами, отъ которыхъ Лопатинъ кашлялъ, и даже однажды принялся съ нимъ откровенничать по поводу фельдшерицы. Онъ подробно разсказалъ ему исторію своего знакомства съ ней во времена его студенчества, причемъ вздохнулъ и помянулъ добрымъ словомъ это время, никогда не возвратимое и переполненное какими-то радужными надеждами, никогда не осуществимыми. Раза два, отправляясь въ своемъ тарантасикѣ на пункты вмѣстѣ съ фельдшерицей и проѣзжая мимо алмазовской церкви, онъ съ ужасомъ смотрѣлъ на брата, привязавшаго себя къ кресту остроконечной колокольни и преспокойно мазавшаго кистью ея крышу. «Здравствуйте, братецъ!»—кричалъ онъ что было мочи, а Алексѣй Ивановичъ и фельдшерица, объятые ужасомъ, поспѣшно отворачивались и спѣшили миновать церковь, чтобы не видать этой ужасной картины.

Разъ какъ-то во время пріема больныхъ заходилъ въ амбулаторію и Лопатинъ, чтобы полюбоваться братцемъ. Пробылъ онъ тамъ съ полчаса и не могъ досыта насмотрѣться на него: чистенькій, умытый, щегольски одѣтый, онъ сидѣлъ за столомъ и принималъ больныхъ, которыхъ было превеликое множество; а въ сосѣдней комнатѣ, гдѣ помѣщалась аптека, суетилась фельдшерица, приготовляя по рецептамъ лѣкарства. Съ больными Алексѣй Ивановичъ обращался вѣжливо, деликатно, тщательно выслушивалъ ихъ, выстукивалъ, иногда заставлялъ раздѣваться, зачѣмъ-то клалъ на скамью, опять выслушивалъ и садился за столъ писать рецептъ. Больные называли его «ваше благородіе», а онъ больныхъ «голубчиками». Все это очень понравилось Лопатину, и онъ, выходя изъ амбулаторіи, невольно вздохнулъ даже, позавидовавъ братцу.

— Вотъ это такъ жисть,—размышлялъ онъ,—помирать не надо.

А Алексѣй Ивановичъ тѣмъ временемъ сидѣлъ за столомъ и, глядывая на толпу, все прибывавшую, и, чуть не задыхаясь отъ ни больныхъ, думалъ:

— Боже мой, вотъ каторга-то!... Когда же этому будетъ конецъ?

Наканунѣ праздничныхъ и воскресныхъ дней Лопатинъ, какъ

только заканчивалъ свои работы, отправлялся въ Вырыпаево. Путешествія эти онъ совершалъ по образу пѣшаго хожденія и всегда ночью. Выйдетъ, бывало, изъ Алмазова при солнечномъ закатѣ, а придетъ въ Вырыпаево при его восходѣ. Несмотря однако на эти безсонно проведенныя ночи, онъ всетаки не переставалъ работать и торопливо додѣлывалъ то, что не успѣлъ додѣлать прежде. Отъ своего домика онъ, положительно, приходилъ въ восхищеніе—и не онъ одинъ, а вся семья. Старуха-мать посовѣтовала ему даже оклеить шпалерами главную комнату, причемъ сообщила по секрету, что въ одномъ изъ чулановъ Алеши она видѣла какіе-то остатки шпалеръ.

— Попроси, можетъ, дастъ... Ему они не нужны, а намъ бы больно кстати. Коль не хватитъ на всю комнату, то оклеишь хоть одинъ передній уголъ кругомъ иконъ,—все лучше будетъ.

Александръ Ивановъ обѣщалъ попросить брата и спѣшилъ въ кузницу, чтобы поскорѣе покончить починку тарантаса алмазовскаго батюшки.

Въ одинъ изъ такихъ-то воскресныхъ дней Лопатинъ, окончивши окраску алмазовской церкви и ограды, еще до свѣту прибѣжалъ въ Вырыпаево, когда вся его семья спала еще крѣпкимъ сномъ. Онъ поспѣшно перебудилъ всѣхъ и, восторженно сообщивъ объ окончаніи этой работы, вытащилъ изъ кармана довольно толстую пачку замасленыхъ рублевокъ, причемъ объявилъ, что онъ тотчасъ же пойдетъ расплачиваться съ плотниками и печниками.

— Фу,—проговорилъ онъ,—точно гора съ плечъ долой; теперь расплатиться бы еще за желѣзо, да съ отцовскими долгами разсчитаться, въ тѣ поры я и тужить пересталъ бы!

— А ты бы насчетъ долговъ-то съ Алешей погуторилъ,—проговорила старуха,—вѣдь на него деньги-то пошли, можетъ, и заплатитъ сколько-нибудь.

Но Александръ Ивановъ только рукой махнулъ и побѣжалъ расплачиваться съ плотниками и печниками. Расплата эта происходила, конечно, въ мѣстномъ кабакѣ, а затѣмъ пошла и выпивка, во время которой завернулъ въ кабакъ одинъ изъ сосѣднихъ купцовъ-землевладѣльцевъ, пріѣхавшій въ Вырыпаево подыскать себѣ молотильщиковъ. Лопатинъ словно воспрянулъ, предложилъ купцу свои услуги, немедленно сладился съ нимъ, въ тотъ же день подыскалъ себѣ рабочихъ, нужное количество лошадей, а на слѣдующій день молотилъ уже на своей молотилкѣ на купеческомъ хуторѣ пшеницу. Молотилка дѣйствовала на славу, гулко оглашала окрестность гудѣніемъ своихъ ремней, а Лопатинъ, торопливо подавая ма-

шинѣ золотистые снопы, весело распѣвалъ: «Распроклята молотилка запылила мою милку. Остановьте молотилку — отпустите мою милку». А недѣли двѣ послѣ этого онъ покончилъ молотьбу и получилъ разсчетъ.

— Ну, мамаша,—проговорилъ онъ, возвратясь домой.—Слава тебѣ, Господи!... Теперь отдыхать давайте!

На слѣдующее утро, когда Лопатинъ вышелъ на крылечко полюбоваться восходившимъ солнцемъ, онъ даже ахнулъ, увидавъ свой оврагъ, покрытый снѣгомъ.

— Матушка, матушка!—кричалъ онъ,—жена, Куля!... Вставайте, бѣгите-ка сюда, посмотрите-ка, что за ночь-то сдѣлалось!

Вся семья выбѣжала на крылечко и словно замерла отъ удивленія, восхищаясь прелестями зимняго пейзажа.

И, дѣйствительно, было чѣмъ восхититься: дѣвственно-бѣлый снѣгъ словно ватой прикрылъ глинистые откосы оврага, опушилъ бѣлымъ пухомъ садикъ Лопатина, накрылъ словно шапкой столбики садовой изгороди. Краснобрюхіе снигири цѣлой стайкой перелетывали съ одного дерева на другое, весело посвистывая и стряхивая съ деревьевъ пушистыя блестки снѣга. Зазвонили къ заутренѣ. Испуганный этимъ звономъ заяцъ промчался мимо домика Лопатина, ударился въ гору и исчезъ, оставивъ послѣ себя свой характерный, бросающійся въ глаза, слѣдъ. А когда поднялось солнце и облило своими лучами это снѣжное покрывало, оно такъ и зардѣлось милліонами искръ.

Вдоволь налюбовавшись этой картиной, старуха-мать побрела въ церковь, Куля побѣжала доить батюшкиныхъ коровъ, а Лопатинъ взялъ ружье и пошелъ на охоту.

— Мертвая пороша нонѣ,—говорилъ онъ,—авось зайчиковъ наколочу.

IX.

Насколько Лопатинъ былъ порадованъ наступленіемъ зимы, настолько Алексѣй Ивановичъ былъ этимъ недоволенъ. Короткіе зимніе дни и нескончаемо длинныя ночи раздражали его нервы, и тоска—невыразимая тоска, сладить съ которой не хватало силъ, не давала ему покоя. Днемъ все еще онъ кое-какъ боролся съ этой тоской, ходилъ въ амбулаторію, развлекался тамъ лѣченіемъ больныхъ, ругался съ больными, приходившими къ нему съ самыми пустѣйшими болѣзнями, писалъ рецепты, по которымъ фельдшерица приготовляла лѣкарства, велъ перепись больныхъ,—словомъ,

такъ или иначе амбулаторія развлекала его; зато, пообѣдавъ у фельдшерицы и возвратясь домой, снова впадалъ въ тоскливое настроеніе. Онъ брался за книги, за газеты, но тотчасъ же бросалъ ихъ и принимался шагать изъ угла въ уголъ. Его все раздражало: раздражало мѣрное тиканье стѣнныхъ часовъ, завываніе вѣтра, лай собакъ, скрипъ снѣга, доносившійся съ улицы, раздражалъ даже сверчокъ, монотонно трещавшій по вечерамъ гдѣ-то въ углу. Ему даже съ нѣкоторыхъ поръ начала какъ-то надоѣдать фельдшерица Ксенія Николаевна, хотя и веселенькая, и болтливая, но все-таки, по правдѣ сказать—мало развитая. Иногда въ эти тоскливыя минуты его начинала мучить мысль, что онъ ничѣмъ до сихъ поръ не помогъ своей семьѣ—той именно семьѣ, которая помогла ему сдѣлаться образованнымъ человѣкомъ. «Что я сдѣлалъ для этой семьи? Ровно ничего!—соображалъ онъ.—А развѣ я, по правдѣ сказать, не могъ бы помогать, удѣляя ежемѣсячно хоть малую частицу того жалованья, которое получаю?» И онъ вспоминалъ происходившій у него разговоръ съ матерью, вспоминалъ ремонтировавшійся домикъ брата, дѣтство свое и то время, когда вся семья упрашивала старика-отца отдать Алешу въ гимназію; вспоминалъ, какъ братъ говорилъ тогда отцу, что деньги на этотъ предметъ они во всякомъ случаѣ заработаютъ, а мать увѣряла, что придетъ время, когда Алеша не только возвратитъ все потраченное на его образованіе, но даже будетъ кормильцемъ семьи. Вспоминалъ онъ все это и, терзаемый угрызеніями совѣсти, бросался внизъ лицомъ на постель и начиналъ рыдать. Но бывали и такія минуты, когда Алексѣй Ивановичъ какъ будто нѣсколько мирился съ совѣстью, оправдывая себя тѣмъ, что отчасти расплатился уже съ семьей, отказавшись отъ оставшагося послѣ отца наслѣдства. «Положимъ,—разсуждалъ онъ,—наслѣдство не ахти какое, но все-таки оно было—домикъ, напримѣръ, кое-какія постройки, садикъ, кузница, кузнечные и слесарные инструменты... Мнѣ помнится, что нѣкоторые изъ нихъ были довольно цѣнные». Но эти успокоительные моменты продолжались недолго, и онъ снова начиналъ хандрить. Въ такія-то именно минуты онъ обыкновенно посылалъ за яицкими лошадями и уѣзжалъ къ князю Сердобину, гдѣ всегда встрѣчалъ общество образованное и интеллигентное; жилъ тамъ онъ по нѣскольку дней, иногда манкируя даже службой, и вполнѣ предавался отдыху отъ своихъ душевныхъ мукъ.

Князь, почти ровесникъ съ Алексѣемъ Ивановичемъ, былъ человѣкъ образованный, воспитанный, элегантный, почти постоянно жившій за границей; любилъ въ особенности Испанію, изъѣздилъ

ее вдоль и поперекъ, курилъ настоящія гаванскія сигары, лѣчился отъ какого-то недуга на островѣ Мадейрѣ, игралъ артистически на скрипкѣ, мадеру пилъ настоящую, которую привозилъ съ собою ящиками, но которая была не по вкусу мѣстнымъ «питухамъ», предпочитавшимъ Елисѣевскую, словомъ, былъ человѣкъ образованный, вполнѣ свѣтскій и артистъ въ душѣ.

Съ Алексѣемъ Ивановичемъ князь сошелся, когда онъ, будучи студентомъ, жилъ въ домѣ отца въ качествѣ репетитора, полюбилъ его и сохранилъ эту любовь до настоящаго времени. Онъ охотно принималъ его у себя и охотно ѣздилъ къ нему въ Алмазово.

Изрѣдка навѣщалъ Алексѣя Ивановича и Лопатинъ.

— Зайчика принесъ вамъ въ гостинецъ, братецъ,—говорилъ онъ, весело улыбаясь и показывая брату убитаго зайца.

При видѣ брата, одѣтаго въ какой-то рваный, не то ваточный, не то мѣховой пиджачишко и валеные сапоги, Алексѣй Ивановичъ мгновенно словно оживалъ.

— Что это ты рѣдко заходишь ко мнѣ, Сашокъ? — говорилъ онъ, обнимая брата.

— Недосугъ, братецъ.

— А матушка и сестра совсѣмъ забыли даже.

— Одежонки теплой нѣту, братецъ,—объяснялъ Лопатинъ, хихикая.—Прошлой зимой настрѣлялъ было зайцевъ на шубку мамашѣ, повѣсилъ шкурки на чердакъ, а нонѣ весной какая-то червоточина напала на нихъ. Такъ и пришлось бросить—ей-Богу!... Ужъ такая-то меня злость брала, что даже разсказать не могу... Ужъ больно шкурки-то были хороши.

— Нѣтъ, ты братъ, почаще заходи—скука одолѣла.

— А вы бы, братецъ, ружьецо себѣ купили... Въ зимнее время съ ружьецомъ походить. больно хорошо;—но, вдругъ что-то вспомнивъ, Лопатинъ торопливо заговорилъ:—А то давайте волковъ морить. Ноня больно много волковъ развелось: сейчасъ даже, когда шелъ къ вамъ, двухъ волковъ видалъ.

— Какъ же это волковъ-то морятъ?

— Очень просто: настрѣляемъ воронъ, начинимъ ихъ ядомъ, —былъ, какъ называютъ-то!

— Стрихниномъ, что-ли?

— Вотъ-вотъ... Разбросаемъ этихъ воронъ по полю—только всего. Я такимъ манеромъ двухъ волковъ отравилъ позапрошлой мой, за что получилъ изъ земской управы за каждый хвостъ по и рубля, да шкурки продалъ.

Но Алексѣй Ивановичъ объявилъ ему, что ни зайцы, ни волки

тоски его не разгонять, такъ какъ происходитъ она не отъ скуки, а отъ разочарованія въ избранной имъ дѣятельности. Служить обществу, конечно, дѣло великое, святое, но одновременно съ этимъ необходимо заботиться и о собственномъ своемъ благосостояніи; трудъ врача плохо оплачивается, трудъ это каторжный, онъ не имѣетъ ни минуты свободнаго времени для отдыха,—и даже помянулъ недобрымъ словомъ того инспектора народныхъ училищъ, который когда-то посовѣтовалъ ему поступить въ классическую гимназію. Одновременно съ этимъ онъ разсказалъ брату, что, будучи въ университетѣ, онъ познакомился пріятельски съ студентомъ-техникомъ, такимъ же мужикомъ, какимъ и онъ былъ когда-то, что техникъ этотъ былъ старше его курса на три, что, покончивъ ученье, онъ тотчасъ же получилъ мѣсто помощника управляющаго какимъ-то желѣзнымъ заводомъ, а теперь сталъ уже управляющимъ съ окладомъ въ размѣрѣ шести тысячъ при казенной квартирѣ съ отопленіемъ и освѣщеніемъ.

— Вотъ это я понимаю!... Это не чета земскому врачу, которому весь вѣкъ приходится торчать въ глуши, въ деревнѣ и возиться съ мужиками. Вѣдь здѣсь, въ деревнѣ, и мозги-то обрастутъ мохомъ!—прибавилъ онъ.

— А вы, братецъ, не дадите мнѣ этого самаго яду?—спросилъ Лопатинъ, давно уже переставшій слушать брата и соображавшій, какъ бы такъ половчѣе выпросить у братца задаромъ этого самаго мору.

Алексѣй Ивановичъ расхохотался даже отъ столь неожиданной просьбы брата, далъ ему стрихнина, заказавъ осторожно обращаться съ нимъ, и затѣмъ, обнявъ брата и ласково похлопавъ его по плечу, вскрикнулъ:

— Эхъ, Сашокъ, Сашокъ, славный ты, братецъ, малый! Простуцая душа!

А Лопатинъ между тѣмъ хихикалъ и говорилъ:

— Можетъ быть, и ноня сколько-нибудь волковъ изловлю... Ноня ихъ до пропасти шатается, кажинную ночь воютъ.

На этотъ разъ Алексѣй Ивановичъ пилъ чай не у фельдшерицы, а дома. За чаемъ онъ разговорился съ братомъ о сестрѣ Улѣ и узналъ отъ него, что она, видимо, начала относиться къ Мещерякову совсѣмъ иначе. Онъ ей казался теперь не такимъ старымъ, какимъ прежде, а веселымъ, ласковымъ и въ особенности хорошимъ хозяиномъ. «Съ такимъ мужемъ по міру не пойдешь». Понравились ей и его коровки-ведерницы. Такихъ коровъ ей не случалось видѣть дома. «Ведерницъ» ей приходилось видѣть, но съ та-

нимъ молокомъ—никогда,—словомъ, Мещеряковъ будто переродился въ ея глазахъ. Мещеряковъ торжествовалъ: сшилъ себѣ новую суконную пару, лисью шубу и каждый день пріѣзжалъ къ Лопатинымъ на лихой тройкѣ съ бубенчиками и колокольчиками; то приглашалъ ихъ къ себѣ.

А дня два спустя послѣ этого разговора Сашокъ опять явился къ брату и на этотъ разъ объявилъ ему, что Семенъ Даниловичъ объявленъ женихомъ Кули. Порадовался и Алексѣй Ивановичъ, глядя на торжествующее лицо брата, спросилъ, не по принужденію ли матери выходитъ Куля за старика, не изъ-за нужды ли; но, узнавъ, что ничего этого нѣтъ, что она выходитъ за Семена Даниловича по собственному своему желанію, приказалъ тотчасъ же подать себѣ тройку ямскихъ лошадей и, усадивъ рядомъ съ собой брата все въ томъ же, не то ватномъ, не то мѣховомъ пиджачишкѣ, поскакалъ въ село Вырыпаево.

Заслышавъ звонъ приближающагося колокольчика, Куля прежде всѣхъ выбѣжала навстрѣчу Алексѣю Ивановичу и принялась обнимать его. По счастливому и сіявшему радостью лицу ея Алексѣй Ивановичъ тотчасъ убѣдился, что Куля дѣйствительно была очень счастлива. Повеселѣлъ и онъ самъ, любуясь на радостное личико ея, крѣпко обнялъ ее, поздравилъ съ нареченнымъ и пожелалъ всего лучшаго на свѣтѣ. Вышла и старуха. Она тоже была весела и счастлива, и тоже принялась крѣпко обнимать Алешу.

— Теперь тебя бы женить еще!— говорила она, осыпая поцѣлуями сына.—Втѣпоры и умирать не страшно было бы: знала бы, что дѣточки мои пристроены.

Нѣкоторое время спустя, на лихой тройкѣ съ бубенчиками и колокольчиками, закутанный въ волчью шубу, прискакалъ къ Лопатинымъ и самъ женихъ, Семенъ Даниловичъ. Выбѣжала Куля и къ нему навстрѣчу, а минуту спустя вернулась въ избу.

— Посмотрите-ка, посмотрите-ка, мамаша!... Посмотрите-ка, братецъ, чего мнѣ Семенъ Даниловичъ подарилъ!—говорила она, задыхаясь отъ счастья и подбѣгая то къ брату, то къ матери съ кускомъ шелковой матеріи, привезеннымъ ей въ подарокъ женихомъ.—Вотъ прелести-то!...

Ввалился въ избу самъ женихъ, снялъ съ себя шубу и, помолясь на иконы, принялся со всѣми здороваться.

Любуясь радостью семьи, забылъ и Алексѣй Ивановичъ про свою хандру. Ему было какъ-то особенно легко и весело смотрѣть на всѣ эти счастливыя и довольныя лица, на суетливую бѣготню старухи-матери, хлопотавшей поскорѣе напоить чаемъ дорогихъ

гостей, на счастливое лицо брата, раздувавшаго сапогомъ самоваръ, на дѣтей его, то и дѣло выбѣгавшихъ изъ-за перегородки и наигрывавшихъ на глиняныхъ дудкахъ, подаренныхъ имъ Семеномъ Даниловичемъ, на веселенькую комнатку только что отдѣланнаго Лопатинымъ домика; радовали его даже стѣнные часы съ подвѣшенными вмѣсто гирь подковами. «Вотъ оно гдѣ, искреннее-то счастье», думалъ онъ.

Цѣлыхъ трое сутокъ пробылъ Алексѣй Ивановичъ въ Выпаевѣ и все это время чувствовалъ себя какъ нельзя лучше: отлично ѣлъ, отлично спалъ и даже не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на завывавшую вьюгу и на трещаніе сверчка, долетавшее до него изъ какого-то темнаго угла. Раза два ѣздили всей семьей къ Семену Даниловичу. Тотъ не зналъ даже, чѣмъ угостить дорогихъ гостей: угощалъ чаемъ, ветчиной, колбасой, жареной уткой, груздочками, рыжичками, вареньемъ, поросятами; выставилъ цѣлую батарею бутылокъ съ какими-то раззолоченными ярлыками. Всѣ пили, ѣли, а Алексѣй Ивановичъ даже подвыпилъ слегка, и всѣ опять-таки были неимовѣрно счастливы, и Семенъ Даниловичъ принялся даже рекомендовать ему одну купеческую барышню, богатую-разбогатую и красавицу писаную, и далъ слово, что красавицу эту съ превеликою радостью отдадутъ за него.

— Потому—сами они люди образованные,—добавилъ онъ,—и только спятъ и видятъ, чтобы выдать дочь тоже за образованнаго... Ей-Богу, сударь, не лгу! Истинную правду докладываю... (Мещеряковъ иначе не называлъ Алексѣя Ивановича, какъ «сударемъ»).

Наконецъ, Алексѣй Ивановичъ собрался домой, распростился со всѣми и, прощаясь, подарилъ Кулѣ десять рублей (больше у него не было); Куля долго не хотѣла брать ихъ, но въ концѣ-концовъ всетаки взяла, а Алексѣй Ивановичъ сѣлъ въ сани и поѣхалъ домой.

X.

Возвратясь домой, Алексѣй Ивановичъ снова захандрилъ: опять стали раздражать его стѣнные часы, завываніе вѣтра, сверчки т. п. Амбулаторія перестала уже развлекать его; напротивъ, раздражала тоже. Съ приходившими больными онъ сталъ обращаться грубо—чуть не выталкивалъ ихъ въ шею, находя ихъ болѣзни не стоящими вниманія; къ богатымъ паціентамъ изъ купцовъ ина не ѣздилъ, какъ за вознагражденіе; на пункты выѣзжалъ рѣдко,

вскорѣ и совсѣмъ пересталъ, такъ какъ фельдшерица, Ксенія Николаевна, начала какъ-то похварывать и сверхъ того не имѣла теплой шубы, а разъѣзжала въ какой-то заячьей жакеткѣ да въ каракулевой шапочкѣ. Это тоже раздражало Алексѣя Ивановича, и онъ принимался ворчать на Ксенію Николаевну, не позаботившуюся о теплой одеждѣ, зная, куда она ѣдетъ и зачѣмъ, а Ксенія Николаевна принималась плакать и оправдываться, обвиняя въ этомъ не себя, а почему-то Алексѣя Ивановича... Возвратясь домой, Алексѣй Ивановичъ начиналъ хандрить еще пуще.—И чортъ меня дернулъ,—разсуждалъ онъ, шагая изъ угла въ уголъ по комнатѣ,—связаться съ этой дурой. И самому-то недостаетъ, а тутъ ее еще притащилъ съ собой... Любовь, изволите ли видѣть... Нечего сказать—хороша любовь!.. Встрѣтился раза два-три въ клиникѣ... показалась мнѣ почему-то жалкой, несчастной, угнетенной... Нечего сказать—умно... очень умно!... Теперь и расквитывайся, какъ знаешь и какъ умѣешь...

Досыта наскорбѣвшись надъ своею любовью, онъ принимался ругать деревню, эту глушь безпросвѣтную съ ея дикими нравами, гдѣ и самъ-то того и гляди сдѣлаешься дуракъ-дуракомъ. И, вспоминая свою поѣздку въ Вырыпаево, опять начиналъ злиться.—Нечего сказать—хороши нравы и понятія!... Сестра за старика, ради денегъ, замужъ выходитъ, и всѣ въ восторгѣ, даже сама сестра... мальчишки на дудкахъ играютъ, а старуха-мать чуть не пляшетъ... Да и самъ-то я чуть не расплясался, а съ какой радости, спрашивается?... Братъ своимъ домикомъ восхищается. Нечего сказать—хорошъ домикъ, хороша обстановка: стулья шатаются, столы тоже, на часахъ, вмѣсто гирь, подковы... А я восхищался тоже, пилъ даже у этого стараго болвана-жениха... Нѣтъ, подальше, подальше отъ всѣхъ этихъ прелестей!...

Въ одинъ изъ такихъ тоскливыхъ дней пріѣхалъ къ нему князь Сердобинъ, но теперь не въ шотландскомъ костюмѣ и не на лошадяхъ съ подстриженными хвостами, а въ какихъ-то длинныхъ саняхъ, запряженныхъ десяткомъ собакъ, и въ костюмѣ какого-то камчадала или якута. Князь, войдя въ этомъ костюмѣ къ Алексѣю Ивановичу, весело расхохотался.

— Узнаете?—вскрикнулъ онъ.

Алексѣй Ивановичъ, увидавъ князя, словно воспрянулъ.

— Сама судьба посылаетъ васъ ко мнѣ, князь!... Очень радъ васъ видѣть.

И онъ принялся обнимать князя.

— А я за вами пріѣхалъ! — проговорилъ князь. — Вы совсѣмъ меня забыли.

Алексѣй Ивановичъ разсказалъ ему, что не былъ у него по случаю помолвки сестры, что все это время не былъ дома и что на-дняхъ собирался быть у него. Въ разговорѣ молодые люди не замѣчали даже, какъ проходило время. Наконецъ, князь усадилъ его въ свои санки, и они помчались по разстилавшемуся необозримо серебристой пеленой полю.

Въ эту именно поѣздку князь сообщилъ Алексѣю Ивановичу, что недавно былъ въ городѣ, видѣлся съ предсѣдателемъ земской управы и что тотъ сообщилъ ему, между прочимъ, что управа положительно удивляется, слѣдя за врачомъ Лопатинымъ, такъ быстро измѣнившимся къ худшему. Прежде онъ считался примѣрнымъ: добросовѣстно относился къ служебнымъ своимъ обязанностямъ, былъ всегда ласковъ и внимателенъ къ больнымъ, безкорыстенъ. Народъ, бывало, не нахвалится имъ, любилъ его. Теперь врачъ почти никогда не выѣзжаетъ на пункты, разъѣзжаетъ на земскихъ лошадяхъ по гостямъ, и даже бывали случаи, что за свои визиты къ богатымъ купцамъ требовалъ съ нихъ особую плату, несмотря на то, что купцы эти, какъ земскіе плательщики, имѣютъ неотъемлемое право пользоваться безплатно медицинскою помощью. Сверхъ того управа крайне недовольна фельдшерицей, почему и вынуждена была предложить ей оставить службу. Затѣмъ предсѣдатель просилъ князя поговорить обо всемъ этомъ съ Лопатинымъ и посовѣтовать ему повнимательнѣе относиться къ своимъ служебнымъ обязанностямъ. Все это Алексѣй Ивановичъ выслушалъ молча и даже ничего не отвѣтилъ на дружескій совѣтъ князя не манкировать службой. Помолчавъ и позеленѣвъ, онъ сказалъ, что быть земскимъ врачомъ положительно невозможно и что лѣчить русскаго мужика совсѣмъ безполезно.

— Помилуйте, — говорилъ онъ, — ему хину даешь, а онъ арбузовъ нажрется, босикомъ въ одной рубахѣ на холодъ выходитъ, а потомъ увѣряетъ, что дохтуръ ничего не смыслитъ, и начинаетъ лѣчиться по-своему, чего-то намѣшивая въ водку... Вѣдь это дичь непроходимая!... Ничего знать не хотятъ! Наконецъ, сами посудите: можно ли лѣчить этого дикаря въ его избѣ, сырой, грязной, вонючей, гдѣ нѣтъ ни воздуха, ни свѣта..: въ этомъ гнѣздѣ всевозможныхъ микробовъ и пакостей... А что жретъ этотъ дикій человѣкъ?... Что пьетъ?... Подумайте-ка... Пріѣхавъ сюда, я горячо принялся за дѣло: я перебывалъ чуть ли не въ каждой избѣ своего округа и... пришелъ, наконецъ, къ тому заключенію, что мы [illegible]

заслуживаемъ даже и того скуднаго вознагражденія, которое получаемъ, ибо лишены возможности быть мало-мальски полезными... Не лѣчить надо мужика, а учить. А пока этому его не научатъ, нечего и лѣчить его, да и не надо, по той простой причинѣ, что онъ всетаки въ милліонъ разъ здоровѣе насъ съ вами.

У князя Алексѣй Ивановичъ прогостилъ дня три, игралъ въ карты, на билліардѣ, пробѣжалъ нѣсколько номеровъ только что принесенныхъ съ почты газетъ, изъ которыхъ впервые узналъ о возникающихъ между испанцами и американцами серьезныхъ недоразумѣніяхъ, грозившихъ разразиться войной. Недоразумѣнія эти были извѣстны князю, вращавшемуся постоянно въ высшихъ сферахъ мадридскаго общества. Зная эти подробности, онъ возмущался несправедливыми притязаніями американцевъ и даже порѣшилъ весной ѣхать въ Испанію, чтобы быть поближе къ этому заинтересовавшему его дѣлу. Все это было новостью для Алексѣя Ивановича, давно уже не только не читавшаго, но даже не распечатывавшаго ни газетъ, ни журналовъ, и потому онъ не на шутку заинтересовался. А возвратясь домой, перечиталъ цѣлую кипу газетъ и ознакомился съ этимъ дѣломъ съ самаго его начала... Бывало, придетъ больной, а онъ, погруженный въ исчисленіе морскихъ силъ Америки и Испаніи, набросится на него и, указывая на вывѣшенное на стѣнкѣ объявленіе, примется кричать: — Сказано, что пріемъ до двухъ часовъ, а теперь ужъ четвертый пошелъ... Вонъ! приходи во-время, болванъ.—И, вытолкавъ больного, снова углубится въ прерванныя исчисленія.— Конечно, свиньи! — возмущался онъ, убѣдившись, что силы американцевъ въ нѣсколько разъ значительнѣе испанскихъ.— Разумѣется, скоты! — И, вспомнивъ, какъ на-дняхъ было возмущено общество села Алмазова убійствомъ какимъ-то неизвѣстнымъ злодѣемъ лѣсного сторожа изъ-за какихъ-то грошей, вскрикнулъ: — Да стоитъ ли говорить даже объ этомъ убійствѣ, когда въ скоромъ времени должно произойти избіеніе сотни тысячъ людей, да не какими-нибудь проходимцами, а людьми просвѣщенными, интеллигентными!... Стоитъ ли послѣ этого толковать о какомъ-то сторожѣ!—Когда онъ разсуждалъ такимъ образомъ, то ему вдругъ пришла мысль: бросить эту анаѳемскую земскую службу и ѣхать съ княземъ въ Испанію. «Можетъ быть, примутъ даже во флотъ въ качествѣ доктора,—мечталъ онъ, шагая изъ угла въ уголъ.—По крайней мѣрѣ, развяжусь съ этою ненавистною мнѣ деревней».

Наконецъ, состоялась и свадьба Кули, которую отпраздновали самымъ торжественнымъ образомъ. Семенъ Даниловичъ былъ въ

восторгѣ, Куля тоже, старуха торжествовала, и свадебные пиры продолжались чуть ли не двѣ недѣли. Сперва задалъ «балъ» Мещеряковъ, затѣмъ Алексѣй Ивановичъ и наконецъ Лопатинъ. Веселились во всю мочь, развеселился самъ Алексѣй Ивановичъ, несмотря на только что полученное предупрежденіе отъ земской управы. Ѣли съ утра до вечера, пили, катались на разукрашенныхъ лентами тройкахъ съ колокольчиками и бубенчиками. Мещеряковъ разбрасывалъ народу пряники и народъ слѣдовалъ за катавшимися цѣлыми толпами. По окончаніи всей этой гульбы старуха-мать переселилась къ дочери. Мещеряковъ отвелъ ей чистенькую, свѣтленькую, совершенно отдѣльную комнатку, и старуха принялась присматривать за домашнимъ хозяйствомъ. Куля занялась коровами: слѣдила за удоемъ, за скопомъ масла, ухаживала за птицей, учила стряпуху готовить кое-какія кушанья, отпускала провизію, а Мещеряковъ, глядя на все это, только всплескивалъ руками отъ восхищенія. Торжествовалъ и Лопатинъ, во-первыхъ, потому, что Семенъ Даниловичъ «помаралъ» въ своей записной книгѣ значившійся за Лопатинымъ долгъ за желѣзо, а во-вторыхъ, и потому, что тотъ же Семенъ Даниловичъ подъ веселую руку помогъ Лопатину расплатиться съ долгами, надѣланными еще отцомъ для обученія сына.

XI.

Зима между тѣмъ все шла да шла. Прошла масленица, народъ отпраздновалъ ее честь-честью, пьянствовалъ, разбилъ нѣсколько кабаковъ; Алексѣю Ивановичу приходилось то и дѣло подавать пособіе допившимся до чортиковъ мужикамъ, свидѣтельствовать избитыхъ и полузамерзшихъ. Пришлось даже по приглашенію какого-то землевладѣльца, объѣвшагося блиновъ, ѣхать верстъ за тридцать, провозиться съ больнымъ цѣлый день, а на возвратномъ пути чуть не замерзнуть, по случаю поднявшейся вьюги. Всю ночь проплуталъ онъ по степи, попадалъ въ какіе-то овраги, съ большимъ трудомъ выбирался изъ нихъ и только передъ разсвѣтомъ натолкнулся на какой-то стогъ, забившись въ который, вмѣстѣ съ полузамерзшимъ ямщикомъ, провелъ остатокъ ночи.

Наступила, наконецъ, и пасха. Алмазовская церковь, надъ окраской которой осенью такъ ретиво трудился Лопатинъ, разукрасилась плошками и разноцвѣтными фонариками; загудѣлъ колоколъ, призывавшій православныхъ къ заутренѣ, народъ повалилъ гурьбой на этотъ торжественный звонъ, а нѣкоторое время спустя прибѣжала

къ Алексѣю Ивановичу фельдшерица, разбудила его, только что было уснувшаго подъ благовѣстъ колокола, и объявила, что возлѣ церкви что-то случилось и что его требуютъ туда. Оказалось, что какой-то охотникъ до пушечной пальбы, по неимѣнію пушки, зарядилъ порохомъ какую-то окованную желѣзомъ колесную ступицу и—ахнулъ. Ступица разлетѣлась въ дребезги и своротила черепъ пушкарю. Прибѣжалъ Алексѣй Ивановичъ, посмотрѣлъ на черепъ, на разбрызганный мозгъ, обругалъ торчавшаго возлѣ убитаго урядника, обругалъ за что-то мужиковъ, столпившихся поглазѣть на покойника, назвавъ ихъ «дикими», и зашагалъ домой. А въ это самое время изъ ярко освѣщеннаго притвора храма раздавалось стройное пѣніе церковнаго клира.

Послѣ обѣдни пришелъ къ Алексѣю Ивановичу священникъ съ иконами и хоругвями, похристосовался, закусилъ предложенной пасхи и кулича, погоревалъ между прочимъ о случившемся несчастіи съ пушкаремъ, въ минуту столь великаго церковнаго торжества, кое о чемъ поговорилъ еще для приличія и ушелъ. Прибѣжалъ, въ новой пиджачной парѣ и какомъ-то отчаянномъ галстукѣ съ бантомъ, Лопатинъ, троекратно облобызался съ братцемъ, послѣ чего преподнесъ красное яичко съ уродливо нацарапанными крестомъ и буквами Х. В., пожелалъ братцу много лѣтъ здравствовать, тоже закусилъ кулича и пасхи и тоже поговорилъ о случившемся во время пасхальной заутрени. Пріѣхали расфранченные въ шелки и бархаты Куля съ мужемъ, захвативъ съ собою и старуху, тоже прифрантившуюся въ какое-то шерстяное платье, и всѣ принялись христосоваться троекратными лобзаніями, причемъ молодые преподнесли доктору по вызолоченному яйцу, а старуха-мать—цѣлый узелокъ свѣжихъ яицъ.

— Нарочно для тебя собирала отъ самыхъ рѣдкостныхъ курочекъ!—говорила она, нѣжно обнимая Алешу.—Ты ихъ не кушай, Алеша,—продолжала она,—а прикажи подъ насѣдку подложить... Ужъ такіе-то будутъ цыплята, такіе-то цыплята—на рѣдкость!... И скусомъ на русскихъ непохожи—сладкіе-разсладкіе и словно масло во рту таютъ... Безпремѣнно подъ насѣдку... благодарить будешь... Это,—прибавила она,—Семенъ Данилычъ откуда-то достали такихъ куръ... Охотникъ вѣдь онъ, чтобы у него все въ лучшемъ видѣ было.

Заговорили потомъ о случившемся во время заутрени несчастіи, и затужили и немного погодя уѣхали.

Начали приходить успѣвшіе выпить мужики съ пасхальными яйцами и тоже христосовались. Пришла фельдшерица, худая, жел-

тая, и тоже христосовалась и тоже заговорила было о пушкарѣ, но Алексѣй Ивановичъ заткнулъ уши и убѣжалъ изъ дома вонъ. «Боже мой! Боже мой!—бормоталъ онъ,—куда я попалъ?... гдѣ я?... зачѣмъ я здѣсь?... зачѣмъ?... Возможно ли оставаться здѣсь? Вѣдь это дичь! кругомъ дичь!... Дикіе люди, дикіе нравы, дикіе обычаи, дикія понятія!... водка... грязь...» И онъ убѣжалъ на ямской дворъ, взялъ лошадей и поскакалъ къ князю. Пробылъ онъ у него дня два и возвратился домой успокоенный и отдохнувшій; но дома его ждала бѣда, еще горшая.

Явился въ Алмазово членъ управы съ предписаніемъ произвести дознаніе по поводу поступившихъ на врача Лопатина нѣсколькихъ жалобъ. Членъ управы пригласилъ было Алексѣя Ивановича въ амбулаторію, но онъ, сказавшись больнымъ, попросилъ члена пожаловать къ нему на квартирку. Членъ явился, держалъ себя съ докторомъ очень сдержанно, предъявилъ ему поступившія на него жалобы, причемъ добавилъ, что всѣ эти жалобы присланы въ управу губернаторомъ, и въ концѣ-концовъ попросилъ Алексѣя Ивановича дать по нимъ объясненія. Но Алексѣй Ивановичъ, вмѣсто объясненій, весь вспыхнулъ, задрожалъ и принялся кричать, что онъ не признаетъ компетентности управы по врачебной части, что дѣло управы чинить мосты и гати, выдавать деньги... Заговорилъ опять о медицинской этикѣ, о статьяхъ, напечатанныхъ по этому поводу въ газетахъ... Членъ раскланялся и счелъ лучшимъ удалиться и объѣхать лицъ, принесшихъ жалобы.

Нѣкоторое время спустя управа вынуждена была уволить врача отъ службы за небрежное отношеніе къ своимъ служебнымъ обязанностямъ.

Алексѣй Ивановичъ торопливо распродалъ все свое имущество, мраморный умывальникъ и даже тарантасикъ, пропадалъ долгое время безъ вѣсти и только нѣкоторое время спустя сообщилъ одному изъ своихъ коллегъ, что наконецъ-то мечты его осуществились, что онъ вмѣстѣ съ княземъ въ Испаніи и, благодаря его стараніямъ, поступилъ во флотъ въ качествѣ врача на суднѣ «Don Antonio de Ulloa», съ жалованьемъ, котораго, конечно, никогда не получитъ, по причинѣ плачевнаго состоянія испанскихъ финансовъ. «Но,—прибавлялъ онъ,—я все-таки счастливъ невыразимо, и ежели мнѣ придется погибнуть въ этой бойнѣ двухъ непримиримыхъ враговъ и быть погребеннымъ не въ Вырицаевѣ, а на днѣ чуждаго мнѣ океана, я все-таки буду счастливъ тѣмъ уже, что по крайней мѣрѣ на концѣ жизни посмотрѣлъ на міръ Божій и на образъ жизни цивилизованныхъ людей, чего и

когда не увидалъ бы ни въ Вырыпаевѣ, ни въ Алмазовѣ, въ томъ темномъ царствѣ, въ которое закинула меня судьба... Пишу вамъ подъ грохотъ орудій... Дѣла Испаніи очень плохи... Итакъ, прощайте, быть можетъ, навсегда, но помните всетаки, что я буду умирать счастливѣйшимъ человѣкомъ...» А внизу письма была приписка такого содержанія: «А гдѣ теперь злосчастная Раздувалова? Нашла ли себѣ мѣсто, или все еще проживаетъ у брата въ Вырыпаевѣ? Вашъ А. Лопатинъ».

Только что успѣлъ коллега получить это письмо, какъ телеграфъ возвѣстилъ о полнѣйшемъ разгромѣ испанскаго флота, а нѣкоторое время спустя въ газетахъ передавались подробности этого разгрома: судно «Don Antonio de Ulloa» билось съ отчаянной отвагой, но и оно пошло ко дну и, даже погружаясь, не переставало посылать залпы...

Почти одновременно съ гибелью Алексѣя Ивановича умерла родами и Раздувалова, проживавшая въ домѣ Лопатина нахлѣбницей.

И. Саловъ.

ЗЛАЯ НЕМОЧЬ.

Разсказъ.

(Посвящается Петру Исаевичу Вейнбергу).

I.

Василису лѣчили цѣлую зиму.

Лукерья-кривая, знаменитая верстъ на пятьдесятъ кругомъ знахарка, испробовала всѣ свои таинственныя лѣкарства и объявила, что тутъ она безсильна.

Болѣзнь не съ глазу и не порча, а просто вселился дьяволъ, и никакими человѣческими способами извлечь его нельзя. Одно средство—послать деньги и записку о здравіи монахамъ на Аѳонъ или пожертвовать на построеніе новаго храма рублей сто, не меньше.

А такъ какъ родители Василисы были бѣдные крестьяне деревни «Старые выселки», да, къ тому же, еще люди слабаго поведенія—любили выпить ,то и пришлось покориться печальной неизбѣжности—остаться хворой, безъ надежды на выздоровленіе.

Мать плакала и выпивала, отецъ хоть не плакалъ, но еще чаще выпивалъ. Машутка-подростокъ, сестренка Василисы, убѣгала украдкой поплакать въ клѣть, боясь тумаковъ за свои слезы. Но больше всѣхъ была убита горемъ сама Василиса, худощавая девятнадцатилѣтняя дѣвушка, съ большими задумчивыми, цвѣта блеклой сирени, глазами. Она вся какъ бы замерла въ испугѣ передъ своимъ несчастьемъ.

Лѣто. Сѣнокосы. У Силантія—отца Василисы—сѣно жалкое, да и убирать некому: двѣ бабы да онъ самъ. Василиса—работница плохая: и старается, да проку нѣтъ. Она сама не рада, борется со своимъ недугомъ насколько хватаетъ силъ. А недугъ ея былъ странный, особенный: порхаетъ ли бабочка надъ полевымъ цвѣткомъ, золотитъ ли лучъ солнца макушки молодыхъ березокъ и, скользнувъ внизъ, играетъ пятнами на бѣлой ихъ корѣ, прозвучитъ ли знакомая уны-

лая пѣсня или вѣтеръ прошумитъ внезапно, застынетъ ли коршунъ въ синевѣ неба надъ головой, зазвенитъ ли пчела въ воздухѣ,—Василиса вся вдругъ встрепенется, и далеко помчатся ея мысли, сплетаясь, смыкаясь въ созвучіяхъ, похожихъ на пѣсню. Работа валится изъ рукъ... Какъ заговоренная стоитъ Василиса, прислушиваясь къ словамъ своей души, уносясь мечтой въ безконечную высь, а сердце и сладко замираетъ, и стонетъ, и болитъ, и тоскуетъ, какъ бы разставаясь съ жизнью.

Разбуженная чьимъ-нибудь окрикомъ, она спѣшно, безтолково хватается за брошенную, позабытую работу, стараясь отогнать проклятыя слова. Ей страшенъ мучитель-дьяволъ, живущій въ ея груди, но вопреки гоненіямъ, вопреки страху и собственной волѣ, она любитъ его.

Вечерѣло. На покосившемся крылечкѣ избы сидѣла Василиса. Она очень устала. Онѣ съ матерью только что вернулись съ поденщины, куда ходили верстъ за десять отъ деревни убирать сѣно, пока свое еще сохло. Василиса чистила картофель къ ужину. Срѣзанныя змѣевидныя полосы шелухи покрывали ступеньки, а бросаемыя въ котелъ рукою дѣвушки картофелины, ударяясь объ его стѣнки, издавали звонъ.

Тоскливо и сладко было на сердцѣ у Василисы. Ей казалось, что откуда-то издалека доносится призывный звонъ и зоветъ ее къ себѣ, зоветъ...

И вотъ, переполненная этимъ чувствомъ, поддаваясь охватившему ее настроенію, она начала громко говорить нараспѣвъ и покачивая изъ стороны въ сторону головой:

— Гудитъ, гудитъ колоколъ, гудитъ разливается, гудитъ разливается, здѣздамъ говоритъ: «звѣзды-ль мои звѣздочки, огоньки полночные, полюбите бѣдную дѣвушку въ селѣ. Стоитъ она бѣдная, стоитъ при дороженькѣ незнама, невѣдома, никому ненужна... Охоча та дѣвушка далече глядѣть, горазда та дѣвушка пѣсню спѣвать... А что пѣсни тѣ подсердечныя, изъ-подъ сердца онѣ выливаются, камнемъ, молотомъ выбиваются. Убей меня молотъ мой, убей, не жалѣючи, схорони меня въ частомъ ельничкѣ, въ лѣсѣ темномъ, въ осинничкѣ»...

— Вась, а Вась!—раздалось подъ самымъ ея ухомъ.

Василиса вздрогнула и чуть не опрокинула котелокъ съ картофелемъ.

— Ишь, какъ спужалася,—захохотала Танька, сосѣдская дочка, крикливая, веселая дѣвка, однихъ лѣтъ съ Василисою.

— А вѣдь ты складно это... А лучше бы пѣла, чѣмъ слова подбирать.

— За голосомъ нескладно выходитъ, такъ лучше.

— Откуда ты слова берешь?... Чудно!...

— Не знаю... сами слова... а откуда—не знаю.

— Ишь ты!... Чудно!... Послушали бъ ноньче парни, засмѣяли бы, какъ ты головой моталась... А ты къ попу, слышь, завтра пойди, слышь?

— Самой охота, да боязно, жалапная.

— А ты не бойся. Енъ ничаго... добрый. Никаноръ каменщикъ ходилъ, чтобъ отъ пьянства исцѣленіе,—говоритъ—добрый попъ... ничаго... А можетъ и польза будетъ.

— Васька!... Лѣшая! — донесся изъ хаты низкій, хриповатый голосъ.

— Пхи! — фыркнула Танька.—Матка твоя нонеча сердитая—давно водки не пила.

И она шмыгнула въ свои ворота.

Изъ избы вышла на крыльцо Авдотья, черноволосая, сухая баба, лѣтъ сорока съ небольшимъ.

— Ужинать сбирай!... У-у, чтобъ тебѣ, лѣшую, язвило, картофелю путемъ не начистить!

Она сердито вырвала изъ рукъ поднявшейся со ступеньки Василисы котелокъ.

— Вотъ ёнъ и весь тутъ,—робко пролепетала Василиса.

— Пошла, на столъ сбирай!

Авдотья ткнула въ спину дочь.

— При двоихъ дѣвкахъ матка спокою не знаетъ... Окаянныя!—плаксиво закончила Авдотья.

Въ избѣ было душно и смрадно отъ маленькой стѣнной лампы съ закоптѣвшимъ стекломъ.

Силантій, въ ожиданіи ужина, храпѣлъ на лавкѣ.

Около печки возилась Машутка. Авдотья оттолкнула дѣвчонку отъ печи и сердито впихнула туда котелокъ.

— При старости лѣтъ спокою себѣ не найду... Лѣшія!

Василиса поставила на столъ деревянную чашку съ солью, хлѣбъ и разложила ложки.

Въ котлѣ забулькала вода.

— Вставай, чортъ, волчье мясо!—стала будить мужа Авдотья, расталкивая его изо всѣхъ силъ.

Силантій, наконецъ, что-то промычалъ, поднялся, сѣлъ и уставился на жену заспанными, еще безсмысленными глазами.

— Ужинать!

Молча мокали картофель въ крупную отсырѣвшую соль и заѣдали

невкуснымъ, невыпеченнымъ хлѣбомъ. Было что-то унылое, озлобленное въ этой семейной трапезѣ, точно собрались враги, попавъ случайно за общій столъ.

— Краснуха ноньча впередъ всего стада домой пришла,—прервалъ молчаніе звонкій голосъ Матушки.

— Вёдро, значитъ, завтра,—протянулъ лѣниво Силантій.

— А на чорта ли завтра ведро, коли праздникъ, — огрызнулась Авдотья.

— Богъ—хозяинъ старый, свои распорядки самъ знаетъ, твово дурьяго ума не спросилъ.

— А ты и радъ облаять.

— Чего-те лаять, сама лаешься.

— Промѣсилъ бы мѣсиво двадцать верстъ на поденную, драться бы сталъ.

— За поденную деньги платятъ.

— Штобъ ихъ черти съ ихъ деньгами заѣли, изъ трехъ гривенниковъ кости ломать!

— А въ Лукьяновской нонче экономіи съ пятакомъ платили,—сообщила Машутка,—Степанидова молодуха ходила.

— Допрежъ того, вина по стаканчику подносили, — продолжала ворчливо, не обращая вниманія на сообщеніе Машутки, Авдотья.—А нонеча всухомятку... такъ, покорно благодарствуй, значитъ, разсчетъ подали, да и ладно... Черти!

— Молока, что ли, похлебать!—утирая рукавомъ рубахи губы, проговорилъ Силантій.

— Неси утрешній горлачъ, чего буркалы пялишь!—прикрикнула на Машутку Авдотья.

Та, соскользнувъ съ лавки, черезъ минуту внесла, безшумно сѣменя босыми ногами, кринку молока.

— А нонеча Анисью солдатку за нищенство домой пригнали,—снова сообщила словоохотливая Машутка.—Халатъ вродѣ какъ арестантскій, да коты... А ёна говоритъ: на што мнѣ ваши коты, коли мнѣ жрать неча.

— Ей неча, а въ другихъ есть што?—сердито буркнула Авдотья.

— Што ни што, а все не жрамши не сидимъ, — замѣтилъ Силантій.

— А ты што за заступа ей? Ты самъ подать-то приготовилъ, волчье мясо? приготовилъ?

— А хошъ и не приготовилъ, а ты не лайся!...

— Ладно. Какъ послѣднюю корову сведутъ, вонъ какъ въ Кузьмы косого,—молока похлебаешь въ помойной лужѣ.

— И похлебаю, да и тебѣ, подлой, глотку залью...

— Молчи, палачъ глазастый, молчи-и-и... — взвизгнула, стукнувъ по столу кулакомъ, Авдотья.

Опять наступило злое, гнетущее молчаніе, лишь мѣрно, какъ по командѣ, протягивались къ горлачу деревянныя ложки и глухо стукали объ его края, да громко хлебалось молоко.

И такъ же злобно, такъ же молча всѣ собрались спать.

II.

Отецъ Павелъ, сидя передъ нетронутымъ стаканомъ чая, задумчиво разглаживалъ свою начинающую сѣдѣть русую бородку. Онъ только что вернулся послѣ обѣдни.

— Все бываетъ, все бываетъ... и всяческое случается,—наставительно поучалъ онъ стоящую передъ нимъ Василису.—Вотъ нонеча и въ печати, по газетамъ, можно прочесть про антихриста, и въ прошедшемъ году появленія звѣзды-кометы ожидалось... Листки были разные насчетъ бреннаго конца сему бренному міру... Молись, дщерь моя, одно слово—молись! Ежели по грѣхамъ твоимъ или бо родительскимъ тебѣ таковъ предѣлъ положенъ — молись! Послушаніе на себя наложи... И давно это съ тобой такое?...

— Сызмальства.

Василиса потупилась.

— А сколько годовъ тебѣ нонче?

— Съ Филипповыхъ двадцатый пошелъ.

— На слова жалуешься. Какія же такія слова тебя обуреваютъ?...

— А разныя...

— И любовныя?

— И ёны...

— Гм...

Отецъ Павелъ насупился.

— Спокою отъ словъ нѣту, все нутро изболѣвши.

— Гм... всяко случается, всяко... Во времена прохожденія Христа Спасителя нашего въ земной сей юдоли обыкновенно это называлось, что дьяволъ вселился.

Василиса вздрогнула.

— Нонче, какъ у насъ повсемѣстно образованіе, слово такое сказать зазорно... А дьяволъ всетаки искушаетъ... искушаетъ... искушаетъ...—протяжно, нараспѣвъ и нѣсколько въ носъ договорилъ священникъ.

— Матка ругается, и мнѣ съ того обидно,—скороговоркой проговорила Василиса.—А я все по другому понимаю.

— Какъ по другому?

— А такъ, что все ёны дѣлаютъ неладно.

— Осужденіе родителей—на себя грѣхъ берешь великій. Смиреніе, кротость — добродѣтели, украшеніе каждой дѣвицы. Молитвы знаешь?

— Нѣту,—сконфуженно пробормотала Василиса.

— А «Отче»?

— Нѣту.

Отецъ Павелъ сокрушенно покачалъ головой.

— И «Отче» не знаешь. Какъ же съ тобою мнѣ быть?

— И въ работѣ мнѣ спору нѣту,—негодуя и печально проговорила Василиса,—что дѣлать стану, а ёны, проклятыя слова, такъ и лѣзутъ, такъ и лѣзутъ, такъ въ ушьмя какъ шмели жужжатъ, жж... жж... жж... Что дѣлать начну—забуду... потомъ ругаются... а я и сама знаю про горе свое. Помоги батюшка, миленькій!

Она бухнулась ему въ ноги.

— Искушаетъ... искушаетъ... искушаетъ. Возьми на себя послушаніе—ходи девять обѣденъ. Счетъ знаешь?

— Нѣту,—виновато вздохнула Василиса.

— Сложи персты, какъ на крестное знаменіе, три креста. Три раза по три перста будетъ девять обѣденъ. На каждой обѣднѣ будешь класть по сту поклоновъ. Какъ «Отче» запоютъ—ты слушай... услышишь первое слово въ пѣснопѣніи «Отче», значитъ поклоновъ больше не надо. Налагаю на тебя рабу Божію... Какъ зовутъ?

— Василиса,—произнесла дѣвушка раздѣльно, прерывающимся голосомъ.

— Рабу Божію Василису строгій постъ. Молись, и я грѣшный рабъ Господа моего Іисуса вознесу за тебя передъ святымъ Господнимъ алтаремъ молитву служителя Божія.

Василиса рыдала навзрыдъ.

Отецъ Павелъ положилъ свою руку на склоненную передъ нимъ бѣлокурую голову и сталъ читать молитвы.

Носовой, однотонный его голосъ дѣйствовалъ успокоительно. Василиса всхлипывала все рѣже и рѣже.

Она встала съ колѣнъ, обвела комнату распухшими отъ слезъ, какъ бы удивленными глазами, остановила свой взглядъ на благообразномъ лицѣ священника, точно хотѣла что-то припомнить или образить, потомъ перевела глаза на большую икону съ теплющейся лампадой и вдругъ, какъ бы вспомнивъ то, что хотѣла, со всего

размаха упала на колѣни передъ иконой и стала скоро-скоро широко креститься и кланяться въ землю, всякій разъ крѣпко прижимаясь головою къ блестящему крашенному полу.

Она поднялась, надвинула почти до самыхъ бровей сползшій съ головы ситцевый платокъ и сказала отрывисто:

— Прощай, батюшка!... Приходить когда?

— Я же тебѣ объяснилъ, что девять обѣденъ,—отвѣтилъ строго священникъ.

Недѣля пролетѣла, какъ одинъ день. Настало снова воскресенье.

Василиса встала чуть свѣтъ, чтобы поспѣть къ обѣднѣ. Село находилось въ одиннадцати верстахъ отъ ея деревни.

Маленькая деревянная церковь была скудно освѣщена мигающими у образовъ трехкопеечными желтаго воска свѣчками. Только возлѣ престольныхъ образовъ горѣли толстыя свѣчи.

Пахло кумачомъ, кубовой ситцевой краской, сѣрымъ домотканымъ сукномъ и дегтемъ.

Отецъ Павелъ наканунѣ крестилъ у богатаго крестьянина, и сегодня у него болѣла голова, а рука какъ-то нервно и порывисто размахивала кадиломъ. Оно всякій разъ вздрагивало, цѣпочки звякали, точно желали выразить свое неудовольствіе отцу Павлу по поводу небрежнаго обращенія съ кадиломъ.

На клиросѣ, возлѣ поющаго козлинымъ голосомъ дьячка, стояла помѣщица сосѣдней экономіи, одѣтая въ сѣрое платье и съ бѣлой наколкой на головѣ. Съ нею былъ сынъ, гимназистъ, и взрослая дочь. Всѣ трое пѣли нескладно, фальшиво, помогая дьячку.

Но Василисѣ и убогая сельская церковь и это жалкое пѣніе казались необыкновенно торжественными. Съ умиленіемъ и страстной надеждой глядѣла она на старые, облупившіеся образа, и на отца Павла, махающаго кадиломъ; въ упоеніи слушала она фальшивое пѣніе и молилась, полная благоговѣйнаго страха. Она не произносила ни громко, ни мысленно никакихъ словъ; она вся ушла во внутреннее созерцаніе, и въ этомъ заключалась ея молитва. Но она мучительно помнила о поклонахъ.

— Какъ «Отче» пропоютъ... какъ «Отче» пропоютъ,—повторяла она слова отца Павла и кланялась съ непрерывнымъ усердіемъ. Но уже во время «Херувимской» она почувствовала непріятное щекотаніе въ горлѣ, а свѣча какъ-то странно стала прыгать передъ глазами. Василиса все кланялась и кланялась... Свѣчи прыгали, мерцали, качались изъ стороны въ сторону... потухали... и снова вспыхивали... То становились вдругъ зелеными, желтыми, фіолетовыми... Въ

ушахъ звенѣло, непріятное щекотаніе въ горлѣ дѣлалось невыносимымъ. Изъ груди вылился вздохъ, похожій на стонъ. Онъ отдался въ ушахъ Василисы и породилъ новый... и еще новый... и еще... Стонъ за стономъ—болѣзненные, отрывистые, рвались неудержимо изъ груди дѣвушки, а она все кланялась, да кланялась... Душистый дымъ ладона смѣшался съ запахомъ дегтя и кумача... Отецъ Павелъ все такъ же махалъ кадиломъ... Съ клироса неслось нескладное пѣніе... Народъ молился, падалъ на колѣни, громко дышалъ, какъ одна исполинская грудь..

— Ослобони!... Царь небесный...—крикнула на всю церковь Василиса, и дальше ужъ не помнила ничего.

Ее закрыла платкомъ рядомъ стоящая баба, ее потащили изъ церкви на паперть... Она смутно чувствовала, какъ тяжело волочились ея точно свинцомъ налитыя ноги... Она билась. плакала и, задыхаясь, кричала: «ослобони»!...

III.

Время шло. Уже наступила жатва. Василисѣ прибавилось новое горе—ее просватали.

Просватали ее за Ѳедора Демьянова, изъ сосѣдней деревни, за Ѳедьку-солдата, какъ называли его тамъ.

Ѳедоръ былъ красивый рослый парень, съ вѣчно смѣющимся круглымъ лицомъ и черными волосами. Онъ только что отбылъ военную службу, пользовался успѣхомъ среди женскаго пола, но Василисѣ онъ не нравился.

Ослушаться родителей она не посмѣла и, затаивъ въ себѣ обиду и злобу противъ судьбы, покорилась.

— Поладили съ Ѳедькой?— подмигивая плутовскими глазами, спросила ее на другой день курносая Танька.—Иди, ёнъ ничаво... Хошь и солдатъ, а справный... Солдаткой будешь... Пхи!—фыркнула Танька въ кулакъ.

Четыре обѣдни ужъ прошли. Четыреста, а можетъ быть и больше, поклоновъ было положено, а исцѣленіе не являлось: «слова» попрежнему одолѣвали Василису...

Жали. На поденной работало нѣсколько деревень. Съ грохотомъ ѣздила по полю запряженная четверкой лошадей громоздкая жатвенная машина, равномѣрно выбрасывая сжатые и уже связанные снопы. Она описывала правильный четыреугольникъ, и всякій разъ при поворотѣ, лошади какъ бы въ недоумѣніи останавливались, поводили ушами, испуганно пятились, а сидящій на желѣзномъ сидѣньѣ лох-

матый мужикъ-работникъ какимъ-то виноватымъ голосомъ принимался кричать, помахивая кнутомъ:

— Но... но... но... но-о!...

Однѣ бабы жали рожь у окраинъ поля, другія подбирали выбрасываемые машиной снопы и складывали ихъ по семи вмѣстѣ.

Было знойно. Раскаленный воздухъ точно силился, въ своихъ жгучихъ волнахъ, расплавить изнемогающихъ людей.

Василиса истомилась духотой и внутренней душевной тревогой, и тихо бормочетъ она, волоча снопъ за снопомъ:

— Пущай меня неволятъ, пущай приневолятъ— не хочу! Что вихорь вѣетъ вольный, что пташки поютъ раннія—не хочу! Пущай парчей одѣнусь, всю золотомъ отливною—не хочу! За горочку за крутеньку, за быструю за рѣченьку—улечу!...

— Ти што... ти што!... Эй, дѣвка, ти што тамъ?... Снопи... снопи...—кричалъ нѣмецъ управляющій, какъ піонъ красный отъ гнѣва.—Сколькн ти положилъ?... Нади сэмъ... сэмъ, а тэбэ цѣльный кучей... Дури, деревенски дури...

Василиса стояла, озадаченная, растерявшаяся, передъ огромною кучею натасканныхъ ею сноповъ.

— Переклядай, переклядай... Живо... Дури... деревенскія дури!

Вокругъ захохотали бабы и дѣвки.

— Ена глупа, ничаво не сообразитъ, память отшибши...

— Не надо на работъ придти... дрень!... Память нэтъ и идешь, дрень деревенски.

— Ена невѣста, господинъ управитель,—вступилась за подругу курносая Танька,—потому память ослабѣвши—съ любви, значитъ, по любезному сохнетъ, миленька поджидаетъ.

Хохотъ еще больше усилился. Смягченный управляющій тоже улыбнулся.

— Нэвэсти.,. ну, нишево... Любофь позволяйтъ маленьки вольность.

Онъ взялъ даже Василису за подбородокъ и добавилъ одобрительно:

— Красивеньки глазки... корошеньки глазки... а снопи переклядай... снопи не корошо!

— Вась,—сказала участливо Танька, когда отошелъ управляющій,—давай пособлю!...

И онѣ стали вмѣстѣ разорять нагроможденную кучу.

— Вась, знаешь, что я те скажу,—продолжала попрежнему Танька,—ступай къ Бабаевской барынѣ... Намедни Ѳеклушка рябая ходила, какъ съ животомъ смаялась, а барыня пособила... Пользительныя лѣкарства, Ѳеклушка сказывала, даетъ... Сходи!...

IV.

Барыня Бабаева была оригинальная барыня. Въ своемъ большомъ барскомъ, съ наглухо заколоченными окнами, домѣ она занимала только одну комнату, возлѣ кухни.

Вся заставленная сундуками, комната эта была грязна непомѣрно: по стѣнамъ клочьями висѣли обои, въ закоптѣлыхъ углахъ образовались цѣлыя гнѣзда паутины, стекла въ окнахъ отъ сырости и грязи стали мутно-зелеными, сундуки замѣняли барынѣ столы и стулья и даже кровать. На одномъ изъ нихъ лежала перина и цѣлая гора пуховыхъ подушекъ, въ грязныхъ ситцевыхъ наволочкахъ.

Когда-то свѣтская и даже интересная, послѣ смерти мужа, армейскаго полковника, Бабаева переѣхала въ свое родовое имѣніе, и совершенно перемѣнила образъ жизни.

Не привыкшая къ самостоятельности, она прежде всего испугалась свободы; и это былъ какой-то паническій, на матеріальной почвѣ основанный страхъ. Ей все казалось, что у нея нехватитъ денегъ, и она останется нищей. Она стала геройски, съ болѣзненной ретивостью, сокращать расходы, а рядомъ съ этимъ росли неряшливость и грязь. Она довела свои траты и въ хозяйствѣ, и въ домашнемъ обиходѣ до minimum'а, близкаго къ плюшкинскимъ идеаламъ—тогда она успокоилась, и ею овладѣла новая страсть пріобрѣтать и копить. Поля не воздѣлывались, а отдавались крестьянамъ за деньги, весь скотъ былъ распроданъ, за исключеніемъ двухъ коровъ и лошади. Прислуги Бабаева не держала. Скотникъ Никита, высокій рябой мужикъ, исполнялъ должность стряпухи и убиралъ единственную комнату невзыскательной хозяйки.

Но и у этой суровой, во имя скупости, подвижницы было три слабости, вносившія разнообразіе въ ея скудное впечатлѣніями прозябаніе: она курила, лѣчила крестьянъ электро-гомеопатіей—для чего поддерживала въ большомъ порядкѣ свою аптечку, постоянно пополняя запасы лѣкарствъ — и страстно любила лѣсъ,— любила она его совсѣмъ по особенному, какъ бы любила близкаго человѣка. Она знала каждое дерево; по цѣлымъ днямъ готова она была бродить по лѣсу, съ наслажденіемъ заслушиваясь своеобразными лѣсными звуками, упиваясь согрѣтымъ запахомъ мха и истлѣвшей листвы. Для охраны лѣса нанимался сторожъ, и неусыпность его бдѣнія Бабаева провѣряла совершенно оригинальнымъ способомъ. Она одѣвалась въ мужичій кафтанъ и отправлялась на лошади ночью воровать свой собственный лѣсъ.

Однажды она жестоко поплатилась за свою выходку и была из-

бита не узнавшимъ ее сторожемъ. Но это нисколько не послужило ей урокомъ, а сторожъ даже получилъ отъ барыни двугривенный на чай за свою ревностную службу.

Бабаева обѣдала, когда Никита доложилъ ей о приходѣ Василисы.

— Дѣвчонка тамъ изъ Старыхъ выселокъ насчетъ лѣкарствія пришедши,—сказалъ онъ угрюмо.

— Зови, зови,—встрепенулась Бабаева, и ея огрубѣвшее мужественное лицо, съ густыми сросшимися бровями, оживилось улыбкой.

Она всегда была рада паціентамъ.

— Что болитъ? — спросила она отрывисто ставшую робко у двери Василису и начала спѣшно глотать щи.

— Одно што, болѣсти во мнѣ нѣту, а што вродѣ какъ дьяволъ...—унылой скороговоркой проговорила Василиса.

Барыню всю передернуло, и она сердито бросила деревянную ложку, которой ѣла.

— Что за идіоты!... Когда вы только людьми станете?... Какой такой дьяволъ?... Я тебя по-русски спрашиваю, что у тебя болитъ, и отвѣчай мнѣ по-русски.

Василиса молчала.

— Ну!

— Слова... слова разныя... ну и значитъ... что памяти нѣту.

— Какія слова?—продолжала сердитая помѣщица.

— А такъ... вродѣ какъ затменіе... память затмевается... Работать стану, а тутъ затменіе найдетъ... ну, и слова разныя, про работу и забуду, а либо все неладно сдѣлаю.

— Я у тебя по-русски спрашиваю: что у тебя болитъ, болитъ? Понимаешь?—кипятилась барыня, понимаешь—болитъ. Голова, животъ, руки, сердце?

— А во... во... во... точно! — обрадовалась Василиса, подъ сердце изнутра подкатитъ—и жметъ, и жметъ, и жметъ!

— Ф-фу! наконецъ, толку добилась... Значитъ, спазмы съ сердцѣ, а въ горлѣ бываетъ, что жметъ?

— А во... во... во... во!...

— Гм... истеричка,—какъ бы выяснила сама себѣ барыня... Scrofuloso... Scrofuloso № 1-й, третій стаканъ и Febrifugo 1-е, то же дѣленіе.

— Слушай, я тебѣ приготовлю лѣкарство... Только ты принимай аккуратно и смотри не перепутай.

Василиса бухнулась въ ноги.

— Сдѣлай милость, бариночка, ослобони!

— Ну, ну ладно,—ужъ болѣе смягченно произнесла Бабаева,— вылѣчимъ.

И она зычно крикнула:

— Никита! Три стакана и два пузырька!

Она съ глубокомысленнымъ видомъ поставила передъ собой въ рядъ принесенные Никитой стаканы съ отварной водой, бросила въ одинъ изъ нихъ микроскопическую бѣлую крупинку, вынула изъ небольшого сундучка серебряную ложку и стала отливать ею воду изъ перваго во второй, а изъ второго въ третій стаканъ. Оставивъ послѣдній, она приказала Никитѣ принести снова три. Продѣлавъ ту же исторію съ этими, что и съ предыдущими, она перелила обѣ жидкости въ стеклянные пузырьки, приклеила къ нимъ бумажки и сдѣлала надписи на одномъ красными, на другомъ—черными чернилами.

— Вотъ видишь,—обратилась она къ Василисѣ, и лицо у нея сдѣлалось добрымъ и голосъ ободряющимъ.—Вотъ тутъ два пузырька, два... Вотъ видишь: на одномъ красное, понимаешь, красная надпись. И пей изъ него каждый день, по утру, глотокъ... А вотъ другой съ чернымъ—понимаешь, черная надпись; такъ изъ этого раза четыре въ день тоже по глотку, понимаешь, по глотку, но только не сейчасъ послѣ ѣды... Поняла?

Василиса все время кивала головой утвердительно.

— Ну, ступай съ Богомъ, если будетъ хуже, приходи.

— Спасибо, бариночка, родименькая!

И Василиса опять бухнулась въ ноги.

— Охъ, бѣдный, бѣдный, бѣдный народъ,—вздохнула барыня, по уходѣ Василисы, снова принимаясь за успѣвшія уже остынуть щи. Идіоты какіе-то!

— Никита!—крикнула она, принимай!

Никита, увидѣвъ жалкіе остатки щей, предназначенные для утоленія его мужицкаго аппетита, сердито хлопнулъ дверью, унося въ кухню чашку.

А Василиса медленно подвигалась домой по песчаной пыльной дорогѣ и почему-то на этотъ разъ не говорила, а пѣла свои импровизаціи.

Она пѣла. И пѣсня, полная страстной тоски, и звеня и дрожа далеко разносилась по воздуху.

Неслась она къ неизвѣстному, но любимому, горячо желанному.

—... То не мѣсяцъ бѣлый плыветъ по небу, то не пташка поетъ, не соловушка, то желанный мой, моя ягодка, сердцу вѣсть даетъ, отзывается... Я стою одна—одна безсчастная, при дороженькѣ, на

— Невѣста соблюдать себя должна! Бабой будешь, пущай тогда мужъ самъ распорядки надъ тобой правитъ... а теперь родительское дѣло... родителевъ, ро-ди-телевъ!... На што я тя породила? Смутьянщицу да непокорницу, да убогую!... — кричала неистово пьянымъ, хриплымъ голосомъ Авдотья, пересыпая брань пощечинами.

Василиса стояла, какъ прикованная къ мѣсту. Полъ подъ ея ногами горѣлъ. Горѣли избитыя, пылающія щеки. Пламенемъ, пожаромъ залилось все вокругъ, и она сама сгорала въ этомъ пожарѣ. Но боли, физической боли, она не ощущала.

— Ха, ха, ха, ха! — донесся съ печи пьяный хохотъ.

Хохоталъ довольный представленіемъ, единственный зритель безобразной сцены, Силантій.

— Такъ... такъ... жарь ее... лупи!

Василиса очнулась, вздрогнувъ отъ негодованія. Этотъ хохотъ оскорбилъ ее больше пощечинъ. Когда ее били за провинности, за неисправности въ работѣ, она покорно принимала побои, какъ заслуженную дань ея несчастной болѣзни. Но теперь, теперь она чувствовала себя правой, а ее били и, что̀ еще хуже, издѣвались.

Позабывъ, что передъ нею мать, видя передъ собой одно только пьяное, озвѣрившееся лицо ей ненавистной, оскорбляющей ее бабы, она рѣзкимъ, гнѣвнымъ движеніемъ оттолкнула отъ себя Авдотью и стремглавъ выбѣжала на дворъ. Ненависть, ненависть душила ее.

На дворѣ стояла Машутка.

— Пойдемъ скотину убирать,—отрывисто и сурово проговорила Василиса.

Онѣ обѣ молча распрягли лошадь, напоили ее и поставили подъ навѣсъ, притащивъ туда охапку свѣжаго сѣна.

Изъ избы послышались новые крики, новая брань. Авдотья сцѣпилась съ мужемъ.

«Ммм-мм-у-у...»—промычала Краснуха, рыжая приземистая корова, точно желая напомнить о своемъ существованіи. Помахивая хвостомъ отъ мухъ, жуя жвачку и облизывая постоянно нѣжнымъ, мясистымъ языкомъ свой розовый мокрый носъ, она ласково смотрѣла огромными добрыми и глупыми глазами.

Василиса потрепала ее. Краснуха мотнула головой, звякнувъ привѣшаннымъ къ шеѣ колокольцемъ.

Василиса присѣла ее доить.

Корова промычала еще разъ протяжно и довольно.

Изъ избы попрежнему доносилась брань.

Василисѣ стало горько и стыдно не то за себя, не то за тѣхъ, кто ругались въ избѣ.

— Коровушка идетъ съ поля, къ травкѣ головушку пригинаетъ... Охъ, доля, моя доля, доля дѣвичья! Травка стелется, травка плачется: оставь, не трожь меня, коровушка! Охъ, доля моя, доля дѣвичья...

— Вась, не плачь,— прервалъ Василису тоненькій задушевный голосокъ, и Машуткины руки обвились вокругъ ея шеи.—Они водки нажравши, съ того и серчаютъ... Кады тверезые, не станутъ бить.

Машутка притащила старое колесо и сѣла рядомъ съ Василисой.

— Вась, давай разговоры говорить: какъ и што будетъ.

— А ничаво не будетъ.

— Анъ врешь, будетъ. Сама давеча говорила.

— Грамотѣ учили бы — могла бы разговоры говорить, а теперь какъ есть яма—могила...—сердито и печально произнесла Василиса.

— Вась, разскажи-и, — приставала Машутка.

Василиса улыбнулась, и ея мечтательные глаза засвѣтились тихимъ яснымъ свѣтомъ.

— Все будетъ по прекрасному...

И она вздохнула.

— А кто-жъ его знаетъ? Тыи звѣзды, что по ночамъ мигаютъ,— можетъ, онѣ живыя? Вдругъ спрыгнетъ звѣзда на землю и заговоритъ человѣчьимъ голосомъ: люди, люди, крестьяне православные, не сказку говорю, сердцамъ вѣсть подаю...

— Ай! — замирая сладкимъ трепетомъ любопытства тихо воскликнула Машутка. — А какъ она спрыгнетъ?

— А спрыгнетъ—и все тутъ. А люди, люди, крестьяне православные, побѣгутъ-побѣгутъ съ конца съ края разговоры ейные слушать, про солнце и про мѣсяцъ... То не мѣсяцъ ясный, то престолъ Господень, то не солнце свѣтитъ, то палаты блещутъ, Господни палаты, золотыя... И покатится звѣзда далече-далече... за море. Куда прикатится, все серебромъ зальетъ.

— Ай!

— А народу... народу много... все бѣгутъ, голосу ейному покоряются. Православные крестьяне, добрые, маво голосу не пугайтеся...

— А какъ ёна заговоритъ?

— А вотъ заговоритъ—и все тутъ.

— Чудно.

Машутка взяла изъ рукъ сестры наполненный молокомъ подойникъ.

Когда она вернулась, убравъ молоко, Василиса сидѣла уже на крылечкѣ. Въ избѣ успокоились и, должно быть, легли спать. Было тихо.

Машутка усѣлась подлѣ сестры и подперла ладонями рукъ подбородокъ.

— А какъ же опосля? Когда ёна спрыгнетъ и закатится?

— А чудо.

— Чудо?

— Да-а...

Полные тайны глаза Василисы вспыхнули фосфорическимъ блескомъ.

— А то и будетъ, что обернулася тая звѣздонька во дѣвицу, во прекрасную: коса руса по плечамъ легла, глазки ясны, съ поволокою. Народъ диву дался—на колѣни палъ, сталъ на горе горько жалиться: ты дѣвица наша распрекрасная, ты царевна наша поднебесная, утоли муку-мученску, пособи народу православному. А царевна слезьми заливалася, скатнымъ жемчугомъ, пересыпчатымъ... Раскатилися ейны слезыньки во четыре во сторонушки. И гдѣ пали жемчужны слезыньки—выростали цвѣточки лазоревы, что цвѣточки тѣ, василечки. Ты не плачь, не плачь, сиза голубушка, не плачь, царевна поднебесная,—съ того свянетъ, свянетъ краса дѣвичья, помутнятся ясны глазыньки...

— Ну, а опосля?—затаивъ дыханіе, робко спросила умолкнувшую Василису Машутка.

— Опосля... Ахъ... а опосля... Что далече-далече за моремъ, во чистомъ полѣ, близъ калинушки, подъ кустикомъ, подъ ракитинкой, лежалъ тяжелъ, тяжелъ камень горюнъ, изъ-подъ камня того вьется рѣченька,— то не рѣченька, то слезыньки молодой царевны безутѣшныя. Ночка темная, неуказная, по небу по синему стелется. Ты не плачь, не плачь, сиза голубушка, не плачь, царевна поднебесная. Звѣзды мои ясныя, подружки прекрасныя, почто я скатилася, почто обратилася, съ тоской спозналася, съ лютой сдружилася? Не могу пособить горю крестьянскому, съ того слезы лью, заливаюся...

— Ой...—всхлипнула протяжно Машутка.

Голосъ Василисы зазвучалъ сильно, почти повелительно:

— Взвейся, взвейся, лебедь бѣлая! Ахъ, взвейся царевна поднебесная!... Обратись во звѣздоньку во ясную, что палаты твои золотыя, во садахъ растутъ каменья самоцвѣтны... Улетѣла царевна лебедушка—ясной здѣздонькой обратилася. А и съ неба глядитъ на горе православное, а и плачутъ горько, плачутъ ейны глазыньки, и куда падутъ тыя слезыньки; вырастаютъ цвѣточки лазоревы, что цвѣточки тѣ—василечки... А подъ кустикомъ, подъ ракитинкой, изъ-подъ камушка, изъ-подъ сѣраго, все течетъ-течетъ, вьется рѣченька, слезна рѣченька разливается...

— А вдругъ ены всѣ спрыгнутъ?...—пугливо спросила Машутка, глядя на начинающія появляться звѣзды.

Василиса ничего не отвѣтила. Она не могла оторвать глазъ отъ темнаго небосвода съ мерцающими кое-гдѣ звѣздами, точно хотѣла проникнуть туда, въ далекую высь, къ улетѣвшей царевнѣ поднебесной, что въ своихъ золотыхъ палатахъ, въ садахъ съ камнями самоцвѣтными все плачетъ да плачетъ о горѣ человѣческомъ...

VI.

Несмотря на поздній часъ — было уже двѣнадцать ночи — возлѣ Силантьевой избы толпился народъ. Оттуда были слышны пѣсни, говоръ, шумъ. Изба не вмѣщала всѣхъ явившихся на заручины, и половина гостей находилась на улицѣ. Входная дверь въ сѣни была раскрыта, и все время то туда, то оттуда шли люди.

Въ избѣ чадила единственная маленькая жестяная лампа. Теплились, приклеенныя къ образу, восковыя свѣчи. По стѣнамъ тянулись лавки, передъ ними были поставлены длинные столы, а на нихъ въ глиняныхъ чашкахъ угощенье: подсолнухи и бѣлые мятные пряники.

Было тѣсно, жарко и душно. Ведро водки уже роспили.

За столомъ сидѣли женихъ съ невѣстой и почетные гости. Съ печи выглядывали раскраснѣвшіяся лица бѣлобрысыхъ ребятишекъ.

Въ углу противъ столовъ толпились дѣвушки подневѣстницы и пѣли заунывно-визгливо безконечную пѣсню, повторяя все одни и тѣ же слова:

«А куды, куды наши глазыньки глядѣли, глядѣли, что Василисточку проглядѣли, проглядѣли... Ты куда, Василисточка, отлетаешь, отлетаешь, подругъ-дѣвокъ спокидаешь, спокидаешь?»

— Чего не воешь, дура? Плачь!—шепнула Василисѣ, одѣтой въ красный съ желтыми разводами сарафанъ, Авдотья. — Порядку не знаешь, плачь!

Василиса приложила къ сухимъ глазамъ купленный для заручинъ бѣлый нитяный платокъ и стала подвывать въ тонъ къ пѣснѣ.

Съ пѣвицъ потъ лилъ градомъ. Иногда изъ ихъ толпы выдѣлялась дѣвушка для пляски—тогда прижатые къ стѣнѣ музыканты начинали съ трудомъ водить смычками по инструментамъ, и неистово съ ожесточеніемъ играли на скрипкѣ и віолончели казачка.

Пляшущіе толкались на разстояніи квадратнаго аршина. Но, не взирая на тѣсноту, *онъ* молодцевато пристукивалъ каблуками и прихлопывалъ себя по бедрамъ, топчась на одномъ мѣстѣ, а *она*, подбочась одной рукой, другою, лѣниво помахивая платкомъ, въ возду-

хѣ, съ понурою головой, съ лицомъ недовольнымъ, точно ее заставляли продѣлывать все это изъ-подъ палки, бѣгомъ обходила вокругъ него.

Остальные не обращали вниманія на пляшущихъ, и только на красныхъ вспотѣвшихъ лицахъ ребятишекъ выражалось удовольствіе.

Ѳедоръ улыбался счастливой глуповатой улыбкой, поминутно утирая, тоже купленнымъ для заручинъ, бѣлымъ платкомъ обильно проступающій потъ на лбу и щекахъ.

Авдотья поставила черный ржаной, съ картофелемъ, и полубѣлый съ капустой пироги на столъ.

Пили и закусывали пирогами. Водки еще было вдоволь. Сваты угощались и угощали гостей.

Жара все усиливалась. Паръ отъ дыханія, насыщенный винными испареніями, чадъ маленькой лампы, клубы дыма отъ табака,— все слилось, смѣшалось въ сплошномъ туманѣ, и въ мутныхъ его волнахъ какъ бы плавали тоскливые, похожіе на плачъ осенней вьюги звуки пѣсенъ, скрипки и віолончели... А вмѣстѣ съ этими надтреснутыми заунывными звуками плавали очертанія человѣческихъ лицъ, рукъ, торсовъ... То ясно обрисовывалась рука, махающая платкомъ въ воздухѣ, то выдвигалось чье-нибудь плечо, то появлялась мужская или женская голова... И опять дымный, мутный туманъ и въ немъ плавающіе звуки...

Вдругъ среди хаотическаго полумрака откуда-то выросло передъ Василисой незнакомое ей, блѣдное, благообразное, съ большими нѣсколько ввалившимися глазами лицо какой-то пожилой женщины, въ темномъ платкѣ.

Какъ и когда появилась эта неизвѣстная женщина, она не замѣтила.

— Чья эта тетенька будетъ? Откелева?—спросила она у сидящей возлѣ нея посаженной.

— Въ Егорушкиныхъ, еще намедни пристала.

— Обноси виномъ... Виномъ-то, ступай, обноси!...—суетилась Авдотья.

Василиса вышла изъ-за стола. Ей сунули подносъ съ наполненнымъ водкой стаканчикомъ.

Держа подносъ въ одной рукѣ, другою поддерживая концы фартука, въ которомъ находились подарки—полотенца и ситцевые дешевые платки. Василиса въ сопровожденіи помогавшаго ей дружки стала обходить и обдаривать гостей, начавъ съ жениховой родни.

Водку выпивали, на подносъ бросали мелкія серебряныя деньги. Василиса кланялась, опорожненный стаканъ наполнялся снова— и невѣста шла дальше.

Приблизившись къ незнакомой, Василиса почувствовала радостное, ей самой непонятное волненіе. Она вытащила изъ фартука самый красивый платокъ и подала съ поклономъ женщинѣ.

— Виномъ не балуюся, а прими отъ меня лепту посильную,— раздался пѣвучій, протяжный голосъ.—Не обезсудь, богобоязная, меня странную, аки днесь Господь, вдовицу.

Женщина положила на подносъ мѣдный трешникъ.

— Дѣвки, угощайтесь,—пригласила къ столу пѣвицъ Авдотья.

Старшіе гости освободили мѣста за столомъ для дѣвушекъ.

— Невѣстѣ плясать таперя!—сказалъ кто-то въ толпѣ.

— Музыканты валяй!—крикнулъ окончательно пьяный жениховъ сватъ, Никифоръ-каменщикъ.

— Хведька!... Щучье рыло, не спущай форсу солдатскаго!...— поддразнилъ онъ жениха.—Сударка молода, княгиня Василиста—наддай ему, наддай!...

Ѳедоръ пріосанился, точно дѣйствительно собирался отстаивать свой солдатскій форсъ.

— Раздайся шире, честной народъ,—кричалъ Никифоръ.

Василису втолкнули въ самую середину избы.

— Ой, батюшки, не жми!... Подъ самы микитки подперло!— запищалъ въ толпѣ чей-то женскій голосъ.

— Самому вздоху нетути, чисто баня!—оправдывался мужской.

— Чего не пляшешь, пляши веселѣй!—подталкивала въ бокъ Василису, улыбаясь во весь широкій ротъ пьяной блаженной улыбкой, Авдотья.

Въ дыму мелькнуло передъ Василисой блѣдное лицо въ темномъ платкѣ.

Ѳедоръ ужъ давно отбивалъ дробь каблуками.

Василиса улыбнулась неопредѣленной загадочной улыбкой и стала его обходить кругами. Все быстрѣе и быстрѣе огибала она круги; то вдругъ по прямой линіи подходила близко къ Ѳедору, то отбѣгала, преслѣдуемая имъ, то, по странному капризу, кружилась на одномъ мѣстѣ одна. Тѣснота, узкость пространства не мѣшали ей. Ей казалось, что выросли у нея крылья... Она чувствовала себя птицей, несущейся по воздуху... и ничего, и никого кругомъ не было, я была съ нею только одна незнакомая, но близкая, какъ бы родная, такъ неотразимо влекущая ее къ себѣ, блѣдная женщина въ темномъ платкѣ.

— Ай да сватья!... Ишь ты, ишь ты!... Охъ, штобъ тя язвило!...—раздавались одобрительные возгласы возлѣ Авдотьи, тоже пустившейся въ плясь.

Говоръ и шумъ въ избѣ возрастали вмѣстѣ съ жарой.

Неизвѣстная такъ же внезапно и неожиданно скрылась,— исчезла, какъ и пришла.

Василиса все еще продолжала плясать.

— Ахъ ты морда твоя глазастая!—донеслось изъ того угла, гдѣ находились музыканты.

— Змѣй предатель, соси мою кровь, соси-и!...—хныкала женщина.

— Нищую тебя, анаѳему, взялъ... ни обувки, ни одежки, а ты куражишься надо мной!... Куражишься? Я те задамъ... тварь!

На этотъ разъ отвѣтомъ былъ тихій, протяжный плачъ.

— Ишь ты, мужу какъ непокорствуетъ!... Поучи ее маненько, чтобы помнила! — послышался голосъ Никифора-каменщика и его раскатистый хохотъ.

— Чего не въ свое дѣло вступаешься, самъ свою училъ бы!...

— Ахъ ты, нечисть поганая, маво мужа насупротивъ меня смущаешь?—задорно выкрикнулъ новый женскій голосъ, Никифоровой жены.

Кто-то кого-то ударилъ, кто-то заплакалъ. Брань усилилась.

Пляска остановилась. Въ воздухѣ почуялась гроза.

— Ну, ну, ну, православные!— раздался голосъ Силантія. — Нехорошо!... На заручины пришли праздновать, на то мѣсто драку завели.

— А въ морду хочешь?

— Самъ сдачи тебѣ впередъ дамъ... Пришелъ моимъ добромъ угощаться,—уважай хозяина!

— Хозяинъ... Ха-ха-ха!... На торбу собирать съ міру скоро надыть!

— Мнѣ торбу, а тебя въ острогъ, воръ окаянный!

— Я—воръ?

— Ты!... Давно ноги по колодкамъ тоскуютъ.

— Я—воръ?... Я?... Ахъ ты, мразь подпольная!

— Сватьюшки... милые... не трожьте, ай, не трожьте!...— взмолилась подоспѣвшая Авдотья.

Но уже было поздно: Силантія били.

Столы съ трескомъ повалились, зазвенѣла посуда. Женщины вопили, кричали, мужчины ругались. Нельзя было разобрать, кто кого билъ, но дрались нещадно, не разбирая, куда попадетъ ударъ.

Лампа потухла.

Женщины съ крикомъ бросились къ выходу и своимъ напоромъ вытолкнули дерущихся на улицу.

Ѳедоръ крѣпкими, мускулистыми руками схватилъ Василису въ объятія.

— Не подступайся, чортъ!—крикнула она злобно и, оттолкнувъ его, бросилась тоже къ дверямъ.

— Робята!... Какъ бы убивства али калѣчества не было, оборони Богъ! — выкрикнулъ, что было силы, староста, пьяный менѣе другихъ.

VII.

Угомонилась пьяная деревня.

Избитые и окровавленные крѣпко спали, какъ ни въ чемъ не бывало, въ своихъ душныхъ избахъ.

Волнуясь и спѣша шла Василиса къ избѣ Егорушкиныхъ, но, увидавъ на заваленкѣ, возлѣ воротъ, ту, къ которой такъ жадно стремилась, она вдругъ остановила торопливые шаги и, вся зардѣвшаяся, смущенная, боясь приблизиться, стала невдалекѣ отъ незнакомой женщины.

— А-а-а, невѣста!—протянула та ласково.

Это ободрило Василису. Она подошла ближе.

— Тетенька, тетенька... что я те скажу, не обижайся... Вреды тебѣ не буде никакой, а только все нутро мое воротитъ,—тебѣ, значитъ, про горе свое сказать.

— Слушаю, богобоязная,—произнесла женщина еще ласковѣе.— Говори, милая, свою разсказку. Во имя Отца и Сына и Духа Свята, Троице единосущная и нераздѣльная. Аминь.

Женщина осѣнила себя крестомъ.

— Что отецъ и матка и всѣ прочіе серчаютъ, и такъ сказано, что дьяволъ у меня внутрѣ, потому на работу я неспоркая, что памятью ослабѣвши и что всякія слова память зашибаютъ.

— А что за слова такія, богобоязная?

— Слова складныя, одно къ одному... Подъ сердце ажно подкатятся, огнемъ сердце жгутъ, силы нѣтути. И такая завьется скука... Тоска, какъ грызь, грызетъ...

— Охъ, милая, оно вѣрно, что дьяволъ!—задумчиво и съ участіемъ проговорила женщина. — Коли скука, ищи дьявола — первое дѣло. Охъ, разные они, окаянные, бываютъ и отъ разныхъ причинъ. А ужъ скука—вѣрная тому примѣта. Вотъ что я тебѣ, богобоязная, о себѣ разскажу, о своей жизни... Сама я изъ купечества, купеческаго роду-званія. Мужъ мой богатый, тысячъ сорокъ такъ что капиталу имѣетъ. Лавка у насъ, въ своемъ городѣ, вродѣ какъ мелочная.

Всякій товаръ... и крупа, и огурецъ тебѣ соленый, и патока въ банкахъ, и гвозди, и лампы, для семейнаго обзаведенія, и шпалеры, коли кому нужно... Лавка богатая. На мужа я тоже не обижалась: здоровый онъ такой мужчина, толстый,—ну, какъ въ купеческомъ обыкновенно званіи, а только водкой онъ не очень баловался, и все шло у насъ по хорошему, въ согласіи. Вдругъ, любезная ты моя, поступилъ къ намъ приказчикъ, кудрявый такой... Изъ себя онъ не то, чтобъ ужъ очень... а только кудрявый—такъ волосъ кольцомъ и вьется... И стала меня скука терзать... Терзаетъ скука, терзаетъ—спокою себѣ не найду!... И какъ это приключилося, ужъ и сама не знаю, а только слюбилась я съ кудрявымъ... А скука все не отстаетъ... Какъ на мужа взгляну—онъ толстый—такъ меня отъ него и воротитъ, а тотъ кудрявый... А скука все свое дѣло дѣлаетъ: точитъ меня, точитъ, какъ ржа желѣзо.

Женщина глубоко вздохнула.

— Вотъ это, милая, и называется дьяволъ. И какъ онъ кому въ нутро заберется,—пиши пропало... Такъ скукой и затерзаетъ... Пошла я, душа ты моя,—продолжала женщина послѣ минутнаго молчанія,—пошла къ юродивому Гришѣ, что въ нашемъ монастырѣ проживалъ. Гриша деньгами гнушался, а ему, чтобы въ три копейки булку или селедочку, а ежели какое твое усердіе—на монастырь пожертвуй... Прихожу я къ Гришѣ, а онъ какъ закричитъ: «Ой, дождикъ, ой, дождикъ какой! Такъ и мочитъ, такъ и мочитъ!» Это, надо полагать, онъ мнѣ слезы сулилъ. «Ай,—говоритъ,—яма какая черная, да глыбкая!» Я такъ и обмерла: что, говорю, мнѣ бѣдной, Гришенька, дѣлать, научи? «Пойду, — говоритъ онъ, — по святымъ мѣстамъ (онъ все на себя оборачивалъ), пойду, — говоритъ,— по святымъ мѣстамъ, яма скроется, дождику пропасть». Я такъ и поняла. Мужу не призналась, а сердцемъ своимъ такъ порѣшила, что, значитъ, Господь меня ко странствію призываетъ. И вотъ, богобоязная ты моя, хожу шестой годъ, хожу по всѣмъ обителямъ, именемъ Христовымъ питаюся убогая раба Господня, дьявола своего сокрушаю.

— Больно мнѣ, странничка, охъ, больно!—печально выговорила Василиса. — Скука!... Хошь сейчасъ слова разныя скажу? Въ обители святой,—начала она медленно и нараспѣвъ,—въ обители святой собирался народъ. Народъ пѣсни пѣлъ, чуда ожидалъ. Бѣда стряхнулася, бѣда обратилася: чудо долгожданное, чудо объявилося. Долго чуда я жду, дожидаюся... Ой, страшно мнѣ, неспокойно мнѣ! Орелъ со орлятами, кречетъ съ кречетятами высоко летятъ, свистомъ, крикомъ кричатъ. Крылья ихъ широкія, клювы ихъ жестокіе... Ой, страшно мнѣ, неспокойно мнѣ! Что и всплачу я плачемъ дѣвичьимъ,

что взмолюся я мольбой слезною; я не пташечка-перепелочка, не лебедушка бѣлокрылица!... А орелъ все вьется, спускается клювъ раскрытый надъ самой головушкой... Пропадай краса моя дѣвичья! Ты разсыпься во прахъ, сердце бѣдное!... Ой, страшно мнѣ, неспокойно мнѣ!

У странницы навернулись слезы.

— Ишь ты, богобоязная, жалостно какъ!... А только это вѣрно— дьяволъ речетъ устами твоими, потому что во всемъ непокорство и скука, первая тому дѣлу примѣта!... И што нонче народъ грамотѣ поучаютъ—и то все отъ дьявола, потому не духовныя, а все свѣтскія книги преподаютъ, а што свѣтскіе сочинители пишутъ, то для Господа все противно, ибо такъ въ писаніи сказано: «лжепророки, антихристовы предтечи». И тебя, милая, дьяволъ прельщаетъ, аки змій древній, въ раю Господнемъ, и раздави его пятой своей, какъ раздавилъ еси Егорій Чудотворецъ Господень, побѣдитель. Истинно говорю, богобоязная, будетъ тебѣ дѣло такое во спасеніе, ибо Господь невидимо насъ грѣшныхъ испытуетъ, особливо женскій полъ, что какъ женщину явился дьяволъ искушать, въ раю Господнемъ, такъ и нынѣ женщина свою твердость передъ Господомъ Христомъ Спасителемъ доказать должна. И вотъ што, милая, я тебѣ скажу, послушайся ты странную меня, рабу Господню Параскеву: дьяволъ речетъ устами твоими народу, чтобы прельщать, а ты сокруши его и молчи... молчи!

— Какъ молчать?

— А молчи... молчи... молчи!...

— А слова все одно, какъ шмели въ ушьмя звенѣть станутъ?

— И пущай звенятъ, и пущай ихъ звенятъ, а ты молчи! Вотъ что я тебѣ, богобоязная, скажу: есть въ Новгородѣ—въ Новгородской губерніи—обитель, и тамъ живетъ великая молчальница; говорятъ, будто дворянскаго роду, будто изъ графинь даже какихъ. Случилось съ нею горе огромное, и она обѣщаніе дала—и вотъ: молчитъ... Я въ келью къ ней заходила, благословенья просила, даже въ слезы ударилась, на нее-глядя, а она, голубушка, только головкой мотнула и... ни слова. Дай обѣщаніе, дѣвушка, дай обѣщаніе страшное, штобы языкъ у тебя кольцомъ свейся, коли слово уста твои изрекутъ, и устъ гнѣвъ Господень на семъ мѣстѣ смертью тебя поразитъ, коли обѣщаніе преступишь... И пойди, милая, во странствіе долгое, во странствіе далекое, штобы не знать тебѣ спокою ни днемъ, ни ночью, коль Господь не приведетъ тебя къ обители той, куда перстъ Господень тебѣ указуетъ. Въ обители, милая, тихо... службы длинныя... житіе благочестивое... житіе Господу угодное...

Ужасъ и смятенье охватили Василису. Она дрожала какъ въ лихорадкѣ. Но, несмотря на это, сладкое чувство разливалось въ груди. Трудное странствіе казалось ей увлекательнымъ. А тамъ, вдали, обитель, гдѣ такъ тихо, гдѣ пѣніе благочестивое, свѣчи всегда горятъ, ладаномъ душистымъ пахнетъ... И все бѣлое... бѣлое... церковь бѣлая... ограда бѣлая... на священникѣ ризы бѣлыя...

— И вотъ, богобоязная,—продолжалъ говорить около нея пріятный, точно баюкающій голосъ,—послушай ты совѣтъ странной и убогой рабы Господа моего Спасителя Параскевы: и што нонче день, а на завтра другой день — по утру иду дальше во странствіе мое, а тебѣ вотъ што скажу: дѣло твое темное, крестьянское—въ лѣсу родивши, пню, можно сказать, моливши, а ниспослалъ Господь благодать въ сердце твое и вразумилъ тебя неразумную придти ко мнѣ, ко странной и убогой—пойдемъ, милая, пойдемъ во странствіе трудное, во спасеніе души твоей, на сокрушеніе врага твоего!

Василиса вся затрепетала.

— А когда, странничка, а когда идтить?—спросила она, задыхаясь, шепотомъ.

— А нонче, милая, говорю тебѣ, день и на завтра другой день... и што завтра по утру отправлюсь я къ обители дальней... Можетъ, слыхала: Никола Угрѣша, по близости Москвы. Отправлюсь и буду ожидать тебя у третьей сторожевой будки, што по машинному пути. Прощай, богобоязная, гряди съ миромъ! Господомъ испытуема, Господомъ призрѣваема, Господу раба вѣчная!...

VIII.

Весь остатокъ дня Василиса проскиталась въ лѣсу; домой вернулась только ночью.

Всѣ снова спали, лишь на крыльцѣ Силантьевой избы ждала сестру Машутка.

— Вась, куды ты задѣвалася,—спросила она встревоженно,—Хведька прибѣгалъ, съ маткой въ драку вступилъ, насилу староста рознялъ—страсть!...

— Рыбочка моя бѣлая!—могла только выговорить Василиса и обняла Машутку.

Поспѣшно вошла она въ избу, достала изъ сундука купленный ей въ приданое байковый платокъ, поклонилась на четыре стороны, и, повернувшись къ кровати, гдѣ спали избитые Силантій и Авдотъя, поклонилась имъ въ землю.

— Родименькіе, простите.

— Вась, куды?... Куды, Вась? — уцѣпилась за нее на крыльцѣ Машутка.

— Нишкни, рыбочка, ладно будетъ.

— Чего ладно?... Чего-о?

Василиса снова обняла дрожащую дѣвочку.

. . . . . .

Звѣзды потухали, луна угасала, съ земли поднималась бѣлая мгла.

Ни души на деревенской улицѣ. Тишина, мгла... И во мглѣ громкій плачъ одинокой Машутки, да крики просыпающихся пѣтуховъ...

— Ну вотъ и сподобилъ Господь, — привѣтствовала странница Василису.

Онѣ пошли молча вдоль рельсовъ. Вдали показалась черная точка. Навстрѣчу шелъ поѣздъ. Онѣ свернули съ насыпи въ лѣсъ.

Пожелтѣлые листья шуршали подъ ногами. На буромъ мху, какъ капли пурпурной крови, алѣли ягодки брусники, а вѣчно зеленыя, вѣчно юныя сосны подавляли холодомъ своей неувядаемой красоты...

Василиса любовно смотрѣла на желтые опавшіе, мертвые листья, и ей было больно и сладко. Это былъ откликъ конца въ ея собственной душѣ. Ей захотѣлось говорить.

— Ахъ, странночка...—вырвалось у нея порывомъ.

— Шш... молчи!... молчи... молчи!

Василиса испуганно вздрогнула и крѣпко стиснула зубы, чтобы хотя невольнымъ стономъ не нарушить страшнаго обѣта. Поѣздъ съ пронзительнымъ свистомъ промчался мимо. Василиса сквозь чащу деревьевъ увидѣла мелькавшія въ окнахъ лица пассажировъ...

Молча шла странница, съ торжественно строгимъ, сосредоточеннымъ лицомъ...

Молчало небо... молчали сжатыя нивы, высокій угрюмый лѣсъ... молчали сѣрые камни, лежащіе на скатѣ дороги... Молчала Василиса.

Лишь въ далекихъ нѣдрахъ ея души—какъ бьется и кипитъ живой родникъ подъ толстой корой земли — безпокойно, съ жестокой болью плакали, бились и кипѣли слова...

Н. Анненкова-Бернардъ.

ЛЕДЪ РАСТАЯЛЪ.

Франца Фердинанда Гейтмюллера.

(Переводъ съ нѣмецкаго).

Францъ Фердинандъ Гейтмюллеръ родился въ 1864 г. въ Гамбургѣ, получилъ образованіе и живетъ въ Берлинѣ.

Мелкія произведенія Гейтмюллера, разсѣянныя по различнымъ періодическимъ изданіямъ, мало обращали на себя вниманія до 1898 г., когда появился первый сборникъ его новеллъ, носящій названіе «Tampete» (по 1-й новеллѣ). Появленіе этого сборника отмѣтила нѣмецкая пресса, сочувственно отнесшаяся къ молодому писателю. Разнообразіе сюжетовъ, тонкость замысла, психологическій анализъ, художественное исполненіе были по достоинству оцѣнены критикой. Новый сборникъ, появившійся въ 1900 г., только подтвердилъ несомнѣнное дарованіе автора.

Оба сборника содержатъ въ себѣ восемь новеллъ: двѣ изъ крестьянской жизни (Tampete, Schatz im Himmel), три чисто-психологическія (Eine Himmelfahrt, das Paradies, Als der Sommer kam...) и три новеллы настроенія (Abt Dawid, Glückspilz, Theas Apfel gelee).

«Tampete»—любимый танецъ саксонскихъ крестьянъ, нѣмецкая тарантелла—сталъ танцемъ смерти для героя разсказа. Молодой парень, рано лишившійся родителей, поступилъ работникомъ въ домъ крестьянина, который раньше занималъ эту должность у его отца. Онъ полюбилъ дочь хозяина, гордую, красивую, но пустую дѣвушку, которая предпочла его искренней любви уланскій мундиръ сосѣдскаго сына. Какъ пробуждается въ юношѣ ревность, развивается, растетъ и приводитъ къ невольному убійству, а затѣмъ къ самоубійству,—всѣ фазы развитія страсти написаны мастерски, съ потрясающей душу правдивостью. «И добродѣтельные люди погибаютъ отъ ревности»,—говоритъ Ницше устами Заратустры. Картина невольнаго удушенія любимой дѣвушки написана яркими красками; но реализмъ нигдѣ не переходитъ границы. Въ воспроизведеніи отдѣльныхъ сценъ и картинъ поражаетъ тонкая наблюдательность автора. Она проявляется въ описаніи деревенскаго трактира, гдѣ собирается молодежь для

танцевъ, въ описаніи страстнаго танца, когда люди, точно одержимые бѣсомъ, забываютъ себя въ порывѣ безумнаго увлеченія. Умѣло, нѣсколькими штрихами очерчены второстепенныя лица: ханжа-пасторъ, умудренный опытомъ пастухъ, разсчетливый судья, распорядительный староста. Авторъ, несмотря на реализмъ детальной живописи, за деревьями не забываетъ лѣса, онъ съ поразительной ясностью воспроизводитъ сложное развитіе психическихъ мотивовъ.

Въ новеллахъ «Als der Sommer kam» и «Das Paradies» авторъ изображаетъ борьбу человѣка съ устарѣлыми традиціями, отжившими условными формами. Въ первомъ случаѣ передъ нашими глазами происходитъ полное перерожденіе сильной человѣческой души, подавленной и искалѣченной установившимися общественными порядками, поднявшейся отъ ничтожества до величія. Во второмъ — полная гибель одаренной артистической натуры, не выдержавшей борьбы.

Всѣ новеллы написаны красивымъ, выразительнымъ языкомъ; въ разсказахъ изъ крестьянскаго быта вводится по временамъ діалектъ, но только въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ усиливаетъ яркость красокъ, подчеркиваетъ настроеніе, характеризуетъ среду.

— Ахъ, если бы только...

Она сдѣлала усиліе, чтобы не додумывать до конца навязчивой мысли, отъ которой сама пришла въ ужасъ, но безуспѣшно. Чѣмъ сильнѣе она боролась, тѣмъ грандіознѣе возставалъ передъ ней весь позоръ ея легкомысленныхъ желаній, съ которыми тщетно боролось ея кровью истекавшее сердце. Безумный стонъ вырвался у нея изъ груди.

Она закрыла глаза.

И вотъ снова возставалъ передъ ней ея крестъ. Настойчиво, неумолимо захватывалъ онъ ее въ свои кровавые тиски и не давалъ вырваться. Онъ преграждалъ ей путь... путь къ счастію. Всѣмъ содрогающимся тѣломъ чувствовала она на себѣ его тѣнь. Позади него ярко горѣли лучи заходящаго солнца... лучи счастія. Но какъ быстро солнце склонялось къ западу.

Дрожа и озираясь, она прижалась въ уголъ купэ.

Она не хотѣла больше думать.

Нѣтъ, не хотѣла.

Ни о чемъ не станетъ она думать во все время ужаснаго путешествія по мокрой, унылой мѣстности, гдѣ меланхолическій дождикъ, беззвучный и однообразный, какъ ея мысли, монотонно падаетъ на землю.

Она взглянула на часы.

Еще полтора часа. Даже, можетъ быть, больше. А потомъ прямо къ нему. Конечно! Она такъ хочетъ!

Хотя цѣлый день пути смертельно утомилъ ее.

Ахъ, да, она страшно устала.

Надо попытаться уснуть.

Пришелъ кондукторъ и вывелъ ее изъ мучительнаго полузабытья.

Механически отдала она билетъ.

— Черезъ станцію,—сказалъ онъ, взглянувъ на билетъ.

Она провела рукой по волосамъ, поглядѣла вокругъ.

И вотъ, дѣйствительность снова возстала передъ нею.

Да. Она ѣдетъ къ своему больному ребенку и черезъ полчаса будетъ у него.

Остальное—былъ сонъ.

А что ей однако снилось?

Когда она пріѣхала, ребенокъ уже умеръ. Если бы она поспѣла десятью минутами раньше,—сказала сестра милосердія,—то онъ еще былъ живъ и пилъ. А она стояла холодная, какъ мраморное изваяніе, и съ любопытствомъ, почти съ ненавистью смотрѣла на маленькое мертвое тѣльце.

О, какое безобразіе! Вотъ каковъ ея ребенокъ? Ея... ребенокъ?

— Вы мать?—спросила удивленная сидѣлка.

— Что вы? Я сестра!—поспѣшила она отвѣтить.

И чужая женщина, закупоривая склянку съ лѣкарствомъ, весело кивнула головой и, облегченно вздохнувъ, сказала:

— Ну, слава Богу!

Да, Женни, иначе и быть не можетъ, ты *должна быть* его сестрой.

Приглядѣвшись внимательно, она убѣдилась, что нѣтъ никакой сестры милосердія, а около нея Артуръ, въ мундирѣ отставного лейтенанта, смотритъ ей любовно въ глаза и, какъ прежде, нѣжно цѣлуетъ руку.

Слава Богу... хотѣла она сказать; но въ это время кондукторъ разбудилъ ее.

Женни вздохнула, поправила шляпу, и снова змѣя обвила ея сердце, и снова старалась она подавить мысль, которой не хотѣла, не смѣла додумывать.

— Если бы только онъ...

Снова и снова отгоняла она отвратительное слово «умеръ», а-мѣняя его менѣе жестокимъ—не поправился.

— Если бы только...

Ну, а если такъ? Если правда такъ? Что тогда? Тогда... Артуръ на ней женится... женится! И всѣхъ непріятностей послѣднихъ лѣтъ

какъ не бывало. Тогда сбудется ея желаніе. Она достигнетъ цѣли, цѣли, достойной пламенныхъ мечтаній дѣвушки изъ хорошей семьи И всѣ безобразныя сплетни умолкнутъ.

Да, вѣдь онъ на ней женится?

Какъ глупо!—разсердилась она сама на себя.

Понятно, женится! Они обручены съ того... съ того самаго времени... можно было давно возвратить слово... до сихъ поръ у него не было средствъ, смутно мелькнула у нея успокоительная мысль.

Не стоитъ разбираться въ этихъ дѣлахъ!

Онъ, конечно, правъ. У служащаго есть обязанности по отношенію къ обществу. Особенно у государственнаго чиновника.

Она вспомнила тетю Агнесу. Та, несмотря на строго-неумолимое отношеніе къ событію, случившемуся четыре года тому назадъ, восхищалась ею и, пожалуй, отчасти завидовала. Быть невѣстой чиновника, настоящаго чиновника! Тетя Агнеса очень гордилась своей семьей. Кого бы она ни вспомнила изъ своей родни, все были настоящіе, коронные чиновники (о другихъ она забывала!). А ея покойный отецъ былъ даже дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ. О, семья! Сколько радостей доставляетъ она намъ! Такъ неоднократно говаривала тетя Агнеса. Къ сожалѣнію, добрѣйшей женщинѣ не суждено было завести свою семью. Она не знала радостей любви. Чисто и безупречно, безъ огорченій, можетъ быть, и безъ настоящаго счастья, прожила она свою добродѣтельную жизнь среди дорогихъ родственниковъ. Любила она прочесть наставленіе, слишкомъ большое значеніе придавала своимъ личнымъ мнѣніямъ. Иногда, благодаря такту, ей удавалось улаживать дѣлишки, которыя безъ нея, дѣйствительно, не клеились. Часто, когда не слѣдовали ея совѣту, дѣло не шло на ладъ. Все мужчины! Они всегда знаютъ все лучше другихъ! Артура, который былъ очень неглупъ, ей удалось, однако, приручить, и онъ сдѣлалъ предложеніе Женни.

Милая, добрая тетя Агнеса.

Она желала ей добра и была права, утверждая, что безъ нея все пошло бы иначе и дѣло разошлось бы давнымъ давно. Положимъ, вынужденное обрученіе врядъ ли можетъ тянуться четыре года. Однако, тетя Агнеса хлопотала, чтобы устроить ребенка въ маленькомъ провинціальномъ городишкѣ. Теперь вопросъ шелъ о томъ, чтобы его кто-нибудь усыновилъ. Нельзя же взять ребенка въ свою семью, и тѣмъ болѣе дать ему свое имя. На этомъ тетя Агнеса вполнѣ сходилась съ Артуромъ. Такъ поступить невозможно; дѣйствительный тайный совѣтникъ перевернулся бы въ гробу!

Артуръ, не желая дѣлать никакихъ сценъ, заранѣе и опредѣлен-

но поставилъ предварительное устройство ребенка условіемъ свадьбы. Онъ называлъ это своимъ «идеальнымъ требованіемъ». И вотъ, они до сихъ поръ не обвѣнчаны. Сначала мѣшалъ экзаменъ... потомъ...

Когда родился ребенокъ, Артуръ былъ только кандидатомъ на судебную должность. Теперь, вотъ уже два мѣсяца... или даже четыре, какъ онъ получилъ штатное мѣсто въ судѣ... Положимъ, сначала временное... Временное... плохое слово,—подумала она. И въ головѣ у нея мелькнула мысль, не будетъ ли и обрученіе ея только временнымъ...

Нѣсколько дней тому назадъ она навела разговоръ на ихъ свадьбу или, какъ выражался Артуръ, на «законный бракъ». Сначала онъ вилялъ и уклонялся отъ прямого разговора. Но она не отступала и, наконецъ, настойчиво потребовала опредѣленнаго отвѣта. Тогда онъ всталъ, торжественно застегнулъ черный сюртукъ и серьезно заявилъ, что просить исполненія своего «идеальнаго требованія». Какъ только ребенокъ будетъ кѣмъ-либо усыновленъ, не позже и не раньше того, состоится свадьба. Конечно, у него нѣтъ времени разыскивать бездѣтныхъ супруговъ и, кромѣ того, она въ этомъ дѣлѣ—сторона болѣе заинтересованная.

Вотъ что ей пришлось проглотить! Вотъ что онъ преподнесъ ей! Но тетя Агнеса вполнѣ оправдывала Артура и убѣждала ее принести жертву семьѣ. Что-жъ было дѣлать? Она рѣшила немедленно приступить къ хлопотамъ. Но когда тетя Агнеса, проводивъ Артура, дала ей понять, что въ коридорѣ онъ снова настоятельно заявилъ, что только подъ условіемъ соблюденія его «идеальнаго требованія» онъ согласится на законный бракъ, она возмутилась.

Почему? Ей самой было неясно. Вѣдь въ сущности она была съ ними вполнѣ согласна. Ребенокъ ей былъ вовсе не дорогъ; она дорожила только *имъ*, тѣмъ, кто дастъ ей положеніе въ обществѣ. Позора разстроившейся свадьбы она бы ни за что не вынесла. Четыре года быть невѣстой и вдругъ... нѣтъ, нѣтъ, лучше пожертвовать ребенкомъ, котораго совсѣмъ не знаешь.

Теперь она убѣдилась, какъ правъ былъ Артуръ, запрещая ей видѣть малютку. Она добыла себѣ потихоньку карточку, гдѣ онъ былъ снятъ въ рубашонкѣ на бѣломъ мѣховомъ коврѣ. Но этому портрету было уже три года.

Каковъ онъ теперь?

Теперь? Ахъ, да, теперь! Онъ боленъ, можетъ быть, уже...

Она заглушила мысль и постаралась снова думать объ Артурѣ.

Вчера утромъ онъ былъ такъ милъ, такъ настаивалъ, чтобы она

ѣхала, когда получилась телеграмма, что мальчикъ тяжело заболѣлъ скарлатиной. Онъ молча взялъ телеграмму и когда, прочтя, возвращалъ ее, ихъ глаза встрѣтились и сердца единодушно забились при мысли: «Ахъ, если бы»... И вотъ эта неотвязчивая, мучительная мысль рѣзнула ее ножомъ и впилась въ горло.

Она дрожала всѣмъ тѣломъ, какъ убійца, за которымъ гонятся по пятамъ; она, мысленно убивавшая своего ребенка каждый день, каждый часъ, каждую минуту! Она чувствовала, что близка къ помѣшательству. Но нѣтъ, это не безуміе.

Вотъ что-то звякнуло подъ окномъ; это онъ—жандармъ; онъ пристально смотритъ на нее, протягиваетъ руку, чтобы схватить; она явственно слышитъ звонъ цѣпей, чувствуетъ, какъ онѣ давятъ ей кости... сейчасъ... сейчасъ...

Кондукторъ открылъ дверь и громко выкрикнулъ названіе станціи.

Поѣздъ остановился.

Слава Богу, она пріѣхала.

Женни открыла глаза и робко осмотрѣлась.

Маленькій, жалкій городишко; съ десятокъ людей на платформѣ. Ей показалось, что всѣ пристально на нее смотрятъ. Она почти не рѣшалась поднять глазъ.

Къ ней подошелъ носильщикъ и взялъ ручной багажъ.

Она спросила, есть ли извозчики.

Понятно, ихъ не оказалось.

— Если угодно подождать пять минутъ.

Дождь пересталъ. Она рѣшила идти пѣшкомъ.

Снова назойливые, вопросительные взгляды со всѣхъ сторонъ.

Она ускорила шаги.

За церковью, на рынкѣ, гдѣ еще сидѣли подъ своими гигантскими зонтиками торговки овощами, Женни свернула въ мрачный, вонючій переулокъ. Она шла черезъ перекрестки, пересѣкала улицы и переулки, загибала за углы, мужественно спрашивала у прохожихъ дорогу.

Наконецъ, улицы стали шире и свѣтлѣе, но зато грязнѣе и бѣднѣе. Женни вышла въ предмѣстье. Всюду маленькіе, красные кирпичные домики съ плохо воздѣланными огородами. Уличные ребятишки валандались въ лужахъ, сооружая плотины и проводя каналы.

Женни спросила, гдѣ больница?

Безсмысленно смотрѣли дѣти на нарядную даму.

— Это госпитальная улица?

Маленькія красныя мордочки улыбались.

Рабочій, увидавъ ее изъ окна, вышелъ на улицу и съ любопытст[illegible]чъ подошелъ къ незнакомкѣ.

Женни повторила вопросъ.

— Надо идти все прямо. Послѣдній домъ. Совсѣмъ въ полѣ.

Она поблагодарила и быстро пошла впередъ, спотыкаясь на немощеной улицѣ съ постоянными ямами и кочками. Почти совсѣмъ стемнѣло, когда она позвонила въ больницу. Человѣкъ въ бѣломъ передникѣ отперъ дверь.

Снова непріятно-любопытный взглядъ.

Въ первую минуту Женни смутилась. Она впервые почувствовала, какъ оскорбителенъ можетъ быть взглядъ человѣка.

«Что думаетъ онъ о ней?»

Она быстро откинула голову, смѣрила его съ головы до ногъ и рѣзко и холодно спросила, хотя все еще нѣсколько смущенно, какъ здоровье ребенка?—она назвала свою фамилію.

— Ахъ, вотъ что? Ребенокъ въ скарлатинѣ.—Онъ снова осмотрѣлъ ее испытующимъ взоромъ. — Часъ тому назадъ, — сказалъ онъ,—ребенку было очень плохо. Онъ даже не знаетъ, живъ ли...

«О, Боже, если бы только»...—снова пронеслось у нея въ головѣ. Лицо ея было холодно и неподвижно. Женни испугалась самой себя и закусила губы.

Посѣтительница сказала повелительнымъ тономъ, что желаетъ навѣстить ребенка.

Слуга пожалъ плечами и пошелъ доложить. Минуты черезъ двѣ, показавшіяся ей вѣчностью, появилась женщина, вѣроятно, сидѣлка.

Она крайне сожалѣетъ, но въ настоящее время не можетъ допустить даму. Вечеромъ всегда лихорадочное состояніе особенно усиливается.

Сидѣлка сказала все это покойно и дѣловито.

«Какъ насмѣшливо», подумала Женни.

Она снова смутилась. Ей не приходило въ голову, что ее могутъ не пустить къ ребенку. Женни вдругъ охватило непреодолимое желаніе сейчасъ же, во что бы то ни стало увидать его. Какая неслыханная дерзость —ее не допустить!

— Невозможно,—повторила сидѣлка, замѣтивъ ея смущеніе.— Дѣла, вообще, идутъ плохо, а завтра—девятый день, кризисъ...

— Я хочу видѣть ребенка.

— Не угодно ли зайти завтра утромъ. Она спроситъ доктора.

— Я пришла ходить за больнымъ,—сказала Женни увѣренны ъ тономъ.

— Ходить?—спросила женщина.—Это моя обязанность.

Она подозрительнымъ взглядомъ окинула Женни.

Элегантная дама, въ сиреневомъ шелковомъ платьѣ не похожа была на сидѣлку для бѣдныхъ. Любопытство женщины росло.

— Мнѣ телеграфировали, чтобы я пріѣхала.

— Я ничего этого не знаю. Если и такъ... Вы, вѣроятно, родственница?

Сонъ въ купэ вагона, какъ черная тѣнь, пронесся у нея въ мозгу. Она содрогнулась и хотѣла сдѣлать видъ, что не разслышала вопроса.

Но это длилось одну минуту. Затѣмъ она выпрямилась и сказала,—какъ рѣзко звучалъ ея голосъ,—громко и отчетливо:

— Я—мать.

— Ахъ, вотъ что—вы мать? Такъ, такъ! Значитъ, вы мать? Ну, да, въ такомъ случаѣ... Дама—мать ребенка № 2,—обратилась она къ слугѣ, стоявшему въ глубинѣ комнаты,—хотя и поздно, но я думаю—можно на минутку,—и снова обращаясь къ Женни:—Пойдемте, только тихонько, прошу васъ!

Онѣ взошли по скрипящимъ ступенькамъ и повернули налѣво, въ довольно большую комнату. Ихъ охватилъ печальный полумракъ. За импровизированной ширмой изъ газетной бумаги слабо мерцала завернутая лампа. Жирные отпечатки пальцевъ на матовомъ колпакѣ непріятно бросились въ глаза. Больше Женни ничего не видѣла.

Она откинула бумагу и, прислушиваясь къ слабому шороху, открыла непосредственно около двери маленькую желѣзную кроватку.

Въ ней сидѣлъ ребенокъ и кушалъ ложкой мучную болтушку, вѣрнѣе, пытался кушать; половина была разлита на одѣяльце, такъ какъ нянька должна была отлучиться.

Женни нагнулась къ постелькѣ, чтобы поцѣловать малютку, но голосъ сидѣлки, снова зазвучавшій грубо и сурово, образумилъ ее.

— Не тамъ, сударыня. Или не знаете своего ребенка?

— Ахъ, pardon,—въ смущеніи извинилась Женни,—я... я...— и сама не знала, что сказать.

— Здѣсь!

Сидѣлка грубо указала на кроватку у противоположной стѣны. На столикѣ горѣлъ ночникъ, стояли разныхъ величинъ склянки съ лѣкарствами.

Женни не могла придти въ себя отъ смущенія. Какъ мучительно, к къ стыдно! Мать изъ тысячи узнала бы своего ребенка. А она должна ж ать, пока злючка раскроетъ ротъ и пробурчитъ: «вотъ вашъ ребюкъ». Да, и какая гарантія, что это онъ? Что она знаетъ о своемъ м люткѣ? Только одно, что *она* произвела его на свѣтъ. Матерью она н когда не была и всего менѣе въ то время, когда впервые почувствов а это. Ребенокъ становился ей поперекъ дороги всюду, даже въ

семьѣ. Ужасно! Она съ трудомъ поборола чувство брезгливости и подошла къ постелькѣ.

— Пожалуйста, потише!—предупредила сидѣлка.

— Невыносимо!

Вотъ она около ребенка.

Женни молча съ холоднымъ вниманіемъ разсматривала его. Малютка спалъ лихорадочнымъ сномъ трудно-больного; сномъ, который ничего не приноситъ кромѣ истощенія. Худенькое личико, покрытое лихорадочными пятнами, прерывистое, хриплое дыханіе. Ужасно!

И это ея ребенокъ? Ея дитя?

Худенькое, безобразное существо, съ морщинистымъ лицомъ? Для этой едва теплящейся жизни совершила она безконечное путешествіе изъ Берлина!

Это ея Ванюша?

Невозможно. Ей было противно.

Она опустилась на стулъ возлѣ кроватки и закрыла глаза. Но немедленно снова открыла ихъ и взглянула скорѣе съ любопытствомъ, чѣмъ съ материнской жалостью.

Господи, какъ можно имѣть такой видъ? Быть такой безобразной обезьяной? Такимъ жалкимъ, заброшеннымъ уродцемъ?

Щеки безобразно осунулись, отъ нихъ падала синеватая тѣнь на заострившійся носикъ и блѣдныя, пересохшія губы.

У нея снова шевельнулось желаніе, чтобы онъ...

Жестокое желаніе, мучительная надежда, приведшая ее сюда.

На этотъ разъ она даже не содрогнулась.

— Да, да, пусть онъ умираетъ. И чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Мы всѣ должны умереть, зачѣмъ же ему жить ей на помѣху?

— Сударыня,—обратилась къ ней сидѣлка.

Она вздрогнула и, оглянувшись, увидѣла, что женщина дѣлаетъ ей знаки, приглашая тихонько удалиться.

Она не сразу поняла, въ чемъ дѣло.

Да, конечно, прочь отсюда, прочь изъ душнаго воздуха и безотрадной атмосферы, гдѣ изъ мрака каждую минуту можетъ появиться смерть и однимъ дуновеніемъ...

«*Однимъ* дуновеніемъ», размышляла она.

— Пора идти,—услыхала она за собой нетерпѣливый голосъ.

Она вздрогнула и быстро поднялась съ мѣста.

Стулъ скрипнулъ—ребенокъ открылъ глаза, безжизненные, мутные, безсмысленные и неестественно большіе, какъ ей показалось.

Ручки неувѣренно задвигались по одѣялу.

Послышался слабый стонъ.

Женни оживилась. Машинально схватила она склянку съ водой и подала ему пить.

Какъ онъ жадно пилъ! Казалось, его не оторвешь отъ воды... Одинъ моментъ ей почудилось, что въ большихъ карихъ глазахъ блеснуло что-то нѣжное, точно благодарность.

— Посмотрите, какъ онъ пьетъ,—сказала она сидѣлкѣ, которая занята была съ другимъ больнымъ.

— Да, онъ всегда пьетъ, когда просыпается,—коротко отвѣтила, не оглядываясь, женщина.

Женни, погруженная въ свои мысли, машинально сняла шляпу. Что-то неизвѣстное, неясное, новое приковывало ее. Ей захотѣлось побыть еще. Можетъ быть, онъ опять захочетъ пить.

Женни сѣла на стулъ и принялась медленно разстегивать жакетку. Она внимательно смотрѣла на ребенка; мальчикъ снова впалъ въ забытье.

— Опять спитъ?—сказала подходя сидѣлка.

Женни кивнула головой. Она чувствовала, какъ недоброжелательно, почти враждебно смотрѣла на нее женщина.

— Ну, идите же! Намъ пора...

— Я останусь на ночь.

Она говорила увѣренно, какъ избалованная дама, не привыкшая къ противорѣчію.

— За ребенкомъ хожу я. Это *моя* обязанность. Я вамъ уже прежде говорила, — грубо и рѣзко заявила сидѣлка.

— Я имѣю свои права и спорить съ вами не желаю. Прошу васъ оставить меня въ покоѣ, — выразительно отчеканила Женни.

«Вотъ нашлась принцесса,—подумала сидѣлка.—До сихъ поръ мальчикъ, жившій у столяра и ссунутый въ палату для бѣдныхъ, что-то непохожъ былъ на принца. Что она о себѣ воображаетъ? Шпіонка...»

— Здѣсь нельзя оставаться, — пробурчала она и, видя, что Женни не трогается съ мѣста, добавила: — это будетъ противъ правилъ больницы.

— Противъ правилъ? Когда мать хочетъ ухаживать за больнымъ ребенкомъ?

Женни удивилась твердому тону и увѣренности, съ какой глядѣла сидѣлкѣ въ глаза. Хороша мать, четыре года не вспоминавшая о ребенкѣ!

Она ощутила что-то смутное, точно укоръ совѣсти, который, какъ свинецъ, сдавилъ ей сердце.

Тяжелая грусть охватила ее, и она впала въ мрачное раздумье.

На минуту Женни вспомнила объ Артурѣ. Она обѣщала телеграфировать ему немедленно по пріѣздѣ. Что бы онъ сказалъ, увидѣвъ, какъ она здѣсь ссорится съ грубой сидѣлкой?

Она ясно представляла себѣ его за чайнымъ столомъ съ матерью и тетей Агнесой. На немъ коричневый костюмъ велосипедиста, желтыя новыя ботинки; а велосипедъ, на которомъ онъ только что катался по Груневальду, стоитъ внизу у портье. Прежде Артуръ былъ убѣжденнымъ противникомъ велосипедной ѣзды; но съ тѣхъ поръ, какъ велосипедъ введенъ у военныхъ, онъ предался этому спорту, хотя въ глубинѣ души всетаки считаетъ его вульгарнымъ. Что же дѣлать? На верховую лошадь нехватаетъ средствъ.

«Теперь она уже пріѣхала», слышитъ Женни его голосъ. Тетя Агнеса опускаетъ на колѣни вязанье и утвердительно киваетъ головой. Вотъ Артуръ всталъ, надѣлъ pince-nez съ темными стеклами, и нервно забѣгалъ изъ угла въ уголъ. Каждый разъ, какъ въ коридорѣ раздается звонокъ, въ головѣ его проносится: телеграмма. И всѣ трое съ вопрошающими взорами ждутъ рѣшенія вопроса, отъ котораго зависитъ ихъ жизнь. Она или не она? Разъ горничная принесла вечернюю газету, потомъ почтальонъ принесъ матери приглашеніе на засѣданіе дамскаго кружка, затѣмъ явился мясникъ получить распоряженія на слѣдующій день. Вотъ уже девять часовъ: вечерняя газета лежитъ неразвернутой на столѣ — Артуръ становится все нервнѣе; онъ громко выражаетъ свое неудовольствіе; а обѣ бѣдныя женщины страдаютъ...

Какъ молнія пронеслось все это у нея въ головѣ.

Она не можетъ имъ помочь. Пусть страдаютъ. Она тоже страдаетъ. И много, много страдала; годами.

Около рта легли жесткія складки.

Сидѣлка съ трудомъ сдерживала негодованіе.

— Что-жъ вы, уходите... или остаетесь?

— У васъ есть другой пацiентъ, оставьте меня.

— Въ такомъ случаѣ я слагаю съ себя всякую отвѣтственность. Я ни за что не ручаюсь.

— Я за все отвѣчу.— И минуту спустя мягко и грустно прибавила: — Я мать.

Ночь прошла довольно покойно, безъ особыхъ событій.

Хотя Женни была страшно утомлена, ей всетаки удалось не з снуть. Она не проглядѣла ни одного движенія мальчика.

Подъ утро, когда она обратилась съ какимъ-то вопросомъ къ с дѣлкѣ, отвѣта не послѣдовало. Та задремала на стулѣ. Позже, ког Женни съ участіемъ замѣтила, что ей, вѣроятно, пришлось дежур

много ночей, она рѣзко и грубо отвѣтила непрошенной гостьѣ, которая неизвѣстно зачѣмъ тутъ шпіонитъ.

Наконецъ, пришелъ докторъ. Плотный мужчина съ незначительной, полной физіономіей, въ золотыхъ очкахъ. Грубоватый и прямой. Онъ уже слышалъ отъ слуги, что пріѣхала дама и провела въ больницѣ ночь. Докторъ почти не взглянулъ на нее и обратился къ сидѣлкѣ, которая отвѣчала ему съ подобострастіемъ. Изслѣдовавъ дѣтей, онъ коротко и односложно отдалъ приказанія.

Женни врачъ не внушалъ довѣрія; онъ дѣлалъ все такъ равнодушно и вообще не понравился ей. Циникъ, рѣшила она.

Отъ времени до времени она ловила на себѣ подозрительный взглядъ маленькихъ сѣрыхъ глазъ. Она инстинктивно чувствовала, что стѣсняетъ его. Когда онъ всталъ и, безмолвно поклонившись, хотѣлъ уйти, она спросила, въ какомъ положеніи ребенокъ?

— Надежды мало, — сказалъ онъ и проворчалъ что-то о лихорадкѣ и плохомъ питаніи. — Хорошаго ждать нельзя... Есть у васъ еще дѣти?

Она вскочила, возмущенная. Какъ можно быть такимъ циникомъ! Кровь бросилась ей въ голову. Или это разсѣянность? Отсутствіе воспитанія? Она выпрямилась и хотѣла оборвать невѣжу; но видъ тяжело дышащаго ребенка снова навѣялъ грусть и заслонилъ все другое.

— Докторъ, помогите!

Замѣтивъ въ глазахъ ея страхъ, онъ снова началъ односложно повторять предписанія, данныя ранѣе сидѣлкѣ. Не зайдетъ ли онъ еще вечеромъ, просила она

Онъ обѣщалъ и сказалъ, что ночью рѣшится, выживетъ ребенокъ или...

Ея взглядъ зажалъ ему ротъ.

— Умѣетъ ли она ходить за больными?—спросилъ онъ съ сомнѣніемъ. И когда услыхалъ, что Женни прошла курсъ въ Красномъ Крестѣ, то пробормоталъ что-то о знатныхъ дамахъ, которыя, чтобы убить время, слѣдуютъ всякой модѣ. Однако, разрѣшилъ остаться.

Къ вечеру лихорадка усилилась; а съ наступленіемъ ночи, когда Женни собралась немного подремать, въ комнату проскользнула смерть.

Женни не могла спать; она была слишкомъ утомлена; нервы раздались; сказывалась безсонная ночь.

Она впала въ полузабытье, въ то состояніе, когда всѣ формы и цвѣта стушевываются и расплываются, когда видишь предметы, но не отдѣляешь фантазіи отъ дѣйствительности.

Женни утратила власть надъ собою.

Она вовсе не удивилась и не испугалась, услыхавъ невдалекѣ звонъ быстро несущагося велосипеда.

Докторъ послѣ обѣда подозрительно покачалъ головой и сказалъ, что *она* придетъ.

Женни ждала ее.

Дѣвушка напряженно слушала. Вотъ она близко. Вотъ скрипятъ ступени; стучатъ кости. Тихо, точно кошка, крадется она за добычей. Вотъ подошла къ постелькѣ. Только песочные часы шумятъ у нея въ лѣвой рукѣ; медленно, равномѣрно, безъ остановки сыплется песокъ. Леденящимъ холодомъ вѣетъ отъ нея. У Женни пробѣжалъ морозъ по спинѣ. Она ясно почувствовала, кто стоитъ за ней.

Но она не спускала глазъ съ маленькаго тѣльца, покрытаго крупными каплями пота, безпомощно метавшагося въ подушкахъ. Ей не разъ казалось, что дыханіе прекратилось. Медленно останавливалась дѣятельность сердца.

— Вотъ я,—сказала *она* металлическимъ, нѣсколько прерывающимся голосомъ.

Женни испугалась, услыхавъ ея голосъ. Она вся тряслась, не рѣшаясь оглянуться.

— Ты звала меня. И не разъ. Наши мысли встрѣтились. Я къ твоимъ услугамъ.

Какой знакомый голосъ!

— Женни, ты меня знаешь?

Знаетъ ли она ее? У дѣвушки перехватило дыханіе. Она вцѣпилась въ холодѣющія ручонки ребенка.

— Что же ты не отвѣчаешь? — заговорила та искусственно подавленнымъ голосомъ.—Что съ тобой?—Затѣмъ прибавила сердито:—Будь благоразумна, выпусти ребенка и отдай его мнѣ! Скорѣе, мнѣ некогда; меня ждетъ велосипедъ. Рѣшайся; онъ преграждаетъ тебѣ путь къ счастію...

— Артуръ, пощади, умоляю тебя, оставь мнѣ ребенка!

— Нѣтъ, прочь его, или... — и онъ ударилъ ее кулакомъ по рукѣ и мучительно затрясъ.

Она вскрикнула отъ нестерпимой боли.

— Сударыня, сударыня, — стоналъ кто-то жалобно за ней, — проснитесь! Малютка... малютка...

Точно издалека доносились до нея слова.

— Малютка только что скончался.

— Только что... малютка... скон...

Она еще разъ почувствовала, какъ кто-то сильно трясетъ ее... и затѣмъ проснулась.

Придя въ себя, она оглядѣлась кругомъ. Первое, что ей бросилось въ глаза, была нянька, усиленно вытиравшая фартукомъ глаза, тщетно стараясь выжать слезы.

— Господи, Боже, бѣдный ребенокъ...

Теперь она поняла. Взоръ ея упалъ на измятую постельку, гдѣ ея Ванюша, казалось, покойно спалъ.

Она схватила ручонки, которыя лежали на сползшемъ одѣяльцѣ. Онѣ были еще теплы и влажны.

Она нагнулась къ нему и, затаивъ дыханіе, прислушалась. Только будильникъ неутомимо тикалъ на столикѣ: тикъ-такъ, тикъ-такъ...

Мертвая тишина.

Ничего.

Ничего?

Какъ будто?...

Вотъ... да...

Или она ошиблась?

Можетъ быть, это ея собственное дыханіе? Не сидѣлки же?

Правда! Онъ еще дышитъ!

Покойно и равномѣрно, хотя очень слабо, дышалъ онъ ей въ ухо. Она скорѣе ощущала слабое колебаніе воздуха, чѣмъ слышала дыханіе.

— Что съ вами?—спросила ее сидѣлка.—Ванюшѣ, слава Богу, теперь полегчало.

Она не двигалась съ мѣста и жадно ловила теплое дыханіе, вылетавшее изъ губокъ спящаго малютки.

Онъ живъ! Онъ живъ!

— Дайте ему поспать! Теперь онъ выходится! — снова заговорила сидѣлка.

И, снова не получая отвѣта, она прибавила:

— Вы, должно быть, подумали, что Ваничка...?

Только теперь поняла Женни, въ чемъ дѣло. Она забыла, что въ палатѣ былъ другой ребенокъ.

— Ахъ, вотъ что! — сказала она съ изумленіемъ и встала.— Тотъ умеръ? — спросила она, приходя въ себя, ежась и вздрагивая.

Въ окно заглянули первые, блѣдные лучи разсвѣта.

Пробило четыре.

Ночникъ догорѣлъ до воды и немилосердно чадилъ. Женни подошла и потушила его.

— Бѣдное, милое дитя! — причитала сидѣлка.

Женни не слушала. Ей нѣтъ до него дѣла!

Она подошла къ окну и съ шумомъ раздвинула занавѣски. Солнце золотило первыми лучами ржаное поле. Насколько могъ окинуть взоръ, всюду солнце и рожь. Она глубоко вздохнула и протянула руки къ разстилающейся передъ глазами картинѣ. Все въ ней ликовало.

Какъ прекрасенъ міръ... какъ прекрасенъ!

Медленно шло выздоровленіе. Гораздо медленнѣе, чѣмъ ей хотѣлось.

Положимъ, они давно покинули больницу. Женни наняла двѣ комнатки за городомъ, въ старомъ домѣ у подошвы горы. Она давно присматривалась къ нему; онъ издали манилъ ее, какъ надежда, своими бѣлыми стѣнами.

Когда въ одинъ прекрасный день она открыла тамъ еще веранду, окруженную тѣнистыми деревьями и выходящую въ хорошенькій садикъ, дѣло съ хозяйкой тотчасъ уладилось.

Здѣсь они зажили тихой, регулярной жизнью.

Отъ времени до времени пріѣзжалъ докторъ. Сначала исполняя обязанности врача по отношенію къ маленькому паціенту, затѣмъ изъ провинціальнаго любопытства, наконецъ изъ интереса къ удивительной молодой матери, которая боролась сначала со смертью, теперь съ жизнью, отстаивая душу ребенка. Боролась за жизнь, прожитую четыре года безъ нея. Теперь она хотѣла жить для своего ребенка; но въ немъ голосъ крови молчалъ.

Первое, чего онъ потребовалъ, выйдя изъ безразличнаго состоянія, чтобы позвали мать, жену столяра, четыре года замѣнявшую ему родную.

Купленная за деньги мать! Женщина, заморившая его голодомъ! Какъ онъ рвался къ ней, когда Женни, нагнувшись къ подушкамъ, ласкала его и съ радостью наблюдала, какъ понемногу сглаживаются многочисленныя морщинки на лицѣ, и на щечкахъ появляется румянецъ.

Для себя она спасла только тѣло.

Имъ предстояло еще пробудиться, исцѣлиться обоимъ, теперь за время выздоровленія, которое шло съ ужасающею медлительностью. Обоимъ!

Медленно подымались ростки, наливались почки; безсознательно, точно во снѣ, съ каждымъ часомъ крѣпла ея душа, пока, наконецъ, дождалась полнаго расцвѣта: еще медленнѣе, и недовѣрчивѣе подымалась душа ребенка. Наконецъ, и она обнаружила первые проблески жизни.

Надъ этой мягкой почвой работала любовь матери, уничтожая сорную траву, оберегая нѣжные, едва распустившіеся цвѣточки; срѣзая сучки и вѣтки, преграждавшіе доступъ солнцу, чтобы многочисленныя почки, показавшіяся повсюду, могли со всей силой, богато распуститься.

И свѣтъ хлынулъ отовсюду, потому что у любви тысячи нѣжныхъ глазъ, тысячи неутомимыхъ рукъ, все устраняющихъ, чтобы дать доступъ солнцу.

Вчера малютка впервые улыбнулся ей, немного робко и застѣнчиво, но всетаки настоящей, дѣтской улыбкой. А сегодня, когда въ комнату, отряхиваясь и ворча, ворвался сенъ-бернаръ доктора, ребенокъ, ища защиты, протянулъ къ ней рученки. А она успокаивала его всякимъ вздоромъ, разсказывала, какой Лео дяди-доктора добрый, какъ любитъ дѣтей. Тогда мальчикъ довѣрчиво схватилъ голову собаки и взвизгнулъ отъ радости, когда сенъ-бернаръ растянулся на полу. И такъ шло дальше. Каждый день приносилъ новое счастіе, каждый часъ какую-нибудь новинку, неожиданность, открытіе, чудо! Надо было только имѣть уши, чтобы слышать, и глаза, чтобы видѣть.

Отовсюду забили новые ключи. Гдѣ вчера едва пробиралась незамѣтная струйка, готовая исчезнуть въ ближайшихъ пескахъ, сегодня, соединясь съ другой, бѣжитъ ручеекъ, одолѣвающій препятствія; онъ растетъ день ото дня и превращается, наконецъ, въ блестящій потокъ, величественно и спокойно несущійся въ берегахъ, сокрушая всѣ преграды, къ безбрежному морю жизни.

Странное, необычайное состояніе—и съ каждымъ днемъ оно становилось все страннѣе. Все жесткое, чужое, отъ чего она прежде такъ много страдала, исчезло; ничего не требующая благодарность наполняла все ея существо; мечтательный покой охватилъ ее.

Она нашла твердую почву и стояла одна, какъ дерево среди поля, все покрытое цвѣтами и залитое солнцемъ.

Она шла рука объ руку съ огромнымъ, безмолвнымъ счастіемъ, глядя въ его глубокіе, голубые глаза, слушая его серебристый смѣхъ.

Да, теперь впервые она чувствовала себя матерью.

Мать!

Ей, казалось, что теперь только въ страшныхъ мученіяхъ произвела она на свѣтъ ребенка.

Теперь она проснулась къ жизни и шла къ свѣту. А деревья осыпали ее цѣлымъ дождемъ бѣлыхъ лепестковъ, точно пастала весна, когда воды, журча, бѣгутъ по лугамъ. Всюду жизнь и счастіе!

Кругъ нея, подъ ней, внутри нея все пѣло.

Въ дождливый день, когда она пріѣхала, все было мертво и безмолвно. Ей казалось, что и недѣли нельзя прожить въ такомъ захолустьѣ. Она надѣялась, что въ нѣсколько дней все устроится и ей можно будетъ вернуться въ милый, большой, блестящій, сіяющій Берлинъ.

И однако, она все еще здѣсь, хотя прошло цѣлыхъ восемь недѣль.

Здѣсь, въ забытомъ уголкѣ земного шара. Вотъ что стало ея міромъ! И какимъ міромъ!

Когда она шла, ведя ребенка за ручку, подъ большимъ бѣлымъ зонтикомъ черезъ спѣлыя, ржаныя поля, единственнымъ ея желаніемъ было идти такъ вѣчно, до конца свѣта и дальше, дальше, чтобы ржаное поле не кончалось и солнце не заходило.

Но всему наступаетъ конецъ.

Рожь сжали и свезли въ риги; дни стали короче и свѣжѣе. Приближалась осень.

День ото дня все краснѣе становился дикій виноградъ, обвивавшій веранду; то тутъ, то тамъ упадалъ поблекшій листъ. Доцвѣтали осеннія розы. Кусты крушины по сторонамъ желѣзной дороги всѣ усѣяны жадной птицей.

Прогулки стали рѣже; были дни, когда солнце совсѣмъ не показывалось; туманъ, переходившій въ дождь, меланхолически падалъ на землю.

Садъ опустѣлъ; дорожки покрылись водой. Кое-гдѣ цвѣли запоздавшія георгины съ почернѣвшими листьями. Ночью былъ первый морозъ.

— Вы уже топили?—спросилъ входя докторъ. За послѣднее время онъ былъ постояннымъ гостемъ, хотя вѣчно жаловался на массу работы.

— Немного; мнѣ надо было писать,—сказала Женни, и отложила въ сторону перо.

Она встала, подала ему руку и, указывая на кресло около камина, сказала:

—. Пожалуйста, садитесь, докторъ.

— Благодарствуйте; но если вамъ надо писать... я зайду въ другой разъ.

— Нѣтъ, посидите! Вы мнѣ не помѣшали. Я какъ разъ кончила. Извѣщала мать о своемъ пріѣздѣ въ Берлинъ.

— Вы уѣзжаете въ Берлинъ?

— Лѣто прошло. Развѣ вы думали...?

— Мнѣ казалось, что вамъ здѣсь лучше... у насъ...

Женни спокойно смотрѣла на него. Съ минуту она подумала, затѣмъ тихо сказала:

— Лучше! Мой женихъ хочетъ, чтобы я, наконецъ, вернулась.

— Вы невѣста? Раньше вы никогда объ этомъ не говорили.

— Уже четыре года—больше четырехъ лѣтъ...

— И теперь хотите выйти замужъ?

— Я беру съ собой ребенка.

Она произнесла эти слова серьезно и торжественно. Въ ея голосѣ звучало что-то рѣшительное. Около глазъ и рта легли тѣни.

— Ахъ, да — усмѣхнулась она, видя, что онъ ничего не говоритъ,—вамъ вѣдь это не понятно. Мой женихъ не хочетъ, чтобы я привозила съ собой ребенка.

— Его отецъ?

— Онъ юристъ-чиновникъ.

Она встала.

— Простите; мнѣ пора укладываться.

Но докторъ не ушелъ; онъ испытующе смотрѣлъ на нее и, казалось, не замѣчалъ протянутой на прощанье руки.

— Мы съ вами сдѣлались друзьями поневолѣ,—началъ онъ.— Сначала, какъ помните, дѣло у насъ долго не ладилось. И если бы мнѣ не удалось вылѣчить вашего мальчика...

— Но вы его вылѣчили; его и меня,—быстро прибавила она, и глаза ея заблестѣли.—А я была опаснѣе больна, чѣмъ онъ; теперь я это вполнѣ сознаю.

— Доктору вы давно дали отставку; но другъ не хотѣлъ покидать васъ; онъ не ушелъ и теперь, когда вы вздумали деликатно выпроводить его.

— Другъ мой, я не узнаю васъ. Вы, замкнутый, скупой на слова, сегодня произносите пространную рѣчь.

— Развѣ не имѣю права? Мнѣ кажется, въ вашихъ глазахъ я болѣе, чѣмъ кто-либо другой имѣю на то право.

— Какъ врачъ. Да.

— А какъ другъ?

— Другъ предъявляетъ свои права даже тогда, когда у него ихъ отнимаютъ.

Докторъ медленно поднялся со стула и подошелъ къ Женни.

— Допустимъ!—сказалъ онъ, взглянувъ ей прямо въ лицо, и прибавилъ,—останьтесь у насъ!

Она, повидимому, ждала этого и, не раздумывая, быстро отвѣтила:

— Знаете, мнѣ самой тяжело уѣзжать? Я здѣсь столько пережила внутренно. Но я должна!

Она замѣтила его вопросительный взглядъ и на минуту замолчала.

— Не ради жениха. О, нѣтъ. Съ этимъ покончено. Вотъ только дойдетъ письмо до Берлина. Нѣтъ, покончено давно, многіе дни, недѣли, мѣсяцы, съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь. Ему извѣстно, что я или совсѣмъ не пріѣду, или пріѣду съ мальчикомъ. Теперь я это подтверждаю письменно—юристу во всемъ нужна формальность.

— А ваша семья?

— Семья,—усмѣхнулась она съ горечью и ироніей. Моя семья—ребенокъ. Я почти забыла, что есть еще какая-то семья. Семья? Что имъ до меня! Теперь, когда я стала тѣмъ, чѣмъ всегда должна была быть. Я иначе думаю, иначе чувствую, иначе желаю; что же въ сущности остается общаго: случайность, называемая родствомъ. Мать, думаете вы? Да, она можетъ быть... можетъ быть, она и могла бы понять, потому что сама была матерью... ахъ, нѣтъ, она тоже не поймете,—прибавила Женни безъ горечи.

— Скажите же мнѣ, зачѣмъ вы ѣдете? Зачѣмъ? Есть у васъ тамъ друзья?

— Которые такъ себя называютъ, потому что жизнь столкнула насъ съ ними? Которые случайно идутъ одной съ нами дорогой?

Она слегка кивнула головой.

— Были, конечно. Какъ же безъ этого? Ну, они меня теперь совсѣмъ не поймутъ. Это надо пережить, выстрадать...—быстро оборвала она рѣчь.

Докторъ не рѣшался продолжать начатый разговоръ. Онъ не вполнѣ понималъ ее и въ смущеніи уставился въ полъ. Когда онъ поднялъ глаза, то она показалась ему печальной и постарѣвшей.

— Нѣтъ,—начала она снова, видя, что онъ смотритъ на нее испытующимъ взоромъ,—нѣтъ, прежняя жизнь меня не тянетъ. Я ѣду, потому что должна, а должна, потому что хочу. Хочу за все, что сдѣлала, отвѣтить сама, и все, что буду дѣлать, устроить сама. Дорогой другъ мой, вы и представить себѣ не можете, какъ я стала горда.

Онъ сочувственно улыбнулся, а она продолжала:

— Теперь остался одинъ шагъ къ цѣли, послѣднее испытаніе своей силы. Если здѣсь, среди чужихъ людей, до которыхъ мнѣ нѣтъ дѣла и которые мной мало интересуются, если здѣсь, въ чужой сре[дѣ], я признаю своего ребенка, не велика заслуга. Нѣтъ, тамъ, въ м[ей] обычной сферѣ, изъ которой я должна теперь уйти, это уже чего-[нибудь] стоитъ. Вы думаете, я намѣрена здѣсь спрятаться и потихон[ку] наслаждаться своимъ счастьемъ? Нѣтъ, я хочу кричать о немъ, чт[обы] всѣ слышали: смотрите, вотъ я, я самая! и если они оплюютъ мен[я], а

я не утрачу спокойнаго равновѣсія гордой любви, тогда только получу я право на ребенка, матерью котораго хочу быть. Я хочу освободиться отъ людей и ихъ законовъ, потому и должна вернуться къ нимъ.

— Вы озлоблены,—замѣтилъ докторъ.

— Я озлоблена? Я? Можетъ быть, была раньше, когда сюда ѣхала. Теперь во мнѣ все ликуетъ, потому что я устояла въ бою, и тысячи мрачныхъ, назойливыхъ предразсудковъ зовутъ снова на бой. Но кто борется, тотъ живетъ. Это великій, неизмѣнный законъ природы!

Страшно возбужденная, съ блестящими глазами стояла Женни передъ докторомъ. Разгорѣвшаяся и прекрасная, какой онъ никогда ея не видалъ. Вся она была олицетвореніемъ гордаго торжества.

Онъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на нее и не рѣшался произнести ни слова. Смущенный поднялся онъ съ мѣста, взялъ шляпу, чтобъ идти.

— Прощайте, докторъ! — она протянула ему руку; онъ молча пожалъ ее.

— Мнѣ васъ будетъ недоставать,—сказалъ онъ наконецъ,—съ вами уйдетъ послѣдній лучъ свѣта. А я такъ привыкъ къ нему!— затѣмъ, помолчавъ, прибавилъ: — Можетъ быть, когда-нибудь вернетесь?

— Нѣтъ, докторъ! Никогда. Я увожу съ собою ребенка.

Твердо и рѣшительно звучалъ ея голосъ.

Съ минуту постоялъ еще докторъ, потомъ выпустилъ ея руку. Онъ чувствовалъ, что она должна идти своимъ путемъ, съ здоровымъ эгоизмомъ любви къ своему ребенку. Она такъ недавно стала матерью; никакое другое чувство еще не умѣщалось въ ея сердцѣ.

— Будьте счастливы,—сказалъ онъ глухо, не глядя на нее.

Она взяла его руку и старалась заглянуть въ глаза.

— Будьте и вы счастливы, другъ мой,—ея голосъ звучалъ чисто, какъ серебро.—Благодарю за все, что вы для меня сдѣлали, что вы изъ меня сдѣлали.

Заключительныя слова смутили его. Онъ низко поклонился и твердыми шагами вышелъ вонъ.

Она съ минуту стояла задумавшись.

Когда садовая калитка закрылась, Женни подошла къ окну.

Докторъ быстро направлялся по шоссе къ окутанному туманомъ городу.

Вдругъ ей все здѣсь показалось тѣснымъ и сѣренькимъ, какъ въ первый день пріѣзда.

Прочь, прочь отсюда!

Страстное желаніе простора и свѣта охватило ее. Она бросилась въ сосѣднюю комнату и принялась обнимать и цѣловать ребенка съ

такой порывистостью, что испуганный малютка заплакалъ, а у нея перехватило дыханіе.

Въ Берлинъ, въ Берлинъ...

На слѣдующее утро, когда они приближались къ вокзалу, вся мѣстность была окутана легкимъ туманомъ. Ни одинъ листокъ не шевелился. Царила полная тишина. Солнце пряталось за облаками; казалось, когда они разойдутся, можно ожидать яснаго дня. Послѣдній, хорошій осенній день!

Къ полудню, дѣйствительно, разгулялось. Открылись яркіе ландшафты: красныя, желтыя, зеленыя деревья мелькали и снова исчезали въ пространствѣ.

Когда поѣздъ приблизился къ Берлину, солнце тысячею огоньковъ дрожало на золотомъ куполѣ рейхстага; статуя Побѣды на колоннѣ сіяла металлическимъ блескомъ; мраморныя статуи маркграфовъ издали виднѣлись среди порѣдѣвшей листвы Тиргартена.

Всюду блескъ и сіяніе.

Она высоко подняла развеселившагося ребенка и такъ порывисто поцѣловала его, что спутницы съ изумленіемъ оглядѣли ее.

Что случилось съ молодой дамой изъ провинціи, которая за всю дорогу не сказала ни слова? Сидѣла все время задумавшись?

Старая кукла на колоннѣ не могла поразить красотой; новыя куклы въ Тиргартенѣ—тоже дѣло вкуса. Ужъ эти провинціалы...

Можетъ быть, она радуется скорому свиданію! Навѣрное, ее ждетъ какой-нибудь господинъ; вѣроятно, мужъ...

Старая дама, сидѣвшая напротивъ, давно замѣтила (когда та снимала перчатки), что у спутницы нѣтъ обручальнаго кольца, поэтому она съ ней и не заговаривала.

Когда обѣ вышли у Зоологическаго сада, старушка не удивилась, что провинціалку не встрѣтилъ господинъ, который могъ бы быть ея мужемъ. Ее ждала пожилая дама въ черномъ, видимо, взволнованная, не поглядѣвшая даже на ребенка.

Значитъ, она, навѣрно, не замужемъ. На вдову тоже не похожа; совсѣмъ не похожа! Смѣшно — ребенокъ все время называлъ ее «мама».

Странно; тутъ что-то не спроста.

Красивая особа.

Хм...

Поѣздъ тронулся. Обѣ женщины затерялись въ толпѣ. Старуха долго слѣдила въ лорнетъ за спутницей. Она была глубоко возмущена.

Ахъ, этотъ Берлинъ! Никогда не знаешь... Хорошо, что моя ю не останавливаясь продолжать путешествіе.

Н. Н

ДРУГЪ ДЛЯ ДРУГА *).

Повѣсть.

VIII.

Въ квартирѣ Альберта Ивановича Пфейфера на Арбатѣ до завтрака все шло какъ всегда: самъ Альбертъ Ивановичъ выѣзжалъ въ городъ рано, какъ называлось это—по дѣламъ, хотя всѣ дѣла его состояли въ томъ, что онъ заѣзжалъ въ банкирскую контору, гдѣ у него небольшія деньги лежали всегда на текущемъ счету, и разговаривалъ съ свободнымъ конторщикомъ о деньгахъ.

Осторожный и не любящій дѣлъ, онъ больше для развлеченія иногда покупалъ на нѣсколько тысячъ рублей бумагъ, о которыхъ ужъ слышалъ очень много хорошаго, но при малѣйшемъ колебаніи продавалъ. До сихъ поръ на этихъ операціяхъ онъ ничего не нажилъ и, несмотря на то, что въ конторѣ постоянно упрекали его за недостатокъ характера, указывая на то, что проданныя бумаги потомъ поднялись, онъ придерживался прежней системы.

Дамы тоже въ обычный часъ выѣзжали, но никуда не заѣхали, а просто прокатились, единственно для того, чтобы у Валентины былъ свѣжій видъ. Потомъ всѣ завтракали.

Но послѣ завтрака въ квартирѣ началось особаго рода движеніе. Ни бѣготни, ни шума не было; прислуга не получала никакихъ особыхъ порученій. По внѣшности ничто не перемѣнилось, и тѣмъ не менѣе все было не такъ, какъ обыкновенно.

Дамы очень долго обсуждали вопросъ о томъ, въ какомъ платьѣ с Ьдуетъ появиться Валентинѣ за обѣдомъ. Гардеробъ ея былъ не- и черпаемъ, и тѣмъ не менѣе затрудненіе представлялось огромное. Д ло въ томъ, что всѣ туалеты Валентины были разсчитаны на театр ьный блескъ. Если же и предназначалйсь для дома, то имѣлась въ

*) *Русская Мысль*, кн. XI, 1900 г.

виду та публика, какая у нихъ бывала, т.-е. пестрая, разнокалиберная, крайне неопредѣленныхъ положеній, и съ совершенно не извѣстными хозяевамъ вкусами и требованіями. Платье заказывалось подороже, пошикарнѣй. А тенерь вдругъ почувствовалось всѣми, что нужно что-то другое. На этотъ разъ искали изящества не въ дороговизнѣ, а въ скромности.

И послѣ очень долгихъ размышленій было рѣшено, что Валентина появится въ простомъ платьѣ цвѣта матовой стали, которое очень шло къ ней при вечернемъ освѣщеніи.

То же самое и съ прической. Дарья Васильевна, призывавшая обыкновенно для валентининой прически парикмахера, на этотъ разъ поняла, что парикмахерская прическа тутъ не годится, и убрала волосы Валентины собственноручно. Именно было необходимо, чтобы ни въ чемъ не было видно преднамѣренной подготовки, «желанія показать себя». Прическа вышла простая, и это было хорошо. Когда туалетъ Валентины былъ конченъ, Дарья Васильевна осталась имъ очень довольна.

Въ половинѣ шестого Валентина была совсѣмъ готова. Она вышла въ гостиную, сюда же былъ приглашенъ и Альбертъ Ивановичъ. Валентина стояла передъ зеркаломъ, осматривала себя со всѣхъ сторонъ и находила, что все на ней какъ нельзя лучше. Альбертъ Ивановичъ въ первую минуту, взглянувъ на нее, остался не вполнѣ доволенъ.

— Что это такъ просто?—промолвилъ онъ, не видя въ туалетѣ своей дочери ничего бросающагося въ глаза. Онъ былъ очень плохъ по части вкуса, и ему казалось, что богатство обязываетъ дѣвушку одѣваться драгоцѣнно.

— Развѣ не хорошо?—спросила Валентина.

— Хорошо-то, хорошо, очень даже хорошо, но только...

— Ты въ этомъ ничего не понимаешь, Альбертъ Ивановичъ,— замѣтила ему Дарья Васильевна.—Вѣдь мы не на балъ ѣдемъ и у себя не собираемся принимать большого и разнообразнаго общества. Это будетъ просто интимный обѣдъ, значитъ, и туалетъ долженъ быть простой.

Альбертъ Ивановичъ поспѣшилъ согласиться и про себя подумалъ, что Валентина въ этомъ простомъ платьѣ чрезвычайно мила и что, если бы онъ былъ княземъ, вродѣ Вехтина, то-есть молодымъ человѣкомъ безъ всякихъ средствъ, то онъ непремѣнно тотчасъ же влюбился бы въ нее; но Валентинѣ онъ этого не сказалъ, такъ какъ не хотѣлъ смущать ее. Вѣдь никто не можетъ предсказать, что изъ этого знакомства выйдетъ, можетъ быть и ничего не выйдетъ.

Но Альбертъ Ивановичъ уже съ половины шестого началъ безпокоиться. Онъ каждую минуту вынималъ изъ жилетнаго кармана часы, смотрѣлъ на нихъ и говорилъ:

— Однако, ужъ безъ двадцати пяти минутъ, а они не ѣдутъ.

И опять Дарьѣ Васильевнѣ приходилось читать ему нравоученія.

— Ахъ, Альбертъ Ивановичъ, ты все понапрасну безпокоишься. Разъ люди приглашены на обѣдъ, такъ они къ обѣду и должны пріѣхать. А пріѣзжать за три часа даже неловко и непринято. Пріѣдутъ за пять минутъ, чтобы войти, перекинуться двумя-тремя словами, вотъ и все.

И въ самомъ дѣлѣ, безъ пяти минутъ въ шесть внизу на лѣстницѣ и въ самой квартирѣ произошло движеніе, на этотъ разъ уже настоящее движеніе, въ которомъ приняли участіе и швейцаръ, и горничная, и даже самъ Альбертъ Ивановичъ, который не вытерпѣлъ и выскочилъ на лѣстницу, не давъ даже лакею доложить какъ слѣдуетъ о прибытіи гостей.

— Пожалуйте... Очень, очень рады, и я, и жена, и дочь!—кричалъ онъ сверху, когда княжна Валерія и князь Анатолій Александровичъ Вехтинъ поднимались по лѣстницѣ.

У княжны Валеріи былъ необыкновенно строгій тонъ, который придавало ей черное платье, лишенное какихъ бы то ни было признаковъ фантазіи и украшеній. Но лицо ея было менѣе строго, и на привѣтствіе Альберта Ивановича она улыбалась, правда, не слишкомъ щедро, но все же довольно ласково.

Что касается Анатолія, то его внѣшній видъ въ первую минуту смутилъ не только Альберта Ивановича, но и дамъ. Онъ былъ во фракѣ, и всѣмъ показалось, что хозяева одѣлись къ обѣду не довольно торжественно.

«Можетъ быть, такъ и слѣдовало,—подумалъ Альбертъ Ивановичъ.—Вѣдь англичане, говорятъ, иначе не являются къ обѣду, какъ во фракѣ, и даже у себя дома обѣдаютъ во фракѣ».

— Я начинаю мое знакомство просьбой о снисхожденіи,—сказалъ Анатолій,—сегодня въ судѣ затянулось дѣло. Я только въ половинѣ шестого освободился. Пришлось ѣхать прямо къ тетушкѣ и остаться во фракѣ. Я не могъ позволить себѣ опоздать къ вамъ хоть на десять минутъ.

Послѣ этого и Альбертъ Ивановичъ, и дамы почувствовали себя какъ бы освобожденными, и это дало даже благопріятный толчокъ предварительному разговору. Въ теченіе десяти минутъ, предшествовавшихъ обѣду, люди должны были экстренно ознакомиться другъ съ другомъ и даже до нѣкоторой степени сблизиться, чтобы не чувство-

вать себя случайно сошедшимися за обѣденнымъ столомъ, какъ за табль-д'отомъ въ отелѣ.

— Вы съ насъ не взыщите,—говорила Дарья Васильевна,—мы провинціалы, вся жизнь наша протекла въ губернскомъ городѣ.

— О,—возразилъ Анатолій, я очень хорошо знаю губернскую жизнь. Я тамъ учился въ гимназіи.

Вотъ ужъ и почва была готова: жизнь въ губернскомъ городѣ. Валентина вспомнила, какъ она училась въ гимназіи. Князь Анатолій—какъ онъ ухаживалъ за гимназистками. Отъ этихъ воспоминаній, хотя у каждаго они касались разныхъ городовъ, имъ становилось весело.

Въ школьной жизни, хотя бы она происходила на противоположныхъ точкахъ земного шара, есть что-то общее для всѣхъ, и воспоминанія о ней сближаютъ людей. Заговорили объ учителяхъ. И тамъ, и здѣсь нашлись строгіе и злые, добрые и ласковые. Школьные типы такъ вездѣ схожи и такъ повторяются.

И когда въ гостиную вошелъ лакей и пригласилъ всѣхъ въ столовую, у Валентины и Анатолія шелъ уже живой разговоръ, который они продолжали на ходу и когда сѣли за столъ. Старики же вели между собой разговоръ болѣе солидный и менѣе искренній, о провинціальной тишинѣ и столичномъ шумѣ. Альбертъ Ивановичъ оказался большимъ любителемъ столичнаго шума и говорилъ о томъ времени, когда онъ жилъ въ губернскомъ городѣ, какъ о напрасно потерянномъ времени.

— Зачѣмъ жить въ дурныхъ домахъ, ходить и ѣздить по плохимъ улицамъ, смотрѣть плохую труппу въ театрѣ, когда есть на свѣтѣ хорошіе дома и мостовыя, хорошіе театры съ хорошими труппами? Всякій человѣкъ долженъ стремиться жить лучше, не правда ли?

И говорилъ онъ это съ глубокимъ убѣжденіемъ, какъ человѣкъ, который имѣлъ полную возможность не только стремиться, но и достигать.

Княжна Валерія высказывала совсѣмъ противоположные взгляды.

— О,—говорила она,—для меня вся эта суета большого города, это—какой-то долгій, безконечный кошмаръ, тяжелая болѣзнь, горячка съ бредомъ. Знаете, когда человѣкъ самъ живетъ полной жизнью и голова у него отъ этого кружится, то онъ не замѣчаетъ угловатостей и смѣшныхъ сторонъ этой жизни. Но когда онъ волей или неволей отъ жизни уклонился и ушелъ въ себя, а на жизнь смотритъ со стороны, то все ему кажется такимъ, какимъ должно быть. Одно кажется смѣшнымъ, другое—оскорбительнымъ, и отъ всего

чувствуетъ боль. Ахъ,—со вздохомъ прибавляла княжна Валерія,—каждый человѣкъ или долженъ жить въ свойственномъ его положенію, воспитанію и взглядамъ антуражѣ, или, если это нельзя, удалиться въ пустыню. Я живу въ Москвѣ единственно ради племянника. Нельзя же, согласитесь, оставить молодого человѣка одного. Онъ, конечно, не институтка и, къ счастью, совсѣмъ не наивенъ и самъ себя не дастъ въ обиду; но всетаки онъ молодъ и не долженъ оставаться безъ руководителя.

Вообще княжна Валерія производила на стариковъ Пфейферовъ впечатлѣніе какой-то величественной патріархальности. Что же касается Валентины, то она во весь обѣдъ ничего не слышала изъ того, о чемъ говорили старики, и на величественность княжны не обратила вниманія. Ее всю поглотилъ молодой князь, котораго она нашла самымъ интереснымъ человѣкомъ, какого только видѣла въ своей жизни. И трудно было сказать, чѣмъ собственно такъ покорилъ ее Анатолій. Разговоръ, который они вели за обѣдомъ, былъ самый ничтожный. Они перескакивали съ предмета на предметъ, острили, говорили глупости, громко смѣялись, а подъ конецъ даже шутя чокнулись бѣлымъ виномъ.

Анатолій былъ въ рѣдкомъ ударѣ. Онъ понималъ, что въ этомъ домѣ на него смотрятъ не какъ на простого гостя, но съ нѣкоторыми смутными планами или, по крайней мѣрѣ, надеждою. Онъ чувствовалъ, что здѣсь отдаютъ дань его происхожденію и титулу. Наконецъ, онъ очень хорошо видѣлъ, что производитъ благопріятное впечатлѣніе своей наружностью и простотой, и это его воодушевляло. Когда обѣдъ кончился, Валентина уже смотрѣла на него и говорила съ нимъ такъ, какъ будто они давно-давно были знакомы. Она играла на роялѣ, пѣла, заставляла его пѣть, и онъ пѣлъ охотно, хотя никогда не считалъ себя пѣвцомъ. И время для обоихъ прошло такъ незамѣтно и быстро, что когда княжна Валерія въ десять часовъ церемонно поднялась и объявила, что пора ѣхать, Валентина даже слегка вскрикнула:

— Ахъ, неужели пора?

Анатолію тоже не хотѣлось уѣзжать, но надо было подчиниться. Тетушка держала высокій тонъ. Не слѣдовало мѣшать ей.

— Надѣюсь, что мы будемъ видѣться часто!—сказала Валентина на прощанье, подавая руку Анатолію, и при этомъ глаза ея сіяли не скрываемой радостью. Эта непосредственность и неумѣніе прятать свои искреннія чувства удивительно шли къ ней и нравились Анатолію.

— Но это само собой разумѣется,—отвѣтилъ Анатолій ей въ тонъ и съ такимъ выраженіемъ несомнѣнности и даже невозможности

сомнѣваться, какъ будто случились уже обстоятельства, навѣки связавшія ихъ неразрывными узами.

Было что-то роковое въ этой встрѣчѣ двухъ молодыхъ людей, которые чуть ли не съ перваго взгляда почувствовали, что созданы другъ для друга.

Былъ прекрасный вечеръ, ясное звѣздное небо, въ воздухѣ было тихо. Выйдя изъ подъѣзда, почтительно сопровожденные ливрейнымъ швейцаромъ, княжна и князь тотчасъ повернули налѣво и молча пошли по панели.

Почему-то оба они считали нужнымъ молчать и такъ какъ на улицѣ не было ни ѣзды; ни пѣшеходовъ, то каждый шагъ ихъ былъ явственно слышенъ, и можно было различить медленные, тихіе шаги тетушки Валеріи и болѣе громкіе и рѣшительные—Анатолія.

Они дошли до Арбата и здѣсь повернули вправо. Здѣсь уже появились и ѣдущіе извозчики и пѣшеходы. Гулъ колесъ и говоръ заглушили ихъ шаги. Только теперь они оба почувствовали, что можно заговорить, и первый сдѣлалъ это Анатолій.

— Ну, что же вы скажете, тетушка?—спросилъ онъ и тихо взялъ ее за руку, какъ бы желая помочь ей перейти улицу.

— Ты погоди, Анатолій, погоди. Я еще ничего не скажу,—отвѣтила княжна Валерія.—Тутъ еще слишкомъ много такого, надъ чѣмъ надо сперва много подумать, а потомъ говорить.

— Вы находите? А я ничего такого не нахожу. Я ничего не нахожу, надъ чѣмъ надо думать. Тутъ все ясно и все прозрачно.

— Ты молодъ, Анатолій, оттого такъ и говоришь.

— Тетушка, но здѣсь и надо, чтобъ я былъ молодъ. Не знаю, поймете ли вы то, что я вамъ скажу,—съ несвойственнымъ ему одушевленіемъ говорилъ Анатолій.—Еслибъ я не былъ молодъ и даже очень молодъ, то тутъ не обошлось бы безъ... Ахъ, тетушка, какъ бы это такъ сказать, чтобы не оскорбить вашъ изысканный слухъ.

— Безъ подлости, должно быть,—подсказала тетушка.

— Да, вотъ это самое слово... Потому что разсчетъ въ такомъ дѣлѣ—вѣдь это подлость... вѣдь такъ это называется?

— Ну, ну, говори дальше, милый князь,—съ чуть-чуть замѣтной ироніей промолвила княжна Валерія.

— Буду говорить, тетушка. Я говорю, что, можетъ быть, ни въ одномъ положеніи не нужно было бы такъ благодарить Бога за то, что есть молодость, какъ въ этомъ. Я говорю, тетушка, прямо и откровенно. Представьте себѣ, что мнѣ было бы не двадцать шесть лѣтъ, а сорокъ два или сорокъ пять, и я былъ бы тѣмъ, что есть, то-есть княземъ безъ княжества, безъ состоянія и безъ малѣйшей надежды

получить его въ видѣ наслѣдства. И вотъ случилась эта встрѣча: семья богатыхъ мѣщанъ, жаждущая возвыситься при посредствѣ дочери... Какъ я поступилъ бы?...

— Ну, ну, какъ ты поступилъ бы?—съ прежней ироніей спросила тетушка.

— Трудно мнѣ стать на ту точку зрѣнія, тетушка, потому что я, какъ вы знаете, никогда не былъ сорока-двухлѣтнимъ, но... Но думаю, что поступилъ бы подло.

— То-есть?

— То-есть безъ малѣйшаго увлеченія, а по холодному разсчету, постарался бы увлечь дѣвицу и женился бы на ней. Вы удивляетесь и негодуете?

— Нѣтъ, милый, я только слушаю.

— Непремѣнно поступилъ бы такъ, потому что, тетушка, вся моя предыдущая жизнь была бы подготовкой къ этому. Я такъ думаю: если ты человѣкъ родовитый и по волѣ судьбы и предковъ не имѣешь возможности оправдать свою родовитость въ своей жизни (подъ этимъ оправданіемъ я разумѣю много золота и соотвѣтственную обстановку), то отбрось разъ навсегда всякія воспоминанія о родовитости и самый титулъ, связывающій тебя съ нею, отсѣки и тогда работай себѣ на здоровье. Будь адвокатомъ, докторомъ, инженеромъ, чѣмъ хочешь,—достигай. Если же ты титулъ не отсѣкъ и твои умственныя очи смотрятъ туда, гдѣ лакеи стоятъ на запяткахъ саней и кареты съ гербами, то ты неминуемо долженъ совершить такой или иной *поступокъ,* изъ коихъ самый честный и самый безвредный для общества (хотя всетаки достаточно подлый) есть женитьба на денежной особѣ. Развѣ не такъ, тетушка?

— Гм... Такъ, стало быть, ты обо всемъ этомъ много думалъ?

— Я всегда занимаюсь этимъ на свободѣ, тетушка. Притомъ я видѣлъ, какъ дѣлали это нѣкоторые носители титуловъ и меня всегда отъ этого, извините, тетушка, слегка поташнивало. И тѣмъ не менѣе я зналъ, навѣрное, что и мнѣ самому безъ этого не обойтись.

— Но, Анатолій, вѣдь это совсѣмъ другое дѣло... Совсѣмъ, совсѣмъ...

— Да вѣдь объ этомъ я, тетушка, и говорю. Потому-то я и благодарю небо за то, что оно дало мнѣ молодость и способность искренно у[illegible]каться. Я, напримѣръ, вамъ прямо говорю, что не замѣтилъ, к[illegible]къ прошелъ сегодняшній вечеръ.

— А!... А я замѣтила. У тебя все время глаза горѣли...

— Да вѣдь она прелестна, она очаровательное существо! Развѣ в[illegible]того не находите, тетушка?

— Нахожу, нахожу, милый князь... Она вполнѣ заслуживаетъ, чтобъ ее называли княгиней. Не такъ ли?

— Она заслуживаетъ гораздо большаго...

— Ты влюбишься совсѣмъ и даже полюбишь. О, это драгоцѣнное свойство породы.

— Влюбляться, тетушка?...

— Нѣтъ, ты не шути. Это очень серьезно. Я говорю, преимущество настоящей породы, притомъ здоровой и крѣпкой, которая еще не выродилась,—направлять свои чувства туда, куда указываетъ разумъ... Ты подними голову, Анатолій, и взгляни выше. Принцы выбираютъ себѣ подругъ разсудкомъ, но это не мѣшаетъ имъ послѣ выбора къ разсудку прибавить чувство. Вообрази, что ты богатъ и встрѣчаешь такую же прекрасную особу, какъ Валентина Альбертовна, и съ тѣмъ же общественнымъ положеніемъ. Развѣ ты влюбился бы въ нее? Нѣтъ, ты ея не замѣтилъ бы, а самое большее—она тебѣ внушила бы какія-нибудь скверныя мысли, которыя приходятъ всѣмъ вамъ мужчинамъ при видѣ хорошенькой женщины. Ты влюбился бы, можетъ быть, въ гораздо менѣе красивую дѣвушку своего круга. Не такъ ли? Развѣ я не права?

— Все такъ, какъ вы говорите, тетушка. Вы удивительно *правый человѣкъ*.

— Это оттого, Анатолій, что жизнь моя сложилась неудачно, и это заставило меня много думать. Ну, хорошо, ты почти влюбленъ. А она?

— Я не знаю... Не могъ же я спросить ее объ этомъ...

— Мой милый князь, я спросила. Конечно, не словами, а глазами... Да, да, я весь вечеръ посматривала на васъ обоихъ. Насчетъ тебя я еще сомнѣвалась, но она... она... Ты взялъ ее въ плѣнъ съ перваго же слова... За это я тебѣ ручаюсь.

— Тетушка, я возьму извозчика и подвезу васъ,—сказалъ Анатолій послѣ нѣкотораго молчанія.

Онъ подозвалъ извозчика, и они сѣли. У княжны въ самомъ дѣлѣ болѣли ноги, но она не знала, есть ли у Анатолія лишняя мелочь, чтобъ заплатить за извозчика, поэтому не возбуждала объ этомъ вопроса. Анатолій довезъ ее до дому, проводилъ до самой двери и дождался, пока ей отперли.

Придя къ себѣ, Анатолій долго не могъ привести въ порядокъ свои чувства. Онъ старался думать о тетушкиной теоріи и убѣждалъ себя, что въ немъ дѣйствуетъ разумъ, но это не утишало его волненія, и онъ думалъ о томъ, какъ бы найти поводъ поскорѣе опять побывать у Пфейферовъ. Рѣшительно, онъ влюбился.

IX.

Въ особнякѣ на Арбатѣ впечатлѣніе, произведенное гостями, было выражено иначе. Какъ только гости ушли, Валентина, вмѣсто того, чтобы пойти въ свою комнату и переодѣться во что-нибудь, менѣе стѣсняющее, сѣла за фортепіано и съ какимъ-то небывалымъ жаромъ стала пѣть романсы. Никто ее не слушалъ, но ей это было все равно. Она пѣла для себя. Просто это было выраженіе ея сильнаго душевнаго волненія.

Случилось что-то необыкновенное, чего она еще никогда не испытала. Въ губернскомъ городѣ, когда она была еще дѣвочкой, случалось, что ея сердце билось немного чаще, и причиной этого бывалъ какой-нибудь гимназистъ или учитель. Но это было не то, не то. Никогда волненіе не охватывало ее всю, никогда не казалось ей, что въ мірѣ все перевернулось и пошло по иному.

А Дарья Васильевна и Альбертъ Ивановичъ совсѣмъ не высказывались. Они только глядѣли на Валентину и подмигивали другъ другу.

Потомъ подали чай, и только тогда, когда всѣ трое усѣлись за столъ, начался разговоръ о гостяхъ. Оба старики находили, что князь пресимпатичный молодой человѣкъ, княжна же слишкомъ строга, такъ что въ ея присутствіи чувствуешь себя подавленнымъ.

— А я ее почти не видѣла,—сказала Валентина,—спросите меня, какіе у нея глаза, и я вамъ не скажу.

— Зато ты хорошо разглядѣла князя,—сказала Дарья Васильевна.

— Еще бы, онъ такой интересный, ахъ, какой онъ интересный!

И, конечно, если бы Валентину спросили, чѣмъ собственно такъ интересенъ князь, она не сумѣла бы объяснить. Но ни Альбертъ Ивановичъ, ни Дарья Васильевна не спрашивали ее объ этомъ: оба они отлично понимали, что Валентина влюблена.

Затѣмъ произошелъ рядъ событій, еще больше сблизившихъ молодого князя съ семействомъ Пфейферовъ. На другой день Анатолій заѣхалъ къ нимъ часовъ въ двѣнадцать утра, очевидно, съ визитомъ, и, не заставъ дома, оставилъ свою карточку. Онъ зналъ, что въ этотъ часъ ихъ не будетъ дома и нарочно выбралъ его. Пусть они не думаютъ, что онъ способенъ надоѣдать имъ частыми свиданіями.

Но Пфейферы, когда вернулись и нашли дома его карточку, были в отчаяніи. Они совсѣмъ этого не ожидали. Но карточка имѣла еще д угое значеніе, болѣе глубокое и важное. Она навела дамъ на мысль, к торая заставила ихъ обѣихъ вскочить съ мѣстъ и схватиться за г ову.

— Мама, да что же мы дѣлаемъ?—воскликнула Валентина,—

княжна была у насъ два раза, согласилась даже обѣдать, а мы ни разу не заѣхали къ ней.

Дарья Васильевна вспомнила о томъ, что она когда-то знала изъ кодекса свѣтскаго обращенія, и пришла въ ужасъ. Въ сущности онѣ должны были сдѣлать это раньше, до обѣда, и, очевидно, только благодаря великодушію княжны, изъ этого не вышло никакой непріятности.

И это соображеніе измѣнило всѣ привычки въ домѣ. Уже былъ накрытъ столъ для завтрака, и лакей собирался подавать, но все было отложено. Дамы поднялись одѣваться, а кучеру было приказано оставаться у подъѣзда. Черезъ полчаса онѣ были готовы и уже ѣхали на Моховую.

И это было очень кстати. Дѣло въ томъ, что княжна Валерія ни на минуту не сомнѣвалась въ томъ, что онѣ сегодня пріѣдутъ. Если бы этого не случилось, она сочла бы себя оскорбленной.

Ожидая къ себѣ гостей, княжна приготовила все для достойнаго ихъ пріема. Она предупредила семью родственнаго профессора, что у нея будутъ дамы, которыхъ она должна принять въ гостиной. Она встрѣтила гостей въ томъ же самомъ черномъ платьѣ, въ которомъ была вчера, но у нея была надѣта какая-то въ высшей степени немодная кружевная накидка, по всѣмъ признакамъ, явившаяся на свѣтъ лѣтъ сорокъ тому назадъ и сохраненная ею.

Гостиная профессора была обставлена скромно, но все же гости видѣли, что княжна живетъ не въ какихъ-нибудь меблированныхъ комнатахъ. Тетушка чрезвычайно заботилась о хорошемъ впечатлѣніи. Она ясно видѣла, что для Анатолія тутъ уже нѣчто началось и, такъ какъ это былъ тотъ періодъ отношеній, когда взаимная симпатія еще не пустила глубокихъ корней и держится почти на поверхности, то она считала своимъ долгомъ устранить все, что могло повредить укрѣпленію ея.

— Ахъ, княжна, можете себѣ представить, какую мы испытали досаду! — вполнѣ искренно говорила Дарья Васильевна, и княжна сейчасъ увидѣла, что это искренно. — У насъ былъ князь и не засталъ насъ дома. И надо же было ему пріѣхать какъ разъ въ тотъ часъ, когда мы всегда катаемся!

— О,—съ тончайшей усмѣшкой замѣтила княжна,—князя, навѣрно, огорчило это гораздо больше, чѣмъ васъ и, конечно, если онъ узнаетъ, что вы объ этомъ сожалѣете, то поспѣшитъ не только воспользоваться этимъ, но и злоупотребить.

— Онъ, навѣрное, узнаетъ, потому что папа сегодня у него будетъ, чтобы выразить сожалѣніе, — сообщила Валентина.

— Тогда можете быть увѣрены, что онъ поторопится наверстать.

Мнѣ очень пріятно,—говорила княжна,—что Анатолій сдѣлалъ такое хорошее знакомство. Знаете, хотя у него много знакомыхъ среди товарищей по профессіи, но недостаетъ семейныхъ знакомствъ. Конечно, онъ могъ бы ихъ сдѣлать, но онъ слишкомъ разборчивъ и какъ-то все не сходится.

Въ такомъ любезномъ тонѣ онѣ говорили съ полчаса, послѣ чего дамы простились и поѣхали домой.

Что касается Альберта Ивановича, то онъ не поѣхалъ къ Анатолію тотчасъ, а отложилъ свой визитъ на пять часовъ, чтобы навѣрное застать князя. И онъ дѣйствительно засталъ его. Они встрѣтились на лѣстницѣ и вмѣстѣ поднялись.

— Ахъ,—воскликнулъ Анатолій, необыкновенно искренно обрадовавшись Альберту Ивановичу — онъ даже самъ удивился этой необычайной радости,— какъ хорошо, что мы встрѣтились! Только зачѣмъ же вамъ было безпокоиться, Альбертъ Ивановичъ?

— Помилуйте, князь, вы у насъ были и не застали... Это такъ досадно. Моя жена и дочь... вы не можете себѣ представить, какъ онѣ жалѣли!

— А какъ здоровье Валентины Альбертовны?—спросилъ Анатолій, когда они уже поднялись до его квартиры.

— Она совершенно здорова, очень вамъ благодаренъ!—отвѣтилъ Альбертъ Ивановичъ.—Я вамъ не помѣшаю?—прибавилъ онъ, когда князь позвонилъ.

— Напротивъ, мнѣ будетъ очень пріятно. Я боюсь только, что вамъ едва ли доставитъ удовольствіе присутствовать при моемъ обѣдѣ. Впрочемъ, можетъ быть, вы раздѣлите со мной мою трапезу? Очень скромную, долженъ васъ предупредить. Даже, можетъ быть, слишкомъ скромную...

— Помилуйте, князь...

Имъ отворили дверь, они вошли.

— Эхъ, знаете что, князь, — сказалъ Альбертъ Ивановичъ, когда они были уже въ квартирѣ.—Мнѣ, конечно, очень пріятно было бы пообѣдать съ вами, и я вамъ очень благодаренъ, но вѣдь дамы мои этого не знаютъ и будутъ ждать... А я бы вамъ предложилъ, не лучше ли было бы, если бы мы поѣхали вмѣстѣ къ намъ? Увѣряю васъ, что лучшаго сюрприза я не могъ бы сдѣлать моимъ дамамъ. Вы вѣрите, что я человѣкъ простой и говорю прямо.

— Я тоже человѣкъ простой, Альбертъ Ивановичъ, и скажу вамъ прямо: если только это не обременитъ васъ, то мнѣ доставитъ большое удовольствіе.

— Ахъ, вотъ отлично! Такъ ѣдемъ. У меня лошадь здѣсь.

— Ѣдемъ. Я вотъ только переодѣнусь. Нельзя же два дня подъ рядъ являться во фракѣ, точно на службу.

Сегодня онъ былъ влюбленъ въ Валентину такъ же, какъ и вчера, и приглашеніе Альберта Ивановича доставило ему настоящее блаженство.

Дамъ они застали врасплохъ. Но тѣмъ лучше, отъ этого только было веселѣе. Этотъ обѣдъ и вечеръ для Валентины были продолженіемъ вчерашняго и прошли такъ же быстро и незамѣтно, но на этотъ разъ, такъ какъ не было тетушки, Анатолій просидѣлъ до двухъ часовъ ночи.

— Однако,—сказалъ онъ, спохватившись,—я веду себя такъ, какъ будто мы сто лѣтъ знакомы съ вами.

— А мнѣ кажется, что мы знакомы уже тысячу лѣтъ!—смѣясь, воскликнула Валентина.

— Какъ? и до сихъ поръ не надоѣли другъ другу?

— А развѣ это обязательно?

— Говорятъ, что это правило, которое, впрочемъ, допускаетъ исключенія.

— Ну, такъ мы, значитъ, исключеніе!

Это уже было до нѣкоторой степени, хотя и весьма косвенное, объясненіе въ чувствахъ.

На другой день Анатолій провелъ вечеръ въ ложѣ съ семействомъ Пфейферовъ, причемъ присутствовалъ и Альбертъ Ивановичъ. На слѣдующій день, въ воскресенье, оказалось открытіе какой-то художественной выставки, Анатолій заѣхалъ къ Пфейферамъ и сопровождалъ дамъ, а послѣ выставки обѣдалъ у нихъ. За обѣдомъ присутствовали въ качествѣ гостей какія-то не извѣстныя ему личности. Но онъ не обратилъ на нихъ вниманія и даже недостаточно разглядѣлъ ихъ. Въ понедѣльникъ была панихида по какомъ-то извѣстномъ художникѣ, во вторникъ — концертъ пріѣзжаго віолончелиста. И то, и другое Анатолій посѣтилъ вмѣстѣ съ дамами.

Прошла недѣля, когда, наконецъ, Анатолій вспомнилъ, что со дня знаменитаго обѣда у Пфейферовъ онъ ни разу не видалъ тетушки, и онъ къ ней зашелъ.

— Что же ты пропалъ совсѣмъ?—спросила его княжна Валерія, хотя въ голосѣ ея вовсе не было слышно упрека.

— Ахъ, тетушка!—воскликнулъ Анатолій многозначительно и въ этомъ восклицаніи слилось все, что онъ могъ сказать тетушкѣ.

— А что? Окончательно влюбился?

— Окончательно.

— И каждый день тамъ?

— Каждый день.

— Ну, Богъ въ помощь тебѣ. Я, впрочемъ, не безпокоилась, потому что знала это. Твоя красавица совершенно готова для того, чтобы влюбиться и выйти замужъ. Ахъ, нынче не много такихъ дѣвушекъ, которыя были бы вполнѣ пригодны для этого. Ну, а скажи, пожалуйста, тебѣ извѣстно, чему равняется состояніе Пфейферовъ?

— Почемъ мнѣ это знать, тетушка?

— Я еще сама точно не знаю, но черезъ нѣсколько дней я получу самыя достовѣрныя свѣдѣнія.

— Такъ вы, значитъ...

— А ты думалъ, я въ это время спала? Ахъ, мой другъ, внѣшнее богатство еще ничего не значитъ. Сколько бываетъ такихъ блестящихъ, дорого стоющихъ домовъ, которые потомъ продаются съ молотка; но до тебя это не должно касаться. Это ужъ мое дѣло. Я не хочу портить тебѣ твою поэзію. Объ одномъ только прошу,—если бы ты не зашелъ, я къ тебѣ пріѣхала бы: пока я тебѣ не скажу «пора», не предпринимай ничего опредѣленнаго, значительнаго и обязывающаго. Понимаешь?

— Понимаю, тетушка. Но вѣдь это... какъ бы это сказать? Это мѣшаетъ цѣльности жизни...

— О, мой милый Анатолій, у тебя еще такъ много впереди, что ты успѣешь забрать отъ жизни все, что тебѣ надо. А теперь, пожалуйста, пожалуйста слушайся меня и не выходи изъ повиновенія. Я вѣдь не заставляю тебя погружаться въ мелочные разсчеты, а только говорю: слушайся.

— Буду слушаться, буду слушаться, тетушка.

— Ты только одного никогда не долженъ забывать: что ты князь Вехтинъ и что, кромѣ личнаго наслажденія жизнью, на тебѣ еще лежатъ обязанности.

Анатолій, слушая эти строгія рѣчи, улыбался. Онъ, пожалуй, признавалъ эти обязанности, но не чувствовалъ ихъ. Да и къ чему? За него чувствовала это тетушка Валерія, а ужъ она, конечно, не дастъ въ обиду родъ Вехтиныхъ.

X.

Въ первое время, когда Альбертъ Ивановичъ увидѣлъ, что между его дочерью и молодымъ княземъ Вехтинымъ внезапно и стремительно вспыхнула любовь, у него закружилась голова. Какъ ни везло ему въ жизни, какъ ни легко давались ему ея блага, но все же онъ никогда не забывалъ о своемъ поселянствѣ и, когда смотрѣлъ на Валентину—

прекрасную, умницу, образованную, со всѣми требованіями порядочнаго тона,—онъ всегда думалъ: «А всетаки ты дочь поселянина, не больше».

И хотя воображеніе его, ничѣмъ не связанное, въ иныя минуты рисовало ему безумныя возможности, и Валентина представлялась ему чуть ли не въ царской порфирѣ, но вѣдь это было только воображеніе. Въ дѣйствительности онъ почелъ бы себя счастливымъ, если бы дочь его вышла замужъ за порядочнаго дворянина изъ общества.

Въ особенности мечты его стали скромнѣе послѣ переселенія въ Москву, когда его знакомства умножились, и домъ на Арбатѣ отъ времени до времени наполнялся пестрымъ многолюднымъ обществомъ; онъ увидалъ, что все это люди съ сомнительнымъ положеніемъ, и что такихъ достать легко, а людей порядочныхъ, въ томъ смыслѣ, какъ онъ понималъ это, то-есть съ виднымъ и прочнымъ общественнымъ положеніемъ, привлечь очень трудно. По крайней мѣрѣ до сихъ поръ это ему не удалось.

Поэтому знакомство и сближеніе съ княземъ Вехтинымъ было для него неожиданно свалившеюся съ неба милостью. Во-первыхъ, князь, оттѣненный строгой и величественной княжной Валеріей, производилъ на него и на его семью впечатлѣніе въ высшей степени порядочнаго человѣка. Во-вторыхъ, онъ носилъ древнюю фамилію,—на этотъ счетъ Альбертъ Ивановичъ уже получилъ достовѣрныя свѣдѣнія; въ-третьихъ, онъ былъ не съ улицы и принадлежалъ къ сословію адвокатовъ, то-есть занималъ извѣстное почетное положеніе.

Но когда Альбертъ Ивановичъ увидѣлъ, что увлеченіе Валентины принимаетъ все болѣе опредѣленную форму и укрѣпляется и растетъ, у него головокруженіе прошло, и явилось сознаніе серьезности положенія. Дѣло шло очевидно къ тому, что князь Вехтинъ можетъ сдѣлаться мужемъ Валентины.

Съ внѣшней стороны это было какъ нельзя лучше. Поселянка сдѣлается княгиней и притомъ не какой-нибудь,—вѣдь много есть на свѣтѣ князей, княжеское имя которыхъ произносится съ усмѣшкой,—а именно Вехтиной. Но помимо внѣшней стороны существуетъ внутренняя,—счастье Валентины, просто человѣческое счастье, между тѣмъ онъ совсѣмъ не знаетъ, что такое этотъ князь. Съ виду онъ производитъ отличное впечатлѣніе, но за симпатичной внѣшностью часто скрывается дурной человѣкъ, и это можетъ оказаться на другой день послѣ свадьбы.

И такъ какъ Альбертъ Ивановичъ видѣлъ, что молодые люди совсѣмъ влюблены другъ въ друга и со дня на день можно было ожи-

дать, что возникнетъ вопросъ о женитьбѣ, то, боясь, чтобы вопросъ этотъ не засталъ его врасплохъ, онъ торопился.

Задача предстояла ему сложная. Надо было собрать свѣдѣнія разнообразныя, рисующія князя Вехтина со всѣхъ сторонъ. И Альбертъ Ивановичъ вспомнилъ, что у него въ губернскомъ городѣ уже нѣсколько лѣтъ длится недоразумѣніе изъ-за его дома, который хотя и былъ проданъ передъ его выѣздомъ, но покупатель оказался неисправнымъ, и теперь судьба дома была запутана. Кстати, было получено письмо отъ довѣреннаго лица. Недоразумѣніе продолжалось, и онъ сказалъ Дарьѣ Васильевнѣ:

— Надо посовѣтоваться съ хорошимъ адвокатомъ; я съѣзжу къ Огинскому; говорятъ, онъ тонко понимаетъ дѣла.

— Съѣзди! — сказала Дарья Васильевна, нѣсколько удивленная такимъ интересомъ Альберта Ивановича къ дому, который въ сущности очень мало занималъ его.

И Альбертъ Ивановичъ поѣхалъ къ адвокату въ его пріемный часъ. Онъ разсказалъ все дѣло о домѣ въ губернскомъ городѣ, показалъ документы и получилъ совѣтъ. Затѣмъ онъ заплатилъ адвокату и притомъ такъ хорошо, что адвокатъ сейчасъ же расположился въ его пользу. Тогда Альбертъ Ивановичъ сказалъ:

— Надѣюсь, вы позволите мнѣ обращаться къ вамъ въ случаяхъ, когда будетъ надобность; а потомъ я хотѣлъ просить васъ... Видите ли, у меня бываютъ мелкія дѣла, изъ-за которыхъ я, разумѣется, не посмѣлъ бы васъ утруждать. И для такихъ дѣлъ я имѣю въ виду одного адвоката изъ молодыхъ; но прежде чѣмъ довѣриться ему, я желалъ бы знать мнѣніе о немъ такого признаннаго лица, какъ вы. Я говорю о князѣ Вехтинѣ.

— Князь Вехтинъ? А, знаю, знаю. Онъ недавно занимается адвокатурой,—совсѣмъ еще молодой человѣкъ.

— Да, да,— подтвердилъ Альбертъ Ивановичъ,—онъ очень молодъ, но вѣдь это не большой недостатокъ.

— Разумѣется, нѣтъ. Это такой недостатокъ, которому мы, старики, завидуемъ. Ну, что жъ, я не могу сказать про него ничего дурного. Я даже слышалъ о немъ отзывы, какъ о работающемъ и способномъ молодомъ человѣкѣ. Позвольте, да онъ вѣдь состоитъ помощникомъ у моего пріятеля, да, да. И его патронъ о немъ самаго лучшаго мнѣнія.

— Благодарю васъ! — сказалъ Альбертъ Ивановичъ,— я очень радъ, что это такъ оказалось.

И онъ раскланялся. Затѣмъ онъ отправился въ банкирскую контору, гдѣ у него былъ знакомый конторщикъ, съ которымъ онъ часто

разговаривалъ о деньгахъ. Конторщикъ былъ старый дока, великолѣпно знавшій не только всѣ коммерческія дѣла, но и у кого въ Москвѣ сколько милліоновъ, кто сколько проживаетъ и сколько прячетъ въ банкъ и кто сколько долженъ.

Сюда Альбертъ Ивановичъ заѣхалъ до двѣнадцати часовъ и, не желая заводить столь интимный разговоръ въ конторѣ, онъ отвелъ знакомаго конторщика въ сторону и сказалъ:

— Вы сдѣлали бы мнѣ истинное удовольствіе, если бы согласились сегодня позавтракать со мною.

Конторщикъ, который всегда уходилъ завтракать въ это время, согласился, тѣмъ болѣе, что онъ желалъ сдѣлать Альберту Ивановичу истинное удовольствіе, и они отправились къ Тѣстову, гдѣ помѣстились въ отдѣльномъ кабинетѣ.

Тутъ произошло въ высшей степени интимное совѣщаніе. Альбертъ Ивановичъ взялъ съ конторщика слово, что разговоръ останется между ними, и попросилъ у него свѣдѣній насчетъ того, не слышалъ ли онъ чего-нибудь о князѣ Вехтинѣ, не надавалъ ли онъ, напримѣръ, слишкомъ много векселей? Конторщикъ ничего не слышалъ о князѣ Вехтинѣ, но не довѣрялъ самъ себѣ и обѣщалъ Альберту Ивановичу навести справки. Черезъ два дня Альбертъ Ивановичъ опять заѣхалъ въ контору и получилъ самое опредѣленное увѣреніе, что о векселяхъ князя Вехтина никто ничего не знаетъ.

Теперь Альберту Ивановичу оставалось самое главное и, можетъ быть, самое трудное. Ему надо было собрать справки о домашнемъ образѣ жизни князя Вехтина. Для этого былъ только одинъ путь— квартирная хозяйка князя Анатолія, но путь этотъ былъ чрезвычайно опасенъ. Прежде всего, скажетъ ли она правду? Почему бы ей не врать все, что вздумается?

И долго думалъ Альбертъ Ивановичъ надъ этимъ шагомъ. Хотя онъ и не привыкъ къ разнымъ изысканнымъ тонкостямъ обращенія, но все же у него было нѣкоторое врожденное чутье. Кромѣ того надо же отнести что-нибудь на долю вліянія на него Дарьи Васильевны и Валентины. И онъ ясно видѣлъ, что тутъ можетъ выйти большая неловкость. Однако, другого исхода у него не было. Никто, кромѣ хозяйки, которая, какъ онъ зналъ, была простая женщина, не могъ знать подробностей о домашней жизни молодого человѣка.

И Альбертъ Ивановичъ послѣ долгихъ колебаній, продолжавшихся цѣлыхъ три дня, рѣшился. Онъ долженъ былъ на это рѣшиться, такъ какъ князь забѣгалъ къ нимъ все чаще и чаще, являясь уже безъ приглашенія, и просиживалъ такіе долгіе вечера, что Альбертъ Ивановичъ не выдерживалъ и уходилъ спать, полагаясь на бдительность

Дарьи Васильевны. Но и Дарья Васильевна иногда, сидя въ сосѣдней комнатѣ, подремывала подъ шумъ звонкихъ голосовъ молодыхъ людей, перемѣшанныхъ съ музыкой и пѣніемъ. Со дня на день можетъ случиться объясненіе, и надо быть готовымъ,—надо знать, что отвѣтить.

И когда Альбертъ Ивановичъ окончательно собрался посѣтить хозяйку Анатолія, на него напалъ новый страхъ, совсѣмъ особаго рода. Онъ теперь ужъ поставилъ на второй планъ ту неловкость, которая смущала его раньше. У него явилась въ головѣ страшная мысль: а что, если изъ разспросовъ хозяйки выяснится, что князь прененадежный молодой человѣкъ, что онъ ведетъ отчаянный образъ жизни, что у него есть скверныя связи и пр. Вѣдь тогда придется отказаться отъ свѣтлой радостной мечты возвысить черезъ него Валентину.

И при этой мысли Альберта Ивановича бросало въ холодный потъ. Такъ все сложилось хорошо, такъ это походило на счастье, и вдругъ все развалится. Вотъ чего страшился Альбертъ Ивановичъ, отправляясь къ хозяйкѣ князя, и страшился гораздо больше, чѣмъ могущихъ произойти недоразумѣній.

Онъ выбралъ день, когда былъ увѣренъ въ томъ, что князь отсутствуетъ. Еще наканунѣ Анатолій говорилъ, что у него въ окружномъ судѣ дѣло по назначенію суда и что онъ очень озабоченъ этимъ дѣломъ, такъ какъ при удачѣ оно можетъ выдвинуть его. Валентина даже хотѣла ѣхать въ судъ, но князь сказалъ, что дѣло по своимъ подробностямъ будетъ для нея неудобно. Онъ заявилъ еще, что дѣло продлится часа три-четыре, а можетъ быть затянется и больше. Такимъ образомъ было несомнѣнно, что его дома не будетъ.

Но тутъ явился еще одинъ вопросъ: князь говорилъ объ этомъ дѣлѣ самому Альберту Ивановичу; несомнѣнно отъ хозяйки онъ узнаетъ, что Альбертъ Ивановичъ былъ у него; почему же онъ вздумалъ заходить тогда, когда его завѣдомо нѣтъ дома? И для устраненія этого неудобства Альбертъ Ивановичъ пустилъ въ ходъ всю свою изобрѣтательность и, наконецъ, изобрѣлъ.

Очень просто: онъ зашелъ оставить записку, въ которой напомнитъ, что въ этотъ день у нихъ ложа въ Маломъ театрѣ, гдѣ былъ назначенъ какой-то торжественный бенефисъ. Кстати, объ этомъ князю сказали лишь вскользь, и онъ въ самомъ дѣлѣ могъ даже не понять, что его приглашаютъ.

И, приготовившись столь основательно, Альбертъ Ивановичъ вскорѣ послѣ завтрака отправился на квартиру къ князю. Онъ позвонилъ; вышла хозяйка, которую онъ уже однажды видѣлъ.

— Князя нѣту дома и наврядъ скоро будутъ! Сказали, что въ судѣ замѣшкаются,—заявила ему хозяйка.

— Я зналъ, что его не будетъ дома,—сказалъ Альбертъ Иванович,—но мнѣ нужно оставить ему записку.

— Это можно. Пожалуйте...

И Альберту Ивановичу было предоставлено войти въ комнату князя. Хозяйка осталась въ передней, и ему надо было какъ-нибудь привлечь ее въ комнату.

— А скажите, почтеннѣйшая, гдѣ бы тутъ взять бумаги?—спросилъ Альбертъ Ивановичъ.

— Да тамъ, на столѣ, должно быть,—отвѣтила хозяйка, все еще изъ передней.

— Ну, нѣтъ... Я на столѣ ничего тронуть не смѣю. Развѣ вотъ въ вашемъ присутствіи? А то, знаете, у князя затеряется какая-нибудь бумажка, и онъ подумаетъ, что я унесъ ее.

— Ну, гдѣ тамъ... У нихъ почти что каждый день бумаги теряются. То и дѣло спрашиваютъ: не видала ли бумажки?

— Вотъ какъ! развѣ отъ такой... неосновательный...

— Чего неосновательный? Извѣстно, какъ человѣкъ молодой и притомъ баринъ. Видно, безъ привычки въ дѣлахъ...

Хозяйка уже вошла и стояла неподалеку отъ двери, можетъ быть, даже довольная тѣмъ, что имѣетъ случай поговорить о своемъ жильцѣ. Альбертъ Ивановичъ въ это время сидѣлъ за столомъ и приспособлялъ перо. Теперь-то именно ему и предстояла задача — извлечь изъ хозяйки все, что ему было надобно. Она казалась ему простодушной и прямой да къ тому же глуповатой. Это послѣднее обстоятельство онъ находилъ важнымъ.

— Хорошій жилецъ, должно быть, князь! — сказалъ Альбертъ Ивановичъ, слегка наклонившись къ бумагѣ.

— Пожаловаться не могу, жилецъ какъ слѣдуетъ! — отвѣтила хозяйка.—И деньги платитъ и порядокъ соблюдаетъ.

— Ну, порядокъ-то, я думаю, не слишкомъ соблюдаетъ,—усомнился Альбертъ Ивановичъ.—Человѣкъ молодой, ему и увлечься не грѣхъ. Должно быть, любитъ и покутить, а? Поздно домой приходитъ, безпокоитъ, да еще, можетъ быть, и не одинъ, а?

Хозяйка съ рѣшительнымъ выраженіемъ протеста закачала головой.

— Охъ, охъ! нѣтъ, этого не скажите! Этого всего за моимъ княземъ не водится.

— Нѣтъ?—какъ-то особенно выразительно поднявъ на нее глаза, спросилъ Альбертъ Ивановичъ.

— Никогда за всю зиму позже полуночи ни разу не приходилъ. Вотъ только въ послѣдніе дни началъ поздненько являться. Но только въ порядкѣ...

«Гм... — подумалъ Альбертъ Ивановичъ, ощущая истинное удовольствіе отъ хозяйкинаго сообщенія.—Это онъ у насъ засиживался, это ничего»...

— И опять же насчетъ того, чтобъ не одинъ... Нѣтъ! Этого никогда не бывало. Нѣтъ.

— Ну, какъ же возможно,—продолжалъ свои дипломатическія возраженія Альбертъ Ивановичъ.—Ужъ, навѣрно, какая-нибудь такая имѣется...

— Не знаю-съ, можетъ, на сторонѣ, этого мы, извѣстно, знать не можемъ...

— Да неужели совсѣмъ безъ дамъ?

— Раза два по дѣламъ приходили: разъ дама съ мужемъ, съ офицеромъ, а въ другой разъ генеральша одна старая, а такъ, чтобы безъ дѣла, не замѣчала. Ну, извѣстно, тетушка ихняя, княжна, захаживаютъ.

— Такъ...—сказалъ Альбертъ Ивановичъ, кончивъ записку и кладя перо на столъ.—Пріятно имѣть такого хорошаго жильца! Такъ эту записочку вы князю покажите, чтобъ онъ прочиталъ ее. Да непремѣнно, какъ только изъ суда вернется; не забудьте. А теперь до свиданья!

И Альбертъ Ивановичъ, чрезвычайно искренно благодаря хозяйку за то, что она дала ему такія утѣшительныя свѣдѣнія, за то, что она не разочаровала его, не разбила его надежды, вышелъ.

— Ну,—сказалъ онъ себѣ,—теперь, кажется, я могу сказать, что исполнилъ свой долгъ.

И когда онъ ѣхалъ домой, то ему было весело, и теперь, когда онъ отъ начала до конца выполнилъ свою задачу, у него явилось желаніе подѣлиться своими свѣдѣніями съ Дарьей Васильевной. Пріѣхавъ домой, онъ вошелъ въ свой, такъ называемый, рабочій кабинетъ, внизу, гдѣ, впрочемъ, онъ никогда не работалъ, такъ какъ и вообще не имѣлъ этой привычки. Онъ позвалъ сюда горничную и велѣлъ ей сходить наверхъ и попросить сюда барыню. Такимъ образомъ онъ могъ быть увѣренъ, что Валентина не услышитъ ихъ разговора.

Дарья Васильевна пришла нѣсколько удивленная.

— Развѣ что-нибудь случилось?

— Нѣтъ, не случилось, а такъ себѣ, потолковать хочу. Садись-ка, Дарья Васильевна.

Дарья Васильевна сѣла; хотя удивленіе еще не покинуло ея, но

она уже начала догадываться, что рѣчь будетъ о князѣ и Валентинѣ. О чемъ же другомъ Альбертъ Ивановичъ могъ говорить съ такими таинственными приготовленіями?

— Вотъ видишь ли, Дарья Васильевна,—началъ Альбертъ Ивановичъ, — ты, конечно, понимаешь, что знакомство наше и Валентины съ княземъ—не простое знакомство, а тутъ есть кое-что побольше...

— Думаю, что есть!—отвѣтила Дарья Васильевна.

— Я то же самое думаю и даже полагаю, что не сегодня-завтра князь можетъ сдѣлать предложеніе...

— Вѣроятно.

— И что Валентина не задумается принять его...

— И я такъ полагаю.

— Ну, вотъ... Такъ ты понимаешь, что обязанность наша, родителей, охранить нашу дочь отъ рискованнаго шага.

— Какъ? Развѣ ты узналъ про него что-нибудь нехорошее?— почти съ испугомъ воскликнула Дарья Васильевна и этимъ выдала всѣ свои мечты, которыя, очевидно, совпадали съ мечтами Альберта Ивановича.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! Но погоди, дай мнѣ разсказать это по порядку. Я считалъ своимъ долгомъ разузнать все, что только возможно про князя. Я былъ у адвоката Огинскаго, помнишь, еще я тебѣ сказалъ, что хочу посовѣтоваться съ нимъ насчетъ нашего дома?... Насчетъ дома-то я дѣйствительно посовѣтовался; но, между прочимъ, узналъ и про нашего князя. Конечно, все это я сдѣлалъ тонко и осторожно. Огинскій далъ самый прекрасный отзывъ, лучшаго и не надо. Потомъ я собралъ справки касательно долговъ. И узналъ, что векселей князя никто не видалъ. Съ этой стороны—аккуратный молодой человѣкъ. И, наконецъ, я озаботился и насчетъ нравственности, я полагаю,—что это важно.

— И очень даже важно!—замѣтила Дарья Васильевна, даже удивленная его предусмотрительностью.

— Ну, такъ вотъ. Я зашелъ къ нему сегодня, вотъ сейчасъ. Я зналъ, что его нѣтъ дома, онъ въ судѣ. Я написалъ записку... Такъ, пустяки: не забудьте, молъ, князь, про сегодняшній театръ. А при этомъ хозяйка его была, и я такъ, какъ будто безъ надобности, о немъ рѣчь повелъ, насчетъ поведенія, насчетъ женщинъ, какихъ-нибудь неблаговидныхъ связей... И вообрази: ничего такого; даже удивительно! А хозяйка у него глуповатая, значитъ можно ей вѣрить, да и видно, что правда. Ну, такъ вотъ что: выходитъ, что князь прекрасный молодой человѣкъ; состоянія у него нѣтъ, да и не надо, по-

тому что у Валентины своего довольно. Онъ не промотаетъ и не прокутитъ,—аккуратный молодой человѣкъ, и полагаю я, что для Валентины, въ случаѣ предложенія съ его стороны, это будетъ подходящая партія.

— А по-моему, если онъ такой, какъ ты говоришь, такъ это не то что подходящая, а даже блестящая! — замѣтила Дарья Васильевна.

— Ну, знаешь,—почему-то вдругъ захотѣлъ умѣрить ея пылъ Альбертъ Ивановичъ,—наша Валентина, я думаю, тоже не первая встрѣчная, и не онъ, такъ другой нашелся бы. Впрочемъ, я не говорю: онъ партія хорошая. А какъ тебѣ показалось, вѣдь ты ближе ихъ видишь... У нихъ есть сочувствіе, а?

— О, вполнѣ! Валентина даже признавалась мнѣ. Какъ-то ночью ей не спалось, такъ мы говорили. А онъ—тоже по всему видно, что влюбленъ.

— Ну, такъ, слѣдовательно, мы готовы и можемъ встрѣтить достойно. Давно мы съ княжной не видались, надо, чтобы ты заѣхала къ ней и тоже этакъ издалека разговоръ завела, что она думаетъ про это? Онъ вѣдь княжну уважаетъ и слушается. А Богъ ихъ знаетъ, можетъ, у нихъ совсѣмъ другія мысли...

— Я собиралась къ ней! да, да... Завтра съѣзжу къ княжнѣ, непремѣнно съѣзжу!

Такимъ образомъ старики Пфейферы были совершенно приготовлены къ принятію того, что готовила имъ судьба.

XI.

Но судьба кончила всѣ свои приготовленія гораздо раньше, чѣмъ ожидали Пфейферы, и устроила такъ, что Дарья Васильевна не успѣла сдѣлать свой визитъ къ тетушкѣ Валеріи.

Въ тотъ день Анатолій послѣ суда на минуту заѣхалъ домой, переодѣлся и поѣхалъ прямо къ Пфейферамъ. Альбертъ Ивановичъ напрасно безпокоился, думая, что князь не понялъ приглашенія ѣхать съ ними въ театръ. Князь понималъ не только прямыя приглашенія, а и всѣ малѣйшіе намеки, дававшіе ему возможность бывать у Пфейферовъ.

И онъ у нихъ обѣдалъ; потомъ поѣхали въ театръ, гдѣ сидѣли в ложѣ—сперва вчетверомъ, а затѣмъ Альбертъ Ивановичъ по обыкновенію раньше уѣхалъ домой, и они остались втроемъ.

Анатолій сидѣлъ за спиной у Валентины, и никогда еще, какъ въ этотъ вечеръ, оба они не чувствовали такой близости другъ къ дру-

гу. И Анатолій видѣлъ, что Валентина плохо слышитъ и видитъ то, что происходитъ на сценѣ, и самъ онъ былъ разсѣянъ. Было ясно, что они не могутъ уже довольствоваться взглядами, намеками, полусловами, а должны назвать свое чувство полнымъ именемъ.

Валентина за этотъ вечеръ даже какъ будто похудѣла, а глаза ея сдѣлались большіе и горящіе. Дома, гдѣ они проводили вмѣстѣ много часовъ, имъ не было никакой возможности высказаться. Постоянно чувствовалось, что близко Дарья Васильевна, которая хотя и желала этого объясненія и находила его естественнымъ и неизбѣжнымъ, но все же считала своимъ долгомъ быть настороже. Конечно, они могли бы всегда уловить минуту, но оба чувствовали, что признаніе ихъ при такихъ условіяхъ будетъ неполнымъ и какъ бы вынужденнымъ. Со времени знакомства ихъ уже прошло около трехъ недѣль, такъ что и «срокъ для созрѣванія чувства» уже вышелъ.

Въ антрактѣ Валентина захотѣла пить.

— Пройдемте въ фойе! я провожу васъ!—сказалъ Анатолій.

Валентина поднялась, и чувствуя, что онъ скажетъ ей что-то значительное и какъ бы боясь, чтобы Дарья Васильевна не стала имъ сопутствовать, сказала ей:

— Ты, мама, не безпокойся. Анатолій Александровичъ проводитъ меня. Мы сію минуту вернемся.

И они пошли. По лѣстницѣ Валентина шла впереди, Анатолій слѣдовалъ за ней; но въ фойе оказалась давка и идти такимъ образомъ не было возможности, и какъ-то само собой вышло, что Валентина, какъ бы спасаясь отъ давки, взяла его руку. Анатолій почувствовалъ близость ея дрожащаго тѣла, и уже это было для него признаніемъ.

— Слушайте... Валентина...—сказалъ онъ почти на ухо ей, въ первый разъ не прибавивъ къ ея имени отчества. — Намъ надо побыть вдвоемъ, чтобы сказать другъ другу многое...

— Да,—тихо отвѣтила ему Валентина.

— Вы должны захотѣть завтра быть въ Третьяковской галлереѣ; я зайду за вами; мы пойдемъ пѣшкомъ, а оттуда поѣдемъ прокатиться за городъ, но не на вашихъ лошадяхъ.

— Да, да...—отвѣтила Валентина, упоенная его довѣріемъ, близостью и всѣмъ тѣмъ, что для нея служило косвеннымъ признаніемъ.

Они дошли до буфета. Валентина выпила залпомъ стаканъ лим. нада. Они вернулись обратно опять черезъ фойе, и по лѣстницѣ он уже шли отдѣльно. Дарья Васильевна встрѣтила ихъ пытливым взглядомъ.

— А мы завтра съ Валентиной Альбертовной хотимъ посѣтит Третьяковскую галлерею!—сказалъ Анатолій.

— А!—какъ-то странно откликнулась Дарья Васильевна.

— Ахъ, да, да, мама, Анатолій Александровичъ зайдетъ за мной, и мы пройдемся пѣшкомъ. Я такъ мало хожу. Пожалуй, еще растолстѣю!—прибавила Валентина съ улыбкой.

— Ну, что-жъ, пройдитесь,—отвѣтила Дарья Васильевна, и больше объ этомъ разговора не было.

Послѣ спектакля Анатолій зашелъ къ нимъ, пилъ чай, но оставался не долго. Уходя, онъ крѣпко пожалъ руку Валентинѣ и сказалъ:

— Такъ завтра я зайду за вами часовъ въ одиннадцать, хорошо? У меня завтра свободный день. Не забудьте и будьте готовы.

Валентина кивнула ему головой. Она отвратительно спала эту ночь, чѣмъ еще больше убѣдила Дарью Васильевну, что надо поскорѣе сдѣлать визитъ княжнѣ Валеріи.

Что касается Анатолія, то онъ спалъ эту ночь хорошо. Въ его характерѣ была одна удивительно счастливая черта: способность владѣть своими чувствами и душевными состояніями. Во всѣхъ его отношеніяхъ къ Пфейферамъ и въ частности къ Валентинѣ, онъ не видѣлъ ничего загадочнаго и сомнительнаго. Онъ видѣлъ, что все идетъ такъ естественно, какъ иначе не можетъ быть, и имъ руководила увѣренность. Себя онъ зналъ хорошо и понималъ, что онъ Пфейферамъ нуженъ, такъ что со стороны стариковъ никакихъ возраженій противъ себя не предусматривалъ. Валентина уже дала ему много неуловимыхъ доказательствъ своего чувства. Все, значитъ, сложилось какъ нельзя лучше, и потому онъ былъ увѣренъ, что все и кончится такъ, какъ надо.

Если Валентина не спала ночь отъ волненія, въ ожиданіи тѣхъ опредѣленныхъ словъ, какія завтра скажетъ ей князь, и, какъ принято говорить, въ ожиданіи рѣшенія своей судьбы, то Анатолій считалъ уже свою судьбу рѣшенной. Онъ страстно любилъ Валентину, и она будетъ принадлежать ему, а вмѣстѣ съ нею и то, что принадлежитъ ей. Было бы дико, если бы произошло иначе.

Проснулся онъ въ девять часовъ, неторопливо выпилъ свой кофе, одѣлся и отправился къ Пфейферамъ. Во всей этой исторіи удивительно было развѣ то, что такое, повидимому, рѣшительное дѣйствіе Анатолій предпринималъ, не выслушавъ прямого совѣта тетушки Валеріи. Но это такъ только казалось. Тетушку Валерію онъ, правда, предупредилъ о томъ, что ему предстоитъ сегодня рѣшительное объясненіе съ Валентиной. Но нужно ли это было? Тетушка знаетъ, что это должно случиться, и третьяго дня, когда онъ зашелъ къ ней, передала ему результаты своихъ изысканій.

— У Пфейферовъ больше милліона, на сколько больше, этого я достовѣрно не могла узнать!—сказала ему тетушка.—Но этого достаточно, чтобы человѣкъ твоего положенія, Анатолій, могъ достойно устроить свою жизнь,—прибавила она.

И развѣ это не было съ ея стороны прямое разрѣшеніе дѣйствовать? Не могла же тетушка сказать ему: иди, дѣлай предложеніе, или: иди, объясняйся. Тетушка слишкомъ тонко чувствуетъ, чтобы могла внести въ его отношенія къ Валентинѣ такой мѣщанскій оттѣнокъ.

Когда Анатолій поднялся наверхъ въ особнякѣ на Арбатѣ, Валентина уже совсѣмъ была готова къ выходу. Она надѣла коротенькую мѣховую кофту, опушенную соболемъ, съ собольимъ воротникомъ. Анатолій часто видѣлъ ее въ длинной шубѣ съ широкимъ воротникомъ, и ему всегда казалось, что въ этомъ костюмѣ какъ будто ей чего-то недостаетъ. Въ кофточкѣ же она была тонка и изящна. Онъ не выдержалъ и сказалъ ей:

— Вамъ удивительно идетъ этотъ туалетъ.

— Значитъ, мнѣ идетъ ходить пѣшкомъ,—замѣтила смѣясь Валентина.

— Ну, вотъ и пойдемъ пѣшкомъ.

И они вышли. А Дарья Васильевна, провожая ихъ, въ душѣ смутно чувствовала, что они скажутъ другъ другу что-то важное, и безъ словъ благословляла ихъ.

Но, идя по московскимъ тротуарамъ, они болтали всякій вздоръ и смѣялись, и ни однимъ намекомъ не подготовили предстоящее объясненіе. По пути имъ встрѣтился лихачъ; Анатолій остановилъ его и велѣлъ ему подъѣхать къ Третьяковской галлереѣ и стоять тамъ. Почему они всетаки пошли въ галлерею, хотя, конечно, картины ихъ совсѣмъ въ это утро не интересовали,—на этотъ вопросъ отвѣтить трудно. Можетъ быть, это было безсознательное желаніе увѣрить другъ друга въ томъ, что ихъ будущій разговоръ, столь важный и рѣшительный, ни однимъ изъ нихъ не былъ предусмотрѣнъ и случаенъ. Но они зашли въ галлерею и провели тамъ минутъ десять, обойдя ее и остановившись передъ нѣкоторыми картинами. Потомъ они вышли на улицу. Лихачъ уже ждалъ ихъ.

День былъ теплый, по зимнему. Ночью выпалъ свѣжій снѣгъ, который довольно твердо держался двухградуснымъ морозомъ. Былъ конецъ зимы. Анатолій усадилъ Валентину и самъ сѣлъ рядомъ съ нею.

— Поѣзжай, куда хочешь—за городъ!—сказалъ онъ кучеру, и тотъ поѣхалъ.

Есть особаго рода ощущеніе, когда, какъ бы ни были благо-

ятны условія,—среди большого города на многолюдной улицѣ, гдѣ стоитъ говоръ и шумъ, какъ-то не хочется говорить о чувствахъ интимныхъ, какъ будто боишься, что кто-нибудь невзначай услышитъ тебя или замѣтитъ на твоемъ лицѣ черту, выдающую тебя. Это чувствовала Валентина и какъ-то даже боялась, что Анатолій скажетъ что-нибудь изъ той области, которую она считала заповѣдною.

Но Анатолій самъ испытывалъ такое же ощущеніе и, пока они проѣзжали по городскимъ улицамъ, говорилъ о вчерашнемъ спектаклѣ, дѣлалъ замѣчанія объ архитектурѣ домовъ и улицъ, гдѣ они проѣзжали. Лошадь бѣжала тихой рысцой, иногда порываясь къ быстрому бѣгу, но кучеръ сдерживалъ ее. На каждомъ шагу встрѣчались препятствія то въ видѣ ломовика, застрявшаго посреди улицы, то въ видѣ пѣшехода, растерявшагося среди экипажей.

Но вотъ мало-по-малу высокіе дома стали попадаться рѣже, улицы измѣнили свой характеръ, городъ перешелъ въ предмѣстье, затѣмъ предмѣстье кончилось, и открылась ровная площадь, покрытая снѣгомъ. Тутъ, по снѣжной дорогѣ, кучеръ пустилъ лошадь, прикрикнулъ на нее, и оба сѣдока какъ бы почувствовали освобожденіе отъ сковывавшаго ихъ города.

— Какъ хорошо!—воскликнула Валентина.—Какъ быстро, мнѣ такъ никогда еще не случалось ѣздить. У меня такое ощущеніе, какъ будто я вотъ-вотъ сейчасъ сорвусь и полечу въ небо...

— О, въ небо?—промолвилъ Анатолій,—а меня вы хотите оставить на землѣ?... Ну, нѣтъ, ну, нѣтъ. Я не пущу васъ въ небо.

При этихъ словахъ онъ взялъ ея руку и крѣпко сжалъ въ своихъ рукахъ.

— Валентина,—сказалъ онъ,—есть вещи, которыя можно сказать другъ другу только... Ну, только тогда, когда чувствуешь, что летишь въ небо! Потомъ земля возьметъ свое и, можетъ быть, эти самыя слова окажутся реальными и земными, какъ все на свѣтѣ; но разъ въ жизни мы должны вѣрить, что это небесныя слова. Сказать ихъ?

— Да, да, ихъ надо сказать!—промолвила Валентина, конечно, знавшая уже эти слова и все-таки страстно желавшая услышать ихъ.

— Ну, такъ вотъ они: Я люблю васъ, Валентина!... Это для ва ь не новость, вы это знаете, можетъ быть, съ первой встрѣчи... Мн ѣ казалось, что вы тоже... Но... Я этого отъ васъ еще не слышалъ.

Валентина повернула къ нему свое лицо, и столько неосторожной ра ости было въ ея глазахъ и улыбкѣ, что слова уже ничего къ ней пр бавить не могли.

— Развѣ надо?—сказала она.

— Нѣтъ, не надо!—воскликнулъ Анатолій и, обнявъ ея талію, крѣпко прижалъ къ себѣ.

Такимъ образомъ былъ сдѣланъ тотъ важный шагъ, который рано или поздно надо было сдѣлать. Кучеръ, какъ бы чувствуя, что позади него совершается нѣчто важное, дернулъ лошадь, и она помчалась еще быстрѣе. Анатолій и Валентина довольно долго не говорили ни слова, наслаждаясь той фазой своего счастья, когда оно было названо. Наконецъ, Анатолій, не выпуская ея руку изъ своей, снова заговорилъ:

— Слушайте, Валентина, все то, что мы сказали другъ другу, не было ново для насъ, но его надо было сказать. На свѣтѣ, кромѣ чувства, существуютъ еще внѣшнія отношенія. Чувство не нуждается въ словахъ, но внѣшнія отношенія къ нимъ обязываютъ. Правда?

— Правда,—съ грустнымъ оттѣнкомъ въ голосѣ отвѣтила Валентина. Ей теперь совсѣмъ не хотѣлось говорить ни о чемъ, кромѣ своего чувства, а тѣмъ больше о внѣшнихъ отношеніяхъ.

— А намъ съ вами, Валентина, надо много говорить объ этомъ!—продолжалъ Анатолій.—Больше, чѣмъ кому бы то ни было, потому что наше положеніе особенное. А я смотрю на дѣло такъ: когда люди готовятся сойтись на всю жизнь, то они должны между собою выяснить все. Правда, Валентина?

— Теперь? Сейчасъ?—спросила Валентина и съ мольбой посмотрѣла на него.

Онъ усмѣхнулся ей, какъ ребенку. Онъ понялъ ее и самъ ощутилъ вдругъ такое же желаніе — быть подальше отъ всего земного, грубаго, условнаго.

— Нѣтъ, нѣтъ, не теперь, Валентина!... Теперь будемъ молчать и наслаждаться.

И онъ, крѣпко прижавъ ее къ себѣ, замолкъ. Кучеръ уже повернулъ въ другомъ направленіи. Кругомъ все было бѣло, только на горизонтѣ, тамъ и здѣсь, высились деревья, означавшія, что тамъ начинается лѣсъ.

Незамѣтно прошло два часа; но молодые люди не подумали бы объ этомъ, если бы имъ не напомнилъ кучеръ. Онъ слегка сдержалъ лошадь и сказалъ, обернувшись къ нимъ:

— Баринъ, можетъ, пора повернуть въ городъ?

Анатолій досталъ часы и взглянулъ на нихъ.

— Половина второго,—сказалъ онъ.

— О, насъ ждутъ и думаютъ Богъ знаетъ что!—воскликнула Валентина.

— Поѣзжай обратно!—скомандовалъ Анатолій.

И кучеръ повернулъ обратно и стрѣлой пустилъ лошадь по направленію къ городу. Опять скоро начались городскія улицы, и молодые люди сидѣли, чинно выпрямившись, но уже не говорили о вчерашнемъ спектаклѣ и архитектурѣ домовъ и церквей. Они оба молчали, каждый переживая въ душѣ ощущеніе новой близости, созданной высказаннымъ чувствомъ.

Когда они подъѣзжали къ переулку на Арбатѣ, гдѣ стоялъ особнякъ, Анатолій сказалъ серьезно:

— Мы должны сегодня же, Валентина, переговорить. У насъ еще осталось очень многое.

Извозчикъ остановилъ лошадь, они сошли. Валентина тотчасъ вошла въ подъѣздъ и побѣжала наверхъ, а князь остался, чтобъ заплатить извозчику.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ подымался по лѣстницѣ. Наверху стоялъ и смотрѣлъ внизъ Альбертъ Ивановичъ, и въ лицѣ его была не то тревога, не то ожиданіе чего-то важнаго.

— А мы думали Богъ знаетъ что,—сказалъ онъ, пожимая руку Анатолію.

— Мы просто прокатились за городъ,—успокоилъ его Анатолій и затѣмъ прибавилъ какимъ-то значительнымъ и важнымъ голосомъ:— Мнѣ нужно сказать вамъ нѣсколько словъ, Альбертъ Ивановичъ.

— А-а!... Хорошо, хорошо!—суетливо заговорилъ Альбертъ Ивановичъ.—Такъ пойдемте ко мнѣ, въ мой рабочій кабинетъ, внизу... Пожалуйте, пожалуйте!

И онъ, предвидя все то, что скажетъ ему князь, повлекъ его обратно внизъ, по лѣстницѣ.

XII.

Въ рабочемъ кабинетѣ Альберта Ивановича была вполнѣ дѣловая обстановка. Можно было подумать, что старикъ Пфейферъ, переѣхавъ въ Москву, собирался серьезно заниматься дѣлами.

Мебель здѣсь была все твердая, чтобы не было никакого соблазна къ частому отдыху и къ нѣгѣ. Огромный письменный столъ, бюро съ конторкой, шкафы, наполненные справочными книгами въ вели[illegible] лѣпныхъ новенькихъ переплетахъ, все это безнадежно ждало, что[illegible] кто-нибудь имъ воспользовался, и было устроено Альбертомъ [illegible]ановичемъ единственно потому, что была для этого подходящая [illegible]ната.

— Ну, вотъ здѣсь мы можемъ поговорить, милѣйшій князь,— [illegible]залъ Альбертъ Ивановичъ, вводя князя Анатолія въ рабочій ка-

бинетъ и тщательно притворяя дверь.—Намъ здѣсь никто не помѣшаетъ... Хотите присѣсть?

— Нѣтъ, я лучше буду стоять. Я привыкъ говорить стоя,—профессіональная привычка!—отвѣтилъ князь.—А вы, пожалуйста, садитесь.

— Я васъ слушаю!—сказалъ Альбертъ Ивановичъ, съ какою-то покорностью садясь въ твердое кресло.

— Я вамъ долженъ сказать нѣчто очень значительное и важное, Альбертъ Ивановичъ,—началъ Анатолій свою рѣчь, стоя около окна, которое выходило прямо на тротуаръ.

— И я васъ выслушаю съ подобающимъ вниманіемъ!—промолвилъ Альбертъ Ивановичъ, слегка наклонивъ голову.

— Наше съ вами знакомство, Альбертъ Ивановичъ, недавнее и случайное. Но вѣдь только то и цѣнно, что совершается случайно, безъ подготовки. Не такъ ли?

— Совершенно такъ, князь.

— Я вообще не вѣрю въ судьбу и считаю ее сказкой,—продолжалъ Анатолій. — Но когда въ твоей жизни совершаются событія высокой важности, съ характеромъ какъ бы роковымъ, то невольно начинаешь вѣрить и въ сказку. Вы, вѣроятно, и сами обратили вниманіе и, должно быть, оцѣнили то обстоятельство, что наше знакомство, начавшееся съ такой глупой вещи, какъ какіе-то тамъ канделябры, стремительнымъ галопомъ пошло впередъ, быстро превратилось въ близость, и вотъ, наконецъ, мнѣ ясна стала причина этой стремительности: я полюбилъ вашу дочь искренно, горячо, со всѣмъ пыломъ моей молодости и сегодня имѣлъ счастье услышать отъ Валентины Альбертовны, что и она меня также любитъ. Будетъ ли это для васъ неожиданно, Альбертъ Ивановичъ, или вы, наблюдая со стороны, умѣли подмѣтить и предугадать это, я не знаю. Но таковъ фактъ, и я долженъ вамъ открыть его.

Легкое волненіе, которое Анатолій испытывалъ при этомъ объясненіи, немного утомило его, и онъ остановился, чтобы перевести духъ. Альбертъ Ивановичъ въ это время хотѣлъ что-то сказать, но Анатолій жестомъ остановилъ его.

— Позвольте, Альбертъ Ивановичъ, я не кончилъ, я еще не сказалъ вамъ самаго главнаго. Вы понимаете, что съ Валентиной— я молчаливо получилъ отъ вашей дочери право такъ называть ее,— мы говорили только о любви. Практическіе же вопросы между нами не были затронуты. Между тѣмъ дѣятельная любовь, какъ вы понимаете, не можетъ оставаться въ неопредѣленномъ положеніи. Она стремительно ищетъ прямого и правдиваго исхода. И этотъ исходъ для насъ

съ Валентиной не можетъ быть инымъ, какъ бракъ. Теперь я прошу васъ, Альбертъ Ивановичъ, высказать свое мнѣніе. Но умоляю васъ, откровенно, безъ всякихъ деликатностей и оговорокъ.

Альбертъ Ивановичъ нѣсколько секундъ помолчалъ, держа голову немного набокъ, потомъ поднялъ ее и сказалъ:

— Князь, вы понимаете, что первый и самый главный судья въ этомъ дѣлѣ Валентина, которой это касается ближе, чѣмъ меня и кого бы то ни было. Мы съ женой, конечно, слѣдили за ней, чтобы она не сдѣлала невѣрнаго шага; но мы дали ей такое воспитаніе, чтобы она могла сама выбирать себѣ дорогу, а мы существуемъ только для того, чтобы предостерегать и предохранять ее.

— Я это понимаю, Альбертъ Ивановичъ,—перебилъ его Анатолій, видя, что тотъ хочетъ быть краснорѣчивымъ, тогда какъ онъ вовсе не хотѣлъ терять время.—Но я именно и хочу знать, какъ по вашему: Валентина Альбертовна, избирая меня своимъ мужемъ, дѣлаетъ вѣрный или невѣрный шагъ?

— Вы хотите, чтобы я сказалъ прямо?

— Тутъ иначе нельзя говорить, Альбертъ Ивановичъ.

— Извольте. Если прямо, то скажу вамъ, что ваше предложеніе для меня и для жены моей не новость. Со стороны виднѣе, говорятъ, и мы видѣли, съ обѣихъ сторонъ есть чувство и что это чувство растетъ. Обыкновенно родители ставятъ вопросъ объ искренности, но здѣсь такого вопроса не можетъ быть. Если бы не было искренности, то не было бы и видно насквозь. Теперь другая сторона. Считаемъ ли мы васъ подходящимъ мужемъ для Валентины? Ну, князь, что же мы могли бы возразить противъ васъ? Вы молоды, здоровы, образованы и, наконецъ, вы по происхожденію аристократъ, происходите изъ древней фамиліи. Что же я еще могу желать для моей дочери? Если къ этому прибавить еще наше личное впечатлѣніе отъ васъ, какъ отъ человѣка въ высшей степени порядочнаго, то мой отвѣтъ на вашъ вопросъ уже готовъ.

— Но вы приняли въ разсчетъ, что у меня нѣтъ ровно ничего, кромѣ головы и рукъ, и ни откуда не предвидится?

— Но развѣ это нужно? Мой отецъ занимался хлѣбнымъ дѣломъ и нажилъ на немъ больше двухъ милліоновъ и этотъ капиталъ передалъ мнѣ. А я его не только не тратилъ, но сберегалъ, потому что дѣлами я никогда не занимался. И увеличилъ его тысячъ на шестьсотъ. А Валентина у насъ единственная дочь. Развѣ этого не достаточно?

— Такимъ образомъ я могу считать, что вы не дѣлаете никакого возраженія?—спросилъ Анатолій.

Альбертъ Ивановичъ всталъ.

— Князь, никто, конечно, не знаетъ будущаго. Я, насколько это доступно моимъ глазамъ, вижу въ васъ вполнѣ порядочнаго человѣка и не имѣю права подозрѣвать васъ въ какой-нибудь игрѣ. Я только долженъ умолять васъ, какъ отецъ, который обожаетъ свою дочь, остаться къ ней навсегда такимъ же честнымъ, какимъ я вижу васъ теперь. Я не стану говорить много... Вы понимаете, что я долженъ чувствовать, князь...

И при этихъ словахъ голосъ Альберта Ивановича дрогнулъ, и на глазахъ его появились слезы. Онъ подошелъ къ Анатолію и обнялъ его.

— Теперь мы должны сказать это моей женѣ,—прибавилъ, онъ и тихо надавилъ пуговку звонка.

Вошелъ лакей; ему было приказано попросить Дарью Васильевну. Но Дарья Васильевна уже давно ждала, что ее пригласятъ внизъ. Валентина, поднявшись наверхъ, бросилась ей въ объятія и разсказала все, и Дарья Васильевна отлично знала, о чемъ говорятъ внизу Альбертъ Ивановичъ съ княземъ. Она приготовила себя къ посѣщенію рабочаго кабинета Альберта Ивановича, освѣжила свой туалетъ тонкой вязаной шалью, которую накинула на плечи, пригладила волосы и приняла таинственно-торжественный видъ.

Когда она явилась внизъ и увидала растроганное лицо Альберта Ивановича, со слезами на глазахъ, то и ей оставалось только съ своей стороны заплакать. Сообщеніе новости состоялось почти безъ словъ.

— Ты уже знаешь, Дарья Васильевна,—сказалъ Альбертъ Ивановичъ,—я согласился.

— Ну и я тоже!—объявила Дарья Васильевна.

Анатолій нагнулся и поцѣловалъ ея руку. Она приложила губы къ его головѣ, но потомъ, въ избыткѣ чувства, не выдержала и поцѣловала его въ губы.

— А Валентина у себя?—спросилъ Анатолій послѣ того, какъ были сказаны нѣкоторыя неизбѣжныя слова о томъ, что ему довѣряютъ единственное сокровище, что онъ долженъ хранить его.

— Она ждетъ васъ, князь... Вы можете тамъ совершенно спокойно поговорить, вамъ никто не помѣшаетъ. А намъ съ Альбертомъ Ивановичемъ тоже есть что сказать другъ другу.

Это было довѣріе, оказываемое ему въ первый разъ. Очевидно, онъ уже получилъ въ этомъ домѣ нѣкоторыя права.

Онъ вышелъ изъ кабинета и быстро взбѣжалъ по лѣстницѣ наверхъ. Попавшіеся ему по дорогѣ швейцаръ, потомъ лакей и горн-

ная смотрѣли на него какими-то новыми глазами, полными любопытства и почтенія. Валентина ждала его въ томъ самомъ платьѣ, въ которомъ каталась съ нимъ. Сильное волненіе мѣшало ей думать о такихъ пустякахъ, какъ перемѣна туалета. Глаза ея были еще красны отъ тѣхъ слезъ, которыя она пролила передъ Дарьей Васильевной.

Увидѣвъ его, она виновато улыбнулась.

— Мнѣ стыдно моихъ глазъ,—сказала она.

— Вы плакали?—съ удивленіемъ спросилъ Анатолій.

— Отъ радости.

— О, мы будемъ только смѣяться отъ радости! — воскликнулъ Анатолій, садясь около нея и цѣлуя ея руку. Потомъ онъ продолжалъ:—Что-жъ, сдѣлаемся на полчаса серьезными людьми и поговоримъ о важномъ!

— Если это неизбѣжно, Анатолій!

И она, наконецъ, такъ назвала его, и она пришла въ легкое затѣшательство.

— Неизбѣжно, совершенно неизбѣжно.

— Ну, пусть... Только поскорѣе, чтобы сказать и забыть.

— Нѣтъ, забывать ничего не надо. Дѣло въ томъ, Валентина, что нашъ бракъ не совсѣмъ обыкновенный. Не будемъ скрывать это отъ себя. Обыкновенно въ бракъ вступаютъ люди одного и того же круга, и приблизительно однѣхъ и тѣхъ же стоимостей. Не дѣлайте такихъ большихъ глазъ! Это у васъ выходитъ красиво, но не идетъ къ серьезному жанру.

— Я не буду.

— Мы съ вами три недѣли только были людьми разнаго круга. Теперь—другое дѣло; теперь мы составляемъ одно, мы сами вдвоемъ—цѣлый кругъ, цѣлая вселенная. Вотъ вамъ и поэзія, — прибавилъ онъ, съ улыбкой посмотрѣвъ ей въ глаза. — Чтобъ вамъ не было скучно слушать серьезное, я буду время отъ времени прибѣгать къ поэзіи... И слушайте, Валентина, въ нашей исторіи есть одинъ чувствительный пунктъ, къ которому однако мы должны безъ жалости прикоснуться, и вы увидите, что я буду правдивъ до... до цинизма, если хотите.

— Анатолій!—умоляющимъ голосомъ произнесла Валентина.

— Это совершенно необходимо, Валентина. Взгляните со стороны такъ, какъ будто это не мы съ вами, а нѣкоторая посторонняя на съ пара людей. Вотъ князь, носящій древнюю фамилію, но не имѣющій ничего за душой. Кстати, да будетъ вамъ извѣстно, что у Вехтищевыхъ есть родовое имѣніе, состоящее изъ... что-то около шести десятинъ усадебной земли, десятка саженей сада и полуразрушеннаго

замка. Да, такъ князь съ древней фамиліей, но безъ княжества. Онъ учится въ гимназіи, потомъ въ университетѣ, повидимому, какъ всѣ, но это только, повидимому; въ дѣйствительности же, у него есть тетушка, не одна, а двѣ,—вы скоро увидите и другую, княжну Аделаиду. Но одна, главная тетушка,—которая, несмотря на глубокую бѣдность, сохранила въ душѣ священный трепетъ по отношенію къ своему древнему роду и къ своей фамиліи,—съ дѣтства вбивала въ голову молодому князю, что его долгъ возстановить древній родъ князей Вехтиныхъ. Скажу вамъ по совѣсти,—но тетушкѣ этого не скажу, изъ уваженія къ ея величественному заблужденію,—что я совсѣмъ не усвоилъ этого трепета и въ сущности до древняго рода мнѣ нѣтъ дѣла, но... но все же я полагаю, что быть отпрыскомъ древняго рода недурно и что вообще княземъ быть лучше, чѣмъ не княземъ, но при одномъ лишь условіи: что у князя есть княжество, то-есть возможность поддержать свое княжеское достоинство. Теперь вслушайтесь хорошенько, Валентина, въ то, что я вамъ скажу. Передъ молодымъ княземъ стояла дилема: или разъ навсегда отказаться отъ мысли, что явится возможность поддержать свое княжество и тогда ужъ отказаться и отъ титула и отъ всего прочаго,—потому что я признаю смѣшной эту приставку безъ практическаго значенія—или добыть возможность поддержать свое княжеское достоинство. Онъ выбралъ послѣднее. Онъ сказалъ себѣ: я буду работать, какъ волъ. У меня есть способности, и я выдвинусь. Конечно, работой много не наживешь, хотя въ адвокатской профессіи бываютъ счастливые случаи, что уже доказано многими примѣрами. Но во всякомъ случаѣ, работой я могу достать столько, чтобы быть княземъ одному. Ахъ, Валентина, вы не понимаете, какая трагедія заключается въ этомъ княжествѣ безъ всякихъ средствъ! «А, князь»,—говорятъ вамъ въ магазинѣ, гдѣ вы купили зимнее пальто въ разсрочку. «А, князь»,—встрѣчаютъ васъ въ ресторанѣ средней руки,—гдѣ вы въ карточкѣ ищете кушанья подешевле. «Я вамъ долженъ замѣтить, князь!»—начальническимъ топомъ говоритъ въ канцеляріи младшій помощникъ столоначальника, подъ начальствомъ котораго вы состоите. «Князю такому-то объявить выговоръ»,—строго пишетъ начальствующій генералъ. И всѣ они съ презрѣніемъ и насмѣшкой въ душѣ говорятъ это, потому что въ глубинѣ души всѣ эти господа: и продавецъ пальто, и рестораторъ, и помощникъ столоначальника, и начальствующій генералъ,—извините меня—лакеи! И будь у этого самаго князя состояніе, ѣзди онъ на своихъ лошадяхъ, швыряй деньгами,—они всѣ почтительно сгибались бы передъ нимъ и говорили бы съ искреннимъ почтеніемъ: ваше сіятельство, какъ ваше драгоцѣнное здоровье? Итакъ, Валентина, я

сказалъ себѣ: работой я добуду для одного себя. Но если мнѣ придется жениться и продолжать свой княжескій родъ, чего такъ страстно желаетъ тетушка Валерія, то для этого потребуются экстраординарныя средства. Жену и потомство я по-княжески содержать на свой счетъ не смогу. Я только размножу титулованныхъ нищихъ, а это къ чему же? Ихъ и такъ достаточно. И я сказалъ себѣ: я женюсь по любви. Я женюсь не иначе, какъ на дѣвушкѣ, которую страстно полюблю; но заранѣе говорю себѣ: я полюблю только такую дѣвушку, которая очень богата. Можете осудить меня за это, Валентина, еще не поздно.

Валентина слушала его и смотрѣла на него съ улыбкой. То, что онъ говорилъ, ей нравилось, а больше всего ей нравилась въ немъ эта рѣзкая откровенность, эта безпощадность къ самому себѣ. Очень можетъ быть, что если бы рѣчь шла о постороннемъ человѣкѣ, а не о немъ, она обратилась бы къ обычной морали и съ той точки зрѣнія нашла бы этотъ взглядъ безнравственнымъ. Но рѣчь шла не о постороннемъ человѣкѣ, а о немъ. Во всей ихъ исторіи было что-то непохожее на обычное, что-то феерическое. Притомъ князь былъ такъ увлекателенъ, когда говорилъ все это, такъ краснорѣчивъ, такъ блестѣли его глаза.

— Вѣдь все это правда, Анатолій, какъ же судить правду?

— Правда! И я готовъ еще сгустить ее. Я прямо скажу, что если бы вы не были богаты, я, по всей вѣроятности, даже встрѣтивъ васъ, не полюбилъ бы... А, вотъ теперь у васъ недовольные глаза! Но, Валентина, неужели вы не понимаете, что любовь, какъ и всякое чувство, можно развить въ себѣ, но можно и заглушить? И если бы я при тѣхъ обстоятельствахъ допустилъ этому чувству развиться во мнѣ, то я поступилъ бы безчестно. Правда? Правда. Я вижу, что вы со мной согласны. Мы должны быть во всемъ согласны, Валентина. Но вы думаете, что я кончилъ?

— Неужели нѣтъ?

— Нѣтъ. Я хочу, чтобы мы вступили въ совмѣстную жизнь безъ малѣйшей тѣни обмана. И я сдѣлалъ это съ своей стороны. Я резюмирую: я люблю васъ искренно, глубоко и горячо, въ этомъ вы не можете сомнѣваться. Вы не можете сомнѣваться также и въ томъ, что люблю я *васъ* и что въ моемъ чувствѣ ваше богатство не играетъ ни малѣйшей роли. Но что въ тотъ моментъ, когда это чувство зародилось и когда я поставилъ себѣ вопросъ: быть или не быть этому чувству, оно, ваше богатство, сыграло очень важную роль. Будь вы бѣдны, Валентина, я сдѣлалъ бы, можетъ быть, страшное усиліе надъ собой и заглушилъ бы это чувство въ самомъ зачаткѣ, потому что, Валентина, давши вамъ княжество, я не сумѣлъ бы достойно поддер-

жать его ни для себя, ни для васъ, ни для нашего потомства... Теперь я перехожу къ вамъ.

— Ко мнѣ?—съ изумленіемъ спросила Валентина.

— Къ вамъ, Валентина... А вы хотите, чтобы только я одинъ заслуживалъ снисхожденія? Нѣтъ, мы должны быть равны. Будемте опять смотрѣть со стороны. Ну, вотъ, есть на свѣтѣ прекрасная дѣвушка, исполненная всякихъ достоинствъ. У ея родителей большое состояніе, они обожаютъ ее. Но родители ея принадлежатъ къ тому кругу, гдѣ тонкаго образованія вовсе не нужно, гдѣ не только оно лишнее, но даже должно представлять нѣкоторое бремя. Не такъ ли?

— Такъ!—сказала Валентина, кивнувъ головой.

— И этому прекрасному ребенку даютъ превосходное образованіе. Ее учатъ въ гимназіи, берутъ въ домъ гувернантокъ, учителей. Зачѣмъ? Очевидно, ее готовятъ не для своего круга, а для другого. Представьте себѣ, что вы, получивъ такое прекрасное образованіе, остались въ губернскомъ городѣ и выходите замужъ за человѣка того круга, къ которому вы принадлежите по рожденію. Что это было бы? Нелѣпость! Или вы должны были бы забыть все ваше образованіе, или въ вашей жизни и въ жизни связаннаго съ вами человѣка, занимающагося торговлей хлѣбомъ, было бы что-то постороннее, что-то всегда мѣшающее и стоящее между вами. И такъ какъ это безусловно вѣрно, и сознавалось вашими родителями и вами, то вы покинули губернскій городъ и переселились въ Москву. Вы пріѣхали въ Москву, конечно, не за тѣмъ, чтобы искать жениха и выйти замужъ. Вы просто хотѣли жить лучше, чѣмъ могли жить въ губернскомъ городѣ. Но вѣдь въ то же время существовалъ вопросъ и о замужествѣ. И вотъ является такое положеніе. Вы богаты, образованы, воспитаны. Вы прекрасны, у васъ есть все. Но по общественному положенію вы только дочь поселянина. Вамъ, значитъ, недостаетъ только одного—общественнаго положенія, которое соотвѣтствовало бы вашимъ другимъ достоинствамъ. И вотъ наступаетъ моментъ, когда вы, положимъ, должны выбрать себѣ мужа. Въ вашемъ кругу уже вы не можете выбрать. Это мы рѣшили раньше. Вы должны, обязательно должны выбрать его изъ высшаго сословія, чтобы онъ, взамѣнъ тѣхъ достоинствъ, которыя вы приносите ему, далъ вамъ положеніе. Но если ужъ это такъ, то, конечно, изъ того высшаго круга вы должны выбрать себѣ нѣчто наибольшее? Если выбирать между нѣсколькими степенями добра, то, конечно, надо предпочесть первую степень.. И... Я не говорю, чтобы вы объ этомъ думали... Но безсознательно вы, какъ умная дѣвушка, должны были къ этому стремиться. И если бы я со всѣми моими достоинствами человѣка способнаго, не глупаго

внушающаго симпатію, предсталъ передъ вами въ видѣ какого-нибудь оберъ-офицерскаго сына, коллежскаго совѣтника, отставного поручика и даже столбового дворянина, родъ котораго теряется во тьмѣ временъ, то... Развѣ вы, Валентина, полюбили бы меня? Я прошу васъ допросить себя нелицемѣрно и отвѣтить на этотъ вопросъ безъ ухищреній. Я думаю, что вы, если бы у васъ зародилось чувство къ нему, вы заглушили бы въ себѣ это чувство и сказали бы: это не то... Ну, отвѣчайте же мнѣ прямо, правду ли я говорю, или нѣтъ? Мы стоимъ лицомъ къ лицу другъ передъ другомъ. Мы должны слиться въ одну личность, мы должны раскрывать душу другъ другу, какъ на исповѣди...

— Я думаю, что вы правы!—отвѣтила Валентина.

— Конечно, правъ, конечно. Я говорю, что сознательно вы не искали положенія и титула. Но въ вашемъ выборѣ мой титулъ игралъ такую же роль, какъ въ моемъ выборѣ ваше богатство. Правда?

— Я думаю... я думаю, что правда!—сказала Валентина, но при этомъ она не могла смотрѣть ему въ глаза такъ смѣло и прямо, какъ смотрѣлъ онъ ей въ глаза.

— А, вотъ то, чего я хотѣлъ добиться отъ васъ. Вотъ, что важно, Валентина. Обыкновенно бываетъ такъ: когда женятся люди разныхъ круговъ, одинъ съ именемъ, но нищій, другой съ богатствомъ, но безъ имени, то они непремѣнно обманываютъ другъ друга. Они почему-то говорятъ другъ другу: не думай, что твое богатство или твой титулъ составляютъ для меня что-нибудь. О, я полюбилъ бы тебя и безъ богатства или безъ титула! Это ложь, но ложь, которая сдѣлалась обязательной для всѣхъ такихъ случаевъ. Я не понимаю, почему надо тутъ лгать. Мы, Валентина, говоримъ другъ другу правду, и что-жъ, развѣ наши чувства отъ этого менѣе искренни и горячи? Развѣ мы менѣе счастливы? Нѣтъ, конечно, нѣтъ, но зато мы становимся ближе другъ къ другу, мы научаемся уважать другъ друга и вѣрить, а это очень важно. И это намъ хорошо пригодится на всю жизнь. Вотъ все, Валентина, о чемъ я хотѣлъ поговорить съ вами. Теперь между нами нѣтъ и не можетъ быть никакихъ недомолвокъ. Мы созданы другъ для друга и именно въ томъ видѣ и съ тѣми данными, какія есть у каждаго изъ насъ. Для меня надо было, чтобы существовала на свѣтѣ прекрасная поселянка съ большимъ состояніемъ, для васъ—чтобы былъ князь безъ всякаго состоянія. Изъ этихъ двухъ элементовъ и составится то счастье, какое мы, соединившись, представимъ собою міру. Дайте мнѣ руку, Валентина!

Онъ взялъ ея руку и слегка потянулъ ее къ себѣ, такъ что она должна была подняться. Оба они очутились передъ большимъ зерка-

ломъ во всю стѣну, держась за руки. Ихъ изображенія отражались въ зеркалѣ во весь ростъ.

— Смотрите, Валентина,—сказалъ Анатолій, указывая ей на отраженія въ зеркалѣ.—Вотъ два существа, выбравшія другъ друга и готовыя слиться въ одну личность. Развѣ вы не видите, что они созданы другъ для друга? Посмотрите, какой вѣетъ отъ нихъ молодостью. Кто же смѣетъ сказать, что они не созданы другъ для друга, и какою это было бы страшною несправедливостью, если бы они не встрѣтились и не соединились! Ахъ, Валентина, если бы вы знали, какъ безконечно, какъ огромно мое чувство, какъ безумно я люблю васъ!—воскликнулъ Анатолій, крѣпко охватилъ ея голову обѣими руками и прижалъ къ себѣ.

— Я обожаю тебя, Анатолій,—прошептала Валентина, довѣрчиво и страстно прижимаясь къ нему.

XIII.

Это былъ естественный шагъ, который совершился самъ собой: Альбертъ Ивановичъ и Дарья Васильевна поѣхали къ княжнѣ Валеріи. Но прежде нихъ тамъ побывалъ Анатолій. Онъ забрался въ комнату княжны и тамъ, среди тишины родственнаго дома, открывалъ передъ нею свою душу.

— Ахъ, тетушка, ахъ, тетушка! — восклицалъ онъ, — мое счастье такое огромное, какое, навѣрное, рѣдко бываетъ на землѣ! Потому что, если бы это бывало часто, то половина человѣчества сошла бы съ ума.

— Ты, значитъ, теперь сумасшедшій?—любовно спрашивала его тетушка, не только довольная происшедшимъ, но и торжествующая.

— Нѣтъ, у меня очень крѣпка голова! Но счастье велико, оно огромно. Подумайте, такое рѣдкое соединеніе такихъ, повидимому, несоединимыхъ вещей: разсчетъ и выгода,—я вѣдь этого не скрываю не только отъ себя, но и отъ Валентины,—и искреннее, горячее, бѣшеное чувство.

— Ахъ, бѣдный счастливецъ! — ласково, но въ то же время и иронически говорила княжна Валерія. — Вѣдь слишкомъ большое счастье обезоруживаетъ человѣка, онъ уже не можетъ смотрѣть на міръ правильными глазами. Онъ слѣпнетъ, какъ тотъ, кто слишкомъ пристально смотритъ на солнце, и, значитъ, есть моментъ, когда слишкомъ счастливые люди оказываются самыми несчастными.

— О, тетушка стала говорить парадоксами!

— Мой другъ, мы съ тобой переживаемъ парадоксъ. Поневолѣ станешь говорить парадоксами. А что они сегодня пріѣдутъ ко мнѣ?

— Обязательно. Ужъ вы, тетушка, сами переговорите о грубой сторонѣ дѣла... Отъ этого меня избавьте. Надо только спѣшить, потому что мясоѣдъ кончается и тогда придется слишкомъ долго ждать.

— Да, да, я сейчасъ напишу княжнѣ Аделаидѣ. О, она будетъ въ восторгѣ. А княгиня, пожалуй, на насъ будетъ дуться?

— Нѣтъ, нѣтъ, тетушка, мама любитъ меня такъ же, какъ и вы, и она будетъ рада моему счастью. Только позвольте мнѣ самому написать ей. Я это сдѣлаю сегодня. И вы увидите, что черезъ три-четыре дня мы всѣ будемъ вмѣстѣ. А теперь я удалюсь, потому что у васъ будутъ гости и будутъ произноситься грубыя прозаическія слова.

— Иди, иди, ты можешь спокойно предаваться поэзіи.

И въ самомъ дѣлѣ, очень скоро послѣ того, какъ Анатолій ушелъ отъ тетушки, къ подъѣзду, съ котораго жилъ профессоръ, подкатила карета; изъ нея вышли Альбертъ Ивановичъ и Дарья Васильевна.

На этотъ разъ княжна Валерія приняла ихъ не въ гостиной, а въ своей комнатѣ, несмотря на то, что у Альберта Ивановича былъ чрезвычайно торжественный видъ. Онъ надѣлъ фракъ, который его простому поселянскому лицу придавалъ ярко-праздничное выраженіе.

Княжна встрѣтила ихъ вполнѣ привѣтливо и дружески, безъ той строгости, которая такъ подавляла ихъ, и вообще говорила ласково, мягко, какъ бы желая поощрить ихъ за хорошее поведеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ подчеркнуть, что они теперь почти родственники.

Она прямо заявила имъ, что уже знаетъ все и желаетъ теперь только одного: поскорѣе обнять невѣсту князя Анатолія. Потомъ пошли уже чисто-дѣловые переговоры. Альбертъ Ивановичъ умѣлъ говорить о деньгахъ какъ-то такъ просто, что денежные вопросы сами собой улаживались. Должно быть, это оттого, что у него всегда были деньги и онъ привыкъ смотрѣть на нихъ, какъ на простую вещь.

Тутъ были рѣшены многіе вопросы: такъ какъ до поста оставалось всего три недѣли, то со свадьбой медлить было нельзя, и она была назначена черезъ десять дней. Къ тому времени прибудутъ изъ деревни княжна Аделаида и княгиня. Просить ихъ объ этомъ будутъ не только княжна Валерія и Анатолій, но и Альбертъ Ивановичъ съ Дарьей Васильевной. Свадьба будетъ самая торжественная. Тутъ же была избрана даже церковь. Послѣ свадьбы молодые поѣдутъ, куда хотятъ. Это надо предоставить имъ самимъ. Затѣмъ они будутъ жить, конечно, въ особнякѣ на Арбатѣ, а можетъ быть переѣдутъ въ Петербургъ. Это уже рѣшитъ самъ князь.

Но главное—это былъ пунктъ, касающійся имѣнія «Княжеское». Княжна Валерія высказала это въ видѣ отдаленнаго намека. Но Альбертъ Ивановичъ съ жаромъ подхватилъ ея мысль.

— Да, да! — воскликнулъ онъ. — Родовое имѣніе должно быть выкуплено, хотя бы это потребовало жертвъ!

И чтобы не терять времени, онъ рѣшилъ теперь же съѣздить туда и, по крайней мѣрѣ, позондировать почву. Можетъ быть, не удастся выкупить разомъ все, но во всякомъ случаѣ онъ приложитъ къ этому большія старанія.

— А затѣмъ, дорогая княжна,—сказалъ Альбертъ Ивановичъ,—ужъ на этотъ разъ вы согласитесь со мной и не будете возражать. Я приготовилъ для васъ эту чековую книжку.—И онъ вынулъ изъ кармана небольшую книжечку.—По ней вы можете производить расходы по мѣрѣ надобности. Мы теперь свои, и намъ нечего церемониться. Князю я не предложилъ этого, я счелъ за лучшее сдѣлать это черезъ васъ. Вѣдь къ свадьбѣ большіе будутъ расходы, такъ надо, чтобы все было какъ слѣдуетъ.

И княжна Валерія приняла чековую книжку не только безъ протеста, но съ милой улыбкой. Конечно, это было совсѣмъ другое дѣло. Тогда вопросъ шелъ объ ея личныхъ нуждахъ, теперь же дѣло идетъ о нуждахъ фамиліи Вехтиныхъ. Пріѣдетъ княжна Аделаида, княгиня, кое-что нужно для Анатолія и даже для самой княжны Валеріи. Надо, чтобы событіе имѣло вполнѣ подобающую обстановку. Конечно, конечно, о такихъ пустякахъ не стоитъ и говорить.

И будущіе родственники разстались въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ, какихъ только можно желать.

Послѣ этого княжна Валерія каждый день съ утра отправлялась въ особнякъ на Арбатѣ и проводила тамъ цѣлый день. Тутъ разрѣшались вопросы о туалетѣ для Валентины и для всѣхъ другихъ. Ждали княгиню и княжну. А Альбертъ Ивановичъ уѣхалъ изъ Москвы.

Онъ горѣлъ теперь страстнымъ желаніемъ не только увидѣть гнѣздо, изъ котораго произошелъ его будущій зять, представляющій собою древній родъ Вехтиныхъ, но и сдѣлать это гнѣздо какъ можно обширнѣе и уютнѣе. Но сдѣлать это было не такъ легко. Если явиться къ этимъ господамъ—Овсянниковымъ, Овчинниковымъ и другимъ—и заявить желаніе купить обратно части владѣній князей Вехтиныхъ, то это значитъ дать имъ право заломить какую угодно сумму. А въ немъ, несмотря на восторженное состояніе, все-таки въ глубинѣ души сидѣлъ человѣкъ съ практической жилкой, и онъ не хотѣлъ бросать деньги на вѣтеръ.

Поэтому онъ употребилъ нѣсколько дней только на то, чтобы осмотрѣть мѣстность. Онъ побывалъ въ селѣ Княжескомъ, прошелся неподалеку отъ «замка» и убѣдился въ томъ, что онъ требуетъ капитальныхъ починокъ, объѣхалъ прудъ, побывалъ на рѣкѣ. Словомъ, изучилъ, сколько могъ, мѣстность

Но главное, что онъ узналъ, это то, что изъ двухъ купцовъ—Овсянникова и Овчинникова, дѣла перваго довольно плохи, потому что его совсѣмъ заѣлъ второй. На этомъ онъ и построилъ свой планъ, для котораго требовалось нѣкоторое терпѣніе и выжиданіе.

Во всякомъ случаѣ онъ убѣдился, что все бывшее имѣніе князей Вехтиныхъ выкупить довольно трудно. Шведъ Ёрзе-Бёрзе уже достроилъ свою бумажную фабрику, и его, конечно, оттуда не такъ-то легко выжить. Точно также и купецъ Овчинниковъ,—его два кабака процвѣтали, и онъ, конечно, не уступитъ своей позиціи.

Это немного опечалило Альберта Ивановича; но все же онъ убѣдился, что дѣло не безнадежно и что главныя статьи, какъ прудъ, паркъ, часть рѣки и нѣсколько сотенъ десятинъ земли, можно будетъ выкупить обратно. Съ этими свѣдѣніями онъ вернулся въ Москву.

Анатолій мало измѣнилъ свой образъ жизни, хотя, въ виду близкой и столь радикальной перемѣны въ его жизни, казалось бы, такіе пустяки, какъ маленькія дѣла у мировыхъ судей, составлявшія его практику и дававшія ему средства, не должны были бы занимать его, но онъ въ эти послѣдніе дни, предшествовавшіе свадьбѣ, занимался ими почти такъ же усердно, какъ и раньше.

Онъ говорилъ себѣ: я еще не достигъ... Жизнь полна случайностей. Моя женитьба — лучшее тому доказательство. Мало ли еще какъ судьба можетъ повернуться? Я не хочу походить на того охотника, который, взведя курокъ по звѣрю и, еще не выстрѣливъ, размечтался о богатствѣ, а звѣрь у него передъ носомъ убѣжалъ... Нѣтъ, даже при большомъ счастьѣ не слѣдуетъ упускать изъ рукъ маленькій рессурсъ. Никогда не нужно ставить себя не только въ глупое положеніе, но даже въ возможность глупаго положенія.

И онъ неизмѣнно отъ двѣнадцати до пяти «ходилъ по дѣламъ». Но съ десяти утра онъ уже былъ у Пфейферовъ, завтракалъ съ ними, для чего и завтраки были перенесены на половину двѣнадцатаго. Затѣмъ уходилъ по дѣламъ и прямо отъ какого-нибудь судьи къ нимъ и оставался здѣсь уже весь вечеръ.

И все время и во всемъ онъ держалъ себя, какъ вполнѣ посторонній человѣкъ, не вмѣшиваясь ни въ какія распоряженія, не давая совѣтовъ и даже уклоняясь, если его о чемъ-нибудь спрашивали. Ему

казалось, что такое преждевременное вмѣшательство въ дѣла, еще чужія, имѣло бы дурной видъ.

Единственное обстоятельство, въ которомъ онъ проявилъ себя, и притомъ довольно рѣшительнымъ образомъ, было слѣдующее. Онъ уже давно чувствовалъ себя неловко, когда въ особнякѣ встрѣчались постороннія личности, которыя являлись то къ завтраку, то къ обѣду, и уходили, не оставляя по себѣ никакихъ воспоминаній. Ему называли фамиліи, знакомили, но онъ ясно видѣлъ, что между хозяевами и этими личностями въ сущности нѣтъ ничего общаго, что это какія-то случайности, отъ присутствія или отсутствія которыхъ въ домѣ ничего не измѣнится. Это были люди самыхъ разнообразныхъ положеній и профессій; они постоянно мѣнялись и никогда не повторялись.

— Это ваши добрые знакомые?—спросилъ онъ у Валентины.

— Они? Нисколько! Это просто такъ себѣ...— отвѣтила Валентина.

— Вы дорожите ихъ знакомствомъ?

— Боже сохрани! Я никого изъ нихъ не знаю. Вотъ развѣ Ратоборскій, его больше всѣхъ. Онъ училъ меня контрапункту, изъ котораго, впрочемъ, я ничего не поняла.

— Такъ зачѣмъ же они вамъ?

— А они *были* нужны...

— Были?

— Да, были... Видишь ли, когда мы пріѣхали въ Москву, у насъ не было никакихъ знакомыхъ, ну, папа случайно въ театрѣ познакомился съ Ратоборскимъ, а потомъ пошли другіе; нельзя же было и безъ знакомыхъ. А что, тебѣ они непріятны?

— Мнѣ они безразличны. Но на меня это производитъ какое-то болѣзненное впечатлѣніе. Рѣшительно всѣ, кто у васъ бываетъ, сидятъ у васъ, точно въ буфетѣ желѣзной дороги, и вы съ ними разговариваете, какъ съ сосѣдями по буфету: «Будьте любезны передать мнѣ соль...» «Не знаете ли, сколько здѣсь стоимъ?...» Развѣ это вамъ не тяжело?

— Да, я сама всегда такъ чувствую. Но что же съ ними дѣлать? Не прогнать же ихъ?

— О, конечно, конечно, нѣтъ. Я только высказываю свое впечатлѣніе...

Но было ясно, что князю посѣтители дома не нравятся. Валентина разсказала объ этомъ Дарьѣ Васильевнѣ, а Дарья Васильевна Альберту Ивановичу.

Альбертъ Ивановичъ послѣ этого долго ходилъ по комнатѣ и что-то обдумывалъ, а затѣмъ уловилъ минуту, когда можно было увлечь

князя въ рабочій кабинетъ, который сдѣлался мѣстомъ для таинственныхъ переговоровъ.

— Князь, вы выразили неудовольствіе по поводу нашихъ гостей... Я васъ вполнѣ понимаю,—началъ Альбертъ Ивановичъ.

— Неудовольствіе? Альбертъ Ивановичъ! Никогда въ жизни я не позволилъ бы себѣ этого! — горячо возразилъ Анатолій.

— Ну, да, я не такъ выразился... ваше мнѣніе... Но я говорю: я васъ вполнѣ понимаю! Дѣйствительно, эти люди какъ-то совсѣмъ некстати; но это вышло ужъ такъ по необходимости! Нужно было хоть съ кѣмъ-нибудь слово молвить. Вы не можете себѣ представить, какъ намъ трудно было въ первое время въ Москвѣ. Мы были какъ въ пустынѣ... Ну, вотъ я и познакомился... а потомъ одинъ за другимъ... И теперь у насъ найдется, можетъ быть, не одна сотня знакомыхъ, но ни одного сколько-нибудь близкаго человѣка; и я говорю, что я васъ понимаю. Это должно бросаться въ глаза, должно стѣснять...

— Но увѣряю васъ, Альбертъ Ивановичъ, что я не имѣлъ въ виду... Право, это меня совсѣмъ не касается...

— Нѣтъ, нѣтъ, касается... Ваша свадьба съ Валентиной не за горами, а послѣ свадьбы вы съ ней будете хозяевами этого дома. Мы только будемъ вашими, такъ сказать, жильцами; такъ это понятно. Васъ озабочиваетъ мысль о томъ, какъ бы мы вмѣстѣ съ домомъ не передали и этихъ знакомыхъ. Я понимаю, понимаю... И при обыкновенныхъ обстоятельствахъ это легко было бы устранить. Очень легко: стоитъ только сказать швейцару, чтобы никого не принимать, вотъ и все. Почему и какъ, пусть сами объяснятъ себѣ, какъ хотятъ. Но пока, пока... Я не хотѣлъ бы этого дѣлать, у меня есть на этотъ счетъ свои соображенія.

— Можно узнать ихъ?

— Конечно, можно. Видите ли, князь, насколько я могъ понять, вы въ Москвѣ недавно живете, какъ и я, и у васъ очень немного знакомыхъ. Можетъ быть, эти знакомые ближе вамъ, чѣмъ наши намъ. Но все же количественно ихъ немного. Межъ тѣмъ на-дняхъ ваша свадьба, которую мнѣ хотѣлось бы устроить какъ можно торжественнѣе. Я хочу, чтобы церковь была полна народу и чтобы въ нашемъ домѣ была давка. Такъ согласитесь, что прерывать знакомство теперь, до свадьбы, нѣтъ разсчета. Потомъ, потомъ... Ужъ это будетъ дѣло ваше... Вы можете никому не сдѣлать визитовъ и никого не принять. И знакомства сами собой порвутся.

Анатолій слушалъ внимательно, и на лицѣ его выразилось удивленіе.

— Какъ? Вы хотите дѣлать торжественную свадьбу, вечеръ, балъ?

— Но какъ же иначе, князь? Какъ же иначе?... Это само собой разумѣется.

— Но зачѣмъ?

— Зачѣмъ? Я думаю, это понятно. Для насъ съ женой это такое радостное событіе, князь, что намъ хочется отпраздновать его какъ можно веселѣе...

— Развѣ вамъ въ многолюдномъ обществѣ мало извѣстныхъ вамъ людей будетъ веселѣе, чѣмъ въ своемъ маленькомъ кругу?

Альбертъ Ивановичъ на это не нашелъ что отвѣтить. Въ самомъ дѣлѣ, его доводы были несостоятельны. Если хорошенько сообразить, то при многочисленномъ обществѣ у него будетъ много хлопотъ—и только.

— Ну, да, пожалуй, вы правы,—сказалъ онъ.—Но, князь, мнѣ хотѣлось бы, чтобы всѣ узнали о томъ счастьѣ, какое я испытываю.

— Кто это всѣ, Альбертъ Ивановичъ? Всѣ тѣ, до кого намъ съ вами нѣтъ дѣла?

Альбертъ Ивановичъ покачалъ головой.

— Съ вами трудно спорить, князь,—сказалъ онъ, шутливо улыбаясь.—Вы меня совсѣмъ разбиваете.

— Альбертъ Ивановичъ, но я даже не спорю. Я ни на чемъ не настаиваю, я только высказываю свое мнѣніе. Во всякомъ случаѣ, объ этомъ надо подумать и главное—посовѣтоваться съ княжной Валеріей Константиновной.

— Я посовѣтуюсь, я непремѣнно посовѣтуюсь!—поспѣшно согласился Альбертъ Ивановичъ, вспомнивъ, что этотъ вопросъ уже былъ затронутъ въ разговорѣ съ княжной, и съ ея стороны не было возраженій. И къ княжнѣ Валеріи Альбертъ Ивановичъ явился какъ бы съ жалобой на молодого князя.

— Вотъ не знаю, какъ и быть съ княземъ. Не хочется мнѣ его огорчить, а и уступить жаль. Такъ ужъ я себя настроилъ... Да и странно это какъ-то было бы!—жалобно говорилъ онъ княжнѣ Валеріи.

Тетушка сейчасъ же почувствовала, что настойчивость въ этомъ вопросѣ вызвала бы въ душѣ Альберта Ивановича горечь, которая омрачила бы его счастье. А этого она ни въ какомъ случаѣ допустить не хотѣла. Она ласково улыбнулась ему и сказала:

— О, полноте, это въ немъ говоритъ молодая неопытность. Мы его разубѣдимъ. Конечно, конечно, должно быть такъ, какъ вы рѣшили. При томъ же не слѣдуетъ его и баловать слишкомъ.

— О, что вы, княжна! Какъ можно? Разъ князь дѣлается мужемъ моей дочери, онъ дѣлается властелиномъ...

— Ну,—съ усмѣшкой промолвила княжна Валерія.—Пусть онъ тамъ будетъ властелиномъ въ своихъ дѣлахъ, а свадьба—это не его дѣло, а ваше. Словомъ, вы не безпокойтесь, я беру это на себя.

И княжна поторопилась уединиться съ Анатоліемъ.

— Ты дѣлаешь ошибку, Анатолій, ты недостаточно думаешь,—сказала она ему.

— Это выговоръ, тетушка?

— Не выговоръ, а добрый совѣтъ. Надѣюсь, что ты еще не презираешь мои совѣты!

— Я буду уважать ихъ до конца моей жизни, тетушка.

— Ну, такъ вотъ и слушайся: вовсе не вмѣшивайся въ распоряженія о свадьбѣ.

— Но, тетушка, это меня довольно близко касается...

— Пусть касается, но ты долженъ принять во вниманіе, что у этихъ людей есть свое міровоззрѣніе, а въ этомъ міровоззрѣніи извѣстные священные пункты, которыхъ безнаказанно нарушать нельзя. Если бы ты настоялъ на своемъ, и свадьба прошла по твоему, безъ бала, безъ гостей, то они всю жизнь чувствовали бы, что тутъ что-то было не вполнѣ такъ, какъ надо. Развѣ я не права?

— По обыкновенію, вы правы, тетушка. Но это такъ непріятно—фигурировать въ качествѣ свадебнаго героя въ толпѣ какихъ-то неизвѣстныхъ личностей.

— Я не говорю, что это пріятно. Но это ничего не значитъ. Во избѣжаніе бо̀льшихъ непріятностей, перенеси меньшую.

— И потомъ вся эта толпа будетъ считать себя нашими добрыми знакомыми, и я не буду знать, какъ отъ нихъ отдѣлаться!

— Это очень серьезно, Анатолій,—замѣтила тетушка,—но на этотъ счетъ у меня есть планъ, который я тебѣ разскажу послѣ.

— Почему же не теперь, тетушка?

— Потому что я его еще не хорошо обдумала. Вотъ завтра пріѣдетъ княжна Аделаида, и мы обсудимъ вмѣстѣ, а потомъ я и тебѣ скажу. Впрочемъ, рѣшеніе будетъ зависѣть отъ тебя одного.

— Таинственно и страшно...

— Имѣй терпѣніе... и не вмѣшивайся не въ свои дѣла. Не нужно ли тебѣ денегъ? Моя эта книжка, которую далъ мнѣ Альбертъ Ивановичъ, кажется, совсѣмъ неистощима.

— Нужно, тетушка, очень нужно. Мнѣ надо платить за фрачную пар , за бѣлье, за все.

- Ну, вотъ возьми чекъ и веди себя хорошо...

тетушка выдала ему чекъ.

XIV.

Княжна Аделаида и княгиня пріѣхали только за три дня до свадьбы. Ихъ ждали гораздо раньше, но онѣ опоздали по причинамъ, которыя никакъ нельзя было объяснить Пфейферамъ. Имъ сослались на легкое нездоровье княгини и еще на какія-то хозяйственныя задержки. Но причина была совсѣмъ другая, и ее княжна Аделаида объяснила княжнѣ Валеріи одной.

Встрѣча была бы болѣе торжественной, если бы Пфейферы не захотѣли быть деликатными. Они нашли, что родственникамъ, быть можетъ, захочется сперва повидаться и поговорить между собой, и потому не поѣхали на вокзалъ. Встрѣчали княжна Валерія и Анатолій. Княгиня съ Анатоліемъ поѣхали въ саняхъ, хотя дорога, вслѣдствіе рано наступившаго тепла, уже была плоха, а двѣ княжны помѣстились вмѣстѣ съ узлами и картонками въ каретѣ. Это было очень удобно, потому что здѣсь онѣ могли разсказать другъ другу многое.

То, что княжна Валерія разсказала княжнѣ Аделаидѣ, мы знаемъ, кромѣ, можетъ быть, нѣкоторыхъ задушевныхъ тайнъ. Между прочимъ, была объяснена выписка изъ деревни пары канделябръ, надъ чѣмъ княжна Аделаида до сихъ поръ недоумѣвала.

— О, Валерія!—воскликнула княжна Аделаида, узнавъ значеніе этой выписки и связь, какая существовала между канделябрами и предстоящимъ событіемъ.—Это геніально! Только одна ты могла придумать это! Но вообрази, какъ трудно мнѣ было съ княгиней. О, ты даже этому не повѣришь. Когда мы получили письма, я отъ тебя, а княгиня отъ Анатолія, съ ней сдѣлалось что-то непостижимое; она объявила, что ни за что не поѣдетъ въ Москву. Но почему, почему? спрашиваю я. «Потому что мнѣ нечего тамъ дѣлать. Мнѣ будетъ тамъ стыдно... Понимаешь? Это значитъ, что Анатолій женится на богатой дѣвушкѣ...» Я начала убѣждать ее. Я сказала, что тутъ нѣтъ ничего удивительнаго. Что Анатолій прекрасный молодой человѣкъ, обладающій исключительными достоинствами и это естественно, что его полюбили и не виноватъ же онъ, что его полюбила богатая дѣвушка. И самъ же Анатолій написалъ ей, что онъ безумно влюбленъ въ свою невѣсту и любимъ ею. Но знаешь, она была такъ упорна... А, какъ глубоко еще сидятъ въ ней эти предразсудки ея круга! Удивительно, что покойный князь-братецъ не позаботился о томъ, что[illegible] вырвать ихъ съ корнемъ. Я употребила все свое краснорѣчіе и [illegible] конецъ-таки убѣдила. Согласись, что это было бы ужасно, ес[illegible] ъ она не пріѣхала.

— Да, слава Богу, что тебѣ удалось это. Эти люди... надо [illegible]

сказать, что это добрые, простые и вполнѣ честные люди, но у нихъ свои взгляды, и они хотятъ, чтобы на свадьбѣ все было такъ, какъ обыкновенно бываетъ. Малѣйшее отступленіе—и они были бы огорчены.

Въ саняхъ разговоръ начался не столь дружески. Княгиня сразу упрекнула сына:

— Ты слишкомъ молодъ еще, Анатолій, чтобы быть такимъ практичнымъ! Я знаю, что тобой руководитъ княжна; но ты могъ и не послушаться ея...

Но Анатолій съ такимъ жаромъ заговорилъ о своей любви къ Валентинѣ и такъ горячо опровергалъ всякую мысль о разсчетѣ, что княгиня, которая вообще поддавалась сильнымъ вліяніямъ, очень скоро перешла на его сторону и увѣровала въ его полное безкорыстіе.

Ѣхали прямо въ особнякъ. Тамъ были уже приготовлены покои для княжны и для княгини. Альбертъ Ивановичъ устроилъ пріѣхавшимъ торжественную встрѣчу, по обыкновенію, на лѣстницѣ, а Валентину онѣ нашли въ гостиной и сейчасъ же обѣ пришли отъ нея въ восторгъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, она очаровательна!—сказала княгиня.—И я понимаю, что Анатолій не могъ не влюбиться въ нее.

Княгиню съ ея мягкимъ податливымъ характеромъ легко было перетянуть на свою сторону. Съ княжной Аделаидой она еще могла бороться, но съ Валентиной, Анатоліемъ и главное — съ совершившимся фактомъ, на это у нея не хватало характера.

Начались спѣшныя приготовленія къ свадьбѣ. У княженъ, какъ и у княгини, не было готовыхъ платьевъ; пришлось дѣлать ихъ экстренно. Вѣдь оставалось всего только три дня.

Межъ тѣмъ Альбертъ Ивановичъ дѣятельно выполнялъ свою часть. Княжна Валерія совершенно успокоила его:

— Вы не такъ поняли князя. Онъ ровно ничего не имѣетъ противъ вашихъ знакомыхъ, а въ особенности ему будетъ пріятно сдѣлать вамъ удовольствіе.

Получивъ такое увѣреніе, Альбертъ Ивановичъ занялся составленіемъ приглашенія, потомъ отдалъ его въ печать и, наконецъ, разослалъ. Эта важная забота поглотила у него цѣлыхъ два дня. И ужъ зато разослалъ онъ приглашеніе кому только могъ. Ему хотѣлось [illegible]мпы. Чтобы весь міръ зналъ, что поселянинъ Альбертъ Пфейферъ [illegible]даетъ свою дочь за князя Вехтина, а, по крайней мѣрѣ, полъ-[illegible]осквы присутствовало бы при томъ священнодѣйствіи, когда поселянка будетъ превращаться въ княгиню.

Но наканунѣ свадьбы, когда онъ устроилъ всѣ эти важныя дѣла,

онъ вдругъ почувствовалъ, что у него есть гораздо болѣе важное. Въ самомъ дѣлѣ, завтра дѣлается князь его зятемъ, а онъ еще ни разу не говорилъ съ нимъ объ имущественномъ вопросѣ; а между тѣмъ тутъ есть о чемъ подумать. Князь объ этомъ не заговариваетъ. Можетъ быть, онъ и не думаетъ объ этомъ. Онъ молодъ, влюбленъ и благороденъ. Это очень хорошо. Но можетъ быть, онъ думаетъ, что женитьба на Валентинѣ сдѣлаетъ его сразу полнымъ владѣльцемъ и распорядителемъ всего, что есть у Пфейферовъ, и тогда вдругъ наступитъ разочарованіе и горькія недоразумѣнія. О, Альбертъ Ивановичъ ничего не имѣлъ противъ того, чтобы князь вмѣстѣ съ Валентиной были полными хозяевами его добра. Но можетъ ли онъ, имѣетъ ли онъ право формально передать князю все въ полную собственность? Конечно, нѣтъ. Князь благороденъ; онъ любитъ Валентину, все это очень хорошо, но... Но нельзя же скрывать отъ себя то, что все это вплоть до свадьбы совершилось въ какія-нибудь пять недѣль и что въ сущности онъ даже не имѣлъ возможности узнать князя сколько-нибудь основательно. А вдругъ произойдетъ несчастье, и потомъ, когда пройдетъ первый пылъ, онъ окажется не совсѣмъ такимъ, какимъ кажется теперь, захочетъ злоупотребить своимъ правомъ, и мало ли что? Чужая душа потемки... Можетъ случиться и другое: окажется, что князь съ Валентиной не сойдутся характерами. О, это такъ часто случается, несмотря на страстную любовь.

А между тѣмъ Альбертъ Ивановичъ не хотѣлъ обидѣть князя и отъ всего этого онъ былъ въ большомъ затрудненіи. Съ Валентиной онъ говорить по этому поводу, конечно, не могъ. О, она теперь какъ слѣпая! Одинъ намекъ на то, что князю можно что-нибудь не повѣрить, хотя бы это касалось отдаленнаго будущаго, оскорбитъ ее. Съ Дарьей Васильевной онъ уже говорилъ, но они вмѣстѣ ничего не могли придумать; оставалось одно прибѣжище: княжна Валерія. Ужъ Альбертъ Ивановичъ сталъ привыкать смотрѣть на нее, какъ на разрѣшительницу всѣхъ споровъ и недоумѣній. Она умѣетъ это. Она на всѣхъ имѣетъ вліяніе. Ей подчиняются и князь, и княжна, и даже сама княгиня. И притомъ она какъ-то умѣетъ все понять.

И Альбертъ Ивановичъ обратился къ княжнѣ Валеріи. Онъ изложилъ всѣ свои сомнѣнія и скорби. Княжна Валерія отнеслась къ его недоумѣнію очень серьезно.

— Вы совершенно правы, Альбертъ Ивановичъ. Вы разсуждаете, какъ любящій отецъ. Ваши сомнѣнія я понимаю,—сказала она.— Я хорошо знаю князя и ни на минуту не сомнѣваюсь въ томъ, что онъ не способенъ когда бы то ни было отступить отъ правилъ порядочнаго человѣка. Но даже и я закрываю глаза и воображаю, что это

князь, родной мнѣ и мною воспитанный, а посторонній порядочный человѣкъ, и я говорю: будущее не въ нашихъ рукахъ. Мы раньше ихъ умремъ и относительно того, что будетъ тогда, послѣ этого рубежа, мы ничего сказать не можемъ. Князь честенъ, но онъ человѣкъ, а за человѣка ручаться нельзя... Вы правы, правы, Альбертъ Ивановичъ. Итакъ, скажите, чему равняется вашъ капиталъ?

— Около двухъ милліоновъ шестисотъ тысячъ!—отвѣтилъ Альбертъ Ивановичъ.

Княжна Валерія одобрительно кивнула головой, очевидно относя это одобреніе къ цифрѣ, которую она считала меньше.

— Такъ вотъ видите ли, разъ князь будетъ жить среди васъ, въ вашемъ домѣ, какъ свой, ему было бы очень тяжело постоянно чувствовать себя зависящимъ отъ васъ, безъ права сдѣлать шагъ самостоятельно. Онъ всетаки долженъ имѣть какія-нибудь права. И для этого вы могли бы передать ему безконтрольно право на извѣстную часть, ну, тамъ тысячъ на четыреста, что ли, а остальное... Остальное вы откажете по духовному завѣщанію вашей дочери.

— Да оно и такъ ей достанется.

— Ахъ, знаете, что вамъ стоитъ написать духовное завѣщаніе? Вѣдь бываютъ споры и, когда не кому вступиться, изъ споровъ не всегда выходятъ побѣдителями люди правые. Итакъ, послѣ вашей смерти они будутъ владѣть вмѣстѣ, она какъ наслѣдница, а онъ какъ глава. А пока онъ всетаки будетъ чувствовать, что обладаетъ кой-чѣмъ, на что можетъ опереться. И такъ какъ вы, Альбертъ Ивановичъ, проживете еще долго, то капиталъ его къ тому времени, когда наступитъ вопросъ о наслѣдствѣ, чего добраго вырастетъ въ милліонъ.

— О, для этого нужно двадцать лѣтъ, по крайней мѣрѣ!

— А что вамъ стоитъ прожить двадцать лѣтъ? Вы человѣкъ крѣпкій, жизнь ведете нормальную, кровь себѣ ничѣмъ не портили. . Такъ вотъ, такъ и сдѣлайте!

— Такъ и сдѣлаю,—сказалъ Альбертъ Ивановичъ, благодарно цѣлуя руку княжны.—Такъ и сдѣлаю и принесу вамъ, а ужъ вы сами передайте князю!

И въ тотъ же день, наканунѣ свадьбы, Альбертъ Ивановичъ отправился куда слѣдуетъ, выполнилъ формальности и привезъ княжнѣ Валеріи бумагу, при посредствѣ которой князю Анатолію передавалось право на четыреста тысячъ. Эту бумагу княжна передала Анатолію съ улыбкой и сказала:

— Поздравляю васъ, князь, съ маленькимъ пріобрѣтеніемъ. Хотя и князь и вполнѣ порядочный человѣкъ, но и порядочность нуж-

дается съ одной стороны въ поощреніи, а съ другой—въ нѣкоторой осторожности.

Но князь отлично понималъ, что безъ всякихъ бумагъ онъ будетъ распоряжаться всѣмъ, что есть у Пфейферовъ, и даже плохо слушалъ, когда княжна объясняла ему, почему ему передается такая сравнительно скромная сумма. Онъ вовсе не былъ практическимъ человѣкомъ и не умѣлъ принимать въ разсчетъ возможность какихъ-то отдаленныхъ перемѣнъ. Онъ теперь любилъ Валентину искренно, она отвѣчала ему тѣмъ же, и онъ не имѣлъ основанія думать, что когда-нибудь будетъ иначе, что между ними могутъ выйти какія-нибудь недоразумѣнія, что можетъ явиться вопросъ о раздѣленіи и разлукѣ. Ну, и значитъ нечего заботиться о какихъ-то гарантіяхъ. И княжнѣ Валеріи нравилось въ немъ это отсутствіе мелочности и разсчетливости. Ей было пріятно сознавать, что двадцать шесть лѣтъ бѣдности не развили въ немъ этихъ мѣщанскихъ качествъ; въ этомъ она видѣла какъ бы признаки породы, и это давало ей право думать, что изъ молодой четы вырастетъ новая здоровая вѣтвь рода Вехтиныхъ. Да, думала она иногда, глядя на обоихъ молодыхъ людей: порода должна быть удивительная. Отъ такихъ отца и матери могутъ родиться только здоровяки и красавцы.

И вотъ, на другой день состоялось вѣнчаніе. Это была одна изъ самыхъ торжественныхъ свадебъ того сезона въ Москвѣ. Ярко освѣщенная церковь была биткомъ набита народомъ. Къ многочисленнымъ знакомымъ особняка на Арбатѣ прибавилось множество любопытныхъ, любителей всякихъ торжествъ. Стройно пѣли лучшіе пѣвчіе. Ближніе родственники не блистали молодостью, но были одѣты богато и изящно.

Послѣ вѣнчанія былъ шумный балъ въ особнякѣ, кончившійся съ разсвѣтомъ, а на другой день въ Москвѣ всюду цитировали имя князя Вехтина, о которомъ до тѣхъ поръ никто ничего не зналъ. О приданомъ, которое онъ взялъ, разсказывали чудеса. Говорили о десяткахъ милліоновъ.

Въ тотъ же день молодая чета сѣла въ вагонъ и уѣхала въ Петербургъ. На вокзалѣ ихъ провожали такъ весело и шумно, что, казалось, это было продолженіе вчерашняго бала. А передъ самымъ отъѣздомъ тетушка Валерія отозвала Анатолія въ сторону и тихо сказала ему:

— Я вижу, что ты страдаешь отъ всего этого. Да, кажется, и Валентина не особенно довольна этими оваціями.

— Тетушка, я не столько страдаю отъ настоящаго, сколько уже саюсь за будущее,—сказалъ Анатолій.—Вѣдь они всѣ имѣютъ право считать себя нашими близкими. Отъ нихъ не будетъ отбою.

— Вотъ именно... Я объ этомъ думала. Помнишь, я говорила тебѣ, что у меня есть одинъ планъ? Мы много думали объ этомъ съ княжной Аделаидой и даже спрашивали мнѣніе княгини, и всѣ трое въ этомъ согласны.

— Въ чемъ, тетушка?

— Мы думаемъ, что вамъ слѣдуетъ поселиться въ Петербургѣ. Этимъ будутъ разомъ порваны всѣ здѣшнія связи, которыя вѣдь такі тонки... А въ Петербургѣ вѣдь ты не потерялъ прежнихъ связей. И тѣ связи такъ важны, что ими надо дорожить... Не сразу, разумѣется, а постепенно ты введешь свою жену въ высшій кругъ. О, я знаю,—сперва они будутъ ежиться, но потомъ привыкнутъ. Наконецъ, я еще существую. И я вѣдь что-нибудь значу... Ты согласенъ?

— Тетушка, это что-то хорошее. И мы объ этомъ подумаемъ съ Валентиной. Я увѣренъ, что Петербургъ приведетъ ее въ восторгъ.

— Во всякомъ случаѣ ты объ этомъ постарайся.

Да, это была идея. Но тетушка ничего не упомянула о старикахъ Пфейферахъ. Думала ли она объ этомъ? Неужели они останутся въ Москвѣ? А межъ тѣмъ, если ужъ задаться цѣлью провести Валентину въ свѣтъ, то надо бы устранить всѣ тормозы. Сама Валентина постоитъ за себя. Ея красота, ея обворожительная внѣшность, конечно, въ концѣ концовъ примирятъ съ ея происхожденіемъ. Но постоянное нахожденіе вблизи этихъ милыхъ поселянъ будетъ вѣчно напоминать о ея прежнемъ состояніи. Конечно, съ Валентиной онъ объ этомъ не заговоритъ. Боже сохрани! Надо щадить ея чувства. Пусть это улаживаетъ тетушка, которая такъ умѣетъ устраивать эти тонкія дѣла.

Наконецъ, и проводы кончились. На дебаркадерѣ въ послѣднюю минуту Альбертъ Ивановичъ и Дарья Васильевна обняли Валентину и Анатолія, и у обоихъ слезы лились ручьями. Они въ первый разъ во всю жизнь отпускали отъ себя дочь.

XV.

Поѣздка для Валентины была настоящимъ очарованіемъ. Съ первой же минуты, какъ Москва начала отъ нихъ удаляться, она почувствовала, какъ вмѣстѣ съ тѣмъ отходитъ отъ нея и все ея прошлое. До сихъ поръ, несмотря на то, что она прожила уже цѣлыя сутки въ качествѣ жены князя Вехтина, какъ-то ни въ чемъ не чувствовалась эта перемѣна.

Тотъ же особнякъ, та же обстановка, тѣ же лица. Альбертъ Ивановичъ и Дарья Васильевна попрежнему называли ее Валентиной, а

если бы назвали иначе, то она первая разсмѣялась бы этому. Правда, знакомые на вчерашнемъ свадебномъ вечерѣ обращались къ ней: «княгиня!» А швейцаръ и лакей называли даже «вашимъ сіятельствомъ», но это даже выходило какъ-то глупо. Они какъ бы подчеркивали перемѣну: вчера, молъ, ты была поселянка, а сегодня превратилась въ княгиню.

Но теперь пошло все новое. Поѣздная прислуга какъ-то пронюхала, что ѣдетъ князь Вехтинъ съ женой, и удивительно почтительно обращалась съ ними, послѣ каждаго слова прибавляя «сіятельство», и это было такъ часто и, повидимому, такъ искренно, что Валентинѣ начинало казаться, будто отъ нея исходитъ сіяніе. И такъ какъ это было ей вновѣ, то доставляло удовольствіе.

Но самое пріятное въ этомъ путешествіи было, можетъ быть, то, что она первый разъ въ жизни ощутила какое-то свободное движеніе. Она оторвалась отъ обычной обстановки и мчалась теперь въ какую-то неизвѣстную даль. До сихъ поръ она всегда была привязана къ родителямъ и не было еще случая, чтобы она провела хоть нѣсколько часовъ внѣ ихъ вліянія. Правда, вліяніе это было мягкое, любовное, и она никогда не тяготилась имъ, но теперь, когда его не стало, она почувствовала, что у нея выросли крылья.

А Петербургъ, какъ и ожидалъ Анатолій, сразу привелъ ее въ восторгъ, и она въ первый же день сказала, что если стоитъ жить, такъ это, конечно, здѣсь.

Они провели нѣсколько феерическихъ дней, посѣщая театры, катаясь по островамъ, осматривая все, что есть въ этомъ городѣ интереснаго и красиваго, всегда вдвоемъ, всегда рука объ руку и всегда счастливые.

О петербургскихъ знакомыхъ и родственникахъ Анатолій и не думалъ. Все это относилось къ отдѣлу «возстановленія рода Вехтиныхъ», а этимъ «отдѣломъ» завѣдовала тетушка, онъ же интересовался имъ очень мало. Это дѣло будущаго и съ этимъ, должно быть, будетъ много непріятнаго. Родовитые родственники, оставшіеся на высотѣ единственно потому, что ихъ предки не успѣли всего промотать, конечно, будутъ жеманиться; но тетушка, при помощи своей непоколебимой энергіи, заставитъ ихъ сдѣлать уступку.

А пока—наслажденіе личнымъ счастьемъ, безъ всякихъ задачъ: одно наслажденіе. Валентина каждый день писала въ Москву: «я счастлива! Я безумно счастлива». Анатолій съ своей стороны извѣщалъ тетушку Валерію: «мое счастье выше всякихъ описаній».

Дня черезъ четыре послѣ того, какъ они пріѣхали въ Петербургъ тетушка сообщила Анатолію, что у нихъ, въ Москвѣ, «идетъ агит

ція по поводу того, чтобъ имъ, молодымъ, жить въ Петербургѣ. Старики плачутъ, но въ теоріи соглашаются». И результатомъ этой «агитаціи» было письмо отъ Альберта Ивановича, адресованное Валентинѣ. На конвертѣ большими четкими буквами было написано: «Ея сіятельству Валентинѣ Альбертовнѣ Вехтиной», и по формѣ буквъ видно было, что выведеніе ихъ доставляло наслажденіе Альберту Ивановичу.

Альбертъ Ивановичъ писалъ: «Милая наша Валентина, дорогая наша княгиня! Не пугайся, если я скажу тебѣ, что эти послѣдніе дни, когда ты уѣхала отъ насъ, мы съ твоей матерью все плакали. Плакали мы оттого, что тебя нѣтъ съ нами, но еще и отъ другого: отъ боязни, что и въ будущемъ мы тебя лишимся. Глубокоуважаемая княжна Валерія Константиновна много убѣждала насъ въ томъ, что мы должны отпустить тебя жить съ княземъ въ Петербургѣ, но намъ слишкомъ тяжело было убѣдиться въ этомъ. И какъ человѣкъ въ бѣдѣ иногда придумываетъ отчаянныя средства, которыя другимъ кажутся смѣшными, а его спасаютъ, то и мы съ твоей матерью придумали такое. Вотъ оно. Обсудите съ княземъ и намъ отвѣтьте: годится или не годится. Что жить вамъ съ княземъ въ Петербургѣ сподручнѣе, съ этимъ мы согласны. Тамъ и жизнь лучше, и, какъ говоритъ глубокоуважаемая княжна, общество болѣе вамъ подходящее и притомъ имѣются родные. Можетъ быть, князь даже захочетъ тамъ служить, чтобы выдвинуть себя, что̀ ему, при его способностяхъ, легко дастся. Но согласись, милая наша дочь, и убѣди въ этомъ князя, что лишиться тебя навсегда или даже надолго, это все равно, что лишиться самой жизни. Къ чему же, въ самомъ дѣлѣ, намъ тогда жить, когда въ тебѣ все наше счастье?

«Итакъ, дорогая Валентиночка, мы въ отчаяньи придумали съ матерью вотъ что. Живите вы въ Петербургѣ. Я куплю для васъ хорошенькій особнячекъ, какой вамъ понравится, и обставлю его соотвѣтственно вашему достоинству. Живите въ немъ вы и, если на то будетъ ихъ желаніе, пусть живутъ тамъ обѣ почтенныя княжны и уважаемая княгиня. А мы устроимъ себѣ квартиру гдѣ-нибудь на окраинѣ Петербурга и, не мѣшая вамъ жить въ высшемъ свѣтѣ, будемъ сетаки недалеко отъ васъ, не лишенные возможности видѣть васъ. Вотъ вся наша просьба съ матерью, и отъ тебя съ княземъ зависитъ сдѣлать насъ счастливыми».

Это письмо почти потрясло Валентину, и князь засталъ ее въ слезахъ. Онъ, разумѣется, успокоилъ ее, убѣдилъ въ томъ, что мысль о разлученіи съ нею стариковъ ни въ какомъ случаѣ не принадлежитъ ему, а тетушкѣ, и сказалъ, что. конечно старики будутъ жить

въ Петербургѣ—отдѣльно или вмѣстѣ съ ними, какъ имъ самимъ понравится.

Это была единственная печаль, какую испытала Валентина во время свадебной поѣздки. И князь сумѣлъ такъ сдѣлать, что печаль скоро забылась.

Альберту Ивановичу отвѣтилъ самъ князь. Затѣмъ у нихъ явилась новая цѣль: пріискиваніе маленькаго особняка, который и былъ скоро найденъ. Тогда пріѣхалъ Альбертъ Ивановичъ и началъ устраивать дѣловую часть. Мало-по-малу въ Петербургъ переѣхали и Дарья Васильевна, и княгиня, и обѣ княжны.

Мѣсяца черезъ два порядокъ новой жизни уже вполнѣ опредѣлился. Старики поселились въ Лѣсномъ и находили, что тамъ жить хорошо. Впрочемъ, жизнь ихъ состояла главнымъ образомъ изъ передвиженій—въ городъ и обратно. Молодые же устроились въ особнякѣ и съ ними осталась жить тетушка Валерія. Она должна была руководить ихъ шагами на первыхъ порахъ, а затѣмъ обѣщала удалиться въ деревню. Что же касается княжны Аделаиды и княгини, то имъ жизнь въ Петербургѣ показалась слишкомъ шумной, и онѣ, захвативъ изрядную сумму, потребную для ремонта усадьбы, уѣхали въ деревню.

И когда все установилось, Альбертъ Ивановичъ завелъ переговоры съ мѣщаниномъ Овсянниковымъ о покупкѣ у него части имѣнія князей Вехтиныхъ, самой важной части—съ прудомъ и паркомъ. Паркъ, правда, на половину былъ уже вырубленъ, но все же это былъ паркъ. И переговоры пошли удачно, такъ что къ веснѣ надѣялись кончить ихъ, а лѣтомъ гулять въ паркѣ и на берегу пруда.

Съ своей стороны княжна Валерія сдѣлала уже нѣкоторые ходы въ домахъ родственниковъ и, хотя пока это не привело къ желаннымъ результатамъ, но тетушка Валерія высказывала увѣренность, что это непремѣнно будетъ.

Валентина была счастлива уже полгода, а въ послѣднее время счастье ея увеличилось опредѣленной надеждой на то, что въ недалекомъ будущемъ родъ князей Вехтиныхъ продолжится. И чѣмъ больше думала Валентина по поводу всего совершившагося въ ея жизни въ послѣдніе мѣсяцы, тѣмъ болѣе убѣждалась, что въ ихъ встрѣчѣ съ княземъ, совершившейся по случаю продажи пары старыхъ канделябръ, было что-то роковое, какое-то предназначеніе судьбы и что дѣйствительно она и князь Анатолій были созданы другъ для друга.

Такъ былъ возстановленъ находившійся въ упадкѣ древній родъ князей Вехтиныхъ.

И. Потапенко.

ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ, ПЕРВАЯ ЛОЖЬ *).

Альфонса Додэ.

IV.

Въ своей молодости Викторъ Гюго написалъ прекрасную историко-легендарную книгу, озаглавленную «Рейнъ». Въ ней онъ оживляетъ старые камни феодальныхъ замковъ, грандіозныя развалины которыхъ отражаются въ волнахъ величаваго зеленаго потока. Книга, подъ заглавіемъ «Рона», въ которой день за днемъ описывалось путешествіе вверхъ по рѣкѣ, представила бы не менѣе художественный интересъ; я говорю «вверхъ по рѣкѣ» потому, что если ѣхать обратно, бурное теченіе, подгоняемое мистралемъ, несетъ слишкомъ быстро и не позволяетъ ничего разсмотрѣть. Я бы могъ написать подобную книгу, но для этого пришлось бы повторить путешествіе. Не потому, что въ то время мои глаза не были раскрыты на красоты природы или нервы мои недостаточно воспріимчивы и тонки для того, чтобъ улавливать окружающія явленія, заставлять меня переживать ощущенія радости и горя, — нѣтъ, я уже тогда былъ художникомъ, впечатлительнымъ, какъ всѣ художники: у меня сохранились воспоминанія еще болѣе далекія, чѣмъ эти. Такъ, болѣе полвѣка, — слышите ли вы, «полвѣка»,—отдѣляетъ меня отъ одного памятнаго вечера, когда, потерянному няней, съ которой я всегда гулялъ, мнѣ пришлось одному брести по родному городу, чтобы возвратиться на нашу фабрику,—фабрику «Petit Chose». Мнѣ было тогда пять лѣтъ, и всѣ подробности этого путешествія глубоко запечатлѣлись въ моей душѣ: я помню доносившіеся издали раскаты барабановъ, меланхолично отбивавшихъ вечернюю зорю, огненные отблески, вырывавшіеся изъ кузницы и пылавшіе въ блѣдныхъ голубыхъ сумеркахъ лѣтняго вечера; я помню поспѣшность, съ которой сѣменили мои крошечныя дрожащія

*) *Русская Мысль*, кн. XI, 1900 г.

ноги, подгоняемыя страхомъ и темнотой надвигавшейся ночи. Я помню радость, охватившую меня при видѣ длинныхъ бѣлыхъ стѣнъ нашего дома, силуэтъ котораго выступалъ на концѣ Авиньонской дороги,— эту безумную, живую дѣтскую радость! Однимъ прыжкомъ взобрался я черезъ три ступеньки входной двери и, приподнявшись на цыпочки до самой задвижки, которую я еле-еле доставалъ, въ опьяненіи прижался губами къ жесткому горячему дереву этой двери, какъ къ дорогому, любимому, вновь близкому лицу, которое, мнѣ казалось, я уже утратилъ навѣки. Если тогда, въ дни далекаго дѣтства, во мнѣ трепетала эта чувствительность, то почему же такъ неясно запечатлѣлось во мнѣ волшебное путешествіе по Ронѣ, совершонное однако восемью-девятью годами позже? Я объясняю это себѣ полнымъ проникновеніемъ принятой на себя роли гардемарина, полнымъ отреченіемъ отъ своей личности въ интересахъ морского кадета изъ Варны. О, вы, миніатюрные валы Авиньона, города колоколовъ, высушенныя солнцемъ стѣны-великаны замка Папъ, старый легендарный мостъ Saint-Bénezet, отъ котораго уцѣлѣли лишь три арки, и вы всѣ, полуразрушенныя башни, отражающія въ голубыхъ волнахъ ваши кружевные зубцы, ты, замокъ Воздуха, башня Châteauneuf — средневѣковые останки Roche d'Aiglan, какъ могли остаться незамѣченными ваши чудныя формы! Простите, что, проходя мимо, я не замѣтилъ васъ и вмѣсто того, чтобы вспоминать прелестные напѣвы Cours d'Amour, великолѣпные удары шпагъ, успувшіе въ вашихъ сожженныхъ каменныхъ глыбахъ, я старался лишь изобразить походку стараго морского волка съ приподнятыми плечами, широко раздвинутыми ногами, поддѣлаться подъ залихватскій тонъ, какимъ выражался мой товарищъ Тэнъ, говоря о своей морской службѣ: «слишкомъ много супу на такое ничтожное количество мяса!»

Какъ только я повторяю эту фразу, передо мной встаетъ смѣшная фигура человѣчка, какимъ я былъ тогда въ своей импровизированной роли, я, нѣжный, хрупкій ребенокъ, едва вышедшій изъ-подъ домашней опеки, которому мать еще такъ недавно собственноручно завязывала галстукъ,—я старался теперь плевать какъ можно дальше, ругался, продѣлывалъ очень опасную гимнастику, расхаживая по самому краю палубы, или растягиваясь на морскомъ якорѣ, на самомъ концѣ шканца, рискуя при малѣйшемъ толчкѣ ежеминутно упасть и неминуемо утонуть въ бѣшено несущихся волнахъ Роны.

О, эти «мостры»!

Маленькіе монпельесцы, съ которыми я встрѣтился опять на палубѣ, не покидали насъ ни на шагъ: ни меня, ни Леонса; ихъ одобрительные крики еще больше поощряли меня къ выходкамъ. И какъ

это была благодарная, довѣрчивая и восторженная аудиторія — всѣ эти зуавы, рядовые, винсенскіе стрѣлки, окружавшіе меня на шканцахъ, гдѣ мы проводили цѣлые дни: они сопровождали хохотомъ всѣ мои розсказни, принимали на вѣру самыя невозможныя небылицы, сами не замѣчая того, доставляли богатый матеріалъ моимъ выдумкамъ, подтверждали мою ложь. Канвой всѣмъ моимъ разсказамъ служили подробности, сообщенныя мнѣ Тэномъ, кое-какія топографическія свѣдѣнія о Варнѣ и Галлиполи, три-четыре вида Босфора и Золотого Рога. Правда, для точной характеристики этого было слишкомъ мало, но каждую минуту знанія мои обогащались нашей бесѣдой.

— Скажите, г. офицеръ,—говоритъ мнѣ истощенный и дрожавшій еще въ лихорадкѣ артиллеристъ.—Такъ какъ въ это время вы были въ Галлиполи, вы навѣрно встрѣчались съ Канробером».

— Ахъ, да, Канроберъ! Высокій, совершенно лысый брюнетъ!

— О, нѣтъ, невысокаго роста, блондинъ, съ бѣлокурыми усами и длинными волосами: во всемъ полку у него одного только такіе и были.

— А да, да, да! Длинные волосы, бѣлокурые усы, какъ же!..

И вотъ мой репертуаръ обогащенъ «великолѣпнымъ» Канробером, съ которымъ я бесѣдовалъ, который повѣрялъ мнѣ свои тайны и т. д.

Здѣсь я долженъ сдѣлать признаніе. Несмотря на то, что наивная, простодушная аудиторія была ко мнѣ расположена, я счелъ нужнымъ, подобно самымъ великимъ артистамъ, образовать среди этой и безъ того восторженной публики отдѣльный кружокъ особенно преданныхъ мнѣ слушателей, которыхъ я задабривалъ слѣдующимъ образомъ.

Когда мы уѣзжали на разсвѣтѣ изъ Бокэра, кто-то изъ Тустэновъ,—не знаю, мужъ или жена,—сунулъ намъ въ руки завязанную тяжелую корзину, говоря: «Видите, г. Альфонсъ, на Боннарделѣ есть, конечно, и кухня, и поваръ, но кухня такъ грязна, а поваръ такъ дорожится, что лучше обходиться безъ нихъ. Берите тамъ вино, хлѣбъ, что-нибудь горячее утромъ, если хотите, остальное вы найдете здѣсь; хватитъ на всю дорогу!» И правда, добряки наложили въ корзину арльскихъ сосисекъ, коробки анчоусовъ, черныя оливы, маслины, зеленый перецъ, миндаль, фиги, всѣ эти лакомства, до которыхъ южане—сластены, но не обжоры—такъ падки. Я тоже цѣнилъ по достоинству эти вегетаріанскіе обѣды, эту возбуждающую легкую закуску, но ложное самолюбіе пересиливало мой природный вкусъ, и я предпочиталъ заказывать себѣ въ «гостиной» стряпню повара. О, этотъ ужасный кондитеръ-угольщикъ! На сомнительной бѣлизнѣ его

блузы виднѣлись слѣды грязныхъ рукъ—они напоминали мнѣ ру
Магомета, отпечатокъ которой я видѣлъ тамъ, у турокъ на зна
нахъ, въ Варнѣ и Галлиполи. Ліонскія дамы не отказывались прин
мать участіе въ этихъ трапезахъ; что же касается содержимаго ко
зины, я раздавалъ его утромъ на шканцахъ и каждый день благода
этому пріобрѣталъ новыхъ друзей, восторженныхъ поклонниковъ
преданныхъ слушателей, готовыхъ одобрить смѣхомъ и крика
«браво» самые небывалые вымыслы моей пылкой фантазіи. Не ду
майте, что я лгалъ въ силу испорченности или какихъ-нибудь ко
рыстныхъ цѣлей: я лгалъ потому, что во мнѣ говорило воображеніе,
потому что мнѣ хотѣлось воплотить, дать жизнь, движеніе всѣм
моимъ мальчишескимъ грезамъ. Но да смягчится читатель!

Всѣ мои выдумки получали должное возмездіе: ни одинъ день на
шего четырехдневнаго путешествія не обошелся безъ заслуженнаг
нагоняя, безъ хорошей взбучки.

Я вспоминаю какъ разъ четыре происшествія, четыре эпизода, о
которыхъ я сейчасъ вамъ разскажу и за достовѣрность которыхъ ру
чаюсь: они ярко выдѣляются въ далекомъ туманномъ полумракѣ мо
ихъ воспоминаній.

V.

Эпизодъ первый. Гдѣ это происходило? Я не могу припомнить ни
мѣстности, ни ея названія, ни ея топографіи. Я знаю только, что мы
находились еще на югѣ, потому что ночь была теплая, небо прозрач
ное, темно-синее, затканное безчисленными звѣздами. Кромѣ тог
вдоль берега тянулись виноградники, съ низко срѣзанными какъ и у
насъ лозами, фиговыя плантаціи, уже исчезающія за извѣстнымъ пол
сомъ. Когда насталъ вечеръ, Боннардель причалилъ къ пристани
такъ какъ плаваніе по Ронѣ съ ея бурливымъ теченіемъ и безчислен
ными опасными перекатами ночью немыслимо. Пассажирамъ бы
разрѣшено высадиться на берегъ, съ условіемъ всѣмъ собраться на
палубѣ къ 5 час. утра. Уставшій отъ своей несмолкаемой болтовни
отъ вѣчныхъ морскихъ приключеній, обременявшихъ мое дѣтское во
браженіе, я пошелъ бродить по полямъ, въ сопровожденіи всей мое
аудиторіи артиллеристовъ, зуавовъ и винсенскихъ стрѣлковъ. Имъ
какъ сѣвернымъ уроженцамъ, все казалось новымъ въ этой странѣ
способъ обработки, сѣвъ и уходъ за виноградниками. И однако по
пути въ Крымъ они проѣзжали эти равнины по желѣзной дорогѣ, н
своими подслѣповатыми глазами они ничего не видѣли, ни на что н
чѣли, изъ всего путешествія сохранивъ лишь воспоминаніе о ка

кой-либо «осадѣ» или болѣзни въ госпиталѣ. Нечего удивляться, слушая, напримѣръ, подобную бесѣду:

«Въ Іерусалимѣ былъ одинъ, по прозванію Биду; онъ взялъ ложку у сержанта и отдалъ ее только въ Яффѣ. Ну и была исторія!»

Въ Галлиполи меня капитанъ посадилъ на три дня подъ арестъ.

Пишутъ они, напримѣръ, такъ:

Константинополь, 2 сентября.

«Пробыли на бивуакѣ весь день передъ мечетью Св. Софіи. Недѣльнымъ дежурнымъ былъ Бреве. Ѣли бараній шашлыкъ съ фасолью и баклажанами. Чертовски вкусно».

Дамаскъ, 6 октября.

«Пролежали въ розовыхъ лаврахъ. Потерялъ сапожную щетку. Два дня осады, и т. д.».

Ну, такъ вотъ однажды вечеромъ, въ то время какъ на палубѣ, освѣщенной громаднымъ краснымъ фонаремъ, остались дежурить двое, я, въ сопровожденіи всѣхъ моихъ зуавовъ, артиллеристовъ, винсенскихъ стрѣлковъ, предпринялъ вылазку, которую я по алжирски называлъ «razzia», съ цѣлью накормить своихъ выздоравливающихъ солдатиковъ черными громадными, какъ Ханаанъ, гроздями, фигами, провансальскими изюминами, продолговатыя красныя ягоды которыхъ такъ соблазнительно мелькаютъ въ блѣдной зелени листьевъ,—всей этой роскошью, давно возбуждавшей ихъ аппетиты и воображеніе, разжигаемое моими разсказами. Я не знаю, долго ли длилась наша экспедиція, въ которомъ часу мы вышли, когда вернулись? Я помню только далекій звонъ невидимаго колокола, мерцаніе двухъ-трехъ огней, внезапно потухшихъ передъ нами на вершинѣ. Все было погружено въ сонъ. Время отъ времени раздавался крикъ совы, шумъ голышей, катившихся изъ-подъ нашихъ ногъ по крутой неровной тропинкѣ, сдавленный смѣхъ одного изъ моихъ спутниковъ, которымъ я, какъ предводитель, строго-на-строго приказалъ хранить полнѣйшее молчаніе. Сдвинувъ шапку на ухо, съ гибкой виноградной лозой въ рукѣ,—знакъ моего предводительства,—я шелъ во главѣ труппы; Леонсъ слѣдовалъ по моимъ пятамъ, молчаливый и легкій, какъ моя тѣнь.

Странный онъ былъ, этотъ маленькій Леонсъ. Пылкій, смѣлый, готовый раздѣлять всѣ мои сумасшедшія выдумки, всѣ мои фантазіи, онъ всюду и вездѣ хранилъ на своемъ блѣдномъ, прелестномъ лицѣ, освѣщенномъ парою лихорадочно-блестѣвшихъ глазъ, все ту же таинственную улыбку въ уголкѣ губъ, странную, полную горечи, грусти и какого-то предчувствія. О, какъ долго смущала меня эта улыбка моего друга, пока смыслъ ея не сталъ мнѣ понятенъ. Но еще не время говорить объ этомъ зловѣщемъ днѣ. Знайте только, что

если я такъ мало говорю о миломъ товарищѣ, это отчасти его вина: онъ тоже не любилъ говорить. Онъ принадлежалъ къ той молчаливой породѣ южанъ, о которыхъ я уже упоминалъ, болѣе пылкой, страстной, подвижной, чѣмъ другія, потому что у подобныхъ людей нѣтъ предохранительнаго клапана—краснорѣчія. Леонсъ обладалъ всепожирающей фантазіей,—мечты, планы, роившіеся въ его головѣ уже въ эти года, проявлялись однако только какимъ-нибудь движеніемъ, внезапно брошеннымъ словомъ, которымъ онъ никогда не давалъ объясненія. Я помню, какъ однажды ночью во время нашего чуднаго путешествія, когда мы, закинувъ руки за головы, поднявъ лица къ небу, лежали растянувшись на палубѣ, я услыхалъ его тихій, восторженный шепотъ: «О, Борромейскіе острова»!... И мнѣ вдругъ показалось, что звѣзды надо мной вспыхнули, затрепетали и заструились слезами,—почему я не знаю, какъ и самъ онъ не зналъ, откуда вырвался у него этотъ призывъ къ благоухающимъ островамъ итальянскихъ озеръ. Но, напримѣръ, въ ночь нашей вылазки ни Леонсъ, ни я не были настроены настолько поэтически, чтобы расчувствоваться отъ подобныхъ пустяковъ. Въ эти минуты въ насъ обоихъ трепетали души морскихъ разбойниковъ, настоящихъ морскихъ разбойниковъ, сопровождаемыхъ такими же, которыхъ мы вели на осаду виноградниковъ, на завоеваніе фиговыхъ плантацій. «Мускатъ, ребята, настоящій мускатъ», крикнулъ я, приподнимаясь и держа въ каждой рукѣ по грозди. Не успѣлъ я кончить, какъ виноградникъ былъ разомъ опустошенъ, словно тучей налетѣвшей саранчи. Въ темнотѣ слышались сдавленныя восклицанія: «чортъ возьми, какъ вкусно, настоящій сахаръ», хрустѣнье сочныхъ твердыхъ косточекъ. Поодаль Леонсъ, взобравшись на фиговое дерево, сбрасывалъ въ протянутые кэпи и шешіи (красныя шапки зуавовъ) горсти толстыхъ, кровавыхъ, мясистыхъ фигъ, которыми солдаты не могли вдосталь наѣсться, но которымъ мы, жители юга, предпочитали другія—маленькія бѣловатыя, а также особеннаго рода крошечный сочный виноградъ, пропитанный солнцемъ въ своей мятой, тонкой, какъ шведской кожѣ, кожурѣ.

— Да гдѣ же эти знаменитыя фиги, о которыхъ вы говорили, г. офицеръ. Ихъ тутъ нѣтъ?...

Какъ разъ въ тотъ моментъ, когда одинъ изъ зуавовъ задалъ мнѣ этотъ вопросъ, мы шли вдоль старой полуразрушенной стѣны, чер[ъ] обвалившуюся верхушку которой виднѣлись дворы съ твердо уби[той] землей, застланные тростниковыми плетенками, съ разсыпанными по нимъ для сушки на зиму бѣлыми фигами. Однимъ взмахомъ св[ей] виноградной лозы я указалъ на нихъ зуавамъ и, сопровождая сл[ово] дѣйствіемъ, перепрыгнулъ черезъ стѣну съ крикомъ: «на абордаж[ъ]!»

Боже мой, что за грабежъ. Кэпи, руки, карманы были наполнены. И вдругъ желтоватое пламя двухъ-трехъ факеловъ закачалось надъ землей, пронизало темноту двора, послышались голоса, уськавшіе двухъ громадныхъ горныхъ собакъ, которыя съ лаемъ бросились на насъ. Нужно было видѣть, какъ морской офицеръ перепрыгнулъ черезъ стѣну, а за нимъ по пятамъ весь его отрядъ. Темь, полнѣйшее незнаніе дороги стѣсняли насъ въ нашемъ бѣгствѣ, и если непріятель не поймалъ насъ, то только потому, что насъ было слишкомъ много и что, извѣщенный «Боннарделемъ» о роспускѣ солдатъ, онъ зналъ, гдѣ найти воровъ на слѣдующее утро.

На палубѣ, когда мы вернулись мокрые, еле переводя дыханіе, огни были уже погашены, и всѣ спали, за исключеніемъ двухъ дежурныхъ и маленькихъ монпельесцевъ. Они не рѣшились сопровождать насъ, но ждали нашего возвращенія съ тайнымъ предчувствіемъ какой-нибудь катастрофы. «О, эти «мостры», эти «мостры», говорили въ унисонъ ихъ простодушно-завистливые голоса, когда въ темномъ уголкѣ гостиной я разсказывалъ имъ о нашемъ уже сильно прикрашенномъ приключеніи, прислушиваясь къ доносившимся до насъ осторожнымъ шагамъ солдатъ, возвращавшихся на свои мѣста, на цыпочкахъ, какъ провинившіеся школьники въ дортуаръ послѣ ночной вылазки...

Но какое пробужденіе на слѣдующее утро, о, великій Боже!

Въ пять часовъ, какъ всегда, еще окутанный бѣлымъ рѣчнымъ туманомъ, прозвонилъ колоколъ. Я полуоткрылъ глаза и опять хотѣлъ закрыть ихъ, прислушиваясь къ звучному дрожанью металла по водѣ, и подумалъ съ наслажденіемъ: «еще можно поспать часика два», какъ вдругъ, къ моему великому удивленію, «Боннардель», вмѣсто того, чтобъ отчалить послѣ послѣдняго удара, продолжалъ стоять у пристани. На палубѣ слышалась бѣготня, изъ-за перегородки до меня доносились раскаты грубыхъ, раздраженныхъ голосовъ. Что тамъ происходило? Мнѣ казалось, что я уже гдѣ-то слышалъ эти мстительные голоса недавно, въ концѣ большого темнаго двора. Навѣрно, воры фигъ были открыты, и теперь пришли требовать съ нихъ убытокъ за безконечное количество съѣденныхъ «bourgassots». Въ этомъ уже я больше не сомнѣвался, когда открылась дверь, и меня назвали по имени. Капитанъ Ребуль просилъ меня тотчасъ же придти к нему поговорить. Съ капитаномъ шутки были плохи! Теперь онъ бы ъ еще грубѣе, еще безцеремоннѣе, чѣмъ въ наше послѣднее свида ie. Изъ-подъ кроличьяго картуза, съ опущенными наушниками, г за его метали стрѣлы, рыжая борода топорщилась, неслась самая от орная «марсельская» брань. Отъ крика голосъ его обратился уже в какой-то хрипъ. Но еще болѣе, чѣмъ его гнѣвъ, подѣйствовал-

на меня блѣдныя, изможденныя, жалкія лица несчастныхъ, поднятыхъ отъ сна солдатъ, которые стояли теперь передъ лицомъ обличителя и выслушивали полевого сторожа, украшеннаго бляхой, кэпи и саблей. Отъ имени ограбленнаго общества онъ пришелъ требовать правосудія.

Когда я наполовину высунулся изъ люка, отецъ Ребуль грозно повернулся ко мнѣ:

— А, вотъ и вы!... Такъ это васъ зовутъ они офицеромъ?!... Какой такой офицеръ? Я васъ спрашиваю? Ну, хорошъ же онъ, этотъ офицеръ! Пользоваться простодушіемъ бѣдняковъ, увѣрить ихъ, что фиги, виноградъ, изюмъ, гранаты принадлежатъ первому прохожему. Не стыдно!... Вы знаете, мнѣ сейчасъ пришлось выложить 22 франка 50 сантимовъ и то благодаря тому, что добрый Митифіо, по прозванію Пистолетъ, знаетъ меня съ дѣтства и спустилъ ради меня цѣну... 22 фр. 50 сант., слышите вы, 22 фр. 50 сант.!

Гардемаринъ изъ Варны поднялъ голову и гордо дотронулся до своего жилета.

— Я могу возвратить вамъ эту сумму, капитанъ!

— Я не сомнѣваюсь, молодой человѣкъ,—сказалъ капитанъ Ребуль, сразу смягчившись, потому что была минута, когда онъ сомнѣвался: возвратятъ ли ему деньги; на «Боннарделѣ» пассажиры «перваго класса» не были богаче «палубныхъ».—Ну, да все равно,—добавилъ онъ въ шутливомъ тонѣ,—если вы изъ экономіи поѣхали на пароходѣ, то нѣсколько подобныхъ вечеровъ станутъ вамъ дороже, чѣмъ мѣсто въ вагонѣ.

Въ душѣ я былъ съ нимъ согласенъ. Я зналъ, какими трудами были собраны тѣ нѣсколько луидоровъ, которые родители положили мнѣ въ карманъ. Но вѣдь нельзя же было покрыть срамомъ свою голову въ глазахъ монпельесцевъ, ліонскихъ дамъ, англичанина и его цыплятъ, которые всѣ окружали меня, взобравшись на ступеньки «гостиной» лѣсенки. О, это хвастовство! Ради того, чтобъ услыхать еще разъ шепотъ восторга, который пронесся по рядамъ солдатъ, когда я гордо протянулъ капитану 22 франк. 50 сант., я, кажется, готовъ былъ отдать вдвое больше.

Внезапно на носу раздался ударъ колокола, на этотъ разъ настоящій. Сирена проревѣла. Лохмотья бѣлой пѣны закружились подъ колесами парохода. «Zou! Отчаливай!»—крикнулъ хриплый голосъ капитана. И, уменьшаясь мало-по-малу, стала удаляться деревня, съ ея полями, тутовыми и плодовыми деревьями, покрытыми роями стрекозъ и уже охваченными блескомъ солнца,—подъ охраной Пистолета, который, согнувъ спину, перебрасывая съ руки на руку монету, взбирался бодрыми шагами по узенькой дорожкѣ межъ виноградниковъ.

Эпизодъ второй.

Опять ночное происшествіе въ такой же смутной рамкѣ, какъ и первое. Только мнѣ кажется, что берегъ вымощенъ краснымъ камнемъ и что большія барки, нагруженныя этимъ камнемъ, стоятъ въ рядъ у берега Роны и мѣшаютъ «Боннарделю» причалить: мы переправляемся по длиннымъ доскамъ, переброшеннымъ черезъ эти барки. Я чувствую также, что мы уже не на югѣ; вечеръ прохладнѣе, синева ночи не такъ глубока, и героиня моя,—потому что въ этомъ происшествіи у меня есть героиня—уже не носитъ провансальскаго чепца, типичнаго головнаго убора Лауры де Новъ, Лауры Петрарки, который можно встрѣтить въ Range, Pont-Saint-Esprit до Montelimar. Какъ же были убраны черныя косы хорошенькой дѣвушки, прислуживавшей въ гостиницѣ, куда явился гардемаринъ со всей своей компаніей? Послѣ долгихъ, долгихъ лѣтъ я опять вижу этотъ маленькій ситцевый чепчикъ съ двумя длинными завязками, развѣвавшимися за стройнымъ подвижнымъ существомъ, съ золотистой кожей, открытой шеей, стройной фигурой, какія встрѣчаются у дѣвушекъ ронской долины. Я вижу снова низкую залу, переполненную каменщиками и матросами, ихъ загорѣлыя лица, освѣщенныя снизу оплывшими свѣчами, длинные засаленные столы.

При появленіи красныхъ панталонъ, подъ предводительствомъ страннаго человѣчка съ залихватски-надвинутой на ухо шапкой, съ перекинутымъ черезъ плечо шарфомъ, каменщики—люди жесткіе и грубые—стали ворчать и растянулись на лавкахъ, чтобы не дать намъ сѣсть, но матросы подвинулись и очистили мѣсто.

Чудный народъ эти ронскіе матросы, съ ихъ открытымъ взглядомъ, искристымъ какъ бѣлое вино Condrieu, побережья великой рѣки Роны, откуда они почти всѣ родомъ. Во время нашего плаванья на «Боннарделѣ» я любилъ день за днемъ слѣдить за жизнью этихъ людей, тянувшихъ лямку вверхъ по Ронѣ бокъ-о-бокъ съ нами. Я смотрѣлъ, какъ верхомъ на мулахъ, свѣсивъ голыя ноги, искусно переправляли они въ бродъ сильныхъ животныхъ, тащившихъ на канатахъ громадныя барки, нагруженныя бочками вина и отесаннымъ камнемъ. Время отъ времени вожакъ кричалъ звонкимъ голосомъ, смотря по тому, куда нужно было править, направо или налѣво: «Empeгi!... «B aume!...Имперія...Королевство», чему на морскомъ языкѣ соотвѣтствуетъ «Bâbord» и «Tribord». Это было старинное названіе, употреблявшееся въ средніе вѣка для того, чтобъ отличить берегъ Арльскаго государства отъ Германской имперіи. О, волшебство этихъ провансальскихъ звуковъ, разносимыхъ все такъ же, какъ и 600 лѣтъ тому назадъ, вѣтромъ Роны. Еще теперь, когда я ихъ слышу (они удер-

жались въ употребленіи до сихъ поръ), мнѣ кажется, что вся картина вокругъ меня какъ будто расширяется...

Какое впечатлѣніе долженъ былъ я произвести въ этотъ вечеръ на всѣхъ этихъ молодцовъ? я, съ моими пріемами дерзкаго херувима и разсказами, отъ которыхъ можно было заснуть стоя. Удивляюсь, какимъ образомъ одному изъ этихъ колоссовъ не вздумалось взять и раздавить двумя пальцами назойливаго комара, который ни минуты не сидѣлъ на мѣстѣ, кружился и жужжалъ вокругъ столовъ?

Навѣрно, мой офицерскій чинъ, свѣдѣнія, которыя сообщали имъ шепотомъ зуавы, артиллеристы, товарищи и свидѣтели всѣхъ моихъ приключеній въ Варнѣ и Галлиполи,—они сами начинали вѣрить въ то, что мы тамъ вмѣстѣ дрались,—вся эта фантастическая призрачная легенда, окружавшая славой мою персону, придавала мнѣ въ ихъ глазахъ небывалый вѣсъ. Можетъ быть, только благодаря этому ни одинъ изъ грубыхъ, ревнивыхъ ухаживателей прелестной дѣвицы, которую я преслѣдовалъ самымъ отчаяннымъ страстнымъ флиртомъ, не переломалъ мнѣ къ концу вечера костей. Эта дѣвушка, племянница хозяина, страшно забавлялась моими комплиментами, маленькимъ ростомъ, ужимками влюбленнаго мальчишки. Я слышалъ, какъ она говорила обо мнѣ матросамъ: «Онъ похожъ на маленькаго принца», и ея ясные глаза смотрѣли на меня съ улыбкой удивленія, что еще больше побуждало меня преслѣдовать ее, поддразнивать, какъ будто и она, какъ маленькіе монпельесцы, крикнула: «о, эти мостры!» Правда,—настоящее чудовище, если бы только въ серьезъ можно было принять воздушные поцѣлуи, которые я ей посылалъ и страстный шепотъ: «Какъ вы прелестны, дитя мое!... Какъ я васъ люблю!... Гдѣ могу я это вамъ сказать болѣе открыто, чѣмъ здѣсь?» Она мнѣ не отвѣчала. Я узналъ только, что она никогда не выходила одна и что ея окно, въ которомъ свѣтъ гасъ позднѣе всѣхъ, находилось въ первомъ этажѣ, какъ разъ надъ входной дверью гостиницы. Этого было достаточно, чтобъ тотчасъ же у меня въ умѣ сложились всѣ подробности воображаемаго приключенія. Здѣсь я подхожу къ самымъ тяжелымъ признаніямъ, отъ которыхъ я могъ бы отдѣлаться запамятованіемъ. Но нѣтъ, я обѣщался быть искреннимъ и, чего бы то ни стоило моему самолюбію, я сдержу обѣщаніе...

Такъ вотъ, когда вечеръ окончился, кабачокъ былъ закрытъ, мы возвращались на пароходъ, распѣвая матросскую пѣсню, которой насъ только что научилъ одинъ изъ новыхъ друзей:

«Laissez les passer,
C'est des mariniers,

Il en viendra bien d'autres
Du beau pays d'Anjou
Qui n'payeront rien et casseront tout.
Eh oui! Eh oui!
Et zest, et zest!
Et c'est un pouf!
Et n'y a pas de pouf!
Et allons donc!
Quand à de l'argent Madelon,
Nous t'en collerons,
Quand nous en aurons».

Вдругъ передъ тѣмъ, какъ мнѣ ступить на мостикъ, шаловливый чортикъ хвастовства коварно дернулъ меня за рукавъ и внушилъ мнѣ ужасный планъ.

— Видите въ чемъ дѣло, господа,—тихо сказалъ я Леонсу и двумъ артиллеристамъ, оставшимся со мной позади другихъ. — Это были мои повѣренные, закадычные друзья, тѣ, которыхъ я наиболѣе щедро изъ всей компаніи одѣлялъ арльскими сосисками и коробками анчоусъ.—Меня свела съ ума эта крошка!...—и каждому отдѣльно, по секрету, я передалъ важныя свѣдѣнія, которыя Леандръ получилъ отъ Геро относительно этого позднѣе другихъ потухающаго окна, находившагося какъ разъ надъ вѣткой остролистника, которая украшала входную дверь гостиницы.

— Чортъ побери, г. офицеръ, да вѣдь она назначила вамъ настоящее свиданіе!—отвѣтили артиллеристы, въ глазахъ которыхъ свѣтились зависть и удовольствіе. И они схватили меня подъ руки:— Маршъ впередъ! Мы вамъ поможемъ.

Леонсъ, хорошо знавшій невинность своего бѣднаго двоюроднаго брата, ужасался и употреблялъ всѣ усилія, чтобы отговорить меня. Самъ я, по мѣрѣ приближенія, предчувствуя тысячу опасностей, трусилъ. Если бы ея дядя насъ засталъ? Въ его волосатыхъ рукахъ циклопа я навѣрно бы меньше вѣсилъ, чѣмъ крошечный голышъ въ пращѣ. Но помимо возможности встрѣчи съ дядей меня ужасало свиданіе съ самой «крошкой» (крошка была головой выше меня). Что я ей скажу? Что я буду дѣлать? О, какъ бы стали смѣяться артиллеристы, считавшіе меня скороспѣлымъ ловеласомъ, если бъ они только знали мою наивность и глупыя фразы, которыя я мысленно приготовлялъ, шагая съ ними рядомъ.

— Да куда же вы идете, г. офицеръ?... Мы уже пришли! — вдругъ прошепталъ одинъ изъ моихъ спутниковъ. Я былъ такъ занятъ своей собственной персоной и въ проулкѣ было такъ темно, что

я прошелъ мимо гостиницы, не замѣтивъ ея. Однако, какъ разъ надъ дверью горѣлъ огонь. «Крошка» меня ждала. «Хоть бы чортъ ее унесъ!» подумалъ я про себя, проклиная благоволившую ко мнѣ судьбу; но въ моемъ возрастѣ хвастовство заставляетъ совершать героическіе поступки.

— Да отстань же ты!—прошепталъ я Леонсу, который отчаянно цѣплялся за мой «higlander», такъ я называлъ свой шарфъ.

Самый крѣпкій изъ артиллеристовъ уперся головой въ стѣну, другой сѣлъ верхомъ ему на плечи, и я съ трудомъ взобрался на верхушку этой живой лѣстницы, задѣвая по пути громадную пыльную колючую вѣтку остролистника. Взобравшись, я на минуту остановился, чтобъ перевести дыханіе и дать успокоиться моему бѣдному страшно бившемуся сердцу. Ничто не двигалось въ домѣ, фасадъ котораго отвратительно чернѣлъ, за исключеніемъ молчаливаго свѣтлаго, неподвижнаго квадрата надъ моей головой. Я думалъ съ безпокойствомъ: «Ея ли это окно»? Но я не могъ въ этомъ убѣдиться, такъ какъ руки мои доставали только до внѣшняго выступа, который былъ слишкомъ узокъ, чтобъ служить точкой опоры. Мнѣ однако казалось, что время отъ времени чья-то тѣнь скользила мимо за окномъ и что вблизи меня кто-то дышалъ. Если это была «крошка», почему она мнѣ не отворяла, а если она ничего не слыхала, какъ дать ей знать, что я тутъ, не возбуждая подозрѣній дяди?... Прибавьте ко всему этому мое далеко не удобное положеніе на «живой пирамидѣ», которая ныряла, качалась подъ моими ногами какъ спасательная бочка въ бушующемъ морѣ.

Да, для того, чтобы быть героемъ романа, нужно имѣть хорошій бицепсъ, крѣпкія ноги и храбрость. Два, три раза, сначала тихо, потомъ погромче я кашлянулъ. Отвѣта не было. «Милое дитя, вы тутъ?» Опять ничего. Тогда отчаяннымъ усиліемъ, рискуя опрокинуть всѣ мои подмостки, я отцѣпилъ одну руку и слегка поцарапалъ стекло. На этотъ разъ задвижка заскрипѣла, и окно отворилось.

— Это я, не бойтесь!—прошепталъ я.

И такъ какъ, рукамъ моимъ теперь было больше опоры, я сталъ карабкаться въ комнату къ «крошкѣ», которая не боялась, о, вовсе не боялась.

— Осторожно!—крикнулъ Леонсъ, единственный изъ насъ, который видѣлъ, что происходило.

Въ ту же минуту я почувствовалъ, какъ меня зацѣпили, съ силой подняли за волосы, и дядя моей возлюбленной, угостивъ меня стр. шной пощечиной, выпустилъ меня на вытянутой рукѣ обратно на мою лѣстницу изъ артиллеристовъ, которая обрушилась, переломи[illegible]сь

надвое. Особенное провидѣніе покровительствуетъ молодости. Десять минутъ спустя я пробрался съ Леонсомъ въ гостиную «Боннарделя», правда, немножко помятый, но безъ серьезныхъ поврежденій. И если въ эту ночь я долго не могъ заснуть, то только потому, что меня терзала мысль, что моя возлюбленная въ насмѣшку назначила мнѣ свиданіе въ комнатѣ своего дяди. Шутка казалась мнѣ весьма сомнительнаго вкуса.

IV.

Эпизодъ третій.

Даму сердца Леонса звали m-me Brouillard—настоящее ліонское имя. Моя, не обладавшая, навѣрно, такимъ же живописнымъ именемъ, оставила меньше слѣдовъ въ моей памяти. Если хотите, мы будемъ ее называть «подругой m-me Brouillard, такъ какъ эти дамы всегда путешествовали вмѣстѣ и рѣдко разставались.

О какихъ же дамахъ идетъ рѣчь? Да о двухъ пассажиркахъ «Боннарделя», которыми я сначала пренебрегалъ ради моихъ слушателей на шканцахъ, но къ которымъ я возвратился послѣ моего неудачнаго любовнаго приключенія, сдѣлавшагося уже, благодаря артиллеристамъ, достояніемъ верхней палубы.

M-me Brouillard, съ ея ліонскимъ акцентомъ, нѣжнымъ и тягучимъ, съ ея томными глазами и склоненными позами хорошенькой виньетки, конечно, болѣе подходила ко мнѣ, чѣмъ моя веселая кумушка, вертлявая, бойкая, съ слишкомъ длиннымъ языкомъ и черезчуръ короткимъ носомъ. Но подобныя вещи не приказываются. Какъ только въ гостиной стало извѣстно, что мы ученики морской школы и скоро будемъ гардемаринами, что въ глазахъ этихъ дамъ заслуживало, по крайней мѣрѣ, хорошую пару усовъ, выборъ m-me Brouillard палъ на Леоса, котораго она нашла прелестнымъ, какой-то мрачной и роковой прелестью. Что касается меня и моихъ ухватокъ «морского волка»—онѣ больше нравились ея подругѣ.

Такъ какъ погода стояла прекрасная, и голубое небо попрежнему отражалось въ прозрачныхъ струяхъ рѣки, дамы, исключая часовъ жары, цѣлый день сидѣли на скамейкѣ на задней части палубы и занимались рукодѣліемъ, глядя, какъ у ихъ ногъ тихо развертывались берега Роны, точно клубки разноцвѣтныхъ шелковъ. У ихъ ногъ, растянувшись на одѣялахъ въ позахъ трубадуровъ, я и мой двоюродный братъ обмѣнивались съ ними нѣжными словами и много, обѣщающими взглядами.

Я, кажется, уже говорилъ, что, къ несчастью, мой двоюродный братъ былъ совершенно лишенъ краснорѣчія. M-me Brouillard жаловалась на

это, но я все объяснилъ необыкновеннымъ романомъ, разсказаннымъ на ухо этимъ дамамъ, въ то время какъ Леонсъ стоялъ, мечтательно облокотившись на сѣти, висѣвшія по бортамъ судна. Дѣло было въ томъ,—мы часто потомъ смѣялись, вспоминая романъ Леонса,—дѣло было въ томъ, что дочь одного богатаго армянина изъ Перу, незадолго до своей свадьбы съ очень знаменитымъ пашей, любимцемъ султана, генералъ-аншефомъ легкой кавалеріи, влюбилась въ моего прекраснаго двоюроднаго брата, увидавъ его вальсирующимъ на вечерѣ во французскомъ посольствѣ. Брошенные другъ другу взгляды, пучокъ цвѣтовъ, пламенныя письма,—къ несчастью, были письма,—и вотъ однажды утромъ, какъ разъ въ тотъ день, когда было назначено похищеніе, бѣдную Намуну нашли обезглавленной въ постели, около нея на окровавленной подушкѣ лежалъ кинжалъ ея жениха, кинжалъ съ золотой ручкой, покрытой рубинами.

Послѣ этой ужасной драмы Леонсъ съ отчаянья два раза бросался въ Босфоръ, и мнѣ стоило большихъ усилій, чтобы спасти его; съ тѣхъ поръ его родители и капитанъ корабля, директоръ нашей школы, препоручили мнѣ путешествовать съ нимъ, развлекать его, что я старался исполнить какъ можно лучше. Но ничто не могло вырвать этихъ воспоминаній, и несчастный влачилъ свое существованіе съ кинжаломъ въ сердцѣ. «Если вы хотите услышать отъ него нѣсколько словъ,—это относилось къ маленькой m-me Brouillard,—то возьмите его за руку и скажите: поговоримъ немного о Намунѣ». Тогда вы разскажите мнѣ много объ этомъ вѣчномъ молчальникѣ.

Непосредственная и наивная ліонка, какъ только услыхала мою исторію, тотчасъ подошла къ Леонсу, который стоялъ все на томъ же мѣстѣ съ неподвижнымъ и задумчивымъ профилемъ. «Хотите, давайте поговоримъ немного о Намунѣ», сказала она растроганнымъ голосомъ. Мой кузенъ не зналъ, что отвѣтить, я еще не успѣлъ его предупредить, а имя Намуны онъ слышалъ въ первый разъ, но не даромъ онъ былъ южанинъ. Привыкнувъ съ начала путешествія къ моимъ импровизаціямъ, онъ не выказалъ ни малѣйшаго удивленія, и только отошелъ, горестно покачавъ головой. M-me Brouillard возвратилась къ намъ съ тяжелымъ вздохомъ: «Бѣдный! Кинжалъ поднимается къ его сердцу, душитъ его, мѣшаетъ ему говорить».

Часто потомъ я спрашивалъ себя, кто были въ дѣйствительности эти ліонки, выдававшія себя за женъ богатыхъ торговцевъ шелкам на площади Терро. Если подумать хорошенько, то романъ Леонса Намуны не былъ болѣе неправдоподобенъ, чѣмъ ихъ исторія.

Трудно себѣ представить двухъ дамъ изъ ліонскаго общества, т кого богатаго и чопорнаго, путешествующихъ вперемежку съ к

нами товара на грузовомъ пароходѣ. А если бы вы видѣли жалкія платья этихъ важныхъ дамъ, тонкіе, какъ папиросная бумага, ватерпруфы, которые они накидывали себѣ на плечи, когда слишкомъ сильно дулъ мистраль, и меланхоличную корзину, въ которой онѣ сохраняли свои дорожные припасы, скудно возобновляемые каждый вечеръ на остановкахъ.

Теперь, на разстояніи, меня поражаютъ всѣ эти подробности,—ихъ манера, физіономіи; они такъ отчетливо сохранились въ моей памяти со многими другими, еще болѣе значительными. Такъ, напримѣръ, у дамъ была смѣшная и вульгарная манера говорить: когда онѣ смѣялись, то закрывали ротъ рукой. Въ спорахъ m-me Brouillard ежеминутно повторяла: «Я вамъ не говорю противное», а «моя», когда поваръ,—о, отвратительная личность,—подавалъ намъ утренній кофе съ молокомъ, «моя» никогда не забывала сунуть остатокъ сахара себѣ въ карманъ, говоря, что лучшее средство отъ желудочныхъ схватокъ, это немного капель «живительной влаги» на сахарѣ. Почему всѣ эти подробности, которыя я такъ ясно вспоминаю теперь, тогда ускользали отъ меня? Какимъ образомъ я—самъ лгунъ—могъ быть до такой степени наивнымъ и довѣрчивымъ? Должно быть, это происходило оттого, что моя собственная персона меня всецѣло поглощала, уничтожала во мнѣ способность наблюденія, или еще потому, что моя ложь, какъ я ужъ говорилъ, была совершенно ребяческая и не содержала въ себѣ никакого злого умысла. Этими дамами,—кумушками, женами ремесленниковъ, руководило очень понятное желаніе доставить себѣ нѣсколько дней удовольствія на счетъ двухъ морскихъ кадетъ, желаніе вполнѣ позволительное. Вотъ какъ я объясняю себѣ нашу взаимную довѣрчивость. Кромѣ ліонокъ, пассажирами задней палубы были англичанинъ, тотъ, кого мы называли англичаниномъ, сидѣвшій противъ насъ на лавочкѣ съ своими тремя мальчиками. Онъ имъ разсказывалъ о странахъ, мимо которыхъ мы проѣзжали, ихъ легенды, исторію старыхъ феодальныхъ камней, стоявшихъ на берегу большой голубой рѣки. Тутъ также находились маленькіе монпельесцы, къ которымъ я и мои слушатели на шканцахъ относились съ пренебреженіемъ. Они не покидали задней палубы, робко переходя отъ одной лавочки къ другой. Никто не обращалъ на нихъ вниманія. Дамы смотрѣли на нихъ, какъ на мальчишекъ, хотя они и были одинаковаго возраста съ нами, но вѣдь не изъ Варны. Сидѣвшіе противъ насъ находили ихъ невоспитанными и ставили имъ въ упрекъ ихъ *плохое знакомство*. Плохое знакомство — были мы. Англичане взялись намъ это доказывать съ первыхъ дней, поворачиваясь къ намъ спиной въ то время, какъ я и

Леонсъ изощрялись въ утонченности слога у ногъ нашихъ лiонокъ. Обида была такъ чувствительна, въ этихъ четырехъ нахально перевернувшихся спинахъ было что-то до такой степени оскорбительное, что я не могъ сдержаться, и сдѣлалъ громко замѣчаніе, угрожая подняться и оборвать уши нѣкоторымъ english'менамъ, плохо воспитаннымъ, которые... вотъ... а, въ томъ-то и дѣло!...

Кроткая m-me Brouillard, очень взволнованная, взяла мою руку въ свои сѣрыя митенки:

— Оставьте, право, не стоитъ!

Ея подруга, болѣе воинственная, напротивъ того возбуждала меня, оправдывала:

— Подумайте, моя милая, вѣдь это гардемарины. Дѣло идетъ о чести французскаго флота!

И правда, я могъ подвергнуть себя въ честь этого флота, къ которому я принадлежалъ—увы! только въ воображеніи — опасности быть или сильно помятымъ, или выброшеннымъ за бортъ. Къ счастью, въ ту минуту, когда я повернулся и всталъ, скамейка опустѣла: англичанинъ и его мальчики исчезли.

— О, эти мостры,—прошепталъ старшій изъ маленькихъ монпельесцевъ, глядя на меня съ восторгомъ.

А Леонсъ поднялъ голову и сжалъ кулаки.

— Они хорошо сдѣлали, что удрали, эти englishmen'ы.

Онъ весь дрожалъ отъ гнѣва. Чтобы его успокоить, m-me Brouillard тихо сказала:

— Подумайте о Намунѣ.

Тутъ младшій изъ монпельесцевъ со своимъ смѣшнымъ акцентомъ и мигающими безцвѣтными глазами альбиноса вступилъ въ разговоръ.

— Вы знаете, это не англичане... Отецъ изъ Сенъ-Кантена, а другіе—отовсюду понемногу, вѣдь это не его сыновья, а только ученики, съ которыми онъ путешествуетъ во время каникулъ. Кажется, онъ профессоромъ въ Парижѣ, профессоръ не знаю чего...

— Во всякомъ случаѣ невѣжливо,—сказалъ я, возвращаясь на свое прежнее мѣсто къ ногамъ m-me Brouillard и ея подруги, какъ будто ничего не случилось.—Признайтесь, что въ своемъ торжествѣ я не былъ нахаленъ.

Съ этой минуты жизнь на пароходѣ сдѣлалась невыносима для Варнскихъ учениковъ, принужденныхъ оставаться всегда на задней палубѣ «Боннарделя», постоянно сталкиваться съ англичанами, — я продолжаю называть ихъ такъ, потому что не узналъ ихъ имена.

Встрѣчались мы и на палубѣ, и въ гостиной. Утромъ, когда мы

очень холодный вѣтеръ, всѣ вмѣстѣ собирались вокругъ большого котла, чтобы согрѣться. На узкихъ ступенькахъ лѣстницы толкали другъ друга локтями и плечами, взгляды перекрещивались, быстрые и острые, какъ боевыя шпаги. Роздыхъ наступалъ только ночью на остановкахъ, такъ какъ обыкновенно англичане спали на берегу въ гостиницѣ. Но съ пяти часовъ они наводняли и шумѣли въ гостиной, безъ всякой жалости къ бѣднымъ женщинамъ, которыя спали за большимъ голубымъ пологомъ.

Я понимаю—хорошій ударъ тряпкой, ружейнымъ прикладомъ въ минуту сильнаго гнѣва, но жить постоянно окруженному ненавистью, вѣчно помышлять о мщеніи, особенно когда молодъ, когда обладаешь характеромъ незлобивымъ, уступчивымъ и горишь свойственнымъ всѣмъ южанамъ желаніемъ нравиться, это—пытка, которую я окончательно не переносилъ.

— Нѣтъ, видите ли, mesdames (мы находимся вчетверомъ въ гостиной и кончаемъ пить кофе съ молокомъ, которымъ я каждое утро угощаю своихъ ліонокъ),—нѣтъ, если бы не удовольствіе путешествовать съ вами, я тотчасъ бы оставилъ этотъ деревянный башмакъ отца Ребуля и вскочилъ бы въ вагонъ на первой желѣзнодорожной станціи.

— Но я думала, что для господина Леонса... — пробормотала подруга m-me Brouillard, указывая на моего кузена кончикомъ ножа, вымазаннымъ въ маслѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, я забылъ, что мы поѣхали на ронскомъ пароходѣ для того, чтобы скрыть наши слѣды отъ полиціи султана, которая искала Леонса на P.-L.-M. Но, чортъ возьми! Не одна желѣзная дорога существовала, чтобы ѣхать въ Ліонъ. Можно бы было нанять экипажъ и путешествовать неспѣша.

— Тогда всѣмъ вчетверомъ!—воскликнула m-me Brouillard, хлопая въ ладоши.—О, это было бы такъ хорошо... Въ дорогѣ останавливались бы... красивое мѣстечко... хорошая гостиница.

— Да, но это стоило бы порядочно, — замѣтила болѣе благоразумная подруга. — Вѣдь нужно кормить и человѣка, и лошадь.

— Да нѣтъ! Кучера не нужно!

— А кто же будетъ править? — спросили онѣ, обертываясь ко мнѣ.

— Я.

— Вы? А развѣ вы умѣете?

— Я только этимъ и занимался всю свою жизнь!

Какъ ни привыкъ Леонсъ къ постоянной фееріи моего воображенія, но и онъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на меня. Съ самаго дѣтства

мы не покидали другъ друга, но никогда онъ не видалъ въ моихъ рукахъ ни кнута, ни вожжей. Ну, да все равно! Когда ты южанинъ...

Въ это время въ дверяхъ гостиной показался капитанъ; онъ даже не сдѣлалъ подъ козырекъ.

— Предупреждаю, если вамъ нужно сдѣлать какія-нибудь покупки, мои милыя кошечки, часа черезъ два мы остановимся въ Турнонѣ, чтобы запастись углемъ.

И онъ вышелъ, небрежно бросивъ мнѣ черезъ плечо:

— Имѣю честь, господинъ офицеръ...

Кланяться подобнымъ образомъ вошло у него въ привычку послѣ моей исторіи съ полевымъ сторожемъ. Хотѣлъ ли онъ посмѣяться надо мной? Зналъ ли онъ мою басню про Варнскую школу? Я не смѣлъ его разспрашивать, но каждый разъ его «здравствуйте, господинъ офицеръ!»—«какъ поживаетъ господинъ офицеръ?»—били меня по нервамъ. Дамы тоже жаловались на его фамильярность, особенно нѣжная m-me Brouillard, такая кроткая, тихая, у которой отъ каждаго грубаго слова покрывалась даже краской шейка, бѣленькая и полненькая, какъ брюшко молодой перепелочки.

— Какой грубіянъ, — сказала она, когда капитанъ вышелъ, и мечтательно прибавила:—Вотъ было бы занятно сыграть съ нимъ штуку...—«Занятно»—чисто ліонское выраженіе.—Давайте наймемъ въ Турнонѣ экипажъ и покинемъ Ребуля съ его «Боннарделемъ».

Я закричалъ «браво», а Леонсъ — еще громче меня. Смѣялись, воодушевлялись, каждый представлялъ себѣ удивленіе капитана, всѣ подробности путешествія, такого новаго, прекраснаго. Мы одни, только одни, безъ англичанъ и монпельесцевъ; остановки на опушкахъ лѣса, веселые завтраки въ старинныхъ гостиницахъ, гдѣ готовятъ исключительно мѣстныя кушанья, и т. д. При этомъ дѣтскіе глазки нашихъ важныхъ дамъ блестѣли отъ удовольствія и желанія полакомиться.

Вдругъ прозвучалъ пароходный колоколъ. Черезъ оконце гостиной виденъ былъ висячій мостъ, который соединяетъ Турнонъ съ Тэномъ, какъ нашъ Бокэръ съ Тараскономъ. Только въ Бокэрѣ мостъ гораздо красивѣе, Рона несравненно шире, а небо синѣе... Однимъ словомъ, югъ. А теперь югъ былъ далеко.

— Ну, что же мы будемъ дѣлать? — живо спросила «моя». — Должна я отыскать экипажъ?

Мнѣ бы прямо нужно было отвѣтить «нѣтъ», но на это у меня не хватило храбрости. Какъ только причалили, наши полненькія хорошенькія ліонки, съ корзинкой въ рукѣ, въ косыночкахъ отправились въ городъ, взявъ съ собой Леонса, подъ предлогомъ, что ъ

имъ поможетъ нести ихъ провизію. Еще одна большая неосторожность. Если бы мы оба остались на пароходѣ, мы могли бы посовѣтоваться; при видѣ отчаяннаго положенія нашихъ кошельковъ мы поняли бы безуміе и невозможность нашего проекта. Вмѣсто этого черезъ четверть часа появляются Леонсъ съ подругой m-me Brouillard. Запыхавшись, они спускаются въ гостиную, гдѣ я сидѣлъ совершенно неподвижно, глубоко задумавшись, въ то время какъ на палубѣ съ страшнымъ трескомъ грузили уголь.

— Чудесно, чудесно,—повторялъ мой двоюродный братъ, который точно съ ума сошелъ. Больше отъ него ничего нельзя было добиться. Ліонка сообщила мнѣ, что они все нашли: и лошадь, и экипажъ на скромныхъ условіяхъ,—о, на весьма скромныхъ условіяхъ! Нужно только было оставить въ залогъ довольно значительную сумму. Какую сумму, я не припомню, но она настолько превышала содержимое нашихъ кошельковъ, что я измѣнился въ лицѣ.

— Вѣдь это только задатокъ,—успокоивала меня ліонка, и я повторялъ за ней машинально: «правда, это только задатокъ». И опять совершенно запыхавшись, она продолжала: — Затрудненіе не въ этомъ... Дѣло въ томъ, что капитанъ знаетъ нашихъ мужей, нужно, чтобы онъ не видалъ, какъ мы вмѣстѣ уйдемъ съ парохода. Вотъ почему m-me Brouillard ждетъ меня у каретника. Я скажу старому Ребулю, что моя подруга заболѣла и что мы пробудемъ два-три дня въ Турнонѣ. Что касается васъ, мои милые, то вамъ не трудно будетъ найти предлогъ, а главное—уѣзжайте въ самую послѣднюю минуту. Раньше часа отсюда не тронутся. У васъ достаточно времени, чтобы запаковать ваши вещи и заплатить по счету. Вы пріѣдете къ каретнику: онъ живетъ противъ церкви св. Юліана,—вонъ видна ея башня. Мы васъ будемъ ждать съ запряженнымъ экипажемъ. Пріѣзжайте поскорѣе.

Настоящій чертенокъ эта ліонка! Во время разговора она отцѣпила голубую штору, завернула въ нее шали, косынки, запаковала миніатюрный чемоданчикъ, въ которомъ прекрасно помѣщалось все имущество важныхъ ліонскихъ дамъ, и черезъ минуту уже бѣжала по черной отъ угля набережной въ поискахъ за капитаномъ, а я все еще не могъ рѣшить: что предпринять? Я началъ съ того, что подвелъ сче.ы съ поваромъ, причемъ убѣдился, что обѣды, завтраки и разны мелочи пароходной кухни почти истощили всѣ наши финансы. У нас оставалось самое большее два-три золотыхъ для того, чтобы доѣхать до Ліона и по пріѣздѣ не остаться съ пустымъ карманомъ, если бы почему-либо лицейскій воспитатель, который долженъ былъ нас встрѣтить, на пристань не пріѣхалъ.

Но что же теперь дѣлать? Должно быть, дамы были очень богаты. Торговцы шелками съ площади Терро — народъ богатый, хотя и на пароходѣ, и на сушѣ за все приходилось платить намъ. Все равно, были онѣ богаты или бѣдны, мы не могли позволить, чтобы за насъ платили дамы. Еще одно затрудненіе: я не умѣлъ ни править, ни запрягать, ни распрягать, и на первомъ поворотѣ дороги всѣхъ могъ вывалить въ канаву. Нѣтъ, все это было невозможно. Нужно скорѣе написать простую, искреннюю записку, признаться, что я все время вралъ.

Но проклятое хвастовство, которое ввело меня въ эту глухую улицу, еще разъ лишило меня возможности выйти изъ нея. Стыдъ удерживалъ меня. Конечно, получивъ мое письмо, дамы тотчасъ бы возвратились, но какъ съ ними встрѣтиться?

Минута отъѣзда приближалась: послѣдняя телѣга угля была перегружена на пароходъ. О, этотъ меланхоличный мостъ, отраженіе котораго дрожало въ сѣрой водѣ, зловѣщій подъемный кранъ, торчавшій на берегу, какъ висѣлица, эта башня св. Юліана у подножья скалы,—какъ живо при воспоминаніи этой картины я снова переживаю тѣ минуты волненія и нерѣшительности, когда, наклонившись черезъ край парохода, я держалъ въ своихъ дрожащихъ пальцахъ жалкое посланіе, которое я, наконецъ, написалъ, но никакъ не могъ рѣшиться отослать.

— Однако, Леонсъ, нужно предпринять что-нибудь, — сказалъ я своему двоюродному брату, когда онъ еще разъ попросилъ перечитать письмо.

— Ты правъ, нужно что-нибудь предпринять! — и, посмотрѣвъ на меня съ своей странной улыбкой въ уголкѣ губъ, онъ сказалъ:— Черезъ пять минутъ будетъ слишкомъ поздно, онѣ не успѣютъ вернуться.

— Это правда, во всякомъ случаѣ, теперь онѣ уже не могутъ сѣсть на пароходъ.

Я сдѣлалъ знакъ стоявшему по близости портовому служителю и протянулъ ему черезъ бортъ письмо съ адресомъ каретника, что жилъ противъ церкви св. Юліана.

Динь, динь, динь! раздался сигналъ отъѣзда. «Скорѣе, скорѣе поспѣшите». Человѣкъ крикнулъ: «Нуженъ ли отвѣтъ?» Но берегъ былъ уже далеко, трубу на пароходѣ опустили, чтобы проѣхать подъ мостомъ, и человѣкъ увидалъ только наши отчаянные жесты въ клубахъ чернаго дыма.

Сначала я испытывалъ огромное облегченіе и лишь небольшія угрызенія совѣсти въ глубинѣ души.

Въ концѣ концовъ, у дамъ были деньги, и онѣ прекрасно могли доѣхать до Ліона въ экипажѣ или же отправиться дня черезъ четыре на роискомъ пароходѣ, если на самомъ дѣлѣ ѣзда по желѣзной дорогѣ дѣйствовала на ихъ нервы. По крайней мѣрѣ, мы избавились отъ унизительнаго объясненія, которое было неизбѣжно. Эта мысль была такъ отрадна, что весь остальной день показался мнѣ чуднымъ сномъ. Подъ вечеръ, когда «Боннардель» причалилъ къ берегу какого-то маленькаго мѣстечка, проходя мимо насъ по палубѣ, капитанъ сказалъ нѣсколько словъ объ этой бѣдной M-me Brouillard, заболѣвшей въ Турнанѣ, и мы узнали отъ него, что наши важныя дамы были замужемъ за двумя мастеровыми, его хорошими пріятелями.

Жены мастеровыхъ! Въ такомъ случаѣ, какъ выпутаются несчастныя изъ бѣды? Это было ужасно, что я надѣлалъ. Я попробовалъ утѣшать себя: то былъ печальный случай, я думалъ, что письмо придетъ во-время. Но совѣсть говорила мнѣ: «ты лжешь!» такимъ убѣдительнымъ тономъ, что я больше не возражалъ. Всю ночь меня преслѣдовали страшныя угрызенія: въ уголкѣ дивана, гдѣ спали бѣдныя ліонки, я видѣлъ ихъ потертый чемоданчикъ, ихъ жалкую корзину съ провизіей. Въ особенности мнѣ было жаль добрую, тихую M-me Brouillard, съ ея печальными глазами, которые, казалось, говорили: «О, это нехорошо, очень нехорошо!»

На разсвѣтѣ я всталъ и поднялся на палубу; Леонсъ спалъ; лихорадка угрызеній не смущала его крѣпкаго сна. Тамъ наверху воздухъ былъ свѣжій, небо бѣлое, словно ватное, пропитанное бѣлесоватымъ туманомъ. На палубѣ лежали солдаты; изъ-подъ одѣялъ торчали ихъ красные панталоны, что напоминало поле битвы, усѣянное тѣлами. На пристани бѣгали матросы «Боннарделя», отвязывая отсырѣвшіе канаты. Дежурный пробирался между спящими къ колоколу, чтобы дать сигналъ, какъ только наступитъ 5 часовъ. И вдругъ изъ-за угла со стороны полевой дороги вынырнула двухколеска, запряженная лошакомъ и, подъѣхавъ на рысяхъ къ пароходу, остановилась. Двѣ женщины, укутанныя платками, слѣзли съ нея и наскоро расплатились съ кучеромъ, крестьяниномъ въ блузѣ.

— Тэ, тэ, M-me Brouillard!—крикнулъ хриплый голосъ капитана. Я едва успѣлъ проскользнуть на носъ парохода, зарыться въ какую-то кучу, въ то время какъ дамы спускались въ гостиную, не отвѣчая на любезности капитана. Минуту спустя Леонсъ, съ лицомъ взволнованнымъ, зловѣщимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ смѣшнымъ, прибѣжалъ ко мнѣ и сталъ разсказывать, какъ жестоко разбудила его подруга M-me Brouillard, столкнувъ его съ дивана, на которомъ онъ растянулся.

Бѣдныя женщины, ихъ гнѣвъ былъ вполнѣ простителенъ! Подумать, что для того, чтобы нагнать пароходъ, имъ пришлось сдѣлать 12 лье, въ двухколескѣ мясника, ночью, по отвратительной дорогѣ, кромѣ того, заплатить каретнику и претерпѣть тысячу другихъ мелкихъ непріятностей! О, долго онѣ будутъ вспоминать о гардемаринахъ!

— А что, M-me Brouillard такъ же негодовала, какъ и «моя»?— тихо допрашивалъ я Леонса, въ то время какъ колоколъ давалъ сигналъ и кругомъ насъ просыпался нашъ отрядъ.

— Нѣтъ! Она только сказала, что теперь никогда, никогда больше мы не будемъ говорить о Намунѣ.

V.

Не кажется вамъ это путешествіе изъ Бокэра въ Ліонъ, длившееся около пяти дней, гораздо болѣе продолжительнымъ. Я думаю, что зависитъ это не отъ монотонности декорацій, но отъ постояннаго участія однихъ и тѣхъ же двухъ главныхъ лицъ, которыя не сходили со сцены? Пейзажъ, напротивъ того, измѣнялся съ каждымъ поворотомъ колеса. Я, кажется, уже говорилъ, что цвѣтъ Роны, по мѣрѣ того, какъ мы поднимались вверхъ, изъ темно-синяго переходилъ въ блѣдно-голубой, потомъ въ сѣрый, всѣхъ оттѣнковъ платины и стали, что такъ рѣзко отличаетъ Рону Бокэра отъ Роны Ліона. То же разнообразіе и въ берегахъ: вмѣсто сожженныхъ солнцемъ порыжѣвшихъ полей юга, виднѣлись веселыя фермы въ блѣдной провансальской зелени, тучные луга Ардеши и Изэры, влажная жирная зелень Ліона

Кто не измѣнялся, такъ это мы, неисправимые хвастуны и лгунишки. Намъ впрокъ не пошли уроки: послѣ печальнаго происшествія съ M-me Brouillard и ея подругой мы снова сидѣли на носу «Боннарделя» и снова, окруженные благосклонными слушателями, разсказывали о своемъ возвращеніи изъ Крыма, о своихъ невѣроятныхъ приключеніяхъ на Востокѣ, о воинственныхъ, захватывающихъ приключеніяхъ на морѣ и на сушѣ, сопровождая все жестами, прыжками, подражаніемъ крикамъ животныхъ, шуму, звукамъ различныхъ инструментовъ. Чтобы не стѣснять насъ, оба артиллериста, бывшіе нечаянными свидѣтелями послѣдняго происшествія, оставили пароходъ на послѣдней стоянкѣ; они, навѣрно, не проговорились, такъ какъ я не могъ подмѣтить и тѣни насмѣшки въ простодушныхъ взглядахъ окружавшихъ меня солдатъ. «Что могъ я имъ разсказывать, этимъ молодцамъ? Какими необыкновенными подвигами храбрости и ловкости могъ я хвастать передъ этими людьми, видѣвшими смерть

лицомъ къ лицу, и не сморгнувшими передъ ней? Я затрудняюсь сказать. Мнѣ пришлось написать столько романовъ, кромѣ тѣхъ, которые я импровизировалъ тогда во время путешествія. Впрочемъ, я припоминаю кой-какіе подробности. Богъ вѣсть откуда прорвавшійся лучъ освѣщаетъ эти далекія воспоминанія, имя, лицо, которое, мнѣ казалось забытымъ, утеряннымъ. Это имя—Жоссъ, которое вамъ напомнитъ мольеровскаго золотыхъ дѣлъ мастера, передо мной воскрешаетъ жалкое землисто-блѣдное лицо одного изъ моихъ винсенскихъ стрѣлковъ, его сожженное алкоголемъ дыханіе, короткую коренастую фигуру съ ампутированной рукой. Въ то же время при этомъ имени мнѣ припоминаются сумерки сѣренькаго дня. «Боннардель» только что причалилъ, какъ вдругъ на палубѣ раздается крикъ, повторяется на сотни голосовъ: «Жоссъ упалъ въ воду, Жоссъ упалъ въ воду!»

Бѣднякъ, по обыкновенію былъ пьянъ и, проходя по мосткамъ, навѣрно, поскользнулся. И я вижу себя бѣгающимъ по палубѣ, хватающимъ себя за куртку, какъ будто, снявъ ее, я сейчасъ брошусь въ воду. «Офицеръ! Пронустите г. офицера»—слышу я шепотъ вокругъ себя, такъ какъ я не мало разсказывалъ о своихъ подвигахъ, какъ замѣчательнаго пловца, о томъ, что я не разъ переплывалъ Босфоръ на спинѣ, спасалъ людей. Что стоило мнѣ выудить теперь Жосса, спрашиваю васъ? Этотъ вопросъ я тоже задавалъ себѣ, глядя на воду глубокой быстрой рѣки, и думалъ съ ужасомъ: «Что ты будешь дѣлать, несчастный!

Вѣдь ты не умѣешь плавать! А всетаки рѣшайся, если ты хочешь сохранить свою честь въ глазахъ этихъ людей.

Впередъ! Zou!

И мнѣ кажется, что гордость, взгляды, обращенные на мою персону, надежда, что кто-либо меня спасетъ, могли заставить меня совершить безумный поступокъ и кинуться въ воду, но внезапно на шканцахъ раздались крики.

«Онъ его держитъ! Онъ спасенъ! Браво! Спасенъ»!

Я увидалъ издалека, какъ на берегъ вынесли дрожавшаго, пускавшаго пузыри Жосса, и какъ его спаситель, окруженный толпой, смѣясь отряхивался, привѣтствуемый криками. Этотъ спаситель, этотъ герой былъ... Угадайте кто? Господинъ изъ Сенъ-Кантена, мой англичанинъ. Какъ при всякомъ урокѣ, при всякой крѣпкой пощечинѣ, которыми судьба наказывала мое хвастовство, такъ и на этотъ разъ я ходилъ нѣкоторое время повѣсивъ носъ и старался держать языкъ за зубами; но это продолжалось недолго.

овѣрьте мнѣ, что Варнскій гардемаринъ еще много разсказывалъ,

жестикулировалъ на шканцахъ и что маленькіе монпельесцы еще не разъ съ восторгомъ восклицали: «о эти мостры»! Только съ минуты спасенія Жосса конецъ нутешествія дѣлается спутаннымъ, неяснымъ, какъ будто съ приближеніемъ къ Ліону, городу двухъ рѣкъ, вѣчно окутанному туманами и дождями, большое облачко заволокло «Боннардель» и все, что происходило на его палубѣ. Я помню только, что, подъѣзжая къ Mulatière,—этимъ именемъ опредѣляютъ точный пунктъ, гдѣ Сона впадаетъ въ Рону, немного ниже Ліона—въ ту минуту, когда я предавался моимъ импровизаціямъ, опираясь на Леонса, какъ на очевидца, англичанинъ, котораго я не замѣтилъ и который слушалъ меня съ нѣкоторыхъ поръ, сказалъ съ доброй улыбкой:

— Такъ это правда, молодой человѣкъ? Вы изъ Варнской школы?

Я обернулся, сверкая глазами, встопорщившись какъ молодой пѣтухъ.

— Да, милостивый государь, мы изъ Варнской школы, совершенно вѣрно.

— И вашъ двоюродный братъ тоже?

— Да, и онъ тоже.

— Такъ отчего на пуговицахъ его жилета стоитъ: «Нимскій лицей»? И его палецъ, касавшійся груди Леонса, обличалъ всю нашу ложь, въ то время какъ общій взрывъ смѣха пронесся на шканцахъ. Что касается меня, то нѣтъ слова, которое могло бы выразить мое бѣшенство на англичанина, на Леонса и на моихъ солдатъ... Въ эту минуту, къ счастью, кто-то сказалъ: «вотъ и Ліонъ», и въ поднявшейся суматохѣ о насъ забыли. Это былъ послѣдній эпизодъ нашего путешествія. Пусть читатель не спрашиваетъ, что сдѣлалось съ M-me Brouillard и ея подругой, съ маленькими толстощекими монпельесцами,— со всѣми этими китайскими тѣнями, которыя я вызвалъ изъ дальняго бѣглаго сна прошлаго.

Я повторяю: это не романъ. Если моему разсказу недостаетъ конца, развязки, я не могу ихъ придумать. Такъ, напр., я не могу припомнить конца нутешествія, отмѣченнаго выходкой англичанина, я оставляю его потонувшимъ въ смутныхъ непроницаемыхъ туманахъ Роны и Соны. Знайте только, что передъ тѣмъ, какъ сойти съ парохода, я совершенно случайно узналъ имя моего врага-англичанина изъ Сенъ-Кантена. Его звали... и подъ этимъ именемъ, которое слишкомъ извѣстно, чтобъ упомянуть его здѣсь, я прочелъ съ ужасомъ: «Капитанъ фрегата, предсѣдатель конференціи въ Политехникумѣ»: Капитанъ фрегата! И передъ нимъ-то Варнскій ученикъ разсказывалъ и изображалъ всѣ свои приключенія на сушѣ и на морѣ!

Эпилогъ.

Если бы M-me Genlis, воспитательница принцевъ орлеанскихъ, жившая въ концѣ XVIII вѣка, имѣла въ распоряженіи своемъ всѣ тѣ воспоминанія, которыя я перечислилъ здѣсь,—она навѣрно бы написала нравучительно-воспитательную книгу *ad usum Delphini* подъ заглавіемъ: «Альфонсъ и Леонсъ или жертвы воображенія».

Ими мы были, дѣйствительно, во все время нашего путешествія и должны были быть впродолженіе всей нашей послѣдующей жизни. Четырнадцать, пятнадцать лѣтъ спустя, уже взрослыми людьми, мы разговорились о нашемъ плаваніи на «Боннарделѣ». Леонсъ пріѣхалъ повидаться со мной въ Champrosay въ 1869 г., въ домъ Евгенія Делакруа, гдѣ я жилъ со своей женой и первымъ ребенкомъ, впослѣдствіи авторомъ «Morticoles», который былъ тогда еще бѣлокурымъ крошкой въ бѣломъ костюмѣ. Мы говорили о нашемъ путешествіи, вспоминали всѣ подробности: разочарованія въ дорогѣ, честолюбивыя мечты, проекты, планы, которые мы строили передъ отъѣздомъ тамъ, въ маленькой аптекѣ, въ то время какъ колокольчикъ звенѣлъ каждую минуту и раздавался крикъ:

— Магазинъ! Кто-нибудь.

Леонсъ вдругъ сдѣлался серьезнымъ:

«Ахъ, какъ мы измѣнились съ тѣхъ поръ».

— Ты находишь?—смѣясь спросилъ я,—а я, напротивъ, только хотѣлъ замѣтить, что мы остались все тѣ же. Я продолжаю то, что началъ на «Боннарделѣ»: выдумываю исторіи, чтобъ посмѣшить извѣстный кружокъ людей, а ты, ты продолжаешь представлять и разыгрывать различныхъ героевъ, мѣнять маски страстей и преступленій.

— Да, но я боюсь, что, какъ тогда на «Боннарделѣ», я сохранилъ пуговицы моего лицейскаго мундира».

Нужно вамъ сказать, что Леонсъ подвизался на театральныхъ подросткахъ, но безъ особеннаго успѣха. Такъ какъ онъ не кончилъ консерваторіи, ему пришлось дебютировать въ маленькихъ роляхъ на различныхъ сценахъ въ парижскомъ округѣ.

Въ 1868—69 г. онъ игралъ въ театрѣ Монпарнассъ на улицѣ de la Gaîté, вмѣстѣ съ однимъ красавцемъ, тогда еще совершенно неизвѣстнымъ, но прославившимся впослѣдствіи—съ M. S. Я не знаю, какой окладъ получалъ M. S. въ ту пору, но, поскольку мнѣ помнится, на долю Леонса приходилось 40 франк. въ мѣсяцъ, которые получалъ онъ очень неаккуратно. Я его разъ спросилъ: не ждетъ ли онъ прибавки.

— Ахъ не говори: я получалъ 40, а теперь меня посадили на 20,—отвѣтилъ онъ со своей горькой улыбкой въ уголкѣ губъ, всегда производившей на меня такое странное впечатлѣніе.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя разгорѣлась война, объ ея объявленіи я не могу дать вамъ никакихъ подробностей. Въ мастерской Делакруа, которая служила мнѣ кабинетомъ, были эскизы, набросанные рукой художника, и большая декоративная картина—Ризнера, родственника Делакруа, набросокъ одного изъ плафоновъ въ «Hôtel de Ville», изображавшая «Побѣду», возносящуюся въ свѣтлыхъ одеждахъ и трубящую въ побѣдный рогъ.

Въ то іюльское утро 1870 г., когда въ памятномъ засѣданіи палаты Грамонъ объявилъ войну, приблизительно въ тотъ же самый часъ, громадная картина безо всякой видимой причины упала съ шумомъ на полъ.

Нѣсколько дней спустя я получилъ отъ Леонса чудное письмо:

«Я не хочу больше разыгрывать комедію: я хочу вступить въ серьезную жизнь. До сихъ поръ я изображалъ дѣйствія другихъ, теперь я буду дѣйствовать за свой счетъ. Я поступилъ въ полкъ тѣхъ Винсенскихъ стрѣлковъ, которыхъ мы такъ любили на «Боннарделѣ». Тогда и я вернулся въ Парижъ, пересталъ писать романы и драмы, пересталъ разсказывать исторіи для «шканцевъ» и въ продолженіе всей войны прослужилъ въ 96 полку національной гвардіи, въ летучихъ отрядахъ, дѣлавшихъ вылазки. Увы! я долженъ сказать, что тѣ рѣдкіе залпы, которые мнѣ пришлось посылать пруссакамъ, я посылалъ не изъ своего батальона, что не въ немъ слышалъ свистъ непріятельскихъ пуль, трескъ ихъ гранатъ. Нашъ батальонъ оставался въ бездѣйствіи, не по своей винѣ, а благодаря парижскому губернатору Трошю, который боялся гражданскаго элемента и никогда не пускалъ въ ходъ всего запаса людей, бывшихъ у него тогда въ Парижѣ подъ руками. Конечно, во все время 6-мѣсячной осады я ничего не слыхалъ о Леонсѣ, но я часто думалъ о немъ, когда мы стояли на стражѣ и когда на аванпостахъ, вглядываясь въ туманную снѣжную даль, изъ которой, казалось, доносились отзвуки перестрѣлки, говорили: «это приближается Шанзи» или, когда вѣтеръ дулъ съ сѣвера: «Федербъ, навѣрно, не далеко». Я думалъ о двоюродномъ братѣ, я представлялъ его себѣ внезапно появляющимся въ числѣ стрѣлковъ-освободителей... но каждый разъ наступало разочарованіе. Шанзи не приходилъ, Федербъ былъ далеко, и, когда ворота побѣжденнаго Парижа открылись, у меня все еще не было извѣстій о миломъ Леонсѣ. О, не заставляйте меня снова говорить объ [illegible]ихъ

днях: они были слишкомъ зловѣщи; въ воздухѣ, казалось, носилось предостереженіе, что ужасныя несчастья должны свершиться.

Наконецъ, я узналъ, что сталось съ моимъ бѣднымъ другомъ: Леонсъ исчезъ послѣ побѣды въ Бопомѣ; онъ находился въ арміи Федерба въ 18-мъ стрѣлковомъ полку, гдѣ командовалъ въ первой линіи, въ качествѣ отличеннаго медалью сержанта. При началѣ схватки онъ былъ раненъ въ лѣвую руку, но не оставилъ своего отряда и сдѣлалъ перевязку тутъ же на полѣ битвы,—это разсказывали очевидцы. Вторая пуля опять пробила ему руку, онъ не могъ уже держать ружья и всетаки остался, чтобы поддержать своимъ примѣромъ другихъ. Когда силы его оставили, онъ перевѣсилъ ружье черезъ плечо и пошелъ на перевязочный пунктъ, сказавъ своимъ стрѣлкамъ: «Не бойтесь, друзья! Все идетъ хорошо!»

«Съ этой минуты его больше не видали, о немъ ничего не слыхали».

Мать его, вдова, долго не получая писемъ, написала всѣмъ начальникамъ, на всѣ перевязочные пункты, гдѣ еще оставались солдаты, потомъ въ Германію, куда, какъ она думала, сынъ попалъ въ плѣнъ, но отовсюду приходилъ одинъ и тотъ же отвѣтъ: «нѣтъ извѣстій». И вотъ, несчастная мать отправилась въ тяжелый путь. Она поѣхала къ Федербу, который изъ состраданія велѣлъ свести ее на поле битвы «Бопомъ», а оттуда на всѣ перевязочные пункты и госпитали Сенъ-Кантенскаго округа.

Она вернулась разбитая, обезсиленная, проѣхавъ на возвратномъ пути въ Нимъ черезъ Парижъ, тая въ сердцѣ молчаливую надежду, въ которой она не смѣла громко признаться, что Леонсъ неожиданно, внезапно вернется.

— Видишь ли, дитя мое,—говорила она мнѣ,— самое ужасное это—проклятый колокольчикъ входной двери! О, онъ звонитъ десять, двадцать разъ въ часъ, онъ отыскиваетъ меня во всѣхъ уголкахъ дома, онъ заставляетъ каждый разъ вздрагивать мое сердце и бѣжать въ аптеку, чтобы посмотрѣть—не «*онъ*» ли это?.

Она вернулась въ свой печальный домъ. Сколько дней, сколько недѣль, сколько лѣтъ еще продолжалась пытка бѣдной матери, какъ долго терзалъ ее этотъ колокольчикъ, вѣчно звенѣвшій какъ золотая и гремушка надежды, которая не умираетъ въ сердцахъ матерей? Я ч сто, часто потомъ думалъ объ этой трагической смерти. Очевидно, Л онсъ былъ раздавленъ и обезображенъ какой-нибудь гранатой, когд онъ возвращался съ перевязочнаго пункта. Вмѣстѣ съ другими и альными останками, покрывающими поле битвы, его бросили ку-

да-нибудь въ канаву. Если, пораженный три раза въ одинъ день, онъ, упавъ, почувствовалъ приближеніе смерти, мнѣ думается, быстрый преждевременный конецъ не поразилъ его. Тайное предчувствіе должно было ему подсказывать его все время. Такъ объясняю я себѣ эту блѣдную улыбку въ уголкѣ губъ на миломъ любимомъ лицѣ, улыбку, смущавшую меня такъ часто. Съ ней я вижу тебя, милый товарищъ дѣтства, лежащимъ на поляхъ Бопома, съ ней,—съ этой мрачной улыбкой разочарованія, которой запечатлѣны всѣ молодыя смерти,—являешься ты передо мной въ часы раздумья.

Пер. Максъ Ли.

БУДНИЧНЫЙ ДЕНЬ.

Новелла Антонія Потоцкаго (Грота).

Переводъ съ польскаго.

I.

Какъ мнѣ не хочется приподнимать вѣки! Я знаю, что увижу: прежде всего въ мои измученные глаза до боли сильно ударитъ противная, рѣзкая ясность осенняго дня, а потомъ мнѣ принесетъ привѣтствіе убогая мебель, глупо торчащая вдоль стѣнъ. Я ненавижу эти грязныя стѣны, ненавижу чахоточный хрипъ самовара, изъ котораго Ядзя теперь завариваетъ въ кухнѣ чай, ненавижу табуретку, на которой лежитъ мое платье.

Ядзя, въ ужасной бѣлой кофтѣ и въ полосатой юбкѣ, конечно, уже цѣлый часъ находится въ движеніи. Она прибираетъ, чиститъ, и все это дѣлаетъ безъ шума, скользя съ мѣста на мѣсто какъ тѣнь, съ глубоко сосредоточеннымъ лицомъ. Я ненавижу тихое шлепанье ея истоптанныхъ туфель, ненавижу ея бѣлую кофту.

Теперь она, навѣрно, смотритъ въ окно, не попадетъ ли Антекъ подъ дождь, когда отправится въ школу. Зачѣмъ это? Не видитъ она, что ли, что теперь стоитъ сѣрый осенній день, что желѣзныя крыши свѣтятся скверной, ослизлой сыростью, и что, куда ни погляди— дымъ, ядовитыя испаренія, туманъ...

Теперь она входитъ къ дѣтямъ и мягко окликаетъ ихъ:

— Дѣти, вставать, скоро восемь!...

Черезъ минуту она предстанетъ предо мною. Готово.

— Вставай, Юзя, проспишь, какъ тогда.

Вѣчно это какое-то «тогда», которое она напоминаетъ мнѣ каждое утро.

— Я не сплю.

Можетъ быть, она уйдетъ. Нѣтъ, чувствую, что стоитъ.

— Встаешь?

— Встаю.

— Куда ты спряталъ деньги?

— Я никуда не пряталъ.

— А въ сюртукѣ ихъ нѣтъ.

— Значитъ, и нѣтъ.

Минута молчанія.

— Юзя?

— Что?

Я знаю, что̀ она скажетъ. Она скажетъ: «что-жъ ты думаешь объ этомъ»?

— Что-жъ ты думаешь объ этомъ, Юзя? Еще вчера у тебя было пять рублей?

И я также знаю, что̀ отвѣчу. Я отвѣчу: «рѣшительно ничего не думаю».

Ядзя опять молчитъ. Сущее наказаніе съ этимъ смѣшнымъ контролемъ.

— Возьми изъ верхняго кармана жилета.

— Только одинъ рубль.

— Больше у меня нѣтъ.

Ядзя, не говоря больше ни слова, беретъ деньги, сбрасываетъ свои тихія туфли и надѣваетъ башмаки. Это значитъ, что она идетъ въ лавочку, хотя туда могла бы пойти и Янова. Я уже сто разъ говорилъ, чтобъ она не чистила мнѣ сапогъ, и всегда, на зло мнѣ, она возьметъ и вычиститъ. Я сто разъ говорилъ, что въ лавочку должна ходить баба,—Ядзя, на зло мнѣ, ходитъ сама. Ахъ, какъ я ненавижу это вѣчное самопожертвованіе, на которое никто не обращаетъ вниманія! Какъ я ненавижу эти скромныя добродѣтели и ликъ скорбящей Мадонны по поводу какой-нибудь разбитой крынки! Впрочемъ, что-жъ подѣлаешь!

Дѣти встаютъ. Собственно говоря, встаетъ Антекъ, которому я почти машинально кричу то, что̀ мнѣ самому за минуту передъ этимъ говорила Ядзя:

— Антекъ, поворачивайся поскорѣй, а то опять опоздаешь, какъ тогда.

Пора и самому вставать, но сначала нужно дать Антку умыться. Отчего это Антекъ такой здоровый, румяный крѣпышъ, а Марійка всегда блѣдна, какъ полотно?

— Крошка, иди сюда скорѣй!

Приходитъ крошка въ одной рубашонкѣ, всматривается въ меня глазками и тихо улыбается.

— Отчего ты, крошка, такая блѣдная, а?

Изъ нея выйдетъ второе изданіе самоотверженной Мадонны. Но какъ она похожа на Ядзю: та же блѣдная улыбка въ углахъ губъ. Она уже и теперь умѣетъ потирать лобъ лапкою, какъ это иногда дѣлаетъ Ядзя. Бѣдненькія...

Отчего, однако, я не сказалъ ей, что деньги вчера истратилъ на эти приборы. А, впрочемъ, все равно.

Часы бьютъ восемь.

Марійка поднимаетъ палецъ и начинаетъ считать:

— Часъ...

— Да, часъ. Ну, теперь я буду одѣваться, а ты пойдешь къ братишкѣ.

— Мама одѣлась?

— Одѣлась, одѣлась, и сейчасъ принесетъ тебѣ булочку.

Черезъ минуту возвращается Ядзя, задыхающаяся, съ какими-то крохами провизіи въ бѣлыхъ пакетахъ. Это зрѣлище всегда приводитъ меня въ бѣшенство. Естественно, она молчитъ, не соблагоизволивая обращать на меня вниманія, какъ на расточителя, который... и т. д. Антекъ пожираетъ вторую булку, запихивая одновременно третью въ ранецъ. Марійка уже сидитъ на высокомъ стулѣ и грустно ожидаетъ, пока мама остудитъ молоко.

— Урокъ знаешь?—спрашиваю я у Антка.

— О, отлично!

Должно быть, знаетъ. Онъ вообще занимается хорошо, что̀ не мѣшаетъ ему по вечерамъ углубляться въ чтеніе Робинзона. Зато соплякъ, обитающій на Гожей улицѣ, отравляетъ мою жизнь непостижимою тупостью и разными вывертами. Уже поздно, я едва въ молчаніи успѣваю проглотить чай, который ожигаетъ мнѣ горло

— Ты не могла налить мнѣ раньше?

Я начинаю жалѣть, что у меня вырвались такія слова. Но Ядзя съ телячьей покорностью отвѣчаетъ:

— Извини, сегодня все какъ-то опоздало.

Собственно говоря, во всемъ виноватъ одинъ я, потому что денегъ у нея не было, а будить меня она не захотѣла. При выходѣ она напоминаетъ мнѣ, чтобы я зашелъ въ редакцію, можетъ быть, есть какая-нибудь переписка.

— Ахъ, оставь меня въ покоѣ! Я былъ вчера, не таскаться же мнѣ туда каждый день.

Къ несчастью, съ угла улицы я долженъ возвращаться: забылъ приборы. Ядзя встрѣчаетъ меня съ ними въ сѣняхъ, я почти вырываю ихъ изъ ея рукъ и мчусь на Гожую

Если бъ не ненастный день, заглядывающій въ огромное окно классной комнаты, если бъ не то, что я забылъ папиросы, и если бъ, прежде всего, не отчаянно заспанный голосъ слабоумнаго сопляка, то я, можетъ быть, меньше страдалъ бы отъ извергаемыхъ имъ нелѣпостей, изъ которыхъ состоитъ главнымъ образомъ, такъ называемая, бесѣда. То, что я опоздалъ на четверть часа, мнѣ сильно повредитъ. Я долженъ сломя голову бѣжать съ Гожей на Жабью.

За окномъ нашему уроку вторятъ всевозможные звуки двора четырехъэтажнаго дома. Каждую минуту появляется какой-нибудь разносчикъ, и я готовъ принять присягу, что мальчикъ больше прислушивается къ его словамъ, чѣмъ къ моимъ. Потомъ раздается скрипучій голосъ женщины, скупающей кости. Потомъ слышно, какъ качаетъ насосъ и какъ вода льется по асфальту. А надо всѣмъ этимъ торчитъ уголъ дома, неимовѣрно глупо украшенный рогомъ изобилія, изъ котораго теперь сочится грязная дождевая вода. Другой часъ съ барышней проходитъ скорѣй, потому что я уже заранѣе знаю, что спрашивать мнѣ ни о чемъ не полагается, нужно только говорить, говорить, говорить... Барышня обижается, если я черезчуръ подробно разспрашиваю о щекотливыхъ процессахъ питанія. Наконецъ, мама съ любезною улыбкою уже предупреждала меня, что «Янина настолько понятлива, что ей будетъ достаточно, если вы ей только изложите свой предметъ наглядно, конечно, по мѣрѣ возможности». Разумѣется, «наглядно». А, впрочемъ, мнѣ все равно, лишь бы только я получилъ сегодня плату за уроки. Домъ этотъ очень порядочный, какъ я убѣдился при различныхъ обстоятельствахъ, и вотъ ровно въ одиннадцать часовъ входитъ барыня.

— Я не мѣшаю?

— О, будьте добры!

Барыня обращается къ дочери съ тонкимъ замѣчаніемъ:

— Янина, надѣнь пальто, мы сейчасъ выйдемъ.

Это означаетъ, что будетъ происходить педагогическій разговоръ. Барыня углубляется въ кресло, незамѣтно придерживая таинственный конвертъ. Я чувствую, какъ стулъ подо мною горитъ. Что будетъ съ урокомъ на Жабьей?

— У меня къ вамъ большая просьба.

— Чѣмъ могу служить вамъ?

Барыня, наконецъ, набирается отваги.

— Мой младшій сынъ уже въ такомъ возрастѣ, что я желала бы, чтобы онъ началъ проходить систематическій курсъ. Разумѣется, я говорю о бесѣдахъ. Я знаю, что вы удѣляете вниманіе только [illegible] тямъ старшаго возраста, но для насъ вы, можетъ быть, сдѣлае[illegible]

исключеніе. Мой мужъ и я возлагаемъ на васъ очень большія упованія. Мой мужъ, собственно говоря, самъ хотѣлъ потолковать съ вами.

Но, конечно, у него не было времени. Если бы не Жабья улица, я, можетъ быть, съ интересомъ поговорилъ бы съ этой представительницей дѣятельнаго и порядочнаго типа. Но мнѣ некогда, и я торопливо заявляю, что, мнѣ кажется, я могу найти у себя еще одинъ свободный часъ, хотя изнываю при мысли, что мнѣ предстоитъ просто-напросто ремесленная работа. Потомъ,—ужъ не знаю въ который разъ, — я успокаиваю барыню, что «теперешняя педагогика считаетъ естественныя науки... и т. д.». Наконецъ, я понижаю до нѣкоторой степени уровень требованій, то-есть назначаю за добавочный урокъ только десять рублей и выбѣгаю съ бѣлымъ конвертомъ.

— На Жабью!

II.

Съ высоты одноконной пролетки міръ представляется въ самомъ неприглядномъ видѣ: отвратительная грязь большого города, тонкимъ слоемъ размазанная по улицамъ и тротуарамъ, сгорбившійся возница и лошадь, смѣшно подрыгивающая лѣвою лопаткой. Я чувствую нѣкоторый родъ стыда за то, что пользуюсь этимъ экипажемъ. Я неясно понимаю, стыжусь ли я по поводу скверпѣйшей запряжки, или по поводу фальшивости положенія моего поношеннаго пальто на этой сковородѣ, которую люди, однако, считаютъ чѣмъ-то вродѣ роскоши.

По совѣсти говоря, я долженъ былъ бы скорѣе стыдиться сегодняшняго «катценъяммера», по милости котораго снова огорчилъ Ядзю... Но это не важно,—деньги есть, а сдѣлать ей новое пальто давно пора. Время идетъ къ дождю...

На углу улицы я узнаю высоко засученные панталоны и полинялый зонтикъ коллеги-педагога съ Жабьей улицы. Меня охватываетъ дрожь непонятнаго отвращенія при видѣ монотоннаго шлепанья по лужамъ осторожно ступающихъ ногъ бѣдняка. Я отворачиваю голову, что въ соединеніи съ злополучной пролеткой окончательно погубитъ меня въ демократическомъ мнѣніи коллеги, и готовъ снова разлиться потокомъ философскихъ рефлексій...

О, богема!...

У воротъ я снова вспоминаю о папиросахъ, потому что у меня начинаетъ царапать въ горлѣ. Въ лавочкѣ, понятно, нельзя размѣнять двадцатипятирублевой бумажки,—я долженъ ждать, потому что и у извозчика нѣтъ «такихъ денегъ»... Такихъ денегъ!...

Наконецъ, хотя и поздно, я готовъ приступить къ послѣднему уроку.

Такъ какъ молодой сынъ богатыхъ родителей, обучающійся у меня физіологіи, обладаетъ неимовѣрно критическимъ умомъ, то меня порою встрѣчаютъ различныя неожиданности. Молодой человѣкъ любитъ ловить меня на противорѣчіяхъ.

— Извините меня, вы когда-то говорили, что у рыбъ также теплая кровь?

— Ну, и что же?

— Во-первыхъ, я самъ недавно бралъ живую рыбу въ руки и убѣдился на опытѣ, что она холодная... А во-вторыхъ, почему же они называются животными холоднокровными?

Я чувствую, что этотъ вопросъ требуетъ простого объясненія,— чувствую, но настолько раздражаюсь этимъ тономъ торжествующаго нахальства, что отвѣчаю рѣзко, съ озлобленіемъ.

Теперь я могъ бы спокойно возвратиться домой и отдать Ядзѣ деньги, могъ бы тотчасъ же пойти и купить ей пальто. Но мнѣ нужно съѣсть что-нибудь и зайти въ книжный магазинъ, гдѣ меня ожидаетъ сущее чистилище.

Въ оловянной глубинѣ неба, словно клубы дыма, шибко и низко плывутъ разрѣженныя облака. Дождя уже нѣтъ, только холодная, пронзительная сырость осаживается повсюду невидимыми каплями и придаетъ каменнымъ домамъ и крышамъ какой-то мертвый, болотный отблескъ. Въ такіе дни желчь всасывается куда-то внутрь и насыщаетъ весь организмъ какою-то необъяснимою горечью и ни на минуту не прекращающимся раздраженіемъ. Даже безстрастныя колонны цифръ въ бухгалтерскихъ книгахъ, которыя я долженъ вести въ теченіе двухъ часовъ,—даже онѣ кажутся какими-то злобными змѣйками, выползающими наверхъ... Хорошо, что я не пошелъ домой: Ядзя, навѣрно, что-нибудь шьетъ или штопаетъ, а я не люблю этого зрѣлища. И она не любитъ, когда я присутствую при таинственныхъ обрядахъ, такъ называемаго, домашняго очага. Это часы, когда она купаетъ Марійку, готовитъ обѣдъ, штопаетъ и возрождаетъ изъ пепла свои туалетные фениксы. Почемъ я знаю, чего она только не надѣлаетъ въ теченіе этихъ часовъ? Должно быть, уже четыре часа, потому что я голоденъ до бѣшенства.

Четверть пятаго. Крошка спитъ подъ кисеей. Антекъ укладываетъ въ сумку. Ядзи нѣтъ дома.

— Гдѣ мама?

— Мама сказала, что скоро возвратится.

Чортъ угораздилъ! вѣчно какія-то дѣла, о которыхъ я не имѣю ни малѣйшаго понятія. Не могла она подождать полчаса, — знаетъ, что ненавижу одинъ сидѣть за обѣдомъ.

— Ты не знаешь, куда она пошла?

— Не знаю. Къ мамѣ приходилъ посыльный.

— Давно?

— Какъ только мама уложила Марійку.

— Вы обѣдали?

— Мама оставила тебѣ.

Нѣсколько минутъ тому назадъ я былъ голоденъ, какъ волкъ, а теперь едва могу прикоснуться къ пищѣ. Въ особенности меня бѣситъ сакраментальное яблоко, лежащее на блюдечкѣ,—знакъ супружеской заботливости. Сколько разъ я говорилъ, чтобы мнѣ давали то, что ѣдятъ всѣ остальные.

— Антекъ, ты ѣлъ яблоко?

Антекъ отвѣчаетъ уклончиво:

— Мама это тебѣ оставила.

— Ну, тогда съѣшь его.

Антекъ колеблется.

— Ѣшь, коли тебѣ говорятъ.

Часы монотонно стучатъ, отъ времени до времени Марійка вздохнетъ подъ своею кисеею. Я чувствую глухой приливъ злости, увеличивающійся по мѣрѣ того, какъ шаги на лѣстницѣ, за которыми я слѣжу противъ воли, теряются гдѣ-то внизу. Какія у нея могутъ быть дѣла? Вѣроятно, какое-нибудь глупое собраніе съ цѣлью «объединенія» или еще чего-нибудь подобнаго. Яблоко на зло мнѣ оставила, а о томъ, чего я выносить не могу, и не подумала. Мнѣ хочется походить по комнатѣ, но я не могу, потому что иначе разбудишь Марійку.

— Что ты таскаешься изъ угла въ уголъ, Антекъ?

— Я такъ себѣ, ничего, папа.

Я внимательно осматриваю мальчика, и мнѣ становится его жаль, потому что лицо у него очень озабоченное. Да, наконецъ, въ чемъ онъ виноватъ?

— Тебѣ не влетѣло сегодня?

Антекъ, видимо, ждалъ этого вопроса.

— О, нѣтъ, папа, я получилъ пятерку изъ ариѳметики и тройку [illegible] чистописанія.

Собственно говоря, въ глубинѣ души я доволенъ мальчикомъ, я даже раздѣляю его нерасположеніе къ каллиграфіи, но не могу противиться искушенію помучить его.

— Почему же именно тройку изъ чистописанія?

Антекъ пускается въ объясненіе разницы между гусинымъ перомъ и стальнымъ. Потомъ, переждавъ минуту, онъ снова приближается ко мнѣ.

— Папа, можно мнѣ пойти къ Владку?

— Зачѣмъ?

— Они пойдутъ смотрѣть панораму.

— А уроки знаешь?

— Знаю, мама прослушала меня.

Я молчу довольно долго, хотя мальчикъ отъ неувѣренности то блѣднѣетъ, то краснѣетъ.

— Ну, иди, если съ вами пойдетъ отецъ Владка. Вотъ тебѣ двугривенный.

— Папа, у меня есть, мнѣ мама дала.

— Бери, коли тебѣ даютъ.

Меня доводитъ до бѣшенства это вѣчное упоминаніе имени мамы. А умная мама пошла въ тоненькой пелеринкѣ, чтобъ простудиться изъ-за какого-то тамъ дѣла. И снова плывутъ часы злобнаго ожиданія, мысль же все возвращается къ той же самой точкѣ: куда она пошла?

Въ комнатѣ царствуетъ порядокъ, на ея столикѣ лежитъ фоліантъ «Наука о вещахъ». Какая-то новая педагогическая манія. Я беру книгу къ себѣ на диванъ и черезъ минуту, перелистывая ее, забываю о своей злости, которая на время прячется куда-то въ глубину.

Наконецъ-то! Легкіе шаги останавливаются на соломенной подстилкѣ кухни, а черезъ минуту я слышу щелканье ключа.

— Юзя пришелъ?—долетаетъ шепотъ изъ кухни.

Я молчу.

Ядзя входитъ слегка сконфуженная и останавливается на цыпочкахъ передъ диваномъ.

— Юзя, ты спишь?

Я всетаки молчу. Тогда она поворачивается и направляется въ дѣтскую комнату.

— Скажи, пожалуйста, куда ты порхала?

Ядзя снова впадаетъ въ неподвижность, испуганная звукомъ моего голоса.

— Всѣ эти твои порханья окончатся болѣзнью.

Я хотѣлъ бы, чтобъ она отвѣтила мнѣ рѣзко, но нѣтъ.

— Дорогой мой, я должна была пойти, Зося прислала сказать, тобы я непремѣнно пришла на Вилчью.

— Какое мнѣ дѣло до твоей Зоси! Я не выношу, чтобъ ты убѣгала въ обѣденную пору.

Ядзя закусываетъ губу и пятится къ дверямъ. Я смотрю на нее съ безсильною жестокостью и продолжаю, ужъ самъ не соображая что.

— Какая-то тамъ еще Вилчья! Чортъ бы побралъ всѣ эти дѣла и объединенія.

Ядзя оживляется.

— Никакихъ объединеній нѣтъ, а дѣло въ томъ, что Зося передала мнѣ одинъ изъ своихъ уроковъ, потому что ей не подъ силу.

А... новый монументъ тихаго самопожертвованія. Теперь меня охватываетъ бѣлая злость, флегматическая, размѣренная.

— Да? а я говорю тебѣ, что ты никакихъ уроковъ давать не будешь,—Ядзя смотритъ на меня широко раскрытыми, изумленными глазами и незамѣтно пожимаетъ плечами.

— Знаешь, этотъ урокъ мнѣ очень на руку. Наконецъ, мы уже говорили о томъ, о чемъ идетъ рѣчь теперь.

— То-есть, о томъ, что я не хочу этого.

— Но, дорогой мой, не обращайся со мной, какъ съ ребенкомъ. Вѣдь я такъ же могу хотѣть чего-нибудь. Вѣчно какая-то опека, всюду ты хочешь попасть самъ и, попросту, убиваешь себя... Скажи, зачѣмъ ты меня терзаешь, мучаешь, угнетаешь?

Все это я слушаю почти съ наслажденіемъ, заранѣе подготовляясь къ самому содержательному отвѣту.

— Во-первыхъ, я обращаюсь съ тобой, какъ съ ребенкомъ, потому что ты и есть ребенокъ. Во-вторыхъ, не употребляй ты никогда безъ толку своихъ бабьихъ «вѣчно» и «всюду». Въ-третьихъ, терзать, мучить и угнетать — это синонимы, а въ-четвертыхъ, никто здѣсь твоего самопожертвованія не требуетъ.

Я очень ясно понимаю мѣру жестокости, заключающуюся въ моемъ отвѣтѣ. Ядзя медленно уходитъ, не говоря ни слова, и только по ея губамъ пробѣгаетъ какая-то нехорошая судорога.

— Мученица!

За стѣною я слышу глухой звукъ рыданія, подавляемаго нечеловѣческою силою, и, уже почти въ безпамятствѣ, бросаю послѣднюю фразу:

— И совѣтую тебѣ лучше не капризничать, пока ты не обзаведешься будуаромъ, спеціально предназначеннымъ для этой цѣли.

Одновременно съ этимъ я чувствую, что меня какъ будто ударили по лицу и конвульсивно смолкаю.

— Ахъ! какъ же это подло!

Теперь тишина водворилась надолго,—никто изъ насъ, навѣрно, не прерветъ молчанія. Я лежу безъ всякаго дѣла на диванѣ и смотрю на полъ. Ядзя въ сосѣдней комнатѣ какъ-то сразу умолкла. Да и зачѣмъ ей, по совѣсти, плакать и огорчаться, если то, что я сказалъ, было просто-напросто глупо и смѣшно? Жаль тратить здоровье на такое свинство. Такимъ образомъ, болѣе или менѣе, я рисую себѣ картину теперешняго состоянія духа Ядзи и нахожу въ этомъ нѣкоторое успокоеніе. Проходитъ еще четвертъ часа, въ теченіе котораго Ядзя зажигаетъ машинку и начинаетъ кипятить молоко. Марійка скоро проснется. Интересно,—принесетъ ли она мнѣ ее или нѣтъ? Я стараюсь придать себѣ насколько возможно болѣе благодушный, отцовскій видъ.

Марійка уже разговариваетъ съ матерью.

— Молочка.

Послѣ молочка она скажетъ: «на ручки». Ядзя отвѣчаетъ ей потихоньку: что?.

— На ручки.

Я слышу, какъ Ядзя поправляетъ ей рубашку и подходитъ къ окну, но крошка не легко даетъ выбить себя изъ обычной колеи.

— Къ папѣ.

Интересно... Ядзя подноситъ Марійку къ двери и впускаетъ ко мнѣ, но сама не входитъ.

— Можетъ быть, тебѣ холодно?—спрашиваю я.

Крошка вскарабкивается на диванъ и показываетъ на ножки.

— О, чулочки!

— А не холодно тебѣ?

Марійка качаетъ головою.

— Папа, сдѣлай «что я вижу».

Я беру ее на руки и поднимаю кверху. Крошка повторяетъ за мною:

— Гдѣ я?

— Гдѣ я?

— Что я вижу?

— Что я вижу?

— Маршъ наземь!

— Маршъ наземь!

Эта игра называется «что я вижу».

Послѣ каждаго снисхожденія на землю крошка повторяетъ, покатываясь со смѣху:

— Еще «что я вижу»!

Ядзю даже и это не выманиваетъ изъ сосѣдней комнаты. Мнѣ

становится какъ-то необыкновенно грустно и, цѣлуя крошку, я шепчу:

— Иди, крошка, къ мамѣ.

— А ты гдѣ будешь?

— Я пойду въ городъ.

Собственно говоря, у меня не было такого намѣренія. Марійка, слегка обиженная, бѣжитъ къ мамѣ, а я медленно начинаю искать шляпу, пальто, трость. Ядзя два раза появляется въ дверяхъ, какъ будто не находя смѣлости пробормотать что-то, наконецъ, у меня уже нѣтъ предлога ждать дольше, и я берусь за дверную ручку, наконецъ и на Ядзю нападаетъ смѣлость.

— Ты надолго уходишь?

Откуда вдругъ у меня берется сухой тонъ, какимъ я отвѣчаю ей:

— По всей вѣроятности, къ чаю не возвращусь.

Ядзя опять молчитъ.

— Въ такомъ случаѣ... извини... у меня...

Я пожимаю плечами и выхожу.

— Я говорю... оставь мнѣ денегъ.

При этихъ словахъ она вся краснѣетъ и даже не смотритъ на меня, а я во второй разъ испытываю впечатлѣніе, какъ будто мнѣ дали пощечину: я забылъ! А вѣдь я только объ этомъ и думалъ въ теченіе цѣлаго дня!...

Какъ это мелко!

Довести ее до того, чтобы она чувствовала себя униженною, прося деньги, которыя ей необходимы. Оказывается, что не нужно быть скотомъ или, такъ называемымъ, тираномъ, чтобы топтать чужую душу,—достаточно быть интеллигентнымъ самцомъ и обладать нервами. Какой-то ясный, а можетъ быть и просто безстыдный холодъ развертываетъ передъ моими умственными очами эти будничныя рефлексіи. О, я знаю и этотъ, какъ будто безжалостный судъ надъ собою, состоящій въ мысленномъ подборѣ наиболѣе энергическихъ эпитетовъ. Знаю я это. Въ концѣ-концовъ, это только лишь цинизмъ, который отвлекаетъ вниманіе отъ обсуждаемаго предмета. Что это грубо, мелко, пошло,—я знаю. А какъ отъ этого остеречься, что сдѣлать, чтобы подобныя сцены не повторялись?

На прошлой недѣлѣ я устроилъ цѣлый скандалъ по поводу долгаго сидѣнья надъ какою-то книжкой, и также безъ всякаго основанія потому что книжку было необходимо прочесть.

Наконецъ, даже и женщина имѣетъ право просидѣть два часа надъ тѣмъ, что ее интересуетъ.

А то когда-то происходила сцена изъ-за квартиры... Дѣйствительно, это была плохая выдумка экономить на одной комнатѣ: положительно, мы черезчуръ часто попадаемся другъ другу подъ ноги. Намъ необходимо занимать квартиру побольше.

Это рѣшеніе, неожиданно возникшее въ теченіе рефлексіи, преисполняетъ меня чувствомъ самоувѣренности и пробуждаетъ изъ задумчивости, благодаря которой я дошелъ до Лазенокъ. Я чувствую теперь въ себѣ трезвость людей, ясно смотрящихъ на вещи, и погружаюсь въ разсчеты. Однако, это продолжается не долго.

Мало-по-малу снова нагромождаются какіе-то мелкіе нервные уколы,—прежде всего меня начинаетъ удручать плачевный видъ аллей, перерытыхъ для канализаціи, обнаженныхъ деревьевъ по обѣимъ сторонамъ дороги и желтыхъ листьевъ, кое-гдѣ приплюснутыхъ грязью къ асфальту. Съ непріязненнымъ чувствомъ я обхожу разныхъ господъ, ради пищеваренія совершающихъ свою послѣобѣденную прогулку, и бонну, ведущую пару дѣтей, одѣтыхъ по-шотландски.

— Все это фарсъ,—говорю я самому себѣ съ желчью,—тутъ дѣло идетъ вовсе не о деньгахъ. Какое, напримѣръ, отношеніе имѣютъ деньги къ тому, что я тогда отъ злости выбросилъ цѣлое блюдо съ кушаньемъ въ окошко? Просто-напросто, и у меня, и у нея страшно разстроены нервы. Впрочемъ, нѣтъ: почему же съ дѣтьми я никогда не дѣлаю глупостей? Вѣдь я даже и Ядзю часто называю «третьимъ ребенкомъ». Нѣтъ, тутъ не въ деньгахъ дѣло; съ матерью, напримѣръ, съ пріятелемъ оно во всякомъ случаѣ приняло бы другой оборотъ. Тутъ ужъ ничего не подѣлаешь.

Съ Ядзей никакое недоразумѣніе не кончалось иначе, чѣмъ поцѣлуями. Сколько разъ я ловилъ себя на томъ, что когда она говоритъ мнѣ что-нибудь серьезное, я гляжу на ея глаза или губы? Наконецъ, и это служило поводомъ къ сценамъ.

И припоминился мнѣ снова одинъ изъ эпизодовъ (это было еще до рожденія Марійки), когда мы поссорились съ нею изъ-за одной ея подруги, которую я терпѣть не могъ. Помню, какъ Ядзя съ энтузіазмомъ расписывала мнѣ моральныя совершенства этой барыни, помню, какъ я зажалъ ей ротъ поцѣлуемъ, и какъ она вырвалась отъ меня съ плачемъ и негодованіемъ.

— Ты всегда относишься ко мнѣ какъ къ ребенку или какъ къ... любовницѣ. Это обидно.

Въ кафе царитъ послѣобѣденная скука. Политики еще не сошлись, биллiардная зала пуста. Остатки дневного свѣта прячутся въ углахъ, сквозь переплеты оконъ виденъ клокъ оффиціальнаго, блѣдно-

голубого неба, которое передъ вечеромъ очистилось отъ тучъ. Я утомленъ прогулкою и пью уже второй стаканъ чернаго кофе. Мною овладѣваетъ довольно пріятное чувство,—то ли полуразсѣянности, то ли примиренія съ судьбой: ради чего мнѣ дѣлать трагедіи изъ самыхъ обыкновенныхъ вещей!

Изъ города долетаютъ звонки конокъ и трескъ экипажныхъ колесъ. Вскорѣ по обѣимъ сторонамъ Маршалковской вспыхнетъ двойной рядъ фонарей. Почти безсознательно я подхожу къ окну и предаюсь безцѣльнымъ наблюденіямъ. Дома все болѣе и болѣе окутываются монотонною сѣрою одеждою, которая на меня всегда производитъ впечатлѣніе пустоты и одиночества. Первый огонь загорѣлся въ угольной лавкѣ—довольно интересный видъ. Прежде это окно давало впечатлѣніе не свѣта, а какого-то оранжеваго оттѣнка желтаго цвѣта; потомъ, по мѣрѣ того, какъ темнѣло вокругъ, оранжевая окраска становилась все болѣе желтою, пріобрѣтала прозрачность,—окно казалось слабо освѣщеннымъ воздушнымъ пространствомъ. Теперь уже виденъ свѣтъ, падающій изъ глубины, контуры выставленныхъ предметовъ вырисовываются выпукло.

Зажглись и фонари, звонки учащаются, колеса стучатъ еще громче; наступаетъ характерный переломъ дня передъ вечеромъ. Начинается жизнь подвижная, лихорадочная, вечерняя. Снуютъ какіе-то господа въ цилиндрахъ, барыни спѣшатъ домой, нагруженныя свертками. Меня охватываетъ что-то вродѣ зависти при видѣ этихъ людей, спѣшащихъ куда-то и къ кому-то. Я чувствую себя возбужденнымъ и радъ бы пойти, да куда? Я завидую барину въ цилиндрѣ, который съ величайшей поспѣшностью вваливается въ парикмахерскій магазинъ, мнѣ завидно смотрѣть на эту послѣобѣденную суматоху. Куда бы мнѣ пойти?

Двери въ кафе теперь отворяются безпрестанно, и столъ подъ лампами уже почти весь задрапированъ лысинами, космами волосъ и еще не просохшими газетными листами. Я съ трудомъ нахожу *Курьеръ* и на минуту заглушаю вопросъ,—куда мнѣ пойти? Къ моему плечу прикасается чья-то рука.

— Какъ поживаете? Что это? и людей не узнаете на улицѣ?

— А, коллега-педагогъ!

— Ну, что у васъ слышно? А у меня, батюшка, по старому—брындза.

У коллеги множество своихъ словечекъ, вродѣ «брындза», и онъ щедро расточаетъ ихъ. Въ одномъ отношеніи это человѣкъ очень пріятный,—задавая вопросъ, онъ никогда не разсчитываетъ на отвѣтъ.

Съ минуту мы читаемъ молча.

— Ахъ, да,— вдругъ восклицаетъ коллега,— я долженъ попросить васъ на одно засѣданіе.

Онъ понижаетъ голосъ и начинаетъ толковать о какой-то «точкѣ», вокругъ которой «должна образоваться извѣстная группа людей».

Знаю я эту точку и эту группу, не имѣю ни малѣйшей охоты попасть на засѣданіе, но коллега уже заранѣе рѣшилъ, что я приму приглашеніе. А, впрочемъ, почему же бы и нѣтъ?

— Когда ваше засѣданіе?

— Въ пятницу, въ восемь, у меня.

— Жаль, что не сегодня.

— Что? Можетъ быть, вы хотѣли сначала поговорить объ этомъ со мной? Превосходная мысль. Идемте, только сначала на Журавью, тамъ мы и условимся съ ними, чего намъ держаться.

Сначала я принимаю это предложеніе, тѣмъ болѣе, что коллега уже встаетъ и платитъ за меня и за себя.

— Что вы, я уже заплатилъ.

При выходѣ я оказываюсь схваченнымъ подъ руку и словно привороженнымъ къ коллегѣ. Отдаю себя въ распоряженіе его обильному краснорѣчію.

Зачѣмъ, собственно говоря, я иду туда? Во-первыхъ, и вопросъ-то самъ по себѣ не особенно интересенъ, а во-вторыхъ, для засѣданія еще достаточно будетъ времени.

На углу Журавьей я съ усиліемъ освобождаюсь изъ объятій коллеги.

— Извините меня, я вспомнилъ, что у меня сегодня другія занятія, никакъ не могу.

Коллега сначала удивляется, потомъ высказываетъ сожалѣніе, наконецъ соглашается выпустить меня, съ условіемъ, что я не забуду о засѣданіи.

— Помните, пятница, восемь.

Онъ трясетъ меня за руку и выбрасываетъ изъ себя любимое словечко:

— Sursum corda!

Чего онъ бѣсится? Какая ему радость?

Теперь я долженъ идти домой, но по дорогѣ думаю, не нужно ли мнѣ что-нибудь сдѣлать въ городѣ? Можетъ быть, зайти къ кому-нибудь? Родственные дома меня мало привлекаютъ. На минуту у меня мелькаетъ мысль навѣстить двухъ старыхъ холостяковъ, проживающихъ вмѣстѣ, художника и литератора. Но я во-время вспоминаю ихъ неизбѣжныя сосиски, чай, сигары и злобныя размышленія у-

дожника надъ только что полученнымъ *Курьеромъ,* за исключеніемъ котораго онъ, впрочемъ, ничего и не читаетъ. Что мнѣ за дѣло до нихъ?

Во второй разъ я уже прохожу мимо своей улицы, и вдругъ, какъ галлюцинація, передъ моими глазами предстаютъ Ядзя съ Марійкой на колѣняхъ и Антекъ, разсказывающій о панорамѣ. Уже восьмой часъ,—они сейчасъ будутъ пить чай. Сдѣлаю имъ сюрпризъ. Мнѣ кажется, что эта мысль съ самаго начала моихъ колебаній — куда пойти, упорно гнѣздилась въ моей головѣ, только я не могъ встрѣтиться съ нею въ хаосѣ безполезныхъ рефлексій. Тѣмъ не менѣе, я ощущаю маленькое безпокойство, въ третій разъ поровнявшись съ своимъ переулкомъ. И я отступаю еще разъ, но только за тѣмъ, чтобы зайти въ лавочку.

Въ лавочкѣ цѣлая толпа покупателей, мнѣ достаточно времени подумать, что купить. Нужно вино для Ядзи,—бѣдняжка что-то начинаетъ худѣть. А докторъ прописалъ вино разъ навсегда. Крошкѣ и Антку куплю винограду. Въ концѣ я вспоминаю, что, можетъ быть, у нихъ нѣтъ ничего къ чаю, и покупаю ветчины.

Теперь я опять чувствую утомленіе цѣлаго дня, но это чувство совсѣмъ не похоже на предыдущее,—это утомленіе вечернее, соединенное съ нѣкоторымъ духовнымъ подъемомъ. Мною овладѣваютъ добрыя чувства отца семейства, возвращающагося домой; свертки я несу заботливо и не безъ удовольствія нащупываю тростью дорогу.

— Бѣдная моя Ядзя...

Дѣти давно уже заснули. Ядзя приноситъ мнѣ къ письменному столу третью чашку чаю, подливаетъ вина, а сама возвращается въ дѣтскую, гдѣ при свѣтѣ лампы съ зеленымъ колпакомъ изучаетъ «Науку о вещахъ». Это—подготовка къ завтрашнему первому уроку.

Со стороны, сквозь двери я вижу, какъ она, наклонившись, сидитъ въ яркомъ кругѣ свѣта, отбрасываемаго лампой. Странная вещь, какъ эта женщина кажется моложе своихъ тридцати лѣтъ, въ особенности въ кофтѣ, которая производитъ впечатлѣніе дѣвической одежды... Ядзя поднимаетъ глаза и встрѣчается съ моими; ея глаза грустны и личико еще блѣдно. Каждый изъ насъ наклоняется надъ своей книжкой. А когда я снова посылаю украдкой взглядъ въ ея сторону, Ядзи уже нѣтъ возлѣ лампы. Вѣроятно, она сидитъ на креслѣ возлѣ Марійки.

Сегодня я не расположенъ читать. Я закуриваю папиросу и хожу по комнатѣ такъ, что изъ противоположнаго конца, хоть и наискось,

а всетаки вижу Ядзю. Она сидитъ въ полутѣни, только глаза, устремленные на лампу, свѣтятся задумчивостью.

Кажется, между нами дѣло устроилось хорошо? Я готовъ ручаться, что она еще терзается чѣмъ-то, хотя я искренно попросилъ у нея извиненія. Она всегда принимаетъ вещи черезчуръ драматически и погружается въ угрюмыя рефлексіи. Въ настоящую минуту я не особенно радуюсь этому; я хотѣлъ бы поболтать съ ней такъ, попросту.

— Ядзя, поди ко мнѣ!

Она приходитъ, но останавливается у дверей.

— Подойди поближе... Ты все еще сердишься?

Ядзя по-дѣтски киваетъ головою, губы и руки у нея точно ледяныя.

— Кажется, кто-то не спитъ,—говоритъ она, поворачивая голову.

— Ядзя, не фокусничай, ты знаешь, что всѣ спятъ.

Она не отвѣчаетъ ничего, только рука ея начинаетъ дрожать въ моей рукѣ и голова склоняется.

— Ты не поцѣлуешь меня?

Она цѣлуетъ меня въ лобъ холодными губами. Если бъ она болѣе ясно выразила, что̀ ее огорчаетъ, то я, можетъ быть, сумѣлъ бы ее утѣшить.

— Скажи, Ядзя, что ты дѣлала сегодня еще?

Ядзя отвѣчаетъ, но безъ всякаго жара, что уговорилась пойти сегодня съ Зосей покупать верхнее платье, но такъ какъ я ушелъ, то возлѣ Марійки осталась Зося, а она ходила одна.

— Надѣнь-ка, посмотримъ, идетъ ли это къ тебѣ.

Ядзя надѣваетъ жакетъ, онъ ей къ лицу, но бѣлая кофта идетъ къ ней еще болѣе. Тогда такъ чудесно вырисовывается ея затылокъ, оканчивающійся узломъ русыхъ волосъ.

— А тепло тебѣ въ немъ?

— Тепло... Я не говорила тебѣ, сколько онъ стоитъ?

— Ну, сколько?

— Угадай.

Смѣшно это бабье «угадай».

— Какъ сказать... рублей пятнадцать?

— Девять! Меньше, чѣмъ я получаю въ мѣсяцъ за урокъ.

«Меньше, чѣмъ я получаю» рѣзкой и противной нотой звучитъ въ моихъ ушахъ. Я машинально цѣлую у нея руку. Мы вкратцѣ го-

ворнмъ о перемѣнѣ квартиры, потомъ Ядзя сводитъ разговоръ на свой урокъ и задаетъ рядъ педагогическихъ вопросовъ.

Около десяти часовъ она вспоминаетъ, что должна написать письмо къ сестрѣ. Мнѣ не хочется отпускать ее отъ себя.

— Какая ты сегодня хорошенькая! Словно заколдованная царевна.

Ядзя блѣдно улыбается и повертываетъ голову къ дѣтской. Какъ я люблю ея удивительно женственный затылокъ,—эту мягкую бѣлую линію, теряющуюся вверху въ пышномъ узлѣ волосъ. Я почти безсознательно цѣлую ее, когда она повертывается ко мнѣ спиной. Ядзя незамѣтно вздрагиваетъ и выходитъ изъ комнаты.

Ненавижу, когда она пишетъ письма. Въ особенности сегодня она могла бы отказаться отъ этого удовольствія; мнѣ все кажется, что эта бесѣда съ отсутствующей персоной отталкиваетъ ее отъ меня, дѣлаетъ нечувствительной ко мнѣ. Я знаю, что на душѣ у нея еще слезы, даже не дешевыя женскія слезы, а скорбь неопредѣленная, безпредметная, рождающаяся въ ней изъ безконечнаго ряда мелкихъ, ежедневныхъ лишеній, какъ во мнѣ мои утренніе «катценъяммеры».

— Красавица моя Ядзя...

Вдругъ Ядзя встаетъ и опускаетъ дверную портьеру.

— Ложись спать, Юзя, ты усталъ.

— Мнѣ вовсе не хочется спать... А ты скоро ляжешь?

— Какъ только окончу письмо.

— Да-а?...

— Покойной ночи.

Я молча цѣлую у нея руку.

— Покойной ночи...

Свѣтъ лампы проникаетъ сквозь ткань и невыносимо раздражаетъ меня. Никакъ я не могу схватить сонъ. Лежать мнѣ скверно, и я закуриваю вторую папиросу. Напрасно я отворачиваюсь,—черезъ минуту снова поднимаю голову: все еще свѣтится. Что она тамъ дѣлаетъ? Охъ, этотъ ненужный трагизмъ. Я вздыхаю невольно—а можетъ быть и сознательно—черезчуръ громко и снова приподнимаю голову: свѣтится. Вмѣстѣ съ тѣмъ я чувствую неопредѣленную надежду и нетерпѣніе. Что она тамъ дѣлаетъ? Еще не ложилась, потому что я видѣлъ еще на тѣни ея кофту. Вдругъ свѣтъ гаснетъ, а я машинально привстаю на локтѣ и напрягаю слухъ. Тишина... Хочу шепнуть: «Ядя», но что-то мнѣ не позволяетъ. А ея руки уже ищутъ меня

въ темнотѣ, и горячее, залитое слезами личико безъ словъ наклоняется къ моему... Лишь одно только встревоженное сердце жалуется громко, почти со стономъ волнуясь во взбудораженной груди.

— Ядзя моя, Ядзя...

Который часъ? Поздно уже, потому что я не могу поднять отяжелѣвшихъ вѣкъ. Сквозь нихъ я опять вижу свѣтлое пятно на портьерѣ и чувствую, что это утро, потому что мнѣ холодно... Скверно какъ-то... но я не знаю почему, можетъ быть, потому, что Ядзя въ одной рубашкѣ сидитъ и зябнетъ у постели Марійки. Безсознательно я натягиваю на себя все одѣяло и погружаюсь въ свинцовый сонъ...

В. Л.

Всемірный языкъ и народные языки *).

III.

Обозрѣніе ряда попытокъ универсальнаго объединенія языка могло, какъ я полагаю, убѣдить читателя въ томъ, что общая неудача всѣхъ этихъ попытокъ обусловливается не чрезмѣрностью замысловъ объединенія, а несостоятельностью самой идеи объединенія. Если это заключеніе вѣрно, то, прослѣдивъ попытки объединенія языка въ предѣлахъ ограниченныхъ областей, мы должны будемъ неизбѣжно встрѣтить тѣ же неудачи, что замѣчали уже и прежде — въ попыткахъ универсальнаго характера.

Къ выполненію этой задачи и предстоитъ намъ теперь приступить.

Всего цѣлесообразнѣе будетъ, какъ я полагаю, если мы начнемъ съ разсмотрѣнія вопроса, лежащаго въ основѣ нашей задачи,—съ вопроса о томъ, что̀ слѣдуетъ разумѣть подъ «эволюціей языка».

Мы уже знаемъ, что изученіе языка не можетъ идти врознь отъ изученія пользующагося имъ индивида; «эволюція языка» поэтому должна быть разсматриваема нами не иначе, какъ въ связи съ эволюціей самого индивида. Всякому состоянію индивида всегда соотвѣтствуетъ извѣстное состояніе языка, а «эволюція языка», какъ рядъ смѣнъ этихъ состояній, всегда должна имѣть опредѣленное соотвѣтствіе ряду параллельныхъ смѣнъ состояній индивида. Если бы отдѣльныя состоянія этихъ рядовъ не различались между собою, то никакой «эволюціи» не было бы; эволюція же является тогда, когда въ наличности имѣется чередованіе двухъ различныхъ по своему характеру состояній:—состоянія колебанія и состоянія устойчивости. Оба эти состоянія извѣстны каждому по опыту: состояніе колебанія,—это состояніе нерѣшительности, сомнѣнія, приглядыванія. Оно возникаетъ или вслѣдствіе воздѣйствія окружающей среды, или въ силу наступившихъ измѣненій въ организмѣ самого индивида; оно преодолѣвается устраненіемъ нерѣшительности, выясненіемъ сомнѣнія, завершеніемъ ознакомленія съ неизвѣстнымъ фактомъ и т. д., влекущими къ возстановле-

---

*) *Русская Мысль*, кн. XI, 1900 г.

нію нарушеннаго колебаніями равновѣсія и утвержденію состоянія устойчивости. Намѣчаемое тутъ чередованіе необходимо скажется и въ варьированіи высказываній индивида, соотвѣтствующихъ каждому изъ этихъ состояній, а также, конечно, и въ варьированіи формъ этихъ высказываній, т.-е. въ варьированіи языка.

Такая характеристика эволюціи показываетъ, что мы представляемъ себѣ индивидъ противопоставленнымъ окружающей его средѣ, состоящей изъ многоразличныхъ составныхъ частей (включающей также и другихъ индивидовъ), переживающимъ чередованіе различныхъ состояній, обусловливаемыхъ этимъ его положеніемъ, и предъявляющимъ высказыванія, соотвѣтствующія этимъ состояніямъ.

Такъ формулируется исходная точка зрѣнія, опираясь на которую развертывается «эволюція языка» въ ясно опредѣленные ряды. Индивидъ, среда, высказыванія,—вотъ тѣ основныя данности, изученіе взаимодѣйствія которыхъ должно освѣтить для насъ дѣйствительное положеніе вещей всякаго момента въ жизни языка.

Съ перваго взгляда на координацію указанныхъ основныхъ данностей видно, что подъ воздѣйствіемъ измѣненій среды подвергается непрестаннымъ измѣненіямъ и индивидъ, причемъ переживаемыя имъ состоянія всегда обозначаются въ его высказываніяхъ.

Слѣдя за чередованіемъ состояній индивида, мы легко можемъ замѣтить ихъ условность, которую никогда и не слѣдуетъ терять изъ виду.

Начнемъ съ того, что отмѣтимъ отсутствіе всякаго абсолютнаго значенія термина «устойчивое» состояніе. Устойчивое состояніе нисколько не предполагаетъ неподвижности. Неподвижность несовмѣстима съ жизнью, и потому въ процессѣ эволюціи не имѣетъ мѣста. Подъ устойчивымъ состояніемъ мы разумѣемъ то, которое возникаетъ вслѣдъ за устраненіемъ даннаго колебанія и предшествуетъ наступленію новаго. Въ этомъ смыслѣ устойчивымъ состояніемъ слѣдуетъ считать то, которое раздѣляетъ два слѣдующія одно за другимъ колебанія.

Столь же условно будетъ и принятіе устойчиваго состоянія за *начальное* состояніе процесса совершающихся измѣненій. Оно будетъ начальнымъ по отношенію къ этимъ измѣненіямъ въ такой же мѣрѣ, въ какой его можно считать *заключительнымъ* по отношенію къ измѣненіямъ миновавшимъ, совершившимся. И, наконецъ, такое же условное значеніе по отношенію къ этимъ состояніямъ получитъ и средній моментъ колебаній. Принимая во вниманіе, что всякое колебаніе возникаетъ отъ привхожденія новаго условія въ совокупность тѣхъ, которыми опредѣляется всякое устойчивое состояніе, мы называемъ это условіе *дополнительнымъ*, и въ сочетаніи его съ условіями *предварительными* усматриваемъ источникъ всѣхъ совершающихся измѣненій даннаго эволюціоннаго ряда.

Не слѣдуетъ забывать, что, говоря объ «эволюціи» языка, какъ о чередованіи *колебаній* и *устойчивыхъ* состояній или какъ о рядѣ, *начальное* состояніе котораго даннымъ *дополнительнымъ условіемъ* приводится

къ *заключительному,* мы разумѣемъ всѣ эти моменты не иначе, какъ въ поясненномъ выше, условномъ смыслѣ.

Если языкъ есть форма высказываній индивида, то онъ является, слѣдовательно, замѣстителемъ его внутренней жизни,—показателемъ различныхъ ея состояній. Звуки, слоги, слова и группы словъ,—всѣ части, на которыя распадается наша рѣчь, составляютъ нѣчто единое, связанное лишь постольку, поскольку части эти объединяются и связуются въ самомъ индивидѣ. Внѣ этой связи ни о какой «эволюціи языка», какъ то и очевидно, не можетъ быть и рѣчи.

Разсматриваемую съ этой точки зрѣнія жизнь языка можно представить себѣ располагающеюся въ рядѣ указанныхъ выше чередованій устойчивыхъ состояній и колебаній, общій итогъ которыхъ и даетъ эволюцію языка. Чтобы получить вѣрное понятіе объ измѣнчивости и текучести этихъ рядовъ, о постоянствѣ и непрерывности происходящихъ въ нихъ чередованій указанныхъ выше состояній, мы должны не терять изъ виду, что жизнь всякаго отдѣльнаго слова, всякаго отдѣльнаго звука длится ровно столько времени, сколько слово это, этотъ звукъ, произносятся и воспринимаются, и что затѣмъ они могутъ быть воспроизводимы, повторяемы тѣмъ же индивидомъ или другими, всегда лишь только приблизительно, никогда не тождественно. Все это придаетъ рядамъ звуковъ, словъ и группъ словъ крайнюю степень шаткости и неопредѣленности. Колебанія идутъ здѣсь непрерывною цѣпью, но, взятыя отдѣльно, они такъ незначительны, что очень часто вовсе не замѣчаются. Накопляясь въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени, они приводятъ къ весьма отличнымъ отъ начальныхъ заключительнымъ состояніямъ, сопоставленіе которыхъ и даетъ исторію языка съ его поражающими невникающихъ въ смыслъ эволюціоннаго процесса—контрастами, на самомъ дѣлѣ мнимыми.

Слѣдя за послѣдовательностью устойчивыхъ состояній, представляемыхъ исторіей языка, никогда не слѣдуетъ упускать изъ виду, что условія, приведшія языкъ къ каждому изъ нихъ, распадаются на предварительныя и дополнительныя, достигшія въ каждомъ данномъ заключительномъ состояніи уравновѣшеннаго гармоническаго сочетанія. Условія эти—раса, климатъ, типъ культуры, уровень развитія этого типа — должны быть внимательно изучены и доля участія каждаго—въ значеніи предварительномъ или дополнительномъ—должна быть тщательно опредѣлена.

Чтобы избѣжать ошибки, при этомъ опредѣленіи слѣдуетъ не забывать, что какъ въ жизни отдѣльно взятаго индивида одинъ и тотъ же предметъ, вступая въ окружающую индивидъ среду, получаетъ соотвѣтствующія данному состоянію индивида оцѣнку и названіе, такъ и въ жизни общественной, коллективныя высказыванія и ихъ формы также установляются на основаніи такого же соотвѣтствія. Хорошо извѣстно всякому, что въ жизни взрослаго человѣка кукла не можетъ имѣть значенія дополнительнаго условія и не получаетъ тѣхъ названій, которыя придаетъ ей ребе-

нокъ; также точно извѣстно, что буквы для выучившагося читать потеряли свое прежнее значеніе, тогда какъ для него научная теорія или философская система могли еще и не пріобрѣсти значенія дополнительнаго условія, и въ его языкѣ не существуетъ еще словъ для ихъ обозначенія. То же самое можно утверждать и о всѣхъ частяхъ окружающей индивида среды: части эти могутъ быть близки индивиду пространственно, но по отношенію его мышленія въ составъ окружающей его среды могутъ и не входить вовсе, или же входя,—получать самую разнообразную оцѣнку и самыя разнообразныя названія. (Подробнѣе: *Ф. Карстаньенъ:* «Введеніе въ критику чистаго опыта», 2-е изданіе).

Мы имѣли уже случай видѣть подобныя сочетанія при разсмотрѣніи одного изъ интереснѣйшихъ эпизодовъ исторіи языка: привхожденіе латинскаго языка въ качествѣ общаго дополнительнаго условія въ языки обширной группы народностей, населявшихъ ту территорію, на пространствѣ которой говорятъ теперь на языкахъ романскихъ. Области языковъ: французскаго, провансальскаго, итальянскаго, испанскаго, португальскаго, рето-романскаго и румынскаго, съ ихъ подраздѣленіемъ на области множества діалектовъ этихъ языковъ, находятся въ очень близкомъ соотвѣтствіи съ областями языковъ и діалектовъ до-латинскаго періода, краснорѣчиво свидѣтельствуя о важномъ значеніи предварительныхъ условій всего этого ряда заключительныхъ состояній. Мы наблюдаемъ въ этой группѣ очень интересное и поучительное близкое родство провансальскаго и каталонскаго языковъ, напримѣръ, при сравнительно не столь близкомъ—съ французскимъ, съ одной стороны, и испанскимъ—съ другой. Явленіе это, согласно объясненію Виндиша, всецѣло сводится къ историческому значенію тѣхъ условій, которыя мы называемъ предварительными. (*E. Windish:* «Keltische Sprache», въ *G. Gruber's* Grundriss der Romanischen Philologie, 1888, 1 B—d, S. 292 und 298). Еще далѣе въ этомъ же смыслѣ идутъ разысканія Моля въ его «Introduction à la chronologie du Latin vulgaire, 1899». «Благодаря терпѣливому накопленію фактовъ, Моль получаетъ возможность указать на корни романскихъ языковъ, уходящіе въ такое отдаленное прошедшее, какое до сихъ поръ и не предполагалось». (*E. Bourciez:* «Revue Critique»», 1900, № 30, p. 75). Еще болѣе выразительное значеніе получаютъ предварительныя условія въ работахъ Н. Бругмана и Ф. де-Соссюра, которые, по словамъ Крушевскаго, представляютъ современный вокализмъ аріо-европейскихъ языковъ какъ «результатъ продолжительныхъ доисторическихъ процессовъ». (*Н. Крушевскій:* «Лингвистическія замѣтки», Варшава, 1880 г.).

На этой общей основѣ соотносительности предварительныхъ и дополнительныхъ условій идетъ все развитіе языка—и идетъ не случайно и произвольно, но всегда послѣдовательно и закономѣрно, начиная съ измѣненія звуковъ и далѣе. Исторія измѣненія звуковъ показываетъ, что помимо всякаго внѣшняго воздѣйствія, подъ вліяніемъ одного воспринимания и воспроизведенія звуковъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе идетъ такъ на-

ываемое перемѣщеніе звуковъ (Lautverschiebung), обнаружившее тамъ, гдѣ оно было изучено,—совершенную правильность. Далѣе, при заимствованіи звуковъ однимъ народомъ у другого, частью подъ вліяніемъ условій восприиманія и воспроизведенія, частью въ силу особенностей органовъ рѣчи каждаго народа, возникаетъ новый рядъ, опять-таки соотвѣтствующихъ сочетанію предварительныхъ и дополнительныхъ условій, измѣненій *). «Мы должны признать,—говоритъ Крушевскій,—существованіе всеобщихъ звуковыхъ законовъ, потому что исторія разныхъ, даже неродственныхъ языковъ, представляютъ намъ массу поразительныхъ аналогій: звуки измѣняются одинаково въ разныхъ языкахъ и въ разныя эпохи одного и того же языка» («Очеркъ науки о языкѣ», стр. 53). Точно то же подтверждаетъ и исторія словъ, измѣненія которыхъ всегда совершаются закономѣрно, какъ по отношенію ихъ формы, такъ и по отношенію ихъ значенія. Не случайно идетъ измѣненіе словъ,—говоритъ Михаэлисъ, но въ силу желѣзныхъ законовъ: или понятіе, носителемъ котораго было слово, перестаетъ существовать, или звуковой его составъ, переживъ рядъ неизбѣжныхъ измѣненій, становится слишкомъ скуднымъ и непрочнымъ, или, опять-таки переживъ измѣненіе, слово сливается съ другимъ,—иного происхожденія, иного значенія». (*Carolina Michaelis:* «Studien zur romanischen Wortschöpfung» Leipzig, 1876, S. 10). Только благодаря такой закономѣрности эволюціи словъ имѣется возможность по кореннымъ формамъ—латинскимъ, наприм., опредѣлять производныя: французскія, итальянскія и прочія романскія и т. д. Въ то время, когда подобныя проблемы не могли еще быть рѣшаемы съ научною точностью и когда за нихъ, по словамъ Фарнеля, брались чисто по-дилетантски, установлены были нѣкоторыя объясненія именъ изъ области греческой миѳологіи, оказывающіяся теперь—за исключеніемъ словопроизводства одного только имени Зевса—ошибочными. (*L. R. Farnill:* «The Cults of thu Greek States», Oxfod, 1896, vol I, Introd.). Не можетъ, наконецъ, подлежать сомнѣнію и закономѣрность эволюціи грамматическаго строя языка, непрестанно вырабатывающаго все болѣе и болѣе отвѣчающія его общественному значенію формы. И, вообще говоря, какъ общій ходъ эволюціи языка, такъ и его частности, хотя и не могутъ въ нѣкоторыхъ сложныхъ случаяхъ представлять присущую имъ закономѣрность очевидною съ перваго взгляда, все же таки всегда обладаютъ ею и всегда могутъ раскрыть ее надлежаще веденному разысканію.

Я уже имѣлъ случай указать на зависимость состояній языка, какъ формы высказываній данной общественной среды, отъ состояній этой среды. Состояніе общественной среды, т.-е. характеръ и уровень ея культуры, представляетъ собою, какъ видно изъ этого, очень важный моментъ въ ходѣ эволюціи языка, какъ въ томъ случаѣ, когда «дополнительное

*) У Леббока можно найти указаніе на совершенное отсутствіе нѣкоторыхъ звуковъ въ различныхъ языкахъ. (*Lord Avebury* (*John Lubbock*): „Prehistorie Times, sixth editi—". Lond. 1900, p. 537—538).

условіе» исходитъ изъ той же культурной среды, такъ и въ томъ, когда оно привходитъ извнѣ. Зависимость эта всегда и вездѣ до такой степени очевидна, что должна была бы пользоваться всеобщимъ признаніемъ. Если этого на самомъ дѣлѣ нѣтъ, то происходитъ это потому, что для многихъ еще свѣжо преданіе о подчиненіи науки о языкѣ метафизическимъ теоріямъ. Затвердившіе старый урокъ все еще живутъ заднимъ числомъ: поэтому и оказывается возможнымъ и теперь еще встрѣтить утвержденіе, что какіе-нибудь южно-африканскіе языки банту, принадлежащіе къ числу первобытнѣйшихъ, такъ называемыхъ, инкорпоративныхъ (вставчатыхъ) языковъ, «высоко развиты въ грамматическомъ отношеніи». Можно недоумѣвать, конечно, размышляя о томъ, откуда взялось это «высокое развитіе» у зулусовъ и метабеловъ, но нетрудно и найти ключъ загадки: эволюцію перевернули вверхъ дномъ не зулусы и метабелы, а метафизика Шлейхера, о которой волей-неволей приходится поэтому сказать нѣсколько словъ.

Шлейхеръ въ свое время имѣлъ громадное значеніе, но Шлейхеръ въ гораздо большей степени, нежели Сэйсъ, былъ жертвой метафизики, а потому и объемъ заблужденій, оставленныхъ потомству Шлейхеромъ, представляется гораздо болѣе значительнымъ, чѣмъ всѣ вмѣстѣ взятыя ошибки Сэйса. Къ тому-жъ, Шлейхеръ былъ выше Сэйса и по таланту. Отъ Шлейхера пошли толки о языкѣ, какъ самостоятельномъ организмѣ, и, благодаря обаянію, производимому его талантомъ, такъ утвердились въ наукѣ, что даже такіе авторитеты, какъ Арсэнъ Дарместетеръ, придерживались ихъ. Кромѣ того, Шлейхеръ обладалъ общею всѣмъ метафизикамъ слабостью подгонять факты подъ предвзятыя идеи и, вообще, не церемониться съ дѣйствительностью. Увлекшись системою Гегеля, онъ остался ей вѣренъ даже и тогда, когда убѣдился въ великомъ значеніи ученія Дарвина. Неудивительно поэтому, если Шлейхеръ, когда ему случалось вводить въ свое изложеніе какой-нибудь взглядъ, не согласовавшійся съ теоріею Гегеля, не стѣснялся исказить этотъ взглядъ и подогнать его подъ чтимую теорію. Такъ, заимствуя классификацію языковъ у Гумбольдта, Шлейхеръ не затруднился урѣзать ее настолько, насколько это казалось ему необходимымъ. У Гумбольдта было четыре класса языковъ, но Шлейхеру было непремѣнно нужно, чтобы ихъ было только три,—и вотъ Шлейхеръ изъ двухъ классовъ (агглютинирующихъ и инкорпорирующихъ) дѣлаетъ одинъ и превращаетъ классификацію Гумбольдта въ трехчленную, знающую только языки изолирующіе, агглютинирующіе и флексирующіе. Эти три класса, по Шлейхеру, существуютъ въ настоящее время, но они же представляютъ собою и три ступени лингвистическаго развитія. Высшею, флексіонною ступенью развитіе это замыкается; выше развитіе языка идти не можетъ. И такъ какъ исторія могла начаться только тогда, когда «человѣческій духъ достигъ сознанія своей свободы», а «свобода» осуществима только послѣ завершенія развитія языка, то исторія и является губительною для языка: она представляетъ одинъ лишь только его упадокъ.

Ясно теперь, почему грамматическая сторона языковъ «банту» оказа-

лась «высоко-развитою» и противорѣчащею нормальному ходу эволюціи: съ теоріей Шлейхера она гармонируетъ какъ нельзя лучше.

Пойдемъ однако же нѣсколько далѣе этого общаго указанія и посмотримъ, что такое на самомъ дѣлѣ эта пресловутая инкорпорація.

Инкорпорація—вставчатость—представляетъ собою вставку отдѣльно взятыхъ слоговъ подлежащаго во всѣ части предложенія. Такъ, заимствуя у Іесперсена примѣры изъ языка банту — «умунту», значитъ «человѣкъ»; поэтому всѣ слова въ предложеніи, въ которомъ подлежащимъ явится «умунту», должны будутъ заключать въ себѣ или «у», или «м», или «му»: такова «высоко-развитая» грамматика «банту». Такимъ образомъ, предложеніе: «нашъ любимый, хорошій человѣкъ входитъ», въ возможномъ для языка «банту» порядкѣ «человѣкъ нашъ хорошій входитъ, мы любимъ его», представляется въ такомъ видѣ: «умунту *у*эту о*му*чле *у*ябонокала *си*мтанда», а при множественной формѣ слова «умунту»—«абанту» измѣняется такъ: «абанту *б*ету *аба*чле *ба*ябонакала си*ба*танда».

Очевидно, что, благодаря такой вставчатости, дебри самыхъ разнообразныхъ сочетаній становятся неисходимыми, особенно же, если въ довершеніе всего и прилагательныя измѣняютъ свои формы сообразно со своими существительными, а падежи подвергаются множеству метаморфозъ. Очень любопытнымъ представляется, напримѣръ, такое варьированіе: «твое имя»—«леко», «твоя воля»—«яко», «твое царство»—«бако». Любое слово, положимъ, въ родительномъ падежѣ, можетъ принимать множество формъ въ зависимости отъ того слова, къ которому оно будетъ отнесено. Такъ, слово «инкози» въ родительномъ падежѣ можетъ превратиться въ «венкози», «бенкози», «ленкози», «энкози» и т. д. Еще путаннѣе вставчатость въ языкахъ сѣверо-американскихъ индѣйцевъ и эскимосовъ: она доходитъ до того, что превращаетъ рѣчь въ какую-то безвыходную путаницу: трудно бываетъ рѣшить, слѣдуетъ ли считать словами или предложеніями тѣ сочетанія, которыя каждый разъ появляются въ новой, едва узнаваемой формѣ. И если пріемы, приводящіе къ такой хаотичности, и оказываются необходимыми для выраженія мыслей, высказываемыхъ на инкорпорирующемъ языкѣ, то необходимость эту надо понимать въ томъ смыслѣ, что структура этихъ языковъ только вставками и можетъ избѣжать неясности и двусмысленности (*O. Iespersen:* «Progress», etc. Chap. III, and V).

Характеристику вставчатыхъ языковъ въ очеркѣ Іесперсена прекрасно дополняютъ наблюденія фонъ-денъ-Штейнена, знатока языковъ центральной Бразиліи. Рѣчь племенъ, говорящихъ на этихъ языкахъ, представляетъ, по словамъ фонъ-денъ-Штейнена, произвольно разбитые на части корни словъ, утопающіе въ массѣ приставокъ,—это какая-то грубѣйшая мозаика изъ обломковъ. Начиная изучать эти языки, нельзя не придти въ отчаяніе; колонисты же и солдаты не имѣютъ никакой возможности преодолѣть встрѣчаемыхъ трудностей, въ сношеніяхъ съ туземцами, и довольствуются поэтому пятью и восемью десятками словъ (*Karl von den Steinen:* «Unter den Naturvölkern Zentral Brasilien». Berlin, 1894, S. 78—79).

Если мы обратимся теперь къ вопросу объ эволюціи первобытныхъ языковъ и разсмотримъ его съ наиболѣе интересной для насъ стороны, со стороны свойственной этимъ языкамъ степени измѣнчивости, то убѣдимся, что жизнь первобытнаго языка не содержитъ въ себѣ никакихъ отступающихъ отъ закономѣрности элементовъ и всецѣло протекаетъ согласно указаннымъ выше нормамъ. Согласованіе предварительныхъ условій съ дополнительными и здѣсь представляетъ собою основу эволюціи, отъ которой отступленія нигдѣ и никогда нѣтъ и быть не можетъ. Если первобытный народъ оказывается изолированнымъ, какъ эскимосы, то въ культурѣ его неизбѣжно происходитъ застой, и устойчивость языка его неизбѣжно достигаетъ максимума. Само собою разумѣется однако же, что сложный и неуклюжій строй первобытнаго языка не обнаружитъ устойчивости при привнесеніи въ него дополнительныхъ условій изъ другой культуры и очень скоро потерпитъ тѣ или другія измѣненія. Фонъ-денъ-Штейненъ указываетъ и на случаи смѣшенія языковъ, происшедшаго подъ вліяніемъ разноплеменныхъ браковъ, и случаи подчиненія лексической части одного языка грамматической конструкціи другого. Смѣшенія языковъ у первобытныхъ народовъ встрѣчаются, впрочемъ, и въ болѣе обширныхъ отъ указанныхъ фонъ-денъ-Штейненомъ размѣрахъ, такъ какъ устойчивость первобытныхъ языковъ пріобрѣтается только цѣною ихъ изолированности. Всѣ меланезійскіе языки, по мнѣнію фонъ-деръ-Габеленца, изучившаго ихъ спеціально, представляютъ различныя степени смѣшенія двухъ или, можетъ быть, трехъ языковъ. На этихъ смѣшанныхъ языкахъ говорятъ на островахъ Великаго океана отъ Филиппинъ до Фиджи всѣ обитающія тутъ негроподобныя племена (*Georg von der Gabelentz:* «Die Sprachwissenschaft». 1891. S. 272). Подобное же смѣшеніе представляютъ и діалекты языка банту, изученіе которыхъ подвинулось настолько, что явилась возможность заняться возстановленіемъ пра-языка банту или пра-банту (Ur-Bantu),— задача, рѣшенію которой и посвящено сочиненіе *Мейнгофа:* «Grundriss einer Lautlehre der Bantusprachen». Меланезійскіе языки, такъ же какъ и языки банту, могутъ служить представителями максимальной неустойчивости первобытныхъ не изолированныхъ языковъ. Пра-банту, по Мейнгофу, произвелъ: Пели, Гереро, Дуали, Конде, Санго и Суагели, а меланезійскіе языки въ одной только новой Гвинеѣ представляютъ, согласно свѣдѣніямъ бывшаго тамъ англійскаго резидента Ромилли, такое дробленіе, которому и конца не видно: самое незначительное племя говоритъ тутъ на особомъ языкѣ (*H. Hastings Romilly:* «From my Veranda in New-Guinea. Sketches and Traditions». 1889, p. 38).

При обширномъ распространеніи всесвѣтныхъ сношеній первобытнымъ языкамъ приходилось входить въ соприкосновеніе не только между собою, но и съ культурными языками Европы. Такое столкновеніе также даетъ въ результатѣ новообразованія, но эти новообразованія отличаются отъ чисто-первобытныхъ тою особенностью, что культурные языки привносятъ только массу словъ, грамматика же обыкновенно сохраняется туземная. Такъ въ

креольскій діалектъ негровъ южной Луизіаны, понятіе о которыхъ можно получить изъ книжки *Alcée Fortier:* «Louisiana Studies» и отчасти изъ его же собранія креольскихъ сказокъ «Louisian Folk-Tales». Креольскій языкъ,—говоритъ Фортье,—есть не только испорченный французскій языкъ, но и совершенно самостоятельный говоръ, обладающій своею собственною, переполненною агглютинаціями, морфологіею и своею собственною крайне простою грамматикою: роды въ ней почти не различаются, и глаголы доведены до простоты совершенно изумительной. Такой характеръ имѣетъ и малайо-португальскій говоръ южной Африки, оставшійся не безъ вліянія на языкъ голландскихъ переселенцевъ. Не только словозапасъ, но и флексіи, и синтаксисъ языка буровъ носятъ отпечатокъ малайо-португальскаго говора.

Существуетъ, наконецъ, еще одна форма новообразованій, являющихся продуктомъ соприкосновенія языковъ,—это жаргоны, которые можно назвать рыночными. Они возникаютъ большею частью по морскимъ побережьямъ и служатъ для сношеній между разнородными элементами скопляющейся тутъ пестрой толпы. Изъ извѣстнѣйшихъ рыночныхъ жаргоновъ очень распространенъ говоръ побережья Средиземнаго моря—«lingua franca» *): смѣсь арабскихъ, турецкихъ, итальянскихъ и т. д. словъ; «pidgin—englisch (pidgin—китайское извращеніе англійскаго слова «business»), возникшій по китайскому побережью и представляющій смѣсь англійскихъ и китайскихъ словъ, подчиняющихся китайской грамматикѣ; «урду»—рыночный жаргонъ Индіи: смѣсь словъ различныхъ языковъ,—распространенный не только по побережью, но и внутри страны; англо-африканскіе говоры западнаго берега Африки и т. д. (*M. Grünbaum:* «Mischsprache und Sprachmischungen», 1885. *K. W. Frazer:* «Literary History of India», 1898. *Mary Kingsley:* «Travels in West-Africa», 1898).

Тѣ случаи соприкосновенія языковъ, которые были нами до сихъ поръ разсмотрѣны, имѣютъ совершенно стихійный характеръ: преобладаніе одного языка надъ другимъ, вытѣсненіе одного другимъ и, вообще говоря, объединеніе языковъ при этихъ соприкосновеніяхъ не намѣчаются, и никакихъ мѣръ въ этихъ видахъ не принимается, все совершается само собой и, очень вѣроятно, сплошь и рядомъ совершающійся процессъ вовсе и не замѣчается переживающими его. Я говорю: «очень вѣроятно», такъ какъ всѣ эти стихійныя явленія совершаются въ средѣ или первобытной, или если и не первобытной, то и не обладающей такимъ образованіемъ, которое дало бы возможность и побужденіе останавливать вниманіе на совершающемся перемѣнѣ и придавать ей значеніе. Первобытные колонисты въ Африкѣ или Америкѣ,—люди простые, живущіе физическимъ трудомъ, нуждающіеся. Имъ предстоитъ прежде всего какъ-нибудь устроиться, найти

*) Сторм приводитъ примѣръ языка нищихъ на о—въ Мальтѣ: „me molto miser bile, signore! Nix padre, nix madre, nix mangiare per sixten days, per Gesù Cristo" (*J. Storm:* „Engl. Philol." S. 577).

средства для жизни, работу, землю. Само собою разумѣется, что всѣ усилія ихъ направлены къ тому, чтобы приспособиться къ новымъ условіямъ, все остальное естественно отодвигается на второй планъ. Въ силу такихъ обстоятельствъ голландскіе переселенцы—буры, т.-е. пахари, втягиваются въ малайо-португальскій жаргонъ, а англійскіе и нѣмецкіе колонисты усваиваютъ тотъ смѣшанный говоръ, образчики котораго даютъ Грюнбаумъ и Кингслей. Говоры эти являются иногда переходною ступенью къ усвоенію господствующаго въ новомъ отечествѣ языка, какъ то и бываетъ съ переселенцами не-англійскаго языка въ Соединенныхъ Штатахъ; но при иныхъ условіяхъ, при тѣхъ, напримѣръ, при которыхъ осѣдаютъ на новыхъ мѣстахъ голландцы, извращеніе родного языка остается и, ставъ всеобщимъ, превращается въ новообразованіе. Креольскій діалектъ возникъ, конечно, при аналогичныхъ обстоятельствахъ, а въ настоящее время грамматика этого діалекта, какъ я имѣлъ уже случай упомянуть, представляется уже твердо установившейся и по отношенію къ предлежащему ей развитію совершенно самостоятельною.

Прецеденты формированія англійскаго языка во многомъ сходственны, конечно, съ процессомъ, давшимъ эти современныя новообразованія. Германизація кельтовъ имѣла совершенно стихійный характеръ, а тотъ процессъ, который, втянувъ обширный лексическій матеріалъ французскаго языка, подчинилъ его законамъ германской основы, совершился, конечно, не въ силу чьего-либо желанія или намѣренія, не въ силу какихъ-либо мѣропріятій и соображенныхъ съ преднамѣченною цѣлью пріемовъ, а совершенно непосредственно, просто и естественно: точно такъ же, какъ это теперь совершается у буровъ или креоловъ. Вездѣ одно и то же сочетаніе предварительныхъ и дополнительныхъ условій, вездѣ мощныя массовыя теченія, поглощающія единичныя усилія даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда эти усилія настолько значительны, что память о нихъ,—какъ въ исторіи формированья англійскаго языка, напримѣръ,—совсѣмъ безслѣдно не исчезаетъ.

Еще въ началѣ XIV столѣтія сохраняло въ Англіи силу постановленіе, обязывавшее короля, если онъ былъ грамотенъ, присягать на латинскомъ языкѣ и, если онъ грамотенъ не былъ, на французскомъ. На этомъ языкѣ и присягалъ въ 1307 году Эдуардъ II. О возможности присяги на англійскомъ языкѣ не могли еще и думать. Въ концѣ столѣтія постановленіе это ветшаетъ и обращеніе короля къ парламенту по-англійски является совершенно нормальнымъ. Переходъ этотъ именно совершился въ теченіе XIV столѣтія, хотя правящіе классы не переставали прилагать всевозможныя усилія для усвоенія французскаго языка: писались учебники, помогавшіе овладѣть его трудностями, и т. д. И все же однако всѣ эти старанія оканчиваются полною неудачею, и дворъ, и знать, и оффиціальныя учрежденія, и писатели оставляютъ этотъ непонятный для народа языкъ и начинаютъ пользоваться тѣмъ языкомъ, на которомъ говорилъ

народъ (см. *J. Jusserand:* «Histoire littéraire du peuple anglais». Paris, 1894. Livre III, Chap. 1).

Но это не указываетъ еще на реальное единство восторжествовавшаго надъ другими конкурентами языка: восторжествовалъ извѣстный типъ, противопоставленный исторіей другому типу, но типъ этомъ былъ на самомъ дѣлѣ представленъ, конечно, однимъ только діалектомъ, что не исключало, какъ то и очевидно, совмѣстнаго существованія извѣстнаго числа и другихъ діалектовъ. Діалекты эти, отвѣчая разселенію германскихъ племенъ—англовъ на сѣверѣ, саксовъ на югѣ и ютовъ въ нынѣшнемъ Кентѣ—и понынѣ сохраняютъ свои коренныя различія, такъ что отвлеченно-утвержденное единство языка имѣетъ реальное значеніе только по отношенію языка письменнаго. Мы знаемъ уже, что письменный языкъ, поскольку онъ сталъ разговорнымъ языкомъ образованнаго класса и получилъ широкое распространеніе въ колоніяхъ, опять-таки не могъ удержать своего единства и успѣлъ уже довольно далеко подвинуться по пути распаденія на новые діалекты. Изъ этого можно заключить, что если бы литературному языку удалось когда-нибудь препобѣдить не только англійскіе діалекты, но и народные кельтскіе діалекты въ Уэльсѣ и горной Шотландіи, то участь этого устойчиваго состоянія была бы не иною, нежели участь предшествовавшихъ устойчивыхъ состояній: оно явилось бы моментомъ, раздѣляющимъ два послѣдовательныхъ колебанія, и новые говоры, соотвѣтствующіе новымъ сочетаніямъ условій, оказались бы и въ самой Англіи, какъ они оказались уже на обширномъ пространствѣ ея колоній.

Такъ сложилась эволюція англійскаго языка, благодаря тому, указанному выше, поворотному пункту, который пережила въ XIV вѣкѣ англійская интеллигенція, рѣшившаяся поднять до значенія письменнаго и оффиціальнаго языка одинъ изъ англійскихъ народныхъ діалектовъ. Допустивъ удержаніе прежняго оффиціальнаго и письменнаго языка, интеллигенція осудила бы себя на пользованіе языкомъ, который для народа былъ бы языкомъ мертвымъ. Народу пришлось бы или выдѣлить свою особую интеллигенцію, которая въ состояніи была бы указывать ему пути къ высшему умственному развитію, или же коснѣть въ безпросвѣтномъ мракѣ нежизненныхъ безъ возможности проявленія и развитія своихъ духовныхъ силъ.

Исторія представляетъ не одинъ примѣръ осуществленія той комбинаціи, которую мы здѣсь допускаемъ лишь предположительно. При коренномъ различіи предварительныхъ и дополнительныхъ условій въ различныхъ этихъ случаяхъ, какъ форма гибели извѣстныхъ историческихъ языковъ, такъ и ея послѣдствія, были неодинаковы. Два такіе случая достойны особеннаго вниманія, и мы на нихъ теперь и остановимся.

Первый изъ нихъ: замѣна еврейскаго языка арамейскимъ, начало которой было положено по возвращеніи іудеевъ изъ плѣна вавилонскаго, стало еще ранѣе завоеванія Іудеи римлянами фактомъ совершившимся. Замѣна эта, длившаяся вѣка и захватившая цѣлый рядъ поколѣній, связана

съ историческими фактами громаднаго значенія не для одного только послѣдующаго хода жизни многострадальнаго еврейскаго народа, но и для гораздо болѣе обширнаго круга событій.

Еще до плѣна арамейскій языкъ, какъ языкъ торговли и дипломатіи всего края между Евфратомъ и Средиземнымъ моремъ, былъ въ Іудеѣ не безызвѣстенъ; но не безызвѣстенъ онъ былъ однимъ только высшимъ классамъ общества,—въ народныя массы онъ въ это время совсѣмъ еще не проникалъ. Іудейскіе лѣтописи повѣствуютъ, что при осадѣ Іерусалима войсками Сеннахирима (Сеннахериба) придворнымъ чинамъ царя Езекіи было желательно, чтобы переговоры между ними и ассирійскимъ военачальникомъ, происходившіе подъ самыми стѣнами города, велись по-арамейски, такъ, чтобы народъ, находившійся на стѣнѣ, не могъ понимать ихъ. Черезъ полтораста слишкомъ лѣтъ послѣ этого эпизода, т.-е. уже послѣ возвращенія изъ плѣна, знаніе арамейскаго языка начинаетъ проникать именно въ народъ, — и съ такою силою, что противодѣйствіе со стороны лицъ, занимающихъ высшее положеніе, оказывается безплоднымъ, и арамейскій языкъ мало-по-малу становится съ этого времени устнымъ и письменнымъ народнымъ языкомъ.

Эта перемѣна соотвѣтствовала той, которая произошла въ положеніи евреевъ на ихъ старомъ пепелищѣ. Теперь они представляли очень незначительную матеріальную силу и, находясь въ вассальномъ отношеніи къ персидской монархіи, были лишены всякаго политическаго значенія. Оказавшись, по прибытіи на мѣсто, совершенно погруженными въ массу мѣстнаго населенія, евреи не могли не подчиниться новымъ условіямъ своего существованія: они стали говорить по-арамейски, многіе изъ нихъ вступили въ бракъ съ туземками и не могли уже противодѣйствовать полной арамеизаціи своихъ дѣтей: завѣтный традиціонный типъ еврея, удержавшійся въ тяжелые годы изгнанія, начиналъ испытывать крайне нежелательную для хранителей преданія трансформацію. Въ виду такой опасности, Неемія, конечно, не могъ бездѣйствовать: «я сдѣлалъ имъ за это выговоръ, — говоритъ онъ, — и проклиналъ ихъ, и нѣкоторыхъ мужей билъ, рвалъ у нихъ волоса и заклиналъ ихъ Богомъ, чтобы они не отдавали дочерей своихъ за сыновей ихъ, и не брали дочерей ихъ за сыновей своихъ и за себя»; но все это было напрасно: арамейскій языкъ дѣлалъ все большія и большія завоеванія среди евреевъ и въ концѣ-концовъ восторжествовалъ окончательно. Іудея и Галилея стали говорить по-арамейски и только произношеніе въ каждой изъ этихъ странъ отличалось своими особенностями, такъ что галилеянъ въ Іерусалимѣ всегда узнавали по выговору. Въ Талмудѣ сохранилось преданіе, что галилеяне были небрежны въ выговорѣ и нѣкоторыя слова произносили такъ, что трудно было разобрать ихъ значеніе, да и вообще нѣкоторые звуки имъ совершенно не давались.

Остается неизвѣстнымъ, какъ долго примѣнялись мѣропріятія, могшія служить продолженіемъ тѣхъ, которыя внушались Нееміи его патріотической ревностью, или какія-нибудь иныя; но не подлежитъ сомнѣнію, что

сама еврейская интеллигенція рано стала усвоивать арамейскій языкъ, такъ что языкъ этотъ сталъ единственнымъ живымъ, какъ устнымъ, такъ и письменнымъ языкомъ, а еврейскій языкъ, ставъ языкомъ духовенства и, такъ называемыхъ, книжниковъ, потерялъ значеніе народнаго языка и сталъ языкомъ исключительно книжнымъ, — мертвымъ.

Чтобы ясно представить себѣ эту метаморфозу, не слѣдуетъ терять изъ виду тотъ характеръ, который пріобрѣла культура еврейскаго народа въ періодъ второго храма, а вмѣстѣ съ культурою и представительница ея— интеллигенція. Въ характерѣ этомъ явственно обнаруживаются уже признаки зачатковъ весьма многихъ послѣдующихъ историческихъ явленій.

Въ Іудеѣ по возвращеніи изъ плѣна установилась теократія. Этому отвлеченному понятію въ жизни дѣйствительной соотвѣтствовала, какъ и во всѣхъ теократіяхъ, іерократія. Во главѣ народа стояло жречество, имѣвшее свои особые, спеціальные интересы, для удовлетворенія которыхъ народъ являлся лишь средствомъ. Въ обиходѣ жрецовъ сохранялся стародавній традиціонный языкъ и тогда, когда народъ ужъ пересталъ говорить на немъ; заботы же о народномъ языкѣ, какъ чисто-житейскія, въ кругъ обязанностей правящаго класса не входили и вообще большой важности въ его главахъ не имѣли. Народный языкъ при такихъ обстоятельствахъ былъ, конечно, предоставленъ своей судьбѣ, обусловленной, какъ мы то знаемъ уже, извнѣ и надвигавшейся своимъ роковымъ, стихійнымъ ходомъ.

Пассивное отношеніе іерархіи къ языку легко пріобрѣтало нормальный характеръ еще и потому, что процессъ арамеизаціи шелъ весьма медленно и сознательно воспринимался лишь немногими чуткими личностями, а большинствомъ могъ даже и совсѣмъ не замѣчаться. Затѣмъ, позже, когда явилась необходимость считаться съ установившимся распаденіемъ народнаго и книжнаго языка, поставлены были въ синагогахъ переводчики священныхъ текстовъ, которые строку за строкой переводили прочитанное. Такой порядокъ еще въ большей степени утвердилъ за жрецами и книжниками осѣнявшій ихъ ореолъ высшаго, недоступнаго толпѣ, познанія и сильно способствовалъ возобладанію въ іудействѣ чисто-сектантскихъ интересовъ. Перейдя затѣмъ и въ сферу историческихъ вліяній іудейскихъ принциповъ, іерократическій типъ съ его узостью мысли и пристрастіемъ ко всему архаическому, долго еще чернымъ призракомъ стоялъ на пути свободнаго развитія и немало задержалъ поднятіе народныхъ языковъ до ихъ истиннаго значенія—прогрессивныхъ общественныхъ силъ *).

Путь этотъ былъ дологъ и труденъ, и много вѣковъ кануло въ вѣчность ранѣе, нежели угадано было вѣрное направленіе, могущее вывести за получное человѣчество отъ мрака къ свѣту. Еще одну тяжелую ношу,

*) Болѣе полное изложеніе относящихся сюда фактовъ можно найти въ слѣдующихъ сочиненіяхъ: *Robertson Smith:* „The Old Testament in the Jawish Church“. London, 1895; „Encyclopedia Biblica“ edited by *T. Cheyne* and *Sutherland Black*, 1899; *E. Schürer:* „Geschichte des Judischen Volkes im Zeitalter J. C.“. 1898; *W. D. Morris*: „The Jews under Roman Rule“. 1890; *Ch. Bellangé:* „Le Judaisme“. 1889.

еще одинъ мертвый языкъ пришлось оставить за собою, и потомъ уже только можно было попасть на ту спасительную тропинку, которая въ позднѣйшее время хоть принципіально, по крайней мѣрѣ, окончательно вышла на большую дорогу народныхъ языковъ, минующую пережитки всякаго рода объединеній.

То объединеніе, къ которому впервые были приложены и культурныя, и политическія силы,—объединеніе, сознательно и планомѣрно осуществлявшееся римлянами, могло на первыхъ порахъ казаться успѣшнымъ. Когда Италія, Галлія, Испанія считались романизированными потому, что вездѣ тутъ письменнымъ языкомъ былъ языкъ латинскій, а для высшихъ общественныхъ классовъ этотъ же языкъ былъ и языкомъ устнымъ, то можно было подумать, не вдаваясь въ разспросы объ языкѣ низшихъ классовъ и не придавая языку этому никакого значенія,—можно было подумать, что передвигать языки и водворять ихъ согласно волѣ администраціи такъ же легко, какъ передвигать и водворять легіоны или перемѣщать легатовъ и преторовъ.

Пріемы и способы романизаціи вездѣ примѣнялись одни и тѣ же: завоеватели прилагали все свое стараніе къ поддержанію розни среди покоренныхъ и дѣлали все возможное для привлеченія на свою сторону высшихъ классовъ. Представители этихъ классовъ, какъ и всѣ имъ подобные у всѣхъ народовъ, «всегда падки на возможность продвинуться и себя показать», а такъ какъ это благополучіе достается имъ только при усвоеніи господствующаго языка, то въ ихъ средѣ «благодѣтельная» реформа находитъ очень подходящую почву. Колонизація, военный постой, наплывъ торгашей додѣлываютъ остальное: внѣшняя сторона жизни говоритъ о полномъ успѣхѣ, а поверхностному наблюдателю ничего больше и не требуется. О томъ, что сталось съ самимъ господствующимъ языкомъ, усвоеннымъ туземцами, исковеркавшими его до неузнаваемости, о томъ никто не спрашиваетъ: провинціи говорятъ по-латыни, дѣло сдѣлано. А между тѣмъ въ послѣднемъ итогѣ всѣхъ этихъ усилій и мнимыхъ побѣдъ будущее достается не латинскому языку, а итальянскому, французскому, провансальскому, ретороманскому, испанскому и португальскому языкамъ, а латинскій языкъ оказывается погребеннымъ въ книгахъ, мертвымъ языкомъ: онъ разыгралъ лишь роль дополнительнаго условія къ цѣлому ряду мѣстныхъ языковъ и діалектовъ и воспроизвелъ ихъ съ извѣстнымъ видоизмѣненіемъ, но никакого объединенія не создалъ и нивелировки мѣстныхъ условій не произвелъ. Если бы усердствовавшіе надъ объединеніемъ языковъ въ состояніи были предвидѣть такой окончательный результатъ своихъ усилій, едва ли не пришлось бы имъ счесть свою энергію лишенною и точки опоры, и побудительнаго мотива, и какого ни на есть смысла?

IV.

Сэйсъ утверждаетъ, что «цивилизація соединяетъ, а различіе языковъ разобщаетъ», почему и раздается въ настоящее время крикъ: «одна мо-

нета—одинъ языкъ!» Такъ думаетъ, конечно, не онъ одинъ; еще ранѣе такъ думали и римляне. Мы видѣли, однако же, что объединяющее вліяніе цивилизаціи не только не простерлось на объединеніе языковъ, но даже способствовало поддержанію ихъ розни. Въ розни этой на всѣхъ ступеняхъ культуры отмѣчаются частичныя замѣщенія и разнообразнѣйшія взаимодѣйствія языковъ, но никогда не наблюдается въ ней стремленія къ объединенію устной рѣчи, которая всегда была и остается и теперь въ высшей степени разрозненною. Цивилизація дѣйствительно объединяетъ людей, но она объединяетъ ихъ выработкою общаго для нихъ всѣхъ міросозерцанія, а вовсе не установленіемъ формальнаго, казарменнаго единообразія. Объединеніе, вносимое цивилизаціей, заключается въ утвержденіи внутренняго единства, не исключающаго внѣшняго разнообразія; другой миссіи у цивилизаціи нѣтъ и быть не можетъ.

Мы знаемъ уже, что языкъ есть форма высказываній, обусловленная мѣстомъ и временемъ, измѣнчивая и текучая, всегда измѣняющая всякое дополнительное условіе вліяніемъ условій предварительныхъ, а потому и не дающая единства даже при одномъ общемъ дополнительномъ условіи, каковымъ былъ, напримѣръ, языкъ латинскій для народовъ западной части европейскаго континента. Обращаясь къ содержанію высказываній, что мы находимъ въ нихъ? У народа низшихъ ступеней культуры мы находимъ продуктъ опыта, ограниченнаго, во-первыхъ, предѣлами пространства, занимаемаго племенемъ и народомъ, и, во-вторыхъ, временемъ, переживаемымъ этимъ народомъ или племенемъ, такъ какъ отсутствіе письменности сваливаетъ накопленіе опыта на одну только память и препятствуетъ сколько-нибудь значительному или сколько-нибудь выдержанному процессу этого накопленія. Ничтожность накопленія и является поэтому отличительною характеристическою чертою низшей культуры. Если этнографы и указываютъ на туземцевъ Андаманскихъ острововъ, какъ на обладателей поэтическихъ преданій, столь старинныхъ, что языкъ ихъ значительно различается отъ современнаго, то этотъ примѣръ ровно ничего еще не доказываетъ, такъ какъ сохраненіе извѣстнаго освященнаго давностью преданія имѣется вездѣ: оно передается изъ поколѣнія въ поколѣніе и тогда, когда со стороны языка и претерпѣваетъ рядъ послѣдовательныхъ измѣненій, идущихъ рука объ руку съ измѣненіями самого языка. Всесвѣтный фольклоръ служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ именно такого характера этого процесса. Андаманскія преданія обладаютъ, какъ видно изъ этого, извѣстными формальными особенностями, и только. Накопленіе опыта не только не тождественно съ такимъ сохраненіемъ стародавняго преданія, но и противополо жно ему: оно именно требуетъ не устойчивости чего-то первоначально-д нняго, но измѣнчивости, текучести его, вѣчно обновляемой новыми и н выми привнесеніями. Оно, однимъ словомъ, требуетъ эволюціи опыта, т ебуетъ смѣны устойчивыхъ состояній непрерывно-послѣдовательными ко-л баніями и установленія вслѣдъ за ними такихъ заключительныхъ со-с яній, которыя по содержанію были бы богаче предварительныхъ, и ко-

торыя и могли бы служить этапами накопляющагося опыта. При такомъ ходѣ развитія опыта, уровень культуры не остается неподвижнымъ, онъ идетъ на подъемъ и достигаетъ, наконецъ, той ступени, когда этимъ же самымъ процессомъ произведенный письменный языкъ является для него твердою и надежною опорою.

Если подъемъ культуры идетъ непрерывно, то рано или поздно онъ достигаетъ, наконецъ, такого уровня, на которомъ сознательно могутъ быть намѣчены двѣ цѣли дальнѣйшаго поступательнаго движенія: во-первыхъ, объему опыта можетъ быть придано общечеловѣческое и всечеловѣческое значеніе и, во-вторыхъ, качеству опыта можетъ быть придано значеніе свободнаго отъ примысловъ, чистаго опыта. На высотѣ такого уровня культура становится цивилизаціей, вѣчно-обновляющимся движеніемъ, руководительнымъ началомъ котораго принимается не преданіе, а ведущая къ чистому опыту критика.

Вотъ эта цивилизація дѣйствительно объединяетъ, такъ какъ все отъ себя отличное она принимаетъ не враждебно, не какъ подлежащее уничтоженію и подавленію, а только какъ низшую ступень развитія, подъемъ съ которой надо указать, облегчить, совокупными силами осуществить. Съ ея точки зрѣнія, не знающей ни привилегій, ни эксплуатаціи человѣка человѣкомъ, возрастаніе массы, движущейся на завоеваніе универсальнаго чистаго опыта, можетъ быть только желательно, и она обязана поэтому не только не пренебрегать всѣми подходящими для того средствами, но должна дорожить ими и, находя ихъ готовыми, хвататься за нихъ и оберегать ихъ.

Теперь и ясно, что эта истинная, чуждая мертвыхъ отвлеченностей и не на ея почвѣ возросшихъ идеаловъ, работа должна прилагать усилія не на безплодное объединеніе языка, а на сохраненіе существующихъ народныхъ языковъ и цѣлесообразное пользованіе ими на благо и процвѣтаніе дѣйствительно-объединяющей, просвѣщеніемъ объединяющей и умиротворяющей цивилизаціи, а не ея контрафакціи.

Данте первый угадалъ эту великую истину. Онъ первый заговорилъ о народномъ языкѣ такъ, какъ до него не говорилъ о немъ и не могъ говорить никто: книжникъ іудейскій смотрѣлъ сверху внизъ на сопленника, не знающаго «закона», и считалъ его за это достойнымъ проклятія. «Хочешь знать «законъ», — разсуждалъ онъ, — учись мертвому языку!» Образованнѣйшій изъ римлянъ полагалъ, что «ничего не можетъ быть отраднѣе, какъ со свѣтлыхъ вершинъ, воздвигнутыхъ знаніемъ, глядѣть на смертныхъ, блуждающихъ за поисками счастья» (Лукрецій);—зачѣмъ ему было озабочивать себя размышленіями о народномъ языкѣ? Онъ могъ говорить только о языкѣ вообще. Позже теологъ, занявъ аналогичное положеніе на «свѣтлыхъ» вершинахъ своего познанія, довольствовался смиреніемъ и покорностью толпы, считавшей спасительнымъ для себя только присутствовать при произнесеніи словъ на языкѣ, ей непонятномъ. Еще позже провансальскій трубадуръ, услаждая обитателей замковъ чуть не

всего запада Европы, не посвящалъ таланта своего презрѣнной черни. О народномъ языкѣ некому было заботиться.

Въ трубадурѣ однако же мы можемъ уже привѣтствовать первые проблески зари, занимавшейся среди всеобщаго мрака. Трубадуръ вѣдь пѣлъ все же таки на народномъ языкѣ; народъ могъ понимать его; исключеніе изъ общаго правила стало возможно. И оно явилось въ лицѣ Гильома Фигейры (1215—1250 гг.), предпочитавшаго народныя сборища рыцарскимъ замкамъ. Онъ пѣлъ для народа, но онъ пѣлъ «какъ поетъ птица»,—онъ не указалъ никакого принципіальнаго выхода къ иному, новому будущему. Сдѣлалъ это Данте, который и явился первымъ представителемъ интеллигенціи въ новомъ, просвѣтительномъ значеніи этого слова. Величіе его, какъ провозвѣстника этой и понынѣ не потерявшей жизненности идеи, конечно, нисколько не ниже величія его, какъ автора славной поэмы.

Письменнымъ языкомъ въ Италіи до Данте былъ частью языкъ латинскій, частью провансальскій. Учитель Данте—Брунето Латини, писалъ по-провансальски. Такая интеллигенція была народу чужда. У народа былъ свой языкъ, народный, итальянскій, но по издавна заведенному порядку не было иной литературы, кромѣ устной, фольклорной. И вотъ, этотъ-то обойденный интеллигенціею языкъ и вознамѣривается Данте поставить на подобающую ему высоту: онъ хочетъ защитить его отъ обвиненій со стороны людей, презирающихъ его и предпочитающихъ ему другіе языки, преимущественно—провансальскій (lingua d'oca) и утверждающихъ, что «lingua di si» по достоинству ниже провансальскаго. Данте въ такомъ сужденіи объ итальянскомъ языкѣ усматриваетъ пять побудительныхъ мотивовъ: слѣпоту различенія, злостную изворотливость, жажду суетной славы, завистливость измышленій и низость духа. Воздвигая борьбу противъ злодѣевъ Италіи, проникнутыхъ этими свойствами, Данте старается утвердить за итальянскимъ языкомъ присущее ему исключительное право на значеніе литературнаго языка своей страны и поэтому онъ провозглашаетъ, что итальянскій народный языкъ будетъ тѣмъ хлѣбомъ, которымъ насытятся тысячи,—тѣмъ свѣтомъ новымъ, солнцемъ новымъ, которое взойдетъ тамъ, гдѣ скроется старое, которое прольетъ свѣтъ на находящихся во мракѣ, такъ какъ лучи нынѣ свѣтящаго солнца до нихъ не достигаютъ».

Такое провозглашеніе—не одни только слова: оно украшаетъ собою заключеніе перваго трактата «Convito», т.-е. «трапезы»—энциклопедіи знанія, написанной имъ именно для тѣхъ, до которыхъ лучи стараго солнца не достигаютъ. «О, блаженны тѣ немногіе,— пишетъ онъ,— которые сидятъ у стола, гдѣ подается пища ангеловъ, и несчастны тѣ, пища которыхъ одинакова съ кормомъ скота. Но, такъ какъ всякій человѣкъ другому человѣку по природѣ другъ и всякій другъ соболѣзнуетъ о лишеніяхъ, претерпѣваемыхъ тѣмъ, кого онъ любитъ, то и тѣ, которые сидятъ за столь возвышеннымъ столомъ, не остаются безъ состраданія къ тѣмъ, которые пасутся какъ скотъ, поѣдая траву и жолуди. И такъ какъ со-

страданіе—мать благотворенія, то обладающіе знаніемъ всегда щедро подаютъ отъ своего настоящаго богатства и становятся живымъ источникомъ, изъ котораго утоляется вышесказанная жажда (т.-е. жажда знанія). Поэтому-то и я, хотя и не сижу за столомъ блаженныхъ, но нахожусь вдалекѣ и отъ пастбища черни, собираю у ногъ сидящихъ крохи, падающія со стола»... «Собираю кое-что по влеченію состраданія къ бѣднымъ и теперь предполагаю устроить имъ общую трапезу» («Convito», Тг. I, с. 1, изд. Фратичелли, 1861 г.).

Трапеза, которую предлагалъ Данте, была, конечно, тою скромною трапезою, которую могла доставить средневѣковая наука; но если бы принципъ этой трапезы могъ произвести на современниковъ и на потомство такое же могущественное впечатлѣніе, какое произвела «Божественная комедія», то «трапеза» Данте имѣла бы свою эволюцію, точкою исхода которой и служилъ бы Дантовъ «Convito». Благо, которое проистекло бы при этомъ для «находящихся во мракѣ» было бы безмѣрно, такъ какъ вмѣсто эстетическаго, символическаго, мистическаго и созерцательнаго теченія, наводнявшаго европейскую литературу и продолжающаго держаться въ ней и понынѣ, взяло бы верхъ теченіе свѣжее, здоровое, просвѣтляющее, и возможность для каждаго народнаго языка быть «солнцемъ новымъ», проливающимъ свой свѣтъ на «находящихся во мракѣ», изъ возможности стала бы дѣйствительностью.

Мы знаемъ теперь, что печальная дѣйствительность долго шла врозь отъ указываемой здѣсь возможности и на путь осуществленія ея вступила лишь очень поздно. Обновленію формъ высказываній европейскаго знанія долго еще пришлось ждать обновленія своего содержанія. Обновленіе это, какъ извѣстно, нельзя отнести къ болѣе раннему времени, чѣмъ XVII вѣкъ. Только съ этой достопамятной эпохи начало обозначаться міровоззрѣніе, не мѣтившее на то, чтобы представлять изъ себя копію старины, не считавшее нужнымъ свѣрять свои открытія и основанныя на нихъ положенія съ авторитетомъ латинскихъ, греческихъ или еврейскихъ книгъ, не пытавшемъ разработать на новые лады отжившіе ветхіе примыслы, но смѣло и прямо двинувшееся къ ихъ окончательному упраздненію и замѣнѣ ихъ новымъ, основаннымъ на опытѣ и методическомъ наблюденіи, познаніемъ. Подъ живительнымъ вліяніемъ этого благодатнаго вѣянія возникаетъ обновленіе повсюду: начинается новая умственная жизнь, нарождается литература просвѣщенія. У народныхъ языковъ оказывается матеріалъ, годный не для одной только праздной потѣхи сытыхъ.

Послѣдующее извѣстно: многое измѣнилось и многое обновилось съ тѣхъ поръ. Фридриху Барбаросѣ—въ живой фантасмогоріи Гейне—бы[illegible] чему удивляться. Но все же, какъ мало еще сдѣлано, какъ много остал[illegible] дѣлать! На самомъ склонѣ XIX вѣка сколько еще сильныхъ, упорно [illegible]стаивающихъ старое зло, препятствій; сколько борьбы,—варварской и [illegible] плодной,—сколько погибшихъ силъ, сколько подавленныхъ добрыхъ на[illegible] наній!

Всего не перечтешь! Вотъ Ирландія,—страданія ея извѣстны всему свѣту и въ хорѣ страждущихъ голосъ ея ясно слышенъ. Въ Ирландіи явно добиваются полнаго и окончательнаго истребленія народнаго языка. Историкъ ирландской литературы Гайдъ весьма справедливо спрашиваетъ: можно ли называть образованіемъ то, которое мы наблюдаемъ въ ирландскихъ школахъ? Здѣсь учителя, не знающіе мѣстнаго языка, начинаютъ обученіе прямо съ англійской грамоты и... доводятъ дѣтей до совершеннаго отупѣнія. Въ учрежденіяхъ, завѣдывающихъ школьнымъ дѣломъ, орудуютъ «оборотни» изъ ирландцевъ же. Надо полагать—тѣ же Робертсы, только рѣжущіе безъ ножа. «Оборотни» всегда особенно люты, а потому всѣ петиціи, всѣ заявленія, всѣ жалобы остаются безъ результатовъ: «школа дѣйствуетъ, какъ бездушная машина, не останавливаясь ни передъ чѣмъ». Совсѣмъ та же работа, что и «работа» хорошо-прицѣленнаго «максима», какъ ее изображаетъ Оливія Шрейнеръ!

Послѣ этого понятенъ станетъ тотъ вопль наболѣвшаго сердца, который слышится въ словахъ посвященія исторіи Гайда «народной (гаэльской) лигѣ, какъ единственному учрежденію, имѣющему въ виду придать реальное значеніе тому факту, что Ирландія обладаетъ своимъ прошедшимъ, своею исторіею, своею литературою,—и прилагающему усилія къ такой постановкѣ настоящаго, въ силу которой оно могло бы стать раціональнымъ продолженіемъ прошедшаго» (*Douglas Hyde:* «A Literary History of Ireland». London, 1899).

Гайдъ, очевидно, добивается такой «постановки настоящаго», при которой народный языкъ могъ бы стать предварительнымъ условіемъ для дополнительнаго условія, представляемаго знаніемъ, наукою,—и съ ужасомъ видитъ кругомъ одно только повальное отупѣніе подрастающаго поколѣнія. Будущее Ирландіи, очевидно, приносится въ жертву тому же Молоху, что и будущее Трансвааля...

Если мы съ Англіей сопоставимъ Францію, то найдемъ въ ней тѣ же тенденціи, хотя въ проведеніи ихъ и замѣтимъ рѣзкую разницу. Французы не способны, конечно, къ британской прямолинейности, да и дѣло у нихъ поставлено иначе. Теперь они могутъ даже похвалиться торжествомъ у себя просвѣтительныхъ идей. Еще въ 88 году Ренанъ восхвалялъ мудрость, проявленную его отечествомъ въ рѣшеніи вопроса о языкахъ: «къ славѣ Франціи,—сказалъ онъ,—слѣдуетъ отнести отсутствіе насилія чьей-либо лингвистической совѣсти въ предѣлахъ этой страны. Здѣсь никогда не были принимаемы принудительныя мѣры по отношенію къ языкамъ. Языкъ, это своего рода религія. Преслѣдовать кого-либо за его языкъ такъ же предосудительно, какъ и преслѣдовать его за религію. Весь міръ подвергся однако столь нелиберальному вѣянію, что насъ за это не хвалили, а осуждали. И изъ-за этого же такъ мало стѣснялись отнять у насъ ту область, «которую мы будто бы не сумѣли ассимилировать». Что тутъ сказать? Міръ питаетъ слабость къ сильнымъ» (*P. Mariéton:* «La terre provençale», p.511). Въ этомъ восхваленіи вѣрно только то, что во Фран-

ціи пользованіе какимъ бы то ни было языкомъ внѣ міра оффиціальнаго никогда не возбранялось, и отдѣльныя лица и группы всегда могли говорить и писать на областныхъ языкахъ, внѣ своихъ оффиціальныхъ отношеній. Что касается сферъ оффиціальныхъ, то кромѣ французскаго языка никакой другой здѣсь не допускался. Умалчивая о временахъ болѣе или менѣе отдаленныхъ, не вспоминая о томъ, что Франсуа I, напримѣръ, не допустилъ, чтобы провансальская депутація дозволила себѣ обращаться къ нему по-провансальски и т. дал., устраняя это и многое другое, какъ устраненное изъ жизни великою революціей, мы въ постановленіяхъ послѣдней встрѣчаемъ не частичное и сравнительно мягкое устраненіе областныхъ языковъ, а общее и рѣшительное осужденіе всѣхъ областныхъ языковъ за разъ. Конвентъ смотрѣлъ на всѣхъ ихъ, какъ на остатокъ феодальнаго рабства и, вмѣстѣ съ тѣмъ, и какъ на зародышъ федерализма. «Феодализмъ и суевѣріе говорятъ по-бретонски, эмиграція и ненависть къ республикѣ говорятъ по-нѣмецки, контръ-революція—по-итальянски, фанатизмъ—по-баскски. Уничтожимъ же эти органы печали и заблужденія». И на этомъ основаніи конвентъ рѣшилъ распространить повсюду «языкъ свободы, языкъ декларацій правъ человѣка», чтобы и рѣчь была едина, какъ республика и какъ сердца населенія. Для достиженія этой цѣли установлена было сначала въ двѣнадцати «оскверненныхъ» старыми или чужими говорами департаментахъ, а потомъ еще въ двухъ, а, наконецъ, и почти во всей южной половинѣ Франціи система нарочитаго обученія населенія языку французскому и отученіе его отъ мѣстныхъ старыхъ нарѣчій. Считалъ ли все это Ренанъ признакомъ отсутствія насилія надъ лингвистическою совѣстью населенія, или же смотрѣлъ на такіе факты сквозь пальцы, остается невыясненнымъ. Гораздо послѣдовательнѣе оцѣниваетъ ихъ покойный М. П. Драгомановъ, у котораго я заимствовалъ вышеприведенную историческую о нихъ справку. Онъ очень вѣрно замѣчаетъ, во-первыхъ, что терминъ «національный» языкъ слѣдовало бы замѣнить болѣе соотвѣтственнымъ терминомъ «государственный», и затѣмъ онъ говоритъ, что «конвентъ упустилъ изъ виду, что декретомъ нельзя сдѣлать понятнымъ непонятное и, что сознаніе правъ и распространеніе утилитарныхъ знаній пойдетъ легче, если эти права и эти знанія будутъ передаваться народу на языкѣ, которымъ онъ говоритъ. О странномъ противорѣчіи провозглашенія свободы и правъ человѣка съ административной чисткой органа души человѣческой, языка, мы уже и не говоримъ» (*М. П. Драгомановъ:* «Ново-кельтское и провансальское движеніе во Франціи», *Вѣстн Европы* 1875 г., авг., стр. 689).

Современная французская администрація, такъ же, какъ и ея мо[нар]хическія предшественницы, строго блюдетъ традиціи конвента и ревно[стно], по всей линіи, ведетъ ожесточенную борьбу противъ всѣхъ препятст[вій], встрѣчаемыхъ ею на пути всеобщаго распространенія и водворенія г[осу]дарственнаго языка: присутственныя мѣста, школы,—все это не зна[етъ] иного языка, кромѣ французскаго. Эта всеневелирующая централ[изація]

начинаетъ серьезно обезпокоивать людей, прозрѣвающихъ ея печальныя послѣдствія, и все чаще и чаще слышатся голоса за федеративныя начала и ихъ спасительное значеніе. Хорошо еще, что законъ пощадилъ хоть частную дѣятельность и имѣется поэтому возможность для всѣхъ добропорядочныхъ провансальцевъ служить по своему своей родинѣ. Патріархъ провансальскаго движенія — Мистраль, подымаетъ по временамъ голосъ противъ тягостей системы опеки и рѣшительно требуетъ ея преобразованія. Изъ инвективъ его противъ нынѣшняго порядка вещей, особенно выдается энергичное стихотвореніе, написанное имъ въ 88 году и озаглавленное: «Брызги грязи».

«Глядя, какъ вздуваются пузыри, — говоритъ онъ, — какъ изсыхаютъ питательные сосцы, какъ сожигаются солнцемъ сочные плоды и какъ деругъ носъ болваны, — глядя, какъ все болѣе и болѣе подрѣзываются крылья у провансальскаго языка, видя, какою рѣдкостью становится здравый смыслъ и до чего ослѣпляется разумъ,—искра сама собою сверкаетъ иной разъ изъ подъ кремня.

«Ужели можемъ мы слушать спокойно, когда намъ безъ умолку твердятъ, что тамъ, вверху, всякій долженъ считаться пророкомъ, тогда какъ здѣсь, всѣ мы — выродки; когда во всѣхъ нашихъ школахъ и ректоръ, и инспекторъ, и вся клика, только и знаютъ, что твердятъ, будто мы должны расплачиваться нашими грошами, а они вмѣстѣ съ тѣмъ попрекаютъ насъ, точно язвой, нашей рѣчью, *связующей* насъ съ нашими предками и нашей землей.

«Ужели думаете вы, что мы можемъ не раздражаться, если, будучи вольны, какъ птицы, мы всегда оставались вѣрны долгу и, однако же, не можемъ сказать «du pan», а непремѣнно «du pain», — не смѣемъ повести рѣчь о нашемъ горѣ, не можемъ рта открыть даже на рынкѣ, не наведя прежде справки въ словарѣ Бешреля или Литтрэ» (*F. Mistral:* «Espouscado», въ сборникѣ «Lis isclo d'or»).

Горечь этихъ словъ весьма краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о томъ, что даже провансальцы, сводящіе народную литературу почти что на одни стихи, — стихи безъ конца, что и они не могутъ уже удовлетворяться одною только терпимостью. Провансальскій народный языкъ только терпимъ!... И это должны выслушивать искренніе патріоты, давно провозгласившіе: «j'aime mon village plus que ton village. J'aime ma Provence plus que ta Province. J'aime la France plus que tout» (Felix Gras). Тутъ есть что-то оскорбительное... Самостоятельность народнаго языка должна быть доведена въ Провансѣ до конца!

Если мы припомнимъ теперь утвержденіе Сэйса, будто преподаваніе въ школахъ на государственномъ языкѣ во Франціи слѣдуетъ считать признакомъ совершающагося объединенія языковъ, то должны будемъ признать еще разъ всю поверхностность и недальновидность такого утвержденія, смѣшивающаго декораціи съ дѣйствительностью. Заглядывая за кулисы, мы открываемъ, напротивъ того, что внѣшнее, казарменное объединеніе

является лишь источникомъ внутренняго, глубокаго разъединенія, вредъ котораго ничѣмъ не уравновѣшивается. Послѣ ста лѣтъ, потраченныхъ на устраненіе «оскверненія» провинцій отъ мѣстныхъ языковъ, нарѣчій и говоровъ, мы, вопреки ожиданія ярыхъ централистовъ, находили ихъ въ новомъ жизненномъ возбужденія. Языки провансальскій, бретонскій и разные патуа, особенно въ Южной Франціи, то и дѣло обнаруживаютъ яркіе признаки своей жизненности, выражающейся въ дѣятельности такъ называемыхъ «patoisants». Продолжительное и упорное, по выраженію Драгоманова, «примучиваніе», если и дало какой-нибудь результатъ, то развѣ только отрицательный.

Мы видимъ, что какъ Гайдъ, такъ и Мистраль, указываютъ на вносимый въ общество насиліемъ надъ языкомъ разрывъ настоящаго съ прошедшимъ. Очевидно, однако же, что этотъ разрывъ не щадитъ настоящаго, внося разрывъ и въ его нѣдра. Сознаніе этого разрыва не можетъ не возбуждать, конечно, самыхъ горькихъ чувствъ.

Здѣсь вопросъ, какъ видно, сводится къ тому, имѣется ли у народа почва для того, чтобъ образовать одно общее предварительное условіе для готоваго представиться условія дополнительнаго. Когда развитіе совершается правильно, когда связность исторической преемственности сохраняется неприкосновенною, тогда между интеллигенціей и народомъ остается ненарушенною старая связь — народный языкъ. Эта же связь остается и между старымъ и новымъ поколѣніемъ, а также и между общественными классами. Служа такой соединительной связью, единство языка само по себѣ не гарантируетъ еще, конечно, сознанія всеобщей солидарности, но оно остается, какъ и въ другихъ случаяхъ, готовымъ орудіемъ для проявленія этой солидарности, если она есть, или если сознаніе ея начинаетъ пробуждаться. Отсутствіе этого орудія не только можетъ замедлить наступленіе момента уразумѣнія общности интересовъ всѣхъ слоевъ и классовъ народа, но и при наступленіи этого момента заставляетъ прибѣгать къ требующимъ времени поправкамъ и улучшеніямъ, наличность которыхъ, никогда не вредная, въ такіе періоды особенно драгоцѣнна. Попраніе основного принципа прогрессивной эволюціи вноситъ въ указываемое теперь положеніе цѣлую массу зла: общество и семья распадаются на два лагеря и возникаетъ столь же безсмысленное, какъ и высокомѣрное презрѣніе одной его части по отношенію къ другой, проистекающее изъ ошибочнаго представленія о превосходствѣ господствующаго языка и смѣшенія понятія о немъ съ понятіемъ образованія и высшей культуры. Чванство, разрастающееся на этой почвѣ, порождая ложное сознаніе мнимыхъ достоинствъ, внося разладъ, не даетъ взамѣнъ ровно ничего. Гордое чувство, возбуждаемое такимъ порядкомъ вещей, не чуждо даже и такихъ областей, гдѣ конфликты языковъ не обостряются расовою, политическою или же религіозною рознью. Представители нижне-нѣмецкаго нарѣчія (Plattdeutsch), какъ они ни близки населенію верхне-нѣмецкой рѣчи, все же не выносятъ, однако, угнетенія своего языка языкомъ оффиціальнымъ.

нымъ и не безъ раздраженія высказываютъ свои жалобы. «Чуть только ребенокъ попадаетъ въ школу, — говоритъ одинъ изъ поборниковъ Platt-deutsch'a,—какъ ему уже представляется опальнымъ и гонимымъ тотъ языкъ, на которомъ такъ сердечно и привѣтливо только что бесѣдовали съ нимъ— отецъ, мать, семья и товарищи, и онъ начинаетъ уже съ этихъ поръ различать значительныхъ лицъ отъ незначительныхъ по одному тому только признаку, говорятъ ли эти лица на верхне-нѣмецкомъ или на нижне-нѣмецкомъ языкѣ. Что же удивительнаго, если такимъ образомъ дѣти пріучаются презирать свой родной языкъ? (*Gustav Dannehl:* «Ueber niederdeutsche Sprache und Literatur». Berlin, 1875, S. 3).

Далеко не вездѣ, конечно, имѣется въ наличности такая интеллигенція, которая, ясно понимая истинное положеніе вещей, принимала бы его къ сердцу, переживала бы его въ своихъ чувствахъ, выстрадывала бы его, и которая, наконецъ, эту свою сердечную боль принимала бы за исходную точку для дѣятельности истинно-просвѣтительной, истинно-передовой въ теоретическомъ и практическомъ отношеніи. Нерѣдко мы наблюдаемъ слабо выраженный, блѣдный, выцвѣтшій типъ интеллигенціи, понимающей свою задачу до послѣдней степени узко и односторонне. Представительницей такой «анемичной» интеллигенціи можетъ служить интеллигенція провансальская: она искренно задается служеніемъ народу, она говоритъ и пишетъ на народномъ языкѣ и даже, въ лицѣ своего иниціатора и руководителя Мистраля, обращается исключительно только къ пастухамъ и пахарямъ: «Cantan que per vautre, o pastre e gént di mas», какъ говоритъ Мистраль въ своей прославленной поэмѣ «Mirèio». Трубы, такъ громогласно возвѣщающія о такомъ имѣющемъ совершиться подвигѣ, оказываются, однако же, не изъ тѣхъ, отъ которыхъ могутъ рушиться стѣны. Провансальское просвѣтительное общество такъ называемыхъ «фелибровъ», возстановившее провансальскую литературу и чуть что не полвѣка подвизающееся въ его честь и славу, понимаетъ, къ сожалѣнію, свою миссію слишкомъ узко, слишкомъ большое значеніе придаетъ стихотворству, краснорѣчію и застольному краснобайству, слишкомъ много бредитъ эстетикою и упускаетъ изъ виду значеніе литературы, какъ общественной силы. Оно не воздѣйствуетъ на народное міровоззрѣніе, оно исключаетъ политическіе вопросы изъ своихъ дебатовъ и по части популяризаціи знанія довольствуется истинно-гомеопатическими крупицами. Мистраль—«скромный ученикъ великаго Гомера» (umble escoulan dou grand Oumèro), паритъ гдѣ-то въ поднебесьи символической поэзіи, а когда нисходитъ въ земную юдоль и начинаетъ пѣть совсѣмъ-таки для пастуховъ и пахарей, то у него выходятъ все такіе ангелы добродѣтели и демоны коварства, такая, вообще, суздальская живопись, что простой человѣкъ, хотя и можетъ, какъ мы это увидимъ далѣе, пробудиться отъ умственной спячки одною силою воздѣйствія народнаго языка, впервые воспринимаемаго въ литературной формѣ, хотя и можетъ получить нѣкоторыя возбужденія, но «хлѣба духовнаго», въ полномъ значеніи этого слова, ни въ гомеровской части произведеній Мистраля, ни въ иного

рода произведеніяхъ его, навѣрно, не найдетъ. Вліяніе Мистраля — клерикала и роялиста—не изъ просвѣтительныхъ, и при этомъ случаѣ нельзя не отмѣтить, что оно — при большой близости провансальскаго языка къ каталонскому — весьма легко можетъ проникать и за Пиренеи. Успѣху Мистраля въ Каталоніи много можетъ способствовать и пропаганда его произведеній въ каталонскомъ переводѣ (Pelay Briz, Roca y Roca, Barallat y Falguera), какъ ни противорѣчатъ, впрочемъ, ихъ эстетизмъ самобытному настроенію каталонцевъ, отзывающихся иной разъ довольно презрительно о провансальскомъ бахвальствѣ и самомнѣніи и весьма основательно отвергающимъ приписываемый провансальцамъ починъ въ возрожденіи народной литературы.

Какъ бы то ни было, но провансальская интеллигенція все же имѣетъ извѣстныя заслуги: она активно вторгается въ коловоротъ жизни, она «по-своему» понимаетъ запросы народа и «по-своему» старается удовлетворить ихъ. Хотя и безъ большой пользы, но зато и безъ всякаго вреда, пополняетъ пробѣлы въ рядахъ истинной интеллигенціи и такъ или иначе ослабляетъ значеніе недочета въ ней, вездѣ ощущаемаго.

Но, кромѣ интеллигенціи, дряблой и худосочной, есть еще, къ несчастью, не мало и интеллигенціи и фальшивой, лицемѣрной, лживой, собственно говоря, псевдо-интеллигенціи, вредное вліяніе которой безмѣрно. Интеллигенція непроницательная, тупая, малодушная, не способная ориентироваться въ сложномъ ходѣ событій, встрѣчается вездѣ весьма нерѣдко. Такая интеллигенція всегда оказывается легко охолопливаемой и совершенно неспособной къ критикѣ, протесту и оппозиціи. Она на своемъ языкѣ не имѣетъ даже словъ для выраженія этихъ понятій, и потому всѣ свои позиціи обыкновенно сдаетъ безъ борьбы. Но истиннымъ проклятіемъ для своей страны является интеллигенція продажная, — та, у которой за душой всего и есть афоризмъ: «va dove si vince» — «перебѣгай на сторону побѣждающихъ». Эта анти-интеллигенція отличается преизобилующей всевозможными хитросплетеніями и софизмами, оправдывающими ея всегдашнюю готовность проституироваться всякой силѣ, подчасъ даже возводящими всю эту низость до истиннаго служенія своему отечеству. Въ хвостѣ этой банды обыкновенно ползетъ книжное чванство и философствующая спѣсь, всегда готовыя сыграть роль приспѣшниковъ при рѣшеніи всякаго выплывающаго на поверхность общественной жизни вопроса. Корыстолюбивые разсчеты или безкорыстная недальновидность этого отребья испещряютъ общую картину нравственнаго растлѣнія и кладутъ на ней свои особенныя, своеобразныя, а потому и всегда замѣтныя пятна.

Дантово солнце, принципіально сіяющее яркимъ свѣтомъ, какъ ни изъ этого, можетъ свѣтить въ самой жизни лишь очень слабо. И все же, гдѣ только является привѣтъ для его живительныхъ лучей, тамъ немедленно же сказывается его творческая сила. Сила эта зиждется на томъ непосредственномъ и глубокомъ чувствѣ, которое всякому внушается его родиной. Любовь къ родинѣ — чувство, которое, по слову

французскаго поэта, способно возвращать человѣку давно минувшую молодость, по силѣ своей, по интенсивности, принадлежитъ къ числу самыхъ острыхъ и самыхъ захватывающихъ эмоцій. Ему свойственны тѣ обаятельныя чары, которыми скрашивается самая убогая жизнь,—оно можетъ всецѣло овладѣть человѣкомъ и заставить его забыть все, кромѣ родного уголка: швейцарцы, бѣжавшіе къ себѣ, въ горы, при исполненіи родного напѣва, новобранцы, налагавшіе на себя руки подъ гнетомъ воспрещенія говорить на родномъ языкѣ, всѣ изнемогавшіе подъ давленіемъ тоски по родинѣ — ностальгіи, болѣзни совершенно опредѣленной, могутъ представлять собою иллюстрацію глубокаго жизненнаго значенія привязанности къ родному мѣсту. Дорога родина, но самое дорогое въ ней — ея языкъ: онъ и высшее ея выраженіе, онъ — олицетвореніе ея духовной красоты, онъ — часть ея, уносимая человѣкомъ повсюду, лучъ ея свѣта, согрѣвающій душу и на далекой чужбинѣ. Поэтому «забвеніе языка есть одна изъ послѣднихъ жертвъ, приносимая со стороны народа», какъ то вѣрно заявляетъ цитированный уже мною Брюно. «Даже и тогда, когда патріотизмъ не привходитъ въ общую сумму побужденій, заставляющихъ держаться родной рѣчи, одной только традиціи и привычки бываетъ достаточно для того, чтобы стоять на стражѣ родного слова, и съ какою силою! Чтобы судить о ней, достаточно обратить вниманіе на ту медленность, съ которою провинціальные говоры отступаютъ передъ французскимъ языкомъ. Въ теченіе вѣковъ переставъ быть литературными языками, исключенные церковью, устраненные государствомъ, они всетаки держатся, однако же, переходя отъ матерей къ дѣтямъ съ первыми ласками» (*F. Brunot,* въ «Ист. франц. яз. и литературы». Пти де Жюльвиля. Introd., p. XXVI). Какъ бы иллюстраціей къ этой замѣткѣ Брюно является трогательное выраженіе къ родному языку, высказанное талантливымъ Боннэ, провансальскимъ крестьяниномъ, оставившимъ интересные мемуары, переведенные на французскій языкъ Альфонсомъ Додэ (*Batisto Bonnet:* «Un paysan du Midi». Paris, 1897). Боннэ—бѣднякъ, служившій въ солдатахъ, малограмотный человѣкъ, имѣлъ счастье встрѣтиться съ однимъ писателемъ-провансальцемъ, какъ и онъ (Duc-Quercy) и, благодаря ему, что называется, узрѣлъ свѣтъ. Умѣнье взяться за дѣло чуткаго, гуманнаго, образованнаго учителя разбудило дремавшаго въ старомъ солдатѣ поэта, а вмѣстѣ съ тѣмъ воскресило и прибитаго жизненными невзгодами провансальца. Разсказъ самого Боннэ объ этомъ поворотномъ пунктѣ его жизни, передаваемый Додэ, полонъ глубокаго интереса. Вынужденный жить въ Парижѣ изъ-за куска хлѣба, Боннэ задумалъ жениться. Невѣста, по его словамъ, имѣла одинъ только недостатокъ: она была не южанка. Пока—что, приходилось поддерживать съ нею переписку, что крайне затрудняло бѣднаго солдата,—и вотъ онъ надумался помочь горю: взялъ себѣ учителя. Учитель его—Дюккерси, первый же урокъ посвятилъ поэмѣ Мистраля «Мирейо». «Стихи Мистраля! О, что за неожиданность, что за упоенье! Нашъ сельскій языкъ, тотъ самый языкъ, на которомъ мы—мужики, говоримъ

только между собою и котораго стыдимся на людяхъ, этотъ самый языкъ является теперь въ прекрасной книгѣ, напечатанной по-провансальски и по-французски, точно такъ, какъ печатаются наши молитвенники! И что за риѳмы! Онѣ въ самомъ дѣлѣ звончѣй тѣхъ колокольцевъ, которые мы подвѣшиваемъ нашимъ мулamъ въ праздничные дни! Подумайте только, что долженъ былъ чувствовать я, влюбленный, прислушиваясь къ этимъ рѣчамъ о любви, передававшимъ именно то, чѣмъ и мое сердце было переполнено, и передававшимъ все это такими словами,—словами моей семьи, приносившими воспоминанія, откликъ, благоуханіе родины. Вся наша житейская обстановка была тутъ передъ моими глазами: поэтъ не гнушался посвящать ей свои стихи... Восторгу моему не было предѣла, и мнѣ хотѣлось и смѣяться, и плакать,—все за разъ. Съ этого дня я спалъ и видѣлъ Провансъ и провансальскій языкъ. Да будутъ благословенны оба поэта—Мистраль и Дюккерси, наведшіе меня на этотъ путь! Въ черные дни моей жизни,—а сколько ихъ было за эти двадцать лѣтъ—одному Богу извѣстно,—провансальскій языкъ и освѣщалъ, и согрѣвалъ меня. Случалось зимою такъ, что нечего было ѣсть, нечѣмъ затопить печь, нечѣмъ посвѣтить,—идешь себѣ на улицу и пишешь подъ фонаремъ и не чувствуешь холода въ зимнюю ночь: согрѣваешься любовью къ родинѣ и родному языку».

Это изліяніе чувствъ само по себѣ говоритъ очень много, но тотъ кто прочтетъ мемуары Боннэ, признаетъ, конечно, что вдохновляющій ихъ талантъ, раскрывшійся отъ соприкосновенія души поэта съ священною почвою родины, придаетъ этому моменту не только личное, но и важное общественное значеніе. Человѣку, затертому жизнью и утерявшему среди его передрягъ свой родной языкъ, возвращается этотъ языкъ, и однимъ писателемъ у его родины становится больше. Сколько такихъ талантовъ погибло и теперь еще погибаетъ, о томъ и подумать страшно тому, кто представитъ себѣ безпредѣльность того мрака, изъ котораго исходятъ всѣ эти бѣдствія. Прислушайтесь только къ голосу высоко - образованнаго интеллигента, не утратившаго тѣхъ основныхъ чувствъ, которыя согрѣвали сердце провансальскаго крестьянина, и въ то же время оцѣнившаго ихъ великое соціальное значеніе. Бельгійскій депутатъ фламандецъ Ванъ-Бээрсъ еще въ 1873 году, въ рѣчи, произнесенной имъ на литературномъ конгрессѣ въ Антверпенѣ, высказался въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «слово,—это, такъ сказать, кристаллизованная мысль. Стараться замѣнить языкъ народа языкомъ чуждымъ, значитъ то же, что стараться задушить всякую оригинальность идей,—то же, что задушить, убить мысль въ самой душѣ; это все равно, что совершить нравственное убійство цѣлаго народа,—превратить его съ точки зрѣнія идей въ евнуха, осужденнаго на борьбѣ за существованіе на неизбѣжное пораженіе и изчезновеніе съ лица земли». (*Paul Hamelius.* «Histoire politique et littéraire du mouvement flamand, Bruxelles 1894, p. 220). Вдохновленные такими мыслями, фламанды и создали литературу, которая является прежде всего литературою народною. «Люди, рожденные въ средѣ народа, создали ее ради любви къ на-

роду, ради возбужденія симпатіи къ народному языку и народной душѣ, ради нравственнаго воздѣйствія на народъ и расширенія его разума и сердца. Они стараются предать забвенію глубокую религіозную рознь и бурныя политическія страсти, разъединяющія фламандцевъ, и заботятся о проведеніи въ народную массу возвышенной морали, общей для всѣхъ мнѣній. Создавъ цѣлую народную литературу, они придали своей дѣятельности важное и плодотворное значеніе и, поднявъ народъ нравственно и матеріально, стали ему дороги» (ibid.). Такое же значеніе имѣетъ и дѣятельность и чешской интеллигенціи, на знамени которой со времени Палацкаго ярко сіяютъ общечеловѣческіе принципы. Лужичане, каталонцы, провансальцы, галичане... Сколько народовъ возродилось къ новой жизни подъ благодѣтельными лучами истинно-новаго солнца! И если, все же не для всѣхъ европейскихъ народовъ солнце это уже взошло, зато имъ могутъ пользоваться хоть негры южной Африки. Въ португальской колоніи Анголѣ существуетъ теперь народная туземная литература на языкѣ кимбунду... «Будущее этой литературы»—по словамъ сѣверо-американскаго миссіонера Гэли Чэтлена — теперь обезпечено: Кордейра де Матта, негритянскій поэтъ съ береговъ рѣки Куансы, распростился съ португальской музой, съ тѣмъ чтобы посвятить свой талантъ нарождающейся народной литературѣ. Одновременно, во внутренней колоніи, практичные самоучки изъ племени амбаквистовъ отдаютъ преимущество собственному языку надъ португальскимъ для цѣлей частной переписки. Для нихъ португальскій языкъ имѣетъ то же значеніе, что латинскій языкъ для португальскаго крестьянина. Нѣтъ, наконецъ, недостатка въ указаніяхъ и на то, что здѣшнія гражданскія и церковныя власти обратили вниманіе на важность столь широко-распространеннаго языка, какъ кимбунду, и оцѣнили въ немъ значеніе связующаго звена между оффиціальнымъ языкомъ администраціи и многочисленными нарѣчіями банту въ такой обширной области, какъ Ангола».

«Португалія,—прибавляетъ къ этому Чэтленъ,—попала въ Африкѣ какъ въ западню между непомѣрно сильнѣйшими и жадными на захватъ сосѣдями. Единственнымъ оплотомъ ея послѣднихъ колоніальныхъ остатковъ можетъ стать преданность ея африканскихъ подданныхъ. Обезпечить эту преданность можетъ она однимъ только предоставленіемъ столь желаемой ими, давно-обѣщанной конституціи и терпѣливо ожидаемой, раціональной системы элементарнаго, профессіональнаго и высшаго образованія. Начальная школа не можетъ вести свое дѣло усиленно до тѣхъ поръ, пока учитель и ученикъ обязываются читать и писать на языкѣ, для нихъ обоихъ непонятномъ». (*Heli Chatelain.* «Folk-Tales of Angola». 1894. Preface).

Приведенный мною рядъ можно бы еще значительно удлинить, но и сказаннаго достаточно, я думаю, чтобы убѣдиться въ великомъ значеніи народнаго языка: онъ пробуждаетъ дремлющія творческія силы, онъ ведетъ по единственному пути сближенія интеллигенціи и народа, онъ даетъ естественныя формы воплощенію общечеловѣческихъ идей, онъ скрашиваетъ жизнь... Но надо не забывать—онъ можетъ производить и обычную

для сферы чувствъ иллюзію: его услаждающіе душу звуки могутъ показаться обладающими такимъ свойствомъ не въ силу привычныхъ и упрочившихся ассоціацій, а въ силу будто бы присущихъ самому языку особенныхъ, возвышающихъ его надъ другими языками, свойствъ. Даже интеллигенція, если она по какимъ-либо обстоятельствамъ осталась чуждою хорошей критической школѣ, легко можетъ не уберечь себя отъ такого самообмана. Заслушиваясь иной разъ своихъ собственныхъ лирическихъ изліяній, иной «поэтъ въ душѣ», а не то—просто декламаторъ, незамѣтно переходитъ къ заключенію отъ нихъ къ возбудившему ихъ предмету и давай осыпать его возможными и невозможными дарами совершенства. Языкъ де и великъ, и могучъ, и правдивъ, и свободенъ... Онъ де можетъ даже служить поддержкой и опорой въ дни сомнѣній, въ дни тягостныхъ раздумій не о своей только судьбѣ, какъ у Боннэ, а о судьбѣ родины и т. п. Риторикѣ надо тутъ, конечно, отвести свою долю, но все же остается очевиднымъ, что у вѣщателя—энтузіастъ ли онъ, или просто праздноболтающій — не имѣется истиннаго мѣрила совершенства языка, не входитъ въ обычай сравнить свой опытъ съ опытомъ другихъ и нѣтъ предчувствія, что всеобщій опытъ давно сведенъ въ «науку»; импровизація замѣняетъ у такого восторженнаго цѣнителя все.

Пустыя восхваленія проходятъ, впрочемъ, какъ дымъ; гораздо хуже то, что склонные къ суживанію значенія языка склонны и къ суживанію значенія культуры. Подъ гнетомъ напора самовосхваленій культура можетъ и вовсе потерять свое общечеловѣческое содержаніе и мало-по-малу свестись къ мѣстной обособленности, за которою не замедлятъ послѣдовать и ея спутники: мраколюбіе и разнообразныя формы человѣконенавистничества,—словомъ, націонализмъ. Развивается ли онъ на почвѣ господствующаго языка, или же путемъ отрицательнаго воздѣйствія проникаетъ въ языки областные,—вездѣ онъ тянетъ всегда назадъ, вездѣ онъ возстановляетъ первобытныя формы стародавней разрозненности и возбуждаетъ охранительные инстинкты. Если одновременно съ микроскопическими дозами науки провансальскіе «фелибры» надрываются надъ реставрированіемъ «cours d'amour», «jeux flaugaux» и всякой бутафоріи, то это служитъ несомнѣннымъ признакомъ господства у нихъ націоналистическаго духа и слабаго развитія общечеловѣческаго элемента, сильно понижающихъ цѣну руководимаго ими движенія.

Народнымъ языкамъ—какъ видно—выпала разная участь: одни чрезмѣрно унижены, другіе чрезмѣрно превознесены; одни несутъ великую службу просвѣщенія, другіе слишкомъ увлекаются показною стороною; одни ведутъ свое дѣло въ тиши неусыпнаго труда, другіе производятъ шумъ на весь свѣтъ. Но какъ бы то ни было, а всѣ эти формы [illegible] тельности все же рѣзко различаются отъ борьбы за преобладаніе надъ другими языками и отъ попытокъ подавленія и вытѣсненія этихъ языковъ, т.-е. отъ траты силъ, приводящей къ однимъ только отрицательнымъ результатамъ.

V.

Погоня за призракомъ частнаго объединенія языка оказалась, какъ мы могли въ томъ убѣдиться изъ предшествующихъ сопоставленій, столь же безплодною, какъ и преслѣдованіе иллюзій объединенія универсальнаго. Частное объединеніе, опирающееся на иныя, сравнительно съ объединеніемъ универсальнымъ, средства, даетъ и результатъ, съ формальной стороны отличающійся отъ результата тѣхъ объединительныхъ усилій, которыя намѣчаютъ себѣ установленіе всемірнаго языка. Формальная сторона одна только и можетъ, впрочемъ, оказаться доступною воздѣйствію извнѣ,—единственному воздѣйствію, находящемуся въ распоряженіи объединителей. Воздѣйствіе это иного успѣха, впрочемъ, и не добивается и, пріобрѣвъ его, считаетъ все, имѣющее для намѣченной цѣли какое-либо значеніе, вполнѣ достигнутымъ. Ревнителямъ внѣшняго воздѣйствія,—а имя имъ легіонъ,—можетъ казаться, что объединеніе слѣдуетъ считать достигнутымъ вполнѣ, если во всѣхъ оффиціальныхъ учрежденіяхъ слышится говоръ, условно принимаемый за господствующій языкъ, и пишутся бумаги на ставшемъ обычнымъ, канцелярскомъ жаргонѣ; для нихъ нужно одно: чтобы нигдѣ не слышны были мѣстные языки. Довольствуясь показной стороной дѣла, они ничего болѣе не ищутъ: не считаютъ это нужнымъ и не имѣютъ на то никакой склонности. И вотъ, разъ навсегда установляется порядокъ, о которомъ всегда и говорится, какъ о несомнѣнно совершившемся вытѣсненіи областныхъ языковъ—господствующимъ, отнынѣ объединяющимъ де всѣ разноязычныя части страны. Такое заявленіе обыкновенно считается въ высшей степени благонамѣреннымъ и всегда поощряется имѣющими на то возможность. Такъ идетъ дѣло изо дня въ день; но стоитъ только, чтобы произошло что-нибудь незаурядное, какъ тотчасъ же въ средѣ приспѣшниковъ патріотическаго празднословія, въ средѣ рептилій печати и всѣхъ, вообще, того сорта людей, которые, по словамъ нашего великаго сатирика,—міръ поглотили бы, если бы только Богъ имъ выдалъ его, раздаются извѣстные «аккорды въ постыдной оргіи», когда то заклейменной незабвеннымъ поэтомъ, но не считающей себя осужденной на молчаніе. И тѣмъ лучше, пожалуй, такъ какъ «постыдные аккорды» и составляютъ, собственно говоря, всю санкцію фиктивнаго успѣха и все поощреніе на дальнѣйшее преуспѣяніе мнимаго объединенія, цѣликомъ сводящееся въ дѣйствительности къ показнымъ словамъ, красующимся на вывѣскѣ.

«Условная ложь» не можетъ однакоже удовлетворять тѣхъ, которые идутъ далѣе «поверхности вещей»; сознаніе этой лжи при сохраненіи псевдо-патріотическихъ импульсовъ выводитъ на сцену такихъ поборниковъ объединенія языка, которые берутся за выполненіе задачи не при посредствѣ внѣшнихъ воздѣйствій, а намѣчаютъ себѣ внутреннюю работу, долженствующую вполнѣ и окончательно устранить скрывающуюся за декорацiями внѣшняго объясненія рознь. Они воздвигаютъ крестовый походъ

изъ-за новой иллюзіи, изъ-за установленія дѣйствительнаго единства въ самомъ господствующемъ языкѣ:—единства языка письменнаго и устнаго, единства въ словоупотребленіи,—въ выговорѣ,—въ удареніи,—въ акцентѣ. Единство это должно стать удѣломъ всѣхъ классовъ населенія и, вообще говоря, должно достигнуть мыслимо—наивысшей полноты и законченности.

Иллюзія такого объединенія всецѣло возводится на преувеличеніи значенія письменнаго языка, а потому я и попытаюсь теперь свести это значеніе къ его истиннымъ размѣрамъ.

Объ общемъ значеніи письменнаго языка я имѣлъ уже случай говорить ранѣе. Значеніе это такъ велико, что нисколько не нуждается въ преувеличеніи. Чтобы охранить себя отъ такого преувеличенія, слѣдуетъ прежде всего не смѣшивать роли письменнаго языка съ ролью языка устнаго въ обиходѣ жизни. Эти два языка не только не тождественны, но даже и не равнозначны: различіе между ними—есть различіе глубокое, коренное. Обратимъ вниманіе на то, что любая азбука, какъ бы она ни была совершенна, не въ состояніи воспроизвести той непрерывности и слитности, которыя свойственны живой рѣчи. Соотношеніе живой рѣчи и письма можно приравнять поэтому соотношенію линіи къ числу. При величайшемъ совершенствѣ письменныхъ знаковъ, отдѣльно-взятый знакъ никогда не представляетъ собою только одинъ опредѣленный звукъ, а всегда цѣлый рядъ ихъ, артикулируемыхъ различно. Затѣмъ, кромѣ артикуляціи, важное значеніе имѣетъ количественное различіе звуковъ и удареніе. И далѣе слѣдуетъ принять во вниманіе, что такъ какъ передача звуковъ знаками выработалась исторически, а потому и является несовершенною и приблизительною, и такъ какъ количественное различіе звуковъ и удареніе обозначаются крайне неудовлетворительно, а иногда и совсѣмъ не имѣютъ обозначенія, то письменный языкъ и оказывается всегда въ высшей степени блѣднымъ отобразомъ языка устнаго. Тѣ звуковыя различія, которыя сплошь и рядомъ соотвѣтствуютъ одинаковымъ начертаніямъ, могутъ быть точно воспроизводимы лишь тѣми, которымъ различія эти были предварительно извѣстны по непосредственному опыту; всякому другому, такимъ непосредственнымъ опытомъ не обладающему, они должны остаться навсегда недоступными. Прослѣдить по письменнымъ даннымъ различіе корней нѣтъ никакой возможности; столь же невозможно и изъ грубыхъ чертъ сходства письменныхъ знаковъ извлечь цѣлую массу такихъ особенностей. Никакія сравненія и выводы при этомъ не могутъ оказаться возможными и никакое изученіе языка выполнено быть не можетъ. Можно утверждать поэтому, что письменный языкъ относится къ устному, какъ аляповатый эскизъ къ законченной картинѣ со всѣми выраженными въ ней переливами свѣта, тѣни и красокъ. Благодаря всѣмъ этимъ условіямъ, письменный языкъ всегда остается позади устнаго и никогда не получаетъ значенія вѣрнаго его выразителя. Открытіе законовъ языка возможно по этому только при изученіи живой рѣчи, литературный языкъ никакой услуги

въ этомъ направленіи оказать не можетъ или же приводитъ къ сбивчивымъ и, вообще говоря, отрицательнымъ результатамъ. (*Паулъ, Крушевскій, Сьютъ,* цит. соч).

Такой взглядъ подтверждается и «нѣкоторыми выводами изъ позднѣйшихъ трудовъ по велико-русской діалектологіи», изложенныхъ проф. Будде въ статьѣ его, помѣщенной въ «Юбилейномъ Сборникѣ» въ честь В. Ѳ. Миллера. «Изучая русскій языкъ въ его реальныхъ фактахъ, изъ которыхъ лишь незначительная часть сдѣлалась достояніемъ общеизвѣстнаго русскаго литературнаго языка,—говоритъ г. Будде,—русскіе діалектологи вскорѣ пришли къ глубокому и, несомнѣнно, истинному убѣжденію въ томъ, что факты русскаго языка въ его литературномъ нарѣчіи не могутъ сами по себѣ имѣть особеннаго значенія, что настоящее знаніе русскаго языка еще впереди и наступитъ тогда, когда изученіе русскаго языка сведется къ приведенію въ извѣстность фактовъ, существующихъ не въ одномъ литературномъ употребленіи, но въ употребленіи и не-литературномъ, народномъ, на всемъ пространствѣ живой русской рѣчи. Иначе говоря, лишь русская діалектологія должна приготовить самый матеріалъ для научнаго знанія и изложенія грамматики русскаго языка; она, русская діалектологія, должна дать факты абсолютнаго значенія, должна сдѣлать русскій языкъ въ его теоретическомъ изложеніи научной дисциплиной. Вотъ, между прочимъ, тѣ основанія, которыя заставляютъ насъ и сейчасъ утверждать, что научная грамматика русскаго языка есть дѣло будущаго, уже недалекаго; что недалеко то время, когда современная наша школьная грамматика русскаго языка въ ея общественномъ изложеніи рухнетъ и замѣнится той грамматикой, которая, какъ система экспериментальныхъ данныхъ, не будетъ болѣе тормозомъ и отвратительнымъ бременемъ въ нашемъ школьномъ образованіи».

Какъ ни очевиденъ однакоже тотъ фактъ, что литературный языкъ отстаетъ отъ языка устнаго,—фактъ этотъ,—хотя и выясненный учеными,—остается мало извѣстнымъ обширной публикѣ. Происходитъ это потому, что въ данномъ случаѣ необходима еще нѣкоторая важная предварительная работа, долженствующая повліять на устраненіе многихъ застарѣлыхъ и весьма давнихъ примысловъ. Обыкновенно намъ всего болѣе бросается въ глаза вліяніе письменности на расширеніе сферы вліянія языка въ пространствѣ и во времени. Это вліяніе очень часто мѣшаетъ надлежащимъ образомъ присматриваться ко всѣмъ сторонамъ жизни языка,—оно заслоняетъ ихъ своимъ великимъ значеніемъ и побуждаетъ поэтому переоцѣнивать роль письменнаго языка и недоцѣнивать роль языка устнаго.

Я постараюсь избрать путь, свободный отъ всѣхъ этихъ предразсудковъ, и попытаюсь представить очеркъ того соотношенія между языкомъ письменнымъ и языкомъ устнымъ, которое установляется при пособіи новаго освѣщенія фактовъ. Устраненіе и еще одной иллюзіи, изъ числа обычныхъ, традиціонныхъ, выяснится при этомъ само собой.

Литературный языкъ, разсматриваемый со стороны культурнаго его

значенія, по мѣткому сравненію Бэагеля, уподобляется каналу, проводимому параллельно естественному руслу рѣки. Рѣка попрежнему продолжаетъ оставаться такою же, какъ и прежде, неоднородною массою и еще больше прежняго разливается на множество потоковъ, тогда какъ воды канала протекаютъ по прорытому для нихъ углубленію, подвергаясь переходу черезъ многіе шлюзы и испытывая воздѣйствіе поставленныхъ для нихъ фильтровъ, долженствующихъ удалять содержащіеся въ нихъ илъ и гальки и устранять свойственный имъ привкусъ земли *). Это различіе между искусственнымъ и естественнымъ языками, прибавляетъ Бэагель, имѣетъ большую важность: народныя нарѣчія продолжаютъ жить согласно естественнымъ законамъ развитія, дѣло рукъ человѣческихъ—искусственный языкъ оказывается препаратомъ, въ природѣ не встрѣчающимся, какъ не встрѣчается дистиллированная вода въ нашихъ ручьяхъ. Грубой ошибкой является поэтому мнѣніе, и до сихъ поръ еще встрѣчающееся въ средѣ образованныхъ людей, будто народный языкъ есть испорченный письменный—нѣчто, напоминающее фабричный стокъ. Ничего подобнаго въ дѣйствительности не существуетъ. Оба указанные выше потока идутъ каждый самъ по себѣ, но поверхности уклона ихъ теченія различны: подвижность письменнаго языка сравнительно съ подвижностью языка устнаго очень слаба, она задерживается искусственно, въ силу одного лишь даннаго положенія; развитіе же устнаго языка совершается вполнѣ безпрепятственно и свободно.

Но если наложенная на языкъ культурная опека лишила его тягучести, жизненной измѣнчивости и достаточно быстрой развивчивости, то, быть можетъ, она вознаградила его столь страстно желаемымъ единствомъ, уравновѣсившимъ всѣ пріобрѣтенные недостатки? Мы знаемъ, что англійскій языкъ очень далекъ отъ возможности похвалиться такимъ достоинствомъ. Но территоріи Англіи разрознены, и склонность англійскаго языка къ распаденію можетъ получить объясненіе въ этомъ именно особенномъ обстоятельствѣ. Можно предположить, пожалуй, что въ Германіи, представляющей діаметральную противоположность такой разбросанности, мы именно и встрѣтимъ это лелѣемое въ мечтахъ патріотовъ единство языка, наивысшее, какое только достижимо гдѣ бы то ни было, обусловленное старой культурой, небольшимъ пространствомъ и большою густотою одноплеменнаго населенія. И однакоже, оказывается, что и въ Германіи такого единства не существуетъ, и что оно даже, какъ утверждаетъ Бэагель,

*) Подтвержденіемъ мнѣнія Бэагеля можетъ служить замѣчаніе Гастона Париса о литературномъ характерѣ провансальскаго языка, въ которомъ, по мнѣнію знаменитаго академика, „слишкомъ многія слова сохраняютъ запахъ грязи и даже навоза, среди которыхъ протекала ихъ жизнь; они, при пользованіи ими, распространяютъ запахъ этотъ вокругъ себя. (*G. Paris:* Penseurs et Poètes, 1896, p. 107). Эту салонную брезгливость интересно сопоставить съ замѣткою, которую дѣлаетъ мимоходомъ Оливія Шрейнеръ (The Story of an African Farm. Preface) о невозможности для нея писать такъ, какъ могутъ дѣлать это обитатели фэшіонебельной части Лондона, „творческое воображеніе которыхъ, свободное отъ соприкосновенія съ фактами, имѣетъ полную возможность расправлять свои крылья".

едва ли и вообще здѣсь достижимо. Провинціализмы въ нѣмецкой литературѣ встрѣчаются очень часто, особливо же на окрайнахъ области нѣмецкаго языка. У швейцарцевъ и у австрійцевъ они до такой степени многочисленны, что писатель швейцарскаго или австрійскаго происхожденія всегда выдаетъ себя своимъ языкомъ. Если ослабленіе провинціализма и мыслимо, то все же, по мнѣнію Бэагеля, на наступленіе этого ослабленія никакъ нельзя разсчитывать. Что же касается всякаго рода новшествъ, которыми переполнена нѣмецкая печать, то въ силу свойствъ развитія самого языка, устраненіе ихъ должно навсегда остаться неосуществимымъ. Момента покоя или застоя—какъ то хорошо извѣстно всякому, не чуждому современной «наукѣ о языкѣ»—никогда не бываетъ и быть не можетъ. Въ силу внутренней необходимости постоянно создаются новыя формы и новыя сочетанія словъ, и такимъ образомъ всегда имѣется въ наличности достаточный стимулъ для борьбы между старымъ и новымъ,—борьбы, о прекращеніи которой не можетъ быть и рѣчи. Пока она идетъ, не можетъ исчезнуть и извѣстная неувѣренность, не могутъ устраниться извѣстныя колебанія въ пользованіи языкомъ, а отсюда возникаетъ и все то, что принято называть признаками вырожденія и засоренія языка,—неологизмами и варваризмами, обрекаемыми нѣкоторыми блюстителями чистоты языка на рѣшительное и полное устраненіе.

Въ настоящее время источникъ всѣхъ этихъ печалованій можетъ считаться хорошо извѣстнымъ: этотъ источникъ—ветхій деньми примыселъ приравненія языка самостоятельному организму, развивающемуся совершенно самобытно. Взглядъ этотъ, подкрѣпленный тѣмъ эстетизмомъ, которымъ и по сейчасъ еще проникнута добрая доля литературной критики и исторіи литературы, именно и получаетъ форму тѣхъ воплей, которымъ и предѣла нѣтъ у людей, живущихъ заднимъ числомъ. Запоздалая приверженность къ метафизическому методу мышленія и преклоненія передъ казарменными идеалами вездѣ даютъ одинъ и тотъ же результатъ. Требуется нѣчто единое, постоянное, незыблемое и въ то же время однородное, ровное и гладкое, какъ плацпарадъ. А жизнь между тѣмъ не знаетъ и знать не хочетъ объ этихъ нависшихъ надъ нею угрозахъ: живой языкъ идетъ своимъ широкимъ русломъ, разливается безчисленными потоками, ручьями и струями: здѣсь протекаетъ по чистому песку, тамъ по камнямъ, по илу, по корнямъ деревьевъ; на каждомъ шагу на всѣхъ этихъ разнообразныхъ путяхъ встрѣчаются различнѣйшія сочетанія и особенности: тутъ въ водахъ отразились зеленые берега, луга, сады,—тамъ нависли скалы, поднялись крутизны... а поклонники прямой линіи только объ одномъ и думаютъ: хотятъ превратить этотъ чудный, кипящій жизнью, величественный потокъ въ искусственное, слизанное сооруженіе вродѣ такъ называемой рѣки Шпрэ или будто бы рѣки Мойки. Но вѣдь надо съ корнемъ вырвать изъ сознанія нашего засѣвшее въ него чувство природы, надо выкинуть за бортъ Руссо и все его вліяніе на европейскую цивилизацію, чтобы сдѣлать себя способнымъ восхищаться такимъ убожествомъ! Языкъ прессы

обезображенъ, засоренъ, и не знаю еще что? Но «это зло не такъ ещ большой руки»: дѣло вѣдь идетъ объ одной отдѣльной струйкѣ,—струйкѣ, поставленной въ свои особенныя условія и неизбѣжно носящей на себѣ ихъ отпечатокъ. Искаженіе и засореніе при томъ же являются преходящими, и производимая ими въ языкѣ ферментація, способствующая его обновленію, остается и оказываетъ на развитіе языка свое благодѣтельное воздѣйствіе. Не взвѣсивъ соотносительнаго значенія этихъ двухъ факторовъ, ошибочно осуждать на устраненіе одинъ изъ нихъ, — это «ясно какъ простая гамма».

Допустимъ однако же, что декламаціи о выработкѣ и всеобщемъ установленіи единаго и идеально-совершеннаго языка имѣютъ какое-нибудь дѣйствительное значеніе, и что писателями въ самомъ дѣлѣ овладѣло рѣшительное стремленіе осуществить это мечтаніе. Какъ же имъ надо поступить, что надо будетъ сдѣлать, чѣмъ надо будетъ руководиться для того, чтобы не попасть въ положеніе рыбака, долженствующаго во что бы то ни стало уловить золотую рыбку?

Если бы языкъ дѣйствительно представлялъ изъ себя отдѣльно существующій, самостоятельный организмъ, то, конечно, возможно было бы мечтать объ усовершенствованіи этого организма. Само собою разумѣется, что усовершенствованіе это могло бы быть лишь одностороннимъ, такъ какъ примиреніе взаимно-противоположныхъ качествъ на практикѣ невозможно. Очевидно, поэтому, что мечта о такой переработкѣ языка, благодаря которой онъ могъ бы пріобрѣсти сразу всевозможныя совершенства, есть мечта, даже и при сдѣланномъ допущеніи—нелегкая и неосуществимая. Можно подумать, что добивавшіеся сохраненія за нею ея мнимаго руководительнаго значенія мыслили такъ же не критически, какъ и та институтка, которая непремѣнно хотѣла получить «самое вкусное лѣкарство».

Въ томъ направленіи, которое опредѣляется такого рода «принципомъ», дѣлалось не мало попытокъ повсюду, не исключая, по всей вѣроятности, и «лужка подъ липками»; но изъ всѣхъ этихъ попытокъ ровно ничего не вышло. Всякіе чистильщики, полировщики, шлифовщики и лакировщики выбивались изъ силъ, но дѣло ихъ все же на ладъ не пошло: или являлась опасность склонить языкъ къ неподвижности и покою, чего добраго—вѣчному, или оказывалось необходимымъ впустить живительную струю устнаго языка, и тогда опять являлся поводъ крикамъ о засореніи, о небрежномъ храненіи клада и еще тамъ о чемъ? Златой средины такъ-таки никто никогда и не нашелъ. Во Франціи, какъ извѣстно, существуетъ депо нарочно для этой благой цѣли поставленныхъ, такъ называемыхъ «безсмертныхъ»; въ Германіи ничего подобнаго не имѣется. Сравнивая положеніе литературнаго языка въ этихъ двухъ странахъ, Бэгель находитъ, что законодательство французской академіи никогда не могло быть согласовано съ развитіемъ живого языка,—не могло въ силу условій развитія всякаго вообще языка. «У французовъ,—говоритъ Бэгель,—наглядно обнаруживаются тѣ опасности, которыя связываются съ во-

фикаціей языка. Чѣмъ болѣе цѣпко держался академическій словарь своего элегантнаго классицизма, тѣмъ рѣзче было проявленіе переворота, тѣмъ размашистѣе оказалась необузданность, обнаружившаяся послѣ ниспроверженія романтикой старинныхъ преградъ. И теперь у французовъ дѣла идутъ нисколько не лучше, чѣмъ у насъ: ихъ газеты, въ среднемъ уровнѣ точно такъ же переполнены небрежностями и точно такъ же являются обильнымъ источникомъ всякихъ новшествъ, какъ и у насъ». (Behagel, o. c. S. 47).

Бэагель утверждаетъ, что частныя работы отдѣльныхъ лицъ, имѣющія тѣ же цѣли, что и работы академическія, *менѣе вредны* для языка, чѣмъ эти послѣднія. Происходитъ это потому, что правила, имѣющія своимъ источникомъ частную инціативу, не могутъ подпасть застою съ тою легкостью, съ которою участь эта постигаетъ труды академиковъ: одна работа слишкомъ скоро выступаетъ на смѣну другой. Частныя работы могутъ даже, по мнѣнію Бэагеля, приносить долю пользы, хотя и незначительную. Во всякомъ же случаѣ, пользованіе языкомъ не должно быть внѣшнимъ: въ живой рѣчи не до того, чтобы рыться въ справочной книжкѣ и подыскивать выраженія: пользованіе языкомъ должно перейти въ плоть и кровь пользующагося, а для этого и необходимо всякому погрузиться въ тотъ источникъ, изъ котораго черпалъ и самъ составитель справочной книжки. Въ этомъ же смыслѣ высказывается и Стормъ, всегда твердо держащійся своего основного принципа: «письменный языкъ, хотя и медленно, но неуклонно идетъ къ сближенію съ живою устною рѣчью».

Вліяніе справочныхъ книгъ обусловлено прежде всего, конечно, степенью распространенія этихъ книгъ; во всякомъ случаѣ, оно является неизбѣжно ограниченнымъ. Иное дѣло вліяніе книгъ вообще, т.-е. вліяніе писателей; отъ него можно ожидать, пожалуй, большихъ результатовъ для всей области даннаго языка. Наличность этихъ результатовъ во всякое данное время не можетъ подлежать сомнѣнію, но они не всегда выражаютъ собою пріобрѣтенную языкомъ пользу, но иногда, и даже нерѣдко, свидѣтельствуютъ о причиненномъ писателями вредѣ. Такъ, источниками порчи языка, по мнѣнію Бэагеля, являются не только вѣчно-суетящіеся труженики ежедневной печати, но и беллетристы-скороспѣлки, а также переводчики-ремесленники, ученые, пренебрегающіе формой изложенія и т. д. Что же касается полезнаго воздѣйствія писателей на языкъ, то оно можетъ быть полезнымъ только тогда, когда не впадаетъ въ односторонность. Можетъ случиться, и нерѣдко случается, что раздраженіе, вызываемое замѣченнымъ иными писателями вреднымъ вліяніемъ на языкъ ихъ же собратовъ, влечетъ ихъ чрезмѣрною заботою о его очищеніи, и они начинаютъ усиленно гоняться за неправильностями, а также и за заимствованными иностранными словами. Усердіе, направленное въ эту послѣднюю сторону, можетъ принести болѣе вреда, чѣмъ пользы, такъ какъ заимствованіе иностранныхъ словъ слѣдуетъ разъ навсегда признать неизбѣжнымъ и необходимымъ.

Вопросомъ этимъ, волнующимъ нѣкоторыхъ усердствующихъ ревнителей, такъ называемой, чистоты языка, обстоятельно занимался покойный Тоблеръ и посвятилъ ему довольно обширную статью. Тоблеръ тоже на сторонѣ усердствующихъ; онъ напоминаетъ имъ, что классики — Лессингъ, Гердеръ, Гёте, Шиллеръ, всегда высказывались противъ очищенія языка отъ иностранныхъ словъ, заходящаго слишкомъ далеко. Онъ цитируетъ по этому поводу въ высшей степени достойное вниманія изреченіе Гёте,—изреченіе, которое не слѣдовало бы забывать ни въ какой образованной странѣ. «Очищать и обогащать языкъ,—гласитъ это изреченіе,—есть дѣло лучшихъ головъ; очищеніе же безъ обогащенія безсмысленно: оно подобно сужденію малопонимающихъ людей о произведеніяхъ искусства,—подмѣтитъ мелкіе промахи они могутъ, но сужденіе о достоинствахъ цѣлаго имъ вовсе не по силамъ» (*L. Tobler:* «Kleine Schriften». Frauenfeld, 1897, S. 282).

Остается прибавить, что и на классиковъ нельзя смотрѣть, какъ на какихъ-то совершенно исключительныхъ писателей, значеніе которыхъ для языка должно считаться вѣчнымъ: вліяніе ихъ весьма можетъ сохранить въ языкѣ не мало устарѣлыхъ словъ и выраженій (Behagel, ibid.).

Если мы примемъ въ разсчетъ всю совокупность вліяній, которымъ подвергается языкъ, то придется признать, что именно она и дѣлаетъ языкъ тѣмъ, что онъ есть; на нашу же долю, по мнѣнію Бэагеля, остается только одно: примиреніе съ колеблющимся состояніемъ языка—«резигнація»—для всякой активной роли мы должны признать себя совершенно безсильными.

Итакъ, мечты частныхъ объединеній языковъ, объединеній по господствующему въ той или другой странѣ языку оказались столь же несостоятельными, какъ и мечта объединенія универсальнаго. Еще одинъ принципъ уступаетъ скальпелю критики и—принципіально—языкъ окончательно сбрасываетъ съ себя бремя традиціи и выходитъ на свободу.

Только такой языкъ и можетъ стать солнцемъ, освѣщающимъ тысячи ходящихъ во тьмѣ. Чего еще? Вѣдь «яркій неба сводъ

> Огнемъ свѣчи надѣяться украсить—
> Пустая роскошь, трудъ, достойный смѣха!"

Теперь, если послѣ всего до сихъ поръ выясненнаго и установленнаго я въ заключеніе попытаюсь представить въ самыхъ общихъ чертахъ нормальный укладъ жизни языка, то для меня возможно будетъ ограничиться самой краткой его формулировкой.

Я старался выяснить въ предшествовавшихъ главахъ вредъ, происходящій для общества отъ слѣдованія по старому пути традиціи и принципъ словъ, я старался показать, что борьба, вызываемая устарѣлыми принципами, безрезультатна, что благодѣтельное вліяніе освободительныхъ теорій—этими теоріями замедлено; что повсюду замѣчается пустая трата силъ и не видно ни малѣйшей пользы ни для кого. Вмѣстѣ съ тѣмъ я привелъ доводы въ пользу той мысли, что эволюція языка, какъ явленія об-

ственнаго, опредѣляется общею совокупностью всѣхъ условій жизни, и что максимумъ блага, которое можетъ дать языкъ въ качествѣ орудія просвѣщенія, осуществляется лишь тогда, когда мы отнесемся къ нему, какъ къ извѣстной данности, и постараемся прежде всего изучить законы его развитія, а потомъ ужъ примемся за пользованіе имъ, никогда не уклоняясь при этомъ отъ закономѣрности.

Если насильственное распространеніе границъ языка ничего кромѣ зла не приноситъ, и если искусственное насажденіе его тамъ, гдѣ общія условія тому не благопріятствуютъ, остается всегда безплоднымъ, то надо признать истиннымъ то простое и ясное положеніе, которое должно стать основнымъ вездѣ, гдѣ просвѣщеніе народа является первѣйшею и священнѣйшею общественною задачею: область примѣненія народнаго языка должна совпадать съ границами той территоріи, гдѣ языкъ этотъ является общепринятымъ, обычнымъ разговорнымъ языкомъ и гдѣ онъ пользуется наибольшимъ пониманіемъ и наибольшими общественными симпатіями. Такой языкъ въ предѣлахъ своей исторически-сложившейся области и является готовымъ уже орудіемъ просвѣщенія, незамѣнимымъ никакимъ другимъ.

Само собою разумѣется, конечно, что такая постановка народнаго языка даетъ ему всегда полную возможность уберечься отъ всѣхъ, указанныхъ выше, золъ, разъѣдающихъ оффиціальные языки. Въ новомъ фазисѣ своего развитія языкъ явится прежде всего прочнымъ связующимъ звеномъ между погруженнымъ въ тяжелый трудъ народомъ и наукою — этимъ общимъ результатомъ труда не одной только мѣстной интеллигенціи данной страны, но коллективнаго труда интеллигенціи всего свѣта, являющимся поэтому плодомъ общественной дѣятельности и вмѣстѣ съ тѣмъ общественнымъ достояніемъ. Какъ при выработкѣ науки устойчивость положеній пріобрѣталась такимъ восхожденіемъ и обобщеніемъ, которыя не теряли связь со своими конкретными основами, такъ и въ ходѣ ея распространенія, для устойчивости просвѣщенія въ странѣ, необходимо, чтобы послѣдній чернорабочій не остался чуждымъ той долѣ знанія, которое окажется ему доступнымъ. Эта оговорка въ практикѣ жизни никогда не потеряетъ, конечно, своего значенія, но для того, чтобъ она не была одною лишь лицемѣрною фразою, необходимо нести науку въ народъ не окольными путями, но по линіи наименьшаго сопротивленія, т. е. по той линіи, которая является данною въ народномъ языкѣ. Между тою инстанціею, которая черпаетъ непосредственно изъ всѣхъ источниковъ всесвѣтнаго вѣдѣнія, которая и сама съ своей стороны даетъ въ общую сокровищницу соотвѣтственные взносы и которая создаетъ и вырабатываетъ тѣ формы, въ которыхъ должна представиться народу общечеловѣческая наука, между этою, высшею инстанціею науки и бѣднымъ пастухомъ или чернорабочимъ долженъ образоваться, конечно, цѣлый рядъ посредствующихъ инстанцій, связь и взаимодѣйствіе которыхъ и должны будутъ представить собою организацію просвѣщенія народа на самой практикѣ дѣйствительной жизни. Чѣмъ эта организація будетъ связнѣе и шире,

тѣмъ менѣе потратится силъ и времени и тѣмъ полнѣе будетъ заключительный моментъ всего процесса. Въ идеальномъ представленіи такого порядка вещей просвѣщеніе должно проникнуть повсюду, во всѣ углы и закоулки страны и стать всеобщимъ въ самомъ широкомъ значеніи этого слова. Формы, въ которыхъ оно явится въ народъ, будутъ, какъ то и очевидно, въ высшей степени разнообразны: тутъ будетъ и прямое педагогическое изложеніе, и публичная популярная лекція, и книга, журналъ, и газета, и всевозможныя формы олицетворенія и фантазіи, и народный театръ, и, словомъ, все, что только можетъ дать сама жизнь. Но все, что будетъ предложено народу его интеллигенціей, — все это будетъ звучать въ формахъ родного языка, все будетъ проникнуто прелестью непосредственнаго воспріятія, во всемъ будетъ частица того лучшаго въ насъ, которое, по словамъ одного французскаго мыслителя, явилось въ свѣтъ раньше насъ. И такимъ путемъ у народа явится своя родная, глубоко захватывающая его душу, дорогая ему, искренно имъ любимая литература, и народъ займетъ то мѣсто среди другихъ культурныхъ народовъ міра, которое будетъ соотвѣтствовать его культурной работѣ. Нѣсколько сближаясь съ мыслью Гастона Париса, мы можемъ сказать, что «однихъ великихъ писателей еще недостаточно для того, чтобы создалась народная литература, а необходимо, чтобъ у писателей сказалась бы самая душа народа. Тогда только принятыя ими формы выраженій чувствъ и мнѣній способны будутъ находить откликъ въ душахъ ихъ земляковъ, хотя и не будутъ способны увлечь иноземца. Связь мысли и выраженія ея такъ тѣсна, что измѣнить языкъ, значитъ для народа то же, что измѣнить его душу».

Но, если народный языкъ является тою линіею наименьшаго сопротивленія, по которой народъ получаетъ общечеловѣческое просвѣщеніе, то онъ является такою же кратчайшею линіею для интеллигенціи, когда она стремится изучить непосредственно и близко ту среду, въ которую ей приходится идти со своею проповѣдью. Только при условіи знанія народнаго языка, народныхъ нравовъ и обычаевъ и всѣхъ народныхъ преданій и вѣрованій, всего того, что обыкновенно охватывается общеевропейскимъ терминомъ — «фольклоръ», только при этомъ условіи становится возможнымъ для народной интеллигенціи воплотить въ народной рѣчи общечеловѣческое содержаніе. Достигнувъ осуществленія этой возможности, интеллигенція можетъ будетъ признать свой долгъ по отношенію къ народу выполненнымъ и свою задачу рѣшенною.

Въ такомъ видѣ представляется мнѣ открываемое пользованіемъ народными языками живое дѣло въ противопоставленіи его погонѣ за метафизическимъ призракомъ объединенія этихъ языковъ.

Вл. Лесевичъ.

Главнѣйшіе представители дарвинизма въ Западной Европѣ *).

IV.

Августъ Вейсманнъ.

Послѣ Э. Гэккеля первое мѣсто въ дѣлѣ распространенія дарвинизма въ Германіи безусловно занимаетъ Авг. Вейсманнъ, но по существу своихъ дарвинистическихъ трудовъ онъ значительно отличается отъ Гэккеля, такъ какъ въ нихъ есть много самостоятельнаго, основаннаго на изученіи фактическихъ данныхъ, и только его «теорія наслѣдственности» носятъ на себѣ ясно сказавшееся вліяніе нѣмецкой натурфилософіи.

Вейсманнъ далъ наукѣ много прекрасныхъ спеціальныхъ изслѣдованій. Его работа о развитіи двукрылыхъ насѣкомыхъ не только дала рядъ тщательныхъ описаній исторіи развитія различныхъ двукрылыхъ, но также первое серьезное описаніе явленій гистолиза, т.-е. разрушенія личиночныхъ тканей и построенія организма взрослаго насѣкомаго изъ сравнительно-ничтожныхъ остатковъ личинки. Съ разработкой этого вопроса связаны имена многихъ выдающихся зоологовъ, но всѣ они остановились на этихъ явленіяхъ позднѣе, исходной же точкой отправленія являются труды Вейсманна.

Затѣмъ, этотъ ученый далъ интересное описаніе разныхъ способовъ размноженія однихъ изъ низшихъ ракообразныхъ—дафнидъ и обширную работу по организаціи и развитію гидроидныхъ полиповъ. При этомъ, съ каждой новой спеціальной работой все болѣе и болѣе выяснялась склонность ея автора къ рѣшенію общихъ вопросовъ, пока, наконецъ, послѣдніе не стали его исключительными темами. Безъ сомнѣнія, ослабленіе зрѣнія играло въ этомъ роль, мѣшая производству спеціальныхъ работъ, связанныхъ съ употребленіемъ микроскопа; но кто полжизни не интересовался общими вопросами, тотъ едва ли можетъ сдѣлать многое въ этой области въ теченіе остальной полжизни. У Вейсманна же не трудно въ любомъ

*) *Русская Мысль*, кн. VI, 1900 г.

спеціальномъ изслѣдованіи найти тотъ или другой изъ общихъ вопросовъ выдвинутымъ на видное мѣсто, и именно это всегда дѣлало его труды особенно цѣнными въ нашихъ глазахъ. Можно согласиться или не согласиться съ высказаннымъ другимъ общимъ положеніемъ, но кто же станетъ оспаривать, что всякое спеціальное изслѣдованіе согрѣвается проведенной въ немъ идеей, тогда какъ, напротивъ, исключительно фактическое изслѣдованіе, какъ бы полно и разносторонне оно ни было, всегда поднимаетъ вопросъ, когда и для чего оно понадобится.

Какъ дарвинистъ, Вейсманнъ прежде всего выступилъ съ рѣчью, темой для которой послужилъ вопросъ о періодическихъ странствованіяхъ птицъ. Этотъ вопросъ очень сложенъ, и на немъ останавливались многіе спеціалисты, далеко однако не достигнувшіе полнаго соглашенія въ отвѣтѣ на него. Дѣйствительно, явленія перелета птицъ настолько сложны, что разобраться съ ними совершенно удовлетворительно удастся еще не скоро. Если же принять во вниманіе, что Вейсманнъ спеціально біологіей птицъ никогда не занимался, то будетъ неудивительно, что его отвѣтъ на вопросъ скорѣе былъ подсказанъ теоретическими соображеніями, чѣмъ внимательнымъ изученіемъ фактовъ. Онъ собственно остановился на объясненіи направленія перелетовъ и высказалъ мысль, что оно связано съ вѣковыми измѣненіями въ очертаніяхъ материковъ. Если, напримѣръ, птицы летятъ черезъ Средиземное море, придерживаясь цѣпей полуострововъ и острововъ, то это объясняется тѣмъ, что такія цѣпи являются остатками прежде непрерывной суши, береговая линія которой и служила мѣстомъ перелета птицъ. Съ теченіемъ времени часть суши опустилась, смѣнившись островами, но птицы «наслѣдственно» продолжаютъ держаться все того же пути, какимъ слѣдовали ихъ отдаленные предки. Большого значенія этой рѣчи Вейсманна придавать нельзя, и потому мы перейдемъ къ двумъ другимъ тѣсно связаннымъ между собою вопросамъ, разработкѣ которыхъ онъ отдалъ много лѣтъ своей жизни.

Въ своемъ трудѣ о происхожденіи видовъ Дарвинъ совершенно ясно высказалъ, что естественный подборъ имѣетъ дѣло съ двоякаго рода особенностями: однѣ изъ нихъ передаются преемственно отъ родителей къ дѣтямъ, это такъ назыв. наслѣдственныя особенности; другія—пріобрѣтаются въ теченіе жизни особи, вслѣдствіе ея соотношенія съ окружающей средой, это—особенности приспособленія, которыя въ свою очередь могутъ передаваться наслѣдственно. Далѣе Дарвинъ считалъ вѣроятнымъ, что въ силу наслѣдственной передачи особенностей родителей къ дѣтямъ, тѣ изъ нихъ, которыя встрѣчаются у обоихъ родителей, явятся въ усиленномъ видѣ у ихъ потомковъ. Такимъ образомъ подборъ можетъ дѣйствовать рука объ руку съ простою наслѣдственностью, и тѣмъ самымъ опредѣляется его значеніе какъ главнаго, но не исключительнаго фактора въ образованіи видовъ. Хорошо извѣстно, что дарвинисты рѣзко отдѣляютъ вопросъ о появленіи мелкихъ индивидуальныхъ особенностей отъ вопроса объ ихъ усиленіи и накопленіи до стадіи видовыхъ признаковъ, ду-

темъ подбора, но если благопріобрѣтенныя индивидуальныя особенности являются передаваемыми наслѣдственно, въ такомъ случаѣ дается хоть какое-нибудь объясненіе происхожденію того безконечнаго множества мелкихъ уклоненій, безъ которыхъ подборъ не можетъ имѣть мѣста. Трудно представить себѣ, чтобы даже немногія особи находились въ совершенно тождественныхъ условіяхъ; если же условія жизни различны, то въ такомъ случаѣ организмъ, реагируя на нихъ, претерпитъ соотвѣтствующія измѣненія, что и выразится въ его мелкихъ индивидуальныхъ особенностяхъ. Если эти особенности передаются наслѣдственно, въ такомъ случаѣ естественно, что у потомковъ извѣстная особенность, присущая обоимъ родителямъ, выразится въ усиленномъ видѣ, а если это окажется особенность, полезная для сохраненія особей въ борьбѣ за существованіе, естественный подборъ непремѣнно уловитъ ее и закрѣпитъ, какъ закрѣпитъ и всякую другую полезную особенность. Вмѣстѣ съ тѣмъ, очевидно, что усиленіе полезныхъ въ борьбѣ за существованіе особенностей, такъ сказать, играетъ въ руку естественному подбору: онъ скорѣе такимъ образомъ приведетъ къ выработкѣ хорошо приспособленныхъ къ борьбѣ особей, нежели въ томъ случаѣ, когда извѣстныя благопріятныя особенности или особенность идетъ со стороны одного родителя. Такая односторонняя передача признаковъ ведетъ не только къ тому, что подборъ будетъ имѣть ихъ въ ослабленномъ видѣ и потому для достиженія извѣстнаго результата долженъ воздѣйствовать болѣе продолжительное время, но и къ тому, что полезныя особенности, сталкиваясь съ другими, безполезными и даже вредными, такъ сказать, расплываются среди нихъ. Какъ извѣстно, нѣкоторые критики дарвинова ученія, не особенно ясно представляющіе для себя различіе между *нѣчто* и *ничто*, заходятъ такъ далеко, что на этомъ расплываніи полезныхъ особенностей въ массѣ особей съ смѣшанными признаками строятъ свое полное отрицаніе принципа естественнаго подбора. Ихъ разсужденіе приблизительно таково: минимальная полезная особенность не полезна, слѣдовательно подбору съ ней нечего дѣлать, слѣдовательно нѣтъ и подбора. Само собою разумѣется, что въ такомъ разсужденіи нѣтъ ничего, кромѣ непониманія или умышленнаго искаженія истины, но если скажутъ, что въ одномъ случаѣ подборъ идетъ энергичнѣе (если, напр., однородныя полезныя особенности идутъ со стороны обоихъ родителей), а въ другомъ слабѣе (при передачѣ полезныхъ особенностей потомству съ одной стороны), противъ этого нечего возразить. Мы знаемъ, съ какой быстротой вырабатываются новые виды на островахъ, и это, безъ сомнѣнія, зависитъ отъ того, что здѣсь бо́льшее число особей находится въ одинаковыхъ условіяхъ и, слѣдовательно, здѣсь родители скорѣе могутъ обладать одинаковыми полезными особенностями. Нѣкоторые пользуются примѣрами островныхъ фаунъ и флоръ даже для того, чтобы отрицать значеніе подбора въ дѣлѣ образованія видовъ. Поставьте, говорятъ они, извѣстную группу особей въ новыя условія, и она подъ ихъ вліяніемъ переродится или выродится въ новую видовую форму. Ничего подобнаго на

самомъ дѣлѣ нѣтъ: на островахъ подборъ дѣйствуетъ такъ же, какъ и на материкахъ, но иногда онъ встрѣчаетъ здѣсь для себя болѣе благопріятную почву и въ такомъ случаѣ даетъ въ сравнительно короткое время болѣе осязательные результаты.

Такимъ образомъ, особенности приспособленія могутъ стать особенностями наслѣдственными и въ качествѣ таковыхъ прочно закрѣпиться за организмомъ. Говоря о возвратѣ разновидностей къ старому типу, Дарвинъ именно отмѣтилъ эту относительную разницу между особенностями приспособленія и особенностями наслѣдственными: первыя менѣе стойки и, при уничтоженіи условій, благопріятныхъ для ихъ развитія, могутъ исчезнуть, какъ появились; вторыя, напротивъ, уже настолько привились къ организму, что измѣненіе условій среды не дѣйствуетъ на нихъ сколько-нибудь замѣтнымъ образомъ, и онѣ могутъ неограниченно долго передаваться изъ поколѣнія въ поколѣніе, образуя въ организмѣ ту канву, на которой болѣе или менѣе разнообразно ложится все вновь пріобрѣтаемое.

Вейсманнъ, если можно такъ выразиться, идетъ противъ всѣхъ этихъ положеній, но, противно антидарвинистамъ, именно въ цѣляхъ защиты естественнаго подбора въ качествѣ исключительнаго фактора эволюціи. Въ этомъ отношеніи онъ сходенъ съ Уоллэсомъ, который, какъ мы видѣли, также считаетъ естественный подборъ исключительнымъ факторомъ эволюціи. Только Вейсманнъ рука объ руку съ этимъ думаетъ также объяснить, откуда берется та масса мелкихъ индивидуальныхъ особенностей, которыя даютъ пищу для подбора.

По словамъ Вейсманна, онъ былъ натолкнутъ на свои соображенія отсутствіемъ фактовъ, которые подтверждали бы наслѣдственную передачу благопріобрѣтенныхъ особенностей. Какъ зоологъ, онъ искалъ ихъ прежде всего на примѣрахъ, взятыхъ изъ животнаго царства, и съ первыхъ же шаговъ попалъ на ложную дорогу, остановившись на вопросѣ о передачѣ отъ родителей къ дѣтямъ искусственныхъ уродствъ. Отнять у одного или обоихъ родителей пальцы на той или другой лапкѣ или хвостъ, и ждать, что у потомковъ этихъ отнятыхъ частей не будетъ, если наслѣдственная передача благопріобрѣтенныхъ особенностей существуетъ,—намъ кажется очень наивнымъ. По самому существу дѣла, есть коренная разница между появленіемъ новаго органа и отнятіемъ уже существующаго. Мы не знаемъ въ природѣ ни такихъ примѣровъ, когда бы вновь появлялся цѣлый органъ, ни такихъ, когда бы вдругъ исчезалъ уже имѣющійся: и при новообразованіи, и при исчезновеніи наблюдается строгая постепенность, и это косвенно указываетъ на то, что наслѣдственно передаются первоначально некрупныя новыя особенности, именно изъ такихъ, какія можно ожидать въ качествѣ благопріобрѣтенныхъ личныхъ. Позднѣе, когда онѣ закрѣпятся наслѣдственно и усилятся подборомъ, онѣ и въ такомъ видѣ благополучно передаются изъ поколѣнія въ поколѣніе, но это явленіе вторичное. Что же касается крупныхъ особенностей, появляющихся въ качествѣ личныхъ измѣненій, то онѣ передаются послѣдующему поколѣнію

далеко не такъ постоянно, какъ мелкія. Точно такъ же и другимъ путемъ можно придти къ выводу, что появленіе въ новомъ поколѣніи органа, ампутированнаго у кого-либо изъ родителей, нисколько не противорѣчитъ тому, что новоприобрѣтенныя особенности передаются изъ поколѣнія въ поколѣніе; отнятіе какого-либо органа у взрослаго организма не можетъ отразиться на половыхъ продуктахъ, которые такъ или иначе должны содержать въ себѣ потенціально новые организмы, подобные родительскимъ до изуродованія, и потому уродству нѣтъ основанія передаваться. Наконецъ, когда мы говоримъ объ эволюціи органическаго міра, мы говоримъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, все о новыхъ и новыхъ особенностяхъ, такъ какъ борьба за существованіе чаще приводитъ къ спеціализаціи органовъ и осложненію всей организаціи, нежели къ ея упрощенію. Если же такое упрощеніе происходитъ, оно идетъ шагъ за шагомъ, и органы исчезаютъ постепенно, а не вдругъ, какъ при ампутаціяхъ. Слѣдовательно, надо ставить вопросъ, передаются ли наслѣдственно благоприобрѣтенныя особенности, а не вопросъ, перестаютъ ли появляться органы, отнятые, такъ сказать, насильственно. Коротко говоря, Вейсманнъ съ самаго начала неправильно поставилъ вопросъ о наслѣдственной передачѣ благоприобрѣтенныхъ особенностей, и потому, въ моихъ глазахъ, рѣшеніе его является подсказаннымъ не фактами, а теоретическими соображеніями. Соображеніе же, легшее въ основу всѣхъ дальнѣйшихъ выводовъ Вейсманна, состоитъ въ томъ, что въ организмѣ имѣются два вида протоплазмы: наибольшее количество клѣтокъ организма представляютъ индивидуально измѣняющійся матеріалъ, не стоящій въ связи съ половыми элементами, и лишь немногія клѣтки, образующія половые элементы, не подвержены никакимъ такимъ измѣненіямъ. Эти-то половые элементы и передаютъ наслѣдственно особенности родителей дѣтямъ, и такъ какъ половыя клѣтки неизмѣнны, то это и объясняетъ крайнее постоянство наслѣдственныхъ особенностей.

Такимъ образомъ, согласно Вейсманну, при послѣдовательномъ образованіи новыхъ и новыхъ поколѣній, отъ поколѣнія къ поколѣнію тянется красной нитью неизмѣняющаяся протоплазма или идіоплазма, хранительница наслѣдственныхъ особенностей, на которой какъ почки развиваются отдѣльныя особи съ присущими имъ индивидуальными особенностями. Такъ какъ всѣ благопріятныя особенности не касаются идіоплазмы, то, конечно, не могутъ и передаваться наслѣдственно. Но въ такомъ случаѣ возникаетъ слѣдующій вопросъ: чѣмъ объяснить образованіе, путемъ подбора, личныхъ особенностей, разновидностей и видовъ, если идіоплазма неизмѣнно передаетъ, въ силу своего постоянства, особенности родителей дѣтямъ? На это Вейсманнъ отвѣчаетъ, что, несмотря на постоянство идіоплазмы, личныя особенности огромны по объему и крайне обильны благодаря половому процессу: при скрещиваніи двухъ особей смѣшиваются двѣ идіоплазмы; но въ сущности каждая идіоплазма въ свою очередь является результатомъ соединенія нѣсколькихъ (въ предшествующихъ поколѣніяхъ), и потому въ

любой особи, происшедшей отъ полового размноженія, находится нѣсколько идіоплазмъ, и каждая изъ нихъ принесла съ собою частицу своихъ наслѣдственныхъ особенностей. Понятно само собою, что чѣмъ дальше потомки удаляются отъ прародителей, тѣмъ слабѣе выражаются особенности послѣднихъ: прародительская идіоплазма все болѣе и болѣе сокращается, а примѣсь новыхъ идіоплазмъ усиливается. Въ результатѣ получаются огромныя личныя измѣненія, которыми подборъ и пользуется въ своихъ цѣляхъ. Вейсманнъ говоритъ, что эволюція происходитъ при участіи только двухъ факторовъ: огромныхъ личныхъ измѣненій, какъ слѣдствія полового размноженія, и постояннаго подбора. Съ его точки зрѣнія, конечно, такъ и должно быть. Но если бы личныя особенности въ каждомъ поколѣніи представляли столько новаго, сколько это вытекаетъ изъ его теоріи смѣшенія въ половомъ процессѣ идіоплазмъ, въ такомъ случаѣ едва ли подборъ въ состояніи былъ бы уловить и закрѣпить нужные признаки. Въ сущности, начиная съ того, что идіоплазма обусловливаетъ собою полное сходство дѣтей съ родителями, Вейсманнъ кончаетъ тѣмъ, что отводитъ наслѣдственности лишь весьма ограниченную роль, такъ какъ при половомъ процессѣ изъ поколѣнія въ поколѣніе смѣшивается безчисленное множество идіоплазмъ.

На ряду съ этимъ Вейсманнъ признаетъ, что идіоплазма въ свою очередь не совершенно устранена отъ внѣшнихъ воздѣйствій; измѣненія въ окружающей животное средѣ могутъ быть такъ глубоки и сильны, что скажутся не только на болѣе воспріимчивыхъ органическихъ клѣткахъ, но и на половыхъ элементахъ. Въ такомъ случаѣ послѣдніе измѣнятся и, участвуя въ закладкѣ новаго организма, обусловятъ нѣкоторыя изъ его особенностей. Это безъ сомнѣнія случай наслѣдственной передачи благопріобрѣтенныхъ особью измѣненій, но изъ сказаннаго само собою ясно, что такіе случаи крайне рѣдки. Кромѣ того, даже и въ этихъ случаяхъ отъ родителя къ потомку передадутся не всѣ благопріобрѣтенныя особенности перваго, а лишь результаты измѣненія половыхъ элементовъ. Въ чемъ они скажутся, будутъ ли полезны, вредны или безразличны заранѣе рѣшить невозможно. Да и вообще почти невозможно опредѣлить, какія именно уклоненія потомства обусловливаются измѣненіемъ половыхъ элементовъ родителей.

Выводя половое размноженіе въ качествѣ главнаго фактора появленія личныхъ особенностей у многоклѣточныхъ организмовъ, Вейсманнъ естественно долженъ былъ остановиться и на одноклѣточныхъ или простѣйшихъ животныхъ. Какъ извѣстно, послѣднія размножаются безполымъ путемъ, дѣленіемъ или видоизмѣненіемъ дѣленія,—какъ почкованіе, спорообразованіе и пр. Въ результатѣ дѣленія изъ одной особи получается двѣ или нѣсколько, со всѣми особенностями первоначальной, части которой они составляютъ. Само собою разумѣется, что при такомъ размноженіи всѣ благопріобрѣтенныя особенности материнской особи явятся и у дочернихъ какъ бы малы эти особенности ни были. Нечего также говорить и о тѣхъ

стойкости или постоянствѣ: происшедшія путемъ дѣленія особи суть прямое продолженіе раздѣлившейся, слѣдовательно, нѣтъ даже повода обсуждать вопросъ, удержатся ли у нихъ ея особенности.

Оставаясь вѣрнымъ своимъ теоретическимъ соображеніямъ, Вейсманнъ высказываетъ мысль, что виды одноклѣточныхъ организмовъ не то, что виды многоклѣточныхъ, но, къ сожалѣнію, недостаточно ясно формулируетъ эту разницу, спѣшно переходя къ тому, въ какомъ отношеніи особенности одноклѣточныхъ организмовъ стоятъ къ особенностямъ многоклѣточныхъ. И на этотъ вопросъ онъ отвѣчаетъ крайне обще, говоря, что особенности первыхъ при эволюціи органическаго міра стали достояніемъ послѣднихъ, независимо отъ того, какимъ путемъ онѣ произошли, но потомъ были вытѣснены особенностями, которыя явились въ результатѣ полового процесса.

Это очень слабое мѣсто въ разбираемой теоріи Вейсманна: мы должны не противопоставлять половое размноженіе безполому, а стараться вывести его изъ послѣдняго. Къ счастію, многіе факты положительно устанавливаютъ эту связь и позволяютъ хотя бѣгло намѣтить тотъ путь, которымъ шло развитіе полового процесса. Особенно важное значеніе имѣетъ въ этомъ отношеніи явленіе коньюгаціи инфузорій, въ результатѣ чего получается обмѣнъ веществомъ ядеръ между двумя клѣтками. Относясь къ этому совершенно безпристрастно, мы должны бы разсуждать такимъ образомъ: если у одноклѣточныхъ организмовъ, при безполомъ размноженіи, благопріобрѣтенныя особенности безъ сомнѣнія передаются изъ поколѣнія въ поколѣніе, и если половой процессъ беретъ свое начало въ осложненіи первоначально безполаго размноженія, въ такомъ случаѣ есть полное основаніе думать, что и у многоклѣточныхъ организмовъ, при половомъ размноженіи, благопріобрѣтенныя особенности передаются отъ родителей къ дѣтямъ. Далѣе не слѣдуетъ забывать, что безполое размноженіе нормально существуетъ у очень многоклѣточныхъ организмовъ, по крайней мѣрѣ, наравнѣ съ половымъ, и эти формы какъ разъ отличаются наибольшимъ разнообразіемъ. Наконецъ, вся теорія Вейсманна построена на постоянствѣ, неизмѣняемости зародышевой плазмы или идіоплазмы, для которой, согласно его взглядамъ, почти безслѣдно проходятъ измѣненія внѣшней среды, тогда какъ мы, напротивъ, изъ прямыхъ наблюденій знаемъ, что ничто такъ не воспріимчиво въ организмѣ, какъ половая система: всѣ измѣненія во внѣшней средѣ, повидимому, прежде всего отражаются на ней и уже косвенно черезъ измѣненія полового аппарата вызываютъ измѣненія другихъ органовъ. Послѣднее обстоятельство было съ надлежащей силой указано и Дарвиномъ, между тѣмъ въ статьяхъ Вейсманна я не нашелъ ничего, что указывало бы, почему онъ совершенно игнорируетъ эти факты.

Такимъ образомъ, первая теорія Вейсманна, которую можно формулировать такъ: *благопріобрѣтенныя личныя особенности не передаются наслѣдственно и личная измѣняемость въ предѣлахъ каждаго вида яв-*

ляется результатомъ полового процесса, эта теорія отчасти не согласна съ фактами, отчасти выведена совершенно независимо отъ нихъ. Читая и перечитывая первую статью, гдѣ она была изложена, я всегда выносилъ такое впечатлѣніе, что эта теорія построена независимо отъ фактовъ. Къ тому же надо имѣть въ виду, что даже та категорія фактовъ, которою Вейсманнъ думаетъ подкрѣпить свои теоретическія соображенія,—отсутствіе наслѣдственной передачи искусственно вызванныхъ уродствъ,—вовсе не такъ убѣдительна: въ нѣкоторыхъ случаяхъ искусственное отнятіе члена ведетъ къ его отсутствію въ ближайшемъ поколѣніи потомковъ (по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ изъ нихъ), и такихъ фактовъ даже въ очень ограниченномъ количествѣ совершенно достаточно, чтобы усомниться въ силѣ ихъ отрицательныхъ доказательствъ.

Вейсманнъ приводитъ еще два факта, которымъ придаетъ большое значеніе въ качествѣ доказательствъ, что благопріобрѣтенныя особенности не передаются наслѣдственно: мы не знаемъ, говоритъ онъ, ни одного примѣра, чтобы дѣти прекраснаго музыканта могли играть на инструментѣ безъ практики; съ другой стороны, мы отлично знаемъ, что если ребенокъ не слышитъ человѣческой рѣчи, то не выучивается и говорить. Факты безъ сомнѣнія вѣрные, но какъ извѣстнаго рода доказательство они ничего не стоятъ: и въ томъ, и въ другомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ извѣстными механическими явленіями, тогда какъ можемъ говорить о наслѣдственной передачѣ только органическихъ особенностей. Мышцы, при помощи которыхъ человѣкъ говоритъ, имѣются въ томъ случаѣ, когда отсутствіе примѣра лишаетъ его возможности научиться говорить; даже больше того, музыкальныя способности, т.-е. опять-таки извѣстныя органическія особенности, несомнѣнно передаются наслѣдственно; но чтобы какой-либо видъ движенія перешелъ отъ родителей къ потомкамъ и сразу проявился у послѣднихъ въ томъ же размѣрѣ и томъ же видѣ, какъ у первыхъ, этого нельзя допустить, и ни къ какой теоріи наслѣдственности это не имѣетъ отношенія, потому что наслѣдственность объясняетъ органическія особенности, а не прямо физіологическіе акты.

Въ сжатомъ видѣ Вейсманнъ изложилъ свою теорію въ 1883 году; въ 1886 году онъ съ особенной тщательностью остановился на вопросѣ о происхожденіи личныхъ особенностей въ результатѣ полового размноженія, а въ 1888 году выступилъ съ рѣчью, которой старался доказать, что ботаники, какъ и зоологи, не могутъ привести ни одного примѣра наслѣдственной передачи благопріобрѣтенныхъ особенностей. Какъ далеко можно зайти съ предвзятымъ намѣреніемъ, доказываетъ слѣдующее: Вейсманна смутило приводимое разными ботаниками указаніе на то, что обыкновенная вишня, перевезенная на Цейлонъ, утратила сезонную смѣну листьевъ, ставъ вѣчно-зеленымъ деревомъ. Конечно, говоритъ Вейсманнъ, если это вѣрно (!), это могло бы служить вѣскимъ примѣромъ противъ моей теоріи, но мы должны внимательно оцѣнить, что имѣемъ передъ собою въ данномъ случаѣ. Пускай вишня, дѣйствительно, стала вѣчно-зеленымъ де

ревомъ изъ дерева съ сезонной смѣной листьевъ; но культурная вишня разножается не сѣменами, а отводками, слѣдовательно, на каждое деревцо, выращенное изъ отводка, мы можемъ смотрѣть какъ на часть стараго. При этомъ, конечно, всѣ благопріобрѣтенныя особенности одного дерева передаются другому, такъ какъ всѣ деревья, полученныя изъ отводковъ, составляютъ вмѣстѣ одну особь, разрѣзанную на нѣсколько частей, и потому вполнѣ естественно, что то, что было у одного, будетъ и у другого. Затѣмъ Вейсманнъ старается еще болѣе подчеркнуть разницу между тѣми особенностями, которыя онъ считаетъ благопріобрѣтенными, и особенностями другой категоріи: подъ первыми онъ разумѣетъ только такія, которыя касаются прямо разныхъ органовъ и не касаются половой системы, такъ какъ измѣненія въ половой системѣ подъ вліяніемъ разныхъ внѣшнихъ воздѣйствій передаются потомству. Но это совершенно произвольное пониманіе «благопріобрѣтенныхъ особенностей». Какъ раздѣлить эти двѣ группы особенностей, если онѣ являются въ результатѣ одного и того же воздѣйствія? Почему измѣненія нервной системы, совершившіяся подъ вліяніемъ какого-либо внѣшняго агента, особенность благопріобрѣтенная, а измѣненія половой системы, подъ тѣмъ же вліяніемъ, нѣчто другое? При такомъ разграниченіи, конечно, Вейсманнъ можетъ до нѣкоторой степени защищать свою теорію, но разграниченіе то само невѣрно. Для насъ подъ благопріобрѣтенными особенностями разумѣются такія, которыя особь пріобрѣла въ теченіе своей индивидуальной жизни, на какой бы системѣ органовъ эти особенности ни проявились. Да и Вейсманнъ отлично понимаетъ это, такъ какъ иначе ему не было бы надобности усиленно подчеркивать появленія личныхъ особенностей въ результатѣ полового размноженія: въ сущности измѣненія половой системы подъ вліяніемъ внѣшнихъ воздѣйствій онъ почти игнорируетъ, такъ какъ, если бы этимъ измѣненіямъ отвести надлежащее мѣсто, то въ теоріи Вейсманна не было бы и надобности.

Еще сильнымъ возраженіемъ противъ отрицанія наслѣдственной передачи благопріобрѣтенныхъ особенностей является соотносительное развитіе нѣкоторыхъ органовъ. Если благопріобрѣтенныя особенности не передаются наслѣдственно и если личныя измѣненія являются въ результатѣ полового размноженія, т.-е. складываются изъ разныхъ идіоплазмъ, то почему же измѣненія одного органа сопровождаются всегда измѣненіемъ опредѣленнаго другого? Если въ природѣ, кромѣ безконечной измѣнчивости и подбора, нѣтъ другихъ факторовъ, регулирующихъ особенности организмовъ, соотносительныя измѣненія не находятъ себѣ объясненія. И Вейсманнъ призналъ, что это наиболѣе серьезное изъ всѣхъ возраженій, но, сколько мнѣ извѣстно, оно такъ и осталось безъ отвѣта, если не считать самыхъ общихъ соображеній, высказанныхъ имъ по этому поводу.

На этомъ мы покончимъ съ общими положеніями и теоретическими соображеніями Вейсманна, поскольку они вытекаютъ изъ перваго ряда

его работъ, все болѣе или менѣе направленныхъ къ доказательству того, что благопріобрѣтенныя особенности не передаются наслѣдственно. Какъ выше замѣчено, Вейсманнъ пришелъ къ этому выводу путемъ теоретическихъ соображеній, но затѣмъ онъ старался провѣрить свой выводъ или, лучше сказать, свое положеніе фактами, и если эта провѣрка не дала желаемыхъ результатовъ, то причина тому лежитъ въ совершенно невѣрномъ опредѣленіи того, что понимать подъ благопріобрѣтенными особенностями. Вейсманну хотѣлось во что бы то ни стало противупоставить ихъ наслѣдственнымъ особенностямъ: безъ этого его «идіоплазма» утрачивала половину своего значенія. И вотъ онъ исключаетъ половую систему изъ числа органовъ, которые могутъ претерпѣвать измѣненія, не отрицая въ то же время ея способности измѣняться, ставитъ ее совершенно особнякомъ и, наконецъ, фактически игнорируетъ пожизненныя измѣненія половыхъ продуктовъ подъ вліяніемъ среды, признавая ихъ измѣнчивость результатомъ полового процесса.

Совсѣмъ въ иномъ видѣ является теорія наслѣдственности, предложенная Вейсманномъ взамѣнъ Дарвиновой теоріи пангенезиса. Изложу вкратцѣ эту теорію, чтобы сдѣлать на нее замѣчанія позднѣе. Выше уже было указано, что, по мнѣнію Вейсманна, личныя особенности являются въ результатѣ полового процесса, при которомъ происходитъ смѣшеніе идіоплазмъ двухъ клѣтокъ. Напомнимъ, что каждая клѣтка состоитъ изъ протоплазматическаго тѣла и ядра; послѣднее имѣетъ сѣтчатое строеніе и физіологически разнится отъ тѣла клѣтки тѣмъ, что тогда какъ послѣднему принадлежатъ собственно функціи ассимиляціи веществъ, дыханія и пр., ядро играетъ господствующую роль въ процессахъ размноженія. Съ измѣненій ядра начинаются всѣ процессы размноженія клѣтки, и повидимому, веществу ядра или хроматину принадлежитъ исключительная роль въ наслѣдственной передачѣ признаковъ отъ однѣхъ особей другимъ. По крайней мѣрѣ опыты Бовери съ яйцами одного изъ морскихъ ежей, искусственно лишенныхъ ядеръ, показали, что послѣ оплодотворенія такихъ яицъ сперматозоидами морского ежа другого вида изъ яицъ развиваются личинки послѣдняго. Напомнимъ еще, что оплодотвореніе состоитъ въ томъ, что сперматозоидъ сливается съ яйцомъ, причемъ тѣло сперматозоида сливается съ тѣломъ яйца и ядро сперматозоида съ ядромъ яйца. Но послѣднее, т.-е. ядро яйца, передъ тѣмъ претерпѣваетъ существенное измѣненіе: оно выбрасываетъ значительную часть своего хроматина, и лишь послѣ этого яйцо является зрѣлымъ, т.-е. годно къ оплодотворенію. Теперь разберемъ, какія слѣдствія вытекаютъ изъ того, что наслѣдственныя свойства передаются съ хроматиномъ.

Пускай передъ нами двѣ особи A и B, отъ которыхъ произошла третья C; въ зародышевыхъ клѣткахъ этой особи имѣется какъ хроматинъ a и b, такъ и хроматинъ c. Пускай затѣмъ послѣ оплодотворенія особи C особью D передъ нами будетъ еще особь слѣдующаго поколѣнія E; въ зародышевыхъ клѣткахъ этой особи будетъ не только хроматинъ

c, *d* и *e*, но и хроматинъ *a* и *b*, бывшій въ зародышевыхъ клѣткахъ особи *C*. Проще говоря, въ особи *E* могутъ проявиться не только особенности матери и отца, но и предыдущаго поколѣнія, такъ какъ хроматинъ послѣдняго могъ передаться сюда черезъ промежуточное поколѣніе. Но хроматинъ можетъ передаваться и отъ болѣе далекихъ поколѣній, и это объясняетъ, по мнѣнію Вейсманна, появленіе у особей позднѣйшихъ поколѣній особенностей болѣе или менѣе отдаленныхъ предковъ. То же, что эти особенности не всегда появляются, достаточно объясняется выбрасываніемъ хроматина при созрѣваніи яйца: какая часть хроматина выбрасывается при этомъ — дѣло случая; могутъ быть удалены частицы хроматина материнскаго ядра, могутъ выйти и частицы хроматина, доставшіяся отъ предыдущихъ поколѣній. Въ послѣднемъ случаѣ вмѣстѣ съ ихъ выпаденіемъ, конечно, утрачивается и способность у грядущихъ поколѣній обнаруживать особенности прежнихъ поколѣній.

Собственно теорія наслѣдственности строится на этихъ немногочисленныхъ данныхъ Вейсманномъ слѣдующимъ образомъ. Беря во вниманіе всѣ вышеприведенные главные факты, онъ отмѣчаетъ, что въ настоящее время вообще признается существованіе мельчайшихъ частицъ плазмы, такъ какъ свойства живущей матеріи нисколько не связаны съ количествомъ плазмы, но безусловно связаны съ ея организаціей. Сложность процессовъ, происходящихъ въ этихъ частицахъ, доказываетъ, однако, что ихъ никакъ нельзя отождествлять съ химическими частицами; другими словами, даже минимальныя количества протоплазмы гораздо сложнѣе химической частицы, состоя изъ нѣсколькихъ разнородныхъ молекулъ. Вейсманнъ называетъ эти частицы *біофорами*, т.-е. носителями жизни, потому что онѣ представляютъ собою минимальныя частицы, въ которыхъ выражаются основныя свойства жизни—уподобленіе и обмѣнъ веществъ, ростъ и размноженіе дѣленіемъ.

Ставя біофоры выше молекулъ, Вейсманнъ въ то же время считаетъ ихъ составными частями клѣтокъ, и разницу въ свойствахъ живущей матеріи или протоплазмы объясняетъ разницей въ составляющихъ ихъ біофорахъ. Количество возможныхъ видовъ біофоровъ можетъ считаться неограниченнымъ, потому что біофоры могутъ разниться между собою какъ по количеству образующихъ ихъ молекулъ, такъ и по группировкѣ послѣднихъ, и изъ нихъ то построена какъ протоплазма тѣла клѣтки, такъ и ядра. Такъ какъ въ клѣткѣ болѣе важную роль играетъ ядро, являющееся и хранительницей наслѣдственныхъ началъ, и измѣняющеюся частью клѣтки, то свойствами ядра и объясняются свойства клѣтки. Когда изъ яйца путемъ дѣленія образуются двѣ первыя клѣтки зародыша, и изъ нихъ, по мѣрѣ развитія организма, все новыя и новыя клѣтки, разнящіяся между собою по свойствамъ, эта разница объясняется вліяніемъ на тѣло каждой клѣтки вещества его ядра. Иначе говоря, надо допустить, что біофоры ядра проникаютъ въ тѣло клѣтки и такимъ образомъ сообщаютъ ей извѣстныя свойства. Съ этой точки зрѣнія ядро является какъ бы

складочнымъ магазиномъ, наполненнымъ разными біофорами. Эмбріональная, т.-е. индифферентная клѣтка становится клѣткой той или другой категоріи, т.-е. нервной, железистой или мускульной, смотря по тому, какіе біофоры нашли себѣ въ ней мѣсто. Это подтверждается и опытами. Изуродованная клѣтка только въ томъ случаѣ возстановляетъ утраченныя части, если въ ней осталось ядро; если отъ дѣлящейся клѣточки отрѣзать ея часть съ ядромъ, дѣленіе оканчивается, а утраченная часть возстановляется, вѣроятно, потому, что біофоры уже успѣли проникнуть сюда.

Періодическое поступленіе біофоровъ изъ ядра въ тѣло клѣтки совершенно просто и удовлетворительно объясняетъ явленія наслѣдственности у одноклѣточныхъ организмовъ, размножающихся дѣленіемъ. Дочернія ядра содержатъ одинаковые біофоры, и послѣдніе, поступая въ тѣла дочернихъ клѣтокъ, обусловливаютъ ихъ одинаковыя особенности. Но дѣло осложняется по отношенію къ многоклѣточнымъ организмамъ. Какъ бы ни были малы біофоры, однако, трудно себѣ представить, чтобы въ ядрѣ одной клѣтки оплодотвореннаго яйца были собраны біофоры всѣхъ различныхъ категорій клѣтокъ будущаго сложнаго организма, и не только цѣлыхъ клѣтокъ, но и различныхъ частей. Но по Вейсманну въ этомъ и нѣтъ надобности. Если бы наслѣдственно передавались только неизмѣняющіяся части, то,—говоритъ онъ,—въ такомъ случаѣ въ зародышевой плазмѣ могъ бы находиться одинъ зачатокъ для всего неизмѣняющагося органа, потому что въ допущеніи многихъ зачатковъ для одного постояннаго органа нѣтъ надобности. Но наслѣдственно передаются и постоянныя и измѣняющіяся части, и чтобы объяснить передачу послѣднихъ, мы должны для каждой изъ нихъ допустить свой собственный зачатокъ. Число такихъ единицъ въ многоклѣточномъ организмѣ должно быть очень велико, такъ какъ отдѣльная опредѣленная единица должна соотвѣтствовать каждой самостоятельно измѣняющейся части, независимо отъ ея объема. Кромѣ того, эти единицы должны быть никакъ не менѣе біофора, потому что онѣ опредѣляютъ собою способныя измѣняться части, а эти части ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть молекулами, съ которыми совершенно не вяжется представленіе объ измѣняемости. Однако, задаваясь вопросомъ, какіе участки многоклѣточнаго организма должны опредѣлять эти единицы, мы видимъ, что отвѣтъ на него не такъ-то легокъ.

Дарвинъ въ пангенезисѣ считалъ, что для каждой клѣтки должна быть своя единица; Вейсманнъ смотритъ на дѣло иначе. Онъ считаетъ, что особая зародышевая единица можетъ быть связана и съ клѣткой, и съ частью клѣтки, и съ комплексомъ клѣтокъ; существованіе такой единицы обусловливается не объемомъ той или другой части многоклѣточнаго организма, а ея способностью измѣняться независимо отъ другихъ частей. Напр., въ тѣлѣ любого изъ высшихъ животныхъ существуютъ милліарды кровяныхъ тѣлецъ, совершенно не локализированныхъ, но совершенно равнозначущихъ; слѣдовательно, извѣстная измѣнчивость присуща всей ихъ массѣ, и потому для всѣхъ этихъ тѣлецъ достаточно имѣть одну за-

родышевую единицу, одинъ *детерминантъ*, какъ называетъ такія единицы Вейсманнъ. Равнымъ образомъ въ организмѣ есть и другія группы клѣточекъ, которыя представлены не поклѣточно. Едва ли можно допустить, что каждое мышечное волокно, каждое соединительнотканное тѣльце или эпителіальная клѣтка имѣютъ по своему детерминанту. Вѣроятнѣе всего, что въ этомъ случаѣ большая или меньшая группа клѣточекъ представлена однимъ детерминантомъ, и это подтверждается даже наблюденіями надъ развитіемъ насѣкомыхъ. Точно также нѣтъ никакой надобности предполагать, что каждому волосу соотвѣтствуетъ особый детерминантъ; но если среди нормальныхъ волосъ имѣется пучокъ бѣлыхъ, который передается наслѣдственно, его присутствіе трудно объяснить безъ признанія для него особого детерминанта. Съ другой стороны, различные случаи наслѣдственной передачи умственныхъ способностей у человѣка заставляютъ признать, что каждая нервная клѣтка головного мозга имѣетъ свой собственный детерминантъ.

Такимъ образомъ у многоклѣточныхъ организмовъ детерминантовъ вообще всегда меньше, нежели клѣтокъ, такъ какъ многія группы клѣтокъ большаго или меньшаго объема представлены въ зародышевой плазмѣ каждая однимъ детерминантомъ. Въ томъ случаѣ, когда детерминантъ намѣчаетъ собою въ зародышевой плазмѣ какую-либо самостоятельно измѣняющуюся часть клѣтки, онъ можетъ быть представленъ и біофоромъ, но вообще Вейсманнъ разумѣетъ подъ детерминантомъ единицу высшаго порядка, нежели біоферъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ ясно, что біофоры, образуя детерминанты, лежатъ не безпорядочной группой, а въ строго опредѣленномъ порядкѣ. Это вытекаетъ уже изъ того, что детерминанты должны обладать способностью размноженія, безъ чего одинъ детерминантъ не могъ бы намѣчать собою цѣлую группу клѣтокъ. А если бы при этомъ образующіе детерминанты біофоры лежали безпорядочно, то было бы совершенно непонятно, какимъ образомъ они могли бы намѣчать собою строго опредѣленныя свойства клѣтки.

Изъ сказаннаго ясно, что въ своихъ детерминантахъ Вейсманнъ удержалъ изъ пангенезиса зародыши или почечки клѣтокъ (см. статью о Геккелѣ), которые могутъ размножаться, но онъ отклонился отъ Дарвиновой гипотезы въ томъ, что не для каждой клѣтки принимаетъ обязательное существованіе особаго зародыша. Вмѣстѣ съ тѣмъ, введя понятіе о біофорахъ и детерминантахъ, какъ о единицахъ низшаго и высшаго порядка, онъ идетъ далѣе и старается объяснить то, какимъ образомъ зародышевая плазма отдѣляетъ отъ себя различныя идіоплазмы клѣтокъ въ такой послѣдовательности, что въ результатѣ является построеніе сложнаго организма. Въ этомъ заключается вся исторія развитія любой особи, и Вейсманнъ, конечно, не могъ обойти его, если хотѣлъ дать возможно полную теорію наслѣдственности.

Позволяю себѣ привести сказанное мною объ этомъ раньше, такъ какъ сказать короче нѣтъ возможности.

«Прежде всего мы должны обратить вниманіе на то, что строеніе зародышевой плазмы въ высшей степени опредѣленно и что эта опредѣленность намѣчается всѣмъ прошлымъ плазмы. Если мы указали выше, что для нѣкоторыхъ обширныхъ группъ клѣтокъ, какъ, наприм., клѣтокъ, развивающихъ мышцы, достаточно одного детерминанта, этимъ мы не хотѣли сказать, что для мышцъ въ дѣйствительности всегда находится одинъ детерминантъ. При такомъ условіи вся мышечная система измѣнялась бы одновременно, но мы видимъ, что этого нѣтъ, что различныя мышечныя группы могутъ измѣняться самостоятельно, что заставляетъ насъ признать, что въ зародышевой плазмѣ мышечная ткань намѣчена нѣсколькими детерминантами, изъ коихъ большее или меньшее число можетъ развиться въ мышцы, смотря по тому, сколько мышечныхъ партій (независимо отъ ихъ объема) обнаружитъ наклонность къ независимой измѣняемости. Такимъ образомъ въ зародышевой плазмѣ на ряду съ дѣятельными детерминантами мы признаемъ существованіе недѣятельныхъ, но которые въ тѣхъ или другихъ условіяхъ могутъ вступить въ дѣятельность. Если же каждый изъ такихъ одинаковыхъ детерминантовъ долженъ намѣчать собою опредѣленную клѣтку или группу клѣтокъ, конечно, онъ не можетъ находиться въ любомъ мѣстѣ зародышевой плазмы или перемѣнять мѣсто въ зависимости отъ различныхъ условій; напротивъ, онъ долженъ быть строго локализованъ, и только такимъ образомъ можетъ быть объяснено, что каждый детерминантъ вступаетъ въ общій циклъ развитія особи въ опредѣленное время и на опредѣленномъ мѣстѣ.

«Какъ прямое слѣдствіе сейчасъ высказаннаго положенія о мѣстѣ, занимаемомъ детерминантами въ зародышевой плазмѣ, является то, что сама зародышевая плазма не можетъ быть произвольнаго размѣра и формы, но представляетъ собою строго опредѣленную единицу, отъ которой ничего нельзя отнять и къ которой ничего нельзя прибавить. Иными словами, мы должны признать существованіе группъ детерминантовъ, какъ единицъ третьяго порядка, и эти единицы Вейсманнъ называетъ *идами*. Какъ детерминантъ, образованный біофорами, имѣетъ другія свойства, нежели біофоры, такъ точно идъ имѣетъ другія свойства, нежели детерминантъ. Но всѣ эти единицы трехъ разныхъ категорій обладаютъ общими жизненными свойствами—расти и размножаться дѣленіемъ. Разнообразныя явленія наслѣдственности, сопровождающія половое размноженіе, убѣждаютъ насъ въ томъ, что зародышевая плазма состоитъ не изъ одного, а изъ нѣсколькихъ видовъ, которые могутъ расти и размножаться дѣленіемъ. Измѣненія зародышевой плазмы ида въ теченіе индивидуальнаго развитія сводятся, по теоріи Вейсманна, къ послѣдовательному дробленію детерминанта на все меньшія и меньшія группы, пока, наконецъ, не получатся клѣтки, изъ которыхъ каждая будетъ содержать только одинъ родъ детерминантовъ, имѣющихъ опредѣлить ея свойства. Этотъ процессъ послѣдовательнаго дробленія детерминантовъ вытекаетъ изъ того, что совершенно невозможно и излишне допустить существованіе всѣхъ детерминантовъ въ

родышевой плазмы въ каждой клѣткѣ. При послѣднемъ допущеніи пришлось бы предположить, что въ каждой клѣткѣ сотни тысячъ детерминантовъ остаются до извѣстнаго времени бездѣятельными, что, конечно, менѣе вѣроятно, нежели ранѣе сдѣланное допущеніе, что одинъ детерминантъ въ извѣстное время проявляетъ дѣятельность.

«Теперь мы естественно подошли къ вопросу, какія же причины вліяютъ на расчлененіе зародышевой плазмы ида на все меньшія и меньшія группы детерминантовъ. Причинами этими можетъ быть только строеніе зародышевой плазмы ида, въ которой каждый детерминантъ имѣетъ свое собственное опредѣленное мѣсто, разновременное размноженіе детерминантовъ и заключенныя въ нихъ силы притяженія. Останавливаться здѣсь подробно на строеніи зародышевой плазмы мы не можемъ, такъ какъ это выходитъ за предѣлы общедоступной статьи, но мы укажемъ только на то, что зародышевая плазма, образованная изъ біофоровъ, детерминантовъ и идовъ, представляющихъ собой одаренныя жизнью единицы разнаго порядка, могла развиться до своей современной сложности, только пройдя длинный путь измѣненій, въ теченіе котораго новыя поколѣнія плазмы историческимъ путемъ, наслѣдственно, пріобрѣтали все большую и большую сложность. Въ теченіе этого пути опредѣлились какъ мѣста детерминантовъ, такъ и ихъ взаимное отношеніе, чѣмъ самымъ опредѣлилась и послѣдовательность въ выдѣленіи группъ детерминантовъ при индивидуальномъ развитіи. Отмѣтимъ еще то, что на идъ мы никоимъ образомъ не можемъ смотрѣть, какъ на миніатюръ того организма, который современемъ разовьется изъ него. Въ идѣ, въ его детерминантахъ заложены всѣ части будущаго организма до клѣтокъ включительно, но расположеніе детерминантовъ вовсе не соотвѣтствуетъ расположенію намѣчаемыхъ ими частей. Простого наблюденія надъ развивающимся зародышемъ достаточно, чтобы убѣдиться, какъ велика разница между строющимся, развивающимся и уже готовымъ организмомъ.

«Вмѣстѣ съ тѣмъ строеніе детерминантовъ, ихъ образованіе изъ значительнаго количества біофоровъ въ свою очередь опредѣляетъ разновременность ихъ размноженія. Мы видѣли выше, что детерминанты могутъ быть весьма различны и что разница эта обусловливается не только различнымъ количествомъ біофоровъ, входящихъ въ составъ детерминантовъ, но и различнымъ расположеніемъ біофоровъ въ тѣхъ детерминантахъ, которые состоятъ изъ одного и того же количества біофоровъ. Но и біофоры, и детерминанты суть одаренныя жизнью единицы и, какъ таковыя, находясь въ совершенно одинаковыхъ условіяхъ питанія, въ разное время достигнутъ зрѣлости вслѣдствіе разницы въ ихъ строеніи.

«Итакъ, строеніе детерминантовъ обусловливаетъ ихъ разновременную зрѣлость; строеніе зародышевой плазмы ида опредѣляетъ послѣдовательность въ назрѣваніи детерминантовъ; наконецъ, что касается тѣхъ причинъ, которыя вызываютъ размноженіе біофоровъ, детерминантовъ и идовъ, то онѣ заключаются въ притяженіи, которымъ одарены перечисленныя еди-

ницы, вліяющія другъ на друга. Въ пользу существованія этихъ силъ, заключенныхъ въ самихъ элементахъ, говоритъ прямое наблюденіе, что нити хроматина расщепляются независимо отъ внѣшнихъ импульсовъ.

«Прослѣдимъ теперь судьбу всѣхъ этихъ единицъ въ теченіе развитія многоклѣточнаго организма. Когда зрѣлое яйцо распадается на первыя части дѣленія, дѣлится и идъ зародышевой плазмы его ядра, распредѣляя первыя назрѣвшія группы детерминантовъ въ первыхъ шарахъ дробленія. Положеніе детерминантовъ опредѣляетъ собою затѣмъ зрѣлость слѣдующихъ ихъ группъ еще меньшаго объема, которыя располагаются въ новыхъ шарахъ дробленія. Такъ идетъ въ теченіе всего времени, пока детерминанты дробятся все на болѣе мелкія группы, опредѣляющія собою разные органы. Наконецъ организмъ заложенъ во всѣхъ своихъ частяхъ, и вотъ детерминанты распадаются на біофоры, и послѣдніе размножаются въ ядрахъ клѣтокъ, чтобы затѣмъ пройти черезъ оболочку ядра, выйти въ тѣло клѣтки и дать послѣдней опредѣленный характеръ».

Вотъ все существенное въ теоріи наслѣдственности Вейсманна. Отмѣтимъ ея несомнѣнныя положительныя стороны: 1) она построена на изученіи организаціи клѣтки, и 2) поставлена въ связь съ историческимъ развитіемъ организованнаго міра. Біофоры, или мельчайшія частицы протоплазмы, одаренныя всѣми ея характерными особенностями, были признаны еще до Вейсманна, только подъ названіемъ *пангенъ*, Де-Фри. И безъ сомнѣнія о такихъ частицахъ мы можемъ говорить; но настолько ли онѣ индивидуализированы, чтобъ ихъ разсматривать, какъ аналоги молекуламъ,—другой вопросъ, и сколько-нибудь вѣскихъ данныхъ въ пользу положительнаго отвѣта на него у насъ нѣтъ. Что же касается детерминантовъ, идовъ и ихъ соотношенія, то здѣсь мы имѣемъ передъ собою лишь логическое развитіе извѣстнаго основного положенія, которое нельзя считать доказаннымъ. Отсюда очевидно, что теорія Вейсманна не теорія, а гипотетическая попытка объяснить сложныя явленія наслѣдственности, исходя изъ тѣхъ немногихъ фактическихъ данныхъ, которыми можно воспользоваться въ этомъ случаѣ.

Когда я нѣсколько лѣтъ тому назадъ впервые и довольно подробно излагалъ теорію Вейсманна, я имѣлъ основаніе думать, что ея авторъ не старается все болѣе и болѣе подбирать факты, чтобъ основать свою теорію возможно научно. Но этого не случилось, а кое-какіе отвѣты Вейсманна на сдѣланныя ему возраженія показали, что онъ считаетъ свои біофоры, детерминанты и иды настолько реальными, что едва ли будетъ искать всевозможности доказать ихъ реальность. На самомъ же дѣлѣ эти *предполагаемыя* образованія пригодны лишь на то, чтобы показать, что сложныя явленія наслѣдственности вообще можно объяснить. За протекшіе годы теорія Вейсманна ровно ничего не выиграла въ достовѣрности и даже, пожалуй, проиграла, такъ какъ тщательное изученіе строенія протоплазмы и явленій размноженія клѣтки не пролило сколько-нибудь свѣта на существованіе біофоровъ. Интересные опыты Бовери надъ развитіемъ клѣт-

при удаленіи изъ нихъ ядеръ никѣмъ не продолжались систематически, а безъ этого мы всетаки не въ правѣ окончательно опредѣлить отношеніе ядра къ тѣлу клѣтки. Вообще теорія Вейсманна явилась не въ добрый часъ и не внесла съ собой того оживленія въ біологическія изслѣдованія извѣстнаго направленія, какого можно было ожидать.

Одной изъ причинъ неуспѣха теоріи безъ сомнѣнія является ея сложность и обиліе совершенно абстрактныхъ положеній. Какъ хотите, а всѣ эти біофоры, детерминанты и иды остаются словами. Введя ихъ и установивъ между ними опредѣленную связь, Вейсманнъ заплатилъ дань потребности нѣмецкаго ума философствовать и классифицировать, и сильно отклонился въ сторону къ покойной натурфилософіи. Затѣмъ, теоріи портитъ упорное утвержденіе, что благопріобрѣтенныя особенности не передаются наслѣдственно, хотя въ этомъ случаѣ Вейсманнъ такъ узко понимаетъ этотъ терминъ, что большинство натуралистовъ съ нимъ не согласно. Дѣло въ томъ, что этого положенія никакъ нельзя считать доказаннымъ, а между тѣмъ теорія наслѣдственности построена именно на томъ, что свойства организма опредѣляются зародышевой плазмой той клѣтки, изъ которой онъ развился.

Но несмотря на эти отрицательныя стороны въ дѣятельности Вейсманна, за нимъ остается огромная заслуга въ долголѣтней и неустанной разработкѣ многихъ важныхъ вопросовъ изъ области эволюціоннаго ученія. Благодаря его рѣчамъ и статьямъ, цѣлые годы поддерживался оживленный обмѣнъ мыслями между самыми выдающимися біологами, и при этомъ выяснились новыя задачи, сдѣлано многое для рѣшенія старыхъ. Быть можетъ, было бы лучше для Вейсманна не выступать съ сложнымъ объясненіемъ явленій наслѣдственности, пытаясь проникнуть въ сущность невидимыхъ процессовъ, происходящихъ въ протоплазмѣ. Но желаніе придать стройность своимъ соображеніямъ по тому или другому вопросу совершенно понятно, и лишь съ оформленной теоріей можно считаться.

Я считаю возможнымъ закончить на этомъ рядъ своихъ очерковъ. Безъ сомнѣнія, его можно бы значительно удлинить, если бы не ограничиться наиболѣе выдающимися біологами. Очень можетъ быть даже, что меня упрекнутъ въ пропускѣ нѣсколькихъ именъ по геологіи и ботаникѣ, въ качествѣ равныхъ съ приведенными здѣсь. Но я думаю, что указалъ всѣхъ наиболѣе выдающихся защитниковъ эволюціоннаго ученія, и по крайней мѣрѣ всѣхъ тѣхъ, кто сдѣлалъ особенно много для его разъясненія и болѣе широкаго развитія.

Я совершенно не касался американской школы біологовъ, или собственно геологовъ, потому что будучи эволюціонистами, американцы пытались развить ученіе о постепенномъ развитіи органическаго міра, исходя изъ существованія какихъ-то внутреннихъ импульсовъ. Повидимому, дарвинистомъ былъ Маршъ, но онъ оставилъ по себѣ исключительно фактическія данныя. Такимъ образомъ получается нѣчто странное: одно изъ самыхъ

цѣнныхъ геологическихъ доказательствъ справедливости эволюціоннаго ученія даетъ намъ Америка, и между тѣмъ нигдѣ мы не находимъ такого малаго числа выдающихся теоретиковъ. Обиліе фактовъ какъ будто мѣшаетъ здѣсь построенію продуманной теоріи или хотя бы сознательному слѣдованію за уже имѣющимся ученіемъ.

По всей вѣроятности, меня упрекнутъ за пропускъ Годри. Но, не отрицая крупныхъ заслугъ Годри въ области геологіи, я всетаки не могу считать его даже эволюціонистомъ, не то что дарвинистомъ. Я рѣшительно не знаю, чѣмъ отличается Годри въ своихъ теоретическихъ соображеніяхъ отъ благонамѣреннаго патера, осторожно пускающагося въ научныя изслѣдованія съ разрѣшенія папы. И вообще французская школа біологовъ сейчасъ съ трудомъ поддается опредѣленію. Среди ея выдающихся изслѣдователей мы встрѣчаемъ А. Мильнъ Эдварса и Лаказъ Дютье, которые дали много фактовъ (особенно первый) и не дали никакой попытки обобщить ихъ; и ламаркистовъ, и дарвинистовъ, и особенно много лицъ съ еще неопредѣлившимся направленіемъ, которые зорко присматриваются ко всему, но ни на чемъ не останавливаются. Интереснѣе другихъ Ивъ Делажъ, повидимому, опредѣлившійся дарвинистъ, но пока не особенно удачно выступившій съ рѣшеніемъ разныхъ существенныхъ проблемъ біологіи. Во всякомъ случаѣ съ нимъ еще надо подождать, такъ какъ опытъ научилъ насъ всевозможнымъ превращеніямъ по пути эволюціи человѣка.

Дарвинизмъ во Франціи привился лишь съ большимъ трудомъ. Нигдѣ сначала не относились къ нему съ такимъ равнодушіемъ, какъ во Франціи, что находитъ себѣ объясненіе въ длившемся еще тогда обаяніи имени Кювье. Не принявъ ни идей Э. Ж. Ст. Илера о широкой, но предѣльной измѣняемости органическаго міра, ни тѣмъ болѣе взглядовъ Ламарка, защищавшаго неограниченную измѣняемость, французы отнесли къ той же категоріи, съ ихъ точки зрѣнія, мало обоснованныхъ ученій и теорію естественнаго подбора. Увлеченія Гэккеля не могли, конечно, способствовать измѣненію такого взгляда на дарвинизмъ, и надо было появиться новымъ поколѣніямъ біологовъ во Франціи, чтобы появилась и ихъ новая школа. Какъ въ другихъ отрасляхъ знанія, такъ и въ біологіи новѣйшій періодъ въ исторіи науки во Франціи начинается съ семидесятыхъ годовъ, вмѣстѣ съ пробужденіемъ національнаго самосознанія. Къ этому времени относится начало основанія французскихъ біологическихъ станцій, улучшенія университетскаго преподаванія, созиданія обширныхъ музеевъ. Въ данномъ случаѣ, какъ и всегда, французы шли не на поводу другихъ, а самостоятельно, и отставши было въ своихъ научныхъ успѣхахъ, быстро догнали наиболѣе передовыя націи. Въ настоящее время въ области біологіи во Франціи настало, такъ сказать, примиреніе идей Кювье съ философскимъ направленіемъ англо-германской школы, но, повторяю, опредѣлить характеръ французской школы біологовъ пока еще нельзя. Несомнѣнно лишь одно, что французы бодро идутъ впередъ, работая осмысленно, съ широкой критикой своего и чужого. У нихъ ре-

реди опять широкая будущность, хотя за послѣднее время у насъ и явилась мода читать отходную ихъ духовнымъ силамъ.

Что касается Италіи, то въ настоящее время біологія въ этой странѣ занимаетъ не особенно важное мѣсто. Неаполитанская біологическая станція, куда уже десятки лѣтъ ѣздятъ работать ученые всѣхъ странъ, учрежденіе чуждое Италіи и потому, естественно, не могло оказать большого вліянія на развитіе въ ней біологіи. Итальянскіе ученые бываютъ здѣсь въ качествѣ такихъ же гостей, какъ и всѣ другіе. Этимъ я не хочу сказать, что въ настоящее время біологія совсѣмъ не разрабатывается въ Италіи; конечно, у итальянцевъ есть много почтенныхъ именъ, но къ сожалѣнію среди нихъ мы не встрѣчаемъ такихъ, которыя, хотя бы въ своей странѣ, вели за собою въ качествѣ общепризнанныхъ руководителей, характеризуя въ то же время цѣлое направленіе.

Затѣмъ, мнѣ кажется, что дарвинизмъ, какъ ученіе, слишкомъ серьезенъ для итальянцевъ, а самые труды Дарвина написаны для нихъ слишкомъ сухо. Наконецъ, католицизмъ не такая почва, на которой можетъ развиваться свободная наука. Въ виду всего этого нечего удивляться, что новое біологическое ученіе стало въ Италіи лишь достояніемъ немногихъ ученыхъ и не получило широкаго распространенія въ массѣ. Даже въ южной Германіи вліяніе клерикаловъ сказывается на господствующемъ направленіи въ біологіи, и этимъ, конечно, объясняется то, что большинство нѣмецкихъ натуралистовъ, по словамъ Гэккеля, все-таки не дарвинисты. Но, несмотря на это, дарвинизмъ въ Германіи, какъ и въ большей части другихъ культурныхъ странъ, является господствующимъ направленіемъ, потому что, конечно, научное направленіе опредѣляется трудами ученыхъ не количественно, а качественно. Впрочемъ, достоинства этой школы выступятъ еще яснѣе, когда намъ удастся охарактеризовать нѣкоторыя новыя теченія въ біологіи.

М. Мензбиръ.

Къ вопросу о нашихъ университетахъ *).

Въ началѣ учебнаго 1885 — 1886 г. министерство народнаго просвѣщенія опубликовало *экзаменныя требованія*, коимъ должны удовлетворять испытуемые въ особыхъ коммиссіяхъ по окончаніи университета. Въ этихъ требованіяхъ опредѣляется, по каждому факультету особо, какъ составъ предметовъ, входящихъ въ курсъ университетскаго преподаванія, такъ и объемъ свѣдѣній, обязательный для испытуемыхъ. По отношенію къ юридическому факультету министерство народнаго просвѣщенія не ограничилось одними указаніями предметовъ преподаванія и испытаній, но нашло нужнымъ опредѣлить основанія, задачи и методы университетскаго преподаванія, а авторъ этихъ требованій изложилъ даже свою доктрину о правовѣдѣніи вообще и русскомъ государственномъ строѣ въ особенности. Министерство народнаго просвѣщенія обратило свое особенное вниманіе на юридическіе факультеты, вѣроятно, потому, что послѣдніе не только разрабатываютъ науку права, но и приготовляютъ дѣятелей государственной и общественной жизни, отъ познаній и направленія которыхъ зависитъ преуспѣяніе Россіи. Предположеніе это весьма серьезное, хотя нельзя не замѣтить, что столь же важно и основательное образованіе филологовъ, математиковъ, медиковъ, массы которыхъ выходятъ ежегодно изъ стѣнъ университетовъ и оказываютъ не меньшее вліяніе на настроеніе русскаго общества, какъ и юристы.

Экзаменныя требованія займутъ, въ свое время, видное и знаменательное мѣсто въ исторіи нашего высшаго образованія; изданіемъ ихъ министерство народнаго просвѣщенія завершило реформу русскихъ университетовъ, по новому уставу, указавъ, чего оно желаетъ и будетъ требовать отъ университетской науки и студентовъ-слушателей. Нѣтъ сомнѣнія, что университеты наши нуждались въ серьезной реформѣ, такъ какъ Уставъ 1863 г. представлялъ большіе недостатки какъ въ порядкахъ учебнаго

*) Редакція доставлена эта интересная замѣтка уже по смерти ея автора. Мы поэтому печатаемъ ее безъ всякихъ измѣненій, имѣя въ виду возвратиться къ вопросу. *Ред.*

дѣла, такъ еще болѣе въ организаціи университетскаго управленія; нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, что новый университетскій уставъ 1884 г. принесъ значительныя улучшенія для нѣкоторыхъ существенныхъ сторонъ университетской жизни. Самыя экзаменныя требованія, особенно для факультетовъ физико-математическаго и медицинскаго, имѣютъ свои достоинства.

Къ сожалѣнію, наша текущая литература ограничилась лишь бѣглыми и частными замѣтками объ этихъ важныхъ педагогическихъ актахъ. При этомъ *С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ* особенно понравилась юридическая доктрина экзаменныхъ требованій; въ ней эта газета видитъ «философскую силу и ясность» и выражаетъ увѣренность, что юридическіе факультеты признаютъ въ этой программѣ не только авторитетъ власти, но и авторитетъ научно-философскій». *Вѣстникъ Европы* (октябрь) обратилъ вниманіе на правила министерства народнаго просвѣщенія о зачетѣ полугодій и повѣрочныхъ испытаній; относительно же экзаменныхъ требованій ограничился нѣсколькими общими и справедливыми замѣчаніями, касающимися болѣе историко-филологическаго, нежели юридическаго факультета.

Единственно газета *Русь* сдѣлала по поводу юридической доктрины экзаменныхъ требованій глубокія и вѣрныя возраженія, но она остановилась лишь на общемъ характерѣ доктрины и указала на ошибочность признанія духовнаго регламента за вѣнецъ духовнаго развитія русской церкви и ограниченія правовѣдѣнія изученіемъ лишь того, что было и что есть.

Желая восполнить указанный пробѣлъ, мы рѣшились разсмотрѣть подробно въ настоящемъ очеркѣ доктрину, предложенную въ поясненіе экзаменныхъ требованій по юридическому факультету.

Какого же направленія держится эта доктрина, какія задачи ставитъ она для обработки ученій о государствѣ и правѣ, какія границы даетъ она правовѣдѣнію? Оффиціальный авторъ доктрины—вообще рѣшительный врагъ «отвлеченныхъ теорій, готовыхъ обобщеній» и излагаетъ свои основныя начала въ слѣдующемъ видѣ.

«Каждая область вѣдѣнія, каждая наука, имѣя свой предметъ, имѣетъ свои принципы и способы и, только держась ихъ, можетъ вести къ знанію» (стр. 4). «Юриспруденція, занимающая главное мѣсто (?) въ юридическомъ факультетѣ (а что же составляетъ не главное мѣсто?), имѣетъ своимъ *предметомъ дѣйствующее* въ данной странѣ *право*» (стр. 1). «Но дѣйствующимъ правомъ, которое разнится по различію странъ, не исчерпывается вся задача юридическаго факультета». «Поэтому юридическій факультетъ, дабы служить высшею школою свойственнаго ему образованія, долженъ обладать *предметомъ* (sic!) столь же *всеобщимъ* и обязательнымъ для всякаго просвѣщеннаго юриста, къ какой бы ни принадлежалъ онъ странѣ, какъ математика для математиковъ, древніе языки для филологовъ». «Такимъ для всѣхъ одинаковымъ образовательнымъ предметомъ не могутъ быть доктрины, которыя, не ограничиваясь тѣмъ, *что есть или тѣмъ, что было,* имѣютъ цѣлью возбуждать и направлять умы къ тому, *что должно быть* въ смыслѣ доктрины» (стр. 2). «Равно не могутъ быть

и такія, такъ называемыя, позитивныя доктрины, которыя, увлекаясь успѣхами естествознанія и отвергая юридическія абстракціи, ставятъ на ихъ мѣсто, въ руководство юридической наукѣ, абстракціи біологическія» (стр. 3).

«Вмѣсто разныхъ доктринъ и теорій, претендующихъ на всеобщее значеніе и именующихъ себя философскими, самое обязательное, дѣйствительно, *всеобщее условіе* какъ для юридическихъ, такъ и для всѣхъ другихъ наукъ—*есть общая всѣмъ людямъ логика здраваго смысла* (sic!), рѣшенія которой столь же обязательны, какъ и очевидность факта» (стр. 4—5).

Въ изложенномъ строѣ мыслей оффиціальнаго автора мы тщетно искали логическую связь и послѣдовательность: авторъ начинаетъ поиски съ предмета юриспруденціи, признаетъ его въ дѣйствующемъ правѣ страны, но затѣмъ ищетъ еще болѣе всеобъемлющій и общеобязательный предметъ, подобный математикѣ или древнимъ языкамъ, и находитъ его въ какомъ-то *всеобщемъ условіи логики здраваго смысла*. Но вѣдь условіе не есть предметъ, и логика, заключая въ себѣ лишь формы и законы мышленія, служа орудіемъ изысканій, не можетъ быть въ то же время и предметомъ правовѣдѣнія.

Посмотримъ однако, что это за всеобщая непогрѣшимая логика здраваго смысла, и возможно ли на ней утверждать какія-либо основы знанія?

Есть ли это прирожденная сила, незыблемая для всѣхъ людей и всегда себѣ равная, или же она вырабатывается трудомъ и наукою? Едва ли есть надобность доказывать несостоятельность логики здраваго смысла въ первомъ значеніи: то, что кажется одному совершенно яснымъ и убѣдительнымъ, другому можетъ казаться темнымъ и ошибочнымъ.

Научная логика представляетъ сферу болѣе опредѣленную, устойчивую, доказательную, но и здѣсь сколько различныхъ точекъ отправленія, какъ различны пріемы, основанія, построенія. Посмотрите логику Аристотеля, методы Бекона, опытъ Локка, логику Канта, критику Милля, логику Дюринга; сколько взаимныхъ возраженій и какое разнорѣчіе *)?

Оффиціальный авторъ экзаменныхъ требованій думаетъ найти въ логикѣ здраваго смысла исцѣленіе отъ всѣхъ золъ «доктринёрства», «верхоглядства», «фанатизма своихъ и чужихъ мыслей», «самонадѣяннаго реформаторства», но изобрѣтенное имъ средство есть самое неудачное, опасное и скорѣе всего поведетъ къ результатамъ прямо противоположнымъ. По странной ироніи судьбы начало здраваго смысла было и есть наиболѣе излюбленное орудіе для всѣхъ новаторовъ, либеральныхъ и консерватив-

*) Кстати, по поводу логики припоминается намъ интересный отзывъ г. Гро въ его этюдѣ: „Къ вопросу о реформѣ логики“ (1883 г.): „прошедшее логики, — г воритъ онъ,—смутно, настоящее хаотично, а задачи будущаго еще вовсе не опред лены... Всѣ положенія старой логики о законахъ мысли, основанныя на совершенн негодной теоріи подлежащаго и сказуемаго, были продуктами фантазіи... вмѣстѣ тѣмъ вся прежняя теорія процессовъ сужденія и умозаключенія окажется лишь ка кою пародіей на научную теорію мышленія, представится какою-то *игрою въ мани*

ныхъ, и служило вѣрнѣйшимъ орудіемъ для нанесенія ударовъ и историческимъ условіямъ и силамъ реальнымъ.

Не заходя въ классическій міръ, гдѣ софисты только и проповѣдывали доводы здраваго смысла, вспомнимъ реформаторовъ 18 вѣка. Верховнымъ источникомъ и рѣшителемъ всѣхъ вопросовъ бытія для энциклопедистовъ была именно логика человѣческаго разума и здраваго смысла.

«Великое и прекрасное зрѣлище представляетъ намъ человѣкъ,—говоритъ Руссо (въ своей дижонской рѣчи),—выходящій изъ хаоса своими собственными усиліями, разгоняющій свѣтомъ своего разума тьму, которою окружила его природа, становящійся выше самого себя»...

Послѣдствія этого господства логики здраваго смысла во время французской революціи описаны очень живо въ трудѣ г. Любимова «*Противъ теченія*»; тамъ подробно разсказано, какъ подъ диктовку разума сломаны были всѣ историческія учрежденія старой Франціи, какъ разумъ возведенъ былъ на степень божества, какъ въ храмѣ Парижской Богоматери носили съ пѣніемъ и поклонялись полураздѣтой женщинѣ, изображавшей богиню разума! Неужто оффиціальный авторъ не читалъ столь извѣстныхъ этюдовъ г. Любимова, а Любимовъ не просматривалъ доктринъ экзаменныхъ требованій? А какъ обрадуются рекомендуемому всемогуществу логики здраваго смысла всѣ новѣйшіе проповѣдники ученій Бюхнера, Молешота, Писарева, послѣдователи цивическихъ катехизисовъ Поля Бера и Компейра и всѣ много извѣстные софисты XIX вѣка!

Впрочемъ, не будемъ опасаться за крайнее увлеченіе оффиціальнаго автора логикою здраваго смысла; авторъ самъ не вѣритъ могуществу этой силы и на послѣдующихъ страницахъ своего ученія старается ограничить эту силу и заключить ее въ неподвижныя рамки: онъ отрицаетъ вообще пользу доктринъ, хотя каждая доктрина есть произведеніе логики здраваго смысла своего автора; онъ требуетъ «изслѣдовать только то, что было и что есть», онъ обязываетъ своихъ адептовъ «изучать явленія, только непосредственно имъ подлежащія, принимая ихъ какъ данное, не дозволяя себѣ никакого обобщенія, безъ достаточнаго основанія» (стр. 4). Чтобы обуздать еще болѣе возможность своеволія здраваго смысла, оффиціальный авторъ ограничиваетъ научную пытливость учителей и учениковъ римскимъ правомъ, которое, по словамъ его, «составляетъ общее для всѣхъ образованныхъ народовъ достояніе, которое есть столько же фактъ, сколько теорія, столько же данная для познающей науки (развѣ есть наука и не познающая!) реальность, сколько выработанная до высшей степени система юридическихъ понятій»... «оно есть *всеобщая теорія права* и должно быть основнымъ требованіемъ юридическаго испытанія и преподаванія» (стр. 5—6).

Предоставляемъ читателю судить о послѣдовательности автора, который одной рукой гонитъ доктрину, а другой превращаетъ римское право во всеобщую теорію права, или навязываетъ готовое обобщеніе о преступленіи, наказаніи и самосознаніи (стр. 13—15).

Съ своей стороны позволимъ себѣ спросить у автора: какое значеніе имѣютъ его выраженія: Римское право есть столько же фактъ, сколько теорія, столько же реальность, сколько система?

Развѣ въ наукѣ, по законамъ здравой логики, фактъ можетъ быть безъ теоріи и теорія безъ факта, и въ свою очередь реальность можетъ ли быть безъ связи и системы, а система безъ реальности? Не лишнія ли это выраженія, хотя и употребленныя для обозначенія какихъ-то особыхъ, чудодѣйственныхъ свойствъ, присущихъ только римскому праву? Послѣ указаній основныхъ началъ юриспруденціи, оффиціальный авторъ переходитъ къ разсмотрѣнію методовъ, которымъ должны слѣдовать профессора юридическихъ факультетовъ при обработкѣ и преподаваніи своего предмета; но здѣсь понятія автора еще неопредѣленнѣе, еще сбивчивѣе.

«Юридическая наука,—говоритъ авторъ,—располагаетъ методами, которые должны возвышать юридическое образованіе надъ уровнемъ простого эмпиризма; юридическая логика должна учить анализировать данное содержаніе *и восходить* шагъ за шагомъ отъ *буквы къ разуму*» (стр. 12).

Казалось бы, методъ вполнѣ правильный, научный. Но на этой же страницѣ авторъ отрицаетъ «всякія готовыя обобщенія, отвлеченныя теоріи, которыя, по его мнѣнію, ничего не даютъ, кромѣ словъ», и рекомендуетъ «историческое знаніе» (стр. 12); еще далѣе онъ предлагаетъ преподавателямъ «давать учащимся только тщательно провѣренный матеріалъ, изъ котораго они *сами могли бы вырабатывать* свои понятія и воззрѣнія» (стр. 12—13).

Изъ приведенныхъ строкъ невозможно вывести, какого собственно метода держится оффиціальный авторъ. Вѣдь каждое восхожденіе и нисхожденіе отъ буквы къ разуму есть обобщеніе, всякое знаніе можетъ быть только въ формѣ отвлеченія, а съ другой стороны, простой матеріалъ (хотя бы и провѣренный), одни факты, безъ разработки ихъ въ общія понятія, не имѣютъ никакого значенія. И что это за готовыя теоріи? Наука не допускаетъ ихъ, предоставляя ихъ въ удѣлъ людямъ односторонним, фанатикамъ чужихъ и своихъ мыслей, мало учившимся и еще менѣе работавшимъ самостоятельно. Далѣе, возможно ли требовать, чтобы ученый восходилъ отъ буквы къ разуму и въ то же время ограничивалъ себя историческою почвою и дѣйствующими силами? А если при восхожденіи отъ буквы къ разуму, или анализѣ историческихъ условій и реальныхъ силъ, здравый смыслъ найдетъ, что многое изъ того, что есть и что было,—не должно бы быть? какъ быть тогда?

Всѣ эти вопросы, очень давніе и извѣстные, имѣютъ отвѣты столь же давніе и вполнѣ несомнѣнные. Неужто же вновь надо напоминать и доказывать истину, что наука только тогда имѣетъ смыслъ, если изучаетъ сущее для того, чтобы найти въ немъ должное, что вся жизнь человѣческая украшается и возвышается надеждами и желаніями лучшаго и болѣе разумнаго? Все христіанское ученіе утвердилось *на отрицаніи* того, *что было* и овладѣло душами людей указаніями на божественное должное!

Излагая свое ученіе о методахъ, оффиціальный авторъ любитъ ссылаться на «очевидность, реальность», которыя однѣ для него убѣдительны.

Но что такое *очевидность* и реальность? Вѣдь увѣрялъ же Руссо въ очевидности вреда наукъ и искусствъ, вѣдь признавалъ же Гельвецій духъ и разумъ за простую реальность, за физическую чувствительность мозговъ! А между тѣмъ еще старикъ Бентамъ высказалъ въ своихъ знаменитыхъ софизмахъ (de l'opinion du grand nombre), что авторитетъ очевидности, взятый самъ по себѣ, независимо отъ доказательствъ, есть аргументъ безъ всякой силы, и что самая видимость реальности можетъ быть призрачною!

Не можемъ не отмѣтить еще одну методологическую странность оффиціальнаго автора. Предлагая къ изученію только положительныя явленія и реальныя данныя, онъ въ то же время съ большимъ пренебреженіемъ относится къ тѣмъ курсамъ государственнаго права, «которые обрекаютъ себя на перечень департаментовъ и канцелярій» (стр. 9).

Но, во-первыхъ, университетскія каѳедры давно перестали заниматься простымъ перечисленіемъ предметовъ государственнаго строя, во-вторыхъ, напрасно авторъ смотритъ такъ свысока на департаменты и канцеляріи; быть можетъ, нигдѣ не обрисовался съ такою силою и характеромъ нашъ административный строй, какъ въ отношеніяхъ департаментовъ и канцелярскомъ дѣлопроизводствѣ.

Независимо отъ разсмотрѣнныхъ общихъ началъ и методовъ программа министерства народнаго просвѣщенія останавливается въ частности на римскомъ правѣ, государственномъ правѣ, философіи права и опредѣляетъ, въ какомъ значеніи, объемѣ и направленіи должны быть преподаваемы эти предметы на юридическихъ факультетахъ. Мы уже видѣли, что для автора этой программы римское право есть *всеобщая теорія,* источникъ и критерій всѣхъ юридическихъ институтовъ, всего юридическаго развитія. Кромѣ того, римское право имѣетъ въ его глазахъ еще особую важность: «оно было предметомъ не только многовѣковой разработки римскихъ юристовъ, но и повсемѣстнаго изученія и изслѣдованія до сего времени; оно завершило полный циклъ своего образованія, развило свои начала во всей полнотѣ и законченности; поэтому оно составляетъ *общее достояніе* для всѣхъ образованныхъ народовъ, должно служить *основнымъ предметомъ* юридическихъ факультетовъ, *служитъ школою* не только для лицъ, посвящающихъ себя судебному поприщу, но *и служенію государству въ правительственномъ дѣлѣ*» (стр. 6—5). Поэтому недостаточно довольствоваться римскимъ гражданскимъ правомъ, но «должно *знакомиться и съ государственнымъ римскимъ правомъ,* которое выработалось изъ реальныхъ силъ народа *и исчерпало всѣ моменты своего развитія* въ системѣ имперіи» (стр. 7). Ничто не можетъ такъ оживить и подвинуть науку русскаго права, заключаетъ оффиціальный авторъ, какъ освоенность съ пріемами научной разработки римскаго права, при чемъ яснѣе обнаружатся характеристическія особенности нашего народнаго воззрѣнія» (стр. 7). Сооб-

равно такому взгляду, въ учебныхъ юридическихъ планахъ, утвержденныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, назначено на преподаваніе римскаго права 38 часовъ въ недѣлю изъ 114 недѣльныхъ часовъ, распредѣленныхъ на 13 предметовъ (просимъ сообразить, по сколько часовъ въ недѣлю остается для остальныхъ 12-ти предметовъ!) по всѣмъ 8-ми семестрамъ.

Что римское гражданское право, въ кругѣ отношеній, извѣстныхъ римскому народу, составляетъ наиболѣе оконченную, выработанную и самобытную систему, что начала этой системы, касавшіяся общечеловѣческихъ (а не національно-римскихъ) условій гражданскаго оборота, опредѣлены съ такою вѣрностью и глубиною, что служатъ и до сихъ поръ основаніемъ правовѣдѣнія и гражданскихъ кодексовъ, въ этомъ едва ли кто-либо, знакомый съ римскимъ правомъ, можетъ сомнѣваться. Но несомнѣнно и то, что римское гражданское право, несмотря на всѣ свои достоинства и цѣнность вклада, внесеннаго имъ въ юридическое развитіе человѣчества, было явленіемъ историческимъ, исполненнымъ разныхъ недуговъ, и потому не можетъ служить, во всей своей полнотѣ, всеобщею теоріею права: въ немъ недостаетъ многаго для насъ нужнаго, и многое нужное для римскаго народа,—негодно для насъ *). Укажемъ для примѣра на семейственное римское право со всѣми его potestas, manus, mancipium, agnatio, cognatio, конкубинатомъ несоотвѣтственныхъ началамъ христіанскимъ семейственнаго и родственнаго союза.

Справедливо и то, что въ жизни западно-европейскихъ государствъ римское право служило не только теоріею, но дѣйствующимъ источникомъ для частно-правныхъ отношеній. Но въ настоящее время римское право, какъ положительное законодательство, вытѣснено изъ прежней своей сферы дѣйствія.

«Фактъ изгнанія римскаго права изъ непосредственной практики,—говоритъ Марецолль (не случайный и невѣдомый міру поклонникъ римскаго права, а глубокій ученый и знатокъ онаго),—знаменуетъ такую же точку поворота, какою нѣкогда было внесеніе римскаго права въ юридическій бытъ Европы; онъ долженъ произвести переворотъ и въ дѣлѣ научной обработки его. До сихъ поръ эта обработка обусловливалась главнымъ образомъ потребностями практическаго примѣненія римскаго права. Отнынѣ ясно, что такая форма не въ силахъ будетъ приковать интересъ къ римскому праву. Отъ простого изложенія *она должна подняться на степень критики положительнаго права*». А вотъ что говорилъ о римскомъ правѣ, еще 15 лѣтъ назадъ, Лор. Штейнъ, котораго, конечно, нельзя причислить къ «верхоглядамъ»: «Съ трудомъ вѣрится, что мѣрою юридическаго образованія почти во всѣхъ нѣмецкихъ университетахъ считается римское право, что пандекты составляютъ главный предметъ изученія и что все проч е

*) Позволимъ себѣ сослаться на дѣйствительный авторитетъ въ этомъ вопр ѣ Іеринга: „Bedeutung d. römischen Rechts für die moderne Welt“. 1865.

признается второстепеннымъ. Вооруженные столь односторонним и недостаточнымъ орудіемъ для современныхъ формъ соціальной жизни, наши юристы являются слабыми и негодными въ общинѣ, областныхъ совѣтахъ, государственномъ сеймѣ; здѣсь дѣло уже идетъ не о преніяхъ и рѣшеніяхъ процесса между Таціемъ и Семпроніемъ, а объ общинномъ строѣ, о ремеслахъ, товариществахъ, дорогахъ, мостахъ, поземельной книгѣ, кредитѣ, попеченіи о здоровыхъ, призрѣніи, отъ которыхъ зависитъ благосостояніе или страданіе многихъ людей. Какую помощь и пользу могутъ оказать ему римская юриспруденція и пандекты, которые не имѣютъ даже соотвѣтственныхъ латинскихъ словъ для указанныхъ понятій?» («Hab. d. Verwaltungslehre», 1870).

Впрочемъ, должно замѣтить, что преобладающее положеніе римскаго права въ гражданской практикѣ и германскихъ юридическихъ факультетахъ произошло не потому, что въ Германіи вѣрили въ римское право какъ во всеобщую и незыблемую теорію, а потому, что Германія не имѣла общаго гражданскаго законодательства. Во Франціи и другихъ западно-европейскихъ государствахъ, гдѣ раньше были выработаны кодексы гражданскаго права, разработка и преподаваніе національнаго права получили первенствующее мѣсто. Въ Англіи и въ судахъ, и въ университетахъ ревниво и постоянно оберегали самостоятельность своего народнаго права; неоднократно были издаваемы даже распоряженія, опредѣлявшія силу обычаевъ и парламентскихъ статутовъ по отношенію къ римскому праву, и въ настоящее время тамъ считается общепризнаннымъ, что римское и каноническое право составляютъ тамъ только вспомогательный источникъ, подчиненный общему праву Англіи (лордъ Гэль). Въ самой Германіи въ области торговаго права, съ изданіемъ общаго имперскаго торговаго кодекса, римское право отступило далеко на задній планъ, тѣмъ болѣе, что имперскій торговый кодексъ принимаетъ въ свой составъ новыя формы экономическихъ отношеній, торговые обычаи германскихъ городовъ, торговое морское право, почти не извѣстное древнему Риму. То же самое должно сказать и о гражданскомъ германскомъ судопроизводствѣ, для котораго изданъ уже общій имперскій уставъ и который разработанъ на началахъ, далеко отличныхъ отъ римскаго процесса.

Съ изданіемъ общаго имперскаго кодекса гражданскаго права германскому гражданскому праву откроется также путь къ самобытному развитію.

Такимъ образомъ въ то время, когда въ Германіи, классической странѣ римскаго права, національное право мало-по-малу завоевывало себѣ должное мѣсто, у насъ для римскаго права назначается 36 часовъ въ недѣлю, а для русскаго гражданскаго права съ судопроизводствомъ 22!

Но если римское гражданское право навсегда должно остаться необходимымъ и важнымъ предметовъ юридическихъ факультетовъ, то какой «всемірный законъ» можно найти въ римскомъ уголовномъ правѣ? Новѣйшее уголовное законодательство образовалось на христіанскихъ началахъ и гуманитарной философіи XVIII и XIX вв. и имѣетъ мало даже общаго съ уго-

ловными воззрѣніями римскаго народа. Правда, германскіе ученые старались въ прежнее время подводить новыя криминальныя понятія подъ техническія рубрики и наименованія римскаго права; но въ настоящее время оставляютъ даже эту внѣшнюю связь съ римскимъ правомъ и вырабатываютъ самостоятельную технику для опредѣленія состава преступленій и раздѣленія наказаній.

Не менѣе странно требованіе автора экзаменныхъ требованій, чтобы студенты изучали государственное римское право, которое, «какъ вполнѣ реальная система, должно служить высшею школою для посвящающихъ себя правительственному дѣлу» (стр. 67).

Безспорно, изученіе государственнаго устройства Рима чрезвычайно важно, но только не для пріобрѣтенія правительственной мудрости, а какъ явленіе историческое, какъ поученіе,—чего не должно быть, чего должно избѣгать. Кому не извѣстны неравномѣрный строй всѣхъ общественныхъ силъ древняго Рима, борьба сословій, деспотическое господство сената, отстаивавшаго привилегіи патриціевъ; кому не извѣстно, что сенатъ своимъ партійнымъ управленіемъ превратилъ древняго римскаго властителя, populus romanus, въ неимущую толпу, для содержанія которой потребовались leges frumentariae (уже при Цезарѣ число гражданъ, получавшихъ отъ государства хлѣбъ, простиралось до 320,000); сенатское же управленіе породило непримиримую постоянную борьбу классовъ, господство оптиматовъ и, какъ послѣдствіе его агитаціи, популяровъ? Кому не извѣстно господство въ выборной системѣ Рима насилій, подкуповъ, вызвавшихъ цѣлый рядъ leges tabellariae, закончившихся тайною подачею голосовъ, которая совершенно подорвала старую римскую организацію? А чего стоила кровавая борьба изъ-за agri publici, въ концѣ разрушившая римское государство?

Но нигдѣ не выразился неправомѣрный, неправильный строй Рима въ такой полнотѣ, какъ въ устройствѣ провинцій (т.-е. земель лежавшихъ внѣ Италіи), которыя однако составляли болѣе $^{5}/_{6}$ всѣхъ владѣній Рима и давали ему средства къ жизни.

Каждая провинція имѣла свое особое устройство (forma provinciae). Во главѣ провинціи стоялъ особый римскій регентъ изъ преторовъ, а впослѣдствіи изъ консуловъ, по истеченіи ихъ службы въ Римѣ; власть этихъ магистратовъ въ провинціяхъ была почти неограниченная, исполненная всякаго рода насилій и злоупотребленій; контроль сената и римскихъ судовъ былъ призрачный; достаточно вспомнить злоупотребленія Вереса въ Сициліи. Произволъ римскихъ провинціальныхъ правителей вызвалъ извѣстный lex Julia, установившій, чтобы въ провинціяхъ преторскихъ правители оставались не болѣе 1 года, а въ консульскихъ не болѣе 2 лѣтъ. Но это повело къ еще худшему: чуждые странѣ, ограниченные въ срокахъ своей службы, регенты провинцій не могли заботиться о благѣ страны, а стремились только къ обогащенію себя и сопровождавшей ихъ толпы подчиненныхъ, изъ которыхъ каждый требовалъ доли въ добычѣ. Выше-

гательства были тѣмъ необходимѣе, что провинціальные правители должны были собирать средства не только для себя и своихъ, но и для подкупа и взятокъ въ сенатѣ. «Многіе проконсулы правили съ такою безпощадною жестокостью, разоряли страну столь неразборчиво, что трудно найти примѣры болѣе печальные въ самыхъ деспотическихъ государствахъ», говоритъ Пухта (XXXI).

Неужели же эти провинціальные порядки представляютъ «школу для лицъ, желающихъ посвятить себя служенію правительственному дѣлу русскаго государства?»

Экзаменныя требованія предлагаютъ еще знакомиться съ общественнымъ, хозяйственнымъ и торговымъ бытомъ римлянъ. Но что же цѣнное и поучительное могутъ найти для себя христіанскія общества въ тѣхъ картинахъ Тацита, Ливія, Цицерона, Салустія, гдѣ съ такою мрачною правдою изображается грубый развратъ и полное разложеніе частной и общественной нравственности римлянъ. Припомнимъ только исторію установленія leges sumptuariae, которые безплодно издавались въ теченіе 2-хъ послѣднихъ столѣтій республики.

Что же касается хозяйства римлянъ, какъ государственнаго, такъ и частнаго, то мы не станемъ останавливаться на извѣстныхъ трудахъ Валлона и Моро-де-Жонесса, гдѣ съ такою полнотою и положительностью изображенъ печальный экономическій бытъ римлянъ и откроемъ наугадъ любую страницу (относящуюся къ этому предмету) Пухты, Вангерова, Марецолля, которыхъ нельзя заподозрить въ недружелюбіи къ римскому праву.

Начнемъ съ agri publici populi romani,—этой основной хозяйственной силы древнихъ римлянъ. Постепенно, подъ покровомъ сената, богатые и сильные захватываютъ эту землю въ частную собственность или же въ наслѣдственное пользованіе, тѣ же публичныя земли, которыя сохранились отъ захвата, отдавались цензорами въ аренду, въ пользу государства; но цензоры отдавали ихъ такими большими партіями, что только богатые могли брать ихъ въ аренду и извлекать выгоды. Подъ вліяніемъ такихъ захватовъ и общаго экономическаго строя, масса народа была отторгнута отъ земли, своего естественнаго достоянія, и превратилась въ голодную необезпеченную толпу черни. Къ этому присоединился институтъ рабства, благодаря которому не могла развиться даже мелкая аренда земель свободными людьми. Богатые земельные собственники находили для себя менѣе опаснымъ и болѣе выгоднымъ обрабатывать свои имѣнія рабами. Отсюда образовались, съ одной стороны, латифундіи съ сараями и загонами для рабовъ, которые постоянно волновались и поднимали бунты, а съ другой—призрачный властитель Рима, populus romanus, питался общественнымъ хлѣбомъ и представлялъ жалкую игрушку и орудіе въ рукахъ разныхъ популяровъ.

А изъ чего составлялись доходы римскаго государства, изъ какихъ производительныхъ силъ черпались его средства? Сначала главнымъ источникомъ доходовъ государственныхъ были—война, завоеванія и tributum, личное-

имущественная подать съ римскихъ гражданъ, но послѣдняя взималась лишь до тѣхъ поръ, пока удачные походы не доставили въ государственный aerarium достаточныхъ средствъ. Послѣ неисчислимыхъ сокровищъ, награбленныхъ при покореніи Македоніи, до смерти Юлія Цезаря имущественная подать вовсе не взималась. Затѣмъ главнымъ источникомъ доходовъ казны служили провинціи, съ которыхъ взимались не только контрибуціи и добычи, но и различные косвенные и прямые налоги. Для сбора послѣднихъ посылались въ провинціи квесторы, надѣленные правами imperium, vocatio и cognitio extraordinaria (можно легко понять положеніе несчастныхъ провинцій при сборщикахъ, надѣленныхъ такими полномочіями!). Впослѣдствіи порядокъ этотъ былъ упрощенъ еще болѣе: стали отдавать большую часть доходовъ въ аренду и на откупъ съ торговъ извѣстнымъ публиканамъ, которые, заплативъ въ казну требуемую сумму, сами собирали сборы съ подлежащихъ лицъ. Профессія публикановъ была столь выгодна, что въ средѣ римскихъ всадниковъ образовался особый классъ государственныхъ откупщиковъ, которые устраивали компаніи (Societates), дѣлали стачки и посредствомъ подкуповъ и взятокъ держали въ рукахъ и государственную казну, и государственныхъ сановниковъ Рима.

При такихъ экономическихъ условіяхъ, о какой торговлѣ и финансовомъ устройствѣ римлянъ можно говорить? Что полезное можетъ найти европеецъ вообще, а русскій въ особенности, въ торговыхъ операціяхъ гражданъ, жившихъ добычею и рабскимъ трудомъ или же питавшихся общественнымъ хлѣбомъ?

Но если римское право, во всѣхъ своихъ частяхъ, имѣетъ бо́льшее или меньшее значеніе для законодательствъ и правовѣдѣнія западно-европейскихъ народовъ, то на чемъ основаны надежды и увѣренія автора оффиціальной доктрины, что «ничто такъ не оживитъ и не подвинетъ науки русскаго права и не объяснитъ такъ характеристическихъ особенностей нашего народнаго воззрѣнія какъ освоенность съ пріемами и методами разработки римскаго права? (стр. 7).

Гдѣ доказательства подобныхъ предсказаній? И неужели кто-либо изъ дѣйствительно знающихъ и серьезныхъ русскихъ ученыхъ не подтвердитъ, что ознакомленіе съ историческою обработкою германскаго права и съ догматическою, и практическою обработкою французскаго права не менѣе важно для успѣховъ русскаго права, какъ и изученіе исторіи и системы римскаго гражданскаго права? А къ чему эти суесловныя ссылки на особенности нашего народнаго воззрѣнія? Мы стоимъ лишь у порога познанія этихъ воззрѣній; прежде надо собрать и уразумѣть ихъ. Но и по тѣмъ немногимъ даннымъ, которыя имѣются, можно утвердительно сказать, что между юридическимъ строемъ римлянъ и началами народнаго русского права лежитъ цѣлая бездна (понятія о бракѣ, семьѣ, личныхъ отношеніяхъ, собственности, наказаніи и т. п.) и что первый скорѣе можетъ затемнить, нежели освѣтить особенности послѣднихъ.

По предмету государственнаго права, авторъ экзаменныхъ требова-

излагаетъ цѣлое, и по *внѣшности* стройное ученіе, въ слѣдующемъ видѣ: «верховная власть есть принципъ государственнаго права; ея значеніемъ и положеніемъ опредѣляется весь строй государства. Русское государственное право имѣетъ своимъ принципомъ единовластіе, по существу восточной церкви, которая, ограничиваясь своимъ духовнымъ призваніемъ, оставила всю политическую власть за государствомъ; между тѣмъ какъ принципъ историческаго движенія на западѣ есть двоевластіе, по существу западной церкви, лишившей монархію у западныхъ народовъ того священнаго характера, какимъ запечатлѣна она для русскаго народа...» Вслѣдъ за собираніемъ русской земли и утвержденіемъ единовластія, единая власть достигаетъ величества самодержавія, царскаго и императорскаго, *наслѣдовавъ священную миссію восточной римской имперіи* по ея паденіи. Съ развитіемъ единовластія узаконяется и расширяется гражданская свобода; неограниченность верховной власти означаетъ лишь то, что народъ не знаетъ общественныхъ властей, не подчиненныхъ одной во главѣ всего народа. Монархъ даетъ Россіи законы, отъ него исходитъ всякая власть. Это есть безспорный принципъ русскаго государственнаго устройства; такимъ же онъ долженъ быть и для науки русскаго государственнаго права» (стр. 9—11).

Говоря поистинѣ, то, что сказано выше о самодержавной власти въ Россіи, излагается съ большею или меньшею полнотою во всѣхъ курсахъ русскаго государственнаго права, и иное изложеніе противорѣчило бы дѣйствительности и русскому законодательству. Считаемъ однако долгомъ сдѣлать одну важную поправку въ доктринѣ оффиціальнаго автора, который утверждаетъ, будто бы русское самодержавіе есть выполненіе по наслѣдству священной миссіи Восточной Римской имперіи. Едва ли русскіе историки согласятся съ подобнымъ взглядовъ, за исключеніемъ развѣ г. Пыпина. Принципъ самодержавія пришелъ къ намъ не извнѣ, онъ образовался изъ условій и потребностей русскаго народа, выработанъ силами и трудами русскихъ людей. Русскіе государи, объединяя племена, утверждая порядокъ, охраняя права слабыхъ, вводя русскій народъ въ общую міровую жизнь, выполняли задачи русскаго народа и славянства, а не миссію Византіи, мрачной, разложившейся, раздираемой религіозными ересями и борьбою партій цирка, изнемогавшей подъ бременемъ невѣдомой дотолѣ бюрократіи *). Но самое главное,—Византія никогда не знала національнаго единства: она состояла изъ разнородныхъ племенъ (среди которыхъ греки составляли самую меньшую часть), едва сдерживаемыхъ силою.

Между тѣмъ чрезъ всю исторію Россіи проходитъ отчетливое и неудержимое стремленіе образовать внутреннее національное единство, и таковое было достигнуто вѣковыми усиліями русскаго народа и верховныхъ вождей

*) Развитіе многочисленнаго чиновничества и іерархическихъ отношеній администраціи составляетъ спеціальную черту Византійскаго государства, не извѣстную древнему Риму и ускорившую разложеніе Византіи. Наше чиновничество и бюрократія есть явленіе новое, пришедшее къ намъ не изъ Византіи, а съ Запада.

его. Оттого русское государство отличается такою кровною, неразрывною связью между народомъ и самодержцами, которая была вовсе не извѣстна Византійской имперіи.

Въ процессѣ образованія русскаго государства и единодержавія Византія служила лишь подспорьемъ, сообщая чрезъ посредство духовенства понятія о священномъ происхожденіи власти, о подчиненіи церковной іерархіи единому государственному владычеству и передавая намъ обстановку и внѣшніе аттрибуты самодержца.

Изложивъ свой взглядъ на русскій государственный строй, оффиціальный авторъ обращается съ слѣдующимъ упрекомъ и призывомъ къ русскимъ правовѣдамъ: «У нѣмцевъ, французовъ и англичанъ есть свои воззрѣнія на міръ. Почему бы не взглянуть на міръ и съ точки зрѣнія русскаго народа? Почему бы въ наукѣ русскаго государственнаго права, вмѣсто абстрактныхъ теорій, не представить въ доказательномъ, достойномъ предмета ученіи существо русскаго монархическаго начала?» (стр. 9). Какую силу можетъ имѣть этотъ призывъ къ народному міросозерцанію послѣ того, какъ римское право возведено во всеобщую незыблемую теорію права и поставлено въ основаніе всего русскаго юридическаго образованія?

Экзаменныя требованія совершенно исключаютъ изъ науки государственнаго права общее ученіе о государствѣ (основанія и составъ государственныхъ силъ, государственная организація, составъ и отношеніе властей; системы государственнаго управленія и друг.) и ограничиваютъ этотъ предметъ только изложеніемъ государственнаго строя Россійской имперіи (стр. 20). Такое исключеніе сдѣлано на основаніи общей задачи экзаменныхъ требованій: «давать слушателямъ не готовыя обобщенія, а лишь тщательно провѣренный матеріалъ, изъ котораго они сами могли бы, *находясь при дѣлахъ (?), вырабатывать свои понятія и воззрѣнія*» (стр. 13). При этомъ оффиціальный авторъ поясняетъ, что «напрасно думаютъ, будто бы теоріями можно предохранить молодые умы отъ увлеченій. Большая ошибка! Обобщенія, навязанныя преждевременно... оставляютъ въ умѣ лишь легковѣсныя представленія, произвольныя сочетанія и порождаютъ мнѣнія, что такъ же легко можно обращаться и съ самыми предметами» (стр. 13).

Въ настоящемъ случаѣ мы видимъ прежде всего ошибку логическую: невозможны обработка и пониманіе русскаго государственнаго строя безъ общаго ученія о государствѣ, не обстрактнаго и произвольнаго, а извлеченнаго изъ всей совокупности положительныхъ данныхъ (и такія ученія существуютъ; оффиціальный авторъ, очевидно, ихъ не знаетъ!).

Еще большая ошибка заключается въ мнѣніи автора, будто бы знаніе теоріи не предохраняетъ людей отъ заблужденій! Вѣдь знаніе есть единственная сила, которая можетъ дать людямъ и средства, и путь къ истинѣ. Неужели же можно допустить, что незнакомство съ теоріями поспѣшитъ къ здравому пониманію положительнаго порядка и что если какой-нибудь станетъ вырабатывать *(хотя бы и находясь при дѣлахъ)* свои воззрѣнія, то эти самодѣльныя понятія болѣе обезпечатъ отъ заблужденій?

Не можемъ не вспомнить по этому случаю объ одномъ весьма поучительномъ примѣрѣ изъ нашей текущей жизни. Одинъ изъ современныхъ талантливѣйшихъ русскихъ художниковъ-романистовъ, волнуемый высшими вопросами вѣры и общественнаго строя, рѣшился собственными силами доискиваться истинъ и написалъ извѣстное: «Такъ что же намъ дѣлать»? И что же вышло? Рядомъ съ искренностью чувствъ, возвышенностью идеаловъ, философско-спеціальное произведеніе нашего даровитѣйшаго беллетриста исполнено самыхъ ложныхъ аналогій и ребяческихъ заблужденій; художникъ-романистъ, очевидно, не изучилъ основательно ни одного изъ классическихъ трудовъ по этимъ предметамъ и построилъ свое міросозерцаніе на своихъ собственныхъ плечахъ.

Изгнаніе изъ университетскаго юридическаго курса общаго ученія о государствѣ тѣмъ удивительнѣе, что исторія нашего высшаго образованія знаетъ уже 3 опыта подобныхъ мѣръ, и всѣмъ хорошо извѣстны послѣдствія этихъ мѣръ. При второмъ опытѣ, именно въ концѣ 40-хъ и 50-хъ годовъ, изъ круга университетскихъ предметовъ были исключены философія, общее ученіе о государствѣ, западно-европейское право, экономическія соціальныя ученія, даже слово республика подверглось остракизму, и Римъ называли страною двухъ консуловъ. А что выросло изъ этихъ сѣмянъ? Едва ли русское университетское юношество относилось когда-либо съ большею вѣрою и поклоненіемъ европейскимъ философскимъ и соціальнымъ доктринамъ, какъ именно въ этотъ періодъ. Г. Любимовъ въ своемъ «Противъ теченія» подтверждаетъ это настроеніе какъ живой свидѣтель (діалогъ пріятеля съ авторомъ): Пріятель: «Помнишь, лѣтъ тридцать назадъ тому, въ наши студенческіе годы, подъ какимъ великимъ запретомъ и въ печати, и на каѳедрахъ было у насъ слово революція. Въ университетскихъ библіотекахъ книги, гдѣ говорится о революціи, были отставлены въ особые шкафы.

«На сочиненіяхъ, авторы которыхъ болѣе или менѣе сочувственно относятся къ событію, красовался ярлыкъ: «запрещено безусловно». Ихъ не давали даже профессорамъ, развѣ потихоньку...

«Но всѣ эти запреты не помѣшали революціоннымъ идеямъ проникать чрезъ всѣ преграды въ молодые умы». Авторъ: Да! Какое бывало наслажденіе доставлялъ добытый отъ какого-либо обладателя запрещеннаго плода, на самое короткое время, опасный томъ какой-нибудь исторіи революціи. Помнишь, съ какою жадностью одолѣвали мы въ одну ночь томъ Минле, Луи Блана! Чѣмъ сочиненіе запрещеннѣе, тѣмъ больше утверждался религіозный культъ безсмертныхъ началъ 89 года!» и т. д.(стр.3—4).

Неужели же вновь повторять эти опыты, возбуждать едва стихнувшія чувства и предлагать для исцѣленія болѣзней невѣдѣніе и запрещеніе?

Исключивъ общее ученіе о государствѣ, экзаменныя требованія исключаютъ и государственное право западно-европейскихъ народовъ, допущенное въ нѣкоторыхъ университетахъ Уставомъ 1838 г. (прекращено было временно лишь въ 1850 году) и введенное въ кругъ обязательныхъ предме-

товъ во всѣхъ университетахъ Уставомъ 1863 года. Лишь въ особыхъ (спеціальныхъ) требованіяхъ экзаменныхъ правилъ поставляется въ обязанность знать мѣстное управленіе въ Англіи, Франціи и Пруссіи (стр. 26).

Ограниченіе науки государственнаго права изученіемъ только государственнаго строя Россійской имперіи плохо примиряется съ наставленіемъ оффиціальнаго автора «изучать однородные институты и учрежденія въ дѣйствующемъ правѣ другихъ государствъ, для расширенія кругозора, лишь бы такое изученіе руководилось исключительно цѣлями познанія и разсматривало предметы въ ихъ индивидуальности и реальной обстановкѣ» (стр. 12). Но дѣло не въ томъ: какимъ образомъ оффиціальный авторъ можетъ требовать отъ студентовъ изученія мѣстнаго управленія въ нѣкоторыхъ западно-европейскихъ государствахъ, выбросивъ изъ университетскаго курса государственное западно-европейское право? Неужели онъ думаетъ, что можно изучать и понимать мѣстное управленіе Англіи, Франціи и Пруссіи, не зная государственнаго строя этихъ странъ? Неужели же ему не извѣстно, что государственный строй Англіи такъ перепутанъ съ организаціею графствъ и приходовъ, что даже невозможно отдѣлить ихъ другъ отъ друга?

Обратимся къ послѣднему предмету, о которомъ экзаменныя требованія говорятъ съ нѣкоторою подробностью,—*къ философіи права*. Вначалѣ авторъ этихъ требованій объясняетъ, что «философія есть *дѣйствительная потребность человѣческаго ума и имѣетъ свою великую исторію*, ознаменованную геніальными усиліями мысли; она отличается отъ всѣхъ отраслей вѣдѣнія тѣмъ, что состоитъ въ исканіи своего *предмета или принциповъ его познанія* (sic! думаемъ, что предметъ и принципы его познанія,—далеко не одно и то же), и что министерство народнаго просвѣщенія желало бы *усилить въ университетахъ философскій элементъ* (стр. 15—16).

Но вслѣдъ за этими строками оффиціальный авторъ говоритъ, что «философію надо оставить философамъ, а юристъ долженъ быть только юристомъ и не пускаться въ поиски за началомъ началъ, что *исторія человѣческаго разумѣнія, ищущаго истину и восходящаго отъ начала къ началу*, хотя и заслуживаетъ методической науки, *но такой науки пока не имѣется;* есть большею частью только лишенные научнаго характера пересказы содержанія, нерѣдко вовсе непонятнаго или извращеннаго въ смыслѣ доктрины по личному вкусу излагателей!» (стр. 15—16). Вслѣдствіе такого представленія о существующихъ исторіяхъ философіи оффиціальный авторъ предлагаетъ студентамъ изучить *исторію* философскихъ системъ «*критически и самостоятельно*» лишь «*въ изложеніи самихъ мыслителей*, а поверхностныя свѣдѣнія о философскихъ ученіяхъ предоставляетъ собственному желанію учащихся пріобрѣсти *записи имень, разныхъ курьезовъ и готовыхъ сужденій безъ понятій*» (стр. 16—17).

Сопоставляя все сказанное, мы рѣшительно затрудняемся сказать, чего держится и чего требуетъ авторъ экзаменныхъ требованій. Въ одномъ [illegible]-

стѣ онъ считаетъ философію великою потребностію человѣческаго ума и желалъ бы усилить въ университетахъ философскій элементъ, въ другомъ онъ отклоняетъ юристовъ отъ ученій любомудрія «и обрекаетъ ихъ» на изученіе только того, что можетъ быть исполнено, «что было и что есть»; въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ, что «*философія имѣла свою великую исторію*», въ другомъ онъ утверждаетъ, что «*науки исторіи философіи пока еще не имѣютъ*»; въ одномъ случаѣ онъ желаетъ, чтобъ студенты изучали исторію философіи самостоятельно и критически, въ подлинныхъ философскихъ трактатахъ, въ другомъ, «что за философскими поисками, хотя бы и по чужимъ слѣдамъ, могутъ пускаться только умы самостоятельные и хорошо приготовленные» (стр. 16), конечно, не таковы умы студентовъ!

Трудно разобраться въ этомъ рядѣ противорѣчій! Однакоже позволимъ себѣ спросить, неужели авторъ экзаменныхъ требованій искренно считаетъ возможнымъ для студентовъ самостоятельно изучать многовѣковыя творенія великихъ мыслителей? и неужели существующіе классическіе труды по исторіи философіи Тенемана, Раумера, Шталя, Рота, К. Фишера, Гайма, Моля, Блунчли, Гильдебранда извращаютъ доктрины, представляютъ одни «обрывки мнѣній», «запасъ именъ», «разные курьезы», «готовыя понятія безъ сужденій», а потому негодны для студентовъ? Впрочемъ, колебанія и одновременныя симпатіи и антипатіи автора къ философіи не заключаютъ въ себѣ ничего загадочнаго; на страницахъ тѣхъ же экзаменныхъ требованій мы находимъ новое разъясненіе двойственности его мыслей. Такъ, на стр. 17 онъ «ограничиваетъ свои требованія по исторіи философіи права лишь знакомствомъ съ ученіями древняго классическаго міра...» «Только на этой почвѣ, внѣ борьбы партій и направленій, философская мысль можетъ быть изучаема съ основательностью...» «Древній классическій міръ въ произведеніяхъ своего творческаго генія завѣщалъ послѣдующему времени какъ созданную имъ систему права, такъ и сокровища своего политическаго опыта, философскаго разумѣнія и народной мудрости; въ частности требуется основательное знакомство съ ученіями Платона, Аристотеля и Цицерона» (стр. 24) (и только!?).

Ограниченный узкимъ кругозоромъ классическаго міра, авторъ экзаменныхъ требованій, очевидно, не могъ имѣть сколько-либо выработанныхъ и глубокихъ понятій о философіи, не могъ видѣть въ цѣломъ рядѣ послѣдующихъ системъ ничего, кромѣ противорѣчій (какъ будто и у Платона и Аристотеля не было противорѣчій?), курьезовъ и понятій безъ сужденія; приковавъ свою мысль къ твореніямъ лишь Платона и Аристотеля и Цицерона, онъ долженъ былъ исключить и такія имена, какъ Спиноза, Лейбницъ, Декартъ, Беконъ, Локкъ, Кантъ, Гегель, Шталь, въ ученіяхъ которыхъ, по мнѣнію истинныхъ знатоковъ дѣла, выражается весь духъ и направленіе духовной жизни западно-европейскихъ народовъ. Понятно и то, почему для него не существуетъ самой исторіи философіи. Вѣдь полный циклъ развитія имѣетъ только древній классическій міръ, а мысль но-

вѣйшихъ народовъ совершаетъ, вѣроятно, не болѣе, какъ круговращательное движеніе!

Однако, крайнее увлеченіе автора экзаменныхъ требованій классическимъ міромъ оказало ему въ настоящемъ случаѣ весьма печальную услугу. Вѣдь извѣстно, что истинное и непреходящее значеніе имѣютъ главнымъ образомъ этическія доктрины Аристотеля и Платона, а не политическія и соціальныя, въ которыхъ великіе мыслители не только не возвысились надъ окружающею ихъ средою, но подчинились всѣмъ недостаткамъ и заблужденіямъ своей націи и эпохи. Аристотель, какъ учитель древней политики, дѣйствительно высказалъ нѣсколько глубокихъ и вѣрныхъ мыслей о государственномъ строѣ, о властяхъ, но рядомъ съ этимъ онъ обрекъ и гражданъ, и семейственную жизнь на исключительную службу государству, не считалъ способными къ государственной жизни всѣхъ варваровъ (не грековъ), исключалъ изъ числа гражданъ всѣхъ жившихъ трудами рукъ своихъ, презиралъ ремесла и торговлю и, наконецъ, на вопросъ, есть ли люди—прирожденные рабы, отвѣчалъ «есть», и доказывалъ разумность и необходимость рабства доводами ума и данными опыта!

Что же сказать о Платонѣ, который отрицалъ бракъ и устраивалъ временные союзы мужей и женъ подъ надзоромъ государства, который отвергалъ семейныя узы и требовалъ, чтобы родители даже не знали своихъ дѣтей, который уничтожалъ собственность, загонялъ людей въ общественныя жилища и мастерскія, считалъ всякій физическій трудъ дѣломъ подлымъ и рабскимъ, который раздѣлялъ гражданъ на наслѣдственные постоянные классы (на основаніи правила—золото отъ золота, серебро отъ серебра), изгонялъ изъ своего государства философовъ! Подумаешь, какъ должны обрадоваться этимъ оффиціальнымъ симпатіямъ къ Платону всѣ новѣйшіе соціальные новаторы, проповѣдники Прудоновской собственности, поклонники полового подбора, уестествители физіологическихъ потребностей. И какая же народная мудрость выразилась въ ученіяхъ Платона и Аристотеля, созданныхъ въ періодъ упадка самобытности греческихъ государствъ и разрыва между дѣйствительною жизнью грековъ и отвлеченными идеалами мыслителей? Вѣдь Платонъ такъ мало довѣрялъ силамъ и мудрости своихъ Аѳинъ, что искалъ исцѣленія въ учрежденіяхъ Спарты, въ тайнахъ египетскихъ кастъ, въ мечтательномъ удаленіи отъ интересовъ и страстей своихъ современниковъ!

Объ ученіи Цицерона нѣтъ надобности и говорить; въ немъ нѣтъ ни самостоятельности, ни даже эклектической силы. Цицеронъ—талантливый ораторъ, политическій вождь, государственный правитель, но не философъ, не носитель народной мудрости.

По поводу современнаго увлеченія классическими философами не можемъ не припомнить одной замѣчательной странности. Лѣтъ болѣе 30 назадъ въ управляющихъ высшихъ сферахъ обнаружилось крайнее недовѣріе къ твореніямъ этихъ самыхъ мудрецовъ: указывали на ихъ языческое міросозерцаніе, поклоненіе матеріализму, на горячую защиту свободы гражданъ

и республиканской независимости, на разныя тирады противъ тирановъ и узурпаторовъ. Подъ вліяніемъ такого настроенія требовали воздерживаться отъ подробностей и въ особенности похвалъ при изложеніи древнихъ историковъ и философовъ; и въ это именно время былъ упраздненъ въ гимназіяхъ языкъ греческій, а въ училищахъ и латинскій, и взамѣнъ введены въ гимназіи естественныя науки и законовѣдѣніе. Какъ измѣняются наши воззрѣнія и симпатіи!

Мы окончили разсмотрѣніе юридическихъ и политическихъ доктринъ автора экзаменныхъ требованій и выносимъ изъ нашего труда самое тяжелое и печальное впечатлѣніе.

Насъ поражаетъ не сбивчивость понятій и задачъ, не противорѣчія и колебанія и безспорныя фактическія ошибки относительно нѣкоторыхъ частей и вопросовъ права. Все это недостатки, хоть и серьезные, но частные, которые едва ли могутъ нанести большой ущербъ юридической наукѣ въ русскихъ университетахъ.

Насъ удручаетъ болѣе всего общій характеръ и тонъ ученій и наставленій оффиціальнаго автора. Мы испуганы его реформаторскою рѣшительностью сломить все старое, смести безъ раздумья систему преподаванія, существовавшую болѣе 50 лѣтъ, образовавшую цѣлыя поколѣнія, приготовившую дѣятелей по всѣмъ отраслямъ государственной и общественной службы, давшую такихъ ученыхъ, какъ Неволинъ, Мейеръ, Жиряевъ, Пахманъ, Калачовъ, Рѣдкинъ, Чичеринъ, Иванишевъ, Морошкинъ, Бунге, Бѣляевъ, Кавелинъ и мн. др.

Взамѣнъ испытанной системы онъ предлагаетъ намъ какъ будто передѣлку по образцу германскихъ университетовъ съ прибавкою «логики здраваго смысла», довѣрія «къ очевидности», забвенія различія между «предметами познанія и способами познанія», и созиданія *самодѣльныхъ теорій*, «*находясь при дѣлахъ!*» Между тѣмъ въ самой Германіи юридическіе факультеты давно уже не удовлетворяютъ народившимся потребностямъ, и существующая тамъ система преподаванія, по общему отзыву законовѣдовъ, находится наканунѣ переворота въ духѣ національности и государственнаго единства.

Другая тягостная для насъ черта автора оффиціальныхъ доктринъ заключается въ крайней нетерпимости: онъ гонитъ философовъ и теоретиковъ, какъ какихъ-то шальныхъ и вредныхъ людей; онъ сурово выталкиваетъ все, выходящее изъ его узкаго масштаба, и предупреждаетъ, что «все, что не выдерживаетъ *суда логики здраваго смысла*, не только *не можетъ быть принимаемо, но даже терпимо*» (стр. 1). Правда, на 1-й страницѣ онъ говоритъ, что «экзаменныя требованія не имѣютъ въ виду давать подробныя и систематическія программы, которыя *могли бы стѣснять безъ надобности преподавателей* и лишить ихъ *столь дорогой въ дѣлѣ науки самостоятельности*».

Но мы еще раньше указывали, какія узкія и односторонніе основанія предлагаетъ оффиціальный авторъ для своей юриспруденціи, какъ произ-

вольно и неправильно расширяетъ онъ римское право, какъ исключаетъ изъ круга преподаванія цѣлыя части правъ, какъ суживаетъ, посредствомъ учебнаго плана и расписанія часовъ, всѣ другія юридическія науки. При такихъ условіяхъ невозможна никакая самостоятельность ни въ разработкѣ права, ни въ его изученіи.

Не менѣе тягостное впечатлѣніе производитъ высокомѣрный, пренебрежительный тонъ оффиціальнаго автора по отношенію къ наукѣ и ея дѣятелямъ: повидимому, для него нѣтъ ни признанныхъ научныхъ результатовъ, ни авторитетовъ и заслугъ. Для него Гегель (въ которомъ, со всѣми его недостатками и заблужденіями, выразились мысль и направленіе вѣка) не болѣе какъ создатель пустыхъ абстракцій, игравшій мыслями и фигурами рѣчи! Правда, въ своемъ отзывѣ о Гегелѣ онъ ссылается на Блунчли, но о томъ же самомъ Блунчли оффиціальный авторъ говоритъ, будто бы «въ произвольныхъ обобщеніяхъ его преподаны такіе уроки мудрости правительствамъ», которыхъ всего лучше не слушать. Между тѣмъ Блунчли былъ однимъ изъ самыхъ свѣтлыхъ и положительныхъ учителей-юристовъ, оказалъ неоцѣнимыя услуги германскому народу и наукѣ о государствѣ; онъ обработалъ лучшій проектъ швейцарскаго гражданскаго кодекса, сами монархи назначали его докладчикомъ при третейскомъ разборѣ международныхъ конфликтовъ.

Еще съ большимъ высокомѣріемъ трактуетъ оффиціальный авторъ теоріи государственнаго права и косвенно дѣлаетъ упреки курсамъ государственнаго права въ нашихъ университетахъ. Въ первыхъ онъ видитъ лишь произвольныя гипотезы, противорѣчія, безнужное изобиліе, въ послѣднихъ—«повторенія западно-европейскихъ абстракцій», «сужденія безъ понятій», «готовыя, навязываемыя обобщенія», «голословныя бездоказательныя положенія», образующія «верхоглядовъ», «фанатиковъ чужихъ мыслей», «пріученныхъ разсуждать о томъ, чего они не знаютъ въ дѣйствительности».

Самый языкъ автора соотвѣтствуетъ этому печальному тону. Выраженія «недомысленныя гипотезы», «*безсмысленныя бредни*» (почему же еще не ерунда?), «*философскіе куріозы*», «*обрывки чужихъ мыслей*», которыя мы встрѣчали нерѣдко въ журнальныхъ статьяхъ 60-хъ годовъ (трактовавшихъ о *настоящей наукѣ* и *умныхъ книгахъ*), то и дѣло пестрятъ страницы, на которыхъ излагаются доктрины экзаменныхъ требованій *).

---

*) Въ то же время языкъ этотъ тяжелый и мѣстами очень неправильный: „Русская монархія есть *нѣчто sui generis*“; „принципъ историческаго движенія на зап. *есть двоевластіе*“; *сущность* русскаго монархическаго начала, обязательная только для русскаго подданнаго въ практическомъ отношеніи, *имѣетъ для всякаго, въ теоретическомъ отношеніи, въ сферѣ науки русскаго права, силу безспорно данную въ дѣйствительности принципа этой науки*“ (?! стр. 11); „по полицейскому праву отъ испытуемаго требуется *знаніе устройства и функцій* (?) *по русскому законодательству различныхъ органовъ государственной дѣятельности...*“ По политической экономіи требуется: „*знаніе факторовъ и формъ* производства...“ По уголовному процессу т.

Тонъ и выраженія, съ которыми оффиціальный авторъ обращается къ философіи и вообще теоріямъ, удивительно напоминаютъ дижонскую рѣчь Руссо, а потому еще разъ позволимъ себѣ обратиться къ этому горячему протесту противъ цивилизаціи, наукъ и искусствъ. «Я спрашиваю только,—говоритъ Руссо,—что такое философія, что содержатъ въ себѣ произведенія самыхъ извѣстныхъ философовъ? Одинъ учитъ, что матеріи не существуетъ и что все только кажется, другой—что кромѣ матеріи нѣтъ вещества и кромѣ міра нѣтъ Бога; тотъ говоритъ, что нѣтъ ни добродѣтели, ни пороковъ, этотъ—что люди—волки, могущіе спокойно пожирать другъ друга. Слушая эти ихъ бредни, можно принять ихъ за толпу площадныхъ шарлатановъ, зазывающихъ каждый къ себѣ! О, Всемогущій Боже, избави насъ отъ ученыхъ бредней и гибельныхъ искусствъ и возврати намъ наше невѣжество, нашу невинность и наши добродѣтели!» Мы далеки отъ мысли набрасывать тѣнь на благонадежность оффиціальнаго автора; мы вполнѣ вѣримъ искреннимъ желаніямъ его образовать «умы дѣльные, зрячіе, дѣйствительно знающіе, проникнутые чувствомъ реальности властвующихъ въ мірѣ нравственныхъ силъ» (стр. 13); ссылками на Руссо мы хотѣли только указать, до чего можно дойти при узкомъ кругозорѣ и ослѣпленной нетерпимости къ чужимъ мнѣніямъ! Всею же нашею работою мы хотѣли доказать, что для исполненія истинно высокихъ задачъ жизни и науки нужны соотвѣтственныя средства и пути. Первое и необходимое условіе для дѣйствительности поученій и наставленій—мудрость змія и кротость голубицы. Кто хочетъ внушить уваженіе къ реальности фактовъ и авторитету нравственныхъ и умственныхъ силъ, тотъ прежде всего самъ долженъ признавать могущество этихъ силъ, подходить къ изученію ихъ съ робостью ученика, цѣнить заслуги всѣхъ искреннихъ сѣятелей и твердо вѣрить, что высшая истина не принадлежитъ никому и достигается лишь общими и разносторонними усиліями всѣхъ.

«Вѣруйте сами хотя съ горчичное зерно, и горы послушаются васъ и сойдутъ съ своихъ мѣстъ и ничто же невозможно будетъ вамъ!»

Старый профессоръ.

буется... „также знакомство *съ самородно установившимся процессомъ* Англіи...“ По политической экономіи требуется... „*знаніе спеціальныхъ ученій* политической экономіи. *пріобрѣтенное путемъ изученія одного изъ сочиненій...*“ и т. п.

Очерки санитарной статистики *).

XX.

Въ заключительной части нашихъ «Очерковъ» коснемся современнаго положенія санитарной статистики въ Россіи вообще и, въ частности, ея ближайшихъ и болѣе настоятельныхъ нуждъ.

Существующій въ данное время въ имперіи порядокъ собственно *динамики населенія* является въ существенныхъ своихъ чертахъ однообразнымъ и общимъ для всѣхъ ея мѣстностей. Православное духовенство и соотвѣтствующія духовныя вѣдомства другихъ исповѣданій ведутъ, такъ называемыя, метрическія книги, въ журнальной формѣ: всѣ событія смерти, рожденія и браковъ, происходящія въ приходахъ или соотвѣтствующихъ районахъ, подлежатъ обязательному внесенію въ эти книги, со свѣдѣніями по опредѣленнымъ рубрикамъ о каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Однажды въ годъ, именно, въ самомъ концѣ каждаго гражданскаго года, эти журнальныя записи самимъ же приходскимъ духовенствомъ переводятся въ табличныя формы. Всѣ случаи смерти, происшедшіе въ теченіе года въ данномъ районѣ и занесенные въ книги, получаютъ при этомъ распредѣленіе по мѣсяцамъ года, возрастнымъ категоріямъ, до чрезвычайности подробнымъ **), случаи рожденій—по мѣсяцамъ года, законные и незаконные, браки—по мѣсяцамъ года и возрастамъ брачущихся.

Эти приходскія таблицы годовыхъ разработокъ,—вѣрность составленія которыхъ удостовѣряется на каждомъ бланкѣ подписями всей коллегіи приходскаго причта и скрѣпляется подписью мѣстнаго благочиннаго,—направляются изъ приходовъ непосредственно въ мѣстный губернскій статистическій комитетъ.

Здѣсь изъ приходскихъ таблицъ составляются сводки по каждому уѣзду данной губерніи, а равно и по каждому уѣздному городу. Каждое вѣроисповѣданіе имѣетъ свой особый счетъ на отдѣльныхъ таблицахъ. Изъ уѣздныхъ сводокъ въ концѣ концовъ комбинируются сводки по губерніи ***).

*) *Русская Мысль*, кн. VIII, 1900 г.

**) Таблица разработки умершихъ содержитъ въ себѣ 84 возрастныя категоріи.

***) Въ своемъ окончательномъ видѣ годовой отчетъ губернскаго статистическ

Изъ губернскихъ комитетовъ годовые отчеты направляются въ С.-Петербургъ въ центральный статистическій комитетъ. Здѣсь они объединяются по всей Россіи.

Конечные итоги объ умершихъ, родившихся и бракахъ населенія въ уѣздахъ и губерніяхъ впослѣдствіи публикуются въ изданіяхъ центральнаго статистическаго комитета и медицинскаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ.

Таковъ общій порядокъ современной русской статистики движенія населенія. Своимъ происхожденіемъ этотъ порядокъ обязанъ весьма давнему времени. Такъ, введеніе метрической регистраціи духовенства относится къ началу XVIII столѣтія, ко времени Петра Великаго, указомъ котораго и было положено его основаніе; формы метрическихъ книгъ, рубрики ихъ и графы ведутся съ 1838 года; наконецъ, порядокъ доставленія годовыхъ отчетовъ изъ приходовъ непосредственно въ комитеты, минуя всѣ другія инстанціи (консисторія), установленъ съ 1867 г.

Порядокъ этотъ, какъ сказано,—общій для всей Россіи и лишь въ нѣкоторыхъ второстепенныхъ деталяхъ различается по вѣроисповѣданіямъ. Только для раскольниковъ и баптистовъ записи ведутся не духовными ихъ органами, но полицейскими учрежденіями. Изъ отдѣльныхъ областей имперіи лишь Польша и Финляндія ведутъ дѣло этой статистики на основаніяхъ, опредѣленныхъ для нихъ особыми постановленіями.

Описанный порядокъ, какъ государственный, опредѣляется законоположеніями изложенными въ IX т. св. зак. (1033—1098 съ прил.).

XXI.

Возьмемъ на себя представить здѣсь краткую оцѣнку описаннаго порядка съ точки зрѣнія научно-практическихъ требованій современной статистики.

Съ этой стороны прежде всего придется отмѣтить, что метрическая статистика духовенства относится собственно не къ событіямъ рожденія или смерти (въ наблюденіи которыхъ собственно заинтересована научная санитарная статистика), но къ обрядамъ крещенія и преданія землѣ. Лишь въ наблюденіи браковъ непосредственно совпадаютъ объекты той или другой статистики.

Однако, надо полагать, что въ результатѣ указаннаго условія наша статистика не терпитъ ущерба въ смыслѣ полноты наблюденій, такъ какъ интересующія ее событія рожденія и смерти могутъ быть въ дѣйствительности измѣряемы мѣрою соотвѣтствующихъ обрядовъ.

Можно замѣтить лишь, что обряды нѣсколько запаздываютъ въ сравненіи съ первичными событіями. Еще болѣе могутъ запаздывать записи,

---

комитета по движенію населенія губерніи представляетъ весьма значительный объемъ: въ Московской губ., наприм., въ составъ его входятъ свыше 300 таблицъ—сводокъ по уѣздамъ и вѣроисповѣданіямъ.

если процедура ихъ не составляетъ (какъ это имѣетъ мѣсто при существующемъ порядкѣ) акта, который былъ бы непосредственно связанъ съ обрядомъ, и совершеніе котораго было бы регулировано закономъ: записи обычно производятся сначала начернó и лишь впослѣдствіи вносятся въ бѣловую метрику.

Кромѣ того, при существующемъ порядкѣ духовной регистраціи для статистики безслѣдно и почти цѣликомъ пропадаетъ весьма цѣнный для санитарныхъ цѣлей матеріалъ о мертворожденныхъ: случаи послѣдняго рода не входятъ въ кругъ общей обрядности, почему и ускользаютъ изъ регистраціи въ своей бóльшей половинѣ.

Болѣе существенныя замѣчанія вызываетъ порядокъ духовной статистики движенія населенія въ качественномъ отношеніи.

Едва ли возможно оспаривать, что дѣятельность духовенства по веденію регистраціи умершихъ, родившихся и браковъ у насъ въ Россіи—и не только въ условіяхъ настоящаго, но, вѣроятно, и далекаго будущаго,—должна разсматриваться по существу своему какъ истинно-статистическая дѣятельность. Какъ инстанція, регистрирующая наблюденія, духовенство занимаетъ въ описанной системѣ мѣсто, наиболѣе удобное въ интересахъ статистики, у самыхъ воротъ, черезъ которыя неизбѣжно проходитъ каждое событіе рожденія, смерти и брака въ данной группѣ населенія. Такимъ положеніемъ наблюденію гарантированъ нормально-широкій кругозоръ и статистически-исчерпывающій характеръ.

Такова положительная и въ высшей степени важная сторона дѣла. Отсюда естественно пожеланіе о томъ, чтобы нормально поставленная дѣятельность была также и во всѣхъ прочихъ условіяхъ обставлена необходимыми положительными гарантіями въ тѣхъ же интересахъ статистики.

Однако, приходится признать, что данный порядокъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ серьезно погрѣшаетъ противъ требованій современной раціональной статистики. Это послѣднее усматривается: 1) въ томъ, что при наличныхъ условіяхъ статистическое наблюденіе не вооружено правильнымъ методомъ, 2) въ томъ, что въ веденіи дѣла не проведенъ принципъ нормальнаго раздѣленія статистическаго труда въ послѣдовательныхъ его моментахъ, и 3) наконецъ, въ томъ, что кругъ самой организаціи, въ составъ которой, въ качествѣ отдѣльнаго его звена, входитъ регистрація духовенства, отличается несовершенствомъ въ нѣкоторыхъ весьма важныхъ своихъ частяхъ.

Формулируя эти замѣчанія, имѣемъ въ виду положенія, получившія уже характеръ почти аксіомъ въ воззрѣніяхъ и въ практикѣ современныхъ статистическихъ организацій. Наиболѣе удовлетворительнымъ и технически-цѣлесообразнымъ методомъ собиранія дробныхъ статистическихъ наблюденій (аналогичныхъ метрическимъ записямъ священниковъ) въ настоящее время признается всѣми, такъ называемый, *карточный методъ*. Общепринято, что карты, т.-е. отдѣльные документы о каждомъ отдѣльномъ случаѣ, наилучше сосредоточиваютъ вниманіе регистраторовъ на частныхъ

фактахъ, подлежащихъ наблюденію, и на всѣхъ особенностяхъ этихъ послѣднихъ. Программа собираемыхъ свѣдѣній редактируется на картахъ въ видѣ простыхъ и прямыхъ вопросовъ, требующихъ здѣсь же непосредственныхъ отвѣтовъ. Въ сравненіи съ журналомъ, карта отличается бо́льшею растяжимостью въ отношеніи программы собираемыхъ свѣдѣній, или приспособляемостью въ смыслѣ новыхъ задачъ регистраціи, выступающихъ на очередь. Наконецъ, регулируемая необходимостью правильной и періодической отсылки картъ въ статистическое учрежденіе, производящее ихъ разработку, система эта сама по себѣ способствуетъ регулярному веденію записей и побуждаетъ къ производству ихъ по свѣжимъ слѣдамъ.

Таковы условія *моральнаго* психическаго воздѣйствія карточнаго метода собиранія наблюденій на лицъ, обязанныхъ вести эти наблюденія.

Но та же система въ то же время является *матеріальнымъ* conditio sine qua non для удовлетворенія требованія, которое мы называли выше нормальнымъ раздѣленіемъ труда въ статистической организаціи.

Разумѣемъ порядокъ, при которомъ дѣятельность по собиранію наблюденій обособляется отъ дѣятельности по обработкѣ этихъ наблюденій, причемъ то и другое исполняется особымъ персоналомъ лицъ.

Такое раздѣленіе труда—одно изъ самыхъ главныхъ условій успѣшности статистическихъ работъ. Оно опредѣляется тѣмъ, что обѣ указанныя функціи слишкомъ различаются между собою по существу своихъ профессіональныхъ признаковъ. Собираніе наблюденій есть функція персонала, разсѣяннаго повсюду на мѣстахъ, на периферіи, гдѣ протекаютъ событія, возможно ближе къ мѣстонахожденію послѣднихъ. Главная задача наблюдателей сводится къ тому, чтобы не пропустить ни одного случая изъ категоріи подлежащихъ наблюденію, и въ каждомъ сфотографировать всѣ требуемые программою признаки и особенности. Функція же разработки собранныхъ наблюденій можетъ исполняться съ успѣхомъ лишь въ учрежденіяхъ съ центральнымъ значеніемъ. Это дѣло требуетъ спеціально-приготовленныхъ для такой работы силъ и, кромѣ того,—и это самое главное,—единство разработки и однообразіе ея методовъ могутъ быть гарантированы исключительно лишь центральнымъ учрежденіемъ.

Въ нашемъ случаѣ нормальное раздѣленіе труда мыслится при условіи, если духовенству отведена строго ограниченная первая, периферическая, функція, именно, *собираніе наблюденій* о родившихся, умершихъ и бракахъ путемъ веденія записей на картахъ. Разработкою же этихъ послѣднихъ, какъ функціею центральнаго статистическаго значенія, должно быть занято губернское статистическое учрежденіе, съ характеромъ соотвѣтствующей центральной дѣятельности.

XXII.

Основнымъ мотивомъ, опредѣляющимъ особенности и несовершенства дан ято порядка вещей, является, повидимому, положеніе и роль губерн-

скихъ статистическихъ комитетовъ въ кругу существующей организаціи статистики движенія населенія.

Губернскіе статистическіе комитеты, какъ извѣстно, учреждены у насъ еще въ 1834 году; въ данное время они дѣйствуютъ на основаніяхъ Высочайше утвержденнаго о нихъ 26 декабря 1860 года Положенія (прим. къ ст. 521, т. II, Св. Зак. изд. 1876 г.). Оставляя въ сторонѣ подробности, скажемъ лишь, что въ своей распорядительной части, по составу лицъ, комитеты чрезвычайно напоминаютъ давно уже сданные жизнью въ историческій архивъ архаическіе комитеты общественнаго призрѣнія и народнаго здравія, являя собою собраніе всѣхъ начальниковъ отдѣльныхъ частей административнаго механизма губерніи; въ исполнительной же и рабочей своей части (секретарь комитета съ помощниками) комитеты являются, скорѣе всего, спеціальными отдѣленіями губернаторскихъ канцелярій, съ обязанностью собирать и подготовлять статистическіе матеріалы для всеподданнѣйшихъ отчетовъ губернаторовъ. Въ частности, въ работахъ по текущей статистикѣ движенія населенія, губернскіе комитеты подчиняются центральному комитету и обязаны выполнять преподанныя отсюда формы. Такимъ образомъ, роль ихъ въ послѣднемъ отношеніи — лишь роль передаточныхъ инстанцій между духовенствомъ, какъ органомъ, собирающимъ наблюденія, и центральнымъ статистическимъ комитетомъ, какъ органомъ распорядительнаго значенія. Въ цѣляхъ же мѣстныхъ статистическихъ изслѣдованій въ «почему-либо замѣчательныхъ въ губерніи мѣстностяхъ» (§ 3 полож.) или «снаряженія экспедицій для изслѣдованія губерніи» (§ 5 полож.) комитеты обычно не располагаютъ ни достаточными матеріальными средствами, ни компетентными силами *).

*) По Положенію о губернскихъ статистическихъ комитетахъ 1860 г., „главное назначеніе сихъ комитетовъ состоитъ въ исправномъ содержаніи мѣстной административной статистики, а именно: въ установленіи въ каждой губерніи правильнѣйшихъ способовъ собиранія, по требованіямъ правительства и указаніямъ центральнаго статистическаго комитета, точныхъ статистическихъ свѣдѣній о количествѣ и качествѣ земель, народонаселеніи и производительныхъ силахъ губерніи и въ повѣркѣ и обработкѣ этихъ свѣдѣній, по однообразнымъ формамъ, устанавливаемымъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Изъ свѣдѣній, собираемыхъ въ теченіе года или въ опредѣленные сроки, составляются въ комитетахъ: 1) статистическія таблицы по разнымъ предметамъ, требуемыя центральнымъ статистическимъ комитетомъ; 2) статистическія вѣдомости, прилагаемыя къ всеподданнѣйшимъ отчетамъ губернаторовъ о состояніи вѣренныхъ имъ управленій и другія данныя для сихъ отчетовъ. Всѣ сіи таблицы и вѣдомости должны быть непремѣнно изготовляемы и представляемы, куда слѣдуетъ, въ сроки, установляемые министерствомъ внутреннихъ дѣлъ“ (§ 2). Имъ поставляется въ обязанность заботиться „о составленіи подробныхъ описаній губерній, равно какъ и частей оныхъ, также городовъ и особенно почему-либо замѣчательныхъ въ губерніи мѣстностей, въ отношеніи топографическомъ, историческомъ, промышленномъ, торговомъ, сельско-хозяйственномъ и пр.“ и объ изданіи соотвѣтственныхъ статей и описаній въ *Губернскихъ Вѣдомостяхъ*, печатаніе памятныхъ книжекъ и отдѣльныхъ монографій или описаній (§ 3). Состоятъ, подъ предсѣдательствомъ губернатора, изъ помощника предсѣдателя, членовъ непремѣнныхъ (губернскій предводитель дворянства, вице-губернаторъ, начальствующіе отдѣльными частями управленія изъ гу-

При такихъ условіяхъ, естественно, губернскіе статистическіе комитеты не являются у насъ въ дѣйствительности тѣми значительными статистическими органами. мѣсто которыхъ они, однако, занимаютъ въ кругу общестатистической организаціи.

Отсюда проистекаетъ то, что ближайшая низшая статистическая инстанція—каково духовенство—не обезпечивается въ своей дѣятельности надлежащимъ руководствомъ. Отсюда и то, что почти за $^3/_4$ вѣка своего существованія губернскіе комитеты въ громадномъ большинствѣ губерній Россіи не поставили дѣятельность духовенства по части регистраціи умершихъ и родившихся въ нормальныя условія, не вооружили эту дѣятельность цѣлесообразнымъ методомъ и не провели въ этомъ дѣлѣ правильнаго раздѣленія статистическаго труда съ освобожденіемъ духовенства отъ чуждой ему функціи.

Для полноты картины, изображающей современную статистическую функцію духовенства, нужно, кромѣ того, представить себѣ дѣятельность, не сопрягающуюся для исполнителей ни съ какимъ интимнымъ интересомъ. Существуетъ требованіе подлежащей власти, дана форма, назначенъ срокъ. Необходимо соблюденіе этихъ требованій, а всего болѣе то, чтобы горизонтальные итоги таблицъ сходились съ вертикальными. Внѣ этого нѣтъ ничего ни впереди, ни позади. Ни одинъ священникъ, при обычныхъ условіяхъ, никогда не видитъ внѣшнихъ результатовъ своей статистической дѣятельности. Составляемыя имъ приходскія таблицы сливаются въ губернскомъ комитетѣ въ уѣздныя и губернскія сводки. Если печатаются эти матеріалы, то лишь въ самыхъ общихъ итогахъ. Изъ конечныхъ данныхъ этой статистики, впослѣдствіи публикуемыхъ, можно узнать, что лѣтъ 5—6 тому назадъ въ томъ или другомъ уѣздѣ или губерніи наблюдались высокія числа умершихъ. Однако, эти свѣдѣнія, надо думать, едва ли когда-нибудь доходятъ до своего первоисточника — сельскаго священника, такъ какъ печатаются въ спеціальныхъ изданіяхъ медицинскаго департамента или центральнаго статистическаго комитета.

Обстоятельству этому нельзя отказать въ большомъ значеніи, такъ какъ такая постановка дѣла неизбѣжно влечетъ за собою преобладаніе

бернiи по вѣдомствамъ, директоръ губернскихъ училищъ, профессоръ статистики, членъ духовной консисторіи и другихъ исповѣданій, городской голова губернскаго города), дѣйствительныхъ (изъ лицъ могущихъ быть полезными комитету, сюда же относятся уѣздные предводители дворянства) и почетныхъ. Для производства дѣлъ опредѣляется секретарь комитета съ окладомъ жалованья (750 р.). Онъ ведетъ всѣ работы комитета и хранитъ всѣ его дѣла. Губернскіе комитеты имѣютъ право требовать содѣйствія для своихъ изысканій и работъ отъ всѣхъ мѣстъ и лицъ, подчиненныхъ губернскому начальству (§ 14); могутъ снаряжать экспедиціи для мѣстныхъ изслѣдованій губерніи (§ 15). Подчиняются въ отношеніи производства работъ и научнаго направленія центральному статистическому комитету (§ 16). На содержаніе губернскаго статистическаго комитета назначается штатная сумма отъ 1,500 до 2,000 руб. съ пособіемъ, гдѣ возможно, изъ доходовъ мѣстной губернской типографіи (§ 21).

механичности надъ сознательнымъ отношеніемъ, причемъ погашается всякій интересъ со стороны исполнителей, и живое дѣло ставится на почву рутиннаго отбыванія непріятной повинности.

Все сказанное о дѣятельности православнаго духовенства, съ точки зрѣнія требованій статистики, относится, безъ сомнѣнія, совершенно одинаково и къ соотвѣтствующей функціи духовенства прочихъ исповѣданій, такъ какъ здѣсь все зиждется на тѣхъ же основаніяхъ. Относительно регистраціи смертности и рождаемости въ средѣ раскольниковъ,—что находится въ вѣдѣніи полицейскихъ учрежденій,—слѣдуетъ сказать, что она ведется вообще неудовлетворительно и оставляетъ желать весьма многаго даже въ количественномъ отношеніи. Существуютъ указанія изъ нѣкоторыхъ мѣстностей, удостовѣряющія, что иногда регистрація эта не исчерпываетъ, повидимому, даже $^1/_2$ части всѣхъ въ дѣйствительности имѣющихъ мѣсто въ средѣ раскольничьяго населенія—случаевъ рожденія и смерти *).

Сошлемся въ заключеніе на общепризнанный авторитетъ покойнаго проф. Ю. Э. Янсона. «Кто знакомъ съ статистическими операціями,—говоритъ онъ въ своей «Теоріи статистики»,—тотъ понимаетъ, что производить выборку изъ первоначальныхъ записей, къ тому же столь мало удобныхъ, какъ наши метрики, и сводить эти данныя въ таблицы—дѣло нелегкое, требущее много времени и большого вниманія. Работа приходовъ усложняется еще формами таблицъ, каждый отдѣлъ которыхъ содержитъ въ себѣ разныя комбинаціи однихъ и тѣхъ же показаній, вслѣдствіе чего сдѣланная однажды ошибка проходитъ черезъ цѣлый рядъ таблицъ и можетъ быть найдена и исправлена только послѣ провѣрки множества отдѣльныхъ итоговъ. Если принять во вниманіе, что приходское духовенство, занятое исполненіемъ прямыхъ своихъ обязанностей, смотритъ на составленіе таблицъ изъ метрическихъ записей какъ на излишнее бремя, то становятся понятными тѣ многочисленныя ошибки, которыя встрѣчаются въ получаемыхъ изъ приходовъ вѣдомостяхъ. Къ неточностямъ, существующимъ въ этихъ вѣдомостяхъ, присоединяются еще новыя, при обработкѣ данныхъ губернскими статистическими комитетами. Какъ извѣстно, послѣдніе не располагаютъ достаточными средствами для привлеченія къ работѣ людей опытныхъ и вынуждены поручать сводку разнымъ писцамъ и канцелярскимъ чиновникамъ, часто не знающимъ твердо первыхъ четырехъ правилъ ариѳметики, за самое скудное вознагражденіе. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ таблицы по движенію населенія, получаемыя центральнымъ статистическимъ комитетомъ изъ мѣстныхъ комитетовъ, оказываются часто весьма неудовлетворительными и, при обработкѣ [illegible] печати, должны въ большинствѣ случаевъ передѣлываться почти зан[illegible],

---

*) См., наприм., въ Московской губерніи „Свѣд. о заразн. бол. и санит. [illegible] орган. въ Моск. губ.“, 1899 г., № 11, стр. 20.

и иногда даже, какъ вполнѣ негодныя, совсѣмъ не подвергаться разработкѣ. Бывали случаи, наприм., что комитетъ цѣликомъ списывалъ таблицы одного года съ таблицъ предыдущаго и въ такомъ видѣ доставлялъ ихъ въ центральный статистическій комитетъ» *).

XXIII.

Если вкратцѣ резюмировать изложенное выше о существующемъ порядкѣ статистики естественнаго движенія населенія, то порядокъ этотъ можно характеризовать тѣмъ, что органы съ собственно статистическимъ значеніемъ дѣятельности располагаются здѣсь лишь на концахъ системы: въ селахъ—духовенство (какъ инстанція, собирающая первичныя наблюденія о смертности, рождаемости и брачности въ средѣ населенія) и въ С.-Петербургѣ—центральный статистическій комитетъ (какъ учрежденіе распорядительное). Въ громадномъ промежуткѣ, раздѣляющемъ обѣ эти инстанціи, располагаются губернскіе статистическіе комитеты, учрежденія, въ преобладающемъ большинствѣ случаевъ, отвѣчающія канцелярскому бюрократическому типу. Самая существенная особенность системы въ томъ, что духовенство не только собираетъ первичные элементы статистики въ средѣ населенія, но и производитъ съ ними статистическія манипуляціи, воплощая ихъ въ форму комбинаціонныхъ сводныхъ таблицъ, т.-е. статистическихъ документовъ 2-го порядка. Въ связи съ этимъ губернскіе статистическіе комитеты выражаютъ въ своей дѣятельности по части статистики движенія населенія—крайній minimum, ограниченный лишь составленіемъ сводокъ изъ готовыхъ приходскихъ документовъ, по шаблонамъ центральнаго статистическаго комитета.

Система эта создана была служить цѣлямъ государственной статистики, притомъ тогда, когда еще не существовало иныхъ требованій и иныхъ запросовъ по части того наблюденія за жизнью населенія, которое основывается на статистическомъ методѣ. Естественно поэтому, что разъ установленная, какъ выраженіе идеи государства, система эта переживаетъ ряды

---

*) *Ю. Янсонъ:* „Теорія статистики", 1887 г., стр. 372—373.

По *Г. Майру* преимущества централизованной разработки статистическихъ матеріаловъ: 1) освобожденіе периферическихъ органовъ отъ тягостной для нихъ, мало симпатичной и потому обыкновенно плохо исполняемой ими работы по изготовленію первичныхъ таблицъ, 2) передача этой работы органу, для котораго она представляетъ вполнѣ живой интересъ; 3) однообразіе процесса работы, особенно важное въ тѣхъ случаяхъ, когда требуется подведеніе частныхъ случаевъ въ общія категоріи; 4) возможность организаціи тщательнаго и постояннаго контроля; 5) примѣненіе наиболѣе совершенныхъ техническихъ пріемовъ, въ особенности же электрическаго подсчета, который требуетъ строгой централизаціи; 6) возможность наиболѣе широкаго использованія первоначальнаго матеріала путемъ составленія детально подраздѣленныхъ и комбинированныхъ таблицъ, заполненіе которыхъ при децентрализованной работѣ представило бы величайшія, а иногда прямо непреодолимыя трудности. *Г. Майръ.* „Статистика и обществовѣдѣніе". Т. I., стр. 100.

поколѣній и остается въ теченіе столѣтія незыблемою и неподвижною, въ то время какъ въ основахъ ея не предусматриваются потребности растущей и развивающейся общественной жизни.

Между тѣмъ, со времени установленія этой системы общественное самосознаніе въ Россіи ушло далеко впередъ. Возникла и сформировалась дѣятельность земскихъ и городскихъ общественныхъ учрежденій, и въ кругу этой послѣдней нашла себѣ свое мѣсто общественная медицина. Положено начало организованной дѣятельности, обязанной преслѣдовать санитарные интересы сельскаго населенія, и эта послѣдняя дѣятельность съ первыхъ дней своего появленія въ жизни встрѣтилась съ задачею—установить методъ правильнаго наблюденія за общественнымъ здоровьемъ, т.-е. съ необходимостью раціональной *санитарной статистики*.

Ниже будетъ особо сказано о томъ, что сдѣлано нашими общественными учрежденіями въ интересахъ той отрасли санитарной статистики, которая сосредоточиваетъ свое наблюденіе собственно на *болѣзненности* населенія. Отчасти это уже ясно изъ приведенныхъ выше многочисленныхъ цитатъ, взятыхъ нами изъ статистическихъ работъ московскаго земства. Эту отрасль статистики общественнымъ учрежденіямъ пришлось создавать ab ovo.

Можно сказать, что, если ничто особенно не содѣйствовало творчеству этой работы, то ни съ какой также стороны не возникало интереса воздвигать для нея препятствія.

Нѣсколько иное положеніе создалось въ дѣлѣ статистики *смертности*, гдѣ общественныя начинанія встрѣтились лицомъ къ лицу съ формами, уже готовыми, воплощенными въ жизни, созданными для цѣлей государственной статистики, неподвижными и тщательно охраняемыми.

Почти повсюду въ земскихъ губерніяхъ, лишь только возникали санитарныя учрежденія въ видѣ съѣздовъ врачей, санитарныхъ бюро, санитарныхъ совѣтовъ, вскорѣ же заявлялась потребность изученія элементовъ смертности и рождаемости мѣстнаго населенія. Въ послѣдующемъ, по мѣрѣ того какъ санитарныя учрежденія укрѣпляютъ свое положеніе въ общественномъ сознаніи и въ житейской практикѣ, назрѣваетъ все болѣе и болѣе потребность—сдѣлать наблюденіе за смертностью населенія постояннымъ *текущимъ* активнымъ дѣломъ общественно-санитарныхъ органовъ, въ цѣляхъ санитарной діагностики, объединивъ данный методъ съ наблюденіемъ болѣзненности, которое было создано самими общественными учрежденіями и находится въ ихъ рукахъ.

Уже въ первомъ случаѣ, а тѣмъ болѣе во второмъ—запросы развивающейся дѣятельности неизбѣжно приходили въ столкновеніе съ условіями неподвижнаго привилегированнаго порядка, освященнаго временемъ. Такимъ образомъ съ этой стороны скоро выяснилась потребность реформы въ дѣлѣ нашей оффиціальной статистики движенія населенія.

Вопросъ о началахъ, на основаніи которыхъ должна быть, въ интересахъ общественной санитарной дѣятельности въ Россіи, произведена е-

организація статистики движенія населенія,—разработанъ уже давно. Еще II-й съѣздъ Общества русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова, происходившій въ Москвѣ въ 1887 г., основателемъ русской санитарной статистики, д-ромъ Е. А. Осиповымъ, былъ ознакомленъ съ вопросомъ «о настоятельныхъ нуждахъ русской санитарной статистики». Согласно предложеніямъ докладчика, съѣздъ постановилъ ходатайствовать передъ высшимъ правительствомъ «о передачѣ дѣла веденія статистики народонаселенія въ земскія и городскія учрежденія». Въ общественныхъ учрежденіяхъ статистика народонаселенія признана подлежащею санитарнымъ органамъ. Съѣздъ призналъ также необходимость введенія карточной системы для регистраціи умершихъ, родившихся, браковъ въ селеніяхъ.

Къ тому же вопросу возвратился IV съѣздъ Общества русскихъ врачей, бывшій въ Москвѣ въ 1891 г., по докладамъ д-ровъ А. В. Корчакъ-Чепурковскаго и Д. Н. Жбанкова, и далѣе—V съѣздъ, бывшій въ С.-Петербургѣ въ 1894 г., по докладу д-ра И. А. Дмитріева *).

Однако, эти ходатайства съѣздовъ до сихъ поръ нисколько не подвинули дѣла въ желаемомъ направленіи. Въ общемъ положеніи оффиціальной статистики движенія населенія въ Россіи до сихъ поръ сохраняется порядокъ, установленный въ началѣ истекающаго столѣтія. Лишь въ немногихъ губерніяхъ (Курская, Московская, С.-Петербургская, Тверская и нѣк. др.), путемъ мѣстныхъ воздѣйствій и соглашеній, въ интересахъ общественной санитарной дѣятельности, проведена въ практику духовенства карточная система записей, съ раздѣленіемъ процедуры регистраціи отъ разработки и сосредоточеніемъ послѣдней въ губернскихъ статистическихъ учрежденіяхъ. Лишь въ двухъ случаяхъ (губерніи Курская и Московская) установился болѣе тѣсный modus vivendi между губернскимъ статистическимъ комитетомъ и земскимъ санитарнымъ бюро по разработкѣ карточныхъ матеріаловъ о родившихся и умершихъ въ этихъ губерніяхъ,—къ огромной обоюдной пользѣ для этихъ обоихъ органовъ **).

Разрѣшеніе основного вопроса статистики движенія населенія въ Россіи, по нашему глубокому убѣжденію, остается и въ настоящее время такимъ же, какъ оно было намѣчено II пироговскимъ съѣздомъ, т.-е. въ смыслѣ развитія статистической дѣятельности мѣстныхъ учрежденій и передачи сюда также и этой статистики. Пока же этого нѣтъ, повидимому, остается лишь добиваться проведенія болѣе раціональныхъ формъ въ дѣло

---

*) См. *К. И. Шидловскій:* „Сводъ постановленій и работъ I—VI всероссійскихъ съѣздовъ врачей", изд. Общ. русск. врач. въ память Н. И. Пирогова. Москва, 1899 г., стр. 51, 82, 84 etc.

**) Въ Московской губерніи карточная система регистраціи духовенствомъ родившихся и умершихъ существуетъ съ 1896 г. и введеніе ея связано съ именемъ полковника-секретаря московскаго губернскаго статистическаго комитета М. А. Саблина. М. А. Саблину земская санитарная организація Московской губерніи обязана благополучнымъ разрѣшеніемъ этого дѣла, а также постановкою разработки этихъ матеріаловъ въ соотвѣтствіи съ земскими потребностями.

этой статистики, какъ это указано было выше, и желать возможно широкаго и безпрепятственнаго развитія соглашеній между губернскими комитетами и санитарными бюро земствъ и городовъ.

Къ сожалѣнію, приходится нерѣдко констатировать чрезвычайныя препятствія, встрѣчаемыя представителями общественной санитаріи въ дѣлѣ проведенія болѣе совершенныхъ формъ въ существующія условія мѣстной статистики движенія населенія *).

Въ заключеніе позволимъ себѣ кратко резюмировать здѣсь наши положенія по вопросу о современномъ состояніи у насъ статистики движенія населенія и о нуждахъ этой статистики, какъ эти положенія были формулированы нами въ докладѣ совѣщанію русскихъ санитарныхъ статистиковъ, организованному правленіемъ Общества русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова 15—19 февраля 1900 г.**).

1. Существующій порядокъ статистики движенія населенія преслѣдуетъ

---

*) Въ качествѣ иллюстраціи этого послѣдняго замѣчанія, приведемъ примѣръ о ходѣ даннаго вопроса въ Нижегородской губерніи въ 1899 году по опубликованнымъ оффиціальнымъ свѣдѣніямъ. Въ засѣданіи нижегородскаго губернскаго статистическаго комитета 28 сентября 1899 г. членомъ комитета С. И. Лавровымъ (завѣдующимъ санитарнымъ бюро губернскаго земства) внесена была докладная записка, съ предложеніемъ, на основаніи общепризнанныхъ преимуществъ карточной системы записей, ввести послѣднія для регистраціи родившихся, умершихъ и браковъ также и въ Нижегородской губерніи. На предложеніе это секретаремъ комитета А. И. Звѣзднымъ сдѣланъ былъ рядъ возраженій, сущность которыхъ сводится къ слѣдующему. Составленіе метрическихъ таблицъ производится, въ большинствѣ случаевъ, не самими священниками, а „поручается псаломщикамъ и дьяконамъ. Если послѣдніе не всегда успѣшно справляются съ простою табличною формой, въ одинъ годичный срокъ, то еще менѣе основаній надѣяться, что они успѣшно справятся съ карточкою, которая значительно сложнѣе таблицы". Успѣхъ будетъ, кромѣ того, поставленъ въ зависимость отъ аккуратнаго доставленія картъ духовенствомъ. Могутъ быть значительные пробѣлы въ картахъ. Трудно согласиться съ тѣмъ, что работа церковнаго причта при введеніи карточной системы регистраціи будетъ облегчена. Къ мнѣнію г. секретаря комитета примкнули также члены комитета священники Добровольскій и Доброзраковъ. Постановлено—обсужденіе настоящаго вопроса отложить до обстоятельной разработки его губернскою земскою управой (LXXVI засѣданіе и отчетъ о дѣятельности нижегородскаго статистическаго комитета за 1898 г. Нижній-Новгородъ, 1900 г., стр. 19—21).

Не можемъ не высказать недоумѣнія по поводу приведенной аргументаціи г. секретаря нижегородскаго статистическаго комитета. Какимъ образомъ то обстоятельство, что „составленіе метрическихъ таблицъ въ большинствѣ случаевъ поручается псаломщикамъ и дьяконамъ", возможно считать, въ интересахъ статистики, не злоупотребленіемъ, но фактомъ столь нормальнымъ и законнымъ, что существование такого порядка можетъ даже служить препятствіемъ введенію карточной системы записей? Какимъ образомъ, имѣя опытъ въ статистикѣ, возможно утверждать, что „карточка значительно сложнѣе таблицы", разумѣя подъ карточкою, какъ общепринято, документъ, соотвѣтствующій первичному наблюденію, и подъ таблицею—документъ 2-го порядка, соотвѣтствующій разработкѣ первичныхъ данныхъ

**) См. „Труды совѣщанія по санитарно-статистическимъ и санитарнымъ вопросамъ". Прил. къ журналу Общества № 2—3 за 1900 г.

исключительно задачи государственной статистики. Въ цѣляхъ послѣдней на мѣстахъ ведется статистическая регистрація умершихъ, родившихся и браковъ духовенствомъ (и др. учрежденіями), и въ С.-Петербургѣ дѣйствуетъ центральный статистическій комитетъ съ значеніемъ распорядительнаго органа. Мѣстные губернскіе статистическіе комитеты въ этой системѣ являются лишь инстанціями, по преимуществу, собирающими и передающими матеріалы, канцелярскаго типа.

2. Духовенство и учрежденія, ведущія регистрацію умершихъ, родившихся и браковъ, съ точки зрѣнія раціональной статистики, находятся въ неудовлетворительномъ положеніи, какъ статистическіе органы, вслѣдствіе: 1) совмѣщенія функцій по собиранію свѣдѣній и по ихъ разработкѣ въ одномъ и томъ же персоналѣ лицъ; 2) отсутствія карточнаго метода въ веденіи записей; 3) отсутствія необходимаго руководства со стороны статистической инстанціи 2-го порядка и 4) вслѣдствіе неизбѣжнаго при данныхъ условіяхъ со стороны регистраторовъ отсутствія интереса къ исполняемой ими статистической работѣ.

3. Санитарная дѣятельность въ Россіи, созданная и руководимая общественными учрежденіями, настоятельно требуетъ раціональной постановки статистики движенія населенія и развитія той мѣстной статистической дѣятельности, каковая отсутствуетъ въ данное время въ системѣ статистики государственной. Равномѣрно, государственная статистика можетъ получить прочныя основанія единственно при такой постановкѣ мѣстной статистики, которая отвѣчала бы научно-практическимъ требованіямъ.

4. Раціональная постановка статистики движенія населенія, согласно основному положенію статистической методики, предполагаетъ, что персоналъ, ведущій на мѣстахъ дѣло регистраціи умершихъ, родившихся и браковъ, освобождается отъ разработки собираемыхъ имъ свѣдѣній, каковая производится органами центральнаго характера. Правильное раздѣленіе статистическаго труда достигается веденіемъ регистраторами карточной системы записей и разработкою карточныхъ матеріаловъ въ центральныхъ губернскихъ учрежденіяхъ.

5. Потребности мѣстной санитарной дѣятельности могутъ удовлетворяться: 1) ближайшимъ путемъ, если карточные матеріалы для разработки поступаютъ прямо въ санитарно-статистическія бюро общественныхъ учрежденій, или 2) посредственно, если въ формахъ разработки картъ въ комитетахъ принимаются во вниманіе потребности общественно-санитарныхъ организацій; при этомъ послѣднія, кромѣ того, имѣютъ ближайшій доступъ къ карточнымъ матеріаламъ во всѣхъ нужныхъ случаяхъ.

6. Потребность реформы въ дѣлѣ регистраціи движенія населенія является общею для всѣхъ мѣстностей Россіи; въ тѣхъ же губерніяхъ, гдѣ существуютъ санитарно-статистическія организаціи общественныхъ учрежденій, реформа неотложна.

7. Введеніе карточной регистраціи умершихъ, родившихся и браковъ, съ раздѣленіемъ регистраціи отъ разработки, могло бы быть достигнуто

путемъ общаго распоряженія съ законодательнымъ значеніемъ для всѣхъ мѣстностей; въ этомъ смыслѣ оно могло бы быть предметомъ ходатайства всероссійскаго пироговскаго Общества, мотивируемое какъ интересами государственной статистики, такъ и потребностями мѣстной санитарно-статистической дѣятельности.

8. До удовлетворенія общаго ходатайства для мѣстныхъ учрежденій остается путь осуществленія желательнаго порядка также и другими способами, возможными по мѣстнымъ условіямъ (мѣстныя ходатайства, соглашенія съ комитетами и т. д.).

9. Введеніе карточной системы регистраціи по движенію населенія и послѣдующая разработка картъ сопрягаются съ извѣстными расходами. Такъ какъ реформа отвѣчала бы потребностямъ не только мѣстныхъ учрежденій, но и государственной статистики, естественно пожелать, чтобы въ этихъ расходахъ приняло участіе также и государство.

XXIV.

Необходимо сказать теперь нѣсколько словъ относительно учета состава населенія, т.-е. опредѣленія его численности, возрастного и профессіональнаго состава, гражданскаго состоянія и т. д., однимъ словомъ, всѣхъ тѣхъ признаковъ, совокупность которыхъ обрисовываетъ т. н. *статику* населенія. Такое опредѣленіе производится путемъ періодическихъ и однодневныхъ переписей, всенародныхъ — совершаемыхъ государствомъ, и мѣстныхъ — совершаемыхъ общественными учрежденіями, черезъ подлежащіе имъ органы. Другимъ источникомъ свѣдѣній по статикѣ населенія представляются т. н. текущіе списки населенія, журналы, гдѣ зарегистрированъ составъ населенія, съ опредѣленною наличностью признаковъ, и куда вносятся всѣ измѣненія въ этомъ составѣ и признакахъ, по мѣрѣ ихъ происхожденія. Однако, повсемѣстнымъ опытомъ выяснено, что текущіе списки нуждаются въ провѣркѣ и исправленіяхъ отъ времени до времени путемъ переписей, такъ что значеніе этого послѣдняго метода счисленія стоитъ безусловно на первомъ планѣ.

Избѣгая вдаваться здѣсь въ большія подробности элементовъ статистики, скажемъ лишь, что производство учета населенія имѣетъ свою превосходно разработанную теорію и твердо поставленную практику. То и другое видимъ на Западѣ, особенно въ Германіи, Англіи и на Скандинавскомъ полуостровѣ.

У насъ въ Россіи государственный учетъ населенія до сихъ поръ производился путемъ т. н. ревизій и лишь 1897 годъ ознаменовался произ[водст]вомъ первой всенародной переписи и открываетъ собою такимъ образ[омъ] новую эпоху нашей культурной жизни. По закону 5 іюня 1895 года о первой переписи), отнынѣ производство всенародныхъ государственны[хъ] переписей также и въ Россіи будетъ совершаться періодически, чер[езъ] извѣстное число лѣтъ.

Не останавливаясь здѣсь на переписяхъ, совершаемыхъ въ интересахъ государства, какъ единаго цѣлаго, черезъ тѣ или другіе сроки, всенародно и повсемѣстно, полагаемъ для всѣхъ несомнѣннымъ то, что, помимо этихъ переписей, полное, широкое и законное право въ жизни должно быть предоставленно также переписямъ мѣстнымъ, погубернскимъ. Эти послѣднія переписи должны совершаться въ интересахъ хозяйства нашихъ общественныхъ учрежденій, всѣ отрасли котораго, безъ единаго исключенія, въ высшей степени заинтересованы въ статистическихъ свѣдѣніяхъ, касающихся подробнаго состава признаковъ населенія. Кромѣ санитарнаго отдѣла, нуждающагося въ знаніи численности, возрастного и профессіональнаго состава населенія для цѣлей статистики болѣзненности и смертности населенія, укажемъ, для примѣра, на школьный отдѣлъ, нуждающійся въ знаніи статистики школьныхъ возрастовъ населенія, ветеринарный — въ знаніи распредѣленія скотовладѣнія въ губерніи, далѣе— экономическій, дорожный и т. д., и т. д. И эти частныя переписи, въ мѣстныхъ интересахъ, должны и могутъ производиться, конечно, несравненно чаще, чѣмъ тяжеловѣсныя, требующія многомилліонныхъ расходовъ и огромной арміи исполнителей, переписи государственныя. Мѣстныя переписи, при этомъ, требуютъ программъ, по большей части болѣе сложныхъ и спеціализированныхъ, въ зависимости отъ тѣхъ или другихъ начинаній, въ которыхъ заинтересованы общественныя учрежденія въ каждое данное время, между тѣмъ какъ государственныя переписи, съ надеждою на успѣхъ, могутъ слѣдовать лишь самымъ простымъ программамъ.

Не гонялись за передовыми и богатыми странами Запада, давно уже установившими у себя порядокъ производства переписей черезъ каждые 5 лѣтъ, для земскихъ губерній мы признали бы нормальною потребность производства мѣстныхъ переписей по крайней мѣрѣ черезъ каждыя 10 лѣтъ, причемъ, въ интересахъ общаго дѣла, переписные годы могли быть приняты, по возможности, общими, по крайней мѣрѣ, для смежныхъ губерній.

Едва ли нужно говорить о томъ, что мѣстныя переписи—всецѣло дѣло мѣстныхъ учрежденій, земскихъ и городскихъ, и исполняются статистическими органами этихъ послѣднихъ, какъ ихъ профессіональная работа, при широкомъ участіи мѣстныхъ общественныхъ и общественно - научныхъ силъ.

Изъ этой сферы дѣятельности общественныхъ учрежденій государство, безъ сомнѣнія, будетъ получать также свою дань. Съ одной стороны, всѣ результаты учета населенія, въ общихъ конечныхъ итогахъ, будутъ пригодны для цѣлей также и государственной статистики во всѣхъ ея отрасляхъ. Съ другой стороны, мѣстныя переписи являются въ высшей степени полезнымъ элементомъ въ общемъ строѣ, какъ школа для переписей государственныхъ. Значеніе этого послѣдняго обстоятельства, послѣ опыта переписи 1897 года, вѣроятно, уже будетъ очевидно для всѣхъ.

Поэтому, естественнымъ и нормальнымъ отношеніемъ государства къ

производству общественными учрежденіями мѣстныхъ переписей населенія было бы, по нашему убѣжденію, лишь отношеніе доброжелательное и покровительственное. Исходя изъ того, что государство заинтересовано въ развитіи этого дѣла, вполнѣ естественно было бы пожелать, чтобъ, въ цѣляхъ производства народныхъ переписей, со стороны государства оказывалась также матеріальная поддержка общественнымъ учрежденіямъ, подобно тому, какъ это, напр., по закону февраля 1899 года имѣетъ мѣсто для производства земскихъ оцѣночныхъ работъ.

Что касается 1897 года, то, судя по всѣмъ признакамъ, скоро, кажется, ни для кого уже не будетъ тайною малая удача, постигшая съ первою переписью русскую статистику. Реализація этой переписи въ количественномъ отношеніи такова, что нѣкоторыми авторами срокъ обнародованія всѣхъ ея результатовъ опредѣляется не ранѣе 30-ти лѣтъ со дня совершенія, т.-е. тогда, когда всѣ свѣдѣнія уже въ достаточной мѣрѣ устарѣютъ. Другіе отодвигаютъ этотъ срокъ еще далѣе. Что касается качественной стороны, въ литературѣ накопилось уже весьма немало заявленій, исходящихъ, повидимому, отъ компетентныхъ и близко стоящихъ къ дѣлу переписи лицъ,—рисующихъ реализацію переписи 1897 г. въ чрезвычайно безотрадномъ и почти въ безнадежномъ видѣ. И заявленія эти до сихъ поръ ни съ какой компетентной стороны не были опровергнуты.

Такой результатъ опыта 1897 года, вѣроятно, для многихъ не представится вполнѣ неожиданнымъ. Дѣло въ томъ, что какъ при исполненіи подготовительныхъ работъ къ переписи 1897 года, такъ и при самомъ ея производствѣ на мѣстахъ, и далѣе при разработкѣ собранныхъ переписью матеріаловъ, было совершенно пренебрежено русское общество и была послѣдовательно отодвинута въ сторону та единственная въ Россіи школа переписей, которая имѣется у насъ въ области вѣдѣнія общественныхъ учрежденій, земскихъ и городскихъ. Замѣчательный, безпримѣрный фактъ, который безъ сомнѣнія, будетъ особо отмѣченъ въ исторіи русской статистики *).

---

*) Изъ литературныхъ характеристикъ положенія дѣла переписи 1897 года укажемъ на обширную статью г. О—ко въ кн. 4 журнала *Народное Хозяйство* за 1900 годъ, содержащую въ себѣ подробный и обстоятельный разборъ всей процедуры переписи, на основаніи личнаго знакомства автора съ дѣломъ этой переписи. Въ виду громаднаго интереса вопроса, позволимъ себѣ вкратцѣ привести здѣсь нѣкоторые болѣе общіе выводы этой работы.

При приготовительныхъ работахъ къ столь сложному и трудному дѣлу, какъ однодневная всеобщая перепись въ столь обширной странѣ, особенное вниманіе надлежало обратить на созданіе всѣхъ тѣхъ условій, которыя могли бы облегчить задачи переписи.

Сюда относятся: улучшеніе мѣстныхъ статистическихъ учрежденій, изданіе популярныхъ книгъ, объясняющихъ значеніе и пріемы исчисленія населенія, устройство съѣздовъ и публичныхъ чтеній, поощреніе земствъ и городовъ къ такого рода работамъ и т. д. Однако, ничего подобнаго сдѣлано не было,—и въ этомъ одна изъ коренныхъ причинъ того безотраднаго положенія, въ которомъ въ настоящее время представляется дѣло первой переписи.

Законъ 5 іюня 1895 года установилъ лишь однодневность, всенародность и

XXV.

Переходимъ къ тому отдѣлу санитарной статистики, который посвященъ изученію *болѣзненности* населенія.

Въ смыслѣ общей характеристики можно сказать съ большимъ правомъ, что, поскольку условія статистики движенія населенія, какъ это было указано выше, вообще однообразны въ разныхъ губерніяхъ, почти постольку же разнообразны условія постановки статистики болѣзненности въ разныхъ мѣстностяхъ земской Россіи.

личность переписей въ Россіи и намѣтилъ общую организацію первой переписи и программу свѣдѣній, чрезвычайно широкую, основанную на требованіяхъ международныхъ Конгрессовъ, мало отвѣчающихъ условіямъ нашей страны. Кромѣ того, эта программа была еще расширена со стороны главной переписной коммиссіи, включившей сюда новые вопросы. Такимъ образомъ, о каждомъ лицѣ должно было быть собрано 18 вопросовъ о мужчинахъ и 17 о женщинахъ. Нѣкоторые вопросы, въ томъ числѣ, оказались сложными и не вполнѣ опредѣленной редакціи.

Далѣе, по закону 5 іюня, составъ всѣхъ органовъ переписи, какъ центральныхъ, такъ и мѣстныхъ, былъ обоснованъ почти исключительно на бюрократическихъ силахъ, что въ свою очередь не могло не отразиться въ самомъ неблагопріятномъ смыслѣ на ходѣ переписного дѣла. Главная переписная коммиссія, центральный руководитель всего дѣла, была составлена также изъ представителей одной лишь бюрократіи „съ весьма слабымъ дополненіемъ къ ней представителей науки", безъ участія общественнаго и техническаго элементовъ. Подготовительныя работы производились въ тиши кабинетовъ, безъ опубликованія проектовъ въ печати и совѣщанія съ обществомъ. Послѣднее было забыто при этомъ до такой степени, что о главныхъ основаніяхъ предстоящей переписи оно узнало лишь изъ отчета о засѣданіи международнаго статистическаго Института въ августѣ 1895 г. въ Бернѣ, гдѣ „директоръ статистическаго комитета любезно ознакомилъ статистиковъ всѣхъ странъ съ главными основаніями первой русской переписи, когда русскіе статистики и русское общество еще ничего не знало объ этомъ чрезвычайно важномъ для нихъ дѣлѣ". Тоже повторилось впослѣдствіи въ 1899 г., когда русское общество и статистики о положеніи дѣла разработки переписи узнали изъ сообщенія директора статистическаго комитета въ одномъ изъ засѣданій статистическаго Института въ Христіаніи. Нельзя не выразить сожалѣнія,—говоритъ авторъ,—что „русскому обществу и русскимъ ученымъ отказано было даже въ простомъ вниманіи, если уже признано было излишнимъ совѣщаніе съ ними".

Неудивительно, въ виду указанныхъ обстоятельствъ, что главная переписная коммиссія не справилась съ своею задачею. Она смотрѣла на свое дѣло, какъ на обычную канцелярскую работу. Выработанные коммиссіей разнаго рода инструкціи, наставленія, формуляры и т. д., имѣвшіе цѣлью приспособить общія начала къ разнообразнѣйшимъ условіямъ русской дѣйствительности, носили казенный характеръ, разъясняли чаще всего то, что было понятно само по себѣ, и обходили молчаніемъ главныя трудности дѣла.

Фактическое участіе въ переписи и личное знакомство съ матеріалами даетъ автору право заявить, что собранный переписной матеріалъ получился удовлетворительнымъ по рубрикамъ простымъ и не вызывавшимъ сомнѣній, но прочимъ же, нуждавшимся въ объясненіяхъ, которыхъ, однако, не дала коммиссія въ своихъ „Наставленіяхъ", „Правилахъ" и т. д., „замѣчается крайняя пестрота, разнообразіе взглядовъ, вслѣдствіе чего трудно признать переписной матеріалъ въ этой части сколько-нибудь удовлетворительнымъ".

Въ то время какъ для первой болѣе простой отрасли статистическаго познанія потребностями общегосударственной жизни созданъ былъ одновременный и однообразный шаблонъ, русская общественная самодѣятельность съ большою послѣдовательностью и постепенностью выработывала и развивала формы статистики болѣзненности населенія. И этотъ созидательный періодъ, если не въ смыслѣ самаго творчества, то въ смыслѣ воплощенія реальныхъ формъ въ жизни,—еще не можетъ считаться за-

---

Разработка матеріаловъ, собранныхъ переписью, поручена была центральному статистическому комитету, и здѣсь признано было излишнимъ даже совѣщаніе съ представителями административныхъ вѣдомствъ. Полный проектъ работы „не только не подвергался разработкѣ, но даже не былъ составленъ и явился дѣломъ чисто случайнымъ, дѣломъ усмотрѣнія 2—3 лицъ".

Приступивъ къ разработкѣ переписи безъ совѣта съ людьми, практически и теоретически знакомыми съ дѣломъ, комитетъ, по мнѣнію автора, „проявилъ столько смѣлости, что переписи угрожаетъ серьезная и несомнѣнная опасность не только потерять всякое научное, но въ значительной мѣрѣ и практическое значеніе". Результаты разработки, уже полученные въ данное время, какъ оказывается, не въ состояніи удовлетворить даже ближайшимъ административнымъ потребностямъ нѣкоторыхъ вѣдомствъ.

Со времени переписи прошло $3^1/_2$ года и за этотъ періодъ комитетомъ изданы 10 тетрадей, заключающія въ себѣ часть данныхъ по Амурской и Приморской областямъ, Архангельской, Астраханской, Виленской, Витебской, Олонецкой, Черноморской губерніямъ и остр. Сахалину. „Если мы вспомнимъ, съ одной стороны, что въ Россіи насчитывается 89 губерній и областей, и что, съ другой—опубликованныя данныя по 8 изъ нихъ составляютъ менѣе трети всѣхъ свѣдѣній, то весьма естественнымъ должно казаться желаніе, чтобы, одновременно съ возбужденіемъ вопроса о качествѣ публикуемыхъ комитетомъ данныхъ, возникъ вопросъ и объ ихъ количествѣ, такъ какъ далеко не все равно, когда окончательно опредѣлятся результаты переписи—черезъ 3 года или черезъ 30 лѣтъ послѣ ея производства". Но по ходу дѣла опубликованіе ея не можетъ, очевидно, закончиться ранѣе указаннаго 30-тилѣтняго срока, если не будетъ принято рѣшительныхъ мѣръ къ улучшенію дѣла. Неуспѣхъ и поразительная медленность въ работахъ комитета находятъ себѣ достаточное основаніе въ отсутствіи твердаго и строго-опредѣленнаго руководительства въ дѣлѣ. Трудно ждать успѣха тамъ, гдѣ нерѣдко приходится сегодня уничтожать то, что сдѣлано вчера.

„Полной гласности и отчетности,—говоритъ въ заключеніе авторъ,—требуютъ какъ интересы произведенной уже переписи, такъ и интересы переписей вообще въ Россіи. Разработка данныхъ о населеніи, собранныхъ по сложной программѣ, связана съ такимъ количествомъ технико-статистическихъ, юридическихъ... и другихъ вопросовъ, что для успѣшнаго разрѣшенія ихъ недостаточно скромнаго по качеству и количеству его руководящихъ силъ, одного учрежденія—центральнаго статистическаго комитета. Къ разработкѣ результатовъ первой всеобщей переписи населенія слѣдовало бы, прямо или косвенно, привлечь всѣ наличныя статистическія силы страны—научныя, правительственныя, общественныя". *Народное Хозяйство*. 1900 г. кн. IV, стр. 24—59.

Въ позднѣйшее время въ газеты проникли слухи о томъ, что въ центральномъ статистическомъ комитетѣ происходятъ теперь значительныя сокращенія штата работающихъ по разработкѣ переписи 1897 года (съ 2,000—на 500 человѣкъ). Въ связи съ этимъ сообщается о выдаваемыхъ разрѣшеніяхъ и даже субсидіяхъ мѣстнымъ комитетамъ на разработку тѣхъ же матеріаловъ.

конченнымъ до настоящаго времени въ большинствѣ губерній, въ виду многихъ условій, касающихся самаго существа этого сложнаго отдѣла статистики.

Остановимся нѣсколько на краткомъ указаніи тѣхъ общихъ и болѣе важныхъ условій, въ средѣ которыхъ происходило и происходитъ въ данное время развитіе статистики болѣзненности населенія въ разныхъ мѣстностяхъ.

Уже выше указано было, что систематическое собираніе статистическихъ наблюденій о заболѣваніяхъ въ средѣ населенія можно представить себѣ единственно лишь черезъ посредство врачей, работающихъ въ средѣ этого населенія, подающихъ ему помощь во всѣхъ случаяхъ болѣзней и, слѣдовательно, непосредственно опредѣляющихъ характеръ этихъ послѣднихъ. Идеаломъ статистики является порядокъ, при которомъ ни одно малѣйшее заболѣваніе въ средѣ даннаго населенія не можетъ ускользнуть изъ врачебнаго наблюденія, не будучи отмѣчено и зарегистрировано. Понятно, что рамки этого идеала статистики совпадаютъ съ рамками того идеала практической врачебной дѣятельности, которымъ преслѣдуется полное удовлетвореніе нужды населенія во врачебной помощи и обезпеченіе ею каждаго въ ней нуждающагося. Слѣдовательно, статистика болѣзненности населенія и врачебная помощь населенію—лишь двѣ стороны одной и той же дѣятельности: таковою и является, именно, общественная медицина въ Россіи.

Такимъ образомъ, гдѣ обезпеченіе массы населенія врачебною помощью еще недостаточно, гдѣ врачей мало и они далеки отъ населенія, тамъ статистическія свѣдѣнія о болѣзненности населенія не могутъ быть достаточны. Слѣдовательно, степень развитія врачебной помощи населенію является первымъ условіемъ, вліяющимъ на положеніе статистики болѣзненности въ данной губерніи, и разнообразіе мѣстныхъ условій въ этомъ отношеніи неизбѣжно сопровождается также и разнообразіемъ въ положеніи статистики болѣзненности.

Изъ приведеннаго, однако, еще отнюдь не слѣдуетъ, что практически хорошо поставленная врачебная помощь всегда непремѣнно совпадаетъ съ процвѣтаніемъ также и статистики болѣзненности. Въ дѣйствительности такое соотвѣтствіе необязательно, и легко представить себѣ статистическую практику, далеко отстающую отъ постановки врачебной дѣятельности.

Это зависитъ отъ того, что для статистики болѣзненности, кромѣ указаннаго выше перваго условія (относительно обезпеченности населенія врачебною помощью), необходимо еще удовлетвореніе двухъ спеціальныхъ требованій: 1) должна быть установлена правильная статистическая регистрація всѣхъ наблюденій о заболѣваніяхъ со стороны всей коллегіи врачей, работающихъ въ средѣ населенія, и 2) должна быть налицо планомѣрная дѣятельность губернскихъ центровъ санитарной статистики—санитарныхъ бюро общественныхъ учрежденій.

Къ тому, что сказано было о регистраціи выше, въ примѣненіи къ Московской губерніи, прибавимъ здѣсь, что заявляемые статистикою интересы

общественности въ нашемъ случаѣ требуютъ, чтобы ни одинъ врачъ въ данной мѣстности не стоялъ въ сторонѣ отъ общаго дѣла и не нарушалъ извѣстной профессіональной дисциплины. Въ противномъ случаѣ та или другая мѣстность выпадаетъ изъ круга общаго наблюденія, и въ дѣлѣ общей работы тотчасъ же образуется болѣе или менѣе значительный пробѣлъ.

Само собою разумѣется, что мы говоримъ лишь о врачахъ, дѣятельность которыхъ посвящена общественнымъ учрежденіямъ и интересамъ массы населенія или вообще относится къ дѣятельности организованной, постоянной, направленной въ сторону опредѣленныхъ общественныхъ группъ (врачи фабричные, школьные и т. д.). Врачебная же дѣятельность случайнаго или временнаго характера не представляетъ большого интереса въ смыслѣ статистическихъ наблюденій.

Извѣстно, однако, что врачи указанныхъ категорій въ обычныхъ условіяхъ чрезвычайно обременены лежащею на нихъ массою повседневнаго труда по практической медицинской дѣятельности, и все время ихъ занято работою въ амбулаторіяхъ, въ лѣчебницахъ съ коечными больными или въ разъѣздахъ по участку. Статистическая же регистрація является новымъ добавочнымъ трудомъ, требующимъ также времени, тщательности и вниманія.

При такихъ условіяхъ, имѣющихъ мѣсто въ большинствѣ случаевъ, требуется присутствіе особаго импульса, чтобы врачи брали на себя также и дѣло статистической регистраціи болѣзненности.

Такой импульсъ въ дѣйствительности и существуетъ: сюда приходитъ на помощь теоретическое признаніе первостепенно-важнаго значенія статистики для общественной санитаріи; тоже—конкретные интересы ближайшаго изученія санитарныхъ условій данной мѣстности. Въ обоихъ случаяхъ понятна непосредственная связь этого импульса дѣятельности врачей съ университетскими традиціями и, въ частности, съ началами санитарной науки, преподаваемыми на медицинскихъ факультетахъ.

Касаясь здѣсь этого вопроса попутно, замѣтимъ, что, какъ о томъ не разъ заявлялось на врачебныхъ съѣздахъ и въ литературѣ *), университетское преподаваніе медицинскихъ знаній вообще недостаточно предусматриваетъ подготовку врачей къ условіямъ сельской медицины и общественно-врачебной ихъ дѣятельности.

Отсюда вытекаютъ условія разнообразія въ отношеніяхъ самихъ врачей къ дѣлу статистической регистраціи болѣзненности, которое, въ свою очередь, накладываетъ также печать на постановку дѣла въ каждой данной губерніи.

Что касается санитарныхъ бюро губернскихъ земствъ, то собственно статистическая дѣятельность, которой единственно мы и касаемся здѣсь, оставляя въ сторонѣ всѣ прочія функціи этихъ учрежденій, зависитъ въ

*) См., наприм., *М. С. Уваровъ:* „О необходимости предусматривать въ медицинскомъ курсѣ университетовъ практическую земскую дѣятельность". *Труды II съѣзда О-ва русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова,* т. II.

многихъ условій и представляетъ равнодѣйствующую цѣлаго ряда вліяній. Условія внутренняго роста и развитія самаго учрежденія, конечно, стоятъ на первомъ планѣ въ опредѣленіи характера дѣятельности бюро. Обстоятельства болѣе внѣшняго характера, каковы — отношеніе со стороны земства, его исполнительныхъ органовъ, со стороны врачей, создаютъ также болѣе или менѣе благопріятную почву, болѣе или менѣе широкій просторъ для статистическихъ работъ санитарныхъ бюро. Условія времени и мѣста, исторія и современность — все это приноситъ свою долю значенія для дѣятельности этихъ учрежденій, въ особенности молодыхъ, полагающихъ лишь основанія статистическихъ работъ.

Такими внѣшними чертами обрисовываются различныя особенности мѣстныхъ условій, въ которыхъ находится статистика болѣзненности въ разныхъ губерніяхъ земской Россіи.

XXVI.

Для болѣе конкретной характеристики современнаго положенія статистики болѣзненности въ земскихъ губерніяхъ Россіи приведемъ здѣсь нѣкоторыя данныя, въ качествѣ показательныхъ признаковъ. Въ этихъ цѣляхъ могутъ служить: 1) веденіе карточной системы регистраціи больныхъ врачами, какъ первое и необходимое условіе для осуществленія этой статистики; 2) существованіе санитарнаго бюро при губернской земской управѣ, какъ необходимаго мѣстнаго центральнаго органа статистики, и 3) наконецъ, изданіе работъ по статистикѣ, какъ реальный показатель и вещественный результатъ развитія статистическихъ работъ.

По позднѣйшимъ свѣдѣніямъ, собраннымъ правленіемъ Общества русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова въ теченіе 1898—1899 гг., *карточная* (или талонная) *система* регистраціи больныхъ врачами существуетъ въ настоящее время уже въ 23 земскихъ губерніяхъ, а именно: въ губерніи Бессарабской, Владимірской, Воронежской, Екатеринославской, Костромской, Курской, Московской, Нижегородской, Новгородской, Олонецкой, Пензенской, Пермской, Псковской, Самарской, С.-Петербургской, Саратовской, Симбирской, Смоленской, Тамбовской, Тверской, Уфимской, Харьковской и Херсонской.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ эта система регистраціи имѣетъ уже довольно давнее происхожденіе. Сюда относятся губерніи—Московская (съ 1878 г.), Владимірская (съ 1883 г.), Херсонская (съ 1887 г.). Въ другихъ случаяхъ она возникла лишь въ позднѣйшіе годы: Уфимская губ. (1896 г.), Екатеринославская, Симбирская и Харьковская (1897 г.), Воронежская и Тамбовская (1898 г.) и Псковская (1900 г.).

Въ нѣкоторыхъ изъ указанныхъ губерній карточная система регистраціи болѣзненности принята въ данное время еще не всѣми, но лишь большинствомъ уѣздовъ; сюда принадлежатъ губерніи—Новгородская, Пермская и Уфимская. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ карточная система включаетъ въ

свой кругъ не всѣхъ, но лишь инфекціонныхъ больныхъ и сифилитиковъ; сюда относятся губерніи — Костромская, Нижегородская и Уфимская.

Кромѣ перечисленныхъ губерній, находящихся на той или другой ступени организованной санитарной статистики, можно указать не малое число другихъ мѣстностей, гдѣ со стороны отдѣльныхъ врачей, или цѣлыхъ уѣздовъ, или даже группъ послѣднихъ, ведется систематическая регистрація больныхъ на картахъ и разработка послѣднихъ силами самихъ участковыхъ врачей. Случаи эти принадлежатъ губерніямъ, гдѣ пока еще не открыты санитарныя бюро губернскими земствами, гдѣ, слѣдовательно, съ точки зрѣнія статистической организаціи, продолжается еще доисторическій періодъ. Для примѣра укажемъ на Вятскую губернію, гдѣ карточныя записи о больныхъ существуютъ въ 8-ми уѣздахъ, также на Рязанскую губернію, откуда изъ нѣкоторыхъ уѣздовъ и медицинскихъ участковъ изъ года въ годъ исходятъ систематическія разработки карточныхъ записей о болѣзненности населенія, пользующіяся большою извѣстностью.

Санитарныя бюро губернскихъ земствъ существуютъ въ настоящее время въ 21 губерніи изъ числа 34 земскихъ губерній: во Владимірской, Воронежской, Екатеринославской, Костромской, Курской, Московской, Нижегородской, Новгородской, Олонецкой, Пензенской, Пермской, Псковской, Самарской, С.-Петербургской, Саратовской, Симбирской, Смоленской, Тамбовской, Уфимской, Харьковской и Херсонской.

Наиболѣе старыми изъ этихъ учрежденій являются санитарныя бюро—московское (съ 1875 г.), владимірское, новгородское и с.-петербургское (съ 1883 г.), курское (съ 1890 г.), и наиболѣе молодыми—воронежское, екатеринославское, нижегородское, псковское, симбирское, тамбовское, уфимское и харьковское (открыты во второй половинѣ и въ концѣ 90-хъ гг).

Что касается *изданій* по санитарной статистикѣ, то матеріалы по движенію населенія и болѣзненности, разработанные въ санитарныхъ бюро, обыкновенно выпускаются въ свѣтъ въ составѣ такъ называемыхъ «Сборниковъ статистическихъ свѣдѣній» того или другого земства, выходящихъ единовременно, за періоды лѣтъ, по мѣрѣ обработки матеріаловъ, или въ годовыхъ разработкахъ, по уѣздамъ и губерніи. При этомъ «Сборники» и годовые «Обзоры» содержатъ въ себѣ обыкновенно основные численные матеріалы въ табличной формѣ, въ болѣе или менѣе компактномъ видѣ, а также анализъ съ выводами о болѣзненности или смертности населенія въ данной губерніи или ея уѣздахъ за тотъ или другой рядъ лѣтъ.

Такого рода статистическія изданія существуютъ по губерніямъ—Владимірской, Воронежской, Курской, Московской, Новгородской, Самарской, С.-Петербургской, Смоленской, Тверской, Херсонской и др.

Кромѣ этихъ сводныхъ и единовременныхъ работъ и изданій, служащихъ выраженіемъ развитія общественно-статистической дѣятельности въ данныхъ губерніяхъ, въ довольно большомъ числѣ губернскихъ земствъ существуютъ въ данное время *періодическія изданія*, посвященныя интересамъ мѣстныхъ медицинскихъ организацій, а слѣдовательно, также ин-

ресамъ санитарной статистики. Литература эта въ послѣднее время получила весьма широкое развитіе.

Приведемъ здѣсь краткую характеристику ея современнаго положенія, пользуясь данными, собранными д-ромъ И. В. Поповымъ и сообщенными имъ въ докладѣ уже упомянутому выше совѣщанію санитарныхъ статистиковъ 15—19 февраля 1900 г.

Періодическія изданія по врачебно-санитарной части существуютъ въ настоящее время въ 18 земскихъ губерніяхъ, а именно: въ Владимірской, Воронежской, Екатеринославской, Костромской, Курской, Московской, Нижегородской, Новгородской, Пермской, Псковской, Самарской, Симбирской, Смоленской, С.-Петербургской, Тамбовской, Уфимской, Харьковской и Херсонской *).

Во всѣхъ губерніяхъ изданія эти ведутся санитарными бюро губернскихъ земскихъ управъ и содержатъ обычно числовой матеріалъ, представляющій свѣдѣнія о ходѣ заразныхъ болѣзней въ губерніи, ея уѣздахъ и отдѣльныхъ мѣстностяхъ, а также о дѣятельности ея лѣчебныхъ заведеній за извѣстный періодъ. Значеніе числовыхъ данныхъ обыкновенно освѣщается краткимъ объяснительнымъ текстовымъ обзоромъ. Кромѣ того, въ большинствѣ изданій отводится мѣсто печатанію постановленій земскихъ собраній по медицинской части и соотвѣтствующихъ правительственныхъ распоряженій, а также реферируются журналы засѣданій съѣздовъ врачей, санитарныхъ совѣтовъ и коммиссій и т. д. Въ нѣкоторыхъ изданіяхъ, кромѣ того, помѣщаются статьи и замѣтки врачей по вопросамъ организаціи, а также разныя текущія сообщенія и метеорологическія свѣдѣнія.

Матеріалами для этихъ періодическихъ изданій, выходящихъ въ большинствѣ случаевъ ежемѣсячно (семь изданій—два раза въ мѣсяцъ), служатъ періодическія корреспонденціи врачей, обязательныя для послѣднихъ и посылаемыя ими въ санитарныя бюро въ опредѣленные сроки и по опредѣленной программѣ свѣдѣній.

---

*) Изданія эти титулуются: „Свѣдѣнія о ходѣ заразныхъ болѣзней во *Владимірской* губерніи“, „Врачебно-санитарная хроника *Воронежской* губерніи“, „Врачебно-санитарная хроника *Екатеринославской* губерніи“, „Свѣдѣнія о ходѣ заразныхъ болѣзней въ *Костромской* губерніи“, „Сводъ свѣдѣній о ходѣ и распространеніи важнѣйшихъ заразныхъ болѣзней въ *Курской* губерніи“, „Свѣдѣнія о заразныхъ болѣзняхъ и санитарно-врачебной организаціи въ *Московской* губерніи“, „Вѣдомость остро-заразныхъ заболѣваній въ уѣздахъ *Нижегородской* губерніи“, „Вѣдомость остро-заразныхъ болѣзней въ *Новгородской* губерніи“, „Свѣдѣнія о ходѣ заразныхъ болѣзней въ *Пермской* губерніи“, „Врачебная хроника *Самарской* губерніи“, „Врачебно-санитарный листокъ *Симбирской* губерніи“, „Свѣдѣнія о ходѣ заразныхъ болѣзней въ *Смоленской* губерніи“, „Вѣдомость о распространеніи заразныхъ болѣзней въ *С.-Петербургской* губерніи“, „Листокъ заразныхъ болѣзней въ *Тамбовской* губерніи“, „Свѣдѣнія о заразныхъ болѣзняхъ и врачебно-санитарной дѣятельности въ *Уфимской* губерніи“, „Врачебная хроника *Харьковской* губерніи“, „Врачебная хроника въ *Херсонской* губерніи“.

По объему эти изданія колеблются отъ 1 до 5 листовъ въ мѣсяцъ. Какъ земскія изданія, подлежатъ губернаторской цензурѣ *).

Самымъ старымъ изданіемъ является ежемѣсячная хроника санитарнаго бюро московскаго земства «Свѣдѣнія о заразныхъ болѣзняхъ и санитарно-врачебной организаціи въ Московской губерніи», существуетъ съ 1883 г.; за нимъ слѣдуютъ изданія курскаго и с.-петербургскаго земствъ (1886—1890 гг.) и далѣе—владимірскаго, костромского, новгородскаго, смоленскаго, пермскаго, херсонскаго (1891—1895 гг.); остальныя 9 изданій возникли въ позднѣйшій промежутокъ 1896—1900 гг. **).

Таково современное положеніе статистики болѣзненности въ губерніяхъ земской Россіи, опредѣляемое по показаніямъ болѣе простыхъ первичныхъ признаковъ. Едва ли мы ошибемся, признавъ, въ виду приведенныхъ свѣдѣній, что основанія этой статистики въ данное время уже заложены въ большей половинѣ губерній земской Россіи.

XXVII.

Особую главу санитарной статистики составляетъ, такъ называемая, статистика *причинъ смерти*.

Высокое значеніе изслѣдованій этого рода, въ смыслѣ метода наблюденія за общественнымъ здоровьемъ и контроля дѣйствующихъ на него вліяній, едва ли требуетъ особыхъ разъясненій. Въ статистикѣ естественнаго движенія населенія, при анализѣ смертности, въ послѣднемъ конечномъ актѣ неизбѣжно приходимъ къ изслѣдованію причинъ смертности. Этимъ разъясненіемъ численные итоги умершихъ, дотолѣ безличные, освѣщаются въ своемъ значеніи и отсюда получаютъ болѣе реальное содержаніе, по мѣрѣ того, какъ опредѣляется каждая изъ злыхъ силъ, принимающихъ участіе въ работѣ уничтоженія человѣческихъ существованій.

Статистика причинъ смерти имѣетъ также самое существенное значеніе съ точки зрѣнія изученія болѣзненности населенія: ей принадлежитъ послѣднее слово въ смыслѣ этихъ наблюденій, именно, рѣшеніе вопроса, какіе факторы болѣзненности населенія доводятъ свою разрушительную дѣятельность до естественнаго конца, до прекращенія жизни людей.

Въ виду этихъ обстоятельствъ статистика причинъ смерти владѣетъ особенно цѣннымъ матеріаломъ и наиболѣе, быть можетъ, простымъ и пра-

---

*) Лишь уфимское изданіе цензируется въ Москвѣ.

**) Своеобразный характеръ представляетъ изданіе санитарно-статистическ[их] матеріаловъ, принятое за послѣдніе годы московскимъ санитарнымъ бюро, въ [вид] „приложеній“ къ ежемѣсячно издаваемымъ „Свѣдѣніямъ о заразныхъ болѣзня[хъ и] санитарно-врачебной организаціи“. Способъ этотъ, при условіяхъ земскихъ раб[от], представляетъ неоспоримыя преимущества передъ изданіемъ толстыхъ „Сборнико[въ]“, такъ какъ при этомъ матеріалы не залеживаются, дѣлаются общимъ достояніемъ [въ] свѣжемъ видѣ, тотчасъ по разработкѣ ихъ, публикуются по частямъ, и печатан[ие не] ложится единовременно тяжелымъ бременемъ на рабочія силы бюро.

мымъ методомъ — въ смыслѣ наблюденія условій, вліяющихъ на здоровье народной массы.

По существующимъ въ данное время условіямъ приходится констатировать, что у насъ, въ сельской Россіи, судьба этой отрасли статистическихъ изслѣдованій—вся въ будущемъ. Въ настоящее время статистика эта осуществлена лишь въ столицахъ и нѣкоторыхъ большихъ городахъ (Варшава, Одесса и др.), гдѣ установленъ порядокъ, въ силу котораго погребеніе умершихъ производится лишь при наличности удостовѣренія врача о причинѣ смерти, и наблюденія этого рода подлежатъ систематической разработкѣ и періодической публикаціи.

Очевидно, реальныя и жизненныя основанія этой статистики сводятся прежде всего также къ степени той обезпеченности медицинскою помощью при заболѣваніяхъ, въ которой находятся массы населенія въ этихъ городахъ. Лишь близость этой помощи къ массѣ можетъ гарантировать полноту и возможную точность такихъ наблюденій.

Въ метрической регистраціи, которая ведется духовенствомъ по всей Россіи и основанія которой очерчены выше, въ числѣ обязательныхъ рубрикъ 1838 года значится также вопросъ о «причинѣ смерти». Отвѣтъ на этотъ вопросъ дается священникомъ по его ничѣмъ не стѣсняемымъ соображеніямъ.

Въ настоящее время едва ли могутъ существовать два мнѣнія относительно значенія этихъ отмѣтокъ священниковъ, въ качествѣ матеріаловъ для статистики причинъ смерти вообще. Статистическія требованія, очевидно, не могутъ быть удовлетворены данымъ источникомъ свѣдѣній, и давно уже многими изслѣдователями, близко ознакомившимися съ матеріалами, собираемыми такимъ путемъ, раскрыто содержаніе этихъ записей и показана ихъ ничтожность въ интересахъ статистическихъ изслѣдованій.

Трудами весьма серьезныхъ земскихъ санитарныхъ статистиковъ юга Россіи, однако, выяснено, что въ одной группѣ частныхъ случаевъ, именно, при нѣкоторыхъ болѣзняхъ, часто встрѣчающихся, съ эпидемическимъ, болѣе тяжелымъ характеромъ, хорошо извѣстнымъ населенію (дифтерія въ южныхъ губерніяхъ), отмѣтки священниковъ объ этихъ болѣзняхъ въ рубрикѣ «причинъ смерти» носятъ довольно достовѣрный характеръ. Выяснено, что отмѣтки эти, сосчитанныя въ массахъ и разработанныя статистически, приводятъ къ заключеніямъ, аналогичнымъ съ наблюденіями врачей въ амбулаторіяхъ и въ селеніяхъ. Въ виду этого указанная группа изслѣдователей приписываетъ этой частной категоріи отмѣтокъ священниковъ о причинѣ смерти извѣстное статистическое значеніе.

Въ такомъ же смыслѣ всѣми признается статистическая пригодность отмѣтокъ священниковъ, наприм., о холерѣ, какъ причинѣ смерти въ годы холерныхъ эпидемій: на разработкѣ такихъ матеріаловъ основываются весьма серьезныя работы многихъ земскихъ санитарныхъ статистиковъ (П. И. Глушановской—по Московской губерніи, Д. Н. Жбанкова—по Смоленской губерніи и др.).

Основываясь, повидимому, на наблюденіяхъ этого порядка, наше оффиціальное медицинское вѣдомство нѣсколько лѣтъ тому назадъ установило распорядокъ, въ силу котораго приходскіе священники регулярно сообщаютъ, въ опредѣленной табличной формѣ, уѣзднымъ врачамъ о ходѣ смертности отъ извѣстныхъ заразныхъ болѣзней въ ихъ приходахъ. Свѣдѣнія эти впослѣдствіи печатаются въ итогахъ по губерніямъ и мѣсяцамъ въ «Вѣстникѣ Общественной Гигіены», издаваемомъ при медицинскомъ департаментѣ.

Однако, даже горячіе защитники пользованія записями священниковъ въ цѣляхъ нѣкоторыхъ частныхъ вопросовъ едва ли находятъ допустимымъ предлагать построеніе на этихъ основаніяхъ общаго метода статистики причинъ смерти въ Россіи.

Если исходить изъ того, что раціональная статистика причинъ смерти требуетъ, чтобы каждый случай смерти былъ изслѣдованъ врачомъ, то, безъ сомнѣнія, то время, когда у насъ, въ сельской Россіи, явится возможность широкаго осуществленія такой статистики, наступитъ еще весьма и весьма нескоро.

Но, если принять во вниманіе, что въ дѣйствительной жизни никакая общественная организація не является сразу въ совершенномъ или законченномъ видѣ, но вырабатывается путемъ постепеннаго совершенствованія, если поэтому, не задаваясь академическими цѣлями и преслѣдуя, по преимуществу, общественно-утилитарныя задачи, ограничиться пока предѣлами возможнаго, то было бы не особенно трудно, повидимому, положить основаніе статистическому наблюденію причинъ смерти, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сельской Россіи, уже при современныхъ условіяхъ.

Эта возможность усматривается въ *санитарномъ* характерѣ нашей участковой общественной земской медицины. Въ силу этого послѣдняго она можетъ быть заинтересована тѣмъ, чтобы было установлено постоянное наблюденіе не только за болѣзненностью населенія вообще, за ходомъ, движеніемъ и развитіемъ заразныхъ болѣзней въ медицинскихъ участкахъ, но и за ходомъ и теченіемъ смертности населенія, разумѣя въ кругу этого послѣдняго также и наблюденіе причинъ смертности. И подобно тому, какъ потребность наблюденія болѣзненности, возникшая въ первой очереди, привела уже къ созданію статистики болѣзненности, такъ точно потребность наблюденія смертности и ея причинъ, осуществляемая въ слѣдующей очереди, приведетъ въ будущемъ къ созданію также соотвѣтствующей организаціи статистическихъ наблюденій этого послѣдняго рода.

Возникаетъ вопросъ о томъ, когда можетъ наступить эта очередь и к[акими] ковы могутъ быть формы этого изученія.

Полагаемъ, что не можетъ быть рѣчи о наблюденіи причинъ смертно[сти] тамъ, гдѣ еще мало врачей и очень велики медицинскіе участки, гдѣ вра[чи] далеки отъ населенія и масса населенія болѣетъ и умираетъ, обходясь без[ъ] врачебной помощи и наблюденія, а равно и тамъ, гдѣ врачи еще дале[ки] отъ сознанія санитарныхъ задачъ земской медицины.

Равнымъ образомъ, преждевременна забота о созданіи этой статистики тамъ, гдѣ общій учетъ смертности населенія производится по первобытному способу, гдѣ духовенство не только собираетъ свѣдѣнія объ умершихъ, но и ведетъ ихъ статистическую разработку, гдѣ не существуетъ еще карточной системы регистраціи умершихъ и разработки картъ статистическими учрежденіями.

Эти два показанія, какъ намъ представляется, опредѣляютъ очередь созданія въ сельской Россіи статистики причинъ смертности.

Что касается внѣшнихъ формъ этихъ изслѣдованій, то можно представить себѣ, что около каждаго участковаго врача существуетъ небольшой районъ селеній, опредѣленный самимъ врачемъ: здѣсь онъ беретъ на себя просмотръ отмѣтокъ о причинахъ смерти и проставленіе соотвѣтствующихъ обозначеній во всѣхъ тѣхъ случаяхъ и въ тѣхъ предѣлахъ, когда и какъ онъ самъ признаетъ это для себя возможнымъ и исполнимымъ.

При наличности благопріятныхъ условій, установленіе проектируемаго порядка въ той или другой губерніи, конечно, могло бы состояться лишь по надлежащей его разработкѣ на губернскихъ съѣздахъ врачей, съ общаго согласія врачей, по одобреніи и рекомендаціи съѣздовъ, наконецъ, послѣ благополучнаго проведенія дѣла черезъ соотвѣтствующія оффиціальныя инстанціи.

Намъ представляется, что нѣкоторыя губерніи нашего отечества совсѣмъ не такъ далеки отъ возможности проектируемаго порядка, какъ это, конечно, рѣшатъ скептики *).

XXVIII.

Въ заключеніе нашихъ «Очерковъ» мы хотѣли бы остановить вниманіе читателя на слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Общее положеніе санитарной статистики въ Россіи въ недавніе годы проф. Ю. Э. Янсономъ было изображено такими чертами: «Для наблюденія надъ состояніемъ болѣзненности населенія статистикѣ приходится бороться съ большими трудностями, по крайней мѣрѣ, въ настоящее время.

---

*) О подготовленности, наприм., Московской губерніи къ установленію указаннаго метода можно судить изъ слѣдующихъ данныхъ. Въ 1899 г. въ губерніи дѣйствовали 100 медицинскихъ участковъ и, кромѣ того, 83 врача (фабричные и др.) вели обще-земскую медицинскую регистрацію. Если откинуть послѣднихъ и представить себѣ около каждаго изъ участковыхъ врачей районъ селеній, въ размѣрѣ лишь одного прихода, гдѣ участковый врачъ взялъ бы на себя просмотръ отмѣтокъ о причинахъ смерти, то уже при этомъ условіи, съ перваго же дня наблюденія, въ кругъ этого наблюденія вошло бы не менѣе $^1/_{10}$ части территоріи и населенія губерніи. Трудъ же врачей количественно опредѣлился бы размѣткою 50—60 картъ въ среднемъ въ теченіе года. Кромѣ того, слѣдуетъ замѣтить, что въ земскихъ и др. лѣчебницахъ губерніи ежегодно умираютъ въ суммѣ около $2^1/_2$ тыс. чел. больныхъ. Это составитъ около 5% общаго итога ежегодно умирающихъ въ губерніи, и здѣсь статистика могла бы располагать достовѣрными свѣдѣніями о причинахъ смерти.

Прежде всего она не располагаетъ достаточнымъ и подготовленнымъ персоналомъ наблюдателей, а потомъ она и съ этимъ персоналомъ не всегда можетъ знать, гдѣ и когда возникаетъ явленіе, подлежащее наблюденію. Точное констатированіе болѣзни вообще, или болѣзни, какъ причины смерти въ частности, можетъ быть дѣломъ только врача: но число врачей въ дѣйствительности такъ незначительно, распредѣлены они такъ неравномѣрно въ пространствѣ даже въ густонаселенныхъ государствахъ Западной Европы, что подвергнуть наблюденію не только каждое заболѣваніе, но и каждый смертный случай фактически невозможно. Къ этому присоединяется еще трудность, до сихъ поръ не устраненная,—превратить всѣхъ врачей въ статистическихъ регистраторовъ: административной статистикѣ приходится довольствоваться услугами только той части врачей, которые спеціально для этой цѣли назначаются. Съ другой стороны, не каждое заболѣваніе доходитъ до свѣдѣнія врача и не всякій умершій передъ смертью находится на его попеченіи; поэтому очень много случаевъ болѣзней будутъ всегда ускользать отъ самой совершенной регистраціи, и въ большомъ числѣ случаевъ причину смерти со всею точностью опредѣлить бываетъ почти невозможно. Таковы обстоятельства *настоящаго времени* *), съ которыми приходится считаться статистическому наблюденію» (*Ю. Янсонъ:* «Теорія статистики», стр. 379). Примѣнительно къ этимъ обстоятельствамъ, статистика старается въ возможной мѣрѣ овладѣть областями, для нея доступными. Такихъ областей, по мнѣнію проф. Янсона, три: 1) общая статистика причинъ смерти въ городскихъ центрахъ, 2) больничная или госпитальная статистика и 3) статистика заболѣваній инфекціонными болѣзнями въ большихъ городахъ. При благопріятныхъ условіяхъ, поле наблюденій статистики можетъ расширяться, распространяясь на тѣ или другія *спеціальныя группы* населенія, какъ-то: страховыя общества, кассы, союзы, вѣдомства и т. д. Въ своемъ изложеніи основаній санитарной статистики проф. Янсонъ и ограничивается исключительно тремя указанными отдѣлами (статистика причинъ смерти, больницъ, инфекціонныхъ болѣзней) **).

Въ такомъ видѣ проф. Янсономъ изображены были въ 1887 году въ его «Теоріи статистики» трудности, связанныя съ осуществленіемъ санитарной статистики «для настоящаго времени», ближайшая возможность достиженія ея задачъ и послѣдующая перспектива развитія.

Въ этомъ отзывѣ мы хотѣли бы отмѣтить отсутствіе какихъ бы то ни было указаній по адресу санитарной статистики, созданной и создаваемой въ Россіи общественными учрежденіями, земскими и городскими. Въ отзывѣ проф. Янсона санитарной статистикѣ общественныхъ учрежденій нѣтъ мѣста ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ, нѣтъ рѣчи о возможности борьбы съ трудностями и сложностью задачъ санитарной статистики путемъ организаціи ея со стороны общественныхъ учрежденій ***).

*) Курсивъ проф. Янсона.

**) Ibid., см. стр. 377—400.

***) Санитарной статистикѣ земскихъ учрежденій проф. Янсономъ отводится ли

Объясненіе этого обстоятельства заключается, вѣроятно, въ томъ, что проф. Янсонъ имѣлъ въ виду, главнымъ образомъ, такъ называемую, административную статистику правительственныхъ учрежденій и исходилъ, притомъ, въ своихъ построеніяхъ изъ положеній западно-европейской практики статистическихъ учрежденій. Между тѣмъ, санитарная статистика въ Россіи создана и создается общественными учрежденіями и представляетъ собою оригинальное самобытное явленіе русской жизни.

Судьба ея предначертана была въ тотъ день, когда земство въ Россіи приняло на себя охрану здоровья русскаго народа. Для этой цѣли оно учредило лѣчебницы и двери послѣднихъ широко раскрыло для *всѣхъ нуждающихся* въ помощи врача—внѣ принадлежности къ какимъ-либо обществамъ страхованія, союзамъ, кассамъ, вѣдомствамъ и т. д. Оно разсѣяло эти лѣчебницы по селеніямъ, въ средѣ самого народа, и сдѣлало помощь врача ему близкою и доступною. Наконецъ, оно поставило работу своихъ врачей на началахъ организованной дѣятельности и на почвѣ систематическаго научнаго наблюденія за коллективнымъ здоровьемъ массы населенія. Такимъ образомъ, общественная земская медицина въ Россіи выразила въ себѣ живой синтезъ началъ гуманности и научнаго знанія.

Кромѣ того,—и это, быть можетъ, болѣе важная причина указаннаго пробѣла въ характеристикѣ проф. Янсона,—наша санитарная статистика еще весьма *молода:* уже основанная болѣе чѣмъ въ $^1/_2$ всей земской Россіи, какъ указано было выше, въ большинствѣ случаевъ она находится еще въ періодѣ созиданія. Поэтому, можно говорить о принципахъ и началахъ санитарной статистики, каковые уже выработаны жизнедѣятельностью общественныхъ учрежденій и кладутся въ основаніе созидаемаго зданія санитарной организаціи; можно говорить объ ея формахъ и методахъ, отчасти уже осуществленныхъ въ жизни, отчасти же ожидаемыхъ. Но преждевременно было бы требовать уже теперь обильныхъ и широкихъ выводовъ этой статистики: они зрѣютъ вообще въ статистической дѣятельности медленно, въ данное время они пока немногочисленны, и время ихъ — впереди.

Поэтому, наша статистика не пользуется большою извѣстностью внѣ спеціальнаго своего круга. Еще менѣе извѣстна была она въ 1887 г.

Въ этомъ условіи,—именно, въ молодости—находитъ себѣ также достаточное объясненіе особенность, которая указана была выше, въ характеристикѣ современнаго положенія статистики болѣзненности въ земской Россіи, и которая заключается именно въ значительномъ разнообразіи ея условій въ разныхъ мѣстностяхъ.

слѣдующія бѣглыя строки: „Карточная система отчетности по появленію заразныхъ болѣзней принята и многими земствами, гдѣ санитарная статистика поставлена на разумныхъ началахъ, наприм., въ земствахъ московскомъ и петербургскомъ. Губернскій санитарный земскій совѣтъ или комиссія, помимо весьма обстоятельныхъ санитарныхъ отчетовъ врачей, завѣдующихъ медицинскими участками, получаетъ всѣ первичныя записи о заболѣваніяхъ инфекціонными болѣзнями на карточкахъ и самъ обрабатываетъ на основаніи ихъ общія данныя по этому предмету“ (Ibid., стр. 399).

Безъ сомнѣнія, это послѣднее обстоятельство должно быть отнесено къ неблагопріятнымъ, въ особенности для нашей науки, отличающейся стремленіемъ нивелировать всѣ неровности на площади своего протяженія и сохранять строгую консервативность во времени, въ интересахъ возможно широкаго примѣненія сравнительнаго метода.

Поэтому ближайшая современная задача статистики болѣзненности въ Россіи заключается, по нашему мнѣнію, главнымъ образомъ, *въ проведеніи принциповъ единства* въ теорію и практику учрежденій, ведущихъ у насъ дѣло этой статистики. Объединяющей роли Общества русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова, обобщающаго въ себѣ врачей и коллегіальныя врачебныя учрежденія Россіи, должно принадлежать въ этомъ дѣлѣ громадное значеніе. Начало такой дѣятельности со стороны названнаго Общества, какъ извѣстно, уже и положено въ настоящее время *). Въ этомъ многотрудномъ дѣлѣ пожелаемъ почтенному Обществу и его исполнительнымъ органамъ самыхъ большихъ успѣховъ на пользу русской науки и общественности.

П. Куркинъ.

---

*) См. „Программа для медицинской регистраціи, и обработки матеріаловъ о болѣзненности". Изд. Общ. русск. врачей въ память Н. И. Пирогова. Москва 1900 г.

Сенъ-Симонъ и начатки французскаго позитивизма *).

Сенъ-симонисты раздѣлились на два лагеря. Одни, напитанные философіей XVIII вѣка и физіологіей XIX, склонились къ отрицательному отвѣту на вопросъ о религіозныхъ вѣрованіяхъ, не зависимыхъ отъ научнаго наблюденія. Анфантэнъ объявилъ противоположный взглядъ. Противъ него ясно говорили «нѣкоторыя мѣста» въ сочиненіяхъ Сенъ-Симона, именно отрицаніе сверхъестественнаго вмѣшательства и откровенія въ религію: Анфантэнъ былъ съ этимъ согласенъ, но тѣмъ не менѣе находилъ существеннымъ и естественнымъ слѣдующій фактъ. Человѣкъ одаренъ двойной способностью—чувствовать и разсуждать, и «участіе чувства въ возникновеніи человѣческихъ знаній и сужденій не менѣе ясно, чѣмъ разума» и, слѣдовательно, «свѣдѣнія и идеи чувствительнаго происхожденія вполнѣ могутъ быть въ религіозномъ смыслѣ отмѣчены печатью истины, не подвергаясь провѣркѣ математическаго доказательства и не являясь изъ-за этого суевѣріемъ».

Таково основное положеніе Анфантэна, а за нимъ немедленно послѣдовало «вступленіе въ новую теологію» [1]). Вся она прежде всего логическое развитіе *равноправія* разума и чувства равноправія безусловнаго: разумъ можетъ *понимать*, и *знать*, и чувство тоже; разумъ *систематизируетъ* свои идеи, и чувство также свои представленія можетъ формулировать въ «соціальное учрежденіе, имѣющее характеръ общаго вѣрованія, именуемаго *религіей* [2]). Анфантэнъ безразлично пользуется понятіями *чувство, воображеніе* и *способность догадываться—la faculté d'imaginer, de conjecturer*. Онъ спѣшитъ указать на значеніе этой способности и въ наукѣ, гдѣ *вдохновеніе* часто оказываетъ большія услуги разуму и наблюденію. Но цѣль Анфантэна не спеціальная важность чувства и воображенія, отнюдь не ихъ служебная роль, когда подсказанная вдохновеніемъ гипотеза непремѣнно требуетъ опытной и логической провѣрки, а совершенно независимая власть создавать общеобязательныя, систематизированныя истины.

*) *Русская Мысль*, кн. XI, 1900 г.

1) „Les prolegomènes de la théologie nouvelle", *N. hist.* I, 200.

2) Письмо 6 іюля 1827. *Oeuvres*, XXIV, 140—1.

Вотъ въ этомъ пунктѣ, въ систематизаціи чувствительныхъ и воображаемыхъ представленій, Анфантэнъ встрѣтилъ противника прежде всего въ лицѣ Базара. Въ чемъ заключалось разногласіе, поясняетъ самъ Анфантэнъ.

Базаръ не отрицалъ существованія «мистическаго настроенія, приводящаго человѣка въ чувствительную связь со вселенной и внушающаго ему мысль о вѣчной жизни», но по соціальному значенію это чувство Базаръ ставилъ рядомъ со всѣми другими личными чувствами, любовью отца къ ребенку, жены къ мужу и проч. Но Анфантенъ шелъ дальше. Сердечныя отношенія людей другъ къ другу связаны чувствомъ человѣколюбія—*филантропіей,* такая же связь должна существовать и въ чувствахъ человѣка ко вселенной, т.-е. въ мистицизмѣ. Онъ необходимо долженъ быть слитъ съ филантропіей, потому что филантропъ - атеистъ, не обладающій удовлетворительнымъ объясненіемъ своего бытія, будетъ лишенъ побудительныхъ мотивовъ къ дѣятельной любви, сосредоточится исключительно на личныхъ интересахъ, дойдетъ до убѣжденія въ тщетѣ славы, въ призрачности совѣсти.

Очевидно, Анфантэнъ не вѣритъ въ существованіе морали независимо отъ религіи,—помимо любви къ людямъ человѣкъ долженъ обладать извѣстными представленіями о Богѣ, только тогда онъ будетъ проявлять въ дѣйствительности свою филантропію. Въ этомъ разсужденіи не было ничего оригинальнаго, Анфантэнъ цѣликомъ заимствовалъ его изъ старой теологіи. При этомъ признавалась творческая и обязательная сила *вдохновенія,* т.-е. по толкованію самого Анфантэна, *прогрессивное откровеніе.* Прогрессивно оно потому, что мѣняетъ свое содержаніе сообразно съ эпохами: «Мы, во имя Сенъ-Симона, люди прогресса». Откровеніе сенъ-симонистовъ сообразуется съ просвѣщеніемъ и потребностями различныхъ поколѣній» [2]).

При такомъ объясненіи, повидимому, религіозная организація совершенно освобождается отъ произвола отдѣльной личности. Религія становится рядомъ съ принципами соціальнаго строя, а они, мы знаемъ отъ Сенъ-Симона, подсказываются непосредственно даннымъ уровнемъ цивилизаціи.

Но остается рѣшить вопросъ, кто будетъ истолкователемъ откровенія, соотвѣтствующаго современному просвѣщенію и потребностямъ? И, наконецъ, кто приведетъ истолкованія въ систему и сообщитъ ей общеобязательную силу, т.-е. значеніе догмата?

Анфантэнъ не преминулъ представить рядъ краснорѣчивыхъ практическихъ и теоретическихъ отвѣтовъ, и практика шла впереди теоріи.

Мы знаемъ, Анфантэнъ расходился съ Базаромъ по вопросу о необходимости систематизировать внушенія сердца и воображенія и превратить подобную систему въ «соціальное учрежденіе». Базаръ, очевидно, желалъ голосъ сердца оставить въ области субъективныхъ настроеній и предст

---

[2]) *Oeuvres.* VIII, XXXIII—XXXIV.

ленiй, потому что бывшему карбонару съ самаго начала была ясна грядущая роль единоличнаго систематизатора и догматиста, разъ за патетическими побужденiями человѣческой природы будетъ признано идейное и практическое значенiе наравнѣ съ фактами наблюденiя и доказательствами разума. Базаръ не могъ безусловно отрѣшиться отъ критическихъ наклонностей своего ума, а вскорѣ по ходу дѣла оказалось, что отрѣшиться предстояло не только отъ анализа и критики, а просто отъ личной воли и личнаго здраваго смысла.

Въ ожиданiи пока надуманная теорiя приметъ «догматическiй характеръ», Анфантэнъ рѣшилъ уже приложить ее на практикѣ. Онъ взялъ на себя трудъ вести корреспонденцiю съ бывшими подписчиками *Производителя* и давать имъ разъясненiя насчетъ новаго ученiя. Разъясненiя клонились въ сторону, лично угодную Анфантэну, и въ такомъ же смыслѣ онъ велъ споры съ своими товарищами по редакцiи. Въ семейной перепискѣ, съ двоюродной сестрой и съ братомъ, онъ откровенно является проповѣдникомъ «новаго евангелiя», не боясь, что сатирическiй умъ брата усмотритъ на его головѣ камилавку [4]). Это положенiе ему, видимо, льститъ. Онъ говоритъ уже именемъ Бога, его рѣчь безпрестанно превращается въ проповѣдь и пророчество, онъ чувствуетъ въ себѣ «священника будущаго», онъ распространяется о «привилегированныхъ существахъ», которыя первыя слышатъ голосъ Божiй, всходятъ на Синай предъ лицо Всевышняго, *почти* поднимаются до Него и получаютъ повелѣнiе просвѣтить другихъ, установить между ними «симпатическую цѣпь преданной покорности, любящаго могущества,—цѣпь, безъ которой человѣчество не можетъ возвыситься до Бога». Анфантэнъ увлекается самымъ процессомъ своей новой дѣятельности. Его же письма оказываютъ сильнѣйшее впечатлѣнiе на него самого. Онъ будто поддается самовнушенiю и заявляетъ, какъ постепенно въ немъ выростали все новыя идеи о вѣчной жизни, о женщинахъ. Ему пришлось утѣшать нѣкую даму, потерявшую мужа, прозелита сенъ-симонизма. Вдова обращается за нравственной помощью къ Анфантэну, и новый пророкъ, благодаря этому случаю, мѣняетъ всѣ свои взгляды на женщинъ. Мы сейчасъ увидимъ, какое значенiе должна была возымѣть эта перемѣна [5]).

Такъ продолжалось до конца 1829 года. Анфантэнъ успѣлъ окончательно утвердиться въ своемъ религiозномъ санѣ, но пока лишь неоффицiально. Многiе привыкли покорно внимать его откровенiямъ, но находились и протестанты. Особенно много безпокойства доставлялъ Бюшезъ, писавшiй въ *Производителѣ* по естественно-научнымъ и медицинскимъ вопросамъ. Въ немъ, очевидно, жилъ самый упорный критическiй духъ, и Бюшезъ, по словамъ Анфантэна, «продолжалъ споры, для всѣхъ другихъ исчерпанные, не приходя ни къ какому рѣшенiю». Оставалось покончить съ досаднымъ явленiемъ, и Анфантэнъ однажды вечеромъ, послѣ собранiя, заявилъ братьямъ

N. hist. I, 220—1.
Not. hist. II, 17, 21, 99—100, 108—9.

Родригамъ, что анархія не можетъ дальше продолжаться, что фактическое положеніе вещей должно быть, наконецъ, признано открыто, т.-е. учреждена іерархія во главѣ съ нимъ, Анфантэномъ, и Базаромъ.

Олэндъ немедленно согласился, а Евгеній, пребывавшій съ состояніи длящагося энтузіазма, былъ даже «очень счастливъ отъ этого прогресса». Такъ разсказываетъ самъ Анфантэнъ.

Но какъ отнесся къ вопросу Базаръ?

Онъ до сихъ поръ являлся уполномоченнымъ публичнымъ ораторомъ доктрины. Съ декабря 1828 года сенъ-симонисты открыли въ Парижѣ курсъ сенъ-симонизма. Каждое чтеніе предварительно вырабатывалось на общихъ собраніяхъ, и Базаръ произносилъ его публично. Впослѣдствіи эти рѣчи составили два тома *Doctrine saint-simonienne*. Естественно, эта важная обязанность создала Базару авторитетъ въ то время, когда Анфантэнъ велъ пропаганду сенъ-симонизма путемъ переписки [6]). Но Базаръ былъ далекъ отъ мысли уничтожить «республику» среди сенъ-симонистовъ. Впослѣдствіи Анфантэнъ заявлялъ, что онъ «*призвалъ* Базара раздѣлить съ нимъ верховную власть». Базаръ просилъ времени на размышленіе, думалъ въ теченіе двухъ недѣль и, наконецъ, согласился, но это не значило, будто возникновеніе религіознаго авторитета было имъ признано навсегда. Напротивъ. По словамъ Анфантэна, Базаръ и впослѣдствіи, при всякомъ новомъ шагѣ въ развитіи іерархіи, всегда просилъ времени для размышленій,—*времени!*—восклицалъ Анфантэнъ не то съ изумленіемъ, не то съ снисходительной жалостью [7]).

Надо полагать, на первый рѣшительный шагъ Базара повліялъ Олэндъ Родригъ. Онъ игралъ главную роль 31 декабря 1829 года, когда была объявлена іерархія. Родригъ произнесъ горячую рѣчь, называя себя единственнымъ дѣятельнымъ личнымъ ученикомъ Сенъ-Симона; «во мнѣ,—говорилъ онъ,—живое преданіе», указывалъ на *Новое христіанство* какъ на воплощеніе *всей доктрины*, объяснялъ, что по его настояніямъ читалась, перечитывалась и все болѣе постигалась эта книга. Но уже годъ, какъ распространеніе ученія отъ него перешло въ руки Анфантэна и Базара, онъ теперь передаетъ имъ «управленіе школой Сенъ-Симона» и чувствуетъ живѣйшую радость, высшее счастье и свое величіе въ Сенъ-Симонѣ, послѣ того какъ обрѣлъ болѣе великихъ, чѣмъ онъ самъ.

Рѣчь Родрига закончилась братскими поцѣлуями слушателей, потомъ говорилъ Базаръ о томъ, что сенъ-симонизмъ повелѣваетъ каждому занимать достойное его мѣсто.

Торжество не обошлось безъ раскола. Тщетно Базаръ говорилъ о неразрывной связи соціальной и религіозной реформы, нашлись непоколебимые диссиденты, съ Бюшезомъ во главѣ [8]).

---

[6]) *Not. hist.* II, 110—1, 28.
[7]) *Not. hist.* IV, 158.
[8]) *Ib.* II, 113—122.

Это было дурнымъ предзнаменованіемъ, но диссиденты имѣли дѣло съ Анфантэномъ, а его влекло впередъ неудержимо разгоравшееся воображеніе; чѣмъ поразительнѣе являлись мысли, чѣмъ, слѣдовательно, вѣрнѣе онъ могъ разсчитывать на ожесточенную критику и сатиру, тѣмъ рѣшительнѣе онъ пророчествовалъ, считая своимъ апостольскимъ призваніемъ борьбу съ невѣрными и отступниками [9]).

Съ начала 1830 года мы присутствуемъ при разложеніи сенъ-симонизма какъ философіи, насколько это зависѣло отъ новой іерархіи. И Анфантэнъ буквально день за днемъ хоронитъ все, что только было завѣщано Сенъ-Симономъ идейно-глубокаго и соціально-мощнаго.

Оффиціально существуетъ одна глава, именуемая «Bazard-Enfantin», и одинъ отецъ, но въ этомъ единствѣ таится глубокій раздоръ. Анфантэнъ все выше поднимается въ пророческомъ азартѣ, усвоиваетъ чистѣйшій церковный католическій языкъ и быстро достигаетъ папской высоты. Въ маѣ 1830 года онъ сочиняетъ письмо о *calme,* немедленно получающее въ церкви значеніе св. посланія. *Je suis calme,* говоритъ Анфантэнъ своему «сыну», одному изъ членовъ церкви и ставитъ закономъ: «пусть улыбка нашего отца будетъ такъ же могущественна для насъ, какъ всѣ радостныя торжества человѣчества. Этотъ народъ, необъятное море, которое камень, упавшій съ высоты, приводитъ въ движеніе на всемъ его пространствѣ до самаго дна; этотъ Юпитеръ, о которомъ язычники говорили *Nutu tremecit olympum;* вотъ что долженъ *знать,* долженъ *чувствовать,* долженъ *выражать* сенъ-симонистскій папа» [10]).

Гдѣ папа, тамъ не можетъ не быть *теологіи,* ученія не доказываемаго, а провозглашаемаго. И Анфантэнъ настаиваетъ на необходимости догматики, помимо морали. Въ его глазахъ сенъ-симонизмъ явленіе параллельно-враждебное христіанству, и въ немъ *все* должно быть католическое, только другого содержанія, но аналогичнаго происхожденія. Формы, слѣдовательно, были даны, оставалось создать догматъ. Онъ подсказывался положеніемъ вещей, самымъ смысломъ задачи: новый догматъ долженъ явиться діаметральной противоположностью христіанскому. Это второй актъ разлагающей дѣятельности Анфантэна. Первый закончился провозглашеніемъ іерархіи съ *папой* во главѣ, второй—объявленіемъ ученія о *возстановленіи матеріи* вмѣстѣ съ освобожденіемъ женщины.

Идея новаго папства, несомнѣнно, въ сильнѣйшей степени—плодъ личнаго темперамента Анфантэна, но нельзя отрицать извѣстной идейной связи ея съ сенъ-симонизмомъ самого Сенъ-Симона. Понятія о духовной власти, о позитивной философіи, о земной морали, имѣющей *общеубѣдительное* значеніе, могли привести къ матеріальной аналогіи новаго идеала съ древнимъ. А потомъ, мы знаемъ, Сенъ-Симонъ одинъ разъ обмолвился о «первомъ папѣ новой научной теоріи», правда, выборномъ отъ всѣхъ

---

[9]) Въ этомъ смыслѣ характеристика Анфантэна въ *N. hist.* III, 117—8.

[10]) *Oeuvres.* XXVII, 95—100.

ученыхъ европейскихъ обществъ, но для *вдохновенія* Анфантэна было достаточно и простого выраженія.

Но не идея папства внесла непоправимый расколъ въ среду сенъ-симонистовъ и не она дискредитировала всю школу въ глазахъ общественнаго мнѣнія: Констанъ могъ изощрять свое остроуміе надъ новыми ѳиванскими и мемфисскими жрецами: это было не опасно для такихъ защитниковъ сенъ-симонистской *философіи*, какъ Базаръ, блистательно отвѣчавшій либеральному публицисту [11]).

Но когда «верховный отецъ» провозгласилъ догматъ,—Базаръ не только не могъ защитить «новую вѣру» отъ всеобщаго крика негодованія, презрѣнія и смѣха, но даже оказался не въ силахъ остаться въ лонѣ церкви.

Какую же связь анфантэновскій догматъ имѣлъ съ міровоззрѣніемъ учителя?

Прежде всего, ученіе о *реабилитаціи матеріи*.

Все, что̀ самаго сильнаго можно найти въ сочиненіяхъ Сенъ-Симона на этотъ счетъ, заключено на нѣсколькихъ страницахъ *Новаго христіанства*. Основная мысль философа: «истинное христіанство должно сдѣлать людей счастливыми не только на небѣ, но и на землѣ». Для этой цѣли слѣдуетъ сосредоточивать вниманіе не на *отвлеченныхъ* идеяхъ, а на *реальныхъ*. Сенъ-Симонъ выражается: les *idées sensuelles*, противопоставляя—*des idées abstraites*. Анфантэнъ, приводя это мѣсто, успѣшно подчеркиваетъ слово sensuelles, очевидно, желая извлечь изъ него самый рѣзкій матеріальный смыслъ. Ему это необходимо, чтобы перейти къ ученію о невозбранномъ удовлетвореніи *чувственныхъ* инстинктовъ, даже о возведеніи ихъ въ одну изъ основъ религіозно-соціальнаго строя. Совершенно другое развитіе мысли у Сенъ-Симона.

У него нѣтъ ни единаго слова о *чувственномъ* счастьи, о любви и даже слово женщина не произносится: его *idées sensuelles* означаютъ: «главная цѣль, какую вы должны ставить людямъ въ ихъ трудахъ,—улучшеніе нравственнаго и физическаго существованія наиболѣе многочисленнаго класса». Все разсужденіе Сенъ-Симона исключительно соціальнаго характера. Онъ возстаетъ противъ старой *метафизической* цѣли человѣческой жизни, противъ аскетическихъ подвиговъ, противъ самоистязаній и постовъ,—но затѣмъ, чтобы поставить *реальную* цѣль, завоеваніе трудомъ всего земного шара и улучшеніе участи «бѣднаго класса». Это реабилитація *индустріи*, отвергаемой ученіемъ объ умерщвленіи плоти и презрѣніи къ земному счастью,—но отнюдь не реабилитація плоти, какъ источника чувственныхъ половыхъ наслажденій. Сенъ-Симонъ требовалъ неустаннаго труда и высшаго почета производительному труду,—Анфантэнъ всю задачу учителя свелъ къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ мужчины и женщины. Сенъ-Симонъ аскетизму противопоставилъ дѣятельность, не-

[11]) *Producteur*. II, 565—6.

тенной природѣ—жизнерадостную нравственную и физическую силу,—Анфантэнъ, въ религіозной идеѣ духа усмотрѣлъ грубѣйшій контрастъ матеріи, и объявилъ не реабилитацію природы во всей полнотѣ ея способностей, а чувственности [12]).

Идея эта не принадлежитъ самому «верховному отцу». Впервые ее предложилъ Евгеній Родригъ. Въ одномъ изъ его писемъ говорится: «миссія Сенъ-Симона была *возстановить, искупить матерію*» [13]).

Это, слѣдовательно, обычный простѣйшій пріемъ—*творить новое*,—мышленіе по контрасту—пріемъ не органическій, а критическій. Подобной поверхностности мысли невозможно встрѣтить у Сенъ-Симона, прекрасно понимавшаго органическую безсодержательность и практическую безплодность, такъ сказать, поляризирующаго резонерства. Критика революціоннаго естественнаго права достаточно свидѣтельствуетъ о проницательности философа, и онъ не могъ допустить столь наивнаго противопоставленія міросозерцаній: для него *реабилитація плоти* въ прямой противовѣсъ *реабилитаціи духа*—такая же метафизика, какъ и отвлеченныя идеи средневѣковаго аскетизма.

До какой степени Сенъ-Симонъ былъ далекъ отъ вдохновляющей идеи анфантэнистовъ, показываетъ удивительный фактъ: весь анфантэнизмъ построенъ на ученіи о трехъ формахъ половой любви, а Сенъ-Симонъ касательно женщинъ во всю свою жизнь написалъ единственную фразу—и то въ сочиненіи, о которомъ онъ ни слова не говорилъ своимъ ученикамъ,—въ сочиненіи, будто забытомъ самимъ авторомъ. Проектируя въ *Письмахъ женевскаго обывателя* учрежденіе научно-философской власти—по подпискѣ, Сенъ-Симонъ замѣтилъ: «женщины будутъ допущены къ подпискѣ; онѣ могутъ быть избираемы» [14]). Если вспомнить, что сочиненіе было написано въ Женевѣ, поднесено г-жѣ Сталь съ самыми стремительными чувствами—къ писательницѣ и къ женщинѣ,—не будетъ опрометчивымъ предположить, что исключительная фраза обязана своимъ происхожденіемъ не философіи, а его настроенію и джентльменству [15]).

Анфантэнъ до конца прошелъ путь, удалявшій его отъ завѣтовъ Сенъ-Симона. Реабилитація матеріи, породившая задачу опредѣлить новыя отношенія женщины къ мужчинѣ, должна была отодвинуть на задній планъ соціальный вопросъ. Именно этотъ вопросъ привелъ къ сенъ-симонизму наиболѣе отзывчивыхъ, здоровыхъ и даровитыхъ послѣдователей. Пьеръ Леру точно выразилъ притягательную силу сенъ-симоновскаго движенія для современной молодежи. «Полное освобожденіе наиболѣе многочислен-

---

12) *Oeuvres.* XXIII, 147. Цитаты Анфантэна изъ *Новаго христіанства* въ *Enseignements. Oeuvres.* XIV, 6—15.

13) *Lettres sur la religion et la politique.* 25.

14) *O. choisies.* I, 34.

15) Одинъ изъ новѣйшихъ историковъ сенъ-симонизма даже совсѣмъ не замѣтилъ приведенной фразы и заявляетъ: „Saint-Simon n'avait pas prononcé le nom de la femme". Charléty. *Histoire du saint-simonisme.* P. 96, 163.

наго и бѣднаго класса, классификація по способностямъ и дѣламъ—во всякое время были для насъ инстинктивными вѣрованіями, для насъ, вышедшихъ изъ народа, и мы цѣнили самихъ себя только по нашимъ способностямъ и по нашей дѣятельности. Подобный догматъ окончательно отвергалъ намъ нашу собственную мысль и отвѣчалъ направленію нашего ума, всѣмъ желаніямъ нашего сердца» [16]).

И вмѣсто этого возникаютъ безконечные споры о безбрачіи, о многоженствѣ, о равноправіи, о постоянствѣ, о супружеской измѣнѣ. Кстати въ палатѣ поднимается вопросъ о разводѣ, и Анфантэнъ пользуется случаемъ—взволновать всю свою церковь надуманной темой. Разговоры, по его разсказамъ, идутъ ежедневно, продолжаются отъ двухъ до десяти или одиннадцати часовъ вечера. Члены іерархіи не показываются даже среди своихъ учениковъ. «Нашъ внѣшній видъ,—сообщаетъ Анфантэнъ, — носилъ отпечатокъ мучительной тревоги и религіозной экзальтаціи, одушевлявшей насъ среди этой великой драмы» [17]).

Въ сущности, для него самого не было драмы. Онъ уже рѣшилъ вопросъ. Въ августѣ 1831 года онъ послалъ матери письмо съ изложеніемъ своего догмата. Сущность его слѣдующая. Существуетъ два типа людей—*постоянный* и *перемѣнчивый*, съ увлеченіями *глубокими* и съ *мимолетными*. Тому и другому типу надо дать равноправное и цѣлесообразное мѣсто въ соціальномъ строѣ. Сенъ-симонизмъ создастъ двѣ формы «религіи любви»: одна—одинъ и тотъ же мужчина на всю жизнь съ одной и той же женщиной, другая—разводъ и новый союзъ. Но есть еще третья форма, гораздо болѣе соціализирующая и религіозная. Анфантэнъ не сразу рѣшается объяснить ее своей матери, предварительно онъ убѣждаетъ ее порвать съ прошлымъ міромъ и съ настоящимъ и искать будущаго.

Третья форма, любовь жреца и жрицы новой религіи. Священническая чета должна соціализировать разные типы, регулировать ихъ страсти въ интересахъ прогресса, т.-е. въ одномъ случаѣ «*умѣрять* распущенные чувственные пороки», въ другомъ «разогрѣвать оцѣпенѣлыя чувства». Пары вѣрующихъ должны учиться любви у жреца и жрицы. Анфантэнъ оговаривался, что для окончательной формулировки догмата ему надо выслушать голосъ женщины,—но что касается его, какъ мужчины, онъ сознавался: «я понимаю *нѣкоторыя обстоятельства*, когда я согласился бы, что только моя жена способна дать счастье, здоровье, жизнь кому-либо изъ моихъ сыновей въ Сенъ-Симонѣ» [18]).

Мы не знаемъ, что̀ отвѣтила Анфантэну его мать непосредственно,—но въ январѣ слѣдующаго года она его привѣтствовала восторженно, когда послѣдователи Сенъ-Симона одинъ за другимъ покидали его [19]).

Но пока Анфантэнъ не рѣшался говорить съ своими «дѣтьми» такъ же

---

[16]) Статья 18 янв. 1831 въ *Globe*.

[17]) *Not. hist.* IV, 38, августъ—сентябрь 1831 г.

[18]) *Oeuvres*. XXVII, 191—201.

[19]) *Not. hist.* V, 91.

откровенно, какъ съ матерью. Онъ только безусловно отказался отъ соціальныхъ задачъ и весь «погрузился въ догматическія изысканія». Это онъ называлъ—стремиться къ цѣлямъ несравненно болѣе великимъ, говорить именемъ Бога, пребывать на высотахъ мысли, презирая мелкіе запросы текущей политики. Когда его убѣждали заняться соціальной реформой, въ отвѣтъ онъ совершалъ «жреческій актъ», т.-е. вѣнчалъ молодыхъ людей по сенъ-симонистскому обряду. «Экзальтація» охватила его, и онъ шелъ къ «необъятнымъ горизонтамъ», не обращая вниманія на видимую дѣйствительность [20]).

Что же дѣлали Базаръ и Родригъ?

Базаръ, съ своей логикой, философско-политическимъ краснорѣчіемъ, все больше тускнѣлъ предъ Анфантэномъ, умѣвшимъ вызывать энтузіазмъ до нервныхъ припадковъ, до истерическихъ исповѣдей, до объятій со слезами и криками. Его послѣдній оффиціальный актъ въ качествѣ сенъ-симонистскаго главы—письмо къ президенту палаты 1 октября 1830 года. Письмо, подписанное и Анфантэномъ, опровергало рѣчи депутатовъ, приписывавшихъ сенъ-симонистамъ проповѣдь общенія имуществъ и женщинъ. Письмо объясняло сенъ-симонистскій принципъ каждому по способностямъ и каждой способности по ея дѣламъ и заявляло уваженіе къ христіанскому браку,—только жена должна быть безусловно равной мужу, и въ будущемъ *соціальная личность* будетъ не одинъ *мужчина*, а *мужчина и женщина* [21]).

Прошелъ годъ, Анфантэнъ окончательно утвердился въ своихъ идеяхъ. Уже и въ 1830 году онъ подписалъ письмо изъ политики, христіанскій бракъ онъ отвергалъ гораздо раньше, тѣмъ не менѣе 17 октября 1831 года Олэндъ Родригъ прочиталъ «замѣтку» о бракѣ и разводѣ, весьма далекую отъ задушевныхъ идей Анфантэна, представлявшую просто либеральный взглядъ на вопросъ [22]).

Дѣло не могло остановиться на этой точкѣ. Анфантэнъ вызвалъ, наконецъ, рѣшительное обсужденіе вопроса. Оба «отца» въ теченіе нѣсколькихъ дней вели жаркій словесный бой, нѣкоторые вѣрующіе пришли въ крайнее смущеніе и обратились къ «отцамъ» съ мольбой—возстановить миръ, сосредоточить вниманіе на «наиболѣе многочисленномъ и бѣдномъ классѣ». Но сраженіе окончилось пока только подчиненіемъ Базара Анфантэну. Къ этому собственно и стремился Анфантэнъ, и Родригъ опять, въ качествѣ хранителя преданія, освятилъ перемѣну. Но примиреніе продолжалось не больше четырехъ дней,—Базаръ удалился окончательно, объявляя себя «главой новой іерархіи».

Спустя нѣсколько дней ушли Леру, Карно, Жюль Лешевалье, ушли

---

20) *Not. hist.* IV, 109, 111, 117.

21) *Ib.* IV, 119—125. Перепечатано въ приложеніи къ I-му тому *Doctrine de S.-Simon.* 3 ed. P. 1831.

22) Напечатано въ *Not. hist.* IV, 127—134 и въ приложеніи къ *Oeuvres de S.-S.*, въ изданіи Родрига.

даже самые пламенные энтузіасты, вродѣ Казо, Трансона, Рейно, и всѣ они, покидая церковь, бросали Анфантэну горькія и подчасъ жестокія укоризны въ скороспѣлости его ученія, въ деспотическихъ притязаніяхъ на чужую личную независимость, а Казо заявлялъ, что доктрина Анфантэна знаменуетъ всеобщее разложеніе въ политическомъ, гражданскомъ и нравственномъ порядкѣ. Рейно объяснялъ, что доктрина Анфантэна отнимаетъ у человѣка достоинство и совѣсть.

Анфантэнъ остался непоколебимъ и приступилъ къ организаціи новой іерархіи, провозглашая себя «отцомъ человѣчества». Родригъ немедленно именуетъ его «верховнымъ отцомъ» и готовъ отвѣчать всякому, кто можетъ сказать, будто сенъ-симонистская религія не тамъ, гдѣ онъ, Родригъ! Онъ произноситъ страстную рѣчь, безпрестанно восклицая: «я сенъ-симонистъ!» Онъ вспоминаетъ, наконецъ, объ іюльской революціи, восхваляетъ народъ и излагаетъ планъ «банка работниковъ» или «финансовой ассоціаціи сенъ-симонистовъ». «Верховный отецъ сенъ-симонистской религіи»—высшій распорядитель. И Анфантэнъ, дѣйствительно, обладалъ большими финансовыми талантами,—только теперь онъ поглощенъ мыслію о судьбѣ женщины. «Моя миссія спасти *преимущественно* женщинъ, потому что ихъ преимущественно я люблю и моя миссія въ моемъ сердцѣ» [23]).

Такъ пишетъ Анфантэнъ въ январѣ 1832 года. Въ январѣ и февралѣ онъ открыто проповѣдуетъ новую «мораль», отнюдь не примѣняя ея на практикѣ, въ ожиданіи новой женщины-жрицы, для которой послѣ удаленія Базара появилось рядомъ съ мѣстомъ Анфантэна свободное кресло. Въ теоріи доказывалась мораль будущаго, а на практикѣ рекомендовалось слѣдовать пока христіанской морали. Явится *женщина* и выскажется. Родригъ, недавно провозглашавшій Анфантэна «самымъ религіознымъ, самымъ нравственнымъ человѣкомъ своего времени, достойнымъ и истиннымъ послѣдователемъ Сенъ-Симона», не выдержалъ двойственности положенія и въ февралѣ 1832 года покинулъ «верховнаго отца». Появился его «манифестъ» къ сенъ-симонистамъ. Родригъ совершенно точно называлъ ученіе Анфантэна—«общеніе женъ», бралъ на себя, какъ «прямой ученикъ Сенъ-Симона», *всю* задачу учителя и призывалъ мужчинъ и женщинъ основать вмѣстѣ съ нимъ «союзъ мирныхъ работниковъ во имя *новаго христіанства*». И Родригъ, подобно Базару, подписывался подъ своимъ протестомъ «глава сенъ-симонистской религіи» [24]).

Слѣдовательно и Родригъ, и Базаръ одинаково характеризовали доктрину Анфантэна—*la communauté des femmes, la promiscuité* [25]). Являлось сразу

---

[23]) *Oeuvres*. XXVII, 207—8.

[24]) *N. hist.* V, 240. Перепечат. въ приложеніи къ *Oeuvres*, изд. Родрига.

[25]) Критика Базара на ученіе Анфантэна въ сборникѣ, носящемъ общее наз ie *Dissidents*, въ Bibliothèque d'Arsenal, Fond Enfantin 338. Здѣсь же протестъ Т нсона, перешедшаго въ фурьеризмъ, и очень рѣзкая критика притязаній Анфант а, подписанная *Toussaint de Bélgique*. Протестующее письмо Базара въ редакцію *Gl — Not. hist.* V, 243.

три главы новой религіи, — но двѣ не имѣли сплоченныхъ послѣдователей,—съ Анфантэномъ, уличаемымъ въ тяжкой безнравственности, оставалась довольно многочисленная «семья» и, несомнѣнно, онъ имѣлъ наибольшее фактическое право именовать себя «chef de la religion».

Легко представить, какой плодъ принесли всѣ эти событія для нравственнаго авторитета и общественнаго положенія сенъ-симонизма.

XII.

Чѣмъ ярче обнаруживался религіозный духъ сенъ-симонистскаго общества, тѣмъ, повидимому, выше поднималось имя Сенъ-Симона. Въ періодъ изданія *Производителя* Сенъ-Симонъ пока еще «одинъ изъ философовъ, *со* всею страстью увлеченныхъ общимъ благомъ». Такъ выражается Олэндъ Родригъ, авторъ статей о Сенъ-Симонѣ. Намѣреніе у «единственнаго ученика» было вполнѣ цѣлесообразное: познакомить общество съ личностью и особенно съ произведеніями учителя. Статьи наполнены обширными выдержками изъ брошюръ Сенъ-Симона, авторъ пытался представить путь его послѣдовательнаго философскаго развитія, дать точное опредѣленіе сенъ-симонистскимъ понятіямъ,—но статьи прервались обѣщаніемъ: Родригъ готовился пересмотрѣть всѣ работы, установившія сенъ-симонистскую доктрину,—когда онъ окончитъ пересмотръ, онъ познакомитъ съ результатами публику [26]).

Обѣщаніе оставалось не выполненнымъ ни въ какомъ смыслѣ,— т.-е. Родригъ не только не написалъ обѣщанныхъ статей, но до конца изданія журнала не пересмотрѣлъ и сочиненій Сенъ-Симона. Онъ сосредоточился на *Новомъ христіанствѣ* и на возведеніи Анфантэна въ санъ «верховнаго отца». Есть извѣстіе, будто онъ сообщилъ ему изреченіе Сенъ-Симона: «соціальная личность—мужчина и женщина» [27]). Для Анфантэна это сообщеніе было цѣннѣе всей остальной философіи «учителя», страннымъ образомъ не оставившаго никакихъ отраженій столь краснорѣчивой идеи въ своихъ произведеніяхъ. Но пока издается *Производитель*, среди сенъ-симонистовъ еще нѣтъ религіозной экзальтаціи. Правда, Контъ, по обыкновенію, чрезвычайно рѣзко подчеркиваетъ идеи Сенъ-Симона о духовной власти, указываетъ, какъ глубоко знала человѣческую природу католическая философія, говоритъ о вѣрѣ, т.-е. о «наклонности вѣрить самопроизвольно» [28]), безъ предварительнаго доказательства, въ догматы, провозглашенные компетентнымъ авторитетомъ.

---

[26]) *Producteur*, I (апрѣль—іюль). *De Henri de Saint-Simon.*

[27]) Ср. Weill. 36.

[28]) *Spontanément*—излюбленнѣйшій терминъ контовской философіи—иногда имъ пестрятъ цѣлыя страницы. Онъ соотвѣтствуетъ понятію — *органическій*, встрѣчаясь часто рядомъ съ нимъ (*Syst. de pol. posit.* I, 205) — характеризуетъ вообще отсутствіе *раціональнаго*, разсудочнаго, предумышленнаго элемента въ дѣйствіяхъ. Терминъ появляется въ позднѣйшихъ сочиненіяхъ Конта, взамѣнъ сенъ-симоновскаго

Контъ настаиваетъ на догматизмѣ до такой степени, что рѣшается признать «очень почетнымъ и даже необходимымъ» политическое вліяніе ретроградной школы: она, съ одной стороны, предохраняетъ общество отъ безусловнаго преобладанія критическихъ доктринъ, а потомъ побуждаетъ новую цивилизацію создать, наконецъ, надлежащую нравственную систему. Естественно, съ похвалой припоминается Деместръ. Контъ спѣшитъ оговориться, что возстановленіе старой системы немыслимо. Деместръ почтенъ только *исторически*, т.-е. онъ помогаетъ оцѣнить «необъятныя благодѣянія», оказанныя человѣчеству старой системой. Но, съ другой стороны, реакціонные мыслители укрѣпляютъ общій предразсудокъ противъ духовной власти—именно своей защитой отжившей системы [29]).

Какъ разобраться въ этихъ разсужденіяхъ? Съ одной стороны, польза для духовной власти, съ другой,—вредъ; съ одной стороны, охрана отъ господства критики, съ другой,—помѣха системѣ. Контъ, видимо, чувствовалъ себя въ безпомощномъ положеніи на страницахъ *Производителя*. Недаромъ онъ называлъ его «très vicieux» и свои статьи считалъ «дурно обставленными» [30]). Дѣйствительно, пока стремительность Конта по направленію къ католической организаціи не раздѣляется сенъ-симонистской школой [31]).

Контъ, слѣдовательно, опередилъ Анфантэна въ *публичномъ* признаніи церковныхъ тенденцій и, несомнѣнно, въ лицѣ его была уже готова та «нравственная сила, правильно организованная», которая обязана внушать каждому «энергію» во имя признаннаго догмата,—одинъ изъ «истолкователей, возникающихъ стихійно», однимъ словомъ—*органъ* для выполненія религіозныхъ *функцій* [32]).

Фактъ—достойный вниманія. Въ средѣ только что возникшей философско-соціальной школы два человѣка почувствовали себя призванными на пророческое поприще въ самомъ прямомъ—*іерархическомъ*—смыслѣ. Мы видѣли, и Сенъ-Симонъ не отказывался признать за собой «божественную миссію», но это было высшимъ выраженіемъ убѣжденія въ своемъ *умѣ*, а не вѣры въ свою *личность*. Напротивъ, врядъ ли какому философу такъ часто приходила охота исповѣдовать публично свою несостоя-

---

la force de la nature и *spontanéité*, какъ характерная черта исторической эволюціи, становится типичнымъ выраженіемъ въ контовской школѣ. Пьеръ Лафиттъ даже считаетъ особеннымъ завоеваніемъ контовскаго ума это представленіе, отрицаетъ его у Кондорсе и кстати у Тюрго,—совершенно, какъ мы знаемъ, несправедливо ставя рядомъ этихъ философовъ. *R. Occid*—1 juillet 82. 27.

29) *Syst. de pol. pos.* IV. *App.* 197—8, 207.

30) *Lettres à Valat.* 189—90.

31) Контъ уже въ 1826 году считалъ достойной подражанія организацію католической церкви — *quant à l'étendue et à l'intensité d'action*, — разумѣется, на основахъ другой „вѣры". *Ib.* 193.

32) Ib. 205, 207 rem.: „des interprètes, qui se produisent spontanément", Анфантэнъ одному изъ своихъ корреспондентовъ особенно указывалъ на статьи Конта ... и находилъ ихъ „dure à digérer pour le vulgaire". *Oeuvres.* XXIV, 76.

тельность и приглашать къ себѣ помощниковъ, какъ Сенъ-Симону, при всѣхъ его «видѣніяхъ» и даже бесѣдахъ съ Карломъ Великимъ. Тамъ говорила экзальтированная, патетическая натура,—Анфантэнъ и Контъ усвоивали идею *позитивнымъ* путемъ, можно сказать, политическимъ и полемическимъ. И такъ какъ самая идея стояла въ естественномъ противорѣчіи съ позитивнымъ характеромъ новой философіи, Сенъ-Симонъ, вполнѣ послѣдовательно, долженъ былъ потерпѣть жесточайшіе удары своей личности и своему дѣлу — отъ обоихъ первосвященниковъ, несмотря на несходное ихъ личное отношеніе къ нему.

Въ то время когда Контъ съ годами накоплялъ все болѣе глубокую ненависть противъ Сенъ-Симона, редакторы *Производителя* проникались все болѣе горячими восторгами къ своему учителю.

Анфантэнъ сравнительно хладнокровно говоритъ о немъ въ письмахъ, хотя и съ глубокимъ уваженіемъ,—зато публично сенъ-симонисты не щадятъ никакихъ эпитетовъ. Начавъ излагать свое ученіе въ лекціяхъ, они заявили свое неограниченное преклоненіе предъ Сенъ-Симономъ, поставили его рядомъ съ Сократомъ, провозгласили его жизнь идеаломъ: она полна жертвъ, униженій и въ то же время невозмутимаго спокойствія даже предъ лицомъ смерти [33]). Въ отвѣтъ на нападки враговъ они напечатали біографію своего учителя и объяснили общій смыслъ его философской дѣятельности.

Враги припоминали мало назидательную жизнь Сенъ-Симона и по ней желали произнести приговоръ доктринѣ. Сенъ-симонисты отвѣчали указаніемъ, что жизнь ихъ учителя—истинная эмблема его ученія, потому что она—*эмблема совершенствованія,* и сенъ-симонисты восклицали: «человѣчество! Сенъ-Симонъ—святой въ твоихъ глазахъ». Дальше излагалось его ученіе—въ очень общихъ чертахъ и больше всего мѣста отводилось восторгамъ предъ религіознымъ пророческимъ подвигомъ Сенъ-Симона,—предъ *Новымъ христіанствомъ,* «философъ науки, законодатель промышленности»—явился «пророкомъ закона любви».

Почти вся довольно длинная статья состоитъ изъ восклицаній и молитвенныхъ обращеній, — и до конца оставалось неизвѣстнымъ, въ чемъ заключалась «философія науки» у Сенъ-Симона, каковы были его законы для промышленности, и какая связь между философіей, законодательствомъ и *новымъ христіанствомъ* [34])? Было ясно одно: ученики въ безграничномъ восторгѣ предъ своимъ учителемъ, — но какой же *сектѣ* не свойственны восторги и для кого они могутъ быть убѣдительны?

Но на этомъ восторги не остановились. Послѣ *Изложенія доктрины* послѣдовали проповѣди, возникла іерархія—сначала «отецъ» и «глава» въ двухъ лицахъ, а потомъ одинъ *Père suprême,* температура чувства подня-

---

[33]) *Doctrine de Saint-Simon. Première année.* P. 1831, 32—3.

[34]) *A un catholique sur la vie et le caractère de Saint-Simon, Organisateur,* 19 mai 1830. Перепеч. въ *Doctrine. Ib.* 59—76.

лась въ ущербъ логикѣ, и Сенъ-Симонъ—соотвѣтственно іерархическимъ представленіямъ—украсился новыми цвѣтами краснорѣчія [35]). «Божественнымъ человѣкомъ» его называли вскорѣ послѣ возникновенія іерархіи,—теперь онъ окончательно превращается въ идеалъ, его жизнь—въ священный символъ, всякая черта его біографіи изображается самыми пышными красками—«славное нищенство», «возвышенныя уклоненія» въ поискахъ за истиной, «одинокое откровеніе». Это одиночество — удобный предлогъ прославлять братьевъ Родриговъ, Оланда—«наслѣдниковъ обѣтованія», «связь новаго общества съ Сенъ-Симономъ», Евгеній — первый, пока единственный, кого «новое человѣчество провозгласило святымъ устами нашихъ отцовъ» [36]).

Особенно картинно Родригъ рисуетъ успѣхи новой религіи, взирая на многочисленное собраніе слушателей сенъ-симонистскихъ бесѣдъ. Другіе думаютъ также: имя Сенъ-Симона становится великимъ среди людей. Во время собраній безпрестанно слышатся восторженныя восклицанія въ честь «учителя», создавшаго «новый міръ, новое человѣчество» [37]).

Но у Сенъ-Симона имѣется сильный конкурентъ. По уходѣ Базара, Анфантэнъ является «верховнымъ отцомъ» и предметомъ настоящаго культа для нѣкоторыхъ особенно очарованныхъ энтузіастовъ. Одинъ изъ проповѣдниковъ публично обращается къ нему съ такими словами: «я васъ обожаю, какъ высшее проявленіе Божества въ человѣчествѣ» [38]). На него съ Сенъ-Симона переносится наименованіе *Révélateur*. Гюставъ Эйхталь, послѣ *откровенія*, его осѣнившаго, умоляетъ Анфантэна, чтобъ онъ объявилъ себя Мессіей и царемъ народовъ. Анфантэнъ, пока не явилась *женщина*, не рѣшается этого сдѣлать, но онъ дѣйствительно чувствуетъ себя первымъ на лѣстницѣ человѣческихъ существъ [39]).

И Анфантэнъ на самомъ дѣлѣ былъ названъ публично «мессіей и царемъ народовъ». Сенъ-Симонъ отходилъ въ тѣнь,—и Эйхталь говорилъ о немъ, какъ объ ошибочно-предполагавшемся мессіи.

При такихъ условіяхъ нечего было ждать вниманія къ личнымъ идеямъ Сенъ-Симона и историческаго изученія его философіи и жизни. Въ идеяхъ его не было нужды,—Анфантэнъ развилъ теорію «живого закона». Это—

---

[35]) *Exposition de la doctrine*, редактируемое Базаромъ, началось 17 декабря 1828 года, продолжалось весь слѣдующій годъ и начало 1830-го. Съ преобразованіемъ школы въ религію — открылись *Prédications* и продолжались до первыхъ мѣсяцевъ 1832 года, отражая внутреннія перемѣны въ іерархіи все болѣе горячимъ подъемомъ религіозной экзальтаціи.

[36]) *Prédications*. P. 1877—8. I, 33, 69, 492—7; II, 196, 391, 204 etc.

[37]) *Not. hist.* III, 162, 181, 225; IV, 140; V, 168 etc.

[38]) *Ib.* V, 19.—Барро, одинъ изъ самыхъ блестящихъ ораторовъ секты, литераторъ, вызывавшій въ аудиторіи припадки энтузіазма. Ср. *N. hist.* III, 230.

[39]) *Ib.* VI, 184. Эпизодъ съ Эйхталемъ, безусловно искреннимъ и настолько незаурядным, что съ нимъ переписывался о сенъ-симонизмѣ и Милль, эпизодъ—одинъ изъ характернѣйшихъ въ исторіи религіознаго сенъ-симонизма. Подробно—съ примѣчаніями Анфантэна—VI, 184—197.

единичный человѣкъ, влекущій за собой человѣчество въ данную эпоху [46]). Не могло быть сомнѣнія, что этотъ *loi vivante* воплощенъ въ Анфантэнѣ,—и воплощеніе всегда было налицо,—и, по мнѣнію Родрига, сила его слова равнялась нагорной проповѣди. А сочиненія Сенъ-Симона были почти недоступны,—многія даже не напечатаны. Кому могла придти охота вести борьбу съ этимъ хаосомъ?

Охота пришла Родригу. Онъ слышалъ кругомъ, какъ нападавшіе на Анфантэна жаловались на вновь наставшее для нихъ безпріютное нравственное состояніе, какъ нѣкоторые намѣревались создать свою доктрину или найти новую. Самъ Родригъ не могъ не чувствовать себя глубоко оскорбленнымъ въ качествѣ обладателя наслѣдія. Ему оставалось только выдвинуть авторитетъ Сенъ-Симона противъ узурпатора, и онъ рѣшаетъ издать сочиненія учителя. Опубликовать *всѣ* сочиненія онъ признаетъ своей *миссіей,* такъ онъ говоритъ въ обращеніи къ публикѣ, и, очевидно, на свое предпріятіе смотритъ, какъ на орудіе борьбы противъ Анфантэна и Базара—противъ базаровскаго индивидуализма и оріенталистическихъ доктринъ безсмысленнаго обожанія и чувственной пошлости, ослѣпляющихъ анфантэнистовъ. «Мнѣ,—восклицалъ Родригъ, — вдохнуть энтузіазмъ сенъ-симонистскимъ апостоламъ» [47]).

Задача Родригу предстояла нелегкая. Что же онъ сдѣлалъ и въ какомъ состояніи оставилъ эту задачу для позднѣйшихъ издателей сочиненій Сенъ-Симона?

Врядъ ли можно указать писателя съ такой безпорядочностью публиковавшаго свои труды и чьи-либо труды, пережившіе и переживающіе до нашихъ дней такую печальную судьбу, какъ Сенъ-Симона и его произведенія. Въ то время, когда онъ страстно хлопочетъ о созданіи новой доктрины, считаетъ себя призваннымъ иниціаторомъ этого исторически-необходимаго дѣла, усиленно старается познакомить съ своими идеями ученыхъ,—онъ нисколько не заботится объ ихъ распространеніи въ большой публикѣ. Эта публика будто не существуетъ, философъ относится къ ней съ пренебреженіемъ, вызвавшимъ неудовольствіе у Тьерри даже въ самомъ началѣ его знакомства съ «учителемъ». Первое сочиненіе Сенъ-Симона—*Lettres d'un habitant de Génève,* въ высшей степени важное въ исторіи его идей,—считаемое даже, какъ мы видѣли, въ кругу сенъ-симонистовъ за первоисточникъ философіи Конта,—забывается авторомъ немедленно послѣ изданія и объ его существованіи даже «ближайшіе друзья» Сенъ Симона узнаютъ лишь нѣсколько лѣтъ спустя послѣ его смерти [48]).

---

[46]) *Oeuvres.* XIV, 103, 110.

[47]) *Préface* къ 1-му выпуску *Oeuvres de S.-S.* Перепеч. въ *N. hist* VI, 41. „En ce moment l'orientalisme et les doctrines d'adoration stupide et de lâcheté sensuelle avaient englouti tous les *Enfantinistes.* Ceux qui se sont séparés avec Bazard sont retournés à ces travaux individuels".

[48]) Hubbart. 38. Fournel. 12. *Нѣсколько мѣтъ*—у Гюббара, по словамъ Родрига *Нашли* „были найдены" въ концѣ 1826 г., т-е. приблизительно чрезъ полтора года послѣ смерти Сенъ-Симона. *Oeuvres.* XV, 7—8.

А между тѣмъ сочиненіе надолго остается единственнымъ *изданнымъ*,—хотя въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ и безъ имени автора [43]).

Послѣ *Писемъ* слѣдовалъ *Introduction aux travaux scientifiques du XIX siècle*—въ двухъ томахъ, выпущенныхъ въ 1808 году въ *сто* экземплярахъ для раздачи членамъ института. Сочиненіе оставалось въ такомъ положеніи до *1859* года, когда сенъ-симонистъ Лемоннье перепечаталъ его въ *Oeuvres choisies*. *Введеніе*, представленное въ *Бюро долготъ*, встрѣтило крайне холодный пріемъ, и Сенъ-Симонъ послалъ шесть писемъ въ это учрежденіе и одно въ первый классъ института. Эти *Lettres au Bureau des longitudes* были напечатаны,—но до сихъ поръ не вошли ни въ одно собраніе сочиненій Сенъ-Симона.

Въ 1810 году выходитъ *Esquise d'une nouvelle encyclopédie* и до такой степени основательно затеривается, что слѣдъ его едва отыскиваютъ издатели *сочиненій Сенъ-Симона и Анфантэна* въ 1867 году,—когда сочиненіе впервые и перепечатывается.

Непосредственно слѣдуетъ *Nouvelle Encyclopédie*—въ ней всего 28 страницъ: только въ 1868 году издатели *Oeuvres* находятъ нужнымъ перепечатать отрывокъ размѣромъ около страницы.

Фурнелю была извѣстна еще рукопись *Mémoire sur l'Encyclopédie*, ее онъ относитъ также къ 1810 году,—рукопись осталась не напечатанной и не найденной.

Фурнель не упоминаетъ вовсе о *Histoire de l'homme*,—57 страницъ, напечатанныхъ также въ 1810 году, изъ нихъ перепечатано только *Avertissement* въ 1868 году въ *Oeuvres*.

Дальше слѣдуетъ рукопись, относящаяся къ дѣлу Сенъ-Симона съ Редерномъ. Она возникла въ 1811 году, содержаніе ея существенно въ философіи Сенъ-Симона,—и только въ 1867 году издатели *Oeuvres* покупаютъ случайно часть рукописи и перепечатываютъ. Въ томъ же 1811 году возникаютъ *Lettres philosophiques et sentimentales*, содержащія многія основныя положенія доктрины, и *Письма* остаются ненапечатанными. Въ распоряженіе позднѣйшихъ издателей попадаетъ только «lambeau du manuscrit».

Вообще вся переписка съ Редерномъ представляется въ хаотическомъ состояніи. Фурнелю, обладавшему многими рукописями Сенъ-Симона и по свѣжимъ слѣдамъ въ 1833 году напечатавшему *Библіографію* его произведеній,—извѣстенъ только *Mémoire introductif de M. de Saint-Simon sur la contestation avec M. de Redern*, напечатанный въ Алансонѣ въ 1822 году вмѣстѣ съ *нѣсколькими* письмами. Но уже Лемоннье знаетъ, кромѣ этой *Записки*, еще *три* печатныхъ документа, также вышедшихъ въ 1812 году въ Алансонѣ: 1) *Cinq lettres de Saint-Simon citées à la suite d'un mémoire de M. de Redern sur les anciennes relations avec*

---

[43]) Точная принадлежность *Писемъ* Сенъ-Симону была установлена въ 1863 году, когда нашелся экземпляръ съ собственноручнымъ письмомъ Сенъ-Симона къ Бонапарту, первому консулу,—перепечатано *Oeuvres*. XV, 8—9.

de Saint-Simon; 2) *Réponse de M. de Saint-Simon à M. de Redern, première lettre;* 3) *Réponse de M. de Saint-Simon à M. de Redern, seconde lettre.* Позднѣйшіе издатели изъ всѣхъ этихъ сочиненій перепечатали незначительную часть: изъ *Mémoire introductif* только общія разсужденія и притомъ съ пропусками; изъ *перваго письма* и второго перепечатаны—краткіе post-scriptum'ы, въ нѣсколько строкъ. Оба эти письма были выпущены въ апрѣлѣ 1812 года,—существовалъ еще *Отвѣтъ Сенъ-Симона* отъ 25 іюля того же года не разрѣшенный къ печати,—изъ него издатели *Oeuvres de Saint-Simon et d'Enfantin* перепечатали только *Avant-propos* [44]).

Слѣдуетъ 1813 годъ,—возникаетъ *Travail sur la gravitation universelle* и *Mémoire sur la science de l'homme. Travail* переписывается въ нѣсколькихъ копіяхъ для представленія императору, сенату, государственному совѣту и тремъ классамъ института,—точное количество копій неизвѣстно, *Mémoire* появляется въ 60 копіяхъ. Оба сочиненія первостепенной важности въ философіи Сенъ-Симона и въ исторіи позитивизма,—остаются не напечатанными до 1858 года, когда ихъ издаетъ Анфантэнъ. Издатель позволяетъ себѣ, по его выраженію, «нѣсколько легкихъ пропусковъ» въ увѣренности, что Сенъ-Симонъ сдѣлалъ бы ихъ самъ. Въ арсенальной библіотекѣ имѣется полная рукопись *Mémoire'a,* написанная рукой Анфантэна и его же рукой сдѣланы «пропуски». Ихъ никоимъ образомъ нельзя назвать «legères supressions», и позднѣйшій историкъ напрасно повѣрилъ заявленію «верховнаго отца» и пользовался *его* текстомъ [45]). Тенденцію Анфантэна онъ могъ видѣть изъ немногословнаго, но очень краснорѣчиваго примѣчанія къ одному мѣсту автобіографическихъ признаній Сенъ-Симона: въ этомъ мѣстѣ наука называется «истиннымъ источникомъ мудрости». Въ *Oeuvres* примѣчаніе, обращающее вниманіе на *damy* этого выраженія и заставляющее читателя сообразить, что Сенъ-Симонъ не всегда думалъ и не долженъ былъ думать такъ о наукѣ [46]). Въ этомъ направленіи и произведены «пропуски» въ *Mémoire'*ѣ. Въ *Oeuvres choisies* возстановлены сокращенныя мѣста и вездѣ оговорено возстановленіе за исключеніемъ одного мѣста. Въ одномъ пропущенномъ разсужденіи высказывается идея характерная для міровоззрѣнія Сенъ-Симона: въ вопросѣ о вѣрованіяхъ проводится рѣзкая черта между *учеными* и *толпой:* ученые

---

[44]) Издатель *Oeuvres choisies* и издатели *Oeuvres* различно указываютъ хронологію *отвѣтовъ:* Лемонье относитъ ихъ къ 12 или 18 апрѣля, издатели *Oeuvres* къ 12 и 18 августа. Послѣднее указаніе слѣдуетъ считать достовѣрнымъ, а первое—корректурнымъ недоразумѣніемъ. Въ *Oeuvres* напечатано письмо Сенъ-Симона къ Редерну отъ 20 іюня 1812 года; Сенъ-Симонъ заявляетъ, что онъ противъ воли дѣлаетъ зло Редерну,—онъ вынужденъ на это. Зло заключалось именно въ предположенномъ опубликованіи *Mémoire introductif,* на который Редернъ отвѣтилъ печатно 8 іюля,—25 іюня послѣдовалъ *отвѣтъ* Сенъ-Симона, запрещенный въ печати 28 того мѣсяца, и письма появились взамѣнъ запрещеннаго отвѣта,—слѣдовательно, въ августѣ.

[45]) Weill. 54.

[46]) *Oeuvres.* XV, 82.

изслѣдуютъ законы міросданія, а толпа должна вѣровать во всемогущее существо, управляющее міромъ и въ откровеніе; и ученымъ свои идеи приходится пріурочивать къ тому же источнику. Анфантэнъ и его послѣдователи, очевидно, не могли допустить противоположности между научнымъ изслѣдованіемъ и откровеніемъ, и откровеніе въ религіозномъ смыслѣ предоставить одной толпѣ—*le vulgaire:* анфантэнисты стремились собственную церковь построить на откровеніи, получаемомъ чрезъ «живой законъ» въ лицѣ новаго «Моисея» и «мессіи».

Сенъ-Симонъ, слѣдовательно, даже заднимъ числомъ обязанъ былъ приспособиться къ взглядамъ своихъ самозванныхъ послѣдователей [47]). Во имя тѣхъ же интересовъ произведены и остальныя исправленія сенъ-симоновскаго текста. Мы указывали пропускъ взгляда Сенъ-Симона на значеніе вѣры въ Бога одновременно съ изученіемъ законовъ природы [48]). Въ этомъ же мѣстѣ Анфантэномъ произведена перемѣна, не замѣченная издателемъ *Oeuvres choisies,* но очень краснорѣчивая. Текстъ Сенъ-Симона гласитъ: «La croyance à la révélation *a dû cesser,* dès le moment que les connaissances acquises se trouvant très en avant de celles des hommes qui ont parlé au nom de Dieu et que les erreurs contenues dans les écritures reputées divines ont été mises en évidence». Анфантэнъ вмѣсто словъ *a dû cesser* печатаетъ *a dû être altérée,*—не желая помириться съ *прекращеніемъ* откровенія, а только съ *измѣненіемъ* его. Дальше еще болѣе сильная уступка «теологическому» воззрѣнію. Сенъ-Симонъ, отдавая должное значеніе теологической системѣ въ эпоху ея установленія, видитъ необходимость усовершенствовать ее въ настоящее время «во всѣхъ отношеніяхъ»,—замѣнить *страхъ предъ адомъ* физіологическимъ доказательствомъ, что счастье отдѣльной личности возможно только при стремленіи ея къ общему благу. Слова *substituer à la crainte de l'enfer* вычеркнуты Анфантэномъ. Въ томъ же смыслѣ сдѣланы поправки въ разсужденіи Сенъ-Симона о «научной революціи», совершенной астрономическими открытіями. Анфантэнъ устранилъ сенъ-симоновскую оцѣнку ихъ, какъ фактовъ, подрывающихъ авторитетъ св. писанія [49]).

Въ результатѣ,—подлиннымъ текстомъ одного изъ важнѣйшихъ произведеній Сенъ-Симона публика могла пользоваться только съ 1859 года. Къ тому же времени, когда былъ написанъ *Mémoire sur la science de l'homme*, издатели *Oeuvres* относятъ отрывокъ *Mémoire sur l'Encyclopédie.* Названіе тождественное съ рукописью, отнесенной Фурнелемъ къ 1810 году Но Родригъ въ статьяхъ о Сенъ-Симонѣ въ *Производителѣ* всѣ

---

[47]) *Oeuvres.* XL, 53; *O. choisies.* II, 41. Здѣсь же рядомъ въ *Oeuvres choisies* ходится замѣна одного слова другимъ, совершенно искажающая смыслъ: Сенъ-монъ говоритъ: „dans les pensées les plus particulières du philosophe il y a de la généralité", *O. ch.*,—печатаютъ: „de la *générosité*", p. 42.

[48]) *Oeuvres.* 163; *O. choisies,* 125.

[49]) *Oeuvres.* 164—5, *O. ch.* 126. „Ce qui fait ranger par l'opinion les livres sa au nombre des romans",—*Oeuvres.* 192. *O. ch.* 149.

рукописи по энциклопедіи отнесъ къ 1813 году,—и изъ одной привелъ отрывокъ. Рукописи этой, также какъ и указанной Фурнелемъ, не нашлось, и издатели *Oeuvres* ограничились перепечаткой выдержки въ статьѣ Родрига,—только по догадкѣ пріурочивъ ее къ 1813 г. Очевидно, у Сенъ-Симона существовало много «записокъ» и «плановъ» энциклопедіи, опубликовалъ онъ *два* отрывка, оба въ 1810 году, остальные исчезли безслѣдно, хотя имѣли непосредственное отношеніе къ основанію новой «общей науки».

Первое сочиненіе Сенъ-Симона, имѣвшее обычную судьбу литературнаго изданія, *De la réorganisation de la science européenne*. Брошюра въ 112 страницъ была напечатана въ достаточномъ количествѣ экземпляровъ, распространилась въ публикѣ и имѣла успѣхъ. Но она принадлежала не одному Сенъ-Симону, на ней стояло также имя Тьерри, и, мы видѣли, молодому писателю принадлежало едва ли не большинство идей. Брошюрѣ посчастливилось и въ позднѣйшихъ изданіяхъ: ее перепечатали *Oeuvres* и *Oeuvres choisies*. Она даже самимъ Сенъ-Симономъ была издана второй разъ,—въ ноябрѣ 1814 года, мѣсяцъ спустя послѣ перваго изданія [50]). Навсегда осталось утраченнымъ только письмо Сенъ-Симона къ Александру I, сопровождавшее брошюру. У Родрига была копія съ письма, сдѣланная самимъ Сенъ-Симономъ, Родригъ письмо не списалъ и не перепечаталъ, а подарилъ его двумъ дамамъ, матери и дочери, за внимательное попеченіе объ одномъ изъ сенъ-симонистовъ передъ смертью [51]).

Въ томъ же 1814 г. въ концѣ ноября или въ началѣ декабря Сенъ-Симонъ послалъ письмо редакторамъ *Цензора*—Конту и Дюнуайе. *Sur l'établissement du parti de l'opposition*. Оно появилось въ журналѣ въ январѣ слѣдующаго года [52]). Письмо любопытно, какъ первая вполнѣ публицистическая статья философа,—оно не нашло мѣста ни въ одномъ изданіи его сочиненій. Въ *Oeuvres* напечатано только обращеніе къ редакторамъ. Сенъ-Симонъ, очевидно, придавалъ письму значеніе,—онъ выпустилъ его отдѣльной брошюрой.

Въ томъ же журналѣ и въ 1815 году появилась другая статья Сенъ-Симона, какъ продолженіе первой—*Projet d'une association des propriétaires de domaines nationaux* [53]). Фурнелю осталась неизвѣстной эта статья и не была перепечатана ни однимъ изданіемъ.

Въ февралѣ 1815 года появилась брошюра въ 4 страницы *Prospectus d'un ouvrage ayant pour titre: Le Défenseur des propriétaires de domaines nationaux ou Rercherches sur les causes du discrédit dans lequel sont tombées les propriétés nationales et sur les moyens d'élever ces propriétés à la même valeur que les propriétés patrimoniales*. Сенъ-Симонъ видимо заканчивалъ обширное историко-экономическое и политическое изслѣдова-

---

[50]) Таковы свѣдѣнія библіогр. замѣтки въ *O. choisies*. III, 384.

[51]) *Oeuvres*. XVIII, 5—6.

[52]) *Censeur*. 1815, III, 334—356.

[53]) *Censeur*. 1815, IV, 10—31.

ніе, такъ какъ авторами его значились, помимо самого Сенъ-Симона, еще «d'autres gens de lettres». *Prospectus* остался не перепечатаннымъ, и мы имѣемъ только изложеніе его съ довольно пространными выдержками въ *Цензорѣ*. Можно думать,—журналъ, за самыми незначительными пропусками, перепечаталъ всю брошюру. Фурнель и *Oeuvres* даютъ планъ и условія подписки [54]).

Въ мартѣ того же 1815 года Сенъ-Симонъ напечаталъ въ 200 экземплярахъ брошюру въ 8 страницъ—*Profession de foi des auteurs de l'ouvrage annoncé sous le titre de Defenseur de propriétaires de domaines nationaux, de la charte et des idées libérales, au sujet de l'invasion du territoire français par Napoléon Bonaparte*. Брошюра осталась не перепечатанной.

Въ томъ же мартѣ Сенъ-Симонъ выпустилъ брошюру въ 4 страницы—*Profession de foi de comte de Saint-Simon au sujet de l'invasion du territoire français par Napoléon Bonaparte*. Она перепечатана въ *Oeuvres choisies*.

Въ маѣ того же года Сенъ-Симонъ вмѣстѣ съ Тьерри напечаталъ брошюру въ 47 страницъ—*Opinion sur les mésures à prendre contre la coalition de 1815*. Перепечатана въ *Oeuvres choisies*.

Въ августѣ 1816 года вышла брошюра въ 14 страницъ *Quelques idées soumises par M. de Saint-Simon à l'assemblée générale de la société d'instruction primaire*. Брошюра осталась не перепечатанной.

Въ томъ же году вышло объявленіе о *первомъ* томѣ сборника *L'Industrie scientifique liguée avec l'Industrie commerciale et manufacturière ou Opinions sur les finances, la politique, la morale et la philosophie, dans l'intérêt de tous les hommes livrés à des travaux utiles et indépendants*.

Первый томъ состоялъ изъ трехъ частей,—первая спеціальная о финансахъ,—Сентъ-Обэна, «ancien membre de Tribunat»,—вышла въ декабрѣ 1816 года, вторая «политическая»—въ январѣ 1817 года, принадлежала Тьерри; третья, также о финансахъ, безъ имени автора—въ февралѣ. Обѣ части о финансахъ остались не перепечатанными [55]).

Въ апрѣлѣ того же года Сенъ-Симонъ выпустилъ отдѣльнымъ изданіемъ въ 2 страницы: *Prospectus. L'Industrie, ou Discussions politiques, morales et philosophiques, dans l'intérêt de tout les hommes livrés à des travaux utiles et indépendants*, эпиграфъ: *Tout par l'industrie, tout pour elle*. *Цензоръ* перепечаталъ *Prospectus* и *Oeuvres* также. Послѣдовало полное изданіе *перваго тома* съ точной перепечаткой всѣхъ трехъ частей.

Второй томъ *Индустріи* появился также въ 1817 году. Онъ состоитъ изъ 341 страницы, изъ нихъ издатели *Oeuvres* приписываютъ Сенъ-Симону 105 страницъ, заключающія, помимо вступленія—*Déclaration de*

---

[54]) *Іb.* 152—364. *Oeuvres*. XVIII, 8.

[55]) Фурнель и 1-ю ч. I-го тома относитъ къ 1817 году, когда вышло—сие ее общее изданіе всѣхъ частей, составлявшихъ I томъ.

principes и *Objet de l'entreprise*—*Письма къ американцу* [56]). Дальше слѣдовали разныя извлеченія изъ чужихъ произведеній по финансовымъ вопросамъ, довольно обширный обзоръ Шапталя *Des progrès de l'Industrie agricole et manufacturière en France depuis trente ans.* (157—284), потомъ разсужденіе безъ имени автора *Les trois époques ou considérations sur l'état de la France depuis 1787* [57]). Разсужденію предшествуютъ *Considérations préliminaires,* а въ концѣ *Conclusion,* и то и другое изданіями *Oeuvres* приписано Сенъ-Симону и перепечатано вмѣстѣ съ *Lettres à un Américain.*

Въ томъ же 1817 году Сенъ-Симонъ напечаталъ 4 циркуляра къ 4 тетрадямъ III-го тома *Индустріи.* Первый циркуляръ 3 страницы, перепечатано въ *Oeuvres* только *P. S.,* изъ 2-го перепечатанъ списокъ подписчиковъ; два послѣднихъ не указаны,—хотя они извѣстны Фурнелю и издателю *Oeuvres choisies,* но *Oeuvres* упоминаетъ о *письмѣ,* извѣстномъ только ихъ издателямъ и носившемъ тоже названіе 2-го циркуляра. Письмо было адресовано къ ученымъ перваго класса института и воспроизводило списокъ подписчиковъ.

Отъ того же 1817 года издателю *Oeuvres choisies* извѣстно письмо—*Saint-Simon à Chateau brillant,* т.-е. Chateaubriand. О немъ не говоритъ Фурнель, хотя издатель знаетъ письмо по собранію Фурнеля, не упоминаютъ и издатели *Oeuvres,* хотя письмо находится въ рукописи въ анфантэновской залѣ Арсенальной библіотеки, помѣченное, какъ указываетъ Лемонье, 17 іюня 1817 года.

Начиная съ сентября 1817 года по октябрь включительно вышли четыре тетради III-го тома *Индустріи.* Мы указывали,—издателю *Oeuvres* приписываютъ редакціи Конта три первыхъ тетради,—и перепечатываютъ *четвертую,* ошибочно называя ее на заглавномъ листѣ II-й томъ.

Въ октябрѣ того же года вышло 19 страницъ *L'Industrie, première partie, premier cahier.* Фурнель приписываетъ редакцію этой тетради также Конту, издатели *Oeuvres*—Сенъ-Симону, издатель *Oeuvres choisies* вовсе не знаетъ этой тетради, не упоминаетъ о ней ни въ своемъ *Notice bibliographique,* ни въ *Supplément* къ нему, хотя указаніе могъ бы заимствовать у Фурнеля. Въ *Oeuvres* эти 19 страницъ перепечатаны подъ заглавіемъ *Первая часть,* разумѣется IV-го тома. Вторую часть составляетъ перепечатка—*L'Industrie, t. IV, premier cahier,* 160 страницъ, вышед-

---

[56]) Дюнуайе заявлялъ, что эти письма—произведеніе молодого профессора философіи Мэньена—утвержденіе, ни на чемъ не основанное и опровергаемое *автобіографическимъ* содержаніемъ нѣкоторыхъ писемъ. Въ крайнемъ случаѣ Мэньенъ могъ развѣ проредактировать форму писемъ, представляющихъ чужія впечатлѣнія и выводы на основаніи этихъ впечатлѣній. *Oeuvres de Charles Dunoyer.* P. 1870. II, 184.

[57]) Въ *Oeuvres* говорится о подписи подъ *Les trois époques*—M***,—въ нашемъ экземплярѣ въ текстѣ нѣтъ никакой подписи и II т. *Индустріи* не выходилъ вторымъ изданіемъ.

шихъ въ концѣ мая 1818 года или въ началѣ іюня. Эта часть носитъ еще другое пространное заглавіе, резюмирующее содержаніе всей тетради [88]).

Этой тетради предшествовало письмо Сенъ-Симона къ редактору *Journal général de France,* перепечатанное Родригомъ и въ *Oeuvres.*

Непосредственно послѣ *L'Industrie* въ *Oeuvres* напечатанъ отрывокъ—*Naissance du christianisme.* Издатели его относятъ къ 1818 или 1819 году, Гюббаръ напечаталъ его въ 1857 году какъ «дополненіе» къ *Opinions littéraires, philosophiques et industrielles,* возникшимъ въ 1824 году или въ 1825 году, по указанію Фурнеля, Лемоннье и издателей *Oeuvres.* Издатели ничѣмъ не мотивируютъ свое пріурочиванье отрывка къ болѣе раннему времени. Онъ не противорѣчитъ общему направленію идей Сенъ-Симона въ періодъ 1819—1821 годовъ и, мы видѣли, подтверждается сопоставленіемъ ихъ со взглядами Конта за это время. *Naissance du christianisme* извѣстенъ только черезъ Гюббара. Лемоннье, перепечатывая *Opinions*, не далъ среди нихъ мѣста *Naissance.*

Въ 1819 году Сенъ-Симонъ предпринялъ изданіе *Le Politique ou Essais sur la politique qui convient aux hommes du XIX siècle,* par une société de gens de lettres. Въ январѣ появился «первый выпускъ» въ XVII страницъ,—въ *Oeuvres* перепечатано только *Введеніе.* До апрѣля 1819 года Сенъ-Симонъ напечаталъ 12 выпусковъ. Сенъ-Симонъ не выполнилъ опубликованной программы, задуманной очень систематично. Онъ обѣщалъ дать *шесть* опытовъ: объяснить мотивы изданія, изложить свой политическій принципъ, намѣтить путь издательскихъ работъ, высказать мнѣніе о пользѣ королевской власти въ соціальной организаціи, о планѣ внѣшней политики Франціи, и, наконецъ, изслѣдованіе политическаго вопроса съ высшей точки зрѣнія, т.-е. что политика изъ гадательной должна стать позитивной наукой, и отъ этого усовершенствованія политики зависитъ прекращеніе современнаго соціальнаго кризиса. Изъ этихъ предположенныхъ «опытовъ», имѣвшихъ составить *Введеніе*, явилось только два. Потомъ самый журналъ Сенъ-Симонъ предположилъ разбить на четыре части: чистую политику, литературную, научную и смѣсь. Съ пятаго выпуска это раздѣленіе прекратилось. Мы знаемъ, Контъ принималъ дѣятельное участіе въ изданіи, и самому Сенъ-Симону принадлежали сравнительно немногія страницы. Онъ ихъ выпустилъ въ апрѣлѣ 1819 г. отдѣльными изданіями—*Le parti national ou industriel comparé au parti anti-national* и *Sur la querelle des abeilles et der frelons ou sur la situation respective des producteurs et des*

---

[88]) „Moyen constitutionnel d'augmenter les richesses de la France; d'accroître sa liberté au dedans; d'assurer son indépendance à l'égard de l'étranger, et de procurer aux industriels tous les avantages politiques qu'ils peuvent désirer. Moyen d'obtenir une loi qui mettra les industriels agricoles, à l'égard de leurs bailleurs de fonds, dans la même position que les industriels fabricants et commerçants, envers les personnes à qui ils font valoir les capitaux". Въ изданіи Родрига надъ всѣмъ заглавіемъ прибавлено еще—*Vues sur la propriété et la législation.*

consommateurs non producteurs. У Гюббара перепечатанъ еще отрывокъ подъ заглавіемъ — *Conditions nécessaires pour l'établissement solide de la liberté en France* — но отнесенъ къ 1818 году, хотя у Фурнеля вполнѣ точно указано время изданія *Политика*.

Въ маѣ, немедленно послѣ прекращенія *Политика*, Сенъ-Симонъ напечаталъ безъ подписки брошюру въ 10 страницъ—по поводу частнаго современнаго политическаго вопроса — *Considérations relatives à une pétition pour demander l'addition d'un article à la loi des finances*. Указаніе дано только издателями *Oeuvres*, и брошюра осталась неперепечатанной. Въ августѣ Сенъ-Симонъ выпустилъ *Prospectus* другого полуперіодическаго изданія *L'Organisateur*, напечаталъ его въ нѣсколькихъ періодическихъ изданіяхъ—не въ одной и той же формѣ. *Oeuvres* перепечатываютъ: *Prospectus* изъ *Минервы* и относительно самаго изданія оговариваются: «*Организаторъ*—изданіе, которое, можетъ быть, труднѣе всего среди другихъ изданій Сенъ-Симона собрать полностью, благодаря безпорядку, въ какомъ слѣдовали выпуски». Фурнелю извѣстенъ *Prospectus*.

Сенъ-Симонъ, дѣйствительно, оригинально выполнилъ свое новое предпріятіе,—началъ выпускать изданіе «извлеченіями» изъ незаконченныхъ статей. Первыя «извлеченія» вышли въ ноябрѣ 1819 года, вскорѣ вышло *второе* изданіе, дополненное «двумя важными письмами», въ декабрѣ *третье*, дополненное *Очеркомъ новой политической системы*.

Въ 1820 году вышелъ «второй выпускъ», гдѣ обѣщано въ теченіе *нѣсколькихъ дней* второе изданіе,—и оно вышло съ значительными дополненіями. На этомъ и закончилось изданіе—опять вопреки обѣщаніямъ издателя, объявившаго намѣреніе издавать *ежемѣсячно* по выпуску и къ концу года составить *три* тома. *Oeuvres* перепечатали всѣ изданія со всѣми дополненіями,—первое извлеченіе состояло изъ *Параболы*, перепечатывавшейся многократно и раньше и позже.

Парабола навлекла на автора процессъ, состоявшійся 20 марта. Къ этому сроку Сенъ-Симонъ напечаталъ *Lettres à M. M. les jurés:* они перепечатаны въ *Oeuvres choisies*.

Послѣ процесса Сенъ-Симонъ выпустилъ *Circulaire relative à l'Organisateur* въ три страницы. Объясняя недостаточность личныхъ средствъ, Сенъ-Симонъ приглашалъ всѣхъ, кто чувствуетъ себя призваннымъ основать философію XIX вѣка, *Позитивную политику*, — подписаться на изданіе на условіяхъ общаго участія въ его направленіи и содержаніи. Циркуляръ не принесъ плодовъ и остался неизвѣстнымъ Фурнелю. Въ извлеченіи онъ перепечатанъ въ *Oeuvres*. Въ маѣ Сенъ-Симонъ издалъ брошюру въ 27 страницъ—*Sur la loi des élections*—по поводу проекта избирательнаго закона, внесеннаго въ палату послѣ убійства герцога Беррійскаго. Законъ имѣлъ въ виду дать рѣшительное политическое преобладаніе крупной собственности надъ мелкой. Обсужденіе закона началось 15 мая, и это событіе Сенъ-Симонъ встрѣтилъ брошюрой. Она осталась неперепечатанной. Краткое содержаніе ея напоминаетъ Сенъ-Симонъ въ сочиненіи

Du système industriel,—мы имѣли подъ руками рукопись изъ Арсенальной библіотеки. Брошюра въ высшей степени характерна для оцѣнки соціальныхъ взглядовъ Сенъ-Симона въ раннюю эпоху ихъ развитія.

Затѣмъ слѣдовалъ рядъ брошюръ. Всѣ онѣ возникли въ періодъ съ іюня 1820 года по ноябрь 1821, и въ февралѣ 1821 года вышла сначала первая часть, т.-е. первый сборникъ напечатанныхъ отдѣльно брошюръ подъ заглавіемъ *Du système industriel* съ эпиграфомъ: «Dieu a dit: Aimez - vous et secourez - vous les uns les autres», съ предисловіемъ и со статьей *Adresse aux philanthropes,* которую одновременно авторъ издалъ отдѣльно.

Вторая часть—*Du système industriel*—составилась также изъ брошюръ, опубликованныхъ сначала каждая отдѣльно. Всѣ эти брошюры представляютъ обращенія Сенъ-Симона къ королю и къ представителямъ промышленности. У Фурнеля и въ *Oeuvres* подробно указано появленіе отдѣльныхъ брошюръ и сборниковъ. Въ *Oeuvres* перепечатаны *post-scriptum'ы* изъ брошюръ, не вошедшіе въ общія изданія, одно очень важное сопроводительное письмо и разныя примѣчанія. Издатели *Oeuvres* воспроизвели и обѣ первыя части *Du système industriel,* но опустили письмо *à Messieurs les ouvriers,* безусловно значительное въ развитіи соціальной мысли Сенъ-Симона. Неизвѣстно также, по какимъ соображеніямъ издатели *Oeuvres* не перепечатали *третьей* части *Du système industriel,*—изъ трехъ брошюръ, всего 45 страницъ; онѣ вышли въ 1822 году—отъ января до іюня или іюля включительно. Въ томъ же 1822 году, въ январѣ, Сенъ-Симонъ напечаталъ брошюру *Des Bourbons et des Stuarts,* въ 16 страницъ. Она осталась неперепечатанной, содержитъ въ себѣ на одну треть выдержку изъ *Réorganisation de la société Européenne* (chap. V, l. 1), въ *Oeuvres choisies* дали о ней краткую замѣтку, перепечатывая ея продолженіе—*Suite à la brochure «des Bourbons et des Stuarts»* [59]).

Въ апрѣлѣ вышло изданіе *Du contract social.* Здѣсь только предисловіе принадлежитъ Сенъ - Симону, остальное—сочиненіе Конта *Prospectus des travaux nécessaires pour réorganiser la société,*—впослѣдствіи—*Système de politique positive.* Изданіе состояло всего изъ 50 оттисковъ. Предисловіе Сенъ-Симона осталось неперепечатаннымъ, хотя и заслуживало этого по своему политическому и соціальному содержанію. Мы пользовались рукописью Арсенальной библіотеки.

Съ декабря 1823 года начали выходить тетради новаго сочиненія—*Catéchisme des industriels* [60]). Вторая тетрадь появилась въ мартѣ слѣдующаго года, третья въ апрѣлѣ—контовская *Система позитивной политики,* четвертая въ іюнѣ. Этотъ *Катехизисъ* былъ перепечатываемъ Родригомъ, Лемоннье и издателями *Oeuvres.* Значительныхъ варіантовъ между

---

[59]) Родригъ неправильно относитъ эти брошюры къ 1823 году; *Prod* IV, III.

[60]) У Фурнеля—болѣе точное указаніе: 23 декабря выходъ первой тетради

Oeuvres и *Oeuvres choisies* нѣтъ, но у Родрига недостаетъ цѣлой страницы изъ второй тетради и всей четвертой. Лемоннье также опустилъ третью, какъ не сенъ-симоновскую. Родригъ ко второй тетради прибавилъ *Appendices: Note sur les Etats-Unis; Sur Dunoyer et sur les autres publicistes modernes; Le libéralisme et industrialisme* [61]). Первое *Appéndice*—отрывокъ, напечатанный Гюббаромъ въ 1857 году, какъ третье извлеченіе изъ *Индустріи*, гдѣ такого текста вовсе нѣтъ. Послѣдніе два *Appendices* перепечатаны въ *Oeuvres* и опущены въ *Oeuvres choisies*. *Замѣтка о Соединенныхъ штатахъ* заслуживаетъ полнаго вниманія, она содержитъ одинъ изъ основныхъ параграфовъ соціальной программы Сенъ-Симона и по духу дѣйствительно примыкаетъ къ идеямъ *Индустріи* о перемѣнѣ политическаго положенія земледѣльческой движимой собственности.

Катехизисъ остался незаконченнымъ. Въ началѣ 1825 года вышелъ сборникъ *Opinions littéraires, philosophiques et industrielles*. Въ сборникѣ участвовали Леонъ Галеви, Родригъ, Дювержье, Бальи, Сенъ-Симону принадлежали двѣ статьи, обѣ перепечатаны въ *Oeuvres* и въ *Oeuvres choisies* [62]).

Наконецъ, въ мартѣ 1825 года Сенъ-Симонъ написалъ свое послѣднее произведеніе *Nouveau Christianisme*. Оно чаще всѣхъ другихъ перепечатывалось учениками Сенъ-Симона: въ январѣ 1832—Анфантэномъ, въ мартѣ того же года Родригомъ, позже Гюббаромъ, Лемоннье и въ *Oeuvres*.

Изъ нашего обзора выясняется доля труда каждаго изъ учениковъ Сенъ-Симона, желающихъ познакомить общество съ идеями учителя. Несомнѣнно,—главная отвѣтственность должна падать на Родрига, съ особенной настойчивостью объявлявшаго себя единственнымъ непосредственнымъ ученикомъ Сенъ-Симона. И онъ, повидимому, сознавалъ значеніе своей миссіи, какъ распространителя произведеній своего учителя. Но выполненіе осталось далеко позади сознанія.

Родригъ умеръ 17 декабря 1851 года, а началъ издавать сочиненія

---

[61]) *Oeuvres* XXXVII, 144. *Oeuvres* въ изд. Родрига, 1 вып, 164.

[62]) У Janet (*O. c.*) два мнѣнія насчетъ участія Сенъ-Симона въ *Opinions*, стр. 12: „*Les Opinions* où rien n'est de sa main"; стр. 171; „la moitié au moins est de Saint-Simon". Здѣсь же авторъ смѣшиваетъ *Oeuvres* и *Oeuvres choisies*, ссылаясь на *Oeuvres choisies de Lemonnier*, tome XXXIX. Авторъ врядъ ли обратилъ сколько-нибудь пристальное вниманіе на *Oeuvres*, гдѣ издатели безпрестанно говорятъ о Лемоннье, какъ авторѣ посторонняго имъ изданія. Впрочемъ *Oeuvres* имѣли незавидную участь и у другихъ историковъ сенъ-симонизма,—напр., Henry Michel считая „le maniement des *Oeuvres de S.-S. et d'Enf.*"—*fort incommode*, пользуется, *Oeuvres choisies* и изданіемъ Родрига (L'Idée l'Etat, P. 96. 172). Warschauer даетъ фантастическое распредѣленіе *Oeuvres*, относя 33 тома къ Анфантэну, 12 къ Сенъ-Симону 2 къ Базару (Geschichte des Socialismus und neueren Kommunismus. Saint-Simon und der saint-simonismus. Leipzig 92. 103). Въ дѣйствительности—Сенъ-Симону посвящена только часть 1-го тома въ *Notices historiques*. Изъ 11 томовъ сочиненій Сенъ-Симона часть XXXIX занята произведеніемъ Олэнда Родрига *L'Artiste, le Savant и l'Industriel* и весь XXXVIII отданъ контовской *Системѣ позитивной политики*. А 2 *Exposition de la doctrine* вовсе не „betreffen Bazard",—какъ автора.

Сенъ-Симона въ началѣ 1832 года,—слѣдовательно у него было въ распоряженіи около *двадцати* лѣтъ. За это время онъ ни на минуту не забывалъ о своемъ званіи сенъ-симониста. Въ послѣдній разъ по поводу февральской революціи онъ обнаружилъ поистинѣ рыцарственную энергію, обратился даже къ биржѣ съ проповѣдью союза между буржуазіей и народомъ. Проповѣдь, разумѣется, не имѣла успѣха,—но Родригъ отнюдь не палъ духомъ и продолжалъ работать надъ развитіемъ рабочихъ обществъ взаимопомощи. Смерть его застала вѣрующимъ и юношески-дѣятельнымъ.

И тѣмъ не менѣе энергія осталась не примѣненной къ самому цѣлесообразному доказательству сенъ-симоновскаго усердія,—къ изданію произведеній Сенъ-Симона. Родригъ ограничился двумя выпусками, располагая сочиненія совершенно случайно, не сообразуясь ни съ ихъ значеніемъ, ни съ ихъ хронологіей, видоизмѣняя текстъ и перепечатывая только часть сочиненія. Такая участь постигла *Катехизисъ промышленниковъ* и *Организаторъ*, изъ котораго перепечатано только первое извлеченіе подъ именемъ *Параболы*. *Индустрія* потерпѣла еще болѣе рѣзкое сокращеніе,—изъ нея перепечатана только первая тетрадь IV-го тома, т.-е. по распредѣленію *Oeuvres, вторая* часть этого тома, появившаяся въ 1818 году. Полностью Родригъ далъ только два значительныхъ сочиненія Сенъ-Симона—*первое* и *послѣднее*—*Письма женевскаго обывателя* и *Новое христіанство*. Но зато Родригъ перепечаталъ свои обращенія къ публикѣ и къ сенъ-симонистамъ и свою статью о бракѣ и разводѣ.

Сенъ-симонистское наслѣдство Родригъ завѣщалъ Гюббару, одному изъ своихъ сотрудниковъ по обществамъ взаимопомощи. Въ 1857 году Гюббаръ издалъ книгу *Saint-Simon, sa vie et ses travaux*. Составленіе книги началось еще при жизни Родрига,—онъ снабжалъ Гюббара всевозможными указаніями и передалъ ему рукописи Сенъ-Симона. Біографія, написанная Гюббаромъ, дѣйствительно представляетъ большую цѣнность и можетъ считаться *первоисточникомъ* біографическихъ свѣдѣній о Сенъ-Симонѣ,—наравнѣ съ *Notices historiques*, Гюббаръ кромѣ того перепечаталъ цѣликомъ первое и послѣднее сочиненія Сенъ-Симона и рядъ отрывковъ изъ другихъ произведеній. Два изъ нихъ мы не находимъ ни въ одномъ изъ другихъ изданій—упомянутый выше отрывокъ изъ *Политика* и еще болѣе любопытный — изъ *Réorganisation de la société européenne*. Гюббаръ помѣщаетъ его какъ «второе извлеченіе» изъ этого сочиненія; намъ извѣстно цѣликомъ *Réorganisation* и здѣсь мы не находимъ ничего похожаго на текстъ у Гюббара. Можно думать,—текстъ этотъ *сводный*—такъ какъ и *Lettres aux Américains*, напечатанныя тѣмъ же Гюббаромъ и отрывокъ изъ *Индустріи* и также не имѣющіяся въ этомъ сочине *Lettres* составлены изъ отрывковъ *Писемъ къ американцу*—изъ пер и второго. Кто сдѣлалъ сводъ? Можетъ быть, у самого Сенъ-Симона б готова подобная рукопись, можетъ быть, Родригъ составлялъ текстъ *семъ*, по обыкновенію, не останавливаясь передъ сокращеніями; т

всего предположить самостоятельную работу Гюббара. Такого же происхожденія и отрывокъ изъ *Réorganisation* подъ заглавіемъ *Profession de foi des fondateurs de la politique positive:* онъ представляетъ конспектъ политико-философскихъ взглядовъ Сенъ-Симона. Остальные отрывки у Гюббара не представляютъ интереса послѣ позднѣйшихъ изданій сочиненій Сенъ-Симона. Во всякомъ случаѣ, нельзя признать, чтобы книга Гюббара выполнила даже приблизительно «миссію» Родрига.

Годъ спустя появилось изданіе Анфантэна *Mémoire sur la science de l'homme* и *Travail sur la gravitation.* На поприщѣ издателя выступаетъ самый шумный «сенъ-симонистъ»,—и первымъ же шагомъ обнаружилъ характеръ своего сенъ-симонизма, приспособляя сочиненіе Сенъ-Симона къ своимъ личнымъ идеямъ. Анфантэнъ оставался на первомъ мѣстѣ съ своимъ собственнымъ одновременно издаваемымъ произведеніемъ — *Science de l'homme, physiologie religieuse.*

Болѣе цѣнныхъ пріобрѣтеній слѣдовало ожидать отъ Лемоннье, предпринявшаго изданіе *Избранныхъ сочиненій* Сенъ-Симона. Они вышли въ трехъ томахъ въ 1859 году. Здѣсь дѣйствительно впервые появилось *Introduction aux travaux scientifiques,* выпущенное Сенъ-Симономъ всего въ 100 экземплярахъ, перепечатанъ въ подлинномъ видѣ *Mémoire sur la science de l'homme* и политическія брошюры. Но Лемоннье крайне жестоко отнесся къ *соціальнымъ* произведеніямъ Сенъ-Симона, считая себя его послѣдователемъ въ философіи. Онъ перепечаталъ лишь нѣсколько отрывковъ изъ *Организатора, индустріальной системы* и изъ *Катехизиса промышленниковъ.* Въ результатѣ Сенъ-Симонъ—позитивистъ и политикъ—былъ представленъ удовлетворительно, но Сенъ-Симонъ, соціальный реформаторъ,—еще ждалъ издателей. Сообразно съ этимъ распредѣленіемъ составленъ и *Essai sur les oeuvres et la doctrine de Saint-Simon,* помѣщенный во главѣ перваго тома. Соціальному вопросу изъ 105 страницъ отдано около шести. Въ заключеніе говорилось, что въ 1825 году, по смерти Сенъ-Симона большинство его послѣдователей «весьма несовершенно» знало его ученіе, никто, за исключеніемъ Родрига, «не подозрѣвалъ ни ея объема, ни ея глубины». Но, во-первыхъ, врядъ ли похвала эта заслужена Родригомъ, а потому *объемъ* доктрины оставался въ неизвѣстности и послѣ упрека—по самой основательной причинѣ. Издатель говорилъ, что Сенъ-Симонъ первый «поставилъ на настоящую почву» *соціальный вопросъ,*—а какъ онъ это сдѣлалъ, читателю предоставлялось въ сильной степени догадываться—за недоступностью данныхъ для сужденія [63]).

Наконецъ, 31 августа 1864 года умеръ Анфантэнъ. Въ завѣщаніи онъ распорядился учредить сенъ-симонистскій архивъ—съ цѣлью «распространенія нашей вѣры, пользованія моими сочиненіями». Такъ говорилъ «верховный отецъ», оставшійся для нѣкоторыхъ «дорогимъ учителемъ» до самой

[63]) *Essai.* LVII—LXIII; CII, LVIII.

своей смерти [64]), такъ подчеркивая *свою* вѣру и *свои* сочиненія. Архивъ онъ завѣщалъ Арсенальной библіотекѣ, гдѣ нѣкоторое время служилъ Сенъ-Симонъ, и запретилъ открывать его публикѣ до истеченія тридцатилѣтняго срока послѣ его смерти. А пока душеприказчики должны были издать его сочиненія, а также Сенъ-Симона вмѣстѣ съ историческимъ обзоромъ судебъ сенъ-симонизма, въ сущности—вмѣстѣ съ біографіей Анфантэна.

Душеприказчики выпустили первый томъ въ 1865 году и, издавъ до 1867 года 13 томовъ *Notices historiques*, приступили къ сочиненіямъ Сенъ-Симона и Анфантэна. Въ *Notices* Сенъ-Симонъ занялъ всего часть перваго тома,—а что касается его сочиненій, издатели заявляли: «Мы намѣрены не столько перепечатывать сочиненія Сенъ-Симона, сколько *приготовить* полное изданіе ихъ. Недостаточный порядокъ, въ которомъ были представлены публикѣ многочисленныя произведенія этого великаго мыслителя, несомнѣнно, весьма затруднилъ бы задачу будущихъ издателей. Мы желаемъ одновременно перепечатать его главныя сочиненія и облегчить, можетъ быть, непреодолимыя затрудненія для тѣхъ, кто подобно намъ не присутствовалъ при нарожденіи соціальной мысли, съ каждымъ днемъ развивавшейся въ сердцѣ Сенъ-Симона» [65]).

Издатели, дѣйствительно, дали цѣнныя библіографическія указанія,—но именно эти указанія и свидѣтельствуютъ о неудовлетворительности всего изданія. Мы видѣли, сколько произведеній Сенъ-Симона осталось или вовсе неперепечатанными или перепечатанными только частью. А между тѣмъ,—отдѣльныя изданія можно считать, въ большинствѣ случаевъ, ненаходимыми или недоступными.

Каждому, занимающемуся вопросомъ о сенъ-симонизмѣ, естественно обратиться прежде всего къ анфантэновскому архиву въ Арсенальной библіотекѣ. Онъ, согласно завѣщанію Анфантэна, открытъ съ 1894 года. Два изслѣдователя, упомянутые нами, уже воспользовались доступомъ, Charléty и Weill, оба остались разочарованными,—и вполнѣ основательно. «Fonds Enfantin» до сихъ поръ [66]) пребываетъ въ хаотическомъ состояніи. Правда, существуетъ рукописный каталогъ, но онъ представляетъ простую перепись переплетенныхъ томовъ,—безъ всякаго отношенія къ ихъ содержимому, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда на томѣ стоитъ какое-либо заглавіе. Но заглавія эти чаще всего не даютъ опредѣленныхъ указаній: *Réligion saint-simonienne, Pièces diverses, Dissidents,*—таковы обозначенія томовъ, нерѣдко заключающихъ *одни и тѣ же* документы въ нѣсколькихъ экземплярахъ. Очевидно, бумаги переплетались *горстями* — съ самой поверхностной классификаціей. Переплеталъ Анфантэнъ,— то видно изъ его предсмертнаго распоряженія—послѣднюю переплетени то

---

[64]) *Not. hist.* XII, 248—257.

[65]) *Oeuvres.* XV. *Avertissement.*

[66]) До августа 1899 года.

книгу доставить въ Арсенальную библіотеку [67]). Почти всѣ сохраненные имъ документы относятся къ исторіи анфантэнизма, а не сенъ-симонизма. Среди рукописей, не разобранныхъ, но любезно предоставленныхъ въ наше распоряженіе администраціей библіотеки, крайне мало — *сенъ-симоновскихъ* документовъ. Имѣются списки писемъ Сенъ-Симона изъ Америки, два собственноручныхъ письма: одно неизданное—къ неизвѣстному лицу отъ 1814 года (F. E. 359), другое первому консулу (F. E. 603). Послѣднее намъ не удалось видѣть въ виду его безвѣстнаго отсутствія изъ библіотеки [68]). Наконецъ, рукописи, упомянутыя нами выше. Но въ этомъ собраніи очень мало отдѣльныхъ изданій сочиненій Сенъ-Симона, и тѣ большею частью погребены въ томахъ среди совершенно посторонняго матеріала. Первымъ дѣломъ классификаціи должно быть уничтоженіе анфантэновскихъ переплетовъ и цѣлесообразная сортировка книгъ, брошюръ, отдѣльныхъ печатныхъ листовъ.

Насколько бѣдна библіотека матеріалами относительно Сенъ-Симона, настолько богата документами, имѣющими какую-либо связь съ анфантэновскимъ сенъ-симонизмомъ. Собрана обширная періодическая литература изъ религіознаго періода новой философіи. Цѣлые томы посвящены перепискѣ миссіонеровъ, «апостольству» женщинъ, т.-е. исторія ихъ проповѣднической, журнальной и просто литературной дѣятельности. Этотъ вопросъ можно считать обставленнымъ съ исключительной роскошью—всевозможными свидѣтельствами. *Анфантэнъ* и *женщина* занимаютъ центральныя положенія въ архивѣ, также какъ и въ самомъ сенъ-симонистскомъ движеніи, начиная съ тридцатыхъ годовъ. Удовлетворительно представлена и третья — практическая сторона этого движенія, — финансовыя предпріятія сенъ-симонистовъ, часто не имѣющія никакого отношенія къ философскому раскрытію идей Сенъ-Симона. Многими данными изъ этого матеріала намъ предстоитъ воспользоваться для изображенія общественнаго положенія сенъ-симонизма и для объясненія своеобразной судьбы имени и дѣла Сенъ-Симона въ общей и научной литературѣ въ теченіе многихъ лѣтъ.

Мы видимъ,—это положеніе не могло быть выгоднымъ съ самаго начала. Ученики Сенъ-Симона сдѣлали все посильное, чтобы подорвать всякій *философскій* авторитетъ его идей и до послѣдней степени дискредитировать его личность. Напрасно Анфантэнъ, удаляясь со своими послѣдователями въ свое имѣніе Менильмонтанъ, провозглашалъ целибатъ своей церкви — въ ожиданіи «женщины-мессіи», напрасно эта церковь дѣйствительно не нарушала правилъ христіанской морали,—она теперь непоправимо стала предметомъ всеобщаго осмѣянія и часто искренняго гнѣвнаго озлобленія. Карикатуры, памфлеты, гражданскія и христіанскія изобличенія посыпались со всѣхъ сторонъ—въ Парижѣ и въ провинціи. Анфантэнъ тща-

---

[67]) *Not. hist* XIII, 243.

[68]) Оно приложено къ тому, содержащему *Lettres d'un habitant de Genève.*

тельно собиралъ эту литературу, не исключая карикатуръ,—и завѣщалъ потомству удручающее свидѣтельство о жестокой казни, какую производило общественное мнѣніе надъ «верховнымъ отцомъ», надъ «Bouffantin'омъ», надъ «Femme libre». Журнальные листы и отдѣльныя афиши нерѣдко украшены одновременно и карикатурами на «Capacités saint-simoniennes» и—ради вящаго назиданія—такой же карикатурной біографіей и характеристикой Сенъ-Симона. Публика и печать не отдѣляла анфантэновскаго «фарса», съ особымъ вновь изобрѣтеннымъ костюмомъ, отъ личности и философіи Сенъ-Симона, и Анфантэнъ, изображаемый съ шутовской побрякушкой въ рукахъ, являлся, въ глазахъ большинства, подлиннымъ представителемъ сенъ-симонистской школы. Судебный процессъ, возникшій противъ «церкви», предъявившій ей, между прочимъ, обвиненіе въ оскорбленіи общественной нравственности и окончившійся присужденіемъ Анфантэна къ году тюремнаго заключенія и къ ста франковъ штрафа,—окончательно закрѣпилъ репутацію сенъ-симонизма—и въ его первоисточникѣ, и въ дальнѣйшихъ «дополненіяхъ» [70]).

Провѣрить справедливость этого приговора—значило приступить къ внимательному изученію сочиненій Сенъ-Симона. Но, мы знаемъ, ученики не позаботились облегчить этотъ трудъ для тѣхъ, кому были не по силамъ библіографическіе поиски. Усиленно пользуясь именемъ учителя и созидая на этомъ имени зданіе, совершенно чуждое первоисточнику сенъ-симонизма,—они пресѣкли прямую дорогу къ этому первоисточнику. Ненависть Конта и мессіанство Анфантэна, поощренное Родригомъ,—могли надолго и невозбранно утверждать легенду о Сенъ-Симонѣ и его ученіи—на мѣсто исторіи. И не столько была страшна легенда сама по себѣ, сколько ея косвенное вліяніе на судьбу сенъ-симонизма въ исторіи философской и соціальной мысли. Въ лучшихъ случаяхъ она могла вызвать пренебреженіе, предвзятое отрицательное представленіе о дискредитированномъ предметѣ. Только къ концу XIX вѣка недоразумѣніе начало отступать предъ болѣе вдумчивымъ и безпристрастнымъ судомъ, на каждомъ шагу стремясь отвоевать свое долголѣтнее вліяніе.

Ив. Ивановъ.

---

[69]) *Not. hist.* VII, 1.

[70]) *Procès.* E. F. 341. Собраніе афишъ, каррикатуръ и пр.—2,040. E. F. bis

О нашемъ фабричномъ законодательствѣ.

(*В. П. Литвиновъ-Фалинскій:* «Фабричное законодательство и фабричная инспекція въ Россіи». Спб., 1900 г.).

Передъ нами очень интересная книга о фабричномъ законодательствѣ въ Россіи, гдѣ авторъ, помимо большого историческаго очерка, посвященнаго этому вопросу и разработаннаго, повидимому, на основаніи матеріала, изъ первыхъ рукъ, даетъ и недурной догматическій анализъ дѣйствующаго у насъ фабричнаго законодательства.

Авторъ въ своемъ историческомъ очеркѣ подчеркиваетъ вліяніе стачекъ, волненій и вообще безпорядковъ рабочихъ на развитіе у насъ фабричнаго законодательства, но эти стачки и волненія, говорится во введеніи, имѣли значеніе лишь постольку, поскольку они обращали на ненормальныя стороны въ положеніи рабочихъ вниманіе правительства, которое и принимало на себя заботы объ устраненіи ихъ. Поэтому важнѣйшіе вопросы, выдвинутые нашей промышленностью, говоритъ авторъ, были разрѣшены у насъ законодательнымъ путемъ безъ всякой борьбы между рабочими и нанимателями въ западно-европейскомъ смыслѣ этого слова (стр. XIX).

Если въ Англіи фабричное законодательство, замѣтимъ мы, развивалось въ значительной степени при содѣйствіи класса землевладѣльцевъ, то у насъ, въ значительной степени подъ вліяніемъ розни интересовъ петербургскихъ и московскихъ фабрикантовъ, и эта рознь интересовъ въ созданіи нашего фабричнаго законодательства проходитъ, можно сказать, красной нитью въ работѣ автора, и эта сторона является очень интереснымъ пунктомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, мы здѣсь наглядно видимъ, какъ развивающаяся техника дробитъ классъ, который, повидимому, долженъ бы быть связаннымъ общностью интересовъ, на двѣ группы съ противоположными стремленіями, причемъ въ интересахъ одной группы съ повышенной техникой производства является выгодной регламентація труда.

Такъ, съ 80-хъ годовъ фабрики Петербургскаго района лишь въ незначительной степени пользовались трудомъ малолѣтнихъ, ночныя же работы на фабрикахъ были уничтожены, а продолжительность дневныхъ

работъ была сокращена. Разумѣется, петербургскія фабрики находились вслѣдствіе этого въ менѣе выгодныхъ условіяхъ конкуренціи, чѣмъ фабрики московскаго промышленнаго района, который въ широкой степени пользовался трудомъ малолѣтнихъ, работая притомъ, за небольшими исключеніями, день и ночь; отсюда понятны многочисленныя ходатайства петербургскихъ фабрикантовъ о воспрещеніи ночныхъ работъ и о сокращеніи рабочаго времени: они видѣли въ этомъ средство къ устраненію неравенства условій конкуренціи (стр. 39).

Такъ, 25 января 1884 года въ прошеніи, поданномъ с.-петербургскому градоначальнику, петербургскіе фабриканты ходатайствовали о повсемѣстномъ уничтоженіи ночныхъ работъ, указывая, что это является единственнымъ средствомъ къ устраненію кризиса, устраненію переполненія рынка прядильными и ткацкими продуктами. При этомъ они говорили, что, по ихъ глубокому убѣжденію, законъ, воспрещающій ночныя работы женщинъ, малолѣтнихъ и подростковъ, будетъ встрѣченъ всѣми мануфактуристами съ большимъ сочувствіемъ, предупредитъ наступающій кризисъ и подниметъ нравственность рабочихъ, упавшую въ тѣхъ мѣстахъ имперіи, гдѣ ночныя работы вошли въ обычай.

Московское отдѣленіе совѣта торговли и мануфактуръ, на заключеніе котораго министромъ финансовъ было переслано заявленіе петербургскихъ бумаго-прядильныхъ, ткацкихъ и ситце-набивныхъ фабрикантовъ, относительно этого предложенія высказалось отрицательно, указывая, между прочимъ, что работа ночью въ фабричномъ корпусѣ едва ли представляется въ нравственномъ отношеніи худшей для рабочихъ сравнительно съ нахожденіемъ ихъ въ то же время въ казармахъ или въ иныхъ мѣстахъ, наприм., въ питейныхъ заведеніяхъ (стр. 45). Комиссія, затѣмъ разсматривавшая этотъ вопросъ, рѣшила его въ пользу петербургскихъ фабрикантовъ. Такимъ образомъ изданіе закона 3 іюня 1885 г. о воспрещеніи ночной работы подросткамъ и женщинамъ на прядильныхъ и ткацкихъ фабрикахъ, резюмируетъ авторъ, находилось въ весьма тѣсной связи съ бывшимъ въ то время промышленнымъ кризисомъ, благодаря которому неравенство условій конкуренціи фабрикъ различныхъ промышленныхъ районовъ Россіи особенно неблагопріятно отразилось на интересахъ фабрикантовъ петербургскаго района (стр. 56), такъ какъ иначе усиленіе производства грозило еще болѣе обострить кризисъ, а сокращеніе работъ должно было содѣйствовать нѣкоторому сокращенію производства.

Законъ 3 іюня 1886 года о наймѣ рабочихъ на фабрики явился подъ вліяніемъ тѣхъ злоупотребленій по отношенію къ рабочимъ, которыя служили причиной возникавшихъ нерѣдко весьма серьезныхъ безпорядковъ. Эти злоупотребленія выражались въ формѣ незаконнаго удержанія заработной платы. Печальную извѣстность въ этомъ отношеніи пріобрѣли фабричныя лавки; на фабрикахъ въ широкихъ размѣрахъ практиковалась расплата съ рабочими вмѣсто денегъ хлѣбомъ, товаромъ и иными предметами, и эти лавки были средствомъ наживы для ихъ хозяевъ (стр. 59).

Другимъ средствомъ злоупотребленія служили штрафы, налагавшіеся на рабочихъ по разнымъ поводамъ и достигавшіе нерѣдко 40% и болѣе. Эти штрафы являлись важнымъ источникомъ доходовъ хозяевъ. Насколько доходы съ фабричныхъ лавокъ иногда были велики, видно изъ того, что иногда говорилось, что не лавка состоитъ при фабрикѣ, а фабрика при лавкѣ. Единственно пригоднымъ средствомъ для огражденія рабочими своихъ интересовъ являлись стачки и безпорядки (стр. 60). Стачки въ концѣ 1884 и въ началѣ 1885 гг. охватили весьма значительное число фабрикъ Московской и Владимірской губерній. Произведенное разслѣдованіе показало, что причины, вызвавшія эти безпорядки, не имѣли случайнаго характера, а обусловливались неправильными отношеніями между фабрикантами и рабочими, притомъ злоупотребленія со стороны недобросовѣстныхъ фабрикантовъ влекли за собой вредныя послѣдствія для тѣмъ фабрикантовъ, которые вели свои дѣла добросовѣстно: послѣдніе не имѣли возможности соперничать съ лицами, удешевлявшими стоимость производства путемъ притѣсненія рабочихъ, и такіе фабриканты должны были сокращать обороты, уменьшать производство и т. д. Рабочіе же, обремененные всякаго рода вычетами, наприм., за освѣщеніе мастерскихъ, за пользованіе при работахъ орудіями производства, квартирами, банями, столовыми и проч., нерѣдко не въ состояніи были зарабатывать достаточныхъ средствъ даже на личное пропитаніе, не говоря уже о возможности уплачивать повинности, содержать свои семьи (стр. 50 и 61), отсюда естественно раздраженіе рабочихъ, и это раздраженіе противъ хозяевъ, при трудности для рабочихъ отыскивать законными средствами защиту своихъ правъ, постоянно поддерживало въ нихъ склонность искать возстановленія своихъ правъ путемъ стачекъ и безпорядковъ (стр. 61).

И законъ 1886 г. о наймѣ рабочихъ продиктовался со стороны правительства именно этимъ стремленіемъ къ охранѣ порядка и къ поддержанію спокойствія среди фабричныхъ путемъ устраненія тѣхъ ненормальностей, которыя обостряли отношенія хозяевъ и рабочихъ (стр. 65).

Еще въ 1883 году по введеніи въ дѣйствіе закона о малолѣтнихъ, представители нѣкоторыхъ с.-петербургскихъ мануфактуръ подавали министерству финансовъ заявленіе, въ которомъ высказывали, что, по ихъ мнѣнію, наступило время установить закономъ продолжительность рабочаго дня, тѣмъ болѣе, что петербургскіе фабриканты уже давно чувствуютъ невыгоду положенія, въ которомъ они находятся, довольствуясь обыкновенно одной только денной работой, въ то время какъ московскіе фабриканты продолжаютъ пагубную практику ночной работы. Новый законъ, по мнѣнію петербургскихъ фабрикантовъ, долженъ поставить всѣхъ хозяевъ въ одинаковыя условія и разумно сократить продолжительность рабочихъ часовъ, чтобы дать рабочимъ возможность имѣть достаточно времени для отдыха, что непремѣнно оказало бы серьезную пользу всему рабочему классу и отразилось бы благопріятно на ихъ здоровьи (стр. 82—83).

Законъ 2 іюня 1897 г. о продолжительности распредѣленія рабочаго

времени въ заведеніяхъ фабрично-заводской промышленности былъ вызванъ ходатайствомъ представителей промышленности петербургскаго и лодзинскаго района. Ходатайства эти возникли на той же почвѣ конкуренціи этихъ районовъ съ московскимъ, какъ и ходатайство ихъ объ ограниченіи ночныхъ работъ (стр. 108), къ тому же здѣсь присоединялись и мотивы поддержанія спокойствія среди рабочихъ, проявившихъ на петербургскихъ фабрикахъ лѣтомъ 1896 года недовольство вслѣдствіе значительной продолжительности работъ (стр. 109).

Такимъ образомъ петербургскіе фабриканты неоднократно ходатайствуютъ о законодательномъ регулированіи нѣкоторыхъ вопросовъ: они, въ изложеніи автора, сторонники государственнаго вмѣшательства въ сферу отношеній фабрикантовъ и рабочихъ; фабриканты же московскаго промышленнаго района противодѣйствуютъ этому вмѣшательству и отстаиваютъ свободу этихъ отношеній. Это объясняется тѣмъ, что петербургскія фабрики лучше обставлены въ техническомъ отношеніи, ихъ производительность выше, а потому московскіе фабриканты эту свою отсталость въ техническомъ отношеніи пытаются наверстать удлиненіемъ продолжительности рабочаго времени и веденіемъ ночныхъ работъ.

Кромѣ того, авторъ утверждаетъ, что петербургскіе фабриканты, будучи въ большинствѣ иностранцами, еще до изданія фабричныхъ законовъ установили вполнѣ корректное отношеніе къ своимъ рабочимъ. Не проявляя никакой заботливости къ рабочимъ, внѣ своихъ договорныхъ обязательствъ, петербургскіе фабриканты являлись въ сферѣ отношеній къ рабочимъ вполнѣ безупречными. На московскихъ же фабрикахъ отношенія эти, въ силу многихъ причинъ, приняли весьма уродливыя формы: (стр. 114—116). Такимъ образомъ эти районы находились въ различныхъ условіяхъ, а конкуренція требовала выравненія этихъ условій, что и должно было привести къ борьбѣ фабрикантовъ этихъ районовъ и въ концѣ-концовъ содѣйствовало развитію фабричнаго законодательства въ Россіи. Всякая попытка со стороны петербургскихъ фабрикантовъ къ урегулированію фабричнаго труда вызывала ярые протесты со стороны московскаго района. Въ этомъ отношеніи очень любопытна записка, поданная Вышнеградскому въ 1887 году отъ «Торгующаго на нижегородской ярмаркѣ купечества», гдѣ подчеркивалась стѣснительность фабричнаго законодательства для промышленниковъ: «Русскіе промышленники,— говорилось въ запискѣ, — оглядываясь на долгое, спокойное и патріархальное прошлое русскихъ производствъ, смѣютъ думать, что они заслуживаютъ у власти большаго довѣрія, чѣмъ то, какое имъ оказано введеніемъ стѣсняющаго какъ ихъ, такъ и ихъ рабочихъ, новаго фабричнаго закона, отдающаго часто цѣлое предпріятіе на милость и немилость лица, въ фабричномъ дѣлѣ не компетентнаго и не имѣющаго ничего общаго ни съ интересами государства, ни съ нуждами промышленности» (стр. 121).

Авторъ даетъ и историческій очеркъ введенія у насъ фабричной инспекціи и, между прочимъ, здѣсь справедливо отмѣчаетъ онъ, что у

не были приняты мѣры для подготовки лицъ, долженствующихъ быть фабричными инспекторами, между тѣмъ, подготовка и экзамены для чиновъ инспекціи введены во многихъ странахъ Европы (стр. 313). Я приведу нѣсколько данныхъ о постановкѣ этого вопроса въ Пруссіи, пользуясь одной недавно вышедшей книгой.

Въ Пруссіи для полученія должности фабричнаго инспектора необходимо, по крайней мѣрѣ, пройти трехгодичный курсъ въ высшей технической школѣ и полуторагодичный курсъ правовыхъ и государственныхъ наукъ, и затѣмъ выдержать по этимъ отдѣламъ спеціальный экзаменъ. При сдачѣ экзамена по этой послѣдней области отъ кандидата требуется знакомство съ государственнымъ устройствомъ Германской имперіи и въ частности Пруссіи, съ административнымъ ея устройствомъ, затѣмъ изъ области политической экономіи кандидатъ долженъ ознакомиться особенно съ исторіей развитія промышленности въ Пруссіи и съ законодательствомъ, которое имѣетъ своей цѣлью устранять тѣ темныя явленія, которыя возникаютъ въ современной промышленности; кромѣ того онъ долженъ ознакомиться съ прусской промышленной политикой и такъ называемымъ правомъ управленія, что у насъ извѣстно подъ названіемъ полицейскаго права. Кандидатъ долженъ быть хорошо знакомъ со способомъ устройства фабрикъ, отопленія, вентиляціи, онъ долженъ основательно изучить самые распространенные способы предупрежденія несчастныхъ случаевъ, которымъ рабочіе подвержены въ разныхъ отрасляхъ промышленности, а также ознакомиться и съ тѣми средствами, которыя имѣютъ цѣлью предупрежденіе этихъ несчастныхъ случаевъ. Этотъ порядокъ установленъ 7 сентября 1897 г., а инструкція къ нему—13 ноября того же года (См. *Emil Plotke:* «Die Gewerbe-Inspektion in Deutschland», Berlin, 1899).

Послѣ закона 1894 года 14 марта, установившаго у насъ, чтобы должности фабричныхъ инспекторовъ замѣщались лицами, кончившими курсъ въ высшихъ и преимущественно въ техническихъ учебныхъ заведеніяхъ, на мѣста фабричныхъ инспекторовъ назначены почти исключительно техники (около 90%). Такимъ образомъ у насъ въ настоящее время громадное большинство фабричныхъ инспекторовъ обладаетъ необходимыми техническими познаніями, что, конечно, имъ помогаетъ разбираться въ жалобахъ и претензіяхъ рабочихъ, основанныхъ нерѣдко на мельчайшихъ подробностяхъ техники производства, качествѣ матеріаловъ и товара, и т. д., но на нашъ взглядъ имъ недостаетъ юридическаго образованія, и въ циркулярахъ можно найти указанія на то, что фабричная инспекція въ нынѣшнемъ своемъ составѣ нуждается въ детальномъ разъясненіи и толкованіи такихъ законовъ, *которые врядъ ли могутъ возбуждать сомнѣнія при ихъ примѣненіи* (стр. 362), и авторъ приводитъ любопытный примѣръ относительно толкованія статьи 141 уст. о промыш., именно объ открытіи при фабрикахъ и заводахъ фабричныхъ лавокъ, что поставлено теперь въ зависимости отъ фабричной инспекціи. Фабричная инспекція

какъ будто бы затруднялась здѣсь въ опредѣленіи своихъ правъ, что и вызвало необходимость толкованія этой статьи свыше.

Мы лично думаемъ, что помимо техническаго образованія фабричная инспекція для правильнаго выполненія своихъ функцій необходимо должна обладать и юридическимъ образованіемъ, такъ какъ иначе ей будетъ трудно разобраться въ сложности правовыхъ отношеній, которыя возникаютъ въ настоящее время въ сферѣ фабричной жизни: ей приходится постоянно сталкиваться и съ массой лицъ и учрежденій и толковать дѣйствующее право, и желательно было бы ввести особые экзамены для кандидатовъ на должности фабричнаго инспектора или, что еще лучше, чтобы поставить на должную высоту фабричный инспекторатъ, создать особые курсы для кандидатовъ.

Какъ слышно, по частной иниціативѣ одного фабричнаго инспектора крупнаго центра Россіи предполагается временно создать что-то вродѣ такихъ курсовъ по главнѣйшимъ отраслямъ юридическихъ наукъ.

Въ общемъ мы можемъ только привѣтствовать появленіе книги г. Литвинова-Фалинскаго: она идетъ навстрѣчу давно уже чувствовавшейся потребности. Въ большую заслугу ей нужно поставить, что она не ограничивается только догмой дѣйствующаго права, но и даетъ исторію развитія этого права и до извѣстной степени обрисовываетъ тѣ факторы и мотивы, которые служили стимулами къ развитію фабричнаго законодательства въ Россіи... Намъ только хотѣлось здѣсь обратить вниманіе читателей на эту книгу и потому мы воздерживаемся отъ всякихъ дальнѣйшихъ замѣчаній на нее.

И. О.

Фридрихъ Ницше *).

Аристократическій радикализмъ. Статья Георга Брандеса.

Переводъ съ датскаго.

IV.

Если бы спросить у Ницше, что̀ такое человѣкъ, онъ сдѣлалъ бы слѣдующее опредѣленіе: человѣкъ—животное, могущее давать и держать обѣщанія.

Настоящее благородство человѣка онъ видитъ въ томъ, что онъ можетъ что-нибудь обѣщать, можетъ ручаться за самого себя, принимать на себя отвѣтственность, такъ какъ, вмѣстѣ съ властью надъ самимъ собой, которая предполагается этимъ отношеніемъ, человѣкъ неминуемо пріобрѣтаетъ власть и надъ внѣшними обстоятельствами, равно какъ и надъ прочими твореніями, не обладающими столь длительной волей.

Сознаніе этой своей отвѣтственности самодержавный человѣкъ называетъ своею совѣстью.

Какова же предварительная исторія этой отвѣтственности, этой совѣсти? Она—длинная и кровавая. Страшными средствами воспитывалась въ людяхъ на протяженіи исторіи память о томъ, что̀ они нѣкогда молча или громко обѣщали и хотѣли сдѣлать. На пространствѣ тысячелѣтій человѣка затягивали въ смирительную куртку обычной морали, подвергали его наказаніямъ, какъ побитіе камнями, колесованіе или сожженіе, заживо погребали грѣшника, четвертовали его, бросали его въ воду, привязавъ ему камень на шею, или зашитымъ въ мѣшокъ, бичевали его, сдирали съ него кожу, клеймили его раскаленнымъ желѣзомъ, и всѣми этими средствами вѣдрили забывчивому животному, человѣку, долгую память о томъ, что̀ онъ обѣщалъ взамѣнъ разрѣшенія пользоваться благами, сопряженными съ принадлежностью къ обществу.

По гипотезѣ Ницше сознаніе вины возникаетъ прямо какъ сознаніе долга. Договорное отношеніе между заимодавцемъ и должникомъ, столь же

---

*) *Русская Мысль*, кн. XI, 1900 г.

старинное, какъ древнѣйшія формы человѣческихъ сношеній по поводу купли, продажи, мѣнового торга и т. д.,—вотъ какое отношеніе лежитъ здѣсь въ основѣ. Должникъ (чтобы внушить довѣріе къ своему обѣщанію уплаты) обѣщаетъ что-нибудь изъ того, чѣмъ владѣетъ: свою свободу, свою жену, свою жизнь, или же онъ даетъ заимодавцу право вырѣзать бо́льшій или меньшій, смотря по величинѣ долга, кусокъ мяса изъ его тѣла (законы XII таблицъ; еще въ *Венеціанскомъ купцѣ* сохранилъ свое дѣйствіе этотъ обычай).

Логика этого договора, для насъ уже довольно чуждая, заключается въ слѣдующемъ: въ возмѣщеніе убытка заимодавцу предоставляется чувство особаго рода сладострастія, возникающаго въ томъ случаѣ, когда человѣкъ даетъ волю своей власти надъ другимъ человѣкомъ, безвластнымъ.

Въ книгѣ Ре (стр. 13 и слѣд.) читатель найдетъ доказательства въ пользу тезиса Ницше, что цѣлыя тысячелѣтія человѣчество держалось такого воззрѣнія: видѣть, какъ страдаетъ другой, пріятно. Но причинять страданія другому, это — праздникъ, во время котораго счастливецъ упивается радостнымъ сознаніемъ своего могущества. Тамъ же можно найти доказательства въ пользу того, что прославляемые впослѣдствіи, какъ добродѣтели, инстинкты состраданія, справедливости, кротости первоначально считались почти повсюду не имѣющими никакой моральной цѣнности, больше того: признавались симптомами слабости.

Въ куплѣ и продажѣ, какъ и во всемъ, что психологически относится сюда и что старѣе всякаго общественнаго порядка, зарождаются, по представленію Ницше, возмѣщеніе, уравненіе, право, обязанность. Человѣкъ съ давнихъ поръ гордился тѣмъ, что онъ — существо, могущее дѣлать оцѣнку вещей. Одна изъ наиболѣе раннихъ универсальныхъ идей была слѣдующая: всякая вещь имѣетъ свою цѣну. И мысль: за все можно отплатить—была древнѣйшей и наивнѣйшей путеводной нитью для справедливости.

Все общество, по мѣрѣ того, какъ оно развивается, приходитъ въ то же отношеніе къ своимъ членамъ, въ какомъ заимодавецъ находится къ своему должнику. Общество охраняетъ своихъ членовъ, обезпечиваетъ ихъ противъ состоянія беззащитности, подъ условіемъ, чтобъ они не нарушали своего обязательства къ нему. Тотъ, кто нарушилъ свое обѣщаніе, кто сталъ преступникомъ, вновь обрекается беззащитности, которую ведетъ за собой исключеніе изъ общества.

Такъ какъ Ницше, увлекаясь своимъ исключительно психологическимъ интересомъ, оставляетъ въ сторонѣ весь ученый аппаратъ, то его утвержденія не могутъ подлежать прямой провѣркѣ. У Ре въ его параграфах о мстительности и чувствѣ справедливости, равно какъ въ отдѣлѣ о уступкѣ мести,—полюбовной сдѣлкѣ при посредствѣ денежныхъ пеней собраны всѣ историческія данныя.

И другіе мыслители, помимо Ницше (такъ, наприм., Эдуардъ Гартм и Ре), оспаривали мнѣніе, будто идея справедливости вытекаетъ изъ

тельнаго настроенія, и Ницше едва ли открылъ какой-либо новый, убѣдительный аргументъ; но что характерно для него, какъ для писателя, это избытокъ личной страсти, съ которой онъ протестуетъ противъ этой мысли, очевидно, потому, что она родственна современному демократическому ходу мыслей.

Во многихъ современныхъ требованіяхъ справедливости слышатся отзвуки плебейской зависти и злопожелательства. Многіе изъ современныхъ ученыхъ буржуазнаго или мѣщанскаго происхожденія невольно видѣли нѣчто болѣе великое и болѣе цѣнное, чѣмъ подобаетъ, въ душевныхъ движеніяхъ, которыми реагируютъ долго находившіеся подъ гнетомъ: въ ненависти и зависти, злопамятствѣ и жаждѣ мести.

Ницше ни минуты не останавливается на томъ состояніи, въ которомъ, какъ единственное право наказанія, функціонируетъ месть, ибо кровавая месть, согласно его взгляду, есть результатъ не ненависти порабощенныхъ къ господину, а представленій о чести между равными. Его занимаетъ исключительно контрастъ между двумя кастами—господствующей и порабощенной, и вновь, и вновь прорывается у него ожесточеніе противъ теорій, въ силу которыхъ современные мыслители, симпатизирующіе прогрессу, стали относиться снисходительно къ плебейскимъ инстинктамъ и, наоборотъ, подозрительно или враждебно къ умамъ, рожденнымъ повелѣвать. Его чисто личная особенность, его нефилософскій и опредѣляемый темпераментомъ складъ ума обнаруживается, однако, въ той чертѣ, что, находя въ себѣ лишь ненависть и презрѣніе къ классу или расѣ угнетенныхъ, къ ихъ *rancune* и проистекающей изъ затаенной злобы *морали рабовъ*, онъ положительно приходитъ въ экстазъ отъ испытываемаго господствующей кастой наслажденія властью, отъ атмосферы здоровья, свободы, чистосердечія, правдивости, въ которой она живетъ. Ея захваты онъ защищаетъ или извиняетъ. Ея представленіе о кастѣ рабовъ для него далеко не столь ложно, какъ представленіе этой послѣдней о кастѣ господъ.

Даже о дѣйствительной несправедливости, совершаемой этой кастой, по его мнѣнію, не можетъ быть рѣчи въ серьезномъ смыслѣ. Ибо того, что само по себѣ можно было бы назвать справедливостью и несправедливостью, вовсе не существуетъ. Нанесеніе вреда, насиліе, эксплуатація, уничтоженіе, все это—не несправедливость само по себѣ, не можетъ быть несправедливостью, такъ какъ жизнь по своему существу, по своимъ основнымъ функціямъ, есть лишь насиліе, эксплуатація, уничтоженіе. Правовыя состоянія не могутъ быть ничѣмъ инымъ, какъ исключительными состояніями, а именно, какъ ограниченіе настоящаго хотѣнія жизни, цѣль котораго—власть.

Шопенгауэровское *воля къ жизни* (хотѣніе жизни) и Дарвиновское *борьба за существованіе* Ницше замѣняетъ выраженіемъ *воля къ власти* (вожделѣніе къ власти). Не за жизнь, не за простую жизнь, а за власть ведется, по его мнѣнію, борьба въ мірѣ. И онъ пространно, хотя не въ особенно мѣткихъ словахъ, говоритъ о томъ, какія скудныя, какія бѣд-

ныя условія жизни должны были имѣть въ виду англичане, выставившіе понятіе *struggle for life* съ его умѣренными запросами. Ему представляется, что они имѣли въ мысляхъ міръ, гдѣ всякій доволенъ, разъ онъ можетъ обезопасить свою жизнь. Но жизнь есть лишь выраженіе минимума. Сама по себѣ жизнь хочетъ не только самосохраненія, но и самоувеличенія, а въ такомъ видѣ она именно есть «воля къ власти». Ясно, такимъ образомъ, что между новымъ и старымъ терминомъ нѣтъ принципіальнаго различія, ибо борьба за существованіе ведетъ по необходимости къ борьбѣ между властями и къ борьбѣ изъ-за власти. Разсматриваемый съ этой точки зрѣнія, тотъ или другой правовой порядокъ есть средство въ борьбѣ между властями. Какъ средство *противъ* всякой борьбы вообще, онъ былъ бы враждебнымъ жизни принципомъ, губительнымъ для будущихъ судебъ и для прогресса человѣчества.

Нѣчто подобное подразумѣвалъ уже Лассаль, высказывая свой взглядъ, что правовая точка зрѣнія—плохая точка зрѣнія въ жизни народовъ. У Ницше же характерно наслажденіе борьбой, какъ борьбой, въ противоположность міровоззрѣнію современнаго гуманизма. Для Ницше размѣры прогресса опредѣляются тѣмъ, что̀ приносится въ жертву ему. Гигіена, поддерживающая жизнь въ милліонахъ слабыхъ и безполезныхъ существъ, которымъ лучше было бы умереть, для него не настоящій прогрессъ. Простое счастье посредственности, обезпеченное возможно крупному большинству жалкихъ тварей, которыхъ мы зовемъ въ настоящее время людьми, не было бы для него дѣйствительнымъ прогрессомъ. Но большимъ дѣйствительнымъ прогрессомъ для него, какъ и для Ренана, была бы возможность взрастить болѣе сильную, болѣе высокую человѣческую породу, нежели та, которая окружаетъ насъ, взрастить—«сверхчеловѣка», еслибъ даже это было достижимо лишь подъ условіемъ принесенія въ жертву массы людей, какими мы знаемъ ихъ. Совершенно серьезно высказывавшіяся Фридрихомъ Ницше фантазіи будущаго о воспитаніи сверхчеловѣка, имѣющаго принять на себя власть на землѣ, представляютъ такъ много сходства съ полушутливыми, полускептическими мечтами Ренана о новомъ Асгорѣ, о настоящей фабрикѣ Асовъ *) («Dialogues phil.», 117), что трудно усомниться въ воздѣйствіи послѣдняго на перваго. Разница лишь въ томъ, что то самое, что Ренанъ писалъ подъ подавляющимъ впечатлѣніемъ парижской коммуны, притомъ же въ формѣ діалога, гдѣ нашли себѣ мѣсто и *pro*, и *contra*, у Ницше кристаллизовалось въ догматическое убѣжденіе. Поэтому странно и непріятно видѣть, что Ницше не иначе отзывается о Ренанѣ, какъ съ антипатіей. Онъ едва касается его умственно-аристократическаго элемента, но говоритъ съ отвращеніемъ о благоговѣніи къ евангелію смиренныхъ, которое всюду обнаруживаетъ Ренанъ, и которое несомнѣнно находится въ извѣстномъ противорѣчіи съ надеждой на учрежденіе искусственнаго питомника сверхчеловѣковъ.

*) Асы—боги скандинавской миѳологіи, Асгоръ—жилище боговъ. *Прим. ред.*

Ренанъ и послѣ него Тэнъ возставали противъ почти религіозныхъ чувствъ, съ которыми въ новой Европѣ долгое время относились къ первой французской революціи. Ренанъ съ прискорбіемъ отзывался о ней уже съ молодыхъ лѣтъ. Тэнъ, первоначально питавшій къ революціи симпатію, послѣ болѣе внимательнаго ея изученія измѣнилъ свой взглядъ. Ницше идетъ по ихъ слѣдамъ. Естественно, что современные писатели, чувствующіе себя дѣтьми революціи, питаютъ симпатію къ дѣятелямъ великаго возмущенія, и нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что этимъ послѣднимъ не было оказано справедливости при господствующемъ въ настоящее время въ Европѣ антиреволюціонномъ настроеніи. Но писатели, въ своемъ страхѣ передъ всѣмъ тѣмъ, что на политическомъ жаргонѣ зовется цезаризмомъ, и въ своей слѣпой вѣрѣ въ массовыя движенія, упустили, между прочимъ, изъ виду, что величайшіе возмутители и освободители, это—не соединенные маленькіе люди, а немногіе великіе, не мелкіе завистники, а великіе доброжелатели, дарующіе другимъ право, благосостояніе и духовный ростъ.

Есть два класса революціонныхъ умовъ: тѣ, которыхъ инстинктивно влечетъ къ Бруту, и тѣ, которыхъ такъ же инстинктивно влечетъ къ Цезарю. Цезарь—это великій типъ; Фридрихъ Второй и Наполеонъ обладали, каждый въ отдѣльности, лишь одной грушой его свойствъ. Освободительная поэзія сороковыхъ годовъ кишитъ хвалебными пѣснями въ честь Брута. Но ни одинъ поэтъ не воспѣвалъ Цезаря. Даже Шекспиръ совсѣмъ не разгадалъ его величія, представилъ его образъ въ блѣдной карикатурѣ и по рецепту Плутарха прославилъ Брута въ ущербъ Цезарю. Даже Шекспиръ не понялъ, что Цезарь поставилъ на столъ жизни несравненно болѣе крупную ставку, чѣмъ его убійца. Цезарь происходилъ отъ Венеры; его внѣшній обликъ былъ весь изящество. Уму его была свойственна великая простота, отличительный признакъ самыхъ великихъ людей; сущность его природы была—благородство. Онъ, чье имя и понынѣ носитъ наивысшая власть, все умѣлъ, все понималъ и зналъ, что долженъ умѣть и знать первостепенный полководецъ и властелинъ. Лишь нѣкоторыя личности итальянскаго возрожденія могли подняться на такую высоту геніальности. Для всякаго прогресса, какой только былъ осуществимъ въ тѣ дни, была ручательствомъ его жизнь. Сущность природы Брута—была доктрина; его отличительный признакъ—ограниченность, хотящая вернуть мертвые порядки и видящая предзнаменованія миссіи въ случайномъ совпаденіи именъ. Его слогъ былъ сухъ и вымученъ, его душа—безплодна. Его порокомъ было корыстолюбіе, ростовщичество было его страстью. Для него провинціи были безправными. Онъ осудилъ на голодную смерть пятерыхъ сенаторовъ въ Саламинѣ, когда городъ не могъ уплатить дани. И благодаря удару кинжала, ничего не достигшему и ничему не помѣшавшему изъ того, чему онъ долженъ былъ помѣшать, этотъ непроизводительный умъ сдѣлался какимъ-то геніемъ свободы, потому только, что люди не могли понять, что значитъ наивысшая полнота власти въ рукахъ сильнѣйшей, богатѣйшей, благороднѣйшей натуры.

Изъ раньше сказаннаго читатель легко пойметъ, что Ницше выводитъ справедливость всецѣло изъ активныхъ душевныхъ движеній, такъ какъ чувства реагирующія для него всегда низменны. На этомъ пунктѣ онъ, однако, не останавливался. Въ прежнее время возникновеніе наказанія видѣли въ инстинктѣ возмездія. Стюартъ Милль въ своей Утилитарной морали выводилъ справедливость изъ уже установленнаго свода наказаній (*justum* изъ *jussum*), являвшагося мѣрой безопасности, а не возмездіемъ. Ре въ своей книгѣ *Возникновеніе совѣсти* защищалъ родственное положеніе, что не наказаніе есть слѣдствіе чувства справедливости, а чувство справедливости есть слѣдствіе наказанія. Англійскіе философы вообще выводятъ нечистую совѣсть изъ наказанія. Ея цѣнность заключается, по ихъ мнѣнію, въ томъ, что она будитъ въ виновномъ чувство преступности.

Ницше протестуетъ противъ этого. Онъ утверждаетъ, что наказаніе только ожесточаетъ и леденитъ душу человѣка, больше того: что самая судебная процедура препятствуетъ преступнику считать свои поступки достойными осужденія, ибо онъ видитъ, что въ интересахъ юстиціи по отношенію къ нему практикуются и въ этомъ случаѣ оправдываются дѣйствія точь въ точь такого же рода, какія и онъ совершалъ,—за нимъ шпіонятъ, разставляютъ ему западни, стараются застигнуть его врасплохъ, подвергаютъ его пыткамъ. Поэтому долгое время грѣхъ преступника совсѣмъ и не принимался въ разсчетъ; его признавали вреднымъ, а не виновнымъ, смотрѣли на него, какъ на нѣчто роковое, и преступникъ, съ своей стороны, принималъ наказаніе какъ обрушившійся на него ударъ рока, и съ фатализмомъ переносилъ его. Въ общемъ можно сказать, что наказаніе усмиряетъ человѣка, но не исправляетъ его.

Нечистая совѣсть, такимъ образомъ, еще не получила объясненія. Ницше выдвигаетъ слѣдующую геніальную гипотезу. Нечистая совѣсть—это то глубоко проникающее болѣзненное состояніе, которое разразилось въ человѣкѣ подъ гнетомъ самой коренной перемѣны, какой онъ когда-либо подвергался, а именно, когда онъ очутился безповоротно замкнутымъ въ обществѣ, огражденномъ законами. Всѣ сильные и дикіе порывы, какъ предпріимчивость, безразсудная отвага, лукавство, хищничество, властолюбіе, не только находившіеся до тѣхъ поръ въ почетѣ, но положительно воспитывавшіеся въ людяхъ, были внезапно заклеймлены, какъ опасные, и шагъ за шагомъ ославлены, какъ безнравственные, какъ преступные. Существа, приспособленныя къ бродячей, воинственной жизни, къ жизни, полной приключеній, вдругъ увидали, какъ всѣ ихъ инстинкты провозглашались негодными, больше того, запретными. Тогда ими овладѣло без-нечное уныніе, безмѣрная душевная подавленность. И всѣ инстинкты, е дерзавшіе прорваться наружу, обратились тогда во внутрь, противъ мого человѣка: враждебное обществу настроеніе, жестокость, стремле къ вѣчному разнообразію, рискованная игра жизнью, нападенія, прес дованія, разрушенія—и вотъ, возникла нечистая совѣсть.

Когда сложилось государство не въ силу общественнаго договора, какъ предполагалъ Руссо съ своими современниками, а вслѣдствіе того, что раса завоевателей съ устрашающей тиранніей обрушилась на болѣе многочисленное, но неорганизованное населеніе, тогда послѣднее подавило въ себѣ всѣ свободные инстинкты: активная сила, стремленіе къ власти обратились противъ самого человѣка. И на этой почвѣ зарождаются тогда идеалы красоты: самоотверженіе, самопожертвованіе, отсутствіе себялюбія. Страсть къ самопожертвованію въ своемъ зародышѣ есть влеченіе къ особаго рода жестокости; нечистая совѣсть есть стремленіе къ самоистязанію.

Мало-по-малу люди стали ощущать свою вину, какъ долгъ,—долгъ къ прошлому, предкамъ, долгъ, требующій уплаты въ видѣ жертвъ—вначалѣ пищей въ самомъ грубомъ смыслѣ слова—въ видѣ почестей и послушанія, ибо всѣ обычаи, какъ дѣло предковъ, являются вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ повелѣніями *). Люди находятся въ вѣчной тревогѣ, какъ бы не оказались ихъ жертвы недостаточны; они приносятъ въ жертву предкамъ первые плоды и первенцевъ отъ стада. Страхъ къ родоначальнику все возрастаетъ, по мѣрѣ того какъ усиливается могущество рода. Порою его преобразуютъ въ бога, откуда можно видѣть возникновеніе понятія о божествѣ изъ страха.

Чувство виновности по отношенію къ божеству неуклонно росло на протяженіи вѣковъ, пока, наконецъ, вмѣстѣ съ признаніемъ христіанскаго Бога универсальнымъ, это чувство не вырвалось наружу въ максимальныхъ размѣрахъ. Лишь въ наши дни ощущается замѣтное пониженіе этого чувства виновности; но тамъ, гдѣ сознаніе грѣховности достигаетъ наивысшей точки, тамъ нечистая совѣсть все разъѣла вокругъ себя, какъ ракъ, такъ что чувство невозможности дать полное удовлетвореніе за вину, за грѣхи, царитъ абсолютно и съ нимъ соединяется мысль о вѣчной карѣ. На родоначальникѣ (Адамѣ) лежитъ теперь проклятіе, грѣхъ переходитъ, какъ наслѣдіе. Даже на самую природу, изъ нѣдръ которой выходитъ человѣкъ, переносится злое начало: она проклята, отдана во власть діаволу, и, наконецъ, мы стоимъ предъ исходомъ, въ которомъ около двухъ тысячелѣтій находитъ себѣ утѣшеніе душевно истерзанное христіанство: Богъ приноситъ себя въ жертву за грѣхи людей.

Такимъ образомъ подавленный инстинктъ жестокости превратился въ самоистязаніе, и всѣ животно-человѣческіе порывы стали объясняться какъ вина противъ Бога. Всякое «нѣтъ», которое человѣкъ говоритъ своей природѣ, своей дѣйствительной сущности, онъ выбрасываетъ изъ себя какъ «да», какъ объявленіе дѣйствительности, относящейся къ святости Бога и признанію Его Судіей, а вслѣдъ затѣмъ вѣчность, будущая жизнь, муки безъ конца, вѣчная казнь въ аду.

Чтобъ хорошенько понять возникновеніе аскетическихъ идеаловъ, надо, кромѣ того, припомнить, что древнѣйшія поколѣнія интеллектуальныхъ и

*) Сравните теорію Лассаля о римскомъ завѣщаніи.

созерцательныхъ натуръ жили подъ страшнымъ гнетомъ пренебреженія со стороны охотниковъ и убійцъ, презиравшихъ невоинственный ихъ характеръ. Чтобъ отстоять себя, у нихъ не было иного средства, какъ возбудить къ себѣ страхъ. Достигнуть этого они могли только жестокостью къ самимъ себѣ: самобичеваніемъ, умерщвленіемъ плоти, отшельническою жизнью. Какъ жрецы, прорицатели, чародѣи, они поражали массы суевѣрнымъ ужасомъ. Жрецъ-аскетъ—это та личинка, изъ которой развился здравый мыслитель. Подъ владычествомъ жреца наша земля сдѣлалась аскетическимъ шаромъ: мрачнымъ уголкомъ въ небесномъ пространствѣ, населеннымъ недовольными и высокомѣрными созданіями, питавшими отвращеніе къ жизни, ненавидѣвшими свою планету, какъ юдоль скорби, и съ душой преисполненной зависти и злобы къ радости и красотѣ, причинявшими самимъ себѣ столько зла, сколько только возможно.

Тѣмъ не менѣе, взаимное противорѣчіе, находимое нами въ аскетизмѣ—жизнь, употребляемая *противъ* жизни — есть, конечно, лишь кажущееся противорѣчіе. Въ дѣйствительности аскетическій идеалъ отвѣчаетъ глубокой потребности хирѣющей жизни въ уходѣ и врачеваніи. Это идеалъ, указывающій на ослабленіе и усталость; съ его помощью жизнь точно такъ же борется со смертью. Это — ухищреніе, направленное къ самосохраненію жизни. Его предпосылка — болѣзненное состояніе укрощеннаго человѣка, отвращеніе къ жизни вмѣстѣ съ желаніемъ быть чѣмъ-нибудь другимъ, перенестись въ другой міръ, съ этимъ желаніемъ, усиленнымъ до высшей степени горячности и страсти.

Аскетъ есть воплощеніе самаго этого желанія. Его властью онъ привязываетъ къ жизни все стадо разочарованныхъ, подавленныхъ, потерпѣвшихъ крушеніе въ своихъ надеждахъ и предавшихся отчаянію существъ. Потому именно, что самъ онъ боленъ, онъ и есть ихъ прирожденный пастырь. Если бы онъ былъ здоровъ, онъ отвернулся бы съ негодованіемъ отъ всего этого стремленія переклеймить слабость, зависть, фарисейство, ложную нравственность въ добродѣтель. Но, самъ больной, онъ призванъ ходить за больными въ обширномъ пріютѣ для грѣшниковъ и грѣшницъ. Онъ постоянно возится съ страдальцами, ищущими причины своихъ мукъ внѣ себя; онъ учитъ страдальца, что преступная причина его мукъ—это онъ самъ. Такимъ образомъ онъ даетъ другое направленіе зложелательству человѣка-неудачника, дѣлаетъ его менѣе опаснымъ, принуждая его изливать на самого себя большую долю своей затаенной злобы. Врагомъ—аскета нельзя собственно назвать; онъ смягчаетъ страданіе, изобрѣтаетъ всякаго рода утѣшеніе, то усыпляющія, то возбуждающія средства.

Поднимался вопросъ о томъ, какъ бы побороть эпидемическую усталость и отчаяніе, овладѣвшія большими массами. Было испробовано нѣсколько средствъ. Сначала старались низвести до самой низкой степени жизненное чувство: не хотѣть, не желать, не дѣйствовать и т. д., притупиться (*Il faut s'abêtir*—Паскаля). Цѣль—святость, гипнотизація всей душевной ин-

ни, отрѣшеніе отъ всякой цѣли и чрезъ это свобода отъ болевыхъ ощущеній. Затѣмъ противъ такихъ состояній глубокой тоски примѣняли, какъ усыпляющее средство, механическую дѣятельность: благодатный трудъ. Аскетъ, имѣющій дѣло преимущественно съ страдальцами болѣе бѣдныхъ сословій, даетъ несчастному невольнику труда новое объясненіе его жизненной задачи, заставляетъ его въ работѣ видѣть благодѣяніе. Далѣе, однимъ изъ излюбленныхъ средствъ противъ меланхоліи служитъ предписаніе мелкихъ, легко доступныхъ удовольствій: доставлять радость другимъ, помогать имъ изъ любви къ ближнему. Наконецъ, рѣшающее средство—это составить изъ всѣхъ больныхъ одну громадную больницу, образовать изъ нихъ одну общину. Недовольство, которое чувство слабости влечетъ за собой, встрѣчаетъ противодѣйствіе, вслѣдствіе того, что эта масса чувствуетъ себя сильной, благодаря своей внутренней сплоченности.

Главное средство аскета заключалось, однако, въ томъ, что онъ сознанію виновности придавалъ значеніе грѣха. Внутреннее страданіе было карой. Больной былъ грѣшникомъ. Ницше сравниваетъ несчастнаго, получающаго такое истолкованіе своихъ мученій, съ курицей, заключенной въ очерченный мѣломъ кругъ. Онъ не можетъ ступить ни шагу дальше. Въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ, куда бы мы ни взглянули, всюду мы видимъ гипнотическій взглядъ грѣшника, недвижно устремленный на вину, какъ на единственную причину страданій. Всюду нечистая совѣсть, самобичеваніе и власяница, всюду слезы и скрежетъ зубовный и возгласы: еще больнѣе, еще больнѣе! Все служило аскетическому идеалу. И такимъ образомъ возникли эпилептическія эпидеміи,—эпидеміи флагеллантовъ и колдуній-истеричекъ, Витовой пляски и массоваго бреда въ экстравагантныхъ сектахъ, до сихъ поръ напоминающія о себѣ въ такихъ явленіяхъ, какъ армія спасенія и п. п.

Противъ аскетическаго идеала никто еще настоящимъ образомъ не ополчился; еще не имѣется опредѣленныхъ провозвѣстниковъ какого-либо новаго идеала. Наука, со временъ Коперника постоянно стремившаяся отнять у человѣка его прежнюю крѣпкую вѣру въ собственное значеніе, тѣмъ самымъ дѣйствовала скорѣе въ согласіи съ аскетическимъ идеаломъ. Въ настоящее время дѣйствительныхъ враговъ и подрывателей аскетическій идеалъ имѣетъ въ сущности лишь въ комедіантахъ этого идеала, въ его лицемѣрныхъ охранителяхъ, возбуждающихъ и поддерживающихъ недовѣріе къ нему.

Такъ какъ безсмысленность страданій ощущалась людьми, какъ проклятіе, то аскетическій идеалъ придалъ имъ смыслъ; этотъ смыслъ повлекъ за собой новый потокъ страданій, но все же онъ былъ лучше, чѣмъ ничего. Въ наши дни начинаетъ зарождаться новый идеалъ, видящій въ страданіи условіе для жизни, условіе для счастья и, во имя новой культуры, оспаривающій все то, что до сихъ поръ мы называли культурой.

V.

Въ числѣ сочиненій Ницше есть странная книга, носящая заглавіе: *Такъ говорилъ Заратустра.* Она состоитъ изъ четырехъ частей, написанныхъ въ 1883—1885 гг., каждая часть въ какихъ-нибудь десять дней. Отдѣлъ за отдѣломъ задуманъ среди долгихъ прогулокъ—«въ такомъ вдохновенномъ настроеніи, какъ будто каждая фраза была кѣмъ-то громко продиктована автору», выразился однажды Ницше въ частномъ письмѣ.

Главное дѣйствующее лицо и кое-что въ формѣ заимствованы изъ *Авесты* персовъ. Заратустра—миѳическій основатель религіи, болѣе извѣстный намъ подъ именемъ Зороастра. Его религія—религія чистоты; его мудрость легка и свободна, какъ свойственно тому, кто смѣялся при самомъ своемъ рожденіи: его природа—свѣтъ и пламя. Орелъ и змѣя, живущіе съ нимъ въ его горной пещерѣ, самое гордое и самое умное изъ всѣхъ животныхъ—древніе персидскіе символы.

Это произведеніе заключаетъ въ себѣ теоріи Ницше, такъ сказать, въ формѣ религіи. Это—коранъ или, вѣрнѣе, Авеста, которую онъ чувствовалъ потребность оставить въ наслѣдіе послѣ себя—темная и глубокая, возвышенная и отвлеченная, пророческая и упоенная чаяніями будущаго, переполненная до краевъ внутреннимъ *я* своего творца, въ свою очередь всецѣло преисполненнымъ самимъ собою.

Изъ современныхъ книгъ, бравшихъ этотъ аккордъ и примѣнявшихъ этотъ символически-аллегорическій стиль, могутъ быть названы *Книга польскихъ пилигримовъ* Мицкевича, *Anheli* Словацкаго и написанныя подъ вліяніемъ Мицкевича *Слова вѣрующаго* Ламеннэ. Но всѣ онѣ по своему языку носятъ библейскій характеръ, тогда какъ *Заратустра,* наоборотъ, представляетъ назидательное чтеніе для свободныхъ умовъ.

Самъ Ницше цѣнитъ эту книгу выше всѣхъ другихъ своихъ произведеній. Я не раздѣляю его взгляда. Фантазія, которой она проникнута, недостаточно пластична, и нѣкоторая монотонность неразлучна съ архаистическимъ изображеніемъ, выводящимъ одни типы.

Но къ этой книгѣ полезно обратиться тѣмъ, которымъ трудно совладать съ чисто-идеологическими сочиненіями Ницше; она содержитъ всѣ его основныя мысли въ риторически-поэтической формѣ. Ея главное преимущество,—это стиль, цѣльный отъ перваго слова и до послѣдняго, полнозвучный, глубоко-мелодическій, сильно настраивающій, по временамъ немного елейный въ своемъ запальчивомъ сужденіи и осужденіи, всегда выражающій самоуслажденіе, больше того, самоопьяненіе, но богатый какъ тонкими, такъ и смѣлыми красотами, увѣренный и подчасъ величавый. За этимъ стилемъ лежитъ настроеніе, подобно затишью въ горномъ воздухѣ, до того легкомъ и эѳирно-чистомъ, что въ немъ нѣтъ мѣста никакимъ міазмамъ, нѣтъ жизни никакимъ бактеріямъ, и не могутъ къ нему имѣть доступа ни шумъ, ни зловоніе, ни пыль, ни камни, ни тропинки.

Впереди чистое небо, у подошвы горы—безбрежное море, а наверху

океанъ свѣта, свѣтлая бѣлизна, лазурный колоколъ, безмолвно вздымающійся надъ шумящими водами и могучими горными хребтами. На вершинѣ, одинъ съ самимъ собою, Заратустра полной грудью вдыхаетъ чистый воздухъ,—одинъ съ восходящимъ солнцемъ, одинъ съ полуденнымъ зноемъ, не уменьшающимъ прохлады, одинъ съ сверкающими, говорящими звѣздами въ ночную пору.

Это хорошая, глубокая книга, свѣтлая по своей жизнерадостности, темная по своей загадочной рѣчи, книга, написанная для умственныхъ альпинистовъ и смѣльчаковъ, и для тѣхъ немногихъ, кто испытанъ въ великомъ презрѣніи и ненависти къ человѣческому муравейнику и въ великомъ человѣколюбіи, потому лишь ненавидящемъ такъ глубоко, что передъ нимъ носится образъ болѣе высокаго, болѣе мужественнаго человѣчества, которое онъ хочетъ вызвать къ жизни и воспитать.

Заратустра бѣжалъ въ свою пещеру на вершинѣ горы, потому что ему противно маленькое счастіе и мелкія добродѣтели. Онъ видѣлъ, что ученіе людей о добродѣтели и довольствѣ заставляетъ ихъ все мельчать и мельчать: ихъ доброта сводится главнымъ образомъ къ желанію, чтобъ никто не причинялъ имъ зла; поэтому они спѣшатъ предупредить другихъ, оказывая имъ добро. Это—трусость, а зовется это добродѣтелью. Они, конечно, также охотно нападаютъ на другихъ и вредятъ другимъ, но выбираютъ для этого лишь тѣхъ, кто разъ навсегда оставленъ безъ защиты и кого можно безъ всякой для себя опасности обижать. Это зовется храбростью, тогда какъ это еще болѣе глубокая трусость. Но когда Заратустра хочетъ изгнать трусливыхъ дьяволовъ изъ людей, противъ него раздается крикъ: Заратустра нечестивъ.

Онъ одинокъ, ибо всѣ прежніе товарищи отпали отъ него; молодыя сердца состарились, и даже не состарились, а только устали и облѣнились, только огрубѣли—и это они называютъ возвратомъ къ благочестію. «Вокругъ свѣта и свободы они когда-то порхали, какъ мотыльки и юные поэты, и вотъ уже они превратились въ филистеровъ и обскурантовъ». Они поняли свой вѣкъ, хорошо выбрали время и часъ. «Ибо теперь вновь начинаютъ вылетать ночныя птицы. Теперь пробилъ часъ для всѣхъ боящихся свѣта существъ».

Заратустра ненавидитъ большой столичный городъ, такъ какъ онъ—чистый адъ для мыслей отшельника. «Всѣ похоти и пороки обитаютъ здѣсь».

Заратустра ненавидитъ государство, ненавидитъ его такъ, какъ на сѣверѣ Генрикъ Ибсенъ, и еще глубже, чѣмъ онъ.

Для него государство—самое холодное изъ всѣхъ холодныхъ чудовищъ. Его основная ложь въ томъ, будто бы онъ—народъ. Нѣтъ, творческіе умы—вотъ кто создалъ народъ и далъ ему любовь и вѣру; этимъ они послужили жизни; каждый народъ своеобразенъ, а государство одинаково повсюду. На взглядъ Заратустры въ государствѣ «медленное самоубійство всѣхъ называется жизнью». Лишь тамъ, гдѣ прекращается государство,

начинается человѣкъ, не являющійся лишнимъ, человѣкъ, составляющій переходъ къ сверхчеловѣку.

Изъ государствъ Заратустра бѣжалъ на свою гору, въ свою пещеру.

Въ терпимости и сострадательности лежала для него величайшая опасность. Богатый мелкими неправдами состраданія, жилъ онъ среди людей.

«Весь искусанный ядовитыми мухами, весь изрытый безчисленными каплями злобы, какъ камень изрытый ими, такъ сидѣлъ я среди нихъ и говорилъ себѣ: все мелкое не имѣетъ вины по своей малости. Тѣ въ особенности, которыхъ называютъ добрыми, тѣ колютъ совершенно невинно, тѣ лгутъ совершенно невинно; какъ же могутъ они быть справедливы ко мнѣ?

«Кто живетъ среди добрыхъ, того состраданіе учитъ лгать. Состраданіе порождаетъ дурной воздухъ для всѣхъ свободныхъ душъ. Ибо глупость добрыхъ бездонна.

«Ихъ педантовъ-мудрецовъ я звалъ мудрецами, не педантами. Ихъ могильщиковъ я звалъ учеными изслѣдователями—такъ научился я подмѣнять слова. Могильщики выкапываютъ себѣ новыя болѣзни. Изъ стараго мусора поднимаются зловредныя испаренія. На горахъ—вотъ гдѣ надо жить».

И съ блаженнымъ чувствомъ вновь вдыхаетъ онъ вольный воздухъ горъ. Его дыханіе теперь свободно отъ запаха человѣческаго. Заратустра сидитъ на горѣ, окруженный древними разбитыми скрижалями закона и новыми наполовину исписанными таблицами, и ждетъ своего часа,—часа, когда явится левъ со стаей голубей, сила и кротость, и поклонятся ему. И онъ протягиваетъ людямъ новую таблицу, на которой начертаны слѣдующія ученія:

Не щади своего ближняго! Великая любовь къ самымъ дальнимъ предписываетъ это. Ближній есть нѣчто такое, что должно преодолѣть.

Не говори: я поступаю съ другими, какъ хочу, чтобъ другіе поступали со мной. Что *ты* дѣлаешь, того никто не можетъ тебѣ сдѣлать. Воздаянія не существуетъ.

Не вѣрь, будто ты не долженъ красть. Право, которое ты можешь для себя похитить, ты никогда не долженъ принимать, какъ даръ.

Остерегайся добрыхъ людей. Они никогда не говорятъ правды. Ибо все то, что они называютъ зломъ: великая неустрашимость, долго питаемое недовѣріе, жестокое «нѣтъ», глубокое отвращеніе къ людямъ, умѣніе и хотѣніе рѣзать по живому мѣсту—все это требуется тамъ, гдѣ должна родиться истина.

Все минувшее брошено на произволъ судьбы. Но если это такъ, то можетъ случиться, что чернь сдѣлается властелиномъ и все задушитъ въ своихъ мелкихъ водахъ, или что какой-нибудь тиранъ всѣмъ завладѣетъ. Поэтому нужна новая аристократія, которая ополчилась бы противъ черни и противъ всякой тираніи и на новыхъ таблицахъ начертала бы слово: благородный. Конечно, не такая аристократія, которую можно купить и

не такая добродѣтель, которая заключается въ томъ, чтобъ любить отечество. Нѣтъ, учитъ Заратустра. Вы должны быть изгнаны изъ страны своихъ отцовъ, и дѣдовъ, и прадѣдовъ. Не страну отцовъ своихъ должны вы любить, а страну своихъ дѣтей. Эта любовь и есть новая аристократія,—любовь къ этой новой странѣ, еще не открытой, лежащей далеко, въ самомъ далекомъ морѣ. На своихъ дѣтяхъ должны вы загладить несчастье, что вы дѣти своихъ отцовъ. Все минувшее должны вы искупить этимъ способомъ.

Заратустра полонъ милосердія. Другіе говорили: ты не долженъ нарушать брака. Заратустра учитъ: люди честные должны сказать другъ другу: «испробуемъ, можемъ ли мы сохранить взаимную любовь; поставимъ себѣ срокъ, чтобъ испытать себя и такимъ образомъ узнать, пожелаемъ ли мы болѣе продолжительнаго срока». То, что не гнется, ломается. Одна женщина сказала Заратустрѣ: правда, я нарушила бракъ, но сначала онъ меня сломалъ и сокрушилъ.

Заратустра не знаетъ пощады. Пословица гласитъ: не толкай телѣги, которая накренилась. Но Заратустра говоритъ такъ: что уже готовится упасть, то вы должны, сверхъ того, толкать. Все, что принадлежитъ нашему времени, все это падаетъ, рушится, никто не можетъ его удержать. Но Заратустра хочетъ еще толкать все это.

Заратустра любитъ храбрыхъ. Но не ту храбрость любитъ онъ, которая отвѣчаетъ на всякое нападеніе. Часто болѣе храбрости высказываетъ тотъ, кто отступаетъ и проходитъ мимо, чтобы приберечь себя для болѣе достойнаго врага. Заратустра не учитъ: любите своихъ враговъ! Онъ говоритъ: не вступайте въ борьбу съ врагами, которыхъ презираете.

Зачѣмъ такая жестокость?—взываютъ люди къ Заратустрѣ. Онъ отвѣчаетъ: зачѣмъ такая жестокость?—сказалъ уголекъ алмазу;—развѣ мы не изъ одного племени и не въ близкомъ родствѣ другъ съ другомъ? Тѣ, которые создаютъ новыя цѣнности, жестоки. Ихъ высшая утѣха—запечатлѣвать, какъ на кусочкѣ воска, свою руку на грядущихъ вѣкахъ.

Никакое ученіе не возмущаетъ такъ Заратустру, какъ ученіе о тщетѣ и ничтожности міра. Въ его глазахъ это обветшалыя сплетни, обветшалыя старушечьи сплетни. Пессимисты, видящіе въ итогѣ жизни перевѣсъ непріятныхъ сторонъ, провозглашающіе негодность существованія, внушаютъ Ницше рѣшительное отвращеніе. Онъ предпочитаетъ му́ку уничтоженію.

Ту же восторженную любовь къ жизни Ницше выразилъ въ своемъ *Гимнѣ къ жизни,* который самъ положилъ на музыку для хора и оркестра. Тамъ значится:

Gewiss, so liebt ein Freund den Freund,
Wie ich dich liebe, räthselvolles Leben.
Ob ich gejauchzt in dir, geweint,
Ob du mir Leid, ob du mir Lust gegeben,
Ich liebe dich mit deinem Glück und Harme.
Und wenn du mich vernichten musst,
Entreisse ich mich schmerzvoll deinem Arme,
Wie Freund sich reisst von Freundes Brust.

(Да, такъ другъ любить друга, какъ я тебя люблю, жизнь, полная загадокъ. Плакалъ ли я, ликовалъ ли съ тобой, радость ли ты мнѣ дарила иль горе, я люблю тебя съ счастьемъ твоимъ и печалью. И когда срокъ настанетъ тебѣ уничтожить меня, съ болью я вырвусь изъ твоихъ объятій, какъ другъ отрывается отъ дружеской груди.)

И стихотвореніе заканчивается такъ:

Hast du kein Glück mehr übrig mir zu schenken,
Wohlan, noch hast du deine Pein.

(Если ты мнѣ счастья больше подарить не можешь, что же въ томъ! Еще осталось у тебя страданье.)

Когда Ахиллъ соглашался быть лучше поденщикомъ на землѣ, чѣмъ царемъ въ царствѣ тѣней, то его выраженіе слабо и блѣдно въ сравненіи съ этой вспышкой жажды жизни, въ своей парадоксальности призывающей даже чашу страданій.

Эдуардъ Гартманъ вѣритъ въ начало и конецъ «мірового процесса». Онъ заключаетъ, что позади насъ не можетъ быть вѣчности, иначе всѣ возможности должны были бы уже наступить, чего, по его утвержденію, не оказывается. Въ рѣзкомъ контрастѣ съ нимъ и въ этомъ тоже пунктѣ, Заратустра, съ своеобразной мистикой, проповѣдуетъ вѣчное повтореніе, означающее, иными словами, что все во вселенной вѣчно возвращается, и мы сами вмѣстѣ съ нимъ, что мы уже безконечное число разъ существовали, и все во вселенной вмѣстѣ съ нами. Великіе часы міроздания для него песочные часы, постоянно перевертывающіеся, для того, чтобы песокъ вновь и вновь высыпался. Это полнѣйшая противоположность ученію Гартмана о гибели міра.

Въ часъ своей смерти Заратустра скажетъ: я исчезну теперь и умру; черезъ мгновеніе я буду ничто; но узелъ причинъ, въ который я вплетенъ, возвратится и будетъ постоянно вновь и вновь порождать меня.

Въ концѣ третьей части *Заратустры* есть глава подъ заголовкомъ: «Вторая пѣснь къ танцамъ». Танцы на языкѣ Ницше служатъ всегда выраженіемъ для высокой душевной легкости, парящей надъ земной тяготой и надъ всякой глупой серьезностью. Въ высшей степени замѣчательная по отношенію къ языку, эта пѣснь является прекраснымъ образчикомъ стиля въ этомъ произведеніи, въ тѣхъ мѣстахъ его, гдѣ онъ поднимается до наивысшаго поэтическаго полета. Заратустра видитъ жизнь передъ собой въ образѣ женщины; она щелкаетъ кастаньетами, и онъ танцуетъ съ нею, изливая въ пѣснѣ весь свой гнѣвъ на жизнь и всю свою любовь къ жизни.

In dein Auge schaute ich jüngst, oh Leben: Gold sah ich in deinem Nac
Auge blinken—mein Herz stand still vor dieser Wollust:—einen goldenen Ka
sach ich blinken auf nächtigen Gewässern, einen sinkenden, trinkenden, wie
winkenden, goldenen Schaukel-Kahn!

Nach meinem Fuss, dem tanzwüthigen, warfst du einen Blick, e
lachenden, fragenden, schmelzenden Schaukel-Blick.

Zwei Mal nur regtest du deine Klapper mit kleinen Händen—da schaukelte schon mein Fuss vor Tanzwuth

. . . . . .

Ich fürchte dich nahe, ich liebe dich ferne: deine Flucht lockt mich, dein Suchen stockt mich; ich leide, aber was litt ich um dich nicht gerne!

Deren Kälte zündet, deren Hass verführt, deren Flucht bindet, deren Spott—rührt.

Wer hasste dich nicht, dich grosse Binderin, Umwinderin, Versucherin, Finderin! wer liebte dich nicht, dich unschuldige, ungeduldige, windseilige, kindsäugige Sünderin!

(Въ твои очи заглянулъ я недавно, о, жизнь. Блескъ золота увидалъ я во тьмѣ твоихъ очей — мое сердце перестало биться отъ блаженной радости;

—на ночныхъ волнахъ засверкалъ передо мной золотой челнокъ,—опускающійся, погружающійся, вновь мелькающій, колыхающійся золотой челнокъ!

На мою ногу, рвавшуюся къ танцамъ, ты бросила взоръ,—смѣющійся, вопрошающій, томно-колыхающійся взоръ.

Дважды только шевельнули твои ручки кастаньетами—и вотъ уже нога моя заколыхалась въ страстномъ порывѣ къ танцамъ.

. . . . . .

Боюсь тебя близкой, люблю тебя далекой: твое бѣгство меня манитъ, твое исканіе удерживаетъ меня; я страдаю, но чего бы я не выстрадалъ ради тебя!

Тебя, чья холодность воспламеняетъ, чья ненависть обольщаетъ, чье бѣгство сковываетъ, чья насмѣшка умиляетъ.

Кто тебя не ненавидѣлъ, тебя, великую—сковывающую, обвивающую, соблазняющую, обрѣтающую! Кто тебя не любилъ, тебя, невинную, нетерпѣливую, какъ вѣтеръ, быструю, тебя, грѣшницу съ младенческимъ взоромъ.)

Въ этомъ діалогѣ между жизнью и ея любовникомъ, между танцовщицей и танцовщикомъ, встрѣчаются такія слова: о, Заратустра, ты любишь меня далеко не такъ пламенно, какъ говоришь; ты мнѣ недостаточно вѣренъ. Есть старый, тяжелый, басистый колоколъ, его рокотанье доносится ночью до твоей пещеры. Если ты услышишь этотъ колоколъ въ полночь, то думаешь до самаго полудня, что скоро покинешь меня.

И затѣмъ слѣдуетъ, какъ заключеніе, пѣсня стараго полуночнаго колокола. Но въ четвертомъ томѣ, въ отдѣлѣ *Nachtwandlerlied (Пѣснь лунатика)*, строка за строкой комментируется и поясняется эта коротенькая строфа, напоминающая своей формой отчасти средневѣковую сторожевую пѣсню, отчасти псаломъ какого-нибудь мистика, и какъ бы въ самой сжатой, самой краткой формулѣ содержащая въ себѣ таинственное настроеніе завѣтнаго ученія Ницше.

Полночь приближается, и такъ же сокровенно, такъ же ужасно, такъ же задушевно, какъ полуночный колоколъ бесѣдуетъ съ Заратустрой, такъ

взываетъ онъ къ высшимъ людямъ. въ полуночную пору слышно многое, что не дерзаетъ подать голоса днемъ, и полночь говоритъ: *слушай, слушай внимательно, человѣкъ!*

Мнѣ чудится, будто время протекло, будто я упалъ въ глубокій колодецъ. Міръ покоится сномъ. И съ холодной дрожью вопрошаетъ человѣкъ: кто будетъ властелиномъ земли? *Что скажетъ на это глубокая ночь?*

Колоколъ глухо ворчитъ въ отвѣтъ, червякъ дерево точитъ, червякъ сердце гложетъ: увы, *міръ глубокъ!*

Но старый колоколъ — отзывчивый инструментъ: всякая скорбь язвила его сердце, страданья отцовъ и предковъ, и всякое счастье, счастье отцовъ и предковъ, приводило его въ колебаніе—отъ колокола поднимается благоуханіе вѣчности, сладкое, какъ ароматъ розъ и золотистаго вина, благоуханіе стараго счастія и эта пѣснь: міръ глубокъ, *и глубже, чѣмъ думаетъ день.*

Я слишкомъ чистъ для неуклюжихъ рукъ дня. Самые чистые будутъ властелинами земли, самые чистые и сильные,—полуночныя души, ибо онѣ свѣтлѣе и глубже всякаго дня. *Ихъ скорбь глубока.*

Но радость проникаетъ глубже, чѣмъ сердечная му́ка. Ибо скорбь говоритъ: разбейся, мое сердце! Отлети, моя печаль! *Скорбь говоритъ: пройди!*

Но вы, высшіе люди! Если вы когда-либо говорили «да» радости, то говорили «да» и скорби. Ибо скорбь и радость тѣсно сплетены между собою, влюблены другъ въ друга, нераздѣльны. И все начинается вновь. Все вѣчно. *Всякая радость хочетъ вѣчности, хочетъ глубокой, глубокой вѣчности.*

И затѣмъ слѣдуетъ эта полуночная пѣснь:

Oh Mensch! Gieb Acht!
Was spricht die tiefe Mitternacht?
„Ich schlief, ich schlief—
Aus tiefem Traum bin ich erwacht.
Die Welt ist tief
Und tiefer als der Tag gedacht.
Tief ist das Weh—
Lust—tiefer noch als Herzeleid:
Weh spricht: Vergeh!
Doch alle Lust will Ewigkeit—
Will tiefe, tiefe Ewigkeit!“

VI.

Такъ вотъ каковъ онъ, этотъ воинственный мистикъ, поэтъ и мыслитель, этотъ имморалистъ, не устающій проповѣдовать. Когда приходишь къ нему отъ англійскихъ философовъ, то какъ будто попадаешь въ совершенно иной міръ. Англичане, всѣ вообще, терпѣливые умы; сущность ихъ природы заключается въ собираніи и объединеніи массы мелкихъ фактовъ для отысканія такимъ путемъ того или другого закона. Лучшіе изъ нихъ—Аристотелевскія головы. Рѣдко приковываютъ они вниманіе своей личностью и рѣдко являются очень сложными индивидуальностями.

больше производятъ впечатлѣнія тѣмъ, что дѣлаютъ, нежели тѣмъ, что они есть. Ницше, напротивъ того (какъ и Шопенгауэръ), пророкъ, ясновидецъ, художникъ, менѣе интересный тѣмъ, что онъ дѣлаетъ, нежели тѣмъ, что онъ есть.

Какъ ни мало чувствуетъ онъ себя нѣмцемъ, тѣмъ не менѣе онъ оказывается продолжателемъ метафизической и интуитивной традиціи въ нѣмецкой философіи и раздѣляетъ глубокую непріязнь нѣмецкихъ мыслителей во всякой утилитарной точкѣ зрѣнія. Въ своей страстной, афористической формѣ онъ безусловно оригиналенъ; своимъ идейнымъ содержаніемъ онъ съ различныхъ сторонъ напоминаетъ многихъ другихъ какъ въ современной Германіи, такъ и въ современной Франціи; не смотря на это, онъ считаетъ, очевидно, совершенно немыслимымъ, чтобъ онъ могъ быть чѣмъ-либо обязанъ кому-нибудь изъ своихъ современниковъ, и, какъ негодуетъ на всѣхъ тѣхъ, кто походитъ на него въ томъ или другомъ пунктѣ.

Мы говорили уже о томъ, какъ сильно онъ напоминаетъ Эрнеста Ренана своимъ взглядомъ на культуру и надеждой на умственную аристократію, могущую завладѣть верховнымъ господствомъ надъ землей. Тѣмъ не менѣе, у него не находится ни одного слова уваженія къ заслугамъ Ренана.

Мы равнымъ образомъ упоминали, что въ своей борьбѣ съ Шопенгауэровской моралью состраданія онъ имѣетъ предшественникомъ Эдуарда Гартмана. Въ этомъ писателѣ, талантъ котораго неоспоримъ, хотя его значеніе не соотвѣтствуетъ его необычайной славѣ, Ницше, какъ и всѣ нѣмецкіе профессора, хочетъ видѣть только шарлатана. Гартманъ созданъ изъ болѣе тяжелаго матеріала, чѣмъ Ницше. Онъ грубоватъ, самодоволенъ, коренной германецъ по складу ума и, наконецъ, въ противоположность Ницше, онъ совсѣмъ не затронутъ французскимъ духомъ и южнымъ загаромъ. Но между ними есть точки соприкосновенія, находящіяся въ зависимости отъ историческихъ условій въ той Германіи, которая вскормила ихъ обоихъ.

Во-первыхъ, есть нѣчто общее въ обстоятельствахъ ихъ жизни, такъ какъ оба они, какъ артиллерійскіе офицеры, прошли одну и ту же школу, а затѣмъ въ ихъ образованіи, ибо оба они исходятъ отъ Шопенгауэра и, тѣмъ не менѣе, оба сохраняютъ большой піэтетъ къ Гегелю,—слѣдовательно, соединяютъ въ своемъ культѣ этихъ двухъ братьевъ-враговъ. Они сходятся далѣе въ своемъ одинаковомъ отчужденіи отъ христіанской религіозности и христіанской морали, равно какъ въ своемъ столь современномъ нѣмецкомъ презрѣніи ко всякой демократіи.

Ницше походитъ на Гартмана своими нападками на соціалистовъ и анархистовъ, съ тою лишь разницей, что Гартманъ держится здѣсь болѣе научной точки зрѣнія. Ницше походитъ затѣмъ на Гартмана своимъ постояннымъ указаніемъ на невозможность идеала равенства и идеала мира, такъ какъ вся жизнь есть не что иное, какъ неравенство и война.

«Что хорошо?—Хорошо быть храбрымъ. Не хорошее дѣло освящаетъ войну, а хорошая война освящаетъ дѣло». Какъ и его предшественникъ, онъ основывается на необходимости борьбы изъ-за власти и на мнимой культурной пользѣ войны.

Въ обоихъ этихъ, сравнительно все же столь независимыхъ писателяхъ, изъ которыхъ одинъ мистическій натурфилософъ, другой мистическій имморалистъ, отражается владычество въ новой Германской имперіи милитаризма. Гартманъ во многихъ отношеніяхъ близокъ къ нѣмецко-мѣщанскому національному самолюбію, Ницше находится въ принципіальномъ противорѣчіи какъ съ этимъ самолюбіемъ, такъ и съ государственнымъ мужемъ, «нагромоздившимъ для нѣмцевъ новую Вавилонскую башню, чудовище по объему и силѣ, и поэтому называемую великой»; но духъ Бисмарка все же до нѣкоторой степени вѣетъ надъ произведеніями и Гартмана, и Ницше. Что касается вопроса о войнѣ, то здѣсь они лишь въ томъ отличаются другъ отъ друга, что Ницше желаетъ войны не ради фантастическаго міроискупленія, а для того, чтобы мужественность не исчезла съ лица земли.

Въ своемъ презрѣніи къ женщинѣ, въ своемъ поношеніи ея попытокъ къ эмансипаціи Ницше опять-таки встрѣчается съ Гартманомъ, но лишь постольку, поскольку оба они напоминаютъ Шопенгауэра, отголоскомъ котораго является въ этой области Гартманъ. Но тогда какъ Гартманъ здѣсь только морализирующій доктринеръ съ довольно неприглядньмъ оттѣнкомъ педантства, у Ницше подъ его выходками противъ женскаго пола чувствуется тонкое пониманіе опасности, представляемой женщиной, что указываетъ на болѣзненный личный опытъ. Онъ едва ли зналъ многихъ женщинъ, но тѣхъ, которыхъ онъ зналъ, онъ, очевидно, любилъ и ненавидѣлъ, но еще больше презиралъ. Снова и снова возвращается онъ къ неприспособленности для брака свободнаго, геніальнаго ума. Въ этихъ отзывахъ, во многихъ мѣстахъ, есть нѣчто рѣзко-индивидуальное, въ особенности тамъ, гдѣ отстаивается необходимость одинокой жизни для мыслителя. Но что касается менѣе личныхъ разсужденій о женщинѣ, то здѣсь устами Ницше, какъ и Гартмана, говоритъ старозавѣтная Германія, эта страна, женщины которой, въ противоположность женщинамъ Франціи и Англіи, въ теченіе долгихъ вѣковъ должны были ограничиваться семейной и строго-частной жизнью. У этихъ нѣмецкихъ писателей можно, говоря вообще, оцѣнить то, что отъ ихъ взора не ускользаютъ глубокая противоположность и непрерывная война между полами, не замѣченныя и не понятыя Стюартомъ Миллемъ. Но несправедливость къ мужчинѣ и нѣсколько поверхностная справедливость къ женщинѣ, къ которымъ по ею приходятъ достойныя восторженнаго удивленія освободительныя попытки Милля, все же гораздо предпочтительнѣй грубой несправедливости Ницше, утверждающаго, что въ своемъ обращеніи съ женщиной мы должны вернуться къ «безмѣрной разумности древней Азіи»

Въ своей борьбѣ съ пессимизмомъ Ницше имѣетъ, наконецъ, предшестве-

комъ Евгенія Дюринга (см. въ особенности его *Werth des Lebens—Цѣнность жизни*), и это обстоятельство внушало ему, повидимому, такое негодованіе, больше того, ожесточеніе, что въ своей подчасъ скрытой, подчасъ явной полемикѣ онъ клеймитъ Дюринга, обвиняя его въ обезьянствѣ; Дюрингъ ему омерзителенъ, какъ плебей, какъ антисемитъ, какъ апостолъ мести, какъ ученикъ англичанъ и Конта. Но Ницше ни единымъ словомъ не упоминаетъ о многихъ цѣнныхъ свойствахъ Дюринга, не стушевывающихся предъ этими опредѣленіями. Между тѣмъ, если подумать о судьбѣ Ницше, то станетъ совершенно понятно, что слѣпецъ—Дюрингъ, этотъ игнорируемый мыслитель, смотрящій свысока на оффиціальныхъ ученыхъ, этотъ учащій внѣ университетовъ философъ, громогласно исповѣдующій свою любовь къ жизни, несмотря на то, что жизнь такъ мало баловала его, представляется Ницше какъ бы карикатурой на него самого. Это не должно бы, однако, давать ему повода впадать по временамъ въ Дюринговскій ругательный тонъ. Но надо признаться: какъ ни желаетъ Ницше быть тѣмъ, чѣмъ онъ, впрочемъ, и есть: польскимъ шляхтичемъ, европейски-воспитаннымъ свѣтскимъ человѣкомъ и космополитическимъ мыслителемъ, въ одномъ пунктѣ онъ—нѣмецкій профессоръ и всегда останется имъ: въ тяжеловѣсной брани, которой разражается необузданная ненависть его къ соперникамъ, а, какъ нѣмецкій современный философъ, онъ не имѣлъ въ сущности соперниковъ, кромѣ Гартмана и Дюринга.

Удивительно, что этотъ человѣкъ, научившійся столь безконечно многому у французскихъ моралистовъ и психологовъ, какъ Ларошфуко, Шамфоръ и Стендаль, сумѣлъ въ такой малой степени усвоить себѣ сдержанность ихъ формы. Онъ не былъ подчиненъ дисциплинѣ, налагаемой на всякаго литературнымъ тономъ во Франціи по отношенію къ упоминанію о своей личности и ея изображенію. Ему стоило, повидимому, долгихъ усилій найти себя и всецѣло сдѣлаться самимъ собой. Чтобы найти себя, онъ замкнулся въ своемъ одиночествѣ, какъ Заратустра въ своей пещерѣ. Когда ему удалось достигнуть вполнѣ самостоятельнаго развитія, и онъ почувствовалъ въ своей душѣ льющійся обильнымъ потокомъ своеобразный родникъ идей, тогда онъ потерялъ всякое внѣшнее мѣрило собственной цѣнности, всѣ мосты къ окружающему міру были разрушены. Внѣшняя оцѣнка медлила явиться, и это только разжигало его самолюбіе. Первые проблески признанія извнѣ дали этому самолюбію новый толчокъ. Подъ конецъ оно сгустилось въ темную тучу надъ его головой и помрачило этотъ рѣдкій, этотъ необычайный умъ *).

В. С—ая.

---

*) Въ своей предпослѣдней книгѣ Ницше говоритъ: „Ich habe den Deutschen die tiefsten Bücher gegeben, die sie überhaupt besitzen—Grund genug, dass die Deutschen kein Wort davon verstehen". („Я далъ нѣмцамъ самыя глубокія книги, какія они только имѣютъ—причина, достаточная для того, чтобъ нѣмцы не поняли въ нихъ ни слова"). Въ послѣдней своей книгѣ онъ говоритъ: „Ich habe der *Menschheit* das tiefste Buch gegeben, dans sie besitzt"... („Я далъ *человѣчеству* самую глубокую книгу, какую оно имѣетъ")...

Письма о Западѣ.

Письмо I.

I.

Еще нѣсколько дней, и отойдетъ въ область исторіи XIX вѣкъ, сложный и загадочный вѣкъ, полный рѣзкихъ противорѣчій, какъ бы соединившій въ себѣ всѣ принципы и идеи, смѣнявшіе другъ друга на протяженіи тысячелѣтней человѣческой исторіи. Если каждая эпоха отмѣчается преобладаніемъ какого-нибудь принципа, если Средніе вѣка отмѣчены по преимуществу деспотическимъ вмѣшательствомъ церковнаго авторитета во всѣ стороны жизни, если эпоха Возрожденія характеризуется борьбой человѣческой личности за свои права и потребности, если, наконецъ, XVIII в. мы называемъ вѣкомъ раціонализма, то конецъ XIX вѣка ознаменованъ удивительнымъ совмѣщеніемъ самыхъ разнообразныхъ понятій и міровоззрѣній. Необыкновенный прогрессъ положительныхъ знаній уживается рядомъ съ отрицаніемъ науки, съ мыслями объ ея банкротствѣ, полное безвѣріе—съ усиленіемъ іезуитовъ и католическаго вліянія, утилитарное и соціальное искусство—съ символизмомъ и декадентствомъ, и всѣ эти разнообразные элементы духовной работы человѣчества находятъ одинаково талантливыхъ выразителей; всѣ направленія имѣютъ широкія сферы своихъ сторонниковъ. Можно подумать, что на протяженіи своей исторіи человѣчество выработало такой полный запасъ идей, что въ XIX столѣтіи каждому остается только выбирать любое изъ міровоззрѣній прошлаго, сообразно съ влеченіями своего собственнаго духа. Но въ самомъ отношеніи человѣка къ старымъ понятіямъ, въ тѣхъ побужденіяхъ, которыми онъ руководится при ихъ выборѣ, въ пріемахъ ихъ защиты, заключается нерѣдко столько новаго, что изученіе этихъ побужденій и пріемовъ, быть можетъ, и дастъ путеводную нить будущему историку истекающаго столѣтія для отысканія преобладающихъ принциповъ въ умственной жизни современнаго намъ общества.

Среди попытокъ возродить тотъ или другой изъ отжившихъ принциповъ едва ли не любопытнѣйшую попытку представляетъ усилившееся къ

вѣка движеніе въ пользу возстановленія католическаго и папскаго авторитета. Это движеніе выразилось въ Германіи оживленной пропагандой въ пользу уничтоженія закона объ іезуитахъ, въ Италіи — новыми рѣзкими выходками ультрамонтановъ; погребеніе недавно убитаго короля Гумберта снова оживило надежды папистовъ и заставило снова вспомнить о притязаніяхъ Ватикана на свѣтскія владѣнія. Но самое яркое выраженіе интересующее насъ движеніе получило во Франціи.

Франція—родина «наихристіаннѣйшихъ» королей, старая опора папства и католическаго міра; на Францію съ надеждой взирало папство въ трудные моменты своего существованія, и XIX вѣкъ при своемъ началѣ и концѣ ознаменованъ во Франціи двумя попытками возродить утраченную вѣру, двумя замѣчательными памятниками, представляющими апологію католичества и христіанства. Въ послѣдніе мѣсяцы прошлаго столѣтія Шатобріанъ дописывалъ «Духъ христіанства», и въ первый годъ нашего столѣтія на страницахъ *Меркурія* появились первые отрывки этого сочиненія составившаго эпоху въ исторіи французской литературы. Миновало ровно сто лѣтъ, и одинъ изъ популярнѣйшихъ французскихъ писателей нашего времени, Брюнетьеръ, выступаетъ съ новой апологіей христіанства. Предстоящее наступленіе новаго столѣтія побудило группу французскихъ ученыхъ предпринять большой коллективный трудъ («Un siècle») объ истекшемъ столѣтіи, причемъ обзоръ литературныхъ явленій вѣка сдѣланъ Брюнетьеромъ. «Я не могу, — говоритъ Брюнетьеръ, — лучше завершить настоящій обзоръ, какъ заявивъ, что конецъ вѣка согласуется съ его началомъ. Можно было думать, что его волнуютъ иныя заботы: такъ оно и было. Однако, если религіозный вопросъ не былъ всегда первымъ и самымъ очевиднымъ изъ его заботъ, онъ безспорно являлся неизмѣннымъ, минутами, пожалуй, наиболѣе затаеннымъ, но и мучительнымъ» *).

Это любопытное заявленіе, что XIX вѣкъ въ концѣ вѣковой работы европейскаго общества не подвинулся ни на шагъ впередъ по сравненію съ своимъ началомъ, справедливо только при первомъ поверхностномъ взглядѣ. Но стоитъ сравнить условія, при которыхъ развивалась католическая реакція въ началѣ столѣтія и судьбу этой реакціи въ концѣ вѣка, чтобы понять, какъ сильно измѣнилось міровоззрѣніе французскаго общества за этотъ періодъ. Предъ нами два литературныхъ памятника: «Духъ христіанства», открывающій собою столѣтіе, и рѣчь Брюнетьера на съѣздѣ католиковъ, произнесенная на исходѣ его **). Оба памятника имѣютъ общую цѣль—защиту христіанства, но при всемъ сходствѣ между ними существуетъ и глубокое различіе. Твореніе Шатобріана было съ энтузіазмомъ

*) Ст. Брюнетьера переведена на русскій языкъ и издана отдѣльной брошюрой: *Ф. Брюнетьеръ:* „Европейская литература XIX в.“. Переводъ А. А. Веселовской. М., 1900 г.

**) „Les raisons actuelles de croire“. Discours prononcé à Lille par F. Brunetière, le 18 novembre 1900, pour la clôture de la vingt-septième Assemblée générale des Catholiques du Nord et du Pas-de-Calais.

встрѣчено современниками. Конкордатъ Наполеона съ Піемъ VII, знаменовавшій примиреніе Франціи съ католичествомъ, какъ нельзя болѣе гармонировалъ съ настроеніемъ эпохи, и тщетно нѣкоторые приближенные перваго консула возставали противъ конкордата; ихъ протестующіе голоса заглушались единодушнымъ одобреніемъ общества, видѣвшаго въ возстановленіи религіознаго культа могучее средство для поддержанія порядка.

И сочиненіе Шатобріана явилось кстати; но это не было возрожденіе той вѣры, противъ которой выступила революція. «Духъ христіанства»— не теологическій трактатъ; авторъ стремится показать не истинность догматовъ, а ихъ величіе, не божественное происхожденіе таинствъ, а ихъ трогательную красоту. Защитникъ христіанства въ началѣ нашего вѣка становится на эстетическую почву такъ же смѣло, какъ его предшественники, средневѣковые теологи, стояли на почвѣ откровеній. Католицизмъ красивъ—вотъ причина, почему человѣчество должно оставаться въ его власти. Католическія таинства священны, потому что все таинственное, все чудесное влечетъ къ себѣ человѣческое сердце. «Все скрыто, все непостижимо во вселенной»,—говоритъ авторъ «Аталы». Христіанство породило великое искусство и литературу, которыя были невѣдомы античному міру; Шатобріанъ восторгается готическими храмами. Такъ, при чтеніи «Духа христіанства» предъ нами мало-по-малу намѣчаются основные пункты романтической программы. Шатобріанъ не замѣтилъ, какъ вмѣсто того, чтобы защитить христіанство и католичество, онъ явился апологетомъ романтизма. Его эстетическое христіанство носило въ себѣ всѣ признаки этого новаго умственнаго движенія, постепенно охватывавшаго всѣ европейскія литературы. Чрезмѣрное преклоненіе передъ поэзіей и красотой, томленіе и неясное влеченіе ко всему недосказанному, туманному и мистическому,—вотъ черты, обнаружившіяся въ шатобріановской апологіи христіанства. Шатобріанъ не столько оправдалъ католичество, сколько превратилъ его въ союзника романтическихъ идеаловъ, господствомъ которыхъ ознаменовалось начало нынѣшняго столѣтія, и его знаменитая книга, не возродивъ католицизма, осталась памятникомъ вкусовъ и понятій времени, доказала, что католицизмъ можетъ играть только служебную роль, поступая на службу задачамъ эпохи, примыкая къ тѣмъ, кто работаетъ надъ осуществленіемъ этихъ задачъ.

II.

Нѣчто подобное совершается во Франціи въ настоящую минуту; но ни апологетъ христіанства очутился въ такомъ же положеніи, какъ и его предшественникъ. Разница только въ степени талантовъ, въ степени у-ченія, но не въ существѣ дѣла. Вмѣсто величественнаго, полнаго по-тическихъ красотъ творенія Шатобріана предъ нами холодная, разсудитель-рѣчь Брюнетьера, съ внѣшней логической стройностью, отличающей фи-цузскихъ мыслителей; вмѣсто непосредственнаго увлеченія автора «Ре-»,

наивно вѣрившаго, что онъ оказываетъ услугу католицизму, предъ нами политикъ, разсчетливый и умный, сознательно отводящій христіанству и религіи служебную роль. Измѣнилось и общество. Вмѣсто горячаго энтузіазма, которымъ французское общество встрѣтило Шатобріана, аплодисменты узкаго кружка съѣхавшихся католиковъ привѣтствовали рѣчь редактора *Revue de deux Mondes*. Измѣнились и политическія условія: наполеоновскій конкордатъ давно уже утратилъ свой смыслъ, а клерикальная пропаганда, сопровождавшаяся вначалѣ осужденіемъ Дрейфуса, побѣдой іезуитовъ и ихъ выученниковъ въ генеральномъ штабѣ, кончилась торжествомъ здраваго смысла французовъ, процессомъ ассомпсіонистовъ, мѣропріятіями правительства съ цѣлью уничтоженія іезуитскаго вліянія въ арміи и открыто выраженнымъ сочувствіемъ парламента министерству Вальдека-Руссо.

Брюнетьеръ понимаетъ, что его доводы въ пользу вѣры имѣютъ временный характеръ, что въ область религіи, которая опредѣляется неизмѣнностью догмы, онъ вноситъ принципъ измѣнчивости и эволюціи; его рѣчь называется «*Современные* доводы въ пользу вѣры». Вотъ почему Брюнетьеръ начинаетъ свою рѣчь съ оправданія своей постановки вопроса. Каждая эпоха, по его мнѣнію, выставляетъ въ пользу необдихомости вѣры доводы болѣе современные, чѣмъ другія эпохи; изъ всѣхъ доводовъ, говорящихъ въ пользу необходимости вѣрить, ораторъ выбираетъ тѣ, которые находятся въ самой тѣсной связи съ современнымъ ему образомъ мыслей. Вѣчные въ основѣ своей, т.-е. въ отношеніи къ неизмѣнной догмѣ, доводы въ пользу вѣры различны по формѣ, т.-е. по отношенію къ человѣческому уму, который измѣняется. Идеи остаются однѣми и тѣми же, но рѣчь идетъ о томъ, чтобы перевести ихъ на различные языки.

Такую эволюцію переживаетъ апологія католицизма Средневѣковые вдохновенные фанатики-аскеты, не представлявшіе возможности какихъ бы то ни было измѣненій въ догмѣ, не нуждавшіеся въ оправданіи католицизма, смѣняются черезъ тысячу лѣтъ поэтомъ христіанства, хотя и утратившимъ непосредственную вѣру, но постигнувшимъ красоту и поэзію христіанской религіи. Прошло еще столѣтіе, и католикъ новой формаціи вноситъ въ апологію католицизма новый казуистическій принципъ: человѣчество можетъ пережить цѣлый рядъ понятій; измѣнятся общіе взгляды и представленія, но католицизмъ, этотъ эластичный, легко приспособляющійся ко всѣмъ условіямъ феноменъ, становится не вѣчной, неизмѣнной истиной, а удобной формулой, въ которую можно вложить какое угодно содержаніе и освятить это произвольно взятое содержаніе авторитетомъ священной формы.

И Брюнетьеръ отказывается отъ старыхъ доводовъ; откровенія, чудеса, красота христіанства—все это не входитъ въ качествѣ аргументовъ въ защитительную рѣчь правовѣрнаго католика конца вѣка. Онъ говоритъ на языкѣ, понятномъ современному человѣку.

Если,—говоритъ Брюнетьеръ,—существуетъ явленіе характерное для

нынѣшняго столѣтія, то это—ростъ демократіи; съ этимъ именемъ соединяютъ все лучшее, что резюмируется тройнымъ девизомъ: свобода, равенство и братство. Но три разряда идей, которыя связаны съ нимъ, находятся въ явномъ противорѣчіи съ естественными законами, управляющими эволюціей человѣка и обществъ. Какъ примирить свободу съ детерминизмомъ? Равенство—съ подборомъ, въ основаніи котораго лежитъ естественное или пріобрѣтенное неравенство? братство—съ борьбой за существованіе? И задавъ эти вопросы, Брюнетьеръ обрушивается на науку, которая идетъ вразрѣзъ съ «прекраснымъ республиканскимъ девизомъ». Только при свѣтѣ христіанства раскрывается истинный смыслъ республиканскаго девиза. Античный міръ не зналъ свободы; моралисты этого міра включали рабство, какъ необходимый элементъ, въ свое міропониманіе, свобода вступила въ міръ вмѣстѣ съ христіанствомъ. Но не только исторія раскрываетъ тѣсную связь между христіанствомъ и основнымъ республиканскимъ принципомъ. Обратитесь,—говоритъ Брюнетьеръ,—къ географіи. Въ какой странѣ встрѣтите вы хоть тѣнь свободы? Конечно, не въ Китаѣ, не въ Турціи, не у магометанскихъ народовъ. Свобода не только вступила въ міръ вмѣстѣ съ христіанствомъ, но и осуществилась лишь въ христіанскихъ обществахъ.

Подобно принципу свободы, до христіанства и внѣ христіанскихъ странъ міръ не знаетъ и принципа равенства. Наука въ лицѣ Дарвина и исторія въ лицѣ Ницше создали отвратительную теорію сильнаго человѣка и сверхчеловѣка; равенства нѣтъ ни въ природѣ, ни въ человѣческомъ обществѣ, мы не равны ни въ физическомъ, ни въ умственномъ отношеніяхъ, ни по своимъ достоинствамъ, ни по своимъ, быть можетъ, потребностямъ. Неравенство—соціальная функція, равенство было бы химерой, если бы мы не были равны, по счастью, передъ страданіемъ и передъ смертью. Равные передъ смертью, мы невольно уравнены и въ средствахъ приготовленія къ ней. Но это возможно только при условіи христіанской смерти, т.-е. при условіи, что смерть есть не конецъ, а начало пути. Въ противномъ случаѣ нѣтъ основанія для равенства, нѣтъ причины, которая мѣшала бы сверхчеловѣку злоупотреблять своимъ превосходствомъ, нѣтъ причинъ, которыя бы препятствовали человѣку занять на пиршествѣ жизни мѣсто, соотвѣтствующее его желаніямъ и аппетитамъ. Если бы христіанство не было всѣмъ тѣмъ, чѣмъ оно является въ дѣйствительности, то эта величественная идея поставить цѣль жизни внѣ жизни, въ другой жизни, было бы достаточнымъ поводомъ для того, чтобы вѣрить. Ни разумъ, ни разсужденіе, ни исторія не могутъ установить равенства, которое устанавливается этой идеей о загробной жизни.

Точно такимъ же путемъ Брюнетьеръ приходитъ къ мысли, что третій принципъ республиканскаго девиза братство, немыслимъ внѣ христіанства. И ораторъ въ заключеніе посылаетъ своихъ слушателей въ Римъ искать вѣры.

III.

Въ рѣчи Брюнетьера прежде всего поражаетъ смѣшеніе понятій объ идеалѣ и объ его практическомъ осуществленіи. Никто не сомнѣвается въ высотѣ тѣхъ нравственныхъ идеаловъ, которые выставило христіанство, и едва ли эти идеалы нуждаются въ защитѣ. Пока Брюнетьеръ стоитъ на почвѣ христіанскаго ученія, онъ правъ, хотя и повторяетъ далеко не новыя сужденія, но когда ораторъ отъ защиты этого ученія дѣлаетъ неожиданный скачокъ и объявляетъ паломничество въ Римъ единственнымъ средствомъ спасенія, тогда всѣ доводы, выставленные Брюнетьеромъ противъ науки, обращаются противъ него же.

Если наука не установила равенства, то католицизму тѣмъ менѣе можно приписать эту заслугу; наука не создала братства между народами, но развѣ тысячелѣтнее господство католической церкви не ознаменовано братоубійственными войнами? Еще слишкомъ свѣжо воспоминаніе объ ужасномъ расколѣ, которымъ Франція обязана главнымъ образомъ клерикальной пропагандѣ и который раздѣлилъ всю страну на два враждебныхъ лагеря. Подвиги католическихъ миссіонеровъ въ Китаѣ, вызвавшіе дружное протестующее слово со стороны представителей столь несимпатичной Брюнетьеру науки, ясно показали, что географія является столь же плохимъ аргументомъ для защиты католичества, какъ и исторія. Вся французская литература въ теченіе столѣтія, по мнѣнію автора, является возвратомъ къ религіи, и даже Бальзакъ не упускаетъ случая заявить о «непреклонности своего католицизма». Трудно не видѣть всей односторонности такого сужденія. Если въ началѣ вѣка Шатобріанъ съ своимъ «Духомъ христіанства» и Жозефъ де-Местръ съ своей книгой «О папѣ», этимъ уродливымъ дѣтищемъ реакціи, еще мечтали о возрожденіи папства, то по мѣрѣ приближенія къ концу вѣка, клерикальное направленіе въ литературѣ быстро уступаетъ свое мѣсто соціальному. Жоржъ Зандъ никакъ нельзя заподозрить въ томъ, что въ Римѣ она чаяла найти спасеніе, а лучшіе романы Зола попали въ пресловутые интердикты Ватикана.

Рѣчь Брюнетьера—одинъ изъ послѣднихъ отголосковъ умирающихъ чаяній католицизма. Какъ «Духъ христіанства» въ свое время возвѣстилъ не возрожденіе католицизма, а наступающее господство эстетики и романтизма, такъ и пріемы брюнетьеровой апологіи интересны какъ знаменіе времени. Какъ въ свое время для защиты католичества Шатобріанъ поставилъ въ центрѣ своей аргументаціи эстетику, такъ въ наше время апологетъ Рима исходитъ отъ роста демократіи. Писатель начала вѣка чувствовалъ, что его современникамъ сильнѣе всего говорятъ эстетическіе доводы, писатель конца вѣка сознаетъ, что, только въ качествѣ фактора, солидарнаго съ соціальными идеалами нашего времени, католицизмъ можетъ быть оправданъ. Но при этомъ сходствѣ пріемовъ между обоими писателями существуетъ и глубокое различіе; на сторонѣ Шатобріана была правда и талантъ; католичеству міръ дѣйствительно обязанъ оригиналь-

нымъ искусствомъ, и у Шатобріана было достаточно чутья и краснорѣчія, чтобы постигнуть и раскрыть міру красоту той религіи, которую онъ исповѣдовалъ. Рѣчь Брюнетьера о солидарности интересовъ демократіи и Рима звучитъ фальшиво и не убѣдитъ никого, кромѣ клерикальныхъ кружковъ, распадающихся, благодаря энергичной политикѣ нынѣшняго министерства и здравому смыслу французскаго народа. Низшіе классы давно уже поняли, что имъ нечего ждать отъ Ватикана, и ни заигрываніе ультрамонтановъ съ итальянскими радикалами, ни рѣчи новообращеннаго Брюнетьера, не возвратятъ европейское общество къ Среднимъ вѣкамъ и даже къ началу нашего вѣка, какъ мечтаетъ авторъ рѣчи. Человѣческая мысль прогрессируетъ и не возвращается къ старымъ принципамъ, изъ которыхъ она выросла и которые стали непригодными для новыхъ требованій жизни. Европейской демократіи незачѣмъ прибѣгать къ устарѣлымъ средствамъ для осуществленія своихъ идеаловъ.

П. С. Коганъ.

Генрикъ Сенкевичъ *).

Генрикъ Сенкевичъ родился 4 мая 1845 г. въ Волѣ, въ окрестностяхъ Лукова, въ семьѣ хотя и не особенно богатой, но принадлежащей къ древнему роду литовскихъ дворянъ. Образованіе свое онъ получилъ сначала въ гимназіи, а затѣмъ въ Варшавскомъ университетѣ, курсъ въ которомъ окончилъ въ 1872 году. Одаренный въ высшей степени живымъ и романтическимъ темпераментомъ, сгораемый вѣчною жаждой видѣть, наблюдать, знать, онъ предпринялъ рядъ путешествій, совершилъ экскурсію въ Калифорнію; затѣмъ посѣтилъ Францію, Англію, Германію, Грецію, Турцію, Славянскія земли, Италію, Африку.

Объ Италіи онъ всегда говорилъ съ любовью, не только въ своихъ книгахъ, но и въ письмахъ. Одно изъ нихъ, которымъ я обязанъ любезности г. Адама Даровскаго, я имѣю возможность привести здѣсь въ итальянскомъ переводѣ: «Недавно съ письмомъ къ маркизѣ Паулуччи Хлудзинской я послалъ конецъ моей повѣсти *На ясномъ берегу*, которую я написалъ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, какъ мои книги были переведены на итальянскій языкъ, и которая гласитъ приблизительно слѣдующее: у каждаго человѣка есть два отечества, одно—гдѣ онъ родился, другое — Италія; религія, наука, искусство, — словомъ, вся культура и вся умственная и духовная жизнь получили начало оттуда, а потому каждый долженъ, поистинѣ, чувствовать себя если не роднымъ, то хотя пріемнымъ сыномъ Италіи. Будьте любезны передать итальянцамъ слѣдующее, ибо это есть истина, весьма удачно изображающая мои чувства: я всегда любилъ ихъ и ихъ страну». Но въ особенности онъ любитъ Римъ, гдѣ, какъ и Гёте, чтитъ и чувствуетъ духъ язычества и обрѣтаетъ пищу своему христіанскому благочестію въ памятникахъ первоначальной вѣры апостоловъ и мучениковъ и въ воспоминаніяхъ о ревностномъ и вдохновенномъ аскетизмѣ среднихъ вѣковъ. Ибо Римъ является единственнымъ городомъ, который символизируетъ собой и совмѣщаетъ въ себѣ вещи, совершенно противоположныя, и примиряетъ всѣ свидѣтельства

*) Статья Ардуино Колаванти въ *Rivista politica e letteraria*.

исторіи и жизни въ своемъ торжественномъ безподобномъ величіи и въ безконечной грусти своихъ воспоминаній. Быть можетъ, именно въ силу этого Римъ убаюкивалъ въ своей торжественной тишинѣ бѣдствія народовъ и трагедіи королей, и представляетъ собою самое надежное убѣжище для души, измученной страстями. Гёте и Шатобріанъ, Ренанъ и Сильвіо Пеллико, Броунингъ и Александръ Дюма, Шелли и Сенкевичъ,—всѣ, кто много думалъ, много любилъ, много страдалъ, боготворятъ Римъ *).

Сюда польскій романистъ совершилъ неоднократныя путешествія, здѣсь созрѣвала его мысль и развивалось артистическое сознаніе, отсюда впервые появились на свѣтъ его первые опыты: разсказы, критическія статьи, размѣщенные по различнымъ журналамъ; въ 1873 г. появилась цѣлая серія юмористическихъ очерковъ, письма изъ путешествія по Америкѣ, *Эскизы углемъ* и рядъ замѣтокъ и наблюденій: *Черезъ степи*. Возвратившись въ Варшаву, онъ попробовалъ свои силы въ театральной области и поставилъ драму: *На одну карту*, но вскорѣ вернулся къ повѣстямъ и написалъ *Янко музыкантъ*, *Ямёлъ*, *Орсо*, *Фонарщикъ на маякѣ* и по вопросу о польской эмиграціи въ Америку *За хлѣбомъ*. Въ 1881 году въ журналѣ *Слово* появилась первая часть его большого романа *Огнемъ и мечомъ*, за которымъ въ скоромъ времени послѣдовали два другіе: *Потопъ* и *Панъ Володіевскій*, героическій циклъ въ одиннадцати объемистыхъ томахъ, какъ называетъ ихъ Чамполи, рядъ историческихъ романовъ изъ драматической эпохи возстаній и междоусобныхъ войнъ, которыя обуревали Польшу въ XVII вѣкѣ. Въ другихъ отдѣльныхъ изданіяхъ и въ періодической печати появлялись, слѣдуя одинъ за другимъ разсказы: *Старый слуга*, *Ганя*, *Бартекъ побѣдитель*, *Дневникъ Познанскаго учителя*, *Приговоръ Зевса* и другіе, позднѣе былъ напечатанъ *Камо грядеши?* и два психологическихъ романа: *Безъ догмата* и *Семья Поланецкихъ*.

Въ послѣдніе годы первой половины текущаго столѣтія предчувствіе, увѣренность въ близости политическихъ, общественныхъ и религіозныхъ преобразованій среди всего цивилизованнаго человѣчества проглядываетъ всюду въ произведеніяхъ, которыя польскіе писатели посылали изъ изгнанія, въ качествѣ добрыхъ вѣстниковъ, своему скорбному отечеству. Такъ муза Мицкевича, звучавшая такими полными затаенной безнадежности и отчаянія звуками, какъ разъ наканунѣ 1830 г. обрѣтаетъ какую-то жизнерадостность и спокойную горделивость, что̀ является разительнымъ контрастомъ въ сопоставленіи съ дѣйствительностью, но ея си ла заключается главнымъ образомъ въ тайномъ и могучемъ предвидѣ ніи наступленія новой эры. Такая же вѣра вдохновляла и другого поэт съ пылкимъ умомъ, съ живымъ воображеніемъ, легко поддающимся гни ву,—Словацкаго.

---

*) Къ этимъ людямъ мы можемъ причислить нашихъ—Иванова и Гоголя. Р

Среди такого единодушія въ стремленіяхъ внезапно раздался зловѣщій голосъ автора *Не божественной комедіи*. Чуждый всѣхъ стремленій и упованій своего времени, знаменитый писатель сумѣлъ покорить умы своими возбуждающими чарами.

Но послѣ 1831 г. въ Польшѣ происходитъ демократическое движеніе, въ силу котораго писатели призываются изъ воздушныхъ сферъ ихъ умственнаго оптимизма на почву дѣйствительности, и на ряду съ неистовствующимъ натурализмомъ *Псалмовъ будущаго*, которыми въ теченіе двухъ лѣтъ сопровождалось изступленное безсиліе *Зари*, возникла новая литература, которая почерпала свое здоровое вдохновеніе изъ самой жизни. Въ ней продолжается давленіе великихъ принциповъ: непоколебимость долга, абсолютно прекрасное, нравственная безупречность, исключительный патріотизмъ,—словомъ, всѣ составные элементы польской литературы за послѣднее время, начиная Крашевскимъ и кончая Сенкевичемъ.

Вотъ что предшествовало разсказамъ Сенкевича. Когда они впервые появились среди насъ, намъ казалось, что мысли и чувства, изображаемыя въ нихъ, заключены въ какія-то неизвѣстныя дотолѣ формы; мы старались приблизить ихъ къ образцамъ, болѣе намъ знакомымъ, но въ нихъ было что-то такое, что не поддавалось сравненію и ускользало отъ анализа на почвѣ проведенія параллели.

Простой, искренній и спокойный разсказъ Сенкевича, гдѣ ясно обозначена цѣль, прямо и непосредственно дѣйствуетъ на душу. Нерѣдко конецъ его заключаетъ поучительную мораль, часто онъ трогаетъ читателя, достигая этого средствами, изумительная простота которыхъ почти граничитъ съ первобытностью; всегда, такъ или иначе, въ каждомъ добромъ поступкѣ, который въ немъ фигурируетъ, самое незначительное движеніе души уже заключаетъ въ себѣ тайный залогъ и начало благороднаго чувства.

Первый изъ этихъ разсказовъ переведенъ на итальянскій языкъ въ 1884 году знаменитымъ профессоромъ Де-Губернатисомъ, который еще за шестнадцать лѣтъ до того, какъ имя молодого польскаго писателя съ шумнымъ успѣхомъ облетѣло весь свѣтъ, предвидѣлъ въ немъ будущаго автора *Quo vadis*. Это—исторія одного бѣднаго юноши, лишеннаго всякихъ средствъ къ существованію, который принимается за изученіе латыни; но, устрашившись мысли о предстоящемъ трудномъ испытаніи, малодушно умираетъ.

Послѣдній изъ разсказовъ, переведенный по-итальянски, былъ напечатанъ въ *Giorno* подъ заглавіемъ *На Олимпѣ*. Въ немъ излагается коротенькая легенда, въ которой на ряду съ могучимъ вѣяніемъ поэзіи и съ рѣдкой привлекательностью образовъ и колоритовъ изображается торжество христіанства надъ язычествомъ и повторяется та идея, которая проведена въ безподобномъ описаніи смерти Петронія и Эвники: только тѣ вещи были хороши въ нравственной и религіозной области у древнихъ: наслажденіе и поклоненіе прекраснымъ формамъ.

Достаточно прочесть этотъ разсказъ, въ которомъ рѣчь иногда подни-

мается на высоту Гомеровской торжественности и который щедро надѣленъ эпическими достоинствами, чтобы видѣть, какіе восхитительные эффекты умѣетъ извлекать Сенкевичъ изъ самыхъ простыхъ положеній единственно съ помощью мастерства стиля и неподдѣльной искренности чувства.

Въ другихъ разсказахъ дѣйствуютъ кроткія фигуры дѣтей, — бѣдныхъ существъ, сотканныхъ изъ слезъ и миловидности, нѣжныхъ и несчастныхъ, очаровательныхъ даже и въ несчастіи: Янко музыкантъ, — непонятая и безпріютная душа артиста,—который бродитъ по деревнѣ, слышитъ и понимаетъ всѣ голоса природы, трепещетъ при каждомъ звукѣ, но котораго принимаютъ за воришку и избиваютъ до полусмерти; Марися, блѣдный и слабый ребенокъ, у которой въ одинъ снѣжный день схоронили мать и которая, будучи вручена попеченіямъ пьянаго извозчика, въ тихую безвѣтренную ночь заблудилась въ лѣсу, неподвижномъ, облитомъ яснымъ луннымъ сіяніемъ.

Безъ сомнѣнія, уже и здѣсь сказываются всѣ приправы стараго романтизма, которыя встрѣчаются и въ *Семьѣ Поланецкихъ*, и въ *Quo vadis:* героизмъ, преувеличенная чувствительность, патетическая смерть и лунный свѣтъ: но вмѣстѣ съ тѣмъ въ нихъ есть какое-то настолько захватывающее очарованіе, такое полное спокойствіе, такая глубокая красота новыхъ ритмовъ и новыхъ гармоній, что неясное и непреодолимое томленіе по неизвѣстному мало-по-малу отъ дѣйствующихъ лицъ сообщается душѣ читателя; тамъ есть также нѣкоторыя восхитительныя картины, какъ бы вдохновленныя кистью Делакруа, и безконечное блужданіе въ уединенныхъ мѣстахъ, безмолвныхъ и таинственныхъ, на которыя проливается вся поэзія загадочнаго невѣдомаго міра, какъ это встрѣчается въ нѣкоторыхъ картинахъ Пювисъ-де-Шеваннъ.

За разсказами слѣдуютъ историческіе романы, изъ которыхъ первый—*Огнемъ и мечомъ*—появился въ прекрасномъ итальянскомъ переводѣ.

Чамполи поднимаетъ вопросъ о томъ, своевременно ли воскрешать художественную форму, которая, казалось, уже отжила свой вѣкъ. По моему, обсужденіе такого вопроса было бы ненужной тратой времени: лишь бы не нарушалось равновѣсіе и гармонія содержанія,—всякая художественная форма хороша, когда въ нее заключена душа генія.

Намъ трудно себѣ представить то огромное преобладающее вліяніе, которымъ пользуется литература среди польскаго народа, и ту стремительность, съ которой всякая мысль поэта проникаетъ въ душу массы. Достаточно вспомнить о томъ широкомъ волненіи умовъ, которое было вызв произведеніемъ знаменитаго *Анонимнаго польскаго поэта*. Зрѣлище по чается поистинѣ изумительное при видѣ такого вліянія идеальнаго мы тителя, да еще мистическаго, какое имѣлъ на цѣлый народъ геній изъ сер созерцательнаго уединенія,—геній, которому мало-по-малу удалось внуш всей націи великое убѣжденіе, несмотря на всю его отвлеченность,

шить страсть къ истинѣ, тѣмъ болѣе трудно осуществимой, что она была умозрительнаго характера и противоположнаго направленія общему массовому влеченію; ему удалось создать ей новую политику и новую тактику. Даже оставляя въ сторонѣ всякій вопросъ о симпатіяхъ, развѣ не получаешь высокаго удовольствія въ этомъ феноменѣ живой и горячей поэзіи, дающей новую окраску политическимъ событіямъ. Если не имѣть въ виду этихъ исключительныхъ условій, въ которыя поставленъ въ Польшѣ писатель, то можно рисковать составленіемъ неправильнаго сужденія объ историческихъ романахъ Сенкевича, которые образуютъ серію, заключающую въ себѣ обзоръ всей польской исторіи XVII вѣка, съ тройкой точки зрѣнія, — политической, духовной и общественной, — и обнимающую столѣтній съ лишкомъ періодъ, отъ смерти Станислава IV Вазы до восшествія на престолъ Яна Собесскаго. И авторъ цѣликомъ обрисовывается въ нихъ со всѣми своими достоинствами и недостатками. Какая великолѣпная панорама! Неизмѣримыя, какъ море, степи, непроходимые лѣса, цвѣтущіе боярышники на берегахъ Вислы въ ночную пору, живописная декорація, оживляемая дыханіемъ этого стараго племени воиновъ, героевъ-солдатъ, исполненныхъ вѣры и энтузіазма, этихъ рыцарей, блестящихъ, но вѣчно страдающихъ отсутствіемъ практичности и какъ бы погруженныхъ въ какія-то безпрерывныя грёзы.

Періодъ, обнимаемый этими романами, составляетъ эпоху, полную треволненій и безконечно грустную, въ силу господствовавшихъ повсюду унынія, недовѣрія, подозрѣнія, порождаемыхъ соревнованіемъ и завистью правителей и жестокимъ столкновеніемъ личныхъ честолюбій. Это—три акта одной ужасной драмы, гдѣ безплодность столькихъ усилій, вѣры, энтузіазма, самоотверженія, всѣхъ этихъ живыхъ силъ, потраченныхъ напрасно, сломленныхъ глубокимъ внутреннимъ разложеніемъ, представляетъ въ высшей степени печальное зрѣлище.

И здѣсь рядомъ съ сверкающими шпагами при отблескѣ зерева пожара и воинственномъ звукѣ трубъ, самая завязка все же слаба, но дѣйствующія лица, не стѣсняемыя тонкой условной нитью событій, соединяющей ихъ,—живыя, реальныя, блещущія молодостью, силой и отвагой, такъ и брызжутъ патріотизмомъ, подавленнымъ, но рвущимся наружу, подобно глухо журчащему въ подземной глубинѣ потоку.

Никто изъ тѣхъ, кто писалъ о Сенкевичѣ, не говорилъ о *Семьѣ Поланецкихъ*. Одна образованная и милая дама, отличающаяся искреннимъ и глубокимъ аристократизмомъ вкуса, отзывалась о немъ, какъ о тончайшемъ изслѣдованіи въ области женской души. На мой же взглядъ, это—скорѣе какой-то блестящій турниръ между дѣйствующими лицами, которыя на извѣстномъ мѣстѣ встрѣчаются, чтобы при первомъ же взглядѣ воспылать другъ къ другу, и въ этой эротической атмосферѣ, въ которую погруженъ разсказъ и которая царитъ въ немъ отъ начала до самаго конца всѣ или предаются любви, какъ школьники, наполовину выставляя

голову на свѣтъ, наполовину пряча ее и отъ времени до времени показываясь на заднемъ планѣ, или же подходятъ къ женщинамъ со всей неуклюжестью новичковъ, съ громкими поцѣлуями рукъ и съ невѣроятной смѣлостью и съ самыми невѣроятными признаніями. Щекотливыхъ, но правдивыхъ положеній нѣтъ, за исключеніемъ мимолетной сцены въ саду Основскихъ, когда отъ неожиданныхъ объятій Коповскаго Линетта Кастели чувствуетъ въ своихъ жилахъ порочнаго ребенка проснувшіеся инстинкты горничной и, въ слѣпомъ порывѣ сладострастья, въ мгновенномъ и безсознательномъ развращеніи всей своей натуры, позабываетъ о человѣкѣ, который черезъ мѣсяцъ долженъ былъ сдѣлаться ея мужемъ, обхватываетъ шею дерзкаго преслѣдователя и начинаетъ страстно цѣловать его. Въ остальныхъ случаяхъ, когда представляется возможность яснаго, но рискованнаго положенія, Сенкевичъ не подходитъ къ нему прямо, а дѣлаетъ обходъ, допуская его и не допуская, по примѣру тѣхъ стариковъ, которые на словахъ питаютъ отвращеніе къ обнаженному тѣлу, молодому и обольстительному, и затѣмъ набрасываютъ на округленныя трепещущія отъ возбужденія плечи прозрачное покрывало.

Грѣшна его Линетта или не грѣшна? Погрязла ли Основская въ порокѣ или спаслась? А этотъ глупецъ Коповскій—поступилъ онъ въ отношеніи своего друга извѣстнымъ образомъ или не поступилъ? Почему Елена печется такъ о своемъ кузенѣ, и почему Марина приходитъ въ такое смущеніе въ присутствіи Завиловскаго? Ради какихъ тайныхъ цѣлей всѣ эти женщины стараются женить всякаго мужчину, котораго встрѣчаютъ?

Такимъ образомъ кажется, что наиболѣе сильныя въ жизни страсти пугаютъ автора; искреннимъ и безыскусственнымъ душевнымъ изліяніямъ онъ нерѣдко предпочитаетъ смягченную условность миніатюръ или риторическую декламацію; часто дѣйствующимъ лицамъ приходится надѣвать личину чувства тамъ, гдѣ должно бы непосредственно вырваться наружу душевное волненіе. Эти профессоры-пессимисты, эти простодушные до жалости поэты, эти романтическіе банкиры, эти патетическія жены, эти мужья, надъ которыми тяготѣетъ какое-то роковое предопредѣленіе настолько, что во многомъ они не отдаютъ себѣ отчета,—всѣ эти лица, при случаѣ, дѣйствуютъ согласно вѣчной легендѣ о чувствѣ и страсти. Точно также можно заключить, что Сенкевичу любовь знакома только при одномъ условіи: всегда что-нибудь препятствуетъ обладанію любимой особой, и затѣмъ, въ случаѣ достиженія цѣли, какое-то безпокойство, какая-то неудовлетворенность, какое-то стремленіе въ необозримую ширь далекихъ фантастическихъ горизонтовъ.

Станиславъ Поланецкій — сынъ своего вѣка; т.-е., другими словами, и ему отчасти знакомо то безконечное внутреннее колебаніе, которое можно бы назваться всемірной эпидеміей конца истекающаго столѣтія. Въ немъ какъ бы пошатнулись и сгнили тѣ устои, на которыхъ такъ или иначе зиждется и организуется жизнь. Сомнѣвается онъ, чтобы раціонализмъ, который спотыкается о каждый камешекъ, встрѣчающійся на пути, и

замѣнить вѣру; но въ то же время вѣры онъ не обрѣлъ. Онъ отличается отъ нынѣшнихъ декадентовъ лишь тѣмъ, что не дошелъ до полной безнадежности въ отношеніи самого себя, своихъ нервовъ, своихъ сомнѣній, своей внутренней драмы и не стяжалъ себѣ диплома безсилія и бездѣйствія. Онъ болѣе или менѣе сознаетъ, что жизнь,—какую бы загадку она собой ни представляла,—требуетъ дѣятельности и труда. Онъ разсуждаетъ, что если невозможно отвѣтить на различныя *почему,* то все же необходимо что-нибудь дѣлать, и самая же эта дѣятельность можетъ служить въ нѣкоторомъ родѣ отвѣтомъ.

Быть можетъ, такой отвѣтъ не будетъ ясенъ, но, по крайней мѣрѣ, человѣкъ, который такимъ образомъ даетъ его, слагаетъ съ себя всякую отвѣтственность. Что же остается дѣлать? Основать семью и работать вдвоемъ. И то, и другое должно, до нѣкоторой степени, удовлетворять естественнымъ и предначертаннымъ судьбою законамъ: иначе не женились бы и не запасались никакими знаніями. Такая философія, подкрѣпляемая логическимъ мужскимъ инстинктомъ, приводитъ Поланецкаго къ рѣшенію вступить въ бракъ, заставляя видѣть въ немъ главную цѣль жизни. Онъ знаетъ такую женщину, которая, повидимому, соединяетъ въ себѣ *все* необходимое для осуществленія цѣли, къ которой давно была направлена и на которой остановилась его воля; но какъ разъ, когда эта женщина показываетъ, что готова отдать ему свое чистосердечное довѣріе влюбленной дѣвушки, онъ вспоминаетъ, что онъ—кредиторъ ея отца, начинаетъ рѣзко обращаться съ нею, не щадя ея самолюбія, и лишаетъ ее того клочка земли, гдѣ она жила и гдѣ привыкла молиться на могилѣ своей матери. Позже онъ женится на ней, но не можетъ простить ей преждевременной истеричности больного ребенка и, послѣ попытки соблазнить жену одного изъ своихъ задолжавшихъ ему пріятелей, предается размышленіямъ о тайнахъ бытія и смерти, не хуже любого нѣмецкаго философа; затѣмъ, сдѣлавшись отцомъ, въ концѣ концовъ влюбляется въ свою жену.

Марина — это сущій ангелъ. Ей только недостаетъ крыльевъ. И дѣйствительно: когда женихъ за десять дней до свадьбы рѣшается заговорить съ ней о воспитаніи дѣтей, она слушаетъ его, опустивъ глаза на кончики своихъ ботинокъ, и чувствуетъ смущеніе. Безъ сомнѣнія, ей было извѣстно, что отъ брака бываютъ дѣти; но объ этомъ она имѣла смутное и неопредѣленное представленіе, какъ о вещи, о которой не говорятъ дѣвушкамъ, или если и говорятъ, то только намеками въ самой деликатной формѣ, или же въ моментъ сильнаго прилива чувства, съ бьющимся сердцемъ, въ неясномъ лепетѣ пылающихъ любовью устъ, съ душою, исполненной восторга, какъ о самой священной тайнѣ завтрашняго дня. Въ то же время, вскорѣ послѣ замужества, она довольно успѣшно поддерживаетъ въ своемъ простодушіи страсть влюбленнаго поэта, краснѣетъ, когда мужъ говоритъ ей о супружеской невѣрности одной ея пріятельницы, но скоро справляется съ своимъ смущеніемъ, какъ только въ ней является увѣренность въ могуществѣ собственныхъ прелестей. И это ея чистосердечіе до-

стойно всякаго удивленія и поклоненія, ибо пребываніе въ томъ обществѣ, гдѣ она вращается, должно бы было и надъ нею совершить маленькое превращеніе въ смыслѣ свѣтскости и угожденія тѣлеснымъ инстинктамъ.

Правда и то, что подчасъ это неземное созданіе, этотъ ребенокъ въ образѣ женщины, рожденной для любви и невѣдѣнія, кажется свѣтиломъ германской науки и небрежно изрекаетъ такія фразы, которыя свидѣтельствуютъ о тонкости пониманія въ извѣстныхъ областяхъ; но когда она замѣчаетъ, что мужъ сталъ какъ бы другимъ человѣкомъ, что онъ уже не любитъ ея съ прежней страстью, а лишь позволяетъ любить себя, когда она видитъ, что ея мечтамъ о счастіи грозитъ опасность, Марина спѣшитъ выказать себя вполнѣ женщиной, если хотите, съ нѣсколько повышенной чувствительностью, но женщиной настоящей, самое сильное и лучшее проявленіе которой состоитъ въ благородномъ сознаніи высоты предстоящаго материнства.

Рядомъ съ этими главными фигурами дѣйствуетъ множество другихъ лицъ: профессоръ Васковскій, въ высшей степени удавшійся типъ, у котораго мистицизмъ граничитъ иногда съ галлюцинаціями; Плавицкій, безвредный и безсознательный мелодраматическій паяцъ; Букацкій, родъ Петронія, сдѣлавшагося декадентомъ; Линетта Кастелли, неопредѣленное и неопредѣлимое существо, жертва вліянія порочной обстановки и нездороваго воспитанія, горячая венеціанская натура, въ которой преобладаютъ нецѣломудренные инстинкты и похотливость авантюристки, заражая кровь въ голубыхъ жилкахъ, синѣющихъ сквозь бѣлоснѣжный атласъ ея аристократической кожи. Завиловскій, простодушный поэтъ, несчастный, какъ всѣ жрецы музъ; Литка, ребенокъ, у которой неизлѣчимый недугъ путемъ необычайнаго обостренія ощущеній вызвалъ невѣроятную преждевременную зрѣлость всѣхъ способностей; Машко, аферистъ, который, обанкротившись, спасается бѣгствомъ, и конецъ его исторіи не извѣстенъ.

Этотъ типъ банковаго дѣльца на криминальной почвѣ, въ которомъ случайныя причины сливаются съ индивидуальными, и который соединяетъ въ себѣ пороки и страсти, свойственные цѣлому историческому періоду, этотъ типъ не представляется новостью въ литературѣ. Итальянская комедія тысяча пятисотыхъ годовъ черпаетъ въ немъ пищу своему широкому и безчинному смѣху, тогда какъ Шекспиръ въ универсальности своего художества заклеймилъ въ презрѣнномъ типѣ Шейлока, *Венеціанскаго купца*, позоромъ ростовщичества и нравственнаго паденія того, кто занимался этимъ, опираясь на силу закона.

Но только подчиненіе художества глубокимъ психологическимъ наблюденіямъ въ наше время должно бы было дать типъ банковаго преступника съ болѣе законченными очертаніями, на ряду съ Робертомъ Макэръ, Мадэ, Маттео Кантасирена, Клоссомъ, Бобболи, Фонтанелла, Гюрэ, Фло Жанъ-Габріэль-Боркманомъ и съ этимъ безподобнымъ Саккаромъ Зо который въ естественной и соціальной исторіи Ругонъ-Макаровъ совмѣ етъ въ себѣ превосходнымъ образомъ оба полюса преступности: на

ственный и эволюціонный. Робертъ Макэръ, смѣлый и наглый, обнаруживаетъ всѣ черты обыкновеннаго мошенника: отсутствіе характерныхъ признаковъ вырожденія, высокій умъ, привычку къ обману, алчность и расточительность. Меркадэ, биржевой дѣятель, ловкій, предпріимчивый, находчивый, опьяненный собственными спекуляціями до того, что считаетъ ихъ возможными,—расточителенъ, насколько онъ можетъ быть расточительнымъ, и въ области нравственнаго міросозерцанія отличается широтою принциповъ, граничащей съ безпринципностью.

Саккаръ, воплощеніе современнаго спекулянта, неутомимый агитаторъ въ области различныхъ идей и проектовъ; нерѣдко какая-нибудь пылкая фантазія заставляетъ его мечтать о богатствѣ для всеобщаго блага, но узость нравственныхъ запросовъ отодвигаетъ назадъ въ круговоротъ тяжелой и тревожной жизни, гдѣ низкая чувственность идетъ рука объ руку съ гнусными интригами мошенничества. Въ Жанъ-Габріэль Боркманѣ Ибсенъ, который уже далъ въ *Дикой уткѣ* контуры безчестнаго и торжествующаго спекулянта, хотѣлъ изобразить дерзкаго, неразборчиваго въ средствахъ финансиста, который въ жертву эгоизму, воплощеніемъ котораго онъ является, приноситъ имущество, честь и семью. Въ сопоставленіи со всѣми этими типами Машко Сенкевича является менѣе законченнымъ и менѣе опредѣленнымъ. Холодный, разсчетливый, онъ то обнаруживаетъ скудную чувствительность, то пылаетъ, какъ поэтъ. Ему недостаетъ живости воображенія и находчивости: онъ вѣритъ въ свои предпріятія, но ему не удается внушить эту вѣру другимъ; онъ не смѣльчакъ, а нищій. И потому, когда на него обрушивается катастрофа, у него не хватаетъ героическаго величія Жанъ-Габріэль Боркмана, ни разсчитанной наглости Меркадэ; онъ спасается бѣгствомъ, какъ мошенникъ послѣдняго разбора, которому незнакомо обуреваніе великихъ мыслей и разочарованія въ предпріятіяхъ на почвѣ умозаключеній.

Леонъ Плошовскій, герой другого психологическаго романа Сенкевича, является послѣднимъ представителемъ аристократическаго и утонченнаго рода. Артистъ до глубины души, онъ лишенъ того одухотворяющаго дыханія, которое даетъ жизнь произведеніямъ искусства; онъ глубоко чувствуетъ жизнь и не умѣетъ наслаждаться ею; онъ хочетъ, но его волевая дѣятельность никогда не выражается фактически; онъ любитъ, но не умѣетъ желать любимую женщину; въ немъ наблюдается постоянное противорѣчіе между крайне развитой чувствительной способностью и умѣніемъ примѣнить ее на дѣлѣ, и начало такой аномаліи лежитъ въ постоянной несоразмѣрности между мыслію и дѣйствіемъ, между чувствомъ и умомъ, между идеаломъ и дѣйствительностью. Поэтому настоящая драма—не есть та, которая возникаетъ изъ его отношеній къ Анелькѣ, изъ желанія обладать ею и невозможности сдѣлать ее своей; драма кровавая, роковая заключается въ той ужасной ежедневной, ежечасной, ежеминутной борьбѣ, которая происходитъ въ глубинѣ его сознанія, въ томъ болѣзненномъ

предчувствіи неизвѣстнаго, которое волнуетъ его душу, въ томъ отсутствіи всякихъ принциповъ въ образѣ мыслей, благодаря которому человѣкъ уподобляется какому-то болиду, пущенному въ безконечное пространство.

Подобное психологическое состояніе необходимо должно привести къ высшему эгоизму д'Аннунціо и Ницше, къ преступности Раскольникова и къ самоубійству.

И Леонъ Плошовскій, которому не удалось примирить между собою тѣ два міра, столкновеніе которыхъ онъ постоянно чувствовалъ въ своей душѣ,—когда женщина, которую, какъ пишетъ Луиджи Лукателли, онъ *не сумѣлъ хотѣть*, умираетъ,—Леонъ Плошовскій изстрадавшійся *безъ догмата*, кончаетъ самоубійствомъ.

Затѣмъ слѣдутъ *Quo vadis*.

Исторія и поэзія часто любили противопоставлять царство Христа владычеству цезарей, чистоту первыхъ христіанъ порочности торжествующаго язычества; и эта тема не представляется новостью даже и въ Польшѣ, такъ какъ уже въ *Иридіонѣ* Красиньскаго мы встрѣчаемъ Геліогабала со всѣми основными чертами его своенравной и необузданной личности. И здѣсь мѣстомъ дѣйствія является Римъ, но Римъ совершенно вымышленный, полный мечтаній о республикѣ, гдѣ христіане выведены въ роли заговорщиковъ и сектантовъ, томящихся жаждою видѣть вторичное возрожденіе столицы имперіи.

Въ наше время, когда исторія христіанства сдѣлала такіе огромные успѣхи на пути разоблаченій и открытій съ помощью археологіи, которая является источникомъ удивительныхъ неожиданностей, подобныя бредни утратили всякое значеніе. Между *Иридіономъ* и *Quo vadis* прошло шестьдесятъ лѣтъ работы и изысканій критики, и тѣмъ не менѣе еще весьма многіе оказываются какъ бы застывшими на точкѣ отправленія. Напримѣръ, сенаторъ Негри, который утверждаетъ, что дѣйствующія лица Сенкевича вращаются въ такой обстановкѣ, которой только фантазія автора придала болѣе или менѣе оживляющую окраску, ибо численность христіанъ въ Римѣ въ первомъ вѣкѣ имперіи едва равнялась нѣсколькимъ десяткамъ.

Здѣсь не мѣсто дѣлать обзоръ блестящей карьеры и цѣлаго ряда сочиненій, связанныхъ съ славнымъ именемъ Джіованни Батиста де-Росси. По мѣрѣ того, какъ изысканія ученыхъ останавливаются на тѣхъ или другихъ текстахъ и изреченіяхъ, по мѣрѣ того, какъ новыя раскопки обнаруживаютъ скрытыя неизслѣдованныя пещеры римскихъ катакомбъ, исторія христіанства съ каждымъ разомъ дѣлаетъ шагъ впередъ на пути къ истинѣ, изъ которой становится очевиднымъ, что ученіе Христа, отвѣтившее назрѣвшей непреодолимой потребности души, распространилось съ удивительной стремительностью не только въ Римѣ, но и по всей имперіи еще при жизни апостоловъ. Не говоря уже о выраженіяхъ, встрѣчающихся въ письмахъ ап. Павла и не оставляющихъ въ томъ никакого со[illegible]

нія, достаточно припомнить Тацита, который говоритъ, что христіане, умерщвленные Нероном въ 64 году, были *ingens multitudo*; и если считать, что раскопки кладбища Домициллa относятся къ первому вѣку, что̀ отражается на громадной стоимости земельной собственности въ этихъ мѣстахъ, наиболѣе чтимыхъ, наиболѣе предпочитаемыхъ, наиболѣе благородныхъ, то какъ не вывести новаго сужденія относительно обширности христіанскаго общества первыхъ вѣковъ? И кому же теперь не извѣстно, что и кладбище Остраній, катакомбы Присциллы и Претестато и имена Пуденса, Цецилiи, Приска и Анастазія относятся къ періоду апостольскаго проповѣдничества?

Такимъ образомъ Сенкевичъ нигдѣ не обнаружилъ поползновенія уклониться отъ исторіи, и удивительная правдивость картины, тщательное воспроизведеніе окружающей обстановки неразрывно связаны съ главными фигурами этого романа.

Среди нихъ Лигія и Виниций представляются наиболѣе симпатичными; они затрогиваютъ самые сокровенные фибры нашего сердца и вызываютъ слезы умиленія и состраданія. Лигія—это какая-то христіанская Психея, прекрасная и цѣломудренная. Сотканная изъ граціи, скромности, невинности, она является олицетвореніемъ любви въ ея самомъ дорогомъ, самомъ отрадномъ проявленіи. Близъ нея характеръ Марка Виниція съ каждой новой главой все болѣе и болѣе развивается, преображается, возвышается, становится идеальнѣе. Его душа постепенно приготовляется къ принятію новой вѣры; его любовь, дотолѣ состоявшая изъ гордости и животныхъ инстинктовъ, очищается до степени какого-то пламеннаго вдохновенія; отнынѣ онъ будетъ любить душу. И это освобожденіе отъ всѣхъ низкихъ инстинктовъ, это постепенное восхожденіе на самыя дивныя высоты христіанскаго рвенія, самопожертвованія и самоотреченія,—все это чуждо малѣйшей натяжки или неискренности, и потому трогаетъ и волнуетъ до глубины души. Чувство Виниція и Лигіи настолько неподдѣльно, настолько глубоко и сильно, что ихъ существа, такъ сказать, слились въ одну сущность любви, и почти нельзя говорить объ одномъ, не намѣчая образа другого.

Петроній и Неронъ являются послѣдними выразителями римскаго общества и языческаго міра. Одинъ великолѣпный и рѣдкій продуктъ богатой, удивительной культуры; другой—чудовищный и вредоносный лишай, корни котораго поглощаютъ всѣ соки и силы земли. Соединенные между собою узами, которыя оба ненавидятъ и презираютъ, они будутъ терпѣть ихъ иго, пока въ первомъ не изсякнетъ влеченіе ко всѣмъ утонченнымъ приманкамъ жизни, а во второмъ—та жажда одобренія, которая составляетъ характерную, наиболѣе бросающуюся въ глаза черту его характера. Между ними существуютъ абсолютные контрасты и съ физической, и съ духовной стороны. Безобразіе и красота, изящество и уродливость; грубые инстинкты и чувство самой утонченной эстетики, комедіантство и сознаніе собственнаго достоинства. Петроній, прекрасный какъ

богъ, получаетъ дань обожанія и почестей: Эвника, красивая рабыня изъ Коса, цѣлуетъ влюбленными устами мраморное изваяніе своего господина въ образѣ Меркурія. Неронъ возбуждаетъ смѣхъ, если внушаемое имъ чувство не есть страхъ или отвращеніе; его огромная голова, прикрѣпленная къ бычачьей шеѣ, одновременно ужасна и смѣшна. Лицо его напоминаетъ лицо толстаго ребенка, его волосы причесаны въ четыре ряда буклей. Щеки и подбородокъ обриты, такъ какъ онъ посвятилъ Юпитеру свою мѣдную бороду. Въ его выдающемся лбѣ и въ дугообразной линіи бровей есть что-то олимпійское, но подъ этимъ челомъ полубога пріютилась маска шута и обезьяны.

Немного лѣтъ тому назадъ намъ были извѣстны два изображенія Нерона: Неронъ историковъ и Неронъ легенды, и въ томъ и въ другомъ случаѣ всегда внушающій ужасъ своимъ именемъ, заклейменнымъ самыми неслыханными злодѣяніями. Критика дала намъ третьяго Нерона, Нерона истиннаго. Историческій Неронъ, описываемый Тацитомъ и Светоніемъ, представляется чудовищемъ, извращеннымъ подобно Тиверію и въ жестокости не уступающимъ Калигулѣ, но гнусностью пороковъ превзошедшимъ того и другого. Светоній разсказываетъ о его злодѣяніяхъ съ невозмутимымъ хладнокровіемъ лѣтописца, который перечисляетъ факты, а не комментируетъ ихъ. Тацитъ, напротивъ, запечатлѣвая своимъ геніемъ чувство отвращенія и стыда, съ безпощадной сжатостью даетъ краткую характеристику безумнаго комедіанта, который, умертвивъ наиболѣе добродѣтельныхъ патриціевъ, жену, мать и наставника, собственноручно убиваетъ любовницу и поджигаетъ Римъ.

Образовавшаяся въ средніе вѣка легенда относительно гнуснаго тирана приписываетъ ему новые ужасы; черный звѣрь Апокалипсиса есть не кто иной, какъ онъ; онъ, убитый демономъ, который увлекъ за собой въ адъ его душу, возвратится на землю передъ кончиной міра въ образѣ антихриста, предшествуемый новыми ужасными знаменіями.

Неронъ, выработанный критикой, какъ бы знаменуетъ собой эманацію тѣхъ временъ, въ которыя онъ жилъ. Въ немъ наблюдаются всѣ симптомы вырожденія и безумія; рожденный отъ распутнаго отца и извергаматери, лукавый, кровожадный, тщеславный, жестокій, малодушный, онъ совмѣщаетъ въ себѣ всѣ признаки наслѣдственной преступности и предстаетъ предъ нами въ ужасающей характеристикѣ, которая отличаетъ его отъ всякаго другого злодѣя и дѣлаетъ единственнымъ въ своемъ родѣ въ области гнусныхъ дѣяній и порока.

Пьетро Косса постарался изобразить этого Нерона, выведя его на сцену послѣ совершенныхъ имъ преступленій; такимъ образомъ извер[ь] является лишь въ прошломъ, на сценѣ же остается безумецъ, у ко[го] раго новый страхъ передъ растущимъ всюду возмущеніемъ окончател[ь]но затмеваетъ разсудокъ: новое явленіе на сценѣ. Но этотъ Неронъ все [е]ще несовершененъ: въ своихъ разговорахъ съ Клувіемъ Руфомъ о[н] обнаруживаетъ слишкомъ много доброты; и если мастерски описано [эт]о

тическое чувство, охватившее и взволновавшее его при видѣ танцовщицы Эглои, зато въ отношеніи гладіатора Петронія и Невія онъ оказывается недостаточно жестокимъ.

Напротивъ, Сенкевичъ надѣляетъ своего Нерона всевозможными гнусностями и низостями, трагическими преступленіями и неслыханными звѣрствами; мечты и неосуществимыя предпріятія временами шевелятъ въ немъ его безразсудные инстинкты. То онъ собирается перекопать Коринѳскій перешеекъ, то построить зданія выше пирамидъ, то воздвигнуть колоссальнаго сфинкса, въ семь разъ больше Мемфисскаго. Но пока, въ ожиданіи всего этого, скука разслабляетъ его; онъ питаетъ отвращеніе къ Риму и призываетъ на него землетрясеніе, которое бы разрушило его; тогда онъ построилъ бы новый городъ, столицу міра, свое гнѣздо, престолъ своей имперіи.

Такова неотступная мысль, которая его преслѣдуетъ, его преступная манія. Онъ сочиняетъ Трояду и клянетъ судьбу, не позволяющую ему, болѣе злосчастному, нежели Пріамъ, видѣть гибель родного города. Для того, чтобы передать весь ужасъ пожара древней Трои, ему понадобилось бы невиданное дотолѣ зрѣлище цѣлаго моря огня и пылающихъ развалинъ. Ибо онъ хочетъ, чтобы прежде всего въ немъ чтили божественнаго артиста, и для этого прибѣгаетъ ко всевозможнымъ хитростямъ, ко всевозможной лжи и позамъ и исподволь подготовляетъ приведеніе въ исполненіе неслыханнаго посягательства, единственнаго въ преступной хроникѣ цѣлаго міра. И когда, наконецъ, Тигеллинъ его понялъ,—въ то время, какъ Римъ выбрасываетъ свои огненныя волны среди цѣлаго океана дыма и пламени,—фигляръ, впопыхахъ примчавшійся изъ Антія, появляется на вершинѣ арки Аппійскаго водопровода въ пурпурномъ одѣяніи, съ золотой лютней въ рукахъ...

Петроній при всѣхъ недостаткахъ сохраняетъ неоспоримое величіе римскаго патриція, онъ отличается крайнимъ высокомѣріемъ, но не лишенъ и вполнѣ законной гордости. Неисправимый сибаритъ, въ случаѣ нужды онъ умѣетъ превращаться въ дѣятельнаго человѣка. Нужно его видѣть, когда онъ выходитъ изъ теплой бани, послѣ ванны и массажа, помолодѣвшій, преобразившійся, съ глазами, блестящими умомъ и энергіей, плѣнительный, полный неподражаемаго изящества! Онъ питаетъ отвращеніе къ толпѣ, презираетъ чернь и, несмотря на это, умѣетъ внушить ей любовь къ себѣ и поклоненіе. Въ виду горящаго Рима, когда голодный народъ грозитъ возмущеніемъ противъ цезаря, Петроній нѣсколькими словами укрощаетъ разъяреннаго звѣря. Его воля не допускаетъ возраженій. Чтобы утѣшить Виниція въ потерѣ Лигіи, онъ даритъ ему Эвнику, свою *vestiplica*. Эвника, которая втайнѣ томится любовью къ своему господину, молитъ у его ногъ позволить ей остаться его собственностью, но слово господина сказано, и онъ велитъ дать ей двадцать пять ударовъ розгой, но такъ однако-жъ, чтобы не испортить кожи. Въ исповѣданіи религіозныхъ вѣрованій Петроній отличается тѣмъ же эклектизмомъ, какой

господствуетъ и въ его нравственныхъ принципахъ, и все же этотъ царедворецъ, который предпочелъ бы умереть, чѣмъ взять на себя несеніе какой-нибудь общественной обязанности, имѣетъ свои минуты великодушія и нравственныхъ потрясеній. Петроній питаетъ нѣжную привязанность къ Виницію, который напоминаетъ ему статую Геркулеса, созданную рѣзцомъ Лизиппа, но эта фантазія эстетика не мѣшаетъ ему жертвовать для него своимъ отдыхомъ и спокойствіемъ. Точно также онъ сумѣетъ умереть въ день и часъ, назначенный имъ самимъ, и умереть не въ качествѣ побѣжденнаго, но какъ человѣкъ, который еще управляетъ событіями. Ибо въ этомъ мірѣ все же есть прекрасныя вещи; только люди такъ ничтожны, что оплакивать жизнь непозволительно. Тотъ, кто умѣлъ жить, долженъ умѣть и умереть; это есть сущность его философіи и его нравственныхъ принциповъ. И онъ умираетъ такъ, какъ жилъ: какъ эстетикъ, какъ *arbiter elegantiarum,* окруженный своими кліентами, сжимая въ объятіяхъ Эвнику, убаюкиваемый сладкой гармоніей стиховъ и пѣсенъ, среди роскоши стола, убраннаго всевозможными яствами. И затѣмъ, когда Эвника, рѣшившая никоимъ образомъ не разставаться съ нимъ, протягиваетъ греку-лѣкарю свою прекрасную обнаженную руку, оба они, нѣжно сжимая другъ друга въ послѣднемъ объятіи, прекрасные, какъ боги, лучезарные, блѣдные и улыбающіеся, склоняются на пурпурное изголовье, подобно двумъ бѣлымъ цвѣткамъ, подъ стройные звуки хора и тихое бряцаніе цитръ. И гости, глядя на эти два тѣла, поняли, что съ ними умираетъ то единственно хорошее, что было въ тогдашнемъ мірѣ: его поэзія и красота.

Отъ этихъ фигуръ вѣетъ реальностью и жизнью. Вся душа Сенкевича заключена въ описываемыя имъ природу и личности; онъ безъ труда приноравливается къ грандіозному фону Палатинскаго холма, Большого цирка, Ватиканскихъ садовъ; описанія мѣстъ, вытекающія изъ-подъ его пера, полны ясной и безхитростной прелести и поражаютъ удивительной рельефностью. Въ нихъ чувствуется то душевное волненіе, какое имѣетъ мѣсто только при лицезрѣніи и осязаніи вещей; чувствуется, что авторъ отыскивалъ слѣды Нерона и Петра въ той странѣ, гдѣ они жили. Въ этихъ мѣстахъ, видоизмѣненныхъ силою времени и политическихъ переворотовъ, только одна неуязвимая природа сохранила свою вѣчную юность, и тому, кто умѣетъ ее чувствовать, кто умѣетъ понимать ее такъ, какъ чувствуетъ и понимаетъ ее Генрикъ Сенкевичъ, она посылаетъ вдохновеніе, силой котораго являются на свѣтъ тѣ страницы, на которыхъ какъ будто еще живетъ душа исчезнувшихъ народовъ и отдаленныхъ вѣковъ. Его дѣйствующія лица, его герои имѣютъ каждый свою собственную физіономію, свои страсти, свои предразсудки и свой разумъ, не позволяющій воспринимать всѣмъ одинаковымъ образомъ то ученіе, хранителями котораго все же являются они всѣ. Здѣсь нѣтъ головъ, осѣненныхъ ореолами, и атмосфера, въ которой вращаются дѣйствующія лица, нисколько не отличается отъ нашей. Павелъ уже не является въ образѣ того гордаго витязя, котораго скульпторы любятъ изображать съ рукою, опирающейся на мечъ,

словно какого-нибудь героя временъ Карла Великаго. Это—еврей, съ облысѣвшей головою, худой, съ подгибающимися колѣнами, съ орлинымъ носомъ подъ широкой линіей бровей; въ этомъ тѣлѣ обитаетъ душа, временами гнѣвливая, временами кроткая, полная огня и смиренія, всегда сильная и прямая. Этотъ св. Павелъ цѣликомъ заимствованъ у Ренана, и рядомъ съ нимъ выростаетъ фигура св. Петра, добродушнаго, преисполненнаго широкой житейской мудрости и непосредственнаго героизма, сострадательнаго, умнаго, человѣчнаго, какъ-то особенно рельефно выдѣляющагося рядомъ съ удивительной фигурой фанатика Криспа.

Въ Хилонѣ встрѣчаются тѣ же черты, что и въ Заглобѣ, солдатѣ изъ трилогіи: презрѣнный и комичный вначалѣ, впослѣдствіи онъ вырастаетъ и поднимается на высоту героя и святого. Прекрасенъ также Урсъ, этотъ славянскій атлетъ съ ясными глазами ребенка и съ голубинымъ сердцемъ. Онъ представляетъ собою типъ тѣхъ первобытныхъ натуръ, которыя и до сихъ поръ еще встрѣчаются среди польскихъ простолюдиновъ. Когда дѣло касается спасенія дочери его царя, онъ бросается впередъ и убиваетъ безъ колебаній и безъ жалости; но душа его остается непорочной. Безподобный въ своемъ смиреніи и довѣрчивости, въ своей мягкости и невѣжествѣ, онъ не въ состояніи усвоить себѣ в его значенія искупленія, и исповѣдуемая имъ вѣра граничитъ съ ересью.

Въ эти души, столь различныя между собою, и христіанство проникаетъ различными путями, сообразно страсти, свойственной каждому въ отдѣльности. Виницій обращенъ силою любви, Хилонъ — силою неотступно преслѣдующаго его ужаса. И правдивость психологическихъ выводовъ идетъ рука объ руку съ частностями, которыя придаютъ жизнь удивительному воспроизведенію окружающаго. Казнь, на которую была осуждена Нероном Лигія, дѣйствительно практиковалась въ первые вѣка гоненія, и затѣмъ вообще зрѣлище обнаженнаго женскаго тѣла было обычнымъ явленіемъ, наприм., когда наиблагороднѣйшія римскія матроны должны были изображать Данаидъ и Дирцей. Введеніе этого варварскаго зрѣлища, по всей вѣроятности, находится въ связи съ перенесеніемъ въ Римъ во времена Августа колоссальной группы Фарнезскаго быка, которая очень скоро сдѣлалась предметомъ всеобщаго поклоненія. Впрочемъ, кто читалъ посланіе Климента Римскаго къ коринѳянамъ, тому извѣстно, что къ подобной пыткѣ часто прибѣгали въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло касалось убіенія женщины.

Эти произведенія,—разсказы и цикловые романы, *Семья Поланецкихъ* и *Quo vadis*,—послужатъ на благо въ особенности родинѣ Сенкевича, гдѣ писателю, какъ я уже оговорился вначалѣ, отведено особое мѣсто.

Е. К.

Земскій подвижной школьный музей.

(Опытъ устройства и условія дѣятельности.)

Наглядность въ обученіи и значеніе наглядныхъ пособій при преподаваніи представляются въ настоящее время настолько установившимися основами педагогической практики, столь элементарной истиной, что убѣждать кого-либо или доказывать ихъ цѣлесообразность не представляется уже надобности. Стоитъ отмѣтить развѣ, что наглядный методъ проникаетъ теперь въ школы всѣхъ типовъ и во всѣ области знанія, даже такія, гдѣ въ недавнемъ еще прошломъ онъ не имѣлъ, или почти не имѣлъ, примѣненія. «Примѣрныя программы», изданныя министерствомъ нар. просв., настоятельно рекомендуютъ такого рода пособія, какъ картины изъ священной исторіи, географическія карты, изображеніе различныхъ мѣстностей и пр.*) Далѣе, на ряду съ введеніемъ для учащихся начальныхъ школъ безплатныхъ и льготныхъ проѣздовъ по желѣзнымъ дорогамъ въ цѣляхъ образовательныхъ прогулокъ и экскурсій, находимъ рекомендацію ихъ и въ послѣднемъ по времени циркулярѣ министра нар. просв. попечителямъ учебныхъ округовъ **) относительно учениковъ средней школы, причемъ образовательныя путешествія разсматриваются, «какъ средство, способное сдѣлать преподаваніе въ средней школѣ болѣе живымъ и *наглядным*ъ» ***). Съ другой стороны, мы присутствуемъ при растущемъ развитіи того же метода въ цѣляхъ внѣшкольнаго образованія народа или какъ средства привитія въ населеніи новыхъ отраслей знанія съ ближайшимъ практическимъ примѣненіемъ въ видѣ новыхъ кустарныхъ или иныхъ промысловъ и проч. Такъ, устроенная въ прошломъ году оффиціальнымъ же вѣдомствомъ, каковъ с.-петербургскій комитетъ общества трезвости, педагогическо-промышленная выставка имѣла не стаціонарный характеръ обычныхъ учрежде[ній] этого рода, служа преимущественно интересамъ городского населенія, [и]

*) „Примѣрныя программы предметовъ, преподаваемыхъ въ начальныхъ на[родных]ъ училищахъ вѣдомства мин. нар. просв.“. Москва, 1897 г.

**) 2 августа 1900 г., № 20185.

***) Курсивъ нашъ.

циркулировала и обращалась, главнымъ образомъ, по селамъ и деревнямъ, побывавъ въ нѣсколькихъ уѣздахъ Петербургской губерніи. Одновременно коллекціями и другими принадлежностями ея пользовались для обученія населенія различнымъ кустарнымъ производствамъ и для устройства бесѣдъ и проч. Въ качествѣ экспонентовъ интересно отмѣтить, кромѣ промышленныхъ предпріятій, участіе въ выставкѣ такихъ учрежденій, какъ рисовальная школа Императорскаго общества поощренія художествъ, общества распространенія Св. Писанія въ Россіи, петербургской духовной семинаріи и др.

Школьный подвижной музей, составляющій предметъ настоящей статьи, по характеру своего состава и функцій можетъ представить сочетаніе, удовлетворяющее обѣимъ упомянутымъ задачамъ. Первымъ по времени учрежденіемъ этого рода является петербургскій музей постоянной коммиссіи по техническому образованію Имп. русск. техн. общ. Кружокъ дѣятелей «частнаго почина», среди которыхъ нельзя обойти молчаніемъ имени Н. А. Рубакина, положилъ ему основаніе въ 1892 году. Спустя годъ, другой такой же музей возникъ при бывшемъ московскомъ комитетѣ грамотности (нынѣ москов. общество грамотности) главнымъ образомъ для потребностей воскресныхъ школъ. До недавняго времени у насъ въ Россіи число подвижныхъ музеевъ исчерпывалось этими двумя учрежденіями. Правда, намъ извѣстно объ относящейся къ 1896—97 году попыткѣ малмышскаго земства основать, пользуясь опытомъ московскаго музея, подвижной музей для вечернихъ классовъ для взрослыхъ, а также существуютъ нѣкоторыя указанія на возникновеніе, по примѣру петербургскаго, городскихъ музеевъ въ Одессѣ, Харьковѣ и Кіевѣ, но сказать большаго о нихъ не можемъ, несмотря на сдѣланныя усилія получить соотвѣтствующія свѣдѣнія. Интересующихся подробностями о петербургскомъ музеѣ мы отсылаемъ къ его печатнымъ отчетамъ и каталогамъ *), здѣсь же скажемъ о немъ лишь то, что, созданный цвѣтомъ столичной интеллигенціи, онъ представляетъ по богатству своихъ отдѣловъ и коллекцій—учрежденіе въ своемъ родѣ единственное и стоящее десятки тысячъ рублей, что, конечно, недоступно для другихъ мѣстъ (количество предметовъ за три первые года существованія достигло 23,000; помѣщеніе его въ 1898 г. занимало 5 комнатъ, а на пополненіе коллекцій было истрачено за годъ свыше 1,300 р., независимо отъ поступившихъ пожертвованій). Благодаря богатству своего состава, музей удовлетворяетъ потребностямъ не только низшихъ и среднихъ школъ, но [въ числѣ его абонентовъ находимъ учащихся и высшихъ учебныхъ заведеній. Дѣятельность его, ограничиваясь столичнымъ райономъ, очень развита, абонементъ платный, управленіе или завѣдываніе коллегіальное.

Типъ московскаго музея иного рода. Составъ его инвентаря несравненно скромнѣе перваго, но мы не сказали бы того же и объ его задачахъ и

*) Отчетъ о дѣятельности подвижного музея постоянной коммиссіи по технич. об-зов. при Имп. русск. техн. общ. за 1896—97 учебн. годъ; то же за 1897—98 годъ.

функціяхъ. Въ основу послѣднихъ положено стремленіе снабдить наглядными пособіями по разнаго рода отраслямъ знанія наиболѣе употребительныя учебно-образовательныя книги для чтенія *) въ низшей школѣ и первыхъ шагахъ за нею. Въ этомъ смыслѣ онъ является незамѣнимымъ и драгоцѣннымъ образцомъ въ смыслѣ своего распространенія. Коснуться подробностей о немъ намъ неизбѣжно придется ниже, говоря о дѣятельности аналогичнаго земскаго учрежденія, вызвавшаго настоящую статью, и для котораго онъ послужилъ сколкомъ и руководствомъ, въ смыслѣ состава и организаціи.

Переходимъ къ послѣднему. Въ 1898 году кружкомъ лицъ, пожелавшихъ остаться неизвѣстными, была собрана нѣкоторая сумма денегъ и передана въ даръ можайскому земству на предметъ учрежденія подвижного школьнаго музея для земскихъ начальныхъ училищъ. Съ дополнительной ассигновкой уѣзднаго собранія, отнесшагося къ этому начинанію въ высокой степени сочувственно, сумма эта возросла до 125 рублей, и въ такомъ размѣрѣ была испрошена субсидія губернскаго земства.

Такимъ образомъ при началѣ дѣла уѣздное земство располагало только 250 руб., но такая сумма оказалась вполнѣ достаточной, чтобы положить ядро новому учрежденію, которое даже въ теченіе одного года сильно разрослось, благодаря сочувствію какъ мѣстной интеллигенціи вообще, такъ и,—что всего важнѣе,—лицъ педагогическаго персонала, увидавшаго сразу въ матеріалахъ музея облегченіе для своей тяжелой работы,—облегченіе, выражавшееся въ болѣе скоромъ и прочномъ усвоеніи дѣтьми проходимой программы. Не можемъ не привести по этому поводу слѣдующихъ характерныхъ строкъ изъ дневника сельскаго учителя. «Какъ урокъ объяснительнаго чтенія, такъ сейчасъ дѣлается ощутительнымъ пробѣлъ въ нашей школѣ по части учебныхъ пособій. Читаешь, напримѣръ, статью, по Баранову, «О строеніи человѣческаго тѣла», а наглядно показать этого не на чемъ; или читаешь статью «Горная страна», а у ребятъ очень смутное понятіе о горахъ вообще и о горныхъ породахъ, хотя на словахъ стараешься дать имъ понятіе объ этомъ. Я не говорю уже о такихъ недосягаемыхъ предметахъ, какъ электричество, явленіе грозы; это уже прямо объясняешь на вѣру» **).

Мы рѣшаемся довольно подробно познакомить читателя съ исторіей организаціи школьнаго подвижного музея нашего земства, надѣясь на то, что этотъ небольшой опытъ поможетъ при дальнѣйшихъ начинаніяхъ въ другихъ районахъ найти болѣе легкіе пути къ правильной организаціи и избѣгнуть ошибокъ, которыя выясняются только на практикѣ. Большая часть предметовъ музея была выписана изъ-за границы (128 р. 28 к.) при посредствѣ г. Шееръ, владѣльца магазина физическихъ аппаратовъ и моделей, исполнившаго это въ высшей степени добросовѣстно.

*) „Общее дѣло". Сборникъ статей по вопросамъ распространенія образованія среди взрослаго населенія. Составл. подъ ред. В. С. Костроминой. Москва, 190[illegible] г.

**) Ibid., стр. 178.

Слѣдующее мѣсто по величинѣ заказа (59 р. 38 к.) занимаетъ картографическое заведеніе Ильина, сдѣлавшаго для земства уступку отъ 10—20%. Остальные предметы пріобрѣтены въ розницу въ различныхъ московскихъ торговыхъ заведеніяхъ. Общее количество всѣхъ, пріобрѣтенныхъ покупкою предметовъ, достигаетъ 300, на сумму 222 р. 85 к. Здѣсь необходимо сдѣлать нѣкоторыя поясненія, которыя имѣютъ большое практическое значеніе. При покупкѣ выяснилось, что стоимость таблицъ и картинъ, составляющихъ главнымъ образомъ инвентарь музея, вдвое выше, если пріобрѣтать ихъ уже наклеенными на полотно или коленкоръ. (Картонъ же является въ высшей степени неудобнымъ для перевозки, о чемъ мы будемъ говорить ниже). Въ виду экономическихъ соображеній и рѣшено было произвести составленіе музея хозяйственнымъ способомъ, для чего куплено нѣсколько кусковъ коленкора, кисть, кольца и проч. и съ помощью сочувствующихъ дѣлу лицъ, преимущественно изъ мѣстнаго преподавательскаго персонала, произведена наклейка картинъ домашнимъ образомъ. Тѣмъ не менѣе, какъ ни соблазнителенъ такой способъ, должно оговориться, что онъ требуетъ весьма солидной затраты времени и труда, minimum'а $1^1/_2$ мѣсяца ежедневной четырехчасовой работы для 2 человѣкъ. Необходимой работой также является переводъ на русскій языкъ подробнаго текста къ заграничнымъ картинамъ, что сильно увеличиваетъ цѣнность послѣднихъ въ смыслѣ ихъ примѣнимости къ практикѣ въ народной школѣ. Кромѣ того, желательно имѣть въ музеѣ для учительскаго персонала побольше объяснительнаго текста къ даннымъ картинамъ и коллекціямъ; въ этомъ отношеніи музей нашего земства оказался въ счастливыхъ условіяхъ, такъ какъ въ первый же годъ его существованія поступили очень цѣнныя пожертвованія отъ Высочайше учрежденнаго музея прикладныхъ знаній въ видѣ *воскресныхъ объясненій коллекцій,* представляющихъ собой популярно составленныя извѣстными спеціалистами статьи по различнымъ отраслямъ знанія и могущія служить лучшимъ текстомъ къ составу музея. Что касается дальнѣйшихъ пожертвованій, то яркой иллюстраціей этого можетъ служить приблизительная оцѣнка инвентаря музея въ его теперешнемъ состояніи, т.-е. спустя годъ съ начала его дѣятельности, выразившаяся въ суммѣ около 600 рублей. Въ дѣятельности музея, къ очерку которой за годъ его существованія мы теперь переходимъ, это сочувствіе выступаетъ не менѣе рельефно по вопросу о пересылкѣ приборовъ музея по уѣзду. Въ основу правилъ пользованія предметами положены начала, выработанныя для подвижного музея московскаго общества грамотности съ измѣненіями и дополненіями, соотвѣтствующими особенностямъ мѣстныхъ условій. Правила эти въ общемъ сводятся къ слѣдующему:

1. Списокъ имѣющихся въ музеѣ предметовъ и принадлежностей помѣщенъ въ переданной школѣ книжкѣ, которая должна пересылаться въ музей при требованіи какихъ-либо предметовъ, которые и будутъ въ нее вписываться.

2. Въ каждую школу отпускается требуемое ею количество пособій безъ ограниченія числа ихъ и въ зависимости лишь отъ наличности ихъ въ данное время.

3. Пособія отпускаются на срокъ отъ 1-го дня до 2-хъ недѣль, по истеченіи которыхъ они возвращаются въ музей. Въ случаѣ крайней затруднительности въ обратной доставкѣ, срокъ можетъ быть продолженъ.

4. Если заранѣе извѣстно время, на которое школѣ будетъ необходимо какое-либо пособіе, требованіе на него заявляется въ музей, и намѣченное пособіе оставляется для лица, сдѣлавшаго заявленіе.

5. Отвѣтственность за цѣлость предметовъ лежитъ на лицѣ, взявшемъ ихъ изъ музея.

6. Для осмотра предметовъ и выдачи музей открытъ ежедневно съ 10 часовъ утра до 8 часовъ вечера во всѣ дни, включая и праздники.

Пользованіе предметами музея, за удовлетвореніемъ потребностей земскихъ школъ, было допущено для всѣхъ учебныхъ заведеній уѣзда безъ различія вѣдомствъ, а также и для устраиваемыхъ въ уѣздѣ воскресныхъ чтеній для народа; такъ, напримѣръ, чтеніе Бахтіарова «Какъ дѣлаютъ бумагу и печатаютъ книги» демонстрировалось, кромѣ обычныхъ свѣтовыхъ картинъ, коллекціей по писчебумажному производству, которая даетъ наглядное представленіе о всѣхъ стадіяхъ, проходимыхъ сырымъ матеріаломъ до образованія листа бумаги. Попутно съ чтеніемъ о грозѣ была показана слушателямъ электрическая машина съ важнѣйшими приборами къ ней. Кромѣ того на тѣхъ же началахъ пользованіе предметами было распространено и на нѣсколько пограничныхъ земскихъ школъ сосѣднихъ уѣздовъ. Каталогъ музея, помѣщаемый въ приложеніи, по своимъ отдѣламъ почти полностью соотвѣтствуетъ каталогу московскаго съ тою разницею, что Законъ Божій выдѣленъ изъ исторіи въ особый, первый отдѣлъ; далѣе слѣдуютъ: исторія, географія, естествознаніе, въ которое входитъ зоологія съ ботаникой, технологія, физика и «разные отдѣлы».

Наибольшимъ количествомъ предметовъ обладаютъ отдѣлы по географіи и естествовѣдѣнію, частію въ зависимости отъ поступившихъ пожертвованій, наименьшимъ—технологія и физика. По покупной стоимости самыми дорогими оказываются географія съ естествознаніемъ и физика.

Отличіе и, повидимому, весьма значительное отъ московскаго музея заключается у насъ въ условіяхъ передвиженія. Такъ у перваго, по отчету за 1897 г. на сельскія и всѣ иныя школы, кромѣ городскихъ воскресныхъ, падаетъ всего лишь 26% выдачъ, тогда какъ у насъ сельскія школы составляютъ почти исключительный контингентъ абонентовъ; и, конечно, способы передвиженія для принадлежностей музея по Москвѣ не могутъ быть сравниваемы съ транспортами по уѣзду, при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ времени и погоды. Поэтому у насъ, съ одной стороны, долженъ былъ быть заготовленъ значительный ассортиментъ укладочныхъ средствъ и приспособленій, съ другой—приходилось счита[illegible]

съ вѣроятностью болѣе быстраго ущерба предметовъ, а слѣдовательно, съ необходимостью ихъ ремонта и пополненія.

Въ этихъ цѣляхъ средства для перевозки у насъ состоятъ: 1) изъ нѣсколькихъ ящиковъ, приспособленныхъ для коллекцій и приборовъ, причемъ нѣкоторые предметы, какъ, наприм., теллурій, электрическая машина, пересылались въ цѣломъ видѣ, а не разобранными на части, чтобы не затруднять сборомъ ихъ учительскаго персонала; 2) кусковъ непромокаемой ткани (виксатинъ), въ которые вкладывались навернутыя предварительно на деревянныя скалки таблицы и картины. Послѣдній способъ перевозки оказался самымъ удобнымъ, какъ по своей портативности, такъ и прочности въ смыслѣ предохраненія отъ вліянія погоды. Картины же, наклеенныя на картонъ, о чемъ мы говорили выше, представляютъ массу неудобствъ, такъ какъ при транспортировкѣ ихъ приходилось прикрѣплять къ доскамъ соотвѣтствующихъ размѣровъ, вслѣдствіе чего получался довольно громоздкій багажъ, везти который часто затруднялись посланные за предметами, тѣмъ болѣе, что въ большинствѣ случаевъ эти посланные пріѣзжали изъ деревень въ городъ по своимъ дѣламъ и кстати, по просьбѣ учащихъ, оказывали комиссіонныя услуги по доставкѣ предметовъ. Въ виду удобства сношенія съ отдаленнѣйшими пунктами уѣзда и нерѣдко при случайныхъ оказіяхъ, помѣстить музей пришлось, подобно московскому, на квартирѣ завѣдующаго и предоставить въ распоряженіе обращающихся любые часы дня, не ограничиваясь срокомъ и не выключая праздниковъ.

Большинство учителей и учительницъ ознакомились съ составомъ музея непосредственно. Относительно ремонта предметовъ музея, мы можемъ сказать, беря, конечно, только годовой періодъ, что вещи были возвращаемы съ замѣчательной тщательностью, и въ концѣ года потребовалась самая незначительная поправка. Что касается пополненія тѣхъ или иныхъ отдѣловъ въ смыслѣ ихъ расширенія, то должно замѣтить, что по мѣрѣ развитія дѣятельности музея выяснялась потребность въ пріобрѣтеніи двойныхъ и даже тройныхъ экземпляровъ нѣкоторыхъ пособій, какъ, наприм., историческій атласъ Залѣсской, «Русскіе народы» Бѣлянкина, теллурій и т. п., такъ какъ въ большинствѣ школъ прохожденіе соотвѣтствующихъ отдѣловъ христоматіи совпадаетъ по времени, а замѣнить данныя пособія аналогичными, какъ для иныхъ предметовъ по другимъ отдѣламъ, въ инвентарѣ музея было нечѣмъ.

Всѣхъ выдачъ изъ музея за годъ или, вѣрнѣе, за 9 мѣсяцевъ учебнаго сезона произведено 264, на которыя приходится 1,154 отдѣльныхъ предмета (Въ моск. музеѣ общ. грам. за три первые года существованія [1895—1898 гг.] падаетъ выдачъ 65, 94 и 122). Число училищъ, пользовавшихся музеемъ за это время, достигло 36. Изъ нихъ Можайскаго *) уѣзда 31, Рузскаго—3, Верейскаго 2 и Волоколамскаго—1. По принадлеж-

*) Земскихъ школъ въ Можайскомъ уѣздѣ числится 27.

ости къ различнымъ вѣдомствамъ онѣ дѣлятся такъ: земскихъ школъ 29, министерства народнаго просвѣщенія—2, духовнаго вѣдомства—1, воспитательнаго дома—1, городскихъ—2, частныхъ—1. Размѣры пользованія въ отдѣльности каждою школою и дѣятельность музея по отдѣламъ его представляется въ нижеслѣдующей таблицѣ.

№ по порядку.	Названіе школъ.	Количество выданныхъ предмет. по отдѣламъ. Законъ Божій. I.	Исторія. II.	Географія. III.	Естество-вѣдѣніе. VI.	Технологія. V.	Физика. VI.	Итого.	Число выдачъ.	На одну выдачу предметовъ.
1.	Александровская	—	6	12	2	1	—	21	4	5,3
2.	Астафьевская	—	6	7	9	—	—	22	3	7,3
3.	Андреевская	21	9	8	14	—	1	53	4	14,3
4.	Архангельская	—	—	3	2	—	—	5	1	5
5.	Борисовская	2	2	6	13	—	3	26	6	4,3
6.	Бартеневская	35	4	1	17	1	2	60	7	8,6
7.	Глазовская	—	10	22	18	3	1	54	16	3,4
8.	Губинская	—	4	4	4	—	—	12	1	12
9.	Горячкинская	5	4	20	10	7	2	48	5	9,6
10.	Горковская	—	6	7	9	–	—	22	3	7,3
11.	Дерменцовская	—	—	10	10	–	—	20	6	3,3
12.	Ельнинская	—	12	8	7	1	—	28	5	5,6
13.	Ильинская	—	33	11	11	1	—	56	20	2,8
14.	Кріушинская	—	1	12	44	3	1	61	16	3,8
15.	Крюковская (Рузск. у.)	—	2	3	1	—	—	6	3	2
16.	Кузьминская	—	—	1	—	—	—	1	1	1
17.	Княжевская	3	5	5	9	—	2	24	4	6
18.	Кукаринская	12	—	2	1	—	—	15	1	15
19.	Клементьевск. (Рузск. у.)	—	—	3	—	1	2	6	1	6
20.	Можайская жен. шк. . .	—	11	9	25	3	4	52	17	3,0
21.	Можайская муж. шк. . .	—	11	5	35	2	3	56	13	4,3
22.	Мышкинская	—	—	12	28	6	3	49	9	5,4
23.	Никольско-венгерская .	—	4	6	10	—	—	20	4	5,0
24.	Осташовская	—	3	7	10	—	6	26	6	4,3
25.	Пушкинская (Верейск. у.)	—	1	6	14	1	3	25	3	8,3
26.	Пуршевская (Рузск. у.) .	—	1	5	10	2	1	19	4	4,8
27.	Старосельская	1	5	2	9	—	—	17	2	8,5
28.	Зерединская (Волок. у.) .	—	—	3	3	3	—	9	2	4,5
29.	Отяковская	—	—	—	16	—	—	16	2	8,0
30.	Совковская	—	9	1	3	—	—	13	2	6,5
31.	Тропаревская	—	4	6	27	2	1	40	9	4,5
32.	Уваровская прогимн. . .	2	15	38	119	27	2	203	70	2,9
33.	Хатанковская	—	2	8	10	—	—	20	7	2,9
34.	Шустиковская	2	—	—	9	—	—	11	2	5,5
35.	Шаликовская (Вер. у.) .	—	1	6	14	1	3	25	3	8,3
36.	Ямско-слободская . . .	—	7	1	4	—	—	13	2	6,2
	Итого . . .	83	178	260	527	65	41	1,154	264	—
		7,2%	15,4%	22,5%	45,7%	5,6%	3,6%	—	—	—
	На начальныя школы исключительно (безъ прогимназіи)	81	163	222	408	38	39	951	194	—
		8,5%	17,1%	23,3%	43,0%	4,0%	4,1%	—	—	—

Наибольшій спросъ, какъ видимъ, былъ на отдѣлъ по естествознанію, въ который у насъ, кромѣ зоологіи и ботаники, входятъ и пособія по сельскому хозяйству—онъ даетъ 45%, далѣе слѣдуетъ географія 12,5%, исторія 15,4% и, наконецъ, всего менѣе по отдѣламъ физики и технологіи. Для характеристики потребностей собственно начальныхъ школъ изъ общаго числа слѣдуетъ исключить упомянутое нами частное учебное заведеніе (прогимназія), стоящее на особомъ положеніи какъ потому, что оно находится въ городѣ, близъ помѣщенія музея, такъ и по своей программѣ, а, слѣдовательно, и вытекающимъ изъ нея потребностямъ. При выключеніи ея повышается, какъ видно изъ таблицы, спросъ на отдѣлы исторіи, географіи, Закона Божія и физики, за счетъ естествовѣдѣнія и технологіи. По отдѣлу Закона Божія, состоящаго у насъ изъ серіи картинъ по Священной исторіи ветхаго и новаго завѣта и карты Палестины, должно замѣтить, что для значительнаго числа училищъ въ немъ не встрѣчается надобности, такъ какъ имѣются собственныя пособія. Изъ отдѣльныхъ предметовъ и принадлежностей музея наибольшимъ спросомъ пользовались: картины для наглядпаго преподаванія физической географіи Животовскаго, стѣнныя таблицы по зоологіи Мейнгольда, типы народовъ Лемана, русскіе народы Бѣлянкина, и, несмотря на увеличеніе числа этихъ предметовъ двойными экземплярами, изрѣдка всетаки приходилось сталкиваться съ невозможностью удовлетворить требованіямъ всѣхъ школъ; подобное затрудненіе можно обойти очень легко, отложивши чтеніе отдѣльныхъ статей или даже всего отдѣла до полученія наглядныхъ пособій, или же, заручившись послѣдними, повторить прочитанный отдѣлъ. Но такіе факты были очень рѣдки, тѣмъ болѣе, что отдѣлы музея постоянно пополняются иллюстраціями, взятыми изъ *Нивы* и другихъ журналовъ, а въ послѣднее время былъ произведенъ довольно удачный опытъ раскрашиванія такихъ картинъ альбуминными красками. Эти краски, употребляемыя также и для свѣтовыхъ картинъ, очень легко ложатся на бумагу, и работа съ ними доступна каждому, нуженъ только маленькій навыкъ въ смыслѣ удачныхъ сочетаній цвѣтовъ, что скоро и пріобрѣтается, да кромѣ того весьма цѣннымъ пособіемъ можетъ служить изданіе Политехническаго музея: «Краткое руководство къ изготовленію тѣневыхъ картинъ» *).

Раскрашенныя домашнимъ способомъ иллюстраціи являются часто хорошимъ дополненіемъ къ имѣющимся въ музеѣ пособіямъ, такъ, наприм., на одной изъ картинъ Мейнгольда есть изображеніе губки на днѣ моря, а среди взятыхъ изъ журналовъ иллюстрацій была раскрашена картина «Ловля губокъ»; такимъ образомъ, передъ глазами школьниковъ имѣется наглядная исторія губки. Составить же подобныя коллекціи инымъ способомъ часто нѣтъ возможности за отсутствіемъ въ продажѣ, въ готовомъ видѣ, подходящихъ сюжетовъ. И надо замѣтить, что послѣднее обстоятельство является очень грустнымъ, такъ какъ хорошо исполненная и съ подходящимъ для дѣтей содержаніемъ картина даетъ развитію ребенка множество матеріала

*) Складъ изданія въ Политехническомъ музеѣ, на Лубянской площади.

разнообразнѣйшаго и содержательнаго. По отношенію къ 11 школамъ, число выдачъ въ которыхъ было отъ 1—2, слѣдуетъ пояснить, что часть ихъ находится на очень большомъ разстояніи отъ города, или стоитъ въ невыгодныхъ условіяхъ сообщенія, какъ, наприм., № 28, 16 и 8 *), находящіяся отъ города на разстояніи отъ 40—50 верстъ и имѣющія съ нимъ рѣдкія сношенія. Другія поздно ознакомились съ составомъ и функціями музея и начали обращаться съ требованіями лишь въ послѣдніе мѣсяцы учебнаго сезона или во вторую половину его, сюда входятъ школы № 4, 18, 30, 34. Потребности въ музеѣ не ощущалось, повидимому, лишь въ 3 остальныхъ школахъ. Въ общемъ, количества выдачъ и предметовъ въ одномъ и томъ же училищѣ находятся между собою до нѣкоторой степени въ обратно пропорціональныхъ отношеніяхъ, т.-е. чѣмъ больше выдачъ, тѣмъ менѣе предметовъ на каждую изъ нихъ и, наоборотъ, что̀ стоитъ въ зависимости отъ большей или меньшей удаленности школы и удобствъ сообщенія. Комбинируя школы на группы по разстоянію, находимъ, съ одной стороны, подтвержденіе только что сказанному, съ другой—видимъ, что значительное большинство изъ нихъ (66,6%) расположено далѣе 10 верстъ отъ музея, а 36,1% отстоятъ свыше 30—50 верстъ, что не препятствовало, однако, дѣятельности.

Разстояніе отъ музея.	Число школъ.	Выдача на одно учил.	Предметовъ на одну выдачу.
отъ 0— 1 версты	3(8,1%)	1,3	3,5
» 1— 2 »	2(5,4%)		
» 2— 5 »	2(5,4%)		
» 5—10 »	5(13,5%)		
» 10—20 »	8(21,6%)	4,5	5.5
» 20—30 »	4(10,8%)		
» 30—50 »	11(29,8%)		
» 50 и выше	1(0,3%)		

Вліяніе разстоянія въ отрицательномъ смыслѣ сказалось отчасти въ другомъ отношеніи; меньшее количество выдачъ связано съ болѣе рѣдкимъ обмѣномъ предметовъ музея, а слѣдовательно и задержкой, которая въ предусмотрѣнныхъ правилами пользованія размѣрахъ (свыше 2 недѣль) падаетъ главнымъ образомъ на отдаленныя школы.

Приводимъ данныя о дѣятельности музея по отдѣльнымъ мѣсяцамъ:

	Сентябрь.	Октябрь.	Ноябрь.	Декабрь.	Январь.	Февраль.	Мартъ.	Апрѣль.	
1) Число выдачъ по начал. учил.	18	30	26	15	26	49	25	7	3
2) По мѣстной прогимн. . . .	11	9	14	6	13	9	6	2	–

*) Первая изъ школъ Волокол. уѣзда, вторая Рузскаго и третья Можайскаг[illegible] границѣ съ Смоленской губ.

3) Итого	29	39	40	21	39	58	31	9	3
4) Число школъ, начавшихъ пользоваться музеемъ съ . .	14	4	5	1	2	3	7	—	—

Такимъ образомъ, временемъ наибольшаго спроса въ начальныхъ школахъ былъ февраль мѣсяцъ, наименьшаго май. Въ среднемъ работа музея была 29,2 выдачъ въ мѣсяцъ или правильнѣе, если отбросить два послѣдніе мѣсяца, когда сезонъ кончался, въ 31,8 выдачу. Отъ дальнѣйшаго анализа таблицы насъ предостерегаетъ рядъ цифръ послѣдней графы, да и въ виду сравнительной кратковременности существованія музея трудно сказать пока что-либо о той или иной закономѣрности въ помѣсячной работѣ его.

Очеркъ дѣятельности музея въ школьной жизни на этомъ мы заканчиваемъ. О приложеніи его къ внѣшкольному образованію было сказано выше по поводу народныхъ чтеній. Для наибольшей полноты постановки новаго учрежденія и въ смыслѣ перспективъ на развитіе его въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, можемъ подѣлиться, пожалуй, еще слѣдующими данными. Въ теченіе года музей посѣтило съ цѣлью ознакомиться съ его составомъ и организаціей нѣсколько лицъ педагогическаго персонала изъ другихъ уѣздовъ Московской губерніи. Лѣтомъ текущаго года предметы музея были выставлены, по просьбѣ сосѣдняго земства, на устроенныхъ имъ педагогическихъ курсахъ для учителей начальныхъ школъ. Далѣе, вслѣдъ за проникновеніемъ въ печать первыхъ свѣдѣній объ организаціи музея можайскимъ земствомъ въ уѣздную управу начали поступать отъ разныхъ учрежденій и лицъ запросы по поводу его устройства. Среди нихъ можно отмѣтить обращеніе славяносербской и волоколамской земскихъ управъ, клинскаго общества сельскаго хозяйства и др. Въ Серпуховѣ музей по образцу можайскаго открывается уже съ текущаго года, и много вѣроятій на возникновеніе ихъ въ ближайшее время въ нѣкоторыхъ другихъ уѣздахъ Московской губерніи. Упомянемъ объ учрежденіи музея по отдѣлу естествознанія (медицина и гигіена) при коммиссіи по распространенію гигіеническихъ знаній въ народѣ, образованной правленіемъ общества русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова и проч. *). Наконецъ, намъ извѣстно о послѣднемъ начинаніи курскаго губернскаго земства снабжать на совмѣстныя съ уѣздными земствами средства школы губерніи наглядными пособіями въ составѣ своего рода миніатюрнаго музея или «основной коллекціи», какъ названа она въ печатномъ спискѣ пособій. Среди нихъ находимъ географическія карты, глобусъ, магнитъ, компасъ, нѣсколько таблицъ и картинъ по зоологіи и ботаникѣ и проч. Общая стоимость всей коллекціи изъ 22 названій—12 рублей. Нужно сказать, однако, что за немногими исключеніями большинство предметовъ черезчуръ миніатюрны и невысокаго

*) Журналъ общества русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова, № 1, мартъ 1900 г.

качества для наглядности. Въ особенности это касается, напримѣръ, такъ называемаго «альбома картинъ по русской исторіи», изд. Сытина—30 коп. Наряду съ очень недурнымъ исполненіемъ перепечатки географическихъ картинъ Шрейбера и человѣческихъ расъ Лемана, «Историческій атласъ» Сытина представляетъ нѣчто невозможное изъ лубочныхъ продуктовъ по исполненію.

Переходимъ къ выводамъ всего вышеизложеннаго. Основнымъ для насъ является положеніе, что существованіе подвижныхъ школьныхъ музеевъ для нуждъ сельскихъ народныхъ школъ — дѣло вполнѣ возможное и доступное даже при самыхъ скромныхъ матеріальныхъ средствахъ. Типомъ обстановки и условій дѣятельности можетъ служить московскій музей при Обществѣ грамотности. Необходимое сочувствіе окружающихъ, если не найдется готовымъ, въ виду новизны дѣла, можетъ и должно создаться тѣми, на чью долю падетъ инициатива, которая пока въ «частномъ починѣ» у насъ на Руси не оскудѣвала.

О. К—ская.

Возраженіе

(Г. И. П., «По поводу статей г. Хитрово о русскомъ военно-уголовномъ процессѣ и возможной его реорганизаціи»).

Въ журналѣ *Русская Мысль* за 1898 и 1899 гг. были помѣщены мои статьи: «Русскій военно-уголовный процессъ и возможная его реорганизація», «Возможная реорганизація военной юстиціи и военно-юридической академіи». Главная цѣль этихъ статей была—доказать полную возможность ограниченія военной подсудности и необходимость реорганизаціи военной юстиціи и военно-юридической академіи, а потому вопросы, относящіеся до измѣненія детальныхъ положеній нашего военнаго судоустройства и судопроизводства, мною обойдены *). Въ 1898 году по поводу моихъ статей въ періодическихъ органахъ печати за декабрь мѣсяцъ были помѣщены замѣтки, а въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* довольно подробная рецензія.

Наконецъ, въ текущемъ 1900 году появилась брошюра г. И. П., изданная въ г. Николаевѣ подъ вышеуказаннымъ заглавіемъ. Авторъ брошюры, г. И. П., почему-то пожелалъ скрыть свою фамилію, но такъ какъ брошюра получила извѣстность не только въ военномъ вѣдомствѣ, но и въ обществѣ, то игнорировать эту брошюру уже не приходится. Брошюра г. И. П. состоитъ изъ нѣсколькихъ главъ и въ общемъ отличается не только многословіемъ, но и непослѣдовательностью, такъ что для полноты критическаго анализа брошюру эту и приходится прослѣдить по главамъ. Въ

---

*) Для устойчивости моихъ соображеній въ книжкахъ журнала *Русская Мысль* за 1898 г., а именно за іюль, августъ и ноябрь мѣсяцы изложено постепенное историческое развитіе военно-уголовнаго процесса въ западной Европѣ и у насъ съ древнѣйшихъ временъ, а въ книгѣ за декабрь мѣсяцъ того же года проектировано возможное улучшеніе нашего военно-уголовнаго процесса. Въ журналѣ *Русская Мысль* за 1899 г., а именно въ книгахъ за августъ и сентябрь мѣсяцы указаны данныя, вызывающія необходимость реорганизаціи нашей военной юстиціи и военно-юридической академіи. Всѣ указанныя мои статьи, по дополненіи ихъ мною, изданы въ текущемъ 1900 году отдѣльнымъ изданіемъ подъ заглавіемъ „Русскій военно-уголовный процессъ, его возможная реорганизація и возможная реорганизація военной юстиціи и военно-юридической академіи".

предисловіи къ своей брошюрѣ г. И. П. послѣ предъявленія, такъ сказать, къ обществу обвиненія въ недостаточномъ пониманіи требованій тѣхъ или другихъ военныхъ законовъ, между прочимъ, говоритъ, что «многочисленныя привилегіи войска, преимущественно въ лицѣ его корпуса офицеровъ; огромная соціальная роль этого корпуса офицеровъ, дающаго физическое, умственное и нравственное воспитаніе проходящей чрезъ его руки массѣ народа; исторія войска, полная многихъ злоупотребленій и безправія низшихъ передъ высшими; его высокіе идеалы—жизни для другихъ, не ради хлѣба насущнаго; его героическія преданія и горделивое сознаніе собственныхъ достоинствъ; наконецъ, молодость, сила и бодрая, блестящая красота воиновъ,—все это возбуждаетъ во многихъ глубоко затаенныя зависть, вражду и недоброжелательство и заставляетъ ихъ нападать на армію съ пѣной у рта всегда, когда представится для этого хотя какой-нибудь случай» *). Въ своемъ стремленіи быть краснорѣчивымъ, авторъ г. И. П. настолько увлекается, что нарушаетъ правду. До достиженія вѣчнаго мира полное упраздненіе милитаризма и невозможно, такъ какъ война и войско—понятія между собою тѣсно связаныя. Но благоразуміе вынуждаетъ желать, чтобы затраты на военную силу были по возможности ограничены, а мнѣніе автора брошюры, г. И. П., что военная корпорація является какъ бы разсадникомъ нравственнаго усовершенствованія народа, не можетъ быть признано справедливымъ, потому что такія задачи лежатъ на духовенствѣ и школѣ, не говоря уже о семьѣ и литературѣ.

Замѣчу, что въ моей статьѣ, помѣщенной въ журналѣ *Русская Мысль* за 1898 годъ въ книгѣ VII, я, доказывая необходимость прогрессивнаго развитія военно-корпоративныхъ законовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ признавалъ, что изолированіе военной корпораціи отъ общества въ наше время невозможно **). Признавая мои статьи, помѣщенныя въ журналѣ *Русская Мысль* за 1898 годъ, пристрастными, авторъ брошюры, г. И. П., говоритъ, что наши военные суды составляютъ одинъ изъ наиболѣе передовыхъ и наилучшимъ образомъ устроенныхъ военныхъ судовъ Европы, на который давно уже, какъ на образецъ, указываютъ въ Германіи и во Франціи ***). Если бы авторъ брошюры, г. И. П., прочелъ со вниманіемъ мои статьи за іюль и августъ мѣсяцы, помѣщенныя въ журналѣ *Русская Мысль* за 1898 годъ, то, по всей вѣроятности, пришелъ бы къ убѣжденію, что военные суды королевствъ: Италіи, Баваріи, Бельгіи и Швейцарской республики функціонируютъ болѣе свободно и независимо, чѣмъ наши военные суды.

---

*) См. брошюру г. И. П., стр. 3.

**) Полное у насъ изолированіе военной корпораціи отъ общества невозможно главнымъ образомъ по краткосрочности военной службы и отбыванію воинской повинности всѣми сословіями общества, о чемъ и высказаны были мною подробныя соображенія въ статьѣ, помѣщенной въ журналѣ *Русская Мысль* за 1898 годъ, кн. V. Наконецъ, мои статьи по отношенію къ реорганизаціи военно-уголовнаго процесса главнымъ образомъ имѣли въ виду интересы нижнихъ чиновъ.

***) См. брошюру, изданную г. И. П., стр. 3.

Въ Великобританіи, Англіи и Швейцарской республикѣ военная подсудность ограничена только преступленіями воинскими, наконецъ, Высочайше учрежденная у насъ въ 1862 году коммиссія для начертанія проекта военнаго судоустройства и судопроизводства также признавала, что для достиженія правосудія необходимо и въ военныхъ судахъ установить раздѣленіе судейскихъ функцій, чего къ сожалѣнію однако не состоялось.

Затѣмъ авторъ брошюры, г. И. П., указывая на процессъ Дрейфуса, между прочимъ, говоритъ, что «процессъ этотъ вызвалъ массу самыхъ злобныхъ и несправедливыхъ нареканій на французскіе военные суды».

Говорить такъ о процессѣ Дрейфуса нельзя, такъ какъ первый приговоръ, постановленный по дѣлу Дрейфуса, былъ результатомъ не ошибки, а цѣлаго ряда нарушеній требованій французскаго военно-уголовнаго процесса и давленія высшей военной французской администраціи, принудившей судъ постановить по дѣлу Дрейфуса пристрастный приговоръ. Все это было настолько обнаружено французскою періодическою печатью, благодаря главнымъ образомъ Эмилю Зола и Пиккару, что дѣло Дрейфуса, перейдя на почву общественнаго интереса, повлекло за собою не только нѣкоторыя перемѣны во французскомъ военномъ министерствѣ, но и пересмотръ дѣла. Въ моихъ статьяхъ подробно изложенъ французскій военно-уголовный процессъ, а потому, не останавливаясь на обрисовкѣ этого процесса, могу лишь замѣтить, что давленіе французской военной администраціи на военные суды было уже давно подмѣчено французскимъ обществомъ и періодическою печатью.

Послѣ предисловія г. И. П., подъ отдѣльнымъ заголовкомъ: «Въ интересахъ дисциплины арміи, въ ней необходимъ правильный судъ», развиваетъ свои соображенія, относящіяся до необходимости установленія для арміи отдѣльныхъ военно-корпоративныхъ законовъ, централизацію власти и правильнаго суда, причемъ, между прочимъ, и высказываетъ, что въ виду боевого назначенія арміи «главнокомандующій и другіе военные начальники должны быть освобождены отъ напрасно-отвлекающихъ и затрудняющихъ обязанностей». Замѣчаніе это направлено г. И. П. противъ моихъ статей, въ коихъ статьяхъ и проектируется назначеніе на должности предсѣдателей и военныхъ судей въ военно-окружныхъ судахъ офицеровъ генеральнаго штаба съ юридическимъ однако образованіемъ. Спеціальность военной службы крайне разнообразна и во многихъ случаяхъ отклоняется даже отъ боевой профессіи, какъ, напримѣръ, по заготовленію для арміи продовольствія, назначеніе офицеровъ временными членами въ военно-окружные суды и т. д. Можно, конечно, привести цѣлый рядъ примѣровъ, что назначеніе не только офицеровъ генеральнаго штаба, но и командировъ полковъ и другихъ военныхъ начальниковъ на должности иногда чисто-гражданскія, административныя, не мѣшало этимъ лицамъ вмѣстѣ съ тѣмъ и исполнять боевыя обязанности. По отношенію къ военнымъ судамъ авторъ брошюры, г. И. П., замѣчаетъ, что «для достиженія правосудія въ войскахъ необходимо, чтобы судъ былъ составленъ изъ людей, пони-

мающихъ законы и вообще установленія правильнаго суда, такъ какъ это въ особенности важно для поддержанія дисциплины».

Совершенно вѣрно, но, къ сожалѣнію, наши низшіе военные суды, полковые и бригадные, нисколько не удовлетворяютъ желанію автора, г. И. П., такъ какъ суды эти состоятъ изъ лицъ, не получившихъ юридическаго образованія, а изъ циркулярнаго предписанія военнаго министра по военно-судебной части отъ 1886 г. за № 1776 видно, насколько суды эти не удовлетворяютъ своему назначенію *). Впрочемъ, г. И. П. въ своей брошюрѣ не касается полковыхъ и бригадныхъ судовъ, а потому, по всей вѣроятности, и признаетъ, что означенные низшіе военные суды должны быть преобразованы на основахъ, мною рекомендуемыхъ, но въ такомъ случаѣ автору брошюры, г. И. П., не слѣдовало бы признавать наши военные суды «образцовыми». Признавать же полковые и бригадные суды, въ силу расширенія подсудности этимъ судамъ согласно военно-судебнаго устава 1884 года, за дисциплинарные комитеты невозможно. Считаю не лишнимъ замѣтить автору брошюры, г. И. П., что для правильнаго функціонированія нашихъ военно-окружныхъ судовъ важенъ законъ, точно опредѣляющій независимое положеніе отъ военной администраціи предсѣдателей, военныхъ судей и временныхъ членовъ указанныхъ судовъ, а не принадлежность предсѣдателей и военныхъ судей къ какой-либо военной корпораціи.

Подъ рубрикою «Историческій очеркъ» авторъ брошюры, г. И. П., отмѣчая надлежащее положеніе законовъ въ обществѣ по отношенію къ его примѣненію, между прочимъ говоритъ, что главныя требованія отъ суда въ арміи заключаются: во-первыхъ, судъ долженъ правильно примѣнять законы и, во-вторыхъ, примѣнять ихъ согласно съ пониманіемъ ихъ и соотвѣтствующихъ имъ жизненныхъ явленій той средой, въ которой они примѣняются.

Первое замѣчаніе совершенно вѣрно, а потому и существующая организація полковыхъ судовъ должна быть подвергнута реорганизаціи съ введеніемъ въ эти суды юридическихъ элементовъ. Второе замѣчаніе автора брошюры, г. И. П., не можетъ относиться къ преступленіямъ общимъ, такъ какъ особенности бытовой среды военной корпораціи ни въ какомъ случаѣ не должны вліять не только на измѣненіе квалификаціи преступленій общихъ и мѣру отвѣтственности, опредѣляемой закономъ, но и на отягченіе или умаленіе вины преступника. Вотъ почему въ нѣкоторыхъ государствахъ Западной Европы, какъ, напримѣръ, въ Великобританіи, Италіи и Швейцаріи, военная подсудность ограничена только преступленіями воинскими, а за совершеніе преступленій общихъ, не спеціально корпоративныхъ, воинскіе чины судятся общимъ уголовнымъ судомъ гражданскаг

*) См. журналъ *Русская Мысль* за 1898 г., кн. XII, ст. подъ заглавіемъ „Русск военно-уголовный процессъ и его возможная реорганизація", гдѣ въ примѣчаніи стр. 118 приведены нѣкоторыя детали изъ указаннаго циркуляра.

вѣдомства, что я и признавалъ возможнымъ примѣнить у насъ въ Россіи, но только для мирнаго времени. Историческія изслѣдованія г. И. П. слишкомъ кратки; такъ, начиная ихъ только съ XVIII столѣтія, г. И. П. о положеніи военныхъ судовъ до царствованія императора Петра Великаго ровно ничего не говоритъ, ограничиваясь однимъ лишь замѣчаніемъ, что «суды эти дѣйствовали безконтрольно», но это не вполнѣ вѣрно, такъ какъ не только въ XVII, но даже и въ XVI столѣтіи дѣла военныхъ судовъ низшихъ инстанцій иногда восходили на ревизію различныхъ приказовъ. Кромѣ того, г. И. П. ничего не говоритъ о развитіи у насъ въ Россіи военной подсудности, которая, какъ извѣстно, установилась вполнѣ лишь въ царствованіе императора Павла I. Обрисовывая требованія тайнаго инквизиціоннаго процесса, г. И. П., впадаетъ въ ошибку, утверждая, что слѣдствія производились офицерами, тогда какъ, согласно военно-уголовнаго устава 1839 г. книги второй, въ число обязанностей аудиторовъ входило и производство ими слѣдствій, а офицеры назначались для присутствованія при слѣдствіи въ качествѣ депутатовъ. О трудахъ Высочайше учрежденной въ 1862 г. коммиссіи для начертанія проекта военно-судебнаго устава г. И. П. говоритъ слишкомъ мало, ограничиваясь указаніемъ тѣхъ основныхъ положеній, которыми упомянутая коммиссія должна была руководствоваться, а потому и впадаетъ въ ошибку, утверждая, что «согласно военно-судебной реформѣ, послѣдовавшей въ 1867 году, аудиторы и оберъ-аудиторы могли быть допускаемы къ занятію въ военно-окружныхъ судахъ только обязанностей секретарей». Такое утвержденіе заключаетъ въ себѣ полную неправду, такъ какъ Высочайше учрежденная въ 1862 г. коммиссія для начертанія проекта военно-судебнаго устава между прочимъ и проектировала, что на должности военныхъ прокуроровъ, ихъ помощниковъ и военныхъ слѣдователей во вновь организуемыхъ военно-окружныхъ судахъ должны назначаться вмѣстѣ съ офицерами и чиновники военнаго министерства, бывшіе аудиторы и оберъ-аудиторы *). Проектированное Высочайше учрежденною коммиссіею вошло и въ законоположеніе XXIV кн. Св. Воен. Пост. изд. 1869 г., а потому съ 1870 по 1883 гг. выше перечисленныя должности были заняты также аудиторами и оберъ-аудиторами,—такъ, напримѣръ, въ 1873 г. почти всѣ военные прокуроры и военные слѣдователи при военно-окружныхъ судахъ были чиновники, т.-е. бывшіе оберъ-аудиторы **). Такимъ образомъ только съ 1884 г., согласно нынѣ дѣйствующему военно-

*) См. сборникъ законодательныхъ работъ по составленію военно-судебнаго устава, Спб., 1867 г., и мою статью, помѣщенную въ журналѣ *Русская Мысль* за 1898 г., кн. XII, подъ заглавіемъ „Русскій военно-уголовный процессъ и возможная его реорганизація".

**) Съ 1867 по 1882 г. главнымъ военнымъ прокуроромъ былъ статсъ-секретарь, тайный совѣтникъ В. Д. Философовъ, а военными прокурорами въ указанный періодъ времени между прочимъ были: дѣйствительные статскіе совѣтники Ахшарумовъ, Нефѣдовъ, Волковъ, Бирюковъ и другія лица, исполнявшія обязанности помощниковъ военныхъ прокуроровъ и военныхъ слѣдователей.

судебному уставу, должности при военно-окружныхъ судахъ прокуроровъ, ихъ помощниковъ и военныхъ слѣдователей исключительно замѣщаются офицерами, окончившими курсъ наукъ въ военно-юридической академіи. Если, г. И. П., пожелаетъ провѣрить мои слова по отношенію къ аудиторамъ и оберъ-аудиторамъ, то предлагаю ему просмотрѣть книжки о чинахъ, входившихъ въ составъ военно-судебнаго вѣдомства съ 1870 до 1888 г.

Наконецъ, въ особой главѣ подъ заглавіемъ «Противники реформированнаго военнаго суда», г. И. П. начинаетъ уже детально разбирать мои труды, помѣщенные въ журналѣ *Русская Мысль* за 1898 и 1899 гг. Затушевывая главную цѣль моихъ статей, авторъ брошюры, между прочимъ, говоритъ, что «къ числу противниковъ реформы 1867 г. принадлежитъ и г. Хитрово, который находитъ, что «главные недостатки этой реформы состоятъ, во-первыхъ, въ ея дороговизнѣ и, во-вторыхъ, въ постоянномъ отнятіи ею отъ арміи лучшихъ офицеровъ» Цитируя далѣе нѣкоторыя выраженія изъ моего труда, г. И. П. продолжаетъ, что, указывая на расходъ военнаго и морского министерствъ въ количествѣ пятисотъ милліоновъ рублей, я вмѣстѣ съ тѣмъ и излагаю свои соображенія о возможности полнаго сокращенія военно-судебнаго вѣдомства...», но затѣмъ отъ такого предложенія будто бы отказываюсь и, оставляя все военно-судебное вѣдомство цѣликомъ, предлагаю лишь должности военныхъ прокуроровъ, ихъ помощниковъ и военныхъ слѣдователей замѣстить чиновниками. Затѣмъ авторъ брошюры, подводя какъ бы итогъ всему мною высказанному въ моихъ статьяхъ, рѣшается сдѣлать изъ нихъ нижеслѣдующіе выводы, будто бы я желаю: «1) самостоятельность правосудія въ арміи упразднить и сдѣлать ее, попрежнему, орудіемъ въ рукахъ начальниковъ; 2) особые суды арміи сохранить только для воинскихъ преступленій; 3) существующій въ настоящее время въ военно-окружныхъ судахъ наличный составъ изъ постоянныхъ и опытныхъ военныхъ юристовъ замѣнить офицерами генеральнаго штаба, получившими спеціальное военно-юридическое образованіе, и чиновниками-юристами; 4) предварительное слѣдствіе для воинскихъ преступленій замѣнить дознаніемъ, и 5) военно-юридическую академію упразднить, а бывшее военно-юридическое училище возстановить съ особымъ отдѣленіемъ для офицеровъ генеральнаго штаба».

Напрасно г. авторъ брошюры полагаетъ, что я принадлежу къ числу противниковъ военно-судебной реформы 1867 г., такое предположеніе равносильно полному непониманію моихъ статей, помѣщенныхъ въ журналѣ *Русская Мысль*. Нигдѣ я не высказалъ намѣренія пошатнуть устои, выработанные военно-судебною реформою 1867 г., т.-е. устности, гласности, равноправности сторонъ, состязательности процесса и рѣшенія участи подсудимаго единственно по убѣжденію судей, ихъ совѣсти, а напротивъ, проектировалъ расширеніе правъ подсудимаго указаніемъ, между прочимъ, возможной реорганизаціи полковыхъ судовъ въ дивизіонные съ предостав-

леніемъ и въ этихъ судахъ подсудимымъ права имѣть защитника. Въ интересахъ также подсудимаго я признавалъ, и въ настоящее время признаю, возможнымъ преступленія общія, совершенныя воинскими чинами въ мирное время, передать въ вѣдѣніе общихъ уголовныхъ судовъ гражданскаго вѣдомства, въ каковыхъ судахъ существуетъ раздѣленіе судейскихъ функцій на судій права и судій факта, и вопросъ о виновности разрѣшается присяжными засѣдателями единственно по совѣсти, не стѣсняясь фактами совершенія. Я не буду останавливаться здѣсь на доказательствахъ полной возможности ограниченія военной подсудности въ мирное время, но если г. И. П. интересуется этимъ вопросомъ, то предлагаю ему прочитать мою статью, помѣщенную въ журналѣ *Русская Мысль* за 1898 г., кн. XII. Въ статьѣ этой, кромѣ того, приведены данныя, что ограниченіе военной подсудности въ мирное время одними только преступленіями воинскими не только не отразится на умаленіи требованій законовъ дисциплины, но и не повліяетъ на уменьшеніе власти военныхъ начальниковъ. Изъ чего слѣдуетъ, что меня противникомъ военно-судебной реформы 1867 г. признать нельзя, такъ какъ я не допускаю, чтобы и военно-формальные законы подверглись омертвѣнію. Конечно, если ограничить военную подсудность одними только преступленіями воинскими, то такое ограниченіе повлечетъ за собою сокращеніе различныхъ должностей при военно-окружныхъ судахъ, отчего, неминуемо, и должна получиться экономія, которую я дѣйствительно рекомендую передать въ министерство народнаго просвѣщенія, какъ министерство, болѣе всего нуждающееся въ денежныхъ средствахъ. Ни въ одной изъ моихъ статей я не указываю на упраздненіе военно-судебнаго вѣдомства, а лишь привожу данныя для возможной реорганизаціи военной юстиціи. Такъ, по моему мнѣнію, остающемуся не измѣннымъ и въ настоящее время, наше военно-судебное вѣдомство должно состоять исключительно изъ лицъ гражданскихъ чиновниковъ съ юридическимъ образованіемъ, которымъ и должны быть предоставлены мѣста при военно-окружныхъ судахъ военныхъ прокуроровъ, ихъ помощниковъ, военныхъ слѣдователей и такъ далѣе, а потому и противорѣчія въ моихъ статьяхъ не встрѣчается.

Съ 1870 по 1884 г. указанныя должности въ большинствѣ случаевъ занимались чиновниками, а между тѣмъ военно-окружные суды въ указанный періодъ времени функціонировали не хуже настоящихъ военно-окружныхъ судовъ, если даже не гуманнѣе по отношенію къ подсудимымъ, что, впрочемъ, главнымъ образомъ совпадало съ гуманными постановленіями XXIV кн. Св. Воен. Пост. изд. 1869 г., устанавливающими въ широкихъ размѣрахъ устность, гласность, публичность судебныхъ засѣданій и полную въ процессѣ равноправность сторонъ. Большею оригинальностью отличается обвиненіе меня въ томъ, что я желаю самостоятельность правосудія въ арміи упразднить, по данныхъ къ обвиненію меня въ такомъ тяжкомъ преступленіи противъ прогресса и гуманизма авторъ брошюры не указываетъ, да и указать невозможно, такъ какъ такихъ данныхъ въ

моихъ статьяхъ не существуетъ. Дѣйствительно, я предлагаю должности въ военно-окружныхъ судахъ предсѣдателей и военныхъ судей замѣстить офицерами генеральнаго штаба съ юридическимъ однако образованіемъ и даже срокомъ на два года, причемъ, по мнѣнію моему, самостоятельность дѣйствій персонала военно-окружныхъ судовъ отъ этого не умаляется, ибо повторяю мною уже высказанное, что важенъ законъ, обрисовывающій независимое судейское положеніе, а не принадлежность къ извѣстному вѣдомству, причемъ, со своей стороны предлагаю автору брошюры, заглянуть въ военно-судебные уставы 1883 и 1884 гг. и тогда разрѣшить: пользуются ли въ настоящее время предсѣдатели и военные судьи полною независимостью въ сферѣ ихъ профессіональной дѣятельности? Наконецъ, по мнѣнію моему, предсѣдателямъ и военнымъ судьямъ военно-окружныхъ судовъ, подобно тому, какъ предсѣдателямъ и чинамъ общихъ уголовныхъ судовъ гражданскаго вѣдомства, важно имѣть солидное юридическое образованіе и умѣнье разумно толковать требованія закона; конечно, послѣднее требованіе какъ бы вытекаетъ изъ перваго, а потому опытность и сноровка при наличности первыхъ двухъ условій уже какъ бы не имѣютъ мѣста. Если военную подсудность возможно ограничить одними преступленіями воинскими, то и теперь повторяю, что производство предварительныхъ слѣдствій совершенно будетъ излишнимъ, ибо въ важныхъ случаяхъ можно всегда нарядить слѣдственную коммиссію, что и разрѣшается нынѣ дѣйствующимъ военно-судебнымъ уставомъ. Высказывать по этому поводу основанія, преведшія меня къ вышеупомянутому заключенію, я не буду, такъ какъ эти основанія подробно изложены въ моей статьѣ. Въ статьѣ моей я вовсе не высказываю желанія совершенно упразднить Александровскую военно-юридическую академію, а лишь предлагаю ее реорганизовать въ смыслѣ комплектованія слушателей, т.-е. допускать въ эту академію лицъ, окончившихъ съ успѣхомъ курсъ въ академіяхъ: морской и Николаевской генеральнаго штаба, а не офицеровъ генеральнаго штаба, какъ неправильно думаетъ г. И. П.

Подъ заголовкомъ: «Правосудіе должно имѣть самостоятельное, а не служебное значеніе въ арміи», авторъ брошюры, послѣ многорѣчиваго разсужденія объ уголовныхъ процессахъ, между прочимъ, говоритъ, что передача приговоровъ на конфирмацію начальства, какъ предлагаю я, отниметъ у этихъ приговоровъ «самостоятельность», но такой взглядъ совершенно невѣренъ, ибо я признаю возможнымъ передавать приговоры на конфирмацію военнаго начальства по преступленіямъ только воинскимъ и притомъ лишь на предметъ смягченія опредѣленнаго уже судомъ окончательнаго наказанія, а не для ревизіи и контроля, почему и тексты приговоровъ должны оставаться неизмѣнными. Подобная конфирмація приговоровъ военнымъ начальствомъ допускается военно-уголовнымъ процессомъ, дѣйствующимъ въ королевствахъ: баварскомъ и итальянскомъ, и совершенно не умаляетъ значеніе приговоровъ. Что же касается до уголовнаго суда, то главный его интересъ заключается въ правдивомъ разрѣшеніи по существу дѣла и въ правильномъ

примѣненіи законовъ о наказаніи, почему съ постановленіемъ приговора и его подписаніемъ судъ и заканчиваетъ свою миссію. Авторъ брошюры признаетъ, что ограниченіе военной подсудности является вопросомъ не простымъ и что вопросъ этотъ былъ предметомъ парламентскихъ дебатовъ въ Германіи въ 1876 году, но окончился не въ пользу ограниченія военной подсудности. Такой неуспѣхъ, конечно, не можетъ быть для насъ примѣромъ, тѣмъ болѣе, что съ 1876 г. по настоящее время протекло значительное время, а военно формальные законы тоже должны прогрессировать во времени. Собственно говоря, авторъ брошюры признаетъ необходимымъ для арміи постоянный военный судъ потому, что армія должна находиться въ независимомъ положеніи отъ остальныхъ властей государства, но такого полнаго обособленія арміи у насъ въ сферѣ юрисдикціи совершенно не достигается, такъ какъ по нынѣ дѣйствующему военно-судебному уставу 1884 г. предварительныя слѣдствія по общимъ преступленіямъ, совершеннымъ воинскими чинами, состоящими на дѣйствительной службѣ, производятся, въ большинствѣ случаевъ, не военными, а судебными слѣдователями гражданскаго вѣдомства. Наконецъ, у насъ военно-судебнымъ уставомъ 1884 г. допускается смѣшанная подсудность, и воинскій чинъ, совершившій общее преступленіе вмѣстѣ съ лицомъ гражданскаго вѣдомства, судится судомъ общимъ уголовнымъ гражданскаго вѣдомства.

Въ главѣ, названія: «Предсѣдательствующій въ военномъ судѣ долженъ быть офицеромъ со спеціальными военно-юридическимъ образованіемъ и опытностью», авторъ брошюры, г. И. П., до нѣкоторой степени перепутываетъ свои соображенія; такъ, въ одномъ мѣстѣ онъ прямо обвиняетъ меня въ нерасположеніи къ офицерскому званію военно-судебнаго вѣдомства, забывая, что я никогда не принадлежалъ къ ауди-торской корпораціи, а въ другомъ повторяетъ отчасти то, что̀ мною изложено въ моемъ трудѣ, помѣщенномъ въ журналѣ *Русская Мысль* за 1898 г., гдѣ также я требую, чтобы предсѣдательствующій на судѣ былъ офицеръ и притомъ съ юридическимъ образованіемъ. Далѣе авторъ брошюры почему-то приводитъ мнѣніе Буцковскаго о томъ, что «между судьями, опредѣляющими виновность подсудимаго по совѣсти, должны быть и такія лица, которыя и должны принадлежать къ его средѣ», а между тѣмъ, приведя мнѣніе Буцковскаго, авторъ брошюры не рѣшается проектировать о допущеніи въ число временныхъ членовъ военно-окружныхъ судовъ и нижнихъ чиновъ. Въ моей статьѣ, я предлагаю увеличить количество временныхъ членовъ въ военно-окружныхъ судахъ до двѣнадцати, но нижнихъ чиновъ въ составъ временныхъ членовъ не допускаю.

Авторъ брошюры, не признавая возможнымъ упраздненіе института военныхъ слѣдователей, вмѣстѣ съ тѣмъ довольно подробно излагаетъ всю важность профессіональной дѣятельности военныхъ слѣдователей. Отрицать, что дѣятельность военныхъ слѣдователей имѣетъ крайне серьезное значеніе, конечно, нельзя, но снова повторяю, что для преступленій воинскихъ достаточно дознанія. Наконецъ, я признаю возможнымъ упраздненіе

института военныхъ слѣдователей только въ случаѣ ограниченія военной подсудности одними преступленіями воинскими. Если авторъ брошюры признаетъ невозможнымъ упразднить институтъ военныхъ слѣдователей, то становится отчасти непонятнымъ, почему онъ не предлагаетъ права военныхъ слѣдователей, по ихъ профессіональной дѣятельности, приравнять вполнѣ къ правамъ судебныхъ слѣдователей, что̀ дѣйствительно было бы крайне необходимо *).

Я не только въ моихъ статьяхъ не отрицаю необходимости сторонъ въ нашемъ военно-уголовномъ процессѣ, какъ это предполагаетъ г. И. П., но даже признаю необходимымъ установить эти стороны въ полковыхъ судахъ, реформированныхъ мною въ дивизіонные съ предоставленіемъ и въ этихъ судахъ права подсудимому имѣть защитника, чѣмъ подсудимый въ настоящее время въ полковомъ судѣ не пользуется.

Не соглашаясь со мною относительно назначенія на должности военной прокуратуры чиновниковъ и требуя, чтобы на эти должности исключительно назначались офицеры съ юридическимъ образованіемъ, авторъ брошюры, между прочимъ, говоритъ, что военная прокуратура должна быть хорошо знакома съ внутреннею бытовою военною жизнью, ибо трудно быть увѣреннымъ въ правильности сужденія по дѣлу, касающемуся незнакомыхъ намъ отношеній и лицъ, а представитель обвиненія судитъ о дѣлѣ, когда онъ даетъ по нему цѣлый рядъ своихъ заключеній...

Все это, положимъ, такъ, но внутренняя, бытовая военная жизнь не представляетъ въ настоящее время собою какихъ-либо выдающихся особенностей, такъ какъ полной изолировки нижнихъ чиновъ не существуетъ. Наконецъ, если въ періодъ времени съ 1870 по 1882 г. военные прокуроры и ихъ помощники, будучи чиновниками, вполнѣ добросовѣстно исполняли свои обязанности и стойко охраняли всѣ требованія военной службы, то почему же не допустить этого и въ настоящее время? Къ сожалѣнію, г. И. П. функціи обвинителя какъ бы смѣшиваетъ съ функціями суда, а этого допустить невозможно, ибо если военный прокуроръ или его помощникъ должны обвинять по убѣжденію, то это можетъ относиться только къ опредѣленію качественности улики, а потому и коронный обвинитель едва ли можетъ отказаться отъ обвиненія при наличности дѣйствительно совершившагося правонарушенія, тогда какъ для суда фактъ не имѣетъ связывающаго значенія. Впрочемъ, въ моей статьѣ изложены соображенія, почему я признаю возможнымъ допустить чиновниковъ къ исполненію обязанностей военной прокуратуры, что̀ и въ настоящее время не отрицаю.

Въ послѣдней главѣ авторъ брошюры снова выставляетъ меня какъ бы противникомъ существованія военно-юридической Александровской [illegible]

*) О правахъ военныхъ слѣдователей см. военно-судебный уставъ 1884 г. [illegible] устава этого можно видѣть, до какой степени военные слѣдователи лишены самостоятельности въ своихъ дѣйствіяхъ.

деміи, но это положительная неправда, такъ какъ я не только признаю необходимость существованія этой академіи, но и рѣшительно не вторгаюсь въ сферу преподаванія въ ней наукъ и только признаю въ моихъ статьяхъ,—что̀ и теперь не отрицаю,—что слушателями въ означенной академіи должны быть исключительно офицеры, окончившіе съ успѣхомъ курсъ въ академіяхъ: морской и Николаевской генеральнаго штаба, а въ старшій курсъ этой академіи, т.-е. въ третій, должны допускаться также и гражданскія лица, окончившія курсъ на юридическихъ факультетахъ университетовъ, Императорской школѣ правовѣдѣнія и юридическихъ лицеяхъ, для спеціальнаго изученія военно-юридическихъ наукъ законовѣдѣнія. Если бы авторъ брошюры хорошо познакомился съ моими статьями, помѣщенными въ журналѣ *Русская Мысль*, то онъ понялъ бы, что я предоставляю исключительное право поступленія въ военно-юридическую Александровскую академію лицамъ, окончившимъ курсъ въ вышепоименованныхъ академіяхъ не изъ каприза, а съ цѣлью распространенія правовыхъ воззрѣній въ нашей арміи и флотѣ, о чемъ мною и высказано подробно въ вышеупомянутыхъ статьяхъ.

Затѣмъ авторъ брошюры, между прочимъ,говоритъ, что «уровень правовыхъ понятій въ арміи поднимается не тѣмъ, что въ ней существуетъ или нѣтъ нѣсколькихъ членовъ, получившихъ юридическое образованіе, а тѣмъ, что въ ней функціонируетъ правильный и гласный судъ, въ дѣятельности котораго, къ тому же, поочередно принимаютъ участіе почти всѣ вліятельные члены этой арміи».

На это можно отвѣтить автору брошюры, что военно-окружные суды новой конструкціи существуютъ уже болѣе тридцати лѣтъ и въ нихъ перебывало не мало офицеровъ, въ качествѣ временныхъ членовъ, а между тѣмъ и по настоящее время правовыя воззрѣнія въ арміи настолько слабы, что даже полковые суды функціонируютъ неправильно, о чемъ можетъ свидѣтельствовать и выше приведенный приказъ военнаго министра. Наконецъ, г. И. П. забываетъ, что преданіе военному суду въ военномъ вѣдомствѣ принадлежитъ власти отдѣльныхъ военныхъ начальниковъ, которымъ военно-судебный уставъ 1884 г. и предоставляетъ право соглашаться и не соглашаться съ заключеніями военной прокуратуры, но какъ же военный начальникъ можетъ вполнѣ оцѣнить правильность заключенія военной прокуратуры, когда не будетъ самъ имѣть рѣшительно никакихъ юридическихъ свѣдѣній?

Г. И. П. на 45 стр. брошюры говоритъ, что «правосудіе не Молохъ, требующій жертвъ ради нихъ самихъ, во что бы то ни стало. Чѣмъ лучше выяснены мотивы преступленія и испорченность преступника, чѣмъ преступленіе составляетъ бо̀льшее зло не по объективнымъ своимъ послѣдствіямъ, иногда совершенно случайнымъ, а по своему внутреннему, каждый разъ особому содержанію, тѣмъ примѣненіе наказанія къ преступнику будетъ справедливѣе»...

Понять довольно трудно это. Впрочемъ, слова эти могутъ понудить чи-

тателя доискаться истины, и тогда онъ, конечно, невольно придетъ къ убѣжденію, что положеніе XXIV кн. Св. Военн. Пост. изд. 1869 г. было гораздо гуманнѣе по отношенію къ интересамъ подсудимаго, чѣмъ военно-судебный уставъ 1884 г., значительно ограничившій устность, гласность, публичность судебныхъ засѣданій и равноправность въ процессѣ сторонъ. Въ заключеніе своей брошюры г. И. П. совѣтуетъ мнѣ познакомиться съ шестью указанными имъ сочиненіями, но сочиненія эти мнѣ извѣстны и нѣкоторыя изъ нихъ поименованы въ примѣчаніяхъ моихъ статей. За любезность рѣшаюсь отплатить любезностью, и совѣтую автору брошюры познакомиться со всѣми сочиненіями, поименованными въ примѣчаніяхъ моихъ статей, а такихъ сочиненій болѣе пятидесяти, и всѣ они имѣютъ солидное значеніе по отношенію къ историческому изслѣдованію развитія военно-уголовныхъ процессовъ западно-европейскихъ государствъ и нашихъ военно-уголовныхъ законовъ. По отношенію къ военно-юридической Александровской академіи совѣтую г. И. П. познакомиться съ прекраснымъ сочиненіемъ профессора военно-юридической академіи Кузьмина-Караваева, съ каковымъ сочиненіемъ г. И. П., кажется, не знакомъ.

Н. П. Хитрово.

Письмо въ редакцію.

По поводу книги д-ра П. И. Якобія *Основы административной психіатріи*. Орелъ, 1900 г. Ц. 5 р.

Объемистая книга Якобія (болѣе 600 стр.), изобилующая многочисленными цитатами и ссылками на разныхъ авторовъ, по внѣшности производитъ впечатлѣніе серьезнаго научнаго трактата; но стоитъ только прочитать одну-другую главу, чтобы убѣдиться, что внѣшность книги въ данномъ случаѣ является лишь внушительной декораціей, сколоченной на скорую руку и имѣющей цѣлью подъ флагомъ науки провести чудовищный панегирикъ самому себѣ и оплевать своихъ коллегъ-психіатровъ по возможности такъ, чтобы не осталось сухого мѣста. Хотя мое имя также фигурируетъ въ числѣ оплеванныхъ, но я охотно простилъ бы это Якобію и прошелъ бы полнымъ молчаніемъ его книгу, если бы не одно обстоятельство, которое вынуждаетъ меня говорить печатно. Якобій усиленно пропагандируетъ свое сочиненіе среди земцевъ, предлагая принять все изложенное имъ въ книгѣ, какъ мотивировку къ ходатайству объ организаціи судебно-психіатрическаго дѣла и о спеціальномъ гражданскомъ и административномъ законодательствѣ относительно душевно-больныхъ и психіатрическихъ больницъ.

Если нѣкоторые земцы, не имѣя возможности критически отнестись къ аргументаціи и взглядамъ Якобія, въ виду спеціальнаго характера избранной имъ темы, рѣшатся въ своихъ ходатайствахъ сослаться на его книгу, то несомнѣнно этимъ *скомпрометируютъ* самыя ходатайства,—вотъ почему я и рѣшаюсь указать на нѣкоторыя особенности работы Якобія, лишающія ее довѣрія и ставящія ее въ разрядъ грубыхъ памфлетовъ. При этомъ я ограничусь только нѣсколькими примѣрами въ дополненіе къ тѣмъ, которые уже приведены д-ромъ Н. Н. Баженовымъ и В. П. Сербскимъ *).

На заглавномъ листѣ книги Якобія сказано: «Мотивировка къ хода-

---

*) См. *Медицинское Обозрѣніе*, 1900 г., августъ, стр. 262—263; ноябрь, стр. 733 и 735.

тайствамъ орловскаго, пензенскаго, калужскаго, воронежскаго и друг. земствъ объ организаціи психіатрическаго дѣла въ Россіи и о законодательствѣ объ умалишенныхъ», на стр. 556 снова то же самое: «Настоящій трудъ есть этюдъ административной психіатріи, служащій мотивировкой ходатайства орловскаго и воронежскаго земства,—ходатайства, къ которому присоединились еще и нѣсколько другихъ земствъ». Читатель имѣетъ право отсюда умозаключить, что работа Якобія написана по порученію этихъ земствъ, и что все сказанное въ книгѣ Якобія раздѣляютъ эти земства. Между тѣмъ мнѣ извѣстно, что воронежское земствъ еще не возбуждало подобнаго ходатайства; поэтому слова «воронежское и др.»—преждевременны; но допустимъ, что эти земства возбудятъ ходатайство,—имѣетъ ли однако право Якобій утверждать, что они примутъ *его* мотивировку? Кто уполномочивалъ Якобія говорить печатно отъ имени стольких земствъ? Не есть ли это въ нѣкоторомъ родѣ самозванство? Если портной, никогда не выѣзжавшій изъ г. Торжка, напишетъ на своей вывѣскѣ «портной изъ Лондона», то это ему можно извинить, но Якобію, «директору орловской психіатрической больницы, д-ру медицины Парижскаго и Бернскаго университетовъ, члену психіатрич. и антропологич. обществъ, иностранныхъ и русскихъ; чл. кор. Мадридской королевской академіи; удостоенному медалей и академическихъ отличій: парижскаго медицинскаго факультета, Мадридской академіи, гигіенической секціи выставки 1885 г. и т. д.» *)—это положительно непростительно, такъ какъ этимъ онъ вводитъ читателя въ грубый обманъ. Если бы книга Якобія была написана по порученію перечисленныхъ имъ земствъ и дѣйствительно составляла мотивировку земскихъ ходатайствъ, то несомнѣнно, что она была бы напечатана на земскій счетъ,—между тѣмъ самъ авторъ книги говоритъ въ предисловіи, что земство (орловское) никакой денежной суммы не ассигновало на изданіе его работы, и ему пришлось сдѣлать это на собственный счетъ.

Въ 1890 г. московское губернское земство открыло временный пріютъ для душевно-больныхъ (на 50 челов.) въ г. Москвѣ при общинѣ «Утоли моя печали» и пригласило Якобія завѣдывать этимъ пріютомъ; при этомъ Якобію поручено было разработать планъ будущей психіатрической больницы и вообще планъ всего попеченія о душевно-больныхъ; при немъ было куплено для больницы имѣніе, кое-что изъ старыхъ зданій приспособлено для больныхъ, а также выстроенъ одинъ павильонъ (на 25 чел.), но осуществить свой планъ организаціи попеченія о душевно-больныхъ, выстроить и организовать больницу, даже начать пріемъ въ наскоро приспособленныя помѣщенія,—Якобію не пришлось, такъ какъ (стр. 49)

*) Такой кричащій, непривычный для русскаго слуха титулъ стоитъ на загл. номъ листѣ книги. Довѣрчивый читатель, пожалуй, умозаключитъ изъ этого титу. , что Якобій состоитъ членомъ всѣхъ психіатр. и антрополог. обществъ въ Европ , Америкѣ, Японіи и т. п., а заключительныя слова „и т. д.“ наводятъ на мысль, ч онъ получалъ отличія на всевозможныхъ выставкахъ.

«къ несчастію для него, онъ принужденъ былъ оставить службу вслѣдствіе личныхъ столкновеній съ управою, которая тоже вслѣдъ за нимъ упала, а мѣсто директора занялъ д-ръ Яковенко. Идеи, положенныя въ основаніе принятой московскимъ земствомъ системы, были ему во многихъ отношеніяхъ чужды». Далѣе (на стр. 114), онъ утверждаетъ, что я былъ его противникомъ проекта попеченія о душевно-больныхъ въ Московской губерніи, а теперь—преемникъ и постоянно защищаю его идеи въ своихъ статьяхъ, рѣчахъ, и т. д.; на стр. 39 Якобій опять восхваляетъ себя: «онъ выдвинулъ для попеченія совершенно другія задачи, именно—*леченіе*... и соотвѣтственно этой задачѣ радикально измѣнилъ всѣ прежнія планы и проекты... Земство безусловно согласилось съ нимъ, дало на это большія деньги, постановило принципы, принятіе которыхъ составляетъ счастіе московскаго психіатрическаго дѣла и свѣтлую полосу въ жизни этого врача (т.-е. Якобія), принципы, которыми совершенно справедливо гордится для своего земства его преемникъ д-ръ Яковенко». Итакъ, по Якобію выходитъ, что онъ *открылъ* московскому земству *новые принципы* организаціи попеченія о душевно-больныхъ, онъ создалъ новые планы и проекты построекъ психіатрической больницы, московское земство все это безусловно приняло и осуществило, а я, хотя и былъ противникомъ этихъ принциповъ и проектовъ, теперь слѣдую по его стопамъ и горжусь этимъ! Конечно, Якобію чрезвычайно пріятно рисовать передъ собою такую картину собственныхъ подвиговъ и заслугъ, но, къ сожалѣнію, я вынужденъ нѣсколько нарушить его самоуслажденіе и показать факты, какъ они были и есть въ дѣйствительности. Самъ Якобій, повидимому, понимаетъ, что не все такъ было, какъ онъ описываетъ: на стр. 177 онъ въ этомъ сознается: «Вѣчная благодарность очередному московскому земскому собранію 1891—92 г. за его принципіальную и благодѣтельную для страны постановку психіатрическаго вопроса; *само московское земство не воспользовалось ею* (мой курсивъ), но оно показало дорогу», и т. д. Итакъ, московское земство само *не воспользовалось* принципами, внушенными ему Якобіемъ; какъ же это вяжется съ утвержденіемъ Якобія, что я провожу въ жизнь его принципы, горжусь этимъ и т. д.? Для разъясненія этого недоразумѣнія я долженъ привести нѣкоторыя историческія справки. Въ то время, когда московское земство еще не имѣло своей собственной психіатрической больницы, оно арендовало извѣстное число кроватей въ Александровской больницѣ (въ Москвѣ), куда помѣщало больныхъ изъ населенія губерніи по своему выбору. VII-й съѣздъ земскихъ врачей въ Московской губерніи выработалъ правила пріема больныхъ на эти кровати, а земское собраніе (1888 г.) утвердило ихъ; *это было за нѣсколько лѣтъ до появленія Якобія не только на службѣ московскаго земства, но и вообще въ Россіи*. Вотъ эти правила: 1) для помѣщенія на земскія кровати должны быть выбираемы умалишенные мужчины и женщины преимущественно молодые съ острыми, т.-е. недавними формами заболѣваній, которые подаютъ наибольшую надежду на выздоров-

леніе при цѣлесообразномъ уходѣ и лѣченіи, какъ-то: страдающіе меланхоліей, маніей и особенно послѣродовымъ помѣшательствомъ. Такимъ образомъ, земскія кровати будутъ освобождаться скорѣе, что дастъ возможность замѣщать ихъ новыми больными; 2) на земскія кровати могутъ быть помѣщаемы, однако, умалишенные хотя и не съ острыми формами болѣзней, но представляющіе опасность для себя и окружающихъ, наприм., даже страдающіе падучей болѣзнью въ извѣстномъ періодѣ; 3) не слѣдуетъ стѣсняться также помѣщеніемъ больныхъ съ такими острыми формами, которыя при первомъ осмотрѣ являются какъ бы сомнительными относительно излѣченія, такъ какъ подобные больные, оказавшись дѣйствительно неизлѣчимыми, послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго испытанія ихъ въ заведеніи, будутъ возвращаемы домой; 4) помѣщеніе на земскія кровати буйныхъ больныхъ желательно, потому что въ заведеніи есть необходимыя для нихъ приспособленія, между тѣмъ какъ для сельскаго населенія такого рода больные особенно обременительны; 5) ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ доставлять въ заведеніе слабоумныхъ, идіотовъ, паралитиковъ и вообще страдающихъ врожденными и очень давними умственными разстройствами.

Итакъ, нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что не Якобій, а губернскій санитарный совѣтъ, съѣздъ врачей и земское собраніе выработали *принципъ выбора* на больничныя койки наиболѣе въ томъ нуждающихся, т.-е. свѣже-заболѣвшихъ, а изъ хрониковъ—безпокойныхъ и опасныхъ по своему поведенію; что же касается спокойныхъ хрониковъ, слабоумныхъ отъ рожденія и т. п., то было установлено, что они не должны быть принимаемы, такъ какъ лѣчебница для нихъ не нужна, имъ нуженъ домашній присмотръ, богадѣльня, пріютъ и т. п., на что у земства пока не имѣется средствъ. Что же сдѣлалъ Якобій изъ этого принципа выбора больныхъ? Онъ предложилъ московскому земству (см. его «Проектъ земск. попеченія о душ. больныхъ», стр. 248) слѣдующія основанія пріема: 1) Всѣ острые (свѣжіе) случаи безъ исключенія должны быть принимаемы безъ замедленія; для нихъ въ лѣчебницѣ должны быть всегда свободныя мѣста, причемъ переполненіе не допускается; по мѣрѣ надобности должно строить новые павильоны; 2) въ случаѣ какого бы то ни было ограниченія числа мѣстъ въ лѣчебницѣ, назначеніемъ ли штатнаго числа кроватей, размѣрами ли бюджета или даже размѣрами помѣщенія, отказъ въ пріемѣ можетъ быть сдѣланъ только хронику, никогда—свѣже-заболѣвшему; 3) должно всѣми мѣрами способствовать своевременному помѣщенію свѣжихъ случаевъ въ лѣчебницу (перечисляются эти мѣры). Вотъ и все; слѣдовательно, Якобій повторяетъ 1-й пунктъ правилъ, выработанныхъ задолго до него, причемъ, не будучи знакомъ съ практической психіатріей, онъ совершенно игнорируетъ остальные пункты прежнихъ правилъ; мало того: въ своемъ проектѣ онъ горячо настаиваетъ на той мысли, что больница, которую устроитъ земство, должна позаботиться исключительно только о свѣже-заболѣвающихъ, что же касается больныхъ, имѣвшихъ несчастіе забол[illegible]

до поступленія Якобія на службу московскаго земства, то они должны быть предоставлены естественному вымиранію въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ они находились, т.-е. въ деревняхъ, зачастую на цѣпи. Въ этомъ отношеніи, пріоритета д-ра Якобія никто оспаривать не станетъ. Вполнѣ раціональная идея выбора въ больницу наиболѣе нуждающихся въ ней больныхъ у Якобія превратилась въ абсурдное ограниченіе пріема по единственному признаку: недавность болѣзни, какова бы она ни была—излѣчимая или неизлѣчимая, требующая или не требующая больничнаго режима. Якобій очень часто повторяетъ, что «его идеи» были приняты московскимъ земствомъ; но на самомъ дѣлѣ это было такъ: земство передало проектъ Якобія на обсужденіе въ *Московское психіатрическое общество*; послѣднее *не согласилось* съ предложенными Якобіемъ правилами пріема; точно также *не согласился съ нимъ и губерн. санитарн. совѣтъ*, который предложилъ земскому собранію (1891 г.) «установить слѣдующія основанія для пріема душевно-больныхъ въ земскую психіатр. больницу: изъ общаго числа коекъ, которыми будетъ располагать заведеніе, 80 предназначить исключительно для свѣжихъ заболѣваній, а остальныя (предполагалось строить на 400), замѣщать какъ недавно заболѣвшими, такъ и *хрониками, представляющими опасность для окружающихъ или требующими по своей неопрятности особаго ухода;* но при наличности нѣсколькихъ кандидатовъ на одну свободную койку отдавать предпочтеніе свѣжимъ случаямъ передъ застарѣлыми, а изъ застарѣлыхъ—опаснымъ передъ неопрятными». *Это предложеніе санитарнаго совѣта и было принято губерн. собраніемъ, а не предложеніе д-ра Якобія.*

Я остановился здѣсь главнымъ образомъ на вопросѣ о порядкѣ пріема больныхъ, такъ какъ самъ Якобій, совершенно вѣрно, видитъ въ этомъ центръ тяжести всего своего проекта. Что же касается другихъ его предложеній московскому земству, то даже при наклонности Якобія во всемъ выставлять себя на первомъ мѣстѣ, едва ли онъ будетъ настаивать на томъ, что они (организація семейнаго патронажа, постройка больницы по павильонной системѣ и т. п.) являются открытіемъ «новыхъ принциповъ», удивившихъ «московскихъ психіатровъ» своею оригинальностью и до того времени имъ не знакомыхъ. Задолго до Якобія были выстроены многими земствами больницы по павильонной системѣ, которую большинство русскихъ психіатровъ считало и считаетъ наиболѣе подходящей для психіатрическихъ больницъ; немногіе держатся противнаго взгляда; задолго до Якобія дѣлался опытъ семейнаго патронажа, наприм., въ Рязани д-ромъ Баженовымъ. Изъ числа другихъ предложеній Якобія можно считать оригинальными два: 1) объединеніе городского и земскаго попеченія; 2) психіатрическое бюро въ Москвѣ для выбора въ немъ больныхъ. Первое не осуществилось, второе осуществилось, но на короткое время, такъ какъ практика показала всю его несостоятельность: сюда доставлялись больные, иногда за 100—150 верстъ, чтобы подвергнуться осмотру; если больной былъ хроникъ, то даже веревки и цѣпи на его рукахъ не избавляли его

отъ обратной отправки домой—Якобіемъ; доставить такого больного въ Москву изъ деревни не легко (нѣсколько провожатыхъ, невозможность найти въ Москвѣ пріютъ, такъ какъ никто не пуститъ къ себѣ съ такимъ больнымъ, большіе денежные расходы),—а каково везти его обратно послѣ всѣхъ трудностей и расходовъ? Если больной принимался (наприм., свѣжезаболѣвшій), то спрашивается, не лучше ли было бы ему ѣхать прямо въ больницу, не заѣзжая въ Москву и не ожидая тамъ пріемнаго дня? Это бюро, въ виду его крайней непрактичности, было вскорѣ закрыто, а пріемъ больныхъ былъ мною организованъ черезъ посредство участковыхъ земскихъ врачей, имѣющихъ возможность видѣть больныхъ у себя дома и собрать о нихъ наиболѣе полный анамнезъ. Якобій, между прочимъ, приписываетъ себѣ пріоритетъ и въ вопросѣ объ установленіи связи земскихъ врачей съ психіатрической больницей. Однако, замѣстивъ Якобія въ московскомъ земствѣ, я не нашелъ никакихъ слѣдовъ этой связи и ничего подобнаго тому, что имѣется въ настоящее время.

Итакъ, основной пунктъ проекта Якобія (относительно пріема больныхъ) не былъ принятъ собраніемъ. Въ слѣдующемъ году (декабрь 1892 и янв., февр., мартъ 1893 г.) земское собраніе постановило: «Поручить управѣ къ экстренной сессіи представить *объясненія* по всѣмъ замѣчаніямъ, сдѣланнымъ психіатрической коммиссіей, *относительно неправильностей* въ *планѣ постройки больницы для умалишенныхъ*»; кромѣ того, «*Собраніе отклонило всѣ предложенія управы, изложенныя въ докладѣ о постройкѣ психіатрической больницы*» (кромѣ одного, а именно выраженія благодарности Морозовой за пожертвованіе на больницу), согласившись съ мнѣніемъ гласнаго Алексѣева, что «вообще слѣдуетъ воздержаться отъ новыхъ построекъ до заключенія вновь приглашеннаго директора колоніи»,—это моментъ, когда д-ръ Якобій сошелъ со сцены московской земской психіатріи вмѣстѣ съ своими проектами, и мнѣ пришлось занять его мѣсто. Якобію удалось выстроить для больныхъ всего одинъ новый павильонъ на 25 больныхъ, снабдивъ его «послѣднимъ словомъ науки»,—дворикомъ для прогулокъ больныхъ, представляющимъ небольшую лишенную растительности площадку, окопанную кругомъ глубокимъ рвомъ, на днѣ котораго поставленъ высокій заборъ; это удивительное изобрѣтеніе (подражаніе французскимъ saut de loup), теперь уже на половину уничтоженное и, конечно, не утилизируемое для прогулокъ больныхъ, еще до сихъ поръ напоминаетъ о дѣятельности Якобія въ московскомъ земствѣ! Въ 1894 году, послѣ того, какъ былъ заново переработанъ весь проектъ попеченія о душевно-больныхъ и выработанъ новый проектъ постройки больницы, губернское собраніе, между прочимъ, постановило: «Установить правило, что в земскую психіатрическую больницу должны быть принимаемы изъ насе нія всѣ свѣжезаболѣвшіе душевно-больные, а изъ хроническихъ—исклю тельно буйные и безпокойные, представляющіе опасность для окружающихъ , такимъ образомъ, какъ въ 1888 году, такъ и въ 1891 и въ 1894 гг. земс е собраніе держалось одного и того же принципа въ пріемѣ душевно-б -

ныхъ: принимать всѣхъ свѣжезаболѣвшихъ, а изъ хрониковъ — буйныхъ, опасныхъ, что вполнѣ совпадаетъ съ тѣми взглядами, которые я защищалъ вмѣстѣ съ другими психіатрами, будучи приглашенъ въ 1891 году московской губ. управой принять участіе въ обсужденіи проекта Якобія, въ которомъ онъ настаивалъ на пріемѣ только свѣжезаболѣвшихъ. Послѣ всего сказаннаго, для читателя книги Якобія станетъ ясно, насколько безцеремонно извращеніе истины въ слѣдующемъ мѣстѣ его книги («Основы админ. псих.», стр. 431—432): Мысль о томъ, что нужно только «принимать вновь заболѣвающихъ, предоставивъ времени и естественному теченію жизни сводить счетъ съ прошедшимъ», т.-е. отказывать хроникамъ, каковы бы они ни были,—«пишущій (Якобій) проводилъ въ москов. земствѣ; гласные очень скоро поняли сущность и смыслъ всей системы и приняли ее. Не такъ легко было убѣдить коллегъ. Идеи, уже окончательно принятыя въ Англіи, Германіи, Голландіи, Швейцаріи, Италіи, казались имъ не только слишкомъ смѣлыми, но прямо чудовищными, властное рѣшеніе земскаго собранія положило эти идеи въ основаніе всей организаціи психіатрическаго дѣла въ Московской губ., а прежніе противники въ литературѣ и на съѣздахъ гордятся теперь психіатрической организаціей москов. земства и положенною въ ея основаніе системою». Здѣсь что ни слово, то неправда: московское земское собраніе не приняло правилъ пріема, предложенныхъ Якобіемъ; въ Англіи, Германіи, Голландіи и проч. никогда не отказывали въ пріемѣ безпокойныхъ и опасныхъ хрониковъ,—напротивъ, пріемъ ихъ въ больницу вездѣ обязателенъ; бывшіе противники Якобія, остались при своихъ взглядахъ и гордятся психіатрической организаціей московскаго земства, но не тою, которая существуетъ въ фантазіи Якобія и которую онъ безуспѣшно пытался провести, а другою, соотвѣтствующей ихъ взглядамъ на дѣло и совпадающей со взглядами всей земско-медицинской организаціи Московской губерніи.

Прихожу теперь къ нѣкоторымъ передержкамъ Якобія, касающимся исключительно меня. На стр. 127—137 онъ глумится *) надъ тѣми французскими психіатрами, которые высказывали мысль о необходимости имѣть спеціальныя больницы для душевно-больныхъ преступниковъ, а также для опасныхъ больныхъ (хотя бы и не совершившихъ преступленія), причемъ указываетъ на меня, будто и я поддерживалъ послѣднее на съѣздѣ отечественныхъ психіатровъ (1887 г.); на стр. 578 онъ снова повторяетъ то же самое, причемъ изъ моего доклада съѣзду цитируетъ одинъ 6-й тезисъ въ такомъ видѣ: «Если же желательно выдѣлить изъ больницы всѣ вредные для нея элементы, то было бы раціональнѣе позаботиться устройствомъ особыхъ заведеній не для душевно-больныхъ преступниковъ, но для такихъ больныхъ вообще, которые представляютъ типъ преступнаго

*) Наприм., называетъ ихъ „краснокожими—танцующими танецъ скальпа вокругъ душевно-больныхъ“ или „остервенѣлыми умственными ничтожествами, обезумѣвшими отъ страха за свои вещи“ и т. п.

человѣка, или по формѣ своей болѣзни представляются крайне опасными и вредно дѣйствующими на другихъ больныхъ и на весь строй больничной жизни». Читатель подумаетъ, что въ этой мысли—суть моего доклада, между тѣмъ—это единственная во всемъ докладѣ фраза, касающаяся выдѣленія опасныхъ, причемъ самое построеніе этой фразы («если же желательно... то было бы раціональнѣе» и т. д.) показываетъ, что я не предлагаю этой мѣры, а только хочу оттѣнить нераціональность идеи объ устройствѣ особыхъ заведеній для душевно-больныхъ преступниковъ; это вполнѣ ясно для всякаго, читавшаго мой докладъ, такъ какъ послѣдній состоитъ цѣликомъ изъ ряда фактическихъ доказательствъ ненужности выдѣлять такого рода больныхъ въ особыя заведенія. Якобій вводитъ читателя въ обманъ, пользуясь обычнымъ для него пріемомъ передержки: онъ выпускаетъ начало и конецъ моего тезиса, преподнося читателю только его середину и свои къ ней прибавленія; мой тезисъ (6-й) начинается прямо словами: «поэтому нѣтъ основанія устраивать для душевно-больныхъ преступниковъ особыя заведенія». Далѣе, Якобій (стр. 578) пытается доказать, что я не понимаю разницы между душевно-больнымъ, совершившимъ преступленіе, и преступникомъ, заболѣвшимъ впослѣдствіи душевнымъ разстройствомъ; онъ, очевидно, не потрудился сполна прочесть мой докладъ, въ которомъ (см. Труды съѣзда отчет. псих. стр. 204) сдѣлано вполнѣ опредѣленное разграниченіе между тѣми и другими. Не познакомившись съ приложенной къ докладу таблицей, онъ произвольно дѣлаетъ предположеніе, что небольшой % не поддававшихся больничной дисциплинѣ и вредно вліявшихъ на другихъ больныхъ—и были именно душевно-больные арестанты, а не больные, совершившіе преступленіе въ припадкѣ болѣзни; если бы Якобій былъ хотя немножко внимателенъ къ тому, что̀ читаетъ, то убѣдился бы изъ приведеннаго мною именного списка, что ни одинъ душевно-больной арестантъ, изъ бывшихъ въ тверской психіатрической больницѣ, не нарушалъ больничнаго строя жизни и не оказывалъ вреднаго вліянія на другихъ больныхъ.

Но всего курьезнѣе то, что Якобій, называющій французскихъ коллегъ, защищавшихъ мысль объ устройствѣ особыхъ заведеній для душевно-больныхъ преступниковъ и опасныхъ больныхъ, — «остервенѣвшими умственными ничтожествами» (стр. 131),—самъ всецѣло присоединяется къ ихъ мысли и предлагаетъ орловскому и другимъ земствамъ возбудить ходатайство (стр. 635), «которое освободитъ земскую психіатрическую больницу... отъ присутствія въ ней многочисленнаго и въ высшей степени нежелательнаго преступнаго элемента»; «репрессія этого грубаго элемента,—говоритъ Якобій (стр. 638),—въ больницѣ невозможна, и врачъ совершенно безоруженъ передъ безнравственнымъ насильникомъ-преступникомъ» (какъ видно, для Якобія даже душевная болѣзнь арестанта не снимаетъ съ него клейма «безнравственнаго насильника-преступника»); въ виду такихъ соображеній онъ предлагаетъ помѣщать этихъ больныхъ въ тюремныя больницы, а также въ государственныя (вродѣ имѣющихся окружныхъ) *для призрѣнія преступныхъ, опасныхъ и иногородныхъ, пришлыхъ умалишенныхъ* (стр. 42

Во-первыхъ, если врачъ безоруженъ, по мнѣнію Якобія, въ отношеніи къ этимъ больнымъ въ земской больницѣ, то почему же онъ, т.-е. врачъ, окажется во всеоружіи, когда они будутъ находиться въ государственной или тюремной больницѣ? Или тамъ не должно быть врачей, и лѣченіе этихъ больныхъ должно быть предоставлено тюремщикамъ? Или же врачи-психіатры этихъ больницъ должны, вопреки завѣтамъ психіатріи, примѣнять тамъ «репрессію»? Во-вторыхъ, почему «иногородніе и пришлые» должны раздѣлять участь преступныхъ и опасныхъ? Все это вопросы, на которые едва ли дастъ удовлетворительный отвѣтъ и самъ Якобій, авторъ этого курьезнаго предложенія. Выходя изъ вполнѣ правильной мысли, что подобнаго рода больные должны содержаться не на мѣстныя, земскія, а на общегосударственныя средства, Якобій тѣмъ не менѣе пришелъ къ такому практическому предложенію, которое вызываетъ одно изумленіе.

Цѣлую страницу (491) Якобій посвящаетъ, можно сказать, допросу меня и обвиненію въ двухъ преступленіяхъ: 1) почему я, будучи въ Смоленскѣ директоромъ психіатрической больницы, не принималъ никакого участія въ статистическомъ изслѣдованіи душевно-больныхъ, которое было въ то время произведено медико-статистическимъ бюро, и 2) не занимаясь дѣломъ, которое должно было бы меня интересовать, какъ психіатра, въ то же время занимался вопросомъ о подкидышахъ и сдѣлалъ на эту тему докладъ на съѣздѣ врачей. По этимъ двумъ обвиненіямъ могу отвѣтить въ свою защиту слѣдующее: по 1-му пункту — я думалъ, что статистика душевно-больныхъ, произведенная черезъ волостныхъ писарей и никѣмъ не провѣренная, не имѣетъ никакой цѣны, а потому не стоитъ на нее и времени тратить; о томъ, что имѣетъ научную цѣнность регистрація душевно-больныхъ, произведенная по карточкамъ, на которыхъ «ставились только доступныя для некультурныхъ людей рубрики» и что составителямъ этихъ карточекъ достаточно «узнать только общее число больныхъ», такъ какъ въ священномъ писаніи сказано: «ищите истину, а остальное дастся вамъ» (т.-е. число больныхъ—истина, а что это за больные, это «дастся вамъ» изъ собственной фантазіи), я узналъ слишкомъ поздно, а именно теперь, прочитавъ эти глубокомысленныя соображенія по поводу статистики душевно-больныхъ въ Орловской губ. въ книгѣ Якобія (стр. 505). По пункту 2-му: чистосердечно признаюсь, что доклада «о подкидышахъ» никогда не писалъ и не докладывалъ съѣзду врачей *). Эти два обвинительные пункта чрезвычайно характерны для манеры Якобія полемизировать: онъ зачастую «сочиняетъ» факты, которыхъ въ дѣйствительности не было, или винитъ въ томъ, за что слѣдовало бы похвалить.

На стр. 490 Якобій говоритъ, что онъ предложилъ московскому земству произвести статистическое изслѣдованіе душевно-больныхъ «не для того, конечно, чтобъ этимъ руководствоваться при разсчетахъ размѣровъ

*) Докладъ „О подкидышахъ“ на съѣздѣ смоленскихъ земскихъ врачей былъ сдѣланъ женщиной-врачомъ Надеждой Ѳедоровной Яковенко.

больницы—это было бы очень наивно»; въ этомъ случаѣ слово «наивно» адресовано ко мнѣ, такъ какъ я произвелъ изслѣдованіе числа, положенія въ населеніи, качественнаго состава и т. п. душевно-больныхъ Московской губерніи, между прочимъ, съ цѣлью выяснить, какое количество больныхъ нуждается въ больничномъ помѣщеніи. Любопытно, что Якобій въ 1891 г. оказался «наивнымъ» въ квадратѣ, о чемъ онъ, однако, не упоминаетъ въ своей книгѣ: пользуясь данными переписи душевно-больныхъ Московской губ., сдѣланной въ 1885 году крайне неполно, поверхностно и признанной непригодной для какихъ бы то ни было цѣлей, Якобій тѣмъ не менѣе писалъ («Проектъ организаціи земск. попеч. о душевно-больныхъ Московской губ., стр. 15): «для практическаго вопроса о числѣ умалишенныхъ, требующихъ призрѣнія, и даже въ значительной степени о главныхъ категоріяхъ больныхъ, цифра эта *несомнѣнно даетъ надежную базу*» (мой курсивъ).

На стр. 507 онъ категорически рѣшаетъ, что произведенное мною въ Московской губ. статистическое изслѣдованіе не имѣетъ никакой цѣны и, опережая событія, рѣшаетъ за меня, будто я отказался отъ обработки полученнаго матеріала. Между тѣмъ, матеріалъ мною подробно обработанъ и напечатанъ *) одновременно съ появленіемъ книги Якобія; онъ считаетъ мое изслѣдованіе несостоятельнымъ въ виду того, что, во-первыхъ, оно было произведено не мѣстными врачами, а приглашенными ad hoc психіатрами; во-вторыхъ, что въ программѣ (кстати сказать, чрезвычайно полной) стоялъ между прочимъ вопросъ, опасенъ ли больной; въ-третьихъ, что получилось душевно-больныхъ мужчинъ больше, чѣмъ женщинъ. Если бы оказалось женщинъ больше, чѣмъ мужчинъ, то, несомнѣнно, Якобій нѣсколько смягчилъ бы суровость своего приговора! И подобные пріемы критики онъ, повидимому, считаетъ научными... Sancta simplicitas!

На стр. 510—512 Якобій, ссылаясь на отчеты по Покровской психіатрической больницѣ московскаго земства и приводя нѣкоторыя цифры относительно разнаго рода столкновеній между больными, попытокъ на самоубійство, числа неопрятностей и т. д., рѣшительно и не обинуясь дѣлаетъ выводъ: «факты, почерпнутые только изъ отчетовъ больницы, показываютъ, что она, по своему нравственному складу, несомнѣнно, одна изъ самыхъ дурныхъ земскихъ больницъ». Здѣсь уже не sancta simplicitas, а явная *клевета* на больницу и на весь ея врачебный персоналъ; въ самомъ дѣлѣ, чтобы произносить такіе приговоры, не мѣшало бы автору ихъ провѣрить себя хотя бы осмотромъ больницы, чего Якобій, конечно, не сдѣлалъ, а ограничился тѣмъ, что вырвалъ изъ отчетовъ нѣсколько цифръ и добавилъ къ этому слѣдующее общее мѣсто: «мы не будемъ сопоставлять эти цифръ съ цифрами другихъ земскихъ больницъ, такъ какъ никакое сравненіе, очевидно, невозможно, но мы спросимъ всѣхъ коллегъ, видалъ ли кто у себя что-нибудь даже отдаленно подобное?» Большинство земскихъ

*) См. мою книгу „Душевно-больные Московской губ.“. Москва, 1900 г.

психіатровъ осматривало Покровскую психіатрическую больницу и, конечно, отвѣтило бы Якобію какъ разъ обратное тому, что онъ ожидаетъ, такъ какъ даже предубѣжденному человѣку трудно было бы не сказать, что это одна изъ лучшихъ земскихъ психіатрическихъ больницъ. Въ отчетахъ многихъ психіатрическихъ больницъ совсѣмъ отсутствуетъ рубрика всѣхъ столкновеній больныхъ, неопрятности и т. п.; въ другихъ—она есть, но, очевидно, не полная, и это вполнѣ понятно: тамъ, гдѣ на врача приходится 100—150, а то и больше больныхъ; тамъ, гдѣ младшій медицинскій персоналъ недостаточенъ и гдѣ больные проводятъ большую часть сутокъ внѣ сколько-нибудь интеллигентнаго надзора,—оставаясь съ неграмотной и грубой прислугой,—кто же будетъ регистрировать всѣ событія въ жизни больныхъ? Откуда врачъ узнаетъ съ точностью, сколько разъ больной ссорился съ другимъ, сколько разъ онъ обнаруживалъ агрессивныя наклонности по отношенію къ другимъ, какъ часто былъ неопрятенъ и т. д.? Для точной до щепетильности регистраціи всего этого въ Покровской больницѣ имѣются всѣ необходимыя условія: на врача приходится 50 больныхъ; кромѣ фельдшерскаго персонала, имѣются младшіе надзиратели и надзирательницы, которые посмѣнно дежурятъ и днемъ и ночью при больныхъ, не имѣя права въ это время выходить изъ больничныхъ палатъ никуда. Спрашивается, однородныя ли величины беретъ Якобій, желая сравнить регистрацію Покровской больницы съ регистраціей другихъ, бѣдно обставленныхъ больницъ? Нѣсколько ниже я приведу примѣры, какъ въ этомъ отношеніи онъ не стѣсняется сравнивать пуды съ аршинами и дѣлать отсюда глубокомысленные выводы.

На протяженіи всѣхъ 600 страницъ своей книги Якобій нигдѣ не упускаетъ случая, чтобы не похвалить въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ самого себя: онъ изобрѣлъ новые принципы попеченія о душевнобольныхъ, убѣдилъ московское земство принять ихъ; все, что дѣлается этимъ земствомъ, есть осуществленіе его, Якобія, идей; въ орловскомъ земствѣ онъ произвелъ реформу психіатрическаго дѣла, ввелъ no-raistraint, opendoor-system, (оттѣняя этимъ мысль, будто другіе психіаторы, въ другихъ земствахъ ничего подобнаго не сдѣлали) и теперь тамъ замѣчательная благодать: «превосходныя лѣчебныя помѣщенія, рядъ павильоновъ, колонія, психіатрическая богадѣльня» (впрочемъ, въ другомъ мѣстѣ, настр. 230, забывъ объ этихъ похвалахъ, онъ проговаривается: «мы беремъ орловскую психіатрическую больницу, какъ самую несчастную, вѣроятно, самую бѣдно обставленную во всей Россіи, безъ водоснабженія, до крайности переполненную, половина больныхъ которой ютится въ старомъ, мрачномъ зданіи, безъ свѣта и воздуха, подъ сводами, безъ вентиляціи, безъ столовыхъ, безъ рекреаціонныхъ»—таковы-то «превосходныя лѣчебныя помѣщенія»!); онъ, Якобій, произвелъ великолѣпную, научно-цѣнную статистику душевно-больныхъ по «двойной регистраціи», причемъ она не стоила никакихъ денежныхъ затратъ, онъ спорилъ и убѣдилъ своихъ противниковъ—врачей-психіатровъ принять его взгляды,—теперь они въ статьяхъ, рѣчахъ и т п. защищаютъ его идеи и т д., и т. д.

Всѣ эти самовосхваленія можно было бы пройти молчаніемъ, хотя и съ улыбкой относительно наивности автора, который обнаруживаетъ передъ читателемъ такъ откровенно страстную влюбленность въ самого себя, если бы для подобнаго самовосхваленія Якобій не прибѣгалъ къ методу контраста: повсюду онъ подчеркиваетъ свои заслуги, свои знанія, свой опытъ—указаніемъ на невѣжество, незнаніе и т. п. своихъ коллегъ-психіатровъ, которые когда-либо и въ чемъ-либо не соглашались съ нимъ. Онъ не церемонится даже съ такой свѣтлой и безупречной личностью, какъ покойный С. С. Корсаковъ, причисляя его къ защитникамъ связыванія больныхъ и не упоминая при этомъ, что онъ, самъ Якобій, въ 1891—92 году связывалъ *) больныхъ въ горячечныя рубахи, десятка два-три которыхъ были получены въ наслѣдіе отъ завѣдываемаго имъ пріюта «Утоли моя печали» Покровской психіатрической больницей и, конечно, немедленно уничтожены мною. Тамбовскихъ психіатровъ Якобій сравниваетъ съ «джентльменами кучерской профессіи» (стр. 87); всѣхъ московскихъ — именуетъ «полицейскими», считаетъ ихъ врагами душевно-больныхъ, учиняющими «травлю душевно-больныхъ» (стр. 118), считающими больныхъ «систематическими грабителями», «ворами», «убійцами», «безпардонной арміей зла», «вреднымъ соромъ» (стр. 129) и угрожаетъ имъ,—т.-е. коллегамъ-психіатрамъ,—обвиненіемъ въ клеветѣ на душевно-больныхъ и привлеченіемъ къ уголовной отвѣтственности (стр. 620), причемъ дѣлаетъ ссылку на статью 129 Улож. о наказаніяхъ, перечисляющую обстоятельства, увеличивающія вину и наказаніе!... Онъ не пропускаетъ случая, чтобы не уязвить самолюбія «московскихъ психіатровъ», противопоставляя ихъ «петербургскимъ», наприм. (стр. 492): система, предложенная Якобіемъ, «была принята (когда же это было?!) научнымъ и культурнымъ психіатрическимъ Петербургомъ...» «нѣчто совершенно иное мы видимъ и слышимъ въ Москвѣ»; стр. 514: «Психіатрическій Петербургъ, въ силу гораздо большей научности, и болѣе культуренъ», или стр. 404: «Но психіатрическій Петербургъ, вслѣдствіе своей неизмѣримо большей психіатрической научности и культурности» и т. п. Вчитываясь въ книгу Якобія, легко убѣдиться, что всѣхъ психіатровъ, которые съ нимъ въ чемъ-либо не соглашались, независимо отъ того, имѣютъ ли они какое-либо отношеніе къ Москвѣ или нѣтъ,—иногда даже несомнѣнно петербургскихъ психіатровъ, — онъ сваливаетъ въ одну рубрику «московскихъ психіатровъ» или «полицейскихъ психіатровъ»; всѣ же тѣ, которые съ нимъ не вступали въ споръ, именуются «петербургскими». Основной признакъ «московскихъ»—это то, что они «полицейскіе», а «полицейскіе» они потому, что защищаютъ мысль о необходимости принимать въ больницу не только свѣжезаболѣвшихъ, но и безпокойныхъ, опасныхъ хрониковъ, относительно которыхъ Якобій настаиваетъ на томъ, что заботы о

*) См. „Отчетъ о дѣятельности психіатр. пріюта при Александровск. общинѣ сестеръ милосердія „Утоли моя печали“ за 1891 г.“, стр. 13, а также стр. 20, гдѣ перечислено количество горячечныхъ рубашекъ и сколько изъ нихъ было порвано больными.

нихъ нужно предоставить полиціи, администраціи или же времени, т.-е. вымиранію въ деревенскихъ условіяхъ жизни. «Полицейскіе психіатры» признаютъ, что нѣкоторые больные бываютъ опасны и совершаютъ преступленія; это тоже не нравится Якобію; наконецъ, нѣкоторые (очень немногіе) думаютъ, что корпусныя постройки для психіатрическихъ больницъ выгоднѣе, чѣмъ постройки павильоннаго типа; этотъ признакъ, въ обобщенной формѣ, также свойственъ «московскимъ»—«полицейскимъ» психіатрамъ; Якобій рѣшительно убѣжденъ, что «казарменная» или «корпусная» больница непремѣнно должна быть связана съ тюремнымъ, а не лѣчебнымъ режимомъ, и наоборотъ: павильонная система вполнѣ гарантируетъ противъ тюремнаго режима. Такъ какъ московское общество психіатровъ и невропатологовъ, членомъ котораго состоитъ между прочимъ и Якобій, является, конечно, центромъ «московской» или «полицейской» психіатріи, то Якобій не забываетъ и о немъ (стр. 315): «Къ психіатрическимъ обществамъ и, конечно, къ московскому, нерѣдко обращаются земства за указаніями по организаціи психіатрическаго дѣла, и получаютъ, къ сожалѣнію, указанія, иногда мало согласныя съ общими принципами психіатрическаго дѣла». Здѣсь можно кстати замѣтить, что проектъ психіатрической больницы, предложенный Якобіемъ орловскому земству, былъ послѣднимъ препровожденъ на заключеніе московскаго общества психіатровъ, повидимому, вопреки желанію его члена, Якобія, такъ какъ онъ не явился защищать свой проектъ, во многихъ отношеніяхъ не выдерживавшій критики.

Ограничиваюсь приведенными примѣрами обращенія Якобія съ лицами (да еще съ коллегами!) и учрежденіями; называть собственнымъ именемъ такого рода манеру писать о себѣ и о другихъ нѣтъ надобности, — дѣло здѣсь совершенно ясное для всякаго читателя... Теперь я позволю себѣ привести еще нѣсколько примѣровъ обращенія Якобія съ мертвыми цифрами, которыя тѣмъ не менѣе умѣютъ протестовать, когда ихъ безбожно насилуютъ.

1. Якобій увѣряетъ, что повсюду душевно-больныхъ женщинъ больше, чѣмъ мужчинъ; ту статистику, которая даетъ обратныя отношенія, онъ считаетъ невѣрной; тѣ страны, гдѣ въ больницахъ мужчинъ больше, чѣмъ женщинъ, онъ относитъ къ числу некультурныхъ или же утверждаетъ, что въ нихъ психіатрическое дѣло поставлено скверно. Съ обычной хвастливостью на стр. 495 онъ пишетъ: «Московская психіатрія установила 60% муж. и 40% жен. для московской земской психіатрической больницы, но пишущій (т.-е. Якобій) былъ настолько счастливъ, что убѣдилъ губернское собраніе отвергнуть это некультурное дѣленіе» (убѣдилъ, и однако больница выстроена какъ разъ въ обратномъ отношеніи половъ!). Чтобы доказать свой тезисъ, Якобій прибѣгаетъ къ слѣдующимъ пріемамъ. Въ Пруссіи больницы хороши, населеніе несомнѣнно культурное, а оказывается, что въ прусскихъ больницахъ 51,42% муж. и 48,58% жен., но онъ не смущается: онъ совершенно произвольно отбрасываетъ всѣхъ прогрессивныхъ паралитиковъ, лѣчившихся въ этихъ больницахъ, и торжествуетъ, такъ какъ при этой комбинаціи получается 49,77% муж. и 50,23% женщ.

(стр. 175). Въ Россіи наиболѣе культурная область—Прибалтійскій край; Якобію необходимо показать, что здѣсь душевно-больныхъ женщинъ больше, чѣмъ мужчинъ; для этого онъ беретъ (стр. 174) составъ больныхъ на 1 января 1883 года въ рижской больницѣ, а именно—72 муж. и 75 женщ., и отсюда умозаключаетъ: 48,98% муж. и 51,02% женщ. Но стоитъ читателю взять отчетъ о рижской больницѣ («Bericht über die Irrenanstalt» Rothenberg bei Riga, 1862—1887, стр. 16, 28) и онъ увидитъ, что за 25 лѣтъ существованія этой больницы только одинъ разъ, а именно на 1 января 1883 г., случайно женщинъ было на 3 человѣка больше, чѣмъ мужчинъ; за всѣ 25 лѣтъ сумма мужскихъ поступленій ровнялась 877 чел. (56,1%), а женскихъ—686 (43,9%); число выбывшихъ за эти 25 лѣтъ 736 муж. (56,3%) и 572 жен. (43,7%). Спрашивается, позволительно ли было Якобію изъ 25 лѣтъ взять одинъ случайный годъ и дѣлать выводъ на основаніи такихъ ничтожныхъ величинъ, какъ 72 и 75? Очевидно, что данныя рижской больницы рѣшительно говорятъ противъ тезиса Якобія, между тѣмъ онъ ухитрился насиловать ихъ въ обратномъ смыслѣ.

2. По Якобію, больницы, гдѣ женщинъ меньше, чѣмъ мужчинъ, обязательно плохи, а въ такихъ больницахъ долженъ быть непремѣнно и малый % выздоровленій. Доказывается это слѣдующимъ оригинальнымъ способомъ. Въ Англіи (стр. 140) больницы хороши, тамъ женщинъ больше, чѣмъ мужчинъ, и % выздоровленій былъ въ 1882 г.—39,72%, въ 1893 г.—39,410%; при этомъ онъ не говоритъ, какъ вычисленъ этотъ %. Далѣе, въ Бреславлѣ (стр. 294) мужчинъ болѣе, чѣмъ женщинъ; значитъ, непремѣнно % выздоровленій низкій, это Якобію легко сдѣлать: здѣсь онъ вычисляетъ % выздоровленій по отношенію къ всему числу *пользованныхъ* и получаетъ 9,72%. То же самое онъ продѣлываетъ и по отношенію къ психіатрической клиникѣ въ Буда-Пештѣ (стр. 295); оказывается, что въ 1896 г. здѣсь выздоровѣло всего 7,25%, и вотъ Якобій дѣлаетъ такой выводъ: «теперь въ университетской клиникѣ % выздоровленій только въ два съ половиною раза ниже % выздоровленій во всѣхъ англійскихъ больницахъ взятыхъ вмѣстѣ». Такъ какъ раньше онъ указалъ для англійскихъ больницъ 39% выздоровленій, то вѣрнѣе было бы ему сказать, что въ Буда-Пештѣ въ 5 разъ менѣе % выздоровленій, но вотъ въ чемъ бѣда: % выздоровленій въ Англіи взятъ по отношенію къ числу *поступившихъ*, а въ Бреславлѣ и въ Буда-Пештѣ—къ числу *пользованныхъ*! Вѣдь сравнивать аршины съ пудами не допускается, а потому неудобно говорить, что 15 аршинъ въ три раза больше, чѣмъ 5 пудовъ. Въ 1893 г. въ англійскихъ больницахъ (см. «Forty-Eighth Raport», стр. 22—23) за исключеніемъ идіотовъ было пользовано 85,676 больныхъ, а принято въ этомъ году новыхъ больныхъ—17,823, всего выздоровѣло—6,853 (стр. 24—25 англійск. отчета); итакъ, выздоровѣвшіе по отношенію къ *поступившимъ* даютъ 38,45%, а по отношенію ко всѣмъ *пользованнымъ* всего 7,99%. Слѣдовательно, въ Буда-Пештѣ выздоровѣло 7,25%, въ англійскихъ больницахъ—7,99%, въ Бреславлѣ—9,72%. Если бы Якобій не скрылъ этого

отъ читателя, то оказалось бы, что эта часть его аргументаціи въ пользу своего тезиса высосана имъ изъ собственнаго пальца!

3. Желая доказать, что по мѣрѣ улучшенія больницъ % женскихъ выздоровленій повышается быстрѣе, чѣмъ мужскихъ, Якобій беретъ между прочимъ для примѣра статистику Шепап (стр. 322) и говоритъ: съ 1842 по 1848 годъ выздоровѣло (по отношенію къ поступившимъ) 33,26% муж. и 25,74% женщ., съ 1849 по 1855 годъ—36,68% муж. и 39,30% женщ., что и требовалось ему доказать. Но если взять отчетъ по Шепап («Шепап, Geschichte, Bau, Inneres Leben», 1865), то оказывается: съ 1842 по 1848 г. выздоровѣло (по отношенію къ поступившимъ)—34,0% муж. и 25,7% женщ., съ 1849 по 1855 г.—36,8% муж. и 39,4% женщ., съ 1856 по 1864 г.—*44,1% муж.* и *40,6% женщ.* Итакъ, доводъ Якобія является убѣдительнымъ только до тѣхъ поръ, пока мы довольствуемся цифрами, которыя онъ пожелалъ сообщить читателю; если же мы возьмемъ и то, что онъ скрылъ отъ читателя, то получится совсѣмъ обратное. Для доказательства этого тезиса Якобій совершенно искусственно подбираетъ изъ тысячи больницъ разныхъ странъ всего 2—3 десятка, причемъ иногда очень неудачно, напримѣръ, колонію Gabersee (стр. 325); не указывая абсолютныхъ величинъ, а только %, онъ говоритъ, что здѣсь мужчины даютъ 34,2% выздоровленій, а женщины 65,98%. У меня подъ руками имѣются отчеты Gabersee за 1884—1887 годы; оказывается, что за всѣ эти четыре года въ Gabersee было пользовано всего-на-всего 113 муж. и 96 женщ., изъ нихъ выздоровѣло—6 муж. и 12 женщ.; и изъ такихъ ничтожныхъ цифръ Якобій ухитряется выводить % и дѣлать обобщенія! Въ бельгійскихъ больницахъ % женскихъ выздоровленій ниже, чѣмъ мужскихъ; хотя эта страна и культурная, но у Якобія имѣется (стр. 332) шаблонное объясненіе: въ Бельгіи больницы плохо поставлены въ нравственномъ отношеніи, тамъ вяжутъ больныхъ, и т. п., вслѣдствіе этого % женскихъ выздоровленій и низокъ! Но какъ же въ такомъ случаѣ объяснить себѣ тотъ фактъ, что въ больницѣ («Утоли моя печали»), которою дирижировалъ Якобій, получались, по его словамъ, блестящіе результаты (до 80% выздоров.!), между тѣмъ какъ вѣдь несомнѣнно, что тамъ тоже примѣнялось связываніе больныхъ?

4. На стр. 257 Якобій приводитъ статистику больницы St. Jürgen: за два года поступило 247 больныхъ, а всего было пользуемо—429, выздоровѣло за эти два года—76 больныхъ, и говоритъ, что здѣсь *излѣчимые* дали 80% выздоровленій. Если сдѣлать вычисленія (чего Якобій не дѣлаетъ) изъ приведенныхъ данныхъ, то получится: по отношенію къ поступившимъ выздоровѣло 31,1%, по отношенію ко всѣмъ пользованнымъ—17,7%. Зачѣмъ оказалось ему нужнымъ поражать читателя 80%? Вѣдь для этого нѣтъ надобности брать иностранныхъ больницъ: въ любой русской больницѣ, соотнеся всѣхъ выздоровѣвшихъ *только къ излѣчимымъ* формамъ (а не ко всѣмъ пользованнымъ или поступившимъ), легко можно получить 80, и можетъ быть и болѣе %. Возьмемъ слѣдующую схему, характеризующую скорѣе богадѣльню, чѣмъ больницу: поступило 10 чел., со-

стояло 1,000 чел., изъ нихъ было съ излѣчимыми формами всего 5 чел., выздоровѣло—5 чел. Что можно сдѣлать *по методу Якобія* изъ такой статистики? А вотъ что: если ему нужно обругать подобную больницу, онъ возьметъ % выздоровленій по отношенію къ числу пользованныхъ, получится—0,49% выздоровленій; Якобій пропечатаетъ это курсивомъ, поставитъ три-четыре восклицательныхъ знака и сравнитъ эту больницу съ больницами самыхъ дикихъ странъ. Если почему-либо онъ захочетъ похвалить ее, онъ возьметъ % выздоровленій по отношенію къ числу поступившихъ, окажется, что онъ равенъ 50%, т.-е. болѣе чѣмъ въ англійскихъ больницахъ. Наконецъ, если ему нужно дать восторженный о ней отзывъ, онъ возьметъ % выздоровленій къ числу только излѣчимыхъ и получитъ 100% выздоровленій! Такого рода восторженный отзывъ онъ дѣлаетъ относительно пріюта «Утоли моя печали», директоромъ котораго онъ былъ самъ (стр. 140—141): «Маленькая больничка московскаго земства при общинѣ «Утоли моя печали» въ 1891—92 гг. дала приблизительно такой же высокій % выздоровленій, какъ и St. Jürgen» (т.-е. до 80%), говоритъ онъ. Чтобы уразумѣть, какъ достигъ Якобій такого высокаго % выздоровленій, нужно заглянуть въ другое его произведеніе («Проектъ организаціи земскаго попеченія» и т. д., часть II, стр. XXXI), гдѣ онъ оперируетъ съ данными, сообщенными въ отчетѣ по пріюту за 1892 г. его помощникомъ, д-ромъ Толоконниковымъ. Послѣдній даетъ слѣдующія цифры: состояло 49 чел., поступило 34, всего пользовано 83, выздоровѣло 19, съ излѣчимыми формами было 41, остальные 42 съ неизлѣчимыми. Изъ этихъ данныхъ можно сдѣлать только слѣдующій выводъ: выздоровѣло по отношенію ко всѣмъ пользованнымъ 22,9%, къ поступившимъ 55,8%, къ числу излѣчимыхъ 46,3%. Но Якобій поступаетъ не такъ, онъ пишетъ дословно слѣдующее: «острыя формы дали выздоровленій, уже выписанныхъ, 56,6%; выздоровленій полученныхъ, какъ выписанныхъ, такъ и еще и не выписанныхъ 66,5%, всѣхъ выздоровленій, какъ уже полученныхъ, такъ и вѣроятныхъ около 80%». Это поразительный образчикъ чрезвычайно пылкой фантазіи Якобія, очевидно, не признающей требованій не только статистики, но даже простого здраваго смысла.

5. Якобія крайне возмущаютъ тѣ психіатры, которые доказываютъ, что опасныхъ больныхъ слѣдуетъ помѣщать въ больницы, такъ какъ они могутъ совершить преступленіе. Чтобы, такъ сказать, припереть къ стѣнѣ подобныхъ коллегъ, ему необходимо доказать, что преступность среди душевнобольныхъ значительно ниже, чѣмъ среди психически здороваго населенія; съ этою цѣлью онъ беретъ для примѣра Бельгію (примѣръ неудачный, такъ какъ въ Бельгіи всѣхъ опасныхъ помѣщаютъ въ больницы обязательно, что сильно раздражаетъ Якобія,—слѣдов. въ Бельгіи приняты рѣшительныя мѣры предупрежденія преступленій со стороны душевно-больныхъ); оказывается (стр. 616—620), что тамъ преступность душевно-больныхъ составляетъ всего 0,07% общей преступности населенія, а количество больныхъ 0,7% всего населенія; отсюда совершенно вѣрно онъ умозак-

чаетъ, что душевно-больные въ 10 разъ менѣе преступны, чѣмъ здоровые. Но это вѣдь въ Бельгіи; надо доказать, что нѣчто аналогичное и у насъ въ Россіи. Якобій беретъ данныя о преступности по Орловской и Воронежской губ. и доказываетъ, что въ Воронежской губ. душевно-больные участвуютъ въ общей преступности всего населенія въ размѣрѣ 1,36% и сейчасъ же торопится сдѣлать выводъ: «% преступности душевно-больныхъ... во сто разъ меньше годового колебанія преступности мѣстности». Онъ чувствуетъ, что кое-что важное онъ скрылъ отъ читателя и маскируетъ это слѣдующимъ образомъ: что въ Воронежской губ. % преступности душевно-больныхъ (1,36) значительно больше, чѣмъ въ Бельгіи (0,07%), это по Якобію «объясняется, конечно, не бо́льшею преступностью ихъ въ нашемъ отечествѣ, а тѣмъ обстоятельствомъ, что общая масса совершенныхъ населеніемъ проступковъ ускользаетъ отъ статистическаго наблюденія». Но вѣдь въ такой же мѣрѣ ускользаетъ отъ статистическаго наблюденія и преступность душевно-больныхъ,—слѣдовательно это разсужденіе не выясняетъ дѣла. Для выясненія, очевидно, необходимо было бы Якобію употребить тотъ же пріемъ, которымъ совершенно правильно онъ воспользовался для Бельгіи, т.-е. сопоставить % участія душевно-больныхъ въ преступности всего населенія съ %, который составляютъ душевно-больные въ самомъ населеніи. Если предоположить по аналогіи съ Московской губерніей, что на 1,000 населенія приходится около 2,5 больныхъ, то выйдетъ, что больные составляютъ 0,25% населенія, а въ общей преступности на ихъ долю падаетъ 1,36%,—но это уже нѣчто совершенно иное, чѣмъ въ Бельгіи, такъ какъ оказывается, что въ Воронежской губ. душевно-больные по преступности превышаютъ здоровое населеніе почти въ 5½ разъ; если число всѣхъ душевно-больныхъ Воронежской губ. отнести не ко всему населенію, а только къ тѣмъ возрастнымъ группамъ, которыя взяты Якобіемъ для Бельгіи, то и въ такомъ случаѣ все же окажется, что больные Воронежской губерніи въ 2 раза болѣе склонны къ преступленіямъ, чѣмъ здоровое населеніе. Теперь понятно, почему Якобій не довелъ до конца умозаключенія, вытекающаго изъ представленныхъ имъ данныхъ: это было бы доказательствомъ положенія, какъ разъ обратнаго тому, какое онъ пытается доказать. Понятно также становится, почему Воронежская губернія представляетъ полную противоположность Бельгіи: въ послѣдней *обязательно* помѣщаются въ больницы всѣ опасные больные, слѣдовательно преступленія съ ихъ стороны своевременно предупреждаются,—въ Воронежской же губерніи помѣщеніе такого рода больныхъ въ психіатрическую больницу есть дѣло случайности.

Все вышеприведенное чрезвычайно ясно характеризуетъ статистическіе пріемы Якобія и ихъ эластичность.

6. На стр. 303 онъ демонстрируетъ то возрастаніе, то паденіе % пользованныхъ мужчинъ и въ обратномъ отношеніи женщинъ—въ связи съ исторіей орловской психіатрической больницы съ 1893 года, когда онъ поступилъ туда на службу; въ 1893 г. реформа психіатрическаго отдѣле-

нія и % мужчинъ падаетъ, а женщинъ—повышается; въ 1894 г. реакція («надъ психіатрической больницей разразилась земская буря... на голову директора былъ вылитъ однимъ изъ гласныхъ ушатъ нечистотъ») и въ послѣдующій за этимъ годъ число мужчинъ съ 63,75% возросло до 72,33%; въ 1895 г.—улучшеніе дѣла, снова % мужчинъ падаетъ, а % женщинъ повышается и т. д. «Не будь этихъ двухъ отступленій,—говоритъ Якобій,—мы, вѣроятно, имѣли бы уже не болѣе 55% мужчинъ, т.-е. приблизились бы къ хорошей западно-европейской постановкѣ дѣла». Удивительно все это просто, ясно и до комизма наивно: вылить ушатъ грязи на голову директора—и % мужчинъ повысился; погладили директора по головкѣ—% мужчинъ упалъ и т. д., черезъ годъ картины мѣняются.

Я ограничиваюсь приведенными примѣрами; ихъ вполнѣ достаточно, чтобы судить о научныхъ достоинствахъ книги Якобія. Ни въ одной серьезной книгѣ мнѣ не приходилось встрѣчать со стороны автора выраженія страха, чтобы его не заподозрили въ подтасовкѣ, въ передержкахъ. У Якобія же,—очевидно, не безъ основанія,—обнаруживается подобный страхъ; такъ на стр. 191 онъ говоритъ: «Но да не скажутъ, что я подтасовываю факты въ защиту своего тезиса и прохожу молчаніемъ данныя, говорящія противъ меня»; на стр. 327 онъ снова боится, чтобы «не быть заподозрѣннымъ въ подтасовкѣ фактовъ». Да, основаній для такихъ подозрѣній имѣется въ книгѣ Якобія болѣе, чѣмъ достаточно.

Указывая на нищенскую обстановку орловской психіатрической больницы (стр. 477), онъ говоритъ: «Директоръ даже не видитъ смѣтъ и не имѣетъ никакого участія въ управленіи больницею, и въ этомъ отношеніи имѣетъ положеніе, единственное не только въ Россійской Имперіи, но и на всемъ земномъ шарѣ». Это единственная грустная нотка въ книгѣ Якобія, но и въ этомъ случаѣ онъ ободряетъ себя тѣмъ, что его положеніе въ своемъ родѣ особенное даже на всемъ земномъ шарѣ!

Можно къ этому добавить, чтобы утѣшить Якобія, что и книга его (*Основы администр. психіатріи*)—единственная не только въ Россійской Имперіи, но и на всемъ земномъ шарѣ по своимъ полемическимъ и якобы научнымъ пріемамъ.

Все сказанное мною по поводу сочиненія Якобія ни въ коемъ случаѣ не имѣетъ цѣлью полемики съ нимъ; своими пріемами онъ поставилъ себя внѣ полемики; я имѣлъ въ виду исключительно одну цѣль: предупредить читателей, что́ такое представляетъ изъ себя книга этого автора.

Д-ръ Вл. Яковенко.

1900 годъ 21 ноября.

Со стороны *).

(Письма изъ деревни).

IV.

Мнѣ пишутъ изъ Петербурга и Москвы, что тамъ увлекаются попрежнему ницшеанствомъ, ибсенизмомъ и марксизмомъ, который разбился на множество толковъ, довольно-таки безтолковыхъ. Стадами бродятъ «*одинокіе*», толпою шумятъ «*сверхчеловѣки*» въ общественныхъ собраніяхъ и въ особенности въ театрахъ... Во всемъ этомъ не мало «накипи» и ко многимъ «ницшеанцамъ» относятся горькія слова Ницше: «Ich hasse das Lumpengesindel, das kein Handwerk haben will und den Geist nur als eine Feinschmeckerei gelten lässt». Но, разумѣется, — мнѣ пришлось уже упомянуть объ этомъ,—надо попристальнѣе вглядываться въ каждое новое теченіе, чтобы не пропустить въ немъ чего-либо новаго и значительнаго, по сю или по ту сторону добра.

Русская Мысль относилась къ марксизму или экономическому (онъ же діалектическій) матеріализму съ большимъ вниманіемъ и, смѣло скажу, съ полнымъ безпристрастіемъ. Я постараюсь держаться такой же точки зрѣнія.

Само по себѣ раздробленіе на группы представителей единой первоначально идеи или теоріи не обозначаетъ ея ложности или паденія. Наоборотъ, это иногда свидѣтельствуетъ объ ея достоинствахъ и жизнеспособности. Скороспѣлая догма осуждаетъ пытливую мысль на неподвижность, всего менѣе пригодную въ научныхъ построеніяхъ. Но, какъ я замѣтилъ уже, въ нашемъ марксизмѣ замѣчается теперь не только эволюція, но и разбродъ.

Въ ноябрьской книжкѣ *Міра Божія*, въ статьѣ, написанной по поводу семидесятипятилѣтія со дня рожденія Лассаля, одинъ изъ виднѣйшихъ (если не самый талантливый) изъ нашихъ марксистовъ, г. Струве, звалъ *назадъ къ Лассалю*. Это значитъ, по мнѣнію автора, въ извѣстномъ смыслѣ назадъ къ Гегелю «и еще дальше и больше къ Фихте». Отчего же не пойти

*) *Русская Мысль*, кн. XI, 1900 г.

и назадъ, если отъ этого скорѣе двинешься впередъ? Но г. Струве идетъ *еще дальше и больше*, и при этомъ одновременно. Съ мѣсяцъ тому назадъ вышла книга г. Бердяева: *Субъективизмъ и индивидуализмъ въ общественной философіи, критическій этюдъ о Н. К. Михайловскомъ*. Книга написана рѣзкимъ тономъ и говорить о ней я не буду; но ей предпослано обширное предисловіе г. Струве, который также рѣзко полемизируетъ съ г. Михайловскимъ, не соглашаясь въ нѣкоторыхъ вопросахъ и съ г. Бердяевымъ. Оставляя совершенно въ сторонѣ часть полемическую, я хочу отмѣтить новое превращеніе міропониманія г. Струве. Тутъ, дѣйствительно, очень *далеко* и *много* отъ теоріи экономическаго (или діалектическаго) матеріализма, которую весьма недавно съ живѣйшею самоувѣренностью защищалъ авторъ.

Происходятъ отчаянные поиски за общими философскими основаніями, на которыхъ можно было бы укрѣпить собственно экономическую часть теоріи. Теперь мы отступаемъ уже къ Канту.

Г. Струве привѣтствуетъ названную книгу за то, что въ ней «практическое направленіе, появленіе котораго въ Россіи относится къ девяностымъ годамъ, составляя самый крупный фактъ въ умственно-общественной жизни этого десятилѣтія, совершенно *открыто и рѣшительно дѣлаетъ поворотъ къ философскому идеализму и вступаетъ, такимъ образомъ, въ союзъ съ духовными силами, которыя до сихъ поръ лишь по историческому недоразумѣнію считались ему враждебными*». Марксъ и Энгельсъ были въ философскомъ отношеніи настоящими матеріалистами, и при этомъ высказывали свои философскіе взгляды «въ самой наивной формѣ». Г. Струве высоко ставитъ спиритуалистическую традицію въ метафизикѣ, признавая ее ошибочной въ теоріи познанія.

Идемъ далѣе. «Истина и идеалъ,—говоритъ г. Струве,—не заимствуютъ своего достоинства отъ классовой точки зрѣнія, *а сообщаютъ ей это достоинство*». Личная интеллектуальная совѣсть и личная этическая совѣсть «сами даютъ себѣ законы, онѣ—безусловно автономны».

Да, мы далеко ушли назадъ. Продолжаемъ слѣдовать за авторомъ въ его попятномъ движеніи. «Свобода,—читаемъ мы на стр. XXXII,—есть способность производить дѣйствія, не опредѣляясь къ тому ничѣмъ постороннимъ, чуждымъ, другимъ, *независимость отъ непрерывной причинной связи*, а такой способностью обладаетъ лишь *субстанція*». Такимъ образомъ личность, такъ недавно признававшаяся ничтожною величиною (quantité négligeable), теперь возводится въ метафизическую сущность. Но—«впередъ, впередъ, моя исторья!»

«Субстанція міра есть духъ,—возвѣщаетъ г. Струве,—и міровой ду
есть субстанція». Г. Струве есть смѣлый авторъ предисловія къ кни
г. Бердяева, и авторъ этого предисловія есть смѣлый г. Струве...

Изъ приведеннаго ясно, какой быстрый и крутой поворотъ совершо
г. Струве. Теперь его союзниками окажутся недавніе враги, и наоборо
Нѣтъ, по моему мнѣнію, никакой возможности изъ той метафизичес

постановки, которая принята г. Струве, сдѣлать *нравственно-обязательными* широкія общественныя послѣдствія, о которыхъ такъ горячо говорилось въ прежнихъ сочиненіяхъ г. Струве. И удары, которые съ этой позиціи пытается онъ наносить положительной научной мысли, не нанесутъ ей никакого ущерба. По этому вопросу, вѣроятно, подымется полемика, и я возвращусь къ нему впослѣдствіи.

V.

Теперь нѣсколько словъ о г. Горькомъ (конечно, не о выходкѣ его въ Художественно-Общедоступномъ театрѣ). Вотъ какъ характеризуетъ этого писателя *Гражданинъ:* «Я полагаю,—пишетъ въ этой газетѣ г. Сѣрый,—что успѣхъ Горькаго и даже самое проявленіе его безспорно оригинальнаго таланта—знаменіе нашего смутнаго времени; я полагаю, что босякъ только потому задѣлъ нашу душу, что она—русская и что переживаетъ эта душа своего рода кризисъ. Появись Горькій 20 лѣтъ раньше, или позже, его бы не замѣтили. Онъ какъ съ неба свалился именно въ ту эпоху, когда русская душа возжаждала обновленія, реакціи, когда она глухо запротестовала противъ сокрушающаго ее матеріализма, когда кругомъ выросли стѣны изъ злата, желѣза, стали, и стѣны эти съ каждымъ днемъ все уже замыкаютъ горизонтъ полей и лѣсовъ. Русская душа, выросшая на просторѣ, свыкшаяся съ безпредѣльной далью, давшей ей и силу и слабость (силу—въ вѣрѣ, слабость—въ мечтательности и мистицизмѣ)—вотъ уже скоро десятилѣтіе сдавливается новымъ укладомъ жизни: и духовной, и матеріальной. Нужно ли повторять то существенное, что составляетъ этотъ новый укладъ? Газеты и журналы полны указаніями на его черты: эгоизмъ, матеріализмъ, капитализмъ. И вотъ, когда, сжатые въ тискахъ этихъ трехъ стимуловъ грядущаго вѣка, мы съ тоской глядимъ въ будущее и съ грустью вспоминаемъ о прошломъ, явился изъ народа, изъ самыхъ подонковъ его, художникъ и, сдернувъ занавѣсъ, скрывавшій отъ насъ эти подонки, показалъ живую, трепещущую душу въ гніющей, грязью, пороками и язвами покрытой оболочкѣ. Положимъ, мы увидѣли эту душу издалека! Положимъ, мы не вложили въ раны ея пальца, а повѣрили автору на слово! Допустимъ даже, что все это красивый, искусный обманъ—ибо, вѣдь, босяковъ между нашими знакомыми нѣтъ и никто не провѣритъ, справедливо ли они описаны Горькимъ! Но обманъ, порой, такъ сладокъ и такъ необходимъ! Вся жизнь вѣдь — обманъ, сцена, гдѣ дѣйствія смѣняются дѣйствіями, комедіи трагедіями» *).

Вотъ въ какое настроеніе привели г. Сѣраго сочиненія г. Горькаго. «Публика,—говоритъ онъ,—повѣрила въ этихъ героевъ, потому что ей *хотѣлось* повѣрить! Она увѣнчала лаврами смѣльчака, угадавшаго *ея* (публики) боль, *ея* страхъ, *ея* скуку! Жива еще душа въ русскомъ человѣкѣ! Живъ

*) „Маленькія мысли“ (*Гражданинъ*, № 87).

курилка! Ура! Да здравствуетъ русская душа, да здравствуетъ ея счастливый авторъ!»...

Интересно, такъ ли горячо одобритъ *Гражданинъ* тѣ идеи «автора русской души», которыя онъ развиваетъ въ своихъ критическихъ статьяхъ. Я не имѣю возможности правильно слѣдить за ними, такъ какъ появляются онѣ не въ столичныхъ изданіяхъ, а въ одной изъ лучшихъ нашихъ провинціальныхъ газетъ, въ *Нижегородскомъ Листкѣ*, рѣдко попадающемъ мнѣ въ руки. Но статья, напечатанная въ № 313 *Нижегородскаго Листка*, привела меня въ нѣкоторое изумленіе.

На этотъ разъ г. Горькій въ своихъ *Литературныхъ замѣткахъ* разбираетъ «стихи К. Бальмонта и В. Брюсова».

Г. Горькій упрекаетъ критиковъ перваго изъ этихъ поэтовъ за несправедливое отношеніе къ нему, за глумленіе надъ нимъ. «Нужно,—глубокомысленно замѣчаетъ г. Горькій,—уважать человѣка, даже когда онъ злодѣй *(за что же?)*, даже когда онъ преступникъ, убійца,—его судятъ, принимая во вниманіе и хорошее его». Произнеся эти кроткія слова, г. Горькій сейчасъ же обругался: сотни рецензентовъ болѣе способны ругаться, чѣмъ думать, говоритъ онъ.

Посмотримъ, какъ думаетъ г. Горькій. Въ лицѣ г. Бальмонта, по его мнѣнію, «мы имѣемъ дѣло съ поэтомъ, съ нѣкимъ «я», которое, какъ паукъ, неустанно ткетъ изъ духа своего безконечную нить размышленія и, самъ себя уловляя въ сѣть противорѣчій своихъ, всенародно казнитъ и мучаетъ душу свою, съ жадностью отыскивая въ ней незыблемую точку опоры, съ коей міръ можно было бы оправдать весь, какъ гармоничное цѣлое, какъ симфонію геніальнаго музыканта».

Замысловато и темновато. Это какой-то мухо-паукъ.

Въ основу поэзіи г. Бальмонта легла будто бы идея Шопенгауэра: міръ есть мое представленіе (у г. Горькаго, по обмолвкѣ, сказано противоположное: приведя одно изъ стихотвореній г. Бальмонта, онъ замѣчаетъ, что мысль этого стихотворенія, «видимо, сразу вылившагося на бумагу изъ души поэта, легла въ основу философской системы Шопенгауэра—міръ есть мое представленіе»).

Отправляясь будто бы отъ этой мысли, г. Бальмонтъ говоритъ:

„Міръ долженъ быть оправданъ весь,
Чтобъ можно было жить".

Но вѣдь міръ есть *мое* представленіе, какъ же его оправдать? Г. Горькій упустилъ при этомъ изъ виду, что для Шопенгауэра міръ есть *воля* и представленіе.

Теперь приведу образчики эстетическаго вкуса г. Горькаго,—просто и вѣду, памятуя, что о вкусахъ не спорятъ.

Стихотвореніе г. Бальмонта:

О, тихій Амстердамъ
Съ пѣвучимъ перезвономъ

Старинныхъ колоколенъ!
Зачѣмъ я здѣсь—*не тамъ*,
Зачѣмъ уйти не воленъ!
О, тихій Амстердамъ,
Къ твоимъ церковнымъ звонамъ
Къ твоимъ, какъ бы усталымъ
Къ твоимъ, какъ бы затонамъ,
Загрезившимъ каналамъ
Съ безжизненнымъ ихъ лономъ,
Съ закатомъ запоздалымъ
И ласковымъ, и алымъ,
Горящимъ здѣсь и тамъ—
По этимъ сонным водамъ,
По сумрачнымъ мостамъ,
По окнамъ и по сводамъ,
Гдѣ, преданный мечтамъ
Домовъ и колоколенъ,
Какой-то призракъ болѣнъ,
Упрекъ сдержать не воленъ,
Тоскуетъ съ долгимъ стономъ
И вѣчнымъ перезвономъ
Поетъ и здѣсь, и тамъ...
О, тихій Амстердамъ,
О, тихій Амстердамъ!

Коментарій къ этому кроткаго критика, проповѣдующаго, что надо уважать и злодѣя: «хорошо это—*какъ молитва ребенка, мудрый лепетъ чистой души* (!), недоступный пониманію литературныхъ будочниковъ, *кои*, яко бы охраняя завѣты истинной поэзіи, традиціи Пушкина и прочія хорошія вещи, опошленныя ихъ прикосновеніемъ,—плюютъ во всѣ стороны пахучей желчью своей бездарности»...

Стихотвореніе г. Брюссова:

Пожертвуйте, благодѣтели,
На новый колоколъ!
Гласъ Господень,
Звонъ колокольный
Съ призывомъ ангельскимъ
Дивно сходенъ.
Святые отшельники
Въ видѣньяхъ слышали
Ликъ небесный,
Святые отшельники
Все вѣрно запомнили
И призывы и пѣсни.
Нашъ звонъ православный
Напѣвомъ ангельскимъ
Поетъ и трубитъ.
Пожертвуйте, православные,
На новый колоколъ,
Что милость будетъ,
Васъ Богъ не забудетъ!

Коментарій г. Горькаго: «Красота этого стихотворенія становится особенно понятна, если прочитать его нараспѣвъ, именно такъ, какъ просятъ пожертвованіе сборщики на колокола».

Какой притязательный вздоръ!

VI.

Въ ноябрьской книжкѣ нашего журнала была напечатана небольшая статья г. Тотоміанца объ итальянскомъ городскомъ управленіи. Въ ней приводились новыя данныя о движеніи, извѣстномъ каждому образованному человѣку: города стремятся пріобрѣсти въ свои руки многія общественно-полезныя предпріятія. *Московскія Вѣдомости,* по застарѣлой скверной привычкѣ, сейчасъ же выступили съ обвиненіемъ *Русской Мысли* въ соціализмѣ. Замѣтимъ нашему несимпатичному противнику, что ему слѣдовало бы продолжить свое уголовное обвиненіе: въ соціализмѣ въ такомъ случаѣ повинна, напримѣръ, петербургская городская дума, только что получившая съ торговъ столичный телефонъ, московская дума, постановившая выкупить конно-желѣзныя дороги, — да что тутъ говорить: повинно правительство, допускающее такой соціализмъ. Некрасиво, г. Гринмутъ, очень некрасиво, и едва ли умно.

Ветались.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

По поводу исполненія государственной росписи за 1899 г. — Чѣмъ объясняются избытки дѣйствительныхъ поступленій надъ смѣтными?—Какое значеніе имѣетъ существующій способъ исчисленія доходовъ для удовлетворенія многихъ коренныхъ потребностей нашего населенія (образованія, поднятія земледѣлія?). — Важность народнаго образованія на поднятіе производительныхъ силъ населенія. — Характеристика внутренняго рынка по „Обзору внѣшней торговли Россіи за 1898 г.“.—Вздорожаніе каменнаго угля и казенныя желѣзныя дороги. — Отчетъ Государственнаго банка за 1899 г. — Кому помогалъ банкъ во время денежнаго кризиса прошлаго года? — Нѣсколько замѣчаній по поводу смѣты московской городской управы. — Реформа уѣздной полиціи.—О духовно-учебныхъ заведеніяхъ.—Предсѣдательскіе инциденты.—Енисейскіе гонители гласности.—Дѣло священника Постнова.—Столкновеніе вологодскаго купечества съ губернаторомъ.—Нижегородскіе ревнители „благонадежности“.—Реальная фантасмагорія.—† А. К. Шеллеръ-Михайловъ.—Юбилеи О. К. Нотовича и Генрика Сенкевича.

По исполненію государственной росписи за 1899 годъ мы опять видимъ очень крупное превышеніе доходовъ (обыкновенныхъ) надъ смѣтными предположеніями. Такъ въ смѣту было занесено обыкновенныхъ доходовъ 1,469 милл. руб., а поступило 1,673 милл. руб., т.-е. на 204 милл. руб. болѣе противъ ожиданія, или на 14%, а противъ дѣйствительнаго поступленія обыкновенныхъ доходовъ за 1898 годъ болѣе на 90 милл. руб., или на 6%. Это превышеніе поступленій отчасти объясняется, но только отчасти, увеличеніемъ обложенія вслѣдствіе введенія въ 1899 году промысловаго налога, давшаго избытокъ въ 7 милл. рублей. Затѣмъ очень крупное повышеніе мы имѣемъ въ сферѣ таможенныхъ доходовъ, именно на цѣлыхъ 22,6 милл. р. болѣе противъ росписи. Затѣмъ питейнаго дохода поступило 310 милл. руб., болѣе противъ росписи на 39½ милл. руб., а противъ предыдущаго года на 20½ милл. руб. Выкупные платежи дали больше противъ смѣты почти на 18 милл. р., доходъ отъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ достигъ 347,5 милл. руб., т.-е. болѣе противъ росписи на 35,7 м. р. Сахарный доходъ достигъ 67½ милл. руб., т.-е. болѣе противъ росписи на 9½ милл. руб. и сравнительно съ поступленіемъ въ 1898 году на 9 м. р. Сильное увеличеніе дохода мы находимъ и по лѣсному вѣдомству, именно 48 милл. руб., т.-е. болѣе противъ росписи на 5,85 милл. руб., а сравнительно съ поступленіемъ на предшествовавшій годъ—на 6½ милл. руб.

За послѣднее время мы видимъ, что исполненіе росписи правильно совершается съ большимъ превышеніемъ поступленій дохода сравнительно съ предположенными въ смѣтѣ. Такъ, въ 1896 году это превышеніе составляло 129 милл. р. или 10½% смѣтнаго исчисленія, въ 1897 году—98 милл. р. или 7½%, въ 1898 году—220 милл. р. или 16% и, наконецъ, за 1899 годъ—204 милл. руб. или 14%. Такимъ образомъ мы имѣемъ дѣло съ хроническими избытками по исполненію росписи. Сравненіе смѣтныхъ назначеній съ цифрами дѣйствительныхъ поступленій за предшествующіе годы показываетъ, что при составленіи росписи предполагаемое поступленіе доходовъ ставится въ слишкомъ пониженномъ размѣрѣ, что и ведетъ къ тому, что исполненіе росписи сопровождается такими большими избытками. Правда, такое пониженное исчисленіе доходовъ, обезпечивая увеличеніе свободной наличности государственнаго казначейства, даетъ возможность въ случаѣ нужды, не прибѣгая къ займамъ, удовлетворять нѣкоторые чрезвычайные расходы, какъ это имѣло мѣсто у насъ теперь, во время китайской экспедиціи, но съ другой стороны это ведетъ къ отказамъ въ справедливомъ удовлетвореніи многихъ неотложныхъ потребностей: степень удовлетворенія той или другой потребности соразмѣряется съ предполагаемой суммой поступленія государственныхъ доходовъ, а такъ какъ эта сумма искусственно исчисляется въ пониженномъ размѣрѣ, то вполнѣ законныя требованія нѣкоторыхъ министерствъ не получаютъ должнаго удовлетворенія. Этимъ объясняется въ значительной степени, что потребности въ развитіи народнаго образованія, поднятія земледѣлія, какъ мы увидимъ далѣе, и т. д., остаются у насъ далеко не удовлетворенными, поэтому крайне желательно, чтобы наши смѣты составлялись съ возможной близостью къ дѣйствительнымъ поступленіямъ, на что, по слухамъ, и обращено уже вниманіе Государственнаго Совѣта и Государственнаго Контроля.

Итакъ, наши бюджеты кончаются правильными ежегодными избытками по статьѣ дохода, сравнительно съ доходами по смѣтѣ. При разсмотрѣніи государственнымъ совѣтомъ росписи, мы встрѣчаемъ нерѣдко указаніе на слишкомъ приниженное исчисленіе доходовъ. Такъ, въ 1898 году при обсужденіи смѣты на 1899 годъ государственный совѣтъ находилъ проектированное исчисленіе доходовъ отъ таможенныхъ пошлинъ «болѣе чѣмъ осторожнымъ»: такъ, онъ указывалъ, что по этой статьѣ въ 1895 году, именно, отъ пошлинъ съ товаровъ, провозимыхъ по европейской границѣ, поступило болѣе чѣмъ исчислено по смѣтѣ на 18,3 милл. руб., въ 1896 г. такое превышеніе дѣйствительныхъ поступленій выразилось въ суммѣ 27,3 милл. руб., а въ 97 году превышеніе уже было въ 31 милл. рублей. На 1899 годъ было назначено поступленій отъ пошлинъ съ товаровъ, провозимыхъ по европейской границѣ, въ суммѣ 170 милл. руб., но государственный совѣтъ настаивалъ на повышеніи до 175 милл. руб., а нѣкоторые изъ членовъ даже до 190—195 милл. руб. («Отчетъ по дѣлопроизводству государственнаго совѣта за сессію 1898—99 годъ», стр. 522—2

То же самое относительно разсмотрѣнія смѣтныхъ исчисленій по эксплоатаціи казенныхъ желѣзныхъ дорогъ департаментъ государственнаго совѣта усматривалъ «болѣе, чѣмъ умѣренное» по нѣкоторымъ линіямъ исчисленіе доходныхъ поступленій. При этомъ онъ ссылался и на данныя отчета государственнаго контроля и данныя, публикуемыя министерствомъ путей сообщенія, которыя не даютъ повода для такихъ пониженныхъ исчисленій дохода, и категорически заявлялъ, что «ни въ экономической жизни государства, ни въ какихъ-либо другихъ условіяхъ не усматривается основаній ожидать прекращенія этого постепеннаго роста желѣзнодорожныхъ доходовъ въ 1899 году». То же самое при разсмотрѣніи смѣтнаго исчисленія дохода, съ сахара, который былъ опредѣленъ по смѣтѣ въ 56 милл. руб. Государственный совѣтъ настаивалъ на увеличеніи его на 1 милл. 750 т. рублей (стр. 526) и, какъ мы видимъ, обложеніе сахара за 1899 г. дало далеко бо́льшую сумму, именно 67,5 милл. руб. Департаментъ государств. совѣта настаивалъ на поднятіи смѣты отъ обложеній освѣтительныхъ нефтяныхъ маслъ съ 22,7 милл. руб. до 24 милл. руб. и по исполненіи росписи на 99 годъ, какъ оказывается, эта статья дала 26,184 тыс. рублей. Исчисленіе дохода отъ сбора съ пассажировъ и груза большой скорости также государственный совѣтъ находилъ составленнымъ «болѣе, чѣмъ осторожно»: доходъ былъ предположенъ въ размѣрѣ 10 милл. руб. Департаментъ призналъ болѣе правильнымъ опредѣлить размѣръ ихъ въ 10,5 м. р., а въ дѣйствительности эта статья дала за 99 годъ 12,8 милл. руб. По поступленіямъ отъ выкупныхъ платежей было назначено 75 милл. рублей; государственный совѣтъ находилъ, что «эту смѣту исчисленій нельзя не признать пониженной дальше тѣхъ предѣловъ, которые указываются необходимой осмотрительностью въ дѣлѣ исчисленія государственныхъ доходовъ» и опредѣлялъ его въ 77 милл. руб., а въ дѣйствительности по этой статьѣ поступило за 1899 г. 95 милл. 496 тыс. руб., т.-е. болѣе сравнительно со смѣтой на 17,8 милл. руб. Правда, министерство финансовъ въ смѣту занесло первоначально 80 слишкомъ милл. рублей, но государственный контроль возражалъ и предложилъ занести только 75 милл. руб., съ чѣмъ министерство финансовъ и согласилось», государственный же совѣтъ поднялъ до 77 милл. руб.

При обсужденіи смѣты на 1898 годъ государственный совѣтъ точно также многія ставки повысилъ. Такъ, по отдѣлу таможенныхъ пошлинъ съ товаровъ, провозимыхъ по европейской границѣ, эти поступленія были опредѣлены въ 95 милл. руб. *золотомъ*. Департаментъ государственнаго совѣта поднялъ ихъ до 100 милл. руб. Такія же увеличенія доходныхъ поступленій мы видимъ и по отдѣлу акциза со спирта, съ табаку и т. д. (см. отчетъ за сессію 1897—98 гг., стр. 421 и далѣе). При разсмотрѣніи смѣты на 97 годъ поступленія отъ таможенныхъ пошлинъ съ товаровъ, провозимыхъ по европейской границѣ, исчислены были въ 135 мил. 750 т. р.

По поводу сего,—читаемъ мы въ отчетѣ госуд. совѣта,—департаментъ

замѣтилъ, что хотя таможенный доходъ и подвергался въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ колебаніямъ, тѣмъ не менѣе доходъ этотъ за все это время отличался постепеннымъ усиленіемъ поступленій. Таможенный доходъ съ товаровъ, провозимыхъ по европейской границѣ, составлявшій за трехлѣтіе 1890—1892 гг. лишь 73,7 милл. металл. руб., далъ въ 1893—1895 гг. уже 96 милл. р. въ годъ. Поступленія 1896 г. также указывали на ростъ дохода.

«Въ виду сего казалось возможнымъ подчинить исчисленіе таможеннаго дохода въ 1897 г. общимъ условіямъ опредѣленія всѣхъ возрастающихъ доходныхъ поступленій, т.-е. опредѣлить его по дѣйствительному поступленію послѣдняго отчетнаго года съ добавленіемъ къ оному той суммы, на которую доходъ этотъ долженъ, въ силу экономическихъ и другихъ условій, возрасти въ теченіе смѣтнаго года» (см. «Отчетъ государственнаго совѣта за 1897—98 гг.», стр. 306—307) и департаментъ нашелъ возможнымъ исчислить поступленіе таможенныхъ пошлинъ съ товаровъ, привозимыхъ по европейской границѣ, въ 141 милл. руб. Такимъ образомъ изъ этой небольшой справки представленій смѣтъ въ государственный совѣтъ мы видимъ, что блестящіе результаты по исполненію росписи, характеризующіеся огромнымъ превышеніемъ дѣйствительныхъ поступленій надъ смѣтными исчисленіями, въ значительной степени объясняются «болѣе, чѣмъ осторожными», по выраженію государственнаго совѣта, исчисленіями смѣтныхъ назначеній». Выводъ ясенъ: слѣдовало бы ввести болѣе твердыя правила исчисленія смѣтныхъ доходовъ.

Порядокъ составленія государственной росписи, который мы только что описали, ведетъ къ тому, какъ мы замѣтили, что многія существенныя потребности остаются неудовлетворенными. Такъ, на начальныя училища въ 1898 году изъ государственнаго казначейства у насъ было отпущено *8.665,274* руб., что по отношенію къ общей суммѣ обыкновенныхъ государственныхъ расходовъ, исчисленныхъ на тотъ же годъ въ размѣрѣ 1.350,085,213 руб.—составляетъ *0,7*% («Статистическія свѣдѣнія по начальному образованію въ Россійской имперіи», вып. 2, данныя 1898 года Петербургъ, 1900 г., стр. 34). Такимъ образомъ на такую коренную потребность русскаго населенія въ сферѣ образованія мы не тратимъ даже одного процента всего нашего бюджета. Расходъ казны на народное образованіе составляетъ всего 6,7 коп. на одну душу населенія! Если такъ ничтожно удовлетворяются цѣли народнаго образованія, то не больше вниманія удѣляется и интересамъ сельскаго хозяйства. Такъ, на сельскохозяйственное образованіе по всей Россіи на 1900 годъ было назначено *1.157,422* руб., на музеи и опытныя станціи, учебно-практическія хозяйства—362,615 руб., на развитіе поощренія отдѣльныхъ отраслей сельскохозяйственной промышленности — *120,500* руб., на развитіе кустарной промышленности — *100,000* руб., на осушку болотъ — 356,221 руб., торфодобываніе—15 тыс. руб., на орошеніе и обводненіе—525,000 р.

на борьбу съ филоксерой и съ другими вредными насѣкомыми и животными—241 тыс. р. и на содержаніе спеціалистовъ на мѣстахъ 195,949 руб. (см. «Обзоръ дѣятельности министерства земледѣлія за 6-й годъ его существованія», стр. 299—300). Если бъ опредѣлялись у насъ смѣтные доходы болѣе близко къ дѣйствительнымъ поступленіямъ, чѣмъ это имѣетъ мѣсто теперь, то эти коренныя потребности Россіи обслуживались бы не такъ скудно!

Такимъ образомъ эффектъ, производимый громадными переборами поступленій сравнительно со смѣтными предположеніями, оказываетъ очень вредное вліяніе на анализъ существующаго экономическаго положенія Россіи.

Мы только что упоминали о томъ, какъ мало средствъ удѣляется у насъ государственнымъ казначействомъ на дѣло народнаго образованія, между тѣмъ малое развитіе начальнаго образованія въ сильной степени тормозитъ поднятіе техники сельскаго хозяйства. Такъ, въ одной брошюрѣ подъ названіемъ «Сводъ сообщеній добровольныхъ корреспондентовъ о перемѣнахъ въ техникѣ крестьянскаго хозяйства Владимірской губерніи», г. Баскина (изд. владимірской губернской земской управы 1898 года), одинъ изъ корреспондентовъ говоритъ, что только послѣ введенія въ нашей губерніи обязательнаго обученія можно будетъ говорить о крупныхъ улучшеніяхъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ, а сейчасъ это не дастъ ни малѣйшаго результата. Другой корреспондентъ отмѣчаетъ, что крестьяне «до того еще грубы и невѣжественны, что всякое новое начинаніе имъ почти невозможно втолковать». Одинъ священникъ полагаетъ, что въ настоящее время «по необразованности и косности крестьянской среды никакія улучшенія въ крестьянское хозяйство ввести нельзя» (стр. 30—31). Въ любопытномъ изданіи воронежскаго губернскаго земства «Матеріалы по народному образованію въ Воронежской губерніи», состав. И. Вороновымъ подъ редакціей и съ предисловіемъ г. Щербины (Воронежъ, 1899 г.), находится масса любопытныхъ данныхъ относительно значенія грамоты для сельскаго населенія. Такъ, крестьяне, читаемъ мы здѣсь, говорятъ, очевидно, основываясь на опытѣ, «грамота—дѣло большое, грамотному дороже платятъ на заводѣ, да онъ и мѣсто скорѣе получитъ, чѣмъ неграмотный». «И заработалъ бы на сторонѣ,—говоритъ другой крестьянинъ,—да слѣпой куда покажешься, грамотный—тотъ всѣ пути-дороги, всѣ ходы-выходы сыщетъ, нигдѣ не заблудитъ, а намъ, небось, приходилось тоже—не однова блудили». Нерѣдко въ деревнѣ можно слышать—говорится въ этой книгѣ—разсужденія вродѣ слѣдующихъ: «по нынѣшнимъ временамъ безъ грамоты трудно обойтись...», «грамотному и на базарѣ сподручнѣй, и на военной службѣ легче...», «теперь безъ грамоты трудно живется...», «грамотному все виднѣе...», «грамотному на службѣ легче и ежели по торговлѣ — способнѣй. Неграмотнаго обмануть легче». «Неграмотнаго легче обмануть, а грамотный не такъ-то поддастся». «Это—читаемъ мы въ упомянутой книгѣ,—въ глазахъ крестьянъ очень сильный, почти неопровержимый доводъ въ пользу грамотности. Грамота, по ихъ мнѣ-

нію, какъ бы даетъ въ руки нѣкоторое оружіе, при помощи котораго легче отстаивать свои интересы». Развивая эту мысль, ради уясненія значенія грамотности въ экономической борьбѣ, одинъ изъ крестьянъ провелъ такую параллель: «На войнѣ военныхъ съ военными сводятъ, а поставь-ка штатскаго, съ него сейчасъ башку долой. Вотъ такъ-то и грамотный съ неграмотнымъ».

Въ усложняющейся экономической жизни очень важно знаніе юридическихъ нормъ, регулирующихъ жизнь. Это знаніе создаетъ большую увѣренность въ сферѣ осуществленія экономическихъ цѣлей, а, слѣдовательно, можетъ оказать сильное вліяніе и на развитіе продуктивности труда, а между тѣмъ грамотному гораздо легче познакомиться съ законами и поступать по нимъ, «а ты сдѣлаешь что-нибудь такое,—говоритъ одинъ изъ крестьянъ,—оказывается, не по закону, а какой такой законъ—не вѣдаю, а времена теперь новыя—люди стали все грамотные, да хитрые, воловъ продашь, а какія бумажки получишь, ни за что не разберешь», или, восклицаетъ другой: «какъ безъ грамоты? Теперь подать—плачу, а не знаю, записали въ книжку или нѣтъ; случалось отдадутъ книжку, говорятъ: записали, а потомъ снова требуютъ». Подобнымъ сѣтованіямъ, говоритъ г. Вороновъ, нѣтъ конца; выходитъ, что безграмотность и невыгодна, и неудобна, и небезопасна (17—18). Такимъ образомъ въ томъ экономическомъ переворотѣ, который мы переживаемъ теперь, грамотность, даже простая, играетъ существенную роль: она можетъ послужить стимуломъ къ переходу къ высшимъ формамъ хозяйства. «Неурожай, матеріальное оскудѣніе,—пишетъ въ своемъ предисловіи г. Щербина,—безконечно длившійся земледѣльческій кризисъ—все это указываетъ на шаткое, неустойчивое положеніе земледѣльческаго хозяйства. Такъ жить экономически, какъ жила до сихъ поръ деревня, немыслимо, нужны высшія формы хозяйства, необходимо знаніе, требуется предпріимчивость, иниціатива, сознательное отношеніе къ дѣйствительности; безъ такихъ качествъ хозяина, неминуемо всегда будетъ хирѣть хозяйство. Но мыслимо ли все это безъ грамотности, безъ знаній, облагораживающихъ личность и служащихъ для нея лучшимъ орудіемъ въ экономической борьбѣ»? Такимъ образомъ и съ точки зрѣнія поднятія продуктивности труда, перехода къ высшимъ формамъ производства необходимо поднятіе грамоты среди населенія.

Какую бы книгу вы ни взяли теперь, въ любой отрасли производства, въ области сельскаго хозяйства или промышленности, вездѣ подчеркивается образовательный элементъ. Такъ, для примѣра, передъ нами «Сборникъ свѣдѣній по плодоводству въ Закавказскомъ краѣ», вып. 2, Тифлисъ, 189[illegible]. Въ концѣ книги въ резюме мы читаемъ: «поднятію развитія садоводс[illegible] въ этомъ районѣ Эриванской губерніи могли бы помочь слѣдующія мѣ[illegible] во-первыхъ, учрежденіе достаточнаго персонала странствующихъ садов[illegible] ковъ-практиковъ, для ознакомленія населенія путемъ бесѣдъ и демонст[illegible] рованія съ основами раціональнаго садоводства, во-вторыхъ, ознако[illegible]

населенія путемъ демонстрированія... въ-третьихъ, устройство лѣтнихъ курсовъ плодоводства въ важнѣйшихъ плодоводственныхъ районахъ Эриванской губерніи» (стр. 165).

Между тѣмъ если наше сельское населеніе не подниметъ продуктивности своего труда, не перейдетъ къ высшимъ формамъ хозяйства, то оно попрежнему будетъ предъявлять тотъ же слабый спросъ на продукты промышленности, какой она предъявляетъ теперь. Такъ, въ «Обзорѣ бакинской нефтяной промышленности за 1897 годъ» (Баку, 1898 г., изд. совѣта съѣзда нефтепромышленниковъ) мы находимъ любопытныя цифры о потребленіи керосина въ Россіи. Въ 1890 году внутреннее потребленіе керосина опредѣлялось на душу въ 8,97 фунта, въ 91 г.—10,14 ф., въ 92 г.—9,92 ф., въ 93 г.—11,73 ф., въ 94 г.—9,86 ф., въ 95 г.—10,07 ф., въ 96 г.—11,14 ф., а въ 97 г.—12,45 ф. (стр. 188). Такимъ образомъ только за послѣдній 1897 годъ мы видимъ нѣкоторое поднятіе въ потребленіи керосина въ Россіи, до этого же времени потребленіе керосина крайне колеблется. Въ 1895 г., напримѣръ, оно равнялось 10,09 ф. на душу, т.-е. меньше потребленія 1891 года (10,14 ф.) и много меньше размѣра потребленія 1893 года (11,73) и т. д. Естественно, что пока населеніе будетъ оставаться при старыхъ хозяйственныхъ формахъ, оно не въ состояніи будетъ развить въ достаточной степени производительность своихъ силъ и слѣдовательно покупная способность его останется на очень низкомъ уровнѣ...

Совершенно справедливо пишетъ *Русск. Эконом. Обозрѣніе:* «Опытъ всѣхъ цивилизованныхъ странъ воочію доказалъ огромное значеніе просвѣщенія не только въ смыслѣ общекультурномъ, но и экономическомъ, и, безъ сомнѣнія, у насъ также съ каждымъ годомъ сильнѣе чувствуется, что культура и промышленное оживленіе страны до тѣхъ поръ будутъ носить характеръ искусственно выращеннаго цвѣтка, до тѣхъ поръ будутъ не въ состояніи пустить прочные корни и стать надежною поддержкой государственнаго хозяйства, пока не сдѣлаются въ истинномъ смыслѣ этого слова дѣломъ народнымъ. Единственный же путь къ этой цѣли, путь, ведущій къ усиленной производительности народнаго труда, а слѣдовательно къ поднятію благосостоянія и увеличенію потребительной способности внутреннихъ рынковъ—представляетъ поднятіе умственнаго уровня народныхъ массъ» (см. внутреннее обозрѣніе въ *Русск. Экон. Обозр.,* октябрь 1900 г.).

На много грустныхъ мыслей наводитъ недавно вышедшій «обзоръ внѣшней торговли Россіи по европейской и азіатской границѣ за 1898 годъ». Такъ, вывозъ хлѣбовъ играетъ главную роль въ нашей вывозной торговлѣ и между ними доминирующее положеніе занимаетъ пшеница, которая въ 1898 году составляла 26% всего вывоза по цѣнности, притомъ количество отправленной за границу пшеницы за 1898 годъ достигло 59% всего чистаго сбора, полученнаго въ 60 губерніяхъ Европейской Россіи и Кав-

каза. Такого процента вывозъ пшеницы за послѣднее десятилѣтіе еще не достигалъ; онъ только въ 1889 году нѣсколько приближался—56% чистаго сбора. Такимъ образомъ мы вывезли за послѣдній годъ почти *три пятыхъ* всего нашего чистаго сбора. Затѣмъ въ вывозѣ нефтяныхъ продуктовъ главную роль играетъ керосинъ, и здѣсь мы вывозимъ огромное количество сравнительно съ тѣмъ, что остается для внутренняго потребленія: такъ, за 1898 годъ было произведено керосина и прочихъ освѣтительныхъ маслъ на Апшеронскомъ полуостровѣ 96,1 милл. пудовъ, а вывезено за тотъ же годъ 54,6 милл. пудовъ, т.-е. *56*% всего производства керосина. Въ общемъ, можно сказать, вывозъ керосина за послѣднее десятилѣтіе колеблется около этого процента: такъ въ 91 году было вывезено 57% всего производства, въ 92 г.—59%, въ 94 г.—64%, а въ 97 г.—55%, и это въ то время такой огромный вывозъ керосина имѣетъ мѣсто, когда, какъ мы только что недавно читали въ прессѣ, въ докладѣ, представленномъ г. Алибеговымъ 14-му съѣзду нефтепромышленниковъ, потребленіе керосина у насъ среди населенія очень слабо. Изслѣдованія комиссіи, назначенной съѣздомъ нефтепромышленниковъ, констатировало, что потребленіе керосина чуть ли не отстаетъ отъ прироста населенія и вообще можно сказать, что въ среднемъ керосина у насъ приходится около 10 ф. на душу населенія, что нельзя не признать крайне ничтожной цифрой, и, несмотря на такое слабое удовлетвореніе внутренней потребности въ керосинѣ, мы вывозимъ опять-таки около *трехъ пятыхъ* всего количества добываемаго нами керосина и освѣтительныхъ маслъ!

Если мы сравнимъ потребленіе сахара въ Россіи — 9½ ф. на душу населенія — съ потребленіемъ въ Соединенныхъ Штатахъ — 70 ф., то нельзя не признать его крайне ограниченнымъ, между тѣмъ мы довольно много вывозимъ его за границу. Такъ, за пятилѣтіе съ 1887—92 годъ внутреннее потребленіе составляло 22,2 милл. пудовъ, а за пятилѣтіе съ 1892—97 годъ — 27,8 милл. пудовъ, т.-е. потребленіе увеличилось на 5,6 милл. пуд., т.-е. приблизительно на 25%, между тѣмъ вывозъ, который въ первое пятилѣтіе составлялъ 4,6 милл. пуд., во второе поднялся до 6,9 милл. пуд., т.-е. увеличился на 38%. Такимъ образомъ и здѣсь, несмотря на то, что внутренній рынокъ далеко не насыщенъ продуктомъ, такъ какъ потребленіе у насъ слабѣе въ 7 разъ, чѣмъ въ Соединенныхъ Штатахъ, тѣмъ не менѣе мы развиваемъ нашъ вывозъ. Мы вывозимъ не избытки, а то, въ чемъ мы нуждаемся для внутренняго нашего потребленія.

За послѣднее время мы видимъ огромный ростъ яичнаго экспорта: еще въ 1875 г. было вывезено яицъ не болѣе 3 милл. шт. на сумму въ 374 тыс. ру[illegible], а въ 1888 году было вывезено уже 685 милл. шт. на 12 милл. руб. а въ 1898 году—1,831 милл. шт. на *31* милл. руб. и теперь яичный экспо[illegible] занимаетъ очень видное мѣсто въ нашемъ экспортѣ. Такъ, въ 1898 г[illegible] пшеницы было вывезено на 194 милл. руб., ячменя—на 58 милл., ви[illegible]—

на 51, лѣса строительнаго—на 49, ржи—на 48, яицъ—на 31, сѣмени льняного—на 19, овса—на 18, керосина съ прочими освѣтительными маслами—на 18, сахару на 15 милл. руб. Такимъ образомъ яичный экспортъ занимаетъ у насъ *шестое мѣсто* и опять-таки совершается не на счетъ избытковъ.

Вспомните недавнее ходатайство о введеніи вывозной пошлины на вывозъ чугуна за границу, а вѣдь потребность внутренняго рынка въ чугунѣ далеко не покрыта, и опять мы видимъ стремленіе къ развитію экспорта вовсе не на счетъ избытковъ, а на счетъ тѣхъ запасовъ, которые необходимы для покрытія потребностей самого населенія.

Конечно, мы очень далеки отъ желанія рекомендовать ввести какія-либо мѣры, которыя бы затормозили нашу вывозную торговлю, мы только хотимъ отмѣтить фактъ, характерный на нашъ взглядъ, который имѣетъ свое объясненіе въ крайне пониженной покупательной способности нашего населенія.

Но обратимся къ результатамъ исполненія смѣты на 1899 годъ.

Поступленія таможеннаго дохода за 1899 годъ хотя и превысили смѣтныя предположенія на 22,6 милл. рублей, но противъ предыдущаго года они дали всего только на 500 тыс. рублей болѣе. Такое незначительное повышеніе сравнительно съ предыдущимъ годомъ объясняется денежными затрудненіями, имѣвшими мѣсто на рынкѣ въ отчетный годъ. Увеличеніе лѣсного дохода легко объясняется поднятіемъ спроса на лѣсные матеріалы какъ внутри страны, такъ и за границу. Крайне же характернымъ является увеличеніе поступленій отъ обложенія сахара, что, несомнѣнно, и свидѣтельствуетъ о промышленномъ развитіи Россіи, о развитіи городской жизни, такъ какъ сахарный налогъ по преимуществу является городскимъ налогомъ, увеличеніе же поступленій отъ выкупныхъ платежей питейнаго дохода объясняется обильнымъ урожаемъ хлѣбовъ и травъ въ отчетномъ году. Крупную роль въ русскомъ бюджетѣ играетъ доходъ (валовой) отъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, но послѣднія событія—поднятіе цѣнъ на топливо, каменный уголь и нефть — дѣлаютъ очень сомнительнымъ полученіе отъ этого источника соотвѣтствующихъ *чистыхъ* прибылей. Между тѣмъ фискъ, съ расширеніемъ желѣзнодорожной сѣти, очень заинтересованъ въ правильной и выгодной эксплуатаціи этой желѣзнодорожной сѣти. Такъ, въ 1899 г. цѣна на каменный уголь поднялась чуть ли не вдвое, но и при этой цѣнѣ его можно было пріобрѣсти не безъ затрудненій. Для снабженія въ достаточномъ количествѣ русскаго рынка углемъ въ настоящее время принимается много мѣръ, какъ-то: лучшее оборудованіе путями сообщенія донецкаго бассейна, что, несомнѣнно, можетъ повліять на усиленную добычу угля въ упомянутомъ районѣ; но можно предполагать, какъ мы уже упоминали въ предшествующемъ обозрѣніи, что настоящій кризисъ является въ значительной степени слѣдствіемъ стачки углепромышленниковъ, которые предпочитаютъ получать громадные вѣрные барыши, добывая неболь-

шое, недостаточное для нужды страны количество угля, и не хотятъ развивать производство, такъ какъ при расширеніи его не будетъ увѣренности въ полученіи высокихъ барышей. Правда, желѣзныя дороги на время поднятія цѣнъ воспользовались правомъ безпошлиннаго ввоза каменнаго угля изъ-за границы, но эта мѣра является временной, не устраняющей вопроса. Между тѣмъ теперь государство является крупнымъ желѣзнодорожнымъ предпринимателемъ, становится очень заинтересованнымъ непосредственно въ цѣнѣ на топливо и въ качествѣ крупнаго предпринимателя имѣетъ несомнѣнное право вмѣшаться въ процессъ образованія цѣнъ на каменный уголь. Уже мы не говоримъ о томъ, что государство, заинтересованное въ развитіи нашей промышленности, не можетъ оставаться пассивнымъ зрителемъ рѣзкой повышательной тенденціи на каменный уголь, вызванной, быть можетъ, стачкой небольшой группы горнопромышленниковъ: вѣдь это ставитъ на карту самое существованіе русской промышленности, созданное такими жертвами со стороны фиска и населенія. Но здѣсь къ этому послѣднему мотиву теперь присоединяется и непосредственная заинтересованность государства, какъ крупнаго желѣзнодорожника, въ пониженіи цѣнъ на каменный уголь, и правительству слѣдовало бы такъ или иначе вмѣшаться со своей регулирующей ролью въ это дѣло. Самой, можетъ быть, дѣйствительной мѣрой въ этомъ дѣлѣ было бы пріобрѣтеніе казной земель съ залежами каменнаго угля и разработка ихъ за счетъ самой казны, такъ какъ такимъ путемъ, удовлетворяя каменнымъ углемъ собственнаго производства потребности желѣзныхъ дорогъ, казна могла бы регулировать цѣны поставщиковъ и въ то же время получила бы цѣнный матеріалъ для уясненія себѣ дѣйствительной стоимости каменнаго угля. Между тѣмъ управленіе желѣзныхъ дорогъ довольствуется обыкновенно заключеніемъ контрактовъ на поставку каменнаго угля, прельщаясь нерѣдко сравнительной выгодностью предлагаемыхъ ему условій, но дѣло въ томъ, что эти поставщики, разъ только цѣны на продукты повышаются, обычно начинаютъ хлопотать о нарушеніи контрактовъ или о повышеніи цѣнъ сравнительно съ цѣнами, указанными въ контрактѣ, и нерѣдко достигаютъ цѣли. Особенно часты случаи такого рода поведенія поставщиковъ относительно контрактовъ по оборудованію желѣзныхъ дорогъ рельсами, паровозными котлами, дровами и т. д.

Поэтому здѣсь желательно было бы, чтобы правительство болѣе дѣйствительными способами вмѣшалось въ регулированіе цѣнъ на каменный уголь. Въ самомъ дѣлѣ, за послѣднее время фискальная заинтересованность правительства въ тѣхъ или другихъ предпріятіяхъ вынуждаетъ правительство предпринимать болѣе рѣшительныя мѣры въ цѣляхъ регулированія цѣнъ: такъ, 2—3 года тому назадъ былъ составленъ въ Австріи проектъ объ урегулированіи соглашеній (синдикатовъ) въ производствахъ, продукты которыхъ подвергаются косвенному обложенію со стороны государства. Дѣйствительно, въ производствахъ, отъ которыхъ государство

получаетъ доходъ въ формѣ акциза, всякое образовавшееся соглашеніе, ведущее къ повышенію цѣнъ на продукты этого рода, является конкурентомъ государства въ использованіи покупательной силы потребителей, и слѣдовательно, чѣмъ сильнѣе такого рода соглашеніе будетъ использовать потребителя въ своемъ интересѣ, тѣмъ меньше получитъ государство, такъ какъ при поднятіи цѣнъ, вызванныхъ синдикатомъ, потребленіе можетъ въ сильной степени сократиться, и фискъ можетъ понести серьезныя потери отъ недопоступленій косвенныхъ налоговъ. Этимъ и былъ мотивированъ проектъ вмѣшательства австрійскаго правительства только въ соглашенія предпринимателей, имѣющія мѣсто въ сферѣ производства продуковъ, обложенныхъ акцизами. По этому послѣднему проекту предполагалось требовать отъ всѣхъ участниковъ соглашенія извѣщенія правительства о количествѣ и именахъ участвующихъ лицъ съ указаніемъ предмета соглашенія, затѣмъ синдикатъ долженъ былъ извѣщать правительство о всѣхъ своихъ постановленіяхъ, касающихся опредѣленія размѣра или цѣны производства и т. д.; за неисполненіе этихъ предписаній участники этого синдиката подвергались крупному штрафу, для чего всякій синдикатъ при своемъ образованіи долженъ былъ вносить залогъ, и даже тюремному заключенію. Кромѣ того создавалась этимъ проектомъ особая коммиссія, которая при чрезмѣрномъ поднятіи цѣнъ на продукты, обложенные акцизомъ, поднятіи, вызванномъ этимъ синдикатомъ, могла требовать отъ послѣдняго предъявленія ей торговыхъ книгъ, изъ которыхъ она могла бы составить себѣ представленіе о стоимости производства того или другого продукта. И на основаніи этихъ изслѣдованій правительство могло требовать пониженія цѣнъ на продукты; въ противномъ случаѣ синдикатъ подлежалъ закрытію. Обструкція, имѣвшая мѣсто въ то время въ австрійскомъ рейхсратѣ, не дала возможности провести этотъ проектъ, и онъ такъ и остался неосуществленнымъ, но характерно то, что проектъ этотъ вызванъ былъ интересами фиска. Тѣ же самые фискальные интересы говорятъ и теперь въ пользу регулированія цѣнъ на каменный уголь.

По сообщенію *Торгово-Промышленной Газеты* казенныя бельгійскія желѣзныя дороги уже предполагаютъ пріобрѣсти 4—5 копей для добычи каменнаго угля за собственный счетъ въ цѣляхъ снабженія себя углемъ, а нѣкоторые англійскіе муниципалитеты ассигновали крупныя суммы на пріобрѣтеніе собственныхъ копей. Недавно *Commercial Intelligence* сообщалъ, что Манчестеръ ассигновалъ на покупку собственной копи 500,000 фун. стер., т.-е. около 5 милл. руб

Недавно вышедшій отчетъ государственнаго банка за 1899 годъ даетъ очень интересный матеріалъ для характеристики нашей экономической политики. Какъ извѣстно, прошлый 1899 годъ характеризовался недостаткомъ денежныхъ средствъ на рынкѣ, и государственный банкъ усиленно

развивалъ свои операціи по учету векселей, по ссудамъ подъ залогъ процентныхъ бумагъ, по ссудамъ подъ товары и т. д. Такъ, въ то время какъ ссудъ выданныхъ подъ товары оставалось на 1 января 1899 года почти на 21 милл. руб., на 1 января 1900 года они возросли до 25½ милл. Учтенныхъ векселей (мѣстнаго учета) въ портфелѣ государственнаго банка на 1 января 1899 года было на 107 милл. руб., а на 1 января 1900 оставалось почти на 152 милл. руб. Ссудъ промышленнымъ предпріятіямъ на 1 января 1899 года числилось на 8.666,000 руб., а на 1 января 1900 г. на 22½ милл. р. Такимъ образомъ мы видимъ сильное развитіе операцій по ссудамъ промышленнымъ предпріятіямъ и вообще торгово-промышленному классу.

Если же мы посмотримъ на операціи по ссудамъ ремесленникамъ и кустарямъ, то мы увидимъ, что, несмотря на *тотъ же всѣми ощущаемый недостатокъ въ денежныхъ средствахъ*, количество ссудъ, выданныхъ кустарямъ, даже сократилось за это тяжелое время. Такъ къ 1 января 1899 года ссудъ, выданныхъ учрежденіями банка ремесленникамъ и кустарямъ, числилось на 497,214 р., а на 1 января 1900 года—онѣ сократились до 420,073 р., притомъ число ссудъ съ 4,943 упало до 4,057.

Въ трудный 1899 годъ всего было выдано вновь ссудъ кустарямъ на ничтожную сумму — на 260,633 р. 78 к. и это на всю Россію! Ничтожность этой цифры особенно ярко бросается въ глаза, когда мы сравнимъ ее съ количествомъ ссудъ, выданныхъ въ томъ же году промышленнымъ предпріятіямъ (34.210,000 р., а въ 1898 г.—13,2 м. р.), ссудъ подъ документы на товары (9.031,000 р.), ссудъ подъ товары (56.780,000 р.) *), а векселей (мѣстнаго учета) учтено за 1899 г. на *744.631,000 руб.* **). *Изъ этой послѣдней колоссальной цифры совершенно ничтожная сумма причитается на учетъ соло-векселей учрежденій мелкаго кредита, всего 700,378 р., а на соло-векселя мелкихъ торговцевъ 120,919 р.* Изъ суммы почти въ 152 м. р., на которую въ портфелѣ банка осталось учтенныхъ векселей на 1 января 1900 г., векселей, принадлежащихъ учрежденіямъ мелкаго кредита, приходится на смѣшно низкую цифру, всего на *238,601 р.*, а соло-векселей, принадлежащихъ мелкимъ торговцамъ, всего на сумму *75,125 р.!* (Замѣтимъ здѣсь, что вездѣ, гдѣ мы говоримъ объ учетѣ векселей, мы имѣемъ въ виду векселя мѣстнаго учета)... Такимъ образомъ мы видимъ огромное развитіе операцій промышленнаго кредита и учета векселей, и въ то же время—сокращеніе операцій по ссудамъ ремесленникамъ и кустарямъ и вообще по снабженію средствами учрежденій мелкаго кредита. Эти послѣднія являются положительно какими-то придатками государственнаго банка. Правда, государственному банку не по силу вести дѣло съ *массой ремесленниковъ и кустарей*, но почему г[осударственный]

*) А въ 1898 г. 46,2 м. р.

**) А въ 1898 г. — на сумму 501,9 м. р.

дарственный банкъ такъ сокращаетъ кредитъ для учрежденій мелкаго кредита—это несовсѣмъ понятно. Это нельзя объяснить рискованностью такого рода кредита или неисполненіемъ, какъ слѣдуетъ, принятыхъ учрежденіями мелкаго кредита на себя обязательствъ. Въ «Сообщеніяхъ петербургскаго отдѣленія комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ» вып. 15 въ примѣчаніи редакціи въ интересной статьѣ «Обороты ссудо-сберегательныхъ товариществъ по займамъ государственнаго банка» мы читаемъ: «На 30 съ лишкомъ милліоновъ рублей, выданныхъ ссудо-сберегательнымъ товариществамъ со времени предоставленія имъ права кредитоваться въ государственномъ банкѣ, послѣдній получилъ около 1.800,000 р. въ видѣ процентовъ, не взыскалъ же всего около 250,000 р., т.-е. чистая прибыль по займамъ товариществъ составляетъ болѣе 5%. Разумѣется, эти потери были бы значительно меньше, говорится далѣе, если бы банкъ производилъ ревизіи дѣлъ товариществъ на мѣстѣ». Но за послѣднее время государственный банкъ все болѣе и болѣе сокращаетъ выдачу ссудъ учрежденіямъ мелкаго кредита (см. только что процитированную статью). Выдача ссудъ чрезъ посредство учрежденій мелкаго кредита кустарямъ и сельско-хозяйственному населенію Россіи не можетъ составлять большихъ хлопотъ для банка, слѣдовательно,—дѣло не въ этомъ. Въ томъ же отчетѣ мы находимъ, что ссуды, выданныя черезъ посредниковъ, т.-е. опять-таки мелкія ссуды сокращаются: на 1 января 1899 г. авансовъ, выданныхъ посредникамъ, числилось на сумму 77,668 р., а къ 1 января 1900 г. этихъ авансовъ посредникамъ остается уже на 68,942 р.

Конечно, здѣсь возможно другое объясненіе: самый уставъ банка 1894 года не приноровленъ къ той новой функціи, которую долженъ былъ взять на себя государственный банкъ по урегулированію денежнаго обращенія у насъ съ введеніемъ золотой валюты, но вѣдь съ этой ролью государственнаго банка, какъ регулятора денежнаго обращенія страны, не согласимы и ссуды подъ товары, и ссуды промышленнымъ предпріятіямъ, и ссуды подъ документы на товаръ, а между тѣмъ государственный банкъ за послѣдній годъ сильно ихъ развилъ, хотя, надо замѣтить, что вообще его политика относительно ссудъ этихъ категорій послѣ введенія золотой валюты направлялась въ сторону сокращенія ихъ, но въ минуту нужды онъ считалъ себя въ правѣ придти на помощь промышленности и отступить отъ своей политики, но въ то же время онъ не счелъ себя обязаннымъ придти на помощь мелкимъ ремесленникамъ и кустарямъ, ощущавшимъ также не менѣе, если даже не болѣе острую нужду въ деньгахъ. Онъ даже сократилъ, какъ мы видѣли, эти операціи. Въ этомъ нельзя не видѣть односторонняго направленія государственнымъ банкомъ своей дѣятельности. Въ уставѣ банка 1894 г. мы находимъ цѣлый рядъ статей о ссудѣ кустарямъ, а въ результатѣ здѣсь поистинѣ гора мышь родила.

Конечно, мы вовсе не хотимъ рекомендовать государственному банку развивать кредитъ мелкимъ кустарямъ и ремесленникамъ, такъ какъ это

дѣло сложное и едва ли по силамъ государственному банку, но мы хотимъ здѣсь отмѣтить только неодинаковое отношеніе банка къ ссудамъ, одинаково нежелательнымъ съ точки зрѣнія здоровой банковой политики.

Въ сферѣ созданія кредита ремесленникамъ и кустарямъ лучше всего могли бы выполнить функцію такіе банки, какъ пермскій кустарно-промышленный банкъ, который, по отчету за 1898 г., располагаетъ теперь собственнымъ капиталомъ почти въ размѣрѣ 122 тыс. руб. и успѣлъ привлечь къ себѣ срочныхъ вкладовъ на сумму 137 тыс. руб. и за послѣдній 1898 г. онъ такъ успѣшно работаетъ, что за прикрытіемъ всѣхъ своихъ расходовъ успѣлъ получить чистой прибыли болѣе 3 тыс. р. (см. «Отчетъ кустарно-промышленнаго банка пермскаго губернскаго земства за 1898 г.» Пермь, 1900 г., стр. 4—5). Мы уже въ одномъ изъ предыдущихъ обозрѣній упоминали о харьковскомъ городскомъ общественномъ банкѣ, который въ значительной степени обязанъ своимъ финансовымъ успѣхомъ развитію операцій съ мелкими ссудами среди крестьянъ и ремесленниковъ.

Изъ того же отчета государственнаго банка мы видимъ, что и количество ссудъ на покупку земледѣльческихъ машинъ и орудій также сократилось. Такъ на 1 января 1899 года этихъ ссудъ числилось на 1.200,000 руб., а на 1 января 1900 года этихъ ссудъ осталось уже на *881 тыс.*, притомъ въ 1899 г. вновь было выдано ссудъ этого рода всего на 345,128 руб. Такимъ образомъ государственный банкъ главнымъ образомъ употребляетъ свои средства на развитіе промышленности, но мало заботится о поднятіи потребительной способности населенія путемъ развитія мелкихъ, массовыхъ производительныхъ силъ, чего, конечно, можно было бы достигнуть, организуя кредитъ ремесленникамъ и кустарямъ, развивая ссуды на покупку земледѣльческихъ машинъ и орудій. Насколько мала у насъ забота о поднятіи производительныхъ силъ въ массѣ населенія, видно хотя бы изъ операцій по меліоративному кредиту. Извѣстно, что меліоративныя ссуды начали выдаваться у насъ съ 1897 года и къ началу 1900 года,—читаемъ мы въ обзорѣ министерства,—общее количество разрѣшенныхъ ссудъ достигло 102 на сумму въ *433,862 руб.*, изъ нихъ 24 ссуды приходится на осушеніе болотъ на сумму 119,238 руб., 11 на орошеніе и обводненіе на 59,450 руб., 27 на разведеніе плодовыхъ садовъ на 102,672 руб., 27 на разведеніе виноградниковъ на 113,532 руб., 12 на пріобрѣтеніе винодѣльческаго инвентаря и на сооруженіе винодѣленъ и подваловъ для выдерживанія вина на 38,220 руб. и 1 ссуда на укрѣпленіе песковъ на 750 руб. По окончательно состоявшимся и оформленнымъ ссудамъ на руки заемщикамъ выдано 219,970 руб. 68 коп. Помимо указанныхъ ссудъ изъ общаго мелиоративнаго фонда къ концу отчетнаго періода состояло въ ссудахъ 297,000 р. изъ новороссійскаго капитала сельской промышленности и 29,000 руб. изъ капитала на обводнительныя работы въ Таврической губерніи» (Обзоръ дѣятельности министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ за шестой годъ его существованія 30 марта 1899 г.—30 марта 1900 г. Сп.,

стр. 10). Вотъ въ какихъ ничтожныхъ цифрахъ выражается наша забота о развитіи производительныхъ силъ сельско-хозяйственной массы населенія! Правда, министерство земледѣлія по поводу этого малаго развитія мелiоративныхъ ссудъ говоритъ, что «незначительность числа мелiораціи, на которую распространяются дѣйствующія правила 1896 года, въ связи съ сильной задолженностью имѣній и высотою процентовъ по мелiоративнымъ ссудамъ, обусловили небольшое до сихъ поръ развитіе этого дѣла» (Обзоръ дѣятельности министерства, за 5 годъ его существованія, стр. 11). Въ видахъ развитія мелiоративнаго кредита и былъ предпринятъ въ текущемъ году пересмотръ этихъ правилъ, но недостатокъ ассигнованныхъ на это дѣло средствъ (всего 1 милл. руб.) показываетъ, что само министерство не можетъ думать серьезно о развитіи операцій этого рода.

Между тѣмъ малое развитіе кредита на покупку сельско-хозяйственныхъ машинъ и орудій сильно тормозитъ развитіе примѣненія машинъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Оказывается, что среди причинъ, тормозящихъ распространіе хотя бы усовершенствованной бороны, 58% — причины экономическаго характера, т.-е. недостатокъ средствъ, дороговизна бороны (см. «Орудія обработки пашни и примѣненія машинъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ», изд. статистическаго отдѣленія псковской губернской земской управы. Псковъ, 1899 г., стр. 11—22). А между тѣмъ за послѣднее время, какъ мы уже выяснили въ предшествующемъ обозрѣніи, наша промышленность оттого-то и страдаетъ, что потребительныя силы населенія слишкомъ ничтожны, и потому созданіе въ той или иной формѣ мелкаго кредита и воспособленіе послѣднему со стороны государства является не только крайне желательнымъ, но прямо-таки *необходимымъ* при существующемъ положеніи нашей промышленности.

Изъ того же отчета государственнаго банка бросаются сами собой въ глаза читателю суммы ссудъ, выданныхъ городамъ и земствамъ. На 1 января 1900 года въ этой рубрикѣ числится совершенно, можно сказать, курьезная цифра, *8,184 руб. 11 коп.* Такимъ образомъ на всю Россійскую имперію, на всѣ города и земства съ бюджетомъ чуть ли не въ 150 милл. руб. числится выданными государственнымъ банкомъ по 1 января 1900 г. *всего 8 тыс. руб.* Значеніе этого факта еще болѣе усиливается, когда мы вспомнимъ, что у насъ въ отличіе отъ Западной Европы кредитъ для городовъ и земствъ вовсе не организованъ, такъ что мелкимъ городамъ и земствамъ приходится обращаться или къ государственному банку, или буквально чуть ли не къ ростовщикамъ нерѣдко подъ залогъ школьныхъ зданій, больницъ, и въ случаѣ неуплаты въ срокъ долга могутъ быть принудительно проданы школы и больницы и, слѣдовательно, можетъ наступить такой моментъ при неорганизованности нашего земскаго и городского кредита, когда больные будутъ выброшены изъ больницъ, школьники изъ школъ.

Передъ нами лежитъ проектъ смѣты московской городской управы. Прежде

всего, нельзя не сказать, что разобраться въ этомъ огромномъ трехъ-томномъ изданіи—вещь далеко не легкая, и можно ручаться, что для большинства не только простой публики, но и гласныхъ эта работа является книгою за семью печатями. Мы видимъ здѣсь много цифръ, отсутствіе общихъ сопоставленій, изъ которыхъ читатель могъ бы вывести себѣ ясное представленіе о положеніи городского хозяйства. Смѣта носитъ, можно сказать, слишкомъ канцелярскій характеръ. А между тѣмъ нигдѣ, какъ здѣсь, не было бы такъ желательно распространеніе въ публикѣ болѣе яснымъ и опредѣленныхъ свѣдѣній: только такимъ путемъ можно развить интересъ въ широкихъ кругахъ населенія къ тому, какъ ведется городское хозяйство. Изъ этой груды цифръ, очевидно, трудно найти себѣ отвѣтъ на такіе хотя бы элементарные вопросы городского хозяйства: какъ эксплоатируются въ финансовомъ отношеніи разнаго рода городскія предпріятія? Для отвѣта на этотъ вопросъ читатель самъ долженъ продѣлывать сложную работу. А между тѣмъ, кажется, городской плательщикъ въ правѣ былъ бы требовать, чтобы ему дали эти отвѣты, не заставляя его прибѣгать къ сложнымъ выкладкамъ. Едва ли можно сомнѣваться, что сказалъ бы хозяинъ какого-нибудь крупнаго предпріятія, если бы его управляющій на его запросъ, какъ ведется предпріятіе, принесъ ему груду книгъ съ массой цифръ, предоставляя самому разбираться въ нихъ, а московская городская управа такъ и поступаетъ.

На 1901 годъ доходы управой исчислены въ 14.093,000 рублей, т.-е. болѣе противъ смѣты текущаго года на 10,83%. Замѣтимъ, что теперь заканчивается переоцѣнка недвижимыхъ городскихъ имуществъ, что обѣщаетъ увеличеніе поступленій оцѣночнаго сбора, это и дало возможность послѣднюю статью сильно повысить. Въ то же время вмѣстѣ съ переоцѣнкой недвижимыхъ имуществъ городская управа нашла возможнымъ понизить процентъ оцѣночнаго сбора съ 10% на 9%. И въ этой смѣтѣ, какъ и въ предыдущей, ясно сказывается вліяніе введенія казенной винной монополіи. Такъ, если сборъ съ патентовъ на заводы для выдѣлки напитковъ и издѣлій изъ спирта, а также на заведенія для продажи питей, составлялъ въ 1896 г.—173,000 руб., въ 1897 г.—175 тыс., въ 1898 году—175 тыс., то уже въ 1899 г. онъ упалъ на 169 тыс., а на 1901 годъ онъ исчисленъ въ размѣрѣ 153 тыс. рублей. Паденіе этого источника объясняется тѣмъ, что вслѣдствіе введенія монополіи съ первой половины 1901 года въ Москвѣ нѣтъ охотниковъ на открытіе новыхъ заведеній, правительство же возмѣщаетъ Москвѣ ущербы по потерѣ сборовъ этого рода путемъ предоставленія въ распоряженіе города суммы, размѣръ которой опредѣляется суммой среднихъ поступленій за предшествующее пя лѣтіе. Уже изъ самаго способа возмѣщенія ущерба видно, что городъ л шится прироста поступленій и, слѣдовательно, съ введеніемъ винной мон поліи понесетъ потери. Нѣкоторое увеличеніе средствъ дало возможнос городской управѣ внести давно ожидаемый кредитъ на замощеніе улицъ

окраинахъ города, а именно на этотъ счетъ относится 209 тыс. рублей, т.-е. на 123 тыс. болѣе смѣтнаго назначенія текущаго года. Это сильное увеличеніе средствъ на замощеніе проѣздовъ на окраинахъ города мотивируется быстрымъ заселеніемъ этихъ послѣднихъ вслѣдствіе возрастанія цѣнъ на квартиры въ центрѣ города, кромѣ того на нашъ взглядъ къ замощенію улицъ на окраинахъ долженъ побуждать и имѣющійся теперь проектъ устройства трамвайной сѣти въ городѣ, что несомнѣнно поведетъ къ еще болѣе сильному выселенію изъ центра на окраины *).

Въ своей объяснительной запискѣ городская управа заявляетъ, что многолѣтніе труды по регулированію улицъ и площадей города приходятъ теперь къ концу, и въ предстоящемъ году будетъ подвергнутъ на Высочайшее усмотрѣніе общій планъ городского населенія. Несомнѣнно, что урегулированіе улицъ и площадей будетъ сопровождаться серьезными выгодами для отдѣльныхъ категорій домовладѣльцевъ, а разъ составленіе этого плана теперь заканчивается, то естественно было бы подумать о томъ, какимъ образомъ можно было бы эти выгоды, совершенно незаслуженно имѣющія перепасть въ руки отдѣльныхъ домовладѣльцевъ, перевести въ руки города, если ужъ не всѣ цѣликомъ, то по крайней мѣрѣ нѣкоторую часть. Въ практикѣ американскихъ городовъ это давно уже проведено. Тамъ въ городахъ, какъ извѣстно, проводится нерѣдко принципъ, по которому всякій приростъ цѣнности поземельнаго владѣнія въ городѣ, образовавшійся вслѣдствіе дѣятельности городского управленія, въ извѣстной части долженъ поступить въ руки города. Такимъ образомъ городъ, при урегулированіи улицъ, площадей, при разбивкѣ новыхъ парковъ, имѣетъ возможность возвращать себѣ по крайней мѣрѣ часть произведенныхъ имъ расходовъ путемъ развертки послѣднихъ между домовладѣльцами, получившими приростъ цѣнности ихъ поземельной собственности отъ даннаго рода улучшеній. У насъ этотъ способъ, болѣе равномѣрнаго распредѣленія налоговыхъ тягостей совершенно неизвѣстенъ.

Въ значительной степени застой въ городской жизни у насъ объясняется одностороннимъ представительствомъ нашихъ думъ. Проекты, имѣющіе цѣлью улучшеніе положенія неимущихъ, не двигаются съ мѣста. Это лежитъ все не въ нашей неспособности къ общественной жизни, не въ нашемъ нежеланіи работать—вѣдь много у насъ обществъ, которыя даже и безъ средствъ работаютъ: дѣло въ томъ, что въ нашихъ думахъ, при одностороннемъ представительствѣ интересовъ болѣе состоятельныхъ слоевъ населенія, нѣтъ потребности въ работѣ.

---

*) Московскія мостовыя получили всемірную извѣстность, такъ въ *The Board of Trade Journal* (1 ноября 1900 г.) въ статьѣ „О коммерческомъ и промышленномъ развитіи Москвы“ мы читаемъ слѣдующее: „Замощеніе Москвы не достойно такого большого и важнаго центра. Огромные камни булыжника, ручнымъ способомъ уложенные въ вязкое песчаное ложе, образуютъ мостовую, которая всегда пыльна лѣтомъ и грязна осенью, а на 20% всѣхъ городскихъ улицъ вовсе никакихъ признаковъ замощенія не существуетъ. Улицы дурно чистятся“.

Разсмотрѣніе нѣкоторыхъ другихъ вопросовъ городского хозяйства (какъ-то о выкупѣ городомъ конки, о результатѣ торговъ на сдачу телефоновъ, объ участи проекта страхованія служащихъ и рабочихъ, доклады финансовой коммиссіи по разсмотрѣнію смѣты) мы отлагаемъ до одного изъ слѣдующихъ обозрѣній.

И. О.

Газеты сообщаютъ о предполагающейся реформѣ уѣздной полиціи. Проектируется нынѣшнюю общественную полицейскую службу отмѣнить и полицейскія обязанности возложить на особый институтъ стражниковъ.

Какъ извѣстно, современная организація уѣздной полиціи существуетъ съ 1862 г. Хотя еще тогда имѣлось въ виду, что организація эта будетъ только временная и что ее придется въ ближайшемъ будущемъ замѣнить другою, болѣе совершенною, однако она просуществовала цѣлыхъ сорокъ лѣтъ. Объясняется это долголѣтіе не какими-либо достоинствами организаціи, не тѣмъ, что она удачно приспособилась къ условіямъ сельской жизни, а просто обычной нашей инертностью, неохотой къ нововведеніямъ, той самой неохотой, благодаря которой большинство нашихъ, такъ называемыхъ, временныхъ правилъ и мѣропріятій отличается необыкновенной прочностью и долговѣчностью.

Между тѣмъ жизнь давно выяснила недостатки нынѣшняго устройства уѣздной полиціи. Люди, близко стоящіе къ деревнѣ, не перестаютъ жаловаться на недостаточное огражденіе въ ней имущественной и личной безопасности. Судя по газетнымъ извѣстіямъ, жалобы эти не лишены основанія. То и дѣло приходится читать въ газетахъ о преступныхъ шайкахъ, держащихъ въ трепетѣ цѣлый округъ. Обыкновенно шайки эти долго совершаютъ свои преступленія совершенно безнаказанно, покуда, наконецъ, высшая губернская администрація не обратитъ особаго вниманія на участившіеся случаи грабежей и убійствъ въ данной мѣстности и не приметъ экстренныхъ мѣръ противъ дерзкихъ преступниковъ. Случаи эти наглядно доказываютъ все безсиліе уѣздной полиціи въ борьбѣ съ преступленіями. При обычномъ теченіи вещей она еще такъ или иначе справляется съ своими обязанностями, но чуть этотъ обычный порядокъ нарушается людьми, избравшими данную мѣстность ареной для своихъ преступныхъ дѣйствій, и полиція оказывается совершенно безсильной. Если бы деревня изобиловала преступными элементами въ той же степени, что и города, то, при нынѣшнемъ устройствѣ уѣздной полиціи, въ ней не было бы никакой возможности жить.

Да и чего, въ самомъ дѣлѣ, можно требовать отъ полиціи, когда обширный уѣздъ, въ нѣсколько сотъ квадратныхъ верстъ, при населеніи въ нѣсколько десятковъ тысячъ находится въ рукахъ двухъ-трехъ становыхъ приставовъ? При самомъ ревностномъ отношеніи къ своимъ обязанностямъ

приставъ физически не имѣетъ никакой возможности держать станъ подъ постояннымъ своимъ наблюденіемъ. Не нужно вѣдь забывать, что на немъ лежитъ множество самыхъ разнообразныхъ обязанностей, начиная съ огражденія общественной и личной безопасности и кончая разсылкой статистическихъ бланковъ для заполненія или исполненіемъ разнаго рода требованій начальства, иногда даже не имѣющихъ служебнаго характера. Волей - неволей приходится отдавать все свое время исполненію безчисленныхъ требованій разнаго рода и предоставлять чисто полицейскую службу урядникамъ, сотскимъ и десятскимъ, но и послѣдніе, въ свою очередь, заняты исполненіемъ порученій станового, не поспѣвающаго повсюду, и также не имѣютъ времени для собственно полицейской службы.

Очевидно, что или нужно значительно увеличить численный составъ уѣздной полиціи, или снять съ нея крупную часть тѣхъ обязанностей, какія не относятся къ чисто полицейской службѣ, передавъ ихъ какимъ-нибудь инымъ, спеціальнымъ органамъ. Но это потребуетъ большого увеличенія расходовъ. Лучше всего было бы пріурочить эту организацію къ новой земской единицѣ, а именно къ всесословной волости, учрежденіе которой положительно является необходимымъ въ интересахъ сельской жизни.

Выборная полиція, какъ болѣе близко стоящая къ населенію, будетъ и лучше справляться съ своими обязанностями. Можно быть увѣреннымъ, что при такой организаціи гораздо меньше будетъ дѣлъ о сопротивленіи властямъ, оскорбленіи должностныхъ лицъ и тому подобныхъ, возникающихъ на почвѣ взаимнаго непониманія или недовѣрія. Да и по качественному составу такая полиція будетъ удовлетворительнѣе нынѣшней. Всплывающія время отъ времени на поверхность уголовныя дѣла о тѣхъ или иныхъ злоупотребленіяхъ полицейскихъ чиновъ наглядно доказываютъ, что послѣдніе не всегда стоятъ на высотѣ своего положенія. Намъ нѣтъ даже надобности ссылаться на уголовныя дѣла, являющіяся исключеніями, сошлемся хотя бы на тѣ приказы по полиціи, которые за послѣднее время появились въ газетахъ. Въ приказѣ Виленскаго полицеймейстера указывается на то, что низшіе полицейскіе агенты, при обыскѣ провинившихся обывателей, не забываютъ и себя. Саратовскій полицеймейстеръ сообщаетъ о многочисленныхъ жалобахъ на «нетактичныя и незаконныя дѣйствія» мѣстной полиціи и напоминаетъ послѣдней о законѣ. Екатеринославскій губернаторъ также рекомендуетъ полиціи соблюденіе закона и жалуется на невѣжество и грубость полицейскихъ чиновъ. Все это факты, относящіеся къ провинціальной жизни. А вотъ интересный фактъ изъ столичной жизни.

«На-дняхъ,—сообщаетъ газета *Право*,—въ петербургскомъ судѣ слушалось дѣло по обвиненію крестьянки Жарковой въ кражѣ денегъ у сіамскаго посланника. Когда кража была обнаружена, въ совершеніи ея былъ заподозрѣнъ дворецкій посланника Лавтизаръ, который и былъ арестованъ и вскорѣ въ сыскномъ отдѣленіи сознался въ кражѣ. И, однако, онъ не

привлеченъ къ отвѣтственности (хотя и просидѣлъ пять мѣсяцевъ подъ предварительнымъ арестомъ), такъ какъ оказалось, что, несмотря на сознаніе, онъ никакого касательства къ кражѣ не имѣлъ. Почему же онъ сознался, почему направлялъ слѣдствіе на ложный путь? Очень просто: замогильнымъ голосомъ, на ломаномъ русскомъ языкѣ Лавтизаръ, показывавшій не какъ обвиняемый, къ словамъ котораго мы относимся съ недовѣріемъ, а какъ свидѣтель, подъ присягой, разсказывалъ на судѣ, что въ сыскномъ отдѣленіи его пять дней морили голодомъ, его били кулаками по виску, онъ оглохъ, посѣдѣлъ, жизнь его разбита. Онъ думалъ, что онъ не останется въ живыхъ и жаждалъ только одного—вырваться изъ этого ада какой бы то ни было цѣной. Онъ взвелъ на себя вину, разсчитывая, что его переведутъ въ тюрьму, а тамъ ему удастся спастись. Лавтизаръ ошибся: исторгнувъ отъ него сознаніе, полиція стала добиваться, куда онъ дѣвалъ деньги, и что съ нимъ тутъ дѣлали, онъ и разсказать не можетъ. И только послѣ того какъ случайно обнаружившіеся факты указали, что виновата во всемъ одна Жаркова, Лавтизара продержали въ тюрьмѣ еще три мѣсяца и затѣмъ уже выпустили».

По поводу этого факта газета замѣчаетъ:

«Страшно подумать, что основное положеніе нашихъ Судебныхъ Уставовъ есть только pium desiderium и что въ дѣйствительности у насъ нѣтъ никакихъ гарантій личной неприкосновенности. Пусть же, по крайней мѣрѣ, грустная повѣсть Лавтизара послужитъ предостереженіемъ противъ возродившихся стремленій передать слѣдственную часть въ руки полиціи, иначе говоря, лишить каждаго увѣренности въ своей свободѣ».

Таковы факты изъ практики неуѣздной полиціи, находящейся на виду, подъ контролемъ администраціи. Какова же послѣ этого практика уѣздной полиціи, дѣйствующей въ глуши, вдали отъ высшаго начальства? Вотъ почему мы и думаемъ, что замѣна нынѣшней организаціи сельской полиціи стражниками цѣли не достигнетъ. Наоборотъ, организація уѣздной полиціи на началахъ общественной службы несомнѣнно улучшитъ личный составъ полиціи. Гарантіей этому служитъ самый выборный принципъ, который дастъ возможность привлечь къ дѣлу подходящихъ людей.

Очень рѣдко проникаютъ въ нашу печать свѣдѣнія о постановкѣ духовно-учебныхъ заведеній. Мы имѣемъ въ виду общую печать, такъ какъ въ спеціальные органы духовнаго вѣдомства рѣдко кто заглядываетъ. Въ виду этого большой интересъ представляетъ помѣщенная въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* статья подъ заглавіемъ «Къ вопросу о преобразованіи духовно-учебныхъ заведеній», написанная, повидимому, человѣкомъ близко знакомымъ съ предметомъ.

Авторъ изображаетъ нашу высшую духовную школу въ довольно мрачныхъ краскахъ. Начать съ того, что преподавательскій персоналъ въ

ховныхъ академіяхъ далеко не стоитъ на высотѣ своего положенія. Правда, профессора-академики много работаютъ, много пишутъ и много издаютъ, но ихъ работа служитъ не наукѣ, а главнымъ образомъ личнымъ ихъ цѣлямъ.

При такомъ отношеніи профессоровъ къ дѣлу науки нѣтъ ничего удивительнаго, что они не могутъ оказывать никакого вліянія на студентовъ. «Лекціи ихъ, за рѣдкими исключеніями, не увлекаютъ; языкознаніе понижается; вопросы богословскіе, церковно-общественные не интересуютъ юныхъ богослововъ; проповѣдничество замираетъ и сдѣлалось только отбываніемъ казенной повинности: не скоро намъ дождаться новыхъ Иннокентіевъ, Димитріевъ, Никаноровъ, Амвросіевъ! Что-то не слышно ихъ совсѣмъ? Болѣе всего замѣтно незнаніе студентомъ науки, по предмету которой онъ пишетъ кандидатскую диссертацію на 4-мъ курсѣ: человѣкъ принимается за изслѣдованіе спеціальнаго вопроса, не зная курса науки. На это жалуются почти всѣ профессора. Но не хотятъ тѣ же руководители академій сознаться, что причина лежитъ въ нихъ же самихъ и въ учебномъ строѣ академій. Профессора не знаютъ студентовъ. Научнаго общенія почти нѣтъ. Практическихъ работъ нѣтъ. Совѣщаній съ профессорами нѣтъ. Поощренія къ изученію спеціальнаго, излюбленнаго предмета, т.-е. науки, нѣтъ».

Результаты такого воспитанія сказываются по окончаніи курса. Большинство академиковъ становятся преподавателями въ семинаріяхъ, но, плохо подготовленные и не имѣя любви къ своему дѣлу, они не могутъ возбудить любви къ наукѣ и въ своихъ воспитанникахъ. Преподаваніе носитъ мертвый схоластическій характеръ и ученіе сводится къ простому зубренію. Такое преподаваніе приноситъ самые печальные результаты. Семинаристы плохо знаютъ богословіе, еще хуже свѣтскіе предметы, особенно литературу и математику. «Семинаристъ плохо мыслитъ, плохо пишетъ, мало интересуется будущимъ своимъ служеніемъ, оттого и выходитъ изъ него плохой пастырь. Гдѣ у насъ проповѣдь? Гдѣ у насъ то врачеваніе общественныхъ нравственныхъ язвъ, которое составляетъ первую, наиглавнѣйшую обязанность пастыря, требуетъ отъ послѣдняго хорошаго знанія слова Божія и человѣческой души и въ которомъ такъ нуждается наше несчастное время? Много ли у насъ развитыхъ батюшекъ, которые интересовались бы своимъ дѣломъ и богословскимъ знаніемъ? Много ли духовенство читаетъ?»...

Въ числѣ причинъ, неблагопріятно отражающихся на постановкѣ дѣла преподаванія и воспитанія въ нашихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, авторъ указываетъ на выдающуюся роль, какую въ нихъ играютъ монахи.

Духовная школа, очевидно, страдаетъ тѣми же недостатками, что и свѣтская, такъ же, какъ въ той, въ ней царствуетъ сухой формализмъ, нѣтъ взаимнаго довѣрія и общенія между преподавателями и учениками, а взамѣнъ этого есть мертвая рутина и казенщина. И для того, чтобъ оживить школу духовное вѣдомство должно вступить въ такую же борьбу съ рути-

ной и бездушнымъ формализмомъ, въ какую, кажется, вступаетъ нынѣ министерство народнаго просвѣщенія.

Послѣ каждой сессіи земскихъ собраній появляются въ газетахъ описанія, такъ называемыхъ, предсѣдательскихъ инцидентовъ. Инциденты эти состоятъ обыкновенно изъ конфликтовъ между собраніемъ и предсѣдателемъ, конфликтовъ, вызываемыхъ слишкомъ рѣзкимъ проявленіемъ со стороны послѣдняго своей дискреціонной власти. Инциденты эти до того вошли въ обыкновеніе, что лишь наиболѣе яркіе изъ нихъ привлекаютъ общественное вниманіе. Наоборотъ, очень рѣдко появляются въ печати случаи предсѣдательскихъ инцидентовъ изъ области судебной практики. Тѣмъ съ большимъ удивленіемъ прочли мы въ *Правѣ* отчетъ о совершенно выдающемся инцидентѣ или, вѣрнѣе, о цѣломъ рядѣ инцидентовъ этого рода, имѣвшихъ недавно мѣсто въ засѣданіи харьковскаго окружнаго суда. Въ засѣданіи этомъ разбиралось съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей дѣло о Павлѣ Манчинѣ и Лидіи Кондратовой.

Манчинъ обвинялся въ томъ, что съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ лишилъ жизни мужа Лидіи Кондратовой посредствомъ удавленія ремнемъ. Онъ сознался въ совершеніи этого преступленія и указалъ, что сдѣлалъ это по подговору Лидіи Кондратовой, которая хотѣла избавиться отъ своего мужа. Эта послѣдняя объяснила, что съ мужемъ она дѣйствительно хотѣла разводиться, но категорически отрицала какое бы то ни было свое участіе въ этомъ преступленіи. Предсѣдательствовалъ товарищъ предсѣдателя харьковскаго окружнаго суда А. Н. Кривцовъ. Судебное слѣдствіе шло быстро и не выяснило никакихъ новыхъ обстоятельствъ. Послѣ прочтенія обвинительнаго акта и объясненія подсудимаго Манчина, защитникъ Кондратовой, обращая вниманіе на отсутствіе основаній для убійства, на его особенную жестокость и спокойствіе совершенія надъ своимъ бывшимъ пріятелемъ и товарищемъ, а также на послѣдующую нелогичность поведенія Манчина, просилъ объ обращеніи дѣла къ дослѣдованію и объ освидѣтельствованіи умственныхъ способностей Манчина въ порядкѣ 353 и др. ст. Судъ отказалъ. Впослѣдствіи, на вопросъ предсѣдателя, чѣмъ имѣютъ стороны дополнить слѣдствіе, защитникъ Кондратовой, руководствуясь кассаціоннымъ рѣшеніемъ по дѣлу Орлова, возобновилъ свое ходатайство. *Предсѣдательствующій:* «Судъ отказалъ уже, а теперь тѣмъ паче, тѣмъ паче. Господинъ секретарь! такъ и занесите въ протоколъ, что судъ тѣмъ паче отказываетъ». Резюме предсѣдателя было горячей обвинительной рѣчью по отношенію къ Лидіи Кондратовой. «Вамъ указывалъ защитникъ, что прокуроръ стоитъ на опасной дорогѣ, доказывая, что Лидія Кондратова могла желать совершить преступленіе, могла желать смерти мужа... Нѣтъ! это большой козырь въ рукахъ прокурора. Вѣчно незыблимо правило римскаго права: is fecit qui prodest, т.-е. тотъ совершилъ, кому это полезно. И

вы видите, что Лидіи Кондратовой это полезно, а, съ другой стороны, Манчинъ прямо говоритъ, что она его подговорила, то вотъ вы имѣете полное доказательство... Конечно, вы должны войти въ характеристику подсудимыхъ, чтобы рѣшить, могла ли она заставить его волю служить себѣ, и вы увидите, что она—разбитная горничная большой гостиницы, большого трактира, а онъ—простой рабочій на кирпичномъ заводѣ... Богъ мнѣ судья, если можетъ проскользнуть мое личное мнѣніе... Если вы не придадите значенія этимъ краснорѣчивымъ доказательствамъ, — ея письмамъ къ возлюбленному,—то вы, конечно, можете оправдать подсудимую, но если вы взглянете на эти письма и особенно письмо отъ 25 іюля, если вы обратите вниманіе... (слѣдуетъ рядъ обстоятельствъ, которыя должны уличить подсудимую), то вы, разумѣется, обвините ее... Вы увидите изъ самыхъ объясненій этой женщины, что она думаетъ, что можно изъ-за трехъ рублей убить человѣка... Все это я вамъ говорю, какъ судья и человѣкъ...» Когда присяжные удалились на совѣщаніе, защитникъ Кондратовой, Куликовъ, поднялся и заявилъ, что онъ хочетъ предъявить ходатайство. *Предсѣдатель:* «Послѣ». *Защитникъ Кондратовой:* «Я желаю сдѣлать заявленіе теперь, въ отсутствіи присяжныхъ». *Предсѣдатель:* «Нѣтъ! вы его сдѣлаете, когда я вамъ укажу». Судъ удаляется. Черезъ 10 минутъ коронный судъ выходитъ снова. Къ защитнику Кондратовой: «Что вамъ угодно?» *Защитникъ Кондратовой:* «Прошу занести въ протоколъ объясненіе г. предсѣдателя, такъ какъ я его все считаю нарушеніемъ 802 ст.». *Предсѣдатель:* «Отказываю. Ваши выводы вы можете сдѣлать потомъ». *Защитникъ Кондратовой:* «Прошу занести, что мною сдѣлано такое заявленіе и что мнѣ отказано въ занесеніи его въ протоколъ». *Предсѣдатель:* «Отказываю». Защитникъ Кондратовой проситъ занести въ протоколъ изложенныя выше выраженія предсѣдателя въ резюме, когда говорилось о краснорѣчивыхъ доказательствахъ. *Предсѣдательствующій:* «Я не говорилъ слова: краснорѣчивыя». *Защитникъ Кондратовой:* «Виноватъ. Я какъ разъ прошу занести именно это. Вы сказали: краснорѣчивыя доказательства, говоря про письма». Одинъ изъ членовъ суда наклоняется къ предсѣдателю. *Предсѣдательствующій:* «Ахъ, да! про письма». Присяжные совѣщаются полтора часа. Выносятъ вердиктъ, коимъ Манчинъ признанъ виновнымъ въ убійствѣ, но дѣйствовавшимъ безъ предварительнаго соглашенія, безъ предумышленія и заслуживающимъ снисхожденія. Лидія Кондратова оправдана. По провозглашеніи на вопросъ о Лидіи Кондратовой отвѣта: «нѣтъ, невиновна», братъ подсудимой со вздохомъ облегченія произнесъ: «Слава Богу!» *Предсѣдатель (громко):* «Кто это смѣетъ выражать одобреніе или неодобреніе приговору суда? *(Громче и громче:)* Вонъ! Всю публику вонъ! Я всѣхъ выгоню вонъ!» Тогда при установившейся вдругъ тишинѣ довольно явственно раздалось: «Уйдемъ». Оказалось, что прис. пов. Гонтаревъ, считая неумѣстнымъ и неприличнымъ послѣ такихъ криковъ «вонъ» оставаться въ залѣ, обратился съ этимъ словомъ къ своимъ

товарищамъ и вышелъ. *Предсѣдатель:* «Кто тамъ сказалъ слово: уйдемъ? Г. приставъ! верните его въ залу. Властью предсѣдателя я его арестую на четыре часа». Прис. пов. Гонтаревъ вошелъ въ залу и сказалъ: «Суду угодно меня видѣть?» *Предсѣдатель:* «Вы сказали слово: уйдемъ? *Гонтаревъ:* «Я». *Предсѣдатель:* «Довольно. Г. секретарь! Я отмѣняю опредѣленіе объ арестѣ. *(Гонтареву.)* Я не ожидалъ видѣть передъ собой присяжнаго повѣреннаго и васъ». *Гонтаревъ:* «Имѣю честь объяснить...» *Предсѣдатель:* «Ни слова!» Затѣмъ судъ, не удаляясь изъ залы, приступилъ къ написанію резолюціи. Резолюція объявлена. Засѣданіе закрыто. *Оправданная Лидія Кондратова, кланяясь присяжнымъ:* «Господа присяжные!...» *Предсѣдатель:* «Вонъ эту бабу! Немедленно уберите эту бабу вонъ!»

У насъ часто и не безъ основаній жалуются на то, что многіе предсѣдатели въ своихъ резюме обнаруживаютъ извѣстное пристрастіе въ сторону обвиненія, но то, что происходило въ Харьковѣ, представляетъ такой исключительный случай, что мы рѣшительно усомнились бы въ подлинности факта, если бы не свидѣтельство такого солиднаго органа, какъ *Право*. Ничего кромѣ ущерба дѣлу правосудія и достоинству суда такіе случаи принести не могутъ.

Вражда къ печатному слову и ненависть къ злополучному «корреспонденту», выводящему на свѣжую воду подвиги мѣстныхъ дѣятелей, принимаютъ иногда самыя курьезныя формы.

Не такъ давно помѣщена была въ *Сѣверномъ Курьерѣ* корреспонденція изъ Енисейска, въ которой описывалось, какъ мѣстные отцы города рѣшили изгнать навсегда изъ думскихъ засѣданій гласность въ образѣ корреспондента. Гласные рѣшили, что безъ гласности будетъ имъ куда удобнѣе: можно не стѣсняясь говорить все, что угодно, а предъ корреспондентомъ всетаки какъ-то не совсѣмъ ловко. Одинъ изъ гласныхъ, нѣкій г. Калашниковъ, обосновалъ глубокомысленное рѣшеніе думы не менѣе глубокомысленнымъ юридическимъ соображеніемъ: «Въ законахъ,—заявилъ онъ,—нигдѣ не сказано, чтобы управа выдавала газетчикамъ свѣдѣнія; а что въ законахъ не разрѣшено, то, значитъ, воспрещено».

Съ легкой руки корреспондента петербургской газеты крылатое слово г. Калашникова облетѣло множество газетъ. Г. Калашникову такая извѣстность показалась обидной, и вотъ онъ рѣшилъ поправить свою репутацію. Съ этой цѣлью онъ вошелъ въ думу съ ходатайствомъ о выдачѣ ему удостовѣренія о томъ, что онъ «инкриминируемыхъ» словъ не произносилъ. Имѣя это свидѣтельство, заявилъ почтенный общественный дѣятель, онъ получитъ возможность привлечь «грязную газету, занимающуюся руганью и блудіемъ, и ея протеже изъ административно-ссыльныхъ» къ суду за диффамацію».

Какъ видите, г. Калашниковъ, кромѣ остроумія, обладаетъ еще чрезвычайно своеобразнымъ и сильнымъ стилемъ...

Оказалось, однако, что не всѣ гласные могутъ подтвердить заявленіе г. Калашникова. Одни замѣтили, что г. Калашникову трудно помнить всѣ произнесенныя имъ слова за болѣе чѣмъ двухмѣсячный промежутокъ времени; другіе отозвались, что они забыли точныя выраженія, какія были имъ употреблены, а третьи заявили, что «инкриминируемыя» слова, дѣйствительно, были произнесены.

Въ виду этого городской голова, стоявшій за выдачу свидѣтельства, внесъ иное предложеніе. По отчету *Сибирской Жизни* предложеніе это и послѣдующіе дебаты представляются въ слѣдующемъ видѣ.

Гор. голова.—По моему мнѣнію, въ корреспонденціи оскорблена вся дума, управа и многіе гласные, а потому я предложилъ бы возбудить преслѣдованіе противъ *Сѣв. Кур.* и корреспондента отъ имени всей думы.

Гл. А. М. Бородкинъ (на засѣданіяхъ обыкновенно молчитъ, но на этотъ разъ далъ возможность ознакомиться съ собою).—Возбуждать преслѣдованіе должны или мы всѣ, или никто, но не одинъ Калашниковъ.

Гл. д-ръ Станкѣевъ.—Господа! Въ корреспонденціи я не нахожу ничего оскорбительнаго для думы.

Гор. голова (его перебивая).—Конечно, васъ не задѣли, потому вы и противъ. Мы всѣ здѣсь въ думѣ безголовые, только д-ръ Станкѣевъ съ головой.

Д-ръ Станкѣевъ.—Оскорбительная съ точки зрѣнія городского головы корреспонденція появилась не только въ одной газетѣ. Такъ, напримѣръ, была помѣщена статья «О головотяпахъ енисейской думы» въ *Новостяхъ*, саркастическая телеграмма въ *Будильникѣ*, три статьи въ трехъ сибирскихъ газетахъ и во многихъ провинціальныхъ. Если привлекать за диффамацію или оскорбленіе, такъ слѣдовало бы всѣ газеты, но не одну.

Гл. Бородкинъ.—Зачѣмъ считаться съ газетами, когда намъ легче считаться съ однимъ корреспондентомъ?

Гл. А. И. Кытмановъ.—Господа! Сказалъ ли Калашниковъ эти слова, или нѣтъ—не важно для насъ, и привлекать за это, какъ за диффамацію—смѣшно, такъ какъ въ этихъ словахъ нѣтъ никакого оскорбленія чести. Я на засѣданіи 2 августа не былъ и корреспонденціи не читалъ.

Гласные (перебивая его).—Многіе не читали.

Гор. голова.—Въ такомъ случаѣ, господа, на слѣдующее засѣданіе нужно принести газеты и прочесть всѣмъ гласнымъ и тогда обсудить, какія мѣры слѣдуетъ принять противъ корреспондента.

Послѣднее предложеніе головы принято было гласными. Въ назиданіе мы посовѣтовали бы енисейскимъ гласнымъ заодно прочесть ужъ въ публичномъ засѣданіи вышеупомянутую статью *Новостей* «О головотяпахъ енисейской думы» и телеграмму въ *Будильникѣ* и т. д. Все это доставитъ господамъ гласнымъ истинное развлеченіе. А такъ какъ такое совмѣстное

чтеніе, безъ сомнѣнія, снова вызоветъ комментаріи въ *Будильникѣ*, то при желаніи енисейскіе гласные смогутъ продолжать это удовольствіе до безконечности. Въ результатѣ въ енисейской думѣ можетъ установиться прецедентъ: «никакихъ дѣлъ не обсуждать, а собираться лишь для чтенія *Будильника*».

Исключительное по своему бытовому интересу дѣло слушалось недавно въ саратовскомъ окружномъ судѣ. Обвинялся священникъ Балашовскаго уѣзда, села Благовѣщенскаго, Дмитрій Постновъ въ кражѣ 3,600 руб. у пьянаго пассажира въ вагонѣ 2-го класса. Сущность дѣла по обвинительному акту представляется въ слѣдующемъ:

6 декабря 1899 г. купецъ Неволинъ ѣхалъ въ Саратовъ. При немъ были деньги въ количествѣ 4,600 р.; изъ нихъ 3,600 р. кредитными билетами, завернутые въ газетную бумагу, лежали во внутреннемъ карманѣ застегнутаго наглухо жилета, а 1,000 р. въ другихъ карманахъ.

Съ тѣмъ же поѣздомъ и въ томъ же вагонѣ ѣхалъ священникъ Постновъ. Сначала онъ разговорился съ Неволинымъ, а затѣмъ они стали вмѣстѣ угощаться въ станціонныхъ буфетахъ. На станціи Аткарскъ они пересѣли въ дамское купэ, откуда ихъ пришлось выводить съ помощью жандарма. Неволинъ сѣлъ и заснулъ. Проснулся онъ на станціи Саратовъ и когда всталъ, въ вагонѣ никого не было—исчезъ и о. Постновъ. Собравъ свои узлы, Неволинъ замѣтилъ, что жилетъ его разстегнутъ и изъ бокового кармана вынуты 3,600 р., остальные 1,000 р. оказались цѣлы.

Потерпѣвшій заявилъ о пропажѣ въ сыскномъ отдѣленіи, высказавъ подозрѣніе на о. Постнова. Приступили къ розыскамъ и только на 12 день обнаружили, что священникъ живетъ въ гостиницѣ «Россія».

18 декабря въ 12 час. дня приставъ Котовъ явился въ номеръ, занимаемый Постновымъ. На стукъ дверь открылась не скоро. Отперъ ее самъ Постновъ, который находился въ нижнемъ бѣльѣ; на постели его, полураздѣтая, лежала дѣвица легкаго поведенія. На столѣ стояла бутылка водки. Такія же бутылки и коробки изъ-подъ сардинъ валялись на полу. На вопросъ пристава, знаетъ ли онъ Неволина, Постновъ отвѣтилъ, что не знаетъ, что пріѣхалъ недавно изъ села по церковнымъ дѣламъ и денегъ привезъ съ собою 350 р. Во время обыска онъ сначала велъ себя спокойно, но когда приставъ снялъ со стѣны икону Иверской Божіей Матери, онъ сильно измѣнился—поблѣднѣлъ, зашатался и едва удержался на ногахъ. Въ иконѣ было обнаружено 3,300 р.

Допросъ свидѣтелей (дѣвица легкаго поведенія была допрошена при закрытыхъ дверяхъ) вполнѣ подтвердилъ изложенныя обстоятельства.

Коридорный изъ гостиницы показалъ, что о. Постновъ пилъ цѣлые дни. Встанетъ, напьется и ляжетъ спать; затѣмъ опять встанетъ и повторяетъ то же самое. Такъ проходилъ день за днемъ. Отъ пьянства у него тряслись руки, и онъ звалъ коридорнаго, чтобы тотъ ему наливалъ.

Кромѣ того у него всѣ дни находилась «барышня», для которой покупались конфеты. Замѣтимъ, кстати, что священнику 60 лѣтъ.

На судебномъ слѣдствіи выяснилось, что о. Постновъ уже разъ привлекался по обвиненію въ кражѣ, но былъ оправданъ.

Прочитано было, между прочимъ, прошеніе прихожанъ с. Благовѣщенскаго архіерею о разрѣшеніи служенія Постнову. Прошеніе написано высокопарнымъ слогомъ и заключаетъ въ себѣ длинный перечень заслугъ священника, вродѣ: «жизнь велъ по сану», «ко всѣмъ относился любовно и отечески», «ко храму Божію всегда былъ аккуратенъ», «служилъ назидательно и часто молебствовалъ» и т. п. Однако, дьяконъ Никольскій, дававшій показанія благопріятныя для Постнова, вынужденъ былъ отвѣтить на вопросъ прокурора, что тѣ же прихожане жаловались преосвященному на о. Постнова за «его нетрезвый образъ жизни». А на вопросъ, кто писалъ прочитанное на судѣ прошеніе, отвѣтилъ: «Какъ будто о. Постновъ,—рука какъ бы его».

Любопытно, что на прошеніи было много подписей неграмотныхъ, наприм., такъ: «за неграмотнаго такого-то расписался Иванъ Негодяевъ».

Предварительная медицинская экспертиза дала противорѣчивыя заключенія о состояніи здоровья Постнова. На судѣ послѣдній вновь былъ подвергнутъ освидѣтельствованію четырехъ экспертовъ-психіатровъ. Единогласное заключеніе ихъ было, что о. Постновъ въ настоящее время совершенно здоровъ и физически и психически.

Присяжные засѣдатели вынесли подсудимому оправдательный вердиктъ.

Не можемъ не отмѣтить одного неумѣстнаго, по нашему мнѣнію, пріема защиты. Обращаясь къ присяжнымъ засѣдателямъ, защитникъ, между прочимъ, сказалъ: «Не забывайте при этомъ, что обвиняется священникъ православный,—и гдѣ же? въ мѣстахъ распространенія раскола; какъ хотите, вашъ обвинительный приговоръ будетъ неумѣстенъ и дурно истолкованъ врагами православной церкви».

Намъ кажется, что такого рода давленіе на совѣсть присяжныхъ засѣдателей является не совмѣстимымъ съ достоинствомъ защиты, а въ особенности съ подлиннымъ достоинствомъ православной церкви.

---

18 октября прошлаго года вологодскій губернаторъ гр. Мусинъ-Пушкинъ на публичномъ обѣдѣ, обратившись къ мѣстнымъ купцамъ, убѣждалъ ихъ не торговать въ этотъ день (18 октября какой-то мѣстный праздникъ). «И въ этотъ великій праздникъ,—сказалъ, между прочимъ, губернаторъ,—отъ же обмѣръ и тотъ же обвѣсъ». Вологодское купечество нашло такія слова губернатора для себя оскорбительными и, собравшись въ экстренномъ собраніи, единогласно постановило поручить купеческому старостѣ довести дѣло до свѣдѣнія высшаго начальства въ Петербургѣ и просить его объ огражденіи купечества отъ оскорбленій со стороны губернатора. Жалоба

эта была признана не заслуживающей уваженія. При этомъ купечеству поставлено на видъ, что «обсужденіе сословно-общественными собраніями рѣчей губернатора, съ изъявленіемъ протестовъ на подобныя рѣчи, составляетъ явное неуваженіе по отношенію къ представителю высшей правительственной власти въ губерніи и потому не можетъ быть терпимо».

По этому поводу *Промышленный Міръ* высказывается слѣдующимъ образомъ.

«Мы не знаемъ, жаловалось ли вологодское купечество на такой отвѣтъ министерству финансовъ. Мы не знаемъ, обжаловало ли вологодское купечество полученный имъ отвѣтъ въ сенатъ, но для такой жалобы имѣются самыя существенныя основанія. Въ законѣ нигдѣ не сказано, что губернаторъ въ правѣ оскорблять словомъ безнаказанно, и нигдѣ въ законѣ не сказано, что обывателямъ воспрещается оскорбляться дѣйствительно оскорбительными словами губернатора. Если губернаторъ кричитъ на кого-либо: плутъ, мошенникъ, негодяй, то онъ совершаетъ такое же преступленіе, какъ и всякій другой частный человѣкъ. Представимъ себѣ, что вмѣсто губернатора на обѣдѣ 18 октября говорилъ бы корреспондентъ какой-либо газеты и уснастилъ бы свою рѣчь приведенными оскорбительными выраженіями. Онъ учинилъ бы преступленіе, предусмотрѣнное ст. 131 Устава о наказаніяхъ, и мировой судья приговорилъ бы его за обиду «въ многолюдномъ собраніи» къ аресту на мѣсяцъ или къ денежному взысканію въ 100 р. Подъ этой 131 статьей нѣтъ примѣчанія, гласящаго, что губернаторы могутъ оскорблять словами въ многолюдномъ собраніи безнаказанно. Въ «Правилахъ о порядкѣ производства дѣлъ въ земскихъ, дворянскихъ и городскихъ общественныхъ и сословныхъ собраніяхъ» обсужденіе рѣчей губернаторовъ не запрещено сословнымъ общественнымъ собраніямъ и не предписано, въ случаѣ обсужденія этихъ рѣчей, обязательно съ ними соглашаться и не протестовать. Точно также въ законѣ нигдѣ не сказано, что нетерпимымъ неуваженіемъ къ преставителю высшей правительственной власти въ губерніи является, между прочимъ, и признаніе сословно-общественными собраніями оскорбительныхъ рѣчей губернатора заслуживающими обжалованія. Подобныя предположенія о «нетерпимомъ уваженіи» любилъ строить покойный Анастасьевъ. Онъ былъ глубоко убѣжденъ въ томъ, что жалоба на губернатора за оскорбленіе на словахъ есть нетерпимое проявленіе неуваженія къ представителю высшей правительственной власти въ губерніи. Онъ сожалѣлъ, что въ Петербургѣ думали иначе, и какъ обрадовался бы теперь покойный представитель патріархальнаго, семейнаго отношенія къ законности и правопорядку, если бы онъ прочелъ резолюцію на жалобу вологодскаго купечества. Онъ любилъ уснащать свои отческія внушенія «казацкими словами», и многимъ казалось, что онъ высоко держалъ знамя власти. Мы думаемъ, что губернаторъ проявилъ «нетерпимое неуваженіе» къ ввѣренной ему высшей власти, прибѣгая къ оскорбительнымъ выраженіямъ на многолюдномъ собраніи. Такъ, навѣрно, рѣшитъ дѣло и сенатъ, если вологодское

ское купечество ознакомить его со своимъ столкновеніемъ съ мѣстнымъ губернаторомъ».

Нѣсколько времени тому назадъ въ нижегородскомъ обществѣ распространенія начальнаго образованія въ Нижегородской губерніи произошелъ характерный для нашихъ общественныхъ нравовъ инцидентъ. Въ совѣтѣ общества зашла какъ-то рѣчь о членѣ общества г. Скворцовѣ, горячо критиковавшемъ на общемъ собраніи дѣйствія совѣта. При этомъ одинъ изъ членовъ совѣта г. Брызгаловъ позволилъ себѣ замѣтить, что г. Скворцовъ человѣкъ «неблагонадежный» и что вслѣдствіе этого, если объявлено будетъ его участіе въ народныхъ чтеніяхъ, послѣднія разрѣшены не будутъ. Слова г. Брызгалова проникли въ печать и, какъ и слѣдовало ожидать, чрезвычайно взволновали мѣстное общество. И въ самомъ дѣлѣ, русская жизнь пріучила насъ ко всевозможнымъ инцидентамъ въ общественныхъ собраніяхъ, мы, кажется, даже не можемъ себѣ представить общественнаго собранія безъ «инцидента», но до соглядатайства и сыска мы еще, слава Богу, не доходили. Люди, предававшіеся этимъ почтеннымъ занятіямъ, всегда дѣлали свое дѣло потихоньку, безъ шума, безъ, такъ называемыхъ, лишнихъ разговоровъ,—г. Брызгаловъ предпочелъ открытый образъ дѣйствій, для чего, конечно, нужно было обладать большимъ запасомъ смѣлости и откровенности.

Въ виду того, что инцидентъ вызвалъ общее негодованіе и соотвѣтствующіе комментаріи въ печати, предсѣдатель общества г. Садовень счелъ нужнымъ выступить съ опроверженіемъ, въ которомъ заявлялъ, что совѣтъ вопроса о неблагонадежности г. Скворцова не поднималъ, а были лишь какіе-то «раздутые частные разговоры». На это г. Скворцовъ отвѣтилъ, что опроверженіе неосновательно и предложилъ г. Садовеню третейскій судъ. Суда г. Садовень не пожелалъ, а взамѣнъ того отказался отъ званія предсѣдателя общества.

Послѣ этого инцидентъ поступилъ на обсужденіе общаго собранія, въ которое ревизіонная коммиссія общества вошла съ спеціальнымъ докладомъ по поводу его. Коммиссія установила, что фактъ заявленія г. Брызгаловымъ о «неблагонадежности» г. Скворцова, дѣйствительно, имѣлъ мѣсто, но что это былъ [«частный разговоръ», оффиціально же совѣтомъ такой вопросъ не поднимался. Въ виду этого собраніе не нашло нужнымъ высказаться объ этомъ фактѣ, но все же большинствомъ 35 человѣкъ противъ 23 признало образъ дѣйствій г. Скворцова не корректнымъ. Затѣмъ г. Садовень снова былъ избранъ предсѣдателемъ общества. Намъ это рѣшеніе общаго собранія кажется довольно страннымъ. Входя въ то или другое благотворительное или просвѣтительное общество, отдавая ему безкорыстно свое время, трудъ или средства, никто изъ насъ не разсчитываетъ, что по поводу его общественной дѣятельности другіе члены общества будутъ производить сыскъ объ его образѣ мыслей. Г. Скворцовъ, узнавшій, что другой членъ общества заявилъ объ его «неблагонадежности», имѣлъ

право защищаться, имѣлъ и право негодовать... Если онъ и погорячился немножко, то при такомъ положеніи вещей это было болѣе, чѣмъ извинительно. Общество не должно было уклоняться отъ обсужденія дѣйствій г. Брызгалова. Что послѣдній поднялъ «частный разговоръ» о неблагонадежности г. Скворцова, а не сдѣлалъ оффиціальнаго заявленія, особаго значенія здѣсь не имѣетъ, такъ какъ этотъ «частный разговоръ» онъ велъ съ членами совѣта и по поводу общественной дѣятельности г. Скворцова. Да и вообще какое это оправданіе, что разговоръ былъ частный?...

Въ результатѣ всего инцидента оказалось слѣдующее: г. Брызгаловъ преблагополучно остался членомъ общества и будетъ имѣть полную возможность и впредь вести съ членами его интересные «частные разговоры», а г. Скворцовъ долженъ былъ изъ общества уйти.

---

11 сентября 1899 года, въ 6 час. 30 мин. утра, въ селѣ Бондаряхъ, въ квартиру учительницы М. Г. Лавровской, когда она еще лежала въ постели и была не одѣта, явился полицейскій сотскій Пономаревъ и сказалъ, что у него есть письмо, которое онъ можетъ передать только лично ей. Когда Лавровская встала съ постели и протянула руку черезъ перегородку, чтобы взять письмо, Пономаревъ, сорвавъ дверь, *ворвался въ спальню и, схвативъ за руки Лавровскую, вмѣстѣ съ полицейскимъ урядникомъ Кречморжевскимъ потащили ее неодѣтую въ залу*, куда въ это время явился приставъ Крюковской съ урядникомъ Дубровскимъ и понятыми. На вопросъ Лавровской, почему съ ней такъ поступаютъ, Крюковской сначала не далъ никакого опредѣленнаго отвѣта, а затѣмъ объявилъ, что у нея долженъ быть произведенъ обыскъ, такъ какъ она живетъ по подложному паспорту. Послѣ этого Лавровской позволено было одѣться *тутъ же въ залѣ, въ присутствіи Крюковского и урядниковъ*, хотя она просила дозволить ей сдѣлать это въ спальнѣ. Затѣмъ Крюковской отправилъ ее съ урядникомъ Дубровскимъ въ больницу къ земскому врачу Салтыкову, *для освидѣтельствованія ея пола*, самъ же остался въ ея квартирѣ для производства обыска. Сначала врачъ Салтыковъ не соглашался подвергнуть Лавровскую освидѣтельствованію, но, потомъ сдавшись на убѣжденія Крюковского, освидѣтельствовалъ Лавровскую, несмотря на ея протесты. Послѣ освидѣтельствованія Лавровской, Крюковской отправился вмѣстѣ съ нею на ея квартиру, гдѣ, извиняясь, объяснилъ ей, что съ нею было поступлено такъ потому, что онъ боялся, что она употребитъ въ дѣло револьверъ. Когда Лавровскую тащили изъ спальни в залу, то *такъ грубо съ нею обращались, что у нея на тѣлѣ оказали багровую цвѣта кровоподтеки*, удостовѣренные свидѣтельствомъ врача, п заключенію котораго кровоподтеки эти могли произойти отъ удара палко или нажима рукъ.

По жалобѣ Лавровской приставъ былъ преданъ суду за превыше

власти. На судебномъ слѣдствіи выяснилось, что проживающій въ с. Бондаряхъ купецъ Егоровъ по порученію дяди своего Бѣлкина просилъ Крюковского освидѣтельствовать Лавровскую, *подозрѣвая, что она мужчина* и находится въ любовной связи съ женою Бѣлкина. По объясненію Крюковского онъ, получивъ 10 сентября такое заявленіе и заподозривъ, что подъ именемъ Лавровской скрывается важный уголовный или политическій преступникъ, рѣшилъ на слѣдующій же день приступить къ обыску и освидѣтельствованію ея, не производя предварительнаго дознанія или опроса жителей с. Бондарей. Рѣшительныя же мѣры онъ принялъ изъ опасенія, что Лавровская застрѣлится изъ револьвера, который она, по слухамъ, носила съ собою и котораго въ дѣйствительности у нея не оказалось. Сотскій показалъ, что онъ дѣйствовалъ по приказанію Крюковского. Егоровъ же объяснилъ, что дядя его Бѣлкинъ передалъ ему два письма, писанныя, будто бы Лавровскою, хотя и безъ ея подписи; письма эти писаны были отъ лица мужчины и въ нихъ говорилось о какомъ-то ребенкѣ. Квартирная хозяйка показала, что до обыска у Лавровской, содержавшей частное училище, обучалось 15—16 дѣвочекъ, а теперь всего 4—5.

Товарищъ прокурора Шариковъ *просилъ* судъ *отнестись къ Крюковскому снисходительно*, такъ какъ онъ дѣйствовалъ въ заблужденіи, что Лавровская, дѣйствительно, важный уголовный или политическій преступникъ. Прокуроръ рекомендовалъ примѣнить къ подсудимому не 343, а болѣе мягкую 341 ст. Защитникъ Крюковского доказывалъ, что подсудимый дѣйствовалъ *вполнѣ нравственно и на законномъ основаніи*, и если бъ онъ поступилъ иначе, то могъ бы быть обвиненъ въ бездѣйствіи власти.

Судъ, согласно просьбѣ прокурора, признавъ Крюковского виновнымъ по 341 ст., приговорилъ его къ вычету шести мѣсяцевъ изъ времени службы.

Ну, скажите, читатель, развѣ это все не фантасмагорія? Развѣ не фантасмагорія этотъ купецъ Бѣлкинъ, заподозрившій въ учительницѣ мужчину, находящагося въ любовной связи съ его женой (такъ ли еще это было? не было ли здѣсь простой мести?), и этотъ приставъ, которому достаточно было голословнаго заявленія племянника Бѣлкина, чтобы немедленно заподозрить (?), что въ лицѣ Лавровской скрывается важный преступникъ и на слѣдующій же день ее освидѣтельствовать; и врачъ, согласившійся продѣлать надъ беззащитной дѣвушкой, *восемь лѣтъ* прожившей въ этомъ селѣ, столь унизительную процедуру, и, наконецъ, даже защитникъ, находившій, что приставъ дѣйствовалъ вполнѣ нравственно и законно? Да, все это не болѣе какъ фантасмагорія, но какая жестокая, безобразная фантасмагорія! И сколько здѣсь возмутительныхъ подробностей! Зачѣмъ нужно было вытащить изъ постели дѣвушку неодѣтой? Почему не дали ей одѣться въ спальнѣ и заставили сдѣлать это въ присутствіи мужчинъ? Почему ее тащили такъ грубо, что у нея даже кровоподтеки оказались на тѣлѣ?... Но развѣ у людей, способныхъ на такія дѣйствія, спрашиваютъ *зачѣмъ и почему*?...

Поучительны и дѣйствія крапивенскаго исправника Граббе, дѣло о которомъ разсматривалось 20 ноября въ уголовномъ кассаціонномъ департаментѣ сената.

Въ г. Крапивну (Тульской губ.) прибыла труппа странствующихъ актеровъ, и одинъ изъ членовъ ея Ив. Касиловъ отправился къ уѣздному исправнику К. К. Граббе съ просьбой разрѣшить труппѣ давать представленія. Исправникъ отказалъ на томъ основаніи, что незадолго передъ тѣмъ въ Крапивнѣ была уже такая труппа, которая произвела скандалъ. Касиловъ вторично явился къ Граббе съ той же просьбой, и тогда послѣдній сталъ его ругать и кричать: «вонъ, мерзавецъ»! Послѣ того г. Граббе взялъ подписку съ членовъ труппы въ томъ, что они должны выѣхать изъ г. Крапивны, а когда тѣ не выѣхали, то троихъ изъ нихъ, именно Касилова, Богданова и Романову, Граббе заключилъ въ тюрьму, продержалъ ихъ около 7 дней и выслалъ Касилова и Богданова по этапу въ мѣста приписки, несмотря на то, что всѣ указанныя лица имѣли узаконенные виды на жительство.

Преданный суду, Граббе оправдывался тѣмъ, будто труппа бродячихъ актеровъ нищенствовала, выпрашивая у жителей деньги на дорогу, но объясненія эти были опровергнуты показаніями свидѣтелей, установившихъ, что актеры нищенствомъ не занимались, были весьма прилично одѣты, что при обыскѣ, произведенномъ у нихъ по распоряженію Граббе, у нихъ найдены были костюмы и декораціи; протоколъ же о нищенствѣ былъ составленъ самимъ Граббе уже послѣ заключенія актеровъ въ тюрьму.

Московская судебная палата приговорила Граббе къ аресту при гауптвахтѣ на 3 недѣли. Правительствующій сенатъ оставилъ жалобу обвиняемаго безъ послѣдствій.

Скончался Александръ Константиновичъ Шеллеръ, писавшій подъ псевдонимомъ А. Михайлова. Въ его лицѣ сошелъ въ могилу одинъ изъ симпатичнѣйшихъ писателей 60 и 70 годовъ, человѣкъ честныхъ убѣжденій, непоколебимой преданности лучшимъ завѣтамъ нашей литературы, неутомимый работникъ, бодрой рукой сѣявшій въ обществѣ сѣмена правды и добра. Шеллеръ не былъ первокласснымъ талантомъ; идеи, которыя онъ проводилъ въ своихъ произведеніяхъ, были не новы, но такова сила честной мысли, глубокой убѣжденности и теплой вѣры въ правду и добро, что романы его — «Гнилыя болота», «Жизнь Шупова», «Лѣсъ рубятъ—щепки летятъ», «Хлѣба и зрѣлищъ» пріобрѣли самую широкую популярность, и ими такъ же усердно зачитывались, какъ лучшими произведеніями нашихъ первоклассныхъ писателей.

Покойный не былъ чуждъ и публицистики и помѣстилъ рядъ статей по педагогическимъ и соціальнымъ вопросамъ въ *Дѣлѣ, Русской Мысли, Живописномъ Обозрѣніи* и друг. журналахъ. Какъ популяризаторъ, онъ пріобрѣлъ себѣ почетное имя въ нашей литературѣ.

А. С.

Въ Петербургѣ чествовали тридцатилѣтіе литературной дѣятельности О. К. Нотовича, редактора петербургской газеты *Новости*. Юбиляра горячо привѣтствовали собратья по журналистикѣ, онъ получилъ многочисленныя привѣтствія отъ повременныхъ изданій, обществъ и частныхъ лицъ. Привѣтствовала г. Нотовича, конечно, и *Русская Мысль*. Можно по важнымъ даже вопросамъ не соглашаться съ *Новостями*, но нельзя не признать за ними большихъ заслугъ: газета всегда отличалась терпимостью, отзывчивостью къ запросамъ нашей общественной жизни, всегда старалась защищать интересы справедливости и гуманности. Литературная дѣятельность г. Нотовича не исчерпывалась статьями въ *Новостяхъ* и руководительствомъ газеты: онъ выступалъ внѣ ея и какъ публицистъ, и какъ драматическій писатель. Искренно желаемъ ему долгихъ лѣтъ плодотворной работы.

Когда эта книжка появится въ свѣтъ, въ Варшавѣ будетъ уже отпразднованъ юбилей знаменитаго польскаго писателя Сенкевича. *Русская Мысль* давно знакомитъ читателей съ романами и повѣстями этого первокласснаго беллетриста. Варшавскій праздникъ является не только польскимъ и славянскимъ, но и праздникомъ литературы вообще, потому что Сенкевича знаютъ и цѣнятъ во всемъ образованномъ мірѣ.

Ред.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Не радостно кончается нынѣшній годъ и девятнадцатое столѣтіе. Извѣстія изъ Китая далеко не успокоительны для европейскаго *концерта*, въ которомъ, къ счастью, мы не принимаемъ большого участія. Посылаются во внутрь Китая «карательныя» военныя экспедиціи, ведутся переговоры о мирѣ, но дѣло успокоенія мало подвигается впередъ.

Россія не можетъ совершенно покинуть своихъ европейскихъ товарищей. Представимъ себѣ, что сильная китайская армія отрѣжетъ Пекинъ отъ Тьянзина и Таку; русскимъ войскамъ въ такомъ случаѣ пришлось бы идти на выручку. Это было бы въ высшей степени печально, но въ нравственно-политическомъ смыслѣ необходимо.

Правда, есть у насъ, какъ уже отмѣчалось въ *Русской Мысли*, публицисты, проповѣдующіе союзъ Россіи, Китая и Турціи (особенно отличается въ этомъ отношеніи г. Суворинъ), но ни одинъ серьезный человѣкъ,—къ какому бы направленію онъ ни принадлежалъ,—не присоединится къ *идеѣ* подобнаго *тройственнаго союза*.

Менѣе чудовищно предложеніе союза двойственнаго,—нашего отечества съ Китаемъ, которое дѣлается княземъ Эсперомъ Ухтомскимъ, редакторомъ *Петербургскихъ Вѣдомостей*. Онъ собралъ свои статьи о китайскомъ вопросѣ въ брошюру *Къ событіямъ въ Китаѣ, объ отношеніяхъ Запада и Россіи къ Востоку*. Мы сказали, что его «мысль» менѣе чудовищна, чѣмъ «мысль» г. Суворина, но чудовищна и она въ достаточной степени.

Въ брошюрѣ кн. Ухтомскаго есть часть пророческая. Предсказанія не оправдались. «Думать,—пишетъ авторъ,—что Индія останется вполнѣ спокойной, когда половина родного ей материка заговоритъ, нѣтъ никакого основанія. Скорѣе къ осени случится наоборотъ, и англичанамъ, право, слѣдуетъ быть тамъ болѣе настороже, чѣмъ на пячжилійскомъ побережьи и въ бассейнѣ Янъ-цзы-цзяна».

Осень прошла, наступилъ декабрь, и Индія осталась спокойной...

Мы согласны, что европейскія державы поступали съ Китаемъ вес[illegible] несправедливо, что корысть и насиліе играли въ этихъ отношеніяхъ огр[illegible] ную роль; но, по нашему мнѣнію, искаженіемъ истины является утверж[illegible] ніе кн. Ухтомскаго, что мы были въ этомъ отношеніи совсѣмъ безъ гр[illegible]

Впрочемъ, покончимъ прежде съ Индіей. По мнѣнію редактора *Петербургскихъ Вѣдомостей*, «наше прошлое и прошлое самой типичной восточной страны (Индіи) до мелочей сходны и родственны, одинаково смутны и печальны въ матеріальномъ отношеніи, въ совершенно равной мѣрѣ заключаютъ въ себѣ залогъ обновленнаго будущаго и увѣренной борьбы за свои исконныя права».

Изумленный читатель желаетъ, конечно, доказательствъ. Ихъ нѣтъ (нѣсколько легендъ и анекдотовъ не могутъ, по меньшей мѣрѣ, служить доказательствомъ). Зато есть противоположное: «Тамъ, за Алтаемъ и за Памиромъ,—читаемъ мы въ брошюрѣ, — та же неоглядная, *неизслѣдованная*, никакими еще мыслителями не сознанная допетровская Русь (?!) съ ея непочатой ширью преданія и неизсякающей любовью къ чудесному, съ ея смиренной покорностью насылаемымъ за грѣховность стихійнымъ и прочимъ бѣдствіямъ, съ отпечаткомъ, наконецъ, строгаго величія на всемъ своемъ духовномъ обликѣ».

На слѣдующей же страницѣ авторъ, увѣряющій насъ, что наше прошлое и прошлое Индіи «до мелочей сходны и родственны», говоритъ такимъ образомъ: «Хотя на первый взглядъ очень трудно уловить между Россіей и Индіей что-нибудь общее въ историческомъ отношеніи, а тѣмъ болѣе представляется невозможнымъ проводить между столь далекими и, повидимому, столь неоднородными странами основанную лишь на нѣкоторыхъ крайне любопытныхъ фактахъ параллель,—тѣмъ не менѣе намѣтить ее, рано или поздно, кому-нибудь все равно надо: поэтому именно русскому особенно интересно привести подобныя мысли въ извѣстную связь».

Непріятно видѣть, что подававшій большія надежды публицистъ столь легкомысленно относится къ очень важнымъ международнымъ вопросамъ.

Дальше—еще хуже. «Разъ что—говоритъ кн. Ухтомскій,—понятія «Россія» и «Востокъ»,—подразумѣвая подъ послѣднимъ совокупность культурныхъ особенностей ислама, браманизма, буддійскихъ развѣтвленій, конфуціанства и т. п.,—поставлены будутъ исторіософами въ одну органически цѣльную грушу жизненно стойкихъ народовъ,—ихъ одинаково рѣзкое отличіе отъ западныхъ націй съ ихъ минувшимъ и настоящимъ ясною истиной мало-по-малу выяснится всякому безпристрастному наблюдателю»,

«Азія, *строго говоря* (!),—возвѣщаетъ нашъ политикъ,—въ полномъ объемѣ есть та же Россія» (!).

Затѣмъ начинаются неумѣстныя публицистическія шутки: «Вторженіе въ чужой замысловатый строй, эксплоатація Азіи во славу жалкихъ эгоистическихъ предубѣжденій современнаго soit-disant образованнаго человѣчества намъ претила. Мы слишкомъ двѣсти лѣтъ оставались дома, — ибо нельзя называть естественное сліяніе съ Туркестаномъ и Приамурьемъ политическими захватами,—мы оставались дома съ традиціонною безпечностью и могучей лѣнью, пока Тихій океанъ становился ареной западно-европейскаго натиска на туземцевъ со старинымъ устройствомъ и несомнѣнною культурой».

Утверждая мнимое тождество русскихъ и китайскихъ государственныхъ

и народныхъ началъ, восхваляя за это Китай, кн. Ухтомскій признаетъ однако царство богдыхановъ политически дряхлымъ (стр. 41). Не любезно это, въ его истолкованіи, по отношенію къ нашему отечеству, но тутъ нѣтъ никакой обмолвки. Черезъ шесть страницъ мы читаемъ: «когда пришлось познать новыхъ и на этотъ разъ крайне опасныхъ враговъ (европейцевъ), дряблое состояніе воли и чувствъ у самодовольнаго китайскаго правительства помѣшало ему уяснить себѣ правду относительно собственной отсталости. Оно продолжало и продолжаетъ смотрѣть на себя какъ на центръ земли, неподготовленное понести кару за столь трогательное самоослѣпленье».

Застой кн. Ухтомскій считаетъ *вполнѣ разумнымъ и нормальнымъ для государства, которое прожило не мало вѣковъ* (стр. 58). Вмѣстѣ съ тѣмъ, при всѣхъ великолѣпнѣйшихъ особенностяхъ китайской государственной жизни, обнаружилась *безпомощность центральнаго правительства* (стр. 64). И спасать Китай должна Россія!

Азія, по словамъ кн. Ухтомскаго, насъ крушила и насъ *обновляла* (!), въ государственномъ смыслѣ, въ нашихъ политическихъ идеалахъ...

Мы горячо протестуемъ противъ этого утвержденія: вліяніе Азіи на Россію, на христіанское и европейское государство, могло быть только пагубнымъ. Къ счастію, оно вовсе не такъ велико, какъ живописуетъ князь Ухтомскій, и мы быстро вступаемъ полноправнымъ членомъ въ европейскую культурную жизнь.

«Побѣдитель» фельдмаршалъ Робертсъ выѣхалъ изъ южной Африки въ Англію, гдѣ его ожидаютъ восторженныя встрѣчи, а новый главнокомандующій, прославившійся своею жестокостью въ Египтѣ, лордъ Китчинеръ сообщаетъ о пораженіяхъ, которыя буры наносятъ англичанамъ. Война не кончена, и она безславна для британской монархіи, ведущей ее съ варварскою жестокостью. Президентъ Крюгеръ при его высадкѣ въ Марсели, на пути въ Парижъ, и въ самомъ Парижѣ былъ предметомъ восторженныхъ овацій. Его принялъ президентъ республики и немедленно отдалъ ему визитъ. Затѣмъ Крюгеръ думалъ отправиться въ Берлинъ, но въ Кёльнѣ получилъ увѣдомленіе, что не будетъ принятъ германскимъ императоромъ. Населеніе знаменитаго прирейнскаго города устраивало въ честь президента трансваальской республики сочувственныя манифестаціи, которымъ всячески препятствовала полиція. Еще болѣе горячій пріемъ встрѣтилъ Крюгера въ Голландіи, гдѣ онъ былъ принятъ королевой Вильгельминой и министрами.

Въ германскомъ парламентѣ былъ сдѣланъ запросъ, почему Крюгеръ получилъ отказъ въ аудіенціи императора. Имперскій канцлеръ въ пространной рѣчи отрицалъ въ данномъ случаѣ всякое воздѣйствіе со стороны Анг[лии] и объяснялъ отказъ общими условіями международнаго положенія Герман[іи]. Графъ Бюловъ признавалъ сильное теченіе въ пользу буровъ въ нѣм[ецкомъ] народѣ, но доказывалъ, что правительство не можетъ руководит[ься] временными популярными движеніями. Германія ни въ какомъ случаѣ [не] приметъ на себя починъ вмѣшательства въ войну между Великобрита[ніей]

и южно-африканскими республиками, и поэтому свиданіе Крюгера съ императоромъ не могло имѣть никакого практическаго послѣдствія.

Къ этимъ соображеніямъ слѣдуетъ прибавить еще одно: сочувственныя бурамъ манифестаціи во Франціи и Голландіи раздражаютъ англійское общественное мнѣніе; сближенію Германіи съ Англіей былъ бы нанесенъ сильный ударъ такими же демонстраціями въ Германіи, въ особенности пріемомъ Крюгера императоромъ или канцлеромъ. Всего вѣроятнѣе поэтому, что поѣздка Крюгера въ Европу не принесетъ пользы дѣлу буровъ. Надежду на заступничество онъ можетъ питать только по отношенію къ одному государю Европы, но обстоятельства такъ складываются, что и этой надеждѣ едва ли суждено осуществиться. Несправедливая и жестоко веденная война закончится торжествомъ побѣдителя. Остается пожелать, чтобы постоянная международная коммиссія въ Гаагѣ, куда державы уже назначили представителей, предотвратила подобныя событія въ будущемъ.

Прибавимъ нѣсколько свѣдѣній объ иберо-американскомъ или испано-американскомъ конгрессѣ, который происходилъ въ Мадридѣ въ ноябрѣ истекающаго года.

Конгрессъ былъ открытъ подъ предсѣдательствомъ испанскаго министра иностранныхъ дѣлъ, въ присутствіи другихъ министровъ, папскаго нунція и многихъ представителей политическаго и литературнаго міра. Въ конгрессѣ приняли участіе слѣдующія американскія государства: Аргентина, Колумбія, Коста-Рика, Чили, Экуадоръ, Гватемала, Гондурасъ, Никорагуа, Мексика, Парагвай, Перу, Сальвадоръ, Санъ-Доминго, Уругвай и Венецуэла. Во главѣ делегацій отъ государствъ стоятъ по большей части ихъ посланники и генеральные консулы въ Испаніи. Почетныхъ президентовъ 22, между которыми находятся Сильвела, Сагаста, Эчагараи, Нуньесъ де-Арсе, Пи-и-Миргалль и др. Вице-президентовъ 8 (въ числѣ ихъ Мадуэньо, редакторъ-издатель *El Mundo Latino*). Конгрессъ раздѣляется на слѣдующія секціи: 1) политической экономіи и торговыхъ сношеній, 2) пассажирскаго и торговаго движенія, почтъ, телеграфовъ и постоянныхъ выставокъ, 3) банковыхъ и биржевыхъ сношеній и вопросовъ образованія, 4) наукъ и литературы, 5) юриспруденціи и законодательства, 6) третейскаго суда и печати.

Съ того момента, какъ Испанія въ несчастной войнѣ съ Соединенными Штатами потеряла свои колоніи, исчезнулъ послѣдній поводъ къ непріязни и недовѣрію къ ней со стороны колоній, а теперь южно-американскихъ республикъ. Сказались племенное родство и стремленіе оградить себя отъ сѣверо-американскаго (англо-саксонскаго) имперіализма.

Англо-саксовъ считается 115 милліоновъ, испанцевъ Европы и Америки—50 милліоновъ (кромѣ того португальцевъ 15 милліоновъ). Объединеніе иберо-американской расы составитъ поэтому крупную силу въ нравственномъ, политическомъ и экономическомъ отношеніи. Ораторы на конгрессѣ настаивали и на идейномъ, и на практическомъ значеніи съѣзда представителей одиннадцати государствъ. На закрытіи конгресса Море, бывшій ми-

нистромъ въ либеральномъ испанскомъ кабинетѣ, при горячемъ одобреніи присутствовавшихъ, говорилъ, что горе не побѣжденнымъ, а одинокимъ.

И на конгрессѣ, и въ испанской и французской печати, которая внимательно слѣдила за конгрессомъ, высказывалась мысль о необходимости сближенія латинской расы вообще въ миролюбивыхъ и культурныхъ цѣляхъ. Этимъ былъ бы созданъ противовѣсъ англо-американо-германской мощи; но если принять во вниманіе, что Италія давно уже вовлечена въ тройственный союзъ, что Португалія совершенно подчиняется Англіи, то такую мысль будетъ правильнѣе назвать мечтою. Въ самой Испаніи испытанный ею военный погромъ не многому научилъ правителей. Для того, чтобы въ дѣйствительности занять почетное и вліятельное мѣсто по отношенію къ южно-американскимъ республикамъ, необходимо ихъ бывшей метрополіи приступить къ широкимъ внутреннимъ реформамъ. Жизнь испано-американскихъ республикъ течетъ также далеко неправильно, мятежи и междуусобія губятъ благосостояніе многихъ изъ нихъ.

По поводу предложенія делегата Перу объ учрежденіи постояннаго и обязательнаго третейскаго суда между всѣми испано-американскими государствами съ энергичнымъ возраженіемъ выступилъ представитель Чили. Это объясняется тѣмъ, что Чили отнюдь не желаетъ отказаться отъ своихъ захватовъ въ ущербъ Перу и Боливіи. Плохое предзнаменованіе для успѣшнаго хода дѣла.

Конгрессъ избралъ постоянный исполнительный комитетъ, который долженъ подготовить второй конгрессъ. Интересно прибавить, что на будущій годъ въ Мексико соберется второй пан-американскій конгрессъ, на которомъ будутъ участвовать представители всѣхъ американскихъ государствъ и гдѣ преобладающая роль будетъ, конечно, принадлежать Сѣверо-Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ. Какъ въ такомъ случаѣ представители южно-американскихъ республикъ согласуютъ постановленія будущаго конгресса съ постановленіями мадридскаго,—представляется загадочнымъ.

Въ Австріи начались выборы въ парламентъ. Въ Галиціи и Буковинѣ не произошло измѣненій. Преобладающее, господствующее даже положеніе сохранили за собою поляки. Газеты сообщаютъ, что при этомъ опять было пущено въ ходъ сильное административное давленіе.

До сихъ поръ существуетъ увѣренность, что и новый парламентъ окажется неработоспособнымъ, вслѣдствіе непримиримаго раздора партій. Ни нѣмцы-централисты, ни чехи-автономисты ни въ чемъ не измѣняютъ своихъ противоположныхъ требованій.

Весьма важное значеніе будетъ имѣть роль, которую приметъ на себя польскій парламентскій клубъ. Одинъ уже разъ этотъ клубъ, руководимый Яворскимъ, отдалился отъ чеховъ. Повидимому, онъ и теперь имѣетъ въ виду подобную возможность. Нѣкоторые изъ польскихъ политическихъ дѣятелей настаиваютъ на томъ, чтобы, хотя бы и вопреки чехамъ, образовать въ рейхсратѣ работоспособное большинство, безъ политической програ[illegible].

Они ссылаются на то, что бездѣйствіе парламента пагубно отражается на экономическомъ развитіи страны и угрожаетъ самому существованію въ Австріи конституціоннаго образа правленія. Но главнымъ образомъ тутъ дѣйствуетъ опасеніе, какъ бы въ результатѣ чешской обструкціи не пострадали польскіе интересы. Чехи стремятся получить въ Богеміи и Моравіи то, чѣмъ поляки давно уже пользуются въ Галиціи, и поддержать ихъ было бы дѣломъ справедливости.

Германская печать отмѣчала злоупотребленія при выборахъ въ Галиціи. *Frankfurter Zeitung* сообщаетъ, что администрація производила противозаконные аресты, безъ всякаго основанія запрещала выборныя собранія, и т. д. *Frankfurter Zeitung* говоритъ, что шляхта, партія станчиковъ, не только круто распоряжается въ Галиціи, но играетъ главную роль и во всей Цислейтаніи вслѣдствіе того, что правительство видитъ въ ней опору монархіи.

Кабинетъ Вальдека-Руссо отразилъ всѣ нападенія реакціонныхъ партій. Палата депутатовъ приняла правительственный проектъ амнистіи. Совершенно естественно желаніе правительства не возобновлять злополучнаго *дѣла;* но не менѣе естественъ протестъ противъ амнистіи со стороны лицъ, вовсе не признающихъ себя виновными. *Дѣло* еще не покончено поэтому.

Франція переходитъ въ двадцатый вѣкъ и съ трудными колоніальными задачами въ Африкѣ и въ Индо-Китаѣ. Но нѣкоторые признаки,—въ томъ числѣ продолжительное существованіе кабинета Вальдека-Руссо,—указываютъ на благопріятный поворотъ въ общественно-политической жизни страны.

В. Г.

Письма о современномъ искусствѣ.

X.

Столѣтіе со дня рожденія П. С. Мочалова.—Юбилейный спектакль въ Маломъ театрѣ (*Горе отъ ума*).—Бенефисъ г. Правдина (*Отжитое время*, др. А. В. Сухово-Кобылина).—Прощальный бенефисъ г-жи Уманецъ-Райской (*Таланты и поклонники*, А. Н. Островскаго).—Бенефисъ г-жи Лешковской (*Выгодное предпріятіе*, ком. А. Потѣхина).—Художественно-Общедоступный театръ (*Когда мы, мертвые, пробуждаемся*, др. Г. Ибсена).—Художественныя выставки въ 1900 году и „новыя" направленія въ живописи.—Памяти пейзажистовъ Айвазовскаго и Левитана. — Изданія по искусству.—Художественные журналы *Міръ Искусства* и *Искусство и Художественная Промышленность*.

Театральный сезонъ вступилъ въ свои права... Иначе положительно нельзя начать настоящей бесѣды. Помилуйте, юбилейное торжество, три бенефиса въ Маломъ театрѣ, изъ которыхъ одинъ, къ сожалѣнію, прощальный, и, наконецъ, постановка послѣдней драмы Г. Ибсена на сценѣ Художественнаго театра.

Судя по сообщеніямъ петербургскихъ газетъ, Мочаловскія торжества въ Петербургѣ отличались значительно бо́льшимъ блескомъ. Торжественное засѣданіе театральнаго Общества, цѣлый рядъ рѣчей, привѣтствій, телеграммъ. Наконецъ, и самый спектакль носилъ болѣе юбилейный характеръ, чѣмъ въ Москвѣ. Въ Петербургѣ поставлены были отрывки изъ нѣсколькихъ, теперь уже ушедшихъ въ архивъ пьесъ, въ которыхъ такъ великъ былъ Мочаловъ.

Въ Москвѣ торжество началось утромъ на могилѣ великаго артиста, куда собрались, однако, далеко не всѣ представители московскихъ театровъ. Были большею частью артисты Малаго театра и очень немногіе представители частныхъ театровъ. Почему это? Неужели потому, что Мочаловъ [ну]жилъ на сценѣ Малаго театра? Подальше, подальше подобныя мысли. Не умѣютъ у насъ, что ни говорите, чтить память умершихъ. На могилѣ Мочалова, послѣ молебствія, панихиды и возложенія на памятникъ вѣнк[овъ], сказалъ рѣчь лишь А. И. Южинъ. Прекрасную, сильную рѣчь сказ[алъ] талантливый артистъ, глубоко-правдивую. Онъ говорилъ о завѣтахъ Мо-

чалова—вѣчномъ стремленіи къ правдѣ русской сцены, говорилъ и о второмъ завѣтѣ Мочалова—объ охраненіи достоинства русскаго актера, какъ дѣятеля. Увы, Мочаловъ испыталъ на себѣ всю тяжесть того взгляда на артиста, который властно царилъ у насъ 50 лѣтъ тому назадъ. «Во времена Мочалова право было скорѣе фикціей, чѣмъ понятіемъ»,—сказалъ далѣе г. Южинъ. Съ этимъ, я думаю, мы всѣ безусловно согласны. И вотъ эту-то «фикцію» права, другими словами безправіе, произволъ—вотъ что вынесъ на своихъ богатырскихъ, правда, но все же глубоко болѣвшихъ плечахъ Мочаловъ. И если Мочаловъ всетаки до конца оставался великимъ Мочаловымъ, кумиромъ русскаго общества, то лишь потому, что геній Мочалова побѣждалъ и обезоруживалъ безправіе.

Если мы посмотримъ, какимъ почетомъ, какимъ глубокимъ уваженіемъ пользуются у насъ сценическіе дѣятели въ настоящее время, то мы съ облегченнымъ сердцемъ должны вздохнуть и сказать: слава Богу, время Мочалова—«отжитое время».

Одно лишь мѣсто въ рѣчи А. И. Южина нѣсколько смутило меня (оговариваюсь, цитирую его по *Новостямъ Дня*, въ которыхъ только и появилась рѣчь г. Южина). «Не умираетъ жизнь,—сказалъ ораторъ,—и явится равный по силѣ сценическій талантъ, но не явится, да и нѣтъ надобности, чтобы явился—другой указатель пути, по которому должны идти сценическіе дѣятели». Что хотѣлъ сказать А. И. Южинъ этой фразой? Что завѣтъ Мочалова—«вѣчное стремленіе къ правдѣ русской сцены»—является тѣмъ указателемъ пути, по которому должны слѣдовать дѣятели сцены?

Если такъ, то спорить, разумѣется, не приходится, но остается еще открытымъ весьма большой вопросъ, какъ осуществить на дѣлѣ это стремленіе. Мочаловъ осуществилъ его своимъ геніемъ, но не всѣ же артисты—Мочаловы. Мнѣ кажется, и думаю я, что не ошибаюсь, г. Южинъ имѣлъ въ виду въ приведенной части его рѣчи сказать нѣчто иное, чѣмъ то объясненіе, которое я привелъ. И кажется это мнѣ такъ изъ сопоставленія приведенной мною мысли оратора съ другой рѣчью, сказанной имъ же въ Ярославлѣ въ дни волковскихъ торжествъ. Въ этой рѣчи А. И. Южинъ говорилъ между прочимъ о созданіи русскаго національнаго театра, того театра, «основу которому положилъ Фонъ-Визинъ, Грибоѣдовъ, Гоголь, Островскій, *Мочаловъ*, Щепкинъ, Садовскій, Мартыновъ, того театра, которому чужды будутъ *всѣ пошлыя искаженія и искривленія, вызываемыя модой и извращенными, пресыщенными вкусами меньшинства*».

Мнѣ кажется, въ приведенномъ мѣстѣ рѣчи въ честь Волкова и въ ранѣе приведенномъ мѣстѣ рѣчи въ честь Мочалова звучитъ одна и та же нота: «*Но не явится, да и нѣтъ надобности, чтобы явился другой указатель пути*»,—говоритъ г. Южинъ.

Не слишкомъ ли безапелляціонно осуждаетъ ораторъ всѣ новыя, переживаемыя нами попытки русскихъ же сценическихъ дѣятелей осуществить «правду русской сцены» нѣсколько иными путями, чѣмъ тѣ, которыми шли сценическіе дѣятели до послѣдняго времени? Вѣдь, можетъ быть, ищутъ-то

они, эти «новаторы», новыхъ путей именно потому, что геніи рождаются столѣтіями и что нельзя всю отвѣтственность за достиженіе этой «правды» взваливать на плечи геніальныхъ артистовъ. Когда-то они придутъ! А что же дѣлать всей громадной русской семьѣ артистическихъ силъ, неужели, ставъ на одну точку, считать эту точку альфой и омегой «правды русской сцены?»

Вечернее торжество въ честь Мочалова въ Маломъ театрѣ мало чѣмъ отличалось и по программѣ, и по исполненію отъ обычныхъ программъ подобныхъ торжествъ. Предъ началомъ спектакля И. И. Ивановъ произнесъ вступительное слово, въ которомъ провелъ оригинальную, правда, но нѣсколько искусственную параллель между Чацкимъ-аристократомъ и Чацкимъ-плебеемъ Мочаловымъ. Затѣмъ шло «Горе отъ ума» съ лучшими артистическими силами Малаго театра. Нужно ли говорить объ исполненіи? Нужно, потому что оно было далеко не такимъ, какимъ по праву мы могли бы его ожидать. И въ особенности поразилъ меня конецъ третьяго акта безсмертной комедіи. Какъ всѣмъ извѣстно, онъ заканчивается слѣдующими заключительными словами горячаго монолога Чацкаго:

Кто недругъ выписныхъ лицъ, вычуръ, словъ кудрявыхъ,
Въ чьей, по несчастью, головѣ
Пять, шесть найдется мыслей здравыхъ,
И онъ осмѣлится ихъ гласно объявлять—

Глядь...

Чацкій оглядывается, всѣ въ вальсѣ кружатся съ величайшимъ усердіемъ. Старики разбрелись къ карточнымъ столамъ.

Такъ должно быть. Но не такъ заканчивается дѣйствіе на сценѣ нашего Малаго театра. Чацкій—г. Южинъ горячо произноситъ приведенныя слова. «Глядь...» Чацкій—г. Южинъ оборачивается и видитъ *пустую залу*. Да, совершенно пустую залу! И занавѣсъ не падаетъ. Чацкому—г. Южину ничего не остается, какъ уйти, и онъ уходитъ. И только послѣ его ухода раздаются звуки менуэта, и по парамъ выходятъ, подплясывая, всѣ дѣйствующія лица комедіи. Въ первой парѣ г. Ленскій—Фамусовъ съ г-жей Садовской—графиней Хрюминой, далѣе, кажется, г-жа Ѳедотова—Хлестова съ г. Худолѣевымъ—Молчалинымъ, г-жа Яблочкина—Софья съ г. Рыбаковымъ — Скалозубомъ, г. Тапановъ — князь Тугоуховскій, и т. д. Два раза описываютъ они, подплясывая, кругъ, и только тогда падаетъ занавѣсъ и скрываетъ отъ насъ, наконецъ, окарикатуренный финалъ 3-го дѣйствія «Горя отъ ума!» Sapienti sat! Думаю, читатели не потребуютъ отъ меня дальнѣйшаго анализа разсказаннаго мною факта, они сами сдѣлаютъ должный выводъ и произнесутъ свой безпристрастный приговоръ. Мнѣ искренне жаль было г. Южина—Чацкаго, горячо сказавшаго прекрасный свой монологъ 3-го дѣйствія. Его красивый жестъ, которымъ онъ заканчиваетъ этотъ монологъ, совершенно пропалъ, ибо Чацкому «разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ» пришлось констатировать, вмѣсто разъѣзда свѣтскаго бала, холодную пустоту и уйти, поскорѣе уйти... за кулисы!

Изъ исполнителей вполнѣ безукоризненны были лишь г. Южинъ—Чацкій, г-жа Турчанинова—Лиза и г-жа Ѳедотова—Хлестова. Очень умно прочиталъ роль Репетилова г. Ѳедотовъ. Игра всѣхъ остальныхъ исполнителей отличалась болѣе или менѣе существенными недочетами. А. П. Ленскій несомнѣнно утрируетъ образъ Фамусова; отъ такого крупнаго артиста, казалось бы, меньше всего можно было ожидать именно утрировки. Г. Рыбаковъ въ роли Скалозуба очень живописенъ съ внѣшней стороны: совершенно безцвѣтенъ г. Худолѣевъ въ роли Молчалина. Какъ это ни странно, но «Горе отъ ума» на сценѣ Малаго театра идетъ безъ Загорѣцкаго, ибо нельзя же въ самомъ дѣлѣ считать Загорѣцкимъ г. Васенина, изображающаго какого-то учителя танцевъ.

По окончаніи спектакля состоялось торжество въ честь Мочалова. На сценѣ, окруженный пальмами и лаврами, стоялъ извѣстный портретъ Мочалова, изображающій трагика въ роли Мейнау въ драмѣ «Ненависть къ людямъ и раскаяніе». Скорбный взоръ великаго артиста царилъ надъ всей зрительной залой. Нѣмые уста его какъ будто шептали: «Сердце мое подобно давно засыпанной могилѣ. Пусть истлѣваетъ то, что въ ней сокрыто». А къ подножію портрета несли вѣнки и вѣнки, и скоро вокругъ Мочалова образовалось живое море зелени... Оркестръ игралъ «Славу», и сердце всѣхъ присутствующихъ трепетно сжималось... Геній великаго артиста какъ бы виталъ надъ нами, и вслѣдъ за скорбными словами Мейнау мы, казалось, слышали бодрящій призывъ Мочалова своимъ товарищамъ по искусству: «Любите правду,—говорилъ онъ имъ, — любите беззавѣтно родное искусство. Не замыкайтесь въ неприступныя твердыни себялюбія, не отвергайте новыхъ путей, если эти пути ведутъ васъ къ познанію той же дорогой вамъ правды. Не умираетъ жизнь, и люди неустанно ищутъ новыхъ условій болѣе совершеннаго бытія. Такъ и въ искусствѣ—не бойтесь новыхъ теченій, соединитесь всѣ въ общей дружной работѣ, ибо всѣми вами руководитъ одно высшее начало—стремленіе къ правдѣ!»

О трехъ бенефисахъ въ Маломъ театрѣ можно ограничиться немногими словами. Для этихъ бенефисовъ возобновлены были три старыя и всѣмъ извѣстныя драмы русскаго репертуара.

Положимъ, взяточничество безсмертно, и въ этомъ смыслѣ драма А. И. Сухово-Кобылина можетъ быть названа вполнѣ современной драмой. Но измѣнились пріемы взяточничества, измѣнилась та атмосфера, въ которой жили, страдали и умирали люди сороковыхъ годовъ дореформенной Руси. Автору, свидѣтелю этой эпохи, нетрудно было, благодаря его таланту, яркими чертами набросать типы темныхъ дѣльцовъ 40-хъ годовъ. Гораздо труднѣе задача современныхъ артистовъ возсоздать предъ современнымъ зрителемъ картину этого «отжитого времени». Много ли среди этихъ зрителей осталось такихъ лицъ, которыя могли бы засвидѣтельствовать намъ: «да, это такъ, вотъ именно такіе Варравины, Тарелкины, Герцы, Шерцы Шмерцы дѣйствовали въ то, слава Богу, прошедшее время».

Поэтому-то возобновленіе такой комедіи, какъ «Отжитое время», на сценѣ,—комедіи, несомнѣнно, имѣющей большой литературно-историческій интересъ,—является для насъ достаточно-таки непонятнымъ. Могутъ ли современные артисты воплотиться въ эти типы отжитого времени, поймемъ ли мы, зрители, оцѣнимъ ли мы ихъ артистическій трудъ? Конечно, то вѣчно-человѣческое, что живетъ и въ душѣ какого-нибудь Варравина или Тарелкина, можетъ быть болѣе или менѣе художественно изображено артистомъ. Но будетъ ли плодотворна такая артистическая задача? Вотъ тѣ мысли, которыя невольно приходили мнѣ въ голову, когда я, не безъ нѣкотораго насилія воли, внимательно слѣдилъ за перипетіями наивной драмы, переживаемой Муромскимъ, его дочкой Лидочкой, Атуевой, Нелькинымъ и крестьяниномъ Иваномъ Сидоровымъ. А исполненіе комедіи было прямо-таки прекрасное. Г. Ленскій въ роли помѣщика Муромскаго былъ трогателенъ до слезъ, г. Макшеевъ, изображавшій Ивана Сидорова, возвелъ его на степень идеальнѣйшаго мужика-управляющаго. Превосходны были и представители «темнаго» царства взяточничества и въ особенности г. Рыбаковъ, который сумѣлъ даже въ трясучую походку правителя дѣлъ «департамента мздоимства» Варравина вложить столько подлости, что зрители должны были искренно ненавидѣть этого ненасытнаго паука и сверхъ-взяточника. Чрезвычайно выдержанно и даже стильно провелъ роль князя г. Айдаровъ. Присущая артисту деревянность тона и движеній здѣсь, въ роли князя, оказалась какъ разъ на мѣстѣ, и обликъ князя—главнаго заправилы взяточнаго царства—вышелъ очень удачнымъ. Слабѣе другихъ былъ г. Правдинъ въ роли Тарелкина, а между тѣмъ изъ всѣхъ лицъ драмы это единственное лицо, сохранившее жизнь и понынѣ. Мелкая зависть къ богатымъ и знатнымъ, пресмыканіе и подличаніе передъ ними, мучительное желаніе ухватить и для себя кусокъ жирнаго пирога, съ тѣмъ, чтобы, разбогатѣвъ, изъ пресмыкающихся стать въ ряды тѣхъ, предъ которыми пресмыкаются—таковъ Тарелкинъ, и такихъ Тарелкиныхъ вы встрѣтите и теперь... Г. Правдинъ не сумѣлъ передать всей сложной и вмѣстѣ съ тѣмъ подлой гаммы ощущеній, чаяній, ожиданій и обманутыхъ надеждъ, которыми волнуется душа Тарелкина. А въ послѣднемъ дѣйствіи, когда Тарелкинъ, вотъ-вотъ достигшій своей завѣтной мечты—разбогатѣть, видитъ себя обойденнымъ, обманутымъ болѣе хитрыми и наглыми подлецами, г. Правдинъ впалъ въ мелодраматическій тонъ и, все повышая и повышая голосъ, послѣднія слова своей роли уже не говорилъ, а хрипѣлъ...

Второй бенефисъ былъ бенефисомъ прощальнымъ. Прощалась не только съ московской публикой, но и съ театромъ г-жа Уманецъ-Райская, 18 лѣтъ прослужившая на сценѣ Малаго театра. Послѣдніе годы намъ рѣдко приходилось видѣть артистку. Потому ли, что она была больна, потому ли, что дирекція не находила для нея подходящихъ ролей—не знаю. А въ это была талантливая, хорошая артистка, но она имѣла счастье и вмѣстѣ съ тѣмъ несчастье служить вмѣстѣ съ Ѳедотовой, Ермоловой, Никулиной въ то самое время, когда Москва восхищалась полнымъ расцвѣтомъ тала

этихъ трехъ большихъ артистокъ. И въ яркомъ свѣтѣ таланта ихъ невольно блѣднѣлъ огонекъ таланта г-жи Уманецъ-Райской. Настала для артистки тяжелая минута прощанья со сценой, и эта минута опять-таки—и теперь уже въ послѣдній разъ—была омрачена все тѣмъ же роковымъ для артистки ея затменіемъ свѣтиломъ болѣе яркимъ. Въ этотъ вечеръ, послѣ долгаго, почти трехмѣсячнаго отсутствія, возвратилась на сцену Малаго театра М. Н. Ермолова. Естественно, что публика, переполнившая театръ, должна была дѣлить свои симпатіи между прощавшейся съ ней артисткой и возвратившейся ея любимицей. И обвинять публику въ томъ, что она восторженно привѣтствовала г-жу Ермолову, что аплодисменты по адресу любимой артистки, быть можетъ, были сильнѣе и горячѣе, чѣмъ по адресу бенефиціантки, положительно нельзя. Только тогда восторгъ публики и дорогъ, и понятенъ, если онъ выражается искренно, безъ заранѣе обдуманнаго намѣренія. Нельзя обвинять публику и въ томъ, что она возращеніе любимой артистки пожелала отмѣтить цвѣточными подношеніями. Но неужели нельзя было, наприм., пріуготовленныя М. Н. Ермоловой подношенія передать ей *послѣ* прощальнаго чествованія на сценѣ г-жи Уманецъ-Райской? Получились бы двѣ совершенно самостоятельныя картины: чествованіе покидающей сцену артистки и вслѣдъ за этимъ чествованіе славной артистки, возвращающейся въ свой театръ послѣ трехмѣсячнаго отсутствія. Между тѣмъ распорядители устроили такъ: подаютъ вѣнокъ г-жѣ Уманецъ-Райской. И сейчасъ же—вѣнокъ г-жѣ Ермоловой. Корзину цвѣтовъ г-жѣ Уманецъ-Райской. *Двѣ* корзины цвѣтовъ г-жѣ Ермоловой. Еще лавровый вѣнокъ г-жѣ Уманецъ-Райской. *Серебряный* вѣнокъ г-жѣ Ермоловой... Въ бенефисъ г-жи Уманецъ шли «Таланты и поклонники» А. Н. Островскаго. Исполненіе этой комедіи артистами Малаго театра извѣстно и говорить о немъ врядъ ли приходится. Одно лишь жаль, что комедіи А. Н. Островскаго, неизмѣнно пользующіяся любовью публики, идутъ на сценѣ Малаго театра при все болѣе и болѣе ветшающей обстановкѣ и ветшающихъ декораціяхъ.

Перехожу къ третьему бенефису—театральнымъ именинамъ г-жи Лешковской. Талантливая артистка остановилась на старой и достаточно забытой комедіи А. Потѣхина «Выгодное предпріятіе» и въ этой комедіи выбрала себѣ роль старшей дочери помѣщика Квашнина—Ольги, дѣвицы, всѣ помыслы которой сосредоточены на одномъ: какъ бы поскорѣе выйти замужъ. Влюбиться она готова въ каждаго, лишь бы онъ явился въ домъ ея родителей съ титуломъ «жениха». Изображеніе такого характера не требуетъ большой артистической работы, въ особенности со стороны такой большой артистки, какъ г-жа Лешковская. Конечно, сыграла она роль Ольги Квашниной великолѣпно, съ нѣкоторымъ, правда, оттѣнкомъ шаржа, но шаржа вполнѣ допустимаго въ комедіи А. Потѣхина, гдѣ характеры дѣйствующихъ лицъ набросаны нѣсколько грубыми штрихами. Лишняго лавра въ артистическій вѣнокъ таланта г-жи Лешковской исполненіе ею этой роли не вплело, но въ этомъ виновата не артистка, а несомнѣнное оскудѣніе творческой дѣятельности нашихъ драматурговъ. На литературный конкурсъ, устроенный

Литературно-Художественнымъ театромъ въ Петербургѣ, прислано было чуть ли не нѣсколько сотенъ пьесъ, а дѣйствительно талантливыхъ не оказалось ни одной. Что дѣлать? Волей-неволей приходится обращаться къ «возобновленіямъ». Но въ выборѣ такихъ «возобновленій», мнѣ кажется, слѣдуетъ быть очень строгимъ. «Выгодное предпріятіе» далеко не изъ лучшихъ комедій А. Потѣхина. Зачѣмъ же было возобновлять именно эту комедію? Вѣдь она по содержанію является перифразой «Свадьбы Кречинскаго», причемъ всѣ главные характеры комедіи А. Потѣхина, за исключеніемъ развѣ помѣщика Квашнина (Муромскаго въ «Свадьбѣ Кречинскаго»), очерчены куда блѣднѣе, чѣмъ въ знаменитой комедіи А. В. Сухово-Кобылина.

Исполненіе «Выгоднаго предпріятія» было безукоризненнымъ, начиная съ г. Рыбакова, игравшаго роль помѣщика Квашнина съ художественнымъ совершенствомъ, и кончая г-жей Полянской, очень талантливо исполнившей небольшую роль глухой старухи няни.

Характеристика драмы Ибсена «Когда мы, мертвые, пробуждаемся» помѣщена въ мартовской книжкѣ *Русской Мысли* за этотъ годъ. Съ тѣхъ поръ не разъ пришлось мнѣ перечитать и самую драму, не мало прочесть и того, что писали о ней. Наконецъ, 28 ноября, «Когда мы, мертвые, пробуждаемся» поставлены были на сценѣ Художественно-общедоступнаго театра. По поводу этой-то постановки мнѣ и хочется сказать нѣсколько словъ. Постановкой драмы на сценѣ руководитъ Вл. Ив. Немировичъ-Данченко, высказавшій свой взглядъ и свое пониманіе этой драмы въ статьѣ, напечатанной въ сентябрьской книжкѣ *Русской Мысли*. Несомнѣнно, взгляды Вл. И. Немировича-Данченка легли въ основу постановки. Поэтому, говоря о ней, прежде всего приходится разобраться въ основныхъ положеніяхъ талантливаго руководителя Художественнаго театра.

По мнѣнію критика, «наша читающая публика привыкла подходить къ драмамъ Ибсена какъ-то бокомъ», «настраивать себя на особый ладъ, какъ будто собираются разгадывать шарады или рѣшать шахматныя задачи». Далѣе г. Немировичъ проводитъ ту мысль, что Ибсенъ у насъ «разжалованъ изъ художниковъ въ проповѣдники и символисты».

Всѣ эти, не лишенныя яда замѣчанія высказываются критикомъ съ той цѣлью, чтобы подчеркнуть свое трезвое отношеніе къ пониманію творчества Ибсена. Ибсенъ—художникъ-реалистъ,—говоритъ намъ г. Немировичъ. Дѣйствительно, въ такомъ простомъ и категорическомъ опредѣленіи нѣтъ и тѣни рѣшенія какой-либо шарады или шахматной задачи. Вл. Ив. Немировичъ-Данченко какъ будто оказался счастливымъ обладателемъ ключа отъ таинственнаго ларца, который скрытъ въ глубинѣ сер художника Рубека, ларца, въ которомъ схоронены всѣ мечты художи всѣ сокровища его творческой силы. Ему удалось открыть этотъ ларец заглянуть въ самую сокровенную его глубь... Неужели же такъ просто крывался этотъ таинственный ларецъ? Ибсенъ-реалистъ, вотъ вамъ

Ибсенъ. Я не брошу того упрека, который остроумный критикъ бросилъ въ читающую публику, но думается мнѣ, что, стремясь идти прямо, онъ вмѣсто широкой дороги избралъ узкую тропинку, закончившуюся тупикомъ.

Ибсенъ художникъ-реалистъ,—да вѣдь это только одна малая часть всего Ибсена. Рядомъ съ Ибсеномъ-реалистомъ мы видимъ Ибсена-романтика, Ибсена-идеалиста *), Ибсена-философа, Ибсена-психолога, Ибсена-революціонера человѣческаго самосознанія.

Несомнѣнно, основа драмы Ибсена—реализмъ, кто же это когда-либо отрицалъ? Но ограничиться въ пониманіи Ибсена одной только этой стороной многограннаго таланта Ибсена, равносильно стремленію во что бы то ни стало Антея втиснуть въ Прокрустово ложе! И для чего оно нужно? Что даетъ оно намъ для пониманія его драмъ? Уясняетъ ходъ драмы, психологію дѣйствующихъ лицъ? Да вѣдь въ этомъ-то умѣніи въ реальной формѣ передать рядъ отвлеченныхъ мыслей, борьбы идей, высшихъ стремленій человѣческой души и заключается вся мощь творчества Ибсена! Но ради реальной передачи фабулы драмы, неужели нужно отказаться отъ тѣхъ широкихъ философскихъ концепцій, которыя положены въ основу реальнаго дѣйствія? Неужели стремиться понять драму Ибсена, ея духовную мощь, широкій замыселъ драматурга,—это значитъ подходить къ драмѣ Ибсена «какъ-то бокомъ»?

И что же вышло у Вл. И. Немировича-Данченка отъ того, что онъ не бокомъ пошелъ, а—какъ онъ думаетъ—прямо? Несомнѣнно, до неузнаваемости суженная картина драмы душевныхъ страданій Рубека и Ирены. При такомъ «реальномъ» толкованіи остаются совершенно неясными для читателя существеннѣйшія мѣста драмы. Непонятенъ Рубекъ съ его идеей художественной группы «Возстанія изъ мертвыхъ», непонятна Ирена съ ея рѣчами, «въ которыхъ скрытъ какой-то таинственный смыслъ» и которыя ей «кто-то нашептываетъ на ухо». Если не постараться уяснить себѣ идеи Рубека, вложенной имъ въ его статую, совершенно непонятной становится вся драма. Одна же фраза, что Рубекъ, творя «День Воскресенія», служилъ чистому искусству, а затѣмъ бросилъ это служеніе, ничего не объясняетъ.

Но и въ стремленіи своемъ *все объяснить* реальной драмой г. Немировичъ-Данченко допускаетъ одну весьма и весьма существенную неточность, совершенно произвольно измѣняющую одинъ изъ *основныхъ* мотивовъ драмы. Описывая отношенія Рубека къ Иренѣ, г. Немировичъ *предполагаетъ*, что Рубекомъ овладѣли сомнѣнія *въ успѣхѣ* его творенія, на ряду съ тѣмъ, какъ росло его равнодушіе къ Иренѣ. «Смущенный, занятый новыми мыслями, съ поколебавшейся вѣрой въ чистоту той идеи, которой онъ такъ свободно и свято отдавался, *онъ даетъ понять* Иренѣ, что она ему болѣе

*) Идеализму драмъ Ибсена посвящены цѣлыя изслѣдованія, наприм., сочиненіе D. Adalberg v. Hanstein.

не нужна». Такъ говоритъ г. Немировичъ. Но не то совершенно мы видимъ въ драмѣ Ибсена. Что Рубекъ становился по мѣрѣ работы надъ своей статуей все равнодушнѣе къ Иренѣ—совершенно произвольная догадка критика. Рубекъ не былъ влюбленъ въ Ирену. Онъ видѣлъ въ ней лишь чудную модель для олицетворенія своей художественной мечты. Но Ирена, отдавшая свою душу этой мечтѣ художника, отдавъ ее безплодно, ибо Рубекъ не сумѣлъ въ то время понять этого подвига женщины, *сама* ушла отъ него, какъ уходитъ обманутая мечта. И Рубекъ остался одинъ. Только *послѣ* ухода Ирены сомнѣнія постепенно начали разрушать чистый замыселъ художника и вылились въ тѣхъ измѣненіяхъ въ статуѣ, въ которыхъ Рубекъ потомъ, при свиданіи съ Иреной, приноситъ покаяніе. Я позволяю себѣ думать, что этотъ моментъ драмы является однимъ изъ наиболѣе существенныхъ, и объясненіе г. Немировича совершенно измѣняетъ смыслъ этого момента. Выходитъ такъ. Рубекъ началъ *сомнѣваться* въ успѣхѣ своего творенія, натурщицей для котораго была Ирена; на почвѣ этого сомнѣнія выросло постепенное равнодушіе къ Иренѣ, и Рубекъ... разсчиталъ натурщицу, оказавшуюся неспособной къ «идейному альтруизму!» Г. Немировичъ-Данченко послѣдователенъ въ своемъ заблужденіи, основаніемъ, повторяю, на крупной неточности въ передачѣ драмы. Ирена, уходя отъ художника, говоритъ г. Немировичъ, ясно поняла, что и этотъ великій художникъ такой же мертвый, «какъ и тѣ, которыхъ онъ называлъ таковыми»... Ирена ушла отъ Рубека съ умершей душей, которой она одухотворила статую Рубека «День Воскресенія», но что Рубекъ—такой же мертвый, какъ и она, она поняла только *послѣ встрѣчи съ Рубекомъ* и притомъ *въ самомъ концѣ эпилога*. «Теперь я возстала изъ мертвыхъ, — говоритъ Ирена Рубеку,—и ищу, и стремлюсь къ тебѣ. И я нахожу тебя... и вижу... вижу, что ты и жизнь... такъ же мертвы, какъ была и я недавно».

Я не буду останавливаться подробно на томъ, какъ Вл. И. Немировичъ, въ стремленіи все постичь и все реально объяснить, допускаетъ цѣлый рядъ остроумныхъ, но, думается мнѣ, мало что объясняющихъ предположеній, какъ, наприм., о томъ, что дѣти Ирены, которыхъ она убивала, это картины и статуи, которыя она рѣзала и разбивала, что діаконисса, съ которой неразрывно связана Ирена, приставлена къ ней, чтобы заботиться о спасеніи Ирены, объ очищеніи ея отъ позорной жизни, что дальнѣйшее перевоплощеніе статуи «День Воскресенія» является лишь порчей ея «эффектными орнаментами съ поддѣлкой подъ вкусъ толпы». Одного только не объяснилъ Вл. И. Немировичъ-Данченко. Что означаетъ это стремленіе Рубека непремѣнно идти на высоты и оттуда постичь и показать сперва Иренѣ, а потомъ Майѣ, всю красоту мірозданія? И что это за го[illegible], на высь которыхъ стремится Рубекъ? Судя по тому, что онъ говоритъ о высочайшей горѣ, это, должно быть, гора Гауризанкаръ Гималайскаго хребта (8,810 метровъ надъ уровнемъ моря)? Да проститъ мнѣ почтенный критикъ мою шутку, но, право же, стремленіе все объяснить [illegible]ально» и только «реально» невольно приводитъ къ такимъ измышленіямъ.

Вл. Ив. Немировичъ-Данченко даже названіе драмы «Когда мы, мертвые, пробуждаемся» драматическимъ *эпилогомъ* хочетъ объяснить какъ можно проще, опять-таки реально. Эпилогомъ, видите ли, драма названа Ибсеномъ потому, что прологъ ея разыгрывается, такъ сказать, за кулисами, до поднятія занавѣса. *Прологъ* — это жизнь Рубека и Ирены съ момента первой ихъ встрѣчи.

Несомнѣнно, такое объясненіе пріемлемо, но оно вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительно ничего не объясняетъ. Если бъ Ибсенъ хотѣлъ назвать свою послѣднюю драму «эпилогомъ» только по соображеніямъ, высказаннымъ Вл. И. Немировичемъ, то онъ съ такимъ же основаніемъ долженъ былъ бы назвать эпилогами почти *всѣ* свои драмы, ибо всѣмъ имъ предшествуетъ прологъ прежней жизни героевъ драмъ, которая *заканчивается* предъ глазами зрителей драматическимъ эпилогомъ. Въ этомъ особая красота драмъ Ибсена.

Несомнѣнно, слѣдовательно, глубже и ближе къ истинѣ смотрятъ тѣ критики, которые видятъ въ послѣдней драмѣ Ибсена *эпилогъ* творческой дѣятельности автора, послѣдній аккордъ, которымъ престарѣлый писатель задумалъ завершить цѣлый рядъ лѣтъ своего неустаннаго творчества.

Таковы мои основныя возраженія на статью Вл. И. Немировича-Данченка о драмѣ «Когда мы, мертвые, пробуждаемся».

Насколько удалась постановка драмы на сценѣ Художественно-Общедоступнаго театра? Прежде всего нельзя не отдать должной дани восхищенія художнику-декоратору, сумѣвшему, положительно, перенести насъ, зрителей, въ живую природу горной мѣстности суровыхъ скандинавскихъ скалъ и голыхъ утесовъ. Послѣдняя декорація, изображающая дикое ущелье среди высокихъ скалистыхъ горъ, съ отвѣсными пропастями и съ снѣжными вершинами вдали на горизонтѣ, въ особенности прекрасна. Ледянымъ, мертвящимъ холодомъ вѣетъ отъ этой картины, одинъ взглядъ на нее наполняетъ васъ тѣмъ настроеніемъ, которое окончательно должно охватить васъ при паденіи лавины, давящей подъ собой безумныхъ мечтателей—Рубека и Ирену.

Я не могу согласиться съ нѣсколько вычурной постановкой перваго дѣйствія драмы, которое, какъ извѣстно, происходитъ въ паркѣ курорта морскихъ купаній. Сила Ибсеновской драмы не въ томъ, чтобы усилить по возможности почти отсутствующее въ ней дѣйствіе, а въ ясной, проникновенной *рѣчи* дѣйствующихъ лицъ. И создать искусственно это *дѣйствіе*—врядъ ли нужно. Настроеніе зрителя разбивается, а никакъ не усиливается. Въ постановкѣ на сценѣ Художественно-Общедоступнаго театра перваго дѣйствія драмы разговоръ Рубека и Майи происходитъ на балконѣ во *второмъ* этажѣ курзала. Согласенъ, благодаря этому пріему разнообразится дѣйствіе, которое, какъ извѣстно, заключается въ послѣдовательныхъ діалогахъ Рубека съ Майей, Рубека и Майи съ Ульфгеймомъ и Рубека съ Иреной. Но одновременно съ достиженіемъ этого разнообразія въ дѣйствіи, достигаются и отрицательные результаты. Зритель, во-первыхъ, съ

трудомъ слѣдить за первымъ діалогомъ Рубека и Майи на высотѣ балкона. Нѣтъ, нѣтъ и посмотритъ онъ на нижній планъ сцены, и нѣсколько фразъ изъ разговора уже пропало. А затѣмъ, слѣдить за разговоромъ Ульфгейма, стоящаго внизу, съ Рубекомъ и Майей, сидящими на балконѣ, является ужъ окончательно неудобнымъ. Наконецъ, это постоянное восхожденіе на лѣстницу и схожденіе съ лѣстницы затягиваютъ дѣйствіе и въ концѣ-концовъ утомительно дѣйствуютъ на зрительные нервы.

Посмотрите, какъ сразу усиливается вниманіе зрителей къ драмѣ, начиная со второго акта, который въ смыслѣ дѣйствія, если хотите, еще однообразнѣе перваго, а тѣмъ не менѣе вы слушаете съ напряженнымъ вниманіемъ рѣчи Рубека, Майи, Ирены и Ульфгейма, единственныхъ дѣйствующихъ лицъ драмы. Постановка здѣсь и въ третьемъ актѣ находится въ полной гармоніи съ дѣйствіемъ драмы и ни на секунду не заслоняетъ игру и рѣчи дѣйствующихъ лицъ, а наоборотъ, все время способствуетъ сохраненію того основного настроенія, которое должно захватить зрителя.

Какъ справились артисты съ нелегкой задачей воплотить на сценѣ образы Рубека, Ирены, Ульфгейма и Майи? Въ общемъ, долженъ откровенно сказать, ни одному изъ нихъ задача эта не удалась вполнѣ. Глубже всѣхъ сумѣла передать г-жа Савицкая образъ Ирены. Съ внѣшней стороны артистка производитъ обаятельное впечатлѣніе, ея высокая стройная фигура, ея глубокіе печальные глаза, ея мягкая походка рисуютъ намъ въ мягкихъ, художественныхъ чертахъ образъ таинственной Ирены. Нельзя сказать, чтобы духовная сторона исполненія отличалась той же, или, во всякомъ случаѣ, одинаковой художественностью. Г-жа Савицкая прекрасно передаетъ моменты реальнаго ужаса при воспоминаніи Ирены о страшномъ времени заточенія ея въ «подземномъ склепѣ, съ желѣзною рѣшеткой и со стѣнами, обитыми чѣмъ-то мягкимъ». Артистка, видимо, намѣренно подчеркиваетъ *патологическія* черты въ ея характеристикѣ Ирены, и въ тѣхъ моментахъ, когда онѣ должны проявляться по тексту драмы, игра г-жи Савицкой производитъ сильное, глубокое впечатлѣніе. Но стремленіе *усилить* этотъ патологическій элементъ характера приводитъ и къ нежелательнымъ результатамъ. Духовный образъ Ирены лишается въ значительной степени своей возвышенной красоты. Всѣ эти страдальческія ноты въ голосѣ Ирены, ея нервная растерянность, неумѣнье зачастую собраться съ мыслями — рисуютъ намъ не ту Ирену, которая властно царитъ въ нашемъ воображеніи при внимательномъ чтеніи драмы и возвышаетъ Ирену далеко за предѣлы простой натурщицы, сошедшей съ ума вслѣдствіе несчастной любви, и затѣмъ, полубольной встрѣтившейся вновь съ когда-то любимымъ человѣкомъ.

Не въ силахъ и г. Качаловъ дать полный, могучій образъ Рубека. Прежде всего съ внѣшней стороны артистъ совершенно не передаетъ образа Рубека. Онъ слишкомъ молодъ, его Рубекъ, несмотря на сѣдые волосы; въ немъ не виденъ геніальный творецъ «Дня Воскресенія». Но прекрасный голосъ артиста, его убѣдительная и, временами, [illegible]

чая рѣчь доставляютъ зрителямъ минуты истиннаго наслажденія. Я не могу согласиться съ тѣмъ тономъ, какимъ артистъ ведетъ все первое дѣйствіе. Въ голосѣ Рубека-Качалова слышатся съ первыхъ же словъ разговора съ Майей ноты какого-то затаеннаго раскаянія, въ первомъ дѣйствіи Рубекъ долженъ быть воплощеніемъ холодной тоски и иронiи, самой тягостной,—иронiи надъ самимъ собой. Раскаяніе Рубекъ испытаетъ значительно позже, когда онъ, встрѣтившись съ Иреной, переживаетъ вновь время постыднаго крушенія его идеаловъ, выразившагося въ переработкѣ статуи «День Воскресенія», когда онъ *поймет*ъ всю тяжесть своего *грѣха* передъ Иреной.

Если г-жа Савицкая и г. Качаловъ не могли дать намъ полныхъ образовъ Ирены и Рубека, то это прежде всего объясняется колоссальной трудностью артистической задачи воплотить эти сложные драматическіе образы.

Роли Майи и охотника Ульфгейма значительно проще ролей Рубека и Ирены, и, конечно, для этихъ ролей мы въ правѣ были бы ждать безукоризненнаго исполненія.

Г-жа Книпперъ могла бы быть прекрасной Майей, если бы она усилила въ значительной степени тонъ жизнерадостности. «У Майи подвижныя оживленныя черты лица и *веселые* глаза, *полные юмора*, хотя *минутами* съ оттѣнкомъ нѣкоторой усталости», такъ рисуетъ намъ драматургъ Майю. Между тѣмъ г-жа Книпперъ, желая дать возможно полную гамму часто смѣняющихся настроеній, эту-то именно основную черту жизнерадостности какъ-то затушевываетъ и проявляетъ ее лишь *минутами,* преимущественно въ разговорахъ Майи съ Ульфгеймомъ. Излишнее подчеркиваніе недовольства жизнью, усталости и даже затаеннаго страданія, существенно извращаетъ въ глазахъ зрителей основной обликъ Майи.

Очень живописную фигуру охотника Ульфгейма даетъ г. Вишневскій. Чуточку поменьше картинности и побольше естественности, — и образъ Ульфгейма выйдетъ яркимъ и вполнѣ жизненнымъ.

На первыхъ представленіяхъ драмы роль Ульфгейма, по болѣзни г. Вишневскаго, игралъ г. Судьбининъ. Съ внѣшней стороны г. Судьбининъ прекрасный Ульфгеймъ, но ведетъ артистъ всю роль черезчуръ мягко. Нѣтъ въ его Ульфгеймѣ того широкаго, нѣсколько дикаго размаха, который долженъ чувствоваться въ каждомъ словѣ, въ каждомъ жестѣ «охотника на медвѣдей».

Нельзя не упомянуть и о г-жѣ Инской, изображающей діакониссу. Эта роль, безъ словъ, требуетъ большой вдумчивости и большого мимическаго искусства. Мнѣ думается, что артисткѣ слѣдуетъ отказаться совершенно отъ попытокъ разнообразными позами и движеніями передать черты какой-то колдуньи-чародѣйки въ образѣ таинственной діакониссы. Строгость и классическая простота,—такой рисуется мнѣ діаконисса. Какъ тѣнь слѣдитъ она за Иреной, какъ тѣнь должна она только отражать собой Ирену.

Небольшая роль инспектора курорта исполняется г. Бурджаловымъ безукоризненно.

Таковы краткія характеристики игры артистовъ, характеристики далеко не полныя, сознаюсь. Въ общемъ приходится повторить то, съ чего я началъ. Колоссально трудны образы Ирены и Рубека для сценическаго ихъ воспроизведенія, хотя бы и недюжинными силами. Съ чувствомъ искренняго художественнаго наслажденія слушаемъ мы драму Г. Ибсена въ исполненіи ея на сценѣ Художественно-Общедоступнаго театра. Серьезная, вдумчивая работа артистовъ видна въ каждой произносимой ими фразѣ, въ каждомъ жестѣ. Но истинныхъ Рубека и Ирены, во всемъ ихъ величіи и красотѣ, какими рисуетъ ихъ наше воображеніе, мы не видимъ.

Я. А. Ф—инъ.

Особенный интересъ за послѣднее время къ толкованію задачъ живописи и вообще къ художественной критикѣ объясняется появленіемъ тѣхъ «новыхъ» направленій въ искусствѣ, которыя вслѣдъ за поэзіей господствуютъ въ русскихъ изобразительныхъ искусствахъ уже нѣсколько лѣтъ. Поэтому и русская живопись переживаетъ въ настоящее время переходный возрастъ, еще не успѣвшій ясно опредѣлиться. Дѣло въ томъ, что нынѣшніе художники, недовольные техникой рисунка и красокъ, усиленно ищутъ новыхъ способовъ передавать свои личныя впечатлѣнія отъ дѣйствительности и, подъ вліяніемъ европейскихъ законодателей въ дѣлѣ искусства, работаютъ пока надъ внѣшними пріемами живописи, надъ техникой. Прежніе бытовые и національные сюжеты совсѣмъ оставлены. Надъ такими картинами смѣются теперь не только критики, но и сами художники, и называютъ ихъ картинами бездарными, «явившимися на свѣтъ лишь изъ одного холоднаго и разсудочнаго желанія разжалобить зрителя «скорбью народною», которая ничуть не трогаетъ и не волнуетъ самого художника» (М. Далькевичъ въ журналѣ *Искусство и Художественная Промышленность*, № 19). Теперь не ищите отъ картины содержанія, глубины мысли, тонкаго психологическаго наблюденія, захватывающаго зрителя интереса... Теперь художники берутъ какъ-бы нарочно самые безсодержательные сюжеты, но стараются написать ихъ такъ, чтобы чувствовался воздухъ, впечатлѣніе живого предмета, чтобы было «выраженіе жизни». При этомъ, часто берутъ они трудно уловимые эффекты, какъ будто слѣдуютъ правилу французскаго критика Гюйо, что «надо брать изъ природы не то, что всего легче переносится на полотно или передается стихомъ, а то, что всего труднѣе для подобной передачи». Прежніе художники, подъ вліяніемъ литературныхъ напр[а]-леній шестидесятыхъ годовъ, брали для своихъ произведеній всегда г[лу]-боко-жизненные эпизоды и разрабатывали ихъ съ такой любовью къ [че]-ловѣку, съ такой тонкой наблюдательностью, что навсегда оставляли [въ] зрителяхъ неизгладимое впечатлѣніе своихъ образовъ. Достаточно в[спо]-мнить такія глубоко задуманныя картины, какъ Якобія «Привалъ арес[тан]-

товъ», Перова «Деревенскія похороны», «Утопленица», Маковскаго «Осужденный», Рѣпина «Бурлаки», «Не ждали», Ярошенка «Всюду жизнь», Клодта «Передъ отъѣздомъ», «Послѣдняя весна», Лемоха «Круглая сирота», Максимова «Семейный раздѣлъ», Флавицкаго «Княжна Тараканова», Мясоѣдова «Чтеніе манифеста 19 февраля» и другія, составляющія вмѣстѣ со многими литературными произведеніями расцвѣтъ русской самобытной мысли. Теперь, если и попадаются жанровыя картины, то это не больше, какъ «фотографіи съ натуры», «сценки», «этюды». Видно, забыты прекрасныя слова К. Кавелина, что «искусство не можетъ безнаказанно отставать отъ общаго движенія», что «художественное творчество должно служить въ рукахъ художника средствомъ для нравственнаго дѣйствія на людей, что только искусство владѣетъ тайной вызывать по произволу представленія, а чрезъ нихъ—чувства, желанія, стремленія». Теперь искусство какъ бы перестало служить общественной мысли, а служитъ только самому себѣ.

Въ теченіе истекающаго года, въ Петербургѣ и Москвѣ было устроено болѣе пятнадцати выставокъ, на которыхъ экспонировались тысячи картинъ. Конечно, эти внушительныя цифры говорятъ о значительномъ развитіи русскаго искусства; но въ большинствѣ случаевъ картины эти по своему содержанію не оставляютъ ровно никакого впечатлѣнія. Прежде всего, всѣ выставки переполнены пейзажами. Надо, впрочемъ, отдать справедливость русской пейзажной живописи. Она дѣлаетъ большіе успѣхи. Еще не такъ давно, наши пейзажисты искали внѣшней, условной красоты, и мало заботились о правдивости, о реальномъ воспроизведеніи природы. Подъ вліяніемъ западныхъ образцовъ, русскіе пейзажисты усвоили реальныя формы и стали выражать мало-по-малу и субъективное пониманіе красотъ природы, тотъ «пейзажъ настроенія», который впервые отразился въ музыкально-поэтическихъ картинахъ Саврасова «Грачи прилетѣли» и Васильева «Оттепель», появившихся въ началѣ семидесятыхъ годовъ. Дальнѣйшее движеніе впередъ этой области нашей живописи шло вмѣстѣ съ тѣмъ либерально-прогрессивнымъ теченіемъ русскаго искусства, которое воспитывалось въ кружкѣ передвижниковъ, такъ смѣло объявившихъ войну строгимъ старичкамъ ретроградно-консервативной и мертвенной академіи художествъ.

Къ сожалѣнію, послѣдняя выставка товарищества передвижниковъ оказалась настолько безцвѣтной, что заставила многихъ художественныхъ критиковъ отрицательно отнестись даже ко всему ихъ прошлому, къ ихъ національно-бытовому направленію, будто бы «навѣянному» нами беллетристами и вообще культурными движеніями шестидесятыхъ годовъ. Протестомъ противъ прежнихъ направленій служатъ даже названія картинъ теперешнихъ художниковъ. Напримѣръ, молодой художникъ Малявинъ выставилъ на конкурсной выставкѣ нѣсколькихъ смѣющихся бабъ въ красныхъ платьяхъ и просто назвалъ ее: «Картина». А художественный критикъ А. Бенуа, въ своихъ «Письмахъ со всемірной

выставки» говоритъ, что «Картина» Малявина «одна во всемъ русскомъ отдѣлѣ обладаетъ только чисто-живописными достоинствами, внѣ всякихъ литературныхъ (sic), назидательныхъ и другихъ побочныхъ качествъ» и что «французы, большіе знатоки живописи, полюбили эту картину за... ея *безсодержательность*—и дѣйствительно, это ея огромное достоинство, особенно по сравненію съ картинами передвижниковъ» (*Міръ Искусства*, № 19—20). Нечего и прибавлять, какія требованія должна теперь предъявлять критика къ выставляемымъ картинамъ. Впрочемъ, повторяемъ еще разъ: нынѣшнее состояніе живописи—переходный періодъ къ близкому, быть можетъ, расцвѣту нашего искусства, когда художники, овладѣвъ техникой,—снова возьмутся за такіе сюжеты, которые должны воспитывать, а не развлекать зрителей, то-есть за сюжеты глубоко-содержательные.

Мы не будемъ входить въ подробную оцѣнку каждой изъ выставокъ въ отдѣльности, а укажемъ только тѣ изъ картинъ, которыя въ свое время были отмѣчены какъ картины съ содержаніемъ. На XIX выставкѣ московскаго общества любителей художествъ, особое вниманіе обратила на себя картина А. Россолима «У порога новой жизни». На картинѣ всего одна фигура крестьянина въ убогой одеждѣ, съ котомкой за спиной. Онъ остановился предъ виднѣющейся вдали Москвой и всматривается впередъ, словно ожидая отвѣта отъ этого громаднаго города, погубившаго, быть можетъ, не одного изъ его земляковъ: какая ожидаетъ его тамъ «новая жизнь». Вотъ необыкновенно простой сюжетъ съ глубокой мыслью. Другая бытовая картина написана Л. Поповымъ и называется «Затопило». На берегу большой, широко разлившейся рѣки столпилась кучка крестьянъ. Вдали, среди волнъ мутной воды, торчитъ нѣсколько уже затопленныхъ избъ, а вздувшаяся рѣка грозитъ, кажется, затопить и остальныя избы, раскинутыя здѣсь же, у самаго берега. Несмотря на несложную композицію и невыдержанный колоритъ, картина производитъ большое впечатлѣніе благодаря своему драматическому содержанію.

На передвижной выставкѣ интересны были слѣдующія картины: Шестеркина «Безпріютные», Орлова «Попалась» и Грандковскаго «Одинокая». Первая изъ нихъ рисуетъ жизнь московскихъ дѣтей-бродягъ. На скамьѣ красно-прудскаго сквера сидятъ два бездомныхъ мальчика-подростка, исхудалыхъ, забитыхъ, оборванныхъ. Одинъ изъ нихъ на-сторожѣ, и блуждающими, испуганными глазами смотритъ въ сторону: не идетъ ли сторожъ или городовой. Другой тѣмъ временемъ спитъ, положивъ головку на спинку скамьи. Картина написана очень тепло. Бытовая картина Орлова изображаетъ печальный эпизодъ изъ деревенской жизни. Переодѣтый ур[я]ник съ писаремъ накрыли на мѣстѣ преступленія бабу, торговавшую [въ] селѣ водкой безъ всякихъ на то правъ. Фигуры безпомощной стару[хи] жалкихъ дѣтей, смутно понимающихъ какую-то бѣду для ихъ семьи, выдержаны прекрасно и дышатъ жизненной правдой. Слѣдуетъ еще у[по]мянуть о картинѣ Муратова «Въ голодный годъ», бывшей на академи[чес]кой выставкѣ. Тема, затронутая художникомъ, встрѣчается въ де[ре]

сплошь да рядомъ: въ голодный годъ крестьянинъ продаетъ свою послѣднюю, истощенную лошадку богатому мужику, чтобы заплатить подати. Чего бы кажется проще? Но М. Дальневичу какъ разъ эта картина не понравилась, и онъ высказалъ тѣ мысли о «скорби народной», которыя мы привели выше. Намъ кажется, что художникъ можетъ и долженъ брать своими сюжетами также и тѣ жизненныя явленія, какія волнуютъ и вдохновляютъ и писателей. Гдѣ же, какъ не въ литературѣ, подобныя грустныя картины встрѣчаются сплошь да рядомъ? Почему же живописецъ долженъ изображать только «неуловимые эффекты красавицы-природы», когда онъ своими *содержательными* сюжетами и въ то же время *красивыми* могъ бы воспитывать въ людяхъ самыя высокія чувства?

Однако, на многочисленныя наши выставки и печать и публика обращали мало вниманія, потому что шли въ это время приготовленія къ парижской выставкѣ, гдѣ русскій художественный отдѣлъ долженъ былъ показать успѣхи нашего искусства за послѣднее десятилѣтіе. Наконецъ, выставка открылась. Неумѣлая экспозиція картинъ, неожиданные результаты по распредѣленію наградъ, оставленіе Рѣпина «за флагомъ» и другіе сюрпризы выставки породили цѣлую литературу такихъ разнообразныхъ толковъ и пересудъ среди газетъ и журналовъ, что разобраться въ ней нельзя. Въ общемъ, иностранная пресса высказалась очень одобрительно о русскомъ искусствѣ. Одинъ критикъ такъ оригинально формулировалъ эти отзывы французской печати: «Мы, несмотря на свою некультурность и наивность, несмотря на порабощеніе наше торжествующей литературой (sic), все же имѣемъ полное представленіе о живописной красотѣ и объ истинныхъ задачахъ искусства» (А. Бенуа, *Міръ Искусства*, № 19—20). Приведемъ слова Г. Ге, который говоритъ о ней слѣдующее: «Русскій отдѣлъ на всемірной выставкѣ не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что и русское искусство войдетъ въ общую европейскую колею и что теперь оно уже очень близко къ этому. Въ русскомъ искусствѣ самобытность, главнымъ образомъ, выразилась въ сюжетахъ. Оно отличалось, главнымъ образомъ, этнографическими особенностями сценъ народной жизни, а не новымъ пониманіемъ формы. При этомъ русскіе художники отличались далеко не всѣ виртуозностью исполненія. Теперь, при возрастающемъ требованіи и самихъ художниковъ, и публики, чтобы русскія картины были столь же блестящи и элегантны, какъ картины французовъ, несомнѣнно, французскіе пріемы и французское искусство будутъ перенесены и въ Россію; и воспрепятствовать этому нѣтъ, конечно, никакой возможности, какъ нѣтъ возможности воспрепятствовать, чтобы переносились въ Россію формы европейской жизни.

Переходя къ обозрѣнію скульптурныхъ произведеній, мы должны припомнить, что по поводу выставленныхъ на парижской выставкѣ 1880 г. работъ русскихъ скульпторовъ и русскіе, и иностранные критики отрицали какую бы то ни было «русскую» скульптуру. Невольно припоминаются слова Ренана, что «царство скульптуры кончилось въ тотъ день, когда

люди перестали ходить полуобнаженными. Эпопея исчезаетъ вмѣстѣ съ временемъ личнаго героизма: нѣтъ эпопеи съ артиллеріей...» Дѣйствительно, скульптура всегда была у насъ въ загонѣ. Въ послѣднее время особое вниманіе обращали на себя работы кн. П. П. Трубецкого, но его манера работать для многихъ оставалась непонятной и даже мало выразительной. «Онъ, дѣйствительно, очень талантливый человѣкъ,—говоритъ Г. Ге,—но то, что онъ дѣлаетъ, не можетъ считаться серьезными скульптурными произведеніями. Невозможно, чтобы въ цивилизованномъ обществѣ, среди людей, требующихъ во всемъ точности, съ изощреннымъ зрѣніемъ и наблюдательностью, возможно было такое скульптурное произведеніе: изображеніе человѣка, у котораго на щекахъ и подъ носомъ зачѣмъ-то оставлены кусочки глины величиной съ горошину, а то и много больше. Если такая статуя попадется на глаза въ первый разъ и если при этомъ въ ней есть достоинства, то ее можно признать за неоконченную вещь. Но когда эта небрежность обращается въ систему и вырабатывается нарочно, то это можно признать лишь за эксцентричную шутку, которая значенія для искусства имѣть не можетъ. Повторяю, въ вещахъ кн. Трубецкого есть жизнь, и общее впечатлѣніе онѣ дѣлаютъ хорошее, но онъ можетъ дѣлать, повидимому, лишь маленькія вещицы, на которыхъ его мазки не такъ замѣтны; большія же его вещи производятъ отталкивающее впечатлѣніе, особенно среди другихъ, хорошо выполненныхъ статуй». Мы съ этимъ взглядомъ не можемъ согласиться: у каждаго можетъ быть своя манера работать, и если достоинство техники Рѣпина всѣ единогласно признаютъ въ смѣлыхъ, широкихъ мазкахъ, то почему бы тѣми же средствами не пользоваться скульптурѣ? У кн. Трубецкого, между прочимъ, очень своеобразный взглядъ на художественное образованіе. Онъ говоритъ, что ему странны даже самыя слова: «учить искусству», и онъ не признаетъ никакихъ школъ. Во всякомъ случаѣ, талантъ кн. Трубецкого — вполнѣ самородный. Гораздо справедливѣе замѣчаніе Г. Ге о томъ, что русскіе художники какъ бы не хотятъ знать скульптуры и дѣлаютъ изъ глины и бронзы такія фигуры и сцены, которыя, очевидно, задуманы въ видѣ рисунка, наброска,—и зачѣмъ они выполняютъ ихъ такимъ неудобнымъ способомъ, какъ ваяніе, понять нельзя. Скульптура преслѣдуетъ самые основные, первоначальные задачи искусства. Смыслъ ея, прежде всего, въ выраженіи жизни въ человѣческомъ тѣлѣ.

Чтобы покончить съ выставками истекающаго года, скажемъ нѣсколько словъ о выставкѣ конкурентовъ на званіе «художника» въ музеѣ академіи художествъ. Среди молодыхъ художниковъ попадаются очень талантливы... еще не испорченные современнымъ исканіемъ «новыхъ» путей. Очень кр... сивы и правдивы оказались пейзажи В. Ѳедоровича, въ особенности е... вполнѣ законченная картина лѣсной чащи на Валаамѣ. В. Ѳедоровичъ пр... изводитъ впечатлѣніе очень цѣльнаго художника, блестящаго колориста ... знатока русскаго сѣвернаго пейзажа. У него очень пріятные, мягкіе т... и—что драгоцѣннѣе всего—не видно вліянія кого-нибудь изъ профе...

ровъ-руководителей. Недурныя вещи выставилъ Развадовскій. Его «Кобзарь» представляетъ удачное соединеніе пейзажа съ хорошо скомпанованнымъ жанромъ. Красивые кавказскіе пейзажи написаны А. Бѣлымъ, хотя художникъ, повидимому, подражаетъ А. Киселеву. Большая картина изъ жизни запорожскихъ казаковъ «Въ походъ собираются» Чупрыненка полна движенія и жизни; колоритъ выдержанъ прекрасно. Изъ жанровыхъ картинъ отмѣтимъ деревенскую сцену В. Фендрика «Въ городъ, на фабрику». Распрощавшись съ деревней, крестьянская семья уѣзжаетъ въ городъ, на заработки. Крестьянинъ заколачиваетъ досками окна покрывшейся ветхой лачужки. Весь скарбъ уже собранъ на телѣгѣ. Чувствуется, какъ тяжело плачущимъ бабамъ покидать свою избу и уѣзжать на невѣдомую фабрику съ ея неизвѣстными условіями... Картина М. Иванова изъ бѣлорусской жизни «Отвѣта жду» изображаетъ свиданіе парня съ своей возлюбленной. Обѣ фигуры написаны очень просто и правдиво.

Въ 1900 году художественный міръ понесъ утрату въ лицѣ двухъ пейзажистовъ: И. К. Айвазовскаго, скончавшагося 19 апрѣля (род. 1817 г.), и И. И. Левитана, умершаго 22 іюня (род. 1861 года). Если мы всмотримся въ судьбу обоихъ пейзажистовъ, то найдемъ между ними большую разницу: Айвазовскій всегда изображалъ нарядные, экзотическіе эффекты моря, Левитанъ — самые простые, грустные, чисто-русскіе уголки сѣвернаго пейзажа; первый работалъ быстро, картины его необыкновенно красочны и раскупались публикой, второй остался непонятымъ не только публикой, но и многими изъ своихъ собратьевъ, работалъ больше для себя и, какъ самъ признавался, страшно страдалъ, если приходилось «давать на выставку недоговоренныя картины»; первый пережилъ свою славу и умеръ всѣми признанный, второй «не вступалъ въ періодъ поклоненія и не раскрылся для всѣхъ». Таковы были скончавшіеся пейзажисты.

Характеристику покойнаго мариниста даетъ корреспондентъ англійскаго *Saturday Review,* по поводу лондонской выставки 1872 года. «Видъ на южномъ берегу Крыма» и другіе подобные же этюды — неопредѣленны, словно какія-то видѣнія, безтѣлесны, словно тѣни. Живописецъ никогда не снисходилъ до подробностей: онъ высоко паритъ надъ буквальной правдой. Но у картинъ Айвазовскаго есть одна красота, довольно рѣдкая у русской школы: колоритъ ихъ прелестенъ. Воображеніе у него восточное, романтичное, горячее...» Извѣстный критикъ В. В. Стасовъ не разъ говорилъ о достоинствахъ и недостаткахъ картинъ Айвазовскаго. Приведемъ нѣсколько изъ мнѣній почтеннаго критика, писавшаго объ Айвазовскомъ много разъ и въ разные годы. Еще въ 1863 году В. В. Стасовъ говорилъ, что «у Айвазовскаго есть своя дѣйствительно поэтическая жилка, есть порывы къ истинной правдѣ и красотѣ. Безъ сомнѣнія, это очень талантливый художникъ. Кто видалъ его картины, тотъ любовался на его глади и бури, на его солнечные лучи, на дрожащее серебро его луны надъ моремъ, на его барановъ въ полѣ, на его чумаковъ въ степи, на его въ золотѣ заката волнующіяся нивы, на его стеклянныя

шири дремлющаго лѣниво моря, на множество другихъ эффектно переданныхъ сценъ природы... Его изящной, мягкой кисти свойственны лишь блестящія, цвѣтистыя картины, гдѣ съ прекраснымъ поэтическимъ чувствомъ переданъ портретъ какого-нибудь изящнаго уголка земли или моря, гдѣ взято нѣсколько элегантныхъ аккордовъ изъ числа безконечныхъ, великихъ гармоній природы». Впрочемъ, мы нисколько не должны удивляться, если всего только черезъ четыре года у того же критика найдемъ далеко не лестный отзывъ о характерѣ творчества Айвазовскаго. Нѣкоторые рѣшились даже заявлять въ печати, будто художникъ не имѣлъ въ виду «правды» и жилъ въ мірѣ фантастическихъ своихъ картинъ. «Много лѣтъ тому назадъ,—писалъ В. Стасовъ въ 1867 году,—г. Айвазовскій изобрѣлъ свой особый родъ ландшафтовъ, морскихъ и сухопутныхъ, который понравился, имѣлъ успѣхъ и очень скоро возвелъ автора на степень моднаго и фаворитнаго живописца. Съ тѣхъ поръ г. Айвазовскій не сдѣлалъ ни одного шага впередъ: онъ продолжаетъ, какъ въ самые первые дни свои, изображать парадную, расцвѣченную, какъ фарфоръ, раззолоченную, какъ мундиръ, природу...» Почти то же говоритъ тотъ же критикъ и при обзорѣ академической выставки 1872 года: «Это какой-то свой особый міръ картинъ спеціально красныхъ, зеленыхъ, голубыхъ, розовыхъ и желтыхъ, произведенныхъ на свѣтъ не кистью и палитрой, а электрическимъ или бенгальскимъ освѣщеніемъ. Было время, когда профессоръ Айвазовскій поражалъ и увлекалъ—теперь онъ только скученъ. Какое паденье и какая жалость! Какая гибель таланта, въ корнѣ своемъ когда-то истиннаго и поэтическаго! Вотъ грозное предостереженіе для нашихъ художниковъ: до чего можетъ довести небрежность, легкое отношеніе къ своему дѣлу и необузданная быстрота работы...» Въ самомъ дѣлѣ, всѣмъ памятенъ тотъ «опытъ», который произвелъ покойный маринистъ въ присутствіи цѣлой толпы учениковъ академіи. Не отходя отъ мольберта, при нихъ же онъ въ теченіе двадцати минутъ написалъ небольшую картину волнующагося моря. Нужно ли прибавлять, что профессора испугались, какъ бы не повліяло такое отношеніе маститаго мариниста къ творчеству на нѣкоторыхъ молодыхъ художниковъ. И дѣйствительно, было чего опасаться: примѣръ чрезвычайно пагубный...

Какъ же объяснить себѣ эти противорѣчія: какъ Айвазовскій изъ «талантливаго» живописца попалъ въ «скучные» мастера? Дѣло въ томъ, конечно, что Айвазовскій въ началѣ своей дѣятельности написалъ нѣсколько картинъ, которыя дѣйствительно для своего времени были шедеврами, но затѣмъ онъ сталъ повторять тѣ же мотивы, прибавляя къ нимъ только какія-то фантастическія черты; съ натуры онъ пересталъ писать. Въ извѣстной «Исторіи живописи» Рихардъ Мутеръ довольно плохого мнѣнія о картинахъ русскихъ пейзажистовъ. «Одному Айвазовскому,—прибавляетъ нѣмецкій историкъ искусства,—хотя онъ и слишкомъ скоръ на руку, по свойственной ему любви къ декораціи, гонится всегда за трескучими фейерверочными эффектами, принадлежитъ среди нихъ почетное м-

Многія изъ его картинъ, несмотря на ихъ рѣзкія, необузданныя краски, превосходно передаютъ или грандіозный, всесокрушающій характеръ бури, или безграничный покой затихшаго моря и дѣлаютъ его предвѣстникомъ позднѣйшаго «ландшафта настроенія». Яркимъ представителемъ такого ландшафта и былъ И. Левитанъ.

Многіе изъ критиковъ думаютъ, что считать смерть Левитана невознаградимой утратой нельзя, что съ годами творчество его шло къ упадку и что онъ все сказалъ, что могъ сказать. Намъ кажется, что такое рѣзкое сужденіе невѣрно уже по тому одному, что оно преждевременное: современники рѣдко въ состояніи оцѣнить то, что зарождается на ихъ же глазахъ. Какъ отнесется къ Левитану слѣдующее поколѣніе, загадывать трудно. Въ немногочисленныхъ его картинахъ преобладало субъективное чувство художника или, какъ онъ самъ его очень удачно назвалъ—«обобщеніе природы». Левитанъ былъ художникъ-лирикъ, и во всѣхъ картинахъ его, даже въ картинахъ, изображающихъ «возобновленную» весеннюю природу, видна тихая, спокойная грусть. Всѣмъ, навѣрное, памятны его прекрасные пейзажи «Тихая обитель», «У омута», «Лѣсной пожаръ», «Надъ вѣчнымъ покоемъ», «Къ сумеркамъ», «Золотая осень». Лучшія изъ этихъ картинъ находятся въ Третьяковской галлереѣ. «Это все пейзажи,—говоритъ о картинахъ Левитана критикъ Г. Ге,—и названія ихъ большею частью не даютъ никакого понятія о томъ, что въ нихъ изображено. Изображено же въ нихъ всегда личное сокровенное чувство тонкаго наблюдателя и поэта. Общія мысли, и тѣ въ формѣ чистаго чувства, вызываемаго этими мыслями, Левитанъ затрогивалъ очень рѣдко. Обычными мотивами картинъ Левитана была погода, состояніе воздуха и всего окружающаго, въ различные моменты, когда природа становится наиболѣе близкой и понятной человѣку. «Туманы» Левитана великолѣпны, но еще ярче, еще напряженнѣе выражена имъ свѣжесть ранней весны, когда только что обнаженная отъ снѣга земля поражаетъ непривычный глазъ. Контрасты зеленой травы и бѣлыхъ стволовъ березъ, невѣрное и блестящее освѣщеніе весенняго облачнаго дня, когда солнце повременамъ ненадолго пробивается сквозь отдѣльныя быстробѣгущія тучи,—и вдругъ на дворѣ становится и свѣтло и тепло, и, наконецъ, нарядная красота послѣднихъ солнечныхъ золотыхъ осеннихъ дней,—въ этихъ своихъ мотивахъ Левитанъ является настоящимъ большимъ поэтомъ. Эти мотивы онъ сдѣлалъ своими: онъ объяснилъ ихъ русской публикѣ, и эта заслуга за нимъ остается».

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о тѣхъ изданіяхъ по искусству, которыя появились въ нынѣшнемъ году. На первомъ мѣстѣ стоитъ большое по размѣрамъ изслѣдованіе А. Волынскаго «Леонардо-да-Винчи», несомнѣнно, очень серьезный и самостоятельный трудъ, основанный на «изученіи мѣстной природы и души художника въ ихъ таинственныхъ взаимодѣйствіяхъ». Авторъ не могъ довольствоваться тѣмъ матеріаломъ, какой давали самыя послѣднія по времени сочиненія о творчествѣ этого геніальнаго пред-

ставителя итальянскаго Возрожденія; онъ пожелалъ провѣрить на мѣстѣ, своими личными впечатлѣніями, и въ результатѣ долгой работы г. Волынскаго появилось оригинальное изслѣдованіе съ массой снимковъ и сырого матеріала для будущихъ историковъ. «Мнѣ хотѣлось,—говоритъ авторъ,—показать, съ какими чувствами, съ какими настроеніями люди современной эпохи могутъ подходить къ его творчеству. Мнѣ хотѣлось запечатлѣть на бумагѣ пережитыя мною волненія при путешествіяхъ по Европѣ, въ процессѣ обслѣдованія памятниковъ его искусства». Большую услугу изученію русскаго самобытнаго искусства оказываетъ изданный Н. П. Собко посмертный трудъ Д. А. Ровинскаго «Русскія народныя картинки». Изданіе иллюстрировано множествомъ снимковъ съ подлинныхъ «картинокъ», причемъ нѣкоторыя воспроизведены въ краскахъ. Эта область художественныхъ самобытныхъ произведеній относится къ тому періоду въ развитіи русскаго искусства, когда оно, «отрѣшенное отъ своихъ національныхъ началъ и лишенное религіознаго импульса, опровергнутаго обществомъ, потеряло всѣ шансы сдѣлаться самостоятельнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, оно не могло больше оставаться и народнымъ, такъ какъ все народное стало простонароднымъ, то-есть сдѣлалось достояніемъ низшихъ классовъ общества». Какъ ни странно, но въ 1824 году, когда И. Снегиревъ задумалъ напечатать о народныхъ картинкахъ небольшую статью въ изданіи общества любителей россійской словесности, то нѣкоторые члены даже сомнѣвались: «можно ли допустить въ ихъ общество разсужденіе о такомъ низкомъ предметѣ, который предоставленъ въ удѣлъ черни»?—и рѣшило называть ихъ, вмѣсто «лубочныя картины»,—«простонародныя изобрѣтенія». Довольно обстоятельный трудъ М. Г. Сыркина «Пластическія искусства: живопись, скульптура, архитектура. Опытъ эстетическаго изслѣдованія» даетъ цѣлый рядъ прекрасныхъ соображеній по теоріи искусства, массу матеріала, массу цитатъ и оригинальныхъ сопоставленій. Особенно интересна четвертая глава: «Искусство и нравственность». Совсѣмъ иное впечатлѣніе производитъ «Исторія русской живописи» А. Новицкаго, выходящая выпусками. Изложеніе очень безцвѣтное, на всемъ пространствѣ книги, скучное, и при томъ изобилуетъ непростительными ошибками, указанными рецензентами въ спеціальныхъ художественныхъ журналахъ. Нельзя похвалить и иллюстраціи къ этому изданію. Въ ноябрѣ вышелъ изъ печати большой альбомъ хорошо исполненныхъ копій съ картинъ Виктора Васнецова на сказочные и историческіе сюжеты: «Зачѣмъ я не птица, не воронъ степной» (на слова М. Лермонтова), «Коверъ-самолетъ», «Аленушка», «Иванъ-царевичъ на сѣромъ волкѣ», «Три царевны подземнаго царства», «Богатырь на распутьи», «Царь Иванъ Васильевичъ Грозный», «Снѣгурочка», «Гамаюнъ», «Сиринъ и Алконостъ» и др. Этотъ роскошно изданный альбомъ прекрасно характеризуетъ направленіе живописи В. Васнецова. О другихъ художественныхъ изданіяхъ и брошюрахъ мы дадимъ замѣтки въ отдѣлѣ «Библіографіи», а теперь перейдемъ къ обозрѣнію двухъ художественныхъ журналовъ, издающихся въ Петербургѣ.

Первый изъ нихъ *Искусство и художественная промышленность*, выходящій подъ редакціей Н. П. Собко, далъ въ вышедшихъ уже двѣнадцати выпускахъ цѣлый рядъ статей о русскихъ и заграничныхъ выставкахъ и конкурсахъ, причемъ болѣе интересныя картины и рисунки были воспроизведены на страницахъ журнала въ очень удачныхъ снимкахъ автотипіей. Далѣе слѣдуютъ очерки и характеристики иностранныхъ художниковъ—Джованни Сегантини, Альберто Пазини, Розы Бонёръ и другихъ, а также русскихъ—Е. Полѣновой и П. М. Шмелькова († 1890 г.), который является продолжателемъ школы русскихъ жанристовъ послѣ Венеціанова и Ѳедотова. Особенно цѣнны — по нашему мнѣнію — тѣ статьи въ журналѣ г. Собко, которыя сообщаютъ нѣкоторыя свѣдѣнія о совершенно неизвѣстномъ у насъ искусствѣ славянъ: хорватовъ, чеховъ, болгаръ и поляковъ. Очень интересна статья объ испанской современной живописи. Немного статей посвящено археологіи, напримѣръ, «Нѣсколько соображеній по поводу уничтоженныхъ и уцѣлѣвшихъ памятниковъ старины въ Кіево-Печерской лаврѣ» Е. М. Кузьмина, «Подоконники въ теремныхъ покояхъ Московскаго Кремля» Н. С. Матвѣева, а также чистому и прикладному французскому искусству съ древнѣйшихъ временъ; изъ этихъ очерковъ мы укажемъ слѣдующіе: «Кельтское и галло-римское искусство», «Ювелирныя издѣлія варварской и меровингской эпохъ», «Керамика», «Церковныя сокровища», «Живопись историческая и бытовая», «Миніатюры рукописей», «Ковровое производство», «Портретъ», «Пейзажъ», «Медали» и другіе. Въ «Хроникѣ» того же журнала находимъ обозрѣніе художественной дѣятельности нашихъ провинціальныхъ обществъ, кружковъ и школъ, свѣдѣнія о выдающихся явленіяхъ въ мірѣ искусства и протоколы засѣданій совѣта академіи художествъ. Вообще, «Хроника» (отдѣльное приложеніе) даетъ довольно живую картину художественной жизни у насъ и за границей.

Нѣсколько иного характера другой журналъ, редактируемый С. Дягилевымъ, *Міръ Искусства*. Здѣсь есть литературный отдѣлъ и всѣ книжки журнала за нынѣшній годъ заняты большой и пока еще мало понятной работой Д. Мережковскаго, въ трехъ частяхъ «Левъ Толстой и Достоевскій». Затѣмъ слѣдуетъ статья П. Перцова «Идеалы Пушкина», некрологи Вл. Соловьева, Ницше, Левитана, А. Урусова, спеціальныя статьи по исторіи живописи, посвященныя творчеству К. Брюллова, Обри Бердслея, Уильяма Никольсона, Ѳеодора Бруни и другихъ художниковъ. Есть нѣсколько переводныхъ работъ, напримѣръ, «Прерафаэлитизмъ» Дж. Рёскина, «Темницы искусства» Сизерана, «О художественныхъ хранилищахъ стараго и новаго времени» Фуртвенглера. Но главное достоинство этого журнала, несомнѣнно, состоитъ въ прекрасно выполненныхъ снимкахъ съ лучшихъ произведеній самаго послѣдняго времени какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ художниковъ, преимущественно разныхъ «новыхъ» направленій. Мы сказали о достоинствахъ этихъ двухъ журналовъ, а о недостаткахъ другъ друга они такъ часто сами говорятъ, что, право, лучше было бы, если

бы журналы, вмѣсто никому не нужной полемики, занялись болѣе важными и интересными вопросами.

Напримѣръ, въ одномъ изъ номеровъ изданія Н. П. Собко находимъ такую похвалу изданію, редактируемому С. Дягилевымъ: «Не можемъ не отмѣтить перемѣнъ къ лучшему въ *Мірѣ Искусства* за новый годъ. Если слогъ его «Хроники» попрежнему напоминаетъ языкъ мелкой прессы, съ довольно дешевыми остротами нѣсколько сомнительнаго свойства; если текстъ наполняется еще переводами изъ печатныхъ иностранныхъ изданій подъ видомъ спеціально написанныхъ для журнала статей; если между текстомъ и рисунками зачастую почти или совсѣмъ нѣтъ никакой связи; если среди снимковъ попадаются иной разъ чисто дѣтскіе наброски,—то все же, по части воспроизведеній, журналъ, съ превращеніемъ его въ литературно-живописно-музыкальный органъ, сдѣлалъ прогрессъ противъ прежняго». Конечно, редакція «восхваленнаго» журнала не осталась въ долгу и, читая между строкъ о «сдѣланномъ ею прогрессѣ противъ прежняго»—отвѣтила тѣмъ же. Въ послѣднемъ номерѣ *Міра Искусства* посвящено цѣлыхъ четыре замѣтки по адресу г-на Собко и преемнику его—г-ну Стороннему (объ этомъ же говорится въ письмѣ С. Дягилева въ редакцію *Новаго Времени* отъ 1 октября). «Въ своихъ статьяхъ объ искусствѣ г-нъ Сторонній обнаружилъ совершенно достаточное невѣжество, а заманчивыя обѣщанія, изложенныя имъ съ такой предупредительностью въ послѣднемъ фельетонѣ, несомнѣнно обезпечиваютъ успѣхъ его кандидатуры... Два года тратились громадныя средства на совершенно ничтожное изданіе, лишь скомпрометировавшее художественный авторитетъ общества»... Другихъ замѣтокъ мы не будемъ приводить, такъ какъ онѣ касаются общества поощренія художествъ, которое «разрѣшаетъ г-ну Собко пользоваться фирмой общества, не боясь того, что этимъ оно вводитъ публику въ заблужденіе». Наконецъ, *Міръ Искусства* приводитъ изъ одной переводной статьи цѣлый рядъ фразъ, свидѣтельствующихъ о «редакторской небрежности» г-на Собко и прибавляетъ: «такого безобразнаго отношенія къ дѣлу намъ не приходилось встрѣчать въ печати»!

Этимъ полемика далеко не кончилась. Болѣе осторожный и сдержанный Н. Собко въ послѣднемъ выпускѣ своей «Хроники» помѣстилъ статью «Отъ редакціи». «Редакція,—говоритъ онъ,—будетъ бороться всѣми возможными силами противъ такъ называемаго «декадентскаго» направленія, прививаемаго юношеству разными аферистами, неспособными выдвинуться ничѣмъ инымъ, кромѣ подобныхъ мѣръ,—именно какъ прививается дурная болѣзнь, являющаяся бичомъ человѣчества съ незапамятныхъ временъ. Зараза коснулась, къ сожалѣнію, отчасти и художественныхъ школъ, по злой воли или по недостаточности развитія руководителей. Есть тутъ, конечно, и искренне юродствующіе и вѣрующіе въ свое превосходство; но есть, я думаю, и хитрецы, которые сознательно слѣдуютъ за модными теченіями, разъ тутъ видна какая-нибудь матеріальная выгода или возможность заслужить популярность въ извѣстной средѣ. Аферисты устраиваютъ

ставки или предпринимаютъ изданія подъ видомъ безкорыстной пропаганды новыхъ идей на смѣну старымъ; а когда нельзя ужъ пробавляться одними псевдо-символическими произведеніями съ видимо-отсутствующими въ природѣ, совсѣмъ исковерканными существами или всякими несуразными явленіями, тогда пристегиваются къ этому и произведенія, не имѣющія ничего общаго съ первыми...» Вполнѣ ясно, конечно, по чьему адресу сдѣланы эти вылазки.

Въ заключеніе нельзя обойти молчаніемъ очень остроумнаго проекта Д. Пахомова—устраивать ежегодно одну большую выставку въ залахъ академіи художествъ для того, чтобы по ней можно было судить о движеніяхъ русскаго искусства за извѣстное время. «Выставки академіи, — говоритъ г. Пахомовъ,—должны носить не узкій, партійный характеръ, а представлять собраніе по возможности лучшихъ вещей наилучшихъ художниковъ всѣхъ школъ и направленій. Академія должна выбирать и суммировать все выдающееся въ области художественной жизни и представлять ясную и наглядную картину высшихъ точекъ, до которыхъ въ настоящее время дошло только русское искусство». Предложеніе это заслуживаетъ вниманія уже потому, что такіе же «салоны» находимъ въ Парижѣ, Берлинѣ, Лондонѣ и другихъ большихъ европейскихъ столицахъ. Теперь едва ли каждая изъ выставокъ, устраиваемыхъ десятками въ теченіе года, можетъ выражать извѣстное направленіе: раскольники-передвижники и классики-академики теперь представляютъ совершенно пустыя слова. Наоборотъ, жюри академіи оказалось въ нынѣшнемъ году гораздо либеральнѣе къ «новымъ» направленіямъ живописной техники, тогда какъ жюри передвижниковъ съ ихъ устарѣвшими традиціонными требованіями забраковало массу картинъ новыхъ русскихъ «сецессіонистовъ». Но противъ этого прекраснаго проекта выступили г. Далькевичъ, г-жа Шнейдеръ и другіе художники, и окончательно его забраковали. Это они сдѣлали совершенно напрасно.

А. И. Яцимирскій.

Горе героямъ!

(Письмо въ редакцію).

Съ тѣхъ поръ, какъ въ Москвѣ возникъ Художественный театръ, московская публика переживаетъ періодически приливы сильнѣйшихъ театральныхъ волненій. Въ Москвѣ вообще искони театральный сезонъ игралъ ту самую роль, какую, напримѣръ, играетъ парламентская сессія въ крупной западно-европейской столицѣ. Но Художественному театру выпало спеціальное назначеніе—создавать «большіе дни» въ московской сезонной жизни, вызывать цѣлыя партіи среди просвѣщенныхъ москвичей и зажигать настоящія салонно-газетныя междоусобицы.

До послѣдняго времени всѣ эти чувства питались одной и той же пищей—новыми *пьесами*, точнѣе,—новыми *спектаклями* на сценѣ юнаго театра. Сенсаціи неуклонно пріурочивались къ цѣлому сценическому зрѣлищу, и именно оригинальность и особая виртуозная стройность постановокъ и коллективнаго артистическаго исполненія создали шумную славу Художественному театру. Сюда шли смотрѣть не отдѣльнаго какого-либо исполнителя, не *героя* пьесы и сцены, а *толпу*, совершенно исключительную по своей разумности и эстетичности. Только на новой сценѣ *толпа*,—явленіе, какъ извѣстно, пестрое, стихійное и весьма часто безтолковое,—оказывалась поразительно одухотвореннымъ и гармонически-прекраснымъ существомъ. Московская публика впервые на спектакляхъ чуяла и воспринимала не психологію каждаго дѣйствующаго лица отдѣльно, а *душу всей пьесы*, дышала атмосферой цѣльнаго міра, тщательно создаваемаго для каждой драмы и комедіи. И эта-то душа и этотъ міръ захватывали зрителей, на нѣсколько часовъ ихъ самихъ дѣлали своими органами, и зрители, покоренные новизной ощущеній, прощали авторамъ незначительность и тусклость ихъ героевъ, слабость драматическаго таланта, странность и искусственность отдѣльныхъ сценъ. За общей иллюзіей исчезали подробности, и публика выходила изъ театра съ переполненнымъ сердцемъ и воображеніемъ даже послѣ того, какъ умъ ея не пріобрѣлъ рѣшительно ни одной здоровой и свѣжей мысли и память затруднилась бы воспроизвести въ стройной осмысленной формѣ внутреннее содержаніе только что видѣнной пьесы.

Въ этомъ заключалась сила новаго театра до постановки *Штокмана*. Появленіе этой пьесы оказалось однимъ изъ самыхъ «большихъ дней» для московскихъ любителей театра, но смыслъ этого дня единственный въ своемъ родѣ: интересъ публики сосредоточенъ не на пьесѣ въ ея цѣломъ, не на ея общей постановкѣ и общемъ исполненіи, а на главной роли, на *героѣ*. Такъ и слѣдовало ожидать. Всѣ ибсеновскія пьесы—героическія, *личныя*, т.-е. въ нихъ личность—начало, центръ и конецъ авторскаго замысла и всего драматическаго дѣйствія. Художественный театръ сдѣлалъ двойное открытіе, показалъ, что на его сценѣ существуетъ не только изумительно умная толпа, но есть и герой, т.-е. артистъ, способный увлечь публику рѣзко-индивидуальной фигурой, сосредоточить ея живой интересъ на *личной* психологіи.

Виновникъ «открытія», — г. Станиславскій, — и раньше извѣстный за даровитаго артиста, но именно роль Штокмана окончательно закрѣпила за нимъ эту славу. Если бы все дѣло ограничилось только этимъ результатомъ, мы могли бы только привѣтствовать событіе и покорно присоединиться къ «гласу народа»: г. Станиславскій неподражаемъ въ новой роли, смотрѣть его, значитъ провести одинъ изъ интереснѣйшихъ вечеровъ, но артистъ художественнаго театра сдѣлалъ не одно, а, по крайней мѣрѣ, два открытія, и второе открытіе у всякаго, кому извѣстенъ вообще Ибсенъ, независимо отъ театральныхъ представленій, должно вызывать далеко не сплошное чувство признательности и восторга.

Что такое Ибсенъ, какъ драматургъ?

Вопросъ можетъ показаться слишкомъ сложнымъ, чтобъ его рѣшать въ случайномъ «письмѣ», особенно послѣ того, какъ послѣдняя драма Ибсена, повидимому, нагнала на московскую публику совершенно непроницаемый туманъ. Въ дѣйствительности рѣдкій писатель можетъ похвалиться такой яркостью, можно сказать, даже одноцвѣтностью своей человѣческой и художественной психологіи, какъ Ибсенъ.

Вся эта психологія сводится къ одному всепоглощающему стремленію—*культу личности*. Именно культу, потому что у Ибсена всѣ нравственныя и общественныя задачи разрѣшаются *личностью*, и его творчество не что иное, какъ *провозглашеніе самодержавной личности*. И смыслъ этотъ тѣмъ опредѣленнѣе, что онъ не только литературный, но и біографическій. Ибсенъ самъ по себѣ могучая, суровая личность, прошедшая боевой жизненный путь среди «толпы», «большинства». Въ молодости Ибсенъ сравнивалъ свою судьбу съ обычной исторіей птицы гаги. Птица эта вьетъ гнѣздо надъ моремъ и устилаетъ его собственнымъ пухомъ. Гнѣздо отыскиваютъ рыбаки, похищаютъ пухъ и разоряютъ птичій домъ. Но гага снова принимается за работу и повторяетъ это до трехъ разъ, послѣ третьяго разоренія гнѣзда она покидаетъ негостепріимный берегъ и летитъ на югъ, гдѣ свѣтитъ и смѣется солнце.

Такъ и самъ поэтъ.

Въ молодости его вынудили покинуть родину, послѣ многочисленныхъ

его попытокъ свить гнѣздо. И только уже на старости лѣтъ изгнанникъ услышалъ привѣтствія отъ Норвегіи. Но, даже внимая восторженнымъ юбилейнымъ рѣчамъ, Ибсенъ съ грустнымъ раздумьемъ обращался къ своему прошлому и настоящему и говорилъ: кто находилъ свой очагъ въ стольких странахъ,—нигдѣ на самомъ дѣлѣ не чувствуетъ себя дома, даже въ своемъ отечествѣ.

О чемъ же могъ писать поэтъ, переживший такую жизнь?

Только объ одномъ: объ одинокомъ, непобѣдимомъ человѣкѣ. Самодовлѣющая нравственная сила—вотъ муза Ибсена. Она пронесла свой гордый девизъ сквозь всѣ современныя демократическія движенія и до послѣдняго дня остается при убѣжденіи, что никакая крайняя демократія не можетъ и не должна заслонять высшаго личнаго героизма.

Около двухъ лѣтъ назадъ, на юбилеѣ Ибсенъ такъ объяснилъ свою соціальную вѣру:

«Одна только демократія можетъ разрѣшить соціальный вопросъ. Но новое общество должно заключать аристократическій элементъ. Это не будетъ аристократія рожденія, ни туго набитаго кармана, даже не ума, а аристократія характера, воли, души».

Вполнѣ ясно, и станетъ еще яснѣе, когда мы припомнимъ литературные образы, созданные Ибсеномъ: всѣ они, какъ центральныя лица драмъ, движутся между Норой и Штокманомъ. Это будто валькиріи и викинги, перенесенные въ атмосферу XIX вѣка. Всѣ они дышатъ древнимъ скандинавскимъ героизмомъ «царей моря»,—всѣ они родныя дѣтища собственнаго сердца автора. И Штокманъ самое близкое, самое кровное дитя,—онъ, дѣлающій послѣднее и самое важное, самое *ибсеновское* открытіе: «сильнѣе всѣхъ тотъ, кто стоитъ одинокимъ», т.-е. кто работаетъ на пользу демократіи какъ аристократъ, зависимый только отъ своихъ личныхъ убѣжденій, отъ своей совѣсти.

И въ этой истинѣ ничего нѣтъ ни поразительно новаго, ни слишкомъ теоретическаго. Штокманъ имѣетъ больше всего успѣха въ Англіи, и именно здѣсь искони *свободнѣйшіе* люди сѣтовали на упадокъ личности. Бокль и Милль, раньше Ибсена, жаждали побольше Штокмановъ въ своемъ отечествѣ, побольше независимой «творческой мысли»,—и Милль спасеніе свободы видѣлъ въ появленіи умовъ, способныхъ стать выше выработанныхъ большинствомъ принциповъ и идеаловъ.

Такъ просто и такъ общедоступно,—и такова тайна всей ибсеновской писательской дѣятельности.

И вотъ съ этой разгадкой тайны мы пришли въ Художественный театръ посмотрѣть на Штокмана—Ибсена, наивнаго идеалиста въ молодости, революціонера послѣ разочарованій и реформатора въ моментъ, когда отъ него окончательно отхлынуло отечественное «большинство», и онъ дѣйствительно оказался одинокимъ. Мы готовились въ художественныхъ образахъ пережить жизнь и идейный процессъ автора-борца, вплоть до послѣдней драмы неумолимо преслѣдующаго объективное искусство, готоваго

душѣ чистаго поэта разоблачить бездну эгоизма, невмѣняемую совѣсть и безсознательную самоуслаждающуюся жестокость сердца.

Именно яркій вполнѣ реальный смыслъ «эпилога» *Когда мы, мертвые, пробуждаемся* бросаетъ лишній лучъ на неизмѣнную художественную вѣру Ибсена.

И мы увидѣли Штокмана.

Съ первой же минуты намъ вспомнилась одна немногорѣчивая, но глубоко проникновенная ибсеновская сцена.

Бесѣдуютъ герой и героиня. Онъ долго искалъ ее, томился по ней, успѣлъ прожить безъ нея всю молодость, накопилъ море никому не повѣданныхъ страданій, и вотъ, наконецъ, встрѣтилъ ее.

— Я хочу разсказать тебѣ сагу,—говоритъ онъ

— Она грустна?

— Грустна, какъ жизнь.

— Развѣ жизнь грустна?

— Выслушай и тогда скажи.

И онъ начинаетъ повѣсть безплодныхъ жертвъ, безсмысленныхъ томленій, медленной тяжелой душевной агоніи въ поискахъ за свѣтомъ и счастьемъ.

И вотъ мы вспомнили все это, слѣдя за игрой г. Станиславскаго.

Да, жизнь грустна и безтолкова, такъ, какъ мы ее недавно видѣли въ комедіи г. Чехова. Нѣтъ страсти,—вмѣсто нея нервозъ, нѣтъ силы,—вмѣсто нея судорожные порывы подавленной и обезумѣвшей души, нѣтъ далекихъ и широкихъ путей,—предъ людьми глухая мертвая стѣна,—и безумецъ тотъ, кто пожелалъ бы пробить ее собственнымъ лбомъ.

Штокманъ—изъ этого каземата.

Онъ давно утратилъ и физическое и умственное зрѣніе,—вѣрнѣе родился близорукимъ, почти слѣпымъ. Онъ поминутно наталкивается на предметы даже въ своей комнатѣ, безъ очковъ не можетъ ни читать книги, ни узнавать человѣка. Онъ фатально безпомощенъ. Онъ нуждается ежеминутно въ поводырѣ, въ нянькѣ. Удалите отъ него жену и кухарку,—онъ, навѣрное, окажется въ положеніи щедринскаго генерала, не будетъ въ состояніи найти своего платья и добыть пищи. Онъ великъ и энергиченъ, но только за письменнымъ столомъ, съ микроскопомъ,—на шагъ отъ всего этого онъ будто новорожденный ребенокъ.

И такой человѣкъ можетъ быть идеалистомъ?

Несомнѣнно, но только не потому, что онъ знаетъ и любитъ нѣчто болѣе прекрасное и разумное, чѣмъ окружающая жизнь, а потому, что онъ совсѣмъ не знаетъ жизни и считается только съ міромъ формулъ, терминовъ, словъ и даже буквъ, и знаковъ препинанія. Это не идеализмъ, когда человѣку ясны двѣ категоріи явленій—отрицательная и положительная, косная и творческая, а *абсентеизмъ* разума и воли, трогательное и въ то же время жалкое ослѣпленіе заугольнымъ спеціальнымъ царствомъ отъ печенной учености, кабинетнаго подвижничества. Свѣтъ реальной жизни

должен болѣзненно рѣзать Штокману глаза и безпрестанно повергать его въ растерянность, вызывать у него мысль скрыться отъ этого свѣта за грудой книгъ и рукописей и считаться съ нимъ при посредствѣ жены, дочери и кухарки Катерины.

И такой человѣкъ можетъ быть борцомъ?

Несомнѣнно, только не на бурной открытой сценѣ, не на трибунѣ, не предъ лицомъ возмущенной толпы, а въ своемъ уголкѣ, при свѣтѣ лампы, подъ надзоромъ здѣсь же вяжущей чулокъ няньки-жены.

Вы знаете, какъ умеръ знаменитый филологъ Гаазе?

За письменнымъ столомъ, за чтеніемъ корректуръ,—смерть поразила его внезапно, голова его склонилась тихо на бумаги и на его лбу нашли отпечатокъ корректурнаго листа.

Вотъ поле сраженія и катастрофа, достойная нашего Штокмана. Онъ не задумается мѣсяцы потратить на то, чтобы уличить коллегу въ невѣрномъ чтеніи древняго текста, завяжетъ даже многолѣтнюю полемику,—но вынести весь этотъ соръ на судъ непосвященныхъ! Никогда! Иначе наука не будетъ священнодѣйствіемъ избранныхъ, а добычей улицы.

Вы припоминаете біографію ибсеновскаго Штокмана. Вся жизнь его—сплошной реализмъ, жизнь врача и добраго энергичнаго человѣка среди полудикарей. У него врядъ ли имѣлся даже кабинетъ или письменный столъ, и книги онъ читалъ развѣ только урывками и по счастливой случайности. Если онъ большой знатокъ въ своемъ дѣлѣ, то исключительно благодаря талантливости и наблюдательности; вѣдь и предметы его—естествознаніе и медицина,—и онъ не столько ученый, сколько геній-изобрѣтатель, пріобрѣтающій знанія путемъ вдохновенной догадки, интуиціи, однимъ словомъ, самобытной практической даровитости. Его лабораторія на открытомъ воздухѣ и предметъ наблюденія—непосредственная жизнь. И именно Штокманъ долженъ отличаться увѣренностью и свободой внѣшнихъ пріемовъ, остротой и мѣткостью взгляда,—это своего рода Соломинъ только съ *европейскимъ* темпераментомъ, съ натурой трибуна и воинствующаго агитатора, картиннаго и грознаго въ моментъ борьбы.

А Штокманъ Художественнаго театра?

Да это гимназистъ, всю жизнь имѣвшій за прилежаніе полный баллъ, поступившій на «чистое» отдѣленіе историко-филологическаго факультета, основательно излагавшій комментаріи къ нѣкоторымъ классическимъ писателямъ—отнюдь не самихъ писателей, и за свое долготерпѣніе награжденный мѣстомъ преподавателя латинскаго и греческаго языковъ. Естественно, онъ почти ослѣпъ отъ «текстовъ», разучился ходить и особенно забавенъ жить безъ помощи гувернантки или няньки. Онъ безпрестанно становится забавнымъ и даже жалкимъ, а ужъ когда объясняетъ свое знаменитое открытіе насчетъ силы и одиночества, публика имѣетъ всѣ основанія расхохотаться. Хорошъ одинокій герой въ образѣ педанта и крота!

И авторъ будто бы можетъ заставить его устроить митингъ и бро[ть]

въ лицо толпѣ самыя вопіющія оскорбленія,—тѣ самыя, за которыя Ибсенъ долженъ былъ десятки лѣтъ жить внѣ своего отечества!

Правда, нашъ филологическій Штокманъ старается кое-какъ помочь сюрпризу и смягчить наше изумленіе, онъ старается свои жестокія слова произносить будто расшаркиваясь, притомъ по-русски—прибавляя къ фразѣ *съ*. Это *слово-ерикъ*—великолѣпнѣйшая оснастка для рѣчей Штокмана! Вообразите Ибсена, съ его лицомъ, напоминающимъ божество изъ скандинавской миѳологіи, съ его жесткимъ, нелюдимымъ взглядомъ, съ его закаленной прирожденно и принципіально-боевой натурой,—и вдругъ *слово-ерикъ!* Простодушнѣе трудно было исполнителю изобличить самого себя, откровеннѣе снять маску съ своего Штокмана.

Мы снова повторяемъ, г. Станиславскій въ своей передѣлкѣ явился замѣчательнымъ артистомъ, даже вдвойнѣ замѣчательнымъ. Сначала онъ изъ драмы Ибсена извлекъ совсѣмъ особеннаго Штокмана,—не Шток-мана, а Шток-кинда, а потомъ провелъ свою роль съ поразительно-выдержанными, артистически-изобрѣтенными подробностями. Ибсенъ былъ похороненъ съ блескомъ и съ тріумфомъ...

И вотъ этотъ-то тріумфъ едва ли не самая любопытная сторона всего происшествія.

Мы безусловно присоединяемся къ общему удивленію предъ искусствомъ г. Станиславскаго: съ этихъ поръ мы знаемъ, Москва, помимо блестящихъ художественныхъ силъ Малаго театра, имѣетъ выдающагося артиста и можетъ внести его имя въ свои театральныя лѣтописи. Но наверху страницы, гдѣ будетъ красоваться имя г. Станиславскаго, должно быть отмѣчено: слава артиста началась съ перелицовки ибсеновскаго героя и съ недоразумѣнія,—точнѣе, съ обиднаго самообличенія московской публики.

Она покорно пошла не только за искусствомъ, но и за толкованіемъ г. Станиславскаго. Она *его* Штокмана признала болѣе реальнымъ лицомъ, чѣмъ ибсеновскаго. И это признаніе означало: мы, русскіе люди, готовы допустить существованіе идеалистовъ, ставящихъ независимость личной совѣсти и мысли выше, такъ называемаго, «общественнаго мнѣнія», но только эти существа должны быть болѣе или менѣе невмѣняемы и непремѣнно комичны, своего рода «антики», стукающіеся головами обо всѣ встрѣчные предметы. А иначе фигура будетъ деревянная, ходульная, чисто-теоретическая. Вообще мы не вѣримъ, чтобы физически и нравственно зрячій человѣкъ, обладающій живымъ умомъ и сильной практической волей, могъ дѣлать открытія въ ущербъ своему положенію въ обществѣ и сражаться съ вѣтряными мельницами, т.-е. съ косными стадными взглядами, съ классовымъ эгоизмомъ, съ партійнымъ шарлатанствомъ. Это впору какому-нибудь убогому вѣчному ребенку, а не настоящему человѣку.

Да, таковъ смыслъ неограниченнаго успѣха московскаго Штокмана у московской публики...

Не особенно давно были времена, когда не только Лео Шпильгагена, но даже маркизъ Поза Шиллера не казались именно въ Москвѣ слишкомъ

отвлеченными и неестественными, когда московская критика непремѣнно подняла бы бурю за «опрощеніе», вѣрнѣе, за приниженіе и измельчаніе художественнаго лица. Особенно, если бы у этой критики былъ предъ глазами совершенно реальный, *фактическій* Штокманъ,—самъ его авторъ.

Тогда бы критика сказала: если вы, нѣкоторые наши соотечественники, находите такого Штокмана болѣе дѣйствительнымъ, — вѣруйте въ это исключительно за свой счетъ. Вамъ инстинктивно, во имя нравственной самозащиты, хочется Штокмана по возможности не укорительнаго для вашей массовой психологіи, вы хотите уйти изъ театра безъ всякаго досаднаго чувства на себя и свое существовательство, тогда имѣйте мужество сознаться: это *удобный* для насъ герой, съ *такими* героями толпа можетъ спокойно переваривать свой обѣдъ, ибо герой просто забавенъ и жалокъ. Но это *вы* говорите, и почему говорите—дѣло вашей совѣсти. Но «земля всетаки вертится», и существуютъ Штокманы, не имѣющіе ничего общаго съ московской складкой,—все равно какъ бывали и московскіе, и не московскіе чайльдъ-гарольды. И доказательство не только драма, но и исторія.

Она заставляетъ насъ припомнить горькія и по существу трагическія слова, сказанныя когда-то англійскимъ писателемъ по адресу современной толпы: *the decline of individuality*... Вотъ этотъ именно *упадокъ личности* и вызвалъ на сцену особаго Штокмана и въ залу театра собралъ зрителей не только благосклонныхъ къ *игрѣ*, но и къ *факту*,—зрителей, въ глубинѣ души благодарныхъ артисту за искусную, унизительную анатомію явленія идеальнаго и героическаго, въ сущности—явленія творческаго и прогрессивнаго, уничтожаемаго во славу силъ косныхъ и стадныхъ.

Ив. Ивановъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Декабрь 1900 года.

Содержаніе. I. **Книги:** Беллетристика.—Философія, психологія, педагогика.—Критика и публицистика.—Исторія.—Географія, путешествія.—Медицина.—Книги для дѣтей.—Справочныя книги. II. **Періодическія изданія:** «Міръ Божій», *ноябрь*.—«Русское Богатство», *октябрь*,—«Вѣстникъ Европы», *ноябрь*. III. **Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1-го ноября по 1-е декабря 1900 г.** IV. **Указатель книгъ, разобранныхъ въ «Библіографическомъ отдѣлѣ» журнала «Русская Мысль» за 1900 годъ.**

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

„Въ мастерской“ Бытовые очерки. *И. А. Данилина.*—„Преступники“. *П. Б. Хотимскаго.*—„Разсказы Людвига Анценгрубера“.—„Въ одиночномъ заключеніи“. *А. И. Фаресова.*—„Стихотворенія“. *С. Головачевскаго.*

Въ мастерской. Бытовые очерки. И. А. Данилина. — Преступники. П. Б. Хотымскаго. „Новая Библіотека“, изданіе журнала „Русская Мысль“. Москва, 1901 г. Ц. 40 к. Въ своихъ очеркахъ, изданныхъ подъ общимъ заглавіемъ „Въ мастерской“, авторъ обнаруживаетъ близкое знакомство съ бытомъ рисовальщиковъ въ литографіи, издающей аляповатыя и пестрыя картинки „для народа“. Жизнь этихъ тружениковъ, среди грязной и непривѣтливой обстановки мастерскихъ и спаленъ, скрашивается только нѣсколькими отдѣльными личностями, — способнымъ рисовальщикомъ Коптевымъ, бывшимъ когда-то „настоящимъ“ художникомъ, и чуткимъ Мотылевымъ, который всегда заступается за молодыхъ учениковъ. Основная черта этихъ рисовальщиковъ — неудовлетворенность своими работами, лишенными смысла и содержанія, и неприглядной жизнью съ тяжелымъ трудомъ и праздничнымъ разгуломъ.

Другой авторъ, П. Б. Хотымскій, беретъ болѣе оригинальные типы и вводитъ читателя въ душную среду пересылочныхъ арестантовъ. Его „Бродяжка“—очень яркій типъ тюремнаго „воспитанника“; хотя ему и удалось бѣжать съ поселенія и почти добраться до Урала, но онъ добровольно отдается „начальству“ и снова попадаетъ въ тюрьму, потому что эта обстановка ему болѣе сродни. „Горбуновъ“, это — старый арестантъ, серьезный, молчаливый. Необыкновенно трогательна его привязанность къ молодому парню Монькѣ, котораго обижаетъ его дядька. Самый интересный изъ арестантовъ—„Чужакъ“ или „монахъ Алешка“. До самой своей трагической кончины Алешка остается „чужакомъ“ для загрубѣлыхъ своихъ товарищей. Алешка убѣжденъ, что, попавъ въ тюрьму „безвинно“, онъ войдетъ въ царство небесное. Поэтому онъ не разъ уже является къ властямъ и выдаетъ себя за преступника. Его

садятъ въ острогъ, но послѣ продолжительнаго и, конечно, безуспѣшнаго слѣдствія выпускаютъ на свободу. Арестанты издѣваются надъ его религіозностью, надъ чистотой его дѣтской души, а онъ все терпитъ въ надеждѣ за эти добровольныя поруганія войти въ „небесное царство".

Разсказы Людвига Анценгрубера. Переводъ съ нѣмецкаго съ предисловіемъ Л. И. Коганъ. Изданіе „Новой Библіотеки" редакціи журнала „Русская Мысль". Ц. 20 к. Имя нѣмецкаго народнаго писателя Людвига Анценгрубера († 1889 г.) очень мало извѣстно русской читающей публикѣ, несмотря на огромный успѣхъ драматическихъ произведеній и, главнымъ образомъ, разсказовъ Анценгрубера въ Австріи и Германіи. Дѣйствія всѣхъ разсказовъ его происходятъ въ деревнѣ, а всѣ герои ихъ—крестьяне, или „неудовлетворенные и порочные люди, не находящіе отвѣта въ религіи на ихъ запросы къ жизни", или свѣтлыя и истыя души, которыя глубоко скорбятъ о своихъ заблужденіяхъ и всегда стремятся къ правдѣ и любви къ людямъ, которыя желаютъ быть „друзьями всѣхъ сирыхъ и гонимыхъ" и находятъ, несмотря на свои сомнѣнія въ религіи, самыя теплыя слова, самое горячее участіе... Анценгруберъ открыто возстаетъ противъ показной стороны католической религіи и напускного ханжества; вмѣсто нихъ онъ рекомендуетъ людямъ религію мира и любви, любовь къ человѣку, и, благодаря жизненному и правдивому изображенію, предъ читателемъ встаютъ прекрасные примѣры „друзей человѣка", которые вѣрятъ, что рано или поздно наступитъ для человѣческаго сердца „вѣчное Рождество". Таковъ характеръ творчества нѣмецкаго народнаго писателя. Въ русскомъ переводѣ собраны слѣдующіе разсказы: „Лиза-гусятница", „Трефовый тузъ" — о томъ, какъ часовщикъ Михель разувѣрилъ одну суевѣрную крестьянку въ полной нелѣпости гаданій на картахъ, „Исторія о дурныхъ пословицахъ" — о тяжелыхъ послѣдствіяхъ для одного крестьянина, который оправдывалъ всѣ свои дурные поступки пословицей: „одинъ разъ въ счетъ не идетъ", „Сонъ мооргофца"—о жестокихъ „старыхъ временахъ" нѣмецкаго крѣпостничества, и „Благочестивая Катерина", которая пожертвовала своимъ собственнымъ счастьемъ для спасенія младшей сестры.

Въ одиночномъ заключеніи. А. И. Фаресова. Спб. Ц. 1 руб. Книжка г. Фаресова представляетъ интересъ благодаря своей темѣ. Описанію каторги и быта уголовныхъ преступниковъ въ нашей русской литературѣ посвящено не мало страницъ. Г. Фаресовъ, кажется, впервые описалъ положеніе политическаго преступника, находящагося во все время предварительнаго слѣдствія, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, въ одиночномъ заключеніи. Авторъ, народникъ-пропагандистъ начала семидесятыхъ годовъ, былъ заключенъ въ одиночную камеру въ Саратовѣ. На допросахъ онъ упорно отмалчивался и потому послѣдовательно прошелъ всѣ тюрьмы въ восходящемъ порядкѣ. Послѣ провинціальной тюрьмы—московскій бутырскій замокъ, именно ужасную Пугачевскую башню, затѣмъ, петербургскую тюрьму—„Домъ предварительнаго заключенія" и Петропавловскую крѣпость. Подробно описывая порядки, быть секретныхъ арестантовъ каждой тюрьмы, авторъ старается передать и свои личныя впечатлѣнія, немногочисленныя радости и ужасныя муки и страданія. Особенно сильно очерчено у него состояніе заключеннаго, уже измученнаго тюрьмой, именно тѣ періоды, когда ослабѣвшая энергія и изнуренный организмъ приближаютъ душевныя силы человѣка къ полному разстройству: „Время, проведенное внѣ общества, уже наложило на меня свой слѣдъ. Изъ стройнаго и высокаго молодого человѣка я обрѣлъ фигуру арестанта изъ одиночнаго заключенія: вытянутую и

ключицъ шею, шатающуюся и развинченную походку слабыхъ ногъ, и лицо съ безстрастнымъ взглядомъ..." „Дѣйствительность занимала меня только въ свѣтлые промежутки душевной жизни. Апатія или галлюцинація, сонъ или безсонница, безконечное сидѣніе за столомъ съ опущенной головой на руки или хожденіе по каземату въ одномъ направленіи, до того, что на подошвахъ ногъ высохшая кожа слѣзала ремнями, чередовались между собой въ моей жизни". Эти строки говорятъ сами за себя. Впослѣдствіи Фаресовъ былъ приговоренъ къ ссылкѣ въ Сибирь, но по ходатайству суда предварительное одиночное заключеніе было зачтено ему вмѣсто наказанія, и онъ вышелъ въ свѣтъ уже состарившись, безъ житейскаго опыта въ новую для него жизнь, измѣнившуюся и ушедшую впередъ за долгіе годы его заключенія. Эта наивная неопытность и чистая искренность, проникнутая мечтательнымъ идеализмомъ, сказывается на всей книжкѣ г. Фаресова. Мы можемъ рекомендовать ее всякому читателю, интересующемуся жизнью заключеннаго въ одиночной камерѣ, если только въ данномъ случаѣ умѣстно слово—„интересоваться".

Стихотворенія. С. Головачевскаго. Москва. Ц. 80 к. Мы тщательно выискивали въ книжкѣ г. Головачевскаго поэзію и, перечитавъ не одинъ разъ его стихи, поэзіи именно и не нашли, хотя по началу, казалось, можно было ожидать и хорошаго продолженія. Все это объясняется однако очень просто. Г. Головачевскій взялъ красивую мысль, которую современный нѣмецкій поэтъ и драматургъ Артуръ Шницлеръ поставилъ эпиграфомъ своей трилогіи „Зеленый попугай" и на эту мысль написалъ нѣсколько стихотвореній, которыя и помѣстилъ въ началѣ своей книжки. Эпиграфъ Шницлера таковъ: „жизнь—игра, мудрецъ кто понялъ это". Такое совпаденіе заинтересовало насъ. Горько было разочарованіе. Мысль: „жизнь—игра", разработана у Шницлера со всей полнотой психологическаго анализа и выражена въ художественной формѣ, у г. Головачевскаго же мы прочитали болѣе десяти стихотвореній съ варіаціями на ту же тему—и болѣе ничего. Всѣ первыя стихотворенія—изложеніе одного и того же, а изложить другими словами какую-нибудь мысль вовсе не значитъ разобрать эту мысль, расширить ее. Для изложенія достаточно одного трудолюбія, а для художественной разработки нуженъ талантъ. Вотъ и все, что можно сказать хорошаго о стихахъ г. Головачевскаго: одна мысль красивая (можетъ быть вѣрная, это дѣло вкуса каждаго) и плохо разработанная.

Но мысли (особенно одной) для стиховъ мало. Кромѣ идеи должны быть въ каждомъ стихотвореніи и Прометеевъ огонь, и прекрасная форма. Ни того, ни другого нѣтъ у г. Головачевскаго. Мы читали его стихи и положительно удивлялись полному отсутствію захватывающей страсти, новыхъ образовъ, яркихъ пятенъ,—именно того, что создаетъ поэзію. Форма же стиховъ только подчеркиваетъ прозаичность и полное отсутствіе у автора художественнаго чутья. Г. Головачевскому неизвѣстно, должно быть, что избитыя риѳмы такъ же нетерпимы, какъ и плохія. Поясникъ примѣромъ. Нельзя назвать риѳмами: подходитъ, бродитъ; знакомый, влекомый и т. п., это риѳмы плохія, блѣдныя. Обиліе такихъ незвучныхъ риѳмъ всегда указываетъ на дѣланность стиховъ, точно также какъ и риѳмы: никогда, всегда; ликъ, мигъ; луна, она; и т. п. Это риѳмы избитыя, опошленныя, затасканныя дешевой поэзіей и рекламными стихотворными объявленіями. Г. Головачевскій не задумываясь пользуется всѣми этими избитыми и незвучными риѳмами. Но все это блѣднѣетъ передъ слѣдующими строками (стр. 51):

„Она скрываетъ блѣдный ликъ
И, снова засіявъ, по небу вдаль стремится
Куда же держитъ путь печальная царица?“

Стремится и царица... и это не въ шутку.

Мы не говорили бы такъ много про книжку г. Головачевскаго, если бы передъ нами была одна изъ тѣхъ сотенъ безразличныхъ, плохихъ книжекъ, которыя такъ часто появляются и такъ быстро исчезаютъ неизвѣстно куда. Г. Головачевскій заставилъ насъ обратить на себя вниманіе и даже возбудилъ въ насъ надежды своимъ сдержаннымъ тономъ и классическимъ подборомъ стиховъ. Въ оглавленіи мы увидѣли: „Сонетъ“, „Новый Пигмаліонъ“, „Кипарисъ“, „Поэзія“ и рядъ переводовъ, начиная съ Гейне, кончая Бодлэромъ Диркомъ, Адой Негри, и тѣмъ не менѣе всѣ наши надежды остались неудовлетворенными, мы увидѣли у автора искреннее желаніе написать хорошіе стихи и отсутствіе поэтическаго дарованія.

ФИЛОСОФІЯ, ПСИХОЛОГІЯ, ПЕДАГОГИКА.

„Вопросы философіи и психологіи“. Кн. 54.—„Элементы психологіи“. *Жоржа Фонсегрива.*—„Бэнъ о классицизмѣ“.—„Мысли о школьномъ и домашнемъ воспитаніи“. *Л. Кеммнера.* (Педагог. библ.. изд. К. Тихомировымъ и А. Адольфомъ).

Вопросы философіи и психологіи. Книга 54 (IV). М., 1900 г *Сентябрь—октябрь.* Этотъ выпускъ нашего философскаго журнала представляетъ собою сборникъ статей, посвященныхъ памяти Василія Петровича Преображенскаго, покойнаго редактора *Вопросовъ*. Интеллектуальная физіономія безвременно почившаго мыслителя была извѣстна немногимъ, такъ какъ онъ рѣдко выступалъ въ печати, и слѣдившіе за единственнымъ органомъ русской философіи могли только чувствовать, что скрытая и неблагодарная редакторская работа, которая происходитъ гдѣ-то тамъ, за кулисами,—что эта сосредоточенная и тяжелая работа совершается необыкновенно умѣлой рукой и требуетъ выдающихся знаній, литературнаго таланта и живой разносторонности объективнаго ума. Всѣ эти качества совмѣщалъ въ себѣ Преображенскій въ высокой степени, и его ранняя кончина составляетъ жестокій ударъ для всѣхъ, кому дорого распространеніе философскихъ знаній въ Россіи. Теперь его друзья и почитатели сдѣлали то, чего онъ самъ, изъ скромности и въ силу оригинальнаго склада своей натуры, не успѣлъ и не захотѣлъ сдѣлать за свою недолгую труженическую жизнь: они показали всѣмъ, какія умственныя сокровища таились въ Преображенскомъ, какъ своеобразна была его философская мысль и какая мучительная трагедія пытливаго духа сочеталась въ зловѣщей гармоніи съ его личной жизнью, исполненной горя и тягостныхъ разочарованій. Особенно достойный памятникъ воздвигъ своему усопшему другу кн. С. Н. Трубецкой въ статьѣ, открывающей сборникъ. Она живыми красками рисуетъ страдальческій образъ покойнаго и даетъ яркую характеристику его необычайной умственной силы. Изъ прекраснаго этюда кн. Трубецкого мы узнаемъ, что потребность въ т[о]чномъ математическомъ знаніи, эта отличительная черта добросовѣстной мысли, соединялась въ Преображенскомъ съ глубокой любовью къ ф[и]лософіи и искусству. Все лучшее, что создалъ человѣческій духъ [в] благородной области слова, воспитало умъ и душу покойнаго; онъ бы[л] истинный филологъ - гуманистъ. В. П. Преображенскій необыкновен[но] много и необыкновенно глубоко читалъ и, читая, подвергалъ всѣ п[ро]изведенія древней и новой литературы микроскопическому изслѣдова[нію]

литературному и философскому разбору. Но тонкость и тщательность анализа не заслоняли передъ нимъ и общаго синтеза: каждаго мыслителя и каждаго поэта онъ понималъ въ цѣльномъ единствѣ ихъ міросозерцанія и внутренней личности. Филологъ,—это, по выраженію Ницше, учитель медленнаго чтенія; и въ этой филологической школѣ *читатель* побѣдилъ въ Преображенскомъ *писателя:* слишкомъ строгій къ себѣ, слишкомъ взыскательный и тонкій въ своихъ литературныхъ требованіяхъ, онъ не дѣлился съ публикой богатствомъ своихъ знаній и идей. Его мысль, прошедшая черезъ филологическую критику всѣхъ системъ міровоззрѣнія, всѣхъ философскихъ и этическихъ ученій, отличалась скептицизмомъ, но это былъ скептицизмъ не легкій и самодовольный и достигнуть онъ былъ цѣною страшныхъ умственныхъ тревогъ. Въ его основѣ лежало глубокое сознаніе неизбѣжной субъективности человѣческаго мышленія, неизбѣжной условности и относительности чистой мысли. Съ этой точки зрѣнія, достоинство отдѣльныхъ теорій Преображенскій измѣрялъ не столько ихъ логической силой, сколько величіемъ и оригинальностью того субъективнаго лица, которое въ нихъ раскрывалось. Этимъ и объясняется его особое влеченіе къ философамъ-лирикамъ, и въ той цѣнной библіотекѣ, которая живыми страницами запечатлѣлась въ его головѣ, избранное мѣсто занимали Платонъ, Паскаль, Шопенгауэръ, Аміель, Ницше, Киркегоръ. Не признавая аксіомъ чистой философіи, въ особенности аксіомъ воли, Преображенскій вѣрилъ, что въ основаніи человѣческой дѣятельности и всякихъ нравственныхъ догматовъ лежитъ „инстинктъ идеальнаго самосохраненія", субъективныя влеченія души. Въ статью кн. Трубецкого, какъ въ изящную оправу, вставлены тонкіе афоризмы Преображенскаго, извлеченные изъ его рукописей. Интересно написанъ очеркъ П. А. Котляревскаго, излагающій факты внѣшней и внутренней жизни В. П. Преображенскаго; особенно любопытны страницы, изображающія московскій университетъ въ началѣ 80-хъ годовъ, преподавателей и студентовъ историко-филологическаго факультета. В. И. Герье въ небольшой, тепло написанной статьѣ характеризуетъ плодотворную дѣятельность покойнаго въ московскомъ городскомъ самоуправленіи; сочетаніе теоретической мысли съ живою практикой было одною изъ самыхъ рельефныхъ чертъ удивительной личности Преображенскаго. Статья другого, безсмертнаго покойника Вл. С. Соловьева представляетъ глубокій комментарій на ученіе о Логосѣ ап. Іоанна Богослова и выясняетъ жизненный смыслъ христіанства, превратившаго „смертоносное дерево ветхой природы... въ безсмертное дерево новой жизни, которое коренится въ любви и братствѣ, растетъ крестомъ духовной борьбы и приноситъ плодъ всеобщаго воскресенія". Значительный интересъ представляютъ очерки Л. М. Лопатина о безсознательной душевной жизни, П. И. Новгородцева объ историческомъ и философскомъ изученіи идей, И. Ф. Огнева о витализмѣ въ современномъ естествознаніи, Б. Н. Чичерина: „Метафизика есть ли наука?", Н. А. Иванцова о Лейбницѣ, П. Д. Боборыкина о ницшеанствѣ. Въ общемъ вся эта книга *Вопросовъ философіи*, которымъ Преображенскій отдалъ такъ много энергіи и таланта, проникнута искренней благодарностью къ свѣтлой памяти усопшаго.

Элементы психологіи. Жоржа Фонсегрива, профессора философіи въ лицеѣ Бюффона въ Парижѣ. Переводъ съ 3-го французскаго изданія студентовъ Московской духовной академіи подъ редакціей, съ измѣненіями и дополненіями П. П. Соколова. Сергіевъ-Посадъ, 1900 г. Ц. 1 р. 25 к. Эта изящно написанная, переведенная и изданная книга является несомнѣнно желательнымъ пріобрѣ-

теніемъ для нашей философской литературы. Прежде всего она имѣетъ высокія достоинства педагогическаго характера: ясная и красивая по своему изложенію, сосредоточенная въ группировкѣ и освѣщеніи фактовъ, стройная въ своемъ планѣ, она даетъ систематическій и проникнутый одной общей идеей очеркъ психологическихъ явленій „въ связи съ тѣми философскими проблемами, которыя вырастаютъ на ихъ почвѣ". Особенную помощь учащимся принесутъ отлично составленныя „резюмэ", которыя въ немногихъ, но сильныхъ словахъ подводятъ итоги каждой отдѣльной главы и запечатлѣваютъ въ памяти ея существенныя положенія; какъ и многія другія стороны учебника, эти резюмэ подверглись въ русскомъ изданіи значительной и вполнѣ удачной переработкѣ. По внутреннему своему содержанію книга Фонсегрива замѣчательна своимъ философскимъ духомъ, который часто отсутствуетъ въ учебникахъ психологіи, отчего послѣдняя теряетъ идейный характеръ и обращается въ сухое изложеніе неустойчивыхъ фактовъ. Правда, иныя изъ спеціально-психологическихъ задачъ остаются у французскаго автора нетронутыми, потому что общее направленіе его труда отвлекло его отъ детальныхъ изслѣдованій въ сторону общихъ вопросовъ, принудило его удѣлить не мало интересныхъ страницъ логикѣ, теоріи познанія, этикѣ и эстетикѣ; но намъ думается, что такая метода имѣетъ большое педагогическое значеніе, ибо она можетъ сразу заинтересовать учащихся широкими горизонтами, которые передъ ними раскрываются. Въ изученіи и истолкованіи элементарныхъ психическихъ состояній Фонсегривъ стоитъ на эмпирической почвѣ; здѣсь онъ примыкаетъ ко взглядамъ Юма и Д. С. Милля и считаетъ ихъ объясненія достаточными для *аффективной* психологіи, т.-е. для той части науки о душѣ, которая анализируетъ темные психическіе процессы, не входящіе въ сознаніе субъекта, не служащіе предметомъ рефлексіи. Но переходя къ психологіи *рефлексивной*, которая изучаетъ внутренніе процессы, освѣщенные самосознаніемъ, Фонсегривъ покидаетъ выводы эмпиризма для спиритуалистическихъ традицій французской философіи; въ этой области, спеціально-человѣческой, онъ признаетъ необходимымъ допущеніе универсальнаго разума и выказываетъ себя сторонникомъ теорій душевной активности и творчества, самодѣятельнаго и самостоятельнаго *я*. Можно не раздѣлять этихъ послѣднихъ взглядовъ автора, но надо согласиться, что его книга представляетъ очень искусное и выдержанное развитіе ихъ и сравнительно съ существующими у насъ учебниками Гефдинга, Джэмса, Вундта, Комперэ представляетъ собою во многихъ отношеніяхъ, интересное „audiatur et altera pars", оригинальное освѣщеніе проблемъ, которыя обыкновенно трактуются съ иныхъ точекъ зрѣнія. Въ концѣ учебника обращаетъ на себя вниманіе любопытный списокъ темъ, которыя предлагались лицеистамъ на экзаменахъ зрѣлости въ Сорбоннѣ и которыя свидѣтельствуютъ о высокомъ уровнѣ философскаго пониманія у французскихъ юношей.

Бэнъ о классицизмѣ. Тула, 1900 г. Эта брошюра представляетъ собою изложеніе взглядовъ извѣстнаго англійскаго психолога на школьный классицизмъ; хотя они высказаны въ томъ сочиненіи Бэна, которое дважды переведено на русскій языкъ (Education as a science), но не имѣютъ у насъ большой извѣстности, и поэтому вполнѣ своевременно напомнить о нихъ теперь, когда такъ много занимаются педагогическими вопросами и въ частности строемъ классической школы. Сынъ той страны, гдѣ преподаваніе античныхъ языковъ, особенно въ университетахъ Кэмбриджа и Оксфорда, поставлено очень высоко и гдѣ филологія нашла себѣ много талантливыхъ представителей, Бэнъ всетаки сохраняе

полную объективность и ясно намѣчаетъ всѣ крупные недостатки современнаго школьнаго режима съ его искаженнымъ классицизмомъ, который вызываетъ отвращеніе къ древней литературѣ и отпугиваетъ отъ нея даже тѣхъ, кто при иной постановкѣ дѣла могъ бы живо заинтересоваться писателями Эллады и Рима. Аргументы Бэна не отличаются новизной, но это не отнимаетъ у нихъ справедливости и силы; онъ основательно разбиваетъ ложную теорію, по которой школьный классицизмъ долженъ пользоваться какой-то монополіей. Ни въ смыслѣ формальнаго развитія умственныхъ способностей, ни въ смыслѣ пріобрѣтенія серьезныхъ положительныхъ свѣдѣній классическая система не представляетъ никакихъ преимуществъ передъ той школой, которая, сохраняя гуманитарный духъ, переноситъ центръ тяжести на новые языки и литературы и въ то же время усиливаетъ и возвышаетъ преподаваніе родного языка. Дать воспитанникамъ систематизированныя научныя знанія и показать имъ въ литературномъ отраженіи свою и чужую культуру, познакомить ихъ съ *человѣкомъ* въ лучшихъ проявленіяхъ его духа—такова должна быть цѣль нормальной школы.

Мысли о школьномъ и домашнемъ воспитаніи. Л. Кельлнера. Педагогическая библіотека, издаваемая К. Тихомировымъ и А. Адольфомъ. Перев. съ нѣмецк. О. Масловой, подъ редакціей Н. Горбова. Изданіе второе. М. Ц. 1 руб. 25 коп. Въ книгѣ Лоренца Кельлнера, озаглавленной *Мысли о школьномъ и домашнемъ воспитаніи* помѣщено 177 §§, и въ каждомъ § разсужденіе ведется во имя одной какой-либо главной мысли. Образчиками этихъ главныхъ мыслей могутъ служить слѣдующіе тезисы: „Нужно учить безъ строгостей и орудій наказанія, взглядывая чаще на ликъ Божественнаго Друга дѣтей“, „школа должна быть въ уютномъ уголкѣ и должна быть „привѣтливо-опрятной“, а не грязной и убогой“; „во время ревизіи убирается школа цвѣтами и гирлядами, но мы должны помнить постоянно о наблюденіи за нами *Высшаго ревизора*“, „начинать нужно не съ *буквъ*, а съ бесѣдъ о школѣ и школьныхъ предметахъ“; „учитель не долженъ быть проповѣдникомъ, а долженъ умѣть во время своей рѣчи пользоваться и глазами, и ушами“; „все, что мы дѣлаемъ въ присутствіи дѣтей, должно имѣть важныя послѣдствія“; „ученики не должны сомнѣваться въ знаніяхъ учителя, не должны сомнѣваться и въ нравственномъ достоинствѣ учителя“ и т. д. и т. д. Всѣ только что выписанныя изреченія, какъ ни вѣрны они подчасъ, едва ли возможно назвать неслыханными, и потому книга Лоренца Кельлнера не принадлежитъ къ числу любопытныхъ новинокъ, открывающихъ заманчивыя преспективы. Что касается портрета Л. Кельлнера, онъ выполненъ очень хорошо, очеркъ жизни нѣмецкаго педагога написанъ живо, переводъ книги сдѣланъ умѣло, наконецъ, примѣчанія нельзя не назвать вполнѣ умѣстными. Самымъ же цѣннымъ является указатель вопросовъ и предметовъ, о которыхъ ведется рѣчь въ книгѣ, приложенный въ концѣ ея: безъ этого указателя книгой было бы пользоваться чрезвычайно мудрено, въ виду отсутствія въ ней всякой системы и послѣдовательности.

КРИТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА.

„Политическіе мыслители и моралисты XIX в.“. *Эмиля Фагэ.*—„Славянскій вѣкъ“ №№ 1 и 2, 1900 г.—„Объединеніе дѣятельности благотворительныхъ учрежденій“. *Д-ра Э. Мюнстерберга.*—„Опытъ организаціи сельскихъ дѣтскихъ пріютовъ и его задачи. Очеркъ дѣятельности бѣлоярскаго пріюта“.

Политическіе мыслители и моралисты XIX вѣка. Эмиля Фагэ. Третья серія. Стендаль. Токвиль. Прудонъ. Сентъ-Бевъ. Тенъ. Ренанъ. Переводъ съ французскаго Л. И. Коганъ и П. А. Рождественскаго. М., 1900 г. Ц. 1 р. 50 к. Эмиль Фагэ—интересный, очень своеобразный писатель. Онъ принадлежитъ къ школѣ критиковъ, сосредоточивающихъ свое вниманіе исключительно на анализѣ „ума“, умственныхъ особенностей тѣхъ или другихъ беллетристовъ или мыслителей. Принадлежность къ подобной школѣ заставляетъ Фагэ не признавать научнаго значенія за тэновскимъ методомъ изслѣдованія литературныхъ явленій. По мнѣнію Фагэ, тэновская аксіома „литература есть выраженіе общества“ является весьма спорной. „Нужно было бы знать,—говоритъ онъ,—о какой литературѣ здѣсь идетъ рѣчь, такъ какъ литература не представляетъ изъ себя однообразной массы, и въ каждую эпоху есть три или четыре рода литературы, стоящіе одинъ надъ другимъ“ (стр. 276). Соглашаясь далѣе съ тѣмъ, что *низшая* литература, т.-е. литература „мемуаровъ, дружескихъ писемъ, мелкихъ журналовъ и газетъ“, до извѣстной степени служитъ выраженіемъ состоянія умовъ той или другой націи въ ту или другую эпоху, онъ рѣшительно протестуетъ противъ утвержденія, будто *высшая* литература отражаетъ „состояніе ума народнаго или буржуазнаго, ума средняго въ данный историческій моментъ. „Міръ высшей литературы и высшаго искусства есть избранный міръ, и если и есть точки соприкосновенія между избранниками и толпой, то все же *мысль этихъ избранниковъ не является выраженіемъ мысли толпы*“. Объяснять литературу, какъ выраженіе мысли своего времени, въ глазахъ Фагэ значитъ усвоить себѣ *методъ дѣланія ошибокъ въ датахъ*. Французскій критикъ исповѣдуетъ своего рода культъ героевъ. „Великіе писатели—это начинатели; они думаютъ нѣчто новое, они думаютъ то, что толпа будетъ думать столѣтіе спустя послѣ нихъ“. Далѣе, по мнѣнію Фагэ, при анализѣ писательскаго таланта, поэтическаго генія тэновская теорія расы, среды и историческаго момента вовсе неприложима. „Мелкій буржуа, живой, остроумный, насмѣшливый, немного болтливый, разсказчикъ колкихъ, сатирическихъ сказокъ, непочтительный къ властямъ, мало набожный, съ очень слабой нравственностью,—вотъ, можетъ быть, портретъ шампанца изъ средняго класса около 1650 г. Отлично, это Лафонтенъ. Безъ сомнѣнія, и Лафонтенъ имѣлъ всѣ эти черты въ своемъ характерѣ; но, кромѣ того, онъ великій поэтъ, и мы хотимъ, чтобы намъ нарисовали этого великаго поэта. Намъ его нарисуютъ; но все остальное, второстепенное, будетъ въ этомъ портретѣ господствовать надъ поэтическимъ геніемъ, который является существенной частью, и не преминетъ отчасти скрыть его отъ нашихъ глаз (стр. 279). Нечего и говорить о томъ, насколько изложенные взгля Фагэ противорѣчатъ открытіямъ, сдѣланнымъ современной наукой въ различныхъ областяхъ, начиная съ соціологіи и кончая самой литер турной критикой, открытіями, давшими возможность, путемъ выясне самыхъ сложныхъ психологическихъ, моральныхъ, соціальныхъ, эко мическихъ звеньевъ, самымъ тѣснымъ образомъ связать „избранников съ окружающей ихъ средой. Критика тэновской теоріи—ахиллесова п

теоріи самого Эмиля Фагэ. Но у него есть свои достоинства и преимущества Та же самая принадлежность къ идеалогической школѣ внушаетъ ему *драгоцѣнные по своей новизнѣ, отвѣчающіе самымъ строгимъ требованіямъ современной исторической науки выводы*. Въ своей книгѣ „Dix Neuvième Siècle“ Фагэ говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: „*наши общія идеи являются выраженіемъ нашего характера*... Мы рождаемся для интеллектуальной жизни вмѣстѣ съ идеями нашего времени; но, сообразно съ нашей психической организаціей, мы или придерживаемся этихъ идей, или видоизмѣняемъ ихъ по требованію нашего характера, или рѣшительно разрываемъ съ ними“. Другими словами, Фагэ противникъ того міровоззрѣнія, которое признаетъ стихійное развитіе идей главнѣйшимъ, если не единственнымъ, факторомъ исторіи человѣчества. И въ каждомъ изъ своихъ этюдовъ Фагэ первымъ дѣломъ старается выяснить внутреннюю организацію писателя, его общій характеръ, его моральныя наклонности, общее „направленіе“ его ума, и уже затѣмъ показываетъ, что могъ и долженъ былъ этотъ писатель, повинуясь своимъ внутреннимъ влеченіямъ, заимствовать изъ сокровищницы идей и настроеній своего времени. При подобномъ процессѣ работы, Фагэ создаетъ изъ своихъ этюдовъ замѣчательные образцы литературной критики, выдающіеся притомъ какъ глубиной психологическаго анализа, такъ совершенствомъ внѣшней формы. Переведенный нынѣ на русскій языкъ третій томъ „Политическихъ мыслителей и моралистовъ XIX вѣка“ содержитъ нѣсколько шедевровъ этого рода критики. Особенно удачны этюды о Стендалѣ, Сентъ-Бевѣ, Тэнѣ и Ренанѣ. Съ интересомъ прочтется также этюдъ о Прудонѣ, хотя отношеніе Фагэ къ послѣднему мыслителю нельзя не признать крайне тенденціознымъ и несправедливымъ. Переводъ исполненъ литературно и очень точно. Видно, что надъ нимъ трудились лица, хорошо освѣдомленныя въ области литературной критики и литературной исторіи. Слѣдуетъ отмѣтить также, что всѣ экономическіе термины, которыми изобилуетъ статья о Прудонѣ, переданы совершенно вѣрно.

Славянскій Вѣкъ. Всеславянскій органъ. №№ 1 и 2. Вѣна, 1900 г. „На свѣтѣ не безъ наивныхъ людей“, позволимъ себѣ слегка видоизмѣнить распространенную пословицу. Они, наприм., до сихъ поръ могутъ быть увѣрены, что общественныя міровоззрѣнія и международныя отношенія могутъ строиться на одномъ національномъ, племенномъ началѣ, минуя всѣ соціально-политическія и экономическія условія. Имъ кажется очень вліятельнымъ и важнымъ „Славянское благотворительное общество“; они вѣрятъ въ генерала Кирѣева и профессора Будиловича, „сѣверную звѣзду“ и „славянскую взаимность“. „Сѣверная звѣзда“ ради „братьевъ“ покинетъ свои домашнія, очень тяжелыя и отвѣтственныя дѣла и начнетъ сіять „безданно и безпошлинно“ славянскому Востоку и Западу; „взаимность“ сведется прежде всего къ самоотреченію и самопожертвованію русскихъ. Славяне поймутъ, наконецъ, что не патріотично лѣчиться на нѣмецкихъ курортахъ и переполнять славянскіе (*такіе-то*). Честный славянскій органъ долженъ поддерживать всѣ славянскія предпріятія, конечно, и коммерческія (даже и зазорныя?). Эти наивные люди—издаютъ *Славянскій Вѣкъ*, „отъ нихъ же первый“ его редакторъ д-ръ Вергунъ. Разсылая первый выпускъ, предупредительная редакція публиковала: „лицъ всѣхъ, не желающихъ подписаться на *Славянскій Вѣкъ*, просятъ выслать обратно первый номеръ“. Во второмъ номерѣ къ этому прибавлено: „второй выпускъ *Славянскаго Вѣка* высылается не только лицамъ, внесшимъ подписку, но и всѣмъ тѣмъ, кто не возвратилъ перваго номера, слѣдовательно, занесенъ въ

книгу подписчиковъ". Это, конечно, не наивность. Ею опять повѣетъ, когда мы приглядимся къ языку этого курьезнаго журнала: редакція вполнѣ убѣждена, что владѣетъ настоящею русскою рѣчью. „Пѣнные бомбоны для мгновеннаго приготовленія вкуснѣйшаго шипучаго лимонада", „всевозможные конфекты и восточныя спеціальности", „мы ждали рѣзкихъ отвѣтовъ сатирики на жестокіе запросы современной общественной жизни, а у него вышла вялая версификація ежедневныхъ газетныхъ статей"—это еще не худшіе образчики рѣчи *Славянскаго Вѣка*.

Объединеніе дѣятельности благотворительныхъ учрежденій. Д-ра Э. Мюнстерберга. Изд. московскаго городского общественнаго управленія. Недавно появилась изданная на русскомъ языкѣ брошюра извѣстнаго нѣмецкаго филантропа д-ра Э. Мюнстерберга „Объединеніе дѣятельности благотворительныхъ учрежденій". Брошюра эта, переведенная съ нѣмецкаго (*Dr. E. Münsterberg:* „Zentralstellen für Armenpflege und Wohlthätigkeit), начинается двумя предисловіями: первымъ отъ издателя, т.-е. отъ московскаго городского управленія, объясняющимъ, что трудъ д-ра Мюнстерберга изданъ по ходатайству московскаго благотворительнаго совѣта, и вторымъ отъ автора, гласящимъ, что онъ (д-ръ Мюнстербергъ) въ своемъ трудѣ задался цѣлью сжато, но полно изложить различныя попытки „централизаціи въ области призрѣнія бѣдныхъ", подвести итоги тому, „поскольку можетъ быть признано дѣйствительное существованіе потребности централизаціи" филантропіи и, наконецъ, „въ какой мѣрѣ и какими средствами она можетъ быть удовлетворена".

Начиная свой трудъ попыткой подыскать подходящую форму для учрежденія, которое могло бы представлять изъ себя органъ для объединенія всѣхъ филантропическихъ обществъ, авторъ, между прочимъ, приводитъ попытки въ этой же области нѣкоторыхъ нѣмецкихъ филантроповъ, какъ Гребера, Массова, Фукса и Брандса, причемъ онъ самъ присоединяется къ воззрѣніямъ послѣдняго на этотъ вопросъ. Цитируя выдержку изъ доклада Брандса, авторъ говоритъ: „Практика призрѣнія бѣдныхъ является дѣломъ не только любвеобильнаго сердца, какъ это принято думать, но, подобно другимъ человѣческимъ дѣламъ, имѣетъ и свои принципы, не менѣе нуждающіеся въ сознательномъ пониманіи, чѣмъ въ любвеобильномъ примѣненіи" (стр. 11). Далѣе авторъ, перечисляя дѣятельность центральныхъ организацій, обнимающихъ цѣлыя страны и государства, особенно останавливается на *союзѣ обществъ Краснаго Креста* (Verband der Vereine unter dem Roten Kreuz), стоящаго, по мнѣнію автора, ближе другихъ благотворительныхъ обществъ „къ соединенію теоретической работы (благотворенія) съ практической" (стр. 19), и на дѣятельности *Дамскаго патріотическаго общества* (Vaterlandischer Frauenferein), „серьезнаго фактора женскаго попеченія о бѣдныхъ больныхъ" (ibid.). Довольно подробно перечисливъ германскія благотворительныя общества, д-ръ Мюнстербергъ переходитъ къ дѣятельности другихъ филантропическихъ союзовъ: къ американскому „National Conference of Charities and Correction", „результаты" дѣятельности которая ежегодно публикуются „въ видѣ объемистаго тома въ 500—600 стр. (стр. 34), швейцарскому (gemeinnutzige Gesellschaft), который затрогиваетъ „широкія задачи" народнаго образованія, призрѣнія бѣдныхъ и народнаго хозяйства. Не забываетъ авторъ въ своей брошюрѣ, впрочемъ вскользь, перечислить и „международные центральные благотворительные союзы и конгрессы", не упоминая, однако, о результатахъ ихъ дѣятельности. Болѣе полную характеристику даетъ авторъ дѣятельности мѣ

ныхъ (т.-е. нѣмецкихъ) благотворительныхъ центральныхъ учрежденій, причемъ указываетъ, что въ дѣлѣ призрѣнія, наравнѣ съ матеріальною помощью, важную роль играетъ у нихъ и развитіе спеціальныхъ органовъ печати и бюро для пріисканія работы безработнымъ.

Заканчивая обзоръ дѣятельности центральныхъ органовъ благотворительности, д-ръ Мюнстербергъ не преминулъ коснуться и центральныхъ учрежденій для улучшенія благосостоянія рабочихъ, указавъ, что важнѣйшимъ дѣятелемъ въ Германіи въ этой области является „Центральный союзъ для улучшенія быта рабочихъ классовъ“ (Zentralverein für das Wohl der arbeitenden Klassen), дѣятельность котораго можно свести къ цѣлямъ „улучшенія народнаго быта, содѣйствія важнѣйшимъ санитарнымъ мѣропріятіямъ и учрежденіямъ воспитательнаго и образовательнаго характера, поднятію въ народѣ духа бережливости, заботамъ о развитіи страховыхъ обществъ, а также учрежденіямъ для регулированія отношеній между работодателями и рабочими“ (стр. 74), упоминая при этомъ, что публицистическая дѣятельность союза крайне обширна (стр. 77). Резюмируя данныя своего труда, авторъ приходитъ къ заключенію, что стремиться къ объединенію благотворительныхъ учрежденій необходимо не только для развитія практической дѣятельности, но и для научно-историческаго изслѣдованія благотворительности, этой важнѣйшей функціи современной общественной жизни.

Въ заключеніе остается сказать, что трудъ д-ра Мюнстерберга, не являясь систематическимъ изслѣдованіемъ по затрогиваемому вопросу, а скорѣе общимъ очеркомъ дѣятельности объединенныхъ благотворительныхъ (главнымъ образомъ нѣмецкихъ) обществъ, съ компилятивными выдержками изъ другихъ источниковъ этого же рода, даетъ, однако, много сырого матеріала (въ видѣ ссылокъ, очень многочисленныхъ) для изученія вопроса централизаціи современной благотворительности. Переведена брошюра нѣсколько дѣланнымъ языкомъ отчета или доклада (по заказу); издана безукоризненно. Цѣна книжки (101 страница) не проставлена.

Вѣдомство учрежденій Императрицы Маріи. Состоящее подъ Высочайшимъ Ихъ Императорскихъ Величествъ покровительствомъ Вѣдомство дѣтскихъ пріютовъ и его задачи. Часть V. Опытъ организаціи сельскихъ дѣтскихъ пріютовъ. Очеркъ дѣятельности Бѣлоярскаго пріюта. Спб., 1900 г., 72 стр. Въ Западной Европѣ въ послѣднее время признано цѣлесообразнымъ устраивать дѣтскіе пріюты не только въ городахъ, но, по возможности, и внѣ городовъ, въ близкомъ ихъ сосѣдствѣ или даже въ болѣе отдаленныхъ селахъ, въ совершенно деревенской обстановкѣ. Въ Россіи прежній комитетъ главнаго попечительства дѣтскихъ пріютовъ, еще въ 1848 г. рекомендовалъ открытіе сельскихъ дѣтскихъ пріютовъ сообразно съ мѣстными потребностями и средствами, для доставленія какъ убѣжища дѣтямъ, остающимся во время работъ ихъ родителей безъ всякаго призора, то въ домахъ, то въ полѣ, такъ и для постояннаго призрѣнія для круглыхъ сиротъ. Назначеніе этихъ учрежденій, по постановленію комитета, заключалось въ томъ, чтобы „сохранить крестьянскихъ дѣтей отъ случайностей, которыхъ жертвами они часто содѣлываются, и чтобы, не не измѣняя ни малѣйшимъ образомъ ихъ будущаго назначенія, поселить въ нихъ чувства вѣры и доброй нравственности“...

Изъ всѣхъ существующихъ въ Россіи такихъ сельскихъ пріютовъ слѣдуетъ признать однимъ изъ лучшихъ и наиболѣе цѣлесообразно устроенныхъ — сельскій дѣтскій пріютъ для крестьянскихъ сиротъ въ селѣ Бѣлоярскомъ, Шадринскаго уѣзда, Пермской губерніи, учрежден-

ный въ 1894 г. бывшимъ земскимъ начальникомъ П. М. Ерогинымъ и принадлежащій нынѣ къ числу дѣтскихъ пріютовъ Вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи. Постепенно расширяясь, помѣщеніе пріюта въ настоящемъ его видѣ занимаетъ 11 жилыхъ комнатъ, 2-е сѣней, кухню и кладовую и въ состояніи вмѣстить до 50 человѣкъ питомцевъ. При открытіи пріюта попечительскимъ совѣтомъ было принято 23 сироты: 9 дѣвочекъ и 14 мальчиковъ, отъ 4 до 12 лѣтъ. Впослѣдствіи число призрѣваемыхъ увеличилось до 46 человѣкъ, въ числѣ которыхъ дѣвочекъ было 16.

Въ воспитательныхъ задачахъ пріюта важную роль играетъ пріученіе дѣтей ко всѣмъ работамъ по домоводству. Съ этой цѣлью установлены дежурства на кухнѣ и въ огородѣ.

Всѣ пріютскіе воспитанники и воспитанницы, по достиженіи школьнаго возраста, посѣщаютъ земскую школу.

Не подлежитъ сомнѣнію, что нравственное сознаніе громадной пользы, оказанной заброшеннымъ, жалкимъ и беззащитнымъ дѣтямъ, которыхъ удалось пріютить, поставить на ноги и сдѣлать полезными членами общества, доставитъ высокое нравственное удовлетвореніе людямъ, посвятившимъ свои силы на пользу этого дѣла, и съ лихвой вознаградитъ ихъ за всѣ пережитыя непріятности, неразлучныя со всякимъ новымъ начинаніемъ.

ИСТОРІЯ.

„Изъ украинской старины“.—„Болгарія и болгары“. *Н. Оболенскаго.*

Изъ украинской старины. Рисунки академика С. И. Василевскаго и И. С. Самокиша. Пояснительный текстъ проф. Д. И. Эварницкаго. Съ 31 отдѣльнымъ рисункомъ. Спб., 1900 г. Роскошное изданіе памятниковъ и сценъ изъ украинской старины, несомнѣнно, займетъ почетное мѣсто въ ряду другихъ изданій по археологіи, какъ, напримѣръ, „Древности россійскаго государства“ или „Матеріалы по исторіи русскихъ одеждъ и обстановки народной жизни“, такъ мало касающихся казацкаго періода южно-русской старины. Съ внѣшней стороны этотъ альбомъ не оставляетъ ожидать ничего лучшаго, но главный его интересъ долженъ заключаться въ пояснительномъ текстѣ, принадлежащемъ историку Д. И. Эварницкому и напечатанномъ en regard съ французскимъ его переводомъ, который, — замѣтимъ, между прочимъ,—далеко не всегда точенъ и вѣренъ. Эварницкій безспорно считается лучшимъ знатокомъ запорожской старины, но почтенный ученый, повидимому, вовсе не желаетъ отказаться отъ тѣхъ недостатковъ своихъ работъ, на которые не разъ ему указывали критики въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ. Дѣло все въ томъ, что Эварницкій „не только прекрасно знаетъ Запорожье, но онъ его и *безконечно любитъ*“. Вотъ въ этихъ послѣднихъ словахъ и скрывается первоисточникъ недостатковъ его, при изложеніи и оцѣнкѣ многихъ историческихъ фактовъ и чертъ, въ которыхъ почтенный ученый готовъ видѣть одно лишь хорошее, одни лишь подвиги рыцарей-запорожцевъ.

Невольно припоминаются тѣ слова, которыми г. Эварницкій характеризуетъ Запорожье въ одной изъ своихъ раннихъ работъ, вышедшихъ въ Петербургѣ въ 1888 г. подъ заглавіемъ: „Запорожье въ остаткахъ старины и преданіяхъ народа“. На это преувеличеніе и пристрастіе указывалъ рецензентъ *Историческаго Вѣстника* (1888 г., № 12, стр. 748—

„сѣчь, по словамъ Эварницкаго,—это всеобъемлющая колыбель (?), орлиное гнѣздо, львиное логовище". Она „спасла Россію, Польшу, Литву и сосѣднія съ ними страны отъ страшнаго наплыва турокъ, поглотившихъ всю византійскую имперію, обезличившихъ многія славянскія государства, грозившихъ перевернуть вверхъ дномъ всю Европу, раздавить, уничтожить и даже стереть съ лица земли всѣхъ ея обитателей—христіанъ!" Сѣчь, впрочемъ, не только „спасла Россію отъ турокъ, но и самое православіе защитила отъ „всѣхъ хитросплетеній и адскихъ каверзъ ненавистныхъ іезуитовъ, этихъ демоническихъ слугъ его святѣйшества непогрѣшимаго римскаго папы". Такое, слишкомъ восторженное и слишкомъ лирическое настроеніе, конечно, мѣшаетъ автору взглянуть открыто и прямо въ глаза и прошлому, и настоящему. Совершенно такія же слова находимъ и въ послѣднемъ трудѣ южно-русскаго историка. Запорожье, по его заключенію, выдвигало такихъ героевъ, „имена которыхъ могутъ быть смѣло вписаны на страницы всемірной (?) исторіи". Казаки, это—страдальцы и борцы за православіе, за русскую народность и политическую свободу. А о такихъ казацкихъ „подвигахъ", какъ знаменитая „Уманская рѣзня" авторъ говоритъ съ точки зрѣнія казаковъ и старается видѣть въ причинахъ ея исключительно экономическія и религіозныя побужденія—притѣсненія со стороны угнетателей-поляковъ. Далѣе, безспорно, что казачество играетъ значительную роль не только въ исторіи Южной Руси, но и во всей русской національной жизни, и само по себѣ представляетъ явленіе, вызванное исключительными историческими условіями. Но едва ли казачество можно назвать политическимъ учрежденіемъ; это скорѣе — чисто соціальный строй незначительной части общества, обособленной отъ жизни всей страны. Такой же приподнятый тонъ замѣчается и въ сужденіи автора о значеніи археологіи, какъ науки, которая „облагораживаетъ наше сердце" (?) и „преподаетъ уроки будущаго", а не просто служитъ подспорьемъ болѣе широкой по задачамъ науки—исторіи.

Обширный трудъ Д. И. Эварницкаго состоитъ изъ отдѣльныхъ очерковъ. Нѣсколько изъ нихъ—очень живо и тепло написанныя біографіи извѣстныхъ малорусскихъ дѣятелей: Петра Канашевича Сагайдачнаго (XVI и XVII вв.), гетмана Богдана Михайловича Хмельницкаго, воеводы Адама Григорьевича Киселя, уманскаго сотника Ивана Генты и знаменитаго малорусскаго философа, ученаго и поэта Григорія Саввича Сковороды, скончавшагося на склонѣ XVIII вѣка. Затѣмъ цѣлый рядъ очерковъ посвященъ вопросамъ болѣе общимъ: о службѣ полковника реестровыхъ казачьихъ войскъ, войскового писаря и ихъ грамотности, описанія казачьяго обоза и т. п. Наконецъ, нѣкоторые очерки—чисто-археологическаго характера; въ нихъ авторъ говоритъ о сохранившихся до нашего времени запорожскихъ копьяхъ, саблях, ятаганахъ, рушницахъ-ружьяхъ, пороховницахъ, мортирѣ, вылитой по приказанію Мазепы, и др. вооруженіи, которымъ безвѣстные герои добывали себѣ славу, а большей частью просто грабили непріятельскіе обозы. Въ одномъ изъ очерковъ г. Эварницкій описываетъ мѣстность, гдѣ находилась Чертомлыцкая сѣчь, устроенная въ 1652 году кошевымъ атаманомъ Иваномъ Лутаемъ на днѣпровскомъ островѣ и разрушенная въ 1709 году московскими войсками послѣ полтавской побѣды. Остальные очерки рисуютъ живописныя сцены изъ жизни казаковъ,—напримѣръ, проводы молодого казака въ войско и удаленіе ветерана въ монастырь, гдѣ старый воинъ находилъ покой своимъ послѣднимъ годамъ. Не менѣе интересно описаніе задунайской запорожской сѣчи, получившей

начало послѣ уничтоженія днѣпровской сѣчи въ 1775 году. А такой разсказъ, какъ „Ярмарка въ Малороссіи", написанъ очень яркими красками и своей непосредственной жизненностью напоминаетъ описаніе ярмарки у Гоголя. Послѣдній очеркъ даетъ намъ поэтическіе типы малороссійскихъ слѣпцовъ лириковъ и кобзарей, въ пѣсняхъ которыхъ и до сихъ поръ живы старыя времена казачьихъ подвиговъ...

Наша замѣтка была бы далеко не полной, если бы мы ничего не сказали о языкѣ автора, его слогѣ. На ряду съ очень удачными и художественными выраженіями, мы находимъ и такія, которыя не привычны для литературной рѣчи. Въ первыхъ очеркахъ мы отмѣтимъ такія выраженія: не мало *покладаютъ* средствъ; *турко-татары*, какъ народъ, едва ли кому-нибудь извѣстенъ; *поначалу* вмѣсто сначала, *спека* вмѣсто жара, *черезъ то* вмѣсто вслѣдствіе того, *блукали* вмѣсто бродили, *мемуаристы*, *вызволить* изъ неволи, держать ихъ между собою всю массу (?), шайка *бунтарей*, *орудія* вмѣсто оружіе, *мѣсто* Чертомлыцкой сѣчи сохранилось и въ настоящее время (было бы весьма оригинально, если бы оно куда-нибудь исчезло) и др. Иное дѣло, конечно, тѣ малорусскія слова, которыя поставлены въ ковычки; они только увеличиваютъ живость разсказа. Но подобныя выраженія въ текстѣ не обычны. Замѣтимъ также, что казаки едва ли сражались „за пядь земли" (стр. 2), такъ какъ территоріальныя пріобрѣтенія не были цѣлью казаковъ, и что подъ „западно-славянскими княжествами" (стр. 10) нельзя разумѣть княжества балканскія, находившіяся подъ властью Турціи, а только Чехію или Польшу.

Въ заключеніе, нѣсколько словъ объ иллюстраціяхъ. Акварельные рисунки Васильковскаго уже многіе изъ рецензентовъ находили не типичными. Мы съ своей стороны напомнимъ имъ, что Васильковскій придерживался современныхъ портретовъ и могъ вложить въ ихъ передачу очень немногое. Поэтому его рисунки слѣдуетъ поставить гораздо выше виньетокъ Самокиша, исполненныхъ перомъ довольно грубо и даже не художественно. Дѣло въ томъ, что—на нашъ взглядъ—его манера рисовать годится только для небольшихъ по размѣрамъ набросковъ, а не большихъ виньетокъ, отпечатанныхъ рядомъ съ тонкими по исполненію акварелями.

Болгарія и болгары. Н. Овсянаго. Съ картою Балканскаго полуострова. Спб., 1900 г. Интересъ къ изученію исторіи и быта нашихъ сосѣдей-славянъ, возбужденный событіями послѣдней русско-турецкой войны, обогатилъ въ свое время нашу литературу нѣсколькими книгами и статьями о болгарахъ; изъ нихъ первое мѣсто занимала книга нѣмецкаго ученаго *F. Kanitz'a:* „Donau-Bulgarien und der Balcan", переведенная на русскій языкъ и изданная въ С.-Петербургѣ въ 1876 году. Но съ тѣхъ поръ ничего выдающагося, а главное, самостоятельнаго, на русскомъ языкѣ не появлялось и, такимъ образомъ, книга г. Овсянаго, восполняя этотъ непростительный пробѣлъ въ русской ученой литературѣ, нѣкоторымъ образомъ искупаетъ и наше нежеланіе знать жизнь родственнаго намъ народа. Г. Овсяному приходилось не разъ бывать въ Болгаріи и, при знаніи болгарскаго языка, хорошо изучить бытъ современныхъ болгаръ, а также ихъ прошлое. Еще къ 1877 году относится его же книга „Современная Турція" (географическій обзоръ, историко-этнографическіе очерки). Другой трудъ г. Овсянаго былъ посвященъ „Сербіи и сербамъ"; въ приложеніи къ нему были сообщены весьма цѣнныя свѣдѣнія о турецкихъ и австрійскихъ сербахъ, о Босніи и Герцеговинѣ, о Черногоріи. Теперь появилась добросовѣстно составленная кни

о „Болгаріи и болгарахъ“, на которой мы остановимся болѣе подробно ввиду того, что такихъ сочиненій по славянской этнографіи у насъ почти не существуетъ. Прежде всего, авторъ хорошо знакомъ съ современной политической борьбой въ болгарскомъ княжествѣ, и появленіе своего труда въ печати объясняетъ желаніемъ познакомить Россію съ болгарами для того, чтобы мы хорошо знали и понимали все то, что происходитъ и въ настоящее время въ Болгаріи, и „чтобы не повторились печальныя явленія прошлаго“. Эти слова, повидимому, находятъ себѣ объясненіе въ слѣдующихъ фразахъ изъ начала предисловія: „На политыхъ русскою кровью поляхъ Болгаріи выросла болгарская свобода; по этому одному, не говоря уже о племенномъ родствѣ и единствѣ вѣроисповѣданія, судьба болгарскаго народа должна быть въ особенности близка намъ. Темная туча налегла было на наши отношенія въ періодъ мрачной стамбуловщины, стремившейся отклонить Болгарію отъ Россіи, но волна народнаго движенія смыла и самого Стамбулова, и его нечистое дѣло. Теперь дружескія отношенія двухъ родственныхъ народовъ возстановились. Дай Богъ, чтобы эти узы окрѣпли и уже болѣе не ослаблялись“.

За географическимъ обзоромъ страны, составленнымъ на основаніи послѣднихъ данныхъ болгарскаго статистическаго бюро, авторъ говоритъ о древней, средней и новой исторіи болгарскаго народа. Древняя исторія болгаръ—чисто-компилятивный очеркъ, составленный по изслѣдованіямъ Иречка, Грота, Макушева, Дринова и другихъ историковъ; гораздо самостоятельнѣе и интереснѣе слѣдующія за ними главы, гдѣ говорится о проблескахъ народнаго самосознанія болгаръ въ XVIII вѣкѣ, политическомъ движеніи, начавшемся вслѣдъ за освобожденіемъ Сербіи и Греціи, затѣмъ о просвѣтительномъ движеніи въ Болгаріи въ XIX столѣтіи и учрежденіи болгарскаго экзархата, освободившемъ народъ въ церковно-іерархическомъ отношеніи отъ греко-турецкаго ига. Особенно внимательно авторъ слѣдитъ за событіями, предшествовавшими тѣмъ „болгарскимъ ужасамъ“, которые вызвали вмѣшательство Россіи, а затѣмъ и войну. Царствованіе Александра Батембергскаго, возстановленіе тырновской конституціи, ухудшеніе отношеній къ Россіи, попытки поправить эти отношенія и, наконецъ, отреченіе князя Александра отъ престола и разрывъ дипломатическихъ сношеній съ Россіей—разсказаны г. Овсянымъ на стр. 69—92 довольно подробно, но едва ли исторически вѣрно... Наконецъ, послѣдняя глава касается вопроса объ управленіи Болгаріей регентами и диктаторской роли Стамбулова; заговоры и военные мятежи, избраніе принца Фердинанда, паденіе и смерть Стамбулова—повели за собой возстановленіе дипломатическихъ сношеній съ Россіей и признаніе всѣми державами Фердинанда болгарскимъ княземъ. Въ слѣдующемъ отдѣлѣ авторъ даетъ общія свѣдѣнія о государственномъ устройствѣ княжества, о роли народнаго собранія, о судоустройствѣ и такъ называемыхъ „окружныхъ совѣтахъ и коммиссіяхъ“—нашихъ земскихъ управахъ и собраніяхъ. Сельское хозяйство Болгаріи, горные промыслы, кустарная и фабричная промышленность, торговля, пути сообщенія, финансы, образованіе, нравственность, народное благосостояніе — все это вопросы, которые почти впервые разрабатываются на русскомъ языкѣ и, притомъ, на основаніи болгарскихъ источниковъ.

Этнографическій отдѣлъ можно назвать самымъ слабымъ и очень неполнымъ очеркомъ въ книгѣ г. Овсянаго. Даже устарѣвшій очеркъ Е. Водовозовой въ книгѣ „Жизнь европейскихъ народовъ“ гораздо полнѣе рисуетъ картину нравовъ и обычаевъ болгаръ; что же ка-

сается описанія народныхъ игръ, обрядовыхъ пѣсенъ и поэтическихъ вѣрованій изъ области народной демонологіи, такъ близко стоящей къ славяно-румынскому сказочно-фантастическому міру, то авторъ здѣсь дѣлаетъ просто непростительную ошибку. Напримѣръ, о горныхъ феяхъ—болгарскихъ „самодивахъ“, румынскихъ „іеляхъ“ и „дзинахъ“, русскихъ „русалкахъ“,—говорится всего въ двадцати строкахъ. Пять строкъ посвящено интереснѣйшимъ болгарскимъ преданіямъ о великанахъ-жидовинахъ и ихъ могилахъ (какъ извѣстно эти великаны фигурируютъ въ русскихъ былинахъ о боѣ Ильи-Муромца съ жидовиномъ). Вообще, этнографическіе вопросы, повидимому, очень мало интересуютъ г. Овсянаго, и совершенно напрасно. Съ такими же необъяснимыми пробѣлами онъ излагаетъ и исторію болгарской литературы, несмотря на то, что ссылается на довольно полную исторію литературы софійскаго ученаго д-ра А. Теодорова. Такъ, напримѣръ, главныя явленія древней литературы, судя по изложенію г. Овсянаго, состоятъ изъ дѣятельности первоучителей славянъ и распространенія апокрифовъ, а о писателяхъ времени царя Симеона—Климентѣ Величскомъ, пресвитерѣ Константинѣ, экзархѣ Іоаннѣ, черноризцѣ Храбрѣ, Иларіонѣ Могленскомъ, обширныхъ византійскихъ „повѣстяхъ“ и т. д. или не говорится совсѣмъ ничего, или же по нѣсколько словъ. О турецкой эпохѣ, весьма важной для болгаро-румынской славянской письменности, авторъ совсѣмъ умалчиваетъ. Также мало находимъ въ этомъ очеркѣ и о современной болгарской литературѣ и народной поэзіи; болѣе подробно Н. Овсяный останавливается на исторіи болгарской журналистики (первый журналъ издавался въ Смирнѣ съ 1844 года К. Фотиновымъ, назывался *Дюбославіе* и былъ иллюстрированъ); этотъ интересный вопросъ у насъ разработанъ такъ мало, что очеркъ Н. Овсянаго на восьми страницахъ можетъ искупить отмѣченную нами неполноту въ предыдущихъ главахъ. Но есть другой недостатокъ въ томъ же отдѣлѣ; его мы даже не можемъ себѣ объяснить. Отдѣлъ называется: „литература, наука и *искусство*“. Но о послѣднемъ говорится ровно *шесть съ половиной строкъ* (не нужно забывать, что вся книга заключаетъ цѣлыхъ 366 страницъ!); вотъ онѣ: „Оно (т.-е. искусство) находится въ настоящее время почти что въ зачаточномъ состояніи. Ни въ живописи, ни въ ваяніи, ни въ музыкѣ не появилось до сихъ поръ у нихъ ничего, выходящаго изъ уровня дилетантскихъ опытовъ. Но природный вкусъ у болгаръ есть, что̀ свидѣтельствуется богатствомъ и разнообразіемъ вышивокъ на народной одеждѣ“. И только всего. Если г. Овсяному неизвѣстно состояніе хотя бы болгарской живописи и скульптуры, то изъ этого не слѣдуетъ, что всѣ болгарскіе художники—„дилетанты“. Еще въ 1877 году болгарскій корреспондентъ лондонскаго *Daily News* (отъ 21 декабря) писалъ въ статьѣ „Болгарское искусство“ о необыкновенно разнообразныхъ произведеніяхъ болгарскаго искусства: о церковной архитектурѣ, о фресковой живописи, о лубочныхъ картинахъ, рѣзныхъ иконахъ, объ изящныхъ издѣліяхъ изъ золота и серебра, о шитыхъ золотомъ, шелками или бумагой рубахахъ, передникахъ и полотенцахъ. Тогда же художественный критикъ, академикъ В. Стасовъ, обратился съ письмомъ въ *Новомъ Времени* къ офицерамъ русской арміи, гдѣ убѣдительно просилъ ихъ собирать, хотя-бы въ копіяхъ, произведенія этого самобытнаго искусства. Что же касается современныхъ художниковъ, то въ Болгаріи есть нѣсколько достаточно извѣстныхъ именъ: Иванъ Мерковичекъ, первый національный живописецъ, авторъ картинъ „Рученица“ (народная пляска), „Задушница“ (поминки въ родительскую субботу), „Повстанцы“—группа повстанцевъ въ лѣсу послѣ сраженія; А. Митов

съ своими картинами-жанрами „Базаръ въ Софіи“, „У колодца“, „Выселяющіеся турки“; Ангеловъ — „Сборъ розъ“, „Посидѣлки“; Капелла, авторъ нѣсколькихъ картинъ изъ жизни болгарскихъ школьниковъ, напоминающихъ картины нашего Богданова-Бѣльскаго и др. Не менѣе талантливы и скульпторы Жатцъ, Спиридоновъ и Васильевъ. Въ Болгаріи существуетъ „общество для поощренія искусства“ и издается иллюстрированный журналъ *Искусство*. Конечно, болгарское искусство не можетъ получить широкаго распространенія въ силу чисто-экономическихъ причинъ, а также низкой интеллектуальности болгарскаго общества.

Въ видѣ приложенія, Н. Овсянымъ дается весьма пространный обзоръ военнаго положенія Болгаріи, политическихъ вопросовъ въ сербской Македоніи, и текстъ Берлинскаго мирнаго трактата. Къ книгѣ приложена прекрасно выполненная карта Балканскаго полуострова. Въ общемъ, трудъ Н. Овсянаго производитъ хорошее впечатлѣніе и предназначается, повидимому, для ознакомленія русскихъ офицеровъ съ Болгаріей.

ГЕОГРАФІЯ, ПУТЕШЕСТВІЯ.

„Описаніе Сибири“. *В. Арефьева*. Вып. I.—„Записки общества изученія Амурскаго края“. Т. VII, вып. II.—„Львиныя ночи“. *Д-ра А. В. Елисѣева*.

Описаніе Сибири. Очерки для народнаго чтенія. Выпускъ I. В. Арефьева. Томскъ, 1900 г. Цѣна 30 к. Какъ видно изъ списка источниковъ, которыми авторъ пользовался при составленіи этихъ очерковъ, онъ отнесся къ своему труду весьма добросовѣстно. Первый выпускъ заключаетъ описаніе Сибири, главнымъ образомъ, въ географическомъ отношеніи; но мимоходомъ авторъ касается и многихъ другихъ вопросовъ: „гдѣ Сибирь находится и какъ завоевана русскими“, „рѣки, озера и болота сибирскія“, „горы и хлѣбородныя равнины Сибири“, „сибирскіе лѣса“, „тундра далекаго Сѣвера“, „климатъ Сибири“, „звѣри и птицы сибирскіе“ и „заключеніе“—оцѣнка природныхъ богатствъ края и значеніе послѣднихъ нововведеній—желѣзной дороги, новыхъ судебныхъ учрежденій и пр. Книга изложена простымъ удобопонятнымъ языкомъ, во всѣхъ подробностяхъ нѣтъ ничего лишняго, въ источникахъ—устарѣлаго или невѣрнаго, потому что у автора подъ руками былъ не только „обширный газетный матеріалъ, но и собственныя наблюденія“. Укажемъ только цѣлый рядъ выраженій, которыя едва ли къ мѣсту въ изданіи „для народнаго чтенія“, напримѣръ: „по оффиціальнымъ даннымъ“, „натуральная повинность“, „институтъ присяжныхъ“, „переходный моментъ“, „животные продукты“ и др. Впрочемъ, подобныя выраженія очень мало портятъ общее впечатлѣніе солидной подготовки автора, знанія мѣстной жизни и тщательнаго изложенія. Но главная заслуга автора, по нашему мнѣнію, состоитъ въ томъ, что къ своей книжкѣ онъ приложилъ „указатель народныхъ изданій о Сибири“, не только съ указаніемъ содержанія каждой брошюрки въ отдѣльности, но и характеристикой ея, указаніемъ ошибокъ и недостатковъ и т. п. Такимъ образомъ, по этому указателю можно судить, насколько необширна народная литература о Сибири, и пожелать поэтому книгѣ В. Арефьева большаго распространенія, которое вполнѣ обезпечено довольно низкой цѣной—въ 30 копеекъ—для книги большого формата въ сто страницъ съ лишкомъ.

Записки Общества изученія Амурскаго края. Томъ VII, вып. II. Владивостокъ, 1900 г. Вслѣдъ за отчетомъ Общества за 1898 годъ,

въ настоящемъ выпускѣ помѣщено нѣсколько сообщеній гг. членовъ Общества; нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ чисто-научное значеніе, какъ, напримѣръ, *Геологическія экскурсіи въ бассейнѣ Сунгари и сѣверной Кореѣ* Э. Анерта, *О черномъ фазанѣ*, видѣ встрѣчающемся очень рѣдко, М. Латернера, *О командировкѣ на Сучанъ* С. Браиловскаго для изученія вымирающихъ тазовъ, родичей орочей. Поэтому, остановимся нѣсколько на сообщеніи Н. Кириллова *Морскіе промыслы южнаго Сахалина*, т.-е. на вопросѣ, до сихъ поръ не затронутомъ въ экономической литературѣ. Указывая на рыбныя богатства сахалинскаго побережья, авторъ сообщаетъ, что они эксплоатируются исключительно американцами и японцами, а русскіе поселенцы штрафныхъ колоній принуждены заниматься земледѣліемъ, причемъ на 5,000 полносильныхъ поселенцевъ приходится только 827 десятинъ поля. Такое ненормальное явленіе авторъ ставитъ въ вину распорядителямъ колоній. „Пусть преступникъ,—говоритъ г. Кирилловъ,—не достоинъ поддержки, но *волныя дѣти* его чему на Сахалинѣ учатся? Необходимо воспользоваться возможностью создавать *рыбаковъ-кустарей*... Слѣдовательно, надо спѣшить съ *разселеніемъ* поселянъ по побережью". Затѣмъ авторъ приводитъ примѣры цивилизованныхъ государствъ, у которыхъ колонизаціонное дѣло стоитъ на первомъ планѣ. У насъ—оно въ полномъ пренебреженіи. Нельзя не согласиться съ авторомъ, что „изъ невольныхъ насельниковъ Сахалина, людей незаурядной энергіи", „изъ склоннаго къ протесту элемента нельзя создавать контингентъ рабочей силы для предпринимателей рыбопромышленниковъ; необходимо изыскать и дать занятіе, которое всецѣло удовлетворило бы работника, сдѣлало дѣтей ихъ *свободными отъ кабалы нужды*, способными къ культурѣ, къ удовлетворенію духовныхъ потребностей, обладающими достаткомъ, чтобы оживить торговлю и промышленность". Чѣмъ Сахалинъ, часть земли Русской, долженъ быть хуже Канады, населенной потомками преступниковъ? Островъ Ньюфаундлендъ, часть Канады, площадью вдвое больше Сахалина, почти съ совершенно одинаковымъ климатомъ, при населеніи въ двѣсти тысячъ человѣкъ, имѣетъ изъ нихъ фермеровъ только полторы тысячи человѣкъ; эти земледѣльцы засѣваютъ всего 26,000 десятинъ, на которыхъ получаютъ хлѣба вполнѣ достаточно для мѣстныхъ нуждъ; немного болѣе 1,250 человѣкъ заняты горнымъ дѣломъ; свыше 8,600 ремесленниковъ и до 50,000 рыболововъ, не считая пріѣзжихъ на сезонъ иностранцевъ. Рыболовы всѣ—кустари, сидящіе на самостоятельномъ хозяйствѣ. Правда, тамъ уже 700 верстъ желѣзной дороги, 550 разныхъ школъ... Таковъ же, думается, прибавляетъ Н. Кирилловъ, долженъ быть и Сахалинъ въ будущемъ.

Львиныя ночи. Изъ путешествія по Сѣверной Африкѣ. Д-ра А. В. Елисѣева. Спб., 1900 г. Цѣна 50 к. Съ обычной талантливому путешественнику занимательностью, въ небольшой книжкѣ описана ночная охота на львовъ въ предгорьѣ Джабель-этъ-Туръ. Необыкновенно поэтическими штрихами передано впечатлѣніе той „львиной ночи", когда, по словамъ араба Ибрагима, спутника Елисѣева, „левъ ищетъ человѣка и Аллахъ далъ ему волю пить людскую кровь". Рядомъ съ описанія африканской природы, писатель даетъ намъ очень занимательный типъ суевѣрнаго араба, у котораго каждое суевѣріе представляетъ собой высоко-художественную легенду. Несмотря на сильное впечатлѣніе пылающей южной ночи, авторъ не упускаетъ случая припомнить подобныя же картины изъ нашего сѣвера. „Волчья ночь, когда волку Богомъ воля дана,—говоритъ нашъ полѣсовщикъ; львиной ночью, скалы

вамъ арабъ, милосердный Аллахъ отступаетъ отъ людей и даетъ хищному льву побѣду надъ человѣкомъ. Въ волчью ночь волкъ не бѣжитъ на падаль, львиной ночью левъ не трогаетъ звѣря, а ищетъ человѣка, чтобы напоить его жаркой кровью свое жаждущее сердце. Одинъ и тотъ же смыслъ кроется въ томъ и другомъ варіантѣ миѳа". Всѣ лирическія отступленія автора художественны; эта книжка нисколько не уступаетъ по своимъ литературнымъ достоинствамъ другимъ сочиненіямъ автора извѣстныхъ очерковъ *По бѣлу-свѣту*. Книжка издана довольно опрятно, но цѣну мы находимъ нѣсколько дорогой.

МЕДИЦИНА.

„Руководство по хирургическимъ операціямъ для учащихся". *Фредерика Тревса.*

Руководство по хирургическимъ операціямъ для учащихся. Фредерика Тревса. Переводъ съ англійскаго проф. О. А. Рустицкаго. Спб., 1899 г. Разсматриваемая нами книга представляетъ собою сокращенное изложеніе самимъ авторомъ его обширнаго труда „Руководство оперативной хирургіи", заслужившаго при своемъ появленіи лестные отзывы въ медицинской печати Европы и Америки. Настоящее сокращенное руководство, по словамъ автора, предназначено лишь для пользованія учащихся при приготовленіи къ окончательнымъ экзаменамъ и для тѣхъ, кто нуждается въ руководствѣ при производствѣ операцій на трупѣ. Въ виду означенной цѣли настоящее руководство касается только производства наиболѣе распространенныхъ и наиболѣе важныхъ операцій, причемъ исключено все, что не относится къ существеннымъ техническимъ подробностямъ оперативной хирургіи. „Я не подвергалъ обсужденію,—говоритъ авторъ,—общія правила оперативной хирургіи, а также не входилъ въ критическій разборъ достоинствъ различныхъ способовъ операцій. Я предполагалъ, что читатель основательно знакомъ съ анатоміей той области, которая относится къ полю операціи. Я опустилъ также послѣдовательное лѣченіе. Я не описывалъ инструментовъ и оставилъ незатронутымъ вопросъ о смертности и результатахъ. Очень запутанныя, но рѣдко исполняемыя операціи, принадлежащія къ пластической хирургіи, не нашли мѣста въ этомъ руководствѣ, исключая тѣхъ, которыя касаются болѣе обыкновенныхъ уродливостей губы и нёба". Принимая во вниманіе задачи, поставленныя себѣ авторомъ, мы должны признать, что трудъ его выполненъ образцово. Сжатый и выразительный языкъ, краткость и ясность изложенія, отсутствіе излишнихъ подробностей, масса практическихъ указаній, вынесенныхъ авторомъ изъ его обширной практической дѣятельности, его ученое безпристрастіе, все это дѣлаетъ книгу Тревса заслуживающей серьезнаго вниманія не только учащихся, но и учащихъ. Издана книга очень хорошо. Въ текстѣ помѣщено 94 рисунка.

КНИГИ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Послѣднія изданія библіотеки „Дѣтскаго Чтенія".

„Мирный завоеватель Іоганнъ Гуттенбергъ". Историч. повѣсть *Н. А. Соловьева-Несмѣлова.*—„Маленькая королева". Повѣсть. *Амеліи Гутчинсонъ-Стирлингъ.*—„Маленькіе герои". Очерки и разсказы въ перев. *А. Н. Рождественской.*—„Зеленый охотникъ". *Робинъ Гудъ.* перев. съ англійск. *Спицыной.*

Мирный завоеватель. Іоганнъ Гуттенбергъ. Историческая повѣсть. Н. А. Соловьева-Несмѣлова. М., 1900 г. Ц. 40 к. Считая, вмѣстѣ съ нѣкоторыми хрониками, 1399 годъ—годомъ рожденія Гуттен-

берга, г. Соловьевъ-Несмѣловъ ознаменовалъ исполнившееся въ 1899 г. пятисотлѣтіе изобрѣтателя книгопечатанія настоящею повѣстью, которая и была напечатана въ журналѣ *Дѣтское Чтеніе* за тотъ же годъ. На примѣрѣ Гуттенберга авторъ хотѣлъ показать своимъ юнымъ читателямъ ту истину, что „кто страстно ищетъ новаго пути къ свѣту, знанію,— тотъ его найдетъ и укажетъ другимъ". Сохранившіеся нѣмецкіе источники, и особенно трудъ д-ра фонъ-Линде, дали автору, дѣйствительно, чрезвычайно подходящій матеріалъ для его работы, задачею которой онъ поставилъ „возможно полную жизненную обрисовку характера человѣка во всѣхъ перипетіяхъ его жизни, воспитательное значеніе его дѣла и его особенностей среди современныхъ ему людей личности". По нашему мнѣнію, задача эта выполнена въ повѣсти удачно, и чтеніе послѣдней запечатлѣетъ въ головѣ юноши не только рядъ точныхъ фактовъ изъ жизни великаго человѣка, но и ту идею, которою эти факты освѣщены авторомъ. Не останется, конечно, незамѣченной и оцѣнка великаго изобрѣтенія Гуттенберга, проникнутая любовью къ просвѣщенію. Повѣсть написана особымъ торжественнымъ языкомъ, въ которомъ выразилось настроеніе писателя, углубившагося въ сѣдую старину и проникнутаго великою важностью событій, служащихъ содержаніемъ книги. Послѣдняя украшена двумя портретами Гуттенберга и нѣсколькими рисунками, заимствованными изъ нѣмецкихъ источниковъ и многими заставками, хорошо исполненными. Несмотря на то, цѣна изданія весьма невелика. Книга можетъ служить полезнымъ подаркомъ для подростковъ.

Маленькая королева. Повѣсть. Амеліи Гутчинсонъ-Стирлингъ. Съ англійск. А. Н. Рождественской. М., 1900 г. Ц. 30 к. Эту живо написанную и прекрасно переведенную повѣсть мы рекомендуемъ особому вниманію болѣе развитыхъ и образованныхъ читателей-подростковъ. Высоко-гуманныя мысли, которыми она проникнута, выражены здѣсь въ замѣчательно изящной и поэтической рамкѣ трогательной фабулы и несомнѣнно оставятъ на душѣ этого читателя глубокое впечатлѣніе, которое испытали при чтеніи книжки и мы сами. Маленькая дѣвочка, королева Царковіи, оставшись сиротой, „царствуетъ" по праву престолонаслѣдія, подъ руководствомъ холодной и честолюбивой герцогини, ея бабушки, причемъ эта чопорная воспитательница считаетъ нужнымъ пріучать дѣвочку во имя ея сана къ сдержанности и самообладанію, лишая ее вмѣстѣ съ тѣмъ тѣхъ ласкъ и нѣжностей, въ которыхъ обыкновенно такъ нуждаются дѣтскія сердца. Случай натолкнулъ однажды королеву во время прогулки на зрѣлище готовившейся къ казни женщины, оказавшейся женою предводителя сосѣдняго горнаго племени, съ которымъ маленькое королевство находилось въ вѣчной враждѣ. Женщина оказалась виновной въ томъ, что не хотѣла открыть властямъ мѣстопребываніе своего мужа. Разобравши это дѣло, королева велѣла освободить женщину, такъ какъ рѣшительно не могла понять, въ чемъ ея вина. Съ этого момента человѣческое сознаніе дѣвочки-королевы какъ бы проснулось, и она съ ужасомъ убѣдилась, что всѣ смертные приговоры она сама же скрѣпляла своею подписью. Когда же она услыхала, что ея войску удалось взять въ плѣнъ и самого предводителя враждебнаго племени, мужа освобожденной отъ казни женщины, то велѣла привести его къ себѣ и отпустила затѣмъ домой, къ великому ужасу народа и негодованію своихъ министровъ, особенно же главнаго начальника гарнизона. Послѣдній рѣшился увести послѣ этого свое войско [illegible] сосѣднее королевство. Оставшись безъ охраны, населеніе ожидало на[illegible]

денія горцевъ и чрезвычайно было удивлено тѣмъ, что его не послѣдовало. Напротивъ оказалось, что свирѣпый предводитель самолично караулилъ всю ночь маленькую королеву, которая къ тому же слегла въ постель и оказалась почти всѣми покинутой. Бѣдная дѣвочка, въ короткое время успѣвшая показать ненужность казней и военной вражды для благополучія государства, вскорѣ же умерла, передавши свой престолъ сосѣднему принцу, который передъ тѣмъ хотѣлъ было взять его силой. Умирая, она, однако, взяла съ него слово, что онъ не будетъ никого казнить, не будетъ воевать и издастъ законъ, чтобы маленькіе мальчики и дѣвочки никогда не могли быть королями въ Царковіи.

Маленькіе герои. Очерки и разсказы въ переводѣ А. Н. Рождественской. Съ рисунками. М., 1900 г. Ц. 35 к. А. Н. Рождественская, съ именемъ которой мы здѣсь снова встрѣчаемся, является не только прекрасной переводчицей иностранныхъ сочиненій для дѣтскаго чтенія, но и обладаетъ большимъ вкусомъ и педагогическимъ тактомъ при выборѣ самаго матеріала для своихъ переводовъ. Настоящій сборникъ служитъ новымъ подтвержденіемъ этого факта. Передъ нами четыре разсказа разныхъ авторовъ, изъ которыхъ первый м-съ Барнетъ описываетъ *Два дня изъ жизни Пичино*. Пичино маленькій мальчикъ изъ бѣдной семьи итальянскихъ крестьянъ, поразившій своей чудной красотой богатую туристку-англичанку. Страдая пресыщенностью отъ всякихъ земныхъ благъ, эта дѣвица „выкупила“ красавца ребенка у бѣдняковъ родителей и возымѣла намѣреніе воспитать его въ своей роскошной виллѣ съ тѣмъ, чтобы хвастаться его красотой передъ великосвѣтскимъ обществомъ, на подобіе того, какъ хвастаются рѣдкими и красивыми домашними животными. Затѣя оказалась неудачной, потому что маленькій дикарь никакъ не могъ освоиться съ необычной для него обстановкой богатаго дома, стѣснявшей прежде всего ту свободу, къ которой онъ привыкъ у себя дома, и черезъ два дня убѣжалъ къ родителямъ. Въ разсказѣ много забавныхъ подробностей о томъ, какъ мучили и поражали мальчика попытки бонны отмыть его грязь въ ваннѣ, расчесать его прекрасные волосы, и т. д. Во второмъ разсказѣ, принадлежащемъ перу Ситфорда Ф. Хампа, дается картинка изъ жизни одной американской „академіи“ для мальчиковъ и юношей. *Бурый медвѣдь Фил* (заглавіе разсказа)—прозвище героя разсказа, скромнаго на видъ и сосредоточеннаго мальчика, считавшагося товарищами трусомъ, но любившаго страстно природу. Съ опасностью для жизни онъ спасаетъ однажды на прогулкѣ товарища отъ неминуемой смерти, раскроивъ черепъ напавшей на нихъ медвѣдицы. Дѣтей займетъ и живое изображеніе взаимныхъ отношеній школьниковъ. Разсказъ *Маленькій рыцарь* извѣстнаго Редіярда Киплинга перенесетъ воображеніе читателя въ далекую Индію и познакомитъ съ своеобразнымъ типомъ маленькаго сына полковника, воспитывавшагося въ военной средѣ и усвоившаго себѣ нѣкоторыя изъ ея особенностей, сдѣлавшихъ изъ него маленькаго рыцаря. Очень интересенъ и разсказъ Генри Виллорда Фрэнча *Отважный трусъ*, изъ жизни въ африканской пустыни. Героемъ его, спасшимъ свою мать отъ рукъ торговца невольниками, является снова ребенокъ, сынъ бѣдной вдовы араба. Весь этотъ сборникъ прочтется дѣтьми средняго возраста съ большимъ интересомъ и поставитъ въ ихъ головахъ рядъ полезныхъ мыслей.

„Зеленый охотникъ“ Робинъ Гудъ. (Англійскія народныя пѣсни). Съ англійскаго Л. Спицыной. Съ рисунк. М., 1900 г. Ц. 20 к. (Посвящается В. П. Острогорскому). Любимый герой древне-англійскаго народнаго эпоса Робинъ Гудъ, скрываясь отъ нормандскихъ вла-

стителей, поработившихъ англо-саксовъ, вмѣстѣ съ дружиной отборныхъ храбрецовъ защищалъ бѣдныхъ и угнетенныхъ отъ обидъ и тиранніи монастырей и разныхъ пришельцевъ-притѣснителей, хотя въ то же время и пъявлялъ покорность королю. Въ памяти народа это имя живетъ и по-нынѣ, пѣсни же о немъ собраны вмѣстѣ и были нѣсколько разъ изданы. Въ настоящей изящно отпечатанной книжкѣ помѣщены двѣнадцать пѣсенъ, прекрасно переведенныхъ стихами-прозой г-жей Л. Спицыной. Въ небольшомъ предисловіи объясняется происхожденіе пѣсенъ и значеніе дѣятельности Гуда. Хорошенькіе рисунки дополняютъ изящество изданія, которое рекомендуемъ охотно для средняго возраста.

СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

„Путеводитель по всей Сибири и средне-азіатскимъ владѣніямъ Россіи“. *Г. А. Долгорукова.*

Путеводитель по всей Сибири и Средне-азіатскимъ владѣніямъ Россіи. В. А. Долгорукова. Годъ пятый. Томскъ, 1900—1901 г. Потребность въ хорошемъ путеводителѣ вообще для лицъ, ѣдущихъ по желѣзной дорогѣ на далекое разстояніе, сказывается съ самаго начала путешествія. Въ частности же для ѣдущихъ въ Сибирь хорошій путеводитель по Сибири является необходимой книгой. Предлагаемый г. Долгоруковымъ путеводитель во многихъ отношеніяхъ можетъ удовлетворить запросы наиболѣе любознательныхъ путешественниковъ. Очевидно, несмотря на то, что „Путеводитель“ издается пятый годъ, въ немъ существуютъ и различные пробѣлы, но мы объясняемъ это, во-первыхъ, новизной предпріятія (такъ какъ, насколько намъ извѣстно, лежащій передъ нами „Путеводитель“ Долгорукова—первый изъ большихъ путеводителей по Сибири,—540 стр. русскаго текста), во-вторыхъ, недостаткомъ и неполнотою источниковъ и матеріаловъ для составленія путеводителя. Иначе мы ничѣмъ не можемъ объяснить, напримѣръ, слѣдующее: про Нижнеудинскій уѣздъ сказано, что онъ занимаетъ пространство въ 106,798 кв. верстъ и имѣетъ населеніе въ 50 тыс. человѣкъ и болѣе ничего. Эти свѣдѣнія черезчуръ недостаточны, хотя бы и для такого глухого мѣста, какъ Нижнеудинскій уѣздъ. Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло, когда авторъ переходитъ къ большимъ городамъ—центрамъ Сибири, какъ, напримѣръ, Томскъ, Тобольскъ, Красноярскъ, Владивостокъ. Они описаны гораздо подробнѣе,—видимо, авторъ пользовался данными, добытыми городской управой, думскими отчетами и оффиціальными свѣдѣніями. Иногда эти описанія страдаютъ даже излишней точностью, очень много вниманія авторъ удѣляетъ монастырямъ, церквамъ и даже часовнямъ, и описываетъ то, что часто совершенно не подходитъ къ программѣ путеводителя. Съ другой стороны, очень бѣдны отдѣлы инородческій и переселенческій. Чтеніе нѣсколько затрудняется обиліемъ рекламъ въ текстѣ, несмотря на то, что впереди и послѣ текста приброшюровано по объемистой книжкѣ объявленій. Очень жаль, что на „Путеводителѣ“ не проставлена цѣна и только уже въ текстѣ, между объявленіями, мы нашли, что „Путеводитель“ вмѣстѣ съ французскимъ текстомъ стоитъ 1 р. 25 к., цѣна очень доступная. Карта составлена довольно порядочно, но пріурочена исключительно только къ тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя сообщаются въ книжкѣ. Таковы недостатки „Путеводителя по всей Сибири“. Въ общемъ они вполнѣ искупаются многочисленными достоинствами, такъ что „Путеводитель“ является очень

полезной книгой не только для путешественника, но и для всѣхъ интересующихся Сибирью. Чтобы облегчить иностранцамъ путешествіе по Сибири, приложенъ сокращенный переводъ текста на французскомъ, нѣмецкомъ, „итальянскомъ и англійскомъ языкахъ. Кромѣ описанія желѣзнодорожныхъ сообщеній по Сибири въ „Путеводитель“ включены слѣдующіе отдѣлы: 1) Водяныя сообщенія, 2) морскіе пути въ Сибирь, 3) сообщенія по сухопутнымъ трактамъ, 4) Средне-азіатскія владѣнія Россіи, 5) минеральныя воды Сибири, 6) судостройство и судопроизводство Сибири и 7) дополненія, заключающіяся въ описаніи Обь-енисейскаго канала, Волги, Тургайской и Уральской области, затѣмъ адресныя свѣдѣнія и указатели.

Небезынтересно будетъ привести нѣкоторыя цифры, касающіяся длины сибирской дороги. Такъ: все разстояніе отъ Москвы до Срѣтенска, крайняго пункта сооруженнаго „Великаго сибирскаго пути“, равняется 7,097 верстъ, а отъ Москвы до Владивостока по проектированному направленію—9,812 верстъ и билетъ изъ Москвы до Владивостока въ III классѣ будетъ стоить—44 р. 20 к. Общая средняя скорость поѣздовъ въ Сибири равна 21,7 версты въ часъ. Такимъ образомъ для того, чтобы проѣхать все разстояніе отъ Москвы черезъ Тулу, Обь на Владивостокъ потребуется 422 ч. 30 м. или 2 недѣли 3 дня 14 часовъ и 30 минутъ. Такова длина сибирскаго пути.

ПЕРІОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ.

„Міръ Божій“, *ноябрь*. — „Русское Богатство“, *октябрь*. — „Вѣстникъ Европы“, *ноябрь*.

Въ *Мірѣ Божьемъ* съ іюля тянулась повѣсть г. Потапенка *Побѣда*, и въ ноябрѣ она, наконецъ, окончена. Въ повѣсти изображается сначала пребываніе въ университетѣ на филологическомъ факультетѣ, а потомъ учительская дѣятельность нѣкоего Баранова. Описанію учительской дѣятельности его отводится преимущественное мѣсто, и, надо отдать справедливость автору, весь ходъ гимназической жизни, ея формализмъ, скука, казенщина и мертвящая рутина во многихъ главахъ обрисованы прекрасно. Г. Потапенко не щадитъ всякихъ „недоносковъ“ въ педагогической средѣ, которые, подобно инспектору описываемой имъ гимназіи и Акульскому, учителю греческаго языка, весь вѣкъ остаются вѣрными допотопнымъ традиціямъ, прямолинейности и шаблону, и своей безпримѣрной мелочностью производятъ впечатлѣніе тупицъ. Подобно оазисамъ въ пустынѣ, попадаются изрѣдка между учителями люди болѣе или менѣе честные и свободные отъ благоговѣнія передъ „программами“ и „предписаніями“, почему въ повѣсти и указанъ всего лишь одинъ такой учитель: учитель этотъ преподаетъ словесность и принадлежитъ еще къ старому поколѣнію. Само собою разумѣется, что при указанныхъ условіяхъ учащимся приходится задыхаться въ душной гимназической атмосферѣ, поэтому нѣтъ ничего мудренаго, что порой они не выдерживаютъ и въ той или иной формѣ выражаютъ свой протестъ. У г. Потапенка воспроизведенъ между прочимъ и самый протестъ этотъ, причемъ картина получается не только жизненная, но и довольно полная.

Однако, задача автора *Побѣды* состоитъ вовсе не въ обрисовкѣ условій гимназической жизни: жизнь эта не болѣе, какъ обстановка, въ которой дѣйствуетъ центральная личность повѣсти—Барановъ, и онъ-то и занимаетъ главнымъ образомъ автора. Очень много и долго хлопочетъ

г. Потапенко около Баранова, всячески стараясь заглянуть въ самую глубь его души, и тѣмъ не менѣе портретъ Баранова выходитъ тусклымъ и неопредѣленнымъ. Можно даже сказать болѣе: если существеннымъ пунктомъ повѣсти, ея узломъ, такъ сказать, является возрожденіе Баранова, т.-е. его перерожденіе изъ вялаго, скучающаго и прозябающаго учителя въ человѣка, имѣющаго передъ собой путеводную звѣзду, вѣрующаго въ дѣло и глубоко преданнаго ему, то и пунктъ этотъ представляется вовсе не вполнѣ понятнымъ: безспорно, найдутся читатели, которые отнесутся съ большимъ сомнѣніемъ къ *Побѣдѣ* высокихъ стремленій въ Барановѣ.

Всмотримся внимательно въ учителя Баранова. Прежде всего г. Потапенко ставитъ образованіе его личности въ удивительно тѣсныя рамки. И тогда, когда онъ учился въ гимназіи, и тогда, когда проходилъ университетскій курсъ, онъ или проводилъ время въ семьѣ Аргунина, друга его умершаго отца, или зубрилъ и зубрилъ „безъ удержу". Въ гимназіи зубрить приходилось, чтобы держаться въ ученическомъ спискѣ не ниже середины, въ университетѣ — чтобы удержать за собой стипендію. Такая зубрёжка не осталась безъ послѣдствій. Барановъ до того мало зналъ себя и отличался такимъ отсутствіемъ опредѣленныхъ вкусовъ и стремленій, что при поступленіи въ университетъ ему было рѣшительно все равно, на какой поступить факультетъ, и филологическій факультетъ онъ избралъ только потому, что, какъ оказалось по справкамъ, на немъ легче всего можно заполучить стипендію. Но вотъ, наконецъ, университетъ пройденъ, и Барановъ вступаетъ на поприще учителя. Онъ такъ зазубрился и такъ равнодушенъ къ своей профессіи, что не видитъ и не сознаетъ въ ней ничего, кромѣ необходимости зарабатывать вѣрный кусокъ хлѣба.

Нельзя не согласиться, что описанное положеніе вещей можетъ считаться только исключительнымъ: пусть даже Барановъ человѣкъ совсѣмъ средній, такъ какъ „ученіе давалось ему не легко, а значительныхъ способностей у него не было", пусть, съ другой стороны, среди членовъ семьи Аргунина находилась Варя, скоро ставшая его невѣстой,—всетаки дѣлить время между зубрежкой и свиданіями съ Аргуниными рѣшительно немыслимо для молодого человѣка. Немыслимо, чтобы на него никакъ не вліяли товарищи, немыслимо, чтобы онъ не заинтересовался какой-нибудь книгой, какими-нибудь житейскими явленіями, немыслимо, чтобы столь однообразное времяпрепровожденіе тянулось въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ.

Но идемъ далѣе. Изъ Баранова вышелъ сухой, вялый, скучный, неинтересный и апатичный учитель, способный только широко открывать глаза на все, что напоминаетъ живое отношеніе къ жизни, школѣ и учительству. Онъ настолько равнодушенъ къ этому учительству, что даже не понимаетъ, какъ можетъ Варя, которая въ это время почти отвернулась отъ него, мечтать въ будущемъ о педагогической дѣятельности, а въ настоящемъ съ жаромъ заниматься на курсахъ. Къ этимъ курсамъ, какъ и ко всѣмъ курсисткамъ, онъ питалъ даже ненависть, потому что необходимые среди курсистокъ книги и споры его раздражали и заставляли его сильнѣе чувствовать свое одиночество и свою давнишнюю и постоянную матеріальную необезпеченность: читать „хорошо разсуждать о ближнемъ" и „разводить бобы о разныхъ стремленіяхъ" могли, по его мнѣнію люди, „имѣющіе хоть какія-нибудь средства" или „обладающіе разными протекціями". И вотъ, въ одинъ прекрасный день, такой-то человѣкъ на вечеринкѣ, которую устроила для

него Варя, начинаетъ такъ умно, талантливо и живо аргументировать въ пользу благотворительности, на которую напалъ было братъ Вари, что послѣдній, по признанію всѣхъ присутствующихъ, былъ окончательно сраженъ. Какимъ же образомъ этотъ Барановъ, этотъ замкнувшійся въ себѣ и отшатнувшійся отъ жизни Барановъ, притомъ Барановъ среднихъ способностей, могъ вдругъ обнаружить такое пониманіе вещей и краснорѣчиво высказать взглядъ относительно явленія, достаточно сложнаго и требующаго размышленія? Это представляется загадкой. Если тутъ повліяла любовь къ Варѣ, то какъ ни сильно бываетъ такое чувство въ человѣкѣ, всетаки оно не въ состояніи сразу привить человѣку ясныя воззрѣнія на вещи, о которыхъ ранѣе ему совсѣмъ не приходилось думать.

Двинемся еще далѣе. Одинъ изъ учениковъ на урокѣ откровенно высказалъ Баранову свое мнѣніе объ его рутинномъ и скучномъ преподаваніи. Барановъ оскорбился, немедленно довелъ дѣло до директора съ инспекторомъ, и исторія приняла такой серьезный характеръ, что исключеніе ученика представлялось неизбѣжнымъ, на чемъ настаивало все начальство гимназіи. Подъ вліяніемъ семьи Аргунинныхъ и все той же Вари, а также и своихъ собственныхъ душевныхъ силъ, мирно спавшихъ до сего времени и ни въ чемъ не проявлявшихся, Барановъ нашелъ въ себѣ достаточно присутствія духа, мужества и честности, чтобы отстоять ученика, и далѣе становится рѣшительно неузнаваемымъ. Совершилось, однимъ словомъ, до нѣкоторой степени чудо, потому что перерожденіе это слишкомъ внезапно и неожиданно. Правда, ранѣе у Баранова былъ разговоръ съ братомъ Вари, Митей, который, наслышавшись о недостаткахъ преподаванія Баранова, вздумалъ обратить послѣдняго на путь истины, и изъ этого разговора какъ будто слѣдуетъ, что Барановъ таитъ на сердцѣ нѣчто доброе, но его инертность и апатія слишкомъ подчеркиваются, такъ что исходъ инцидента между нимъ и оскорбленнымъ имъ ученикомъ вовсе не вытекаетъ изъ его характера. А между тѣмъ именно этому случаю суждено было произвести магическое дѣйствіе. Барановъ перемѣнился радикально по отношенію къ своей профессіи: онъ сталъ гуманнымъ учителемъ, внимательнымъ къ интересамъ учениковъ, причемъ отношеніе его къ преподаваемому имъ предмету въ корень измѣнилось, благодаря чему у него явилось ясное сознаніе цѣли жизни. И все это случилось сразу, вдругъ. На другой же день послѣ означеннаго инцидента на урокѣ, Барановъ, не имѣя въ виду, противъ своего обыкновенія, программы, „вдругъ заговорилъ о глубокомъ значеніи для образованнаго человѣка изученія исторіи народовъ, о томъ, что только тотъ можетъ сознательно относиться къ жизни своей и своего народа, кто знаетъ и правильно оцѣниваетъ прошлое". „Все это,—объясняетъ г. Потапенко,—онъ, конечно, не выдумалъ изъ своей головы, все это припомнилось ему изъ лекцій, изъ книгъ, благодаря страшному напряженію памяти; все это, до сихъ поръ, какъ ненужный балластъ, лежало у него въ головѣ и казалось ему безполезнымъ и непримѣнимымъ". Но, что бы ни говорилъ г. Потапенко о *страшномъ напряженіи памяти*, нигдѣ и никогда не бываетъ и не можетъ быть такихъ скоропостижныхъ превращеній и перерожденій. Искусственность перерожденія Баранова, повидимому, замѣчалась и самимъ авторомъ, иначе зачѣмъ бы ему заставлять своего героя, т.-е. Баранова, въ разговорѣ со старикомъ Аргунинымъ такъ пространно объяснять причины того, что „человѣкъ живетъ, живетъ и точно спитъ и вдругъ просыпается". Изъ разсужденій Баранова, относительно того, что „мы живемъ поверхностно, и что ничто изъ совершающагося вокругъ насъ не задѣваетъ нашей души сколько-

нибудь глубоко“ и проч., нельзя извлечь ничего другого, кромѣ того, что г. Потапенко его устами желаетъ убѣдить читателя въ возможности его внезапнаго перерожденія. Особенно любопытными въ этомъ смыслѣ кажутся намъ слѣдующія слова Баранова: „Тотъ, кто одинъ только разъ въ жизни протеръ глаза, уже не можетъ вернуться къ прежней дремотѣ. Вотъ и со мной это случилось. Меня оскорбилъ Пазухинъ (ученикъ). Это разбудило меня, и если бы дѣло этимъ ограничилось, я бы настоялъ на совѣтѣ, чтобы его исключили. Можетъ быть, я смотрѣлъ бы такими же непротертыми глазами, какими смотрятъ инспекторъ и Акульскій и другіе мои товарищи, потому что видѣлъ только нарушеніе одного изъ правилъ... Но вы (т.-е. семья Аргунина), господа, направили мои глаза въ другую сторону, вы заставили меня посмотрѣть на душу этого юноши, и я сталъ глядѣть на нее во всѣ глаза, я уже долженъ былъ протереть глаза, потому что иначе ничего не увидѣлъ бы“. Признаться сказать, дѣло какъ будто очень просто. Стоитъ только „протереть глаза“, и человѣкъ сталъ совершенно другимъ, чѣмъ былъ раньше. На самомъ же дѣлѣ, это, однако, далеко не такъ, и самъ г. Потапенко въ концѣ концовъ не въ этомъ только видитъ причины перемѣны, происшедшей въ Барановѣ. Любовь къ Варѣ есть конечная причина возрожденія: когда Барановъ понялъ, вслѣдствіе исторіи съ Пазухинымъ, т.е. оскорбившимъ его ученикомъ, что̀ именно цѣнитъ въ человѣкѣ Варя, онъ пошелъ по дорогѣ честнаго и гуманнаго человѣка и работника и этимъ сдѣлался въ то же время близкимъ къ желанной цѣли, такъ какъ Варя, наконецъ, соглашается выйти за него замужъ. Тутъ, однако, получается еще новое доказательство преимущественнаго вліянія Вари на возрожденіе Баранова. Въ то время, какъ Варя дала свое согласіе на бракъ съ Барановымъ, вдругъ оказывается, что ея замужество равносильно выходу въ отставку, и Варя, выше всего цѣнящая свое учительство, беретъ назадъ обѣщаніе быть его женой. Это такъ дѣйствуетъ на Баранова, что, несмотря на свое перерожденіе, онъ окончательно рѣшаетъ порвать съ гимназіей и учительствомъ и не исполняетъ такого намѣренія только благодаря все той же Варѣ, которая въ концѣ концовъ подъ вліяніемъ этого обстоятельства снова и уже окончательно соглашается на бракъ съ нимъ. Какъ бы то ни было, однако, если даже предположить, что главной виновницей перерожденія Баранова была Варя и любовь къ ней, всетаки получается неестественность въ перипетіяхъ этого перерожденія. Какъ ни велика сила любви, но и она не въ состояніи сдѣлать невозможнаго.

Что касается Вари, то и ея фигура не вездѣ выступаетъ достаточно рельефно. Особенно мало вразумительнымъ кажется ея рѣшеніе не выходить замужъ, разъ замужней женщинѣ нельзя оставаться учительницей въ школѣ извѣстнаго типа. Почему, въ самомъ дѣлѣ, ей необходимо было оставаться въ школѣ именно этого типа, и почему, напримѣръ, разъ она такъ любила свое дѣло, она не могла набрать учениць у себя на дому послѣ своего замужества? Нельзя, однако, не прибавить здѣсь, что отецъ Вари, ея мать и другія второстепенныя лица, появляющіяся въ семьѣ Аргуниныхъ, вышли чрезвычайно живыми и, сверхъ того, многія мѣста повѣсти отличаются выразительностью, достойною таланта г. Потапенка.

Итакъ, главнымъ недостаткомъ повѣсти *Побѣда* является неопредѣленность въ изображеніи личности Баранова. Если, однако, обратить вниманіе на научную подготовку Баранова къ дѣятельности и на результаты ея, то получится весьма любопытный выводъ: одна наука дает не все даетъ человѣку, и каждый извлекаетъ изъ нея только то, что

можетъ и что допускаетъ его натура, и съ этой стороны личность Баранова можетъ служить хорошей иллюстраціей. Мы останавливаемся на такомъ пунктѣ именно потому, что въ этомъ же отношеніи заслуживаютъ вниманія четыре очерка г. Z. въ октябрѣ *Русскаго Богатства*, подъ названіемъ *Студентки*. Каждый изъ очерковъ озаглавливается временами года и, въ соотвѣтствіи съ такими заглавіями, изображаются: то слушательница курсовъ, юная, какъ весна, то вся проникнутая теплomъ и жаждущая свѣта, подобно лѣту, то унылая и печальная и ведущая борьбу съ обстоятельствами, какъ осень съ ея бурями и непогодами, то холодная, уравновѣшенная и безстрастная, какъ зима. Разумѣется, всѣ эти курсистки изъ своихъ занятій на курсахъ извлекаютъ нѣчто совершенно различное, да и не могутъ, конечно, отнестить одинаково къ такимъ занятіямъ. Въ очеркѣ, озаглавленномъ *Весна пришла*, передъ читателемъ—Надя Полтавцева, этотъ полуребенокъ, который, запомнивъ изъ разговоровъ съ „настоящими людьми“, что „необходимо выработать въ себѣ сознательное отношеніе къ окружающей дѣйствительности“, со всѣмъ стараніемъ принимается за такую выработку. Но,—увы!—она такъ наивна, что изъ восьми обязательныхъ предметовъ рѣшительно не можетъ выбрать себѣ главнаго, не можетъ также уяснить себѣ и связи между ними; когда же она сталкивается съ людьми, мыслящими и находящими интересъ въ обмѣнѣ мыслей, то ей никакъ не удается помирить тѣ или иныя противорѣчія въ различныхъ мнѣніяхъ. Оно, разумѣется, и понятно. Въ институтѣ ее научили только долбить и зубрить и вовсе не пріучили думать. Въ концѣ очерка Надя Полтавцева въ самое критическое для нея, какъ и для всѣхъ курсистокъ, время экзаменовъ, рѣшительно не можетъ одолѣть своего шаловливаго настроенія, благо весеннее „солнце заливало комнату лучами“, а небо было ярко голубого цвѣта: она сѣла на окно, и „глаза ея случайно упали на противоположное окно двумя этажами ниже“, гдѣ сидѣлъ студентъ и читалъ книгу. Дѣвушка „запустила руку въ мѣшокъ съ колотымъ сахаромъ, лежавшимъ около нея и... бацъ! Небольшой кусокъ сахара ударилъ въ косякъ окна студента и, рикошетомъ отскочивъ къ самому его лицу, упалъ на раскрытую книгу“. Эта выдумка ей такъ понравилась, что она не остановилась и бросила въ того же студента сначала скомканную газету, потомъ мѣшокъ изъ-подъ сахара. Нечего и говорить, какъ изумленъ былъ студентъ, тѣмъ болѣе, что все это сыпалось на него неизвѣстно откуда, такъ какъ Надя Полтавцева каждый разъ успѣвала отскочить отъ окна на середину комнаты. Вообще она никакъ не можетъ сосредоточиться на экзаменѣ. Весна, весеннее настроеніе пересиливаетъ, и, помимо всякаго ея желанія, изъ сбившейся съ толку студентки превращаютъ ее въ то, что она есть въ самомъ дѣлѣ, т.-е. въ шаловливаго ребенка, сдѣлавшагося по ошибкѣ жертвой противорѣчія между наукой и жизнью. Не такова 22-лѣтняя Ольга Николаевна Бобровская, или героиня второго очерка *Въ іюнѣ*. Бобровская много выноситъ изъ своихъ занятій науками и вообще книгой: все въ ней доказываетъ и широту взглядовъ и значительное развитіе какъ мысли, такъ и чувства. Она способна думать не объ одной только себѣ, и если начинаетъ хлопотать о комъ-нибудь изъ обиженныхъ и обездоленныхъ судьбой, то не затрудняется въ выборѣ средствъ и достигаетъ цѣли. Является, напримѣръ, она къ богатому и просвѣщенному, хотя и незнакомому ей доктору и безъ всякихъ околичностей проситъ у него взаймы на неопредѣленный срокъ рублей 20—25, мотивируя свою просьбу такими словами: „Одной особѣ, фамилію ея я могу назвать если угодно, петербургскій климатъ оказался вреденъ. Денегъ у нея нѣтъ, а путь предстоитъ не близкій. Петербургъ

теперь пусть, молодежь разъѣхалась, сборъ сдѣлать трудно, вотъ почему я и обращаюсь къ вамъ". Когда же докторъ даетъ нужныя ей деньги, она внѣ себя отъ радости, и радость эта самая неподдѣльная и непосредственная; она спѣшитъ подѣлиться ею со студентомъ, котораго любитъ, и оба, чтобы отпраздновать эту радость, отправляются въ театръ. Что касается до отношеній къ любимому человѣку, то и тутъ Бобровская проявляетъ всѣ свойства культурнаго человѣка, которыя не могла бы проявить никогда Надя Полтавцева. А вотъ и третья студентка Барчукова, героиня третьяго очерка *Поздней осенью*. Въ хмурыя осеннія сумерки ищетъ она въ дешевыхъ кварталахъ Петербурга комнату, но не можетъ найти, такъ какъ дешевле 12 рублей нѣтъ сносной комнаты, а ей на цѣлый мѣсяцъ ассигновано всего 20 рублей, да и то эта ассигновка будетъ продолжаться не весь годъ. Въ концѣ концовъ ей приходится поселиться не одной, а вдвоемъ съ другой дѣвушкой, мнѣній и вкусовъ которой она совсѣмъ не раздѣляетъ; но дѣлать нечего: разсуждать не приходится. Отъ науки и книги она, вѣроятно, ждетъ прежде всего заработка и въ своихъ занятіяхъ, конечно, очень ревностна, но широко воспользоваться наукой и книгой ей едва ли удастся: нужда и необходимость приспособляться къ обстоятельствамъ волей-неволей у нея всегда на первомъ планѣ. Въ четвертомъ очеркѣ *Зима* выводится еще новый образчикъ студентки, нѣкая Марья Николаевна, которая прежде всего „невольно поражала необыкновенною корректностью—костюма, прически, даже выраженія лица и глазъ нѣсколько сѣроватаго тона", и въ комнатѣ которой „бросался въ глаза необыкновенный порядокъ и полное отсутствіе пыли". Безстрастность, холодность и уравновѣшенность совершенно завладѣли Марьей Николаевной, и если она занимается медициной, то ее влечетъ къ этой наукѣ далеко не человѣколюбіе, „побудительными причинами были скорѣе дѣловитость и нѣкоторый карьеризмъ, унаслѣдованный отъ цѣлаго ряда предковъ чиновниковъ".

Итакъ, очерки г. Z. въ *Русскомъ Богатствѣ* намѣчаютъ четыре типа студентокъ. Типы эти были бы чрезвычайно любопытны, если бы они не отличались тусклостью, если бъ сколько-нибудь походили на типы. Но въ нихъ подчеркивается значеніе личности и природы человѣка даже въ тотъ періодъ его жизни, когда онъ болѣе, чѣмъ въ какое-либо другое время находится подъ воспитательнымъ вліяніемъ книги, науки и научныхъ занятій. Личность человѣка стоитъ за себя вездѣ и всегда, даже при такихъ условіяхъ, которыя всѣми силами противорѣчатъ этому. Г-жа Дмитріева въ своихъ *Замѣткахъ земскаго врача*, озаглавленныхъ *Больничный сторожъ Хвеська*, ясно доказываетъ это. Больничнымъ сторожемъ является 13—14-лѣтняя крестьянская дѣвочка Ѳедосья, которую авторъ подъ конецъ разсказа справедливо называетъ огонькомъ. До пріѣзда земскаго доктора на пунктъ, когда тамъ царилъ фельдшеръ Кудакинъ, человѣкъ корыстный и даже алчный, мало свѣдущій и находящійся на самой низкой ступени нравственности, Хвеська исполняла довольно трудную роль. За полтинникъ въ мѣсяцъ она была не только больничнымъ сторожемъ, но и помощникомъ фельдшера, такъ какъ ей приходилось знать, гдѣ стоятъ какія лѣкарства, и отчего они помогаютъ, да еще, кромѣ всего этого, она была нянькой у дѣтей фельдшера и прислугой его. Но вотъ пріѣхалъ земскій докторъ и открылъ злоупотребленія; онъ прогналъ фельдшера и очень скоро убѣдился, какой деловитостью отличалась Хвеська. Мало того, что она была ловка, безкорыстна, проворна и умна, она обнаруживала самый серьезный интерес ко всему, что ее окружало. Дѣловитость ея не знала предѣловъ; докторъ прямо говоритъ о ней: „Для нея, кажется, не существов

ничего невозможнаго, — что ни попросишь, моментально сдѣлаетъ, ничего не перепутаетъ, и все это съ удовольствіемъ, съ сіяющимъ лицомъ и безъ всякаго понуканья, что было особенно пріятно видѣть". Отмѣчаетъ докторъ и поведеніе Хвеськи на пріемахъ, когда „она важно стояла у двери и поочередно пропускала больныхъ". Въ такихъ случаяхъ „были попытки ее умаслить, даже ее подкупить, но все это оканчивалось неудачей, и сами больные подъ конецъ строго слѣдили за очередью". Отъ *Замѣтокъ* вѣетъ правдой. Въ доказательство этого можно привести, напримѣръ, тотъ фактъ, что, когда на двери лѣчебницы появилось черное дегтярное пятно, долженствующее знаменовать стыдъ Хвеськи, которую мѣстное населеніе заподозрило въ интимныхъ отношеніяхъ съ докторомъ, Хвеська оказалась далеко не равнодушной къ этому факту. Она очень близко приняла его къ сердцу и съ этой стороны показала себя вполнѣ солидарной съ деревенскими условіями и обстановкой, полной предразсудковъ. Какъ бы то ни было, однако, но изъ разсказа г-жи Дмитріевой несомнѣнно вытекаетъ то заключеніе, что даровитая натура вездѣ обнаружитъ себя, и никакія условія не въ состояніи затереть ее окончательно.

Значенія личности касается и разсказъ г. Новикова въ октябрѣ *Русскаго Богатства*, названный *Раздѣлъ*. Дѣйствіе разсказа, какъ можно заключить и по заглавію, происходитъ опять-таки въ деревнѣ. При жизни отца съ матерью женатые ихъ сыновья Прокофій и Дмитрій жили въ дружбѣ и согласіи, но стоило умереть отцу съ матерью, какъ одна изъ невѣстокъ тотчасъ же ясно обнаружила свою личность, постоянно вызывая ссоры, ко всему придираясь и вооружая всѣхъ противъ себя. Благодаря ей, сохранять прежнюю дружбу и согласіе оказалось невозможнымъ, и пришлось подумать о раздѣлѣ. Не такъ-то легко однако было произвести его. Тутъ ужъ, конечно, роль и значеніе личности отступаетъ на задній планъ, и ея мѣсто занимаютъ порядки, господствующіе въ деревнѣ. Раздѣлъ состоялся полюбовно, послѣ этого былъ написанъ и подписанъ приговоръ, но земскій начальникъ его не утвердилъ. По его мнѣнію, „разъ самостоятельнаго хозяйства обѣ стороны вести не могутъ", то не можетъ быть и раздѣла. „По закону,—какъ говорилъ отъ,—нищихъ разводить" не слѣдуетъ, а такъ какъ у одного изъ разводящихся было пятеро маленькихъ дѣтей, да еще старшій калѣка, то ему нужно было держаться за брата, а не думать о раздѣлѣ. Между тѣмъ фактически братья давно уже раздѣлились, и жены ихъ давно уже разные горшки въ печку ставили, такъ что обѣдали оба семейства врозь. Разумѣется, при этомъ та самая невѣстка, изъ-за которой и началась рѣчь о раздѣлѣ, постоянно подливала масла въ огонь, и, въ результатѣ, начавшій сильно пить многосемейный братъ Дмитрій убиваетъ на полѣ дугой брата Прокофія. Дмитрій тутъ же испугался своего поступка, такъ какъ являлся жертвой силы вещей, а между тѣмъ при докладѣ земскому начальнику сельскаго старосты, этотъ послѣдній вмѣстѣ съ земскимъ начальникомъ рѣшаютъ, что оба брата „разбойники", люди „характерные и капризные". Что касается до другихъ лицъ, то они нарисованы правдиво.

Отъ личности человѣка и значенія ея нѣсколько въ иную сторону направляетъ вниманіе читателя разсказъ г-жи Ян. Бодуэнъ де-Куртенэ, подъ названіемъ *Изъ-за любви*, помѣщенный въ ноябрѣ *Вѣстника Европы*. Здѣсь разсказывается исторія погибели женщины, носившей въ больницѣ, гдѣ она служила, имя „святой сестры Анны". Страстно и долго добивалась она „любви, участія, нѣжности, ласки", но не могла добиться, потому что отличалась „некрасивой, почти отталкивающей внѣшностью, вѣчно раздраженнымъ эгоизмомъ, высокомѣрною скрытностью

ненавистью, равнодушіемъ и даже отвращеніемъ къ людямъ", за то лишь, что они не открывали передъ ней „восторженныхъ объятій". Придя къ убѣжденію, что ей только при исключительныхъ условіяхъ можно достигнуть цѣли своихъ стремленій, она поступаетъ въ больницу и клянется, что въ душахъ больныхъ заставитъ пылать „чудное пламя признательной любви". Такая любовь не есть, по мнѣнію сестры Анны, настоящая любовь, чѣмъ и объясняются ковычки въ заглавіи разсказа, заключающія *любовь*, но, за неимѣніемъ другой, ей приходится удовлетвориться и этой, и она жадно ищетъ ее, просиживая безсонныя ночи около больныхъ, работая за двоихъ, за троихъ и совершая чудеса настойчивости и терпѣнія. Усилія эти увѣнчиваются успѣхомъ, сестра Анна постоянно получаетъ доказательства признательности со стороны больныхъ, и самолюбіе ея торжествуетъ, не даромъ она получила прозвище „больничнаго ангела",—но она надрывается и испытываетъ настоящія муки, наблюдая и ухаживая за больными. Временами ее приводятъ въ ужасъ и содроганіе ихъ страданія, и подъ вліяніемъ не только ихъ, но и собственныхъ страданій, она рѣшается сдѣлаться „спасительницей страждущихъ" и отравляетъ двухъ больныхъ морфіемъ, чтобы для нихъ наступила „смерть несчастія". Одинъ изъ докторовъ догадывается о поступкѣ Анны и ее уже съ выборомъ подпускаютъ къ больнымъ, а тѣмъ временемъ она совершенно надорвана, и собственная ея болѣзнь разыгрывается все сильнѣе и опредѣленнѣе. Она умираетъ, успокоенная сознаніемъ, что обнаружила способность любить людей до самозабвенія, и что эти люди любили ее и понимали ея любовь къ ней. Такимъ образомъ, предметомъ разсказа является изображеніе органической потребности любви въ человѣкѣ, отсутствіе которой порождаетъ пытку душевную. Едва ли, однако, разсказъ г-жи Бодуэнъ де-Куртенэ слѣдуетъ считать удачнымъ; правда, нѣкоторыя страницы въ немъ написаны живо и искренне, и нѣкоторыя фигуры больныхъ обрисованы мѣтко и характерно, но онъ растянутъ, изложеніе страдаетъ повременамъ неясностью и сбивчивостью, и главное настроеніе сестры Анны далеко не вездѣ достаточно обосновано.

Относительно разсказовъ И. Е. Гешова, извѣстнаго финансиста и государственнаго дѣятеля Болгаріи, стоитъ сказать нѣсколько словъ. Они изобличаютъ несомнѣнный талантъ, и если, какъ указано въ примѣчаніи къ разсказамъ, автору мѣшали развивать этотъ талантъ дѣла его фирмы и общественная дѣятельность, то объ этомъ нельзя не пожалѣть. Всѣ три разсказа (*Лила, Разрывъ-трава* и *Солдатъ*) написаны тепло, задушевно и не лишены идейности: по крайней мѣрѣ, первый ясно показываетъ, что̀ значатъ въ жизни извѣстныя традиціи, предразсудки и „священные" обычаи. Крестьянинъ Стайко съ ума сходилъ по красивой Лилѣ, а молчаливая и красивая Лила „платила ему съ лихвою". До поры до времени имъ однако нельзя было перевѣнчаться, потому что ихъ отцы враждовали; но вотъ однажды отецъ Стайко былъ найденъ убитымъ чьею-то разбойничьею рукой, и тогда Стайко съ Лилой были помолвлены. Вдругъ Стайко узнаетъ, что вернулся предполагаемый убійца его отца, и бродитъ опять вокругъ его деревни. Стайко поклялся отомстить убійцѣ и разъ настигнулъ его. Убійца признается Стайкѣ, что онъ, дѣйствительно, убилъ его отца, но что его понудилъ къ этому отецъ Лилы. По традиціямъ, свадьба должна была послѣ этого разстроиться. Стайко вернулъ кольцо своей невѣстѣ, и безпощадная судьба отняла, такимъ образомъ, у Лилы ея друга. Волей той же судьбы вскорѣ арендаторъ мельницы нашелъ въ запруженной водѣ трупъ Лилы.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 ноября по 1 декабря 1900 г.

Антоновъ, С. Сны. Стихотворенія. Кіевъ, 1900 г. Ц. 1 р.

Ардашевъ, П. Провинціальная администрація во Франціи въ послѣднюю пору стараго порядка 1774—1789 гг. Т. I. Спб., 1900 г. Ц. 2 р. 50 к.

Ахшарумовъ, Д. Чума послѣднихъ годовъ XIX столѣтія (1894—1900 гг.). Полтава, 1900 г.

Барингѐръ, В. Что нужно знать по электротехникѣ? Изд. П. В. Луковникова. Спб., 1901 г. Ц. 35 к.

Вердяевъ, Н. Субъективизмъ и индивидуализмъ въ обществ. философіи. Крит. этюдъ о Н. К. Михайловскомъ. Съ предисловіемъ П. Струве. Изд. О. Н. Поповой. Спб., 1901 г. Ц. 2 р. 25 к.

Берне, Л. Полное собраніе сочиненій. Въ 3-хъ томахъ. Спб., 1900 г. Ц. 5 р.

Бернштейнъ, Э. Историческій матеріализмъ. Изд. т-ва „Знаніе“. Спб., 1901 г. Ц. 80 к.

Бецольдъ-фонъ, Фр. Исторія реформаціи въ Германіи. Т. 2-й. Изданіе Л. Ф. Пантелѣева. Спб., 1900 годъ. Ц. 2 р. 50 к.

Библ. маленькаго читателя. 1) Сборникъ разсказовъ и стихотвореній. Ц. 30 к. 2) Родные отзвуки (8). Ц. 30 к. 3) Разсказы, стихотворенія и сказки (9). Ц. 25 к. 4) У семейнаго очага (10). Ц. 40 к. М., 1900 г.

Богдановскій, А. Какъ Петръ Захарычъ переселялся въ сибирскіе лѣса. Спб., 1900 г. Ц. 20 к.

Боцяновскій, В. Максимъ Горькій. Крит.-біогр. этюдъ. Спб., 1901. Ц. 50 к.

Брюсовъ, Валерій. Книга новыхъ стиховъ. Изд. „Скорпіонъ“. М., 1900 г. Ц. 1 р.

Будченко, С. „Маленькій букетъ“. Стихотворенія. М., 1900 г.

Бурэ, С. Разсказы изъ жизни животныхъ. Съ 21 рис. Изд. Ф. А. Іогансона. Кіевъ, 1900 г. Ц. 35 к.

Бьернсонъ, Б. Полное собраніе сочиненій. Въ 2-хъ томахъ. Изд. кн. маг. Ф. А. Іогансона. Кіевъ, 1900 г. Цѣна за 2 тома 3 р.

Вартаньянцъ, В. Петровская академія, какъ выразительн. традицій семидесятыхъ годовъ. Тифлисъ, 1900 г. Ц. 20 к.

Васильевъ, В. Открытіе Китая. Спб., 1900 г. Ц. 1 р.

Веселовскій, Юр. Литературные очерки. М., 1900 г. Ц. 2 р.

Веснинъ, А. Британская имперская федерація и англійск. торгов. интересы. Спб., 1900 г.

Вильсонъ, Эдм. Роль клѣтки въ развитіи и наслѣдственности. Пер. съ англ. Вл. Линдеманъ. Изд. К. Т. Солдатенкова. М., 1900 г. Ц. 2 р. 50 к.

Воиновъ, А. Сборникъ геометрическихъ задачъ на вычисленіе. 3-е изд. М., 1900 г. Ц. 75 к.

Вольтманнъ, Л. Теорія Дарвина и соціализмъ. Изд. Ф. Павленкова. Спб., 1900 г. Ц. 1 р. 25 к.

Всеобщая библіотека. 1) Нравственныя идеи нашего времени (9—10). Ц. 30 к, 2) Душа и тѣло (22). Ц. 15 к. 3) Философія труда (21). Ц. 15 к. Изд. Ф. А. Іогансона. Кіевъ, 1900 г.

Гавкинъ, Н. Карманный словарь иностранныхъ словъ. Изд. 13-е. Изд. Ф. А. Іогансона. Кіевъ, 1900 г. Ц. 60 к.

Гензель, П. Промысловое обложеніе въ Россіи. Спб., 1900 г. Ц. 50 к.

Гиббинсъ и Сатуринъ. Исторія современной Англіи. Изд. т-ва „Знаніе“. Спб., 1901 г. Ц. 1 р. 20 к.

Глинка, О. Къ вопросу объ охранѣ безопасности пассажировъ въ поѣздахъ. Кіевъ, 1900 г.

Гобсонъ, Дж. Задачи бѣдности. Из-

слѣдованіе промышл. положенія бѣдныхъ въ Англіи. Изд. Ф. А. Іогансона. Кіевъ, 1900 г. Ц. 60 к.

Гринченко, Б. Каталогъ музея украинскихъ древностей В. В. Тарновскаго. Т. II. Черниговъ, 1900 г.

Гурляндъ, И. 1) Новгородск. ямскія книги 1586—1631 гг. Ц. 2 р. 50 к. 2) Ямская гоньба въ Московск. государствѣ до конца XVII в. Ц. 2 р. 50 к. Ярославль, 1900 г.

Гюи-де-Мопасанъ. Полное собраніе сочиненій. Въ 3-хъ томахъ. Изданіе кн. маг. Ф. А. Іогансона. Кіевъ, 1900 г. Цѣна за 3 тома 3 р. 50 к.

Данилинъ, И. Очерки и разсказы. М., 1901 г. Ц. 1 р.

Движеніе частнаго землевладѣнія въ Александрійскомъ у., Херс. губ. въ 1865—1900 гг. Александрія, 1900 г.

Джеромъ К. Джеромъ. 1) Новыя мысли празднаго человѣка. Ц. 1 р. 2) Синіе и зеленые наброски. Ц. 1 р. Изд. Ф. А. Іогансона. Кіевъ, 1900 г.

Догановичъ, А. Ермакъ, покоритель Сибири. Для шк. и нар. чтенія. Изд. В. С. Спиридонова. М., 1900 г. Ц. 15 к.

Зубковъ, В. Историческая записка Сергачско-Ключевскаго ссудо-сберегат. товарищества Сергачск. у., Нижегор. губ. 1875—1900 гг. Казань, 1900 г.

Игнатовичъ-Завилейскій. Помощь утопающимъ. Изд. 2-е. Съ 12 рис. Кіевъ, 1900 г. Ц. 10 к.

Издательскій комитетъ харьковскаго общества распространенія въ народѣ грамотности. №№ 53—58, 60—64. Харьковъ, 1900 г.

Измайловъ, А. Черный воронъ. 1-я книга разсказовъ. Спб., 1901 г. Ц. 1 р.

Караваевъ, В. Поѣздка на островъ Яву. (Впечатлѣнія натуралиста). Кіевъ, 1900 г. Ц. 2 р.

Ковалевскій, С. Покровительственная пошлина, что она даетъ населенію и что у него беретъ. Спб., 1899 г. Ц. 50 к.

Комарскій, Ф. Семейный университетъ. Курсъ 2-й. Вып. IX. Спб., 1900 г.

Косса, Луиджи. Основы финансовой науки. М., 1900 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Исторія экономическихъ ученій. Изданіе Ф. А. Іогансона. Кіевъ, 1900 годъ. Ц. 1 р. 50 к.

Коптевъ, В. Сборникъ диктантовъ въ связи съ граммат. упражненіями. Для нач. нар. училищъ. Спб., 1901 г. Ц. 15 к.

Кругловъ, А. Вселенскіе учители. Изд. В. Спиридонова и В. Постникова. М., 1900 г. Ц. 45 к.

Кузнецовъ. Русская исторія въ планахъ (35 плановъ). Рига, 1900 г. Ц. 30 к.

Кукъ-Тэйлоръ, Р. Фабрика и фабричная система. Изд. Ф. А. Іогансона. Кіевъ, 1900 г. Ц. 60 к.

Кутскій, К., и Вандервельде. 1) Границы капиталистическаго хозяйства. 2) Городъ и деревня въ капиталистическомъ обществѣ. Изд. Ф. А. Іогансона. Кіевъ, 1900 г. Ц. 25 к.

Лёвшинъ, Д. Т. Н. Грановскій (съ портретомъ). Спб., 1901 г.

Лежневъ, М. Марксъ и Кантъ (критико-философ. параллель). Николаевъ, 1900 г. Ц. 75 к.

Лейкинъ, Н. Первые шаги. Романъ. Спб., 1901 г. Ц. 75 к.

Ливій, Титъ. Римская исторія отъ основанія Рима. Въ 5-ти томахъ. Т. 1 и 2. Изд. А. Ф. Іогансона. Кіевъ, 1900 г. Цѣна за 5 т. 5 р.

Лихачева, Е. Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи. 1856—1880 гг. Спб., 1901 г. Ц. 4 р.

Лотоцкій, Игн. Виннице-Браиловскій женскій монастырь и его святыни. Немировъ, 1900 г. Ц. 75 к.

Лункевичъ, В. 1) Четвероногіе и пернатые хищники. Ц. 18 к. 2) Четвероногіе слуги человѣка. Ц. 23 к. 3) Враги и друзья человѣка. Ц. 28 к. Спб., 1900 г.

Любомудровъ. Конспектъ лѣчебныхъ формулъ для ветеринарныхъ врачей. Екатеринбургъ, 1900 г.

Н. Н. С. Разсказы изъ исторіи грековъ. М., 1900 г. Ц. 1 р. 50 к.

Нагорная проповѣдь Спасителя. Сущность христіанск. ученія. Ц. 15 к.—Историч. порядокъ Евангелія. Сводъ во едино всѣхъ четырехъ Евангелій. Ц. 15 к. Сѣдлецъ.

Овсянаго, Н. Болгарія и болгары. Спб., 1900 г. Ц. 2 р.

Олексенко, С. 1) Сельско-хозяйств. бесѣды. 2) Краткое наставленіе къ виноградарству и винодѣлію. Бердянскъ.

Ольшамовскій, М. Образцы диктантовъ. М., 1900 г. Ц. 50 к.

Отто Генне амъ-Ринъ, д-ръ. Недостатки соврем. полицейск. надзора за обществ. нравственностью. Изданіе Ф. Павленкова. Спб., 1900 г. Ц. 50 к.

Отчетъ бердянской земской управы по сельскому хозяйству. Бердянскій уѣздъ за 1899 и 1900 г. Бердянскъ, 1900 г.

Отчетъ о дѣятельности общества взаимн. вспомоществов. учащимъ и учившимся въ народн. училищахъ Симбирск. губ. съ 1 іюля 1899 г. по 1 іюля 1900 г. Симбирскъ, 1900 г.

Петровъ, В. Вопросы народнаго образованія въ Московской губ. Вып. II. М., 1900 г. Ц. 50 к.

Петровскій, П. Стихотворенія. М., 1901 г. Ц. 75 к.

Прусъ, Болеславъ. Полное собраніе сочиненій. Въ 5-ти томахъ. Изд. кн. маг. Ф. А. Іогансона. Кіевъ, 1900 г. Цѣна за 5 т. 6 р.

Радичъ, В. Запорожская стари[illegible] Истор. разсказы. Спб., 1900 г. Ц. 1[illegible]

Ракитскій, М. Методъ обученія грамотѣ. Спб., 1901 г. Ц. 50 к.

Ремсенъ. Введеніе въ изученіе химіи. М., 1900 г. Ц. 1 р. 75 к.

Рише, Ш. „Война и миръ". Изд. Ф. А. Іогансона. Кіевъ, 1900 г. Ц. 50 к.

Савельевъ, А. Очеркъ развитія пар. образованія въ Нижегор. у. Н.-Новгородъ, 1900 г. Ц. 60 к.

Савиновъ, Ѳ. Стихотворенія. 2-е изд. М., 1900 г. Ц. 1 р. 25 к.

Сборникъ императорск. русск. историч. общества. Т. 108. Юрьевъ, 1900 г.

Сводный сборникъ по статист. описанію Полт. губ. въ 1882—1889 гг. Вып. I. Полтава, 1900 г. Ц. 2 р.

Сельско-хоз. обзоръ Вятской губерніи за 1898—99 гг. — Журналъ Вятской губ. оцѣночн. коммиссіи 1900 г., съ приложеніями. Вятка, 1900 г.

Семеновъ, С. У пропасти и др. разсказы. М., 1900 г. Ц. 80 к.

Сибирцевъ, Н. Почвовѣдѣніе. Вып. I. Спб., 1900 г. Ц. 1 р.

Соболевъ, М. Экономическое значеніе Сибирск. жел. дор. (актовая рѣчь). Томскъ, 1900 г.

Справочный словарь ореографическій, этимологическій и толковый русскаго литер. языка. Подъ ред. А. Чудинова. Вып. I—VI. Спб., 1901 г. Под. ц. 6 р.

Тезяковъ, Н. Бесѣды по гигіенѣ въ примѣненіи ея къ народной школѣ. Воронежъ, 1900 г. Ц. 50 к.

Трачевскій, А. Наполеонъ I, его жизнь и государственная дѣятельность. Біограф. очеркъ. Изд. Ф. Павленкова. Спб., 1900 г. Ц. 25 к.

Туганъ-Барановскій. Русск. фабрика въ прошломъ и настоящемъ. Т. I. Изданіе О. Н. Поповой. Спб., 1900 г. Ц. 3 р. 50 к.

Фламмаріонъ, К. 1) Небесныя свѣтила. Съ 107 рис. Ц. 1 р. 2) Бо̀гъ въ природѣ. Ц. 1 р. 25 к. Спб., 1901 г.

Франкъ, С. Теорія цѣнности Маркса и ея значеніе. Изд. М. М. Водовозовой. Спб., 1900 г. Ц. 1 р. 50 к.

Хвостовъ, Н. Б. Собраніе стихотвореній. Въ 2-хъ книгахъ. Спб., 1901 г. Цѣна по 1 р. за книгу.

Чайковскій, М. Жизнь П. И. Чайковскаго. Т. I. Вып. I. Изд. П. Юргенсона. М., 1900 г. Ц. 40 к.

Шелепинъ, И. Отечествовѣдѣніе. Пособіе при повтореніи русской исторіи. Спб., 1900 г. Ц. 40 к.

Шепердъ, Е. Молодымъ людямъ и отцамъ для сыновей. М., 1900 г. Ц. 55 к.

Шнитцлеръ, Ар. Зеленый попугай. Трилогія. Изд. „Скорпіонъ". М., 1900 г. Ц. 60 к.

Шульце-Геверницъ-фонъ, Г. Очерки обществ. хозяйства и экономической политики Россіи. Спб., 1901 г. Ц. 2 р. 50 к.

Щепотьевъ, В. 25-лѣтіе русской Николаевской больницы въ Константинополѣ. Спб., 1900 г. Ц. 25 к.

„Энциклопедія". Семейн. воспитанія и обученія. Вып. 1—27. Спб., 1898, 1899, 1900 гг.

Юстусъ, А. Словарь техн. выраженій, терминовъ, знаковъ и сокращеній иностранныхъ и русскихъ, употребляемыхъ въ коммерческой корреспонденціи. Рига, 1900 г.

Ѳемелиди, А. Репетиторіумъ по торговому праву. Аккерманъ, 1900 годъ. Ц. 1 р. 80 к.

ОГЛАВЛЕНІЕ
„Библіографическаго отдѣла".

I. Книги.

Стр.

Беллетристика: „Въ мастерской". Бытовые очерки. *И. А. Даманина.*— „Преступники". *П. Б. Хотымскаго.*—„Разсказы Людвига Анценгрубера".—„Въ одиночномъ заключеніи". *А. И. Фаресова.*—„Стихотворенія". *С. Головачевскаго.* 445

Философія, психологія, педагогика: „Вопросы философіи и психологіи". Кн. 54.—„Элементы психологіи". *Жоржа Фонсегрива.*—„Бэнъ о классицизмѣ".—„Мысли о школьномъ и домашнемъ воспитаніи". *Л. Кеммнера.*—(Подагогич. библіот.. изд. К. Тихомировымъ и А. Адольфомъ) 448

Критика и публицистика: „Политическіе мыслители и моралисты XIX в.". *Эмиля Фагэ.*—„Славянскій вѣкъ". №№ 1 и 2, 1900 г.—„Объединеніе дѣятельности благотворительныхъ учрежденій". *Д-ра Э. Мюнстерберга.*—„Опытъ организаціи сельскихъ дѣтскихъ пріютовъ и его задачи. Очеркъ дѣятельности бѣлоярскаго пріюта" 452

Исторія: „Изъ украинской старины".—„Болгарія и болгары". *Н. Оссіанго.* 456

Географія, путешествія: „Описаніе Сибири". *В. Аревьева.* Вып. I.—„Записки общества изученія Амурскаго края". Т. VII. вып. II.—„Львиныя ночи". *Д-ра В. А. Елисѣева* 461

Медицина: „Руководство по хирургическимъ операціямъ для учащихся". *Фредерика Тревса.* 463

Книги для дѣтей. Послѣднія изданія библіотеки „Дѣтскаго Чтенія". „Мирный завоеватель Іоганнъ Гуттенбергъ". Историч. повѣсть. *Н. А. Соловьева-Несмѣлова.* — „Маленькая корохева". Повѣсть. *Амеліи Гутчинсонъ-Смитъ.*—„Маленькіе герои". Очерки и разсказы въ перев. *А. Н. Рождественской.*—„Зеленый охотникъ". *Робинъ Гудъ.* Перев. съ англійск. *Спицыной* . . . 463

Справочныя книги: „Путеводитель по всей Сибири и средне-азіатскимъ владѣніямъ Россіи". *Г. А. Долгорукова.* 466

II. Періодическія изданія.

„Міръ Божій", *ноябрь.* — „Русское Богатство", *октябрь.* — Вѣстникъ Европы", *ноябрь.* 468

III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 ноября по 1 декабря 1900 г.

IV. Указатель книгъ, разобранныхъ въ «Библіографическомъ отдѣлѣ» журнала «Русская Мысль» за 1900 г.

УКАЗАТЕЛЬ КНИГЪ,

разобранныхъ въ „Библіографическомъ отдѣлѣ“ журнала „Русская Мысль“ за 1900 годъ.

РЕЛИГІЯ.—ФИЛОСОФІЯ.—ПСИХОЛОГІЯ.—ПЕДАГОГИКА.

Адлеръ, Ф. О нравственномъ воспитаніи. Изд. ред. журн. „Педагогическій Листокъ“. Кн. III, стр. 92.

Альбомъ школьныхъ плановъ. Изд. Тамб. губерн. земской управы. Кн. X, стр. 384.

Анастасіевъ. Русская начальная народная школа. Кн. III, стр. 93.

Бесѣды и уроки руководителей на краткосрочныхъ педагогическихъ курсахъ въ г. Саратовѣ въ 1899 г. Кн. X, стр. 383.

Богородицкій, В. О преподаваніи русскаго языка (изъ наблюденій въ Казанской татарской учительской школѣ). Кн. XI, стр. 422.

Вэнъ о классицизмѣ. Кн. XII, стр. 450.

Виндельбандъ, В. Исторія философіи. Кн. II, стр. 48.

— Платонъ. Кн. VIII, стр. 284.

Вопросы философіи и психологіи. (Май—іюнь). Кн. VII, стр. 247.

— (Сентябрь—октябрь). Кн. XII, стр. 448.

Восточная библіотека. Т. III. Лунный свѣтъ. Санкья-истины. Кн. VIII, стр. 286.

Гюйо, М. Собраніе сочиненій. Кн. VIII, стр. 287.

Изслѣдованіе положенія начальнаго народнаго образованія въ Вятской губ. Вып. I. Кн. X, стр. 385.

Іолли, Л. Народное образованіе въ разныхъ странахъ Европы. Кн. I, стр. 9.

Кельльнеръ, Л. Мысли о школьномъ и домашнемъ воспитаніи. Кн. XII, стр. 451.

Ланге, Ф. Исторія матеріализма и критика его значенія въ настоящее время. Кн. III, стр. 89.

Лэдда, Дж. Очеркъ элементарной психологіи. Кн. VIII, стр. 286.

Масловскій, А. Русская общеобразовательная школа. Кн. V, стр. 164.

Марковъ, Е. Грѣхи и нужды нашей средней школы. Кн. XI, стр. 422.

Паульсенъ, Ф. Введеніе въ философію. Кн. III, стр. 91.

„Педагогическій Листокъ“. Журналъ для педагогическаго и общенаучнаго самообразованія воспитателей и нач. учителей, подъ редакціей Д. Тихомирова. Кн. I—IV. Кн. V, стр. 163.

Переферковичъ, Н. Талмудъ. Мишна и Тосефта. Кн. IV, стр. 128.

Салтыкова, М. Хроника воскресныхъ школъ. Кн. X, стр. 384.

Тихомировъ, Д. Литературно-педагогическіе труды. Кн. X, стр. 382.

Томá, Ф. Воспитаніе чувствъ. Кн. VIII, стр. 285.

Трубецкой, С., кн. Ученіе о Логосѣ въ его исторіи. Философско-историческое изслѣдованіе. Т. I. Кн. IV, стр. 128.

Фолькельтъ, І. Современные вопросы эстетики. Кн. I, стр. 7.

Фонсегривъ, Жоржъ. Элементы психологіи. Кн. XII, стр. 449.

Штраусъ, Ф. Вольтеръ. Шесть лекцій. Кн. XI, стр. 420.

Bergson, Henri. Le rire. Essai sur la signification du comique. Кн. XI, стр. 420.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Авсѣенко, В. Петербургскіе очерки. Кн. IV, стр 120.

де-Амичисъ, Х. Экипажъ для всѣхъ. Пер. съ итал. Кн. VIII, стр. 277.

д'Аннунціо, Г. Мертвый городъ. Джіоконда. Слава. Трагедіи. Кн. XI, стр. 413.

Бальмонтъ, К., Брюсовъ, В., Дурновъ, М., Коневскій, И. Книга раздумій. Кн. VII, стр. 241.

Вубновъ, Б. Стихотворенія. Кн. IX, стр. 332.

Бунинъ, Н. Разсказы охотника. Кн. VII, стр. 239.

Бѣлавскій, Л. Смута. Драма. Кн. VI, стр. 202.

Вербицкая, А. Первыя ласточки. Пов. Кн. IV, стр. 121.

Викъ (1798—1898). Кіевъ, 1900 г. Кн. XI, стр. 408.
Вилинскій, Д. Бытовые охотничьи разсказы. Кн. V, стр. 159.
де-Вогюэ, Е. Голоса мертвыхъ. Романъ. Кн. XI, стр. 410.
Войничъ. Оводъ. Ром. изъ итал. жизни 30-хъ годовъ. Кн. VIII, стр. 279.
Воротниковъ, А. Въ старыхъ стѣнахъ. Повѣсти южныхъ береговъ. Кн. IV, стр. 123.
Гейне, Г. Собраніе сочиненій. Кн. IV, стр. 123.
Гнѣдичъ, П. По духовнымъ завѣщаніямъ. Водяные. Nord-Express. Кн. II, стр. 41.
Годлевскій, С. Смерть Неволина и его скитанія по Сибири. Кн. IX, стр. 333.
Голиковъ, В. Стихотворенія. Кн. V, стр. 157.
Головачевскій, С. Стихотворенія. Кн. XII, стр. 447.
Головнинъ, О. Басни переводныя, подражательныя и оригинальныя. Кн. X, стр. 379.
Данилинъ, И. А. Въ мастерской. Бытовые очерки. Кн. XII, стр. 455.
Данъ, Ф. Аттила. Романъ. Книг. V, стр. 160.
Дымчевскій, А. Думки. Стихотв. Кн. IX, стр. 332.
Е—въ, А. Борьба и любовь. Жизнь и произведенія Ады Негри. Съ приложеніемъ ея портрета. Кн. XI, стр. 410.
Ежъ. На разсвѣтѣ. Пер. съ польск. Кн. X, стр. 377.
Жиркевичъ, А. (Нивинъ, А.). Картинка дѣтства. Кн. VIII, стр. 276.
Зингеръ, Х. Пѣсни Сіона. Стихотв. Кн. II, стр. 45.
Избранныя стихотворенія учениковъ Витебской мужской гимназіи 1885—1899 гг. Кн. III, стр. 87.
Иллюстрированный сборникъ кіевскаго литературно-артистическаго общества. Кіевъ, 1900 г. Кн. XI, стр. 409.
Иноземцева, А. Собраніе сочиненій. Кн. I, стр. 1.
Касаткинъ, С. Omnia vincit amor... Стихотвор. Кн. X, стр. 376.
Кенетъ Креемъ. Дни грёзъ. Пер. съ англійск. Кн. VI, стр. 205.
Коппе, Ф. Жертвы любви. Романъ. Кн. XI, стр. 411.
Левицкій, И. Повѣсти и сповѣданія. Кн. XI, стр. 409.
Лейкинъ, Н. На дачномъ прозябаніи. Кн. V, стр. 159.
— На побывкѣ. Ром. изъ быта питерщиковъ въ деревнѣ. Кн. VI, стр. 199.
Ломакинъ, Н. Легкіе разсказы. Кн. X, стр. 375.
Лѣткова, Е. Повѣсти и разсказы. Отдыхъ. Кн. III, стр. 84.
Маминъ-Сибирякъ, Д. Озорникъ. Разсказъ. Кн. IX, стр. 332.
Мельницкая, А. Религіи любви. Пов. Кн X, стр. 379.
Мериме, П. Матео Фальконэ. Разсказъ. Кн. IX, стр. 332.
Мосоловъ, А. Вокругъ пылающей Москвы. Драмат. сцены изъ 1812 г. въ 5 дѣйст. Кн. VIII, стр. 278.
Навроцкій, А. (Н. Вроцкій). Драматическія сочиненія. Кн. V, стр. 158.
Наживинъ, И. Родныя картинки. Кн. XI, стр. 407.
Негри, А, Стихотворенія. Кн. VII, стр. 242.
Немировичъ-Данченко, Вл. Въ степи. Ром. Кн. IV, стр. 119.
Ожешкова, Э. Меланхолики. Кн. I, стр. 1.
Ожоговъ, М. Моя жизнь и пѣсни для народа. Кн. II, стр. 43.
Пайвель, С. Мотивы жизни. Стихотвор. Кн. IX, стр. 333.
Паскевичъ, А. На память. Кн. IV, стр. 121.
Прево, М. Женское движеніе. Кн. XI, стр. 411.
Разсказы Людвига Анценгрубера. Перев. съ нѣм. съ предисловіемъ Л. И. Когана. Кн. XII, стр. 446.
Розеггеръ, П. Разсказы. Кн. XI, стр. 415.
Скавронская, М. Быль и думы. Кн. III, стр. 85.
Склифософскій, В. Стихотворенія гимназиста и нѣкоторыя данныя относительно процесса ихъ творчества. Кн. VI, стр. 203.
Струве, А. Въ сумеркахъ. Ком. Кн. II, стр. 43.
Свирщевскій, В. Повѣсти и разсказы. Кн. VI, стр. 201.
Танъ. Стихотворенія. Кн. VII, стр. 240.
Толстой, А. Упырь. Разск. Кн. X, стр. 376.
Тютчевъ, О. На границѣ. Пов. и разск. Кн. VIII, стр. 276.
Тьерри, Ж. Маска. Пер. съ франц. Кн. V, стр. 162.
Фаресовъ, А. Мои мужики. Очерки и разсказы. Кн. VIII, стр. 278.
— Въ одиночномъ заключеніи. Кн. XII, стр. 446.
Филипповъ, М. Патріархъ Никонъ. Истор. ром. Кн. VI, стр. 200.
Хинъ, Р. Подъ гору. Сборн. разск. Кн. IV, стр. 120.
Хотымскій, П. В. Преступники. Кн. XII, стр. 445.
Чеховъ, А. Разсказы. Кн. III, стр. 83.
Чириковъ, Е. Очерки и разсказы. Кн. VIII, стр. 275.
Шестаковъ, Д. Стихотворенія. Кн. IX, стр. 331.
Шрейнеръ, О. Рядовой Петръ [illegible]нетъ. Разсказъ. Кн. VIII, стр. 27[illegible]
Щепкина-Куперникъ, Т. Н[illegible]ные міра сего. Кн. XI, стр. 40[illegible]

— Незамѣтные люди. Кн. XI, стр. 407.

Якобовскій, Р. Этюды эскизы и наброски. Кн. VI, стр. 201.

Ѳедоровъ, А. Степь сказалась. Ром. Кн. V, стр. 158.

КРИТИКА.—ПУБЛИЦИСТИКА.

Абрамовъ, Я. Наши воскресныя школы, ихъ прошлое и настоящее. Кн. IX, стр. 336.

Бѣлинскій, В. Полное собраніе сочиненій. Подъ редакціей и съ примѣчаніями С. Венгерова. Кн. VI, стр. 205; кн. X, стр. 381.

Вороновъ, П. Матеріалы по народному образованію въ Воронежской губ. Кн. II, стр. 47.

Въ память женщины-врача Евгеніи Павловны Серебренниковой. Литературный сборникъ. Кн. XI, стр. 416.

Даровая столовая аккерманскаго земства. Выпускъ второй. Ноябрь, декабрь, январь. Кн. XI, стр. 419.

Двадцатый вѣкъ. Приложеніе къ журналу „Будильникъ". Кн. III, стр. 89.

Золотаревъ, С. Голосъ семьи о школѣ. Кн. IV, стр. 124.

Карповъ, Е. и Окуловъ, Н. Организація народныхъ театровъ и полезныхъ развлеченій для народа. Кн. III, стр. 89.

Кондръ, Г. Судъ Божій надъ боляриномъ Оршей. Кн. IX, стр. 338.

Конради, Е. Сочиненія. Т. II. Статьи публицистическія, литературно-критическія, педагогическія и др. Кн. X, стр. 381.

Левенстинъ, А. Профессіональное нищенство, его причины и формы. Кн. VII, стр. 245.

Линевъ, Д. Третья книга „не сказокъ". Кн. VIII, стр. 283.

Марголинъ, М. Основныя теченія въ исторіи еврейскаго народа. Этюдъ по философіи исторіи евреевъ. Кн. VII, стр. 244.

Мюнстербергъ, Э., д-ръ. Объединеніе дѣятельности благотворительныхъ учрежденій. Кн. XII, стр. 454.

„Общее дѣло". Сборн. статей по вопросамъ распространенія среди образованія взрослаго населенія. Кн. VII, стр. 246.

Опытъ организаціи сельскихъ дѣтскихъ пріютовъ и его задачи. Очеркъ дѣятельности Бѣлоярскаго пріюта. Кн. XII, стр. 455.

Отчетъ казанскаго мѣстнаго управленія и подвѣдомственныхъ ему комитетовъ россійскаго общества „Краснаго Креста" за 1899 г. Кн. XI, стр. 419.

Отчетъ о дѣятельности Воронежской комиссіи народныхъ чтеній за 1897—98 г. Кн. I, стр. 4.

Отчетъ Кіевскаго общества грамотности за 1898 г. Кн. I, стр. 6.

Отчетъ Полтавской общественной библіотеки за 1898 г. Кн. III, стр. 88.

Отчетъ нижегородской городской общественной библіотеки за 1898 г. Кн. III, стр. 88.

Отчетъ совѣта общества попеченія о начальномъ образованіи въ г. Красноярскѣ за 1898 г. Кн. IX, стр. 334.

Полтавская комиссія народныхъ чтеній. Отчетъ за 1898 г. Кн. I, стр. 8.

Посадскій, И. Среднія учебныя заведенія кіевскаго учебнаго округа за десятилѣтіе 1889—99 г. Кн. I, стр. 5.

Рапопортъ, С. Народъ-богатырь. Очерки политической и общественной жизни Англіи. Кн. IV, стр. 126.

Рябковъ, П. Краткій историческій очеркъ Елисаветградскаго общества распространенія грамотности и ремеслъ. Кн. I, стр. 5.

Рязанское общество устройства народныхъ развлеченій. Отчетъ комитета за 1898 г. Кн. 1, стр. 5.

Сборникъ статей по вопросамъ, относящимся къ жизни русскихъ и иностранныхъ городовъ. Вып. XI, Кн. XI, стр. 418.

Славянскій вѣкъ. Кн. I и II 1900 года. Кн. XII, 453.

Тихомировъ, Н. О печати вообще и провинціальной въ частности. Кн. I, стр. 2.

Трудовая помощь въ скандинавскихъ государствахъ. По книгѣ П. Ганзена. Кн. XI, стр. 419.

Фагэ, Эмиль. Политическіе мыслители и моралисты XIX в. 3-я серія. Стендаль, Токвиль, Прудонъ, Сентъ-Бевъ, Тэнъ, Ренанъ. Перев. съ франц. Л. И. Коганъ и П. А. Рождественскаго. Кн. XII, стр. 452.

Фальборкъ, Г. и Чарнолускій, В. Начальное народное образованіе въ Россіи. Кн. VIII, стр. 280.

Фармаковскій, В. Начальная школа министерства народн. просвѣщ. Кн. VIII, стр. 281.

Ферреро, Г. Милитаризмъ. Кн. VI, стр. 206.

Шмурло. Голодный годъ. 1898—1899 г. Письма въ „Спб. Вѣдомости". Кн. V, стр. 165.

Энгельгардтъ, М. Вѣчный миръ и разоруженіе. Кн. II, стр. 45.

ИСТОРІЯ.—АРХЕОЛОГІЯ.—БІОГРАФІИ.—МЕМУАРЫ.—ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

Аннинскій, А. Древніе армянскіе историки, какъ историческіе источники. Кн. IV, стр. 133.

Бернштейнъ. Общественное движеніе въ Англіи въ XVII в. Кн. VI, стр. 210.

Виппперъ, Р. Общественныя ученія и историческія теоріи XVIII и XIX вв.

въ связи съ общественнымъ движеніемъ на Западѣ. Кн. VIII, стр. 287.

Ганнушкинъ, М. Соціальный вопросъ въ древнемъ Египтѣ. Кн. V, стр. 169.

Гейеръ, Л. Нѣмецкій гуманизмъ. Кн. II, стр. 49.

Гиро, П. Частная и общественная жизнь римлянъ. Кн. IV, стр. 129.

Деберль, А. Исторія Южной Америки отъ завоеванія до нашего времени. Кн. IX, стр. 340.

„Древности". Труды Импер. Моск. Арх. Общ. подъ ред. В. Трутовскаго. Кн. VIII, стр. 290.

Е. К. Двѣнадцативѣковая религіозная борьба православной Грузіи съ исламомъ. Кн. IX, стр. 342.

Жебаръ, Э. Начала Возрожденія въ Италіи. Кн. X, стр. 392.

Де-Жюльвилль. Иллюстрированная исторія новѣйшей французской литературы. Кн. II, стр. 51.

Захарьинъ, И. (Якунинъ). Жизнь, служба и приключенія мирового судьи. Изъ записокъ и воспоминаній. Кн. VI, стр. 213.

Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности. Императорской академіи наукъ. Т. V., кн. 1-я. Кн. XI, стр. 423.

Изъ Украинской старины. Рисунки академика С. И. Василевскаго и И. С. Самокоша. Пояснительный текстъ проф. Д. И. Эварницкаго. Кн. XII, стр. 456.

Котовъ. Жанна д'Аркъ. Біографич. очеркъ. Кн. VIII, стр. 290.

Лависсъ. Всеобщая исторія. Краткія понятія о древней исторіи, среднихъ вѣковъ и объ исторіи новаго времени. Кн. IX, стр. 339.

Ловцовъ, Ѳ. Историческія свѣдѣнія о церкви Успенія Пресв. Богородицы, что на Могильцахъ. Кн. I, стр. 13.

Ляцкій, Е. „Не всіо и не ничево". Кн. I, стр. 13.

Луповъ, В. Христіанство у вотяковъ со времени историческихъ извѣстій о нихъ до XIX в. Кн. VIII, стр. 288.

Малининъ, А. Спорные вопросы топографіи Аѳинъ. Кн. IX, стр. 339.

Марра, М. Къ вопросу о задачахъ арменовѣдѣнія. Кн. VIII, стр. 288.

Модзалевскій, Л. Изъ педагогической автобіографіи. Кн. I, стр. 14.

Морганъ, Л. Первобытныя общества. Кн. IV, стр. 136.

Муркосъ. Путешествіе Антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію. Вып. IV и V. Съ арабскаго. Кн. V, стр. 166.

Овсяный, Н. Болгарія и болгары. Кн. XII, стр. 458.

Остроумовъ, Н. Къ исторіи народнаго образованія въ Туркестанскомъ краѣ. Личныя воспоминанія. Кн. IV, стр. 135.

Петрункевичъ, А. Маргарита Ангулемская и ея время. Истор. оч. изъ эпохи Возрожденія во Франціи. Кн. II, стр. 49.

Рабство въ древнемъ Римѣ. „Новая Библіотека", изданіе редакціи журнала „Русская Мысль". Кн. IX, стр. 424.

Рамбо, А. Исторія французской революціи 1789—99 г. Кн. I, стр. 11.

Регесты и надписи. Сводъ матеріаловъ для исторіи евреевъ въ Россіи. Т. I. Кн. IV, стр. 131.

Римская имперія. Сборникъ статей въ переводѣ А. Милюковой. Кн. IV, стр. 130.

Сборникъ Импер. русскаго истор. общ. Т. 102, 105 и 106. Кн. VI, стр. 211.— Т. 107. Кн. X, стр. 390.

Степовичъ, А. Очерки исторіи сербохорватской литературы. Кн. IV, стр. 132.

Сумцовъ, Н. Разысканія въ области анекдотической литературы. Анекдоты о глупцахъ. Кн. III, стр. 94.

Тома, Э. Римъ и имперія въ первые два вѣка новой эры. Кн. IV, стр. 129.

Тьерри, О. Исторія происхожденія и успѣховъ третьяго сословія. Кн. IX, стр. 341.

Шестаковъ, С. О происхожденіи поэмъ Гомера. Вып. II. О происхожденіи Иліады. Этюдъ изъ исторіи и литературы Гомеровскаго вопроса и анализъ Иліады. Кн. V, стр. 166.

Штернъ. Исторія революціи въ Англіи Кн. VI, стр. 210.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.—СТАТИСТИКА.

Альбрехтъ. Жилые дома для рабочаго люда. Кн. V, стр. 180.

Вигуру, А. Рабочіе союзы въ Сѣверной Америкѣ. Кн. VIII, стр. 293.

Геркнеръ, Г. Рабочій трудъ въ Западной Европѣ. Кн. II, стр. 54.

Гиггсъ. Физіократы. Кн. II, стр. 57.

Исполинъ нѣмецкой промышленности (заводъ Круппа). „Новая Библіотека", изданіе журнала „Русская Мысль". Кн. XI, стр. 427.

Каутскій, К. Аграрный вопросъ. Обзоръ тенденцій современнаго сельскаго хозяйства въ связи съ аграрной политикой. Кн. I. стр. 14.

Качоровскій, К. Русская община. Возможно ли, желательно ли ея сохраненіе и развитіе. Кн. V, стр. 176.

Матеріалы для торгово-промышленной статистики. Кн. III, стр. 98.

Мейенъ, В. Обзоръ Россіи въ дорожномъ отношеніи. Кн. XI, стр. 426.

Озеровъ, И. Общества потребителей Истор. очеркъ ихъ развитія въ Западной Европѣ, Америкѣ и Россіи. Кн. II стр. 58.

Состояніе и нужды казеннаго лѣсного хозяйства въ Сибири по отчетамъ чино

лѣсного департамента, командированныхъ въ губ. Тобольскую, Томскую и Енисейскую и области Акмолинскую и Семипалатинскую. Кн. III, стр. 97.

Статистическій ежегодникъ въ Тверской губ. за 1899 г. Кн. VI, стр. 214.

Трубниковъ, К. Денежное обращеніе въ связи съ мощнымъ развитіемъ производства богатствъ въ Россіи. Кн. VIII, стр. 296.

ЮРИДИЧЕСКІЯ КНИГИ.

Градовскій, А. Собраніе сочиненій. Т. IV. Кн. X, стр. 393.

Кавелинъ, К. Собраніе сочиненій. Т. IV. Кн. VII, стр. 255.

Муравьевъ, Н. Изъ прошлой дѣятельности. Кн. VII, стр. 255.

ИСКУССТВО.

Ровинскій, Д. Русскія народныя картинки. Изданіе Р. Голике. Кн. IX, стр. 426.

ЯЗЫКОЗНАНІЕ.

Чистовичъ, И. Исторія перевода Библіи на русскій языкъ. Кн. II, стр. 52.

ГЕОГРАФІЯ.—ЭТНОГРАФІЯ.—ПУТЕШЕСТВІЯ.

Арефьевъ, В. Описаніе Сибири. Очерки для народнаго чтенія. Вып. I. Кн. XII, стр 461.

Булатовичъ, А. Съ войсками Менелика II-го. Дневникъ похода изъ Эфіопіи къ озеру Рудольфа. Кн. VIII, стр. 291.

Джаншіевъ, Г. Перлъ Кавказа. Кн. V, стр. 172.

Елисѣевъ, А. В., д-ръ. Львиныя ночи. Кн. XII, стр. 462.

Записки общества изученія Амурскаго края. Т. VIII, вып. II. Кн. XII, стр. 461.

Исарловъ, Л. Письма о Грузіи. Кн. IV, стр. 136.

Китай и китайцы. Изд. „Русской Мысли". Кн. VIII, стр. 293.

Круберъ, А., Григорьевъ С. и др. Азія. Иллюстрир. географич. сборникъ. Кн. III, стр. 95.

Кулаковскій, Ю. Карта Европейской Сарматіи по Птоломею. Кн. V, стр. 169.

Круковская, С. Китай. Очерки жизни и нравовъ Небесной Имперіи. Кн. VIII, стр. 292.

„Окраины Россіи". Подъ ред. П. П. Семенова. Кн. XI, стр. 425.

Семеновъ, П. Россія. Полное географическое описаніе нашего отечества. Кн. IV, стр. 137.

Слюнинъ, Н. Охотско-Камчатскій край. Естественно-историч. описаніе. Кн. VII, стр. 248.

Смирновъ, Е. Приамурскій край на Амурско-Приморской выставкѣ 1899 г. въ гор. Хабаровскѣ. Кн. V, стр. 173.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

Арнольдъ, Ѳ. Русскій лѣсъ. Кн. I, стр. 19.

Видерсгеймъ. Строеніе человѣка съ сравнительно анатомической точки зрѣнія. Кн. IX, стр. 343.

Геккель, Э. Современныя знанія о филогенетическомъ развитіи человѣка. Кн. II, стр. 61.

Дю-Буа-Реймонъ, Э. Культурная исторія и естествознаніе. Кн. IX стр. 346.

Клейнъ. Астрономическіе вечера. Кн. IX, стр. 344.

Прошлое, настоящее и будущее вселенной. Кн. IX, стр. 346.

Лункевичъ, В. Среди животныхъ и растеній. Кн. IX, стр. 343.

Модестовъ, Б. Двойныя звѣзды. Кн. I, стр. 17.

Павлова, М. Ископаемые слоны. Кн. I, стр. 18.

Палладинъ, В. Курсъ ботаники, читанный въ химич. отд. Варшав. Политехнич. Института. Кн. IX, стр. 342.

— Микробіологія. Кн. IX, стр. 343.

Планкъ, М. Лекціи по термодинамикѣ. Кн. IX, стр. 346.

Пуанкаре, А. Теорія Максвелля и герцовскія колебанія. Кн. IX, стр. 345.

Ролловъ, А. Разведеніе маслины. Кн. I, стр. 20.

Романовъ, И. Торговый плодовый садъ средней полосы Россіи. Кн. I, стр. 19.

Томпсонъ, С. Свѣтъ видимый и невидимый. Кн. IX, стр. 345.

Томсонъ, А. Жизнь животныхъ. Ч. I. Повседневная жизнь животныхъ. Кн. III, стр. 98.

Фаусекъ, В. Этюды по вопросамъ біологической эволюціи. Кн. I, стр. 18.

Филипьевъ, В. Матеріалы по вопросу о состояніи въ Россіи птицеводства и торговли птицеводственными продуктами. Кн. I, стр. 20.

Шенфельдъ, Р. Питаніе пчелы. Физіологич. очеркъ. Кн. VIII, стр. 297.

Юнгъ. Солнце. Кн. IX, стр. 344.

Das Tierreich. Eine Zusammenstellung und Kennzeichnung der rezenten Tierformen. Кн. III, стр. 99.

МАТЕМАТИКА.

Encyklopädie der mathematischen Wissenschaften mit Einschluss ihrer Anwendungen. Кн. III, стр. 100.

L'enseignement mathematique. Revue internationale paraissant tous les deux mois. Кн. VI, стр. 214.

МЕДИЦИНА.

Блiохъ, И. Поранения при современномъ оружiи. Невозможность помощи раненымъ на полѣ битвы. Кн. IV, стр. 139.

Волкова, М. Роль мужчины въ сохранении здоровья женщины. Кн. III, стр. 104.

Гурвичъ, Л. Бугорчатка, какъ чар одна болѣзнь и общественная борьба съ ней. Изъ медиц. департ. мин. внутр. дѣлъ. Кн. XI, стр. 431.

Гуринъ, Г. Какъ умѣть отличать больное мясо отъ здороваго. Кн. V, стр. 182.

Дворниченко. Практическiй пособникъ при судебномъ химическомъ изслѣдованiи ядовъ. Кн. VII, стр. 259.

Дьяконовъ, П. Основы противопаразитнаго способа лѣченiя ранъ. Кн. IV, стр. 138.

— Объ изученiи и преподаванiи топографической анатомiи и оперативной хирургiи. Кн. IX, стр. 351.

Кимминсъ, К. Химiя жизни и здоровья. Кн. V, стр. 183.

Лiонъ, Г. Руководство къ лѣченiю внутреннихъ болѣзней. Кн. IX, стр. 351.

Нуссбаумъ, Г. О вліянiи душевной дѣятельности на болѣзненные процессы. Кн. V, стр. 182.

Оппель, В. Лимфангiомы. Патолого-анатомическое и клиническое изслѣдованiе. Диссертацiя на степень доктора медицины. Кн. XI, стр. 430.

Панцеръ, Г. Женщина. Разборная модель тѣла женщины. Кн III, стр. 104.

Proust, A. и Ballet, G. Гигiеническое лѣченiе неврастенiи. Кн. III, стр. 104.

Тревсъ, Фредерикъ. Руководство по хирургическимъ операцiямъ для учащихся. Пер. съ англ. Кн. XII, стр. 463.

Турнеръ. Руководство къ наложенiю повязокъ. Кн. IX, стр. 353.

Флери, М. Опытъ душевной гигiены. Физическое и нравственное воспитанiе ребенка. Кн. VII, стр. 260.

Яковенко, Е. Медико-санитарный обзоръ Херсонскаго уѣзда за 1898 годъ. Кн. VII, стр. 259.

Эбштейнъ, В. Руководство къ практической медицинѣ. Кн. VII, стр. 259.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Агеенко, В. О медоносныхъ растенiяхъ, имѣющихъ сельско-хозяйствен. значенiе. Кн. III, стр. 106.

Агринскiй, К. Русскiя народныя примѣты о погодѣ и ихъ значенiя для практической метеорологiи и сельскаго хозяйства. Кн. VII, стр. 258.

Бекетовъ, В. Сборникъ свѣдѣнiй по сельско-хозяйственному образованiю. Вып. V. Низшiя земледѣльческiя и сельско-хозяйственныя школы въ Германiи. Кн. XI, стр. 429.

Вертенсонъ, В. По югу Россiи. Сельско-хозяйствен. очеркъ. Кн. V, стр. 184.

Веттнеръ, І. Кустовое плодоводство. Кн. VIII, стр. 299.

Броуновъ, П. О климатѣ и погодѣ. Кн. IX, стр. 428.

Будринъ, П. Данныя по культурѣ сельско-хозяйственныхъ растенiй на опытной фермѣ въ Новой Александрiи. Кн. V, стр. 185.

Васильевъ, Н. Какiя новыя растенiя намъ нужно воздѣлывать. Кн. VII, стр. 258.

Ивановъ, Д. О посѣвахъ льна въ крестьянскихъ хозяйствахъ. Кн. XI, стр. 351.

Карамзинъ, Д. Почвознанiе для крестьянъ. Кн. IX, стр. 351.

Кирхнеръ. Молочное хозяйство. Кн. IX, стр. 347.

Колесовъ, А. Природа песковъ и ихъ облѣсенiе. Кн. XI, стр. 430.

Котельниковъ, В. Воздѣлыванiе простого табака - махорки. Кн. IX, стр. 349.

Крюковъ, Н. Норвегiя. Сельское хозяйство Норвегiи въ связи съ общимъ развитiемъ страны. Кн. IX, стр. 348.

Мендѣлеевъ, Д. Мысли о развитiи сельско-хозяйственной промышленности. Кн. XI, стр. 428.

Обзоръ дѣятельности министерства земледѣлiя и государственныхъ имуществъ за 5-й годъ его существованiя. Кн. VII, стр. 257.

Осадчiй, Т. Земля и земледѣльцы въ юго-западномъ краѣ. Кн. V, стр. 184.

Понсетъ де-Сандонъ. Круговоротъ воды въ природѣ и водное хозяйство. Кн. VII, стр. 258.

Поповъ, И. Краткiй курсъ сельскаго хозяйства. Кн. VIII, стр. 297.

Практика шелководства. I) О гренѣ. II) О коконѣ. Изд. комитета шелководства Москов. общ. сельскаго хозяйства. Кн. III, стр. 105.

Ромеръ, Ѳ. Катехизисъ практическаго земледѣлiя по Гамму и Шмиттеру. Кн. VIII, стр. 298.

Рудзскiй, А. Полная энциклопедiя русскаго сельскаго хозяйства и соприкасающихся съ нимъ наукъ. Кн. IX, стр. 349.

Скворцовъ, А. Экономическiя основы земледѣлiя. Кн. XI, стр. 428.

Слезкинъ, П. Сельское хозяйство въ черноземной полосѣ Россiи. Кн. XI, стр. 428.

Труды съѣзда дѣятелей по среднему и низшему сельско-хозяйственному об-

зованію при москов. сельско-хоз. институтѣ въ янв. 1899 г. Кн. VII, стр. 257.

Хижняковъ, В. Положеніе рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ въ санитарномъ отношеніи. Кн. IX, стр. 348.

Череповъ, А. Что долженъ знать хозяинъ о молочной коровѣ. Кн. IX, стр. 350.

ТЕХНОЛОГІЯ.

Баркгаузенъ, Блюмъ, Борисъ. Сооруженіе желѣзныхъ дорогъ. Т. I. Провѣшиваніе линіи и устройство пути. Пер. Штюрмера. Т. II. Верхнее строеніе желѣзныхъ дорогъ. Пер. Богуславскаго, Н. Кн. VII, стр. 260.

Ванковъ, С. Металлическія сваи въ примѣненіи ихъ къ основаніямъ искусственныхъ сооруженій. Кн. X, стр. 395.

Голгоескій, А. Механическое ткачество въ примѣненіи къ производству хлопчато-бумажныхъ тканей. Кн. X, стр. 395.

Данилевскій, К. Управляемый летательный снарядъ. Кн. IX, стр. 354.

Державинъ, А. Изъ исторіи великихъ изобрѣтеній. Изобрѣтеніе машины для узорчатаго тканья. Кн. V, стр. 183.

Зефировъ, Е. Къ вопросу о современномъ положеніи высшаго техническаго образованія въ Россіи. Кн. X, стр. 394.

Ф.-Меккъ, А. Мореходное образованіе. Кн. VII, стр. 260.

Обзоръ бакинской нефтяной промышленности въ Грозномъ и Америкѣ. Кн. X, стр. 396.

Саловъ, В. Историческій очеркъ Петербургскихъ наводненій и предположеній относительно предохраненія низменныхъ частей города С.-Петербурга отъ затопленія. Кн. X, стр. 395.

Фишеръ, В. Краткое руководство по спеціальной архитектурѣ и инженерному дѣлу. Кн. X, стр. 394.

Tomas, V. Guide pratique de teinture moderne Suivi de l'Art du Teinturier-Dégraisseur. Кн. III, стр. 106.

УЧЕБНИКИ И КНИГИ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

А. А. Басни Крылова на сценѣ дѣтскаго театра. Кн. IV, стр. 143.

Авенаріусъ, В. Школа жизни великаго юмориста. Третья повѣсть изъ біографической трилогіи „ученическіе годы Гоголя". Кн. XI, стр. 433.

Алтаевъ, А. Свѣточи правды. Очерки и картины изъ жизни великихъ людей. Кн. II, стр. 67.

Андерсенъ. Сказки. Пер. А. и П. Ганзенъ. Кн. I, стр. 20.

Бернетъ. 1) Маленькій лордъ Фаунтлерой. 2) Маленькая подвижница. 3) Два дня изъ жизни Пичино. Разск. 4) Сара Кру, Пов. 5) Воръ Эдафи. Раз. Изд. Лаврова и Попова. „Библіотека нашихъ дѣтей. Кн. VIII, стр. 301.

В. Э. В. Міръ въ разсказахъ для дѣтей. Кн. VI, стр. 219.

Виноградовъ, П. Книга для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ. Кн. II, стр. 69.

Водовоза, Е. Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ. Швейцарцы. Кн. VII, стр. 262.

Гебель, В. Начала прямолинейной тригонометріи и собраніе задачъ для технич. и коммерч. училищъ. Кн. VII, стр. 261.

Горбуновъ-Посадовъ, И. Золотые колосья. Спасенный и др. разсказы. Кн. VIII, стр. 300.

Гречушкинъ, С. 1) Матеріалы для изложеній и сочиненій ученикамъ начальныхъ и двухклассныхъ училищъ и 2) Планы для письменныхъ изложеній и сочиненій. Кн. XI, стр. 433.

Гроспичъ. Нѣмецкая хрестоматія для среднихъ и старшихъ классовъ среднеучебныхъ заведеній. Кн. XI, стр. 432.

Гутчинсонъ-Стирлингъ, Амелія. Маленькая королева. Повѣсть. Перев. съ англ. Кн. XII, стр. 464.

Додэ, А. Тартаренъ изъ Тараскона. Изд. Лавровой и Поповой: „Библіотека нашихъ дѣтей". Кн. VIII, стр. 301.

Еремѣевъ, Н. Пьесы для дѣтскаго театра. Кн. II, стр. 67.

Ермиловъ, В. Пособія для учащихся. В. Г. Бѣлинскій. Кн. IV, стр. 141.

— Царь Освободитель и его реформы. Кн. IV, стр. 142.

„Зеленый охотникъ". Робинъ Гудъ. Съ англ. Кн. XII, стр. 465.

Засодимскій, П. На большой дорогѣ. Разс. Кн. II, стр. 67.

Казанскій, В. Учебникъ всеобщей исторіи. Ч. I. Древній міръ. Кн. IV, стр. 140.

Калевала. Финскія былины въ пересказѣ И. Борисова. Кн. IV, стр. 143.

Карасевичъ, С. Какъ солнце, луна и звѣзды поспорили. Кн. VIII, стр. 301.

Комовъ, А. Общая ариѳметика, опытъ руководства для технич. желѣзно-дорож. училищъ. Кн. VII, стр. 261.

— Стереометрія, учеби. элементарной геометріи для низшихъ технич., промышл. и жел.-дор. училищъ. Кн. VII, стр. 261.

Котъ въ сапогахъ. Сказка въ 5 карт. Передѣлалъ для сцены Н. Поповъ. Кн. VIII, стр. 301.

Красницкій, А. Слезы. Пов. Кн. VIII, стр. 304.

Кречетовъ, Ю. и Сысоевъ, В. Бѣлочка. Приключенія плотички. Кн. II, стр. 66.

Кругловъ, А. Приключенія Мишки Топтыгина. Кн. VIII, стр. 301.

Лаврентьева, С. По бѣлу-свѣту. Путешествіе Вани и Сони за границу. Кн. VIII, стр. 299.

Ломанъ. Царь-Освободитель. Кн. IV, стр. 142.

Маленькіе герои. Очерки и разсказы въ перев. А. Н. Рождественской. Кн. XII, стр. 465.

Муратова, Е. Родныя картинки. Библіот. „Дѣтскаго Чтенія". Кн. X, стр. 396.

Немировичъ-Данченко, Вас. Что было и что есть. Очерки и разсказы. Кн. I, стр. 20.

— По волѣ Божьей. Раз. и очерки. Кн. II, стр. 62.

Ниманъ, А. Питеръ Марицъ. Молодой буръ изъ Трансвааля. Истор. разск. Кн. VIII, стр. 302.

Орловскій, С. Радушное и др. разсказы. Кн. II, стр. 64.

Плестереръ, А. Учебникъ нѣмецкаго языка для гимназій. Кн. XI, стр. 432.

Полевой, П. Дѣвичій вѣкъ. Картины изъ быта русской крестьянской дѣвушки. Кн. VIII, стр. 302.

Поможемъ, чѣмъ можемъ. Сборникъ въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая. Кн. II, стр. 66.

Семеновъ, С. Въ деревнѣ. Разсказы. Кн. VIII, стр. 300.

Скворцовъ, Ѳ. Изъ-за золота и брильянтовъ у буровъ. Кн. VII, стр. 262.

Славникъ, К. Первоучка. Азбука для самоучекъ и учащихся въ школѣ. Кн. IV, стр. 141.

Соловьевъ-Несмѣловъ, Н. А. Мирный завоеватель Іоганнъ Гуттенбергъ. Историческая повѣсть. Кн. XII, стр. 463.

Сысоевъ, В. Дѣдъ Миронычъ. Кн. II, стр. 66.

Френе, Ф. Сборникъ задачъ по анализу безконечно-малыхъ. Часть I. Дифференціальное исчисленіе. Кн. XI, стр. 434.

Шафровъ, И. Учебникъ ариѳметики для начальныхъ народныхъ училищъ. Кн. IV, стр. 140.

Юревичъ, А. Сборникъ ариѳметическихъ задачъ для начальныхъ училищъ. Кн. IV, стр. 141.

Юрьинъ, Н. Въ сонномъ царствѣ. Сказка. Кн. II, стр. 67.

НАРОДНЫЯ ИЗДАНІЯ.

Бэръ, П. Божій міръ въ бесѣдахъ и картинахъ. Кн. I, стр. 27.

Г. Р. Разсказы о Пальмѣ и колоніяхъ Кн. I, стр. 27.

Книга взрослыхъ. Первый годъ обученія. Составл. учительницами воскресныхъ школъ при участіи Х. Алчевской. Кн. I, стр. 25.

Овчинникова, В. Какъ живутъ японцы. Кн. IV, стр. 143.

Прохоровъ, А. Приготовленіе чистояблочной пастилы. Изд. для народа К. Тихомірова. Кн. I, стр. 26.

Селивановскій, И. Ложкари. Руководство по выдѣлкѣ деревянныхъ ложекъ. Кн. I, стр. 26.

— Опытные суслятники или лучшіе способы истребленія сусликовъ. Кн. I, стр. 26.

Слѣпцова, М. Книжка за книжкой. Ежемѣсячный журналъ для кончающихъ и окончившихъ начальную школу. Кн. I, стр. 21.

Шарковъ, В. Какъ измѣнить крестьянское трехполье. Изд. для народа К. Тихомірова. Кн. I, стр. 26.

— О засухахъ на поляхъ южной Россіи. Кн. I, стр. 26.

СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.—КАЛЕНДАРИ.—СБОРНИКИ.

Аріянъ, П. Первый женскій календарь на 1900 г. Кн. V, стр. 185.

Брокгаузъ и Ефронъ. Энциклопедическій словарь. Кн. VIII, стр. 305. Т. XXX. Кн. XI, стр. 434.

Гранатъ, А. Настольный энциклопедическій словарь. Четв. изд. Кн. V, стр. 144.

Долгоруковъ, Г. А. Путеводитель по всей Сибири и Средне-Азіатскимъ владѣніямъ Россіи. Кн. XII, стр. 466.

Малый энциклопедическій словарь. Вып. V. Кн. IV, стр. 144.

Рогожинъ, В. Указатель къ „Опыту россійской библіографіи" В. Сопикова. Кн. VI, стр. 221.

Юбилейный сборникъ въ честь В. Ѳ. Миллера. Кн. IV, стр. 144.

Южаковъ, К. Большая энциклопедія. Кн. VIII, стр. 305.

Baedeker, K. Egypte. Manuel du voyageur. Кн. I. стр. 28.

Изданія редакціи журнала „РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

находящіяся въ книжномъ магазинѣ «Русской Мысли».

Москва, Б. Никитская, Леонтьевскій пер., д. 2.

Библіотека „Русской Мысли“.

I. **Сенкевичъ, Генр.** Черезъ степи. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 40 к.
II. **Ремезовъ, М. Н.** Клеопатра. Картинки античнаго міра. Ц. 40 к.
III. **Альбовъ, М. Н.** Юбилей. Не совсѣмъ обыкновенн. исторія. Ц. 1 р.
IV. **Баранцевичъ, К. С.** Побѣда. На сѣверѣ дикомъ. Ц. 1 р.
V. **Ожешкова, Элиза.** Милордъ. Бабушка. Ц. 50 к. Особымъ отдѣломъ Учен. Комитета. Министерств. Народн. Просв. допущена въ народныя библіотеки и читальни.
VI. **Ремезовъ, М. Н.** Іудея и Римъ. Картинки античнаго міра. Ц. 50 к.
VII. **Немировичъ - Данченко, Вл. И.** Драма за сценой. Ц. 1 р.
VIII. **Корелинъ, М. С., проф.** Очерки Итальянскаго Возрожденія. Ц. 1 р. Особымъ отдѣломъ Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. эта книга допущена въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.
IX. **Маминъ-Сибирякъ, Д. Н.** Братья Гордѣевы. Охонины брови. Ц. 1 р.
X. **Ладыженскій, В. Н.** Стихотворенія. Ц. 25 к.
XI. **Немировичъ - Данченко, Вас. Ив.** Лялька. Ц. 60 к.
XII. **Ожешкова, Элиза.** Панна Роза. Великій. Среди цвѣтовъ. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 50 к.
XIII. **Ремезовъ, М. Н.** По Шлюмбержо. Картины жизни Византіи въ X вѣкѣ. Ц. 50 к.
XIV. **Ремезовъ, М. Н.** Византія и Византійцы конца X вѣка. Ц. 50 к.
XV. **Ремезовъ, М. Н.** Эпилоги византійскихъ драмъ. Ц. 50 к.

Научно-популярная библіотека „Русской Мысли“.

(подъ редакціей К. А. Тимирязева и В. А. Гольцева).

I. **Нассе и Лексисъ, В.** Металлическія деньги и валюта. Ц. 60 коп.
II. **Пере.** Умственное воспитаніе ребенка въ колыбели. Ц. 60 к.
III. **Дюкло.** Пастёръ. Изслѣдованіе о броженіи и самозарожденіи. Ц. 40 к. Одобрено Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. для фундаментальн. и ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.
IV. **Бартъ, А.** Религіи Индіи. Ц. 1 р.
V. **Гауппъ, Отто.** Гербертъ Спенсеръ. Ц. 50 к.
VI. **Погожева.** Шериданъ. Школа злословія. Біографическій очеркъ Шеридана. Ц. 60 к. Допущена Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Пр. въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства Мин. Нар. Просв.
VII. **Гиро, П., проф.** Фюстель де-Куланжъ. Перев. А. Н. Чеботаревской. Ц. 50 к. Допущена Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Пр. въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.
VIII. **Дюкло.** Пастёръ. Заразныя болѣзни. Ц. 40 к.
IX. **Галле, Андре.** Бомарше. Перев. М. В. Лаврова. Ц. 40 к.
X. **Бертло.** Наука и нравственность. Ц. 60 к.
XI. **Геккель.** Натуралистъ подъ тропиками. Ц. 60 к.
XII. **Делажъ.** Наслѣдственность. Ц. 50 коп.

Изданія редакціи журнала „Русская Мысль“:

Астыревъ, Н. М. Въ волостныхъ писаряхъ. Ц. 1 р. 50 к.
Бобрищевъ - Пушкинъ, А. М. Эмпирическіе законы дѣятельности русскаго суда присяжныхъ (съ атласомъ). Ц. 4 р.
Бурже, Поль. Трагическая идиллія. Пер. М. Н. Ремезова. Ц. 1 р.
Де-Мопассанъ, Гюи. Наше сердце. Романъ. Пер. М. Н. Ремезова. Ц. 1 р.
Додэ, Альфонсъ. Портъ-Тараскопъ. (Послѣднія приключ. знаменит. Тартарена). Переводъ М. Н. Ремезова. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.
Его же. Маленькій приходъ. Пер. М. Н. Ремезова. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.
Женщина. Статьи г-жи Элизы Ожешковой, m-me Афонсъ Доде, Пардо Базанъ, Лауры Маргольмъ, Карменъ Сильва, D. Menant. Ц. 40 к.
Козловъ, П. А. Полное собраніе сочиненій въ 4-хъ т. Ц. 5 р. Каждый томъ отдѣльно по 1 р. 50 к.
Корелинъ, П. С., проф. Иллюстри-

Типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К° Москва.

рованныя чтенія по культурной исторіи. Вып. I: Египетскіе боги. Вып. II: Средневѣковая церковная готика. Вып. III: Финикійскіе мореплаватели и ихъ культура. Одобрено Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. для ученическихъ, старш. возр., библ. средн. учебн. заведеній мужск. и женск. Ц. за I вып. 50 к., за II и III вып. по 30 к. Вып. IV: Ассирійскій народъ и его боги-покровители. Ц. 30 к. Вып. V: Кто были наши предки и гдѣ они жили. Ц. 30 к.

Мачтетъ, Г. А. Силуэты. Томъ II. Въ тундрѣ и въ тайгѣ. Заклятый казакъ. Жидъ. Бѣлая Панна. Хамелеонъ. Пессимистка. Холера. Добрый волкъ. Ц. 1 р. 50 к.

Милюковъ, П. Н. Главныя теченія русской исторической мысли. Т. I. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к.

Ожешкова, Элиза. Повѣсти и разсказы. Томъ I: Сѣренькая идилія. Сильный Самсонъ. Хамъ. Подвижница. Ц. 1 р. 50 к. Томъ II: Ни клочка. Смерть дома. Съ пожара. Четырнадцатая часть. Юльянка. Моментъ. Ц. 1 руб. 50 к. Перев. В. М. Лаврова.

Ея же. Надъ Нѣманомъ. Романъ въ 3 частяхъ. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к.

Ея же. Сильвекъ. Ром. въ 2-хъ част. Ц. 1 р.

Ея же. Меланхолики. Ц. 1 р. 50 к.

Послѣ Пушкина. Сборникъ стихотвореній русскихъ поэтовъ. Ц. 2 р.

Ремезовъ, М. Н. (М. Анютинъ). Нащихъ полей ягоды. Романъ. Ц. 1 р.

Сенкевичъ, Генрикъ. Повѣсти и разсказы. Изд. 2-е, удешевленное. Та Третья. Поѣздка въ Аѳины. Янко музыкантъ. Старый слуга. Ганя. У источника. Идилія. Фонарщикъ на маякѣ. Бартекъ побѣдитель. Пойдемъ за нимъ. Перев. В. М. Лаврова, съ предисловіемъ В. А. Гольцева. Ц. 1 р. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущена въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

Его же. Безъ догмата. Романъ. Перев. В. М. Лаврова. Изд. 3-е. Ц. 1 р.

— Путевые очерки. Письма изъ Африки. Письмо изъ Венеціи. Письмо изъ Рима. Нерви. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к. Учен. Комит. Мин. Нар. Просв. одобрена для безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ.

— Семья Поланецкихъ. Романъ. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 3 р.

— Камо грядеши? (Quo vadis). Историческій романъ изъ временъ Нерона. Переводъ В. М. Лаврова. Съ примѣчаніями С. И. Соболевскаго. 2-е, удешевленное, Ц. изд. 1 р.

— На ясномъ берегу. Повѣсть. Пер. В. М. Лаврова. Ц. 30 к.

— Крестоносцы. Историческій романъ. Пер. В. М. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к.

Чеховъ, Мих. Закромъ. Словарь для сельскихъ хозяевъ. Ц. 1 р.

Эртель, А. И. Гарденины, ихъ дворня, приверженцы и враги. Ц. 2 р.

Юно́ша, Клеменсъ. Сизифъ. Картинки деревенской жизни. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 50 к.

Народныя изданія редакціи журнала „Русская Мысль".

Что такое подати и для чего ихъ собираютъ? 4-е издан. Ц. 3 к. Учен. Комит. Мин. Нар. Просв. одобрена для безплатныхъ народ. читаленъ и для публичныхъ народныхъ чтеній.

Народный поэтъ И. С. Никитинъ. 2-е изд. Ц. 1½ к.

Сенкевичъ. Янко музыкантъ. Ц. 1½ к.

Сенкевичъ. Пойдемъ за нимъ! 2-изд. Ц. 6 к.

— Бартекъ-побѣдитель. Ц. 12 коп.

— Фонарщикъ на маякѣ и Янко музыкантъ. Ц. 6 к.

Ожешкова, Элиза. Юльянка. Ц. 15 к.

Списокъ книгъ для народныхъ библіотекъ. на сумму отъ 5 до 500 р. Ц. 10 к.

Новая библіотека „Русской Мысли".

Китай и китайцы. 135 стр. Съ картой. Ц. 25 к.

Маминъ-Сибирякъ, Д. Н. Башка. 56 стр. Ц. 10 к.

Эртель, А. И. Офицерша. Подъ шумъ вьюги. 77 стр. Ц. 15 к.

Японія и японцы. 178 стр. Съ картой. Ц. 35 к.

Разсказы Людвига Анценгрубера. 112 стр. Ц. 20 к.

Бытовые очерки. Въ мастерской. *А. Данилина.* Преступники. *П. Хотымскаго.* 216 стр. Ц. 40 к.

Розеггеръ, Петръ. Разсказы. 95 стр. Ц. 15 к.

Трудовая помощь въ скандинавскихъ государствахъ. 92 стр. Ц. 20 к.

Рабство въ древнемъ Римѣ. 44 стр. 10 к.

Русскіе инородцы. *А. Максимова.* 112 стр. Ц. 20 к.

Бесѣды по школьной гигіенѣ *Д-ра Ф. Л. Кастерскаго.* Съ рис. діограммами. Ц. 15 к.

Исполинъ нѣмецкой промышленности (о заводѣ Круппа). Съ рис. и план. 70 стр. Ц. 15 к.

Подписчики „Русской Мысли" на всѣ изданія редакціи, кромѣ народныхъ, пользуются уступкой 10%.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА 1901 ГОДЪ
(32-й годъ изданія)
на еженедѣльный иллюстрированный
ЖУРНАЛЪ
со многими приложеніями.

НИВА.

Гг. подписчики „НИВЫ“ получатъ въ теченіе **1901** года:

52 №№ художественно-литературнаго журнала „НИВА“ (около 1500 столбцовъ текста и 500 гравюръ и рисунковъ). Въ нумерахъ журнала, между прочимъ, появятся: 1) еще нигдѣ не напечатанныя посмертныя произведенія **Д. В. ГРИГОРОВИЧА:** „Очерки Венеціи“ и „Изъ записной книжки“ (характеристика выдающихся современн. русскихъ дѣятелей и анекдоты изъ ихъ жизни); 2) рядъ статей со множествомъ рисунковъ, картъ и пр. подъ заглавіемъ: **„XIX ВѢКЪ“** Эти статьи дадутъ читателю полную картину жизни истекающаго столѣтія и составятъ отдѣльный роскошный томъ.

24 ТОМА ПОЛН. СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ **Г. П. ДАНИЛЕВСКАГО,**

съ портретомъ, факсимиле и біографическ. очеркомъ.—Полное собраніе соч. Г. П. Данилевскаго, *стоящее въ отдѣльной продажѣ* **15 руб.,** будетъ отпечатано на хорошо глазированной бумагѣ и будетъ приложено къ „Нивѣ“ въ теченіе одного 1901 года подъ заглавіемъ „Сборника Нивы“, въ 24 томахъ — по два тома въ мѣсяцъ, такъ что „Сборникъ Нивы“ 1901 года по количеству матеріала для чтенія **значительно превзойдетъ** „Сборники“ всѣхъ прежнихъ лѣтъ.

Назовемъ здѣсь только крупнѣйшія изъ произведеній Данилевскаго: I. РОМАНЫ: 1) „Бѣглые въ Новороссіи“, въ 2 част. 2) „Воля“, въ 2 ч. 3) „Новыя мѣста“, въ 2 ч. 4) „Девятый валъ“, въ 3 ч. 5) „Мировичъ“, въ 3 ч., 6) „Черный годъ“, въ 3 ч. 7) „Восемьсотъ двадцать пятый годъ“ (отрывки).—II. ИСТОРИЧ. РОМАНЫ: 8) „На Индію при Петрѣ I“, въ 2 ч. 9) „Княжна Тараканова“, въ 2 ч. 10) „Потемкинъ на Дунаѣ“. 11) „Сожженная Москва“, въ 2 ч.—III. ИСТОРИЧ. ПОВѢСТЬ: 12) „Уманьская рѣзня“.—IV. ПОВѢСТЬ: 13) „Не вытанцовалось“, въ 2 ч.—Затѣмъ слѣдуетъ множество V. РАЗСКАЗОВЪ и ОЧЕРКОВЪ, отдѣльныхъ или подъ общими заглавіями, наприм.: „Семейная старина“, „Слобожане“, „Святочные вечера“, „Изъ литературныхъ воспоминаній“, „Украинская старина“ и проч.—VI. СТИХОТВОРЕНІЯ.—VII. ПИСЬМА ИЗЪ ЗАГРАНИЦЫ.—VIII. ДРАМЫ ШЕКСПИРА: „Цимбелинъ“ и „Жизнь и смерть короля Ричарда Третьяго“. Переводы.—IX. МЕЛКІЯ СТАТЬИ и пр., и пр.

12 КНИГЪ **«ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ»,** содержащихъ романы, повѣсти, разсказы, популярно-научныя и критическія статьи и проч. современныхъ авторовъ.

12 №№ **„ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“,** выходящихъ ежемѣсячно и содержащихъ до 300 модныхъ гравюръ по фасонамъ лучшихъ мастеровъ.

12 ЛИСТОВЪ рукодѣльныхъ и вышивныхъ работъ (около 300) и до 300 чертежей выкроекъ въ натуральную величину, выходящихъ ежемѣсячно.

„СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ“ на 1901 г., печатанный красками.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на годовое изданіе со всѣми приложеніями: Безъ доставки: 1) въ С.-Петербургѣ — **5** руб. **50** коп. 2) въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Н. Печковской (Петровскія линіи)—6 руб. 25 коп. 3) въ Одессѣ, въ кн. маг. „Образованіе“ (Ришельевская, № 12)—6 руб. 50 коп.—Съ доставкой въ С.-Петербургѣ—**6** руб. **50** коп. Съ пересылкой во всѣ мѣстности Россіи **7** руб. За границу **10** руб.

Требованія просятъ адресовать: въ С.-Петербургъ, въ Главную Контору журнала „НИВА“ (А. Ф. МАРКСУ), Малая Морская, д. № 22.

Открыта подписка на 1901 годъ на

ВѢСТНИКЪ ВСЕМІРНОЙ ИСТОРІИ

новый журналъ исторической литературы и науки.

(ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Первое въ Россіи, общедоступное, ежемѣсячное иллюстрированное историческое изданіе, посвященное ознакомленію русскаго общества съ общимъ ходомъ исторіи, съ точки зрѣнія идеи прогресса.

ВЪ ЖУРНАЛѢ УЧАСТВУЮТЪ: Н. П. **Аверкіевъ**, В. А. **Анучинъ**, К. И. **Арабажинъ**, кн. В. В. **Барятинскій**, В. Ѳ. **Ботвиновскій**, кн. Д. П. **Голицынъ** (Муравлинъ), М. В. **Головинскій**, проф. А. Х. **Гольмстенъ**, В. М. **Грибовскій**, И. А. **Гриневская**, академикъ И. Н. **Ждановъ**, проф. Ѳ. Ф. **Зѣлинскій**, проф. И. И. **Ивановъ**, проф., гр. Л. А. **Камаровскій**, проф. А. А. **Кизеветтеръ**, проф. А. И. **Кирпичниковъ**, Д. Ѳ. **Кобеко**, проф. П. И. **Ковалевскій**, проф. Н. М. **Коркуновъ**, **Іосибуми-Куроно** (лек. японскаго языка петер. унив.), проф. Н. П. **Лихачевъ**, С. В. **Любимовъ**, **М. Н. Мазаевъ**, А. А. **Мироновъ**, Д. Л. **Мордовцевъ**, И. С. **Морозовъ**, К. В. **Назарьевъ**, Ф. К. **Неслуховскій**, В. Н. **Никитинъ**, Н. К. **Никифоровъ**, В. П. **Паваевъ**, пр.-доц. В. Н. **Поретцъ**, проф. С. Ѳ. **Платоновъ**, проф. Э. Л. **Радловъ**, проф. М. А. **Рейснеръ**, В. Я. **Свѣтловъ**, проф. Н. И. **Стороженко**, А. П. **Субботинъ**, А. Е. **Суворцевъ**, Я. Г. **Сѣверскій**, А. В. **Тавастшерна** (Сандръ), К. А. **Тепловъ**, проф. А. С. **Трачевскій**, П. А. **Шафрановъ**, А. Ф. **Шидловскій**, Н. К. **Шильдеръ**, проф. И. А. **Шляпкинъ**, Н. К. **Ядрышевъ**, З. Ю. **Яковлева**, І. І. **Ясинскій** (**Максимъ Бѣлинскій**) и др.

ОСОБЫЕ ОТДѢЛЫ ПОСВЯЩЕНЫ: „На рубежѣ XIX вѣка"—изображенію состоянія общества въ Зап. Европѣ наканунѣ нашего вѣка; „Двадцатый вѣкъ въ исторіи народовъ Европы"—ближайшему историческому прошлому; Страничка прошлаго"—мелкимъ истор. фактамъ и курьезамъ; „Изъ области археологіи"—наиболѣе выдающимся фактамъ въ этой области и „Литературная лѣтопись"—ежемѣсячн. обзору русск. и иностр. журналовъ и нов. книгъ по исторіи Франціи, Германіи, Англіи, Италіи и Греціи и по исторіи восточныхъ народовъ.

ИСТОР. БЕЛЛЕТРИСТ. ПРОИЗВЕДЕНІЯ Д. Л. Мордовцева, кн. Д. П. Голицына (Муравлина), В. М. Грибовскаго, В. Н. Никитина, В. П. Лебедева, К. А. Теплова—„Изувѣрка" историческая повѣсть изъ деревне-русской жизни, истор. романъ знаменитаго Гверацци—„Беатриче Ченчи" и мн. др. съ декабря начнется печатаніемъ историч. романъ В. Я. Свѣтлова, подъ названіемъ „Венецейская Лагуна", рисующій интересную картину сношеній древней Руси съ Западной Европой.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ (съ особымъ номеромъ страницъ): **Библіотека избранныхъ сочиненій по исторіи народовъ Европы**", „Исторія финскаго народа" по Шюбергсону, въ изложеніи Н. К. Ядрышева и М. В. Головинскаго, и „Сборникъ иностранныхъ историческихъ романовъ", „Послѣдній аѳинянинъ" историческій романъ Рюдберга изъ временъ Юліана Отступника.

Первая книга за 1901 годъ выйдетъ въ декабрѣ настоящаго года.

Журналъ выходитъ въ объемѣ 18—20 печатныхъ листовъ въ книжкѣ.

НОВЫЕ ГОДОВЫЕ подписчики на журналъ получатъ въ безплатное приложеніе или иностранный романъ В. Я. Свѣтлова „Даръ слезъ", или „Исторію польскаго народа" В. Смоленскаго, или романъ „Торжество силы" Поля Адамъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на годъ (съ декабря по декабрь) съ доставкою и пересылкою 6 руб., на полгода 3 руб. и за границу 9 руб.

Подписку принимаютъ всѣ книгопродавцы.

Контора и редакція на Милліонной улицѣ, домъ № 34, С.-Петербургъ.

Редакторъ-издатель *С. С. Сухотинъ*.

Открыта подписка на 1901 г. (VIII г. изданія)
на еженедѣльный иллюстриров. экономическій и сельскохозяйственный журналъ

ХОЗЯИНЪ

БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ.

Подписчики въ 1901 году получатъ безплатно слѣдующія 6 „Книжекъ Хозяина":

1. **Земство, какъ органъ сельскохозяйственной жизни.** *В. Г. Земскаго.*

2. **Культура масличныхъ и волокнистыхъ растеній.** Д-ра *А. Блюмейера.* Содержаніе: рапсъ, сурѣпица, рыжикъ, макъ, подсолнечникъ и др. Ленъ, конопля, крапива. 17 рисунковъ.

3. **Выращиваніе скота и уходъ за нимъ.** Проф. *Штеверта.* Пер.-изд. *М. Н. Грюнера.* Содержаніе: наслѣдственность и подборъ, выборъ производителей, уходъ за ними, течка, спариваніе, уходъ за стельными, выкидыши, роды и помощь при нихъ, питаніе теленка, отнятіе отъ вымени, кастрація быковъ и коровъ. Уходъ за крупнымъ рогат. скотомъ. Общія правила. Спеціальныя правила. Подборъ здоровыхъ животныхъ, уходъ за кожей и копытами, помѣщеніе, пастбища, вредныя вліянія погоды, пойло и кормленіе, доеніе, запряжка. 128 рисунковъ.

4. **Примѣненіе искусственныхъ удобреній.** Д-ра *П. Вагнера.* Содержаніе: Необходимыя для растеній вещества. Вещества для удобренія почвы. Условія примѣнимости искусств. удобреній. Опредѣленіе потребности данной почвы въ удобреніи. Полевые и вегетаціонные опыты. Данныя нѣкоторыхъ полевыхъ опытовъ. Фосфорнокислыя, калійныя, азотнокислыя удобренія. Удобренія для различныхъ культуръ. Организаціонный планъ удобренія сѣвооборота.

5. **Сельскохозяйственныя постройки.** *М. Рингельмана.* Съ дополненіями гражданск. инжен. *Э. Г. Перримонда.* Содержаніе: жилыя помѣщенія для животныхъ, принадлежности построекъ для животныхъ, помѣщенія для сохраненія сел.-хоз. продуктовъ, общее расположеніе усадебъ. 250 рисунковъ.

6. **Сельскохозяйственное счетоводство.**

Въ 1900 г., между прочимъ, были помѣщены статьи: И. И. Абозина, проф. С. М. Богданова, проф. А. И. Воейкова, И. М. Кабештова, проф. П. С. Коссовича, Пав. Ив. Левицкаго, П. А. Пахомова, проф. Д. Н. Прянишникова, А. А. Радцига, И. О. Шатилова, проф. И. О. Широкихъ и др. Въ каждомъ нумерѣ: передовыя статьи—ред., обзоры сельскохоз. дѣятельн. земства—В. Г. Земскаго, обзоры научно-хоз. литер.—М. А. Энгельгардта.

На годъ 6 р., на полгода 3 р. съ перес. Разсрочка по 1 р. въ первые 6 мѣс.
Ред. *А. П. Мертваго.* Петербургъ, Невскій, 92. Изд. *И. А. Машковцевъ.*

„ВРАЧЪ".

Газета, посвященная всѣмъ вопросамъ врачебной науки (клиники и гигіэны) и врачебнаго быта, будетъ выходить и въ 1901 по той же программѣ, въ томъ же объемѣ и подъ тою же редакціей (бывшаго профессора В. А. Манассеина), что и въ первые 21 годъ своего существованія.

Подписная цѣна за годъ 9 рублей, за 1/2 года 4 руб. 50 коп. и за 1/4 года 2 руб. 25 коп.

Подписка принимается у издательницы О. А. Риккеръ. Петербургъ, Невскій, 14, книжный магазинъ К. Л. Риккера. Исключительно къ ней же слѣдуетъ обращаться и по всѣмъ хозяйственнымъ вопросамъ изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „Иллюстрированную Библіотеку Нивы“ на 1901 г.,

въ составъ которой войдетъ РОСКОШНО-ИЛЛЮСТРИРОВАН. ИЗДАНІЕ in folio:

„ПОХОЖДЕНІЯ ЧИЧИКОВА или МЕРТВЫЯ ДУШИ“

поэма **Н. В. ГОГОЛЯ,** въ 2-хъ частяхъ.

Съ 355 иллюстраціями, 10 геліогравюрами и портретомъ Н. В. Гоголя на стали.

Изданіе выйдетъ въ теченіе 1901 г. въ 12-ти ежемѣсячныхъ выпускахъ.

Кому изъ насъ не дорого имя Гоголя! Какому русскому сердцу не близко любое изъ его произведеній и не присуще желаніе видѣть произведеніе Гоголя, а въ особенности его „МЕРТВЫЯ ДУШИ“ въ такомъ роскошномъ и художественномъ изданіи, которое своими внѣшними достоинствами соотвѣтствовало бы внутреннимъ красотамъ великаго творенія и не уступало бы тѣмъ превосходнымъ иностраннымъ изданіямъ, которыми Европа давно сумѣла почтить память ея великихъ писателей!

Удовлетворяя этому общему желанію, мы и рѣшили выпустить предлагаемое нынѣ роскошное, богато иллюстрированное изданіе „Мертвыхъ Душъ“. Въ немъ читатель найдетъ *обширную галлерею типовъ, цѣлую серію пейзажей и видовъ средней полосы Россіи, вереницу реальныхъ бытовыхъ сценъ и тонко подмѣченныхъ художникомъ типичныхъ чертъ русской жизни первой половины минувшаго столѣтія,—однимъ словомъ, цѣлую художественную поэму, дорисовывающую и нагляднo выявляющую намъ образы поэмы Гоголя.*

Создать представляемое нашимъ изданіемъ чрезвычайно сложное и разнообразное цѣлое было бы не подъ силу одному художнику,—и это достигнуто было только благодаря соединеннымъ усиліямъ многихъ талантливыхъ иллюстраторовъ, какови: Андреевъ, Авенасьевъ, Бажинъ, Быстренинъ, Дальневичъ, Незачинскій, Маньковскій, Пироговъ, Самокишъ-Судковская, Соломко и Хохряковъ,—которые, подъ общимъ руководствомъ П. П. Гнѣдича, въ теченіе пяти лѣтъ работали надъ выполненіемъ этой трудной задачи, каждый соотвѣтственно характеру и средствамъ своего таланта.

Сознавая всю трудность и отвѣтственность нашей задачи, мы старались выполнить ее возможно совершеннѣе,—какъ по художественнымъ достоинствамъ иллюстрацій и ихъ воспроизведенію, такъ и по роскошной внѣшности изданія (въ отношеніи бумаги и печати), и надѣемся, что изданіе наше будетъ встрѣчено всеобщимъ сочувствіемъ, а благодаря умѣренной цѣнѣ и льготнымъ условіямъ разсрочки—явится доступнымъ для всѣхъ читателей Гоголя.

Подписная цѣна на все изданіе, выходящее въ 12-ти выпускахъ, по одному выпуску въ мѣсяцъ. Безъ доставки: 1) въ С.-Петербургѣ—12 р.; 2) въ Москвѣ, въ конторѣ И. Печковской (Петровскія линіи) и въ Одессѣ, въ книжн. магазинѣ „Образованіе“ (Ришельевская, № 12)—13 р. Съ доставкой въ С.-Петербургѣ и съ пересылкой во всѣ города и мѣстности Россіи—14 руб. Съ перес. за границу—16 руб. Разсрочка допускается въ 2, 3, 4 и 6 сроковъ.

Первый выпускъ „Мертвыхъ Душъ“, для ознакомленія съ изданіемъ, продается отдѣльно за 1 р. съ перес. (можно переводомъ или почтов. марками въ заказныхъ письмахъ). Лица, выписавшія первый выпускъ, могутъ подписаться на всѣ изданіе со 2-го выпуска, уплачивая меньше на 1 руб. Остальные выпуски отдѣльно не продаются, и изданіе, не подписк., съ наложеннымъ платежомъ и въ переплетѣ не высылается.

Иллюстрированное объявленіе о подпискѣ, украшенное многими гравюрами, съ подробн. условіями подписки и разсрочки платежа, выдается и высылает. безплатно.

Требованія и деньги адресовать: въ контору изданій А. Ф. Маркса, въ СПБ., Н. Морская, № 22.

ВѢСТНИКЪ ОПЫТНОЙ ФИЗИКИ
и
Элементарной математики.

14-й годъ. 14-й годъ.

Выходитъ 24 раза въ годъ отдѣльными выпусками, не менѣе 24 стр. каждый, подъ редакціей профессора *В. А. Циммермана.*

Предыдущіе семестры были рекомендованы: Учен. Ком. Мин. Нар. Пр для гим. муж. и жен., реалн. уч., прогим., город. уч., учит. инст. и семинарій; Главнымъ Управ. Воен.-Уч. Зав.—для воен.-уч. заведеній. №№ 1—48 одобрены Уч. Ком. при Св. Синодѣ для дух. семян. и училищъ.

Программа журнала: Оригинальныя и переводныя статьи изъ области физики и элемен. математики. Статьи, посвященныя вопросамъ преподаванія математики и физики. Науч. хроника. Разныя извѣстія. Задачи для рѣшенія. Рѣшенія предложенныхъ задачъ съ фамиліями рѣшившихъ. Упраж. для учениковъ. Библіограф. отдѣлъ: обзоръ иностран. журналовъ; замѣтки и рецензіи о новыхъ книгахъ. Объявленія.

Статьи составляются въ такой мѣрѣ популярно, въ какой это возможно безъ ущерба для научной стороны дѣла. Статьи, посвященныя педагогическимъ вопросамъ, имѣютъ главной цѣлью обмѣнъ мнѣній и взглядовъ преподавателей по различнымъ вопросамъ преподаванія элемен. мат. и физики. Въ отдѣлѣ „Научн. хроника“ помѣщаются рефераты о важнѣйшихъ научн. работахъ, отчеты о съѣздахъ, конгрессахъ и т. п. Въ отдѣлѣ „Разныя извѣстія“ помѣщаются свѣдѣнія о текущихъ событіяхъ въ жизни различныхъ ученыхъ и учебныхъ заведеній. Помѣщаемыя въ журналѣ задачи дѣлятся на двѣ категоріи: болѣе легкія, доступныя хорошему ученику, и болѣе трудныя, требующія большой подготовки. Отъ времени до времени предлагаются задачи и темы на премію.

Подписная цѣна съ пересылкой за годъ 6 руб., за полугодіе 3 руб. Учителя и учительницы низшихъ училищъ и всѣ учащіеся при непосредственныхъ сношеніяхъ съ конторой редакціи платятъ за годъ 4 руб., за полугодіе 2 руб.

Пробный номеръ высылается безплатно по первому требованію.

Адресъ для корреспонденцій: *Одесса, въ редакцію Вѣстника Опытной Физики.*

РУССКІЯ ВѢДОМОСТИ.
(38-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ).
Подписка на 1901 г.

Въ Москвѣ съ доставкой:		На города съ пересылкой:		За границу съ пересылкой:	
на 12 мѣсяцевъ	10 р. — к.	на 12 мѣсяцевъ	11 р. — к.	на 12 мѣсяцевъ	18 р. — к.
„ 6 „	5 „ 50 „	„ 6 „	6 „ — „	„ 6 „	9 „ — „
„ 3 „	3 „ — „	„ 3 „	3 „ 50 „	„ 3 „	4 „ 80 „
„ 1 „	1 „ — „	„ 1 „	1 „ 20 „	„ 1 „	1 „ 90 „

„Русскія Вѣдомости“ выходятъ ежедневно, не исключая дней послѣпраздничныхъ листами большого формата, съ приложеніемъ, по мѣрѣ надобности, добавочныхъ листовъ.

Для гг. подписчиковъ, затрудняющихся единовременнымъ взносомъ годовой платы, допускается разсрочка при непремѣнномъ условіи непосредственнаго обращенія въ контору газеты, а не черезъ книжные магазины:

Для иногородныхъ: а) при подпискѣ 6 р. и къ 1-му іюня 5 р. или б) при подпискѣ 5 р., къ 1-му марта 3 р. и къ 1-му августа 3 р.; в) при подпискѣ 3 р., къ 1-му марта 3 р., къ 1-му іюня 3 р., къ 1-му сентября 2 р.

Для городскихъ: при подпискѣ 3 руб., къ 1-му марта 3 руб., къ 1-му іюля 2 р., къ 1-му октября 2 руб. Въ случаѣ невзноса денегъ въ срокъ дальнѣйшая высылка газеты пріостанавливается

Гг. служащіе въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ при подпискѣ на годъ, чрезъ посредство и за поручательствомъ казначеевъ, потребительныхъ обществъ или земскихъ книжныхъ складовъ, могутъ вносить подписную плату помѣсячно не менѣе рубля въ мѣсяцъ впередъ.

Гг. подписчики благоволятъ обращаться съ требованіями о подпискѣ въ Москву, въ контору „Русскихъ Вѣдомостей“, Никитская, Чернышевскій пер., д. № 7.

Открыта подписка на 1901 годъ (второй годъ изданія)

на научно-общественный журналъ безъ предварительной цензуры

НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО,

посвященный экономическимъ и финансовымъ вопросамъ, земскому и городскому самоуправленію.

Редакторъ-издатель проф. Л. В. Ходскій.

Адресъ редакціи и конторы: *С.-Петербургъ, Дмская ул., 30.*

Программа журнала: I. Оригинальныя и переводныя статьи. II. Изъ экономической жизни иностранныхъ государствъ. III. Городское хозяйство. IV. Земское хозяйство. V. Внутреннее экономическое обозрѣніе. VI. Разныя замѣтки и свѣдѣнія. VII. Литература и библіографія. VIII. Статистика. IX. Хроника экономическаго законодательства. X. Почтовый ящикъ (вопросы подписчиковъ, отвѣты на нихъ и извѣщенія редакціи). XI. Объявленія. Журналъ выходитъ книжками, не менѣе 10 листовъ, ежемѣсячно, кромѣ двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ.

Подписная плата съ доставкою и пересылкою въ предѣлахъ Имперіи за годъ 10 р., за границу—12 р. Допускается разсрочка: при подпискѣ 5 р., остальныя деньги къ маю мѣсяцу. Подписываться можно во всѣхъ значительныхъ книжныхъ магазинахъ. Книгопродавцамъ коммиссіонная уступка 5%.

Примѣчаніе. Подписчики на 1901 г. могутъ при подпискѣ получить всѣ вышедшія книги за 1900 г., уплачивая: при подпискѣ 10 р. и къ 1 мая 1901 г. 6 р., или всего за оба года 16 р. съ дост. и перес. (Количество экземпляровъ 1900 г. ограниченное.)

Преподаватели, студенты, лица, служащія по земскому и городскому управленію, а также въ учрежденіяхъ финансоваго вѣдомства, гос. контроля и т. п., по желанію, при заявленіи конторѣ, могутъ пользоваться уступкою 20%.

Въ вышедшихъ книжкахъ журнала принимали участіе слѣдующія лица: П. Берлинъ, В. В., П. А. Вихляевъ, П. Головачевъ, П. А. Голубевъ, прив.-доц. І. М. Гольдштейнъ, А. В. Еропкинъ, проф. В. Ф. Залѣскій, А. Н. Котельниковъ, Н. А. Крыловъ, проф. В. А. Лебедевъ, проф. В. Ф. Левитскій, В. И. Маноцковъ, проф. А. Н. Миклашевскій, М. В. Неручневъ, А. Ф. Одарченко, П. Ф. Одарченко, А. А. Раддигъ, Г. Садовскій, В. Святловскій 2-й, В. Ю. Скалонъ, Старый профессоръ, В. Ѳ. Тотоміанцъ, проф. А. Ф. Фортунатовъ, проф. Л. В. Ходскій, проф. Н. М. Цытовичъ, Г. И. Шрейдеръ, Ф. А. Щербина и др.

За напечатаніе при журналѣ объявленій взимается: за одну страницу 20 руб., 1/2 стр. 10 руб., 1/4 стр. 5 руб., 1/8 стр. 2 руб. 50 к. При повторныхъ публикаціяхъ, а равно для подписчиковъ на журналъ, дѣлается 30% уступки.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

СИБИРСКІЙ ЛИСТОКЪ

на 1901 годъ (одиннадцатый годъ изданія).

ВЫХОДИТЪ ВЪ ТОБОЛЬСКѢ ДВА РАЗА ВЪ НЕДѢЛЮ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Для иногородныхъ: на годъ 5 р., на полгода 2 р. 75 к., на 3 мѣсяца 1 р. 50 к.
Для городскихъ: на годъ 4 р. 50 к., на полгода 2 р. 30 к., на 3 мѣсяца 1 р. 50 к.

Подписка и объявленія принимаются въ Тобольскѣ: въ конторѣ редакціи (на горѣ, Большая ул., д. М. М Емельяновой); въ Епархіальной типографіи; въ аптекарскомъ магазинѣ Ф. В. Дементьева; въ помѣщеніи „Народной аудиторіи“ у А. М. Садкова; въ магазинѣ Д. И. Голева-Лебедева. Въ Тюмени: въ книжномъ магазинѣ „Польза“. Въ Курганѣ: въ книжномъ магазинѣ Общества попеченія о начальномъ образованіи. Въ Омскѣ: въ книжномъ складѣ Общества попеченія о начальномъ образованіи. Въ Томскѣ: въ книжномъ магазинѣ П. И. Макушина. Въ Барнаулѣ: въ магазинѣ М. В. Вершинина. Въ Каинскѣ: у нотаріуса І. С. Мягчиловичъ-Вольскаго. Въ Иркутскѣ: у А. В. Пихтина, уголъ Почтамтской и Басинской, д. Шведовой и въ книжномъ магазинѣ П. И. Макушина. Въ Екатеринбургѣ: въ библіотекѣ М. А. Водянникова, Клубная ул., и въ библіотекѣ Шабарова.

Иногородніе адресуютъ: Тобольскъ, Редакція «Сибирскаго Листка».

Редакторъ-издательница М. Н. Костюрина.

ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1901 ГОДЪ

НА ОБЩЕСТВЕННУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„ПРИЛОЖЕНІЕ“

КЪ ВЯТСКИМЪ ГУБЕРНСКИМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ,

издаваемую по слѣдующей программѣ: 1) Статьи по общественнымъ вопросамъ. 2) Телеграммы. 3) Внутреннія извѣстія. 4) Хроника. 5) Городская жизнь. 6) Судебная хроника. 7) Заграничныя извѣстія. 8) Научныя извѣстія. 9) Объявленія.

Газета выходитъ по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ.

Подписная цѣна на газету съ телеграммами съ доставкой и пересылкой: на годъ 5 руб., на полгода—3 р., на 2 мѣсяца—1 р., на 1 мѣсяцъ—50 к.

Для учителей и учительницъ начальныхъ училищъ цѣна газеты съ доставкою и пересылкою 3 руб. въ годъ

ПЛАТА ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ и ПУБЛИКАЦІИ:

на послѣдней страницѣ за строку газетнаго шрифта 1 разъ—8 к., 2 раза—15 коп., 3 раза—18 к. и за каждую строку болѣе 3 разъ—5 к.; при заказѣ на сумму свыше 10 р.—скидка 25%, на первой страницѣ—плата удваивается, а скидка при заказѣ на сумму свыше 10 р. дѣлается также въ размѣрѣ 25%.

Подписка принимается въ Вяткѣ, въ редакціи *Приложенія* (зд. Губернскаго правленія), въ земскомъ книжномъ складѣ и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ губерніи.

Отдѣленія газеты имѣются въ городахъ: Нижнемъ-Новгородѣ, Перми, Златоустѣ, Сарапулѣ, Уржумѣ, Нолинскѣ, Слободскомъ, Котельничѣ, Малмыжѣ, Елабугѣ, Глазовѣ, Яранскѣ и Орловѣ.

Редакторъ Н. Озеровъ.

Открыта подписка на 1901 годъ

на большую ежедневную политическую, общественную и литературную газету, издаваемую безъ предварительной цензуры,

„РУССКІЙ ЛИСТОКЪ“

(XIII годъ изданія).

Въ 1900 году количество читателей газеты достигло до 40,000 ежедневно, что должно служить лучшимъ доказательствомъ достоинствъ самой газеты.

Возможная новизна и свѣжесть всѣхъ извѣстій, краткость и ясность изложенія при обширности предлагаемаго для чтенія матеріала составляетъ отличительную черту и особенность нашей газеты. Всѣ новости административной жизни Петербурга сообщаются по междугородному телефону и помѣщаются въ „Русскомъ Листкѣ“ одновременно съ петербургскими газетами.

Извѣстія о военныхъ дѣйствіяхъ въ Китаѣ помѣщались въ „Русскомъ Листкѣ“ раньше другихъ изданій, подробности о сраженіяхъ были помѣщены отъ своихъ корреспондентовъ. Свои же корреспонденты имѣются во многихъ городахъ Россіи, а также за границей — въ Парижѣ, Лондонѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ, Нью-Іоркѣ и др., а во всѣхъ важныхъ случаяхъ командируются спеціальные корреспонденты.

Ежедневно въ фельетонахъ помѣщаются лучшіе романы, повѣсти, историческія и научныя статьи.

Еженедѣльно даются художественныя иллюстрированныя приложенія съ рисунками къ событіямъ дня, портретами, картами, модами и т. п.

Въ наступающемъ году будутъ въ изданіи введены еще многія значительныя улучшенія съ цѣлью поставить „Русскій Листокъ“ наравнѣ съ лучшими иностранными изданіями.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкой и пересылкой: на годъ—8 р., на 6 мѣс.—4 р. 50 к., на 4 мѣс.—3 р. 30 к., на 3 мѣс.—2 р. 50 к., на 2 мѣс.—1 р. 70 к., на 1 мѣс.—90 к.

При годовой подпискѣ допускается разсрочка: при подпискѣ—5 р. и къ 1 іюля—3 р. или при подпискѣ 3 р., къ 1 апрѣля—3 р. и къ 1 іюля—2 р.

Адресъ главной конторы: *Москва, Мясницкая, д. № 20.*

Свои отдѣленія: *въ Москвѣ, Петербургѣ, Тулѣ, Калугѣ и Рязани.*

Редакторъ-издатель Н. Л. Казецкій.

ВОЛШЕБНЫЕ ФОНАРИ

ДЛЯ ВСЕВОЗМОЖНЫХЪ КАРТИНЪ НА БУМАГѢ.

Изобрѣтенія полков. Малиновскаго. Спеціальная мастерская С. К. Акимовой. Москва, Плющиха, соб. д. Освѣщеніе керосиновое, а также переносными лампами

НАИСИЛЬНѢЙШАГО СВѢТА АЦЕТИЛЕНОВАГО ГАЗА,

годными для всѣхъ системъ фонарей. Цѣны дешевыя. Полный каталогъ фонарей, лампъ, книгъ, картинъ, съ отзывами заказчиковъ и печати за **20** к. марк.

ДИПЛОМЪ за всероссійскую выставку 1896 г.

ФОНОГРАФЫ И ГРАММОФОНЫ,

пѣніе и музыка для народныхъ чтеній и домашняго развлеченія. Исполненіе вполнѣ отчетливое и громкое. Много №№ нотъ. Прейсъ-курантъ за **4** к. марк.

ПО СЛУЧАЮ РАСШИРЕНІЯ ДѢЛА

контора, редакція и складъ художественныхъ изданій журнала

ИСКУССТВО

и

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

переводится въ декабрѣ изъ нынѣшняго тѣснаго помѣщенія (Мойка, 83, кв. 1) въ болѣе просторное: **Почтамтская, 13, кв. 6** (въ Спб.).

ПОДПИСКА ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

№ 1-й новаго года изданія (3¾ печ. листа текста съ 18-ю снимками, изъ которыхъ 2 воспроизведены фототипіей и 2 въ краскахъ) вышелъ въ свѣтъ; № 2-й выйдетъ около 20 декабря; № 3-й—около 10 января; № 4-й—30 числа того же мѣсяца; затѣмъ послѣдующіе №№ будутъ выходить 20 числа каждаго мѣсяца, а «Хроника»—въ первыхъ и послѣднихъ числахъ.

Цѣна въ годъ: 10 р. съ дост. и перес.; въ отд. продажѣ по 1 р. съ перес. по 1 р. 50 к. за выпускъ.

Открыта подписка на 1901 г. (изд. XVI г.)

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

5 рублей безъ доставки. рублей съ достав. и перес. 6

РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ

ИЗДАНІЕ П. П. СОЙКИНА

подъ редакціею

А. И. ПОПОВИЦКАГО и при участіи

ОТЦА ІОАННА КРОНШТАДТСКАГО.

Русскій паломникъ представляетъ собою единственный въ Россіи журналъ для семейнаго религіозно-нравственнаго чтенія, по богатству же, разнообразію и занимательности содержанія и художественности рисунковъ его можно смѣло сравнить съ лучшими отечественными изданіями. Одобренъ всѣми вѣдомствами.

ПОДПИСЧИКИ ВЪ ТЕЧЕНІЕ **1901 года** ПОЛУЧАТЪ:

52 иллюстрированныхъ №№. Каждый номеръ въ размѣрѣ 16 стран., съ рис. изъ исторіи русскаго народа и русской правосл. церкви. **12** ежемѣсячныхъ книгъ, каждая объем. 180—240 стр., заключающихъ въ себѣ: историческія повѣсти и разсказы, описаніе святынь и т. п.

И КРОМѢ ТОГО, БУДЕТЪ ВЫДАНО, БЕЗЪ ВСЯКОЙ ДОПЛАТЫ ЗА ПЕРЕСЫЛКУ,

ПОРТРЕТЪ

Отца Іоанна Кронштадскаго,

исполненный **НА МЕТАЛЛѢ**, въ 12 красокъ, размѣромъ $5^1/_2 \times 7$ верш. **въ рельефной овальной рамѣ.**

ВЪ 12 КНИЖКАХЪ

РУССКАГО ПАЛОМНИКА

будетъ дано:

1) **Разсказы и черты изъ жизни русскихъ императоровъ, императрицъ и великихъ князей** (съ портретами и рисунками). Составилъ И. В. Преображенскій.

2) **Небесами побѣжденные.** Историческая повѣсть въ 3-хъ частяхъ. А. И. Лаврова.

3) **Судьбы православія въ Прибалтійскомъ краѣ.** Историко-этнографическій очеркъ. Прот. І. Бѣляева.

4) **Въ дали вѣковъ.** Историческая повѣсть въ 2-хъ частяхъ. А. И. Лаврова.

5) **Царскій духовникъ.** Историческая повѣсть. В. П. Лебедева.

6) **Алипій изъ Тагасты.** Повѣсть изъ исторіи церкви IV вѣка.

7) **Жестокое испытаніе.** Бытовая повѣсть въ 2-хъ частяхъ. А. И. Красницкаго.

8) и 9) **По евангельскимъ слѣдамъ.** Картины изъ земной жизни Спасителя. Л. Шнеллера.

10) **Милости Божія надъ царями и правителями земли русской.** Н. В. Мягкова.

11) **Сыны Арія.** Повѣсть изъ исторіи борьбы съ аріанствомъ запада. Гено.

12) **Великій страдалецъ.** Историческая повѣсть. В. П. Лебедева.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на журналъ *Русскій Паломникъ* безъ доставки въ Спб. 5 р. Съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россійской имперіи ШЕСТЬ руб. За границу 8 р.

Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 р., къ 1 апрѣля 2 р. и къ 1 іюля остальные.

Главная контора: С.-Петербургъ, Стремянная ул., № 12, соб. домъ.

Годъ 3-й. **ОТКРЫТА ПОДПИСКА** **Годъ 3-й.**

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

КЛИНИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

Клиническій Журналъ выходитъ ежемѣсячно въ объемѣ 6 листовъ. Онъ посвященъ, главнымъ образомъ, интересамъ практической медицины и заключаетъ въ себѣ:

I. **Оригинальныя статьи, клиническія лекціи** — изъ области внутреннихъ болѣзней и другихъ пограничныхъ, смежныхъ областей медицины.

II. **Рефераты-обзоры.** Изъ русскихъ и всѣхъ главныхъ иностранныхъ журналовъ реферируются лишь наиболѣе важныя работы, представляющія клиническій интересъ, но рефераты эти составляются настолько подробно, что могутъ для практическаго врача замѣнить вполнѣ чтеніе оригинальныхъ статей; они группируются въ видѣ систематическихъ обзоровъ литературы по избраннымъ вопросамъ практической медицины, причемъ главнымъ образомъ имѣются въ виду болѣзни внутреннихъ органовъ и связь ихъ со всѣми другими областями медицины. Въ терапевтическомъ отдѣлѣ журнала, кромѣ обозрѣнія новыхъ лѣчебныхъ средствъ и новыхъ способовъ лѣченія, большое мѣсто отводится діэтетикѣ, физическимъ методамъ лѣченія, бальнеологіи, климатологіи, также хирургическому лѣченію внутреннихъ болѣзней.

III. **Библіографія.** Анализъ важнѣйшихъ сочиненій изъ области клинической медицины.—**Ежемѣсячные систематическіе обзоры періодической медицинской печати.** Подробные именные и предметные указатели къ этимъ обзорамъ (2 раза въ годъ) даютъ возможность пользоваться ими какъ справочнымъ указателемъ всѣхъ работъ, появившихся во всѣхъ русскихъ журналахъ.

IV. Смѣсь.— V. Объявленія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА Клиническаго Журнала съ доставкой или пересылкой въ Россіи: **6** руб. въ годъ и **3** руб. за полгода; за границу **8** руб. въ годъ и **4** р. за полгода.

Подписка принимается въ редакціи Клиническаго Журнала—Москва, Знаменка, домъ Баклановой, кв. № 2 д-ра Воробьева, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Редакторъ-издатель прив.-доц. *В. А. Воробьевъ.*

ЛИТЕРАТУРНАЯ, НАУЧНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

„ЗАПАДЪ“

выходитъ съ 1-го (14-го) октября 1900 г. въ Берлинѣ

при постоянномъ участіи

выдающихся русскихъ и нѣмецкихъ писателей и публицистовъ.

Редакція газеты „ЗАПАДЪ“ беретъ на себя трудъ созданія въ Берлинѣ, какъ въ ближайшемъ къ Россіи крупномъ центрѣ, новаго передового органа печати на русскомъ языкѣ и полагаетъ, что profession de foi газеты достаточно ярко выражено словомъ, стоящимъ въ заголовкѣ ея. Согласно идеѣ, положенной въ основу изданія, видное мѣсто въ программѣ ея, соотвѣтствующей обширной программѣ большихъ русскихъ газетъ, отведено будетъ ознакомленію русской читающей публики съ результатами многовѣковаго опыта, накопившагося на европейскомъ Западѣ, поскольку они выражаются въ современной политической, экономической, научной, общественной и художественной жизни западно-европейскихъ государствъ. Фактъ изданія газеты въ центрѣ Германіи самъ по себѣ благопріятствуетъ возможно полной разработкѣ вопросовъ, выдвинутыхъ въ настоящее время на первую очередь народомъ поэтовъ и мыслителей. Заручившись сотрудничествомъ блестящихъ представителей какъ русской, такъ и нѣмецкой литературы и публицистики, редакція надѣется сдѣлать свое изданіе также и существеннымъ факторомъ въ дѣлѣ сближенія русскаго народа съ нѣмецкимъ, какъ съ носителемъ высоко-развитой культурности.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:

	1 мѣс.	3 мѣс.	6 мѣс.	1 годъ.
Въ Россіи	1 руб.	$2^1/_2$ руб.	5 руб.	10 руб.
„ Германіи	1 мар.	$2^1/_2$ мар.	5 мар.	10 мар.
Всюду за границей. . . .	3 фр.	$7^1/_2$ фр.	15 фр.	30 фр.

Главная контора и редакція:

«Zapad», Berlin W., Friedbergstr. 34.

Вышла декабрьская книжка 1900 года (№ 12) ежемѣсячнаго иллюстрированнаго журнала для дѣтей школьнаго возраста

ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ

и

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Тридцать второй годъ изданія.

Содержаніе декабрьской книжки (№ 12) „Дѣтскаго Чтенія“ 1900 года.

I. Михаилъ Петровичъ Погодинъ. Портретъ на отдѣльномъ листѣ. II. Конецъ войнѣ. Разсказъ *Д. Н. Мамина-Сибиряка*. Съ рисункомъ художника В. В. Спасскаго. III. Счастливая страна. Недѣля въ Санъ-Марино. Гл. VII—IX. *Вас. И. Немировича-Данченко*. IV. Бѣлая Цапля. Сказка. *Н. Д. Телешова*. Съ тремя рисунками художницы Е. А. Телешевой. V. Я измѣнилъ роднымъ снѣгамъ... Стих. *В. Ракитина*. VI. Обезьянка Джекъ. Гл. XV и XVI. *С. В. Зенченко*. VII. Осенняя сказка. Поэма. *Мих. Свободина*. VIII. Павлушка-комедіантъ. Разсказъ. *Шторма*. Окончаніе. Съ нѣмецкаго. *Л. В. Горбуновой*. IX. Погодинъ. Очеркъ. *Ив. Ив. Иванова*. X. Смерть Андрея Боголюбскаго. Отрывокъ изъ историческихъ сочиненій *М. П. Погодина*. XI. Стеши. IV. Нагайцы. Очеркъ. *Н. А. Александрова*. Съ рисункомъ художника А. А. Кучеренко. XII. Варяги. Гл. VIII—X. *М. Н. Ковалевскаго*. Съ картой и двумя рисунками. XIII. Взаимопомощь въ мірѣ животныхъ. *М. Н. Сытцовой*. Съ шестнадцатью рисунками. XIV. Изъ современной русской жизни.—Свѣтъ не безъ добрыхъ людей. *Е. Т.* XV. Странички изъ жизни нашихъ сосѣдей.—Земледѣліе, промышленность и торговля въ Китаѣ.—Самоубійство изъ мести въ Китаѣ.—Китайская игра. *Е. Т.* Съ рисункомъ. XVI. Странички изъ литературы и жизни.—Спиридонъ-солноворотъ.—Рождество Христово.—Святки Наполеона I.—Рождественскій обѣдъ миссисъ Рислей.—Рождественскій гость пастора. XVII. По бѣлу-свѣту. „На Дальній Востокъ“. XXIV. По Амуру до Хабаровска.—XXV. Хабаровскъ.—XXVI. Уссурійская дорога.—Къ Тихому океану.—XXV. Владивостокъ. *С. Бродовича*. Съ тремя рисунками. XVIII. Смѣхъ не грѣхъ. XIX. Рѣшенія. XX. Объявленія. XXI. Отдѣльные рисунки: 1) Всѣмъ хватитъ. (Стр. 450). 2) Бабушкины сказки. (Стр. 528).

Содержаніе восьмой книжки „Педагогическаго Листка“.

I. Введеніе въ политическую географію. Гл. IV. Строеніе поверхности. 1. Горы и плосогорія. 2. Равнины и низины. *Д. А. Коропчевскаго*. II. Бесѣды о правовѣдѣніи. III, IV и V. *В. А. Гольцева*. III. Мочаловъ. (Въ память столѣтней годовщины со дня его рожденія). *Ив. Ив. Иванова*. IV. Уроки по объяснительному чтенію. Окончаніе. *Дм. Ив. Тихомирова*. V. Вятскій исправительный пріютъ. *Ан.* VI. Чествованіе памяти К. Д. Ушинскаго. Съ портретомъ Ушинскаго и факсимиле. VII. Изъ Череповецкаго уѣзда. *N.* VIII. Педагогическое Общество, состоящее при Императорскомъ Московскомъ университетѣ. Комиссія по вопросамъ семейнаго воспитанія. *А. Эберманъ*. IX. Среди журналовъ. *Н. В. Тулупова*. X. Изъ иностранной жизни. *А. Волковой*. XI. Изъ текущей литературы и жизни. XII. Библіографія. XIII. Книги и пособія, одобренныя Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. XIV. Книги, присланныя въ редакцію „Педагогическаго Листка“ для отзыва. XV. Содержаніе „Педагогическаго Листка“ (январь, февраль, мартъ, апрѣль, сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь), — книжекъ: первой, второй, третьей, четвертой, пятой, шестой, седьмой и восьмой 1900 г. XVI. Приложеніе. Библіографическій справочникъ. *С. А. Строганова*. Листы четвертый и пятый. XVII. Объявленія.

Подписная цѣна на годъ: на *Дѣтское Чтеніе* съ пересыл. 5 руб., на *Дѣтское Чтеніе* съ *Педагогическимъ Листкомъ* 6 руб. Отдѣльно на *Педагогическій Листокъ* съ пересылкой 2 р. Плата за объявленія: за страницу—20 р., ½ стр.—10 р.

Подписка принимается въ редакціи: Москва, Б. Молчановка, домъ № 24, Дм. Ив. Тихомирова, и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ (книгопродавцамъ—30 коп. уступки съ годового экземпляра).

Издательница *Е. Н. Тихомирова*. Редакторъ *Д. И. Тихомировъ*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1901 ГОДЪ

XII Г. **на журналъ** XII Г.

ВѢСТНИКЪ ВОСПИТАНІЯ.

Журналъ имѣетъ цѣлью распространеніе среди русскаго общества правильныхъ взглядовъ на воспитаніе и образованіе.

Съ 1901 года разрѣшено помѣщать въ журналѣ научно-популярныя статьи по естествознанію, психологіи, философіи, филологіи, обществовѣдѣнію, исторіи, исторіи литературы, а также по вопросамъ искусства.

Программа журнала: I) Оригинальныя и переводныя статьи. II) Критика и библіографія. III) Рефераты и мелкія сообщенія. IV) Хроника. V) Приложенія: литературно-педагогическіе очерки, разсказы, воспоминанія и т. д. VI) Объявленія.

При настоящей редакціи въ журналѣ принимали участіе: д-ръ философіи В. Анри (Victor Henri), Н. Ф. Арепьевъ, Ю. И. Айхенвальдъ, А. Д. Алферовъ, прив.-доц. Я. А. Боткинъ, Ю. А. Бунинъ, И. А. Бунинъ, И. П. Бѣлоконскій, Н. М. Бычковъ, прив.-доц. В. А. Вагнеръ, В. П. Вахтеровъ, К. Н. Вентцель, Ю. А. Веселовскій, проф. Р. Ю. Виперъ, А. Ф. Гартвигъ, М. О. Гершензонъ, прив.-доц. А. В. Горбуновъ, А. Е. Грузинскій, Е. С. Дрентельнъ, В. Е. Ермиловъ, Д. Н. Жбанковъ, Н. В. Закъ, С. В. Зенченко, Е. А. Звягинцевъ, Н. Н. Златовратскій, прив.-доц. В. Н. Ивановскій: В. Е. Игнатьевъ, Н. А. Каблуковъ, В. В. Каллашъ, Е. Ловичъ, Е. І. Лозинскій, проф. И. Н. Миклашевскій, Н. Мировичъ, Н. Ф. Михайловъ, Л. П. Никифоровъ, Е. С. Некрасова, М. К. Николаева, Ф. Ф. Ольденбургъ, В. П. Острогорскій, В. В. Петровъ, Н. И. Позднякова, Г. А. Пузыревскій, Г. Роковъ, Н. А. Русскихъ, Л. М. Розенфельдъ, Д. Д. Семеновъ, А. С. Симоновичъ, А. М. Скабичевскій, Н. В. Сперанскій, К. М. Станюковичъ, прив.-доц. Е. Д. Синицкій, Л. Д. Синицкій, В. С. Сѣрова, І. Тевсъ, Н. И. Тезяковъ, Г. А. Фальборкъ, А. П. Флеровъ, А. Н. Филиппова, проф. А. Ѳ. Фортунатовъ, А. С. Хахановъ, В. П. Хопровъ, В. П. Чарнолусскій, кн. Д. И. Шаховской, А. А. Штевенъ, Ф. А. Эрнъ, проф. Ф. Ф. Эрисманъ, В. Е. Якушкинъ, Е. Н. Янжулъ, акад. И. И. Янжулъ и многіе друг.

Журналъ допущенъ ученымъ комитетомъ министерства нар. просв. для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ.

Съ 1901 года журналъ будетъ выходить не 8 разъ, какъ это было раньше, а 9 разъ въ годъ (въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ журналъ не выходитъ); въ каждой книжкѣ журнала не менѣе 20 печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна остается прежняя, а именно: въ годъ безъ доставки 5 р., съ доставкой и пересылкой 6 р., въ полгода 3 р.; съ пересылкой за границу 7 р. 50 к.; для студентовъ и недостаточныхъ людей цѣна уменьшается на 1 р.

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи (Москва, Арбатъ, Старо-Конюшенный пер., д. Михайлова) и во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ обѣихъ столицъ. Гг. иногородніе просятъ обращаться прямо въ редакцію.

Редакторъ-издатель д-ръ И. Ф. Михайловъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1901 ГОДЪ

на ежедневную газету политики, литературы и общественной жизни

КУРЬЕРЪ.

„Курьеръ" издается въ форматѣ и объемѣ большихъ столичныхъ газетъ.

Подписная цѣна на газету „Курьеръ" съ доставкою въ Москвѣ или съ пересылкою въ другіе города:

На 1 годъ	6 руб.	—	коп.
„ 6 мѣс.	3 „	50	„
„ 3 „	2 „	—	„
„ 1 „	— „	75	„

Для воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній 60 коп. въ мѣсяцъ.

За границу вдвое.

Главная контора газеты помѣщается въ Москвѣ, Петровскія лин., подъѣздъ № 2, и открыта отъ 10 час. утра до 6 час. веч., а въ праздничные и воскресные дни отъ 11 час. утра до 4 час. дня.

Открыта подписка на 1901 годъ на

XIV-й годъ изданія. **СѢВЕРЪ** XIV-й годъ изданія.

еженедѣльный иллюстрированный литературно-художественный журналъ.

Въ 1901 году гг. подписчики *Сѣвера* получатъ: 52 №№ роскошно иллюстрированнаго журнала, въ литературномъ и художественномъ отдѣлахъ котораго, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, будутъ печататься произведенія нашихъ извѣстныхъ писателей и художниковъ; 52 №№ еженедѣльнаго обозрѣнія политической и общественной жизни, въ форматѣ газеты, составляющей отдѣлъ журнала *Сѣверъ;* 12 №№ журнала *Парижскія моды, Хозяйство и Домоводство*, со множествомъ новѣйшихъ модныхъ рисунковъ и полезныхъ указаній, необходимыхъ для хозяйства и домашняго обихода; 12 №№ выкроекъ на отдѣльныхъ большихъ листахъ, съ узорами и рисунками дамскихъ рукодѣлій; кромѣ того, на основаніи пріобрѣтеннаго отъ автора права печатанія всѣхъ вышедшихъ въ свѣтъ его произведеній, редакція, не останавливаясь передъ значительными денежными затратами, дастъ въ теченіе одного 1901 года, въ книгахъ *Библіотеки Сѣвера*, на глазированной бумагѣ, съ портретомъ автора,

24 тома СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ **24 тома**

А. Л. Мордовцева,

ВЪ КОТОРЫЕ ВОЙДУТЪ:

1) „**За чьи грѣхи**“, историч. пов. 2) „**Сагайдачный**“, историч. пов. 3) „**Господинъ Великій Новгородъ**“, истор. ром. 4) „**Наносная бѣда**“, истор. пов. 5) „**Царь и гетманъ**“. 6) „**Нашъ Одиссей**“, историч. ром. 7) „**Двѣнадцатый годъ**“, историч. ром. 8) „**Великій расколъ**“, истор. ром. 9) „**Авантюристы**“, истор. пов. 10) „**Соловецкое сидѣнье**“. 11) „**Между Сциллой и Харибдой**“, истор. пов. 12) „**Кумъ Иванъ**“, быль. 13) „**Онъ идетъ**“, быль. 14) „**Сила вѣры**“, быль. 15) „**Замурованная царица**“, истор. пов. 16) „**Ванька Каинъ**“, истор. оч. 17) „**Понизовая вольница**“, истор. мат. 18) **Русскіе чародѣи и чародѣйки**“, истор. очеркъ.

Въ отдѣльной продажѣ сочиненія эти стоятъ 20 руб.

Кромѣ всего этого, гг. годовые подписчики получатъ роскошный альбомъ

„Галлерея русскихъ писателей и художниковъ“,

въ который войдутъ исполненные фототипогравюрой портреты нашихъ извѣстныхъ художниковъ слова, кисти и рѣзца, съ біографіями и характеристиками.

Подписная цѣна остается прежняя:

На годъ безъ доставки въ С.-Петербургѣ **6 р.**. Безъ дост. въ Москвѣ: 1) у Метцль и К°; 2) у Альшвангъ и Гердахъ (противъ Малаго театра) **6 р. 25 к.**, безъ дост. въ Одессѣ въ конторѣ Г. В. Свистунова **6 р. 50 к.**, съ перес. во всѣ города и мѣстн. **7 р.**, на $^1/_2$ года съ дост. и перес. **3 р. 50 к.**, на 3 м.—**1 р. 75 к.**, на 1 м.—**60 к.**, за границу—**11 р.**

Разсрочка допускается по полугодіямъ, четвертямъ года и помѣсячно. Поручительствъ гг. казначеевъ и управляющихъ не требуется. Подписки въ кредитъ не принимаются. Подписавшіеся съ разсрочкою и уплатившіе къ концу года подписную плату сполна получатъ премію наравнѣ съ гг. годовыми подписчиками.

Подписка просятъ адресовать въ Главную контору журнала *Сѣверъ* (Спб., Невскій пр., 170) на имя издателя Н. Ѳ. Мертцъ.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

„РУССКОЙ МЫСЛИ"

продаются слѣдующіе художественные альбомы:

Album des Chefs d'Oeuvre de l'art. Болѣе ста снимковъ съ картинъ великихъ художниковъ: Рафаэль, Корреджіо, Тиціанъ, Рубенсъ, Ванъ-Дейкъ и др. Ц. 6 р.

Autour du Monde Aquarelles. Souvenirs de voyages (Sites, types, moeurs et coutumes). 69 выпусковъ картинъ, рисующихъ бытъ, нравы, обычаи, а также виды и постройки всевозможныхъ современныхъ странъ и народовъ. Ц. за 69 вып. 15 р. За каждый выпускъ отдѣльно 30 к.

La France. Aquarelles. Souvenirs de voyages. Виды, типы и бытовыя картины Франціи, Алжира и друг. африканскихъ владѣній Франціи. Ц. за выпускъ 30 к.

Album du Monde Illustré. La Russie et les Russes. Фотографическія снимки русскихъ городовъ, памятниковъ, живописныхъ мѣстъ, орудій производства и земледѣлія, типовъ и костюмовъ. Всего 26 вып. по 16 фотографій въ каждомъ. Ц. 6 р За каждый вып. отдѣльно ц. 30 к.

Album Universel. Фотографіи и описаніе различныхъ достопримѣчательностей современнаго міра. Ц за выпускъ (16 фотогр.) 25 к.

Le Nu Ancien et Moderne. Снимки съ картинъ лучшихъ художниковъ. Ц. за выпускъ 30 к. 10 выпусковъ въ изящномъ переплетѣ 4 р. 50 к.

Le Panorama Salon 1896 г. Художественное изданіе снимковъ съ картинъ, находящихся въ Парижскомъ Salon des Champs Elysés (123 картины) и Salon du Champ de Mars (27 кар.). Ц. въ изящномъ переплетѣ 9 р. 50 к.

Le Panorama Salon 1895 г. также въ изящн. перепл. ц 3 р. 50 к.

ВЪ МАГАЗИНѢ ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

на роскошно иллюстрированное популярно-научное изданіе

„ВОЯ ПРИРОДА"

(Издаваемое товарищ. „Просвѣщеніе").

Въ составъ изданія входятъ слѣдующія сочиненія:

Мірозданіе (1 томъ). **Д-ра Мейера,** переводъ съ дополненіями и библіографическимъ указателемъ по русской литературѣ профессора С. П. Глазенапа. Ц. 8 р. 60 к.

Исторія земли (2 тома) профессора **М. Неймайра,** переводъ съ дополненіями и библіографическимъ указателемъ по русской литературѣ заслуженнаго профессора Иностранцева. Ц. 15 р.

Происхожденіе животнаго міра (1 томъ) профессора **В. Гаака,** переводъ подъ редакціей профессора Ю. Н. Вагнера. Ц. 7 р.

Жизнь растеній (2 тома) проф. **Кернера Ф. Марилаунъ,** переводъ съ дополненіями и библіографическимъ указателемъ заслуженнаго проф. И. И. Бородина. Ц. 15 р.

Человѣкъ (2 тома) проф. Ранке, переводъ подъ редакціей А. А. Коробчевскаго. Ц. 14 р. 20 к.

Народовѣдѣніе (2 тома) проф. **Ратцеля,** переводъ съ оригинальными дополненіями и библіограф. указателемъ по русской литературѣ Д. А. Коробчевскаго. Ц. 15 р. 20 к.

Жизнь животныхъ (3 тома) **А. Брэма,** переводъ подъ редакціей проф. П. Ф. Лесгафта. Ц. 24 р.

Допускается разсрочка на слѣдующихъ условіяхъ: При подпискѣ съ ежемѣсячной уплатой по 5 руб., взносится задатокъ отъ 10 руб. и выдаются немедленно подписчику вышедшіе въ переплетѣ 10 томовъ. Остальные 3 тома досылаются немедленно по выходѣ—къ концу года.

Стр.

ственнаго банка за 1899 г.—Кому помогалъ банкъ во время денежнаго кризиса прошлаго года?—Нѣсколько замѣчаній по поводу смѣты московской городской управы.—Реформа уѣздной полиціи.—О духовно-учебныхъ заведеніяхъ.—Предсѣдательскіе инциденты.—Енисейскіе гонители гласности.—Дѣло священника Постнова.—Столкновеніе вологодскаго купечества съ губернаторомъ.—Нижегородскіе ревнители «благонадежности».—Реальная фантасмагорія.—† А. К. Шеллеръ-Михайловъ.—Юбилеи О. К. Котовича и Генрика Сенкевича . . 213

XXI. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—**В. А. Г.** 263

XXII. ПИСЬМА О СОВРЕМЕННОМЪ ИСКУССТВѢ. Столѣтіе со дня рожденія П. С. Мочалова.—Юбилейный спектакль въ Маломъ театрѣ (*Горе отъ ума*).—Бенефисъ г. Правдина (*Отжитое время*, др. А. В. Сухово-Кобылина).—Прощальный бенефисъ г-жи Уманецъ-Райской (*Таланты и поклонники*, А. Н. Островскаго).—Бенефисъ г-жи Лешковской (*Выгодное предпріятіе*, ком. А. Потѣхина).—Художественно-Общедоступный театръ (*Когда мы, мертвые, пробуждаемся*, др. Г. Ибсена)—**Я. А. Ф—ина**.—Художественныя выставки въ 1900 г. и «новыя» направленія въ живописи.—Памяти пейзажистовъ Айвазовскаго и Левитана.—Изданія по искусству.—Художественные журналы *Міръ Искусства* и *Искусство и Художественная Промышленность*.—**А. И. Яцимирскаго** 269

XXIII. ГОРЕ ГЕРОЯМЪ! (Письмо въ редакцію).—**Ив. И. Иванова** . 293

XXIV. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ. I. **Книги:** Беллетристика.—Философія, психологія, педагогика.—Критика и публицистика.—Исторія.—Географія, путешествія.—Медицина.—Книги для дѣтей.—Справочныя книги.—II. **Періодическія изданія:** «Міръ Божій», *ноябрь*.—«Русское Богатство», *октябрь*.—«Вѣстникъ Европы», *ноябрь*.—III. **Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 ноября по 1 декабря 1900 г. IV. Указатель книгъ, разобранныхъ въ «Библіографическомъ отдѣлѣ» журнала «Русская Мысль» за 1900 годъ.** 445

XXV. ОБЪЯВЛЕНІЯ. 1

Для личныхъ переговоровъ, пріема и выдачи рукописей редакція «Русской Мысли» открыта по средамъ и субботамъ отъ 1—3 час. дня.

Непринятые редакціей рукописи хранятся въ теченіе 6 мѣсяцевъ со дня отправки извѣщенія автору; по истеченіи этого срока уничтожаются.

Непринятыя редакціей стихотворенія не сохраняются. Авторы, въ теченіе 3 мѣс. не получившіе утвердительнаго отвѣта, могутъ располагать стихотвореніями по своему усмотрѣнію. По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не входитъ въ переписку.

При этой книгѣ прилагаются для всѣхъ подписчиковъ объявленія о подпискѣ: на „Иллюстрированную Библіотеку Нивы“ на 1901 г.—содержащую въ себѣ роскошно-иллюстрированное изданіе „Мертвыя души“ Н. В. Гоголя—и на журналы: Всходы и Вопросы Философіи и Психологіи; для иногородныхъ только—объявленіе отъ журнала „Вѣстникъ Воспитанія“.

Въ журналъ „Русская Мысль".

принимаютъ участіе слѣдующіе сотрудники:

Ю. И. Айхенвальдъ, М. Н. Альбовъ, Н. П. Анненкова-Бернардъ, М. А. Антоновичъ, Д. Н. Анучинъ, К. С. Баранцевичъ, Ю. Безродная, В. Л. Биншток, В. В. Бирюковичъ, П. Д. Боборыкинъ, В. С. Богословскій, И. А. Бодуэнъ де Куртене, Б. Ѳ. Брандтъ, М. И. Брунъ, Е. Ф. Будде, С. Н. Булгаковъ, И. А. Бунинъ, В. В., В. А. Вагнеръ, Н. Васильчъ, В. П. Вахтеровъ, М. И. Венюковъ, Л. П. Весинъ, С. П. Викторскій, Р. Ю. Виппер, Марко-Вовчокъ, А. И. Воейковъ, Ю. С. Гамбаровъ, П. Г. Ганзенъ, А. А. Герценъ, В. А. Гольцевъ, А. В. Горбуновъ, Е. П. Гославскій, В. Н. Григорьевъ, М. Ѳ. Громницкій, И. А. Данилинъ, В. І. Дмитріева, С. Я. Елпатьевскій, В. Е. Ермиловъ, А. В. Еропкинъ, А. Я. Ефименко, А. И. Загоровскій, Н. Н. Златовратскій, Н. Д. Зелинскій, Г. Б. Іоллосъ, Ивановичъ, В. В. Ивановскій, В. Н. Ивановскій, И. И. Ивановъ, И. И. Иванюковъ, И. А. Каблуковъ, И. П. Казанскій, В. В. Калашъ, гр. Л. А. Камаровскій, гр. И. П. Капнистъ, Н. И. Карѣевъ, А. А. Кауфманъ, А. И. Кирпичниковъ, П. С. Климентовъ, В. О. Ключевскій, М. М. Ковалевскій, П. С. Коганъ, Г. А. Кожевниковъ, Д. А. Корсаковъ, А. Р. Крандіевская, В. А. Крандіевскій, М. В. Крестовская, П. И. Куркинъ, В. Н. Ладыженскій, В. Ф. Левитскій, В. В. Лесевичъ, Л. С. Личковъ, А. А. Луговой, Е. И. Лыткова, С. В. Максимовъ, А. А. Мануиловъ, Ф. Ф. Мартенсъ, Г. А. Мачтетъ, М. А. Мензбиръ, С. Н. Мечъ, В. Ѳ. Миллеръ, П. Н. Милюковъ, В. М. Михайловскій, Ѳ. Г. Мищенко, Е. С. Некрасова, Вас. И. Немировичъ-Данченко, Вл. И. Немировичъ-Данченко, Ф. Д. Нефедовъ, П. Ѳ. Николаевъ, К. Д. Носиловъ, П. Н. Обнинскій, Л. Е. Оболенскій, Д. Н. Овсянико-Куликовскій, И. Х. Озеровъ, В. Н. Ольнемъ, В. П. Острогорскій, А. В. Погожевъ, И. Н. Потапенко, А. А. Потѣхинъ, М. А. Протопоповъ, М. Н. Ремезовъ, М. И. Ростовцевъ, Н. А. Рубакинъ, И. А. Саловъ, В. Я. Свѣтловъ, В. И. Семевскій, П. А. Сергѣенко, Д. Н. Сибиряк (Маминъ), А. М. Скабичевскій, А. С. Скляръ, К. К. Случевскій, В. Д. Соколовъ, Н. А. Соловьевъ-Несмѣловъ, В. Д. Спасовичъ, К. М. Станюковичъ, А. А. Стаховичъ, П. Н. Стороженко, И. М. Сѣченовъ, В. Танъ, К. А. Тимирязевъ, Н. Н. Тимковскій, Д. И. Тихомировъ, В. А. Тихоновъ, В. Ѳ. Тотоміанцъ, Л. Н. Трефолевъ, кн. Е. Н. Трубецкой, кн. С. Н. Трубецкой, Н. В. Тулуповъ, гр. П. С. Уварова, В. А. Фаусекъ, Я. А. Фейгинъ, А. Н. Филипповъ, А. Ѳ. Фортунатовъ, А. С. Хахановъ, М. М. Хвостовъ, В. М. Хижняковъ, Н.-П. Хитрово, В. Ф. Хмѣлевскій, Л. В. Ходскій, П. Хотѣмскій, М. К. Цебрикова, В. К. Цераскій, А. П. Чеховъ, Н. Н. Шамонинъ, Т. Л. Щепкина-Куперникъ, Д. И. Эварницкій, Ф. Ф. Эрисманъ, А. И. Южинъ (кн. Сумбатовъ), А. И. Якобій, В. А. Яковенко, и др.

Объ условіяхъ подписки см. 1-ю стр. текста.

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine of five cents a day is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.